

**ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК И ЭТНОС
В ИСТОРИИ
ЕВРАЗИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ**

**Материалы Международной
тюркологической конференции**

Чебоксары, 16–18 сентября 2010 г.

УДК 811.512.111
ББК 81.2Чув
Ч – 82

*Печатается по решению Ученого совета
Чувашского государственного института гуманитарных наук
от «30» июня 2011 г.*

Редактор-составитель

А.В. Кузнецов, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
отдела языкознания Чувашского государственного института гуманитарных наук

Чувашский язык и этнос в истории евразийской цивилизации:
Материалы Международной тюркологической конференции (Чебоксары, 16–
18 сентября 2010 г.) / Ред.-сост. А.В. Кузнецов. – Чебоксары: ЧГИГН, 2011. –
346 с.

В работу включены тексты докладов и выступлений по филологии, истории, культуре, искусству, междисциплинарным исследованиям, представленных на Международной тюркологической конференции. Материалы объединены в четырнадцать разделов, согласно числу работавших секций (пленарное заседание и тринадцать секций). Книга адресована специалистам-филологам, культурологам, этнологам, историкам, учителям, аспирантам.

УДК 811.512.111
ББК 81.2Чув

ISBN 978-5-87677-161-2

© Кузнецов А.В., редактор-составитель, 2011
© Чувашский государственный институт
гуманитарных наук, 2011

ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК И ЭТНОС В ИСТОРИИ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Чебоксары, 16–18 сентября 2010 г.

*Материалы
Международной тюркологической
конференции*

Редактор *Т.Н. Таймасова*
Художественный редактор *А.А. Трофимов*
Корректор *Г.И. Алимасова*
Верстка *Э.В. Кирилловой*

Подписано в печать 24.10.2011 г. Формат 60x90^{1/8}
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Таймс. Физ. печ. л. 43,25.
Учет-издат. л. 39,0. Заказ № 34. Тираж 100 экз.

15–18 сентября 2010 года в г. Чебоксары состоялась очередная, восьмая по счету Международная тюркологическая конференция под девизом «Чувашский язык и этнос в истории евразийской цивилизации». Конференция была организована и проведена Чувашским государственным институтом гуманитарных наук (далее ЧГИГН) в рамках проекта «Международная тюркологическая конференция», финансируемого РГНФ (грант № 10-04-22481 г/В) и при содействии Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики, Института языкознания РАН, Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук РАН и Всемирной ансамблей тюркских народов.

К конференции были изданы новые сборники («Чувашский язык: вчера, сегодня, завтра»), буклет, освещающий 80-летнюю историю ЧГИГН, а также специальный номер журнала «Чувашский гуманитарный вестник».

Руководство ЧГИГН приложило максимум усилия по организации и материально-техническому обеспечению конференции, транспортному обслуживанию, размещению в гостиницах, организации экскурсионного обслуживания и отъезда гостей-участников конференции и т.д.

Работа конференции широко освещалась в периодической печати и средствами электронных СМИ Чувашской Республики.

Международная тюркологическая конференция работала в залах и помещениях ЧГИГН, а также в аудиториях Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева и Чебоксарского педагогического колледжа им. Н.В. Никольского.

Тематика секций показывает, что организаторы конференции старались по возможности охватить все направления и отрасли современной тюркологической науки, но в силу характера присланных в оргкомитет заявок все же преобладала филологическая направленность.

В рамках конференции были организованы автобусные экскурсии по городу Чебоксары, а также выездные экскурсии на родину Н.Я. Бичурина с посещением музея «Н.Я. Бичурин и современность», и на родину космонавта А.Г. Николаева с посещением Музея космонавтики. Работа Международной тюркологической конференции подробно информировалась на сайте ЧГИГН www.chgign.ru.

Во время конференции работала выставка-продажа изданий ЧГИГН, а также выставка произведений чувашских художников. Сувенирной продукцией обеспечивал клуб чувашской вышивки «Тёрё тёнчи» (руководитель – Н.М. Кузнецова). Скатерти, салфетки, визитницы, дорожки, масмаки, обереги, вышитые руками начинающих мастериц, никого из участников и гостей конференции не оставили равнодушными.

По итогам восьмой Международной тюркологической конференции были разработаны резолюция и рекомендации.

В работе научного форума приняли участие (включая заочную форму) более 250 ученых, преподавателей вузов, учителей, деятелей культуры и искусства, докторантов и аспирантов из 11 стран мира. Были представлены 22 иностранных и более 50 российских организаций и учреждений. Азербайджан представляли Азербайджанский государственный университет, Азербайджанское государственное издательство, Бакинский славянский университет, Институт литературы Национальной академии наук Азербайджана, Национальная академия наук Азербайджана. Казахстана был представлен Актюбинским государственным педагогическим институтом, Актюбинским университетом им. С. Баишева, Евразийским национальным университетом им. Л. Гумилева, Институтом Востоковедения им. Р.Б. Сулейманова Министерства образования и науки Республики Казахстан, Институтом социально-гуманитарного образования и воспитания им. О.Сулейманова Казахского национального аграрного университета, Казахским национальным педагогическим университетом им. Абая, Международным казахско-турецким университетом им. Х.А. Ясауи, Музеем Казахского национального аграрного университета. Из Польши приехала представительница Варшавского университета. Из Турции пожелали принять участие ученые Центра исследований сельджуков Университета Сельджук, Университета г. Анкара, Университета г. Кырларели, Тракийского университета г. Эдирне и т.д. На конференции были представлены 22 региона Российской Федерации: Чувашия, Татарстан, Башкирия, Удмуртия, Марий Эл, Мордовия, Алтай, Бурятия, Калмыкия, Коми, Тыва, Хакасия, Якутия, Тюменская область, Читинская область, Москва, Санкт-Петербург, Самара, Саратов, Воронеж, Новокузнецк, Тобольск.

На открытии с приветствиями к участникам и гостям конференции выступили директор Чувашского государственного института гуманитарных наук кандидат филологических наук, доцент Ю.Н. Исаев, председатель Российского комитета тюркологов И.В. Кормушин.

На пленарном заседании были заслушаны доклады доктора филологических наук, профессора, председателя Российского комитета тюркологов И.В. Кормушина, доктора филологических наук, профессора, заведующего отделом языкознания ЧГИГН Н.И. Егорова, доктора филологических наук, профессора, члена-корреспондента РАН А.В. Дыбо, доктора филологических наук, профессора, директора Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН Ф.Г. Хисамитдиновой.

Участники конференции выступили с докладами на пленарном заседании и в тринадцати секциях: Секция 1: Типологическое и ареальное языкознание. Секция 2: Проблемы истории тюркских народов. Секция 3: Тюркский мир: культура и искусство. Секция 4: Наследие тюркологии и ее перспективы. Секция 5: Тюркские языки: фонология, грамматика. Секция 6: Миноритарные тюркские языки. Секция 7: Внешние связи тюрков по историко-лингвистическим данным. Секция 8: Тюркская компаративистика и этимология (посвящается 140-летию со дня рождения Н.И. Ашмарина). Секция 9: Тюркское литературоведение. Секция 10: Тюркская фольклористика. Секция 11: Сравнительно-сопоставительная этнолингвокультурология. Секция 12: Ономастика Евразии. Секция 13: Проблемы преподавания филологических дисциплин.

В организации конференции большую помощь оказали Министерство образования и молодежной политики Чувашской Республики, предоставившее транспортные средства для встречи, экскурсий, проводов гостей, Чебоксарский педагогический колледж им. Н.В. Никольского, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, предоставившие помещения и технические средства для обеспечения полноценной работы секций.

Ю.Н. Исаев

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА (Application of information and communication technologies In teaching the chuvash language). <i>Е.Л. Сармосова.</i> Средняя общеобразовательная школа № 59 г. Чебоксары	321
К ВОПРОСУ О СТАНДАРТЕ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК» (для ссузов и вузов Чувашской Республики). <i>Г.Н. Семёнова, Т.В. Артемьева, А.В. Волкова.</i> Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары	323
ХАЛЬХИ ВĂХĂТРИ ЛИРИКАН ХĂЙНЕ ЕВĔРЛĔХĔ. <i>Н.И. Степанова, В.В. Громова.</i> И.Я. Яковлев ячĕллĕ Чăваш патшалăх педагогика университетĕ, Шупашкар хули	326
АРГУМЕНТАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АВТОМАТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКЕ ТЕКСТА. <i>С.В. Ермолаева, А.Р. Губанов, Г.Ф. Губанова.</i> Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова	329
ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА ДЕТЬМИ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА. <i>Л.А. Антонов.</i> Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары	333
РЕЗОЛЮЦИЯ И РЕКОМЕНДАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТЮРКОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ (Чебоксары 15–18 сентября 2010 г.)	335

ТЮРКСКИЙ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ВЫЗОВЫ

Ю.Н. Исаев

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары

Мне приятно приветствовать вас в Чувашском государственном институте гуманитарных наук, в стенах которого в разное время работали основатели и корифеи чувашской тюркологии – Н.И. Ашмарин, В.Г. Егоров, М.Р. Федотов, В.Ф. Каховский, В.Д. Димитриев, П.В. Денисов и др.

Начало XXI в. – это время невиданного научно-технического прогресса, время глобальных социально-политических, социально-экономических и социально-культурных перемен. Преобразования охватили практически все сферы жизни общества. Время ставит перед нами все новые и новые проблемы, решение которых требует глубокого осмысления закономерностей и тенденций развития общества. Вот почему вопросы познания интеллектуально-культурного наследия народов сегодня приобретают особую остроту, ибо именно в этой высокой сфере хранится бесценное богатство человечества, служащее основой существования этносов, наций, государств, цивилизаций – исторический опыт, память ушедших поколений, традиции мирного сожития с носителями другой культуры, гармоничной организации социальной жизни малых и больших сообществ, народная мудрость и т.д.

Современный мир характеризуют противоречивые тенденции развития. С одной стороны, наблюдаем бурный процесс универсализации, унификации и стандартизации. С другой – ответную реакцию на глобализацию, что проявляется в небывалом взрыве этничности, ориентации на уникальность, неповторимость, самобытность традиционной этнической культуры. Глобальные сдвиги в идеологии и культуре, происходившие в советское время, особенно в последней четверти прошлого столетия, существенно изменили самосознание народов России, их поведенческий стереотип, стандарты мышления и мировосприятия. В общественном сознании стало набирать силу ложное представление, что непреходящие этнокультурные ценности, служившие народам на протяжении столетий основой их жизнеустройства, теперь утратили свою значимость. Надо ли говорить о том, что такой нигилистический подход губителен, ибо он неизбежно приведет к гибели всей человеческой цивилизации.

В ответ на глобализационные вызовы времени во всем мире прогрессирует особо трепетное отношение к национальным языкам, традициям, культуре. Это объясняется рядом причин, прежде всего кризисом устоявшихся ценностей западной евро-американской культуры, которая до сих пор доминировала в мире. Однако в наши дни западная культура вынуждена признать свою если не ущербность, то неполноту, односторонность и активнее воспринимать богатейший опыт Востока, которым она до сих пор пренебрегала. Возможен ли выход из этой ситуации? Существуют два варианта. Первый – жить исходя из принципа «после нас хоть потоп». Второй – выработка стратегии сохранения культуры.

Первый принцип безнравственен и преступен, ибо он снимает историческую и моральную ответственность человека за сохранение не только культуры, но и человечества в целом. Второй вариант требует прежде всего интеллектуального осмысления того, что такое культура. Такое понимание достигается в процессе добросовестного, непреднамеренного, подлинно научного изучения феномена культуры во всем его объеме. Думаю, не ошибусь, если скажу, что все мы собрались на Чувашской земле, в древнем и вечно юном городе Шупашкар, в этом маленьком, но уютном зале, именно для осмысления феномена культуры. А если быть более точным – феномена тюркских национальных культур в контексте евразийской цивилизации.

Когда речь заходит о такой многоплановой науке, как тюркология, почему-то принято прежде всего говорить о языкознании, о тюркских языках. Между тем академик Андрей Николаевич Кононов отмечал, что „тюркология, как и востоковедение в целом, зародилась в виде комплексной науки, занимавшейся языками, этнографией, литературами и историей тюркских народов”. Я, будучи филологом по образованию и языковедом по диплому, хочу все же напомнить: язык по своей сущности является всего лишь органической частью более широкого понятия – культуры. Да, на бытовом, обывательском уровне мы судим о народах и культурах прежде всего по их языкам. Есть язык – есть культура – есть народ. Слышна чувашская речь – значит, жива еще чувашская культура, жив и чувашский народ. Состояние языка – это только симптом состояния здоровья народа или, вернее, его культуры. Плотью и кровью народа является его культура. Поэтому основным объектом

ПОЛИСЕМИЯ И ОМОНИМИЯ ЗООЛОГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ (на материале татарского языка). О.Н. Бяतिकова. Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, г. Казань	277
ЧУВАШСКИЕ ТЕОНИМЫ В МЕРТВЫХ ЯЗЫКАХ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ (Bulgarian-chuvash words in the dead languages of fore Asia). И.Ю. Джафарсойлу. Институт языкознания НАН Азербайджана, г. Баку	279
ՇԵՐՄԱ ԴԱՅՈՒՆՆԻ ՇԱԽԱԼԻ ԹԵՐԵՐ ԴԱՐԱՅԻՆՆԻ ՄԻԿՐՈՏՈՍՈՆԻՄՍԵՄ. В.А. Егорова. Чурачакри пётёмёшле пёлю паракан ватам школ, Чурачак ялэ	283
К ВОПРОСУ О СТЕПЕНИ ИЗУЧЕННОСТИ ФЛОРИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В УРАЛО-АЛТАИСТИКЕ. Ю.Н. Исаев. Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары	286
ЧАВАШ РЕСПУБЛИКИНЧИ ЭЛЁК РАЙОННЕ КЁРЕКЕН ЧУЛКАС ԴԱՐԱՅԻՆՆԻ ԳԵՕԳՐԱՓԻ ՕԲՅԵԿՉԵՍԵՆ ՔԵՂԵՐԵՏԻ. Е.Н. Леонтьева. Шупашкар хулинчи пётёмёшле пёлю паракан 44-мёш ватам школ, Шупашкар хули; З.И. Леонтьева. Элёк районнчи Юнтапари пётёмёшле пёлю паракан ватам школ	290
ТЮРКСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА (на материале топонимов Казахстана). Н.А. Прманова. Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан, г. Астана	292
МИКРОТОПОНИМЫ ДЕРЕВНИ ЧУБАЕВО УРМАРСКОГО РАЙОНА. Л.А. Федотова. Средняя общеобразовательная школа № 60 г. Чебоксары; М.Н. Федотов. Министерство образования и молодежной политики Чувашской Республики, г. Чебоксары	294
СЛОВАРЬ ЧУВАШСКИХ УРБОНИМОВ ДООКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА. Э.В. Фомин. Чувашский государственный институт культуры и искусств, г. Чебоксары	297
МИФОПАТОНИМЫ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ. В.В. Иванова. Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары	300

Секция 13

ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

ЗАМЕТКИ ОБ АФФИКСЕ -ЧЕН (-ЧЧЕН) В ГОВОРАХ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА. М.К. Александрова. Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары	303
ЧАВАШСЕН ЧАПЛА СЫННИСЕН ЫРА ТЁСЛЁХЁПЕ ПАЛЛАШТАРСА АЧАСЕН ПУЛТАРУЛАХНЕ АТАЛАНТАРАССИ. Л.С. Алексеева. Шупашкарти пётёмёшле пёлю паракан 59-мёш ватам школ, Шупашкар хули	305
ЧАВАШ ЧЁЛХИ УРОКЁСЕНЧЕ ВИДЕОСЮЖЕТСЕМПЕ УСА КУРАССИ. И.А. Антонова. Шупашкар хулинчи пётёмёшле пёлю паракан 59-мёш ватам школ, Шупашкар хули	309
УЧЕТ ОСОБЕННОСТЕЙ СИСТЕМ СИНТАКСИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ В РУССКОМ И ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКАХ В ОБУЧЕНИИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ УЧАЩИХСЯ ЧУВАШСКОЙ РЕЧИ. В.И. Игнатьева, Ю.В. Леонтьева. Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары	311
КРАЕВЕДЕНИ МАТЕРИАЛЁПЕ УСА КУРСА МОНОЛОГ ХАՆԱԽԱՅԵՏԵՆԵ АТАЛАНТАРАССИ. А.Л. Краснова. Шупашкар хулинчи пётёмёшле пёлю паракан 59-мёш ватам школ, Шупашкар хули	313
РОЛЬ ПРЕДМЕТНОЙ ДЕТАЛИ В РАСКРЫТИИ ХАРАКТЕРА ГЕРОЯ В РОМАНЕ СОФРОНА ДАНИЛОВА «ПОКА БЬЁТСЯ СЕРДЦЕ». Т.И. Лазарева. Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск	315
ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ НА УРОКАХ ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Л.В. Николаева. Средняя общеобразовательная школа № 59 г. Чебоксары; И.В. Моисеева. Средняя общеобразовательная школа № 14 г. Чебоксары	317
ИЛПЕК МИКУЛАЙЁН ПУРНАСЁПЕ ПУЛТАРУЛАХНЕ ВЁРЕНТНЁ МАЙ ИКТ-ПА УСА КУРАССИ. А.В. Павлова. И.Я. Яковлев ячёллэ Чаваш патшалăх педагогика университетчэ, Шупашкар хули	320

изучения социально-гуманитарных наук должна стать этническая культура. Вернее – множество этнических культур. Еще недавно культурологи считали, что можно говорить о некоей одной абстрактной культуре, которая олицетворяет конкретные стадии единого духовного процесса. На быденном, бытовом уровне такое превратное представление о некоей единой культуре цепко держится за наше сознание до сих пор. Любого человека, чье поведение не соответствует „моему” представлению о культуре, мы называем „некультурным”.

Однако уже в XIX столетии возникла иная мысль: культуры на самом деле различны, предельно самобытны, вообще не имеют друг с другом ничего общего. Культуры бывают только национальные, космополитичной может быть только абстрактная культурология. Когда люди осознали многоликость культуры, тогда и родилась культурология в подлинном и прямом значении – как наука о множественности культур, об их уникальности, о самобытности национальных культур.

Культурология должна помогать взаимопониманию, сближению, дружбе народов. Мы хорошо знаем, что каждая этническая культура является продуктом длительного развития, что, отражая специфику отдельного этноса, она вместе с тем вносит ценный вклад в общемировое культурное развитие. Этнические особенности не должны заслонять того общего, что объединяет всех людей, все человечество, что объединяет все народы, что способствует социальному прогрессу всего человечества.

Мы собрались на очередной форум тюркологов под эгидой Всемирной ассамблеи тюркских народов и Российского комитета тюркологов. Но мы хорошо знаем, что на протяжении своей многотысячелетней истории тюркоязычные народы постоянно взаимодействовали с монгольскими, тунгусо-маньчжурскими, палеоазиатскими, финно-угорскими, сино-тибетскими, кавказскими, индоевропейскими, а в их числе, прежде всего, с индоиранскими, славянскими и другими народами Евразии. А потому сегодняшняя тюркология выходит далеко за рамки собственно Тюркского Мира, она на эмпирическом материале культуры тюркских народов решает общетеоретические задачи глобального, цивилизационного масштаба.

Международная тюркологическая конференция видит своей основной задачей усиление взаимодействия между различными национальными и региональными группами тюркологического научного сообщества, поскольку в настоящее время степень его интегрированности явно недостаточна.

Гуманитарная наука, по своему определению, должна способствовать общению между людьми, связывать отрезки исторических эпох. Можно уподобить ее древу, корни которого уходят в далекое прошлое, но в то же время ствол должен отвечать на вызовы современности, а его ветви простираются в будущее.

Я убежден, что все участники нынешней тюркологической конференции понимают непрерывность нашего знания и осознают необходимость диалога между разными традициями.

Без малого вековой опыт проведения тюркологических форумов сначала всесоюзного, а затем, начиная с 1992 г., и международного масштабов убеждает нас в том, что объединение усилий тюркологов всех стран не только приносит позитивные результаты в решении многих общетеоретических проблем в области изучения языков, культур и истории тюркоязычных народов, но оказывает существенное влияние на углубление и расширение научных знаний по разным диахроническим пластам многих исторически контактировавших иносистемных народов Евразии и тем самым способствует интеграции сил мирового научного сообщества для решения неизученных проблем по всем направлениям социально-гуманитарных и антропокультурологических дисциплин.

Несмотря на некоторые издержки организационного плана (за которые я приношу искренние извинения), организаторы конференции надеются, что дух научного сотрудничества и конструктивных дискуссий будет содействовать успешной работе нашего форума и приведет к положительным результатам. Нет сомнения в том, что нынешняя Международная тюркологическая конференция будет способствовать восстановлению прерванных на определенное время научных связей, дальнейшему укреплению дружеских и деловых контактов между учеными различных стран.

Позвольте пожелать Конференции успешной работы.

К ХРОНОЛОГИЧЕСКИМ ОБОСНОВАНИЯМ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ПИСЬМА

И.В. Кормушин
Институт языкознания РАН, г. Москва

Тюркская филология как наука существует почти тысячу лет, ведя свой отсчет с великого творения гуманитарной мысли XI в. – Словаря Махмуда, сына Хусейна, внука Мухаммада, родом из Кашгара, более известного как Махмуд Кашгарский. Однако всю свою широту и богатство тюркская филология открыла

ПОЛОВИННОТЕЛЫЕ ПЕРСОНАЖИ В ЧУВАШСКОМ И ТЮРКСКОМ ФОЛЬКЛОРАХ. <i>Г.Г. Ильина.</i> Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары	233
ИЗОБРЕТЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ФОЛЬКЛОРА И ЛИТЕРАТУРЫ В ЧУВАШСКОМ НАЦИОНАЛИЗМЕ (1960–1970-е годы). <i>М.В. Кирчанов.</i> Воронежский государственный университет, г. Воронеж	237
ТАТАР ХАЛКЫНЫҢ ЛӘЙЛӘ БЕЛӘН МӘЖНҮНГӘ БАГЫШЛАНГАН ДАСТАНЫ: ФОЛЬКЛОРДА ИНДИВИДУАЛЬ ИЖАТ ЧАГЫЛЫШЫ (Дастан татарского народа о Лейле и Маджнуне: отражение индивидуального творчества в фольклоре). <i>Л.Х. Мөхәммәтҗанова.</i> Татарстан Фәннәр академиясенә Г. Ибраһимов исемдәге тел, әдәбият һәм сәнгать институты, Казан	239
АЛАША-ХАН И ЕГО ЭПОХА. <i>Ж.О. Артыкбаев.</i> Евразийский национальный университет им. Гумилева, г. Астана	241
ЛЕКСИКА С НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ ЗНАЧЕНИЯ В МАЛЫХ ЖАНРАХ ЧУВАШСКОГО ФОЛЬКЛОРА. <i>Н.С. Карпова.</i> Стерлитамакская государственная педагогическая академия им. З. Бишовой, г. Стерлитамак	244
РОЛЬ НАРОДНОГО ЭПОСА ОЛОНХО В РАЗВИТИИ ЖАНРОВ ЯКУТСКОЙ ПРОЗЫ. <i>А.Н. Мыреева.</i> Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск	246
TÜRKİYE TÜRKOLJİSİ VE ÇUVAŞ FOLKLORU (Турецкая тюркология и чувашский фольклор). <i>Bülent Bayram.</i> Kırklareli Üniversitesi, Kırklareli	248
ОБ ОДНОЙ ИЗ ФОРМУЛ ОТСЫЛКИ ДУХА БОЛЕЗНИ В БАШКИРСКИХ ЛЕЧЕБНЫХ ЗАГОВОРАХ. <i>Л.К. Сальманова.</i> Институт истории языка и литературы Уфимского научного центра РАН, г. Уфа	253
УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК ИСТОЧНИК ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ. <i>О.В. Скворцова, Т.Н. Томасова.</i> Чувашский государственный педагогический университет имени И.Я. Яковлева, г. Чебоксары	255
ВЫРАЖЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОЛИЧЕСТВА В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ (на материале английского, русского и чувашского языков). <i>А.В. Степанова.</i> Московский гуманитарно-экономический институт, Чувашский филиал, г. Чебоксары	257
ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ТОТЕМИЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ. <i>Л.В. Шулунова.</i> Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ	259
XALQININ YADDAŞ DAŞIYICISI (Носитель народной мудрости). <i>Пәрванә Мәммәдли (Pərvanə Məmmədli).</i> Институт литературы Бакинского государственного университета, г. Баку	261

Секция II

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЭТНОЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

РЕФЛЕКСИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТНЫХ КРИТЕРИЕВ ЭТНОСА В ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. <i>Е.Р. Афанасьева.</i> Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары	263
ЧАВАШ ЧĔЛХИ УРОКĖСЕНЧЕ ЛИНГВОКУЛЬТОРОЛОГИ АСПЕКТНЕ ШУТА ИЛСЕ ЁЅЛЕССИ. <i>Г.Ф. Бруслова, А.А. Исакова, А.Ю. Николаева.</i> Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары	264
МОТИВ ВЫШИВКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЧУВАШСКОГО УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА. <i>Н.М. Кузнецова.</i> библиотекарь Центра семейного чтения им. М. Сеспеля МУК «ЦБС им. В. Маяковского», руководитель клуба чувашской вышивки «Тёрё тёнчи», г. Чебоксары	266
ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МИФОВ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА. <i>Е.А. Лебедева.</i> Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары	270
КОНЦЕПТ “ТРУД” И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ПРОЗЕ З. БИИШЕВОЙ (на материале романа “Емеш”). <i>Л.Х. Самситова.</i> Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа	274

Секция 9
ТЮРКСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ ТИМУРА В ТЮРКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. <i>М.Р. Бабайева.</i> Азербайджанский государственный педагогический университет, г. Баку	197
ТИПОЛОГИЯ И СПЕЦИФИКА ПРОЦЕССА ПРОЗАИЗАЦИИ СТИХА В СОВРЕМЕННОЙ ЯКУТСКОЙ ПОЭЗИИ. <i>М.Н. Дьячковская.</i> Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск	199
ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ДРАМ А.И. СОФРОНОВА В СВЕТЕ ТРАДИЦИЙ А.Н. ОСТРОВСКОГО. <i>М.А. Кириллина.</i> Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск	201
ПОНЯТИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ КОМПАРАТИВИСТИКЕ. <i>И.Ю. Кириллова.</i> Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары	203
ОБРАЗ «СВОЕГО» ПРОСТРАНСТВА В УДМУРТСКОЙ ЛИРИКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА: К ПРОБЛЕМЕ ЭВОЛЮЦИИ. <i>А.А. Клементьев.</i> Институт повышения квалификации и переподготовки работников образования Удмуртской Республики, г. Ижевск	205
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ ЯЗЫКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ф. ХУСНИ. <i>Э.Г. Миргаязова.</i> Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань	207
ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА КОМЕДИИ В ЧУВАШСКОЙ ДРАМАТУРГИИ. <i>П.Н. Метин.</i> Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары	209
ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА ЯКУТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ ЛИТЕРАТУР РОССИИ. <i>Л.Н. Романова.</i> Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск	211
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПОИСКИ ЧУВАШСКОЙ ЛИРИКИ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА ПОЭЗИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В. <i>О.В. Скворцова.</i> Чувашский государственный педагогический университет имени И.Я. Яковлева, г. Чебоксары	213
ОТОБРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИЙ ЯПОНСКОГО ХОККУ В ЧУВАШСКОЙ ЛИРИКЕ. <i>И.В. Софронова.</i> Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары	215
ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАИМСТВОВАНИЙ В ЧУВАШСКОЙ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ. К ПРОБЛЕМЕ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. <i>Е.Е. Тлешов.</i> Центр «Руханият», г. Астана	218
МӨҖАЖИРЛӘР МАТБУГАТЫНДА ТУКАЙ ОБРАЗЫ (Образ Тукая в эмигрантской периодической печати). <i>Г.А. Хөснетдинова.</i> Татарстан Фәннәр академиясенен Г.Ибраһимов исем. Тел. әдәбият һәм сәнгать институты, Казан	220
СЕМАНТИКА ЦВЕТА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА. <i>Г.К. Шабарова.</i> Актюбинский гуманитарный колледж, г. Астана	222
ВЛИЯНИЕ ТЮРКСКОЙ МИФОЛОГИИ НА АЗЕРБАЙДЖАНСКУЮ РОМАНИСТИКУ. <i>С.Ш. Шарифова.</i> Институт литературы Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку; Институт мировой литературы РАН, г. Москва	225
ОБРАЗ ЧЁРНОЙ КОШКИ В МИСТИКО-ФИЛОСОФСКОЙ ПРОЗЕ. <i>О.Н. Яковлева.</i> Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары	227

Секция 10
ТЮРКСКАЯ ФОЛЬКЛОРИСТИКА

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ЧУВАШСКОЙ НАРОДНОЙ ПЕСНИ. <i>Г.В. Алжейкина.</i> Чувашский государственный институт культуры и искусств, г. Чебоксары	228
ФОЛЬКЛОР И СОВРЕМЕННОСТЬ (по роману В.С. Яковлева-Далана «Глухой Виллой»). <i>Д.Е. Васильева.</i> Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск	231

миру лишь в последние 120 лет, когда в научный оборот были введены все важнейшие памятники древних письменностей – рунические, уйгуро- и брахми-письменные и др. В этот же период, в 1915 г., был вновь обретен и бесценный “Диван” Кашгарского, утерянный из виду наукой на долгие 700 с лишним лет.

В зеркале открытий конца XIX – начала XX вв. мир, главным образом европейский, увидел в глубинах времен в далекой Центральной Азии не только бесконечно воевавшие друг с другом и со всеми вокруг племена тюркоязычных кочевников – тюрков, тюркешей, уйгуров, кыркызов, курыкан, чиков и др., но и обнаружил цивилизацию с такими ее несомненными атрибутами, как упорядоченные социальное устройство, политическая система, военная организация, международные сношения и т.д. В том числе и такой важнейший цивилизационный признак, как наличие письма и образцов словесной культуры. При этом особого внимания заслуживает такой, отнюдь не маловажный факт: если все системы письма в истории тюркоязычных народов, начиная с так называемого древнеуйгурского, а также брахми, тибетского, арабского, армянского, латиницы и кириллицы, были заимствованы у других народов, то письмо руническое является оригинальной системой, изобретенной тюрками и употреблявшейся только ими. Оговорюсь сразу же, за единственным исключением: среди рукописей Восточного Туркестана найден гимн основателю манихейской религии Мани на среднеперсидском языке, записанный тюркскими руническими буквами, а на тюркском языке в этом тексте только начальные и заключительные слова.

Древнетюркское руническое письмо отличается оригинальностью своего облика и устройства. Оригинальность заключается в преобладающей прямолинейности и простоте графического построения алфавитных знаков, в отсутствии у них соединений с соседними буквами на письме и в необычной системе орфографии, увязанной со структурой алфавита. В последнем случае имеется в виду парность букв для велярных и палатальных согласных, невыписывание гласных в аффиксах и широких *a/э* в корне – эти особенности алфавита и орфографии вместе с простотой и прямолинейностью знаков неумолимо указывают на ориентированность этого письма быть средством написания текстов на камне.

Но не только по причине автохтонности и оригинальности письма, но и по целому комплексу географических, хронологических и содержательных признаков памятники древнетюркского рунического письма являются краеугольным камнем в фундаменте тюркской филологии. Назову некоторые основные признаки этого их качества.

1. Древнетюркское руническое письмо распространилось на значительное число ареалов жизни древних тюркоязычных этносов: наряду с основным и исходным ареалом этого письма – средне-западной и средневосточной частями современной Монголии, это и Восточный Туркестан в современном Северо-Западном Китае как историческое продолжение монгольского центра руники, это также регион Саяно-Алтая, включая современные Туву, Хакасию и Горный Алтай, далее – единичные надписи по р. Лене, Таласская долина в современной Киргизии, Восточная Европа, где единичные надписи орхонскими рунами сочетаются с заметным числом надписей, похожих на классические руны знаками не прочитанного все еще письма с Северного Кавказа и с р. Дон.

2. На перечисленных ареалах памятники древнетюркского рунического письма фиксируются на протяжении достаточно длительного времени – приблизительно 400 лет, хотя в основном, монгольском регионе распространения они создавались в течение примерно полутора веков.

3. Указанные выше особенности графем и орфографии согласуются с тем фактом, что подавляющее большинство надписей руническим письмом были высечены, выгравированы, процарапаны на стенах, валунах и скалах. Их общее число по всем регионам, видимо, превышает теперь уже три сотни. Меньшая часть из них, всего несколько процентов, является посетительскими надписями, но все остальное – это надписи поминальные, по случаю утраты своих правителей, полководцев, знатных лиц. А это значит, что все они – тексты ситуативно-сочиненные, оригинальные, не переводные (в отличие от большого числа переводных сочинений, главным образом религиозного содержания, из Восточного Туркестана, включая уникальный рунический текст на бумаге – “Гадательную книгу”). Все рунические камнеписные тексты отражают живую речь тюрков того времени, хотя бы и облеченную во многих случаях в формы межтюркского литературного койне, т.е. здесь осуществляется принцип лингвоаутентизма.

4. Текстуально пространные из числа древнетюркских рунических эпиграфических надписей (это прежде всего орхоно-тюркские и орхоно-уйгурские, в гораздо меньшей степени – енисейские) содержат конкретные данные из жизненного пути мемориантов. Когда мемориантом является каган или государственного масштаба полководец, тогда личное повествование закономерно превращается в историю государства. И поскольку в качестве положительно оцениваемых деяний реальных лиц могут быть лишь реальные события, по этой причине определенная часть древнетюркских рунических надписей – а по суммарной величине текстов – большая часть представляет собой надежный исторический источник. Причем, что особенно ценно, источник аутентичный,

составленный не внешними наблюдателями, а изнутри, теми людьми, кто знал и был свидетелем описываемых событий. Здесь осуществляется принцип аутентичной эвиденциальности.

5. Среди рунических памятников много рядовых, ничем особо не примечательных эпитафий, но есть и истинные шедевры тюркской словесности, такие, как надписи в честь Кюль-тегина, Тоньюкука, Кюличора, в которых сочетаются и публицистичность в оценке исторических и политических коллизий, и эпичность в повествованиях о ратных подвигах героев, и лиризм в оплакивании их. И все это ярким, отточенным, определенно можно сказать – литературным языком.

6. И последняя по перечислению, но не по значению содержательная особенность древнетюркских рунических текстов – их хронологическая аутентичность. Рукописные произведения чаще всего доходят до нас в списках, копиях. Огромная “Сутра золотого блеска”, найденная С.Е. Маловым в Северо-Западном Китае в 1910 г. и изданная им совместно с В.В. Радловым в Петербурге, является списком конца XVII в. Впоследствии среди турфанских рукописных приобретений западноевропейские ученые стали опознавать фрагменты этой же сутры, близкие ко времени создания древнеуйгурского перевода “Золотого блеска” – к X в., но и это были фрагменты разных списков.

Другой пример – великое стихотворное произведение XI в. “Кутадгу билиг” тоже дошло до нас в списках: один – XIV в., другой – XIII в. и третий, древнейший из них – копия конца XII или первой половины XIII в.

Наличие списков заставляет современных ученых проводить достаточно сложную работу по их пословной сверке и получению так называемого критического текста, максимально, как полагают, приближенного к оригиналу. Чувствительная точка этой проблемы – сняты копии, дошедшие до исследователей, непосредственно с оригинала либо восходят к первичным, вторичным и т.д. копиям? Но плохо и в противном случае: когда произведение не имеет списков, хотя и представлено не оригиналом. Таков именно Словарь Махмуда Кашгарского, существующий в единственной рукописи, списанной, как утверждает переписчик с оригинала, но почти на два века позднее.

В этом пункте проходит коренное отличие рукописных и камнеписных текстов. Камень представлялся людям “вечным” материалом, и хотя он не всегда таковым оказывался в действительности, в истории неизвестно случаев, когда бы в более позднее время создавались какие-либо повторы текстов. Отсюда два противоположных, в определенном смысле, вывода. Первый и главный: в случае древнетюркских рунических камнеписных текстов исследователь всегда имеет дело с оригиналом времени создания памятника, или хроноаутентитом. Второй и не столь приятный: отсутствие копий приводит к тому, что утрата части или всего текста в результате разрушения письменной поверхности камня становится невозможной.

По второму выводу в отношении древнетюркских рунических памятников есть одно счастливое исключение. Текст надписи в честь Кюль-тегина, написанный от имени его старшего брата Бильге-кагана и звучащий в 1-м л. ед. ч., стечением обстоятельств и волею наследников был повторен и в его собственной эпитафии. Есть несколько мест из тех, что повреждены на стеле в честь Кюль-тегина, которые ученые восполняют по идентичным пассажам из надписи в честь Бильге-кагана. Но это единственное исключение, которое, как обычно, только подтверждает правило: повреждения камня фатальны для камнеписного текста.

Есть еще одна сторона хронологического аспекта древнетюркских памятников, и она связана с датированием каждого конкретного памятника, поскольку, как только что сказано, каждый такой памятник несет в себе – в большей или меньшей степени – историческую информацию. Для исторической науки всегда ценно и важно, чтобы события, упоминаемые в источнике, получали как можно более точное определение во времени. Но это же требуется и для собственно филологии, для такой ее особой дисциплины, как палеография, о чем особо ниже. Однако потребностям истории и палеографии препятствует одно весьма печальное обстоятельство: практически все тюркские памятники древнейшей поры не имеют дат своего создания/написания. Не имеют четко выраженных дат и рунические надписи. Опять же – за одним счастливым исключением.

Это исключение – памятник в честь Кюль-тегина. В нем (но не в тюркской, а в китайской надписи памятника) содержится указание на китайское геральдическое исчисление событий по годам девизов правления императоров. Девизы всех китайских императоров собраны и зафиксированы еще древними историографами, потому подобные даты точно и однозначно переводятся на современный календарь. В китайском тексте сказано, что китайская государственная делегация на открытие мемориала в честь Кюль-тегина прибыла “в 20-й год *кай-юань*”. Такой девиз относится к правлению императора Тайцзу, его первый год соответствует 712 г. н.э., значит, двадцатый приходится на 732 г. В тюркской надписи памятника сказано, что здание поминального храма, скульптуры и камень с надписью завершены в “год обезьяны”. 732 г. в исчислении по животному циклу действительно соответствует “году обезьяны”.

Эта единственная идентификация неопределенной даты животного цикла позволяет произвести точный пересчет еще свыше десятка хронологических указаний текста “Кюль-тегина”. Пересчет оказывается

Секция 7
ВНЕШНИЕ СВЯЗИ ТЮРКОВ
ПО ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИМ ДАННЫМ

ЗАИМСТВОВАНИЯ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ. А.М. Гарифуллина. Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Казань	156
К ВОПРОСУ О СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ИСТОКАХ ЧУВАШСКИХ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ (по свидетельству языка). Н.И. Захарова. Чувашский национальный музей, г. Чебоксары	159
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НЕКОТОРЫХ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИ ИДЕНТИЧНЫХ БУЛГАРСКИХ И ТАТАРСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ. В.К. Кельмаков. Удмуртский государственный университет, г. Ижевск	162
О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ИМЕН ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В ЧУВАШСКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ. В.В. Павлов. Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары	164
ТИПОЛОГИЯ ИМЕН ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ (на материале удмуртского и тюркских языков). О.Б. Стрелкова. Удмуртский государственный университет, г. Ижевск	166
ТЮРКИ – ПОТОМКИ СКИФОВ. П.Я. Мульдьяров. Московское общество чувашской культуры, г. Москва	168

Секция 8
ТЮРКСКАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА И ЭТИМОЛОГИЯ
(посвящается 140-летию со дня рождения Н.И. Ашмарина)

ПРОБЛЕМА ИНИЦИАЛЬНОГО J- В ДРЕВНЕТЮРКСКОМ И ЕГО РЕМИНИСЦЕНЦИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ. А.А. Чеченов. Институт языкознания РАН, г. Москва	171
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОВ «ИЛ» И «ДӘҮЛӘТ». Г.У. Алеева. Казанский государственный технический университет им. А.Н. Туполева, г. Казань	177
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕРМИНОВ БАШ И БАШАК. Ф.Ф. Гаффарова. Институт языка, литературы и искусств АН Республики Татарстан, г. Казань	179
К ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ НАЗВАНИЙ ДИКИХ ЖИВОТНЫХ В ТАТАРСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ. А.А. Гимадеева. Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Казань	181
CÜMLƏ TİPLİ FRAZEOLUJİ VANİDLƏRİN STRUKTUR-SEMANTİK XÜSUSİYYƏTLƏRİ (KARLUQ QRUPU TÜRK DİLLƏRİNDƏ) (Структурно-семантические особенности фразеологических единиц по типу предложения в карлугской группе тюркских языков). Г.Р. Исаева. Бакинский славянский университет, г. Баку	183
ОБЩЕАЛТАЙСКИЙ ПЛАСТ ГИПОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА. Г.А. Исхакова. Казанская государственная академия ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана, г. Казань	185
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТЮРКСКОГО ЯЗЫКА. И.Н. Новгородов. Якутский государственный инженерно-технический институт, г. Якутск	189
СЛОВО «АЙ» КАК ОМОНИМ В ЯКУТСКОМ И ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКАХ (сравнительно-семантический аспект). Е.В. Семенова. Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск	189
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СЧАСТЬЕ» В НЕБЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ (на материале татарского и турецкого языков). Ф.И. Тагирова. Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, г. Казань	192
СЫР БОЙЫ АҚЫНДАРЫ ТІЛІНДЕГІ КӨНЕРГЕН АТАЛЫМДАРДЫҢ ҚҰРАМЫ ЖӘНЕ ЛЕКСИКА-СЕМАНТИКАЛЫҚ ТОПТАРҒА ЖІКТЕЛУІ (Ерімбет пен Нұртуған шығармалары бойынша) (Особенности лексико-семантических групп устаревших названий в языке Ерімбета и Нуртуғана). Г.Ж. Утемисова. Казахская академия транспорта и коммуникаций им. М. Тынышпаева г. Алматы	194

Секция 5
ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ: ФОНОЛОГИЯ. ГРАММАТИКА
(посвящается памяти Л.С. Левитской)

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ФИЛОСОФСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ. Л.Б. Абдуллина. Башкирский государственный университет, г. Уфа	103
ÇUVAŞÇA SÖZCÜKLEŞME ÖRNEKLERİ I: ÇEKİMSİZ FİİL ŞEKİLLERİ VE ŞEKİL-ZAMAN KİPLERİ İLE GERÇEKLEŞEN KALIPLAŞMALAR (Модели лексикализации в чувашском языке I: лексикализация неличных форм глагола и наклонений временных форм). Синан Гюзель. Эгейский университет, г. Измир	104
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ (на материале казахского языка). Л.С. Дуйсембекова. Казахский национальный аграрный университет, г. Алматы	113
СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО КИЭН'ШИРОКИЙ' В СОВРЕМЕННОМ ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ. Ф.Н. Дьячковский. Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск	116
МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЮЗНЫХ СЛОВ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ. А.М. Иванова. Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары	117
ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ МОНГОЛЬСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ. О.Г. Михайлов. Средняя общеобразовательная школа № 3 г. Ядрин Чувашской Республики, г. Ядрин	120
ЧУВАШСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ XX ВЕКА (предыстория, идеи и проблемы). А.П. Хузангай. Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары	122

Секция 6
МИНОРИТАРНЫЕ ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ

ОЦЕНКА ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В ЧУВАШИИ. Э. Анос и Фонт. Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары	134
ФОРМЫ ОБРАЩЕНИЯ И ТЕРМИНЫ РОДСТВА В ГОВОРАХ КРЕЩЕННЫХ ТАТАР. Ф.С. Баязитова. Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, г. Казань	137
ЛОКАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ ЗАСЕЛЕНИЯ ПРИУРАЛЬСКИХ ЧУВАШЕЙ И ФОРМИРОВАНИЕ ИХ ДИАЛЕКТНОЙ СИСТЕМЫ. Л.В. Власова. Стерлитамакская государственная педагогическая академия им. З. Биешековой, г. Стерлитамак	138
ЭКОНОМИЯ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В СИНТАКСИСЕ СОВРЕМЕННОЙ КАЗАХСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ. А.К. Калыбай. Казахский национальный аграрный университет, г. Алматы	140
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ МАЛОКАРАЧКИНСКОГО ГОВОРА ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА. А.В. Кузнецов. Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары	142
TUVAN – MINORITY TURKIC LANGUAGE OF SIBERIA (Тувинский – миноритарный тюркский язык Сибири). I.A. Smetanina. Chuvash State University, Cheboksary	147
ВАРИАТИВНОСТЬ ЛЕКСЕМ В АСПЕКТЕ НОРМАЛИЗАЦИИ ЦЕРКОВНО-БОГОСЛУЖЕБНОГО СТИЛЯ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА. О.Р. Студенцов. Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары	148
О СЕМАНТИКЕ ИМПЕРАТИВНОСТИ В НОМИНАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА. Л.И. Чебодаева. Хакасский государственный университет имени Н.Ф. Катанова, г. Абакан	150
ЧАВАШЛАХ ХУТЛАХЕНЧЕ СЫРАНСА ЮЛНА КУНСЕМ (Пушкарт Республикинчи диалектологи экспедицийенче кёскен сырса пынисенчен). Л.П. Петров. Чаваш патшалăх гуманитари аслăлăхёсен институтчĕ, Шупашкар хули	153

возможным благодаря тому, что в заключительной части текста сказано: Кюль-тегин умер в “год овцы” в возрасте 47 лет; “год овцы” бывает накануне “года обезьяны”, т.е. это был 731 г., ближайший к 732 – году открытия мемориала. Следовательно, год рождения Кюль-тегина: 731 – 47 = 684. Веда рассказ о жизни и подвигах Кюль-тегина, его старший брат каган Бильге приурочивает некоторые эпизоды к годам жизни брата Кюля: “когда Кюль-тегину было 21 год, мы сразились с генералом Чача” или: “когда Кюль-тегину было 26 лет, мы пошли войной на кыркызов” и т.д. Через выяснение даты рождения Кюль-тегина (684 г.) сражение с Чачем получает абсолютную дату – 705 г., а поход на кыркызов – 710 г. и т.д. Начинается биографический цикл Кюль-тегина с упоминания: “когда умер мой отец, Кюль-тегину было семь лет”, следовательно это был 691 г. Из китайских исторических источников известно, что Ильтериш-каган, восстановивший Тюркский каганат в 682 г., действительно умер в 691 г.

Кроме памятника в честь Кюль-тегина, ни один древнетюркский текст больше не содержит прямой или косвенной (как в «Кюль-тегине» – через китайский текст) абсолютной даты. Датирование текстов производится оценочно, по нескольким аспектам: а) исторически – путем соотнесения упоминаемых в текстах событий с другими историческими источниками, в первую очередь с древнетюркскими текстами – «Кюль-тегином» и другими памятниками, после того как они сами получают хронологическую оценку, а также с китайскими историческими хрониками; б) археологически – при наличии материальных остатков, связанных с памятником и оцененных археологической наукой; в) лингвистически – путем оценки языковых и палеографических особенностей.

При каждом историческом виде письма существует вспомогательная дисциплина, изучающая формы письменных знаков, их эталонные модели, а также временные и территориальные вариации. Эта дисциплина – палеография (от греч. слов *палео* ‘древнее’ и *графо* ‘пишу’). Важнейшая задача палеографии, как следует из ее названия, – определять более древние формы знаков, отличать их от более поздних (более молодых) форм, а также фиксировать появление в алфавите новых знаков. Такая работа преследует практическую, но очень важную цель, возникающую при изучении древних письменных памятников, – определять приблизительно возраст тех из них, которые не имеют даты своего создания или написания (переписывания). Подобная задача технически решается следующим образом.

На основе анализа начертаний букв в памятниках, прямо или косвенно датированных, составляются таблицы графических поэлементных изменений тех знаков алфавита, эволюция которых заметна и может быть распределена на два или несколько этапов. Только благодаря хронологической определенности “опорных”, взятых для анализа памятников, полученные этапы варьирования знаков получают хронологическую привязку, типа: “так этот знак писался начиная с такого-то времени, а так – с такого-то”. Определенное написание знака в определенное время получает в палеографии статус датирующей приметы: если знак писался так-то в такое-то время, то памятник, содержащий подобную форму знака, может быть датирован этим временем. Временным индикатором может служить особый знак, появляющийся в памятниках данного письма с какого-то определенного времени, либо новая функция старого знака. Тогда памятники, содержащие подобные особенности, могут быть отнесены “ко времени не ранее” появления таких новых знаков или функций. Чем больше в алфавите подобных датирующих примет, тем надежнее и точнее возможности датирования памятника – предположительного отнесения времени создания или написания памятника к определенному историческому периоду.

О том, что обращаться с датированием памятников по палеографическим приметам надо осторожно, соблюдая меру и благоразумие, говорит и такой казус в истории тюркской рунологии.

Язык древнетюркских рунических памятников, особенно памятников образцовых, уже названных и некоторых других, настолько великолепен, что наши великие рунологи-предшественники – В.В. Радлов, П.М. Мелиоранский, С.Е. Малов, А.Н. Кононов и др. – были твердо убеждены в следующем: для того, чтобы выработался такой язык, должно было пройти века два-три. Поэтому, а также в связи с ранее бытовавшей ошибочной оценкой большей древности енисейских рунических памятников в сравнении с орхонскими, начала тюркского письменного творчества иногда предположительно относили к V в. н.э., что фактических оснований, как оказалось впоследствии, не имеет.

Остановлюсь еще на одном важном и интересном примере, в котором датирование осуществляется путем комбинирования оценок исторической и палеографической. Речь идет о самой маленькой из числа орхонских, но очень важной в хронологическом плане надписи.

Небольшая, всего лишь в 70 с небольшим рунических букв, Чойренская надпись из Монголии стала широко известна в тюркологическом мире только после новой ее публикации, предпринятой профессором Сергеем Григорьевичем Кляшторным по результатам визуального исследования памятника в Центральном музее Монголии [Кляшторный, 1969; 1971]. Первую публикацию, которую осуществили крупнейшие рунологи Сергей Ефимович Малов и Хюсейн Намык Оркун соответственно в 1936 и 1939 годах, при всем нашем уважении к ним, следует признать в целом неудачной.

В публикациях С.Г. Кляшторного 1969 и 1971 годов был сделан значительный шаг вперед. Здесь зафиксированы все строки полностью и число знаков в надписи доведено до 70, из них верно была определена 61 руна. С.Г. Кляшторному удалось прочитать в одной из начальных строк (по нашему убеждению – в начальной строке) имя Ильтериш-кагана, что дало ему повод датировать надпись периодом правления этого кагана (682–691). Обращение к китайским историческим источникам позволило ему даже сузить временные рамки памятника, отнеся его к периоду между 688 г., временем поселения тюрков на Отюкене (совр. Хангай), и 691 г., датой смерти кагана, возродившего Тюркский каганат. Благодаря этому Чойренская надпись была аттестована С.Г. Кляшторным как такая, что “может считаться самой ранней датируемой древнетюркской надписью, первым письменным памятником второго Тюркского каганата” [Кляшторный, 1969: 99; 1971: 257]. Под влиянием этого заключения отодвигается и дата начала тюркской письменности – с начала VIII в., как было общепринято в последнее время, на конец VII в. Так поступил Андрей Николаевич Кононов в своей “Грамматике языка тюркских рунических памятников”, приведя эту дату в подзаголовке: “VII–IX вв.”. При этом А.Н. Кононов прямо ссылается на цитированное заключение С.Г. Кляшторного [Кононов, 1980: 3, примеч. 1]. Таким образом, правильное чтение и толкование Чойренской надписи поднимается над уровнем частного случая и должно было бы привлечь к ней внимание исследователей.

С тех пор последовали еще три новых обращения к надписи и три новые попытки чтения – это турецкие ученые Осман Фикри Серткай и Сема Барутчу-Озондер, а также японский ученый Косецу Судзуки. В этих попытках есть неудачные и противоречивые решения, однако следует отметить и несомненные успехи. В целом, не входя в перипетию всех разногласий, можно сказать, что надпись наконец-то прочитана, и из ее прочтения выяснилось: во-первых, Чойренская надпись все же интерпретируется теперь как эпитафия; во-вторых, чойренские буквы имеют достаточно точные аналогии с наиболее ранней орхонской руникой, представленной в памятнике Тоньюкука начала VIII в. При этом наиболее характерные для надписи Тоньюкука начертания рун, такие, как t_1 , M , n_2 , b_2 , Z и др., заметно эволюционировали уже ко времени орхонских надписей, созданных всего лишь на два десятилетия позднее, не говоря уже о перестроенном дукте енисейских знаков, относящих эти памятники ко времени не ранее второй половины IX в. Следовательно, палеографические приметы Чойренской надписи полностью соответствуют содержательному критерию, удостоверяя принадлежность этого памятника к самому раннему периоду письменности тюркских народов.

ОТРАЖЕНИЕ БУЛГАРСКИХ ПАЛАТАЛИЗАЦИЙ В БУЛГАРИЗМАХ ВЕНГЕРСКОГО ЯЗЫКА¹

А.В. Дыбо

Институт языкознания РАН, г. Москва

Булгаризмы в венгерском по фонетическим особенностям можно разделить на две группы. В одной предполагаемый облик тюркских прототипов мало отличается от пратюркского состояния (за исключением "чувашской палатализации" - перехода *s- > š- перед *i, *i, *ia). В другой прототипы обнаруживают значительное сходство с прототипами заимствований из дунайско-булгарского в южнославянские языки. Соответственно, первую группу заимствований в венгерском можно отнести к "the Pre-Conquest Layer" ([Róna-Tas 1988, 752], "до Переселения") – это заимствования, происходившие, скорее всего, на территориях Волго-Камского либо, как сейчас склонен считать А. Рона-Таш [Róna-Tas 2005, 436–438], Доно-Кубанского ареалов (V–VII вв. н.э.). Вторая же группа булгаризмов в венгерском – заимствования из дунайско-булгарского, происходившие на территориях, близких к нынешней Венгрии; правила их фонетической адаптации в венгерском совпадают с правилами адаптации ранних славянских заимствований, попавших в венгерский язык в период, "хронологически близкий к завоеванию венграми Среднего Подунавья (895–900 гг.)" (см. эти правила в [Хелимский 2000, 422]).

В предыдущих работах [Дыбо 2010, Дубо 2010] нам удалось показать, что для древнебулгарского и дунайско-булгарского слоев заимствований в венгерском (для дунайско-булгарского – и в древнеболгарском) устанавливаются довольно четкие и хорошо различающиеся вокалические соответствия.

Ниже особенности древнебулгарского и дунайско-булгарского языков рассмотрены на примере "булгарских палатализаций".

I. Отражение булгарской позиционной палатализации *s- в булгаризмах венгерского языка выглядит единообразно и для древнебулгарских, и для дунайско-булгарских заимствований.

¹ Работа велась по Программе фундаментальных исследований ОИФН РАН "Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей", в рамках проекта "Ранние контакты языков урало-алтайской общности".

ЕЩЕ РАЗ О «ЯСАЧНЫХ ЧУВАШАХ» КАЗАНСКОГО «ЦАРСТВА» ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI–XVII ВВ. Д.М. Исхаков. Институт истории им. Марджани Академии наук Республики Татарстан, г. Казань	57
К ПРОБЛЕМЕ ЭТНИЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ СКИФОВ. З.Г. Гасанов. Институт истории Национальной АН Азербайджана, г. Баку	58
МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «СОВРЕМЕННАЯ ДЕЙТЕЛЬНОСТЬ – ЭТО МИР ФЛОРЫ» В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ТАТАРСКОЙ ПЕРИОДИКИ БАШКОРТОСТАНА (на материале республиканских газет «Кызыл тан» и «Омет»). З.А. Заманова. Министерство связи и массовых коммуникаций Республики Башкортостан, г. Уфа	66
ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ПЛЕМЕНИ КАНГЛЫ. В.В. Ушницкий. Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Сибири СО РАН, г. Якутск	69
«ЧУВАШСКИЙ МЫС» В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАНОРАМЕ СИБИРИ. З.А. Тычинских. Тобольская государственная социально-педагогическая академия им. Д.И. Менделеева, г. Тобольск	72
ХАРАКТЕРИСТИКА ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В КАЗАХСТАНЕ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ОБЛАСТИ РЕКЛАМЫ. М.М. Увайсова. Международный казахско-турецкий университет им. К.А. Яссауи, г. Туркестан	75
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА АЛТАЙСКИХ И ТЮРКСКИХ НАРОДОВ. Б.Р. Каримов. Международный институт языка ортатюрк при Всемирной ассамблее тюркских народов, г. Туран	77

Секция 3

ТЮРКСКИЙ МИР: КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

ТЕРМИНОЛОГИЯ ЧУВАШСКОГО БОЕВОГО ИСКУССТВА. Г.А. Дегтярёв. Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары; А.Е. Романов. Чебоксарский электромеханический колледж, г. Чебоксары	79
ШУМЕР ТАНЫ АДЛАРЫНЫН ТЦРК ДИЛИНДЯ СЕМАНТИК АЧЫМЫ (Семантика названий шумерских богов в тюркских языках). И.Г. Садыгов. Азербайджанское государственное издательство, г. Баку	81
TÜRK DOKUMA SANATINDA KUŞ FİĞÜRÜ ve İKONOĞRAFİSİ (Иконография и образ птицы в искусстве тюркского ткачества). Ахмет Айтач. Центр исследований сельджуков Университета Сельджук, г. Конья	84
ЭТНИЧЕСКИЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННЫХ БЛЮД УЗБЕКСКОГО НАРОДА (на примере Сурханской долины). М.Х. Файзуллаева. Термезский государственный университет, г. Термез	87

Секция 4

НАСЛЕДИЕ ТЮРКОЛОГИИ И ЕЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЛЕКСИКИ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА И ОРХОНО-ЕНИСЕЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ. М.Ф. Акилова. Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа	89
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА В ИМЕННОЙ ГРУППЕ: «СИЛЬНЫЕ» И «СЛАБЫЕ» СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ. Г.Ф. Брусова. Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары	91
Н.Ф. КАТАНОВ И РОССИЙСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ. Р.М. Валеев. Институт востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань	93
НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ВАСИЛИЯ АЛЕКСЕЕВИЧА АНДРЕЕВА. Э.Е. Лебедев. Школа иностранных языков «Язык для успеха», г. Чебоксары	95
УНИКАЛЬНЫЙ «СЛОВАРЬ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА» Э.К. ПЕКАРСКОГО. Е.И. Окочешников. Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов севера СО РАН, г. Якутск	101
АГИОГРАФИЯ КАК СПОСОБ ИЗУЧЕНИЯ ЯКОВЛЕВОВЕДЕНИЯ. Л.Ю. Трофимов. Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары	102

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

ТЮРКСКИЙ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ВЫЗОВЫ. Ю.Н. Исаев. Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары 5
К ХРОНОЛОГИЧЕСКИМ ОБОСНОВАНИЯМ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ПИСЬМА. И.В. Кормушин. Институт языкознания РАН, г. Москва 6
ОТРАЖЕНИЕ БУЛГАРСКИХ ПАЛАТАЛИЗАЦИЙ В БУЛГАРИЗМАХ ВЕНГЕРСКОГО ЯЗЫКА. А.В. Дыбо. Институт языкознания РАН, г. Москва 10
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ КОНЦЕПЦИИ ЭТНОЯЗЫКОВОЙ ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ (СРЕДИННОЙ) АЗИИ В ДОМОНГОЛЬСКУЮ ЭПОХУ. Н.И. Егоров. Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары 21
СЕМАНТИКА ЭТНОНИМА ТЮРК. М.З. Закиев. Академия наук Республики Татарстан, г. Казань 29
ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА. Ф.Г. Хисамитдинова. Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, г. Уфа 30

Секция 1
ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И АРЕАЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

AZƏRBAYCAN DİLİNDƏ TERMİNLƏRİN KOQNİTİV KOMMUNİKATİV-KONSEPTUAL TƏHLİLİ (Когнитивный коммуникативно-концептуальный анализ терминов в азербайджанском языке). D.T. Əliyeva. Bakı Slavyan Universitetinin, Bakı şəhəri 35
СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО ЈАНН 'БОЛЬШОЙ' В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ. О.М. Альчикова. НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, г. Горно-Алтайск 37
ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ НА УРОВНЕ СИНТАКСИСА: НЕТИПИЧНЫЕ МОДЕЛИ И СЕМАНТИКА БЕЗГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ. Ю.М. Виноградов. Чувашский республиканский институт образования, г. Чебоксары 40
К ОБОЗНАЧЕНИЯМ ВРЕМЕННЫХ ОТРЕЗКОВ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ. Л.С. Кара-оол. Тывинский государственный университет, г. Кызыл 43
СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА АЛТАЙСКОГО МНОГОЗНАЧНОГО ГЛАГОЛА ШҮҮ= 'МЫСЛИТЬ'. Б.Б. Саналова. НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, г. Горно-Алтайск 46
ЗАКОН(Ы) ТРИЕДИНСТВА ИЛИ ТРИАДЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ. А.Л. Филиппов, В.И. Сергеев. Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары 48
ТЕМАТИЧЕСКАЯ СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЛЕКСИКИ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА С КОНКРЕТНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ. Л.Н. Федотова. Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, г. Набережные Челны 51
ТЕНДЕНЦИИ РАЗРАБОТКИ ЭЛЕКТРОННЫХ СЛОВАРЕЙ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ РАЗВИТИЯ. Г.Р. Чумарина. Институт языка, литературы и искусств им. Г. Ибрагимова, г. Казань 53

Секция 2
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ВЛИЯНИЯ ФАКТОРА РЕЛИГИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЭТНОПСИХОЛОГИИ ЧУВАШЕЙ. В.П. Иванов. Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары 55

Палатализация перед *i, *i

1. Венг. süllő 'судак' MNyTESz 3: 628, с 1138 г. Sileu. ПТ *sīl / *sīl 'зуб, колышек' VEWT: 424, TMN 3:324, EDT: 856-7 (тюрк. *sīš, чув. śьl) + суф. -leg, см. Róna-Tas 1982: 150, Róna-Tas 1971: 396-398, ЭСТЯ 2003: 257: *sīl-leg > *sīle 'судак' (тюркм. sīle, чув. śьla). По культурным причинам естественно ожидать здесь раннебулгарское заимствование. Ср. рус. диал. донск. сула 'судак'. Происхождение огубленности вторичное; в венг. – со второго слога, в рус. – интерпретация чув. ъ.
2. Венг. serke (ë) 'гнида' MNyTESz 3: 523-524, с 1427 г. ПТ *sirke 'гнида' > чув. śьrga, тув. si'rge, тоф. si'rxe, тюркм. sirke, хал. sirkä VEWT: 423, EDT: 850, СИГТЯ 2000: 182, ЭСТЯ 2003: 268-270.
3. Венг. seper (ë), söpör 'метла' MNyTESz 3: 518-519, söpredék 'мусор'. ПТ *sipür- 'подметать', чув. śьbьr 'метла', тюркм. sipür-, хал. sipir-, EDT: 791, VEWT: 437, ЭСТЯ 2003: 359-365. Краткость по тюркм. и отсутствию огузского озвончения. Вариант со вторичной огубленностью (появляется впервые под 1519 г.) под влиянием -p-.
4. Венг. serte (ë) 'щетина' MNyTESz 3: 526. ПТ *sirt 'толстый волос, щетина', чув. śьrt. EDT: 846, VEWT: 419-420, ЭСТЯ 2003: 418-419, Федотов 2: 449-450. Долгота в ПТ неясна.
5. Венг. söreg 'севрюга', ст.-венг. Seureg, sörege MNyTESz 3, 581. ПТ *sibrik 'севрюга', кум. süjrük, татар. sōjrök, ног. süjrik. VEWT 438, TMN 3, 291, СИГТЯ 2000, 178, ЭСТЯ 2003, 252. Чув. šəvər śьmsa, букв. "острый нос", может быть, результат объяснительной этимологии. Рус. севрѹга, ст.-рус. севрига, диал. севрѹк (Даль) Фасмер 3, 589, укр. севрѹга – видимо, из кыпч.; рус. шеврѹга "севрюга", астрах. (Даль), др.-русск. шеврига – то же (Белозерск. писцовая книга 1585 г.; Срезн. III, 1585), диал. шеврѹга, шеврѹга, астрах. (Преобр.) Фасмер 4, 421 – скорее всего, булгаризм (вряд ли к калм. šowrləg "стерлядь" от šow'ǝr "острый" KWb 365, 366: ср. несоответствие ряда). В венг., несомненно, булгаризм, при таком значении слова, скорее, еще поволжский / прикаспийский. Поведение конечного согласного заставляет предполагать новую внутривенгерскую аффиксацию.
6. Венг. süv 'дядя; двоюродный брат; деверь/шурин' MNyTESz 3, 636, с 1138 г. (sue). Связывают с ПТ *sijil 'младшая сестра, младший брат', чув. śьŋkьl, śьll-ьт 'младший брат', чувлым. sijnim 'младший брат мужа, сын старшего брата мужа', суйг. sijni 'младшая сестра', др.-тюрк. sijil (орхон., др.-уйг.) крх.-уйг. sijil 'младшая сестра мужа' (МК), ср.-уйг. sijil 'младшая сестра мужа' (IM) чаг. sijil 'младшая сестра' (Абуш., Пав. С.), узб. sijil 'младшая сестра', нуйг. sijil 'младшая сестра', тюркм. sijli (диал.), салар. sijil, sijni, sijne 'младшая сестра', караим. sijli, татар. sejel 'младшая сестра', башк. hejle 'младшая сестра' (для женщины), ног. sijli 'младшая сестра', каз. sijli 'младшая сестра' (для женщины), ккалп. sijli 'младшая сестра', кирг. sijdi 'младшая сестра' (для женщины), EDT 839, СИГТЯ 2000, 311, ЭСТЯ 2003, 265-266, Федотов 2, 441. По значению и начальному s- венг. должно быть булгаризмом; суффиксальное -l, возможно, утратилось из-за переразложения. Огубленность – обычное развитие *iw.
7. Венг. kéneső (ə) 'ртуть' MNyTESz 2: 442, с 1525 г.; Lig. 1986: 303-304 (вопреки обоим словарям, конечно, не имеет отношения к тюрк. *gāne 'клец' VEWT: 251, TMN 3:615-616, ЭСТЯ 1997: 63-64, СИГТЯ 2000: 183; в частности, это слово никогда не выступает с огубленным гласным, кроме одного случая в Ettuh.; явная ошибка). Ср. тюркское название ртути: др.-уйг. kōne suvī Heilk., kōniig suv в китайско-уйгурском словаре, IM kōne suw, ср.-кыпч. Houts.: 100. kōneisuv, куман. kōnesuv, kōnesui, кум. gōnesuv, балк. ginesuḡ, тат. küne sui, ног. kōnesuv, EDT: 726, VEWT: 290. Возможно, первая часть тюрк. из кит., ср.-кит. kōuḡ, кит. 汞 gōng 'ртуть', см. Дыбо 2007: 73. Венгерское заимствование – из булг., поскольку сохраняет булг. š- во втором элементе (чув. śьw < ПТю *sib VEWT 431, TMN 3, 281-2, EDT 783-4, ИГТЯ 2000, 88, ЭСТЯ 2003, 325, Stachowski 247.).

Палатализация перед восходящим дифтонгом *ia

8. Венг. sár, sárga, диал. sárog 'желтый' MNyTESz 3: 227; -og – собственно венгерский суф., в нем – венгерская же метатеза. ПТ *siārig 'желтый', чув. śorь 'белый', як. arayaš 'бледный, желтоватый' (*siāriḡ-gač), arī 'масло' (со вторичным сокращением в многосложном слове), др.-тюрк. śariḡ (орхон.), sarīḡ (др.-уйг.), тюркм. sārī, хал. sāruy 'оранжевый' VEWT: 403-4, EDT: 848, СИГТЯ 2000: 601, Федотов 2: 462-463, ЭСТЯ 2003: 206-208. Ср., возможно, также тюрк. (?) *siār > тюркм. sār-miḡ 'блеклый' ЭСТЯ 2003: 147 (вряд ли именно такой вид основы следует считать источником венг. булгаризма: отсутствие второго гласного может быть связано и с внутривенгерским переразложением).
9. Венг. sárkány 'дракон' MNyTESz 3: 493-494. ПТ *siāru-kan 'дракон', др.-рус. Шароу/окань (булгарское имя собств.; долгота гласного по славянской передаче через а, а не о, см. Дыбо 2009), чаг. saḡyan 'дракон' (> тур. saḡḡan), куман. saḡagan; возможно, связано с названием сазана *siār-an, тюркм. sāzan, VEWT: 406, СИГТЯ 2000: 179, ЭСТЯ 2003: 147-148. Ср. рус. диал. южн. шаран "молодой сазан, карп", укр. шаран – то же, болг. шеран, шаран, сербохорв. шаран, др.-чеш. šaran, польск. szaran – по-видимому, булгаризм, по распространению – дунайский, Фасмер 4: 407-408.

10. Венг. *sár* 'грязь' MNYTESz 3: 487–488. ПТ **siār* 'болото, грязь, камыш', чув. *šor*(ь), туркм. *sāz*, VEWT: 406, TMN 3:222, СИГТЯ 2000: 93, ЭСТЯ 2003: 146, Федотов 2: 462.

Без палатализации перед прочими гласными

1. Венг. *szatócs* 'торговец' MNYTESz 3: 687. Тюрк. **satīy-čī* < ПТ **sat-* 'продавать', чув. *sot-*, як. *at-*, туркм., хал. *sat-*, EDT: 798–799, VEWT: 405, Федотов 2: 67, СИГТЯ 2000: 335, ЭСТЯ 2003: 214. Раннее по развитию конца слова; болгарское или кумано-печенежское.

2. Венг. *szakáll* 'борода' MNYTESz 3: 652, с 1130–40 гг., *Zakal*. ПТ **sak(k)al* тж., чув. *polъ soyalъ* (вирыял) 'жабры', турк. *saqyal*, EDT: 807–808, ЭСТЯ 2003: 164–166, СИГТЯ 2000: 220–222, Федотов 2: 68; Ашм. IX: 279, XI: 216. Раннее по фиксации. Булгарское или кумано-печенежское.

3. Венг. *szán-* 'жалеть' MNYTESz 3: 672, с 1372 г. ПТ **sā(j)-* 'считать', в рефлексиве **sā-n-* (чув. *su-*, *sъv-*, Refl. *sun-*, як. *ā-x-*, туркм. *sāj-*) VEWT: 390, EDT: 781–782, ЭСТЯ 2003: 132–134, Федотов 2: 53.

4. Венг. *szám* (*számok*) 'цифра' MNYTESz 3: 667, с 1086 г. ПТ **sām*, имя от ПТ **sā(j)-* 'считать', см. предыдущее слово.

5. Венг. *szál* 'плот' (*szálak*), MNYTESz 3: 656, с 1211 г. ПТ **sāl*, чув. *solъ*, як. *āl*, туркм. *sāl*, EDT: 824, VEWT: 397, СИГТЯ 2000: 537, Федотов 2: 59, ЭСТЯ 2003: 189.

6. Венг. *szór-* 'сыпать' MNYTESz 3, 783–784, с 1405. ПТ **sabur-* 'веять, рассеивать, разбрасывать', чув. *съ ѱъ ѱr-*, тув. *sār-*, хак. *sobīr-*, шор. *sabīr-*, крх.-уйг. *savur-* (МК), чаг. *savur-* (Pav. C.) узб. *sawur-*, нуйг. *sowu(r)-*, тур. *savur-*, аз. *sowur-*, туркм. *sowur-*, хал. *savur-*, караим. *savur-*, кум. *suwur-*, кбалк. *suwur-*, татар. *suwyr-*, *суwур-* (диал.), ног. *suwīr-*, каз. *suwīr*, ккалп. *suwīr-*, галт. *sobīr-*. VEWT 391, EDT 791, ЭСТЯ 2003, 295. Раннее заимствование по результату стяжения.

7. венг. *szűz* 'скоряк' MNYTESz 3: 810, с 1181 г. Интерпретируют как **jib-čī* от **jib-* 'шить', ср. чув. *šəvə-*, *šəvəs* 'портной'. Фонетически возможно, а семантически гораздо лучше связывать с ПТ **soj-* 'сдирать шкуру' > чув. *sū-* (VEWT: 425, EDT: 858, ЭСТЯ 2003: 283–285, Федотов 2: 70). На венгерской почве слово пережило потерю конечного узкого гласного (старовенгерский процесс). Упереднение вызвано стяжением с *j* (как и в чув.), отсюда же долгота и качественный рефлекс долготы. Ср. так же в венг. *tűzok* 'дрофа' MNYTESz 3: 1009, ст.-венг. под 1082 г. *tuzok*, ср.-венг. (1405) *tűz*, *tűzok* (с переразложением) < ПТ **togdak*. Булгаризм.

8. Венг. *szűn-ik-* 'слабеть' MNYTESz 3: 812, с 1372 г. *zenyk-*. ПТ **sōjn-* > **sōn-* 'пропадать, гаснуть', чув. *sūn-*, др.-уйг. *sōn-*, крх.-уйг. *sōn-* (МК, ИМ), чаг. *sōn-* (Абуш.), ст.-кыпч. и ст.-осм. *sōjūn-*; тур., аз. *sōn-*, туркм. *sōn-*, диал. *sōn-*, караим., кум. *sōn-*, татар. *sūn-*, башк. *hūn-*, ног., каз., ккалп. *sōn-*, EDT: 834, VEWT: 430, ЭСТЯ 2003: 322. Вопреки EWU, в венгерском не вторичное удлинение, а отражение первичной или происшедшей из раннего стяжения долготы.

9. Венг. *szűr-* 'цедить', MNYTESz 3: 812–813, с 1416 г., *zur-*. ПТ **sūr-* 'цедить, фильтровать', чув. *sər-*, туркм. *süz-*, EDT: 861, ЭСТЯ 1985: 261; 2003, 342–344; VEWT: 420, СИГТЯ 2000: 411, Ашм. XI: 311–312, 314, Федотов 2: 44–45. Туркм. краткий, халадж. полудолгий (*sīz-*). В туркменском возможно сокращение, свойственное туркменским односложным глагольным основам с закрытым слогом. (См. Дыбо 2009) Булгаризм.

10. Венг. *szérű* (*ē*) 'гумно' MNYTESz 3: 743, с 1015 г. Тюрк. **sār-ik* или **sār-gū* (см. Дыбо 2007: 30; ср. чув. *sarъm* 'раскладка снопов на току для молотбы', *uraj sarri* 'половицы' – начальная форма д.б. *sarə*) к ПТ **sār-* 'настилать, раскладывать' VEWT: 411, EDT: 843, 851, ЭСТЯ 2003: 242, Федотов 2: 14–15. Удлинение в венг. вторично (в старом закрытом слого перед *-rg-?). Булгаризм.

11. Венг. *szeplő* (*ē*) 'веснушки' MNYTESz 3: 729, с 1350 г. ПТ **sāp-ki*, *-kil* 'веснушки, сыпь' VEWT: 411, ЭСТЯ 2003: 241, як. *ebir*; (?) чув. *sapъk* 'заплата' (к *sapla-* 'латать'), 'пятно на корове' (в загадке). Чув. форма, если сюда, имеет точную аналогию в венг. Булгаризм (или кумано-печенежское)?

12. Венг. *szék* (*ε*) 'сиденье' MNYTESz 3: 699, с 1156 г. ПТ **sākū* 'каменное или глинобитное сиденье, лежанка, помост', чув. *sag(ъ)*, возможно, сюда же як. *eγe* 'бугры на дне водоема' VEWT: 408, TMN 3: 262, EDT: 819, СИГТЯ 2000: 519, Федотов 2: 5–6. Долгота вторичная, вследствие отпадения конечного узкого. Раннее болгарское или кумано-печенежское заимствование.

13. Венг. *szök-ik-* (*ē*) 'бежать' MNYTESz 3: 793, с 1150 г. (*Zeku-*). ПТ **sājk-* 'прыгать, скакать', чув. *sik-*, як. *ekkirie-*, долг. *ekkirē-*, тур. *sek-*, *sejir-*, аз. *sāk-*, *sājri-*, туркм. *segre-*, *sākdir-* 'скакать', VEWT: 408, EDT: 822, ЭСТЯ 2003: 238–240, Федотов 2: 48–49. В венг. раннее заимствование по фиксации, скорее булгаризм по составу основы.

14. Венг. *szám* 'цифра' MNYTESz 3, 667, с 1086 г. ПТ **sā-m*, булг. > чув. *sum* "число, счет", имя от ПТ **sā(j)-* 'считать', в рефлексиве **sā-n-* (чув. *su-*, *sъv-*, Refl. *sun-*, як. *ā-x-*, туркм. *sāj-*; булг. > венг. *szán-*

этнической идентификации и хронотопологизации древних и раннесредневековых литературных памятников, других нарративных источников.

Первоочередной задачей современной фольклористики во всех тюркоязычных регионах должна быть полевая документация фольклора с помощью новейших средств аудиовидеозаписи.

Современный корпус фольклорной документации должен быть цифровым, в идеале полевой материал должен уже собираться в цифровом формате.

Одной из приоритетных задач фольклористики является научная разработка универсальной и дробной жанровой классификации фольклора всех тюркоязычных народов, что является важным этапом в подготовке к широким сравнительно-историческим исследованиям.

Продолжить работу над составлением национальных сводов фольклора, усилить научный уровень этих публикаций, шире использовать возможности мультимедийной мобилизации фольклорной документации.

Создание эталонных баз данных по фольклору каждого тюркоязычного народа для последующего включения в Национальные и Общетюркологический фонды нематериального культурного наследия.

Усиление взаимодействия и координации между различными звеньями инфраструктуры фольклора – научно-исследовательскими, образовательными, социально-культурными, популяризаторскими и проч. структурами.

Организация широкого плодотворного сотрудничества с соответствующими организациями и институтами тюркских и нетюркских регионов и стран по сохранению, изучению и популяризации нематериального культурного наследия народов мира.

Целесообразно начать работу по созданию единой общетюркской электронной базы фольклорной документации.

Перед тюркологами, работающими в сфере социально-гуманитарных дисциплин стоит масштабная задача создания региональных, а затем и общетюркологических обобщающих работ по этнической, политической и культурной истории тюркских народов в широком контексте истории окружающих сино-тибетских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, палеоазиатских, финно-угорских, индоевропейских (индоиранских, восточноиранских, тохарских и т.д.), семитских, кавказских и прочих народов.

Необходимо развернуть широкое изучение межэтнических связей между народами Евразии с глубокой древности по настоящее время.

Важнейшей задачей, стоящей перед историками, является свод письменных, а также археологических источников так или иначе связанных с древнейшей, древней, средневековой и новой историей тюркоязычных и смежных с ними народов.

Конференция приветствует инициативу Республики Казахстан начать подготовку специалистов-тюркологов по самому широкому кругу тюркологических и, по возможности, алтаистических проблем, а также набирать абитуриентов по специальности «тюрколог» из разных тюркоязычных народов.

Ввести в традицию регулярное проведение в будущем научно-практических конференций по отдельным направлениям языкознания, фольклористики, этнологии, археологии, антропологии, истории, культурологии, искусствоведения, религии, мифологии, философии тюрков.

Участники конференции просят руководство Чувашского государственного института гуманитарных наук издать материалы Международной тюркологической конференции в Чебоксарах.

Участники конференции предлагают обратиться в секретариат ЮНЕСКО с просьбой о внесении чувашского языка во Всемирный список нематериального культурного наследия человечества как представляющего особую историко-культурную ценность и нуждающуюся в особой поддержке и сохранении.

Участники Международной тюркологической конференции выражают глубокую благодарность Правительству Чувашской Республики, Министерству образования и молодежной политики Чувашской Республики, Институту языкознания РАН, Чувашскому государственному институту гуманитарных наук, Российскому комитету тюркологов при Отделении литературы и языка РАН, Всемирной ассамблее тюркских народов за образцовую организацию и проведение конференции.

Российскому комитету тюркологов, Всемирной Ассоциации тюркологов, Турецкому Лингвистическому Обществу, Международной Академии Тюркского Мира и другим общественным и научным организациям целесообразно организовать работы по скоординированному изучению социальных функций тюркских языков в различных сферах жизни их носителей и проводить действенные меры по обеспечению витальности тюркских языков и национальных культур.

Одной из наиболее важных задач в области тюркского языкознания продолжает оставаться создание фундаментальных описаний структуры тюркских языков. Работа над изучением грамматического строя каждого из тюркских языков должна вестись в соответствующих научных коллективах непрерывно.

Для всех разделов тюркского языкознания – фонологии, словообразования, словоизменения, лексикологии, синтаксиса и дискурса – насущной задачей является дальнейшее продвижение в теоретических исследованиях. В качестве наиболее эффективной формы подведения итогов и оценки перспективности различных подходов целесообразно проведение специальных совещаний или тематических симпозиумов на базе научных учреждений и вузов тюркоязычных регионов.

Другой важной задачей тюркологов-языковедов является всеобъемлющая и разноплановая работа по изучению современных языков в их живом бытовании и функционировании.

Переключение приоритетов с письменно-литературных языков на изучение разговорного языка и диалектов требует новой методики, новых подходов к записи, хранению и использованию информации и т.д.

Наряду с созданием обобщающих трудов по диалектологии, лингвистической географии в связи с общей тенденцией частичной нивелировки ареальных разновидностей тюркских языков и распространением в условиях всеобщей грамотности норм литературных языков, необходимо всемерно интенсифицировать и расширять масштабы документирования традиционной культуры, языков, диалектов и говоров с помощью современных хранителей информации.

Большинство данных по исчезающим миноритарным тюркским языкам, диалектам и культурам хранится в плохих условиях и на низкокачественных носителях. Поэтому на повестку дня встает проблема создания централизованного цифрового архива документации тюркских языков и культур.

Конференция считает, что историко-генетические исследования тюркоязычных народов являются одним из важнейших и актуальнейших направлений в современной тюркологии. В области этнологических исследований следует перейти к организации комплексных работ с одновременным участием историков, этнологов, лингвистов, культурологов и археологов.

На современном этапе развития тюркской компаративистики целесообразно развивать такие направления сравнительно-исторического языкознания: разработка проблем классификации и исторической периодизации; внешние и внутренние контакты тюркских языков; тюркизмы в тюркских и исторически контактировавших иносистемных языках; древнейшие заимствования из иносистемных языков в тюркские.

Необходимо развернуть комплексное изучение древнетюркской этнонимии, представленной в китайских, византийских, сирийских, арабских, армянских, древнетюркских и проч. нарративных источниках и тем самым подвести лингвистически верифицированную, репрезентативную эмпирическую базу под этноглогтогенетические, историко-этнологические и проч. исследования.

В области исторического тюркского языкознания в связи с завершившимися изданиями обобщающей «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков», «Этимологического словаря тюркских языков» и ряда соответствующих исследований по конкретным языкам необходимо в ближайшем организовать подготовку фундаментальных исследований по истории и этимологии отдельных тюркских языков.

Конференция считает актуальной организацию межнациональных исследовательских групп ученых разных регионов и стран.

Необходимо расширить масштабы описательного и сравнительного изучения музыкального и хореографического фольклора, музыкального инструментария и танцев тюркских и исторически контактировавших с ними народов в органической связи с их историей и обрядовой культурой, философией и религиозно-мифологическими представлениями.

В области литературоведения в связи с кардинально изменившейся идейно-политической ситуацией в тюркоязычных регионах назрела пора кардинального пересмотра методологии филологического анализа произведений художественной литературы, а также ее места и роли в социальной жизни, в частности, системе народного образования.

В области литературоведения необходимо преодолеть оценку и тенденцию удреждения литературных памятников. На повестке дня остро стоит проблема комплексных подходов к

'жалеть' MNYTESz 3, 672 с 1372 г.), ср. тур., тат., казах. *san*, туркм. *sān* "число, счет, множество" VEWT 390, EDT 781–782, ЭСТЯ 2003, 132–134, Федотов 2, 53. Видимо, сюда же как дунайский булгаризм можно отнести болг. *самсуп* 'нелюбезный человек' (**sā-m* 'число, честь' + **sUř* 'без', чув. *-sər*, общетюрк. *-sLz*).

Исключения объясняются либо как ассимилятивные развития, либо как не-булгарские тюркизмы:

1. Венг. *szesz* (ĕ), ст.-венг. *szész* (с чередованием долготы) 'спирт, туман' MNYTESz 3: 745, с 1531 г. ПТ **si/īs* 'туман' (осм., тур., аз. *sis* 'дымка, туман', шор. *sīs* 'чад' (Верб.: конд.), см. VEWT: 423, СИГТЯ 2000: 35–36). О развитии гласного с чередующейся долготой в краткий см. Хелимский 1979: 121–122, указывает на раннее заимствование. Если предполагать булгаризм, то ожидалось бы **sesz*. Ассимилятивное развитие? Раннекыпчакское заимствование?

2. Венг. *szirony* 'кожаный ремешок' MNYTESz 3, 764, с 1138. Тюрк. **sidrīm*, (МК) *sidrīm*, огуз. *sirīm* от ПТ **sidir-* 'сдирать' > чув. *šj̄r-* (-j- < *-d- закономерно перед -r-) EDT 802, VEWT 414, СИГТЯ 2000, 389, ЭСТЯ 2003, 412–413, Федотов 2, 439. Вопреки EWU, ранний (по фиксации) источник заимствования не может быть булгарским, поскольку а) в булгаризмах **i* отражается как *a* (см. Дыбо 2010); б) отсутствует отражение булгарской палатализации *s* > *š* перед **i*. Кыпчакизм?

3. Венг. *szirt* 'скала' MNYTESz 3, 756, с 1302. ПТ **sirt* 'спина, позвоночник (животного)' > горный хребет' VEWT 419, EDT 847, СИГТЯ 2000, 268, ЭСТЯ 2003, 418–425 (чув. *šrt*). Кыпчакское заимствование, поскольку а) в булгаризмах **i* отражается как *a* (см. Дыбо 2010); б) отсутствует отражение булгарской палатализации *s* > *š* перед **i*.

4. Венг. *szűnyog* 'комар' MNYTESz 3, 804, с 1230 г. ст.-венг. *swnek*. ПТ **sinjek* 'комар; муха', чув. *š̄na* (собственно чув. узднение, см. СИГТЯ 2006, 192), тув. *sēk*, хак. *sik, sēk* 'муха', суйг. *sinjek* 'овод', крх.-уйг. *sinjek* 'комар; муха' (МК), чаг. *sinjak, sinjek* 'муха' (Pav. C.), арм.-кыпч. *sinak*, тур. *sinek*, гаг. *sinek* 'муха', аз. *sināk* 'комар', туркм. *sinjek* 'муха', караим. *sinek, sinaq* 'муха', галт. *sēk* 'комар', EDT 838, VEWT 422–423, СИГТЯ 2000, 185, ЭСТЯ 2003, 264–265. Развитие заднего ряда – скорее всего, собственно венг., более позднее. Огубленность первого слога – собственно венгерская, под влиянием второго слога. Второй слог должен был сначала развить *ew* > *ó* из тюрк. **-ek*, а затем добавить собственный аффикс *-g* и сократить долготу. Поскольку 1-й гласный в тюрк. слове краткий, в булгаризме мы ожидали бы широкого рефлекса (венг. *e*) (см. Дыбо 2010). Узкий гласный в 1-м слоге венг. слова объясняется, скорее всего, заимствованием уже после венгерского перелома из тюркской (раннекыпчакской?) формы **sinjek*? EWU (вслед за Лигети 1986, 105) предлагает заимствование из печенежского, на том основании, что печенежский показывает рефлекс интервокального **-ŋ-* как *-n-*; пример – печенежское племенное название *tonuz*, заднерядное слово (-*ny-* в венг. довольно часто отражает рефлекс ПТ **-n-* в переднерядных словах) – но ср. печенежское же (?) *Қағуар qangar* (Lig. 1986, 535). Других примеров ранних кыпчакизмов с рефлексами ПТ **-ŋ-* у нас нет. Поэтому отделить на этом основании печенежские заимствования от куманских вряд ли возможно. Ср., впрочем, ССум. *singir* 'жила', *chengas* 'совет', *tengis* 'море', *tongus* 'свинья', что может говорить о сохранении в куманском **-ŋ-* при рефлексе огузского типа в печенежском.

5. Венг. *szongor* 'порода сокола', EWU, MNYTESz 3, 1449, с 1395. Словарь предполагает куманское заимствование, Дёрфер (TMN 3, 272–275) – даже булгарское. В тюркских языках слово зафиксировано начиная с древнеуйгурского, где *sinqur* (имя собственное) (см. EDT 838; с МК – *sinqur*). Такая форма очень хорошо объясняет монг. *sinqur* (со среднемонгольской палатализацией *s* перед *i*) > *sonqor* (вследствие перелома гласных), заимствованное затем во многие тюркские языки; и запрещает гипотезу о булгаризме в венгерском (в булгаризмах **i* отражается как *a*, см. Дыбо 2010). Венгерская форма может быть либо куманским (ср. ССум. *sonqur* 'сокол'), либо более поздним кыпчакским заимствованием и, вполне вероятно, отражает уже заимствованную из монг. форму с переломом гласных и отражением *š-* как *s-*.

II. Другие палатализации.

В чувашском, кроме традиционно отмечаемой палатализации зубных (**t-*, **s-*; *čol* < **tiāl* 'камень') и гуттуральных (*jur* < **kiār* 'снег') (Вл.–Поп. 1924) перед старыми дифтонгами (**s-* и перед *i, i*), постулируется регулярная палатализация *t* > *č*, *š* > *č* в соседстве с **i*, **i* (раньше отмечалась в основном для морфологических границ, см. подробно: Мудрак 1989; Мудрак 1994; СИГТЯ 2006, 56–62). По данным ранних булгаризмов в венгерском палатализация зубных взрывных и палатализация спиранта **s* проходила в булгарских языках, хотя и в одинаковых позициях, но совершенно неодновременно. Палатализация **s-* перед пратюркскими дифтонгами и **i*, **i* совершенно регулярна в материале булгаризмов, в том числе древнейшего периода (как было продемонстрировано выше, отражается как венг. *s-*, фонетически *š*). Палатализация зубных взрывных в этом материале не отражена вообще, в том числе в явных заимствованиях из дунайско-булгарского. Ср. дунайско-булг. *теку* 'курица' при чув. *č̄ȳ* (**tioxū* < **tiak̄gu*) и венг. *térd* 'колено':

Венг. *térd* 'колено' MNyTESz 3: 895 (оформлено венг. диминутивным суффиксом *-d > -gy*). Булг. (?) **dīr* ~ **dījr* < ПТ **dijr* (?) 'колено', чув. *čar-pušši*, як. *tühex*, тув. *diskek*, хак. *tazek*, шор. *tize* (Р, Верб.), туркм. *dīz*, салар. *tīzi*, *tizi*, хал. *tīz*, кирг., галт. *tize*, VEWT: 482, EDT: 570, ЭСТЯ 1980: 336–337, СИГТЯ 2000: 284.

Венг. *bertő* 'шарик в филиграну, крупинка' MNyTESz 1, 286, с 1572, *bortws*. Возможно, к ПТ **bür-tik* 'зерно, почка', тур. *bürtük*, чув. *pə^wr.žē* 'зернышко, ниточка, перышко, частичка' VEWT 92, EDT 354, СИГТЯ 2000: 114–115. Позднее внутривенгерское разогубление в контакте с губным?

Единственный случай, где можно было бы усматривать такую палатализацию – венг. *csikó* 'жеребенок' EWU 212-213, с 1213 г., если связывать его с булг. **taj-kak* < ПТ **taj* 'жеребенок после года': чув. *tixa* < **tijxa*, як. *tij*, тур., кир., алт. и т.д. *taj*, см. Федотов 2, 237. Надежность болгарской этимологизации снижается наличием в венгерском *czina* и *czidu* 'жеребенок' (EWU предполагает производность всех слов от ономастического корня). Ср. также отсутствие палатализации в таком случае в чув.

В волжско-болгарских эпитафиях палатализация взрывных зубных отражена нерегулярно, видимо, она находится в процессе становления (подробно см. Erdal 1993, 126; о колебаниях типа *elti* и *velči* под 1307 г., см. Róna-Tas 1976)¹; **s* > *š* перед *i*, *ī* отражается совершенно регулярно (Erdal 1993, 128). Следовательно, палатализация **s* прошла еще в прабулгарском, а палатализация взрывных зубных – только в волжско-болгарском, причем не ранее XIV в. Что касается палатализации гуттуральных, то она проходит в другой позиции, только перед старым дифтонгом и, по-видимому, также довольно поздно; в материале болгаризмов в венгерском и в материале дунайских болгаризмов в славянском она не отражается, поскольку не встретилось соответствующих лексем; в языке волжско-болгарских эпитафий имеем 'кровь' XY'N (т.е. *xian*) (ноябрь 1357 г.) – Erdal 1993, 52; таким образом при отражении старого дифтонга переход *x- > j* (совр. чув. *jon* 'кровь' < ПТ **Kiān*, туркм. *Gān*) еще не прошел.

Однако определенные различия показывает в материале венгерских тюркизмов рефлекс ПТю **č*. Стандартным рефлексом **č* в чувашском является *ś*; это хорошо согласуется со стандартным отражением **č* в ранних тюркизмах венгерского языка как *s* [*š*]. См. подробную фонологическую интерпретацию в Róna-Tas 1982. Относительно отражения в тюркизмах венгерского языка ПТ **č* как *cs*, Л. Лигети (Лиг. 1, 185) полагал, что все эти случаи – заимствования общетюркского типа (по его предположению, хазарские). Вот что показывает полная выборка венгерских тюркизмов.

**č* > венг. *s*

1. Венг. *sarló* 'серп' MNyTESz 3: 494–495. Чув. *šorla* 'серп' < ПТ **čar-* 'точить', ср. (?) як. *sardaya*, *sardāna* 'короткая тяжелая стрела с широким наконечником' (Пек.) VEWT: 99–100, Федотов 2: 143. Булгарское по *s* < **č* (? Или , наоборот, угорское заимствование в болгарский, ср. ПФУ **čorkV* 'eine Art Schneidwerkzeug: Axt, Beil, Messer' UEW 39).

2. Венг. *saru*, *sarú* 'ботинок' MNyTESz 3: 497, с 1211 г. Общетюрк. **čaruk* от ПТ **čar-* 'umwinden', туркм. *čaryk* VEWT: 101. Булгарское по *s* < **č*.

3. Венг. *sátor* 'шатер' MNyTESz 3: 500. ПТ **čātu/ir*: Тув. *čadyr* 'чум, шалаш', турк. *čādyr* 'палатка, шатер'. Дальнейшую этимологию см.: Дыбо 2008, также VEWT: 101a-b; EDT: 403b; TMN 3 № 1042, СИГТЯ 2000: 497. Ср.: дунайско-булг. > ст.-болг. шатъръ, болг. *шатър*, *шатра*, др.-русс. **шатъръ* (G.Sg. *ни шатра имяше* в летописном рассказе о Святославе), *шаторъ* (Лаврентьевская летопись, Жит. Бориса и Глеба; Новг. I летопись; форма с проясненным ером), укр. шатор, сербско-ц.-слав. *шатъръ* ⱭⱭⱭⱭ/ (из памятника с одноеровой орфографией, т.е. замена ъ на ь – графическая), сербо-хорв. *шатра* 'прилавок, лавка', чеш. *šatr*, польск. *szatr* м., *szatra* ж. 'цыганский шатер'. Др.-русс. *шатерь* (Георг. Амарт., Лавр.), Instr. Pl. *шатъры* (Ипатьевск. летоп.), *шатерныи* Новг. I летопись – церковнославянское заимствование старосербской одноеровой формы (возможно, именно через Георг. Амарт.), из ц.-сл. совр. рус. *шатёр*, *шатра́*. См. Фасмер 4: 413, Младенов: 692, Skok. Венг. заимствование иногда рассматривают как славянизм. Действительно, *o* второго слога могло бы отражать славянский проясненный ъ, а долгий *a* может как сохранять тюркскую долготу, так и интерпретировать славянское *a* (см. Хелимский 2000: 422).

4. Венг. *sereg* (*serég*) 'войско' MNyTESz 3: 521, с 1057 г. ПТ **čärig* 'войско', первоначально 'воинский строй, построение'. С рунич., др.-уйг. *čerig*. Дунайско-булгар. *sarak*, чув. *šarъ*, як. *serī* VEWT: 105, TMN 3: 65–70, EDT: 428–429. Подробнее об этимологии см. Дыбо 2007: 68–69. Ранее болгарское заимствование.

¹ Волжско-болгарское TWXČI 'куровод' мы, вслед за Т. Текином, интерпретируем как *t(i)ox(u)čī*, а не как предлагает М. Эрдаль, **tawuxčī*, см. Erdal 1993, 125. Его трактовка потребовала бы гипотезы о кыпчакском заимствовании в язык волжско-болгарских эпитафий. Подробнее о болгарском и огузо-кыпчакском развитии названия курицы см. след. кн., в разделе о вокализме болгарских заимствований в венгерском.

непроизвольным, и они воссоздают образ на основе художественных деталей и пытаются дорисовать его до целостного, исходя из личного опыта [Воюшина: 1998, 47–50].

Содержание и художественная форма воспринимаются в их единстве. Дети любят перечитывать текст и размышлять над прочитанным, способны определить назначение художественного элемента в тексте, увидеть авторское отношение к героям и событиям, авторскую позицию и идею произведения. Обобщение, которое делают ученики, выходит за рамки конкретного образа, важна попытка определить проблему, стоящую в произведении, и предложить свое обоснованное толкование прочитанного. При постановке вопросов к произведению ученики видят основной конфликт произведения, их интересуют авторское отношение к персонажам, связи между событиями и поступками героев, их характерами; они часто обращают внимание на название, на отдельные художественные детали. Без специального обучения читатель младшего школьного возраста не может достичь ни уровня персонажа, ни уровня идеи.

Литература

1. Богданова О.Ю., Леонов С.А., Чертов В.Р. Методика преподавания литературы: Учебник для студентов педагогических вузов. М.: Издательский центр «Академия», 1999. 400 с.
2. Воюшина М.П. Методические основы литературного развития младших школьников. СПб.: Специальная Литература, 1998. С. 44–52.
3. Никифорова О.И. Психологическое восприятие художественной литературы. М., 1972.
4. Ушинский К.Д. О первоначальном преподавании русского языка. Избранные педагогические сочинения. Т. 2. М.: Учпедгиз, 1954. 825 с.

РЕЗОЛЮЦИЯ И РЕКОМЕНДАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТЮРКОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ Чебоксары 15–18 сентября 2010 г.

15–18 сентября 2010 года в г. Чебоксары состоялась очередная Международная тюркологическая конференция «Чувашский язык и этнос в истории евразийской цивилизации», организованная Министерством образования и молодежной политики Чувашской Республики, Чувашским государственным институтом гуманитарных наук, Институтом языкознания РАН, Российским комитетом тюркологов и Всемирной ассамблеей тюркских народов. Она явилась восьмой по счету после Всесоюзных тюркологических конференций, состоявшихся в 1926 г. в Баку, а затем, через 50 лет, в Алма-Ате (1976 г.) и уже проводимых по традиции через 4 года – в Ташкенте (1980), Ашхабаде (1985), Фрунзе (1988), Казани (1992) и Уфе (1996). Начиная с состоявшейся в 1992 году в Казани VII конференции она приняла официальный международный статус.

В работе конференции приняли участие ученые-тюркологи из 11 стран мира, Азербайджана, Испании, Казахстана, Киргизии, Китая, Монголии, Польши, США, Турции, Узбекистана, Японии и из 22 регионов Российской Федерации.

Международная тюркологическая конференция отмечает, что наряду с развитием исследований по общим и частным социально-гуманитарным проблемам тюркологической науке сегодня важно обратить пристальное внимание на запросы практики, на необходимость подъема духовного самосознания и активизации культурной жизни, на витальность тюркских языков и на особенности миноритарных тюркоязычных наций и народностей.

Международная тюркологическая конференция своей основной задачей считает усиление связей между различными группами тюркологического научного сообщества, поскольку в настоящее время степень их взаимодействия явно недостаточна.

Одним из приоритетных направлений исследовательской работы, обращенной к повседневной практике, является анализ социально-лингвистических проблем, изучение функционирования тюркских национальных языков на современном этапе; совершенствование методов и приемов, применяемых при описательном, сопоставительном, сравнительно-историческом, ареально-географическом, типологическом изучении звукового и грамматического строя и лексики; дальнейшая разработка теории грамматических категорий и других теоретических положений общего языкознания в свете достижений тюркской лингвистики.

Недостаточное внимание к изучению функций родного языка в условиях дву- и многоязычия, как и другая крайность – недостаточная забота о методике обучения вторым государственным языкам и качестве владения тюркоязычными народами и народностями языками межнационального общения – русским, английским, китайским и др., может привести к негативным последствиям.

крупных смысловых единиц, а также из их монтажа; 3) постоянная работа по прогнозированию текста на всех уровнях – от слова или словосочетания до целого текста. Эта работа не даст большого прироста к умению школьников учиться, если будет носить эпизодический характер.

Чтобы “приучить дитя к разумной беседе с книгой” (по К.Д. Ушинскому), учителю необходимо создать благоприятные условия для работы над содержанием, разбором и усвоением прочитанного на основе разнообразных видов работы. Уроки чтения в начальных классах, кроме дидактического и воспитательного планов, призваны решать проблему, связанную с адекватным восприятием детьми произведений искусства слова. Достаточно часто дети, читая художественное произведение, воспринимают изображенное неточно и даже неверно, потому что на уроках чтения учитель не работает над развитием способностей, связанных с художественной рецепцией, целенаправленно.

Способность к образному анализу художественного произведения сама собой не формируется. А если она отсутствует, то читатель воспринимает лишь основные поступки героев, следит за ходом сюжета и пропускает в произведении все, что его затрудняет. Такой способ чтения закрепляется у детей и сохраняется даже в зрелом возрасте.

При дефектном механизме восприятия читателя и из подлинно художественного произведения усваивают лишь его сюжетную схему и абстрактные, схематические представления о его образах. Необходимо учить детей “обдумывающему” восприятию, умению размышлять над книгой, а значит, о человеке и о жизни в целом. Адекватное восприятие формируется в процессе анализа произведения, который должен быть совместным (учителя и учеников) раздумьем вслух, что со временем позволит развиваться естественной потребности самому разобраться в прочитанном. Анализ произведения должен быть направлен на выявление художественной ценности произведения.

Картина восприятия конкретного произведения учениками одного и того же класса будет неоднородной. Как варьируется восприятие литературы младшими школьниками, исследовала М.П. Воюшина. Она выделила четыре уровня восприятия художественного произведения, характерные для младших школьников:

1. **Фрагментарный уровень.** У ребенка отсутствует целостное представление о произведении, т.к. его внимание сосредоточено лишь на отдельных фрагментах произведения. Ребенок не может установить причинно-следственные связи в тексте, не может объяснить мотивы поступков героев, их последствия. Ребенок не в силах пересказать произведение: он пропускает события, путается в их последовательности, не запоминает имен героев, не может рассказать о них. Он сочувствует положительному герою, и ему не нравится отрицательный герой, он переживает за героя, радуется, если тот преодолевает препятствие, но выразить свои чувства словами затрудняется. Такое восприятие характерно практически для всех детей 5–6 лет.

2. **Констатирующий уровень.** Благодаря более развитому вниманию дети легко запоминают фабулу, восстанавливают поступки героев, пересказывают текст. Эмоции ребенка, находящегося на констатирующем уровне восприятия, точные и яркие, потому что он уже видит смену настроения в произведении. Но выразить свои ощущения в словах ребенку трудно. Воссоздание образа подменяется перечислением отдельных деталей или пересказом содержания эпизода. Внимание ребенка с констатирующим восприятием сосредоточено на событиях, их последовательность восстанавливается им легко, но не всегда ребенок понимает связь между ними. Обычно он может объяснить причины отдельных поступков персонажей, но охватить все причинно-следственные связи, учесть все обстоятельства ему трудно.

3. **Уровень персонажа (или аналитический).** Ребенок, поднявшийся на уровень персонажа, может сосредоточиться на деталях текста, более внимателен при чтении, его интересуют не только события, но и образы героев. Способность к зрительной конкретизации достаточно высокая для его возраста, образ, воссозданный маленьким читателем, эмоционально окрашен. Ребенок стремится предугадать события и поступки персонажей, оттолкнувшись от художественной реальности, и начинает приписывать героям свои собственные оценки. Такого читателя в произведении интересуют прежде всего герои. Дети верно определяют мотивы и последствия поступков персонажей, дают оценку героям, обосновывают свою точку зрения. Для ученика, заканчивающего обучение в начальной школе, уровень персонажа является нормой.

4. **Уровень идеи (или концептуальный).** Это самый высокий уровень восприятия, качественно отличающийся от уровня персонажа. Дети, достигшие уровня идеи произведения, эмоционально реагируют и на событийную сторону произведения, и на его художественную форму. Эмоции таких учеников тонки, богаты по оттенкам. Дети пытаются их выразить в слове и объяснить причины их появления. Отношение к герою и его поступкам всегда осознанно. Дети улавливают динамику эмоций в произведении, видят причины изменений эмоциональной атмосферы. У таких детей произвольное воображение уже преобладает над

5. Венг. *sepró* (ö, ə) 'дрожжи, осадок' MNyTESz 3: 519, с 1395 г., *seprew*. ПТ *čöpre-g (-g из-за кыпч. форм с нулем: тат. *čüprə*, башк. *süprə*; дальнейшую этимологию см. ниже, под *cseprü*), чув. *šapre* 'дрожжи', Федотов 2: 110. Булгаризм по *č- > s.

6. Венг. *sólyom* 'сокол' MNyTESz 3, 570, с 1072, К др.-тюрк. (ен.), МК *čavli* 'вид сокола', тур. *çavlı*, EDT 397, видимо, с венгерской суффиксацией. Для тюркского слова хорошей этимологии нет, венг. булгаризм (поскольку *č* передается как *s*) заставляет предполагать пратюркское слово. Первая часть, возможно, к кит. 鷂, совр. *yào*, др.-кит. *Laws*, класс. кит. *Lawh*, 3X *lawh*, ВХ *žawh*, РПДК *žèw*, СПДК, ППДК *jèw*, ср.-кит. *jèw* 'ястреб-перепелятник (*Accipiter nisus*)' (Karlgren 1144 m). Наиболее фонетически подобна тюркской ВХ форма (позже плохо соответствует ряд гласного), т.е. 0–III в. н.э.. Тюрк. *av* стягивается в венг. *o*.

7. Венг. *keselyű* (ű) 'стервятник' MNyTESz 2: 467, с 1233 г., *Keseleu*. К тюрк. *gōũči-lgü 'орел', ср. ст.-кыпч. *küčigen* (Houts.), тур. *güžigen*, *göžegen*, татар. сиб. *köcögän*, башк. *kösögän* (диал.), каз., ккалп. *küşigen*, кирг. *küčügen*, телеут. *küčügen* TMN 3: 631, ЭСТЯ 1997: 130. Долгота может быть восстановлена по озвончению срединного согласного в тур. В венг. булгаризм по -s-.

8. Венг. *kis* 'маленький' (без чередования долготы) MNyTESz 2: 495, с 1075 г., *kus*, *kyws*. ПТ *kičü-g 'маленький', чув. *kəžən*, як. *kučçuguj*, долг. *küččügij*; хак. *kəčəg*, *kəčižāk*; шор. *kičig*; сюг. *kičiy*; др.-тюрк. *kičig*; крх.-уйг. *kičig*; чаг. *kičik* (IM, АН, Абуш., Пав. С.), узб., нуйг. *kičik*; тур., гаг. *küčük*; аз. *kičik*; туркм. *kiči*; сал. *kiž*; кар. *kičke*; кар. К *kičkenä*; кум. *gičči*; балк. *gičče*; тат. *keče*, *kečkenä*; башк. *kese*, *keskej*; ног. *kiškej*; каз. *kišij*, *kiškene*; ккалп. *kišij*, *kiškene*; кирг. *kičü*, *kičinekej*; галт. *kičü*; туба *kičü*; куу *kičeeš*; куманд. *kičeci*. VEWT: 269, EDT: 696, ЭСТЯ 1997: 75–77. Огубленность в ст.-венг. – видимо, след вокализма второго слога. Развитие, наблюдаемое здесь, сходно со случаем венг. *kút* 'колодец' (с чередованием долготы: *kutat*). Можно было бы считать, что заимствование произошло из незасвидетельствованной тюркской бессуффиксальной формы с узким гласным на конце, *kičü; редуция второго гласного привела к удлинению *i, что проявляется в отражении его совр. *i*, а не *e*; сокращение долготы вторично (Ср. Хелимский 1979: 124). Однако, если правило Хелимского о долготе в однословах для *i* и *e* действительно действует, то, скорее, уже после венгерского перехода гласных – ср. отсутствие в этих словах чередования *e/i*, *o/u*, которое появлялось бы в ином случае и вряд ли могло быть полностью выровнено.

9. Венг. *késik* (ě) 'опаздывать' MNyTESz 2: 469, с 1138 г. ПТ *gěč- 'опаздывать', *gěč-e 'поздний; ночь, вечер, вчера', чув. *kaś*, як. *kiehe*, тув. *kežē*, тоф. *kežə*, узб. *keča*, аз. *gežä*, туркм. *gīč*, *gīžə*, хал. *kīčā*, VEWT: 245, EDT: 692–3, 694–5, ЭСТЯ 1980: 40–41, 50–51, СИГТЯ 2000: 82. Булгаризм по *s* < č.

10. Венг. *kos* MNyTESz 2: 585. ПТ *Koč 'баран', туркм. *Goč*, хал. *Goč* СИГТЯ 2000: 432, TMN 3: 539, 540–541, EDT: 592, ЭСТЯ 2003: 87–88, Аникин: 308, 309.

11. Венг. *besenyő* 'печенег' MNyTESz 1, 288, 1130 г. *beseneu*. (?) ПТ *bāča-nak 'мужья сестер между собой (свояки)', чув. *požana*, тув. *bažə*, тоф. *bažə*, хак. *pažə*, поздне-др.-уйг. *bača* (Lig. VSOu), крх.-уйг. *bažə-naq* (IM), чаг. *bača* (MA, Пав. С.), *bažanaq* (Pav. С.), узб. *božə*, нуйг. *bažə*, тур. *bažanak*, гаг. *bažanak*, аз. *bažanaG*, туркм. *bāža*, салар. *pažə* (ССЯ), татар. диал. *pacə* (КСТТ), галт. *bađa* (также 'жены братьев'), VEWT 54, TMN 2, 682, ЭСТЯ 2, 24, 26–27, СИГТЯ 2000, 310, Федотов 1, 453. Ср. также др.-рус. *печенегъ*. Суффиксальная форма имеется в огузских языках и в чувашском. Термин заимствован из болгарского, ср. *s*, замещающее *č. Раннее (хазарское? См. Golden 2005, 211). Впрочем, возможно и дунайско-болгарское заимствование, ср. ср.-болг. *пашеногъ* (или последнее из венг.?). В венг. упреждение, по-видимому, из-за вторичной гармонизации по второму гласному, упреждениям между *s* и *ny*?

12. (?) Венг. *orsó* 'веретено' MNyTESz 2, 1094, с 1405 г. Имеется три возможности этимологизации. а) EWU предполагает булгаризм и возводит к *agir-čak 'пряслице' (затем еще 'жернов'), рунич. *aγir-čaq*, куман. *νurčik* 'веретено' (?) EDT 92. Это явное производное от ПТ *iagir 'тяжелый' VEWT 8, EDT 88–9, ЭСТЯ 1, 85–87 (пряслице – грузик на веретене; конечно, не к несуществующему тюрк. *agir- 'прясть', как в EWU); тогда, если это действительно булгаризм, следовало бы ожидать отражения начального дифтонга (чув. *jiv̆r*, ср. выше о *ia). б) Формы, в основном, кыпчакских и сибирских языков, хак. *oorчыx*, тур. диал. *oğurcak*, кар. *увурчок*, *урчукъ*, кум., кбалк. *урчукъ*, тат. *орчык*, башк. *orsoq*, ног. *уршык*, каз., ккалп. *уршык*, узб., уйг. *určiq* (ЭСТЯ 1, 418, см. еще Lig. 1, 162–169), значащие "веретено", должны фонетически возводиться к ПТ *ogur-čuk (см., например, СИГТЯ 2006, 000) и не связаны, тем самым, с названием пряслица; возможно, куман. *νurčyk* 'веретено' сюда же. К незафиксированной болгарской параллели этих форм можно было бы

возводить венг. *orsó* почти идеально (как это и делает MНyTESz), только еще предполагая внутривенгерское вторичное сокращение ó-, закономерно полученного из стяжения. в) Можно было бы предположить производность от ПТ *ōr- 'плести, ткать' ЭСТЯ 1, 544–546, ср. тур. диал. *ör-iç* 'прялка, веретено'; ср., однако, несоответствие первого гласного по ряду и подъему.

13. Венг. *kororsó* 'гроб' с 1372 г.; *kororsó, koparsó*, MНyTESz 2: 566. ПТ *Kapurčak 'ящик, гроб; корзина' крх.-уйг. *qapurčaq* (МК), туркм. *Qapuržaq* EDT: 587, ЭСТЯ 1997: 276–278. О – результат вторичной гармонизации слова по второму гласному. Булгаризм по *s < *č*.

14. Венг. *bársony* 'парча, бархат' MНyTESz 1: 254–255, с 1221 г. ПТ *bārčun: чув. *porśyn* 'шелковая ткань', из чув. (позднего волжско-булгарского) заим. в рус. *бурсá* 'персидская шелковая ткань' Фасмер 1: 208–209 и в финно-угорские языки: мар. *порсын, парсын*, удм. *буртчин* и др., см. Федотов 1: 447. Из дунайско-булг. (судя по времени и месту) заимствовано в ст.-сл. *брачина*. Др.-уйг. будд. *barčīn*, крх.-уйг. *barčīn* МК, IбпМ 'шелковая парча' и т.д.; см. подробнее этимологию в СИГТЯ 2006: 801, EDT: 357–358 и др. Долгота следует из источника заимствования в пратюркский: ср.-перс. *abrēšom* [‘plyš(w)m, маних. ‘bryšwn] 'шелк' CPD: 4, ново-перс. *abrēsum* < *abi-raiš- 'прять', см. Аб. 1: 132, Цаболов 1: 15–16; в слав. также, скорее, рефлекс долготного сочетания с -а-; ср. *клобукъ* с исходным кратким.

15. Венг. *borsó* 'горох' MНyTESz 1: 349–350. ПТ *burčak 'бобы, горох', чув. *pərža, pərže*, туркм. *burčak*. EDT: 357, TMN 2:281, VEWT: 89, ЭСТЯ 1978: 275–277, Федотов 1: 401–402. Ср. также венг. *bors* 'перец' (подробнее об источнике в тюрк. см. СИГТЯ 2006). Булгаризм по *s < *č*.

16. Венг. *körös* 'ясень' MНyTESz 2, 618, с 1055 г., *keuriš*; Lig. 1986, 309, ПТюрк. *Käbrü-č, -k (уменьшительные суффиксы) "ясень": чув. *kavръś, kavръś*, карах.-уйг. *kevrik* 'hornbeam' (*Vitex agnus castus*) (МК), тур. *kürüç, küvrüç* (диал., возможно, балк.), азерб. *göjriüş*, кум. *güjriüş*, балк. *kürüç, küjriüş*, татар. *qorič-aḡaç*, башк. *qoros-aḡas* (народная этимология с *Kuruč "сталь"), ног. *küjriš* EDT 690, VEWT 245, ЭСТЯ 1997, 152, Лексика 136, Дыбо 2006, подробно Bläsing 2002, Rona-Tas 2005. Тюрк. > осет. *kärz(ä)* Абаев 1, 587–588.

Сюда не относится прямо венг. *som* 'кизил' EWU 1344, с 1055 г. Вопреки Róna-Tas 2005 и Дыбо 2006, это исходно не тюркизм, и не монголизм, а, скорее, аланизм. В тюркских языках находим только кум., балк. *čim*, в монг. только калм. *cöms* KWb 432¹. Эти формы связаны с осетин. *сум/сумае* 'кизил' Аб. 1, 321, которое явно заимствовано из сев.-кавк. *šumV-šV 'вид плодового кустарника; кизил': аваро-андийск. *šumi / *šimi 'кизил', цез. *šumal (~š-, š:-) 'кустарник', лак. *šunaw* 'кизил', дарг. *č:unab 'кизил', лезг. *šulm (~-o-) 'кизил, айва', хурр. *zilumba* 'date of the Phoenix dactylifera' (откуда заим. в шум. *zulum(m)a*, аккад. *suluppu*, см. Diakonoff-Starostin 1986, 41), (?) чеч. *šfolam* 'кустики'. См. NKED. Аланско-венгерское контактное слово должно восходить, однако примерно к тому же времени, что и наш "ранний" слой булгаризмов в венгерском (см. Róna-Tas 2005).

Ср. аналогичное развитие в венг. *sajt* 'сыр' MНyTESz 3, 474, с 1368 г.. Такая форма должна восходить к др.-венг. *sax; jt < xt до XV в. (см. Майтинская 381). Словари считают булгаризмом, ср. *čiküt 'сыр', караим. *čiyüt*, чув. *čьгыт* Федотов 2, 400. Дальнейшей тюркской этимологии слово не имеет, но имеется осет. *сухт* сыр Аб. 1, 328, с надежной иранской этимологией. Естественно предположить и в болгарском, и в венгерском единовременный аланизм с обычным для того периода звуковым пересчетом. Караимская форма, возможно, раннее заимствование из булг.

Имеется также несколько случаев, где по другим параметрам следует предполагать раннее болгарское заимствование, но ПТ *č отражено как *cs*. В этих случаях при наличии чувашского рефлекса обычно мы видим также шипящий, и особая рефлексация обусловлена положением перед *i*, *i* или восходящим дифтонгом.

1. Венг. *kecske* (ε) 'коза' MНyTESz 2: 420, с 1256. ПТ *gäči-ke, чув. *kaža, kažaga*, ЭСТЯ 1980: 34–36, СИГТЯ 2000: 426–427, Федотов 1: 242. Скорее всего, раннее болгарское заимствование (ср. суффиксальную форму; в ССум. *ečki*; не дунайское по *ä > ε).

2. Венг. *pacsirta* 'жаворонок', MНyTESz 3: 53 (предполагается этимология от звукоподражания). ПТ *biltirčīn 'мелкая птица, куропатка': чув. *pьldьržan* 'трясогузка', як. *bilžirūt, billirūt* 'бекас', тур. *bildiržin*, аз. *bildirčīn* (диал.), EDT: 309, TMN 2: 312, VEWT: 73–74, ЭСТЯ 1978: 305–306, СИГТЯ 2000: 173, Федотов 1: 396. Метатеза. Ранний булгаризм по *i > a.

¹ Пра-монг. *čöme-sü: калм. *cöm, cömεśñ* "кизил (дерево)" KWb 432. || В EDAL возводится к Палт. *č'áto (~-e-) "вид дерева": ПКор *čānh "вид дуба": ср.-кор. *čham-nam'u*, совр. *čham-namü* Liu 692, KED 1571. Пра-япон. *tami-kui "ясень": ср.-япон. *tamuki* JLTT 540. В Дыбо 2006 калмыцкое слово следует сравнивать с монг. *čöme "косточка, зерно, семя": письм.-монг. *čöme, čömii* (L 202), халха *cöm*, бур. *seme*- 'щелкать кедровые орехи' – ср. мотивацию латинского (*cornus*) и английского (*kernel*) названий кизила; эта основа имеет свою алтайскую этимологию, см. EDAL. Но распространение слова явно указывает на кавказские связи.

Литература – особый вид искусства, т.к. акт восприятия образов, стоящих в центре произведения, представляет собой сложный процесс. Восприятие художественной литературы является основой любого анализа, как школьного, так и литературоведческого, в противном случае этот анализ не будет иметь адресата. Отечественные и зарубежные психологи особое внимание обращают на то, что восприятие не является простым фотографированием, простым приемом информации. Это активная деятельность, в которой огромную роль играют положительная мотивация, потребность и интерес.

Главным условием верного восприятия текста является понимание каждого слова. Если в детях не развить чуткое отношение к незнакомым словам и выражениям, у них развивается невнимательность к целым предложениям. В результате они не вычерпывают все содержание текста, а довольствуются скольжением по поверхности смысла. В школьном возрасте дословное запоминание является помехой для развития умения пересказывать своими словами и понимать читаемое. Для того чтобы дословное запоминание не тормозило развитие мышления и речи ребенка, при повторном чтении сказок, рассказов надо варьировать текст: употреблять синонимы, менять порядок слов и предложений. Нужно приучать ребенка спрашивать о значении непонятных слов (о методике преподавания литературы и психологическом восприятии художественной литературы см.: [Богданова, Леонов, Чертов: 1999; Никифорова: 1972]).

Первичное восприятие текста обеспечивается чтением учителя или родителя вслух. При этом книги у детей закрыты, их внимание полностью направлено на слушание произведения и сопереживание учителю-чтецу или родителю-чтецу. Выбор такого приема для первичного восприятия аргументируется несовершенством навыка чтения детей младшего школьного возраста. Однако на более поздних этапах обучения чтению (3–4 классы) могут быть использованы и другие приемы:

– в школе: чтение текста специально подготовленными детьми; чтение текста детьми по цепочке; комбинированное чтение – когда учитель и вызванные ученики читают текст попеременно;

– дома: чтение текста братом или сестрой чуть старше по возрасту; чтение текста детьми (если их несколько и разница в возрасте небольшая) по цепочке; комбинированное чтение – когда родитель и ребенок читают текст попеременно.

В этих случаях учитель или родитель для своего чтения выбирает диалоги, описательные отрывки, начало произведения, заключительные строки произведения (концовку).

Проверка первичного восприятия является выяснением взрослыми эмоциональной реакции детей на произведение и их понимания общего смысла произведения. Самый удобный прием – беседа. К.Д. Ушинский одну из важнейших задач школы видел в том, чтобы "приучить дитя к разумной беседе с книгой" [Ушинский: 1954, 683]. Беседа после первичного восприятия прежде всего должна прояснить и закрепить первичные читательские впечатления детей. Например, можно обратиться к детям с вопросами: *Понравилось ли вам произведение? Что особенно вам понравилось? Когда было страшно? Когда героя было жалко?* Ответы должны показать учителю качество восприятия произведения детьми и быть ориентиром при анализе произведения.

Беря в руки любой текст, читатель должен ставить перед собой задачу выделить главное, т.е. понять, ради чего написан этот текст. Мысленная обработка заголовка – первый шаг к выяснению идеи автора. Заголовок настраивает на последующий диалог с текстом, в ходе которого происходит постижение содержания и его главной мысли. Если заголовок не задерживается в памяти, то затрудняется и обобщение получаемой информации. Чем лучше обработан заголовок, тем полноценнее будет дальнейшее чтение.

Предугадывание содержания по заголовку имеет различную степень трудности, в зависимости от того, что ребенок читает. Работа с заголовками может проводиться на разных этапах как до, так и после чтения текста. Умение вести диалог с текстом не всегда приводит к основному результату понимания – выделению главной мысли. Этому нужно целенаправленно учить. Выразить словами мысль – самостоятельная и очень трудная задача. Выражение мысли в словах далеко не всегда соответствует самой мысли: оно может быть и неполным, и неточным, и искаженным. Выделить главную мысль – это значит осознать ее в общем потоке текста, абстрагировать от конкретного воплощения, которое является формой ее бытия, и оценить степень ее значимости.

Чтобы научиться и приучиться выделять главную мысль, необходимо соблюдать следующие условия: 1) чтобы ученики знали, что эта цель стоит перед ними всегда, при каждом взаимодействии с текстом; 2) вычерпывание всех смыслов из каждого слова, выражения, предложения и более

Соответствующие лингвистические модели состоят из следующих подмоделей: а) когнитивные модели, обеспечивающие глубинное проникновение в текущий контекст и трансформацию его с сохранением смысла как внутри одной модели, так и между разными моделями (например, системы машинного перевода, системы извлечения знаний); б) диалоговые модели, обеспечивающие естественно-языковой диалог автоматизированной системы с пользователем при запросах к системе или ответах пользователя на вопросы системы. Функция таких моделей, помимо анализа или синтеза ЕЯ-текстов, заключается в формировании корректного образа ответа на запрос и/или реакции на ответ пользователя; в) концептуально-формальные модели, обеспечивающие целевую обработку текстов согласно соответствующим формальным правилам определенного языкового уровня (собственно грамматики ЕЯ); г) концептуально-функциональные модели, являющиеся наиболее полными описаниями определенного ЕЯ-уровня или уровней, обеспечивающих разработчиков структурно-функциональной, а также справочной информацией, необходимой при построении лингвопроцессоров.

Первые три подмодели, главным образом, отличаются сложностью, т.е. количеством языковых уровней (финальность как один из конститuentов аргументативного текста передается маркерами типа *специально, чтобы* и т.д.) и связей между ними и средствами экстралингвистического описания. Самыми сложными, очевидно, являются модели, относящиеся к первому классу, включающие наибольшее число различных взаимосвязанных языковых уровней, а также экстралингвистические описания, характеризующие особенности речевого акта (РА), такие как модальность, неполнота, контекст, пропозиция, иллюкутивные и коммуникативные особенности и др., и являющаяся наименее изученной и слабо описанной в настоящее время. В частности, локутивный уровень речевого акта аргументации представляет собой средство передачи внекоммуникативного содержания и значения темы речевого акта, то есть оформленного соответствующими языковыми средствами пропозиционное содержание. Поскольку РА аргумента-обоснования является определенным сочетанием РА, то в качестве языковой составляющей он имеет сочетание предложений, обусловленное определенным соотношением иллюкутивных и перлокутивных целей компонентных речевых единиц и наличием главной перлокутивной цели в обосновываемом речевом акте. Аргументативные акты обоснования обладают различным прагматическим диапазоном и характеризуются определенным набором прагматических контекстов употребления, что в свою очередь позволяет выделить определенный репертуар форм выражения, присущих тому или иному прагматическому типу речевых актов, определить глубину структурной вариативности. Наиболее типичной структурой аргументирования можно считать аргументацию, которую характеризует следующая стратегия обмена репликами: РА проponenta – РА оппонента, РА проponenta – РА оппонента: – *Не люблю я этого... – недовольно сказал Фома. – Выдумки, обман. Театр тоже вот... Купцы выставлены для насмешки... Разве они в самом деле такие глупые? А как же! Возьми-ка крестного... – Театр – эта та же школа, Фома, – поучительно сказала Люба. – Купцы такие были... И какой может быть в книгах обман? – Как в сказках... Не настоящее все... – Ошибаешься! Ты ведь не читал книг, – как же можешь судить? Именно они-то и есть настоящие. Они учат жить. – Ну! – махнул рукой Фома. – Брось... Никакого толку не будет от книг твоих!.. Вон отец-то у тебя книг не читает, а... ловок он! Смотрел я на него сегодня – завидно стало. Так это со всеми обращается... свободно, умеючи, для всякого имеет слово... Сразу видно, что чего он захочет, того и добьется. – Чего он добивается? – воскликнула Люба. – Денег только... А есть люди, которые хотят счастья для всех на земле... И для этого не щадя себя работают, страдают и гибнут! Разве можно отца равнять с ними? /М. Горький. Фома Гордеев/. (Юратмастӑн ҫавна... – тенё Фома кӑмӑлсӑррӑн... Суя сӑмах, ултав. Театра та ҫавах... Купецсем пулса выляҫсӑ, виртлешесӑ... ҫавӑн пек ухмах-им вара купецсем? Пырса калаҫ-ха! Ака – хреснаттене кӑна ил... – Театр вӑл – шкулпа пӑрех, Фома, – вӑрентсе каланӑ Люба. – Купецсем ҫавӑн пек пулӑ... Мӗнле ултав пултӑр-ха кӑнекере? – Халапсенчи пекех... Пӑрре те ҫӑн мар... – Йӑнӑштан! Эсӑ кӑнекесем вуласа курман вӑт – аҫтан ун пек калама пултаратӑн? Шӑпах вӑсем ӗнтӑ ҫӑнни ҫинчен калаҫсӑ. Вӑсем пурӑнма вӑрентесӑ. – Ну! – аллине сулӑн Фома. – Пӑрах... сан кӑнекусенчен нимӑн тулкки те тухмасть! Ав, асу сан кӑнекесем те вуламасть, ҫавах та... мӗнле ҫӑмӑл ҫын! Пӑхрӑм-пӑхрӑм та ун ҫине паян, вӑчӑхсе кайрӑм. Пуринне те вӑл хутишма пултарать... – ирӗклӑн, пӗлсе... кирек камийӑн та сӑмах тунать... Пӑхсанах палӑ – мӗнле иухӑш тытат, ҫавна тӑват-тӑватех. – Мӗн тӑвасси пур унта! – хыттӑн каланӑ Люба. – Укҫа, урӑх нимӑн те... Урӑхла ҫынсем те пур, вӑсем ҫӑр ҫинче пуриниӗн те телей тӑвасийӑн... ҫавӑниӑн хайсене хайсем хӗрхенмесӑр ӗслесӑ, асап тусесӑ, пӗтесӑ! Мӗниӑн манӑн аттене вӑсемпе танлаштаратӑн?)*

Другой тип РА представлен структурой последовательной аргументации, в которой участники сдержанны и цивилизованно позволяют друг другу высказывать свои мнения, – тезис с аргументами, с одной стороны, и контртезис с контраргументами, – с другой. Инициатива, естественно, принадлежит проponentу. В явном виде диалоги такого рода чаще всего встречаются в классических текстах, изложениях

џ < ПТ *џ:

Старо-рус. *чъпагъ* 'карман, сумка' (Даль), др.-русск. *чъпагъ* (Нифонт, XIII в.; см. Срезн. III, 1554), сербск.-цслав. *чъпагъ*, сербохорв. *чп̑аг*, род. п. *чпага*, также *ун̑аг* 'сумка, карман'. болг. *чупаг* 'вид короткой женской одежды без рукавов' Фасм. 4, 373-374. ПТ **ҫар-u* > ОТ **ҫар-gu* 'пазуха, пола, подол, клин в одежде', тув. *ҫавҗ*, тоф. *šabҗ*, хак. *sabҗ* 'клин (в одежде)', чэг. *čabuq* 'подол, фалда' (Pav. С.), хал. *čabu y* 'trimmed section on a woman's tunic', туркм. *ҫарҗ* 'ornamental trimming for clothes' lap', кум. *ҫабӑв* 'клин (в одежде), подол, фалда', тат. *ҫabu* 'подол, фалда', башк. *sabӑв* 'подол, фалда', ног. *šabuw* 'gusset-like front part of gown's laps'; казах. *šabuw* 'подол, фалда', ккалп. *šabuw* 'клин (в одежде)', кирг. *čabū* 'клин (в одежде)', галт. *čabu* 'клин (в одежде)' VEWТ 99, EDT 396, TMN 3, 47, Аникин 643.

**kovъčегъ*, см. выше.

руссск.-цслав. *бръльчоугъ*, сербск.-цслав. *бръльчугъ* 'браслет, кольцо', см. выше.

блъхъчи 'кузнец', см. выше.

**samъčьbъ* 'управляющий хозяйством', цслав., ст.-слав. *самъчи* о *оӓково/моф*, о *меӓзо/тероф* (Супр., Жит. Св. Климента) Фасмер 3, 554–555. См. выше.

Русск.-цслав. *брачина* (с XII в.) "вид шелковой ткани", др.-серб. *брачинь* «то же», см. выше.

џ < ПТ *џ:

**šatъrъ* 'шатёр'. См. выше.

Ср.-болг. *пашеногъ* 'печенег' – см. выше.

Оба последних случая, по их фиксации и распространению, достаточно легко поддаются интерпретации как заимствованные в южнославянские языки через венгерское посредство. Повидимому, такую интерпретацию для них и следует принять. В этом случае отражение дунайско-булгарских шипящих при заимствовании в южнославянский оказывается изоморфным их же отражению при заимствовании в венгерский:

ПТ	Раннебулг.	Чув.	Дун.-булг.	Ст.-слав.
*s(i)	s	š	s	ш
*џ	s	š	cs	ч (? ш)
*џ(i)	cs	č	cs	?

Это может характеризовать уже не столько фонологию старовенгерского языка, сколько особенности диалектного развития дунайско-булгарского: совпадение ранее различавшихся единиц, одна из которых интерпретировалась древневенгерским так же, как палатализованное *s, а другая – как шипящая аффриката, в шипящей аффрикате.

Литература

- Аб.: *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I–V. М.; Л., 1958–1995.
 Абуш.: *Вельяминов-Зернов В.В.* Словарь джагатайско-турецкий. СПб., 1868.
 Аникин: *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва; Новосибирск, 2000.
 Ашм.: *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Казань; Чебоксары, 1928–1950. Вып. 1–17.
 Буд.: *Будагов Л.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб. 1869. Т. I; СПб., 1871. Т. II.
 Верб.: *Вербицкий В.* Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884.
 ДСЯЯ: Диалектологический словарь якутского языка. М., 1976.
 Дыбо (1996): *Дыбо А.В.* Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). М.: Языки славянских культур, 1996.
 Дыбо (2007): *Дыбо А.В.* Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюрковский период. М.: Восточная литература, 2007.
 Дыбо (2008): *Дыбо А.В.* Материальный быт ранних тюрков. Жилище // Природное окружение и материальная культура пратюрковских народов. М., 2008.
 Дыбо (2009): *Дыбо А.В.* Булгары и славяне: фонетические явления в ранних заимствованиях // К 60-летию А.Ф.Журавлева. М.: Индрик, 2009.
 Дыбо (2010): *Дыбо А.В.* Вокализм раннетюркских заимствований в венгерском // In Gedenk von E.A.Nelmsky. *Finnisch-Ugrische Mitteilungen Band 32/33* © Helmut Buske Verlag 2010.
 Егоров: *Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
 КСТТ: *Гумашева Д.Г.* Көнбатыш Себер татарлары теле: Грамматик очерк һәм сүзлек. Казан, 1961.
 МА: монгольские глоссы в словаре Ибн Муханны, по *Понне Н.Н.* Монгольский словарь Муккадимат ал-адаб. Ч. I–II // Труды Ин-та востоковедения АН СССР. М.; Л., 1938. Вып. XIV.
 Майтинская: *К.Е. Майтинская.* Венгерский язык. // Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М.: Наука, 1976.
 Младенов: Младенов С. Этимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.
 Мудрак (1989): *Мудрак О.А.* Специфические дробления консонантных рефлексов в чувашском // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. I. М., 1989.
 Мудрак (1993): *Мудрак О. А.* Исторические соответствия чувашских и тюркских гласных: Опыт реконструкции и интерпретации. М., 1993.

Мудрак 1994: *Мудрак О.А.* Обособленный язык и проблема реконструкции праязыка: Дисс. на соискание ученой степени докт. филол. наук. М., 1994.
 Пек.: *Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка. Т. I–III (фототип. изд.).
 Р (Радлов): *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий: В 4-х томах. СПб., 1899–1911.
 Рас. Фил.: *Рассадин В.И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971.
 СИГТЯ 2000: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: лексика. М., 2000.
 СИГТЯ 2002: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции. М., 2002.
 СИГТЯ 2006: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюрка. М.: Наука, 2006.
 СПИ - Слово о полку Игореве.
 Срезн.: *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1893–1912.
 ССТМЯ: Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. I–II. Л., 1975–1977.
 Тефс.: *Боровков А.К.* Лексика среднеазиатского тевфира XII–XIII вв. М., 1961.
 Фасмер: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. М., 1964–1973.
 Федотов: *Федотов М. Р.* Этимологический словарь чувашского языка. Т. 1–2. Чебоксары, 1996.
 Хелимский (1979): *Хелимский Е.А.* Чередование долгот, консонантный ауслат и ударение в истории венгерских именных основ // *Valcanica*. Лингвистические исследования. М., 1979.
 Хелимский (2000): *Хелимский Е.А.* Венгерский язык как источник для праславянской реконструкции и реконструкции славянского языка в Паннонии. // Е.А. Хелимский. Компаративистика, уралистика. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 416–432.
 Цаболов: *Цаболов Р.Л.* Этимологический словарь курдского языка. Т. I. М., 2001. Т. II (в печати).
 Щербак (1997): *Щербак А.М.* Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.). СПб, 1997.
 ЭССЯ: Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н.Трубачёва. М., 1974.
 ЭСТЯ 1974: *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974.
 ЭСТЯ 1978: *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М., 1978.
 ЭСТЯ 1980: *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на «Г», «Д». М., 1980.
 ЭСТЯ 1989: Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й» / Авт. сл. статей Э.В. Севортян, Л.С. Левитская. М., 1989.
 ЭСТЯ 1997: Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «К» / Авт. сл. статей Л.С. Левитская, А.В. Дыбо, В.И. Рассадина. М., 1997.
 ЭСТЯ 2000: Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «К» / Авт. сл. статей Л.С. Левитская, А.В. Дыбо, В.И. Рассадина. М., 2000.
 ЭСТЯ 2003: Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С» / Авт. сл. статей Л.С. Левитская, Г.Ф. Благова, А.В. Дыбо, Д.М. Насилов, Е.А. Поцелуевский. М., 2003.
 ЭСТЯ VIII: Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Т», «Ч» / Авт. сл. статей Л.С. Левитская, Г.Ф. Благова, А.В. Дыбо, Д.М. Насилов, Е.А. Поцелуевский. Рукопись.
 АН: *Caferoğlu A.* Abū-Nayyân. Kitâb al-Idrâk li-lisân al-Atrâk. Istanbul, 1931.
 АРАУ – *Abhandlungen der preussischen Akademie der Wissenschaften.* Philosophisch-historische Klasse. Berlin.
 Berta (2005): *Berta A.* On the Turkic background of two early loanwords of Turkic origin in Hungarian. // *Turkic Languages*, V. 9, 2005, № 5., 188–198.
 Berta–Homoki-Nagy (2004): *Berta A., Homoki-Nagy M.* Ein ungarischer rechtshistorischer Terminus türkischen Ursprungs: *barom* ‘Vieh, Rind; Vermögen’ // *Studia Etymologica Cracoviensia*, vol. 9 Kraków 2004, 9–27.
 ССум: *Codex Cumanicus* / Ed. G.Kuun. Budapestini, 1880.
 СРД: *MacKenzie D.N.* A Concise Pahlavi Dictionary. L., 1971.
 D–T: *Doerfer G., Tezcan C.* Wörterbuch des Chaldaisch: (Dialekt von Charrab). Budapest, 1980.
 EDAL: *Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A.* An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden, 2003.
 EDT: *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.
 Erdal (1991): *Erdal M.* Old Turkic Word Formation. I-II. Wiesbaden, 1991.
 Erdal (1993): *Erdal M.* Die Sprache der wolgabolgarischen Inschriften. Wiesbaden, 1993.
 Ettuh.: *Ettuhfet-üz-zekiyye fil-lügat-it-türkiyye / Çevirien Besim Atalay.* Istanbul, 1945.
 EWU: *Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen.* Bd. I-III. Hgb. L. Benkő. Budapest, Akadémiai kiadó. 1993.
 Gombocz (1912): *Gombocz Z.* Die bulgarisch-türkische Lehnwörter in der ungarischen Sprache. Helsinki, 1912 (MSFOu. XXX).
 Heilk.: *Rachmati G.R.* Zur Heilkunde der Uiguren. // SPAW, 1930.
 Honti: *Honti L.* Geschichte des Obugrischen Vokalismus der ersten Silbe. Budapest, 1982.
 Houts.: *Houtsma M.Th.* Ein türkisch-arabisches Glossar. Leiden, 1894.
 HУ: *Lewicki M.* La langue mongole des transcriptions chinoises du XIV-e siècle. Le Houa-yi yi-yu de 1389. Wrocław, 1949.
 IM: 1) *Battal Aptullah.* Ibnü-Mühenna lügati. Istanbul, 1934. 2) *Мелиоранский П.М.* Араб филолог о турецком языке. СПб., 1900. 3) *Малов С.Е.* Ибн-Муханна о турецком языке // ЗКВ. Л., 1928. Т. III. Вып. 2.
 Kakuk (1982): *Kakuk S.* The Hungarian Historical Etymological Dictionary and Chuvash phonology. // *Chuvash Studies.* Budapest, 1982, 83–96.

Сынсене вал яланах ырă сунать, анчах темшён-шке нумай терёсиарлăхпа тата усалпа тёл пулма тивет унăн. Çакна савăри иккеленулех те палартать:

*Эп, тен, мана сунмалăх ырă,
 Ыр еç те таваймарăм пуль...
 Эп, тен, сынна ыр суннă чух та
 Усал кăна таватăп пуль...
 Хайлав пуçламăшёнче ыйтава хайех хуравлать пулсан:
 Сана та йывăр-им таванăм.
 Мана та йывăр пек паян,
 юлашкинчен те хурав тупаймасть:
 Сана та йывăр-им, таванăм.
 Сана та йывăр-им паян.*

Лирика геройё хайне йывăр туйнипе вёсленет савă.

Савва тытăмё енчен пăхас пулсан вал саврака йёркеленет (хайлав пуçланать те, вёсленет те пёр ыйтуллă сăмахсемпех («Сана та йывăр-им, таванăм.»)). Кунти риторикалла ыйтусем, кăшкăрусем, нумай пăнчăсем, шухăшёсене каласа пёттерменни тата вулакансенчен ыйтни - пурте лирика геройён чун палханăвне палартасçё.

Пётёмёшле илсен, сўлерех асаннă поэтсем пурте хальхи пурнăç чанлăхне санласа парасçё, анчах та кашниех хайне евёрлё. Вёсен лирика геройё Пурнăсра сахал мар йывăрлăхлăхсем курнă, тўрё, таса чунлă сын сăнарёпе тухса тарать. В. Туркайăн лирика геройё Пурнăç синее иккеленуллё куçсемпе пăхатъ. Савас вулакансем патне хайён сунса таракан туйăмёсене ситерес теллепне – кăшкăруллă, ыйтуллă предложенисем усă курать. В. Станьялăн геройё пурнăç чанлăхне пёлет, ана лăпка йышланать. Унăн предложенийёсем вёсёнче те пăнчă ларать. Карягинăн лирикалла геройён туйăмёсем пачах урăхла: вал тасти чунри туйăмсене санлатъ, никама та айăпламасть, пурнăç йывăр, анчах та сав йывăрлăхпах вал илемлё пулнине катартса парать. Унăн интонацийё Пёр йёрпе пымасть: пёрре сёкленет, тепре анать. Чёлхе телёшёнчен илеси пулсан, савассен пурин те пуян, сăнарлă, кашнин хайне евёрлё чёлхе.

Литература

1. *Гребенюк О.С., Гребенюк Т.Б.* Теория обучения. М., 2003. 324 с.
2. Педагогические технологии / В.С. Кукушкина и др. // Учебное пособие для студентов педагогических специальностей. М.; Ростов-на-Дону, 2004. 335 с.
3. *Полат Е.С.* Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. М., 1999. 224 с.

АРГУМЕНТАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АВТОМАТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКЕ ТЕКСТА

С.В. Ермолаева, А.Р. Губанов, Г.Ф. Губанова

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова

В настоящее время тексты на естественном языке (ЕЯ) являются основным способом хранения и передачи знаний. В связи с усиливающейся тенденцией к хранению текстов в цифровом виде и быстрым ростом объема текстовой информации актуальной является проблема автоматизации обработки подобной информации, в частности проблема машинного анализа текста. В последние годы большое распространение получили различного рода интеллектуальные системы, выполняющие обработку текстов на естественном языке. Большинство систем анализа текстов на ЕЯ, использующих недетерминированные методы синтаксического анализа, в той или иной форме опираются на идею последовательной группировки слов, а затем и словосочетаний исходного предложения в словосочетания более высокого уровня. Слова и синтагмы объединяются под общим термином "текстовые единицы" (ТЕ). Правила образования синтагм из ТЕ и методика применения этих правил определяют точность и скорость выполнения каждого конкретного алгоритма синтаксического анализа[1, 3].

А вот системы, автоматизирующие обработку ЕЯ-текста с целью выявления его смысла и структуры, крайне немногочисленны, что объясняется сложностью лингвистического моделирования и неразвитостью теоретической базы. Как нам представляется, решение проблемы построения естественно-языковых лингвистических моделей и создания на их основе эффективных лингвопроцессоров, лежит не столько в области создания полных описаний ЕЯ (даже если это было бы возможно гипотетически), сколько в области концептуального осмысления подхода к построению лингвистической модели как к неотъемлемой части системы, составляющей единое целое вместе со всеми участниками обработки текста. Таким подходом, как мы считаем, является четкое базирование модели на причинно-следственных связях, объединяющей всех участников вокруг целевой обработки ЕЯ-текста.

«Пѣлместѣн пурънма» тесе ан асѣн,
Суя килпет туяймѣн чыс сутса.

Çак çѣрçинче çулсем нумай та аслă.
Çулсем хѣресленеççѣ тѣл пулса.
Кашни çул юптинчех, çĕн алăк каснăн,
Виçсе хаклатăп пĕтĕм пурнăçа

(«Пурнăçамăр каткăсрах кун-çулăмăр...»)

Ку савва автор силлаботоникан хорей савă виçипе çырна. Кунта хѣресле рифмă палăрять. Хайлавра философилĕх паллисем пуррине кура философилле лирика теме пулать:

Çак çѣрçинче çулсем нумай та аслă.
Çулсем хѣресленеççѣ тѣл пулса.
Кашни çул юптинчех, çĕн алăк каснăн,
Виçсе хаклатăп пĕтĕм пурнăçа.

Савăри лирика геройĕ – пурнăçра сахал мар тÿсне, йывăрлăхсенчен хăраман, яланах малалла талпăннă вайлă сын. Вăл маттур, чыслă тата таса чунлă пулни те паллă.

Вулакансем патне хайĕн шухăш-кăмăльне сăнарлă çитерес тĕллевне автор тропсемпе чылай усă курать. Тĕслĕхрен, метафора («аслă çул»), сăпатлантару («çулсем хѣресленеççѣ», «суя килпет туяймăп»), «чыс сутса»), танлаштару («сив турăш пек»), пĕр йышши членсен речĕсем («Хѣвеллĕ-и кунсем е çумăрлă») тата ыттисем те. Савă стильне хайлаври хирĕçÿлĕхпе икĕ енлĕх те палăртать:

Усалсемпе ырсем, челĕхне туркăмăл
Ик çар çынни пек хирĕç тѣл пулсан...

В. Туркайн «Сана та йывăр-им, таванăм» сăввине илер. Сăввăн виçi – амфибрахи, хѣресле рифма.

Сана та йывăр-им таванăм.
Мана та йывăр пек паян.
Йăлтах – йĕркелĕ пек.
Йĕркелĕ, пĕр шутласан, пĕтĕмпех.

Пур – ёç. Кил-йыш.
Туссем те пур-ха.

Пур ёмĕт. Шанчăк та çук мар...
Йăлтах йĕркелĕ. Йăлт йĕркелĕ!..
Эп пур – пуçа усса ларан.

Эп никама та ймсанмастăп.
Пуяççĕ... Пуяччăр. Пуяччăрах!
Саваççĕ-тĕк – тархасиан, савччăр.
Эп кунийан саванан кăна.

Эп никама та ймсанмастăп.
Пурне те ыра эп сунан.
Анчах... Хама ыр сунине çеç
Эп тем питех туйса кайман.

Эп, тен, мана сунмалăх ыра,
Ыр ёç те таваймарăм пуль...
Эп, тен, çынна ыр суннă чух та
Усал кăна таватăп пуль...
Пѣлместĕп. Нимĕн те пѣлместĕп!
Пѣлме пуçлатăн та – каллех
Иккĕленмешкĕн пикенетĕп.
Каллех – ыйту çине ыйту.

Пѣлместĕп. Нимĕн те пѣлместĕп!
Пѣлетĕп, йывăр халь манна.
...Сана та йывăр-им, таванăм.
Сана та йывăр-им паян.

Ку савăра пурнăç философийĕ палăрать, вăл малашлăх пирки шухăшлаттарать. Кунта лирика геройĕ – вăтам çулхи сын. Ана пĕр ыйту каннеç памась: мĕншĕн çѣр çинче пурнма йывăр-ши. Лирика геройĕ пирĕн ума йĕркелĕ, таса чунлă, тÿр кăмăллă тухса тăрать:

Эп никама та ймсанмастăп...
Пурне те ыра эп сунан.

Kow.: *Kowalewski J.E.* Dictionnaire mongol-russe-français. I–III. Kasan, 1844–1849.

Köppen I: 373

KWb: *Ramstedt G.J.* Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.

Less.: *Lessing F.D.* Mongolian-English dictionary. Berkeley; Los Angeles, 1960.

LH: *Poppe N.* Das mongolische Sprachmaterial einer Leidener Handschrift // ИАН СССР. 1927. XXI. Сер. VI. № 15-17.

Ligeti (1933): *Ligeti L.* Régibb török jövevényaszavaink magyarázatahoz. // MNy XXIX 1933.

Ligeti (1966): *Ligeti L.* Noms turcs pour ‘fers,bracelet, bague’ dans les langues slaves et dans le hongrois. // Studia slavica, Budapest 1966, XII, f. 1–4.

Ligeti (1986): *Ligeti L.* A magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-korban. Budapest, 1986.

Lig. MNyTK: *Ligeti L.* A magyar nyelv török kapcsolatai és ami körülöttük van. I. Budapest, 1977; II. Budapest, 1979.

MGCD: Menggu yuzu yuyen cidien, Qinghai 1990.

MK: словарь Махмуда Кашгарского (см.: ДТС; EDT)

MNyTESz: A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. I–III. Budapest, 1967–1976.

Palló (1961): *Palló Margit K.* Die Vertretung ung. sz- (s-) < türk. j- in den alten türkischen Lehnwörter der ungarischen Sprache // UAJ 33. 1961. S. 128–135.

Pav. C.: *Pavet de Courteille M.* Dictionnaire turc-oriental. P., 1820.

Poppe (1968): *Poppe N.* Über einige Vokalentsprechungen in mongolischen Lehnwörter in Tuwinischen // ZDMG. 1968. Bd 118, H. 1.

QB: материал из рукописи «Кутадгу Билиг».

Qutb: *Zajaczkowski A.* Najstarsza wersja turecka Husräv u Šīrīn Qutba. Warszawa, 1961. T. III: Słownik.

Räs. (1937): *Räsänen M.* Über die langen Vokale der türkischen Lehnwörter im Ungarischen // *FUF*, t. XXIV, 246-255.

Róna-Tas (1971): *Róna-Tas A.* On the Chuvash guttural stops. // Studia turcica. Budapest, 1971. 389-399.

Róna-Tas A. On the history of the Turkic and Finno-Ugric affricates. // AOH 36 (1982), 429-447.

Róna-Tas (1982): *Róna-Tas A.* The periodization and sources of the Chuvash linguistic history // Chuvash Studies. Budapest, 1982, 113-169.

Róna-Tas (1988): *Róna-Tas A.* Turkic Influence on the Uralic Languages // The Uralic Languages. Leiden, 1988.

Róna-Tas (2005): *Róna-Tas A.* Néhány megjegyzés faneveinkről (*Bükk, dió, gyertyán, gyümölcsény, gyűrűfa, éger, kőrís, mogyoró, tölgny*). // Magyar Nyelv. 2005: 419-438. Budapest.

Sangl.: Sanglax. A Persian Guide to the Turkish Language by Muhammad Mahdī Xān: Facsimile Text with an Introduction and Indices by sir G.Clauson. L., 1960.

SH: *Haenisch E.* Wörterbuch zu Manghol-un Niuča Tobčaan (Yüan-ch’ao pi-shi), Geheime Geschichte der Mongolen. Leipzig, 1939.

Sinor (1962): *Sinor D.* Some Altaic names for bovines. AOH 15, 1962.

Sinor (1990): *Sinor D.* Turkic yer ‘ground, place, earth’ — Chuvash *şer* — Hungarian *szér* // Essays in Comparative Altaic Linguistics. Bloomington, 1990.

Skok: *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, I–IV. Zagreb, 1971–1974.

Stachowski: *Stachowski M.* Dolganischer Wortschatz. Kraków, 1993.

Stachowsky (1995): *Stachowski M.* Problem orientalnych etimologii polskiego *ogar* i węgierskiego *agár*. // Studia z filologii Polskiej i Słowiańskiej, 32. SOW, Warszawa 1995. 103-115.

TMN: *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1963. I; Wiesbaden, 1965. II; Wiesbaden, 1967. III.

TT VII: *Rachmati G.R.* Türkische Turfan-Texte. VII // APAW. 1936. №12

UEW: *Redei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986–1989.

Vámb.: *Vámbéry H.* Čagataische Sprachstudien enthaltend grammatikalischen Umriß, Chrestomatie und Wörterbuch der Čagataischen Sprachen. Lpz., 1867.

Vásáry (1976): *Vásáry I.* Two Old Turkic loan words in Hungarian. // Hungaro-Turcica. Studies in honour of J. Németh. Budapest, 1976. 239-248.

VEWT: *Räsänen M.* Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ КОНЦЕПЦИИ ЭТНОЯЗЫКОВОЙ ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ (СРЕДИННОЙ) АЗИИ В ДОМОНГОЛЬСКУЮ ЭПОХУ

Н.И. Егоров

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары

Древняя и раннесредневековая этноязыковая, политическая и культурная история Центральной Азии до сих пор остается одним из наименее изученных разделов всемирной истории. Между тем археологические открытия, историко-филологические и компаративистические исследования последних десятилетий дают право утверждать, что роль народов, населяющих глубинные области Евразии, в процессе исторического и культурного, цивилизационного развития континента была гораздо большей, чем это представлялось ранее.

Трудность изучения этноязыковой, культурной и политической истории народов, издревле населявших Центральную (Срединную) Азию и сопредельные территории, определяется прежде

всего слабостью источниковедческой базы: количество письменных источников относительно невелико; круг событий, которые они отражают, чрезвычайно узок; большая часть дошедших до нас нарративных источников создана за пределами Центральной Азии, а время их создания не всегда близко ко времени описываемых в них реальных исторических событий.

В истории евразийской кочевнической цивилизации можно выделить две генеральные эпохи – индоевропейскую (или индоиранскую) и алтайскую (вернее, тюркскую), принципиальная разница между которыми носит скорее сугубо этнолингвистический, чем культурологический, цивилизационный характер. Плавный переход от индоевропейской эпохи к тюркской растянулся на несколько столетий и приходится на середину I тысячелетия до н.э.

Специалисты выделяют несколько узловых этапов в историческом развитии цивилизации евразийских степей: эпоха камня, когда происходит формирование человека; эпоха неолитической революции, характеризующаяся становлением производящих форм экономики; период палеометалла – ранней и поздней бронзы; период раннекочевнических (туранских) цивилизаций саков, усуней, кангюев, юэчжей, сарматов, массагетов и пр.; эпоха сюнну, т.е. огурской (протобулгарской) конфедерации тюркоязычных племён; древнетюркская эпоха; монгольская эпоха; эпоха Средневековья; Новое время и т.д. Иногда специалисты по ранним этапам истории кочевников выделяют сако-гуннскую (VII/VI вв. до н.э. – VI в. н.э.) и тюркскую (с середины VI до середины XV в. н.э.) эпохи. С такой периодизацией истории кочевнических цивилизаций евразийских степей, в принципе, можно согласиться, если обозревать историю кочевников, говоря образным языком Л.Н. Гумилёва, «с высоты птичьего полёта». Однако и при таком широком обзоре в эту хронологическую шкалу напрашивается прототюркская эпоха, охватывающая временной диапазон как минимум с эпохи неолита до выхода на широкую историческую арену родоплеменной конфедерации сюнну, которая отождествляется с археологической культурой плиточных могил. Но уже при «взгляде с вершины холма» потребуется более подробная периодизация, а о взгляде «из мышиной норы» и говорить не приходится.

Проблема формирования древнетюркских этносов чрезвычайно сложна и многогранна, а потому требует пристального внимания и скрупулезного изучения. Особого внимания заслуживает проблема тюркской цивилизации. В настоящее время представляется наиболее актуальным решение следующих первоочередных задач:

- обоснование необходимости выделения тюркского сообщества как особой цивилизации;
- описание генетического кода и специфических черт тюркской цивилизации;
- установление предпосылок и начальных этапов становления тюркской цивилизации (во всяком случае пока не очень понятно, откуда нужно вести отчёт – с сюннуского времени или с древнетюркского, т.е. со времени появления на исторической арене этноса под названием *türk*);
- определение основных этапов истории тюркской цивилизации и их характеристика;
- изучение вклада тюрков в развитие цивилизационных процессов в окружающем мире, а также их влияния на мир-системные процессы в эпоху Средневековья в целом;
- определение места степных цивилизаций в новой индустриальной мир-системе и динамике современных макроцивилизационных процессов и т.д. (о цивилизационном подходе к истории евразийских кочевников см. работы Е.М. Абеннова, М.Х. Абдусеитовой, Е.М. Арынова, С.А. Аязбекова, Н.Ж. Байтеновой, Ж.Ж. Жумабекова, М.К. Козыбаева, Н. Садыкова, Т. Сулейманова, И.Н. Тасмагамбетова, Г.К. Шалабаевой и других казахстанских исследователей).

Изучение истории тюркских языков и народов принято начинать с т.н. алтайской эпохи. Однако уже в середине прошлого века выяснилось, что материальная общность тюркских и монгольских языков сформировалась не ранее XI в. н.э. К сожалению, современная алтаистика пока не в состоянии реконструировать строй монгольского языка хотя бы на диахроническом уровне середины I тыс. н.э., т.е. до проникновения во все его структурные уровни массы огурско-тюркских элементов. Поэтому корректнее будет начать изучение истории тюркских языков и народов с прототюркского состояния.

Прототюркская эпоха охватывает неопределённый пока период, продолжавшийся до первичного распада прототюркского этноязыкового континуума на две отрасли – пратюркскую и прабулгарскую (последнюю ветвь в западной традиции обычно называют огурской).

Распад прототюркской общности современными тюркологами-компаративистами обычно датируется (по различной методике) рубежом н.э. (А.В. Дыбо) или III–II вв. до н.э. (А. Рона-Таш, О.А. Мудрак) и привязывается ко времени формирования или распада государства сюнну.

Прототюркскую эпоху наиболее логично связывать с т.н. культурой плиточных могил, охватывающей огромный пространственно-хронологический континуум от западных склонов Большого Хингана до Центральной Монголии включительно в широтном направлении и от горно-

Информацие ёсленё чухне лингвотсихологсем тёп выр́ана контекста лартаҕҕё. Мёншён тесен контекст пуррипех ҕын малашне хайне мён кётнине пёлсе тата а́на мёнле хакламаллине туйса т́арать, тёслёхрен, пёр «сура́х» са́махах контекстра ыйта́ва, кашка́рава, ҕирёплетёве, х́аратнине, хавхалантарнине, тарáхнине т. ыт. те палáртма пултарать. Пёр-пёр ёсе пу́сана́с умён малтанах ҕын ҕак пула́м пирки нума́йрах контекстла информа́ци пу́старма т́арáшать.

М.М. Бахтин та хайён «Са́махсен пултарула́х эстетика» («Эстетика словесного творчества») ёсёнке пёр текста тепёр текстсемпе танлаштарать, ун хы́ҕҕан тепёр хут иккёшне те контекст пёрлехёнче анла́рах тишкерет. «Контекст» са́мах анла́ пёлтерёшлэ: унна пёр-пёр ёс пула́ма та, реплика́сене те, мотива та палáртма пулать. Апла пулсан, социалла́, тыткаларáшлá, туйáмлá, историллэ, культура́ллá тата ёс-хёле палáртакан контекстсем пулма пултараҕҕё.

Литература искусствине те ҕёнёнён ҕёнё ятсем, ҕёнё произведенисем ҕуратать. Кунран-кун пирён пурна́ҕра ҕёнё ятсем кёрсе пыраҕҕё. Самана улша́нать, ҕынсем те улша́наҕҕё. Хальхи ва́хатра А. Смолин, Р. Сарпи, В. Тарават, Л. Ковалюк, М. Карягина, Г. Серебрякова, В. Туркай, В. Станьял тата ытти поэтсем палáрса т́араҕҕё.

Ҕулерех асаннисенчен ви́сёшне хамár ёсре тимлёрех уйáрапа́р. Тёслёхрен, М. Карягина «Та́ваткал тёлёксем» ке́некинчи «Эпё төпсёр аса́ма анса» ятла́ сáввине илер:

*элё төпсёр аса́ма анса
йáх-áрава ҕуретёп палласа:
йы́хара́ва ку́сан кашни сасса
(кунта сассем па́р шывё пек таса!)
ҕак ҕилсемпе юнашарах ҕурёнё,
хум тинёсрен тухса каяс пек йёнё...
суран ҕурёнё пуль – пулман та́р у́чё,
ҕарран ҕурёнё... – тушмакланна́ у́чё,
ҕара ура пач уйра́м йёр та́вать! –
ҕапла эп палла́п, йáхам ҕав та́ва:
ҕуха-та́ва, ыра-та́ва, юра-та́ва...
та́ван,
па́хсассан па́х-ха, тип а́са
ҕапса п(á)ра́хас пек, и́смасса! –
Килес áру килет аса!*

Кунта ҕакна палáртса хумалла: Марина Карягина ирёлкё сáва ви́сипе - верлибрпа уса́ курать. Автор хайён шухáш-ка́мáлне уйра́м са́махсен пёлтерёшё урла́ систерет. Ку сáва́ра философилле лирика туйáмё («эпё төпсёр аса́ма анса йáх-áрава ҕуретёп палласа...») палáрса т́арать. Сáва́ра лирика геройё – ҕамра́ках маар ҕын. Вáл пурна́ҕ тутине тутанса курна́. («ҕапла эп палла́п, йáхам ҕав та́ва: ҕуха-та́ва, ыра-та́ва, юра-та́ва...»).

Шел пулин те, пурна́ҕ сукмакё яланах тёрё пулма пултараймасть: ырата́вё те, ҕухата́вё те, юрата́вё те тёл пулать. Юлашкинчен вара лирика геройё ҕёнё áру килнине, вёсен малалла пурáммаллине, ваттисен вара пурна́ҕ каялла пулнине áнланса илет.

Автор пáнчá хы́ҕҕан та пёчкё сас палипе сырать. Стилё енчен - сáва́ра чылай риторика́лла кашка́русемпе ыйтусем палáраҕҕё. Ҕыравҕан шухáшёмсем вёсленменнин ку́скёрётех. Ана вáл вулакансем патне илсе ҕитерес тёллевлэ. Нума́й пáнчáсем те шухáш вёсленменнине кáтартаҕҕё; тиресем калас тенине ҕирёплетеҕҕё. 1-мёш ҕавра́ман 4-мёш йёркине икё енчен скобка́па хупна́: предложении хай умёнчине анла́латса áнлантарса парать.

Сáвван сáнарла́хне па́хсассан мён калама пулать-ха. Карягина хайлавёнче тропсемпе уса́ курать: са́патлантару («тёпсёр аса́ма анса»), танлаштару («па́р шывё пек таса»), гиперболá («хум тинёсрен тухса каяс пек йёнё»), метафора («тип а́са»), пёр йышшт членсен речёсем.

В.П. Станьялан черетлэ сáввине па́хса тухар:

*Пурна́ҕа́ма́р кáткáсрах кун-сула́ма́р –
Па́йáрхану та шухáш та нума́й.
Хёвеллэ-и кунсем е ҕиллэ-сумáрлá –
Ку́с хáна́хать витёртерех курма.*

*Усалсемпе ырсем, челёхне тёркáмáл
Ик ҕар ҕынни пек хирёс тёл пулсан –
Ты́таҕáва кёрсе каймашка́н ҕáмáл –
Та́рас килмест сив турáш пек па́хса.*

*Чее áсчахсене эп áмсанма́стáп:
Ирсёрлэхе курмиш этем – усал:*

сложную деятельность со структурой: цель-средства-действия-результаты. С этих позиций предусматривается анализировать деятельность педагогов и обучающихся, выделять виды их деятельности, разрабатывать понятие «полифункциональность преподавания языка».

В 80-ые гг XX в. экспертами стран Совета Европы, в том числе и представителями России, по результатам работы по систематизации подходов к преподаванию иностранного языка и стандартизации оценок уровней владения языком был составлен документ под названием «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка». Он отражает компетенции, которыми необходимо овладеть изучающему язык, чтобы использовать его в целях общения, а также то, какие знания и умения ему необходимо освоить, чтобы коммуникация была успешной.

Европейский стандарт владения иностранным языком включает в себя стандартную терминологию для описания предмета изучения, уровней владения языком, независимо от того, какой язык изучается, в каком образовательном контексте – в стране, в институте, в школе, на курсах или частным образом и какие методики при этом используются. В итоге работы была разработана система уровней владения языком и система описания этих уровней с использованием стандартных категорий. Эти два комплекса создают единую сеть понятий, которая может быть использована для описания стандартным языком любой программы обучения, начиная с постановки задач и целей обучения и заканчивая достигаемыми в результате обучения компетенциями.

При разработке европейской системы уровней проводились обширные исследования в разных странах, методики оценки опробовались на практике. В результате пришли к согласию по вопросу о количестве уровней, выделяемых для организации процесса изучения языка и оценки степени владения им. Выделено шесть крупных уровней, представляющих собой более низкие и более высокие подуровни в классической трехуровневой системе, включающей в себя базовый, средний и продвинутой уровни. Схема уровней построена по принципу последовательного разветвления. Она начинается с разделения системы уровней на три крупных уровня – А, В и С.

Введение общеевропейской системы уровней владения языком не ограничивает возможности различных педагогических коллективов по разработке и описанию своей системы уровней и модулей обучения. Однако нельзя не согласиться с тем, что использование стандартных категорий при описании собственных программ способствует обеспечению прозрачности курсов, а разработка объективных критериев оценки уровня владения языком обеспечит признание квалификационных характеристик, полученных учащимися на экзаменах. Цель нашего внимания к этим уровням заключается в целесообразности их использования в качестве руководства в разработке стандарта, программы обучения и критериев оценки владения чувашским языком иноязычной аудиторией.

Предлагаемый к обсуждению проект стандарта разработан исходя из содержания уровней владения языком, определённых указанным документом. Стандарт разработан для обучения чувашскому языку как неродному в вузах республики. С учётом того, что уровень владения языком контингента обучаемых разный, посчитали целесообразным определить двухуровневое содержание обучения языку: для невладеющих и элементарно владеющих. При определении содержания данных уровней ориентировались соответственно на уровни А1 (уровень выживания) и А2 (предпороговый уровень) – для невладеющих, В1 (пороговый уровень) – для элементарно владеющих.

Итак, нами предполагалось в ходе работы над совершенствованием преподавания чувашского языка как неродного в вузах Чувашской Республики опираться на категории система, личность, деятельность, составляющие методологическую основу педагогической науки и практики, не исключая также наблюдение за образовательно-воспитательным процессом в вузах, обобщение передового опыта педагогов и педагогический эксперимент с целью проверки эффективности предлагаемой технологии обучения.

ХАЛЬХИ ВӀХӀТРИ ЛИРИКӀН ХӀЙНЕ ЕВӀРЛӀХӀ

Н.И. Степанова, В.В. Громова

И.Я. Яковлев ячӀллӀ ЧӀваш патшалӀх пдагогика университетӀ, Шупашкар хули

ВӀхӀт малалла шӀвать. СисмесӀрех акӀ XXI ӀмӀр хӀпхи умне те Ӏитсе тӀтӀмӀр. ТӀпчевӀсӀсем XXI ӀмӀре ӀӀнӀ технологисен ӀмӀрӀ тесе пӀлӀртӀсӀе. ӀӀнӀ технологисем кӀске вӀхӀтрах пурнӀӀӀан пур сферисенче те пӀлӀрма тытӀнӀӀӀ. ПурнӀӀ улшӀнавӀсӀем искусствӀра та, литературӀра та сисӀнемсӀӀр юлма пултараймӀсӀӀ. ЛитературӀна та ӀӀнӀлле вӀрентӀ мӀслечӀсем кӀрсе пырӀсӀӀ: тӀслӀхрен, лирикӀна контекстла вӀрентӀсӀи.

таежных районов Забайкалья до Ордоса – в долготном; в хронологическом аспекте – с эпохи неолита до середины I тыс. до н.э. или, если условно, до начала «гунно-скифского» периода.

Культура плиточных могил разными археологами датируется различно. Нижняя археологическая дата относится ко второй половине II тыс. до н.э. (А.И. Окладников) или к началу I тыс. н.э. (Э.А. Новгородова). Д. Наваан считает, что специфичная культура плиточных могил имела свои предтечи в Восточной Монголии ещё в эпоху бронзы и даже в неолитское время. Э.А. Новгородова подчёркивает, что наиболее ранние плиточные могилы датируются эпохой бронзы, а более поздние – скифским временем. Но все они были оставлены потомками монголоидных племён эпох неолита и энеолита. Большинство современных специалистов (Н.Л. Членова и др.) эпоху сложившейся культуры плиточных могил датируют временным интервалом от VIII–VI вв. до н.э. до II в. н.э. В обозначенное время в ареале распространения культуры плиточных могил могли обитать только тюркоязычные племена (монголы выходят на историческую арену лишь в XI – XII вв. н.э., до этого они обитали к востоку от Большого Хингана; западнее от Центральной Монголии в указанное время проживали различные индоевропейские (индоиранские и восточноиранские) племена.

На современном этапе изученности археологических культур Центральной Азии складывается следующее представление об этноязыковой истории данного региона: ранний этап культуры плиточных могил (до VIII–VII вв. до н.э.) и её предтеча относятся к прототюркскому населению; синхронная с ней карасукская культура западных районов Монголии, Саяно-Алтайского нагорья и Южной Сибири традиционно связывается с индоиранскими скотоводческими племенами; поздние этапы культуры плиточных могил (начиная с VII в. до н.э.), скорее всего, принадлежат огурско-тюркским (прабулгарским) племенам.

Распад прототюркской общности и филиация из неё огурской ветви представляются мне следующим образом. С начала I тыс. до н.э. аридизация климата захватила таежную зону Южной Сибири и Циркумбайкальского региона, а увлажнение – степи Монголии. Изменение климата в таежной полосе вызвало сокращение площади лесов и миграцию объектов охоты – диких животных – на север. Это привело к коренному изменению хозяйственно-экономического уклада жизни прототюрков: традиционные охотники-собиратели оказались в степи, и они были вынуждены осваивать навыки скотоводства. Таким образом, в первой половине I тыс. н.э. в степях Центральной Монголии начинаются контакты прототюрков с индоиранскими скотоводческими племенами – создателями карасукской культуры.

На первых порах идёт контактное заимствование культурных достояний карасукцев – навыков животноводства, развитой металлургии, предметов вооружения, социальной структуры и т.д. и соответствующей лексики – названий домашних животных, основных металлов, оружия, упряжи, социальной лексики и терминологии и т.д.

Прототюрки становятся номадами, начинают осваивать степные просторы Монголии. При переходе охотников-собирателей на более прогрессивное скотоводческое хозяйство всегда наблюдается т.н. «демографический взрыв».

Демографическое давление вынуждает кочевников искать новые жизненные пространства; ставшие уже классическими номадами прототюрки начинают захватывать карасукские пастбища, мигрировать на запад; начинается процесс ассимиляции прототюрками субстратного населения, говорящего на индоевропейских (индоиранских и восточноиранских) наречиях. Карасукская культура прекращает своё существование где-то в VIII–VII вв. до н.э.

В результате наложения стандартного тюркского Z-/Š=языка плиточников на индоиранский языковой субстрат карасукцев примерно к середине I тыс. до н.э., возможно уже в VIII–VII вв. до н.э., возникает новая ветвь тюркского языка, характеризующаяся, прежде всего, ротацизмом и ламбдаизмом, т.е. трансформацией z в r и š в l. А произошло это потому, что в индоиранском наречии карасукцев в определённых позициях (в инлауте и ауслауте, как, впрочем, и в праиндоевропейском) не было звонкого спиранта z. Решение проблемы ротацизма до сих пор в основном сводилось к проблеме курицы и яйца – что было первичным: r или z? Причины, вызвавшие историческое развитие z в r или наоборот, практически никем и не затрагивались. Тюркский язык огуро-булгаро-чувашского типа появился в Центральной Азии (что не вызывает сомнений у специалистов), а точнее – в центральных районах Монголии, несколько ранее середины I тыс. до н.э. Именно этот огурско-тюркский язык доминировал в центре Азии в сюннскую эпоху.

В середине I тысячелетия до н.э. в степях Центральной (Внутренней) Азии происходит коренной перелом в этноязыковой ситуации – на смену индоиранской (туранской) эпохе приходит алтайская (тюркская) эпоха. В V–IV вв. до н.э. в горах Иньшаня появляется этнополитическое объединение сюнну, а в Южной Монголии, на западных предгорьях Большого Хингана, на широкую историческую арену выходят племена группы дунху – ухуани, сяньби, мужуны, тоба и пр. На рубеже III–II вв. до н.э. в степях Монголии под предводительством шаньюя Маодуня складывается первая в

истории кочевых народов центра Азии империя, и вскоре сунну (хунну) становятся гегемонами в Великой степи. Поэтому вторую эпоху в истории евразийской кочевой цивилизации логичнее определить как огурско-тюркскую (по этноязыковому признаку) или суннскую (по политическому признаку). По мнению ряда авторов, во Внутренней Азии с суннского (или даже более раннего) времени существовала единая степная цивилизация.

На решение проблемы языка сунну было истрачено много полемики пороха, но воз и ныне там. Между тем проблема эта решается относительно просто – стоит только шире взглянуть на этноязыковую историю аридного пояса Евразии в I тыс. н.э. После распада империи сунну в результате природных катаклизмов III в. н.э. степи Евразии от Большого Хингана до Дуная были наводнены огурскими племенами, говорившими на тюркском R/L-языке болгаро-чувацкого типа – собственно огурами, оногурами, аварами, шарьогурями, кутригурами, утригурами и пр. Кстати, огуры (уроги) византийских нарративных источников нашими историками по недоразумению трактуются как финно-угорское племя. На самом деле, это тюрки-огурзы, говорящие на R-языке, т.е. огуро-булгарские племена. Собственно тюрки, говорившие на стандартном Z-языке, появляются в Юго-Восточной Европе (если абстрагироваться от кратковременного похода тюркютов на Боспор в VI в.) только в X–XI вв.

Есть все основания утверждать, что вплоть до середины VI в. в степях Евразии господствовал огурско-тюркский язык. Об этом, в частности, свидетельствуют около 1500 огурских (прабулгарских) лексических заимствований в монгольских языках, около 500 потенциально древнебулгарских заимствований в венгерском, несколько меньше – в восточнославянских, а также сотни слов огурского фонетического облика в стандартных тюркских языках, которые обычно трактуются как рудименты «дотюркского», или «алтайского» диахронического уровней. А это значит, что сунну, дунху и некоторые другие другие конфедерации племён Центральной Азии говорили на огурско-тюркских наречиях болгаро-чувацкого типа.

Кстати, эта идея была оглашена уже в 1926 году В.В. Бартольдом на Первом Всесоюзном тюркологическом съезде. Он, в частности, подчеркнул, что «придётся признавать чувашей остатком того первого по времени переселенческого движения из Средней Азии (читай: Срединной, т.е. Центральной Азии. – Н.Е.) в Европу, главными представителями которого были хунны». «Древнейшими историческими предками чувашей в таком случае придётся признать хуннов, выступающих в истории Китая в III в. до н.э.».

После выделения из прототюркского ствола огурской (прабулгарской) ветви начинается пратюркская эпоха, хронологические рамки которой условно можно обозначить временным диапазоном от V в. до н.э. до V в. н.э.

Никакими нарративными источниками о пратюрках и их наречиях мы не обладаем, а потому мои суждения об этой эпохе будут носить во многом интуитивный характер. Мне представляется, что в эпоху возвышения сунну носители пратюркского Z-языка стандартного типа сохранялись только в горно-таежных регионах, не представлявших особого хозяйственно-экономического интереса для кочевников. Это, скорее всего, южная половина Циркумбайкальского региона, Саяно-Алтайское нагорье, Монгольский и Гобийский Алтай, Хентейское нагорье и пр. По предположению, в суннский период истории, по крайней мере до V в. н.э., пратюрки в основном были охотниками-собирающими.

Реконструкция пратюркской лексики на основе современных общетюркских соответствий мне представляется несколько рискованной, так как постоянное смешивание самых разных племён в древне- и среднетюркский периоды приводило к быстрому распространению культурной лексики по всему тюркскому миру. Весьма показательными при этом являются случаи отсутствия тех или иных слов в отдельных классификационных группах тюркских языков (например, отсутствие следов слова *öküz* «вол» в сибирской группе).

Древнетюркская эпоха ограничивается более чёткими хронологическими рамками: за нижнюю дату обычно принимается год образования Первого Тюркского каганата (551–630 гг.), за верхнюю – время монгольской экспансии в Центральную Азию (20-е годы XIII в.).

Начало этноглобтогенеза древних тюрков обычно связывается с распадом державы сунну и обособлением на территории Центральной Азии неизвестных ранее племенных групп *туцзюэ*, *теле*, *сеянто*, *гаогюй*, *хойху* и пр. Однако прямая связь последних с племенами суннской политики, несмотря на определённую тенденцию китайской историографической традиции, в этноглобтогенетическом отношении далеко не бесспорна.

Собственно тюркская эпоха этноглобтогенеза в истории народов евразийского степного пояса начинается в V в. н.э., когда в анналы древнекитайских хронистов попадают первые сведения о древних тюрках, создавших в середине VI в. Первый Тюркский каганат. Именно с этого времени становится доступной обзорной политической истории огузов, теле, уйгуров, кыргызов, карлуков,

Диалог культур позволяет познать инонациональную культуру. И не только. Собственная языковая картина мира особенно ярко проявляется в сопоставлении с картиной мира другого народа.

Анализ языковой ситуации и государственной языковой политики в Чувашской Республике позволил сделать вывод, что изучение чувашского языка как чувашами, так и представителями других национальностей при правильном подходе к преподаванию (выбор необходимой методики, средств обучения и т.д.) позволяет развить в среде изучающих чувашский язык любовь к этому уникальному, единственному в мире «живому» языку болгарской группы. Формирование толерантности, гуманизма через изучение чувашского языка, который считают родным более 80 процентов населения республики, имеет очень важное значение для формирования толерантной языковой личности.

Процесс внедрения чувашского языка в русскоязычные образовательные учреждения вызывает целый ряд сложных задач. В республике проводится целенаправленная работа по их решению. Получены первые положительные результаты лингвометодических исследований по обучению русскоговорящих лиц чувашскому языку в начальных и средних классах городских школ. Необходимо отметить вклад известных лингвистов и методистов И.А. Андреева, М.И. Скворцова, М.К. Волкова, Г.В. Лукоянова, О.И. Печникова, З.С. Антоновой. Ими разработаны стандарты, учебные программы, учебники и учебные пособия по чувашскому языку для I–IX классов. Создаются словари и справочники в помощь усвоению чувашского языка русскоязычными учащимися. Обращается некоторое внимание и на учебно-методическое обеспечение процесса обучения чувашскому языку как неродному в вузах. На данный момент для педагогов вузов ориентиром по обучению чувашскому языку как неродному служит Программа практического курса чувашского языка для нефилологических специальностей и учебник «Чувашский язык (практический курс)», разработанные профессором И.А. Андреевым. На их концептуальной основе в ряде вузов разработаны и изданы авторские программы и учебники (К.И. Николаева «Чувашский язык», Г.В. Абрамова «Практический курс чувашского языка», А.В. Волкова «Чувашский глагол: практикум», А.В. Волкова «Чувашский язык (морфология глагола и синтаксис словосочетания)). Анализ содержания данных программ и учебников показывает, что в них выделяется традиционная группа задач по овладению русскоязычными студентами чувашской речью, в основном связанных с коммуникативной функцией языка. Принимая во внимание, что язык для личности прежде всего средство развития, познания и воспитания, на наш взгляд, сверхзадачей обучения должно стать развитие личности средствами чувашского языка с учётом её мотивов, интересов, способностей и сферы будущей профессиональной деятельности. Содержание обучения должно быть определено таким образом, чтобы было возможным через общение и деятельность на языке и через деятельность с языком овладение духовным богатством, который несёт в себе процесс иноязычного образования. Развивающий аспект обучения предполагает формирование разносторонне развитой личности специалиста, практический аспект заключается в формировании коммуникативных умений. Образовательная цель вбирает общее, лингвистическое и социокультурное образование, воспитательный же аспект заключается в возможности использования обучения чувашскому языку как средства нравственного, этического, эстетического, патриотического и интернационального воспитания. В нашу задачу входит целостный анализ, системно-проблемное исследование вопроса обучения чувашскому языку как неродному в вузах, определение современного состояния разработки проблемы обучения чувашскому языку как неродному в вузах, выработка концепции, уточнение целей и задач, содержания обучения чувашскому языку как неродному в вузах и разработка технологии по формированию у русскоязычных студентов чувашской речи, их межязыковой и межкультурной компетенции, определение возможности их приобщения в процессе обучения к этнокультурным традициям чувашского народа.

Научная новизна нашего исследования заключается в целостном анализе состояния разработки проблемы обучения чувашскому языку как неродному в вузах Чувашской Республики. Новизна просматривается и в разработке концепции преподавания предмета «Чувашский язык» в вузе, основанной на иных, чем сейчас, целях преподавания предмета, в условиях реформирования российского высшего образования. Новизна поставленной задачи заключается и в уточнении целей и задач, содержания обучения чувашскому языку студентов вузов, не владеющих этим языком.

Системный подход в разработке проблемы нашего исследования состоит в рассмотрении учебной деятельности как сложноорганизованного объекта, представляющего часть системы и выполняющего определённые функции. Основопологающими для нас также являются личностный и деятельностный подходы в обучении. Согласно личностному подходу, обучение и воспитание понимаются как взаимодействие ученика и педагога. При разработке нами технологии обучения чувашскому языку как неродному учёт данного принципа не менее важен, т.к. данный процесс имеет свою специфику, требующую знания особенностей субъекта обучения и выбора адекватных целей, содержания и методов работы. Деятельностный подход в педагогике нацеливает авторов проекта рассматривать процесс обучения предмета с позиций теории деятельности, рассматривающей обучение и воспитание как

языковых отношений, в значительной мере свидетельствует о гуманности и уровне цивилизованности государства. В силу исторически сложившейся ситуации чувашский язык в Чувашской Республике по своей коммуникативной роли значительно уступает русскому. Успех возрождения и расширения функций чувашского языка связан с обязательностью его преподавания во всех учебных заведениях Чувашской Республики. В связи с этим к числу первоочередных задач формирования и реализации языковой политики в Чувашской Республике отнесено определение мер по освоению чувашского языка в качестве учебного предмета в учебных заведениях и их осуществление. Со времени принятия в республике Закона о языках ведущими вузами республики накоплен определённый опыт преподавания чувашского языка как неродного, который требует научного анализа и обобщения, выработки на их основе целостной концепции изучения данного предмета, уточнения его целей, задач и содержания. Требуется новых подходов также его методологическое и учебно-методическое обеспечение. Наше исследование направлено на комплексное решение сложной и актуальной научной проблемы творческого анализа передовых методик обучения неродным языкам, современного состояния преподавания чувашского языка в вузах и выработку соответствующей современным требованиям концепции преподавания чувашского языка в статусе государственного в вузах республики.

Новые приоритеты государственной политики в области образования, выдвижение на передний план развития личности, напряжённый интерес общества к проблеме национального самосознания актуализируют задачу развития личности, в частности как носителя языка. Формирование личности будущего специалиста средствами учебного предмета «Чувашский язык» предполагает изучение языка в контексте социализации личности в условиях двуязычия, развития её социальных, интеллектуальных, моральных качеств. Важнейшая предпосылка реализации такого подхода – отказ от представления о предмете «Чувашский язык» как прикладном, имеющем узкопрактическое значение. Недостаточно внимание к проблеме обучения чувашскому языку в вузах, на наш взгляд, обедняет содержательный процесс формирования личности. Чувашский язык – язык титульного этноса, выразитель самой значимой составляющей взаимосвязи разных культур, характерной для многонациональной Чувашской Республики, во многом может определить мир личности. Как отмечает академик Г.Н. Волков, «отсутствие определяющего национального компонента в структуре личности приводит к его нравственному обеднению, духовной деградации...». В настоящее время отчётливо выявляется новая тенденция – учёт в преподавании полифункциональности самого феномена языка, обращение наряду с познавательной и коммуникативной функциями к таким функциям, как кумулятивная (культуроносная) и эстетическая. На наш взгляд, именно в этой функции чувашский язык должен преподаваться в вузах, в учебном плане которых доля предметов гуманитарного цикла занимает небольшой объём. Анализ действующих программ и учебников по чувашскому языку для вузов свидетельствует об узости в определении целей и задач преподавания данного предмета. Недостаточно учитывается полифункциональность языка как культурного феномена. Основное внимание уделяется познавательным и коммуникативным функциям языка, в определённой степени игнорируется его кумулятивная и эстетическая функции. На сегодняшний день в чувашской лингводидактике практически отсутствуют исследования, посвященные проблемам обучения чувашскому как неродному в вузе в данном аспекте. Чувашский народ в целом привлекателен для мира своей национальной особенностью, своеобразием, уникальной культурой в её духовном и материальном измерениях. Чувашский же язык выступает нервом и стержнем культуры, основным источником во всём комплексе гуманитарных исследований. Уникальный чувашский язык, его «древность» и история являются востребованным продуктом творческого гения чувашского народа. Он был и является объектом изучения в мировой тюркологии, алтаистике.

На современном этапе как один из новых подходов в практику преподавания языка входит так называемая концептная методика. Так, например, представитель петербургской методической школы Н.Л. Мишатины презентовала особую методику – теорию и практику обучения оптимальным средствам передачи культуры сквозь призму языка и назвала её концептной методикой. Рассматривая концепт как категорию национальной культуры, Н.Л. Мишатины предлагает следующее определение концепта, весьма актуальное для разработки нашей проблемы: «Национальный концепт – это словесно выраженная содержательная единица сознания, которая включает понятие, но не исчерпывается им, обогащается культурными смыслами и индивидуальными ассоциациями и изменяется вместе с развитием отечественного языка и культуры». Следует добавить, что данное направление является одним из актуальных и в современных лингвистических исследованиях. Известно, что каждая нация имеет собственное национальное мировоззрение, собственную шкалу ценностей. Это и находит своё отражение в существовании уникальных концептов, характеризующих отдельную нацию. Реальностью наших дней становится поликультурное образование, ориентированное на культуру многих народов. Россия – многонациональное государство. Учащиеся (в том числе и студенты), овладевая языками, приобщаются к культуре своего и других народов.

кыпчаков, ягма, чигилей, аргу, татар и других древнетюркских племён, от которых исходят генетические узы большинства современных тюркоязычных народов.

Этнополитическую историю древних тюрков принято начинать с пересказа этногенеалогических преданий рода *ашина* (*a-shin-na*) из племени *туцзюэ* (*t 'u-chüe*), ставших достоянием науки благодаря китайской историографической традиции. Согласно этим преданиям, ранняя история древних тюрков, или всё же вернее *туцзюэ*, разворачивалась в Восточном (Китайском) Туркестане, в районах Гаочана и Ганьсу, т.е. в Туруфанском оазисе.

В тюркологической литературе принято идентифицировать племя *туцзюэ* (*t 'u-küe*) китайских династийных хроник и в особенности род *ашина* из этого племени с древними тюрками.

В ранней истории рода *ашина* и племени *туцзюэ* С.Г. Кляшторный выделяет два периода – ганьсуйско-гаочанский (III в. н.э. – 460 г.) и алтайский (460–551 гг.). В 460 г. н.э. жоужани переселили 500 семей из туцзюэского рода ашина на Цзиньшань, под которым понимают Алтай – одни Горный, другие – Монгольский. Здесь они добывали железо для своих сюзеренов.

Первое письменное упоминание *туцзюэ* на страницах китайских исторических источников, насколько мне известно, появляется в 542 г., когда описываются их набеги в Поднебесную с северо-запада, т.е. со стороны Восточного Туркестана. Принято считать, что за этим именем скрывается некое тюркское племя, создавшее в 551 г. Первый Тюркский каганат в Монголии.

Переселённые на Алтай для добычи железа *туцзюэ* из рода *ашина* постепенно усилились, освободились от покровительства жоужаней, стали объединять многочисленные смежные племена из конфедерации *теле* и в 531 г. создали Первый Тюркский каганат.

Итак, в первой половине VI в. с *туцзюэ* мы встречаемся в Восточном (Китайском) Туркестане, на Алтае и в Центральной Монголии. С другой стороны, мы знаем, что в оазисах Восточного Туркестана тюркоязычные племена стали селиться только в VIII в. и только около 861 г. северо-восточная часть Восточного Туркестана получила название Уйгурии.

Известно, что Восточный (Китайский) Туркестан на севере до VIII в., а на юге даже до X в. не был населён тюркоязычными народами. Это разрушает многие устоявшиеся парадигмы по этноязыковой истории региона и, естественно, встаёт вопрос: кем были *туцзюэ* в этнолингвистическом отношении?

По моему убеждению, решение сложных и к тому же невероятно запутанных проблем этноглоктогенеза и ранних этапов этнической истории народов Центральной Азии следует начинать с детального квалифицированного историко-этимологического анализа многочисленных генонимов и этнонимов, сохранившихся в китайских анналах.

Термин *туцзюэ* (более раннее прочтение – *тукюэ*), как было установлено Й. Марквартом, П. Пельо и другими, представляет собой китайское иероглифическое отображение восточноиранского *turkut* – формы мн. ч. на *-ut* от основы *turk* (от др.-иран. **turyaka* «туранец, житель Турана»; ср. *Turan* от др.-иран. **turiyana*; аналогично **āryaka* «ариец, житель Ирана»; *Ariyana* – «Иран»), которая в конечном итоге восходит к авестийскому эпониму *Tura* (ср.-перс. *Tur*) – мифологического родоначальника *Траэмаоне* (ср.-перс. *Фретон*, *Фаридун* – у Фирдоуси).

В иранской традиции *Turan* – это земли доставшиеся в наследство *Turu*, т.е. то, что мы сейчас называем Центральной Азией (включая, разумеется, Восточный Туркестан), а **turyaka* – жители этой страны, т.е. племена скифо-сакского круга, издревле населявшие практически почти весь аридный пояс Евразии – от Центральной Монголии на востоке до Северного Причерноморья на западе. Китайская историческая традиция не случайно подчёркивает, что *туцзюэ* происходят из дома *Со*, т.е. из царства племени *сак*. В иранской традиции термин *сак* определяет уже собственно этническую принадлежность саков, которых античные авторы знают как скифов (ср. у Геродота: «Персы всех скифов зовут саками»).

Что же касается *туцзюэ* китайских источников, то под ними скрываются, как уже было сказано, *тюркюты*, они же *саки*, а ещё конкретнее – *согдийцы*, которые взяли под свой контроль важнейшие участки Великого шелкового пути.

Об этом, в частности, свидетельствует целый ряд фактов:

1. этноним *тюрк* имеет согдийское происхождение (собственно тюрки его не знали и не употребляли);
2. согдийский язык и согдийская письменность в Первом Тюркском каганате (Бугутский памятник);
3. иранское происхождение генонима *ашина* (< иран. **axšaina* «синий, голубой, зелёный», «небесный», отсюда скалькировано тюрк. *kök* «небесный»);
4. согдийская по происхождению социально-политическая, религиозная и культурная лексика;
5. согдийский антропонимикон древнетюркских каганов и их окружения и т.д.

Согдийцы (*туцзюэ* из дома *ашина*) представляли собой привилегированную правящую группировку в Первом Тюркском каганате, а его основное население составляли племена конфедерации *теле*.

Итак, внимательное изучение истории этнонима *туцзюэ* и генонима *ашина* показывает, что за ними скрываются отнюдь не тюркоязычные племена, а ираноязычные *тюркюты*, т.е. согдийцы. Именно согдийцы выступают создателями Первого Тюркского каганата. Сохранившаяся от Первого Тюркского каганата Бугутская стела написана согдийским письмом на согдийском языке. Это свидетельствует о том, что государственным языком в Первом Тюркском каганате был согдийский.

Иранского (согдийского) происхождения этнонимы *тюрк*, *ашина*, *нушиби*, *дулу* и проч., антропонимы древних тюркских правителей, социальная терминология и т.д. Всё это свидетельствует о самом активном участии в политической и социальной жизни Первого Тюркского каганата значительного согдийского этноязыкового компонента.

Эпоха Первого Тюркского каганата (551–630 гг.) имела огромное значение не только в истории Великой евразийской степи, но и для всех тюркских языков в целом. Основателя Первого Тюркского каганата в китайских источниках называли Тумынь, в тюркских надписях Бумын, он скончался в 552 г. Создатели Первого Тюркского каганата (551–630 гг.) – это сложносоставной конгломератный народ, сложившийся в результате формирования единого государственного образования из согдоязычных представителей рода *ашина* и тюркоязычного населения Большого Алтая в лице многочисленных родоплеменных подразделений конфедерации *теле*. В середине VI в. тюркюты ашина благодаря развитому железоделательному промыслу и кузнечному ремеслу достигли значительного экономического прогресса, объединили под своей эгидой племена *теле* и создали огромную державу – Тюркский каганат, занимавший в эпоху своей наибольшей экспансии территорию от северных провинций Китая (Шаньси) на востоке до низовьев Волги на западе, вплоть до Минусинской котловины на севере и северных отрогов Тянь-Шаня на юге.

Тюркский каганат объединил при своем возникновении ряд разноязычных, этнически разнородных племён. Его ядром были племена, населявшие районы алтайского горного узла, – *теле*, которые включаются в состав коалиции живших к югу от Алтая племён уже в 536 году. Надо полагать, что к середине VIII в. тюркюты из рода ашина были совершенно «отюречены» в телеской среде, но следы их языка сохранились в многочисленных согдийских проникиновениях в лексике древнетюркского языка.

В первые два-три десятилетия существования Второго Тюркского каганата (681–744) в каганской канцелярии ещё сохранялся согдийский язык, но вскоре он уступил место собственно тюркскому (огузскому) языку. Однако уже самый ранний из датированных рунических памятников – Чойрэнский – написан древнетюркским письмом. Чойрэнская надпись датируется 688–691 гг., т.е. была составлена в период возникновения Второго Тюркского каганата. Именно тогда согдийское письмо вытесняется имеющим глубокие местные традиции тюркским руническим письмом, которое, судя по новейшим исследованиям И.Л. Кызласова, имеет, скорее, китайские истоки (а не согдийские, как обычно декларируется в соответствующей литературе). Памятники Второго Тюркского каганата писались уже только на тюркском языке. И только с этого времени термин *тюрк* в письменных источниках начинает обозначать собственно тюрк.

Термин *türk budun* орхонских текстов, по всей вероятности, относится к аристократической правящей верхушке Тюркского каганата, т.е. к ираноязычным согдийцам, а собственно тюрки скрываются под политонимами *toquz oγuz* и *on uγur*. Это были два основных племенных объединения в составе конгломератной конфедерации теле (*t'ieh-lê*).

В эпоху Второго Тюркского каганата усиливается клановая борьба за власть между огузской группировкой (*toquz oγuz*) и ополчившейся против неё «уйгурско-согдийской» (*on uγur u türk budun*) коалицией, из которой вышли победителями уйгуры, которые к этому времени уже полностью освоили стандартный тюркский («огузский») язык, ассимилировали тюркютов-согдийцев, но при этом сохранили согдийскую систему письма.

Политоним *теле* (*t'ieh-lê*) представляет китайское иероглифическое отражение древнетюркского **tegreg* букв. «круг (родственных племён)», т.е. «союз племён», «конфедерация племён». В специальной исторической литературе политоним *теле*, или, вернее, его древнетюркский этимон *tegreg*, с чьей-то подачи ошибочно трактуется как «телега», «тележники», но в древнетюркском нет слова *tegreg* со значением «телега». Продолжением древнетюркских *tegreg* «ободок, обруч, круг», *tegire* «вокруг, кругом» является чувашское *тавра* «округа, окрестности, окружение»; «родня, родственники», чаще в посессивной форме 3-го лица *тавраш(ë)* «род, клан, фамилия»; «круг родственников» и пр. В данном случае весьма примечательной является «социальная» семантика, прослеживающаяся в основе зафиксированного китайскими иероглифами термина *теле* (*t'ieh-lê*) и чувашского *tavra* (< **tegreg* «круг»), практически отсутствующего в других тюркских языках. Такая параллель не может быть случайной, она наводит на мысль о причастности огузских (прабулгарских) племён к телеской конфедерации. А это уже требует более пристального внимания к этнической истории конгломератного союза телеских племён. С.Г. Кляшторный считает *теле* конфедерацией прабулгарских племен, однако, по свидетельству

3 этап. Применение созданных и подобранных информационных продуктов. (Проведение медиауроков. Применение мультимедийных продуктов. Внеклассная работа по предмету. Подготовка и проведение недели чувашского языка, олимпиад. Организация работы кружка.)

4 этап. Анализ эффективности использования ИКТ. (Изучение динамики успеваемости и качества знаний. Отслеживание предметного рейтинга учащихся.)

Организовать работу по использованию ИКТ в преподавании чувашского языка по такой схеме нам удалось благодаря изучению и практическому применению электронных образовательных ресурсов, находящихся в открытом доступе в сети Интернет.

Как бы ни было заманчиво постоянно применять компьютер и ИКТ на уроках, ничто не может заменить слово учителя. Только разумное, комплексное сочетание всех имеющихся в его распоряжении методических приёмов и технических средств может дать желаемый результат. Компьютерная поддержка должна являться одним из компонентов учебного процесса и применяться там, где это целесообразно.

В моём тематическом планировании предусмотрено применение ИКТ. В УМК по чувашскому языку имеются разнообразные творческие, занимательные задания, способствующие развитию учебно-организационных, интеллектуальных, информативных умений и навыков. С учениками 5–7 классов выполняем проекты, предложенные авторами УМК чувашского языка в русскоязычных школах, используя программы Microsoft Power Point и Microsoft Publisher.

Учитель, владеющий навыками работы на компьютере с выходом в Интернет, всегда может получить нужный материал для учебной деятельности. При подготовке к занятиям на основе ИКТ можно использовать традиционный план урока.

3. Использование информационно-коммуникационных технологий во внеклассной работе.

Внеклассная работа по чувашскому языку в единстве с обязательным курсом создаёт условия для более полного осуществления практических, воспитательных, общеобразовательных и развивающих целей обучения. Она способствует расширению сферы применения навыков и умений, приобретённых в обязательном курсе, и расширению языковой среды.

Таким образом информационно-коммуникационные технологии позволяют обеспечивать личностно ориентированную направленность организации обучения в школе.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что цель обучения чувашскому языку – это коммуникативная деятельность учащихся, то есть практическое владение чувашским языком, а задача учителя – активизировать деятельность каждого учащегося, создавая ситуации для творческой активности. Применение современных образовательных технологий при изучении чувашского языка способствует повышению мотивации учебной деятельности, развитию творческих возможностей и способностей учащихся, созданию условий для их самообразования в интересующих их областях знаний, развитию умения ориентироваться в современной информационной среде и т.д.

Литература

1. Государственные образовательные стандарты начального общего, основного общего, среднего (полного) общего образования в Чувашской Республике. Национально-региональный компонент. Чебоксары, 2007.
2. Программа чувашского языка. 1–4 класс / Г.В. Абрамова, Р.А. Голанцева. Чебоксары, 2008.
3. Программа чувашского языка. 1–4 класс / Н.Н. Чернова, З.С. Антонова, В.И. Игнатъева. Чебоксары, 2004.

К ВОПРОСУ О СТАНДАРТЕ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК» (для ссузов и вузов Чувашской Республики)

Г.Н. Семёнова, Т.В. Артемьева, А.В. Волкова

Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары

Одним из постоянных и центральных в дискуссиях о судьбах чувашского этноса является вопрос о родном языке, проблемах его изучения и сферах применения. Язык, важнейший этнический маркер, воспринимается как объединяющий элемент этноса. Потеря языка будет означать и конец существования этноса. При этом озабоченность вызывает не только незнание языка, но и пренебрежительное отношение к нему (и, соответственно, к этничности) через нежелание признать его в качестве родного. Наше исследование направлено на целостный анализ и разработку проблемы обучения студентов высших и средних специальных учебных заведений одному из государственных языков Чувашской Республики (чувашскому) в условиях модернизации российского высшего образования.

В данный период, наряду с общими социальными, этнокультурные и языковые проблемы определяются государством как приоритетные. Политика, проводимая правительством в области национально-

multiple repetition of the same language model; to alternate different ways to work on new materials; to enhance the students' activity; to enrich lessons of the Chuvash language.

Сегодня невозможно представить школу без хорошо оснащенного кабинета информатики и без учителей-предметников, знающих компьютерные технологии. Используя компьютерные программы, мы делаем процесс обучения доступным и качественным. Компьютер дает возможность самостоятельно извлекать знания, позволяет расширить комплекс учебных задач, улучшить качество контроля над деятельностью учащегося.

Эффективность обучения чувашскому языку во многом зависит от использования на уроке различных методов и приемов. Большую роль в поддержании интереса к изучению чувашского языка играет использование на уроках мультимедийных презентаций. Практика показывает, что данный вид компьютерной технологии обладает множеством преимуществ: позволяет подобрать текстовые, графические данные, фото- и видеоматериал по изученным темам; концентрировать внимание учащихся на изучаемом материале; представлять языковую модель в разных коммуникативных ситуациях; качественно поднять уровень знаний, умений, развивать речевые навыки учащихся путем многократного повторения одной и той же языковой модели; чередовать различные формы работы над новым материалом; активизировать деятельность учащихся; обогатить содержание уроков чувашского языка.

Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) заняли прочные позиции в процессе обучения чувашского языка.

Современные реалии заставляют педагога постоянно вступать в соперничество с другими источниками информации, которые быстро распространяются и становятся все более доступными ученикам. Успех учителя в этой конкурентной борьбе зависит от того, станет ли для учеников общение с педагогом ярким, многоцветным, зовущим к творчеству и саморазвитию. Чем интенсивней развивается техническая составляющая школьного обучения, тем больше учитель должен работать над своей индивидуальностью. В своей работе хотелось бы рассказать о том, какую помощь и поддержку могут оказать электронные образовательные ресурсы, находящиеся в открытом доступе в сети Интернет, учителям чувашского языка, активно использующим информационные технологии в образовательном процессе.

1. Интеграция ИКТ в процесс обучения чувашского языка.

Для успешного осуществления современного учебного процесса необходимо его информационно-методическое обеспечение на трёх уровнях:

- 1) учебного кабинета, где собраны необходимые дидактические материалы, средства обучения, используемые непосредственно на уроке;
- 2) медиатеки, где собрана информация на любых носителях;
- 3) глобального информационно-образовательного пространства сети Интернет.

Применение ИКТ в преподавании чувашского языка помогает формированию и сохранению интереса учащихся к изучению предмета, но необходимо учитывать следующее:

– внедрение ИКТ в процесс преподавания чувашского языка должно вестись комплексно, с опорой на целостный педагогический процесс и с учетом условий его функционирования в конкретном учебном заведении;

– рассматривая возможности интеграции ИКТ в процесс обучения чувашского языка, можно выделить два основных подхода: ИКТ может использоваться как одна из форм внеурочной работы, интегрироваться в традиционную систему обучения языку.

ИКТ, интегрированные в традиционный учебный процесс, предполагают выполнение творческих и / или исследовательских заданий в рамках изучаемого учебного курса. Наиболее типичным является использование ИКТ как одного из заданий занятия или заключительного задания учебника. Примерами подобной интеграции ИКТ в учебный курс могут служить проекты в учебных пособиях по чувашскому языку.

2. Система использования ИКТ в преподавании чувашского языка.

Система использования ИКТ в преподавании чувашского языка в МОУ «СОШ №27» представляет собой поэтапное формирование и разделение групп различных направлений деятельности учителя и учащихся по созданию и использованию мультимедийных, программных и информационных продуктов при обучении, а также во внеурочной деятельности по чувашскому языку.

1 этап. Выявление учебного материала, требующего компьютерной поддержки. (Учебный материал, по которому отсутствуют наглядные пособия. Учебный материал больших объёмов для изложения. Подбор тем, требующих создания контролируемых модулей.)

2 этап. Подбор и создание информационных продуктов. (Создание презентаций. Подбор готовых мультимедийных продуктов. Набор и распечатка текстов. Создание электронной базы данных рефератов.)

древнетюркских памятников, среди телеских племён выделялись две сильные группировки – *токуз-огузы* и *он-уйгуры* (т.е. *оногуры*). Следовательно, прабулгарами могли быть только последние.

Древнетюркский этап тюркского этногенеза непосредственно связан с племенами конфедерации *теле*, а не с *туцзюэ*, как это трактуется до сих пор. Племена конфедерации *теле* на заре своей истории жили в степях к западу от Ордоса, в районе Хэтао-Иньшань, откуда в своё время вышли и сунну. В китайских исторических источниках *теле* обычно представляются как потомки сунну. В 338 г. племена *теле* подчинились тобаскому правителю и в конце IV в. перекочевали на север, в Джунгарию, а оттуда распространились по Западной Монголии вплоть до Селенги. Будучи разрозненными (каждый из 12 родов *теле* управлялся своим старейшиной – главой рода), они часто попадали в зависимость от более сильных племенных союзов. К середине VI в. телесские племена находились под протекторатом жоужаней (т.е. огузов, аваров западных источников).

Собирательный этнополитоним *теле* (*t'ieh-lê*) на страницах китайских исторических хроник Суйской (581–618 гг.) и Танской (618–907 гг.) династий применяется относительно большой конфедерации племён, кочевавших по северную сторону пустыни Гоби на обширных степных просторах Центральной Азии между Большим Хинганом на востоке и Тянь-Шанем на западе. В конгломератный союз племён теле, как показывают китайские династийские хроники, входило более 50 родоплеменных организмов и кланов, среди которых наиболее сильными были *он уйгуры* и *токуз огузы*.

Я всё больше убеждаюсь, что древнетюркский геноним (*он*) *уйгур* является метатезированной формой более раннего (*он*) *йугур* (ср. всё ещё живые этнонимы: тюрк. *sary juyur*, монг. *šira juyur*) и в конечном счёте выходит к ротацированному варианту этнонима *огуз*, т.е. к форме *огур*. Инициальный *j-* в форме *йугур* имеет протетический характер. Известно, что перед анлаутными гласными в тюркских языках спорадически появляются протетические согласные *h-*, *j-*, *v-* (*w-*), чаще в результате специфического развития дифтонгоидных призывков анлаутного гласного. Это проблема в последнее время получила глубокое освещение в монографии Ж.К. Туймебаева «Проблема анлаутных губных согласных в алтайских языках (Ревизия фонетического закона Рамстедта–Пеллио)» (М., 2004). В огузском (прабулгарском) был представлен протетический *h-*, который получил отражение в среднемонгольском (ср. также китайское название уйгуров *хойху*), в современном чувашском на его месте находим протетические *j-* (перед этимологическими негубными гласными) или *v-* (перед губными гласными).

Название древнетюркского племенного объединения *он уйгур* перекликается с древнебулгарским этнонимом *он огур*, зафиксированным византийскими источниками (кстати, отсюда происходят европейские названия венгров типа *hungar*, польск. *węgier* → рус. *венгр*, а также древнерусское название обских угров югра через коми *jongra*; ср. протетические *h-*, *j-*, *v-*). Всё это наводит на мысль об идентичности древних уйгуров (вернее, их предков) с остатками огузских племён – потомками сянбийцев, ухуаней, жоужаней и пр., а через них уже прокладываются исторические связи в глубь суннуской эпохи (V в. до н.э. – V в. н.э.). Мысль эта ещё более укрепляется, если вспомнить выявленные Т. Текином несколько десятков слов с ротацизмом и ламбдацизмом в древнеуйгурском языке, которые бытуют там параллельно с этимологически родственными стандартными формами с зетацизмом и сигматизмом.

В конечном счёте, я склоняюсь к мысли о том, что входившие в телескую конфедерацию онуйгурские племена, скорее всего, имели огузские генетические истоки, но относительно рано, где-то в середине I тысячелетия н.э., были окончательно ассимилированы огузскими племенами, составлявшими токуз-огузский клан в конгломератной конфедерации *теле*.

Этнические истоки собственно тюрков надо искать непосредственно в среде племенной конфедерации *теле*, так как именно телеские племена составляли основную часть населения Первого Тюркского каганата. Его основатель Бумын получил титул кагана после того, как подчинил себе 50 тыс. семей теле, составивших фактическую основу его государства. Силами теле Бумын разгромил государство жоужаней, и с тех пор начался отчёт нового этапа в истории Великой степи.

В составе телеской племенной конфедерации ведущую роль играли огузские (*токуз огузы*) и уйгурские (*он уйгур*) объединения. В этнониме *уйгур* специалисты ещё со времён В.В. Радлова усматривают реминисценцию более раннего *огур* (> *югур* > *йугур* > *уйгур*). Это позволяет предполагать, что в огузской конфедерации в основном были представлены племена, говорящие на стандартном тюркском Z-языке, а основу уйгурской конфедерации составляли, по крайней мере на ранних этапах её истории, огузские племена, говорившие на R-языке булгаро-чувашского типа. Мне представляется, что центральноазиатские огуры, то бишь *он уйгур*'ы орхонских надписей, окончательно ассимилировались в огузской среде в период существования Второго Тюркского каганата (681–744 гг.). В Уйгурском каганате (745–840 гг.), по крайней мере на официальном уровне, уже функционировал стандартный тюркский Z-язык, или, вернее, его древнеуйгурский вариант.

Переселённые жожанями из Турфанского оазиса 500 семей металлургов из туцзюэского рода ашина, т.е. этнические согдийцы, послужили тем катализатором, который привёл к формированию на южных предгорьях Алтая государственного образования, основную силу которого составляли племена телеской конфедерации. Отсюда началась экспансия тюркютов одновременно в двух направлениях – в восточном и западном. Племена Бумынской (Туменской) ветви захватили степи Центральной Монголии и ассимилировали местные племена огурского круга – остатки сюнну, сяньби, жоужаней, киданей и пр. Племена Истемийской ветви, в которой, очевидно, преобладали древние уйгуры, возглавили экспансию древних тюрков на запад, где они покорили одно за другим государства Гаочана, Таримской впадины, Семиречья, Южного Казахстана, а затем совместно с Сасанидским Ираном нанесли поражение эфталитам. После падения эфталитов тюрки в союзе с Византией покорили Сасанидов и к 20-м годам VII в. расширили свои владения до южной части гор Гиндукуш, заняв всю бывшую территорию эфталитов. В дальнейшем, в связи с образованием Западного Тюркского каганата, ставка правителя переместилась в район современного Ташкента. В этой связи встает вопрос о западных границах каганата.

Историки обычно пишут, что к концу 70-х годов VII в. тюркюты перешли Волгу и подчинили народы Северного Кавказа и степей Азовско-Каспийского междуморья, а в 580 г. начали войну с Византией и взяли Боспор [Артамонов: 2002, 156]. Однако эти догадки строятся на весьма неопределённых сообщениях Менаандра. Под тюрками византийских источников часто скрываются древнебулгарские племена. Поэтому я полагаю, что правы те исследователи, которые западные границы каганата размещают по Аму-Дарье.

Итак, подведём некоторые итоги. Главной исторической ареной формирования древних тюрков были степи Центральной Азии, простирающиеся от Большого Хингана на востоке до восточных отрогов Тянь-Шаня на западе.

В составе древнетюркского этноязыкового континуума специалисты обычно выделяют «три самостоятельные археологические культуры, различающиеся нормами погребального обряда, характерным оформлением предметов и их декором, – культура енисейских кыргызов, культура алтайских (вернее, отюкенских) тюрков и сроткинская, т.е. кимакско-кыпчакская культура Восточного Казахстана и Северного Алтая».

В течение всего I тысячелетия в Центральной Азии и степной части Юго-Западной Сибири, в Семиречье и на Тянь-Шане в рамках общих для тюркской этнической среды процессов происходило сопряжённое формирование культурных традиций, связанных с собственно тюркским, огузским, кыргызским и кыпчакским этноглотогенезом. Однако в этом перечне не нашлось места огуру-булгарской и сибирской классификационным группам тюркских народов и языков Центральной Азии, которые, несомненно, существовали здесь в I тыс. н.э.

Что касается огуру-булгарских племён, то современная тюркология практически никогда не искала их в Центрально-Азиатском регионе в I тысячелетии н.э., считая, что после распада державы сюнну они мигрировали далеко на запад, в степи Юго-Восточной Европы.

Только теперь выясняется, что значительная часть огуров пережила засушливые периоды и III в., и X в. н.э. в бассейне Аргуни, Керулена, Онона, на западных склонах Большого Хингана и благополучно дожила до XII в., пока не была ассимилирована монголами. В этой связи интересно отметить, что истинного монгола халхасцы до сих пор называют *оор монгол*, т.е. огуру-монголом. Огуру-булгарские племена в I тыс. н.э. были расселены по всей аридной полосе Евразии.

Об огуурской струе в этноглотогенезе западных монголов – ойратов – мне уже довелось писать. Что касается сибирской группы тюркских языков, то следует отметить, что в генетическом отношении они достаточно разнородны. По О.А. Мудраку, филиация общей основы сибирских тюркских языков происходит где-то на рубеже I–II вв. н.э.

Мне представляется, что предки сибирских тюрков и в сюннуское, в и древнетюркское время жили на северных склонах Саяно-Алтайского нагорья в относительной изоляции и вели традиционное присваивающее охотничье-собираческое хозяйство (ср. отсутствие в их языках следов слова *öküz* «вол»).

Сибирская группа тюркских языков в известной мере гетерогенна. Предлагаю использовать следующие классификационные термины: соётская группа (объединяющая тувинский и тофаларский языки), якутская группа (языки саха и долганский); обе эти группы можно рассматривать как две ветви урянхайской группы; хонгарайская группа (хакасский, шорский, чулымский и сарыг-югурский языки) и кыргызская группа (алтайский и киргизский языки).

Основными ареалами формирования стандартных тюркских языков следует признать Хэтао-Иншаньский, или Ордосский, район и степные районы к северу от Гоби – легендарный Отыюкен в бассейне реки Орхон. Центром мира для тюрков была «священная страна тюрков» (*Ыдыг Йер Суб*) – гора *Ötüken*, сердцевина всех древнетюркских государств Центральной Азии. Именно поэтому сами тюрки именовали себя «народом священной *Отюкенской горы*» (КТб, 23).

– ачасен хайне тёллён ёслессине аталантарасси, хушма материалтан чи кирлине суйласа аша хывасси;
– вёренү мотивацийёпе аталантарса урокән пахаләхне үстересси.

Шкулта ҫыравҫа пурнаҫёпе пултарулаҳне вёрентессе питё пысәк вырән йышәнатә. Сәмах әстисен ыра та таса кәмәлә, йәваш та ылтән чунә, ҫынна кәмәллани, хисеплени, ёҫе юратни, Тәван ҫёр-шьывпа халәха чёренен парәнни, вёсемшён «ҫунни», пурнаҫри тёрёсмарләха пёлтерессишён кёрешни шкул ачисемшён тёлсләх пулса тәраҫҫё. ҫакән пек ҫыравҫәсенчен пёри – чәваш халәх писателё Илпек Микулайё. ҫут ҫанталәк илемне үкерсе кәтартатә-и писатель, историре пулнә ёҫсем ҫинчен ҫыратә-и, паянхи пурнаҫ ҫинчен каласа паратә-и – мёнпур ҫёрте тёп вырәнта этем тәратә, унән чунә-кәмәлә, шухәш-ёмечё.

Геройсем вара – ахаль ҫынсемех. Пурпёрех тёләнмелле чипер вёсем. Пирён чәваш литературинчи тёп герой – ёҫ халәх ырләхёшён ҫунакан ҫын. Кәмәлөпе уҫа, ёҫё-хөлөпе илемлө ҫын вәл.

Хайлав пурнаҫри ёҫ-пуләма кәтартатә, аһа хак паратә. Кунта ҫыравҫа хутшәннә е илтнө пуләмсемпе ёҫсем ҫинчен мён шухәшланине паләртатә. Вәл е ку хайлавра үкерсе кәтартнә сәнарсем урлә учителён халәх әс-тәнөн пуянләхне, ёмёт-шухәшне, философине уҫа пама, ачасен пуплевне аталантарма, пур енлөн пётёмёшле аталантарма тәрашмалла. ҫак ёҫе йёркелесе пыма учителе кәтарту мелёсем пуләшсах пыраҫҫё. Информаципе коммуникаци технологийёсемпе вырәнлә уҫа курсан ҫеҫ уроксем тухәҫлә та интереслө иртме пултарасҫё, ачасем темәна лайәхрах әнланаҫҫё, тарән пёлү илеҫҫё. Курнә япала сәнарё ача асөнче хәвәрт та ҫирёп тата нумайләха йёркеленсе юлатә. Илпек Микулайё ҫинчен вёрентнө чухне учитель унән пултарулаҳёпе паллаштарнинчен пуслатә. Каласа пынә май презентаци кәтартса пырсан ачасем писатель сәнне, пурнаҫёнчи палләрах пуләмёсене лайәхрах астуса юлаҫҫё. ҫавәнпа та презентацие хатёрленё чухне вёрентекен таблицәсемпе, схемәсемпе, ҫыравҫән тата унән тәванёсен, юлташёсен сән үкерчөкёсемпе уҫа куратә. Презентацире кәтартнә таблицәран ачасем хайсемех кирлө ҫулсемпе пулни-иртнисене, хайлав ячёсене тетраде ҫырса илеҫҫё. Таблица Илпек Микулайё пурәннә, ёҫленё, пултарулаҳне аталантарнә тапхәрсене әнланса илме май паратә. ҫакән пек курнә, илтнө, тетраде ҫырса хунә информацие шкул ачи часах манмасть.

Вёрентүҫё ҫыравҫа ҫинчен чёррөн, пысәк туйәмпа каласа кәтартас тесен интерактивлә доскапа уҫа курма пултаратә. ҫыравҫа пурнаҫёпе паллашнә хыҫҫән учитель унән хайлавёсем патне куҫатә. Хайлавсем пирки уйәрм слайдсем тәватә. Кунта вёрентекен произведенире лартнә ҫивёч ыйтусене, проблемәсене, тёп геройсене кёскен паләртатә. Слайдра тёп героя сәнлакан кластер тусан та лайәх пулмалла. Малтан ачасене вёрентүҫё героя сәмах вёҫҫён хаклаттаратә, кайран слайдри кластера вёсен хуравёпе танлаштарма май паратә. Ку ачасем произведенине вуласа әнланин шайне курма пуләшатә.

Шкул ачисене урока темәпа кәҫәклантарас тесен учителён ёҫсене уләштарса пымалла, ИКТпа пёрлех унчен уҫа курнә курәмлә меслетсемпе те ёҫлемелле: альбомсемпе, карттәсемпе, кун кёнекисемпе.

ҫёнё ёмёрте компьютер технологийёпе, курәмләхән электронлә хатёрёсемпе анлә уҫа курмалла. Технологисем темле пулсан та, ҫамрәк әрәва пәхса үстерес ёҫри вёрентүпе сапәрләх тёллевёсем часах улшәнмаҫҫё.

Литература

Антонова З.С. Писатель биографине вёрентессин хәш-пёр ыйтәвёсем // Проблема развития речи учащихся. Чебоксары, 1982. С. 44-67.

Антонова З.С., Станьял В.П. Чәваш сәмахләхён вёрентү меслечёсем. Шупашкар: Чәв. кён. изд-ви, 2006. 399 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА (Application of information and communication technologies In teaching the chuvash language)

Е.Л. Сармосова

Средняя общеобразовательная школа № 59 г. Чебоксары

Author: Sarmosova Elena Leonidovna, teacher of the Chuvash language of 1st category, Municipal educational institution «secondary school No 59» of the city of Cheboksary, the Chuvash Republic.

Nowadays we can not imagine a school without a well-equipped informatics' room and without teachers knowing computer technologies. Using computer programs we make the teaching process more illustrative, more understandable. The computer is the tool improving the educative process. It helps to extend information and set of applicable learning tasks, it allows changing the quality control over students' activity.

Efficiency of teaching the Chuvash language depends largely on using different methods and techniques at the lesson. In particularly the multimedia presentations play important role in keeping interest to learning Chuvash. The practice shows that such kind of computer technology has a lot of advantages: it allows choosing text, graphic, photo- and video-materials on learned topics: to focus attention of students to the learned material; introduce a language model in different communicative situations; to *raise the level of knowledge, skills, to develop speech habits of students by*

Вьюшина И.В., Крашенинникова Н.Б. Интегративные связи в преподавании истории // Современные педагогические технологии как фактор формирования ключевых компетентностей участников образовательного процесса. Часть 3. Интегративное образование: Методические материалы. Ярославль, 2005. С. 9–16.

Голубкова Е.А. Применение ИТ на уроках литературы // Современные педагогические технологии как фактор формирования ключевых компетентностей участников образовательного процесса. Часть 5. Информационные технологии в образовательном процессе: Методические материалы. Ярославль, 2005. С. 9–10.

Поэтика Сеспеля: сб. статей: материалы региональной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения поэта. Чебоксары, 1991.

Трофимов Г.Ф. Канаш (Кожанов) Альберт Георгиевич // Краткая чувашская энциклопедия. Чебоксары, 2001. С. 201.

Федоров Г.И. Художественный мир чувашской прозы 1950-1990-х годов. Чебоксары, 1996.

Хлебников Г.Я. Чувашская литературная классика и ее наследники. Чебоксары, 2001. С. 57–109.

Ялгир П. Канаш (Кожанов) Альберт Георгиевич // Литературный мир Чувашии. Чебоксары, 2005. С. 47.

Ямалдинова З.Н. Использование информационных и коммуникационных технологий в учебном процессе школы. [Электронный ресурс]. URL: <http://ito.edu.ru/2004/Moscow/I/1/I-1-4018.html>

ИЛПЕК МИКУЛАЙЁН ПУРНАЌЁПЕ ПУЛТАРУЛЌХНЕ ВЁРЕНТНЁ МАЙ ИКТ-ПА УСА КУРАССИ

А.В. Павлова

И.Я. Яковлев ячёллэ Чăваш патшалăх педагогика университетчĕ, Шупашкар хули

Литература вĕл - искусство тĕсĕ те, çав вăхăтрах вĕрентÿ предметĕ те. Чăваш литератури шкулсенче сапăрлăхпа вĕрентÿ задачисене пурнаçлат. Илемлĕ литературăна вĕрентнĕ чухне ачасене сыравçăсем, произведенийсем пирки каласа сĕç пани паянхи кунта çителĕксĕр. Тăван чĕлхене юратакан учителĕн вĕренмелли материала тарăннăн тата сăнарлăн уçса пама сĕнĕ мелсем шырасах тăмалла. Паянхи школ реформи те вĕрентÿпе пĕлÿ ёсне хăвăрт улăштарма хистекен тĕллев лартнă, урокене туллинрех, нумай енлĕрех ирттерме хистет. Ку енĕпе ёслеме учителе тĕрлĕ кăртарту хатĕрĕсем пулăшса пыраççĕ. Паянхи пурнаç информацие коммуникаци технологийĕпе усă курасси анлă кĕрсе пырат. Халĕ кашни шкултах учитель ёсне самай çамăллатма компьютерсем, компьютер класĕсем пур.

Пур сыравçă пултарулăхне вĕрентнĕ чухне те ИКТпа усă курма пулат. Анчах та ку мелпе пур урока та ирттерме май çук. Пĕр япалах урокран урока чертленсе пыни ачасене йăлăхтарать, çавăнпа та техника хатĕрĕсемпе пĕлсе те вырăнлă усă курмалла.

Паянхи кун литература урокĕсенче усă куракан вĕрентÿ хатĕрĕсем шутĕнче мультимедиа проекторне, интерактивлă доскана, компьютер класĕсенче усă куракан ятарлă программăсене, электронлă учебниксене палăртмалла.

Мультимедиа проекторĕпе усă курса тĕрлĕ презентацисем, проектсем туса хатĕрлесе ачасене сăмах илемне туйма, хайсем тĕллĕн ёслеме вĕрентме пулат. Куçан курнă япала вĕсен асĕнче лайăхрах юлат.

Пурнаç улшăнăвне учитель асăрхамасăр юлма пултараймасть, çавăнпа та урока анăçлă та интереслĕ ирттерес тесесĕн çав пулăмсене школ системине кĕртсе пымаллах.

Хальхи вăхăтра класра компьютер пулни пур техника хатĕрĕсене те ылмаштарма пултарать. Урок валли хатĕрленĕ материалсене дискпа флешкăра упрама пулат.

Çапла майпа, XXI ёмĕрти учитель умĕнче тĕп тĕллев – тĕрлĕ енлĕ аталаннă, пурнаç условийĕсене хăнăхнă çынна хатĕрлесси. Сĕнĕ технологисем пулса пыни вĕренÿ системине йăлтах улăштарасси çине пусăм тăвать. Пурнаç улшăнăвне тĕпе хурса ёслекен учитель ачасене хай предметне юратма вĕрентет, ачасен тавра курăмне аталантарать, хайне тĕллĕн ёслессине анлăлатать.

Сĕнĕ самана школ умне пачах урăх тĕллевсем кăларса тăратрĕ. Малтанхипе танлаштарсан пурнаç палламалла мар улшăнчĕ. Шкула, вулавăшсене телевизорпа компьютерсем тата Интернет çыхăнăвĕ ылмаштарчĕ, вĕрентекене ачасемпе хутшăнма, тĕнчене тухма сĕнĕ майсем тупăнчĕ.

Уроксене ИКТпа усă курса хатĕрлесси учителĕн тĕп тĕллевĕ пулса тăчĕ. Сĕнĕ технологисемпе ирттерекен уроксен пахалăхĕ те ўссе пырат:

– вĕренÿ материалне самана улшăнăвĕсене тĕпе хурса хатĕрлени;

– эстетикăлăх тата курăмлăх;

– ачасене вĕренÿ процесне кĕрсе пыма çамăллăх кўни, учитель паракан материала хăвăртрах аша хывни;

– хатĕрленĕ материала принтерпа кăларма пултарни, ксерокспа усă курса ёслени, тупнă материала диска е флешкăра упрани.

ИКТпа усă курнин тĕп принципĕсем:

– ачасен тавра курăмне аталантарасси, вĕренÿре хушма литературăпа усă курасси, çук материала Интернетра шыраса тупасси;

Топогенез тюркоязычных этносов начиная от самых ранних доступных обозрению исторических этапов разворачивается во внутренних районах Монгольской степи, простирающихся к северу от Гоби.

Так, в конце III в. до н.э. (по китайской хронологии, конец династии Цинь – начало династии Хань) в бассейне р. Орхон обосновались мигрировавшие из Ордоса (равнины Хэгао и гор Иньшань) сянну и здесь достигли расцвета своей державы.

К концу I в. н.э. (последние годы династии Восточная Хань) степи центральных районов Монголии заняли сяньби, мигрировавшие сюда из района гор Дасинъань и бассейна р. Аргунь. В период пребывания в степях Монголии сяньби становятся гегемонами в центре Азии.

В конце IV в. (периоды династий Вэй и Цзинь) в степи Монголии прорвались мигрировавшие из района хребта Иньшань жоужани и заняли бассейны рек Орхон и Тола, а затем начали покорять окружающие племена.

В середине VI в. на западном берегу р. Орхон и в северо-восточных предгорьях Хангая обосновались мигрировавшие с южных отрогов Алтая тюркюты и вскоре образовали Первый Тюркский каганат.

И эта закономерность неизменно действует начиная, по крайней мере, с сяннуской эпохи до монгольской.

Таким образом, выясняется одна важная закономерность: как только союз племён обосновывается в степях Центральной Монголии, в районе легендарной горы *Отюкен-йыш* и долины Орхона, он начинает быстро развиваться, достигает своего апогея, подминает под себя окружающее население и становится гегемоном в степях Центральной Азии. Монгольская степь в районе Хангайских гор и бассейна Орхона является тем благодатным местом, где разворачиваются важнейшие этноглобтогонические и военно-политические события. Как только племя занимает внутренние районы Монгольской степи, оно стремительно продвигается к западу вплоть до бассейна Дуная.

Итак, основным ареалом формирования тюркских этносов начиная с глубокой древности до раннего Средневековья была «*Отюкенская чернь*» (*Ötüken jîş*), а смежные с ней регионы выступали как места консервации пра- и прототюркских этноязыковых традиций.

В XII в. на северо-восточной окраине Великой евразийской степи вспыхивает новая, монгольская эпоха кочевнической цивилизации и вскоре охватывает весь аридный пояс континента от берегов Желтого моря на востоке до Средиземного моря и венгерских пушт на западе. Инерция монгольского взлёта XII–XIV вв. в сердце Азии отнюдь не иссякла вплоть до наших дней...

Но это уже совсем другая история.

Литература

Артамонов М.И. История хазар. СПб.: Филол. фак. СПб гос. ун-та, 2002. 560 с.

СЕМАНТИКА ЭТНОНИМА ТЮРК

М.З. Закиев

Академия наук Республики Татарстан, г. Казань

Этноним *тюрк* у разных народов и в разное время применялся в различных фонетических вариантах. Восточные, южные и юго-западные тюрки этот этноним применяют в форме *тюрк* (*türk*) и в качестве прилагательного – в форме *тюрки* (*türki*). Урало-поволжские тюрки, т.е. татары и башкиры, произносят его как *төрк* (*törk*), прилагательное от него – как *төрки* (*törki*).

В русском языке, по-видимому, под влиянием татарского языка, сначала фиксируется фонетический вариант *торк*, а прилагательное от него применяется в форме *торческий*. Но после монголо-татарских завоеваний в русских источниках как название тюркских народов (иногда и всех восточных народов) встречается слово *татары* и прилагательное от него – *татарский*. В XIX веке тюркские народы начинают обозначаться словами *турко-татары*, *турецко-татарские*. В начале XX в. по мере закрепления этнонима *татары* за прежними поволжскими булгарами и крымскими тюрками (*таврами*, т.е. *тауэрами*) для обозначения тюркских народов в русском языке активизируются слова *турок* и *турецкий*. Лишь в 1923 году А.Н.Самойлович предлагает имя существительное *турок* и прилагательное *турецкий* применять по отношению к туркам, а слова *тюрк* и *тюркский* – по отношению ко всем тюркским народам [Кононов А.Н., 1982, 17].

Этноним *тюрк* мы применяем в самом широком смысле. Семантика его весьма разнообразная, т.е. общим этнонимом *тюрк* (рус. *тюрки*) называются несколько разновидностей тюркоязычных народов.

Первую разновидность составляют так называемые собственно тюрки, действительно носившие этот этноним в качестве самоназвания, создавшие в VI – VII вв. н. э. Первый и Второй тюркские каганаты, и тем самым способствовавшие распространению их самоназвания *тюрк* в качестве общего этнонима среди всех жителей этих каганатов.

Вторая разновидность тюрков – это все современные тюркоязычные народы, многие из которых этноним *тюрк* в качестве самоназвания никогда не применяли. Это – башкиры, татары (булгаро-татары, крымские татары, добруджинские татары), нагайбаки, казахи, каракалпаки, ногайцы, караимы, карачай-балкары, кумыки, крымчаки, алтайцы, азербайджанцы, каджары, шахсаваны, карадаги, карапахаи, кашкайцы, афшары, халаджи, гагаузы, урумчи, тувинцы, тофалары, шорцы, хакасы, чулымские татары, узбеки, уйгуры, салары, сары уйгуры, чувашаи, якуты (саха), долганы и т.д.

Третью разновидность тюрков составляют те тюркоязычные племена и народы, которых в своем труде «Дивану лугатит-тюрк» (XI в.) Махмут Кашгарлы считает тюрками. Перечислим их и здесь: афшар, арамут, аргу, ава (awa), басмыл, башгирт, аят, баюндар, беченек, булак, булгар, бюдгюз, чаруклуг, чигил, чомал, чивалдар, эймюр, халач, хозар, хытай, ыграк, карлук, кар йагма, кай, кайыг, кенчек, кыфчак, кынык, кыргыз, кючет, ограк, огуз (угуз), салгур, согдак, сувар, тат, татар, тавгач, тенгют, тохси, тутырка, тюгер, тюрк, тюркмен, уграк, уйгур, урегир, йабаку, йагма, йасмыл, йава, йава, йазгыр, йемек, йыва, йуреги. Из перечисленных тюркских племен некоторые сохранили свой собственный этноним, некоторые потеряли его и вошли в состав других тюркских племен и народов.

В четвертую разновидность тюрков входят известные в истории тюркоязычные племена и народы, которых нет в списке тюрков Махмуда Кашгарлы, но жившие после распада тюркских каганатов, поэтому так или иначе они вошли в историю, но не сохранились до наших дней как самостоятельные народности под тем же названием. К ним относятся: алтай кижы, аз киши, аккоюнлы, барабалы, байлар, билэр, бигер, барсил, басмыл, берендей, беренджер, берсулы, буртас, буджакские татары, гаджалы, гяйня, читак, иштяк, кавар, кайсак, карагас, карадаглы, каракоюнлы, кара кыргыз, караман, кара татар, кара ногай, кара хазар, кимэк, ковуй, койбалы, котригур, кемеш болгар, куирк, кубанды, курук, кутригур, катый, лугар, маджар (машар, мажгар), майма кижы, мангот, огхондор, оногур, остяк, отуз татар, сабакуль, сарагур, саралымин, сарацин, сарлы, сарман, сарт, сарысөн, сэлжүк, суар, суасламари, тарылы, таулас, тогуз татар, туба кижы, тюргеши, уннугундур, халадж, хуногур, читак, чуй кижы, шор кижы, юрматы, язгыр, язок, ясыр и др.

Пятую разновидность тюрков составляют те тюркоязычные племена и народы, которые жили задолго до распространения этнонима *тюрк* и носили различные названия, в том числе и некоторые фонетические варианты слова *тюрк*. Это говорит о том, что этноним *тюрк* образовался и применялся задолго до VI в. н.э., когда он начал распространяться как общий этноним многих тюркоязычных народов. К **дотюркским** тюркоязычным племенам и народам относятся абдалы (эфталиты – белые хунны), авары (аорсы), агадирь (агафирсы) / акациры (акациры, агач эри), аргипши, асы (аз/яс/аш/иш/уз), аланы, алваны, ангарейоны (кангары), апасиакы, апахтарки, аримаспи, асана, барды (парды>парфы), би/пи/пей/бей/бек, бунтурк, гелон (йылан), гунны (хуны), дагарма (дагар, тагар), даи, жужан (сусюн), иирк (ийи эркек>ийи эрк), ишгуза, кангарас, кангюй, каспи, катиар, кусан/кушан/касан/казан, кюше, киммер, коман, куирк, кунаксалан, куу кижы, куэрик, массагет, мэн (мин), оногур, паралат, роксолан, са, сармат, сага, сагадар, сагай, сак (сака), саха, сакалиба (саклаб), сянби (сюнби), синды, скиде (рус. скиф, турец. искит, западн. скит), сколот, согды (сугдак, согдак), суар, сумер, сз, табгач, тавр (тохар, тагар, дагар, дагарма), тиссагет, тохри, трак (рус. фракиец), траспи, троя, турсака, уд (ас), уну, усунь, фиссагет, хангар, хартеш, хварас (хуарас/хорасм), хорасан (хуар-ассюн), хунугур (хорогур/оногур), эорпата, этруск и др.

Пятая разновидность тюрков, а именно те из них, которые до сих пор не признаны тюркоязычными, ошибочно и тенденциозно отнесены к носителям индоевропейских, особенно индоиранских языков.

В глубокой древности, еще задолго до н.э. тюрки обитали во многих регионах Евразии. Их древняя территория обитания была намного обширнее, чем их современные земли.

Этнический остров тюрков изучен лингвистами, и по их данным, проведены генеалогическая и территориальная классификация тюрков.

По генеалогической классификации различаются четыре основные группы тюркских языков: кыпчакская, огузская, чувашская и якутская. Некоторые тюркологи выделяют еще и карлукскую группу, но по своим особенностям ее в качестве подгруппы можно отнести к кыпчакской группе.

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Ф.Г. Хисамитдинова

Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, г. Уфа

Все исследования, посвященные башкирскому языку и проблемам его развития, условно можно объединить в три группы. Первую группу исследований составляют работы, созданные еще в досоветский период. К работам данной группы можно отнести средневековые словари, записки путешественников и

Однако сложность технической организации урока, большие временные затраты только на один вид работы не позволяют часто проводить его. Возникает необходимость поиска новых форм использования данного материала с большим эффектом.

Одной из таких форм является презентация.

Презентация – подача материала в виде слайдов, на которых могут быть представлены таблицы, схемы, рисунки, иллюстрации, аудио- и видеоматериалы. Для того чтобы создать презентацию, необходимо сформулировать тему и концепцию урока; определить место презентации в уроке. Если презентация станет основой урока, его стержнем, то необходимо выделить этапы урока, четко выстроив логику рассуждения от постановки цели к выводу. В соответствии с этапами урока определяем содержание текстового и мультимедийного материала (схемы, таблицы, тексты, иллюстрации, аудио- и видеофрагменты). И только после этого создаем слайды в соответствии с планом урока в программе PowerPoint. Для большей наглядности можно ввести настройки демонстрации презентации. Можно также создать заметки к слайду, отражающие переходы, комментарии, вопросы и задания к слайдам и материалам на них, т.е. методическое оснащение презентации, «партитуру» урока.

Если презентация лишь часть урока, один из его этапов, то необходимо четко сформулировать цель использования презентации и, уже исходя из нее, отбирать, структурировать и оформлять материал. В данном случае нужно четко ограничить время показа презентации, продумать варианты работы с презентацией на уроке, вопросы и задания для учащихся.

Если презентация – творческая работа учащегося или группы учеников, то необходимо как можно более точно сформулировать цель той или иной работы, определить ее контекст в структуре урока, обсудить содержание и форму презентации, время на ее защиту. Лучше, если с презентацией, созданной учеником, учитель познакомится заранее, особенно если она играет концептуальную роль на уроке.

При работе с презентациями осуществляется индивидуальный подход к обучению, активнее идет процесс социализации, самоутверждения личности, развивается историческое, научно-естественное мышление.

Таким образом у учащихся формируются ключевые компетентности, предъявляемые государственным стандартами образования:

- умение обобщать, анализировать, систематизировать информацию по интересующей теме;
- умение работать в группе;
- умение находить информацию в различных источниках;
- коммуникативная компетентность;
- осознание полезности получаемых знаний и умений.

В заключение хотелось бы сказать, что использование информационно-коммуникационных технологий обеспечивает:

- экономию времени на уроке;
- глубину погружения в материал;
- повышенную мотивацию обучения;
- интегративный подход в обучении;
- возможность одновременного использования аудио-, видео-, мультимедиа материалов;
- возможность формирования коммуникативной компетенции учащихся, т.к. ученики становятся активными участниками урока не только на этапе его проведения, но и при подготовке, на этапе формирования структуры урока;
- привлечение разных видов деятельности, рассчитанных на активную позицию учеников, получивших достаточный уровень знаний по предмету, чтобы самостоятельно мыслить, спорить, рассуждать, научившихся учиться, самостоятельно добывать необходимую информацию.

Литература

Артемов Ю.М. Образная система поэмы К.В. Иванова «Нарспи» // Художественный образ в чувашской литературе и искусстве. Чебоксары, 1987. С. 69–83.

Артемов Ю.М. Поэзия Константина Иванова как отражение саморазвития чувашского национального духа // Народная школа. 2000. № 5–6. С. 57–60.

Артемов Ю.М. Страсть к полемике: статьи, рецензии. Чебоксары, 2003.

Афанасьев П. Канаш (Кожанов) Альберт Георгиевич // Афанасьев П. Писатели Чувашии. Чебоксары, 2006. С. 188–189.

Вопросы поэтики К. Иванова [Текст]: материалы конф., посвященной 100-летию со дня рождения поэта. Чебоксары, 1991.

Вьюшина И.В. Возможности и преимущества информационных технологий в образовательном процессе // Современные педагогические технологии как фактор формирования ключевых компетентностей участников образовательного процесса. Часть 5. Информационные технологии в образовательном процессе: Методические материалы. Ярославль, 2005. С. 4–8.

Поэтому использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в учебном процессе является актуальной проблемой современного школьного образования.

Компьютер является не только объектом изучения, но и средством обучения и инструментом решения учебных задач. Его возможности и преимущества в этом отношении неоспоримы.

Прежде всего необходимо отметить, что чувашская литература как школьный предмет своей спецификой существенно отличается от других учебных дисциплин. Если математика, физика, химия, биология и даже история в перечне учебных предметов – это *основы наук*, то литература – один из видов искусства. Поэтому рассматривать и изучать чувашскую литературу по привычным схемам и приёмам абсолютно неверно. Как сказал А.С. Пушкин, судить о каком-либо предмете следует с точки зрения тех законов, по которым данный предмет создан. Значит, постигать литературу необходимо не только умом, но и сердцем.

Творчески работающий и требовательный к себе учитель не мыслит своей деятельности без использования межпредметных связей: живописи, музыки, театра, кинематографа. Именно они в совокупности с литературой создают целостную картину мира, жизни человека, его стремлений и надежд. «Литература способствует возвышению души», – утверждал Д.С. Лихачев. А с духовностью, с нравственностью у нас, как известно, далеко не всё благополучно. Вот почему при современном развитии информационных технологий, в условиях неограниченного доступа учеников к сети Интернет урок не может быть серым, скучным, неубедительным. Таким образом, актуальность данной проблемы использования ИКТ в учебном процессе является очевидной.

На уроках чувашской литературы особо востребован прием яркого, образного начала для развития эмоциональной и интеллектуальной отзывчивости учащихся. Обращение к живописи и музыке делает урок живым, создает доверительную и комфортную атмосферу в классе, позволяет ребятам настроиться на изучение творчества того или иного автора, вводит произведение в культурно-исторический контекст (например, включаем музыку Вивальди и обращаемся к классу с вопросом: «Скажите, с каким отрывком поэмы К. Иванова «Нарспи» ассоциируется эта музыка? Почему?» – и просим прочитать отрывок).

При изучении творчества писателя или поэта демонстрация фотографий, портретов в единстве со словом педагога поможет создать образ писателя (например, показ слайдов о творчестве Альберта Канаша, сопровождаемый музыкой).

В конце учебного года в 11 классе можно провести обобщающий урок в виде игры-викторины. Вот фрагмент этого урока – конкурс «Угадай писателя (поэта)».

«1. Как поэтическое явление XX века он занимает особое место в истории литературы: чуваш, пишущий на русском, принес современной русской поэзии самое большое признание в мире; одним из первых создает на русском языке авангардную поэзию европейского типа. Был лично знаком с Борисом Пастернаком. Является одним из переводчиков произведений классиков русской и мировой литературы, а также советских поэтов на чувашский язык. Он перевел поэму «Облако в штанах» и комедию «Клоп» Маяковского, книгу о бойце «Василий Теркин» Твардовского, комедию Э. Ротона «Романтик», стихи 77 французских поэтов, вошедших в составленную и переведенную им антологию «Поэты Франции» в 1968 г., за что поэт был удостоен премии французской Академии имени П. Дефея; стихи венгерских поэтов, включенные в аналогию «Поэты Венгрии» (1974). Имеет ряд публикаций стихов, в том числе и отдельными книгами, в переводах на европейские языки).

(Геннадий Айги – Геннадий Николаевич Лусин. На слайде – портрет Г. Айги).

2. Классик чувашской литературы, автор бессмертной поэмы «Нарспи», переводчик книг.

(Константин Иванов – на слайде его портрет)

3. Известный чувашский поэт-реформатор, драматург, прозаик, государственный и общественный деятель, один из организаторов чувашского комсомола; первый председатель ревтрибунала Чувашской автономной области, основоположник чувашского стихосложения.

(Михаил Сеспель – на слайде его портрет)».

Владея информационно-коммуникационными технологиями, учитель имеет возможность создавать, тиражировать и хранить дидактические материалы к уроку (проверочные работы, раздаточный и иллюстративный материал). В зависимости от уровня обученности класса, поставленных перед уроком задач набранный вариант заданий может быстро модифицироваться (дополняться, сужаться). Кроме того, распечатанные дидактические материалы выглядят и более эстетично.

С появлением мультимедийных материалов (интерактивных CD-дисков) открылась возможность включения в урок фрагментов видеолекций. Например, при изучении творческих методов на уроках литературы используется презентация «Творчество И.С. Максимова-Кошкинского».

Использование видео-, аудиоматериалов вместе с текстовым материалом обеспечивает более глубокое погружение в тему, творческое осмысление, повышает мотивацию учения.

более поздние исследования российских ученых XVIII – первой четверти XX вв. Наиболее ранней работой, в которой есть сведение о башкирском языке, является словарь известного тюркского лексикографа М. Кашгари «Диван лугат ат-турк», относящийся к XI в. В данном словаре говорится о том, что языки емеков и башкир близки к языкам кыргызов, кыпчаков, огузов, тухси, ягма, чигилей, ограков, чаруков, и являются тюркскими [Kâşgarlı: 2005]. На сегодняшний день, пожалуй, это является наиболее ранним сведением о принадлежности башкирского языка к тюркской семье языков мира.

Сведение о характере башкирского языка содержится в сочинении средневекового католического миссионера В. Рубрука, посетившего Золотую Орду в 1253 г. Он пишет о том, что «язык паскатири и венгров – один и тот же» [Янгузин, Хисамитдинова: 2007, 13]. Таким образом, через 1,5 века башкирский язык уже сближается не с тюркскими, а с венгерским, который сегодня считается финно-угорским языком. После XIII в., несмотря на то, что материалы башкирского языка попадают в многочисленные словари средневековья, сведений о природе, характере языка башкир, в письменных источниках нет. Лишь с XVIII в. башкирский язык снова попадает в поле зрения исследователей, теперь уже российских. Одним из первых, кто обратил внимание на особенности башкирского языка, был российский историк В.Н. Татищев (1686–1750). В своей «Истории Российской» первым в русской историографии он дает историко-этнографическое описание башкир и высказывает интересные мысли о башкирском языке. По его мнению, башкиры являются потомками финноязычных сармат, язык их первоначально был венгерским. Лишь потом язык башкир стал тюркским [Татищев: 1962, I, 428]. Следует также добавить, что именно В.Н. Татищев одним из первых ввел башкирский лексический материал в свой «Лексикон Российской, исторический, географический, политический и гражданский (1739, 1741–1745 гг.) и «Введение к историческому и географическому описанию» (1742 г.) [Хисамитдинова: 2006, 14–16.]. В перечисленных трудах В.Н. Татищева в основном представлена ономастическая лексика башкирского языка с этимологиями. Безусловно, не весь лексический материал в трудах В.Н. Татищева равноценен, есть искаженные названия, наивные этимологии. Вместе с тем лексический материал, зафиксированный им в начале XVIII в., ценен как источник не только по башкирскому языку XVIII в., но и истории народа в целом.

Дальнейший этап досоветского периода развития башкирского языкознания связан с именами таких российских ученых, как И.Г. Георги, составившего первый словарь башкирского языка, П.С. Палласа, автора «Путешествий по разным провинциям Российской империи», И.И. Лепехина, автора «Дневных записок путешествий доктора и Академии наук адъюкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 гг.», В.В. Вельяминова-Зернова, автора источниковедческой работы по исторической антропологии «Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями», В.В. Катаринского, первого башкирского лексикографа, составителя русско-башкирского и башкирско-русского словарей [Георги: 2005; Паллас: 1773, II; Лепехин: 1772, II; Хисамитдинова: 2008]. Перечисленные исследователи, во-первых, зафиксировали значительный лексический материал языка башкир XVIII в., во-вторых, ввели в научный оборот тюркологов, востоковедов сам башкирский язык. Роль исследований названных ученых станет понятной, если учесть, что исторически сложилось так, что к этому времени башкирский язык оказался одним из мало изученных тюркских языков России.

Введение в научный оборот фонетического и морфологического материалов связано с именами таких исследователей как М. Иванов, М. Казембек, М. Бикчурин, М. Кулаев, А. Бессонов, Н. Катанов и др., впервые обратившими внимание на специфические башкирские согласные *h*, *z*, *ç*, диалектные *nt*, *цк* и др. [Гарипов: 1959, 35–42.]. К досоветскому периоду относится также создание первых букварей на кириллице для башкир (А. Бессонов, М. Кулаев, М. Уметбаев) [Гарипов: 1959, 35–42.]. С досоветским этапом развития башкирского языкознания связано имя венгерского ученого В. Преле, автора «Штудий по башкирскому языку», основателя башкироведения в Венгрии, автора первого башкирско-немецкого словаря [Pröhle: 1903–1906, 4–6]. Таким образом, в развитие башкирского языкознания досоветского периода внесли свой вклад не только русские и башкирские исследователи, но и средневековые восточные и западные, а также более поздние венгерские, немецкие ученые.

Второй этап в развитии башкирского языкознания начинается с 20-х гг. XX в. Этот период характеризуется решением как научных, так и практических задач, связанных с разработкой обновленного литературного языка, алфавита, основанного на кириллице, правил орфографии и орфоэпии, принципов терминоведения, двуязычных, толковых, терминологических словарей; с созданием научных и школьных грамматик, учебников и учебных пособий для школ, ссузов и вузов Башкортостана. Основная тяжесть этой ответственной работы выпала на долю языковедов республики (М. Билялова, З. Шакирова, Г. Давлетшина, Н. Тагирова, У. Хусни, Т. Баишева, К. Ахмерова и др.) и известного тюрколога Н.К. Дмитриева, написавшего об особенностях и проблемах башкирского языка около 70 работ [Башкирское: 1980, 240]. Основным его трудом является «Грамматика башкирского

языка», в которой он не только описал современное состояние одного из тюркских языков, но и разработал принципы описания языков Советского Союза [Дмитриев: 2008, 264].

В развитии башкирского и тюркского языкознания большую роль сыграла статья Н.К. Дмитриева «К вопросу об изучении башкирского языка», в которой была дана программа изучения конкретного языка. В разделе «Какими путями должно идти изучение башкирского языка» он поставил задачу изучения языка как в статике, так и динамике. Н.К. Дмитриев писал: «Каждый язык надо изучать с двух точек зрения: исторической и его современного состояния. Когда мы говорим о прошлом языка, мы делаем попытку раскрыть законы развития языка, его эволюцию, т.е. те условия в жизни языка, которые изменяют его. Это – динамика языка. Но прежде чем перейти к ней, мы должны заняться статикой языка, т.е. ознакомиться с известным состоянием языка в определенный период». Программными являются его высказывания по вопросу изучения диалектов, языка фольклора, сравнительном изучении близкородственных языков, рекомендации по исследованию тематических групп лексики, созданию научной базы для разработки учебников и учебных пособий нового поколения [Дмитриев: 1959, 35–40].

В последующие годы советской эпохи башкирские языковеды работали над претворением в жизнь поставленных в 1928 г. Н.К. Дмитриевым задач и программы изучения башкирского языка. В результате к настоящему времени описаны и исследованы фонетические (А.Г. Бишев, М.М. Билялов, Т.М. Гарипов, Дж. Г. Киекбаев, Ф.Г. Хисамитдинова, А.А. Юлдашев), словообразовательные (М.Х. Ахтямов, Т.М. Гарипов, К.Г. Ишбаев), морфологические (К.З. Ахмеров, М.В. Зайнуллин, А.И. Харисов, А.А. Юлдашев), синтаксические (Г.Г. Саитбатталов, Д.С. Тикеев), лексические, включая фразеологию и ономастику (Э.Ф. Ишбердин, А.А. Камалов, Дж. Г. Киекбаев, Т.Х. Кусимова, З.Г. Ураксин, Ф.Г. Хисамитдинова, Р.З. Шакуров) особенности башкирского языка [Хисамитдинова: 2008, 271]. В советский период в республике актуализировались лексикологические и лексикографические изыскания.

Еще в начале 1960-х гг. зародилась идея создания наиболее полного толкового словаря башкирского языка, однако для этого потребовалось создание его материальной базы – добротной лексической картотеки. Учитывая насущную необходимость подготовки такого лингвистического издания, в 1970 г. на базе отдела языка Института истории, языка и литературы был создан сектор толкового словаря. Темой и сектором руководил А.Г. Бишев. Он разработал научные основы словаря: инструкции по сбору материала и структуре словаря и организовал работу по созданию лексической картотеки, состоящей более 1,5 млн единиц, что было достаточно для составления текста словаря. И коллектив из 12 человек подготовил рукопись толкового словаря на 55 тысяч слов. Этот словарь уникальный по охвату лексики и фразеологии, по нормативности вышел в свет в двух томах в 1993–1994 гг. в Москве в издательстве «Русский язык» [Башкорт: 1993, I; II]. Словарь позволил лингвистам института подготовить и издать новый «Башкирско-русский словарь» (М., 1996) на 32 тысячи заглавных слов, однотомный «Толковый словарь современного литературного языка» (Уфа, 2005) и школьные толковые словари. На базе двухтомного толкового словаря А.Г. Бишева также был подготовлен и издан большой «Русско-башкирский словарь» (Уфа, 2005) в двух томах на 60 тысяч заглавных слов [Ураксин: 2005, I; II]. Таким образом, был сделан крупный прорыв в башкирской лексикографии.

В советский период начинает активно развиваться диалектологическое направление в башкирском языкознании. Еще в 20–30 гг. прошлого века диалектологи собрали громадный материал почти по всем диалектам и говорам башкирского языка. В 50–60 гг. XX в. сбор диалектного материала продолжался. Параллельно диалектологи занимались описанием говоров и диалектов, составлением словарей, обобщением и сравнительным изучением диалектного материала как внутри башкирского, так и тюркских языков в целом (Т.Г. Баишев, Н.Х. Ишбулатов, Н.Х. Максютлова, С.Ф. Миржанова, Х.Г. Юсупов, М.И. Дильмухаметов, У.Ф. Надергулов и др.). Результаты исследований башкирских диалектологов увидели свет в ряде монографий, четырех словарях, многочисленных статьях и «Диалектологическом атласе башкирского языка» [Баишев: 2006; Ишбулатов: 1979; Максютлова: 1976; Миржанова: 1979; Миржанова: 2006; Дилмөхәмәтов, Ишбирзин, Мәксүтова, Нәзәрғолов: 2002; Хисамитдинова: 2005]. Отдельные материалы диалектологов вошли в качестве башкирской части «Лингвистического атласа Европы» (Н.Х. Максютлова).

Во второй половине семидесятых годов XX в. коллективом лингвистов республики под руководством московского лингвиста А.А. Юлдашева начинается работа по написанию академической грамматики башкирского языка. Наличие определенной базы, требовательного и талантливого руководителя, разработавшего концепцию грамматики нового поколения, способствовало тому, что подготовка научной грамматики современного башкирского языка к началу 1980 г. завершилась. Она через год была издана в Москве в издательстве «Наука» и получила высокую оценку научной общественности не только страны, но и зарубежных тюркологов. В

пускается в рассуждения о прошлых днях. С приходом нового учителя Аласова размеренная жизнь школы постепенно нарушается, появляются разного рода конфликты среди учителей, но директор почему-то придерживается пассивной позиции. Он как бы боится занять чью-либо сторону, поэтому ходит с трубкой, тем самым пытаясь оставаться в стороне и обойти конфликты. Позиция Кубарова раздражает Пестрякова, и он открыто высказывает свое недовольство: «Ходишь со своей трубкой как младенец с соской» [Данилов: 1977, 426]. Иногда с помощью своей трубки Кубаров ловко уходит от разговора. Как пример можно привести следующую ситуацию: «Федор Васильевич вместо ответа начал возиться со своей трубкой. Прицелившись глазом, вытащил из табака несколько крупных будылок, аккуратно сложил их на столе, забил нужный заряд в трубку, тщательно уплотнил его большим пальцем, зажег, с напряжением втягивая щеки, пыхнул несколько раз и только потом наконец-то ответил: «Э, пустяк... Пустяк... Мелочи жизни...» [Данилов: 1977, 336]. Но со временем директор осознает свои ошибки и начинает открыто защищать Аласова, даже готов уступить ему свое место. В конце романа Кубаров заявляет о своем уходе, после этого заворачивает трубку в платок и засовывает её в карман. Этот поступок свидетельствует о наступившей психологической перемене в его характере.

Одежда персонажа также является важной составляющей портретной детали. Она способна нести большую смысловую нагрузку, отражая эстетические, моральные, национальные взгляды носителя и интенсивность этих взглядов. Интересно сопоставить одежду Пестрякова и Кубарова, с помощью которых раскрываются непохожие друг на друга два мировоззрения. Портрет Пестрякова дается в воспоминании его жены, Надежды Алексеевны: «У Ивана Ивановича одежда всегда была нарядной, чистой, аккуратной. Кажется, и пылинки не заметишь на его прекрасном костюме, и все-таки он нет-нет да смахнет с рукава что-то совсем невидимое...» [Данилов: 1977, 7]. Через опрятную внешность раскрывается сущность человека во всем придиричивого, мелочного и циничного. Что касается Кубарова, то в описании его портрета Софрон Данилов использует художественные детали, противопоставляя их друг другу. Иными словами, писатель обращается к антитезе. «Директор Арылахской школы Кубаров был из тех людей, возраст которых не сразу определишь: вроде бы далеко не молод, но далеко и не стар. Если обозреть Федора Васильевича со спины, невольно обратишь внимание на шаркающую трудную походку, на его побелевшие по рантам старые сапоги (если дело летом) – или меховые кюрюмэ (если зимой) – косматые, подвязанные к поясу кожаными ремешками, на его сатиновую рубашку, которую он не снимает с плеча, и на его знатную трубку. Скажешь, старик стариком. Но стоит заглянуть в его живые глаза, подпираемые на плоском лице выпуклыми щеками, если обратишь внимание, что его стриженная, как у школьника, лобастая голова почти лишена седины, то скажешь по-другому: совсем еще молодой!» [Данилов: 1977, 19]. Как нам кажется, в описании портрета Кубарова Софрон Данилов не зря обращается к устаревшим словам. Например, «сарыы сыппа – торбаса из оленьих лапок с длинными голенищами», «сатыын ырбаахы – сатиновая рубашка». Старая одежда Кубарова как бы ассоциируется с его устаревшими убеждениями. И фамилия Федора Васильевича ещё раз подтверждает то, что в его сознании глубоко вселились пережитки прошлого. Так, если рассмотреть семантику фамилии Кубарова, то она может происходить от нескольких корней. Во-первых, от слова «кубарый», что значит «бледнеть, блёкнуть», во-вторых, от слова «кубархай», что значит «бледноватый». Исследователи считали Кубарова отрицательным героем. Но все же нельзя столь категорично относить Кубарова к отрицательным героям, так как его характер под влиянием Аласова претерпевает изменение.

Таким образом, в социально-психологическом романе «Пока бьётся сердце» предметные детали играют достаточно существенную роль в раскрытии характера героя, отражая склонности, вкусы и привычки того или иного героя.

Литература

Данилов С.П. Сурэх тэбэрин тухары = Пока бьётся сердце. Якутск: Кн. изд-во, 1977. 610 с.

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ НА УРОКАХ ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Л.В. Николаева

Средняя общеобразовательная школа № 59 г. Чебоксары

И.В. Моисеева

Средняя общеобразовательная школа № 14 г. Чебоксары

Мы живем в мире медиа – расширяющейся системы массовых коммуникаций, «информационного» взрыва. Соответственно, цель образования – формирование личности, способной читать, анализировать, оценивать медиатекст, заниматься медиаторством, усваивать новые знания посредством медиа.

В романе «Пока бьётся сердце» предметная характеристика становится основной в изображении отрицательных героев. Софрон Данилов, рисуя отрицательных героев, отбирает такие предметные детали, которые заостряют характер образа, оттеняют его внутреннюю сущность. Например, моральный облик консерватора и противника нового Пестрякова показан через характерологические детали: старое кресло, древние ходики с амбарным замком вместо гири, чёрная тетрадь, очки с глянцевым блеском, пустой графин. Эти вещи, несколько раз повторяясь в сюжетной структуре романа, приобретают еще большую смысловую нагрузку и становятся выражением характера Пестрякова, его привычек и наклонностей.

В зависимости от жанровой разновидности художественного произведения, деталь может выполнять несколько функций, тем самым формируя подтекст и приобретая имплицитный потенциал. В свою очередь, имплицитность детали проявляется в том, что, активизируя более чем одно значение, она может обладать дополнительным смыслом. Следует отметить, что имплицитивные возможности детали наиболее ярко реализуются в социально-психологическом романе. В этом и состоит сила художественной детали в подобном романе, где она имплицитивна порой больше, чем означает, превышая собственную номинацию. Примером тому служит предметная деталь – пустой графин. Данную художественную деталь можно интерпретировать в различных ракурсах. С одной стороны, с ее помощью раскрываются схожие и в то же время отличительные черты характеров Пестрякова и Кубарова, а с другой, деталь показывает психологические изменения, происходящие во внутреннем мире Кубарова. Следует отметить, что в данном случае происходит подмена психологической характеристики персонажей описанием вещи, принадлежащей им. Как нам кажется, писатель не зря ассоциирует образы Пестрякова и Кубарова с графином. Иначе говоря, особенность графина «перенесены» на их образы. Так, в первом случае, графин как бы выступает в роли «футляра». Действительно, по своей жизненной позиции Пестряков и Кубаров напоминают нам известного чеховского героя – «человека в футляре». Как и чеховский герой, они настолько замкнулись в кругу своих устаревших убеждений, что боятся всяких нововведений. Они не любят нарушать свое спокойствие и поэтому стремятся окружить себя «оболочкой». Для них главное – сохранить возможность работать по-старому и жить в мире и согласии. Таким образом, «футляр», закрывшись в котором Пестряков и Кубаров отгораживаются от окружающей жизни, от нравственных запросов, идейных интересов, души свободную мысль, накладывает оковы на духовные ценности, на творческие искания. Во втором случае, с помощью пустого графина раскрываются недостатки в работе школы. Можно сказать, что Софрон Данилов ассоциирует работу руководства школы с пустым графином. Так, в начале романа Пестряков и Кубаров предстают перед читателями как опытные педагоги и как заслуженные учителя. Школа, которой они руководят, считается образцовой и примерной. Но, на самом деле, легенда об опытных, заслуженных учителях и об образцовой школе, вселившаяся в сознание людей, ошибочна. Все это лишь обманчивая видимость успешной деятельности, как и красивый пустой графин.

Несмотря на то, что завуч и директор на первый взгляд кажутся похожими друг на друга, они сильно отличаются по своему мировоззрению. Софрон Данилов, называя одну и ту же предметную деталь то «графин», то «кырапыном» (заимствованное от русского слово, переводится как «графин»), раскрывает отличительные черты характеров Пестрякова и Кубарова. Так, писатель в характеристике Пестрякова использует слово «графин», а в отношении Кубарова слово «кырапын». Действительно, по характеру завуч и директор отличаются друг от друга. По своей натуре Пестряков – человек холодный и рассудительный, он во всем категоричен и решителен. Что касается Кубарова, то у него слабый характер, он во многих ситуациях проявляет свою нерешительность. Например, на педсовете завуч сильно стучит по графину, так как он любит всеми командовать, а Кубаров кое-как стучит по графину, что свидетельствует о его неумении руководить учительским составом. Кубаров отличается от Пестрякова еще тем, что в конце романа он осознает свои ошибки и тем самым как бы вырывается из своего «футляра». Иными словами, директор освобождается от своих устаревших убеждений. Что касается Пестрякова, то он никогда не выходит за рамки своих четких понятий. Завуч всегда требует от учителей неукоснительного соблюдения учебной программы, постоянно напоминая, что «программа – это закон, принятый государством» [Данилов: 1977, 321]. Но это справедливое требование переходит у него в отрицание необходимого творческого отношения к труду учителя. Так, в отличие от Кубарова, Пестряков никогда не сможет, да и не захочет вырваться из своего «футляра», его душа так и останется в нём навсегда. Все это говорит о различии в характерах данных героев. На педсоветах завуч все чаще стучит по графину, так как учителя перестают подчиняться его приказам и начинают открыто высказывать свое мнение. Таким образом, частые стуки по графину свидетельствуют о предстоящих переменах в жизни школы. Повторяясь, тем самым обретая дополнительный смысл и формируя подтекст, художественная деталь – пустой графин – превращается в лейтмотив.

Изменения в характере Кубарова Софрон Данилов сумел показать через другую предметную деталь – трубку. В начале романа мы видим всем довольного директора школы, который, загнав в свою знатную трубку из березового корневища добрых полпачки табака зараз и пыхнув едучим облаком, охотно

грамматике на новом материале, используя современные методы, по-новому проведено системное описание грамматической структуры башкирского языка. В нее включены ранее неразработанные разделы грамматики такие, как фонеморфология, синтаксис словосочетания, структура слова, связные сказуемые и др. [Юлдашев: 1981].

В 1980-х гг. в башкирском языкознании начинает развиваться историческое направление, которое было представлено историей литературного языка и сравнительно-историческими исследованиями в области лексики и фонетики общенародного языка. Языковедами отдела были подготовлены и изданы «Очерки истории башкирского литературного языка» (Р.Х. Халикова, Э.Ф. Ишбердин, И.Г. Галяутдинов, З.Г. Ураксин), «Язык башкирских шежере и актов документов XVIII–XIX вв.» (Р.Х. Халикова), «Историческая лексика башкирского языка» (Э.Ф. Ишбердин), «История башкирского языка: материалы по исторической фонетике» (Ф.Г. Хисамитдинова), «Два века башкирского литературного языка» (И.Г. Галяутдинов) и др. [Дмитриев: 2008, 256–257; Хисамитдинова: 2008, 271].

Подводя итоги можно сказать, что в советскую эпоху башкирское языкознание достигло значительных успехов в исследовании всех сторон языка.

Третий – постсоветский – период в развитии башкирского языкознания начинается в 80-х гг. XX в. Этот период характеризуется, во-первых, продолжением и расширением традиционных для башкирского языкознания исследований по лексикологии и лексикографии, морфологии и словообразованию, синтаксису и стилистике, ономастике и терминологии, истории башкирского литературного и разговорного языков. Этот период характеризуется значительными достижениями в создании новой академической грамматики башкирского языка, двухтомного толкового, двухтомного русско-башкирского, однотомного башкирско-русского, орфографического словарей. Важные результаты получены в области исторической лексикологии, ономастики и фонетики. Во-вторых, в последние годы в республике стали развиваться этнолингвистические исследования. В башкирском языкознании в основном развивается 2 направления этнолингвистики:

- исследование этнокультурного значения слова (Р.Н. Хадыева, Р.Х. Хайруллина);

- описание реалий окружающего мира в широком смысле (предметы и явления внешнего мира, лица, действия, растения, животные, их свойства и отношения) с помощью системы смысловых признаков и их мифологическая интерпретация (Ф.Г. Хисамитдинова) [Хадыева: 2005, 248; Хайруллина: 2000, 285; Хисамитдинова: 2010].

В-третьих, в постсоветский период бурное развитие получили социоллингвистические исследования. Особенно они активизировались после принятия Закона «О языках народов Республики Башкортостан» и разработки двух программ («Государственная программа сохранения, изучения и развития языков народов Республики Башкортостан на 2000–2005» и «Государственная программа сохранения, изучения и развития языков народов Республики Башкортостан на 2006–2010 гг.»). Данные документы создали правовую базу для расширения социальных функций башкирского языка, как одного из государственных языков РБ. В числе основных мероприятий Госпрограммы среди прочих указано научное исследование государственных языков РБ в целях совершенствования и развития их литературных норм [Хисамитдинова: 2003, 80]. В соответствии с этим пунктом в программах наряду с другими задачами было предусмотрено создание генерального машинного фонда башкирского языка.

Машинный фонд башкирского языка (МФ БЯ) – это специально разработанная для лингвистов, преподавателей башкирского языка, студентов и учащихся старших классов система поиска филологической информации. Основные положения МФ БЯ были выдвинуты в начале 90-х гг. прошлого столетия [Сиразитдинов, Надергулов: 1992]. Непосредственная работа по созданию фонда началась в конце 2003 г. На сегодня МФ БЯ разрабатывается и поддерживается силами сотрудников лаборатории лингвистики и информационных технологий Института истории, языка и литературы и Интернет центра Башкирского государственного университета.

МФ БЯ состоит из интерфейса, пакета программных продуктов по обработке запроса от пользователей и баз лингвистических данных. Информационная система разработана на базе СУБД Oracle 10 и функционирует на специально выделенном сервере в Интернет центре Башкирского государственного университета по адресу www.mfbl.ru. Вся информация дается на трех языках: башкирском, русском и английском.

На сегодня информационная система имеет 7 баз данных, которые образуют подфонды единого машинного фонда:

- подфонд генеральной картотеки;
- лексикографический подфонд;
- грамматический подфонд;

- каталоги рукописных и старопечатных книг;
- экспериментально-фонетический подфонд;
- диалектологический подфонд.

Отметим, что машинный фонд башкирского языка является вторым фондом после фонда русского языка на всем постсоветском пространстве.

За неполных 10 месяцев своего открытого функционирования МФ БЯ уже стал явлением не только сугубо научного, но и культурного, и образовательного значения.

При этом наблюдается динамика роста как посещений, так и обращений на обработку запроса. К машинному фонду обращаются как из стран дальнего, так и ближнего зарубежья (Австрия, Великобритания, Норвегия, Германия, Польша, Турция, Йемен, Сербия, Азербайджан, Украина, Белоруссия, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан и т.д.) [Сиразитдинов: 2010, 32–33].

Все эти факты говорят о том, что фонд становится средством активной пропаганды и ознакомления мировой цивилизации с башкирским языком.

В целом, постсоветский период характеризуется параллельным развитием как, традиционных так и новых направлений в башкирском языкознании.

Приведенный выше краткий образ свидетельствует о том, что башкирскими лингвистами проделана огромная работа по изучению проблем башкирского языка и его диалектов, истории литературного языка и письменности, лексического богатства и грамматической структуры, функционирования его и стилового развития. Следует, подчеркнуть, что каждый этап в развитии башкирского языкознания был насыщен, богат и имеет свои традиции. Достижения значительны, но, в то же время, башкирским лингвистам, как и лингвистам всей многонациональной России, предстоит сделать еще больше. Каковы же актуальные задачи, стоящие перед башкирским языкознанием, каковы же научные вызовы современности? Научные вызовы и задачи связаны, прежде всего, с естественными изменениями в башкирском языке и его функционировании. Во-первых, в последние десятилетия в Башкортостане, как и в России в целом произошли существенные перемены в социально-политической, экономической и культурной жизни населения. Это способствовало активизации языковой жизни. Появились новые термины, понятия. Изменились коммуникативные стратегии публичной и бытовой речи. Появились проблемы нормы, стандартизации. Сегодня башкирская художественная литература практически утратила свою определяющую функцию при нормировании, стандартизации языка. Эта функция сегодня перешла к телевидению, радио, газетам и другим средствам СМИ. Снижается престиж литературного языка. В СМИ культивируется смешанная башкирско-русская, башкирско-татарская речь. Это проблемы внутреннего порядка.

Главным вызовом внешнего порядка является возрастающая роль Интернета в информатизации общества и образования. Поэтому важнейшими задачами, стоящими для исследования перед башкирским языкознанием, являются следующие:

- функционирование башкирского языка в современных условиях и проблемы нормы;
- принципы кодификации норм башкирского литературного языка конца XX – начала XXI в.;
- стандартизация терминологии;
- современные процессы в фонетике башкирского языка;
- история лексики и история культуры;
- язык и мифология;
- язык и стиль башкирского фольклора;
- описание памятников письменности и т.д.

Для решения поставленных задач необходимо сделать следующее:

- в ближайшие пять лет подготовить и издать многотомный (запланировано 10 томов) академический двуязычный толковый словарь башкирского языка. Сегодня полностью подготовлен I том, частично 2, 3, 4, 5, 6 тома;

- подготовить и издать коллективную монографию «Историческая грамматика башкирского языка». В этой области уже есть существенные заделы. Во-первых, опубликован ряд монографий по исторической лексикологии, фонетике и морфологии, во-вторых, изданы «Диалектологический атлас башкирского языка», диалектологические словари, монографии по всем диалектам и говорам, создан машинный фонд, включающий не только лексическую, но и грамматическую и экспериментально-фонетическую базы;

- в области компьютерной лингвистики в ближайшие годы необходимо создать национальный корпус башкирского языка.

Выполнить поставленные задачи башкирские лингвисты в силах. Сегодня создан квалифицированный научный потенциал почти по всем направлениям башкирского языкознания, введен в оборот огромный диалектный материал, опубликованы письменные источники как по

Кластерсемпе синквейнсенчи усә курмалли сәмахсемпе үкерчәксем куҗ умәнче пулни монолог тума сәмәлләх күрет.

4–5-мәш классенче вәренекенсем валли Г.В. Абрамова хатәрленә «Видеосюжетсем» ятлә электрон пособийәсене те вырәнти материалтан каләпланә. Видеосюжетсем ачасен пуллевне аталантармалли, чәваш чәлхине вәренекенсин тухәсләхне үстермелли хатәр пулса тәраҗсә. Пособисенчи материал вәренекенсене уроксен содержание пуяллатма май парать. Эпә те вәсемпе урок тухәслә усә кура тәп. Вәренекенсем Атәл, тәван тәраҗри кайәк-кәшәк, пуләсем, пахча сәмәсәсем, кәмпасем, усән-тәран, чәр чунсем сәнчен сюжетсем пәхәсә. Ачасем сюжетсене пәхса, сәсәпа каланине итлесе сәмахсене тәрс калама, предложенисенче кирлә интонация тума вәренсе пәраҗсә. Унтан экран сәне тухса пәракан сәмахсенчен сәмах майлашәвәсене, предложенисем, пәсәках мар текст йәркеләсә. Каярах вара пәсәках калавсем сырма, каласа пама хәнәхәсә. Тәсләхрен, «Атәл» ятлә видеосюжетпа мәнлерех әсләтпәр-ха эфир? Чи малтанах ачасене видеосюжета тилә пәхма сәнетәп. Унтан экран сәне тухса пәракан сәмах майлашәвәсене (пуләшу парать, апат пәсәретпәр, айә парәсә, кану вырәнә, хәвел сәнче хәртәнеҗсә, тирән пурнәс) словарьпе усә курса куҗараҗсә, тетрадь сәне сырса хураҗсә. Сәк видеосюжетра илтнә текста уйрәм хут листи сәнчен ачасем хәйсем вуласа куҗараҗсә, йитусене хураҗсә (Атәл мән вәл? Вәл пире мән парать? Унән шывәне эфир мән тәватпәр? Шупашикар ГӘСә әҗта вырнаҗнә? т. ыт. те). Малалла текста пәр-икә ачана илемлә вулаттаратәп. Ун хыҗсән вәренекенсем текст сәне пәхмасәр кашни пәрер предложени каласа сәхәнуллә калав тәраҗсә. Юлашкәнчен вара пәченшәрән Атәл сәнчен кәскен сәкән пек каласа парәсә:

Атәл – пәсәк юхан шыв. Вәл пире пәсәк пуләшу парать. Эфир ун шывне әсетпәр, унна апат пәсәретпәр, сәвәнатпәр. Атәлта гидроэлектростанциясем вырнаҗнә. Вәсем сәнсене сәтә, айә парәсә. Пәсәк электростанциясенчен пәри вәл – Шупашикар ГӘСә. Вәл Сәнә Шупашикар патәнче вырнаҗнә. ГӘСра электриксем, инженерсем, экологсем әсләсә.

Атәл – лайәх кану вырәнә. Сәнсем унта шыва кәреҗсә, хәвел сәнче хәртәнеҗсә. Атәл – тирән пурнәс.

Монолог хәнәхәвәсене аталантарас әс класс тулашәнче туса ирттернә мероприятисенче те пулса пәрачә. Тәсләхрен, нумаях пулмасть хамәр шукулта «Чәваш тумән уявне» ирттертәмәр. Сәк уява ертсе пәраканә пәллә чәваш тәрсәи З.И. Воронова пулчә. Уявра Зинаида Ивановна хәйән алиппе тунә, чәваш тәррисемпе илемлетнә япаласемпе пәлаштарчә. Ачасем чәваш тумне тәхәнса вәйә карти турәс, Лариса Васильева чәваш эстрада юрәсипе пәрле юрларәс, ташларәс, чунтан сәвәнчәс. Уяв хыҗсән ачасемпе мероприяти мәнле иртни, унта мән курни, мән киләшни сәнчен калашу йәркелерәмәр. Ачасем хәйсен шухәш-кәмәлне каласа пәчәс. 5-мәш класри ачасем чи маттурисем пулчәс. Вәсем уявра үкернә сән үкерчәкәсемпе усә курса хәсәт кәларчәс, унта хәйсен калавәсене сырса кәртрәс. 4-мәш класра вәренекен хәр ачасем кәсәкланса килтен шәрсәсемпе, тенкәсемпе илемлетнә масмаксем туса килчәс. Урокра вәсем сәнчен каласа пәчәс. Хәйсен әсәсене шукулти этнографи музейне парнелерәс.

Сәпла майпа, урок тата класс тулашәнче краеведени материаләпе усә курни вәренекене вәренү процесне әнәслә йәркелеме, шукул ачисене монолог хәнәхәвәсене аталантарма тата чәваш халәх историне, илемләх тәнчине тарәнрах вәренме май парать.

РОЛЬ ПРЕДМЕТНОЙ ДЕТАЛИ В РАСКРЫТИИ ХАРАКТЕРА ГЕРОЯ В РОМАНЕ СОФРОНА ДАНИЛОВА «ПОКА БЬЕТСЯ СЕРДЦЕ»

Т.И. Лазарева

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск

Изображение предметного мира в романе Софрона Данилова является наиболее сильной стороной писателя. В нём кроется одна из стержневых особенностей его художественного метода.

Под предметными деталями мы подразумеваем материальную культуру: предметный ряд и одежду героя.

3-меш класра вырӑнти материал тематики сарӑлать. Вӑренекенсем чӑваш халӑхӑн авалхи тумӑпе паллашма тытӑнаҫҫӑ. *Тухья, тевет, май ҫыххи, хушпу, сурпан* сӑмахсене ӑса хываҫҫӑ. Текстсен содержанияйӑ тарӑх вӑрентекен хатӑрленӑ ыйтусене хуравлаҫҫӑ.

— *Ку кам? (Ку хӑр ача.)*

— *Вӑл мӑн ятлӑ? (Вӑл Айпи ятлӑ.)*

— *Айпи мӑнле? (Айпи илемлӑ, ыра, маттур.)*

— *Вӑл миҫе султа? (Вӑл тӑхӑр султа.)*

— *Хӑр ача мӑн-мӑн тӑхӑнӑ? (Хӑр ача кӑпе, тухья тӑхӑнӑ, саппун, тевет ҫакӑ.)*

Хуравӑсемпе уҫӑ курса е пӑччен, е икшерӑн, е ушкӑнна текст содержанияине каласа параҫҫӑ, ӑкерӑч тарӑх калав таваҫҫӑ. Тӑслӑхрен, «Тухьяпа тевет» ятлӑ урокра вӑренекенсем чӑваш тумне тӑхӑнӑ Айпи ҫинчен ҫакӑн пек калав ӑслама пултараҫҫӑ:

Ку Айпи. Айпи кӑпе, тухья тӑхӑнӑ. Вӑл тевет, май ҫыххи, саппун ҫакӑ. Айпин кӑпи шура тӑслӑ. Уӑн тухий илемлӑ. Аӑа шӑрҫасемпе, тенкӑсемпе илемлетнӑ.

Арҫын ача тумне те ачасем сӑнласа ҫакӑн пек каласа пама пултараҫҫӑ:

Ку арҫын ача Ванюк ятлӑ. Вӑл кӑпепе, брюкипе, атӑпа. Ванюкӑн тиҫиххи пур. Уӑн кӑпи шура, тӑрӑллӑ. Брюкийӑ, атти хура.

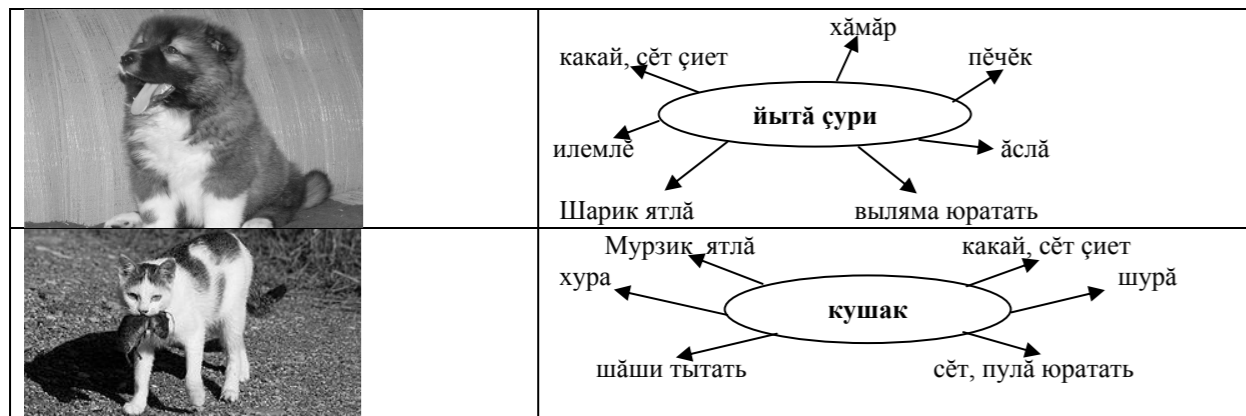
«Айпи пуканисем» урокра ачасене пӑчӑк проект ӑҫӑ тутаратӑп (ку ӑҫе учебник авторӑ Г.В. Абрамова 3-меш класӑн ӑҫ тетрадьне кӑртнӑ). Ачасем пуканисен тумне чӑваш тӑррисене ӑкерсе, тӑрлӑ тӑспе сӑрласа илемлетеҫҫӑ. Вӑсем ӑҫленӑ вӑхӑтра кашни ача патне пырса асамлӑ сӑмахсемпе хавхалантаратӑп, ыйтусем парса калаҫтаратӑп. Унтан вара ӑкерӑчсем тарӑх калав йӑркелеме хушатӑп. Юлашкинчен ачасем хӑйсем суйласа илнӑ пуканисем ҫинчен доска умӑнче каласа параҫҫӑ. Тӑслӑхрен:

Ку пукане Анюк ятлӑ. Вӑл хитре, пӑчӑк, илемлӑ, лайӑх, маттур. Анюкӑн тевет, тухья, май ҫыххи пур. Вӑсене шӑрҫасемпе илемлетнӑ. Анюк мана килӑшет.

ҫакӑн пек ӑҫсене ытти темӑсемпе те ирттерме пулать. Вӑсене ачасем хавхалансах пурӑҫлаҫҫӑ.

Чӑвашсен авалхи тумӑпе паллаштарма, ун ҫинчен каласа пама вӑрентме пире вӑренӑ кабинетӑ ҫумӑнче йӑркеленӑ этнографи музейӑ ҫылай пулӑшу парать. Музей экспонаҫсемпе уҫӑ курни урока ҫӑрӑлӑх кӑртет, ачасен пӑлӑ илес туртӑмне вӑйлатать. Кунта ачасем хӑрарӑм тата арҫын кӑпи, сурпан, саппун ҫинчи тӑрӑсемпе паллашаҫҫӑ, куҫ умӑнчи япаласем ҫинчен каласа пама хӑнаҫаҫҫӑ.

Уроксенче ҫӑнӑ инфрмаципе коммуникаци технологийӑсемпе уҫӑ курма тарӑшатӑп: тӑтӑшах кластерсемпе, синквейнсемпе ӑҫлетпӑр. Вӑсем вӑренекенсен пулӑвне аталантармалли тухӑҫлӑ технологисенчен пӑрисем пулса тарӑҫҫӑ. Ачасем кластер тума, синквейн ҫырма вӑренеҫҫӑ, унтан вӑсем тарӑх каласа пама та хӑнаҫа пыраҫҫӑ.

Акӑ 4-меш класра вӑренекенсем кластерпа уҫӑ курса йытӑ ҫурипе кушак ҫинчен ҫакӑн пек калав ҫыраҫҫӑ те каласа параҫҫӑ.

Ку йытӑ ҫури Шарик ятлӑ. Вӑл хӑмӑр тӑслӑ, хыраммӑ – шура. Шарик – пӑчӑк, илемлӑ, ӑслӑ йытӑ ҫури. Вӑл какай, сӑт ҫиет. Шарик выляма юратать.

Ку кушак Мурзик ятлӑ. Мурзик шура тата хура тӑслӑ. Вӑл ялта пурӑнать. Мурзик сӑт, пулӑ юратать, шӑши тытать.

Ҫавӑн пекех синквейнна уҫӑ курса ачасем ҫыхӑнуллӑ пулӑвне аталантарса пыраҫҫӑ. Тӑслӑхрен, кӑҫӑяпа пилеш ҫинчен ҫакӑн пек пӑчӑк монолог хатӑрлеҫҫӑ: «*Ку кӑҫӑя. Вӑл сарӑ пӑсехеллӑ. Кӑҫӑя вӑрманта пурӑнать, вӑрӑсем ҫиет. Вӑл илемлӑ кайӑк*», «*Пилеш илемлӑ, усӑллӑ йывӑҫ. Уӑн ҫулҫи симӑс, ҫырли хӑрлӑ сарӑ тӑслӑ. Пилеш вӑрманта, паркра, урамра ӑсет. Вӑл мана килӑшет*».

башкирскому, так и другим тюркским языкам, разработана методика сравнительно-исторических исследований в тюркологии и т.д.

Литература

1. *Kaşgarlı M.* Divânü Lugâti't-Türk. İstanbul, 2005. 235 S.
2. *Янгузин Р.З., Хисамитдинова Ф.Г.* Коренные народы России. Башкиры. Уфа, 2007. С. 13.
3. *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 1. М.; Л., 1962. С. 428.
4. *Хисамитдинова Ф.Г.* Географические названия Башкортостана. Материалы для историко-этимологического словаря. Уфа, 2006. С. 14-16.
5. *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 2005; *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. Ч. 2; *Лепехин И.И.* Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 гг. В 4 Т. СПб, 1772. Ч. 2; *Хисамитдинова Ф.Г.* Башкирское языкознание: прошлое, настоящее, будущее // Вопросы алтайской филологии. Памяти Э.Р. Тенишева. Вып. 3. М., 2008, 271 с.
6. *Гаритов Т.М.* Изучение башкирского языка в дореволюционный период // Вопросы башкирской филологии. М., 1959. С. 35-42.
7. *Там же.*
8. *Pröhle V.* Baskir nyelvtanulmányok (Bashkirische Sprachstudien) // Keleti Szemle. Budapest, 1903–1906. P. 4–6.
9. Башкирское языкознание. Указатель литературы. Уфа, 1980. 240 С.
10. *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. М., 2008. С. 264.
11. *Дмитриев Н.К.* К вопросу об изучении башкирского языка // Вопросы башкирской филологии. М., 1959. С. 35-40.
12. *Хисамитдинова Ф.Г.* Башкирское языкознание: прошлое, настоящее, будущее // Вопросы алтайской филологии. Памяти Э.Р. Тенишева. Вып. 3., М., 2008, 271 с.
13. Башкорт теленен һүзлеге: Ике томда // Бишев Ә.Ф. h.6. М. 1993, 1 Т., 860 бит; 2 Т., 815 бит.
14. Русско-башкирский словарь // З.Г. Ураксин. В 2 Т. Уфа, 2005. Т. 1., 808 с; Т. 2., 680 с.
15. *Башиев Т.Г.* Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. Уфа, 2006, 132 с; *Ишбулатов Н.Х.* Башкорт диалектологияһы. Өфө, 1979; *Максютова Н.Х.* Восточный диалект башкирского языка. В сравнительно-историческом освещении. М., 1976. 292 с.; *Миржанова С.Ф.* Южный диалект башкирского языка. М., 1979. 272 с.; *она же.* Северо-западный диалект башкирского языка. Уфа, 2006, 300 с.; Башкорт теленен диалекттары һүзлеге // М.И. Дилмөхәмәтов, Э.Ф. Ишбирзин, Н.Х. Мәксүтова, У.Ф. Нәзәрғолов. Өфө, 2002, 432 бит. Диалектологический атлас башкирского языка // Ф.Г. Хисамитдинова. Уфа, 2005. 234 с., 169 карт.
16. Грамматика современного башкирского литературного языка // А.А. Юлдашев. М., 1981. 495 с.
17. *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. М., 2008. С. 256–257; *Хисамитдинова Ф.Г.* Башкирское языкознание. С. 271.
18. *Хадыева Р.Н.* Башкирская этнокультура и язык. Опыт воссоздания языковой картины мира. М., 2005. 248 с.; *Хайруллина Р.Х.* Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию. Уфа, 2000. 285 с.; *Хисамитдинова Ф.Г.* Мифологический словарь башкирского языка. М. 2010. 464 с.
19. О реализации закона Республики Башкортостан «О языках народов Республики Башкортостан» / Ф.Г. Хисамитдинова. Уфа, 2003. 80 с.
20. *Сиразитдинов З.А., Надергулов И.У.* О создании Машинного фонда башкирского языка / Востоковедение в Башкортостане. История. Культура. Вып. 3, Уфа, 1992.
21. *Сиразитдинов З.А.* Информационная система «Машинный фонд башкирского языка // Городские башкиры: проблемы языка и демографии. Материалы VI Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной III Всемирному курултаю башкир. Уфа, 2010. С. 32–33.

Секция 1

ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И АРЕАЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

AZƏRBAYCAN DİLİNDƏ TERMİNLƏRİN KOQNİTİV KOMMUNİKATİV-KONSEPTUAL TƏHLİLİ (Когнитивный коммуникативно-концептуальный анализ терминов в азербайджанском языке)

D.T. Əliyeva

Bakı Slavyan Universitetinin, Bakı şəhəri

XX əsrin sonu – XXI əsrin əvvəllərində türk dillərində termin nəzəriyyəsinin inkişafında yeni bir mərhələ başladı, bu terminoloji vahidlərin təhlilinə koqnitiv münasibətlə bağlı idi. Bu tədqiqatlarda artıq terminlər dil nəzəriyyəsi və təfəkkür baxımından, yəni hər hansı bir sahənin mütəxəssisinin koqnitiv fəaliyyətinin nəticəsi kimi nəzərdən keçirilirdi və dilçiləri maraqlandıran əsas məsələlər – terminlərin hansısa tip təcrübəni özündə gizlətdiyini öyrənmək idi. Məsələ burasındadır ki, istənilən bir sahədə professional təcrübə genetik ötürülmür və o

mexaniki, dərk olunmadan qəbul oluna bilməz. Bu hər bir fərdin individual - məqsədyönlü fəaliyyəti nəticəsində əldə edilir. Məhz bu əldə edilmiş təcrübə terminlərin formalaşmasına təsir edir ki, nəticədə bir sıra konseptual əlamətlər meydana çıxır. Bunlar aşağıdakılardır:

Türk dillərinin oğuz qrupuna daxil olan Azərbaycan dilində terminlərin formalaşmasında nəzərə qarpan konseptual əlamətlərdən biri, onların bəzilərinin yalnız bir fərd, bəzilərinin isə qrup tərəfindən yaradılmasıdır. Məsələn burasındadır ki, bir fərd tərəfindən yaradılmış termin, yalnız bir şəxsin dünyagörüşünü, savad, təfəkkür, təxəyyül və təcrübəsini əks etdirirsə də, qrup tərəfindən yaradılmış termin müxtəlif fərdlərin dünyəvi təsəvvür, təxəyyül və təcrübələrini ümumiləşdirmiş şəkildə əks etdirir. Onların hər iki forması da tərkibində denotat və signifikatı olan mənə strukturuna malikdirlər.

Terminlərin dil hadisəsi kimi ikinci bir konseptual əlaməti – onların aid olduqları canlı və cansız varlıqları fərdiləşdirmələridir. Bu isə həm linqvistik, həm də etnolinqvistik bazada baş verir.

Terminlərin üçüncü konseptual əlaməti, onların hamıya məlum olmamağı və hamı tərəfindən eyni səviyyədə dərk olunmamaqlarıdır. Lakin maraqlı burasındadır ki, bu naməlumluq onların termin kimi tanınmasına mane olmur.

Terminlərin dördüncü konseptual əlaməti, onların məzmunlarında insan təcrübəsi və professionalizminin fəal inikasıdır. Məhz belə təfəkkür quruculuğunda terminlərin daxili formasını təsdiq edən xüsusi istiqamətverici mexanizm ehtiyac var ki, bu da onların mənasının kontekst daxilində və ya kontekstdən kənar da dərk etməyə kömək edir. Digər tərəfdən isə bu daxili mexanizm professional təfəkkürün xüsusiyyətlərini əks etdirir ki, bu da ixtisas sahiblərinin dil fəaliyyətini aktivləşdirən mənbə sayılır.

Beləliklə, oğuz qrupu türk dillərində terminlər elə dil vahidləridir ki, insan fəaliyyətindən kənar onları nəzərdən keçirmək mümkün deyil. Terminlərin hər bir sistemi özlüyündə insan biliyinin bu və ya digər sahədə koqnitiv – məntiqi modelini təqdim edir və onlar professional kommunikasiyanın nüvəsini təşkil etdikləri üçün koqnitiv – kommunikativ mühitdə konseptual istiqamətverici vasitə rolunu oynayır və ixtisas sahiblərinin təfəkkürünə istiqamət verir, nəticədə həm təfəkkürə, həm də fəaliyyətə eyni zamanda kompas rolunu oynayırlar.

Termin dil işarəsi kimi 3 tip bilikləri özündə birləşdirir; dil bilikləri, geniş mənada elmi – ensiklopedik biliklər və şəxsi professional təcrübə.

Məsələyə daha dərinədən yanaşsaq görərik ki, türk dillərinin ədəbi dilinin üslublarında terminlərin bir konsept kimi fəaliyyəti fərqlidir, belə ki, əgər digər üslublarda o definitiv və nominativ rola malikdirsə də, onların bədii əsərdə işlədilməsi bir zəruriyyətin nəticəsidir. Çünki bədii əsərdə personajla mövzu vəhdətinin yaradılması üçün müvafiq dil vahidlərinin işlənməsi vacibdir və burada yazıçının birinci məqsədi əsərin dilinin oxucu üçün psixoloji cəhətdən asanlıqla qəbul oluna bilməsidir. Digər tərəfdən isə terminlərin elmi – tarixi – mədəni təhkimliliyi, semantikasi, konnotativ mənə ifadə etməsi, elmi biliklərin daşıyıcısı, intellektual və emosional ifadəyə malik olmaları onların aid olduqları sahənin əhatə dairəsi və ona doğma olan xalqın həyat tərzini ilə bağlıdır. Ona görə də, istənilən bir janrdə bədii əsəri yazan yazıçı istənilən dil vahidlərinə olduğu kimi, terminlərə də xüsusi diqqətə yanaşır. Bütün bunlar isə təkcə konkret dil faktlarını, onların təqdim etmə üsullarını deyil, həm də dil vahidlərinin xarakterindən asılı olaraq seçilməsini vacib edir.

Bədii üslubda termin konseptinin seçilməsində iki mərhələ əsas götürülür: 1) məzmunə və məqsədə uyğun termin seçmək; 2) terminin mətnin içərisində yerləşdirilməsi.

Bu mərhələlərin həyata keçirilməsi müəllifin kommunikativ strategiyasının əsasını təşkil edir. O, kommunikativ strategiyaya əsaslanaraq istifadə etdiyi dil vahidlərinin funksiyalarını və onların mətnə rolunu müəyyənləşdirir. Qeyd etmək lazımdır ki, kommunikativ strategiya – universal bir anlayışdır. Belə universallığın yaranmasına səbəb istənilən funksional üslubda yazılmış mətnə yazıçı – mövzu əlaqəsidir. Belə ki, yazıçı üçün müşahidə olunmuş istənilən fakt mövzu ola bilməz. Yazıçı üçün əsl mövzu onun tərəfindən yaşanmış, daxilən süzgəcdən keçirilmiş hiss və düşüncələrdir. Belə olduğu halda mövzu seçilən zaman bir təfəkkürün işi azdır. Deməli, müəyyən zərurət nəticəsində meydana çıxan hissələr təfəkkürün güclü təsiri nəticəsində bədii əsər üçün yararlı tikinti materialına çevrilə bilər. V. A. Aqrانovski bunu “müəllif konsepsiyası” adlandırır. Kommunikativ strategiyada terminlərdən istifadə zamanı əsas linqvistik prinsip – oxucu dili ilə yazıçı dili arasındakı məntiqi gərginliyin artmasıdır. Bu fərq deyil, əlaqədir, yəni “mən olsa idim belə deyərdim” formasının təsdiqidir. Bu əlaqə zamanı terminlərdən istifadə iki formada özünü göstərə bilər: ekstensiv və intensiv.

Ekstensiv istifadə zamanı terminlər qrup şəklində təqdim olunurlar. Daha sadə ümumişlək terminlərlə, daha mürəkkəb və xüsusi xarakterli terminlər bir sırada dayanaraq, sadədən mürəkkəbə doğru izah gedir. Bu formada məlumat geniş təqdim olunduğundan terminin mənası daha aydın başa düşülür və oxucu ilə müəllif arasında heç bir sual yaranmır. Məsələn: “Übeydət böyük meydanı bir daha dolandı, sonra meydanın ortasına şığıyaraq **topu** göyə atdı və **çövkanla** bir neçə dəfə vurub havada fırladınca İrandan gələn heyətin nümayəndələrindən Divbənd meydana at saldı və bir çövkanla **topu** Übeydətə əlindən qarıb **çövkanın** burnunda fırlatmağa başladı” (M.S. Ordubadi. “Qılnc və qələm”).

Nümunədən görüldüyü kimi daha sadə termin “top” mətnə birinci gəlir, ona nisbətə mürəkkəb olan “çövkan” termini isə sonra gəlir. Sadədən mürəkkəbə doğru sıralanma ikincinin daha asan dərk olunmasını təmin edir.

Пятый и последний признак синтаксической модели – **внутренняя организованность**. Все элементы синтаксической модели объединены между собой определенными отношениями. Чаще всего это подчинение. Именно оно выстраивает словоформы в организованную структуру, т.е. создает предложение. Современные исследователи центральное место в синтаксической структуре отводят сказуемому, представленному чаще всего глаголом. Глагол более непосредственно соотносится с референтной ситуацией, т.к. он обозначает действие. Он «наиболее конструктивен по сравнению со всеми другими категориями частей речи» [Шведова: 1970, 268]. «Таким образом, все функционально-синтаксические позиции в составе модели напрямую подчиняются предикату и семантически определяются последним» [Шведова: 1970, 390].

В чувашском языке также «душой любой фразы является глагол, именно он заключает в себе необходимую для понимания смысла фразы информацию (отношение к участникам общения, временная отнесенность и т.д.» [Егоров: 1971, 65–98]. Например, глагол «жить» – «*пурăн*» предполагает две позиции: а) кто (*кам*) живет (*пурăнать*); б) где (*ăста*) живет (*пурăнать*). *Бабушка живет в деревне*. – «*Асанне ялта пурăнать*». Можно усложнить эту речевую единицу многократным последовательным подчинением. Например: *Бабушка живет в деревне с тетей Таней*. – «*Асанне ялта Таня аппана пурăнать*.» и т.д. Отсюда можно сделать вывод: высказывание может быть сколь угодно сложным, но «синтаксическая модель как языковая единица принципиально «двухэтажна», она образуется уровнем вершины сказуемого и уровнем подчиненных сказуемому позиций» [Шведова: 1970, 456]. Последовательность подчиненных сказуемому членов высказывания в русском языке не всегда совпадает с последовательностью членов высказывания в чувашском языке. Правда, чем проще высказывания, тем больше они похожи. Это обстоятельство также нужно учесть при составлении программ и учебников.

Итак, перечисленные выше признаки синтаксических моделей являются обязательными условиями их существования. Используя в речи разные модели, говорящий неосознанно следует данным признакам, поэтому методику обучения составлению высказываний разного типа необходимо построить исходя из вышесказанного.

Литература

Грамматика современного русского литературного языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1970. 546 с.
Егоров В.Г. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1971. С. 65–98.

КРАЕВЕДЕНИ МАТЕРИАЛĔПЕ УСĂ КУРСА МОНОЛОГ ХĂНĂХĂВĔСЕНЕ АТАЛАНТАРАССИ

А.Л. Краснова

Шупашкар хулинчи пĕтĕмĕшле пĕлĕ паракан 59-мĕш вăтам школ, Шупашкар хули

Вырăс школĕнче чăваш чĕлхине вĕрентессин тĕп тĕллĕвĕ - ачасене чăвашла калашма хăнăхтарасси. Çак ĕç икĕ енлĕ пулса пырат: 1) диалог формипе, 2) монолог формипе.

Пирĕн ĕçĕн тĕллĕвĕ монолог хăнăхăвĕсем урокра тата класс тулашĕнче класран класа мĕнле аталанса пынине кăтартса парасси. Монолог хăнăхăвĕсене урокра тĕрлĕ мелпе усă курса аталантарма пулать: курăмлăх хатĕрĕпе, пуплев ситуацийĕсемпе, текст урлă т. ыт. те.

Калашăва аталантарас ĕçре краеведени материалĕ питĕ пысăк пулăшу парать. Г.В. Абрамова хăйĕн 1-5 классем валли сырнă «Чăваш чĕлхи» учебникĕсенче çакан пек краеведени материалне кĕртнĕ: чĕр чунсем, кайăксем, йывăç-курăк, пахча çимĕç, улма-сырла, савăт-сапа, тум-тир, паллă вырăнсем, паллă çынсем, çемьери çынсем т. ыт. те.

Чăваш чĕлхи урокĕсене краеведени материалĕпе усă курса йĕркелесси пуçламăш тапхăртах пулса пырат. 1-мĕш класс ачисем республика территорийĕнче пурăнакан чĕр чунсен, кайăксен, йывăçсен, улма-сырлан, пахча çимĕçсен чăвашла ячĕсемпе паллашаççĕ. Урокран урока вĕсене тĕрĕс калама, вырăсла куçарма вĕренеççĕ, ансат пуплев моделĕсене калăплама хăнăхса пыраççĕ. Вĕренĕ çулĕ вĕçнелле 3-4 предложенирен тăракан калавсем йĕркелеме вĕренсе ситеççĕ. Хăш-пĕр калавсен тĕслĕхĕсене илсе кăтартăп.

1) *Ку ĕне. Вăл хура тĕслĕ. Ėне Красуля ятлă. Вăл ялта пурăнать. Красуля курăк ситет. Пире сĕт парать.*

2) *Ку лаша. Вăл Салют ятлă. Салют сĕлĕ юратать. Вăл вайлă чупать.*

3) *Ку сырла. Вăл хĕрлĕ тĕслĕ. Сырла пахчара тата вăрманта үсет. Вăл тутлă, усăллă. Ėнĕ сырла юрататăн.*

4) *Ку шăнкăрч. Вăл кайăк. Шăнкăрч илемлĕ. Вăл вĕçет.*

2-мĕш класра ачасен лексикки малалла пуянланса пырат. Вĕсем кăмпасен, ытти йывăçсемпе кайăксен ячĕсемпе паллашаççĕ. Сăн үкерчĕсене 4-5 предложенипе сăнлама хăнăхаççĕ. Тĕслĕхрен:

1) *Ку кăмпа. Вăл иурă тата хăмăр тĕслĕ. Кăмпа вăрманта үсет. Вăл тутлă, усăллă. Ана пакиа юрататăн.*

2) *Ку манăн анне. Вăл Полина Сергеевна ятлă. Манăн анне ырă. Вăл 32 çулта. Ėнĕ ана юрататăн.*

чувашскому языку в русской школе. В решении вопроса о том, какие синтаксические конструкции должны быть предметом изучения в целях установления наиболее значимых структур для овладения русскоязычными детьми чувашским языком, необходимо исходить из практических целей. Поскольку исходным пунктом, а равно и конечной целью для говорящего является коммуникативная практика, то логично предположить, что ему удобнее иметь дело с моделями невысокой степени абстракции. Они находятся ближе к условиям реальной речевой ситуации. Кроме этого, чем проще модель высказывания, тем она имеет больше сходств с моделью родного (в данном случае русского) языка.

В «Грамматике современного русского литературного языка» (1970) под редакцией Н.Ю. Шведовой центральную часть раздела «Простое предложение» занимает комментированный перечень структурных схем – «отвлеченных образцов, по которым может быть построено минимальное самостоятельное и независимое сообщение» [Шведова: 1970, 25]. В общей сложности в современном русском языке таких схем встречается 40.

Есть и другие исследования, посвященные описанию системы синтаксических моделей русского языка. Количество выделяемых моделей в этих исследованиях разное, но все они имеют такие свойства, как **воспроизводимость, обобщенность, значимость, минимальность, внутренняя организованность** [Шведова: 1970, 47].

Воспроизводимость структурных схем означает, что они хранятся в сознании говорящего в готовом виде, в ходе речевого действия не создаются каждый раз заново. Это связано с тем, что деятельность человека происходит в условиях повторяющихся и стандартных ситуаций. Такие ситуации, в свою очередь, вызывают стандартные речевые модели. Например, ребенок каждый день ходит в магазин и покупает что-то. При этом он использует для выражения своей мысли одни и те же структурные схемы, замещая лишь конкретные элементы в них (сегодня он, допустим, купил молоко, а завтра вместо молока он попросит хлеб, послезавтра – сахар и т.д.).

Следующий признак структурных схем – **обобщенность**. Модель представляет объект в условном, идеализированном виде, отказываясь от каких-то несущественных подробностей. Например, Н.Ю. Шведова одну и ту же структурную схему представляет в следующих вариантах: «*Я работаю*» (*Энĕ ĕçлетĕн*), «*Ты работаешь*» (*Эсĕ ĕçлетĕн*), «*Мы работаем*» (*Эпир ĕçлетпĕр*), «*Саша работает*» (*Саша ĕçлет*), «*Саша работал*» (*Саша ĕçлерĕ*), «*Саша, работай!*» (*Саша, ĕçле*), «*Пусть Саша работает!*» (*Саша ĕçлетĕр*) и т.п. [Шведова: 1970, 69]. Во всех этих вариантах сохраняются лексические классы компонентов синтаксической модели и обобщенно-семантические отношения между ними.

Третий признак синтаксической модели – **значимость**. Суть ее такова: «Содержание высказывания сводится к обозначению референтной ситуации (т.е. некоторого события, фрагмента действительности), преломленной в сознании говорящего» [Шведова: 1970, 70]. Переломленное в сознании носителя языка событие состоит из какого-то определенного числа элементов. Так, в ситуации «*Бабушка сидит на стуле*» (*Асанне пукан çинче ларать*) три элемента: бабушка, стул и то, что она сидит, т.е. процесс; в ситуации «*Собака лает*» (*Йытă вĕрет*) два элемента: собака и ее лай; а в ситуации «*Потеплело*» (*Ашăтпĕ*) всего один элемент – климатическое явление. Если рассматривать эти элементы с позиции грамматики говорящего, то они соответствуют элементарным мыслительным категориям – семантическим функциям, таким, как субъект (действия, состояния, отношения...), предикат, объект, адресат, инструмент и т.д. По-видимому, общий набор данных семантических функций можно считать универсальным, единым для всех языков [Шведова: 1970, 78]. Но их комбинации в каждом языке, несомненно, своеобразны. Например, русская конструкция «**Пахнет хлебом**» не имеет в чувашском языке такую же конструкцию. Эта мысль в чувашском языке передается предложением «*Çăкăр шăрши кĕрет*». Таких примеров можно найти достаточно много, поэтому очень важно сопоставительно-типологическое исследование систем синтаксических моделей в русском и чувашском языках.

Четвертый признак структурных схем – **минимальность, или ядерность**. Она означает, что все элементы синтаксической модели обязательны, конструктивно необходимы, т.е. их нельзя выбросить. Синтаксическая модель является исходным образцом для составления высказываний. Возьмем, например, ядерную конструкцию «*Хĕрача вулать.*» (*Девочка читает.*), которая обозначает соответствующую типовую ситуацию. Распространяя эту конструкцию второстепенными членами, можно получить следующие высказывания: «*Пĕчĕк хĕрача вулать*» (*Маленькая девочка читает*): «*Пĕчĕк хĕрача интереслĕ кĕске вулать*» (*Маленькая девочка читает интересную книгу*): «*Хĕрача хытă вулать*» (*Девочка читает громко*): «*Хĕрача асламăшĕ валли вулать*» (*Девочка читает для бабушки*) и т.д.

На начальном этапе обучения чувашской речи следует работать с моделями, наиболее важными для организации речевой деятельности на элементарном уровне. Такие модели в основном сходны с моделями русского языка, что упрощает работу. В дальнейшем усложнение моделей высказываний в основном происходит за счет усвоения правил их распространения.

Интенсивное использование времени и местоимения в башкирском языке – это не случайность, а закономерность. Интенсивное использование времени и местоимения в башкирском языке – это не случайность, а закономерность. Интенсивное использование времени и местоимения в башкирском языке – это не случайность, а закономерность. Интенсивное использование времени и местоимения в башкирском языке – это не случайность, а закономерность.

Интенсивное использование времени и местоимения в башкирском языке – это не случайность, а закономерность. Интенсивное использование времени и местоимения в башкирском языке – это не случайность, а закономерность. Интенсивное использование времени и местоимения в башкирском языке – это не случайность, а закономерность. Интенсивное использование времени и местоимения в башкирском языке – это не случайность, а закономерность.

Интенсивное использование времени и местоимения в башкирском языке – это не случайность, а закономерность. Интенсивное использование времени и местоимения в башкирском языке – это не случайность, а закономерность. Интенсивное использование времени и местоимения в башкирском языке – это не случайность, а закономерность. Интенсивное использование времени и местоимения в башкирском языке – это не случайность, а закономерность.

Интенсивное использование времени и местоимения в башкирском языке – это не случайность, а закономерность. Интенсивное использование времени и местоимения в башкирском языке – это не случайность, а закономерность. Интенсивное использование времени и местоимения в башкирском языке – это не случайность, а закономерность. Интенсивное использование времени и местоимения в башкирском языке – это не случайность, а закономерность.

Интенсивное использование времени и местоимения в башкирском языке – это не случайность, а закономерность. Интенсивное использование времени и местоимения в башкирском языке – это не случайность, а закономерность. Интенсивное использование времени и местоимения в башкирском языке – это не случайность, а закономерность. Интенсивное использование времени и местоимения в башкирском языке – это не случайность, а закономерность.

Интенсивное использование времени и местоимения в башкирском языке – это не случайность, а закономерность. Интенсивное использование времени и местоимения в башкирском языке – это не случайность, а закономерность. Интенсивное использование времени и местоимения в башкирском языке – это не случайность, а закономерность. Интенсивное использование времени и местоимения в башкирском языке – это не случайность, а закономерность.

Интенсивное использование времени и местоимения в башкирском языке – это не случайность, а закономерность. Интенсивное использование времени и местоимения в башкирском языке – это не случайность, а закономерность. Интенсивное использование времени и местоимения в башкирском языке – это не случайность, а закономерность. Интенсивное использование времени и местоимения в башкирском языке – это не случайность, а закономерность.

Интенсивное использование времени и местоимения в башкирском языке – это не случайность, а закономерность. Интенсивное использование времени и местоимения в башкирском языке – это не случайность, а закономерность. Интенсивное использование времени и местоимения в башкирском языке – это не случайность, а закономерность. Интенсивное использование времени и местоимения в башкирском языке – это не случайность, а закономерность.

Интенсивное использование времени и местоимения в башкирском языке – это не случайность, а закономерность. Интенсивное использование времени и местоимения в башкирском языке – это не случайность, а закономерность. Интенсивное использование времени и местоимения в башкирском языке – это не случайность, а закономерность. Интенсивное использование времени и местоимения в башкирском языке – это не случайность, а закономерность.

Интенсивное использование времени и местоимения в башкирском языке – это не случайность, а закономерность. Интенсивное использование времени и местоимения в башкирском языке – это не случайность, а закономерность. Интенсивное использование времени и местоимения в башкирском языке – это не случайность, а закономерность. Интенсивное использование времени и местоимения в башкирском языке – это не случайность, а закономерность.

Әдәбиyyat

- Azərbaycan terminologiyası problemləri. Bakı: APİ, 1988. 318 s.
Qurbanov A.M. Müasir Azərbaycan ədəbi dili. Bakı: Maarif, 1985. 406 s.
İsmaylova M. Terminşünaslığın əsas məsələləri. Bakı: Elm, 1999. 99 s.
Аграновски В.А. Ради единого слова. М., 1978. С. 29.
Бельчиков Ю.А. Лексическая стилистика: проблемы изучения и обучения. М.: Русский язык, 1988. 158 с.
Володина М.Н. Теория терминологической номинации. М., 1997.
Голованова Е.И. Лингвистическая интерпретация термина: когнитивно-коммуникативный подход. Гуманитарные науки // Известия Уральского государственного университета. Вып. 8. № 33, 2004. С. 18–25.
Лейчик В.И. Обоснование структуры термина как языкового знака понятия // Терминоведение. № 2. М., 1994. С. 4.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО ЯАН 'БОЛЬШОЙ' В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

О.М. Альчикова
НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, г. Горно-Алтайск

Имена прилагательные разных языков во все времена представляли интерес для исследователей, поскольку они довольно многочисленны и активны в употреблении и были предметом разностороннего изучения [Апресян: 1974; Вольф: 1989; Иванова: 1980; Шрам: 1974 и др.]. Прилагательное семантически несамостоятельно, на его значение всегда проецируется значение существительного, носителя признака.

Настоящая статья посвящена алтайскому прилагательному *jaan* ‘большой’. Многозначная лексема *jaan* по своей семантике принадлежит лексико-семантической группе (далее – ЛСГ) параметрических прилагательных (ПП). Принадлежность лексического значения прилагательного к параметрическим проявляется в том, что в его словесное определение включается сема, указывающая на меру признака (‘большой’, ‘значительный’ – ‘малый’, ‘небольшой’, ‘незначительный’ и т.п.). Наличие этой семы сигнализирует о необходимости обращения к «точке отсчета». «Точка отсчета» – это представление эталонного признака, с которым соотносится реальный, воспринимаемый органом чувств признак предмета [Шрамм: 1976, 27–45].

Задача этой статьи – по возможности полно выявить, наряду с основным номинативным значением, которое с точки зрения действительности определяется как прямое, а по связанности с контекстом как свободное, также и производно-номинативные значения, характеризующиеся как образованные от основного по принципу сужения или расширения семантики; переносные значения, которые образуются от основного или от производно-номинативных на основе ассоциативных связей (метафорические), алтайского прилагательного *jaan*.

Рассмотрение структуры исследуемого прилагательного показало, что, вступая в лексическую связь с различными семантическими объектами, данное прилагательное реализует различные значения. Интегрирующим родовым значением (*архисема*), которое «отражает признаки, свойственные целым классам объектов» [Гак: 1977, 14] всех лексико-семантических вариантов (далее – ЛСВ) многозначного прилагательного *jaan*, является ‘значительный по размерам, по величине’, противопоставленность ЛСВ основана на противопоставленности семантических объектов, тогда ЛСВ противопоставляются своими дифференцирующими видовыми семантиками. Дифференциальная сема – это сема, которая «в своей совокупности составляет ядро значения слова и отличает его от других противопоставленных ему значений» [Гак: 1977, 16]. Прямые значения реализуются в сочетании прилагательного с существительным, обозначающим конкретный предмет, переносные значения – с абстрактными понятиями. В данном случае сочетаемость прилагательного с лексемами широкая. Узкая сфера сочетаемости приводит к появлению устойчивых сочетаний.

Источниками материала послужили алтайская художественная литература, «Ойротско-русский словарь», информанты и собственная языковая компетенция.

В «Ойротско-русском словаре» данное прилагательное описано как имеющее два значения: 1) большой, громадный, огромный, крупный; 2) старший, почтенный: *jaan карындаш* ‘старший брат’; *jaандар кайда* ‘где начальство’. Наш материал показывает, что лексема *jaan* в современном алтайском языке является многозначной, она представлена сложной семантической структурой, включающей 13 лексико-семантических вариантов (ЛСВ) с их оттенками:

ЛСВ₁ ‘значительный по размерам, по величине, большой’ (противоп.: малый, маленький). Именно в этом значении данное прилагательное способно сочетаться с самыми различными тематическими группами существительных, обозначающих предметы окружающего реального мира, которые превосходят по своим размерам ряд однородных предметов, явлений: *тура* ‘дом’, *агаши* ‘дерево’, *суу* ‘река’, *бычак* ‘нож’ и т.д.: *Олор jaan оромды кечире базала, карануй тыйрык бурылчыкка кирип келдилер* (ЛК АК 45) – Они пересекли большую улицу, свернули в темный кривой поворот.

ЛСВ₂ ‘крупный (о частях тела, чертах лица человека)’ реализуется в контекстах, когда говорящий (автор) выражает негативное отношение к размеру человека или частям его тела. Здесь появляется отрицательный оценочный компонент, который и является для данного значения дифференциальным: *Откүлдинг jанында кер атту, jaan кызыл тумчукту орус кижги турды* (ЛК АК 62) – Около ворот сидел на гнедой лошади русский, с большим красным носом.

ЛСВ₃ ‘то же, что и многочисленный, т. е. состоящий из большого числа кого-н., чего-н. или имеющийся в большом количестве’. Данное значение реализуется при сочетании с собирательными существительными типа *уйа* ‘улей’, *деремне* ‘деревня’, *кала* ‘город’, *школ* ‘школа’, *класс* ‘класс’ и т.д.: *Ыраактан военкоматтын оградасы адарунын jaan уйазына түңгей күүлеп, күнүрөп, торгылып турат* (ЛК АК 48) – Издалека ограда военкомата похожа на большой улей пчел, который жужжит, шумит, отдает эхом.

ЛСВ₄ ‘о промежутке времени: долгий, продолжительный’. Определяемым словом выступает существительное *ой* ‘время’: *Куйун токтогонунан бери jaan ой өтпөгөн, эмди айас, соок тенгериде анда-мында кичинек жылдыстар көгөрижип турдылар* (ЛК АК 103) – Не прошло много времени, с тех пор как остановился ветер, а сейчас на ясном холодном небе местами синели маленькие звезды.

ЛСВ₅ ‘взрослый’ реализуется при сочетании с существительными, обозначающими человека, людей, животного, когда определяют его по возрасту: *Яйлуда jaan улусты үредер школ ачылган* (ЛК АК 32) – В Дьайлу открылась школа, где будут учить взрослых (людей).

В пределах этого же значения мы выделили два его оттенка:

План: 1) *Роза мёнле чечек?*

2) *Сынсем розана аста үстерещё?*

3) *Роза мёнле вырәна юратать?*

4) *Розәран мён-мён тәващё?*

2. «Кондитер фабрикинче» видеосюжет хысқан таблицана кирлэ сәмахсене сырса тултарасщё. Йёркеленнэ предложенисемпе усә курса кондитер фабрики сичнен кёскен каласа парасщё.

1	Кашни	ача		чимёс	юратать
2		чимёсе	кондитер	фабрикинче	
3	Кондитер	фабрикинче			ёслет
4	Сынсем		апат	юратса	
5		апат-чимёс		чимелле	мар

3. «Баклажан» сюжета пәхнә хысқан, ыйтусем патне тёрёс хурав суйласа илсе калав йёркелесщё.

Баклажан таван сёр-шывё хәшә-ши?	йёпе, ашә
Вәл мён тёлә пулатъ?	консервәлащё, салат тәващё, ашалащё
Вәл мёнле вырәна юратать?	Инди
Унран мён-мён тәващё?	хёрлэ-кәвак, шура, шурапа хёрлэ-кәвак

Таблицәсем, схемәсем, плансем хәйне евёр тёрөвсем пулса ачасен ёслес кәмәлне үстерме, монолог хәнәхәвёсене аталантарма май парасщё.

Видеосюжетсене усә курни чәваш чёлхи вёрентекенёсене ачасен тавра курәмне үстерме, калащәвне пуанрах йёркелеме, сөнё технологисене алла илме пуләшә тесе шутлатәп.

Сине тәрса ёслесен, хула шулөсенче урокра сещ мар, тәхтәв вәхәтёнче те чәваш пуплевё вай илесе шанас килет.

Литература

Абрамова Г.В. Обучение чувашскому языку в русскоязычной школе: методическое пособие. Чебоксары: Новое время, 2009.

Барменкова О.И. Видеозанятия в системе обучения иностранной речи // ИЯШ. 1993. № 3.

Верисокин Ю.И. Видеофильм как средство мотивации школьников при обучении иностранному языку // ИЯШ. 2003. № 5.

Ильченко Е. Использование видеозаписи на уроках английского языка // Первое сентября. Английский язык. 2003. № 9.

Кульневич С.В., Лакоценина Т.П. Анализ современного урока. Практическое пособие для учителей и классных руководителей, студентов педагогических учебных заведений, слушателей ИПК. Ростов-на-Дону: Учитель, 2003.

Лазаркевич Л.И. Обучение монологическому высказыванию на старшем этапе в средней школе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1972.

УЧЕТ ОСОБЕННОСТЕЙ СИСТЕМ СИНТАКСИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ В РУССКОМ И ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКАХ В ОБУЧЕНИИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ УЧАЩИХСЯ ЧУВАШСКОЙ РЕЧИ

В.И. Игнатьева, Ю.В. Леонтьева

Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары

Основной целью обучения детей чувашскому языку в школах с многонациональным составом является вооружение их навыками всех видов речевой деятельности на чувашском языке.

На начальном этапе обучения ведущим видом речевой деятельности является говорение. Обучение говорению связано с формированием у детей навыков орфоэпического произношения, обогащением их лексического запаса, выработкой умения составлять словосочетания и предложения и строить разнотипные связные высказывания.

Каждый компонент этой деятельности требует отдельного всестороннего исследования. В данной статье освещаются вопросы, связанные с выработкой у русскоязычных учащихся начальных классов умения составлять предложения на чувашском языке, т.к. наблюдение за процессом становления этого навыка показывает, что учащиеся начального звена допускают больше всего ошибок в составлении предложений.

Основная направленность речи – это выражение и восприятие мысли, а мысль формулируется в предложении, и от того, как построено предложение, зависит точность передачи и адекватность восприятия информации. Именно поэтому важно изучение некоторых вопросов синтаксиса с первых шагов обучения

Чăваш халăхĕ халăх. Вăл тĕрлĕ пахча çимĕç үстерет. юрлама, ташлама юратаççĕ.

Чăваш Республикин тĕп хули - Вăл хĕрринче вырнаçнă. Хулана чиркÿсем, çÿллĕ çуртсем, фонтансем, кĕмбĕсем илем кÿреççĕ.

Шупашкарти чи илемлĕ вырăн - Унта кашни сул кунне палă тăваççĕ. Сулла çынсем заливра ярăнаççĕ, уçалса çÿреççĕ. Кунта акăшсемпе курма пулат. Шупашкар - центрĕ. Кунта тĕрлĕ фабрика пур.

Малалла ачасем икшерĕн ёслесĕ. Пĕри ыйту парать, тепри хуравлат. Ыйтусем карточкасем çинче.

1. Эпир мĕнле республикара пурăнатпăр?

Пирĕн республика аста вырнаçнă?

Республика символĕсене каласа тух?

2. Чăваш Республики мĕнле çĕр-шив?

Унăн территорийĕнче мĕн-мĕн пур?

Вăрмансенче мĕн-мĕн үсет?

3. Чăваш халăхĕ мĕнле халăх?

Вăл мĕн тума юратать?

Чăваш халăхĕ мĕн үстерет?

4. Чăваш Республикин тĕп хули мĕнле хула?

Вăл аста вырнаçнă?

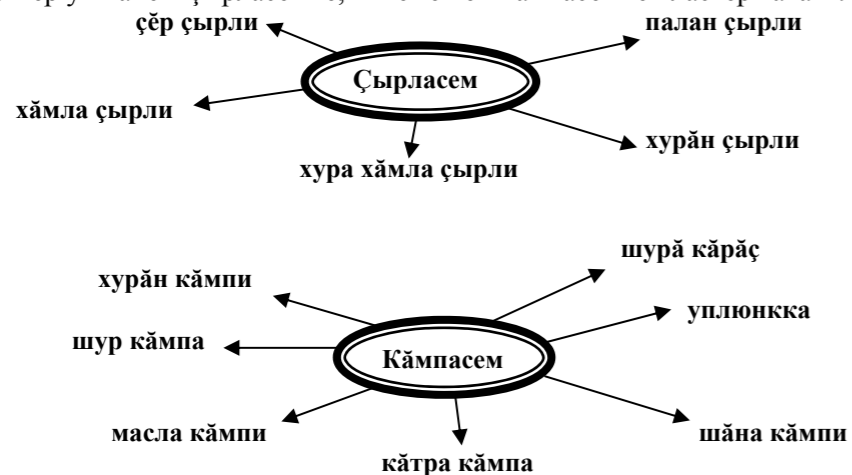
Хулана мĕнсем илем кÿреççĕ?

5. Заливра мĕнле кайăксене курма пулат?

Шупашкар мĕн центрĕ?

Кунта мĕн-мĕн пур?

Кластер тăвасси. Сюжетра мĕнле кăмпасемпе сырласем тĕл пулчĕ? Сюжет пĕр пайне тепĕр хут пăхатпăр. Пĕр ушкăнĕ – сырласемпе, иккĕмĕшĕ – кăмпасемпе кластер тăвать.

Сюжетри Чăваш Республикин карттипе (интерактивлă доска çинче) ёслесси. Чăваш Республикин хулисене картта çинче палăртасси.

Шупашкар çинчен калакан сюжета тепĕр хут пăхса тухатпăр. Ачасем сюжет тăрăх хайсен сăмахĕсемпе Шупашкар çинчен каласа параççĕ. Видеосюжет пырат, анчах сассине сунтернĕ. Ачасем – экскурсоводсем.

Ачасен аслайĕсем, пĕлĕвĕсемпе хăнăхăвĕсем аталанасси пĕр тикĕс пулса пыраймасть. Пĕрисем программăра палăртнă материала хăвăрт, çирĕп вĕренсе пыраççĕ теприсене савнах аңланма сăмăл мар. Хулари ачасене чăвашла вĕренме йывăр. Уроксенче калаçнисĕр пуçне ача килте те, урамра та чăвашла калаçмасть. Вырăс шкулĕсенче вĕренекенсем хăшĕсем чăвашла лайăх пĕлеççĕ, аңланаççĕ, калаçăва сăмăллăн хутшăнаççĕ, теприсемшĕн чăваш чĕлхи ют чĕлхе пулса тăрат. Видеосюжетсене пĕр хут пăхса тухнипех нумайăшĕ астуса юлаймаççĕ, савăнпа видеосюжета пăхса тухнă хыççăн калаçăва сăмăллатма тĕрлĕ схемăсем, таблицăсем, плансем туса хатĕрлетĕп. Тĕслĕхрен: 1. «Роза – чечексен патши» видеосюжета пăхса тухнă хыççăн, ачасем план тăрăх роза чечекки çинчен каласа параççĕ.

ЛСВ_{5(a)} ‘вышедший из младенческого возраста, подросший (о детях)’: Мен јаан бала. Эзенде школга баратан бала (ЭА 98 19) – Я взрослый (большой ребенок). В будущем году пойду в школу.

ЛСВ_{5(b)} ‘старший, имеющий большее количество лет по сравнению с остальными детьми в семье’. В отличие от ЛСВ_{5(a)} в этом значении данное прилагательное определяет и ребенка, и взрослого, при условии, что он первый ребенок в семье: Эн јаан уулы Бултаачы башка јерде јуртаган (ЭА 98 84) – Самый старший сын Бултаачы жил в другом месте.

ЛСВ₆ ‘занимающий высокий пост или высокое положение (о человеке)’: Борсык, јаан јамылу да болзон, бил: јонды тоор керек (ЭА 98 97) – Борсык, хоть ты и большой начальник, знай: народ надо уважать; Ол полномочный деп јаан кижи, балам, Павлов деп атту (ЛК АК 127) – Он, сынок, уполномоченный, большой человек, его имя Павлов.

В пределах шестого значения мы выделяем его оттенок ЛСВ_{6(a)} ‘главный, влиятельный’, он реализуется в контекстах, определяющих человека не по занимаемой им должности, так говорят о человеке, который пользуется авторитетом, общим признанием, к кому относятся с уважением, доверием: «Баштап јӳрген јаан кижи, слер оны билигер, бис билбезис», – дешти (ЭА 98 86) – «Ведущий нас главный человек, вы сами знайте, мы не знаем», – сказали.

ЛСВ₇ ‘значительный по силе, интенсивности, степени проявления’. Данное значение реализуется при сочетании с существительными, обозначающими абстрактные понятия: соок ‘холод’, изӳ ‘жара’, ижемји ‘надежда’, ајару ‘внимание’ и т. д.: Јаан сооктор болорын билип ийген кӳктийиктер, боро кушкаштар айылдардын јанынан ырагылап албайт (ЭТ К 64) – Воробы и снегири не отдаляются от домов людей, чуя наступление больших (сильных) холодов.

ЛСВ₈ перен. ‘сильный, всепоглощающий (о чувствах)’ реализуется в контекстах, сообщающих о сильном чувстве человека по отношению к кому-н., чему-н.: Јердин үстинде јаан сӳш барын кайдан кӳрӳин (инф.) – Откуда мне знать, что на земле существует большая любовь; Јаан ачыныш болгонын јажырып болбоды (инф.) – Не смог скрыть, что была сильная обида.

ЛСВ₉ перен. ‘высший, следующий за средним в системе образования’ реализуется в сочетании с существительным јредӳ ‘образование’: Одой бу школды божодоло, јаан јредӳлӳ јерге јӳре берген (ЛК АК 75) – Одой, окончив эту школу, уехал в место, где есть учебные заведения более высокого уровня.

ЛСВ₁₀ фразеологически связанное значение ‘отзывчивый, добрый, способный горячо чувствовать’: Бис оны јаан јӳректӳ кижи деп билип ле тооп јӳргенис (инф.) – Мы уважали его, зная как очень доброго (букв.: с большим сердцем) человека.

Таким образом, в современном алтайском языке прилагательное јаан представлено тринадцатью ЛСВ с оттенками. Смысловая структура данного прилагательного по способу связей ЛСВ друг с другом относится к радиально-цепочечному типу полисемии. Производно-номинативные значения (ЛСВ₂, ЛСВ₃, ЛСВ₄, ЛСВ₅, ЛСВ₆, ЛСВ₇) мотивируются основным номинативным значением. На основе ЛСВ₅ развиваются два его оттенка ЛСВ_{5(a)} и ЛСВ_{5(b)}, на основе ЛСВ₆ соответственно развивается его оттенок ЛСВ_{6(a)}. Два переносных значения (ЛСВ₈, ЛСВ₉) и одно фразеологически связанное значение (ЛСВ₁₀) также мотивированы основным номинативным значением.

Текстовые источники

- ОРС – Ойротско-русский словарь / Н.А. Баскаков, Т.М. Тоцакова. М., 1947.
- БУ ТГЛБА – Борис Укачин. Туулар туулар ла бойы артар. Горно-Алтайск, 1985.
- ЛК АК – Лазарь Кокышев. Алтайдын кыстары. Горно-Алтайск, 1989.
- ЭА 98 – Журнал «Эл-Алтай», 1998.
- ЭТ К – Эзендей Тоюшев. Кӳрлер. Горно-Алтайск, 1987.

Литература

- Апресян Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М., 1974.
- Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного (на материале иберо-романских языков). М., 1989.
- Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. На материале французского и русского языков. М., 1977.
- Иванова Л.И. Русское низкий и английское low (сходства и различия лексической сочетаемости) // Сопоставительно-семантические исследования русского языка. Воронеж, 1980. С. 54–58.
- Кокوشيнова О.Ю. Семантическая структура многозначного глагола в хакасском языке в сопоставлении с тюркскими языками южной Сибири. Новосибирск, 2004.
- Шрамм А.Н. Принципы семантической классификации качественных прилагательных в русском языке // Вопросы семантики. Вып. 1. Л., 1974. С. 3–18.
- Шрамм А.Н. Семантическая классификация качественных прилагательных // Вопросы семантики. Вып. 2. Л., 1976. С. 27–45.

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ НА УРОВНЕ СИНТАКСИСА: НЕТИПИЧНЫЕ МОДЕЛИ И СЕМАНТИКА БЕЗГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

Ю.М. Виноградов

Чувашский республиканский институт образования, г. Чебоксары

Модели безглагольных предложений в чувашском языке, как и глагольных, впервые описаны исследователем чувашского языка И.А. Андреевым в монографии «Современный чувашский язык. Синтаксис» [Андреев: 2005, 98–106].

Хотя одно и то же содержание можно выразить различными формами и разное содержание может отражаться одним и тем же знаком, в лингвистике существует мнение, что семантика и грамматика составляют одно единство. Например, этой точки зрения придерживается и И.А. Андреев, тем не менее считает желательным производить классификацию моделей простых предложений по грамматическим признакам [Андреев: 2005, 100].

В академической грамматике русского языка («Русская грамматика». М.: Наука, 1980) модели простых предложений делятся на глагольные и именные (безглагольные). К безглагольным отнесены предложения типа *За стеной шорох; В лесу тишина*. В подобных предложениях, по мнению Г.А. Золотовой, отсутствие глагола в семантике предложений не отражается. Это, как считает И.А. Андреев, является причиной расширения круга моделей безглагольных предложений в чувашском языке [Андреев: 2005, 101].

Вместе с тем, как показывает собранный нами материал, не все безглагольные предложения, появившиеся в современном чувашском языке, можно считать приемлемыми, так как многие из них заимствованы из русского языка и употребляются наряду с исконно чувашскими глагольными предложениями как их синонимы или в значении моделей языка-источника.

Безглагольные предложения в чувашском языке, как и все модели простых предложений: можно делить на двухкомпонентные и однокомпонентные в зависимости от того: как проявляется в их семантике коммуникативное содержание высказывания. Двухкомпонентные модели – это диремы, а однокомпонентные – моноремы.

Типичные двухкомпонентные модели, как правило, по семантике не отличаются от русских предложений. Назовем основные модели.

1. Модель N1 – Adj1, обозначающая отношение между субъектом и его предикативным признаком – свойством или качеством: *Санталăк айă «Погода теплая»*.

2. Модель N1 – N1Ē имеющая значение «субъект и его признак, выражаемый именем существительным»: *Атте инженер «Отец инженер»*.

В перечисленных моделях в качестве темы и ремы могут выступать не только существительные, но и другие именные слова, в том числе местоимения. Сравните: *Икĕ хут виççĕ – улттă «Дважды три – шесть»*; *Манăн юратнă атте пур. Вăл инженер «У меня есть любимый отец. Он инженер»*; *Эсĕ – энĕ мар «Ты – не я»* и др. Причем в составе темы бывают именные слова как в именительном, так и в косвенном падежах. В связи с этим образуются такие модели, как N2 – N1 со значением «объект и связанный с ним предмет или событие» (*Аннен суралнă кун «У мамы день рождения»*); N3 – N1, обозначающий объект и направленное на него действие (*Тиркекене – тирĕк тĕп «Привередливому – остатки на дне миски»*); N4 – N1, употребляемая со значением «место и предмет, находящийся на этом месте» (*Умра – Атăл «Впереди – Волга»*); N4 – Adj1 со значением «место и его качественный признак» (*Ялта лăпкă «В деревне спокойно»*) и др. В составе ремы И.А. Андреев отмечает именные слова не только в начальной форме, но и в косвенных падежах – родительном, дательном, местном, лишительном, причинном, поэтому реально существующими следует считать следующие модели.

1. Модель N1 – N2: *Ку сурт манăн «Этот дом мой»*. Эта модель выражает субъект и его предикативный признак – принадлежность кому-нибудь или чему-нибудь.

2. Модель N1 – N3, обозначающая субъект и направление его движения: *Этир – яла, эсир – хулана «Мы – в деревню, вы – в город»*.

3. Модель N1 – N4 имеет несколько значений: 1) «субъект и его местонахождение» (*Анне ёсре «Мама на работе»*); 2) «субъект и его возраст с указанием на следующую единицу времени, которая идет в момент речи» (*Асатте утмăлта «Дедушке (по отцу) идет шестидесятый год»*), 3) «субъект и его этап развития» (*Садсем чечекре «Сады в цвету»*).

4. Модель N1 – N5 в списке И.А. Андреева не значится. Используется с семантикой «субъект и место его постоянного пребывания, субъект и место его происхождения»: *Петĕр Шупашкартан «Петр – чебоксарец»*.

5. Модель N1 – N6, выражающая адекватную замену: *Кулайш – кулайша, пулайш – пулайша «Шутка – шуткой, помощь – помощью»*.

ЧĂВАШ ЧĔЛХИ УРОКĔСЕНЧЕ ВИДЕОСЮЖЕТСЕМПЕ УСĂ КУРАССИ

И.А. Антонова

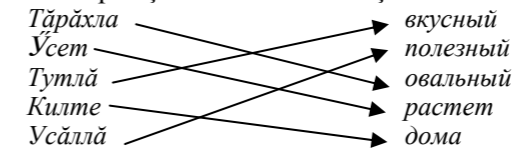
Шупашкар хулинчи пĕтĕмĕшле пĕлĕ паракан 59-мĕш вăтам школ, Шупашкар хули

Урок тухăçлăхĕ нумай чух урокра мĕнле мелсемпе усă курнинчен килет. Ачасен чăваш чĕлхине вĕренес кăмăлне ўстерес тесен вĕрентекенĕн шыравлă, кăсăклă ёссем кĕртме тăрăшмалла. Çак тĕллевпе энĕ хамăн ёсре видеосюжетсемпе анлă усă курма пуçларăм. Кашни сюжет вĕрентĕ, воспитани тата аталантару тĕллевлĕ. Çак меле усă курни ачасен калаçавне аталантарма пулăшать, тимлĕхе, пĕлĕвне ўстерет. Тĕп тĕллевĕсем: 1) чĕлхе материалĕпе паллаштарасси; 2) пуплевре усă курасси (монолог тата диалог формисемпе); 3) аса илсе çирĕплетесси; 4) чăваш чĕлхине вĕренес туртăма ўстересси.

Çавăн пекех видеосюжетсем ачасене темăна лайăхрах астуса юлма, анланма, вĕрентĕ материалне пуçа çирĕпех кĕрсе вырнаçма пулăшаççĕ. Ачасен пуплевĕ те вайлăрах аталанса, ўссе пырать. Видеосюжетсем ачасене çут çанталăка сăнама, ача упрама, чăваш çĕрĕн мухтавлă çыннисене хисеплеме, ёсе юратса тума, пур ёсе те хисеплеме, тăван çĕр-шыва юратма вĕрентес ёсре пысăк вырăн йышăнаççĕ. Сюжетсене пăхнă май ачасем тĕрлĕ информацияпе паллашаççĕ, вĕсен тавракурăмĕ аталанать. Вĕсем ачасен сўлĕпе, интересĕпе, вĕренĕ материалĕпе шайлашса тăраççĕ. Кашни сюжет ачасемшĕн анланмалла тата кăсăклă. Çĕнĕ сăмахсене программăна шута илсе кĕртнĕ.

Мĕнле ёçлемелле-ха видеосюжетсемпе. Пĕрремĕш тапхăрта словарь ёçĕ пулмалла, иккĕмĕш тапхăрта видеосюжета пăхасси, мĕнле анланнине тĕрĕслесси (куçару, ыйтусем), виççĕмĕшĕнче – пăхнă хыççăнхи тапхăр (тест ёçĕ).

Пĕрремĕш тапхăрта çĕнĕ сăмахсемпе ёçлетĕп. Тĕслĕхрен: сăмахсен мăшăрне тĕрĕс тупăр.

Çĕнĕ сăмахсемпе предложенисем тăваççĕ. Грамматика материалне пăхса тухас ёç те çакăнтах кĕрет.

Иккĕмĕш тапхăрта çакан пек ёссем туса ирттерме пулать:

1. Видеосюжетта сыхăннă предложенисене тĕрĕс куçар.
2. Предложенисен вĕçĕ пур, пуçламăшне туп.
3. Предложенисен пуçламăшĕ пур, вĕçĕ çук. Вĕсене тĕрĕс вĕçле.
4. Кластер тутарасси. Пĕр ушкăнĕ видеосюжетри кайăк ячĕсене, тепĕр ушкăнĕ йывăç ячĕсене сырса тухать.
5. Предложенири сиксе юлнă сăмахсене тĕрĕс лартăр.
6. Видеосюжетра тĕл пулакан япаласене сăнласа парăр.
7. Сюжетри япала ячĕсене, е глаголсене, е паллă ячĕсене каласа тухăр.
8. Текста пайсем çине уйăрнă, сюжет текстне тĕрĕс йĕркелĕр.
9. Çак предложенисенчен хăшĕсем сюжетра тĕл пулчĕç.

Виççĕмĕш тапхăрта ачасем видеосюжет содержанине мĕнлерех анланнине, астуса юлнине тĕрĕслес тата монолог формине аталантарас тĕллевпе çакан йышши ёссем туса ирттеретĕп:

1. Панă сăмахсене тĕрĕс лартса предложени йĕркелĕр. Пулнă предложенисемпе усă курса хăяр çинчен каласа парăр.
2. Чăх çинчен видеосюжета пăхнă хыççăн, тĕрĕс хуравсене суйласа илсе çак кайăк çинчен каласа параççĕ. Предложенисенче сăмахсем сиксе юлнă.
3. «Атăл» видеосюжет. Панă предложенисенчен тĕрĕссине суйласа илсе кĕскен Атăл çинчен каласа парăр.
4. Панă предложенисенче скобкари сăмахсене тĕрĕс суйласа илĕр те вĕсене аялтан туртăр. Йĕркеленĕ предложенисемпе калав тăвăр.
5. «Чарлан» видеосюжет. Панă предложенисене вырăнĕпе тĕрĕс лартса сыхăнуллă текст тăвăр.
6. Доска е карточка çинче предложенисем. Енчен те предложенисем текстпа шайлашса тăраççĕ пулсан «+» паллă, çук пулсан «-» паллă лартаççĕ. Йĕркеленĕ предложенисемпе калав тăваççĕ.
7. «Помидор» видеосюжет. Панă ыйтусемпе усă курса ачасем помидор çинчен каласа параççĕ.

Çак видеосюжетсем тăрăх виртуаллă экскурсисем те ирттеретпĕр. Тĕслĕхрен, В.И. Чапаев çинчен видеосюжета пăхса тухнă хыççăн, ачасем сюжет тăрăх В.И. Чапаев музейĕ çинчен, экскурсовод вырăнĕнче пулса, хăйсене сăмахĕсемпе кĕскен каласа параççĕ.

«Чăваш Республики» видеосюжет тăрăх мĕнле ёссем туса ирттерме пулать-ха? Видеосюжета пăхса тухнă хыççăн сюжет текстне аса илетпĕр. Текстра хăш-пĕр сăмахсене сиктерсе хăварнă, кирлĕ сăмахсене лартса предложенисене тĕрĕс йĕркелемелле.

Чăваш Республики

Этир чăвашсем, Республикнче пурăнатпăр. Пирĕн республика федерацийĕнче вырнаçнă. Тăван республикăн хайĕн гербĕ,,, пур, республики илемлĕ, пысăк мар çĕр-шыв. Унăн территорийĕнче юхан шывсем,, кўлĕсем, пĕвесем вырнаçнă. Вăрмансенче тĕрлĕ йывăç, тĕрлĕ, тĕрлĕ сырла, тĕрлĕ, тĕрлĕ чĕр чун, тĕрлĕ кайăк

а) вырăсла сăмах майлашăвĕсен чăвашла тўр килекен куçарăвĕсене тупăр.	
сквер Чапаева	легендарлă Чапай
главная цель	пурнăçĕпе ёçĕ-хĕлĕ
легендарный Чапай	Чапаев скверĕ
жизнь и деятельность	тĕп тĕллĕв
пулеметная тачанка	туллин паллаштар
в разное время	тĕрлĕ вăхăтра
знакомят подробно	пулеметлă тачанка
раскрывают глубоко	тĕплĕн уçса парасçĕ

8. Текста ашра вуласа аяланăр. Музейри экспонатсем шинчен сырнă вырăна сасăпа вуласа куçарăр.

Чапаев музейĕ

Шупашкарти В.И. Чапаев музейне 1974 çулта уснă. Музей тăвас ёçре Чапаевна пĕрле çапăçнă юлташĕсем, геройан ывăлĕпе хĕрĕ Александр Васильевична Клавдия Васильевна Чапаевсем пысăк вай хунă. Вĕсем музея килти архивран нумай япала тата сăн ўкерчĕк парнеленĕ.

Музейра ёçлекенсен тĕп тĕллĕвĕ – легендарлă Чапаеван тата кĕрешўри юлташĕсен пурнăçĕпе ёçĕ-хĕлне тĕпчесе вĕсен ятне халăх асĕнче хăварасси.

Музей çулсерен экспонатсемпе пуянланать. Кунта пулеметлă тачанка, кĕçсе чаппан, кавалери калпакĕ, тĕнче, граждан тата Таван çĕршыв вăрçисенче усă курнă çар хатĕрĕсемпе хĕç-пăшалсем пур. Музейра Чапаеван тĕрлĕ вăхăтри сăн ўкерчĕксем пысăк вырăн йышăнаççĕ. Витринăсем шинче вăрçă карттисем, документсем тата Чапаеван наградисем упранаççĕ. Ун шинчен сырнă кĕнекесем те чылай.

Çак экспонатсем пурте пирĕн еннешĕн пурнăçĕпе, ёçĕ-хĕлĕпе туллин паллашма тата унăн характерне тĕплĕн уçса нама пулăшаççĕ.

9. Доска шинчи сăмахсемпе сăмах майлашăвĕсен чиккине тупăр.

Чапаевмузейĕ ёçĕ-хĕлĕ пулеметлă тачанка вăрçă карттисем кĕнекесем чылай пысăк вырăн йышăнать.

10. Çĕнĕ сăмахсемлĕ предложенисене тупăр.

11. Текст содержания мĕнле аяланнине тĕрĕслетпĕр. Ыйтусене хуравлар.

- Шупашкарти Чапаев музейне хăсан уснă?
- Музей тăвас ёçре камсем пысăк вай хунă?
- Музейра ёçлекенсен тĕп тĕллĕвĕ мĕн пулнă?
- Музейра мĕнле экспонатсем пур?

12. Плана йĕркипе вырнаçтарăр.

- Экспонатсен пĕлтерĕшĕ.
- Музейра ёçлекенсен тĕп тĕллĕвĕ.
- Чапаев музейне усни.
- Музейри экспонатсем.

13. Плана тетрадьсем çине сырăр.

14. Киле ёç пани: «Чапаев музейĕ» текст содержания кĕскен каласа пама вĕренмелле.

15. Урока пĕтĕмлетни. Ачасен пĕлĕвне хаклани.

Паллă сынсен ыра тĕслĕхĕпе ачасен пултарулăхне класс тата школ тулашĕнчи ёçсемпе те аталантарма пулат. Ку ёçсен тĕсĕсем:

- тĕрлĕ музейсене çўрени (В.И. Чапаев, искусство, краеведени, литература т. ыт. те);
- чăваш театрĕсенче хамăр драматургсем сырнă иртнĕ тата хальхи пурнăçа сăнласа паракан спектакльсене пăкса сўтсе явни;
- республикара ачасем валли тухса тăракан «Тантăш», «Тетте», «Самант» хаçат-журналсене сырăнтарса вĕсенчи материалпа паллаштарни;
- паллă вырăнсене экскурсие е похода çўрени;
- республикари паллă сынсене тĕл пулăва чĕнни;
- Хула тата Республика кунĕсене хутшăнни;
- Чăваш чĕлхи кунне уявланă митингсене хутшăнни;
- Чăваш патшалăх юрăпа ташă ансамблĕн тата чăваш çалтăрĕсен концерчĕсене пăхни;
- наукапа практика конференцийĕсенче хутшăнса хамăр тăрăхри тата çывăх сынсем шинчен презентаци туни, реферат сырни.

Çапла вара, школ ачисене урок тата класс тулашĕнче мухтава тивĕçлĕ сынсен ыра та пархатарлă ёçĕ-хĕлĕпе паллаштарасси – пирĕн пысăк тивĕç. Ку вĕсен пулăвĕпе пултарулăхне аталантарнипе пĕрлех ас-хакăлне тата тавра курăмне пуянлатса пурнăçра аялăма, мал ёмĕтлĕ пулма хистет. Тата эпĕ хамăн вĕренекенсем мухтавлă сынсен пурнăçри ситĕнĕвĕсемпе паллашса таван халăха хисеплесе, юратасса, вĕсенчен ыра тĕслĕх илесе шанса тăратăп.

6. Модель N1 – N6 со значением «субъект и его предикативный признак _ одежда, орудие»: *Хĕр – шура кĕнепе* «Девушка – в белом платье»; *Сынсем – кĕреçесемпе, сенĕксемпе* «Люди – с лопатами, вилами». Данная модель И.А. Андреевым также не упоминается.

7. Модель N1 – N7 со значением «субъект и его временное или постоянное качество»: *Ёне сĕтсĕр* «Корова яловая»; *Инкек вăхăтсăр* «Беда всегда не вовремя».

8. Модель N1 – N8, имеющая семантику «живое существо и его желание»: *Ачасем сĕтшиĕн* «Дети хотят молока».

9. Модель N1 – N_{лă(-лĕ)} (-лă(-лĕ)) – для обозначения синтаксического аффикса, не входящего в систему падежей) выражает субъект и принадлежащий ему предмет: *Ача хура куçлă* «Ребенок черноглазый». Модель в списке И.А. Андреева не значится.

10. Модель N1 – Vinf со значением «субъект и его признак»: *Халăх шутлама çук* «Народу – не счастье». Предложения этой модели отличаются от предложений типа *Самолет инçете вĕçес çук* «Самолет далеко не полетит».

11. Предложения без главных членов типа *Юлташпа – юлташпа, тăшманпа – тăшманпа* «С товарищем – как с товарищем, с врагом – как с врагом»; *Пур чух пылта, çук чух шывпа* «Когда есть, с медом; когда нет, с водой». Наличие подобных предложений И.А. Андреев считает фактором того, что деление предложений на двусоставные и односоставные не имеет основания [Андреев: 2009, 101], но в системе моделей не рассматривает.

Устоявшихся однокомпонентных предложений в чувашском языке, судя по данным И.А. Андреева, мало.

1. Предложения типа *Вăрман. Уçланкă* «Лес. Поляна» служат для обозначения всего того, что имеется вокруг. Такие предложения строятся по модели N1.

2. Предложения, предназначенные для описания природы и человека: *Тискер кайăк вайи кунта. Çĕр-шывĕ те вĕсем валли ятнех ёнтĕ. Тайга. Ту-чакăл. Çырма-çатра* (Уяр) «Здесь место для грицих диких птиц и зверей. И природа как раз для них. Тайга. Скалы. Речки и овраги». Предложения *Тайга. Ту-чакăл. Çырма-çатра* также имеют модель N1.

3. Предложения модели Part с причастной формой будущего времени, принявшей субстантивный аффикс *-и*: *Куриччен курасси, курсан уйрăласси* «Тяжело видется, тяжело расставаться». Ими выражается нежелание что-либо делать, трудность в деле.

4. Предложения типа Part с субстантивным причастием прошедшего времени указывают на выбор из двух возможностей. Предпочтение дается отрицательному действию. Например: *Санпа калаçиччен калаçманни* «С тобой лучше не разговаривать».

5. Моноремы типа *Тавтапуç!* «Спасибо!»; *Паллах!* «Конечно! Разумеется!»; *Чăнах!* «Действительно!», используемые для поддержания разговора, выражения отношения к высказанной мысли и т.п.

В устном общении и средствах массовой информации наблюдается путаница глагольных и безглагольных предложений, поэтому вместо одной модели используется модель с иной семантикой.

1. Самым распространенным является использование в качестве приветствия однокомпонентных предложений типа *Ырă ир!* *Ырă кун!* *Ырă каç!* вместо двухкомпонентных *Ырă кун пултăр!* «Добрый день!» и *Ырă каç пултăр!* «Спокойной ночи! Добрый вечер!» Возникновение безглагольных предложений некоторые ученые считают проявлением закона языковой экономии в чувашском языке, в результате чего, дескать, глагол выпадает [Дегтярев: 1999, 119], другие относят это к калькированию модели предложений русского языка [Кузнецов: 2004, 14]. Мы считаем, в этом вопросе прав А.В. Кузнецов, потому что безглагольное предложение в любом языке содержание сказанного относит к настоящему времени. Пожелание добра и благополучия в чувашском языке, как правило, выражается глаголом в повелительном наклонении: *Аначĕ тутлă пултăр!* «Приятного аппетита!»; *Ашши тутлă пултăр!* «Пусть жар будет приятным!» (говорят тому, кто направляется в баню). В этом же ряду находятся предложения *Ырă кун пултăр!*; *Ырă каç пултăр!* Если бы закон языковой экономии имел силу, то его действие не было бы выборочным по отношению к средствам этикета с семантикой «пожелание добра на тот или иной отрезок суток».

Что касается выражения *Ырă ир!*, его в чувашском языке не должно быть вовсе, так как в древнем чувашском календаре сутки делились только на две части – ночь и день [Димитриев: 1994, 151; 159–160]. Использование в приветствии модели N1 стало возможным только в годы развития двуязычия, когда калькирование стало одним из путей заимствования. В нашем случае калькирование произошло не только в синтаксисе, но и в лексическом составе фразы. Ничем иным, как калькированием, нельзя объяснить употребление башкирскими и татарскими журналистами фраз *Хăйерле ирте!* и *Хăерле ирте!* со словом *ирте* «утро» в передаче «Между Волгой и Уралом».

Предложения-приветствия, построенные по нетипичной модели: в конце 80-х годов прошлого века стали звучать и в программах чувашского радио, а из программ телевидения исчезло название

«Ырă каç пултăр, ачасем!» («Спокойной ночи, малыши!»). В настоящее время в названиях радио- и телепередач приветствия с нетипичными безглагольными моделями не встречаются. Обращаясь к слушателям и зрителям, дикторы и телеведущие используют глагольные двухкомпонентные модели или иные формулы приветствия. Тем не менее в устной речи носителей чувашского языка встречаются все три вышеназванные безглагольные выражения.

2. Поскольку пожелание благополучия возможно только при использовании глагола в форме повелительного наклонения, то безглагольное предложение типа *Анăçу сире!* является ошибочным, так как модель N1 – N3 обозначает «субъект и направление его движения». Предложение *Анăçу сире!* в чувашском языке появилось в результате калькирования предложения *Успехов вам!*, которое в русском языке служит для выражения пожелания. Для этого в чувашском языке используется глагольное предложение *Анăçу пултăр сире!* «Пусть вам будет успех!».

3. Нечто подобное, как и с приветствиями типа *Ырă каç пултăр! Анăçу пултăр сире!*, происходит в информационных о погоде: *Синоптиксем пелтернĕ тăрăх, ыран пелетлĕ çанталăк пултăр. Йĕне юр çавать. Çил кăнтăр-хĕвел анăçенчен вĕрет. Çулсем пăрлак. Вĕсене юр хĕвет. Юка юхать.* В этом тексте все предложения, кроме *Çулсем пăрлак*, глагольные и построены по модели N1 – Vf, а безглагольное предложение – по модели N1 – N1, где существительное имеет значение прилагательного. Глаголы настоящего времени *пултăр, çавать, вĕрет, хĕвет, юхать* используются в значении будущего, однако безглагольное предложение *Çулсем пăрлак* такого значения не имеет. Несогласованность связана с неправильным переводом с русского на чувашский. В тексте-оригинале, который выходит в эфир радио и телевидения, есть глагол ожидается. Он своим лексическим значением связывает содержание текста с будущим временем: Как сообщают синоптики, завтра ожидается облачная погода, мокрый снег, юго-западный ветер, на дорогах гололед, снежные накаты, поземка. Специфика состоит в том, что однородные члены погода, снег, ветер, гололед, накаты, поземка в данном тексте одним словом не переводятся, поэтому с каждым из них приходится строить отдельное глагольное предложение. Чтобы сохранить логику текста, следует превратить безглагольное предложение в глагольное: *Çулсем пăрлаканасçĕ (Çулсем пăрлакан витĕнесçĕ. Çулсене пăрлак витет).* Сравните с буквальным переводом: *Дороги покрываются льдом (Дороги покроем лед).*

Это касается также перевода предложения В лесах республики сохраняется чрезвычайная пожароопасность, используемого в окружении глаголов в значении будущего времени. Верным является не безглагольное предложение *Республика вăрманĕсенче пушар тухас хăрушлăх çав-çавах пысăк* «В лесах республики чрезвычайная пожароопасность», а глагольное *Республика вăрманĕсенче пушар тухас хăрушлăх çав-çавах иртмест (пĕтмест)* «В лесах республики опасность возгорания лесов все еще не проходит».

4. Нередко как в устном общении, так и в средствах массовой информации вместо отрицательных глагольных предложений с частицей *çук* используются безглагольные. Например: – *Асу укça пачĕ-и? – Çук.* Подобное возможно только в русском языке: – *Отец дал тебе денег? – Нет.* Ответная реплика, по нормам чувашского языка, должна содержать глагол с отрицанием: – *Асу укça пачĕ-и? – Çук, пamarĕ.* Возможен вариант без отрицательной частицы: – *Асу укça пачĕ-и? – Pamarĕ.*

5. Модель N1 – N4 часто используется не в своем значении. Во-первых, может применяться в значении типичной модели N1 – N1: *Сăлтавĕ мĕнре?* Сравните: Причина в чем? По-чувашски следует говорить *Сăлтавĕ мĕн?* «Что за причина?» Во-вторых, модель N1 – N4 создается по образцу русской именной синтагмы с несогласованным определением: *Çеçпĕл сăнарĕ сцена çинче.* Следуя модели, предложение надо понимать как предмет и его местонахождение, хотя оно использовано как эквивалент безглагольного предложения Образ Сеспеля на сцене.

Таким образом, в современном чувашском языке имеют место несколько моделей безглагольных предложений, появившихся под влиянием русского языка. Интерференция может происходить как через устную речь, так и через печать. В появлении в чувашской речи нетипичных моделей большую роль играют газеты и журналы, склонные слепо подражать русскоязычным газетам. В связи с этим возникает необходимость изучения языковых особенностей республиканской прессы в целях дальнейшего предупреждения возможных ошибок.

Литература

1. *Андреев И.А.* Современный чувашский язык. Синтаксис. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005. 334 с.
2. *Андреев И.А.* Чувашский язык: Для 8–9 классов. Изд. 2-е, доп. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. 303 с.
3. *Дегтярев Г.А.* Язык современного чувашского социума: основные тенденции развития языка // Проблемы национального в развитии языка: Сб. статей. Чебоксары: ЧГИГН, 1999. 304 с.
4. *Димитриев В.Д.* Старинный календарь и единицы измерения // Культура Чувашского края: Учебное пособие. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1994. Ч. 1. С. 147–174.
5. *Кузнецов А.В.* Вербальные средства этикетного общения в чувашском языке (опыт компаративного, контрастивного и этнолингвокультурологического изучения): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2004. 26 с.

а) «Кам мĕнре палăрнă?» таблицăпа ёçлетпĕр. Пĕр енче çавашран тухнă паллă çынсен ячĕсем, тепĕр енче – вĕсем мĕнре палăрни. Вĕсене тупса палăртăр.

Кам мĕнре палăрнă?

И.Я. Яковлев граждан вăрçи паттăрĕ

А.Г. Николаев тĕнчипе паллă китаевед

Надежда Павлова çаваш халăхне çутта кăлараканĕ

М.Д. Михайлов тĕнчери виççĕмĕш космонавт

Н.Я. Бичурин ташă асти

Н.В. Федоров Кольцовка юрăçи

К.В. Иванов карап асти

А.Н. Крылов çаваш литературин классикĕ

В.И. Чапаев çавашсен пĕрремĕш президенчĕ

ă) «Çак йĕркесенче камсем çинчен çырнă?» пичетленĕ текстпа ёçлетпĕр. Сыпăка вулăр, кам çинчен çырнине калăр.

«Тĕнче услăхĕнче вĕçнĕ чухне манăн ёçчен Тăван çĕршыв, тăван Шуришăл яланах юнашар пулчĕ. Шуришăл тесен кăмăл пушших çĕкленчĕ».

«Сцена çине хурахах çÿслĕ хĕр ача кайăк пек вĕçсе тухрĕ. Унăн ташиши çăмăл, кĕлетки пиçĕ. Кашини хусканăвĕнче ыра кăмăл, сунатлă ёмĕт, пысăк асталăх палăрат».

«Чĕрĕк ёмĕр ытла вăл Пысăк театрта бас партийĕсене юрланă, СССР халăх артисчĕн хисеплĕ ятне илме тивĕçлĕ пулнă. Хай каланă тăрăх, пуринчен ытларах вăл Иван Сусанин партине кăмăлланă».

«Вăл Китайра 14 çул пурăнать, китайла калаçма, çырма, вулама тĕплĕн вĕренет. Авалхи кĕнекесем тăрăх Тухăçри халăхсен историне тĕпчет. Таврăннă чух вăл Китайран питĕ нумай кĕнеке илсе килет, вĕсене вырăсла куçарать. Хай те нумай çырат».

«Ытти ачасенчен нимĕнпех те уйрăлса тăман вăл. Кăштах чăрсăртартах та харсăртартах кăна пулнă. Ялан малта çÿреме юратнă, вăрçăлла выляма уйрăмах кăмăлланă. Вăрçăлла вылянă чухне апа яланах командир тунă».

3. Çĕнĕ тема ятне пелтерни. Доска çинчи ыйтусене вулани. Тетрадсем çине çырни. Ачасене ыйту пани: «В.И. Чапаев кам вăл? Вăл вырăс-и е çаваш?» (Ачасен тĕрлĕ ответĕсем).

4. Аудировани. «В.И. Чапаев вырăс-и е çаваш?» текст кассетине итлеттерни. (Тĕрĕс хурав тупни).

5. «Чапаев мĕнле çын пулнă?» ыйту çине ответлес тесен доска çинчи антонимсене тупмалла.

Пултарусăр – неспособный

Хăюсăр – несмелый

Тавçăрусăр – несообразительный

Асăрханусăр – неосторожный

Сывлăхсăр – нездоровый

Вуласа куçарнă хыççăн çак паллă ячĕсен пĕрпеклĕхне тупăр. (Вĕсем пурте -сăр аффикспа пулнă. Пурте мĕнле? ыйтура тăраççĕ). Халĕ вĕсенчен хирĕçле пелтерĕшлĕ сăмахсем, антонимсем тăвăр. (-ллă аффикс хушса калаççĕ): *хăюллă, тавçăруллă, асăрхануллă, пултаруллă, сывлăхлă.* Унтан ачасем доска çинчи иккĕмĕш ыйту çине хуравлаççĕ.

6. Доска çинчи сиктерсе хăварнă паллă ячĕсене хушса предложенисене вуламалла, куçармалла. *Мĕн тăвать?* ыйтура тăракан сăмахсене тупмалла, иртнĕ вăхăтра лартмалла.

Çак ёсе туни доска çинчи виççĕмĕш ыйту çине ответлеме май парать.

... Чапаев граждан вăрçинче çапăçать. Революци пулсан ... Чапаев Совет влаçне хутĕлет. Çапăçусенче ... командир пĕрре мар сĕнтерет. Пĕр çапăçура ... герой вилмеллех аманать.

7. «Чапаев ячĕпе сыхăннă вырăнсем» презентаци. Вырăн ячĕсене (сквер, урам, завод, палăк, музей) ачасем пĕрин хыççăн тепри тăрса калаççĕ. Вĕсен хушшинче, паллах, Чапаев музейĕ. Унта кам пулнине ыйтатăп та «Чапаев музейĕ» текстпа паллашма сĕнетĕп.

а) Текста вуласа аяланма çак сăмахсемпе сăмах майлашăвĕсем кирлĕ, вĕсене вуласа куçаратпăр:

вăй хур – приложить силы

кĕреиçĕри юлташĕсем – боевые друзья

сăн үкерчĕк – фотография

ёç-хĕл – деятельность

халăх асĕнче хăварасси – увековечить

кавалери калпакĕ – кавалерийская шапка

тĕнче вăрçи – мировая война

çар хатĕрĕсем – боеприпасы

хĕç-пăшал – оружие

Валериан Соколов, В.Ф. Каховский, А.С. Артемьев, Ф.С. Васильев, А.А. Дуняк, В.Н. Яковлев, Е.А. Андреев). Ку темёсемпе ирттермелли уроксем чылай чухне литература урокёсене ҫывăх.

Ачасен ас-тăнне ҫак материал лайăхрах кёрсе юлтăр, вёсене вёренме интереслёрех пултăр тесе урокра тёрлёр меслетсемпе, мелсемпе усă куратăп. Вёсем:

1. Паллă ҫынсен портретне кăтарти;
2. Ун ячёре ҫыхăннă ыраҫсене асăнни;
3. Ачасем ун ҫинчен мён пёлнине ыйтни;
4. Кам мёнре палърнине пăтраштарса панă плакатсемпе усă курса тёрёс хуравне туптарни;
5. Учитель каласа панине е вуланине тимлёр итлеттерни;
6. Мён аҫланнине кёскен ыраҫла калаттарни;
7. Ҫак темăпа ҫыхăннă ҫёнё сăмахсемпе ёҫлени (куҫарни, сăмах майлашăвёсем, предложенисем туптарни);
8. Темиҫе паллă ҫын ҫинчен кёскен ҫырнă сыпăксене вулаттарса вёсем кам иккенне тавҫарттарни;
9. Текста вулани, куҫарни;
10. Ҫёнё сăмахсемлёр предложенисене тупса палъртни;
11. ыраҫла панă предложенисен чăвашла куҫарăвёсене текстра туптарни;
12. Текст тăрăх учитель ыйтăвёсене ответлени;
13. План тутарни;
14. Викторина ыйтăвёсем ҫине хурав пани;
15. Видеосюжетсемпе усă курса каласу ирттерни;
16. Компьютерпа тест ыйтăвёсем ҫине ответлени;
17. Реферат ҫыртарни, презентаци тутарни.

Малалла эпёр пёр урокăн анлă план конспектёнче асăннă меслетсемпе мелсене усă курнине кăтаргасшăн.

Тема: Чăваш ятне ҫёклекенсем. В.И. Чапаев.

Урок тёллёр: пирён ентеш, Граждан вăрҫин геройё В.И. Чапаев ҫинчен ачасен пёлёвне пуянлатни. Ҫак темăпа ҫыхăннă сăмахсене ачасен лексикине кёртни, вулав хăнăхăвне лайăхлатни, каласу чёлхине аталантарни. Чапаев ячёре мухтанма, унăн ятне асра тьтма вёрентни, ун ҫинчен ыгларах пёлес туртăма аталантарни.

Урокра кирлёр хатёрсем: В.И. Чапаев ҫинчен открыткăсен пуххи, кёнекесем, учебниксем, кассета, магнитофон, таблицăсем, кашни ача валли пичетленёр текстсем, доска ҫинче ҫырнă ыйтусем, предложенисем, экран, проектор.

Урок тёлёр: хутăш урок.

Урок планёр.

1. Класа йёркелени.
2. Вёреннине аса илни:
 - а) «Кам мёнре палърнă?» таблицăпа ёҫлени.
 - ă) «Ҫак йёркесенче камсем ҫинчен ҫырнă?» пичетленёр текстпа ёҫлени.
3. Ҫёнё тема:
 - а) Ачасем доска ҫинчи пёрремёш ыйту ҫине ответлени.
 - ă) Аудировани. «Чапаев ыраҫ-и е чăваш?» текст кассетине итлеттерсе тёрёс хурав тупни.
 - б) Доска ҫинчи антонимсене тупса иккёмёш ыйту ҫине хуравлани.
 - в) Предложенисемпе ёҫлесе виҫҫёмёш ыйту ҫине ответлени.
 - г) «Чапаев ячёре ҫыхăннă ыраҫсем» презентаци пăхни.
 - д) Текста аҫланма ҫёнё сăмахсемпе ёҫлени.
 - е) Сăмах майлашăвёсене куҫарни.
 - ж) «Чапаев музейёр» текстпа ёҫлени (вулав, куҫару, сăмахсен чиккине, ҫёнё сăмахсемлёр предложенисене тупни, ыйтусем ҫине ответлени, плана йёркипе ырнаҫтарни).
- з) Плана тетрадьсем ҫине ҫырни
4. Киле ёҫ пани.
5. Урока пётёмлетни. Ачасен ёҫне хаклани.

Урок юхăмёр.

Доска ҫинче число, урок теми: Чăваш ятне ҫёклекенсем. В.И. Чапаев.

Ыйтусем:

- 1) В.И. Чапаев кам пулнă?
- 2) Чапаев мёнле ҫын пулнă?
- 3) Вăл мён-мён тунă?
- 4) Эсир Чапаев ячёре ҫыхăннă мёнле ыраҫсене пёлётёр?
- 5) Чапаев музейёрне пулнă-и?

1. Класра кам пуррипе ҫуккине тёрёслетёр, урок тёллёрне пёлтеретёр.
2. Паллă ҫынсем ҫинчен вёреннине аса илетпёр. (Малалли икёр ёҫёр те ҫёнё тема ҫине куҫма кирлёр).

К ОБОЗНАЧЕНИЯМ ВРЕМЕННЫХ ОТРЕЗКОВ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Л.С. Кара-оол

Тувинский государственный университет, г. Кызыл

Освоение времени, понимание его непрерывно повторяющегося ритма были одним из ранних открытий человеческого разума, восприятие и познание которого является лишь отражением в сознании человека реально существующего времени.

В научном понимании выделяются три особенности времени: текучесть (из прошлого в будущее), необратимость и отсутствие наглядных форм (не видно и не слышно).

На основе регулярно возобновляющихся природных явлений, связанных с суточным вращением земного шара и небесных светил, а также биологических циклов самого человека возникли основные **единицы промежутка времени** [БТСРС: 2005, 233] '*үениң хемчеглери*', которые могут обозначать:

- единицу измерения времени (век '*чүс чыл*', год '*чыл*', месяц '*ай*', неделя '*неделя*', день '*хүн*', сутки '*хонук*', час '*шак*' и т.д.);
- время года (весна '*час*', лето '*чай*', осень '*күс*', зима '*кыш*', межсезонье '*үе аразы*', сезон '*үе*');
- месяц года (январь '*бир ай*', февраль '*ийи ай*', март '*үш ай*' и т.д.);
- день недели (будни '*ажыл хүнү*', выходной '*улуг-хүн*', понедельник '*бир дугаар хүн*', вторник '*ийи дугаар хүн*' и т.д.);
- часть суток (день '*хүн*', утро '*эртен*', полдень '*дүһи*', вечер '*кежээ*', полночь '*дүн*').

С точки зрения говорящего:

- время по отношению к настоящему (настоящее '*амгы*', будущее '*келир*', прошлое '*эрткен*', древнее '*эрте-бурунгу*', давнее '*шагдагы*', старинное '*шаандагы*');

- промежуток времени, определяемый как длительный или краткий (миг '*кыска үе*', мгновение '*кончуг кыска үе*', вечность '*мөңгө үе*', момент '*үе*', минута '*минута*', секунда '*секунда*').

А по отношению к какому-либо процессу или действию:

- фазы каких-либо процессов (начало '*эге*', конец '*төнчү*', середина '*ортузу*', исход '*төнчү*', срок '*хуусаа*', дата '*үе; чыл, ай, хүнү*');

- период времени явления природы (восход '*хүннүн үнери*', закат '*хүннүн ажары*', заря '*хаяа*', новолуние '*ай чаазы*', полнолуние '*он бештиң айы*', равноденствие '*дүн-хүн дуртунуң деңгежири*', солнцестояние '*хүн туруушкуну*', распутица '*орук малгаишталыры*');

- период времени, в который происходят какие-либо события (перерыв '*чапсар*', канун '*бүдүү*', обед '*дүһи*', отгул '*дыштанылга, шөлээ*', отпуск '*шөлээ*', разгар '*түлүк үе*', досуг '*хостуг үе*', навигация '*эжиндиришикин үези*', регламент '*доктааткан чурум*', смена '*ээлчег*', передышка '*дыш; дыш алыры*', каникулы '*дыштанылга*', жизнь '*чуртталга*');

- время как отдельный период в развитии чего-либо (век '*чүс чыл*', века '*чугула үе*', эпоха '*эпоха, үе, шаг*', эра '*эра, үе*', период '*үе, шаг*', стадия '*үе-чада*', страница '*арын*', фаза '*фаза, үе, чада*', этап '*үе-чада*').

Объектом рассмотрения данной работы являются промежутки или отрезки времени, связанные с концептом «сутки».

В тувинском языке номинант «сутки» обозначается двумя лексемами – монг. *хонук* [БАМРС: 2002, 105] и сложным словом из общетюркских компонентов *дүн-хүн* 'ночь-день' [СИГТЯ Лексика: 2001, 77, 81], а сам суточный цикл оформлен изафетной конструкцией *хонук дурту* букв. «длина суток», т.е продолжительность суток.

Лексема *дүн-хүн* 'сутки', скорее всего, подтверждает мысль о первоначальном делении суточного цикла на две части [Парнюк: 2005, 106]: *хүн дурту* 'продолжительность дня' или др-тюрк. *хүндүс* 'днем' [СИГТЯ Лексика: 2001, 78] – часть суток, связанная со светлым временем, и *дүн дурту* 'продолжительность ночи' или *дүне* 'ночью' – темное время суток. В качестве точек отсчёта при данном выделении частей суток выступают восход и заход солнца.

В языковом сознании тувинцев, как и у многих тюркоязычных народов, концепты «день» и «солнце» как «освещённая часть суток» и «дневное светило» неразрывно связаны между собой, и понятие «день» передается общетюрк. *хүн* [ДТС: 1969, 326; СИГТЯ Лексика: 2001, 64–66; МК I: 2010, 289], т.к. день озаряет солнце.

Наравне с лексемой *хүн* употребляются словосочетание *бүдүн хүн* и фразеосочетание *сарыг хүннү бадыр* букв. «спускающая желтый день» в значении 'целый день'.

На основе собранного материала можно говорить, что у тувинцев, как и во многих культурах, преобладала циклическая концепция времени, отголоски которой продолжают существовать и в настоящее время, когда господствует линейное восприятие времени.

У тувинцев, в зависимости от движения небесных светил, условные четырехчленные периоды суточного цикла – *эртен* ‘утро’, *дүгши* ‘день’, *кежээ* ‘вечер’, *дун* ‘ночь’ – делятся на более короткие промежутки или отрезки времени, и они не указывают на определенное время в современном понимании (понятия «час», «минута» и «секунда» заимствованы через культуру русского народа), а лишь служат ориентиром по времени и привязываются к конкретным явлениям в окружающей среде.

Эртен общетюрк. [ЭСТЯ I: 305; СИГТЯ Лексика: 2001, 79–80] ‘утро’ – часть суток после восхода солнца, время рассвета, когда ночь закончилась, а день еще не наступил, т.е. начало дня, обычно до 12 часов дня. Во многих тюркских языках, в том числе и тувинском, данная лексема употребляется также в значении ‘завтра’.

Вот основные микропромежутки утренней части суток, зафиксированные в тувинском языке, которые подтверждают, как люди разных культур неодинаково воспринимают и членят такое совершенно объективное понятие, как время: *кара эртен* букв. «темное утро», т.е. ‘чуть свет’; *даңгаар эртен* букв. «рассветное утро» – ‘спозаранку’ [ТувРС: 1968, 147]; *куш даң бажы* букв. «птичий рассвет» [ТувРС: 1968, 147] – ‘раннее утро, когда начинают чирикать птицы’.

На примере *кара эртен* можно судить, что тувинское *утро* начинается не с восходом солнца, а гораздо раньше, поэтому носители тувинского языка без колебания могут сказать: *дүнекиниң бир шаак* ‘час ночи’ или *дүнекиниң үш шаакта* ‘в три часа ночи’, но *эртенгиңиң беи шаакта* ‘в пять часов утра’. И значение фразеосочетания *эртен эрте* ‘ранним утром’ тувинец поймет как ‘пораньше, т.е. до восхода солнца’.

Поскольку световой день летом длиннее, чем зимой, в традиционной тувинской семье – с *даң бажында* ‘в начале утренней зари’, *даң бажы агарып орда* [время, когда] утренняя заря белеет, т.е. чуть брезжит’, *сыгыр даң бажында* букв. «узкое начало зари» – ‘очень рано, с рассветом’ [ТувРС: 1968, 395], *даң хаязы чырып орда* букв. «сияние зари светало» – ‘[время, когда] рассветало’ и *даң атканда* букв. «заря выстрелила» – ‘[время, когда] рассветало’ [ТувРС: 1968, 147], *тап атти* ‘настало утро’ [МК I: 2010, 178] – хозяйки юрты поднимались с постели и заваривали утренний чай.

Хүн үнгелекте [время, когда] солнце вот-вот выглянет’ или *хүн бакылап орда* [время, когда] солнце выглядывает’ – начиналась утренняя дойка коров.

Хүн херели таңды (даг) бажынга дэп келгенде букв. «лучи солнца касаются вершины высокой горы» – ‘[время, когда] выглянуло солнце’ или *кызыл хүн шалып турда* букв. «красное солнце слегка освещает (вершины западных гор)» – выгоняли домашний скот на пастбище.

Хүн үнүп келгенде [время, когда] солнце взошло’.

Хүн өрүлөп келгенде букв. «[время, когда] солнце поднялось» или *хүн хөөрей берген* перен. «[время, когда] солнце раздулось» – это время *орай эртен* ‘позднего утра’.

Дүгши общетюрк. [ДТС: 1969, 600; СИГТЯ Лексика: 2001, 78] ‘полдень’ – часть суток, время высшего стояния Солнца над горизонтом, середина дня, соответствующая периоду с 12 часов дня и до заката солнца. Материалы показывают, что в тувинской языковой картине мире полдень начинается не в 12 часов дня, а в более раннее время, поэтому говорят *биче дүгши* ‘малый полдень’ – это примерно 10–11 часов дня.

Дал-дүгши ‘в самый полдень’, т.е. 12 часов, *дүгши соонда* ‘после полудня’ и *улу дүгши* ‘большой полдень’ – примерно с 2 часов. А еще говорят *улу дүгши хайлып турда*, т.е. когда «большой полдень» подходит к концу. *Орай дүгши* ‘поздний полдень’ или *кара дүгши* ‘глубокий полдень’ – примерно с 4 часов.

После позднего полудня промежутки времени связаны с движением солнца: *хүн кудулай бергенде* [время, когда] солнце спускается’, *хүн дойгайып бадыкканда* [время, когда] солнце наклонилось’; *хүн даг бажынга олургалакта* [время, когда] солнце вот-вот сядет на вершину горы’; *хүн даг бажында* [время, когда] солнце на вершине горы’; *хүн ажар чыгаанда* [время, когда] солнце пошло к закату’, *хүн ажарынче дөгүй бергенде* [время, когда] солнце приблизилось к закату’ *хүн ашкалакта* [время, когда] солнце вот-вот зайдет’, *хүн чүгүрүүнче киргенде* [время, когда] солнце пустилось вскачь’, т.е. скоро зайдет; *хүн ажып турда* [время] заката’, или еще говорят *кызыл хүнде* [время] красного солнца’.

Кежээ ‘вечер’ общетюрк. лексема, зафиксированная в памятниках начиная с XI в. [ДТС 1969: 291; МК III 219; СИГТЯ Лексика: 2001, 82], обозначает часть суток от окончания дня до наступления ночи, когда еще окончательно не стемнело; время, когда заходит солнце, и какое-то непродолжительное время после захода. В тувинском языке данная часть суток имеет следующие обозначения:

Хүн ашканда [время, когда] солнце зашло’;

Имир дүже бергенде [время, когда] наступили сумерки’, *имирде* ‘в сумерках’, *караңгы имирде* [время] темных сумерек’ и *чырык имирде* [время] светлых сумерек’;

Ай үнүп келгенде [время, когда] луна взошла’. *Орай кежээ* ‘поздней ночью’ или *кара кежээ* ‘темной ночью, т.е. очень поздно’.

Дун ‘полночь’ общетюрк. [ДТС: 1969, 597; МК I: 2010, 288; СИГТЯ Лексика: 2001, 81] – часть суток, когда Солнце находится в низшей точке небесной сферы, момент, соответствующий промежутку от 24 часов ночи до рассвета. И у времени от полуночи до рассвета в тувинском языке

Павлов И.П. Послелого и служебные имена // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1. Морфология. Чебоксары, 1957. С. 296–323.

Павлов И.П. Современный чувашский литературный язык. Морфология. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1965. С. 298.

Сергеев Л.П. Чувашская аффиксология. Чебоксары: Чувашгоспедуниверситет, 2009. 124 с.

Тимухха Хёветёрё. Чăваш чĕлхийĕн крăмматĕкĕ (фонеттĕк, морфолоки, синтăкcis). 2-мĕш хут тухать. Шупашкар: Чăваш кĕнеки уйрăмĕ, 1928. 208 с.

Федотов М.Р. Чувашский язык: Истоки. Отношение к алтайским и финно-угорским языкам. Историческая грамматика. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1996. 460 с.

Языки народов СССР: в 5 т. Т. 2: Тюркские языки / гл. ред. В.В. Виноградов. М.: Наука, 1966. 530 с.

ЧĂВАШСЕН ЧАПЛĂ СЫННИСЕН ЫРĂ ТĔСЛĔХĔПЕ ПАЛЛАШТАРСА АЧАСЕН ПУЛТАРУЛĂХНЕ АТАЛАНТАРСИ

Л.С. Алексеева

Шупашкарти пĕтĕмĕшле пĕлÿ паракан 59-мĕш вĕтам школ, Шупашкар хули

Чи пултарулă сĕнсем сĕнчен ваттисем сапла каланă: «Аслă сĕнна пин пуç теççĕ» (Влиятельного человека называют тысяцким) [Н. Ашмарин]; «Ятлă сĕнна ял савать» (Знатного человека деревня славит) [Аслан. Вăтăрмĕш сÿлсем. 1955]; «Ырă ят ылтăнран сÿтă» (Добрая слава дороже золота) [Илпек. Тăватă кун. 1953]; «Сĕнна кура мухтавĕ» (По человеку и слава) [Юркин, 1907]; «Этем тени ёçĕпе паха» (Человек славен своей работой) [Ёсхĕл. Пурнăç илемĕ. 1948]; «Лайăх ят мултан та паха» (Добрая слава ценнее богатства) [Н. Никольский].

Чăваш Республикин пĕрремĕш президенчĕ Н.В. Федоров сумлă сĕнсем сĕнчен каланă сăмахсем те пĕлтерĕшлĕ: «Чуваши говорят: «Лайăх ят мултан та паха» – «Доброе имя ценнее богатства». Проходят годы, иногда целые столетия, рушатся границы и устои, а имена настоящих граждан своего Отечества, творивших, горевших, отдавших на алтарь общества все свои силы, весь свой талант, навечно останутся на скрижалях Истории. И мы, живущие, обязаны назвать эти имена, отдать дань признательности и уважения человеческому подвигу, чтобы о нём знали не только наши дети и внуки, но и будущие поколения. И нести эти имена как Знамя, как Символ, как Веру. И как пример для трепетного поклонения, и как пример для подражания».

Пархатарлă ёçре палăрнă сĕнсен ячĕсене яланлăхах асра хăварас тĕлĕшпе 2002 сÿлта Чăваш Республикин Президентĕн указĕпе «Библиотека Президента Чувашской Республики» кĕнекесен пуххине никĕсленĕ. Вĕсем 7 кĕнеке: «Выдающиеся люди Чувашии», «Военачальники», «Спортсмены», «Ученые», «Организаторы науки и образования», «Писатели», «Мастера музыкального искусства». Кунсăр пуçне Чăваш Республикин Президентĕн указĕпех «Чăвашсен чаплă сыннисем» – «Замечательные люди Чувашии» ятпа кĕнекесен пуххине кăларма йышăннă. Вĕсем 6 кĕнеке: Э.Ф. Кузнецовăн «Архитектор Петр Егоров», Ю.В. Виктороваĕн «Элли Юрьев. Художник и время», М.Г. Кондратьеваĕн «Композиторы Воробьевы», П.В. Денисоваĕн «Слово о монахе Иакинфе Бичурине», Н.Г. Красноваĕн «Иван Яковлев и его потомки» тата М.И. Ивановăн «Даниил Эльмень: Острые грани судьбы».

Ырăс шкулĕсенче чăваш чĕлхине вĕрентнĕ чух чăвашран тухнă паллă сынсемпе, вĕсен ёçĕ-хĕлĕпе, пултарулăхĕпе паллаштарни – краеведени материалĕпе усă курнин пĕр тĕсĕ. Ку ёçе пур класра та туса пыратпăр. Кĕçĕн классем валли сырнă В.И. Игнатьева, Н.Н. Чернова, З.С. Антонова «Чăваш сăмахĕ» ырăс шкулĕнчи 1–4 классенче вĕренмелли кĕнекесенче кĕскен те пулин чăвашсен художникĕсемпе артисчĕсем (А.А. Кокель, М.С. Спиридонов, Н.К. Сверчков, Тани Юн, О.И. Ырсем, И.С. Максимов-Кошкинский, Петр Осипов), писателĕсемпе поэчĕсем (Илпек Микулайĕ, К.В. Иванов, Н.И. Шелепи, П.П. Хусанкай, Л.М. Иванова-Сарине, Петр Ялбир), композиторĕсем (Ф.П. Павлов, С.М. Максимов, Ф.С. Васильев, Г.Я. Хирбю) тата чăваш халăхне сÿтта кăларакан (И.Я. Яковлев) сĕнчен калаçатпăр, вĕсен произведенийĕсемпе паллашатпăр. Ытти сферăсенче палăрнă сынсем сĕнчен учебниксене А.Г. Николаев летчик-космонавтсăр пуçне никамах та кĕртмен.

Вăтам тата аслă класс учебникĕсене (И.А. Андреев, Р.И. Гурьева «Чăваш чĕлхи» 5–7, 9 классем валли), О.И. Печников, М.Н. Печникова «Чăваш сăмахĕ» 8 класс валли сырнă кĕнекесене кĕртнĕ культурăпа искусство сыннисен йышĕ те, ытти сферăсенче палăрнă сынсен шучĕ те ытларах тата вĕсем сĕнчен панă материал калăпăшĕ те пысăкрах та тарăнрах. Кĕнекесене кĕртнĕ мухтава, хиселе тивĕçнĕ сынсем сăксем: Иакинф Бичурин тухăç тĕпчевçи, В.Г. Егоров чĕлхесĕ, К.В. Иванова П.П. Хусанкай поэтсем, М.И. Денисова Иван Христофоров юрăçсем, Вячеслав Винокуров – Совет Союзĕн Геройĕ, В.И. Чапаев – Граждан вăрçин паттăрĕ, Д.Н. Михлеев кинорожиссер, Н.И. Ашмарин – 17 томлă словарь авторĕ, А.Н. Крылов карап асти, Петр Егров архитектор, Ехрем хуçасем. 9-мĕш класс учебникĕнче вара 8 сĕнна кĕртнĕ. Вĕсем: С.М. Илюков,

существительным и не имеет парности по палатальности. Таким образом, опираясь на русскую грамматику, было принято относить его к наречиеобразующим. Данный тезис сохранился в школьных учебниках вплоть до 70-х годов XX века.

Анализируя труды великих языковедов, мы считаем, что данный формант **-чен (-ччен)** необходимо рассматривать как аффикс предельного падежа, что падежная парадигма чувашского языка должна быть дополнена еще одним падежом, т.е. предельным (чув. *тăсăмлăх п.*). По мнению известного профессора Л.П. Сергеева, так же аффикс **-чен (-ччен)** необходимо относить не к словообразующим, а к формообразующим, т.е. к падежным [Сергеев: 2009, 92].

Приведем пример простого предложения: *Этир вăрмантан каç... таврăнтăмăр*. В этом предложении, для того чтобы показать предел действия во времени, необходимо для связки с глаголом к имени существительному *каç* добавить аффикс **-чен**. В противном случае предложения не получилось бы. Лишь после прибавления аффикса **-чен** мы можем узнать предельную точку действия во времени (конечный момент): *Этир вăрмантан каçчен таврăнтăмăр* – «Мы из леса вернулись до вечера». Таким образом, аффикс **-чен** соединяет имя существительное с глаголом, выполняя синтаксическую роль в предложении; показывает время совершения действия. Таких примеров в чувашском языке много: *çуллаччен* «до лета», *срокчен* «до срока», *тухуччен* «до собрания», *уявччен* «до праздника», *çумăрччен* «до дождя» и другие. Следует отметить, что данный аффикс примыкает не только к словам с временным значением, но и к словам с пространственным значением (*универмагчен, икулччен*), а также к именам собственным. Например: *Смирновччен* «до Смирнова», *Микулайччен* «до Николая», *Захаровччен* «до Захарова». Или: *«Завод директорёчче Петровччен Кумашов ёсленё»* – «Директором завода до Петрова работал Кумашов».

В чем же заключается падежность форм с указанным аффиксом? Перечислим основные моменты, подтверждающие его падежность, добавив к вышесказанному:

1) как и другие падежные формы, форма с **-чен (-ччен)** показывает отношение имени к другому слову: *каçчен ёслерёмёр* «работали до вечера», *ирччен таишларăмăр* «танцевали до утра»;

2) может образовать словоформы на **-чен (-ччен)** от различных частей речи: существительных (*çумăрччен, апатчен*); прилагательных (*хураччен, лайăхччен*); местоимений (*унччен, санччен, пирёнччен*); числительных (*çирёмччен, иккёччен*); наречий (*паянччен, ыранччен*); деепричастий на **-и** (*киличчен, кайиччен*);

3) аффикс **-чен (-ччен)** является формообразующим аффиксом, т.е. не изменяет лексическое содержание основы слова: *концертчен, асфальтчен, хёллеччен*;

4) к словоформам с аффиксом **-чен (-ччен)** может присоединиться выделительный аффикс **-хи**: *ирчченхи, вăрçăчченхи, каникулчченхи*;

5) употребляется с грамматическими формами имени существительного: *Май уявёччен, Тăван çёр-шывăн аслă вăрçиччен, Çёнё çул праçникёччен*;

6) присоединяется не только к основе имени, но может находиться и после аффикса множественного числа: *вёсенччен* («до них»), *унăтесемччен* («до обезьян»);

7) данная форма встречается и в других тюркских языках: например, в башкирском (**Берлинһаса** йуһышып барып еткән кеше ул Һотдос аһай «Дядя Кутдус – человек, который, сражаясь, дошёл до самого Берлина»).

Таким образом, форма с аффиксом **-чен (-ччен)** не может являться наречием, а относится к падежным, обозначает конечный пункт движения в пространстве, а также предел во времени и отвечает на вопросы *камччен? мёнччен? хăсанччен? (до кого? до какого места? до каких пор?)*.

В диалектной структуре чувашского языка встречаются следующие разновидности этого аффикса падежа: **-чён/-ччён, -чин**. Например: *ирчён* (лит. *ирччен*), *çуллачён* (лит. *çуллаччен*), *сăмăхчён* (лит. *сăмахччен*), *каçчин* (лит. *каçчен*) и т.д. Рассматриваемые аффиксы приставляются к основе (или корню) свободно, на стыке морфем никаких формообразующих изменений не происходит. Мы наблюдаем лишь отличия, связанные с ударением: оно выпадает на предупредительный слог слова. В связи с этим аффиксальный гласный **е** редуцируется в **ё/и**. Данная фонетическая разновидность встречается лишь в козловском и урмарском говорах. В литературном языке в указанных словоформах ударение ставится на последний слог, т.е. на аффикс **-чен (-ччен)**. Например, *каçчён, уявчён, икулчён*.

Литература

Андреев И.А. И.П. Павлов. Современный чувашский литературный язык. Морфология // Вопросы чувашской литературы и языка. Ученые записки ЧНИИ. Вып. 32. Чебоксары, 1966. С. 199.

Ашмарин Н.И. Заметки по грамматике чувашского языка // Чувашский язык и литература. Труды ЧНИИ. Вып. 66. Чебоксары, 1976. С. 48.

Егоров В.Г. Наречие // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1. Морфология. Чебоксары, 1957. С. 273–295.

зафиксированы следующие выражения: *дуне* ‘ночью’, *дун ортузунда* ‘среди ночи’ /*tün ortu* [ДТС: 1969, 597] или *уш дун ортузунда* букв. «среди трех ночей», т.е. ‘в полночь’. И *орай дуне* ‘поздней ночью’ или *кара дуне* ‘глубокой ночью’.

Языковое оформление времени суток связано также с деятельностью человека, т.е. с началом (утро) и концом (вечер) работы, особенности которого в тувинской культуре передаются следующими примерами:

эргенги саалда үези ‘время утренней дойки’ или *кежээки саалда үези* ‘время вечерней дойки’; *бызаалаар үе* ‘время идти за телятами’ (перед вечерней дойкой);

хой кишпер үе ‘время загона овец’ (в обед или вечером), *хой кажалаар үе* ‘время загона овец в скотный двор’; *хой одарже үнгелек турда* ‘[время] когда овец вот-вот выгонят на пастбище’, *хой аалче киргелек турда* ‘[время] когда овец вот-вот пригонят с пастбища’.

У охотников промежутки суток связывают с выходом диких животных на пастбище: *эргенги одарда* ‘[во время] утреннего пастбища’ и *кежээки одарда* ‘[во время] вечернего пастбища’.

С древних времен надежным ориентиром в пространстве и во времени было традиционное жилище тувинцев – *өг* ‘юрта’, с входом на восточной стороне. Солнечный свет, проникающий сквозь *хараача* ‘обруч наверху юрты для закрепления жердей, служащих стропилом юрты’ (одновременно и дымовое отверстие), как часовая стрелка бежит по кругу, перемещаясь с одного места на другое. Например, летом, когда *хун хараачага турда* букв. ‘[когда] солнце на обруче’, т.е. лучи солнца касаются обруча, – начиналась утренняя дойка: женщины доили коров, а девочки-подростки – коз и овец. Об этом времени еще говорят *хун бакылап орда* ‘[когда] солнце выгладывает’.

Хун ынаа (улун) бажынга турда букв. ‘[когда] солнце наверху жерди’, т.е. лучи солнца касались верхней части жердей западной части юрты – выгоняли домашний скот на пастбище.

Хун хана бажынга турда букв. ‘[когда] солнце наверху решетки юрты’, т.е. лучи солнца касаются верхней части решеток западной части юрты.

Хун аптара кырында букв. ‘[когда] солнце на сундуке’ – лучи солнца падают на крышу сундуков в западной части юрты – время приближается к обеду.

Хун дөрге (ширтекке) турда букв. ‘[когда] солнце на почетном месте (войлочном коврик) юрты (напротив входа, за очагом)’, т.е. лучи солнца освещают *дөр* юрты – это полдень, время обеда, поэтому пригоняют скот с пастбищ.

Хун сыртык бажынга турда букв. ‘[когда] солнце у изголовья подушки’, т.е. лучи солнца падают на изголовье кровати с левой стороны юрты (женская половина, если стоим лицом к входу) – приближается время выгона скота на пастбище, пастухи начинали готовиться.

Хун дөжөк ортузунга турда букв. ‘[когда] солнце на середине постели’, т.е. лучи солнца падали на кровать – выгоняли скот на пастбище.

Хун бут адаанга (дөжөк адаа) турда букв. ‘[когда] солнце под ногами (под постелью)’, т.е. лучи солнца касались нижней части кровати – время позднего обеда.

Хун үлгүүрге турда букв. ‘[когда] солнце на посудном шкафу’, т.е. когда лучи солнца падали на посудный шкаф слева от входа, день приближается к закату – дети пригоняли телят, мальчики кололи дрова, девочки шли за водой для приготовления ужина.

Хун хана бажында ‘[когда] солнце наверху решетки юрты’ – лучи солнца падали на верхнюю часть решеток восточной части юрты, – время вечерней дойки.

Хун ынаа ортузунга турда ‘[когда] солнце на середине жердей’, т.е. лучи солнца касались средней части жердей восточной части юрты – пригоняли скот поближе к *аалу* селению.

Хун ынаа бажынга турда – ‘[когда] солнце наверху жердей’, т.е. лучи солнца освещали верхнюю часть жердей восточной части юрты – дети заносили в юрту хворост и загоняли овец в скотный двор – время ужина.

Таким образом, время в сознании и в культуре разных народов приобретает специфические черты, свойственные этническому сообществу, несмотря на общие. И тувинский язык как хранитель культуры тувинского народа показывает, что деление на части суток в тувинской культуре приблизительное и условное, меняющееся в зависимости от времени года, так как продолжительность дня и ночи в зависимости от сезона различна. А восприятие частей суток достаточно субъективное: они имеют неотчетливые границы.

Литература

БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь. М.: Академия, 2002. Т. IV. X–Я.
БТСРС 2005 – Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. / Под ред. Л.Г. Бабенко. 2-е изд., стер. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. 864 с. (Фундаментальные словари).
ДТС – Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969.
Махмут ал-Кайсар Диван лугат ат-турк. / Пер. с араб. А.Р. Рустамова, под ред. И.В. Кормушина. М.: Вост. лит., 2010.

Парнюк Л.В. Суточный и годовой циклы в хантыйском языке. // Вестник Томского гос-ного педагогического университета. 2005. Вып. 4 (48). С. 103-107. Гуманитарные науки (Филология: Индоевропейские и сибирские языки). СИГТЯ: Лексика – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 2001. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. М.: Слово, 2008. ТувРС – Тувинско-русский словарь. / Под ред. Э.Р. Тенишева. М.: Сов. энц., 1968.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА АЛТАЙСКОГО МНОГОЗНАЧНОГО ГЛАГОЛА *ШӰӰ* = ‘МЫСЛИТЬ’

Б.Б. Саналова

НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, г. Горно-Алтайск

Анализируя семантику глагола, мы исходим из понимания значения как сложного объекта, представляющего собой иерархическое соединение различного рода семантических компонентов, которые во многом и определяют условия их реализации. Для выявления семантических структур глагольных лексем, и особенно семантических вариантов многозначных глаголов, очень важны контекстуальные показатели, выделяющие и маркирующие одно значение в отличие от других. Среди этих показателей ведущую роль играют синтаксические показатели, прежде всего реализуемая система валентностей, но также важны и лексические показатели. Различная типовая сочетаемость в пределах многозначной лексемы сигнализирует о разных значениях слова и, следовательно, может быть использована как подтверждение статуса семемы.

Целью данной работы является выявление семантической структуры многозначной глагольной лексемы *шӰӰ* = ‘мыслить’. Этот глагол входит в лексико-семантическую группу (далее – ЛСГ) глаголов мыслительной деятельности.

Основное значение глагола *шӰӰ* = (1) ‘рассуждать, сопоставляя явления объективной действительности и делая выводы’. По сравнению с глаголом *санан* = ‘думать’, базовой единицей ЛСГ мыслительной деятельности, глагол *шӰӰ* = ‘мыслить’ представляет процесс мышления, думанья более широко. В структуре основного значения глагола *санан* = ‘думать’ выделяются семы: «способность, отражение, реальная действительность, абстрагирование». В структуре же основного значения глагола *шӰӰ* = содержатся дополнительные к ним семантические компоненты: «рассуждать, сопоставлять, делать выводы». Средством мотивации указанного значения глагола *шӰӰ* = является его безобъектное употребление. Это значение рассматривается как способность человека мыслить.

Јазап шӰӰӰӰӰӰ, онон артык кандый иш эдерин (ЖК КТ 158) – Подумай (сообразь) хорошенько, какую работу ты будешь выполнять еще лучше; *Ол мендебестен, терен шӰӰӰӰӰӰ айдар кижги* (ЭП БЖЭ 5) – Это человек, который говорит не спеша, мыслит глубоко.

Далее значения располагаются на разных ступенях конкретизации в зависимости от количества дифференциальных компонентов. Реализация значений глагола *шӰӰ* = ограничена лишь тремя формами: винительный падеж, инфинитив и конструкция =*ар* + *деп*. Грамматический маркер – форма винительного падежа работает на реализацию разных значений; выбор того или иного значения определяется носителем языка интуитивно.

Рассмотрим лексико-семантические варианты (далее – ЛСВ), располагающиеся на первой ступени. В них выявляется по одному дифференциальному признаку.

ЛСВ₂ ‘Осмыслить, открыть смысл, значение чего-н., понять что-н.’ Маркером реализации этого значения выступает винительный падеж.

Бу суракты ончо келтегейинен шӰӰӰӰӰӰ кӱрӱр керек, ол политический сурак (ЭП БЖЭ 41) – Этот вопрос надо осмыслить со всех сторон, это политический вопрос; *Бастыра албатылар, республикалар, областтар эмдиги иштерди билгир шӰӰӰӰӰӰ, јаан тузалу кубулталар эдет* (ЭП БЖЭ 137) – Все народы, республики, области, разумно осмысливая нынешние дела, совершают большие полезные перемены.

ЛСВ₃ ‘углубляться мыслью во что-н., размышлять’. Реализация данного ЛСВ получает выражение также в сочетании глагола *шӰӰ* = с объектом в винительном падеже.

Мен бастыра јӱрӱмин ӱскӱ јерде ӱткӱрген јерлежимди ондорго, онын јӱрӱминин учурын шӰӰӰӰӰӰ брааттым (ЖК КТ 358) – Чтобы понять жизнь друга, который провел всю жизнь в другой стране, я размышлял о смысле его жизни; *Бӱгӱнги айдын тӱнде мен ырыс ла сӱӱи деп кӱч сурактарды шӰӰӰӰӰӰ јадырым* – В сегодняшнюю лунную ночь я лежу и размышляю на (такие) трудные темы, как любовь и счастье.

ЛСВ₄ ‘обсудить, разобрать, обдумать, высказывая свои мысли, соображения’.

Совхозко кӱчӱри јаан керек, оны ончозын тӱс јерлерде бистен озо, бистен артык шӰӰӰӰӰӰ койгон (ЭП БЖЭ 42) – Переход в совхоз – большое дело, все это до нас, лучше нас обсудили вверху; *Биске јангыс ла банкротторын шӰӰӰӰӰӰ, карын да предприятияни аргадап аларын кичеенер керек* (АЧ) – Мы должны обсудить не только то, как обанкротить, а, наоборот, как спасти предприятие.

расшифровывать скрытые мифы в языке каждого народа. Это поможет не утрачивать связи с реальностью, имея в виду основополагающую ограниченность мифического сознания, и использовать полученные знания на практике.

Литература

Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка: в 17 вып. Казань; Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928–1950. Месарош Д. Памятники старой чувашской веры. Пер. с венг. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. 360 с. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 198 с.

Секция 13

ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

ЗАМЕТКИ ОБ АФФИКСЕ *-ЧЕН (-ЧЧЕН)* В ГОВОРАХ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

М.К. Александрова

Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары

В чувашском языке аффиксы делятся на две основные группы: 1) словообразующие; 2) формообразующие. К первой группе относятся аффиксы, которые присоединяются к разным частям речи и создают новые слова. Их в чувашском языке очень много. Например, аффиксы, образующие имена существительные: *-сӱ (-сӱ)*: *сыравсӱ* «писатель», *сунарсӱ* «охотник», *пулӱсӱ* «рыбак»; *-в*: *калав* «рассказ», *тӱхтав* «перемена» и другие. Ко второй группе относятся морфологические и синтаксические аффиксы, при помощи которых образуются различные формы слова. При этом у каждой части речи свои формообразующие морфемы. Например, имя существительное *юлташсемпе* «с друзьями» содержит аффиксы формы множественного числа (аффикс *-сем*) и творительного падежа (аффикс *-пе*); глагол *вуратӱп* «читаю»: грамматическое значение формы настоящего времени (аффикс *-ат*) и 1-го лица (аффикс *-ӱп*) и другие.

К какой же группе относится аффикс *-чен (-ччен)* в чувашском языке и какую функцию он выполняет в предложении?

По традиции, в школьных учебниках и в чувашском языкознании формы с аффиксом *-чен (-ччен)* рассматривают как наречия, так как он является одним из наречеобразующих аффиксов [Павлов: 1965, 298].

Из истории видно, что в дореволюционный период ученые относили этот формант к аффиксам. Но были и другие точки зрения. Например, по мнению известного языковеда Н.И. Ашмарина, формант *-чен (-ччен)* – «послелог, который употребляется слитно с именами и по падежам не изменяется» [Ашмарин: 1976, 48].

В трудах Ф.Т. Тимофеева этот аффикс рассматривается как деепричастный, который присоединяется не только к глаголам, но и к другим словам с временным значением. Например, *вис хутчен* [Тимофеев: 1928, 150].

Профессор В.Г. Егоров в «Материалах по грамматике современного чувашского языка» отмечает, что данный аффикс относится к «послелогам, прибавляемым большей частью к наречиям же». [Егоров: 1957, 287].

Аналогичную мысль приводит чувашский языковед И.П. Павлов. Он считает, что данный «послелог-аффикс употребляется лишь с немногими именами, указывает главным образом на предел, ограничение во времени какого-либо действия, события, явления и т.п. Многие слова с этим послелогом-аффиксом выступают в наречном значении. Например, *ӱнерччен* «до вчерашнего дня», *халиччен* «до этого, до сих пор», *унччен* «до этого, до тех пор» и т.п.» [Павлов: 1957, 316].

Данное суждение было сначала поддержано, а затем опровергнуто исследователем И.А. Андреевым. Он, исходя из синтаксической дистрибуции, предлагает рассматривать данный формант как словоизменительный, исключая его из числа наречеобразующих. По его мнению, «эти формы по своей природе являются не словообразовательными, а словоизменительными, они образуют не новые части речи, а выражают синтаксические отношения между словами» [Андреев: 1966, 199].

Одним из первых, кто выдвинул гипотезу, что рассматриваемый аффикс является падежным показателем, был Йожеф Буденц. Он в своем труде приводит примеры употребления предельного падежа (терминалиса) с показателем *-чен (-ччен)*: *"нӱртчен* «до дома», *витеччен* «до конюшни», сравнивая их с аз. *чан / чӱн* «до»: *јаланчаны мӱнзлинӱчен говорлар* «луна гонят до самого дома»; туркм. *ченли* «до»: *бага ченли* «до сада»; *хачана ченли?* «до каких пор?» [Федотов: 1996, 187]. Идея о наличии терминалиса была одобрена и языковедом И. Бенцингом [Федотов: 1996, 187]. Но это суждение не получило поддержки у многих языковедов, ссылающихся на то, что этот аффикс присоединяется не ко всем именам

Тяжелые болезни можно было получить от земли (*сёр шавкәмс, сёр синкерс*), воды (*шив синкерс*), ветра (*сил синкерс, сил-тәвәл синкерс*). Местом обитания духов болезней могли быть и старые дуплистые деревья, чаще всего липа и вяз.

К болезням, посылаемым за грехи, причислялись случаи заболеваний в результате неправильного отношения к покойникам, неисполнения обрядов и жертвоприношений, несоблюдения праздников. Заболеть человек мог даже оттого, что взял вещи или деньги, предназначенные для умершего.

По поверьям чувашей, в глазах любого цвета, если взгляд пристальный и «колючий», могла таиться колдовская разрушительная сила. Обычно такие глаза чуваша называют «злыми» – ‘*усал кус, хаяр кус*’. Боясь дурного глаза, или сглаза ‘*кус укни, кусәхни*’, чуваша прятали (порой прячут и сейчас) маленьких детей или красивых животных. От воздействия злого глаза возникали обычно нервные и душевные расстройства, головные боли, различные глазные болезни.

Злые духи *алпастя, ийе, вупяр, йёрсх, кирмет* насылали тяжелые болезни, которые могли иметь различные проявления (ломоту в костях, боли в пояснице, животе, лихорадку). Например, от злого духа *алпастя* случалась ломота в костях: «Человек засыпает так, что не может двинуть ни рукою, ни ногою, и по ночам во сне бредит, дрожит. После захода солнца *алпастя* появляется, после первого петуха уходит. После отчитывания (*вёрсен*) человек выздоравливает» [Ашмарин: I, 166–168]. *Йёрсх* насылал преимущественно наружные болезни (заболевания кожи, язвы), *вупяр* – глазные болезни и понос, от божества *ийе* (*ийе сүләхнә* ‘ийе прилипло’ – от него ребенок сильно плакал и мог сойти с ума) исходили обычно детские болезни, испуг вызывался *чәкәрми* –божеством, живущим в родниках и оврагах [Месарош: 2000, 285]. Болезни *касхи* (коклюш) и *касрашка* (плач ребенка с откинутой назад головой) приписывали злему духу *Касхи* (вечерний) [Ашмарин: VI, 145]; *пирче* (нарывы, чиря) возникали от вмешательства божества *Пирлс кәлс* [Ашмарин: IX, 227]; *кәлс сәвкәмс* (порча келе, немота, которая, по поверьям, возникает в случае, если человек падает на том месте, где он (*келе*) ходит [Месарош: 2000, 45]) и *кәлс шатри* (сыпь) – от злого духа *Келе* [Ашмарин: VII, 246]; *ләп-ләп* (головная боль от хождения по *вилс турпассисем*) – от злого духа *ләп-ләп* (нечистая сила, или души людей, умерших неестественной смертью) [Ашмарин: VIII, 111]; *сәпан* (чирей), *сәпан-шәтан* (чирья и нарывы) [Ашмарин, XIII, 34, 35], *пур-сур, пурлешке, пурлешкә* (гнойная сыпь, пупырышки, угри, нарыв) от божества *Пуртем* (поветрие) [Ашмарин: X, 84, 85]; *пуртен* (глазные болезни, боли в теле) от божества *Пуртен*, или *Йал-пуртен* (поветрие; заразная болезнь, которая переходит из дома в дом, с деревни в деревню) [Ашмарин: X, 92], [Ашмарин, IV, 176]; *синкер* (заразная болезнь, страшная вещь, беда, несчастье) – от божеств *Синкер* или *Синкер-сехмет* (приносящий зло) [Ашмарин: XI, 149, 150]; *шавкәм, шавкән, шалкәм, шалтәм* (паралич) [Ашмарин: XVII, 85, 104, 108], *сехмет* (беда, недуг, мучение, муки, беспричинная скропостижная смерть) от злого духа *Сехмет* (беда, несчастье) [Ашмарин: XI, 102]; *тилсе, тилче, тилчә* (лопадиная болезнь горла, род чирей) от злого духа *Тилсе* [Ашмарин: XIV, 39–40]; *тимёре, тимре, тимрел шатри, типен шатра* (болезнь щек, лишай, мокрый лишай) от злого духа *Тимёре* [Ашмарин: XIV, 46, 48, 55]; *хяр, хярсуран* (неизлечимая рана; ломота в суставах) [Ашмарин: XVI, 352], *ниш, нишша* (детская болезнь «собачья старость», худоба) [Ашмарин: IX, 29, 38] от злого духа *Тинши* (причиняющий худобу; Ийе) [Ашмарин: XIV, 60]; *усал, усал ерни* (беснованье, истерия, эпилепсия) от злого духа *Усал* (зло, вред, чёрт) [Ашмарин: III, 298, 299]; *хаяр* (головная боль, боли живота от пупка), *хаяр укни* от злого духа *Хаяр* (гнев, злорада) [Ашмарин: XVI, 9]; *шатра* (сыпь, оспа), *чечек, чечче, чеччи* (оспа) от божеств *Шатра амәш, Шатра ашшс* (мать болезни оспа, отец болезни оспа) [Ашмарин: XVII, 148, 149; Ашмарин: XV, 180]; *вёре-сёлеллс чир* от злых духов: *Вёре-сёлеллс/Вёри-сёлеллс* (заклятый змей, летун), *Астаха/ Астакка/ Астаккә/ Аштаха/ Аштаха сёлеллс* (дракон-змей), (дракон) [Ашмарин: II, 216], [Ашмарин, V, 359, 366], *Юхха* (змей, дракон) [Ашмарин, V, 24]; *мур, мор* (повальная болезнь на людей и на скот) от злого духа *Мор* [Ашмарин, VIII, 269] и т.д.

Болезни в чувашской традиционной этнической культуре выступают преимущественно в антропоморфном виде: чаще всего - в женском обличье (молодые девушки, женщины с длинными волосами или старые уродливые бабы (бледные, худые, костлявые, очень высокие, огромные, с длинными руками, когтями, оскаленными зубами, огненными глазами, одно- или трехглазые, лохматые, крылатые, голые, с хвостом и т.д.), реже – в мужском или неопределенном (неясная фигура, некто); иногда – в зооморфном (черная собака, черная кошка; птица, огромная, черная, летающая по ночам и машущая крыльями над домом, насылая болезнь; гады-змеи, летающий дракон; могут представляться паром, туманом, воздухом, мглой, облаком или быть невидимыми).

Итак, история мышления народа отражена в его языке. Именно в языке и через язык дано нам всё богатство народных знаний, верований и представлений. Можно и нужно изучать, вычитывать и

Это же значение выражает производный от *шүү*= глагол *шүүш*= ‘обсудить, обсуждать’. Показатель =*ш* восходит к аффиксу совместного залога. Однако в этом случае он выполняет двоякую функцию: грамматическую (функцию совместного залога) и лексическую (образование слова).

Кажсы ла бичикти текши шүүжши көрөр керек, кажсызына ла рецензия бичшир керек (ЭП БЭ 42) – Каждую книгу нужно обсудить, на каждую нужно написать рецензию; *Совхозтын ишчилери ончо иштерден бир эмеи токынап, жайымжый берерде, бу сурак совхозтын текши жуунында шүүжилген* (ЭП БЭ 17) – Когда работники совхоза немного освободились от всех работ, этот вопрос обсуждался на общем собрании совхоза; *Иштин кийинде нөкөрлөримле туштажып, жадын-жүрүмисти шүүжши, онон ары эдетен керектеристи пландап турадыс* (ЛК ЛП 196) – После работы, собравшись с друзьями, мы обсуждаем нашу жизнь, планируем дальнейшие дела.

Глагол *шүүш*= допускает безобъектное употребление. В таких случаях объект выражается имплицитно: *Слер база шүүжерер, айдарар деп иженип турум* (ЭП БЭ 191) – Я надеюсь, вы тоже примете участие в обсуждении, выскажетесь.

Следующий ЛСВ представляет вторую ступень конкретизации. В отличие от рассмотренных выше значений, для данного ЛСВ характерны два семантических компонента: семантический компонент «внутренний объект», позволяющий рассматривать его на второй ступени, и свойственный именно для него дифференциальный семантический компонент. Этот ЛСВ – ЛСВ₅ ‘обдумав прийти к какому-л. выводу, к необходимости каких-л. действий’. Это значение получает реализацию в конструкции =*ар* + *деп* и в сочетании с инфинитивом.

Ижмди мынан ла баитар деп шүүп алдым (АЕ СК 28) – Я решил начать работу с этого; *Мен слерге акту жүрегимнен быян айдып, бойымнын санаа-шүүтелеримди бичшир деп шүүдим* (АЧ) – Выражая Вам от чистого сердца благодарность, я решил написать свои мысли; *Кебиден укту бука садын алып, олардын угын жарандырага шүүзем* (АЕ СК 32) – Купив в Кеби породистого быка, я решил разводить их породу.

Это значение параллельно глаголу *шүү*= формирует его производное *шүүн*= ‘прийти к решению, решить’. Показатель =*н*, восходящий к аффиксу возвратного залога, в данном случае объединяет в себе грамматическую (функция залога) и лексическую (образование слова) функции.

Алан јолдо иштеп жүрген улусты көрүп, ишти эмди ле токтодор деп шүүнди (ЭП БЭ 39) – Увидев людей, работающих на дороге, Алан решил сейчас же остановить работу; *Көрөр болзо, Текемей бир уула эки кылык кылынар деп шүүнип алыптыр* (БУ СлО 30) – Оказывается, Текемей решил одним разом совершить два поступка; *Ол уулын быыл айыл-јуртту эдип саларга шүүнип алды* (АЕ СК 93) – Он решил в этом году женить сына.

Кроме того, это же значение формируют два устойчивых сочетания, именным компонентом в которых выступает производное от глагола *шүү*= существительное *шүүлте* ‘вывод, решение, заключение’. Эти сочетания – *шүүлте эт*= ‘сделать, заключение, решить’; *шүүлтеге кел*= ‘прийти к решению, заключению’. Вслед за Р.М. Гайсиной, мы рассматриваем их как лексикализованные глагольно-именные сочетания, содержательным ядром которых является имя существительное [Гайсина: 1982, 40].

На базе предыдущего значения выявляется ЛСВ₆ ‘вынести постановление, постановить’. Для этого ЛСВ характерны три семантических признака: два признака производящего ЛСВ и один свойственный данному ЛСВ дифференциальный семантический признак. Он располагается на третьей ступени иерархической лестницы. Это значение реализуется в объекте в винительном падеже.

Туку качан шүүп салган немени канайып та болбос (АЕ СК 42) – Ничего не поделаешь с тем, что уже давным-давно постановили.

Таким образом, структура глагола *шүү*= являет собой иерархическую лестницу. Вершину лестницы составляет основное значение. Все остальные значения расположены на разных ступенях иерархии в зависимости от количества семантических компонентов. Чем больше семантических признаков содержит тот или иной ЛСВ, тем ниже он расположен.

Проведенный анализ позволяет сделать общие выводы относительно сферы использования глагола *шүү*= . Здесь следует говорить о так называемом парадигматическом контексте [Шейгал: 1987, 55], который основан на принципе семантической и формально-семантической производности и включает в себя элементы, коррелирующие с исходной единицей либо только в плане содержания, либо одновременно и в содержательном, и в формальном плане.

Парадигматический контекст глагола *шүү*= представлен следующим образом: 1) по чисто семантической производности – семантическая структура глагола *шүү*=, где основной ЛСВ является доминантой, на базе которой образуются все последующие ЛСВ; 2) по линии формально-семантической производности – словообразовательное гнездо, вершину которого составляет исходный глагол. Производные слова включают в себя производящее *шүү*= как формально, так и семантически и в то же время отличаются словообразовательными формантами, представляющими их дифференцирующую часть. Эти производные – глаголы *шүүн*= и *шүүш*=; устойчивые глагольно-именные сочетания *шүүлтеге кел* и *шүүлте эт*.

Литература

1. Гайсина Р.М. К семантической типологии глаголов русского языка // Семантические классы русских глаголов. Свердловск, 1982. С. 40.
2. Ойротско-русский словарь / Сост.: Н.А. Баскаков, Т.М. Тоцакова. М., 1947.
3. Русско-алтайский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова. М., 1964.
4. Шейгал Е.И. Значение глагола и его парадигматический контекст // Типы языковых парадигм. Тезисы докладов и сообщений конференции кафедр русского языка вузов Урала 2–5 февраля 1988 г. Свердловск, 1987. С. 55.

Список условных сокращений источников материала

АЕ СК – А. Ередеев. Салымнын кўрмеги. Горно-Алтайск, 1989.
АЧ – Алтайдын Чолмоны.
БУ СлО – Б. Укачин. Сўўш ле бштжжў. Горно-Алтайск, 1984.
ЖК КТ – Ж. Каинчин. Карган тыт. Горно-Алтайск, 1994.
ЛК ЛП – Л. Кокышев. Јўс письмо. Горно-Алтайск, 1990.
ЭП БЈЭ – Э. Палкин. Бичигенер јакшы, Эрте. Горно-Алтайск, 1997.

ЗАКОН(Ы) ТРИЕДИНСТВА ИЛИ ТРИАДЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

А.Л. Филиппов, В.И. Сергеев

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары

О терминах данной статьи

Закон (лингвистический) – 1. регулярное и последовательное воспроизведение того или другого соотношения единиц ...языка, мыслимое в виде правила или формулы закономерных соответствий; 2. некоторое общее правило, общая закономерность; закономерное свойство, характерные для данного языка, разных языков или даже свойственное языку вообще [Ахманова СЛТ: 1969, 151].

Триединство (триединый) – состоящий из трёх частей, трёх элементов и образующий единство (Ожегов 1994:800). Триада [гр. trias, triados] 1) в философии Гегеля – троичность, трёхступенчатость, три стадии, характеризующие диалектическое развитие: тезис, антитезис, синтез; 2) единств трёх лиц, предметов, понятий [ССИС: 1992, 620].

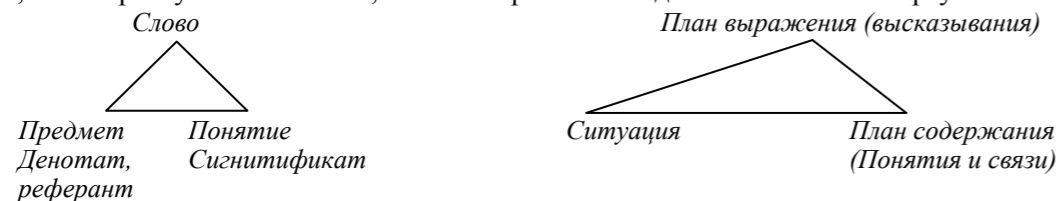
Лингвофилософия – отрасль языкознания, изучающая общефилософскую основу человеческого языка и речи (Ахманова СЛТ 1969:493) Лингвистическая философия – философское направление, поставившее своей основной задачей анализ естественного языка строгими методами [ЛЭС: 1990, 268].

Триединство – троича (религ.) – согласно христианской догме, Троица рассматривается как факт единства Бога в трёх лицах: Бог – Отец, Бог – Сын, Бог – Дух Святой, т.е. ипостась, которые (в герч. патристике) отождествляются с корнем, стволом и цветами [ФЭС: 2009, 187; 463].

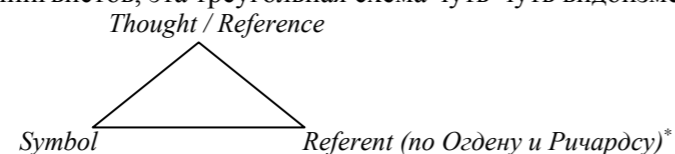
Троица (разг.), трио – о трёх людях, трёх лицах, связанных дружбой, общими интересами или всегда бывающих вместе [ССРЯ: II, 1971, 563].

В лингвистике с числом 3 (три) связаны следующие термины: трепичная основа, трепичный член, третье лицо, трёх слов закон, трёх слогов закон, трёх стилей теория, трёхбуквенный корень, трёхсложный, трёхгласный корень, трипот, трисиллаб, трифтонг (троегласный), треугольник гласных, семантический треугольник и т.п.

Чтобы постичь закономерности употребления слов, лингвисты рассматривали их на фоне взаимодействия триады (трёх уровней): уровня действительности, уровня мышления (план содержания) и уровня языковых форм (план выражения). Соотношение слова, понятия, обозначаемого словом, и предмета, на который указывает слово, часто изображали в виде «семантического треугольника».

Иногда, в трудах иностранных лингвистов, эта треугольная схема чуть-чуть видоизменялась:

религиозную трусость. Чуть ли не на каждом шагу он должен был умиловать духом самыми различными жертвами и совершать обряды. Некоторые болезни люди связывали с наказанием Господним. В большинстве случаев болезни, по представлениям чувашей, вызваны вездесущим злым духом – *усал*. У древних чувашей существовало иррациональное объяснение многих болезней, которое было обусловлено их религиозными представлениями о действиях злых сил и духов. Чуваша предполагали, что болезнь появляется от несоблюдения порядка и правил их веры или от иных неизвестных, таинственных причин. Чаще всего чуваш видит причину болезни в том, что он долгое время не приносил духам даров, т.е. жертв, или давно не поминал усопших предков, или кричал, бранился около какой-нибудь киремети, испугался, находясь около священного места, или промочил ноги в священной воде, или нечаянно встретился с поспорившимся человеком, и злоба последнего перешла на него; или нечаянно где-нибудь споткнулся, упал и испугался и т.д. В случае болезни чуваша говорят: «*Киреметрен пулнӑ*», что означает, что следует принести какую-нибудь жертву, или говорят: «*синкер ернӑ*», т.е. попритчилось. В связи с этим чуваша персонифицировали отдельные атмосферные явления (ветер, мороз, холод, огонь и т.п.), а также предметы, с которыми они соприкасались (дерево, монета, кукла и т.п.).

Болезни, прежде всего инфекционные, остались в исторической памяти каждого народа как слепая и жестокая сила, приводящая к огромному числу жертв. Поэтому и в чувашской мифологии присутствуют многочисленные боги и демоны, наказывающие людей болезнями «за грехи».

Народные названия болезней (мифопатонимы) в чувашском языке изучены недостаточно. Так, Д. Месарош в своем исследовании «Памятники старой чувашской веры», рассматривая названия болезней с точки зрения «народной этимологии», выделяет следующие группы: 1) болезни от злых духов; 2) болезни, полученные в результате порчи колдунов; 3) болезни от злого глаза; 4) болезни, которые народ приписывает естественным причинам или в которых видит наказание божие за грехи [Месарош: 2000, 76–77].

Большое количество народных названий болезней было зафиксировано Н.И. Ашмариним. По поверью людей, как пишет исследователь, болезнь в результате порчи можно получить не только от колдуна и ведьмы – иногда порчу способны наслать враждебно настроенные соседи или односельчане, к примеру, разбрасывая муку или крупу в сторону человека, на которого порча направлена. Чуваша также считали, что от болезни можно избавиться, нашептав наговор на определенную вещь или монету, а затем подбросив ее другому человеку. Не потому ли наши предки боялись случайно найденных чужих вещей и денег и, прежде чем их использовать, советовались с йомзями, которые в случае болезни обратившегося путем гадания определяли, кто направил на него порчу, и рекомендовали способ излечения. *Болезнь* могла исходить также от некоторых природных явлений: от воды, тумана, *росы*, чаще всего от *ветра*, *вихря*, вредоносного *лунного* света.

В настоящее время народные поверья о болезнях и их причинах многими воспринимаются как явление архаичное, хотя слова, называющие те или иные понятия, сохранились: *сивле*, *сивлей* ‘лихорадка’ [Ашмарин: XI, 131]; *сийамак*, *сийамах*, *сӑйамак* ‘лихорадка’ [Ашмарин: XI, 104, 125, 234]; *хӑнрамак*, *хӑнтрамак*, *хӑнтӑрмак*, *хӑнтӑр амак*, *хӑнтӑрамак* ‘сильная резь в животе’ [Ашмарин: XVI, 340, 341, 342], [Егоров: 1964, 25]; *тытамак*, *тытан амак* ‘падучая болезнь’, ‘эпилепсия’, ‘припадок’ [Ашмарин: I, 195], [Ашмарин: XIV, 21]; *тытан амак* ‘лихорадка’ [Магницкий: 1881, 112]; *сарамак* ‘желтуха’ [Ашмарин: XI, 62, 63, 64, 66, 69]; *хора сарамак* ‘чахотка’ [Ашмарин: XVI, 205], *ача амакӑ*, *ачамак*, *ачамӑк* ‘тяжелая болезнь после родов’ [Ашмарин: II, 172], *кӑсамӑк* ‘кожная болезнь’ [Ашмарин, VII, 188] и др.

Сверхъестественными силами, по убеждению древних чувашей-язычников, населена вся Вселенная. Считалось, что с темной силой приходится иметь дело и она опасна, хотя не всегда приводит к трагическому исходу. Но ее можно умиловать и даже отпугнуть: что и производилось с помощью особых ритуалов и в соответствии с традициями? Считалось, что болезнь можно удалить, заставить покинуть тело больного: «смыть», «выпарить», «выгрызть», уничтожить, «запечь», «зарубить». Чуваша представляли болезни существами, поэтому применяли различные способы прямого физического воздействия, используя для этого в лечебной магии воду, дым, огонь, пар, жар и т.п.

Во время родильных и поминальных обрядов чуваша строго придерживались традиций, так как неправильное поведение, нарушение ритуала, согласно их религиозно-этическим воззрениям, могли стать причиной несчастий и особенно тяжелых болезней. Чаще всего природу болезни объясняли воздействием на человека мифологических персонажей в наказание за нарушение запретов, регламентирующих взаимоотношения между ними и людьми (например, причинение вреда духам, непредусмотренные контакты с ними, вторжение в место их пребывания, повреждение деревьев, называние болезней их настоящими именами и т.п.), а также запретов на определенные виды работ в праздники.

* Ogden C.-K., Richards I.A. The Meaning of Meaning. London, 1923. P. 14.

по культуре чувашского края» (Чебоксары, 2001), могли бы послужить основой этимологического словаря чувашских урбонимов и помочь реконструировать булгаро-чувашский исторический урбонимикон.

Наличие мифических и исторических урбонимов – один из показателей существования городской культуры у чувашей в прежние времена. Такими же свидетельствами являются исконно чувашские урбанонимы, например, *хула* «город», *хулаш* «городище», *кермен / карман* «дворец» и др.

Система чувашских урбонимов дооктябрьского периода самодостаточна. Она объемна и включает в себя важные для чувашского народа названия городов, как находящихся в Урало-Поволжье, где происходило становление чувашского этноса, так и выходящих далеко за пределы этой территории.

Большинство чувашских урбонимов иноязычного происхождения, они заимствовались уже в готовом виде с незначительными фонетическими изменениями, но при этом в значительной степени вариативны. Последнее скорее свидетельствует о распространенности урбонима в чувашской среде.

Урбонимы собственно чувашского происхождения отмечаются не только в самой Чувашии (*Етёрне, Сётёрвэрри, Сёрнү*), но также за ее пределами (*Чулхула, Чикме, Мелекесс*). Иногда они восходят к болгарскому наследию (*Сарапул*). В ряде случаев чувашская форма выступает посредником в этимологии урбонима (*Астърхан, Хусан*).

Литература

Архипов Д. Константинопольри чăвашсем // Революциченхи чăваш литератури: (XX ёмёрчен): текстсем. Шупашкар, 1984. Т. 1. С. 277–291.

Ашмарин Н.И. Чăваш сăмахёсен кёнеки = Словарь чувашского языка = Thesaurus linguae Tschuwashorum: 17 томпа. Шупашкар, 1928–1950.

Димитриев В.Д. Ярмарка // Краткая чувашская энциклопедия. Чебоксары, 2001. С. 520.

История Чувашской АССР: с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. 2-е изд., перераб. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1983. Т. 1. 284 с.

Кателлер А. Предпосылки и развитие национальных движений в Среднем Поволжье в сравнении с другими регионами Российской империи // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. 1996. № 2. С. 203–210.

Новый Завет Господа Нашего Иисуса Христа = Пирён Туррамёр Иисус Христос хунă Сёне Сăмах. Симбирск: Типолитогр. Губерн. правления, 1911. 525 с.

Поспелов Е.М. Географические названия России: топонимический словарь: более 4000 названий географических объектов России. М.: АСТ: Астрель, 2008. 523 с.

Трифорова З.А. Геоурбанистика: учеб. пособие. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. 169 с.

Федотов М.Р. Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1968. 213 с.

Федотов М.Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи; Чуваш. гос. ун-т. Саранск: Изд-во Сарат. ун-та, Саран. фил., 1990. 335 с.

Хрестоматия по культуре Чувашского края: дореволюц. период / сост. Н.И. Егоров, М. Г. Данилова; под ред. М.И. Скворцова. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. 253 с.

МИФОПАТОНИМЫ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

В.В. Иванова

Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары

Мифонимы (мифологические имена собственные, «имена любой сферы ономастического пространства в мифах, эпосах, сказках, былинах» [Подольская: 1988, 84]) как элементы лексической системы языка представляют интерес не только для лингвистов, но и для историков, этнографов, так как хранят обширные сведения об истории и культуре народа.

Как разновидность мифонима могут быть рассмотрены имена собственные, называющие болезни. *Болезнь* в чувашской народной этнической культуре – это результат действия демонов, нечистой силы, ведьм, колдунов, людей с дурным глазом и т.п. В заговорах чувашей болезни получают собственные имена обычно в соответствии с тем, чем болезнь вызывается. Для обозначения подобных имен нами в научный оборот вводится новый термин – **мифопатоним**.

Мифопатоним (др.-греч. *mifos* «повествование, предание, миф, сказка»; греч. *pathos* «болезнь, страдание» – составная часть сложных слов, означающая «относящийся к патологическому состоянию, к болезни»; *опута* «имя») – конкретное название болезни, мифологизированное человеком; представление болезни в человеческом образе, персонифицированное явление.

По верованиям чувашей, мир наполнен всевозможными духами, которые оказывают большое влияние на жизнь и судьбу человека. Различные бедствия, болезни, самая смерть человека тоже объясняются отрицательным действием духов. Одержимый злым духом впадает в болезнь, которая может повести за собой и смерть человека. Постоянное опасение разгневать какого-либо духа развивало у язычника

Слово рассматривается в этой схеме как символ (Symbol) мысли (Thought), которая соотносится с предметом (Referent); прерывистая линия указывает на отсутствие прямой связи «символа» и предмета.

Естественно, в свое время «семантический треугольник» был наилучшей минимальной схематизацией именованности: 1) слово связано с 2) вещью, эта связь есть именование, и с 3) понятием о вещи.

Этот семантический треугольник упрекали в неполноте, нехватке всех возможных отношений, предлагали дополнить его до квадрата, трапеции, многогранника.

В действительности, в этом Δ (треугольнике) отодвинуто на второй план соединение «человек и язык».

Триединство функций языка Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров представили в книге «Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного»: «Общественная природа языка реализуется в ряде функций, из которых для лингвострановедения особенно важных три».

Первой следует называть коммуникативную функцию – быть орудием передачи информации от одного участника акта коммуникации другому.

Другая, не менее важная функция ... культуруносная, иначе коммулятивная или накопительная.

Наконец, общественная природа языка выражает себя также в директивной функции – направляющей, воздействующей и формирующей личности» [Верещагин, Костомаров: 1983, 10–18].

Схематически это триединство функций языка можно представить в виде треугольника:

В этой же книге авторы пишут, что аккультурация складывается из трёх планов усвоения новой культуры. Во первых, сведения и представления о нашей действительности; во-вторых, увеличение запаса знаний; в третьих, устранение предвзятых, неадекватных извращений о стране. Аккультурацией называется усвоение человеком, выросшим в одной национальной культуре, существенных фактов, норм и ценностей другой национальной культуры [Верещагин, Костомаров: 1983, 11].

В конце XX века Ю.С. Степанов в книге «В трёхмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства вслед за Ч. Моррисом**», пишет: «В семиотике язык описывается в трёх измерениях семантики, синтактики, прагматики. Семантика имеет дело с отношениями знаков к тому, что знаки обозначают, к объектам действительности и понятиям о них. Синтактика – с отношениями знаков друг к другу. Прагматика (дектика) с отношениями знаков к человеку, который пользуется языком. В своем реальном бытии язык равномерно развёртывается в этих трёх измерениях...».

Сама трёхмерность языка – главный источник языковых проблем для лингвистики, философии и искусства слова. Изучение языка в лингвистике, его осмысление в философии, его освоение в искусстве слова – более или менее одновременно и параллельно во всех этих областях – направляются также по трём названным осям...» [Степанов: 1985, 3].

Прагматика, т.е. лингвистическая прагматика (прагмалингвистика) область языкознания, изучающая отношения между знаковыми системами и носителями (пользователями) языка.

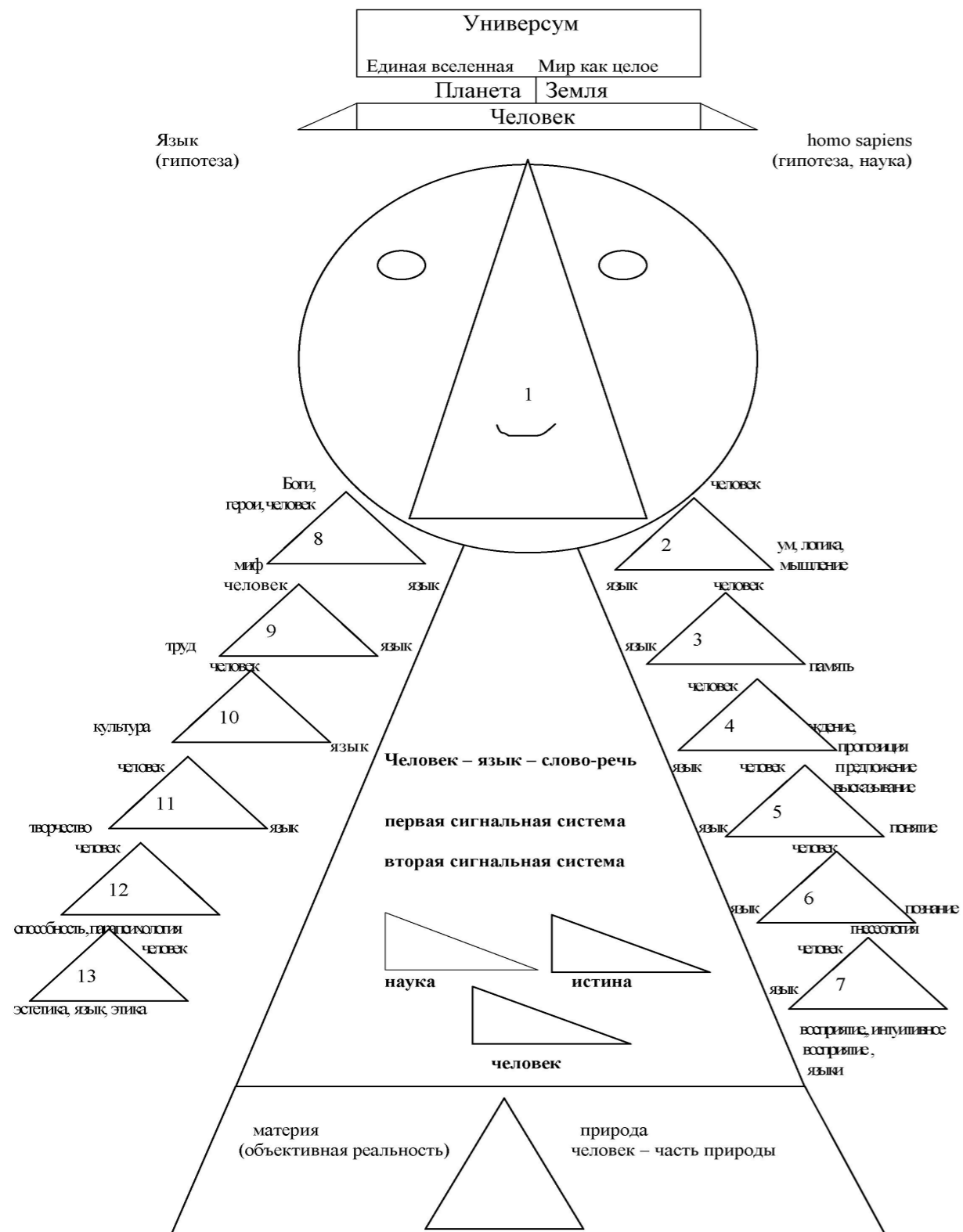
Прагмалингвистика имеет большие области пересечения исследовательских интересов с такими областями гуманитарных наук, как теория речевых актов, коммуникативный синтаксис, риторика, стилистика, социолингвистика, психолингвистика, этнолингвистика, культурология и лингвокультурология. Она изучает комплекс вопросов, связанных с взаимодействием субъекта и адресата речи...

Прагматика (прагмалингвистика) исследует единицы языка в их отношении к тому лицу или лицам, которые пользуются языком. Таким образом, в прагматике в центре внимания оказалась деятельность человека, ибо здесь ведущая роль принадлежит не только говорящему на том или другом языке, но и адресату, ибо от его понимания зависят условия удачной коммуникативной деятельности. Это говорит о том, что коммуникативная грамматика (прежде всего коммуникативный синтаксис) оперирует не только говорящим (адресантом), но еще и слушающим (адресатом), готовым вступить в диалог при условии понимания сообщения на основе знания данного кода, коммулятивной функции словесных знаков и иных языковых конструкций, а также фонового знания о лице.

Все сказанное выше нам дает право говорить о том, что Человек (homo sapiens) является основополагающей величиной психолингвистики, логицизма (логического направления в языкознании), современной лингвистической философии и прагматической лингвистики, ибо прагматика как направление семиотики, изучает отношения между знаковыми системами и теми, кто ими пользуется.

**Morris C.W. Writings on the general theory of signs. – The Hague, 1971.

Далее мы приведем в виде рисунка формулу «человек – язык - ...», которая является ключом к исследованию законов триединства лингвофилософии и самых разных аспектов биологически и социологически значимой деятельности человека, учитывая при этом то, что «лингвистика прежде всего говорит человеку о нём самом» (М.Бреаль). Мы считаем, человек – носитель языка – имеет право выступить главным объектом анализа лингвофилософии.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энцикл., 1969. 605 с.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1983. 263 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / Глав. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. 683 с.

Четырьмя вариантами представлены лишь два названия: Киев (*Кейёв / Кейю / Кейух / Киев*) и Сентгилей (*Синкелей / Синкёл / Синкелей / Ченкелей*).

Самое большое количество вариантов – пять, шесть и восемь – имеют *Шупаишкар* «Чебоксары» (*Шупаишкар / Шопаишкар / Шáпаишкар / Шапаишкар / Чупаксар*), *Теччэ* «Тетюши» (*Тетёс / Тетёш / Тетсё / Теттёш / Тетчэ / Теччэ*) и Оренбург (*Аремтур / Арентур / Элентур / Ёрентур / Ёрэмтур / Ремтур / Рентур / Орентур*).

Очень редко допускаются синонимичные названия: *Чулхула* = *Маккару* «Нижний Новгород», *Мелекес* = *Савят* «Мелекес(с)» (совр. Димитровград). Такого рода урбонимы, как совершенно справедливо заметил Н.И. Ашмарин, имеют локальное распространение: *Савят* определяется как местное название г. Мелекес(с) [Ашмарин: 11, 13]. Синонимичные урбонимы содержат указание на важный объект, в данном случае на Макарьевскую ярмарку в Нижнем Новгороде, известную уже с середины XVI в. [Димитриев: 2001], и завод в Мелекесе. Происхождение местного чувашского названия последнего в виде *Савят* исторически обусловлено. Еще в середине XVIII в. здесь наряду с д. Чувашский Мелекес также отмечается с. Мелекесский Завод [Поспелов: 2008, 172]. Локальные названия необязательно определяют весь город, вполне возможно, лишь ту часть, которая обозначена в самом урбониме.

Вариативность урбонимов чаще всего выступает признаком его распространенности в чувашской среде, и наоборот, безвариантные названия нередко указывают на ограниченное функционирование топонима. Таковы, например, урбонимы *Асқин* «Ачинск» (?), *Ёрпёт* «Ирбит», *Конкур* «Кунгур», *Кострарма* «Кострома», *Пахтат* «Багдат», *Пáва* «Буинск», *Пелепей* «Белебей», *Пренски* «Брянск», *Пухар* «Бухара», *Рыптай* «Рыбинск», *Сарйв* «Саров», *Улатимёр* «Владимир», *Ярослав* «Ярославль» и др.

Все урбонимы иноязычного происхождения подвергались очувашиванию: *Ёрпёт* < Ирбит по гидрониму Ирбит в архаичной форме *Ирбей* (тюрк. *ир* «мужчина, герой, богатырь» + башк. *бий* «родовой вождь, бей») [Поспелов: 2008, 205]; *Кар[з]ун* < *Кар[с]ун* (тат. *кар* «сосна» + *су(н)* «вода, речка») [Поспелов: 2008, 220]; *Кейан* < *Княгинин* (по принадлежности села княгине) [Поспелов: 2008, 234]; *Миселе* < *Мензелинск* по гидрониму Мензеля / тат. *Минзела* [Поспелов: 2008, 290] и др.

Субституция непривычных для чувашского языка звуков с их последующей фиксацией на письме диктовалась освоением урбонимов через устное посредство. В то же время в литературных источниках конца XIX – начала XX вв. уже практикуется употребление имен собственных в их оригинальном написании, см., например, богослужебные и публицистические тексты.

В чувашской народной словесности обнаруживаются названия несуществующих городов – мифоурбонимы. Они сочетают реальное содержание с нереальным. В словаре Н.И. Ашмарина приводятся два мифоурбонима – *Нимче холи* и *Хёс хула*: *Нимче холи*, назв[ание] города в загадке. *Курм[ышский уезд Симбирской губернии]. Ворт, ворт, вортан килен, Нимче холи Микколи. (Йáмра)* [Ашмарин: IX, 28]; *Хёс хула*, невыясн[енное] сл[ово]. Таяба Т. [Яльчикского района ЧАССР]. *Хёс хулар хёс хакля* [Ашмарин: XVII, 70].

Контексты данных мифоурбонимов недостаточны для их распознавания. В первом случае текст загадки асемантичен. Предположительно конструкция *Нимче холи* может быть осмыслена как немецкий город. Литературная форма *нимёс* «немец» в чувашском языке кроме того представлена такими диалектными вариантами, как *нимёч*, *нимёчэ* [Ашмарин: IX, 27–28]. Форма *нимче* существует лишь в приведенном словосочетании, и его значение отдельно не отмечено.

В принципе отэтнонимные ойконимы свойственны чувашской топонимике: *Вырăс сали* (< *вырăс* «русский» + *сала* «село») «Русское Исенево», *Вырăскас Пикших* (< *вырăс* + *кас* «улица; околоток» + *Пикших* (?)) «Большие Бикшихи», *Çармăскасси* (< *çармăс* «черемис, мари» + *касси* «улица; околоток») «Сярмыськасы», *Ирçе Çармăс* (< *ирçе* «эрзя» + *çармăс*) «Малые Кармалы», *Мишеркасси* (< *мишер* «мишар» + *кассы*) «Мижеркасы», *Тутарла Кáнаш* (< *тутарла* «на татарский лад» + *Кáнаш* (?)) «Татарские Кунаши», *Чáваш Çармăс* (< *чáваш* «чуваш» + *çармăс*) «Кубня» и др. В общей сложности из 2373 названий, зафиксированных справочником «Населенные пункты Чувашской АССР» (1981), 58 содержат указание на ту или иную национальность, что составляет примерно два с половиной процента.

Во втором случае асемантично, вернее, псевдоасемантично сочетание «Хёс хула» – науке не удалось зафиксировать его семантику, хотя элементы урбонима прозрачны: *хёс* «сабля», «меч» + *хула* «город» = *Хёс хула* «Сабельный город, Меч-город» (?).

Чувашский урбонимикон также представлен историзмами: *Шери Пáлхар* (< *шехер* «город» + *Пáлхар* «Булгар»), который лексикографами определяется как название старинного города; *Чук ту* (< *чук* «жертвоприношение» + *ту* «гора») «Джукетау», *Мерчен хули* (< *мерчен* «жемчуг» + *хула* «город»). По сути таких названий было больше, но, видимо, значительная часть их утеряна. Булгарские урбонимы, этимологизируемые Н.И. Егоровым с широким использованием чувашского материала в книге «Хрестоматия

безуездными [Трифорова: 2006, 15]. За исключением названий нероссийских и мифических городов объем чувашского урбонимикона составляет 15 процентов от всего числа российских урбонимов.

Но даже тезаурус Н.И. Ашмарина не позволяет собрать полный корпус. В художественных текстах и фольклорных источниках того времени обнаруживаются единичные употребления некодифицированных названий городов, например: Одесса, Константинополь, Иерусалим в рассказе Д. Архипова «Константинопольри чăвашсем» (Константинопольские чуваша) (1903), Париж в книге «Хранстуссен пăлхавăрĕ синчен» (История французской революции) (1917), Сарай, Рязань, Симферополь и некоторые другие – в фольклорных текстах. Эти города, замеченные в чувашском употреблении, – так или иначе освоены чувашами. В них по крайней мере побывали их представители и отчитались о том в литературных и иных документах, как, например, герой рассказа Д. Архипова «Константинопольри чăвашсем»: «Су уйăхĕн юлашки кунĕсенче эпĕ килтен тухрăм. Килтен тухсан виç-тăват кунта чукун çулпа Одессăна ситрĕм. Константинополе каякан парахута кĕтсе пирĕн Одессăра пăртăк пурăнмалла пулчĕ, унта эпир, Иерусалима каякансем, пайтахăн пултăмăр» [Архипов: 1984, 277].

Значительный пласт урбонимов, правда, неосвоенных чувашами исторически, географически и лингвистически, содержится в богослужебной литературе, например, в книгах Нового завета (Симбирск, 1911). Урбонимами также насыщена газета «Хыпар» (1906–1907). Но все эти названия городов сложно включить в состав атрибутируемого дооктябрьским периодом чувашского урбонимикона.

Система чувашских урбонимов, сложившаяся в условиях незначительной территории и сельского населения, половина которого проживала в инокультурном пространстве вне метрополии, естественным образом представлена названиями городов иноязычного происхождения. Иноязычный пласт, в основном представленный тюркскими, славянскими и финно-угорскими названиями, составляет почти 90 процентов чувашских урбонимов. Их происхождение достаточно полно описано в рамках частных лингвистик.

Собственно чувашские этимологии урбонимов единичны: Етёрне «Ядрин» < чуваш. Етёрне чувашское дохристианское мужское имя [Поспелов: 2008, 512–513]; Мелекес «Мелекес», совр. Димитровград Ульяновской области < чуваш. Меликасы [Хрестоматия: 2001, 220; Поспелов: 2008, 172]; Сарапул < чуваш. сар(ă) «желтый» + пул(ă) «рыба» = сарă пулă «стерлядь» [Федотов: 1968, 125; Поспелов: 2008, 388]; Сĕнтĕрвăрри «Мариинский Посад» < чуваш. Сĕнтĕр название реки Сундырь + вăрри «устье» = Сĕнтĕр вăрри «устье реки Сундырь»; Çĕрпĕ «Цивильск» < чуваш. çĕр «сто» + пĕ «князь» = çĕрпĕ «сотнику»; Чикме «Козьмодемьянск» < чуваш. чикĕ «граница, рубеж; черта; край; межа» [Федотов: 1990, 275]; Чулхула «Нижний Новгород» < чуваш. чул «камень» + хула «город» = чул хула «каменный город».

В некоторых случаях в этимологиях урбонимов активно используется чувашский материал: «Русскими название (Астрахань. – Э. Ф.) было усвоено через посредство более поздних тюрк[ских] форм (ср. волжско-татар[ское] *Ачтархан*, чуваш[ское] *Астаркан, Астархан, Астьархан*)» [Поспелов: 2008, 87]; в урбониме Казань «<...> первичным было реконструируемое аланско-буртасское название *Хадзанг*, связанное с расположением города при крутом изгибе русла Волги. На болгаро-чувашской почве оно превратилось в *Хазанг*, у татар-казанцев в *Казан*, а в русск[ом] употреблении в *Казань*» [Поспелов: 2008, 209]; «Это же слово (*тăр* «стоять». – Э. Ф.) находим в составе топонима *Алатырь* (от тюркского *Оло тура*, букв. «Большая крепость», «Большой город»)» [Хрестоматия: 2001, 43].

Чувашские урбонимы преимущественно локализируются пределами Среднего Поволжья (чуть менее 70 процентов) и Урала (более 15 процентов). Иные регионы представлены нечувашской европейской частью империи (*Аштăркан* «Астрахань», *Варшав* «Варшава», *Ĕрика* «Рига», *Кийĕв* «Киев», *Костăрма* «Кострома», *Мускав* «Москва», *Улатимĕр* «Владимир» и др.) и Азией (*Пахтат* «Багдад», *Пăруслан* «Бугуруслан», *Пăсăлук* «Бузулук», *Пухар* «Бухара» и т.д.).

Наблюдаемая локализация урбонимов обозначенной территорией совершенно справедлива, ибо именно в Среднем Поволжье происходило становление чувашского этноса, а последовавшие затем миграционные процессы были направлены вниз по Волге и на Урал [Иванов: 2005, 121–145].

Почти половина чувашских урбонимов допускает фонетические дублиеты. Чаще всего урбонимы двувариантны: *Артатту* / *Ураттав* «Ардатов», *Аришав* / *Варшав* «Варшава», *Перĕм* / *Пирĕм* «Пермь», *Чистай* / *Чистополь* «Чистополь» и др.

Реже урбонимы содержат три реализации: *Аштăркан* / *Аштăрхан* / *Астьархан* «Астрахань», *Еик Уральск* / *Ейĕк хули* / *Ейĕк хули* «Уральск», *Мускав* / *Москов* / *Моско* «Москва», *Пăруслан* / *Пруслан* / *Пуруслан* «Бугуруслан», *Петĕр хули* / *Питтĕр* / *Питĕрпур* «Санкт-Петербург», *Ухха* / *Ухва* / *Ĕпхĕ* «Уфа».

* «В последние дни мая я выехал из дома. Через три-четыре дня после этого по железной дороге я доехал до Одессы. В ожидании парохода в Константинополь нам пришлось немного пожить в Одессе, там нас, собравшихся в Иерусалим, было много» [Архипов: 1984, 277].

4. Современный словарь иностранных слов / Зав. редакцией Е.А. Гришина; вед. редактор Л.Н. Комарова. М.: Рус. язык., 1992. 740 с.

5. Словарь синонимов русского языка в 2-х т., т. II / Глав. ред. А.П. Евгеньева. Л.: Наука, 1971. 856 с.

6. Степанов Ю.С. В трёхмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Наука, 1985. 322 с.

7. Философский энциклопедический словарь / Редакторы-составители Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. М.: «Инфра-М», 2009. 569 с.

8. Breal M. Essais de sémantique. 6e ed. Paris, 1924.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЛЕКСИКИ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА С КОНКРЕТНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

Л.Н. Федотова

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, г. Набережные Челны

В предлагаемой статье рассматривается, что представляет собой тематическая группа слов с конкретным значением, каковы отношения внутри этой лексико-семантической группы. В разряд конкретных слов попадают различные имена предметов, явлений реального мира, которые А.А. Уфимцева делит на четыре основные семантические категории: конкретные неодушевленные исчисляемые (предметы); конкретные неодушевленные неисчисляемые (вещества); конкретные одушевленные лица (люди); конкретные одушевленные нелица (животные) [Уфимцева: 1988, 121].

Рассматривая лексико-тематическую систему, М.Л. Апажев выделяет в лексике свыше 50 тематических группировок слов, отмечая при этом, что «лексико-тематическая система, или группа, – одно из древнейших объединений, выявленных человеком в языке и наиболее изученных в словарном составе, пожалуй, всех развитых литературных языков». [Апажев: 2000, 56].

Выделение лексико-тематической группы основывается на «системности окружающей действительности», которая «проявляется в различных группировках слов, объединяемых в лексико-тематические группы на основании общности обозначаемых ими реалий по сходству, смежности, назначению, устройству, функции и т.д.» [Алефиренко: 1998, 120].

На важность изучения смысловых связей как на уровне слова, так и в пределах различных смысловых групп и рядов слов указывалось неоднократно. О преимуществах системного изучения лексики пишут многие исследователи [Шмелев: 1973, 7; Звегинцев: 1957, 264; Уфимцева: 1962, 8]. Так, Д.Н. Шмелев указывает: «Отражая определенным образом те или иные «отрезки действительности», слова естественно связаны между собой, как взаимосвязаны и отображаемые ими явления самой действительности». Объединение слов в «тематические группы» происходит на основе внеязыковых критериев, но «для лингвиста, конечно, вовсе не безразлично то, как членится в каждом конкретном языке данная предметно-смысловая область, какие признаки предметов отражаются в отдельных наименованиях и, следовательно, характеризуют отдельные члены той или иной тематической группы» [Шмелев: 1973, 13–14]. Такие «тематические группы» слов, выделяемые «на основании предметно-логической общности, во многих случаях характеризуются и некоторыми общими для них собственно языковыми признаками, иначе говоря, многие тематические группы оказываются при ближайшем рассмотрении также и лексико-семантическими группами» [Шмелев: 1973, 103].

На роли процесса обобщения в возникновении этих групп останавливает внимание В.А. Звегинцев: «Лексико-семантические системы, оказываясь результатом процесса обобщения, являются вместе с тем показателем того, что этот процесс уже выходит за пределы значения отдельного слова. В данном случае процесс обобщения распространяется уже на несколько лексических единиц, обладающих в своих значениях определенной смысловой индивидуальностью» [Звегинцев: 1957, 268]. Далее исследователь отмечает «поразительное богатство типов лексико-семантических систем» и выделяет как пример следующие типы: 1) объединение группы слов вокруг общих понятий (синий, красный, зеленый и т.д., которые обобщает слово «цвет»); 2) расположение слов вокруг слова-доминанты (большой – громадный – великий и т.д.); 3) слова, обозначающие части тела, родственные отношения [Звегинцев: 1957, 271].

Видимо, здесь можно установить некоторую иерархию подобных групп. Так, последняя группа, где некоторые исследователи вообще отказываются видеть сколько-нибудь существенные семантические связи, наиболее обусловлена внеязыковой действительностью. В первой группе такая обусловленность меньше, во второй, построенной на синонимии, значительную роль играют уже собственно языковые (стилистические и т.п.) факторы. По-видимому, эти группы имеют и различную степень системности в языке. Д.Н. Шмелев указывает, что в сфере так называемой конкретной лексики одни слова входят в

определенные лексико-семантические микросистемы, а другие остаются «вне основных системных отношений, проявляющихся в лексике» [Шмелев: 1973, 150]. Очевидно, что степень системной организации внутри различных лексико-семантических групп различна, она в известной мере соответствует степени соотношенности слов этой группы с внеязыковой действительностью.

В основе тождества членов тематических групп лежит идентификация их по денотативным семам.

Денотативные семы характеризуют конкретные особенности обозначаемого именем существительным предмета-денотата анализируемого существительного. Наиболее крупные группировки тех или иных сем образуют определенные их типы и подтипы.

Тематические группы формируются по значениям, денотативные компоненты которых отражают определенные типы денотатов (например, человек, животное, орудия труда и т.д.).

Тематически, с учетом естественного членения предметов и явлений, отраженных в толковых словарях татарского языка, исследуемая нами лексика распределяется по группам, объединяющим существительные, в зависимости от определенных типов денотатов. Заметим, что эти тематические группы одновременно являются лексико-семантическими группами (ЛСГ), поскольку они ограничены принадлежностью к одной части речи – существительному.

Интегрирующие семы каждой из ЛСГ сосредоточены в значении опорного существительного, семантической доминанте, которой в плане выражения соответствует одно слово, занимающее ядерное семантическое положение в пределах всего поля. Значение опорного существительного, интегрирующее, объединяющее элементы группы, отражает определенный тип денотата. Тип денотата уточняется, репрезентируется в пределах всего поля конкретными денотатами, в зависимости от чего выделенные тематические группы могут члениться на более мелкие единства.

Так, члены тематической группы четвероногие (дикие и домашние животные) идентифицируются опорным существительным ХАЙВАН 'живой организм, существо, обладающее способностью двигаться и чувствовать'. Сама сущность предмета (животные) обуславливает отношения «тип денотата – конкретные денотаты» и, таким образом, лежит в основе регулярных противопоставлений членов данной тематической группы. Эти противопоставления, т.е. семантические оппозиции, создаются дифференцирующими семами, репрезентирующими как конкретные денотаты, так и типы денотатов. Конкретные семы тематической группы не являются универсальными, поскольку выделяются на материале тематической группы, определяются ее характером и работают только в ее пределах [Караулов: 1976, 182], хотя часть сем может повторяться в элементах других групп, обеспечивая тем самым цельность лексико-семантической системы имен существительных.

Лексико-семантические группы, выделенные на основе общности денотатов и имеющие определенные тематические признаки [Степанов: 1975, 39], не лишены и языковой общности, обнаруживающейся в результате анализа факторов сочетаемости, синтагматических связей, отражающей валентность имен существительных.

В тематических объединениях существительных лица (и не только лица) обнаруживается органическое переплетение внеязыковых, экстралингвистических и категориально присущих существительному синтаксических собственно языковых показателей. При этом контексты, в которые входят члены тематических групп или синтагматические связи их с другими словами, оказываются сходными, ибо подобие в смысловой структуре слов предопределяет сходство их употребления.

В чем, к примеру, заключается своеобразие лексико-семантической группы четвероногие и дикие домашние животные?

На уровне переносной семантики в словах этой группы прежде всего бросается в глаза выравнивание родо-видовых иерархий. С точки зрения прямой, номинативной семантики более общее значение отмечается в словах ХАЙВАН 'животное', МАЛ 'скот', ЖАНВАР 'зверь', а более частное, видовое значение свойственно словам ДУҢҒЫЗ 'свинья', ЭТ 'собака'. Если эта иерархия выдерживается в прямых значениях, то по характеру переносных значений родовые слова практически не отличаются от видовых.

Сравним: ХАЙВАН – о человеке грубом, с неразвитыми нравственными понятиями и т. п.; ДУҢҒЫЗ – о грязном, неопрятном человеке, неряхе; о человеке с низменными привычками, невежественном, некультурном; о человеке, поступающем непорядочно, низко; о человеке неблагодарном. Аналогичное выравнивание родо-видовых отношений происходит и в других тематических группах, показателем чего становится языковая или речевая синонимия родового слова и видовых слов

Итак, лексика конкретной семантики представляет собой интересный и богатый материал для изучения, поскольку она содержит большой семантический потенциал, позволяющий взглянуть по-новому на уже известные категории.

Населенный пункт со всех сторон окружен полями. Крестьяне д. Чубаево и соседних деревень вручную вырубали и выкорчевали лес *Пашкă вӑрманӗ* (Поповский лес). Земли были вспаханы и использованы для возделывания сельскохозяйственных культур. Нами зафиксированы **агронимы** (названия полей): *Хурӑн Шур* (болотистое место на восточной окраине), *Улянкӑ* (расположено на юго-восточной окраине деревни между железной дорогой и оврагом *Пӑшалмас*), *Аруй* (колхозные поля, расположенные севернее от р. Аря).

Поля «между д. *Чебаевым* и с. *Шоркисрями*» (так записано в «Словаре чувашского языка» Н. Ашмарина [VII, 106]) называли *Кӑканар уйӗ* (поля расположены вдоль оврага *Кӑканар*). В поле между оврагами *Павар сырми* и *Пахча сырми* колхоз сеял гречиху. Жаль, что названия многих полей утеряны, они не сохранились в памяти старожилов. В последнее время колхозные поля имели только номера. Например, в *поле № 7* располагался колхозный крытый ток. На этом же поле находится самая высокая точка Чубаевского сельского поселения.

В начале XXI в. колхоз «Дружба» распался. В настоящее время часть полей бывшего колхоза пустует, часть отдана на пользование жителям деревни, часть обрабатывается сельхозпредприятием д. Арабоси. Сохранились строения машинно-тракторного парка, молочно-товарной фермы, свинофермы, картофелехранилища, зерносклада. На территории машинно-тракторного парка была колхозная кузница (*тимӗрч лаҫси*). Ранее действовали крахмалзавод, пенькозавод, маслозавод.

В обозначении **некронимов** используется компонент *масар*. *Авалхи масар* старое кладбище расположено на северо-западе деревни. В двух километрах в лесном массиве расположено Чубаевское кладбище *Чунай масарӗ*. Рядом с *Патти масарӗ* (Батеевское кладбище) открыли *Сӗн масар* (новое кладбище д. Чубаево). Первым на новом кладбище был похоронен уважаемый житель деревни Николаев Кирилл Николаевич.

Названия некоторых малых географических объектов, расположенных в деревне и в ее окрестностях, не удалось зафиксировать, так как их либо не имелось, либо они с течением времени позабылись. Собранный в ходе полевых экспедиций топонимический материал несет богатую информацию о жизни деревни.

Литература и источники

Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка: в 17 т. Казань; Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928–1950.

Зайцев Я.Н. Лета и лица Урмарской земли. Чебоксары: Чувашия, 1994. 280 с.

Магницкий В.К. Чувашские языческие имена. Казань: Типогр. Импер. ун-та, 1905. 119 с.

Полевые исследования авторов. Информаторы: *Васильева Раиса Петровна*, 1940 г.р., уроженка д. Чубаево, жительница пос. Урмары. Работала зав. отделом социального обеспечения администрации Урмарского района; *Васильева Юлия Николаевна*, 1934 г.р., уроженка и жительница д. Чубаево. Работала колхозницей в колхозе «Дружба»; *Кузьмин Леонид Петрович*, 1942 г.р., уроженец д. Чубаево, житель г. Чебоксары. Пенсионер; *Федотов Иван Николаевич*, 1957 г.р., уроженец и житель д. Чубаево. Работает старшим рабочим на железной дороге.

Список населенных мест по сведениям 1859 года Цивильского уезда Казанской губернии. СПб, 1866.

СЛОВАРЬ ЧУВАШСКИХ УРБОНИМОВ ДООКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА*

Э.В. Фомин

Чувашский государственный институт культуры и искусств, г. Чебоксары

Для обозначения городских объектов – улиц, парков, микрорайонов и др. – в ономастике употребляется термин урбоним (от лат. *urban* «относящийся к городу»). В научной литературе в качестве вариантной формы допускается термин урбоним, внутренняя структура которого, однако, предполагает номинацию самих городов, а не его составных частей, ср.: лат. *urbs / urbis* «город» и гр. *ονομα* «имя».

В соответствии с историческими, политическими условиями и языковыми факторами чувашский урбонимикон обладает рядом особенностей, выделяющих его среди прочих. Так, чувашскому урбонимикону свойственны объемность и выход за пределы собственно чувашской территории; иноязычность происхождения названий; определенная географическая локализация; вариативность, в некоторых случаях синонимичность; субститутивное освоение новых названий; наличие мифоурбонимов.

Чувашский урбонимикон дооктябрьского периода, согласно словарю чувашского языка Н.И. Ашмарина, содержит около 70 названий. Это объемный показатель, если принять во внимание, что в самой Чувашии находилось лишь четыре города и один посад. Всего же в России на рубеже XIX–XX столетий насчитывалось 430 городов, из которых 48 являлись губернскими и областными городами, 332 уездными, 50 заштатными и

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Поволжские города в истории чувашского литературного языка (дооктябрьский период)», проект № 09-04-22408 а/В.

когда-то шумел густой лес, часть которого принадлежала церкви и священнику. Этот лес назвали *Паикъ (Пачайкъ) вӳрманӗ*, т.е. *Поповский лес*.

В 5–6 километрах южнее от деревни расположен лес *Ара вӳрманӗ* (лес, расположенный недалеко от р. Аря), по дороге на кладбище – *Сӗн сурт кати* (роща Новый Дом). Место дневного летнего отдыха сельского стада в лесу зафиксировано в названии *Чӗкре кати*. На территории бывшего колхоза, вдоль железной дороги, растут посадки лиственных деревьев.

В лесу *Шитешке* находилась пасека, называемая *Стапан утарӗ* (пасека Степана), были сенокосные поляны: *Уска саранӗ, Пӗвеш саранӗ*. Информаторы помнят также названия *Хветут саранӗ, Тимук саранӗ* (сенокосные угодья Федота, Тимофея). Эти сенокосные луга получили названия от имен тех, кто здесь чаще других заготавливал сено. В этом же лесу был пруд *Курӑс пӗви* (Лубковый пруд). В нем жители деревни мочили корье на мочало и рогожу.

Интересны **оронимы** – названия возвышенностей и оврагов. В названии оврагов имеется постоянный компонент *сырма*. Земли деревни Чубаево, как и территория Чувашской Республики, изрезаны многочисленными оврагами. В центре деревни – два больших безымянных оврага, которые в конце деревни соединяются. На восточной окраине расположен овраг *Чӱк сырма*, получивший название от обряда чӱк – жертвоприношение. Старожилы деревни помнят местонахождение двух киреметищ.

На взгорье, недалеко от *Чӱк сырма*, находилось старое здание школы (*Кивӗ шкул вырӑнӗ*), построенное еще в довоенные годы. В 4–5 километрах южнее Чубаевского поселения расположен овраг *Ара сырма* (по названию реки – Аря). В поле под названием *Аруй*, расположенном вдоль берега р. Аря, находятся овраги: *Сайкка сырма, Сичӗ сырма пуҫӗ* (букв. «начало семи оврагов»), *Кӱканар* [Ашмарин: VII, 106] *сырма, Тӱнал сырма* («левый приток р. Ары, между д. Чубаево и Старыми Арабосями» [Ашмарин: XIV, 282]), *Хветут сӑл сырма* (овраг, где был родник Федота). Между деревнями Чубаево и Арабоси расположен овраг *Пӱшалмас сырма*. Название этого географического объекта записано в «Словаре чувашского языка» Н.И. Ашмарина, как название речки, левого притока р. Ары около дер. Ново-Исаковой [Ашмарин: X, 182].

На западной окраине деревни расположены овраги *Пахча сырма* (овраг, поблизости которого были сады), *Павар сырма* (здесь были строения *павар* – холодное помещение для варки пива), которые соединяясь, образуют овраг *Сӗн сурт сырма* (Овраг Новый Дом). В этом овраге имеется искусственный пруд, сооруженный в целях орошения колхозных полей, называемый в народе *Колхоз пӗви* – пруд Колхозный. В овраге *Кӱканар* расположен каскад искусственных прудов.

Сведение о местонахождении конного двора колхоза сохранилось в названии оврага *Кони двор сырма*. В овраге *Мӱнтӳр сырма* (овраг около деревни Новое Шептахово) жители близлежащих сел и деревень для хозяйственных нужд добывали камень (*сырма чулӗ*). Их использовали при закладке фундамента домов, для строительства погребов.

Записаны овраги, которым даны названия по месту жительства сельчан: *Сар Палюк хыҫӗнчи сырма* (овраг, расположенный за хозяйством *Сар Палюк*), *Тимук Саньккисен, Мари Палнӑсен хыҫӗнчен пуҫланакан сырма* (овраги, начинающиеся за домами *Тимук Санькки*, Марии Павловны). Есть безымянные овраги, балки.

Овраг, расположенный за хозяйством *Сар Палюк*, богат залежами красной глины. Жители деревни использовали глину для хозяйственных нужд: изготавливали кирпичи. Сохранилось место ямы, служившей для размешивания глины и размельченной соломы. Глиносоломённые кирпичи сушили на хорошо проветриваемом месте на склоне оврага, расположенном перед домом А. Верхунова.

На исследуемой территории зафиксированы **гидронимы** (названия рек, прудов, родников, колодцев). Они в основном двухсловные. В названии искусственно сооруженных прудов используется компонент *пӗве*. Например, *Шкул пӗви* (пруд, расположенный недалеко от старой школы), *Турхан пӗви* (пруд, находящийся в *Турхан*), *Колхоз пӗви* (колхозный пруд), *Курӑс пӗви* (пруд, где мочили липовый луб).

В деревне и в ее окрестностях имеются десятки колодцев и родников – *сӑл*. В летнюю жару сельчане утоляли жажду в *Аялти кас сӑлӗ* (родник, расположенный в околотке *Аялти кас*), *Турхан сӑлӗ* (родник, расположенный в *Турхан*), *Сайкка сырминчи сӑл* (родник, расположенный в овраге *Сайкка сырма*). Эти родники получили названия по месту их расположения. В названии родника *Хветут сӑлӗ* (родник Федота) сохранилось имя мужчины. Журчат безымянные родники на территории деревни, в оврагах: *Пахча сырма, Павар сырма, Сӗн сурт сырма* и др. Сельчанами обустроиваются уличные колодцы (*тараса*). Лошадей водили на водопой на *Лаша валак*.

В 4–5 километрах южнее от деревни протекает р. Аря, в двух километрах севернее деревни – р. Малый Аниш – *Энӗш* [Ашмарин: III, 17]. В Малый Аниш впадают воды окрестных ручьев и родников. На этой речке раньше действовали водяные мельницы деревень Чубаево, Б. Чаки, Н. Шептахово.

Литература

1. *Алефиренко Н.Ф.* Теория языка: введение в общее языкознание. Волгоград: Перемена, 1998. 440 с.
2. *Апажеев М.Л.* Современный кабардино-черкесский язык: лексикология и лексикография. Нальчик, 2000. 408 с.
3. *Звегинцев В.А.* Семасиология. М., 1957. 224 с.
4. *Караулов Ю.Н.* Общая и русская идеография. М., 1976.
5. *Степанов Ю.С.* Основы общего языкознания. М., 1975.
6. *Уфимцева А.А.* Опыт изучения лексики как системы. М., 1962.
7. *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗРАБОТКИ ЭЛЕКТРОННЫХ СЛОВАРЕЙ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ РАЗВИТИЯ

Г.Р. Чумарина

Институт языка, литературы и искусств им. Г. Ибрагимова, г. Казань

Татарская лексикография, особенно составление русско-татарских и татарско-русских словарей, имеет давние и богатые традиции, так как татарский народ издавна живет в тесном соседстве с русским народом, имея с ним прочные социально-экономические и культурные связи. В настоящее время появилась необходимость в создании электронных словарей и переводчиков татарского языка, без которых уже не представляется прогрессивное развитие лексикографии татарского языка,

Словари с давних пор являются частью ресурсов, которые используют педагоги, ученики, переводчики; в общей манере можно даже утверждать, что этот тип произведения приходит на помощь любому, которому он встречается в то или иное время при трудностях создания или понимания текста. В тот момент, когда совершенствование в языке становится стрессовым, тогда актуальность и необходимость в словарях становится капитальной. Бумажный словарь, по своей материальной природе трудно иметь в наличии постоянно для многих пользователей. С другой стороны, в то время когда Интернет выгодно представляет зафиксированность языка на данный период времени, печатные словари становятся дорогостоящими как для издателей, так и для читателей. Электронные словари представляют проблемы в других аспектах, хотя они и освобождены от материальных противоречий производства словарей. Действительно, в этом типе ресурсов, проблемы наличия, ограниченного места или последующих изданий не стоят; однако, это является поручительством, другими словами, решение словарных задач должны производиться, обоюдно, чаще всего косвенно, с пользователями-читателями.

Структура электронного словаря должна удовлетворять многим условиям. Так как этот тип словаря предназначен только для пользователя компьютеров, лексическая база данных, которую он включает в себя, должна быть абсолютно формальной, лексические свойства, которые определяют каждый из входов, должны быть максимально ясными и достаточными для автоматического распознавания для любого письменного текста. Это приводит к тому, что сходство базы данных должно быть максимально исчерпывающим для идентификации не только слов, которые уже занесены в список, но также для слов, не включенных в словарные работы или для новых слов, о значении которых можно догадаться по конструкции.

Кроме того, словари в сети, из-за своего присутствия в Интернете, и из-за характеристик, которые на них накладываются требованиями пользователей Интернета, должны работать быстро, так как отныне, во время связи с высокой производительностью, недопустимо ждать более одной или двух секунд ответа сервера; это требование, к тому же мотивированно сравнением со словарями на CD. С точки зрения распространителя ресурса, будут серьезные материальные противоречия. В этом аспекте, ресурсы в сети должны извлечь выгоду из основных характеристик тх системы поддержки, то есть, гипертекстуальность; это в основном переводится присутствием связей с дополнениями, которые могут с одной стороны ускорить консультирование, с другой сориентировать пользователя к новым возможностям.

Постоянство связи между производителем и пользователем создают другой важный аспект ресурсов в сети; речь идет о том, что при каждом подключении, пользователь может встретить новую версию сайта, по которому он консультируется, и к тому же он обновляет или дополняет персональные данные, которые он отправляет в сайт. Первое свойство регулирует проблему устаревания словаря, а также решает вопрос количества экземпляров, необходимых для использования в рамках коллектива (что может быть педагогически необходимым). Второе свойство исходит из того, что любой доступ в Интернет сайт оставляет на нем следы; те, которые оставляют пользователи ресурса, эксплуатируются производителями сайта, чтобы узнать предпочтения, а также какой из продуктов используется; они могут, таким образом, модифицировать содержание впоследствии. Этот прямой информативный обмен полностью переворачивает обычный процесс

словареведения, который состоит, например, в создании списка основных слов- входов словаря в функции доступа публики; напротив, в случае со словарями в сети, слова, которые запрашиваются пользователями и которые отсутствуют в ресурсе образуют список будущих потенциальных входов.

Ниже мы представляем типологическую и частичную демонстрацию использования информативных технологий в лексикографии, состоящей из основных применений и примеров словарного продукта на компьютерной основе в области татарского языка. Словари, принятые во внимание предназначены для широкого использования, специализированные словари не рассматриваются.

Природа словарного текста.

Словарь фундаментально имеет такую же структуру, что и телефонный справочник или библиотечный каталог. Каждая единица этой коллекции – это запись, содержащая определенное число полей, потенциально одинаковые для каждой карточки, располагающиеся в одном порядке, основные характеристики такой рациональной базы данных являются рекурсивными.

- вход телефонного справочника: имя, адрес, номер телефона.

- карточка библиотечного каталога: название, автор, место и дата публикации, тема,, код и т.д.

- словарная статья: адрес, часть речи, определение, произношение, примеры, этимология и т.д.

Примеры двух словарных статей:

СУЗЛЕК -1.Сузларне, идиомаларны һ.б. кайбер тер тегъбирлерне жыеп, алфавит тертибе белен яки бутенч урнаштырып, аларга тиешле анлагмалар яки гержемелер бирген китап, белешмелек **2.**Берер телнен, язучынын яки есарнец барлык сузлере. СУЗЛЕКЛЭЙГУ -Телгэ керу, сузлек берэмлегенэ айлану (сузлар, тэъбирлэр тур.). СУЗЛЕК40 -Кечкена сузлек

СУЗ -1.Бер яки бернич аваздан твзелеп белгеле бер грамматик форма плган (сейламда жом л а кисэге яки жемла булып кул л.тор.) һав твшенча белдерэ торган ин кечкена лексик берэмлек. Бер яки бернич аваздан тезлеп, логик яки грамматик монасэбтлэрне белдера (сойламда жом л о кисэге да, жемла да була алмый) торган ич кечкена лексик берамлек [ярдэмлек суз] **2.**Сейлашу, ацгама; сейлап бирела торган фикер [сузга катнашу! **3.**^ыельшта Б.б.ш. жирдэ: телдан ясала торган чыгыш [сонгы суз белан чыгу] **4.**Сейлэу хокукы [суз ирге] **5.**Фикер, караш: баялама [карты суз эйтмэде] **6.**Кинаш, такъдим Б.б.ш. [ольлар сузе] **7.**Шелта, танкыйт, гаибэт И.б.ш. [суз ишетгеру] **8.**Вагъда [суз куешу]. Ант [суз биру] **9.**СУЗЛЕП -Музыкаль яки шигъри асар тексты Ю.с.Бер суз белан гена белдерела торган [суз жемла]

СУЗГЭ-СУЗ = СУЗМ9-СУЗ -ревЛ.Ишетканне, укыганны сейлву, язу тур.: деп-дерес Иэм тептегал **2.**Таржемэ ителган телнен һар сузен Иэм аларнын элекпелек тартибен тэржемада да саклап, формате механиетик рэвешта (тэржема игу тур.)

Рекурсивность информативных полей двух приведенных выше статей обозначены типографией, положением и аббревиатурами: 1. адрес большими жирными буквами; 2. часть речи сокращена; 3. определение; 4. примеры использования курсивом. Поля 1,3, и 4 ярко выражены четко из-за идиосинкретической природы лексических единиц; поле 2 выражено в сокращенной форме, так как его значения относятся к небольшому закрытому классу. Типография, положение, аббревиация и эллипс (ни один из четырех полей не назван эксплицитно) являются характерными чертами рекурсивной экономии словаря (словарь также является коммерческим продуктом).

Даже более простые статьи, как те, которые мы представили выше, являются структурно сложными. Кроме бинарного значения – а) *словарь* -имя суц.; б) *словарь* /означает/ «Произведение, которое собирает и описывает, в определенном порядке, в особенном ансамбле, лексические элементы»; с) /слово/ *словарь* /типично используется в выражениях, таких как/ Медицинский словарь (область использования), /словарь/ этимологический (лингвистическая область), также находим тернарные значения; *словарь* – Двухязычный словарь - /который означает/ «словарь, который выдает значения слов и выражения с одного языка на другой».

Содержательная структура словаря имеет статичный характер и может быть описана синтетически, то есть в развернутом виде, как описание словарных статей, и аналитически, как описание отдельно взятой леммы. Он состоит из корпусов текстов, которые можно добавлять и изменять, из интегрированного словаря татарского языка и модуля поиска лексических единиц в корпусном тексте. В словарных статьях мы использовали входы наиболее репрезентативные, то есть слова, которые появляются в текстах наиболее часто.

Очевидно, что в ближайшие годы электронные словари будут играть все более и более важную роль в нашей жизни, что приведет к повышению интереса к изучению проблемы возможностей, которые предлагают электронные словари, в частности татарского языка и ожиданий пользователей от словарей на информационных носителях.

Литература

1. Татарско-русский словарь [Электронный ресурс]. URL: www.tatar.eom-ni/tat-rus.php

2. Татарско-русский, русско-татарский „словарь,, [Электронный ресурс]. URL: <http://tatsoft.biz/vocabulaty/translate>

В ходе исследования выявлен и собран ценнейший топонимический материал. На исследуемой территории зафиксировано более 170 микропонимов, в том числе названия деревень, речек и прудов, родников и колодцев, дорог и тропинок, лесов и посадок, лугов и полей, возвышенностей, оврагов, кладбищ, а также названия отдельно стоящих географических объектов.

Обычно деревни возникали по берегам рек, оврагов, т.к. гидрообъекты являлись ориентиром для человека. Из «Списка населенных мест по сведениям 1859 года Цивильского уезда Казанской губернии» (Санкт-Петербург, 1866), изданного Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел, узнаем, что Чубаево и Батево были расположены при безымных ключах [Зайцев: 1994, 249–250].

Деревня *Чупай* (Чубаево) является административным центром Чубаевского сельского поселения. В народной памяти сохранилась легенда, рассказывающая о происхождении этой деревни. В давние времена два брата *Чупай* и *Патми* пришли в эти места. *Чупай* (*Ченай* [Магницкий: 1905, 9241], *Чобай* [Магницкий: 1905, 9375], *Чубай* [Магницкий: 1905, 9489]) остался на исследуемой территории, основал деревню *Чупай* (Чубаево), *Патми* [Ашмарин: IX, 137] пошел на запад и в трех километрах основал *Патми* (Батево). Существовало и другое название села Батево – *Шайкав* [Ашмарин: XVII, 152].

Названия близлежащих населенных пунктов (**ойконимы**): *Аслэ Чак* – Большие Чаки [Ашмарин: XV, 127], *Кёçён Чак* – Малые Чаки [Ашмарин: XV, 127], *Сёнэ Мәнтәр* – Новое Шептахово [Ашмарин: VIII, 315], *Сентёр* – Челкасы [Ашмарин: XI, 309], *Вәрмар* – Урмары [Ашмарин: XIV, 223], *Сёнэ Кавал* – Новое Исаково [Ашмарин: XIII, 74], *Арапуç* – Арабоси [Ашмарин: I, 323].

До 70-х годов XIX в. в чувашских селениях улиц не было, дворы размещались отдельными кучками, группами, причем группу составляли дворы родственников. В настоящее время все улицы деревни Чубаево имеют названия.

Улица К. Маркса (*К. Маркс урамэ*) делит деревню на околотки *Султи кас* и *Аялти кас*, в обозначении которых используется компонент *кас(ә)*. *Султи кас* расположен на более высоком месте, сюда входят улицы выше старого магазина. В составе *Аялти кас* улицы, расположенные ниже старого магазина.

В обозначении названий улиц используется компонент *урам*. Центральная улица (*Аслэ урам*) проходит по всей деревне. Официальное название улицы – *улица Зарубина*. Она названа в честь Никиты Зарубина, отважного летчика, участника Великой Отечественной войны. Начало этой улицы сельчане называли *Майра урамэ*, здесь проживали русские.

На территории деревни расположены улицы Кирова, Гоголя, Пушкина, Ленина, Чапаева (второе название *Шайкав урамэ*), Гагарина, К. Маркса, Николаева, Октября, Мира, Пионерская, Советская... Одна из улиц названа именем воина-интернационалиста Александра Линга, погибшего в ходе боевых действий в Афганистане. Улица Кирова имеет неофициальное название – *Шәпчәк касси*. Народное название улицы Ленина – *Касарма урамэ* (улица, ведущая к казарме), или *Касарма касси*.

Одна из восточных улиц деревни названа именем участника Великой Отечественной войны Ефремова, она пересекается с улицей Зарубина. Юго-восточная часть деревни называется Турхан. Сюда входят улицы Гоголя, Линга, Пушкина, часть улицы Ефремова. Восточная часть улицы Ефремова имеет неофициальное название *Шаккуркасси*. Улица Советская односторонняя, она имеет несколько названий: *Хысалти кас*, *Хәрах айккән урам*. В связи со строительством асфальтированной дороги появилась новая улица – Школьная (*Шкул урамэ*), где расположены школа, клуб, детский сад, церковь и жилые дома.

Для обозначения переулков используется термин *хушиши (хушки)*. Они названы именами проживающих там жителей: *Пухха хушиши (хушки)*, *Куркка хушиши*.

В ходе изучения микропонимов деревни и ее окрестностей зафиксированы **дромонимы** – наименования путей сообщения. По структуре они в основном трех- или четырехсловные. Некоторые из них указывают на направление в сторону того или иного поселения, первый компонент их – ойконим, второй – термин *сул*. Например, *Арапуçне каякан сул*, *Сён Мәнтәра каякан сул*, *Сён Кавала каякан сул*, *Сентёре каякан сул*, *Паттине каякан асфальт сул*, *Вәрмара каякан асфальт сул* (т.е. дороги, ведущие в Арабоси, Новое Шептахово, Новое Исаково, Челкасы, Батево, Урмары).

Сохранилось место прохождения старой железной дороги (*Кивё чукун сул вырәнэ*), новая железная дорога (*Чукун сул*) проходит чуть севернее старой. Место расположения старого переезда сельчане называют *Кивё переезд вырәнэ*. На юго-восточной окраине деревни, недалеко от железной дороги, был открыт карьер (*Хәйәр шлекен вырәнэ*), откуда сельчане брали строительный песок. Сейчас карьер закрыт.

Дорогу, ведущую на кладбище, называют *Масар сине каякан сул*. На исследуемой территории также зафиксированы следующие названия дорог: *Ферма́на каякан сул* (дорога, ведущая на ферму), *Мехпарка каякан сул* (дорога, ведущая в мехпарк).

Леса, рощи, посадки расположены на южной и юго-западной окраинах деревни. Их названия – дромонимы – имеют ясную семантику. По воспоминаниям старожилов села, вокруг деревни Чубаево

бел / бил 'талия, поясница'. В топонимии: горная гряда, пологая возвышенность, склон, перевал, средний пояс гор, озер. В топонимии Казахстана *бел* часто встречается в качестве определительного компонента: Белколь, Беларык, Беласар, Белкопа и др.

мойын / мойун / моюн / буйын / бойун 'шея, горло'. Географические значения: коса, перешеек, горный перевал, узкая полоса воды, изгиб горы, отмель. В топонимах Мойынкум, Мойынтогай также выражено метафорическое значение данного географического термина.

Можно привести и другие примеры. Но, в целом, приведенный перечень устойчивых метафор в тюркской географической терминологии говорит о том, что почти все они применяются для обозначения типов и форм рельефа.

Основным символом картины мира у древних тюрков является дерево мира. Этот образ у современных тюрков отражен в различных оттенках, трансформирован под влиянием этносоциокультурной среды. Почти во всех мифопоэтических сказаниях существует образ дерева. Отголоски представления о центре мира как о мировом дереве прослеживаются в представлениях о родовом древе, в поклонении и запрете рубить одиноко стоящие деревья. Об этом в свое время писал Ч. Валиханов: «Дерево, одиноко растущее в степи, или уродливое растение с необыкновенно кривыми ветвями служит предметом поклонения и ночевки. Каждый, проезжая, навязывает на это дерево куски от платья, тряпки, бросает чашки, приносит в жертву животных или же навязывает гриву лошадей» [Валиханов: 1984, 209]. В дальнейшем названия этих объектов переходили в другие топонимические имена. Появление урочищ, разбродов, станций под названием *Жалгызагаиш* «одинокое дерево», *Аулиеагаиш* «святое дерево» объясняется с позиций культовых представлений народа.

Символом картины мира у казахов является также дерево байтерек. Название *Байтерек* для современного Казахстана символизирует его независимость, устремленность к миру и благополучию. Первоначально данным именем был назван культурно-исторический объект на левобережье города Астаны, затем оно перешло на название площади, на которой располагается данный объект. Использование символа древнетюркского мира в качестве формулы современной картины мира казахов является свидетельством непрерывности жизни, ее постоянного развития и совершенствования.

В свете изложенных тезисов можно констатировать, что топонимическая картина мира как часть общей языковой картины мира существует в сознании носителей языка в виде организованной системы и этим фактом мотивируется необходимость рассмотрения её ментального бытия.

Литература

- Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений: Т. 1. Алма-Ата, 1984. 431 с.
Кубрякова Е.С. Сознание человека и его связь с языком и языковой картиной мира // Филология и культура. Тамбов: ТГУ, 2003. С. 32–34.
Мурзаев Э.М. Тюркские географические названия. М: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. 254 с.
Суперанская А.В. Имя через века и страны. М: Наука, 1990. 192 с.

МИКРОТОПОНИМЫ ДЕРЕВНИ ЧУБАЕВО УРМАРСКОГО РАЙОНА

Л.А. Федотова

Средняя общеобразовательная школа № 60 г. Чебоксары

М.Н. Федотов

Министерство образования и молодежной политики Чувашской Республики, г. Чебоксары

Чубаевское сельское поселение расположено в центральной части Урмарского района Чувашской Республики, граничит с юга с Арабосинским, с запада – с Шоркистринским, с северо-запада – с Большечакинским, с востока – с Челкасинским сельскими поселениями. В состав Чубаевского сельского поселения входят деревня Чубаево *Чунай* [Ашмарин: XV, 245], село Батеево *Патти* [Ашмарин: IX, 137], разъезд Батеево. Чубаево расположено на Горьковской железной дороге в пяти километрах от районного центра Урмары.

Целью исследования является выявление, сбор, систематизация и классификация микротопонимов деревни Чубаево Урмарского района Чувашской Республики.

Актуальность исследования заключается в том, что топонимы деревни мало изучены, со временем названия малых географических объектов могут исчезнуть.

Основной топонимический материал собран в процессе исследований путем опроса информаторов – старожилков деревни. Нами изучен «Словарь чувашского языка» Н.И. Ашмарина, где зафиксированы названия некоторых малых географических объектов окрестностей деревни Чубаево. Также привлечен исторический, картографический, словарный, справочный материал, составлена микротопонимическая картотека.

3. Татарча-русча сузлек: 38000 чамасы суз. М.: Сов. Энциклопедия, 1966. 863 б.

4. Сабитова И.И. Компьютерная информационная база татарского словообразования // Проблемы лексикологии и лексикографии татарского языка. Казань: Фикер, 2003. Выпуск 6.

5. Ганиев Ф.А. О принципах составления тюркских словарей // Языки, духовная культура и история тюрков: Традиции и современность: 9-13 июня 1992, Казань // Труды международной конф. в 3т.. М.: ИИНСАН, 1992. Т. I. С. 110–112.

Секция 2

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ВЛИЯНИЯ ФАКТОРА РЕЛИГИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЭТНОПСИХОЛОГИИ ЧУВАШЕЙ

В.П. Иванов

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары

Более или менее объективный психологический портрет отдельного народа можно дать только с учетом типа общества, в котором он живет, его истории и языка, природно-географической среды обитания, религиозной ориентации. Проблематика этнической психологии и самосознания чувашей относится к числу почти неизученных. Между тем необходимость такого рода исследований назрела. Надо признать, дело изучения древних пластов культуры, особенно дохристианских эпох, еще не продвинулось, за редким исключением, дальше инвентаризации, классификации, типологизации. Сама логика уже накопленных наблюдений требует перехода к стадии осмысления роли, значения и места дохристианского пласта культуры и психологии в этническом развитии.

Дохристианская религия чувашей была явлением гораздо более сложным, чем обычно понимается под религией, и нельзя о ней судить как о чем-то фрагментарном, несистемном только по тому, что мы знаем о ней. В специфических условиях этнической истории чувашей дохристианская религия не столько обслуживала культовые потребности народа, сколько выступала в качестве единственной этноконсолидирующей идеологии. В условиях постоянной угрозы отатаривания и территориальной рассеянности вплоть до начала христианизации принадлежность к язычеству являлась, наряду с языком, главным маркером чуваша.

Кроме того, языческая религия являлась основой своеобразных философских, космогонических, этико-эстетических концепций, на ее базе формировалось и развивалось народное сознание и мышление.

Развитые культы предков, земли, судьбы и т.д. пронизывали всю философскую культуру чувашей дохристианской эпохи, и именно они и придали ей специфичность. По существу, народная (языческая) религия объективно являлась национальной идеологией, той идеологией, которая веками играла системообразующую роль в процессе формирования и укрепления самого этноса как единого целого.

При всей прогрессивности роли православия для письменной культуры чувашей, в последующем насильственная христианизация была своего рода катастрофой для их традиционной этнокультуры. Отлаженный механизм этносоциальной памяти был сломан, многовековой культурный генофонд народа, стержнем которого была языческая религия, объявлен невежеством и поставлен вне закона как проявление ереси и греха. Однако философия новой религии, проповедуемая по сей день на старорусском языке, осталась не воспринятой в достаточной мере сознанием и сердцем чувашей. Если православие воспринимается русскими как «наша, русская вера», а татары после тысячелетнего пребывания в исламе не представляют себя вне его, то применительно к чувашской нации, православие невозможно представить в таком же качестве, что, безусловно, объясняется, помимо всего прочего, и относительно поздним крещением чувашей (середина XVIII в.). До революции православие воспринималось ими как религия конторщиков, купцов, урядников, просто русских, то есть как очередная повинность, а в советское время коммунистический режим отвалил народ от церкви.

Православие обслуживало у чувашей только обрядовую сферу, оно не стало идеологической основой быта, мироощущения, мировосприятия, как у русских. Поэтому православие не повлияло значимо на тип художественного мышления чувашей (поэтов, художников, композиторов), в отличие от русских. Показательно, что на сегодня имеются только единичные случаи обращения чувашских деятелей искусства и литературы к христианско-библейским сюжетам, в то время как у русских это наблюдается, пожалуй, у каждого третьего художника, поэта, композитора.

У русских народ и церковь едины. Для чувашей православие не имеет национальной окраски, для них она есть религия, навязанная извне. У казанских татар ислам – национальная религия, она веками

освещает и духовно поддерживает стремление к суверенному существованию этноса. Мусульманское духовенство в Татарстане – это активные деятели национального движения. В Чувашии же православная церковь, наоборот, в занимает национальном вопросе индифферентную позицию, нередко демонстративно игнорируя национально окрашенные потребности и интересы верующих чувашей.

В условиях золотоордынского (XIII – нач. XV в.) и казанскоханского (сер. XV – сер. XVI в.) господства, а позже – царского строя, у чувашей не возникало даже мысли о государстве Чувашском. Отсюда – современная неразвитость политической мысли, судя по всему, в генах национальной элиты самой историей закодировано чувство вассальности, комплекс колониально-провинциального мышления.

В известном духовном завещании просветителя И.Я. Яковлева, конечно же, нашли емкое и четкое отражение уровень и характерные особенности мышления и национального самосознания чувашей его времени, то, что чуваша, мол, не могут быть самостоятельными, что не нужно им самим выбирать свою судьбу, надо идти за русским народом, а его ведет куда-то сам Бог. Примечательно, что эта философия жива в чувашах и сегодня, более того, реализовывается в той или иной форме даже на официальном уровне. Подобного рода философия есть не что иное, как философия иждивенчества.

Национальное самосознание современных чувашей характеризуется дуализмом. Выражается он в отсутствии устойчивого чувства полного единства со своим этносом, слитности с ним. Исторически это обусловлено сложным субстратным характером этногенеза чувашей. С конца XVIII в. существенным культурно-психологическим фактором формирования дуалистического самосознания чувашей была насильственная христианизация, когда на культуру, традиции и взгляды народа, основанные на языке, в той или иной мере начали насаживаться православные и русские национально-культурные традиции и нормы поведения. Частые проявления национально-языкового нигилизма и немотивированного обрусения, характерные для этнической психологии большинства чувашей, особенно живущих в районах интенсивного контактирования с русским населением, как раз и объясняются субстративностью, дуализмом этнического самосознания и бытовой культуры чувашей.

Таким образом, национальное самосознание чувашей – явление настолько же иерархически сложное, насколько неоднозначным было положение чувашского народа в изменчивой обстановке соответствующих периодов истории. Именно историческая обусловленность в немалой степени предопределила формирование специфических черт национальной культуры и психологии чувашей.

Собственно говоря, никогда и не было у чувашского народа альтернативных путей социально-культурного, политического развития. Но и то верно, что самостоятельным путем пошли их предки: часть булгаро-суварских племен в X в. отказалась принять ислам, и таким образом, по существу, была заложена основа для формирования чувашей как цельной этнической общности со своим психологическим типом. Однако в последующем – в эпоху Золотой Орды и Казанского ханства (XIII–XVI вв.) – поступательные этноконсолидационные процессы были заморожены и подавлены, а вынужденные миграционные выбросы ослабляли внутреннюю энергию этноса, не давали ему уверенно укореняться и обулаиваться на своей территории обитания, строить свои города. Чуваша в буквальном смысле оказались между двумя противоборствующими военно-политическими центрами – Москвой и Казанью, когда стояла только одна проблема – как выжить, не быть вовлеченными в противостояние двух миров и идеологий, выждать, чья возьмет, и тогда будет видно, как поступить. Таким образом, именно это многовековое промежуточное геополитическое положение чувашей и сказалось на формировании особенности их этнического самосознания – общественной пассивности, т.е. привычки не высовываться, а ждать.

Следует согласиться с достаточно распространенным в чувашеведческой науке мнением, что если бы предки чувашей в свое время (в X в., а в последующем в золотоордынское и казанскоханское время) приняли ислам, то чувашей как этноса не было бы и вовсе. И если чуваша не были бы обращены в православие, то они, не будучи в состоянии в новых условиях сохранить народную (языческую) религию, в основной своей массе были бы отатарены и сегодня мы имели бы только небольшую этническую группу-меньшинство реликтового характера, типа вепсов или лопарей.

И еще. В отличие от соседних тюркских, финно-угорских народов и русских, чувашскому этносу всегда недоставало сознания принадлежности к определенной культурно-языковой общности, в данном случае – тюркской. За исключением тончайшей образованной прослойки, народ не осознавал и до сих пор не осознает своей принадлежности к тюркскому единству, не знает об общности происхождения с тюркскими этносами и близости к ним. А между тем данное явление играет роль сильнейшего этнопсихологического фактора. Нынешнее поколение этноса начало это понимать. Данный фактор имел и будет иметь важное значение в формировании национальной исторической концепции (исторической мифологии), этнического самосознания и языкового сознания чувашей.

По сравнению с рядом народов региона, у чувашей не было факторов в виде крупных исторических событий для роста национального самосознания. Оно особенно крепнет во время войн

представляют топонимы. Исследование топонимического материала в ментальной парадигме актуально в плане того, какое содержание реально воспринимается членами данного языкового сообщества.

Создание топонимов, их использование при передаче пространственной информации, их восприятие, понимание и интерпретация связаны с человеком. Каждая языковая личность закрепляет в языке свое видение мира, из чего формируется национальное мировоззрение. Номинация осуществляется не произвольно, а в соответствии с определенными стереотипами, вырабатываемыми в процессе восприятия, семантизации и интерпретации имени, и может быть обусловлена рядом признаков, определяющих реалии окружающего мира, условия жизни, особенности мироощущения и этнической психологии.

В формировании топонимической картины мира как системы миропредставлений существуют два основных подхода: по их физическим свойствам и по их роли в жизни человека. Соответственно, в их названиях отражается либо специфика самого объекта, либо человек и его деятельность [Суперанская: 1990, 114]. Исследование тюркской топонимии показывает, что структура топонимического знания включает такие базовые концептуальные области: человек, пространство, место, вода, природа, ландшафт, верования, флора, фауна и др.

Языковая картина мира тюрков представляет собой особое явление. В тюркской модели мира человек и природа находятся в глубокой взаимосвязи. В тюркском сознании бытие постоянно сопоставлялось с природой, с ее циклами, ритмами, состоянием к миру, что достаточно ярко сохранилось в языке. Особенность уклада жизни, особое философское отношение к природе определили наличие в языке довольно большого количества устойчивых образных выражений с компонентом мира природы.

В структуре тюркских топонимов один из древнейших базовых концептов картины мира – «вода» – репрезентируется содержанием концептуально значимых представлений, отражающих знание о самих водных объектах. Универсализм осмысления водной стихии связан, прежде всего, с самой природой этого объекта. Он пронизывает любые эпохи, любые понятийные человеческие структуры: культурные, социальные, личностные. Эти представления обусловлены различными знаниями о денотативных признаках объекта и составляют основу соответствующих топонимов.

Выделяют различные характеристики концепта *вода*: *качество, цвет, особенности русла, характер течения, характер берегов и дна, ориентир местности* и др. В топонимии (гидронимии) Казахстана вышеназванные характеристики воды можно наблюдать в следующих названиях:

качество: о. Сасыкколь – название озера, восходящее к словам *сасык* «вонючее, зловонное» + *коль* «озеро»; о. Маржанколь – маржан «жемчуг» + *коль* «озеро»; Батпакколь – батпак «грязь» + *коль* «озеро» и др.;

вкус: гидроним Туздысу – название речки, в которой вода на вкус соленая и восходит к слову *туз/тоз* «соль» + аф. *ды* + *су* «вода, речка/река»; Ащыбулак – *ащы* «соленый, горький» + *булак* «ручей, родник»; Тушыколь – *тушы* «пресный» + *коль* «озеро»;

температура: гидроним Суыксу (*суык* «холодная, студеная» + *су* «речка»); о. Ыстык – букв. «горячее»;

цвет: гидроним Баранколь – название озера восходит к тюркскому слову *баран* «темный» + *коль* «озеро»; озеро Жасылколь – *жасыл* «зеленый» + *коль* «озеро» – озеро с голубовато-зеленой водой;

особенности русла: р. Жайык – название отражает характер течения реки: *жайылу* – «простирается, расстилается, разливаясь»; река Баканас – *бакан/баган* «кольцо, кольцеобразный» + *ас* «река; вода» – в значении «извилистая река»;

характер течения: название канала Саркырама восходит к глаголу *саркырау* – «грохотать, производить шум, течь с шумом». Название канал получил по быстрому и шумному течению; о. Иирколь – «извилистое озеро»;

ориентир местности (растительность): гидроним Камыстыколь – «озеро, заросшее камышом» (*камыс* «камыш» + аф. *ты* + *коль* «озеро»); озеро Жаланашколь – *жаланаши* «голый» + *коль* «озеро» (озеро, на берегах которого ничего не растет) и др.

В тюркской мифологии человек и его жизнь есть микрокосм, который в конечном мире копирует основные формулы мироздания в собственных формах и масштабах. Лексика многих тюркских языков включает слова, обозначающие части тела человека и животных, которые в качестве метафор перенесены на те или иные географические объекты. Одни из них общие для человека и животных (голова, нога, ухо, горло и т.д.), другие употребляются только для обозначения частей тела животных (грива, хвост, копыто, крыло и т.д.). В топонимии все они выполняют функции географических апеллятивов [Мурзаев: 1996, 57].

арка / арга 'спина, спинной хребет'. В тюркской топонимии так называют удлиненные возвышенности, холмы, горные хребты, задние или северные склоны гор. Казахские топонимы Арка, Сарыарка, Аркалык являются названиями части территории, широкой долины, города в Центральном Казахстане.

бас / баи / нас / наи 'голова'. Слово широко распространено для обозначения горных вершин, верховьев и истоков рек, скал, утесов в значении 'начало'. В топонимах Басарал, Басбулак, Баскамау апеллятив *бас* выступает в значении 'главный, верхний'.

6. **Дримонисем** (вәрман-ката ячәсем). **Вәрман ячәсем:** *вәрман* 'лес', 'лесной' [ЧВС: 1985, 70]. *Вётлӓх*. Печёк улахран сӱлерех ырнашнӓ печёк вәрман; *Хурӓнлӓх*. Шоссе хӓррипе ырнашнӓ хурӓн вәрманӓ.

7. **Некронисем** (масар, сӓва ячәсем). 1) **Масар ячәсем:** *масар* 'кладбище' [ЧВС: 1985, 229]. *Вылӓх масарӓ*. Чирлесе винӓ выльӓхсене пытармалли ыраӓн. 2) Сӓва ячәсем: *сӓва* 'кладбище', 'погост' [ЧВС: 1985, 400]. *Чулкас сӓви*. Ял ячӓпе панӓ сӓва. Сак сӓвана *Чулкас* ялӓнчи сӓнсене кӓна пытаращӓ.

Наука тӓлӓшӓнчен сакӓн пек сӓнӓлӓхсем патне пырса тухрӓмӓр.

Пӓхса тухнӓ микропонимсене, вӓсен структуре кура, пӓтӓмӓшле сакӓн пек ушкӓнсем сине пайлама пулат: пӓр компонентран тӓраканнисем: *Шанхай, Хурӓнлӓх*; икӓ компонентран: *Сӓмӓрт сырми, Сурӓм шывӓ, Пасар сӱлӓ*; вищӓ компонентран: *Таркӓн салтак варӓ, Хӓрлӓ сыр тӓвайкки*; тӓватӓ компонентран: *Алӓк умӓнчи кирмет сырми, Вил Сурӓм шыв кукри*.

Пулавӓ тӓрӓх микропонимсеме тата хӓйне май ушкӓнсем тӓващӓ: 1) сын ятӓнчен пулисем: *Хитре Микулӓй пралукӓ, Эрми пӓви*; 2) географи объектне кура панисем: а) асӓта ырнашнине кура панисем: *Малти урам, Хысалти урам, Варринчи урам*; б) ял ячӓпе сыхӓнтарнисем: *Анаткас сӱлӓ, Юнтапа сӱлӓ, Чулкас касси*; 3) усӓ курнӓ ыраӓнпа сыхӓнтарса: *Сӓмӓрт сырми, Торф сырми*; 4) объект мӓнле событисемпе сыхӓннине кура: *Таркӓн салтак варӓ*; 5) пысӓкӓшне кура панисем: *Пӓчӓк улӓх*; 6) пӓлтерӓшӓ паллӓ мар: *Артӓк пырӓ, Пурмар шывӓ*; 7) яр усӓмлӓ пӓлтерӓшлисем: *Сӓмӓрт сырми, Хӓрлӓ сыр, Кутер пралукӓ*; 8) йӓла-йӓркене сыхӓннисем: *Алӓк умӓнчи кирмет сырми, Аслӓ кирмет*.

Нӓсӓл тытамӓ сӓнчен тишкерсен Чулкас тӓрӓхӓнчи топонимсеме сак чӓлхӓсенчен кӓни паллӓ пулчӓ: 1) иран-индоиран чӓлхӓсенчен: *Сурӓм / Сорма* шыв ячӓ < -сур / -сӓр / -сӓр 'течь', 'струиться' пӓлтерӓшлӓ сӓмахсенчен пулнӓ + -рма / -ма 'шыв е сырма' = 'юхакан шыв' тенине пӓлтерет;

2) финн-угор чӓлхӓсенчен: *Пищӓнер касси*, касӓ ячӓ;

3) пӓлхар-чӓваш чӓлхӓсенчен: *Пӓчӓк улӓх*, улӓх ячӓ; *Сич хурама сырми*, сырма ячӓ; *Сӓмӓрт сырми*, сырма ячӓ;

4) ыраӓс чӓлхӓнчен: *Вал сырми*, сырма ячӓ.

Литература

1. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чӓваш сӓмахӓсен кӓнеки. Вып. 1–17. Казань; Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928–1950.
2. Большая советская энциклопедия. М., 1978. Т. LXVII.
3. *Егоров ЭСЧЯ – Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
4. *Магницкий В.К.* Чувашские языческие имена. Казань, 1905.
5. *Подольская И.В.* Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978.
6. *Сергеев Л.П.* Ономастика. Антропонимика. Топонимика // Чӓваш сӓмахӓ. Шупашкар, 1994. С. 48–119.
7. *Сосаева А.А.* Анкета по собиранию чувашской топонимии. Чебоксары, 1995.
8. *Сосаева А.А.* О чувашских названий улиц // Чӓваш чӓлхӓпе литератури: теори тата методика: Сб. ст. Чебоксары: ЧГИГН, 1999. С. 117–122.
9. *Сосаева А.А.* Структурные типы топонимических названий в чувашском языке (На материале ойконимов) // Материалы по чувашской диалектологии. Чебоксары, 1997. Вып. 5. С. 121–145.
10. *Сосаева А.А.* Хронологические пласты топонимии Чувашии // Материалы по чувашской диалектологии: Сб. ст. Чебоксары: ЧГИГН, 1997. Вып. 5. С. 146–157.
11. ЧВС – Чӓвашла-ыраӓсла словарь. М., 1985.

ТЮРКСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА (на материале топонимов Казахстана)

Н.А. Прманова

Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан, г. Астана

Одной из важнейших задач современной лингвистической науки является реконструкция языковой картины мира. Актуальность обращения к проблеме формирования картины мира, ее интерпретации и репрезентации в языке связана с тем, что понять природу языка и объяснить его можно лишь исходя из понимания человека и его мира.

Языковая картина мира представляет собой исторически сложившуюся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженную в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности. Язык «отражает опыт человека по взаимодействию со средой, и именно такой объективированный в языке опыт в своей совокупной целостности образует языковую картину мира» [Кубрякова: 2003, 34].

Одним из активных элементов, определяющих систему знаний о мире и участвующих в формировании мировоззрения человека, являются имена собственные, или онимы. В свою очередь, среди групп имен собственных наиболее раннюю форму отражения окружающей действительности в сознании человека

и благодаря этому имеет долгую инерцию. Собственно, у чувашского народа никогда и не было альтернативных путей исторического развития. По большому счету, во всей обозримой полутысячелетней истории чувашами лишь не более трех раз были предприняты попытки участвовать (именно участвовать, а не решать самостоятельно) в определении меры суверенности своего существования в составе России: в первый раз это было в ходе подготовки военно-политических условий для завоевания Казани (первая половина XVI в.), во второй – после октябрьского переворота 1917 г., в третий – в период распада СССР в начале 1990-х годов.

Таким образом, этническая психология чувашей специфична в той степени, в какой своеобразны были социально-исторические условия их формирования в особую этническую общность. А они были исключительно сложные и в целом неблагоприятные. Чувашский народ формировался в условиях сильнейшего воздействия и неослабного давления двух культур – славянского православного мира и тюрко-восточного, мусульманского мира. Этот процесс протекал при полном отсутствии опосредованных через соционормативные институты связей с родственными этнокультурами (как, например, татары имели связи со Средней Азией через ислам, русские – с Европой через христианство и т.д.). Этим и объясняется неравномерный характер развития отдельных сегментов этнокультуры, задержка в развитии некоторых из них на определенном этапе, консервация других.

ЕЩЕ РАЗ О «ЯСАЧНЫХ ЧУВАШАХ» КАЗАНСКОГО «ЦАРСТВА» ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI – XVII ВВ.

Д.М. Исхаков

Институт истории им. Марджани Академии наук Республики Татарстан, г. Казань

Как известно, вопрос о так называемых «ясачных чувашах» образованного в левобережной части Казанского ханства после его ликвидации одноименного уезда, еще довольно долго именовавшегося в документах и «Казанским царством», остается дискуссионным [1]. Среди исследователей Чувашской Республики преобладает мнение о том, что этнически они были чувашами [2].

Между тем, нами уже приводились аргументы в пользу иной трактовки проблемы этнической принадлежности представителей этой группы тюркского населения, расселявшейся в середине XVI в. в центральной зоне Казанского ханства [3]. Повторим их вкратце:

1. Они в XVI–XVII вв. исповедовали ислам;
2. С некоторой долей осторожности можно заключить, что в Казанском крае в изучаемое время они были татароязычными;
3. Эти «ясачные чувашаши» в XVI–XVII вв. были локализованы на основной этнической территории казанских татар, будучи гораздо более многочисленными, чем представители служило-татарского сословия.
4. Они являлись структурной частью казанско-татарской этнической общности, складывавшейся из двух этнословных страт – верхней, феодальной, собственно «татарской» и нижней, «черной» или «ясачной», т.е. крестьянской массы, именовавшейся в документах русского происхождения около полутора столетий (1510–1670 гг.) «ясачными чувашами», а затем – «ясачными татарами».

Для прихода к определенному заключению было бы достаточно и отмеченных выше общих выводов. Но все дело в том, что проблема выяснения реальной этнической принадлежности «ясачных чувашей» Казанского края до середины XVII в. является всего лишь частью гораздо более сложного вопроса об особенностях этнической ситуации в Волго-Уральском регионе XVI–XVII вв. Совершенно не случайно, что зыбкость этнических границ (неясность их прохождения у «черемисо-чувашской», «чувашско-татарской», «бесермянско-удмуртско-татарской», «иштыяско-татарско-башкирской» и т.д. общностей) у народов названного региона породила целый ряд дискуссий между национальными исследователями. В результате уже успели сформироваться характерные для национальных историографий позиции, зачастую содержащие внешнеисточниковые, мифологизированные представления. Исключением не являются и работы гуманитариев из Чувашской Республики, не анализирующих с должной глубиной и тщательностью аргументы, высказанные их коллегами из Татарстана.

Между тем, в основе характерного для источников XVI–XVII вв. «перекрывания» привычных этнических границ целого ряда народов Волго-Уральского региона друг другом, скорее всего, лежат особенности этнокультурной ситуации того времени, методология описания которой еще не создана. Вместо этого национальные историки (включая и этнологов) на эту малопонятную для них реальность накладывают поздние, в основном национального периода, этнические матрицы, к тому же сильно мифологизированные.

По всей видимости, выход за пределы характерных для нашего времени узконациональных трактовок истории народов Волго-Уральского региона XVI–XVII вв. возможен только при подготовке общей их истории в масштабах всего ареала на новой методологической основе. Такой опыт в свое время в этногенетическом аспекте был предложен Р.Г. Кузеевым [4]. Но его исследование изначально содержало достаточно много как концептуальных, так и конкретных недостатков, связанных с тем, что все-таки оно выросло на базе исследований в основном по башкирам.

Для предлагаемого же нами исследования нужны совершенно иные методологические основания, какие, скажем, были использованы при написании коллективного фундаментального труда по истории Европы, когда по всем спорным и трудным моментам истории народов этого огромного региона национальными исследователями были найдены некоторые консенсусные подходы.

Естественно, первым шагом в данном направлении была бы серия узких симпозиумов, посвященных изучению самых спорных моментов, имеющих в трактовке региональной истории. Одним из них, вне всякого сомнения, является обсуждение проблемы «ясачных чувашей» Казанского края XVI–XVII вв. с участием историков и этнологов Чувашской, Удмуртской Республик и Татарстана.

Литература

[1] *Исхаков Д.М.* Об этнической ситуации в Среднем Поволжье в XVI–XVII вв. (Критический обзор гипотез о «ясачных чувашах» Казанского края) // Сов. этнография. 1988. № 5. С. 140–146.

[2] *Дмитриев В.Д.* Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа. Чебоксары, 2004. С. 100; *Иванов В.П.* Этническая география чувашского народа. Историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары, 2005. С. 105–126 и др.

[3] *Исхаков Д.М.* От средневековых татар к татарам Нового времени (Этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Научное издание. Казань, 1998. С. 80–102.

[4] *Кузеев Р.Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992.

К ПРОБЛЕМЕ ЭТНИЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ СКИФОВ

З.Г. Гасанов

Институт истории Национальной АН Азербайджана, г. Баку

Вопрос этнического происхождения скифов, являющийся одним из наиболее важных вопросов древней истории, продолжает оставаться дискуссионным в современной науке. Первые исследователи данной проблемы относили скифов к тюрко-монгольским народам. Лишь позднее инициативу перехватили исследователи-иранисты, которые сформировавшие в науке традицию, в соответствии с которой сегодня значительная часть специалистов относит скифов к иранским народам.

В то же самое время, как бы странно это ни звучало, большинство историков, археологов и антропологов, с работами которых мы знакомы, не пытаются приводить аргументы о том, на каком основании скифы признаются ими ираноязычными. В данной работе мы ставим задачу критически проанализировать доводы авторов, настаивающих на иранском происхождении скифов.

1. К вопросу о многоязычии скифского общества. В скифологии установилась традиция относить всех скифов к ираноязычным народам. Версия о тотальном ираноязычии всех скифских племен настолько укоренилась, что даже вошла в престижные энциклопедии (Scythian, Britannica).

В «Истории» Геродота приводится информация о наличии семи различных языков в Скифии [Herodotus: 1921, IV, 24]. Геродот не называет, что это были за языки. Исключение составляет лишь сообщение о том, что часть скифов говорила на эллинском языке [Herodotus: 1921, IV, 17, 108].

Первые из исследователей скифской проблемы – Ф.Г. Мищенко и В.С. Миллер – также пришли к выводу об этническом различии скифских племен. Мищенко разделял скифов на две этнические группы: 1) арийцы (каллипиды, алазоны, земледельцы и пахары), 2) урало-алтайцы (скифы-кочевники, царские скифы). Миллер же разделял их на три различных этноса: 1) царские скифы и кочевники, 2) восточные скифы, 3) западные скифы-земледельцы. Как сообщает В.С. Миллер, в то время как он и Ф.Г. Мищенко признают полиэтничность скифского общества, остальные специалисты видят в скифах либо исключительно иранцев, либо исключительно урало-алтайцев [Мищенко: 1884, 55–76; Миллер: 1887, 135]. Э.Г. Миннс также считал, что скифское общество было полиэтничным, и относил царских скифов к тюрко-монгольским народам [Minns: 1971, 10]. Данные археологии подтверждают информацию письменных источников о наличии различных этносов в Скифской империи. Так, Т. Сулимирский, основываясь на археологических материалах, делает особый акцент на то, что скифы не являлись единым народом. С его точки зрения, под названием «скифы» следует понимать разнообразные кочевые племена

Ферма пёви. Ку пёве ферма сывахёнче вырнасна; **3) Сал ячәсем:** *сәл* ‘колодец’ [ЧВС: 1985, 401]; *сәл* ‘кпоч, родник’. Сәл тухать, пробивается родник (в реке) [Ашмарин: XIV, 17]. Пурё пилёк сәл ятне тупса сырса илтёмёр. *Киремет сырминчи сәл.* *Киремет тавайкки патәнчен анатрах вырнасна сәл.* Н.И. Ашмарин словарёче [Ашмарин: VI, 239] те *Киремет сәл* тени асанна. *Тул картари сәл.* Сырма хёрринерех вырнасна сәл; Сын ячәпе панә сәлсем: *Всөк сәл*, *Митяр сәл*, *Хитре Микулай сәл*; **4) Сал куәсен ячәсем:** *сәл куә* ‘кпоч, родник, источник’ [ЧВС: 1985, 402]; *сәл куә* ‘родник’, ‘источник’ [Ашмарин: XIV, 18]. Ял таврашёнче виçе сәл куә ятне тупса паләртгәрмәр. *Киремет сырминчи сәл куә.* Асанна сәл куә Киремет сырминче вырнасна. *Клуб хыçёнчи сәл куә; Пурмар сырминчи сәл куә;* **5) Сырма ячәсем:** *сырма* ‘овраг’, ‘речка, небольшая река’ [ЧВС: 1985, 433–434]; *сырма* ‘река’, ‘речка’ [Ашмарин: XVII, 121]. Хамәр тәрәхра сәк сырма ячәсене тупса паләртгәрмәр. *Аләк умёнчи киремет сырми.* Ял сывахёнчи сырми; *Аслә киремет сырми.* Семьери сынсенчен кам та пулин йывәр чирлессен Аслә киремете чүклене; *Вал сырми.* Н.И. Ашмарин словарёче *вал* сәмаха сәпла әнлантарна: *вал* – доля, часть [Ашмарин: V, 164]. *Завод сырми.* Анаткас кирпеч завочә сывахёнчи сырми; *Киремет сырми.* Киремет сырми – ёлөк унта чәвапсем чүк туня. Ун пывёпе халә пыва кәмәсчә [Ашмарин: VI, 239]; *Палек сырми.* Палек ятлә сын ячәпе панә сырми; *Пурмар сырми.* Ку сырми Юнтапана Чулкас ялө хушшине вырнасна; *Сёмёрт сырми.* Ку сырмара ёлөк сёмёрт йывәсчи чылай үснә; *Сич хурама сырми.* Хальхи вәхәтра вәл сырмара хурамасем үсмәсчә, анчах та ячә упранса юлнә; *Таркән салтак варё.* Салтак пытанса пурәннә вара паянхи кун та ял сыннисем *Таркән салтак варё* тәсчә; *Торф сырми.* Ку сырми хай вәхәтёнче торф кәларна; *Тукас сырми.* Сырма *Печёк уләхра* вырнасна; *Хәлат сырми.* Ку сырмара хәлат кайәк йышлә пулнәран сәпла каланә; *Хёрлө сыр.* Н.И. Ашмарин словарёче *Хёрлө сыр* тени сырәнса юлнә [Ашмарин: XVII, 51]; *Шор сырми.* Шор сырми, название речки [Ашмарин: XVII, 238]; **6) Шурләх ячәсем:** *шурләх* ‘болото, топь, топкое место’ [ЧВС: 1985, 623]. *Вил Сурәм шурләх.* Вил Сурәм патәнчи шурләх; *Малти уләхри шурләх.* Малти уләха вырнасна шурләх; **7) Шыв ячәсем:** шыв ‘вода’, ‘река’ [ЧВС: 1985, 625]. *Сурәм шывё (река Сорма).* Сурәм шыв пусламәшә – хальхи Муркаш район территорияёнче. Н.И. Ашмарин словарёче *Сурәм шывё* тени сырәнса юлнә. Сурәм шывё, -пу, назв. речки Сормы, впадающей в р. Бол. Цивиль [Ашмарин: XII, 196]. *Сурәм < -сур / -сәр / -сёр* – ‘течь’, ‘струиться’ пелтерешлө сәмахсенчен пулнә + *-рма / -ма* ‘шыв е сырми’ = ‘юхакан шыв’ тенине пелтерет [Сосаева: 1997, 150]; *Вил Сурәм шывё < Сурәм юхан шывён малтанхи вырәннә; Пурмар шывё < Пормар,* назв. речки, приток р. Сормы [Ашмарин: X, 307]; **8) Шыв кукри ячәсем:** *кокәр кукәр(ё)* ‘кривизна, поворот, изгиб’ [ЧВС: 1985, 190]. Вил *Сурәм шыв кукри.* Малтанхи вырәнги шыв сулө типнә, вәл *Вил Сурәм шыв кукри* ятпа сыхланса юлнә; *Вил арман кукри.* Ёлөк кукәрта шыв арманә пулнә.

3. Оронимсем (сәрт-туллә вырән ячәсем). **Тавайкки ячәсем:** *тавайкки* ‘склон горы’, ‘косогор’ [ЧВС: 1985, 450]; *тавайкки* ‘склон горы’ [Ашмарин: XIV, 234]. Пурё виçе тавайкки ятне тупса паләртгәрмәр. *Завод тавайкки (Сурәм тавайкки).* Кирпеч завочә патнелле хәпармалли тавайкки; *Тарас киремет тавайкки.* Чүк йәли-йёркине *Киремет сырминче* Тарас ятлә сын йёркелесе пинә. Сәк сырмаран хәпармалли тавайкки ун ячәпе сыхланса юлнә; *Хёрлө сыр тавайкки.* *Хёрлө сыр сырми* патәнчи тавайкки.

4. Дромонимсем (сул-йёр ячәсем). **1) Каçа ячәсем:** *каçа* ‘перекладина через речку’ [Ашмарин: VI, 137]. *Чулкас каçси.* Чулкас ялне каçмалли каçа; *Пиçнер каçси.* Пиçнер ялне каçмалли каçа. *Пиçнер,* назв. дер. [Ашмарин: X, 235]; **2) Кёпер ячәсем:** *кёпер* ‘мост’ [ЧВС: 1985, 169]. *Пурмар кёперё.* Чулкасран *Юнтапана Пурмар шывё* урлә каçмалли кёпер; *Хәлат кёперё.* *Хәлат сырми* урлә каçмалли кёпер; **3) Сул ячәсем:** *сул* ‘дорога’, ‘путь’, ‘трасса’ [ЧВС: 1985, 422]. *Анаткас сулё.* Анаткас ялне тёррен каймалли утма сул; *Пасар сулё.* Вырәс Сурәм салине (Ытлари пасарне) сүремелли сул. *Уй сулё.* Уя тухмалли сул. *Хыçалти урам сулё, Таваш сулё, Шәнакасси сулё, Ягунька сулё* – кусем пурте асанна ял ешелле каймалли сулсем; **4) Шоссе сулёмем:** *Анаткас сулё.* Анаткас ялне каймалли сул; *Юнтапа сулё.* Юнтапа салине каякан асфальт сул.

5. Агроонимсем (уй-хир ячәсем). **1) Уләх ячәсем:** *уләх/оләх* ‘луга по берегам рек’ [Ашмарин: III, 214]. Уләхсене ят панә чухне ку е вәл уләх астарых вырнашине, каләпәшине пула илнә пулас. *Сурәм леш енчи уләх.* Сурәм юхан шывён сулахай енче вырнасна уләх; *Малти уләх.* Малти урамран тухсан вырнасна уләх; *Печёк уләх.* Ку уләх каләпәшине пысәках мар. Ахальтен мар Печёк уләх тесе ят панә; **2) Уй ячәсем:** *уй* ‘поле’ [ЧВС: 1985, 508]. *Шәнакасси ялө* ешелли уйсене *Ласлә уй тенё.* Хай вәхәтёнче унта ял пулнә; *Хәлат уй.* Н.И. Ашмарин хай словарёче сәк сәмаха асанса хәварна. Хәлат, чепәсем тытакан кайәк. Ас тавәр-ха хәлата, чәх чепшине сётёрет [Ашмарин: XVI, 316]; *Хәртнә уй.* Чулкасра Якункасси ялөсем хушшине вырнасна уя *Хәртнә уй* тәсчә.

ЧӰВАШ РЕСПУБЛИКИНЧИ ЭЛӢК РАЙОННЕ КӢРЕКЕН ЧУЛКАС ТӰРӰХӢНЧИ ГЕОГРАФИ ОБЪЕКЧӢСЕН ПӢЛТЕРӢШӢ

Е.Н. Леонтьева

Шупашкар хулинчи пӢтӢмӢшле пӢлӢ паракан 44-мӢш вӢтам шукул, Шупашкар хули

З.И. Леонтьева

ЭлӢк районӢнчи Юнтапари пӢтӢмӢшле пӢлӢ паракан вӢтам шукул

СӢр синче географи объектӢ нумай, вӢсен пуринте тенӢ пекех ячӢ пур. Сав ятсене наукара топоним [Подольская: 1978, 122] теҫҫӢ. Топонимика термин грек сӢмахӢсенчен йӢркеленнӢ: *топос* ‘место’ + *онима* ‘ят’ хушӢнса ‘топоним’ сӢмах суралнӢ. ЧӰвашла вӢл ‘вырӢн, тавралӢх ячӢ’ тенине пӢлтерет. Топоним термин анлӢ пӢлтерӢшлӢ. Микротопонимсене вара вырӢнти халӢх сӧҫ пӢлет, ытисемшӢн вӢл паллӢ мар. Микротопонимсен шутне урамсемпе тӢкарлӢксен, кассен, варсемпе васансен, сӢлсемпе сукмаксен, сӢлсен, усланкӢсен т. ыт. вак географи ячӢсем кӢреҫҫӢ.

Ял таврашӢнчи вак географи объектӢсен ячӢсене пухса вӢсен тытӢмне тупса палӢртасси паянхи кунхи сивӢч ытгусенчен пӢри шутланать, мӢншӢн тесен вырӢнти географи объектӢсен ячӢсем е пачах сӢхаласӧҫӢ, е манӢса тухса пӢтсе пырасӧҫӢ. Сак ӢмӢрген пыракан пайӢр ятсене упраса хӢварасси пирӢн тивӢс тесе шутлатпӢр, вӢсем халӢх историне, культурина тӢпченӢ чухне пысӢк пулӢшу пама пултарасӧҫӢ. Сакна тӢпчени ку е вӢл сӢмах пӢлтерӢшне хамӢр тата ытти юнашар пурӢнакан халӢхсен чӢлхе системинче аталанса пынине шута илме, танлаштарма кирлӢ. ПирӢн материалпа тӢрлӢ энциклопеди справочникӢсем, вӢренӢ пособийӢсем тунӢ чухне усӢ курма май пур.

Чулкас тӢрӢхӢнчи топонимсене тишкерсе тухар. Чи малтанах ял ятӢнчен пуслар. *Чулкас*, вырӢсла ячӢ *Челкасы* - СурӢм шывӢ хӢррине вырнаҫнӢ пысӢках мар чӰваш ялӢ. Чулкас ялӢ Юнтапаран уйрӢлса тухнӢ, савӢнна Ӣна **Чулкас Юнтапа** тесе те каласӧҫӢ.

Н.И. Ашмарин *Чулкас* сӢмаха палӢртса хӢварать. *Чул каҫ*, название деревни Челкасы (Калининского района), йухӢм шыв айӢнче вӢт чулсем выртнӢ сӢре *чул каҫ* теҫҫӢ [Ашмарин: XV, 222].

Чулкас ойконим *чул* «камень» тата *каҫ(ӓ)* «перекладина, мостки», «переправа» сӢмахсем пӢрлешнине пулса кайнӢ [Сосаева: 1997, 141].

Эпир географи объектӢсен тӢсене кура ЧӰваш Республикинчи ЭлӢк районне кӢрекен Чулкас таврашӢнче тӢхӢр вунна яхӢн микротопоним тупса палӢртрӢмӢр. ЧӢлхе наукинче вӢсене сакӢн пек ушкӢнлатпӢр:

1. Урам ячӢсем. ЧӢлхе пӢлӢвӢнче эпир вӢсене **одонимсем** тетпӢр. Урам ячӢсем хӢйсем тӢрлӢ вакрах ушкӢнсем сине пайланасӧҫӢ. **1) Урам ячӢсем.** *Урам* сӢмаха чӰвашла-вырӢсла тата Н.И. Ашмарин словарӢсемпе усӢ курса ӢнлантаратпӢр: *орам / урам* ‘улица’ [ЧВС: 1985, 515]; *урам* ‘улица’ [Ашмарин: III, 268]. Ялта пурӢ пилӢк урам. Урам ячӢсене ят панӢ чухне ку е вӢл урам аҫта вырнаҫнине шута илнине курӢнать. *Малти урам* тесе ялӢн мал енче вырнаҫнӢ урама каласӧҫӢ [Сосаева: 1999, 119]; *Хыҫалти урам*. ЯлӢн хыҫал енне вырнаҫнӢ урам шутланать; *Варринчи урам*. ВӢл *Хыҫалти урампа Малти урам* хушшине вырнаҫнӢ; *Тул карта урамӢ*. ЁлӢк ялтан тулалпа тухса карта тытнӢ пулнӢ. СавӢнна халӢ Ӣна *Тул карта* теҫҫӢ. Аякран килнӢ сӢнсем сӢнӢ урам йӢркеленӢ. ХалӢхра Ӣна Шанхай теҫҫӢ [БСЭ: 1978, XLVII, 515]; **2) ПӢралук ячӢсем:** *пӢралук/пралук* ‘переулок’ [ЧВС: 1985, 305]; *пӢралук* ‘переулок’ [Ашмарин: X, 127]. Эпир сичӢ пралук ятне тупса палӢртрӢмӢр: *Хитре Микулай пралукӢ* < Микуль [Магницкий: 1905, 4496], Микула [Магницкий: 1905, 4497] антропонимпа сӢхӢннӢ. ХирӢс *Кутер пралукӢ* вырнаҫнӢ. Пралук хӢрринче Кутер ятлӢ сын пурӢнӢран сӢшла каланӢ. АсӢннӢ пралуксем пӢралук хӢрринче кам пурӢннине (сын ячӢсемпе) сӢхӢннӢ: *Измаил пралукӢ* < Измаиль [Магницкий: 1905, 2443], *Леонтьев пралукӢ*, *Хрестин пралукӢ*, *Нинка пралукӢ*, *ТоккӢр пралукӢ*; **3) Хапха ячӢсем:** *хапха* ‘ворота’ [ЧВС: 1985, 537]; *хапха* ‘ворота’ [Ашмарин: XVI, 58]. ПурӢ виҫӢ хапха ятне тупса палӢртрӢмӢр. ВӢсен шутӢнче: *Малти урам хапхи (Малти алӢк)*, *Хыҫалти урам хапхи (Хыҫалти уй алӢк)*, *Тул карти алӢк*.

Чулкас ялӢнче, ытти ялсемпе танлаштарсан, *хапха* ‘ворота’ тесе калас вырӢнне ‘алӢк’ сӢмахпа усӢ курни те паллӢ пулчӢ.

2. Гидронимсем: шыв-шур, сӢрма ячӢсене чӢлхе пӢлӢвӢн ономастика пайӢнче **гидронимсем** тетпӢр < *гидро* ‘шыв’ + *опита* ‘ят’ пани. Шыв-шур ячӢсенче тӢл пулакан сак географи терминӢсене тупса палӢртрӢмӢр. **1) АвӢр ячӢсем:** *авӢр* ‘омут’ ‘водоворот’, ‘пучина’, ‘глубокая яма на дне реки или озера’; *авӢр* – ‘нечто крутящиеся’, ‘круговращение воды’ [Егоров: ЭСЧЯ, 20]; Эпир *КулӢста авӢрӢ* текен микротопонима тупса палӢртрӢмӢр; **2) ПӢве ячӢсем:** *пӢве* ‘пруд’, ‘плотина’, ‘дамба’ [ЧВС: 1985, 286]; *пӢве* ‘пруд’, ‘запруда’, ‘прудить’ [Ашмарин: X, 187]. Ял таврашӢнче **2 пӢве** ятне тупса палӢртрӢмӢр. *Эрми пӢви* < Ермсий [Магницкий: 1905, 4496];

евроазиатских степей с единым образом жизни, культурой и иногда единым происхождением [Sulimirski: 1954, 282]. Вслед за Геродотом, Ф.Г. Мищенко, В.С. Миллером и Т. Сулимирским мы также полагаем, что скифское общество было полиэтничным [Гасанов: 2002].

С нашей точки зрения, о народах и племенах, населявших Скифию, можно судить с позиций преемственности этносов, известных из политической истории последующих веков на исторической территории скифов. На территории бывшей Скифии в последующие века наблюдаются поселения нескольких этнических образований, относящихся к тюрко-монгольской, угро-финской, славянской, германской, иранской и кавказской языковым группам.

2. К вопросу о привлечении сарматских слов к этнической идентификации скифского языка. Использование имен, относящихся к совершенно различным периодам и этносам, является наиболее серьезной методической ошибкой большинства сторонников ираноязычия скифов.

Об ошибочности подобного подхода пишет М. Ростовцев: «Принято считать, что убедительным аргументом, подтверждающим иранскую теорию, являются имена исконных и позднее прибывших жителей Пантикапея, Танаиса и Ольвии. Но о том, что эти имена принадлежат к римскому периоду и являются свидетельством сарматского, а не скифского проникновения в греческие города, было забыто» [Rostovtzeff: 1969, 60].

Что касается так называемого наличия некоторых иранских элементов в языке скифов и сарматов, В.С. Миллер отмечал, что лингвистический анализ нескольких собственных имен скифов Северного Причерноморья никак не может служить доказательством ираноязычия скифов. При этом в качестве аргумента В.С. Миллер приводит то, что эти имена вполне могли быть заимствованы скифами у иранских народов. Далее В.С. Миллер отмечает, что иранские имена были также обнаружены и во Фракии, но никому не пришло в голову на этом основании относить фракийцев к иранским народам [Миллер: 1887, 134–136]. Важно привести завершающую мысль В.С. Миллера, который признался, что «не считает доказанным факт иранства скифов» [Миллер: 1887, 136]. Мы согласны с выводом Ростовцева о том, что неправильно доказывать происхождение скифов, основываясь на сарматских именах более позднего периода. Мы также согласны с мнением В.С. Миллера о том, что имена исторических лиц – весьма ненадежный источник лингвистической идентификации их носителей.

Высказанные М. Ростовцевым и В.С. Миллером предупреждения были откровенно игнорированы В.И. Абаевым. В частности, под скифским языком В.И. Абаев подразумевает «общее название для всех иранских скифо-сарматских наречий и говоров, которые существовали на территории Северного Причерноморья в период от VIII–VII вв. до н.э. до IV–V вв. н.э.» [Абаев: 1949]. Абаев за основу берет весь набор сохранившихся слов, приписываемых скифам, савроматам, сакам, сарматам, в том числе и слова, выявленные за пределами Скифии – на территории Фракии, Иберии и др. в период, значительно отстоящий от периода, в котором историческая наука локализует скифов. Разумеется, такой принцип подбора слов не может дать удовлетворительного результата. Следует отметить, что априорная идентификация Абаевым двух языков: скифского времен Геродота и сарматского периода IV–V вв. – без научно подтвержденного лексического аппарата крайне необудительна.

3. Мнения исследователей, не признающих царских скифов ираноязычными.

Среди всех скифских племен царские скифы (сколоты) менее всего располагают к идентификации с индоиранскими народами, а точнее осетинами. На это неоднократно указывали и сами иранологи. Раньше всех на это обратил внимание В.С. Миллер, который считал вполне вероятным, что царские скифы не принадлежали к индоевропейским (арийским) народам, и отмечал, что вопрос национальности царских скифов подает слишком мало надежд для его окончательного решения [Миллер: 1887, 121, 136]. О непричастности осетин к «царским скифам» говорит и И.М. Дьяконов. Он отмечает, что «сколотами (царскими скифами. – З.Г.) называла себя лишь одна группа скифских племен (в частности, предки осетин так себя не называли)» [Дьяконов: 1956, 244].

В.И. Абаеву очень тяжело давались попытки этимологии мифических имен царских скифов, представленных в работе Геродота. Он откровенно признает огромную сложность иранской идентификации скифов геродотовского периода, когда пишет: «Прослеживая изменения в составе «варварских» слов и названий от Геродота до II–III вв., можно констатировать, что иранский элемент усиливался постепенно, достигнув максимума к первым векам нашей эры. Не случайно, что у самого раннего автора, Геродота, мы находим наибольший процент терминов и слов, не имеющих удовлетворительного иранского объяснения. Иранизация проходила через ряд этапов. На начальных ее этапах удельный вес доиранских элементов был еще весьма значителен» [Абаев: 1949, 244]. Надо также отметить, что В.И. Абаев исследует не царских скифов, которые поклонялись восьми богам, а

* В настоящей статье рассматривается лишь часть методических ошибок иранологов, исследующих скифскую проблему. Подробнее об этом в работах автора, см.: [Гасанов: 2002, 67–107; Haszanov: 2009b, 91–105].

иных скифов, у которых было семь богов. Более того, Абаеву не удалось найти иранскую этимологию теонима Тагимасад, которого почитали только царские скифы [Абаев: 1990b].

Таким образом, становится ясным, что Вс. Миллер считал вполне вероятным, что царские скифы не принадлежали к индоевропейским народам, И.М. Дьяконов писал о непричастности осетин к царским скифам, а В.И. Абаев вообще исследует только скифов, поклоняющихся семи богам, в то время как царские скифы поклонялись восьми.

Несмотря на это, подавляющее большинство последующих историков, археологов, лингвистов и этнографов, утверждая о ираноязычии и осетинском происхождении всех скифов, чаще всего ссылаются именно на этих трех авторов.

4. О происхождении и структуре скифского компонента *аксай / оксай*.

Геродот приводит имена трех мифических первоскифов – Липоксай, Арпоксай, Колаксай. Окончание *аксай/оксай* в этих именах В.И. Абаев объясняет авестийским *hšay-* “властвовать”, *hšaya* “властитель” [Абаев: 1990а, 98]. Это слово также рассматривается в работе Э. Бенвениста, который отмечает, что *hšayaθiya* обозначает царя в древнеперсидском, но не в Авесте. Кроме того, Бенвенист отмечает, что форма *hšayaθiya* противоречит правилам персидской фонетики, и приходит к выводу, что персы заимствовали это слово. При этом Бенвенист предполагает, что они заимствовали это слово у мидян [Бенвенист: 1995, 254–255]. В этой связи важно отметить, что территория Мидии являлась местом, где царские скифы имели военное и культурное влияние задолго до появления там Персидского государства. Именно поэтому у нас есть все основания полагать, что мидяне, а через них и персы многое переняли у скифов. Важно отметить, что в науке уже высказывались мнения в поддержку этого. Так, например, А. Луботский считает, что в древнеперсидском и авестийском присутствуют заимствования из скифского языка [Lubotsky: 2002, 189]. В поддержку своего мнения он приводит исследование У. Вогелсанга, который считает, что скифы играли существенную роль в процессе становления и организации империи ахеменидов [Vogelsang: 1992].

Другая ошибка иранологов заключается в том, что они рассматривают окончание *аксай/оксай* в именах первоскифов как одну основу, в то время, как оно состоит из двух самостоятельных корней *ак/ок* и *сай*. На это, в частности, указывает имеющееся в «Декрете в честь Протогена» сообщение о правящих скифах, проходящих под именем *сай* [Inscriptiones... I, № 32], под которыми подразумеваются царские скифы.

Таким образом, в то время как В.И. Абаев считает, что скифское *аксай / оксай* объясняется авестийским *hšay* в значении “властвовать”, Э. Бенвенист утверждает, что *hšay-* не обозначает царя в Авесте. Наряду с этим Э. Бенвенист отмечает, что *hšayaθiya*, обозначающее царя, в древнеперсидском является не исконно персидским словом, а заимствованием. Хотя Э. Бенвенист и предполагает, что персы заимствовали это слово у мидян, у нас нет информации, подтверждающей наличие этого слова у мидийцев.

Важно отметить, что из «Истории» Геродота становится ясно, что скифское слово *аксай / оксай* не является единым словом, как это пытается представить В.И. Абаев и др., а состоит из двух самостоятельных корней – *ок / ак* и *сай*. Два данных свидетельства указывают на то, что *ак-сай / ок-сай / сай* в именах первоскифов (Липоксай, Арпоксай, Колаксай) имеет исконно скифское происхождение и не имеет отношения к иранским языкам.

5. О происхождении и функциональной принадлежности скифского окончания *-t*.

Взяв за основу наличие окончания *-t* в названиях двух племен царских скифов – *авхат* и *парлат*, а также одного племенного союза царских скифов – *сколот*, иранологи утверждают, что суффикс *-t* является показателем множественности в скифском языке. С их точки зрения, именно это является подтверждением иранского происхождения этих племенных названий. Вс. Миллер и В.И. Абаев утверждают, что окончание *t / тай* близко к флексии множественности *-tä* в осетинском языке [Абаев: 1949, 37]. Я. Харматта отмечает, что для большинства исследователей метод формирования множественного числа *-тай* в языке скифов является решающим доказательством родственности скифско-сарматско-аланско-осетинских связей [Harmatta: 1970, 68].

В связи с этим возникает вполне резонный вопрос о том, насколько суффикс *-t* в качестве показателя множественности распространен в иранских языках. Я. Харматта отмечает, что суффикс *-t, -tä* в качестве показателя множественности известен только в осетинском и ягнобском языках, являющихся продолжателями древнесогдийского [Там же, 87]. Таким образом, из исследования Я. Харматты становится ясно, что в подавляющем большинстве как современных, так и древнеиранских языков суффикс *-t, -tä* в качестве показателя множественности отсутствует. В частности, этот суффикс отсутствует в Авесте и в древнеперсидском, что является очень важным показателем. Это дает основание прийти к выводу, что осетинский и ягнобский языки заимствовали этот суффикс.

В то же самое время исследование вопроса происхождения суффикса *-t* показало, что он является традиционной чертой языков алтайской семьи. В частности, Н. Поппе отмечает, что суффикс **-t*, являясь очень

В процессе словообразовательного и семантического анализа флористической терминологии мы пришли к следующему выводу. Все флористические названия являются простыми и производными. Фитонимическая лексика во всех языковых группах образуется способом аффиксации (суффиксации) от именных (очень редко от глагольных) основ. Возможно, раньше общие основы (корни) функционировали в чистом, простом, т.е. односложном виде (например, др.-тюрк. *Ī* ‘дерево’), но получили широкое распространение только после их аффиксации (суффиксации) с уменьшительным или собирательным значением.

Литература

- Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка – Чăваш сăмахĕсен кĕнеки: в 17 т. Казань; Чебоксары, 1928–1950.
- Бурганова Н.Б. О татарских народных названиях растений // Вопросы лексикологии и лексикографии татарского языка. Казань, 1976. С. 125–142.
- Дегтярев Г.А. О номинации трав в чувашском языке // Советская тюркология. 1986. № 1. С. 75–78.
- Дегтярев Г.А. Названия дикорастущих растений в низовом диалекте чувашского языка // Чувашский язык: история, этимология, фонетика. Чебоксары, 1991. С. 66–91.
- Дегтярев Г.А. Чувашская народная агротаническая терминология. Чебоксары: ЧГИГН, 2002. 140 с.
- Дмитриева Л.В. Словообразование и некоторые семантические модели названий, относящихся к анатомии растений в тюркских языках // Проблема общности алтайских языков. Л.: Наука, 1971. С. 152–160.
- Дмитриева Л.В. Названия растений в тюркских и других алтайских языках // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л.: Наука, 1972. С. 151–223.
- Дмитриева Л.В. Из этимологии названий растений в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках // Исследования в области этимологии алтайских языков. Л.: Наука, 1979. С. 135–191.
- Дмитриева Ю. Названия деревьев в чувашском языке // Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. Чебоксары, 1980. С. 28–37.
- Дмитриева Ю. К этимологии названий травянистых растений в чувашском языке // Исследования по лексикологии и фразеологии чувашского языка. Чебоксары, 1982. С. 16–32.
- Дмитриева Ю. К этимологии названий травянистых растений в чувашском языке // Этимологические исследования по чувашскому языку. Чебоксары, 1984. С. 33–54.
- Дмитриева Ю. К этимологии названий травянистых растений в чувашском языке // Чувашский язык: проблемы исторической лексикологии. Чебоксары, 1986. С. 43–64.
- Дмитриева Ю. К этимологии некоторых чувашских фитонимов // Проблемы составления этимологического словаря отдельного языка. Чебоксары, 1986. С. 143–151.
- Дмитриева Ю. К этимологии названий травянистых растений в чувашском языке // Чувашский язык: история и этимология. Чебоксары, 1987. С. 65–82.
- Дмитриева Ю. К этимологии названий травянистых растений в чувашском языке // Исследования по этимологии и грамматике чувашского языка. Чебоксары, 1988. С. 36–55.
- Дмитриева Ю. Семантические параллели в составных наименованиях растений // Межъязыковое взаимодействие в Волго-Камье. Чебоксары, 1988. С. 120–123.
- Дмитриева Ю. К этимологии названий травянистых растений в чувашском языке VI // Чувашский язык: история, этимология, фонетика. Чебоксары, 1991. С. 14–32.
- Дмитриева Ю. К этимологии названий травянистых растений в чувашском языке VII // Материалы по чувашской диалектологии. Вып. 5. Чебоксары, 1997. С. 36–61.
- Дмитриева Ю. К этимологии названий травянистых растений в чувашском языке // Чувашский язык: история и современность. Чебоксары, 1994. С. 43–67.
- Дмитриева Ю. Чувашские народные названия дикорастущих растений (сравнительно-исторический и ареальный аспект). Debrecen, 2001. 211 с.
- Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964. 356 с.
- Куданова З.М. Определитель высших растений Чувашской АССР. Чебоксары, 1965. 246 с.
- Мусаев К.М. Лексикология тюркских языков. М.: Наука, 1984. 227 с.
- Плетнева-Соколова А.Д., Львова А.Н., Дмитриева К.С. Русско-чувашский словарь названий растений, произрастающих на территории Чувашии. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1963. 2-ое изд. 1967. 28 с.
- Саберова Г.Г. Названия растений в татарском литературном языке. Казань, 1996. – 129 с.
- Скворцов М.И. О некоторых особенностях чувашских народных растений // Тюркская лексикология и лексикография. М., 1971. С. 264–275.
- Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. Т. 1–2. Чебоксары, 1996.
- Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. 2-е изд., испр. и доп. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. 470 с.

йывăç и внес предложение приступить к работе по составлению «Семантического словаря чувашского языка».

Гипероним **йывăç** «дерево» может заменить любое видовое название дерева: **юман йывăç** «дуб – дерево», **çăка йывăç** «липа – дерево» и т.д.

Объяснив слово **йывăç** эврисемичным, т.е. «сверхмногозначным», автор построил гипотезу (конструкт) о неизвестности числа значений данного словесного знака [Сергеев 1991].

Монографических исследований, посвященных этимологизации названий деревьев и растений в тюркских языках, можно сказать, немного (кроме работ Ю. Дмитриевой (2001) и Г.Г. Саберовой (1996)).

К.М. Мусаев в работе «Лексикология тюркских языков» (1984) в разделе «Сравнительно-синхронное изучение лексики алтайских языков», пытался рассмотреть в сравнительно-синхронном плане некоторые слова, обозначающие названия деревьев и их основных частей в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. Хотя в монографии и есть специальный раздел «Структура и семантика корня», но автор в названиях деревьев не особо обращает внимание на этот аспект.

Статья Н.Б. Бургановой (1976) носит более узкий характер, посвящена она татарским народным названиям растений. Диалектная флористическая лексика рассмотрена автором в пяти пунктах: 1) дикорастущие травянистые растения (съедобные, лекарственные, кормовые и т.д.); 2) разные народные названия одних и тех же растений; 3) одинаковые названия разных растений; 4) названия растений с точки зрения словообразования; 5) отделение более древних от относительно поздних названий и заимствования.

Нужно отметить плодотворную работу Л.В. Дмитриевой в области исследования названий растений в алтайских языках. В статье «Словообразование и некоторые семантические модели названий, относящихся к анатомии растений в тюркских языках» (1971) исследуемый материал выходит за рамки тюркских языков. По признанию автора, «...необходимо исследовать аналогичные названия в других (родственных тюркских) алтайских языках – монгольских и тунгусо-маньчжурских». Предварительные выводы автора таковы: «Рассматриваемая растительная лексика образуется в тюркских языках двумя путями: чаще всего присоединением к основам (обычно глагольным, реже именным) различных аффиксов, а также словосочетанием. Подбор аффиксов в каждом конкретном случае определяется смыслом. Однако чаще встречаются аффиксы, образующие имена со значением уменьшительности» [Дмитриева: 1971, 159]. Следовало бы добавить: также со значением собирательности.

Статья Л.В. Дмитриевой «Названия растений в тюркских и других алтайских языках» (1872) является сводкой материала по трем группам названий: анатомия растений; деревья, кустарники и ягоды; злаки и травы. Лексические данные помещены в трех языковых отделах: 1 – тюркский, 2 – монгольский, 3 – тунгусо-маньчжурский. Материалы в каждом отделе приводятся в виде схем – перечней названий, которые сгруппированы по однокоренным словам в их основных вариантах, с указанием буквальных значений для целого ряда наименований.

В статье рассматриваются наименования около 140 наиболее распространенных среди тюркоязычных народов, и им хорошо известных видов растений и свыше 35 названий, относящихся к их анатомии и местоположению. Автор подчеркивает, что названия растений в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках образованы двумя путями: присоединением к глагольной основе (и несколько реже) к именным основам аффиксов и способом словосочетания; в тюркских названиях встречаются аффиксы, образующие имена со значением уменьшительности, что характерно и для славянских и латинских названий. Статья содержит богатый, полезный и точный список названий растений в алтайских языках.

Другой этимологический очерк Л.В. Дмитриевой именуется «Из этимологии названий растений в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках» (1979). Он начинается с этимологической интерпретации **й**; **йуаç** // **ййуаç- жауаç** // **ауаç** «дерево». Автор недоумевает по одному поводу: «Если в **йуаç** основа **й** «дерево», то аффикс **-уаç** не требует увеличительного значения. В памятниках и в современных языках он образует отглагольные имена орудия, инструмента, признака, редко – отыменные с уменьшительным значением (последнее в основном в памятниках). Из показаний памятников можно сделать вывод, что формы без йотированного начала и без аффиксации древнейшие, нейотированные формы с аффиксом **-уаç** старше таковых с йотированным началом. Вероятно, поэтому считают **й** - в **ййуаç** // **жауаç** протезой... или ареальным явлением, не объясняя при этом происхождения формы **ауаç**, если в основе его лежит **й** (>**йуаç**). Может быть в **ауаç** проявилось действие регрессивной ассимиляции гласных (**йуаç** > **ауаç**), обеспечившее легкость произношения? Но непонятно, почему тюрк. **й** «дерево» должно было путем аффиксации дать новое тюркское же обозначение дерева» [Дмитриева: 1979, 138]. Ответ здесь прост: слово **ауаç** утратило присущее ему уменьшительное значение и начало восприниматься как обыкновенное слово [Там же].

архаичным, широко распространен в языках алтайской семьи в качестве показателя множественности [Porre: 1952, 68–69]. С.А. Старостин, А.В. Дыбо и О.А. Мудрак установили следующие формы этого суффикса в качестве показателя множественности ***-t** – прототюркское, ***-d** – монгольское, ***-ta** – прототунгусо-маньчжурское, ***-ti-r** – корейское, ***ta-ti** – японское, ***-t'V** – протоалтайское [Starostin, Dybo, Mudrak: 2003, I, 184].

Принимая во внимание взаимопереход звуков **t**, **z**, **d** в алтайских языках, можно также привести следующие примеры. Б.Я. Владимирцов обнаружил, что в монгольских текстах суффикс **-d** является образователем множественного числа [Владимирцов: 1926, 61-62]. Н. Поппе отмечает, что ***-t** является более архаичной формой монгольского суффикса **-d** [Porre: 1952, 69]. Г. Дёрфер в результате анализа тюркского **tengiz / deniz**, приходит к выводу, что суффикс **-iz** может быть древнетюркским показателем множественного числа. Основанием для его вывода служит тюркское слово **teng** в значении «пруд, ручей, река», приведенное в словаре Махмуда Кашгарлы. Г. Дёрфер считает, что добавление суффикса **-iz** к основе **teng** могло дать значение «Gebiet von (mehreren) Gewässer» – «территория (многих) вод» [Doerfer: 1967, 207]. С точки зрения Ф. Джалилова, **уз** в этнониме **огуз** может также рассматриваться как показатель множественного числа [Çalıloğlu: 1988, 199].

В тюркских языках суффикс **-z** является также показателем парного числа. Парное число представляет особый интерес для лингвистов, поскольку оно отсутствует в подавляющем большинстве современных языков. Зато оно присутствует в древнегреческом. По всей видимости, наличие парного числа является свидетельством очень архаичной грамматической формы. В тюркских языках наличие парного числа определяется на примере слов, иллюстрирующих парность: **göz** – «глаз», **buynuz** – «рог», **ekiz** – «близнец» и т.д. [Там же].

Основываясь на вышеприведенных фактах, мы можем прийти к выводу, что суффикс **-t / -tä** в осетинском и ягнобском языках является либо заимствованием из алтайских языков, либо случайным фонетическим совпадением. Разумеется, иранисты могут возразить против этого мнения, поскольку до недавнего времени в лингвистике существовало установившееся мнение о том, что в отличие от лексики грамматика является достаточно стабильной частью языка, очень стойкой к инородным заимствованиям. Однако, как показывают исследования последних лет, грамматические формы также очень часто заимствуются. А. Маркантонио собрала достаточное количество свидетельств исследователей, указывающих как на заимствования, так и на случайные совпадения грамматических форм в языках совершенно разных языковых семей [Marcantonio: 2009a, 1, 14-ff]. Как мы можем судить по исследованию Я. Матраса, в индоевропейских языках грамматические заимствования даже включают в себя наиболее консервативные грамматические формы, такие как склонения и спряжения слов (inflectional morphology), в том числе суффиксы множественного числа [Matras: 2009, 11, 1-ff]. С.П. Гаррисон вообще приходит к выводу, что грамматические формы являются довольно слабым показателем генетической родственности языков. В этой связи он обращает особое внимание на ненадежность морфологической парадигмы лица и числа (morphological person-number paradigms) для определения общих корней языков [Harrison: 2003, 223].

Вышеприведенные факты свидетельствуют о следующем. С одной стороны, суффикс **-t** в качестве показателя множественного числа в иранских языках имеет ограниченное распространение, что прямо указывает на его заимствование. С другой стороны, суффикс **-t** и его различные фонетические вариации повсеместно распространены в алтайских языках в качестве показателя множественного числа, что свидетельствует о его алтайском происхождении.

В то же время мы не считаем его унифицированным. Если бы суффикс **-t** действительно являлся бы унифицированным показателем множественного числа в языке скифов, то он должен был бы распространяться на названия всех племен царских скифов. В частности, этот суффикс отсутствует в названиях двух из пяти мифических царско-скифских племен – **катиар** и **трасп** (результаты нашего исследования показали, что катиры были ремесленниками и земледельцами, а траспы – жрецами) [Гасанов: 2002, 172–183].

Мы допускаем, что в этнонимах **авхат**, **паралат** и **сколот** окончанием является не суффикс **-t**, а компоненты **-hat**, **-at**, **-ot**. Об этом, в частности, свидетельствует суффикс **-ot** в этнониме **s-kol-ot**. Из работы Геродота нам достоверно известно, что этноним **сколот** имеет структуру **s+kol+ot**. На это указывает заявление Геродота о том, что сколоты называют себя так «в честь имени их царя Колаксай» [Herodotus: 1921, IV, 6]. Близость имен Колаксай и Сколот очевидна. В обоих словах корнем является **kol** (кол) [Гасанов: 2002, 188–189, 125–127].

Говоря об окончаниях **-hat**, **-at**, **-ot** в этнонимах **авхат**, **паралат** и **сколот**, надо отметить, что в соответствии с Н. Поппе, в древнетюркском было два самостоятельных суффикса множественного числа: 1) **-t (-ut)**, 2) **ğut**, которые использовались в особых случаях [Porre: 1952, 68–69, 77]. Как мы можем судить по информации, собранной Н. Поппе, суффикс множественного числа **-t** в основном прослеживается в

древнетюркском на примере слов, объединенных семантикой воинов и высшего дворянства: *alpağut* – “смелые мужи”, *urungut* – “воины”, *bayağut* – “богатые мужи”, *türküit* – “тюрки”, *tarqat* – “дворяне высшего ранга”, *tigit* – “принцы” [Там же, 68–69]. Аналогичная картина наблюдается и у скифов, когда из известных нам пяти мифических этнонимов в трех (авхат, паралат, сколот), имеющих статус “воинов” и “царей” [Гасанов: 2002, 169–172], прослеживается суффикс множественного числа *-hat / -at / -ot*.

В завершении этой статьи приведем тюрко-монгольские этнонимы, оканчивающиеся на *-at / -ut / -üt*: *avağat*, *агагат*, *алат*, *алмат*, *алпат*, *аралат*, *байат*, *барат*, *будат*, *досмат*, *дурут*, *кимат*, *колмат*, *комат*, *конграт*, *ойрат*, *пантимат*, *тюркют*, *сагат*, *саргат*. И этот перечень можно продолжить [см.: Гасанов: 2002, 148].

Следует также отметить, что суффикс *-t* в значении множественного числа присутствует в финно-угорских языках [Рорре: 1952, 76].

6. Проблема «циркулярной аргументации».

Для доказательства ираноязычия киммерийцев, скифов, саков и сарматов иранологи используют метод «циркулярной аргументации», под которым понимается, что «выводы исследователя в основном зависят от его исходных предположений». То есть иранолог сначала должен предположить, что исследуемое имя иранского происхождения, а затем (в результате фонетических манипуляций) подогнать это имя под иранское звучание и лишь затем этимологизировать его. Часто применение «циркулярной аргументации» приводит к тому, что иранологи начинают заниматься грамматической правкой первоисточников [Абаев: 1990b, 94]. В последнее время метод «циркулярной аргументации» в индоевропеистике подвергается жесткой критике со стороны самих индоевропеистов. Например, А. Фокс пишет: «Неизбежная проблема – это проблема циркулярности: сложно избежать какой-либо формы ошибочного круга, являющегося следствием предположения, что формы являются однокоренными, потому что они могут быть реконструированы с помощью одной и той же протофонемы, в то время как эта протофонема сама по себе является результатом предположения, что они [исследуемые слова] родственны» [Фокс: 1995, 63] (перевод наш. – З.Г.). А. Маркантонио предлагает следующее определение циркулярности в индоевропеистике. «Циркулярность – это когда мы:

1) предполагаем набор имеющихся слов индоевропейского происхождения;

2) реконструируем происхождение и историю этих слов посредством (предполагаемых) изменений звуков, ассоциированных с этим периодом истории (основываясь на предположении, что эти слова индоевропейского происхождения);

3) следим за тем, чтобы слова соответствовали этой реконструкции;

4) приходим к выводу, что сопоставляемые слова индоевропейского происхождения, потому что они соответствуют реконструкции. Это циркулярный аргумент, поскольку наши выводы зависят от наших исходных предположений» [Marcantonio: 2009b, 2] (перевод – З.Г.).

Далее А. Маркантонио отмечает, что если исследователь первоначально предположил бы, что исследуемые слова были не индоевропейского, а какого-либо другого происхождения, то он мог бы прийти к совершенно иным выводам относительно происхождения этих слов. Соответственно А. Маркантонио приходит к выводу, что циркулярная аргументация значительно увеличивает возможность ошибки [Там же, 1–10].

7. Проблема фонемы *l* в скифском языке.

В целом ряде скифских имен и племенных названий присутствует звук *l*. В частности, из 21 мифического термина царских скифов, приведенных Геродотом, в составе четырех – Липоксай, Колаксай, Сколот, Паралат – имеется звук *l* [Геродот: 1972, IV, 5–6]. Кроме этих четырех мифических терминов, имеется большое количество скифских собственных имен и названий исторических племен, в составе которых также имеется звук *l*.

При попытках этимологизации этих слов Вс. Миллер, В.И. Абаев, Э.А. Грантовский и Я. Харматта встретились с серьезной проблемой, заключающейся в том, что в древнеиранских письменных источниках фонема *l* отсутствовала. Авестийский алфавит не имеет знака для звука *l*, а в древнеперсидской клинописи он использовался для записи лишь нескольких чужих имен и географических названий [Абаев: 1965, 36].

Как же Абаев, который считает скифский и сарматский языки иранскими, пытается преодолеть это противоречие? Он априори утверждает, что наличие в скифских и сарматских именах фонемы *l* само по себе является доказательством того, что этот звук уже существовал в осетинском языке в скифский период [Там же, 39]. В. Абаев, фактически не упоминая этого термина, применяет метод циркулярной аргументации на практике. Сначала им априори выдвигается гипотеза об ираноязычии скифов и сарматов, а затем эта же неподтвержденная гипотеза используется в качестве доказательства ираноязычии скифов и сарматов. Данный циркулярный подход является излюбленным методом В. Абаева.

ЧНИИ «Проблемы исторической лексикологии чувашского языка» (1980). За 20 лет она опубликовала по флористической тематике одиннадцать научных статей и на их основе в 1996 г. защитила кандидатскую диссертацию в виде научного доклада под названием «Опыт сравнительно-исторического и ареально-типологического изучения флористической лексики чувашского языка. Названия высших растений». Серия ее работ легла в основу монографии «Чувашские народные названия дикорастущих растений (сравнительно-исторический и ареальный аспект)» (2001). По признанию автора, глава 1 «Названия деревьев и кустарников» различается от имевшейся ранее статьи на эту тему большим объемом материала, а также его систематизацией. При исследовании флористической номенклатуры Ю. Дмитриева применяет сравнительно-исторический, ареальный, описательный и ономастиологический методы, а при рассматривании происхождения названий деревьев – так называемый палеолингвистический метод. «Его суть заключается в том, что анализ совпадающих названий растений из общего словарного фонда родственных языков позволяет реконструировать первоначальные формы, проследить их распространение и на основе этого установить примерное расположение народов, говорящих на исследуемых языках» [Дмитриева: 2011, 11]. В целом, работа представляет определенный, довольно высокого уровня этап в сравнительно-историческом изучении чувашских фитонимов – трудно поддающегося этимологизации и тем самым весьма интересного пласта лексики.

На основе исследования автор приходит к выводу, что большинство названий дикорастущих деревьев в чувашском языке по своему происхождению тюркские, среди них имеется целый ряд собственно чувашских образований. Число нетюркских заимствований невелико, и они проникли в чувашскую лексику из языков соседних или исторически контактировавших с чувашами народов. Ядро тюркской лексики чувашской фитонимии составляют пратюркизмы. Большое число кыпчакских заимствований в чувашской флористической терминологии говорит о длительных контактах этих народов (булгар и кыпчаков).

Этимологические изыскания Ю. Дмитриевой сводятся в большинстве случаев к перечислению разных точек зрения по тому или иному слову. Для иллюстрации возьмем фитоним **тирек** «тополь», с чего и начинается описание пратюркизмов в монографии. Описание фитонима **тирек** проведено в пяти неравных по объему пунктах. В пункте первом дана справка о том, что тополь и его разновидности на территории Чувашии растут в небольшом количестве, поэтому чувашаи чаще всего именуют **тирек** ~ **тирёк** русским словом «тополь», но употребляют и тюркское **тирек**. Здесь же указано, что в северо-западных говорах чувашского языка называют **тар йўс** (**тар йывăçси**), а в «Словаре чувашского языка» Н.И. Ашмарина зафиксировано еще одно название – **тир йывăçси**. Во втором пункте приведены данные из словаря Н.И. Ашмарина: **тирек йывăç**, **тирек йывăçси** «осокорь», то же дерево называют **кирек йывăç**, **тирек**. В третьем пункте даны тюркские параллели с разнообразной семантикой названия этого дерева: **тополь**, **фруктовое дерево**, **осокорь**, **черный тополь**, **дерево** (общее название), **перен. опора**, **защита**; **высокий** (о человеке), **пихтовое дерево**, **осина** [Ашмарин: XIV, 65–66].

В четвертом пункте говорится о том, что тюркское название тополя в чувашском языке не сохранилось, что **тирек** – заимствование из татарского языка.

Пятый пункт содержит «разное»: описание культового значения тополя (ссылка на Р.Г. Ахметьянова); информацию о том, что калм. **терэг** было заимствовано из тюркских языков (Г.И. Рамстедт, М. Рясенен); удм. **täreğ** «ива-чернотал» < тюрк. (В.И. Алатырев); М. Рясенен считает тюрк. **терек** результатом контаминации с перс. **дерахт** «дерево» и многие исследователи выводят его из персидского фитонима.

Здесь отсутствует самый важный – шестой пункт, где могла быть подлинная этимология слова **тирек**: ***тер** – именная основа или **тер-** – глагольная основа + аффикс **-ек**. Этимологический именной корень ***тер** (***тар**) мог выступать в значении «дерево», а аффикс **-ек** в уменьшительно-ласкательном значении.

В.Г. Егоров чув. **тар** сравнивает с инд. **тар** «пальма» [1964, 231]. Не зря М.Р. Федотов **тар** (**тар йывăçси**) считает родственным с общетюркским **тирек** ~ **тирăк** ~ **терăк** «тополь». Автор приводит чаг. **тар** (< инд.) «род пальмы», есть еще дерево **тар**, все ветви которого находятся на вершине... [Федотов: 1996, 176–177; Федотов: 2002]. Мнение Л.В. Дмитриевой ошибочно: **тар** «пот» + **йывăçси** «дерево его» [1972, 200].

В монографии В.И. Сергеева глава 3 названа «Процесс объективизации (предметизации). Семантический сдвиг «предмет → предмет», в ней описывается семантическая структура слова **йывăç**, которая выявляется в контексте, и в связи с этим обосновывается принцип: чем шире сочетаемость слова, тем оно многозначнее. Автор ставит целью показать, что «звучат деревом все, что из него сделано: **древка**, **ратовище** и т.п.». На основе изучения материала 17-томного «Словаря чувашского языка» Н.И. Ашмарина и результатов экспериментальной проверки автор выявил около 30 значений слова

географы терминне асанмаççе: *Хырлăх, Якрав, Аруша*. Върманкассем върман ячĕсене «лес» пĕлтерĕшлĕ *ката, върман* сĕмахсемпе палăртаççĕ: *Пырши кати*.

Çырма ячĕсене палăртма топоним сума *сырма* сĕмах хушса калаççĕ: *Кĕçĕн сырма, Услăх сырми*. «Колодец» пĕлтерĕше икĕ ялĕнче те *çăл* сĕмах тĕл пулчĕ.

Çĕрпÿ районне кĕрекен Шăхаль Тĕрер тăрăхĕнчи микропонимсене тĕпчени хальхи вăхăтра питĕ вырăнлă та усăллă тесе шутлатпăр. Пирĕн тĕпчевпе тăван ен, чăваш чĕлхи урокĕсенче усă курма пулать. Çак ĕç Çĕрпÿ районĕн энциклопедие калапланă чух усă курмалли пуян фактологи материалĕ тесе шутлатпăр.

Литература

- Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Вып. 1–17. Казань–Чебоксары, 1928–1950.
Иванова А.С. Географические термины в названиях рек // Чăваш терминологи аталанăвĕн хальхи вĕтĕвĕсем. Шупашкар, 1995. С. 126–128
НА ЧГИГН – Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук. Отд. I. Ед. хр. 669. Инв. № 7007. С. 14. Из архива Элле К.В. История деревень и сел Чувашии, собранные учащимися школ, под руководством Элле К.В.
НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 862. Инв. № 13318. С. 91; 171. Элле К.В. Карточки по истории возникновения населенных пунктов.
Нестеров В.А. Населенные пункты Чувашской АССР. 1917–1981 годы, Справочник об административно-территориальном делении. Ч., 1981. 352 с.
Магницкий В.К. Чувашские языческие имена. Казань, 1905.
Сосаева А.А. Об особенностях географических терминов в ойконимах Чувашии // Конференция по ономастике Поволжья: Тезисы докладов и сообщений. Волгоград, 1989. С. 122–124.
Сосаева А.А. Структурные типы топонимических названий в чувашском языке // Материалы по чувашской диалектологии. Ч., 1997. Вып. 5. С. 121–145.

К ВОПРОСУ О СТЕПЕНИ ИЗУЧЕННОСТИ ФЛОРИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В УРАЛО-АЛТАИСТИКЕ

Ю.Н. Исаев

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары

On the problem of study degree flora terminology in Turkic languages (turkoljgu)

В настоящей статье проанализирована флористическая терминология различных языковых групп. Дана фономорфологическая характеристика ботанической лексики тюркских, алтайских, уральских и индоевропейских языков. Здесь же рассмотрены такие проблемные вопросы, как развитие корня слов, открытый и закрытый слоги, словообразовательная структура слов со значением «дерево» и «лес». Также приведены регулярная многозначность и изосемантические ряды слов, относящихся к флористической терминологии. Представлены семантические переходы «дерево» ↔ «лес», «дерево» ↔ «часть дерева», «дерево» ↔ «демоническое существо и др.

В чувашском языкознании первое научное описание, посвященное флористической лексике (т.е. народным названиям растений), было проведено М.И. Скворцовым. Автор старался показать структурно-семантические особенности названий растений, их многозначность, разновариантность [Скворцов: 1971].

Свод чувашских растений содержится в «Русско-чувашском словаре названий растений, произрастающих на территории Чувашии» А.Д. Плетневой-Соколовой, А.Н. Львовой и К.С. Дмитриевой (Чебоксары, 1963; 2-е изд. 1967). З.М. Куданова в 1965 г. составила «Определитель высших растений Чувашской АССР», где описано 1014 видов дикорастущих и культурных растений. Вышеуказанные словарь и определитель не являются научными трудами.

Лексико-семантическая группа «флора» отчасти нашли освещение в статьях Г.А. Дегтярева «О номинации трав в чувашском языке» (1986), «Названия дикорастущих растений в низовом диалекте чувашского языка» (1991) и в монографии «Чувашская народная агроботаническая терминология» (2002). Издание, адресованное как специалистам, так и широкому кругу читателей, посвящено изучению ономастической структуры и территориального распространения (лингвогеографического аспекта) чувашской народной терминологии, связанной с земледелием. Основное внимание уделено ее «ботанической» части: названиям культурных растений и сорных трав, обозначениям морфологических частей и процессов онтогенеза сельскохозяйственных культур.

Этимологические исследования чувашской флористической терминологии начались с появлением статьи Ю. Дмитриевой «Названия деревьев в чувашском языке» в сборнике научных трудов

Метод циркулярной аргументации также применяет Вс. Миллер, который априори заявляет, что название скифского племени *паралат* – это якобы неправильно записанное иранское слово *парадата*. Но он не настаивал на этой версии и, более того, допускал случайность совпадения [Миллер: 1887, 127]. Несмотря на выводы Вс. Миллера о случайности этого совпадения, Э.А. Грантовский продолжает традицию применения метода циркулярной аргументации, настаивая на замене звука *l* в названии скифского племени *паралат* на *d* лишь для того, чтобы оно соответствовало авестийскому слову *парадата* [Грантовский: 1960, 7–9]. Что касается наличия звука *l* в имени первоскифа Липоксая, то Грантовский предложил поменять этот звук на *r* и интерпретировал это имя в форме *Ripa-xşaya*, что, по его мнению, должно означать «гора-царь» (в качестве примера приводится название «Рипейские горы») [Грантовский: 1960, 7–9; Грантовский: 1975, 82].

Таким образом, этимологии Грантовского строятся на непоследовательной аргументации. В одном случае он меняет скифский звук *l* на *d*, а в другом случае *l* на *r*.

Что касается объяснения Грантовским этимологии имен первоскифов *Липоксая* и *Арпоксая*, то непонятна его логика – почему грекам могло бы понадобиться в одном случае записывать скифский звук *r* посредством знака *l*, а в другом случае посредством знака *r*. Во-вторых, если принять данную методику Грантовского, то никакой разницы между именами *Липоксай* и *Арпоксай* не будет, поскольку оба имени будут начинаться на одну и ту же консонантную основу *Rp*. По-видимому, увидев эту несуразницу, авторы данного метода решили трансформировать имя *Арпоксай* в *Апрахшая*. Таким образом, если руководствоваться методом Грантовского, то имя *Липоксай* превращается в *Рипакшая*, а *Арпоксай* – в *Апрахшая*. Именно поэтому предложенная Грантовским этимология имен *Липоксай* и *Арпоксай* представляется крайне необоснованной и надуманной.

Наличие звука *l* в именах населения Северного Причерноморья создает значительные трудности и для исследователей языка сарматов. В частности, Я. Харматта при попытках этнической идентификации различных сарматских имен, содержащих звуки *l* и *r*, столкнулся со следующей проблемой: ему пришлось этимологизировать их на основе одних и тех же иранских основ, содержащих одну только фонему *r*, поскольку, как мы указывали выше, в древнеиранских языках фонема *l* отсутствует. Оказавшись в данном тупике, Харматта не мог придумать ничего лучше, кроме как объяснить данное несоответствие фонем всего лишь предположением о возможном наличии различных сарматских диалектов. Далее он делает вывод о том, что древнеиранская форма **ar-y-a* в дальнейшем имела следующие четыре формы развития: «1. *ar-(y)-*, 2. *al-*, 3. *ir-*, 4. *il-*». Харматта назвал данное свое «открытие» «фактом выдающейся важности» («This fact is of outstanding importance») [Harmatta: 1970, 77]. В действительности, как мы понимаем это сегодня, данное заявление Я. Харматты не «факт», а элементарная подгонка материала под заданную концепцию с использованием циркулярной аргументации.

Хотелось бы высказаться о существующем в науке мнении о том, что в иранских языках существует переход звуков $d > \delta > l$. Данная концепция, хотя и действительна для иранского языкознания, но довольно спорна в вопросе определения языка скифов. Во-первых, как выяснил С.В. Кулланда, в осетинском языке нет ни одного слова, в котором иранское *d* переходило бы в *l* [Кулланда: 2006, 197–199]. Во-вторых, если бы в языке царских скифов звук *d* действительно переходил бы в *l*, то как в таком случае надо объяснять наличие в древнегреческих источниках таких скифских имен, как *Тагимасад* и *Октамасад*. Если следовать версии Грантовского, то эти два имени должны были быть записаны греками, как *Tagimasal* и *Oktamasal*. Из «Истории» Геродота нам достоверно известно, что оба имени принадлежат царским скифам. Тагимасаду приносили жертву только царские скифы, а Октамасад, заменив своего брата, стал правителем царских скифов [Herodotus: 1921, IV, 59, 80].

Приведенные здесь данные ставят под серьезное сомнение возможность иранского происхождения таких скифских имен, как *Липоксай*, *Колаксай*, *Сколот*, *Паралат*. Хотелось бы напомнить о том, насколько важны эти слова для решения скифской проблемы, поскольку здесь перечисляются имена двух первоскифов, названия племенного союза царских скифов и племени, созданного первым мифическим скифским царем. Излишне говорить о том, что целый ряд скифских и сарматских собственных имен, содержащих звук *l*, также остаются без иранского объяснения.

Важно отметить, что исключается возможность того, что греки могли записывать звук *r* с помощью знака *l* в скифских именах. Поскольку, по таким скифским словам, как *Паралат*, *Липоксай* и *Арпоксай* нам достоверно известно, что в языке царских скифов существовали оба звука – *l* и *r*.

8. Применение метода «циркулярности» посредством «правки» первоисточников.

На то, что В.И. Абаев постоянно прибегает к ничем не обоснованным изменениям оригиналов, дополнениям, сокращениям, заменам букв и звуков в скифских именах, обратили внимание М.З. Закиев, К.Т. Лайпанов и И.М. Мизиев. Эти три исследователя провели очень серьезный критический анализ работ Абаева и отчетливо продемонстрировали абсолютную ошибочность его подхода к скифской проблеме и ту хроническую бессистемность, которой страдают его работы [Закиев: 2003, 139–156; Лайпанов, Мизиев: 1993, 45–86; Мизиев: 1990, 51–72].

Поясняя свои фонетические видоизменения при подборе слов, используемых для этимологии скифских топонимов, гидронимов, антропонимов, этнонимов и теонимов, В. Абаев пишет: «Мы выставляем формы, которые, как мы думаем, совпали бы с древнейшими скифскими, если бы последние до нас дошли» [Абаев: 1949, 151]. Другими словами, фонетика скифских слов, приводимых в этимологиях В. Абаева, является плодом его фантазии и не соответствует сообщениям письменных источников. Это очень яркий пример циркулярной аргументации. Но наиболее ярким примером является его этимология имени скифского бога Гойтосира. В.И. Абаев пишет: «Возможность ошибки приходится допускать и в имени бога [Гойтосир], так как в данной форме имя не дает удовлетворяющего иранского истолкования. Если допустить здесь опisku «Т» вместо «Г», то мы приходим к [Ойгосирос], что идеально соответствует иранскому *Vayuka-sura* – „Могучий Вайу“, осет. *Wajug*» [Абаев: 1990b, 94]. Данный пример применения метода циркулярной аргументации по своему уникален, поскольку он построен не на предполагаемом изменении звуков в историческом процессе, а на предположении исследователя о наличии грамматической ошибки в письменном первоисточнике. Этот пример настолько «уникален», что его определение даже отсутствует среди четырех пунктов «определения циркулярности» (см. выше), предложенных А. Маркантонио.

Если мировая наука пойдет по пути принятия за основу возможных ошибок и описок в авторитетных источниках без серьезной аргументации, а только по той причине, что «в данной форме имя не дает удовлетворяющего иранского истолкования», она может оказаться во власти научных амбиций тех или иных ученых.

Вс. Миллер также применял метод циркулярной аргументации, построенный на логике предположения грамматической ошибки в письменном первоисточнике. В частности, испытывая серьезные затруднения при выяснении этимологии личных имен и названий племен из мифа о происхождении скифов от Таргытая, он предположил, что эти имена были либо неправильно записаны самим Геродотом, либо искажены переписчиками. Основываясь на этом выводе, он видоизменил эти скифские слова, искусственно подстраивая их под иранское звучание. Хотя, как мы указывали выше, Вс. Миллер не настаивал на этом предположении [Миллер: 1887, 121–127], многие последующие авторы ссылались на него как на автора, доказавшего иранское происхождение скифов и сарматов.

В очередной раз мы сталкиваемся с тем случаем, когда исследователи свои затруднения при расшифровке сообщений Геродота оправдывают якобы недостоверностью или неполноценностью его сведений и пытаются с этих позиций ревизовать труды «отца истории». По справедливому мнению А.М. Хазанова, «неоднократные попытки произвольных исправлений сведений Геродота никому успеха не принесли» [Хазанов: 1975, 18].

В целом, как мы смогли убедиться, иранологи исключают возможность объяснения скифских слов на основе какого-либо языка, кроме иранского, что ярко демонстрирует применение ими метода циркулярной аргументации.

Выводы.

1. Несмотря на сообщения письменных источников и свидетельства археологов о полиэтничности скифского общества, большое количество исследователей продолжает считать, что все скифы были ираноязычными.

2. Использование в качестве скифских имен, относящихся к различным периодам и этносам, является методической ошибкой иранологов. В частности, иранологи признают ираноязычие скифов, основываясь на этимологии сарматских имен римского периода. Многие из этих имен обнаружены далеко за пределами Скифии. Иранологи с сожалением отмечают, что не могут привести убедительные иранские этимологии скифских имен из «Истории» Геродота.

3. Вс. Миллер считал вполне вероятным, что царские скифы не принадлежали к индоевропейским народам, И.М. Дьяконов писал о непричастности осетин к царским скифам, а В.И. Абаев вообще исследует только скифов, поклонявшихся семи богам, в то время как царские скифы поклонялись восьми. При всем этом подавляющее большинство последующих историков, археологов, лингвистов и этнографов, утверждая об ираноязычии всех скифов, включая и царских, чаще всего ссылаются именно на этих авторов.

4. Из древнегреческих источников становится ясно, что скифское слово *аксай* / *оксай* не является единым словом, как это пытаются представить иранологи, а состоит из двух самостоятельных корней – *ок* / *ак* и *сай*. *Ак-сай* / *ок-сай* / *сай* в именах первоскифов (Липоксай, Арпоксай, Колаксай), имеет исконно скифское происхождение и не имеет никакого отношения к иранским языкам.

5. Иранологи считают, что суффикс *-t* в некоторых скифских этнонимах имеет иранское происхождение. Но данный суффикс в иранских языках не выходит за рамки осетинского и ягнобского языков, что указывает на его заимствование. В то же самое время суффикс множественного числа *-t* широко распространен во всех алтайских языках. В этнонимах *авхат*, *паралат* и *сколот* окончанием является не суффикс *-t*, а компоненты *-hat*, *-at*, *-ot* используемые в языке царских скифов, как и в тюркских языках в случаях обозначения воинов и дворянства.

сырми < киремет «место, где приносили жертву злему духу» + *сырми* «овраг» = букв. «овраг, где приносили жертву злему духу»; 6) анлантарма пултарайман ят шутне *Пошоль сырми* кёрет.

Ана-саран ячэсен пулавэ те тёрлэрен: 1) сын ятёнчен пулса кайнисем: *Калля улэхэ* < антр. Калей (Магн., 3455)* + улэх «долина» = букв. «долина Калли, где была его земля». *Меркури саран* < антр. Меркури + саран «луг» = букв. «луговые угодья Меркурия». *Симен пусси* < антр. Симень (Магн., 7215)* + пусэ «поле» = букв. «поле человека по имени Симен». *Кётёркке саран* < антр. Катерина + саран «луг» = букв. «луговые угодья Катерины»; 2) вырэнти япалапа сыхантарна ятсем: *Хуп кёпер пусси* < хуп «кора» + кёпер «мост» + пусэ «поле» = букв. «поле, где мост был устроен из корья». *Карап сучэ* < карап «корабль» + сучт «пригорок» = букв. «корабль на пригорке». *Ман хэва улэхэ* < ман «старый» + хэва «ива» + улэх «пойма» = букв. «пойменные земли, где росла старая ива». *Шан уй* < шан «чан» + уй «поле» = букв. «место, где раньше мед собирали на чан». *Аткэлэн куракэ нумай шатна вырэн халэхра* *Аткэлэн* ятпа упранса юлна; 3) пёр-пёр ёспе сыханна ятсем: *Пыриши кати* < пырша «кишка» + ката «лес» = букв. «кишка-лес», при тяжелых работах «все нутро вылезет».

Элле архивёнке [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 862. Инв. № 13318, Л. 91] тёрерсен *Сён саккас*, *Утритсав*, *Чатав* текен вэрман ячэсене асанса хэварна, анча ку ятсене пёлекенсем *Тёрер* ялёнче пулмарёс. Вэрмансем ку тэрэхра нумай мар: *Аруша* < выр. «роща» сáмахран пулса кайна. *Калиновка вэрманё*, *Тавра ката*, *Хырлэх*, *Ик вэрманкас хушиши* ятсем пур. Ял сүмёнче пысáках мар *Хутáш вэрман* пур. Вэрса вэхатёнче касса пётёрнё хысáн хунавран ситённё. *Якрав*, *Усрав вэрманё* < усрав «заповедник» + вэрман «лес» = букв. «заповедный лес». *Ёшине* – вэрман варринчи усланкана каланá.

Вэрманкассен те, тёрерсен те *Кивё сáва* – *Чурачак* ялёнче. 1941 сүлта *Тёрерте* те, *Вэрманкаса* та сёнё сáва усáсэ, áна *Сáва* теçсё. *Сáва* < сáва «кладбище».

Тёрерте Вэльэх сáвин вырэнё халё те палла. *Вэльэх сáви*, букв. «скотомогольник».

Вэрманкас ялёнче пёр сáл куç та упранса юлайман. Пуррисем пёве тёпне юлна. Колхоз тусан пёвеленё пёвене (ферма сүмёнчине) *Малти пёве* < малти «передний» + пёве «пруд» = букв. «передний пруд» теçсё. *Хысáлти пёве* < хысáлти «задний» + пёве «пруд» = букв. «задний пруд», *Яку пёви* < антр. Яков + пёве «пруд» = букв. «пруд Якова» пур.

Тёрерсем те, вэрманкассем те ялтан тухса каякан сүлсене áсталла (хáш ял енне) кайнине кура ят панá. Тёрерсем *Чурачак* еннелли сүла *Чурачак сүлэ* < ойк. Чурачики + сүл «дорога» = букв. «дорога, которая ведет в деревню Чурачики»; *Вэрманкас сүлэ*, букв. «дорога, которая ведет в деревню Вурманкасы»; *Метикасси сүлэ*, букв. «дорога, которая ведет в деревню Медикасы»; *Сён ял сүлэ*, букв. «дорога, которая ведет в деревню Синьялы»; *Юскасси сүлэ* < букв. «дорога, которая ведет в деревню Юскасы». Вэрманкассем *Якрав кати* сүмёпе иртекен сүла *Якрав сүлэ* теçсё. *Траки сүлэ* < антр. Траки (Магн., 8552)* + сүл «дорога» = букв. «дорога, которая ведет в деревню Траки». Ку сүл *Санькасси* сүмёпе иртнэрен хáшсём áна *Санькасси сүлэ* < антр. Санька (Магн., 6683)* + касá «деревня» + сүл «дорога» = букв. «дорога, которая ведет в деревню Санькасы» тенё. *Шáхале* каякан сүла *Шáхаль сүлэ* < антр. Шигали + сүл «дорога» = букв. «дорога, которая ведет в деревню Шигали», *Хритункка* енне каяканнине *Хритункка сүлэ* < антр. Харитон + сүл «дорога» = букв. «дорога, которая ведет в деревню Харитоновка» теçсё.

Пётёмлетсе сáкна калас пулать: *Шáхаль Тёрер* тэрэхёнчи хáш-пёр топонимсене түрех анлантарма йывэр: *Йáваккасси*, *Якрав*, *Аткэлэн*, *Чатав*, *Пошоль*.

Топонимсене сáкан пек ушкáнсене уйэрма пулать:

1) сын ятёнчен пулна географи обьекчэсен ячэсем. Вёсене хáйсене икё ушкáна уйэрма май пур: а) чáвашсен авалхи ячэсенчен пулнисем – *Калля улэхэ*, *Тетес сырми*; á) вырáс тённе йышáнсан хунá ятсем – *Симен пусси*, *Яку пёви*.

2) географи терминёсемпе сыхáннисем: *Кёсён сырма*, *Малти урам*, *Варринчи урам*, *Тип вар сырми*, *Анасвар*, *Сáкэр сырма*, *Киремет сырми*.

3) вэльэх-чёрлэх, йывáс-курáк, тёрлэ япала ячёсемпе сыхáннисем: *Кёрпекхү*, *Пулáканаши*, *Кикен лупашики*, *Шан уй*, *Карчак сырми*.

4) вырáс сáмахёсемпе сыхáннисем: *Аруша*, *Карап сучэ*, *Пáрэс кёперэ*.

5) чáвашсен авалхи йáли-йёркипе сыхáннисем: *Чүк сырми*, *Киремет*, *Йёрэх сырми*, *Йёрёс сырми*.

Тёрерсем сырмана «овраг» пёлтерёшлэ сырма тата лупашка сáмахпа палáртаçсё. Урам ячёсенче «улица» пёлтерёшлэ географи терминё тёл пулать.

Хáш-пёр гидронимсенче *-ер* (*-ар*) формант финно-угор йёрё пуррине кáртатать: *Тёрер*, *Шумашиар*.

Микротопонимсем: а) пёр сáмахран та – *Сүт*, *Киремет*, *Улаксар*; á) хутлá сáмахсенчен те – *Кёрпекхү*, *Вэрманкас* пулаçсё.

Топонимсене лексика енчен тишкерсен сáкá курáнать: *Шáхальте* те, *Тёрерте* те «улица» пёлтерёшпе *кас* тата *урам* сáмахсене усá кураçсё. Вэрман ячёсене асанна чухне тёрерсем «вэрман»

«тёре тёрлер» теес вырәнне «тёрё тёрер» тенё. Чёлхи тыгәнчәклә пулнәран җакан пек тухнә калаҗәвё. Юнашар ялсенче пурәнәкан җынсем җак хәрача пурәнәкан яла каймалла чухне кулкаласа Тёрер патне каятпәр тенё. Пурәна киле ял ячё те Тёрер пулса тәнә.

В.И. Котлеев архивёнче Тёрер ялё җынчен кёскен җырса хәварни упранса юлнә. Архив докуменчәсем тәрәх ёлёк пирён ялта җакан пек урамсем пулнине пёлтём: *Малти урам* < малти «передний» + урам «улица» (урам ячёсем җумне урам географи терминё хутшәнәть) = букв. «передняя улица», *Хыҗалти урам* < хыҗалти «задний», букв. «задняя улица», *Варринчи урам* < варринчи «средняя», букв. «средняя улица», *Мән урам* < мән «большой», букв. «большая улица». Паян пурәнәкан урамсен ячёсем кәшт урәхларах. *Малти урама* халё *Җүлти урам* < җүлти «верхняя», букв. «верхняя улица», *Хыҗалти урама* халё *Хәрах урам* < хәрах «один», букв. «улица-односторонка», *Мән урама* халё *Аслә урам* < аслә «главный», букв. «главная улица», *Варринчи урама* *Леш җырма* < леш «другой» + җырма «овраг» = букв. «противоположная улица, или Заречная» теҗсё. *Тёрер ялё* иккә пайланнә: *Анаткас* < анат «нижний» + кас «улица» = букв. «нижняя улица», *Турикас* < тури «верховой» + кас «улица» = букв. «верхняя улица» (но жители называют «западная улица», т.к. на этой стороне заход солнца). *Анаткас* җакан пек урамсенчен тәрәть: *Аслә урам*, букв. «главная улица»; *Хәрах урам*, букв. «улица-односторонка»; *Җүлти урам*, букв. «верхняя улица»; *Леш җырма урамё*, букв. «та, иная с оврагом улица», а в народе «заречная». *Турикас* пёр урамран сёҗ тәрәть.

Пирён ялтан инҗе мар Чурачак ял администрацине кёрекен пысаках мар *2-мёи Вәрманкас* ялё вырнаҗнә. Тахҗан-авал кунта вәрман кашланә. Чи малтан куҗса килекенсен вәрман касса кил-җурт савәрма тивнё, җакантан ял ятне те *Вәрманкас* < вәрман «лес» + кас «выселок» = букв. «выселок, расположенный в лесу» тенё. Вәрманкаса виҗё урам: *Йәваккаси* – яла пырса кёрсен иккёмёш урамё, *Аслә урам* < аслә «широкий» + урам «улица» = букв. «широкая улица», *Шалти урам* < шалти «дальняя» + урам «улица» = букв. «дальняя улица» е *Малтикас* < малти «передняя» + кас «улица» = букв. «передняя улица».

Тёрер Шәхаль тата *2-мёи Вәрманкас* тавра җырмасемпе варсем сахал мар. Вёсен пулвё те хайне евёр: 1) җав вырәнга пурәннә е сёр ёсленё җынсен ячёсенчен пулнисем: *Тетёҗ җырма* < антр. Тетёҗ + җырма «овраг» = букв. «овраг Татъянь». *Савин җырма* < антр. Савинь (Магн., 6429) + җырма «овраг» = букв. «овраг Савина». *Лискай* – антр. Лиска (Магн., 4173) + җырма «овраг» = букв. «овраг Лиски». *Вантер кукри* < антр. Вандрес (Магн., 14) или Вандиер (Магн., 1492) + кукәр «поворот» = букв. «поворот Вандера», где была его земля. *Текети сәрчё* < антр. Текети (Магн., 7699) + сәрт «холм» = букв. «холм Текети». *Матви лупаики* < антр. Матвей (Магн., 4336) + лупашка «низина» = букв. «низина Матвея, где была его земля». *Сәмалай җырма* < антр. Самолла (Магн., 6645) + җырма «овраг» = букв. «овраг Самолла». *Улли лупаики* < антр. Улей (Магн., 8781) + лупашка «низина» = букв. «низина Ульи»; 2) вырән ячёпе сыхәнса пулнисем: *Тёрер шывё* < гидр. Тёрер + шыв «речка». Тёпчевсёсем паләртнә тәрәх, *-ер(-ар)* формантлә сәмахсем пирён чёлхене мари чёлхинчен куҗнә [Сосаева: 1989, 123]. Финно-угор чёлхисенче *-ер* «речка, ручей, озеро» пёлтерёшлө [Иванова: 1995, 127]. *Тёрер* < тёр «подражание шуму от быстрого движения» + *-ер* фин. «речка» = букв. «быстрая, шумная речка». Ашмарин словарёнче: «*Тёрер* – назв. речки (приток р. Цивилия)» [Ашмарин: 8, 79]. *Җуртси* < җурт «дом» + си «вершина» = букв. «дом на вершине». *Йәләм җырма* < йәләм «пойменные луга» + җырма «овраг» = букв. «овраг, где имеются пойменные луга». *Хёрлә җыр* < хёрлә «красный» + җыр «овраг» = букв. «овраг с красноземом». *Кёҗён җырма* < кёҗён «низовой» + җырма «овраг» = букв. «низовой, небольшой овраг». *Туп вар җырма* < тип «сухой» + вар «овраг» + җырма «овраг» = букв. «сухой овраг». *Анасвар* < ансәр «узкий» + вар «овраг» = букв. «узкий овраг»; 3) пёр-пёр пуләмпа сыхәннисем: *Керпекхү* < керпек «зернистый» + хү «наметаться» + җырма «овраг» = букв. «овраг, наваленный зернистым снегом». *Кустрату* < кустра «костер» + ту «делать» = букв. «место кострище». *Танту* < тапә «праздник сельской молодежи в начале лета», «место его проведения» + ту «проводить» = букв. «место праздника сельской молодежи в начале лета»; 4) йывәҗ-курәк е ытти япаласенчен пулнисем: *Пуләканаи* < пулә «рыба» + канаи «совещаться», в данном случае «косяк» = букв. «рыба косяком». *Пәрәс кёпер* < пәрәс «брус» + кёпер «мост» = букв. «деревянный мост». *Куштирек* < куш «перемещаться» + тирек «тополь» = букв. «овраг, где произрастают тополя». *Карчак җырма* < карчак «старуха» + җырма «овраг» = букв. «овраг, где умерла старушка». *Хурама җырма* < хурама «вяз» + җырма «овраг» = букв. «овраг, где растет вяз». *Кикен лупаики* < кикен «чемерица» = букв. «низина, заросшая чемерицей». *Усләх җырма* < усләх (әвәсләх) «осинник» + җырма «овраг» = букв. «овраг, где росли осины». *Җәкәр җырма* < Җәкәр «хлеб» + җырма «овраг» = букв. «овраг наподобие круглого хлеба»; 5) чәваш йәли-йёркипе сыхәннә ятсем: *Чүк җырма* < чүк «моление с жертвоприношением» + җырма «овраг» = букв. «овраг, где совершали жертвоприношение». *Уләп тәпри* < Уләп «исполин» + тәпра «холм» = букв. «холм Улыпә». *Йёрәх (Йёрёс) җырма* < йёрәх «название злого духа» + җырма «овраг» = букв. «овраг, где поклоняются злому духу». *Киремет*

6. Для доказательства ираноязычия киммерийцев, скифов, саков и сарматов иранологи используют метод «циркулярной аргументации», под которым понимается, что «выводы исследователя зависят от его исходных предположений». Данный подход подвергается критике со стороны самих индоевропейцев.

7. В связи с отсутствием фонемы /l/ в древнеиранских языках иранологи не могут привести объяснение факту наличия этой фонемы в языке скифов и сарматов. Это дает основание не признавать возможность иранского происхождения целого ряда очень важных скифских и сарматских имен, содержащих фонему /l/.

8. Сталкиваясь с затруднениями при выяснении этимологии скифских имен, иранологи используют метод «циркулярной аргументации» посредством «правки» первоисточников. Другими словами, ссылаясь на возможную ошибку в первоисточнике, иранологи видоизменяют скифские слова, искусственно подстраивая их под иранское звучание и происхождение.

Вышеизложенное дает основание считать несостоятельной концепцию, однозначно признающую иранскую моноэтническую принадлежность скифского общества. Таким образом, проблема определения языков различных этносов, составлявших скифское общество, сохраняет актуальность и ждет дальнейших исследований.

Не раз приходилось слышать от тюркологов о том, что они не занимаются проблемой киммерийцев, скифов, саков и сарматов, так как иранологи признают эти народы иранцами. В связи с этим хочется напомнить, что тюркология является не придатком иранологии, а самостоятельным научным предметом. Соответственно, мнение о том, являются ли киммерийцы, скифы, саки и сарматы тюркскими народами или нет, должно формироваться на основе комплексных тюркологических исследований, а не на отдельных выводах иранологов. Основываясь на этом, автор данной статьи приступил к исследованию проблемы киммерийцев и скифов. В частности, были написаны монография, посвященная проблеме этноязыковой идентификации царских скифов, проблемам их эпосов (легенд и мифов), мировоззрения и социальной структуры, а также диссертация, посвященная проблеме археологии, этноязыковой идентификации, эпосов (легенд и мифов) и мировоззрения киммерийцев. По данной теме опубликован ряд статей, неоднократно автор выступал на конференциях, посвященных проблемам киммерийцев, скифов, саков, сарматов. Результаты наших исследований показывают, что царские скифы и киммерийцы являются правомочными предками всех современных тюркских народов. Соответственно, проблема происхождения скифов является одним из важнейших вопросов тюркологии.

Литература

1. Calilov F. Azərbaycan dilinin morfonologiyası. Bakı, 1988.
2. Doerfer Gerhard. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. III. Türkische Elemente im Neupersischen, ğim bis kaf. "Franz Steiner Verlag GMBH". Wiesbaden, 1967.
3. Fox Anthony. Linguistic Reconstruction. An Introduction to the Theory and Method. "Oxford University Press", 1995.
4. Harmatta J. Studies in the history and language of the Sarmatians. Acta Antiqua et Archaeologica. T. 13. Szeged, 1970.
5. Harrison S.P. On the limits of the comparative method. In Joseph, B. D., Janda, R. D. (eds) The Handbook of Historical Linguistics. "Blackwell". Oxford, 2003. P. 213–243.
6. Hasanov Zaur. From Shamanic Mythology to the Turkic Epic Köroglu (Myth of the Scythians' Descent from Heracles). // Shamanhood today. 8th Conference of the International Society for Shamanistic Research. June 1–6, 2007, Dobogoko, Hungary. Budapest, 2007. P. 39–48.
7. Hasanov Zaur. Elements of shamanism in Cimmerian and Scythian archaeology. // David R. Yesner, Alexandra A. Kim-Maloney, Morgan Grey, Jolie M. Rozell (Eds.). Traditional belief and healing systems in a changing world: An interdisciplinary approach. – International Society for Shamanistic Research. 9th International Conference. "University of Alaska Anchorage", Anchorage, Alaska, 2009a.
8. Hasanov Zaur. "Iskit" etnoniminin okunuşu. // İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Tarih Dergisi. Sayı 50, (2009 / 2), İstanbul, 2010a. S. 1–10.
9. Haszanov Zaur. Киммерийско-скифский гидроним don/ton. (на венгерском яз.) // "Magyarország és Azerbajdzsán: a kultúrák párbeszéde". Budapest, 2008, november 18–20. III Nemzetközi tudományos konferencia. I. kötet. Budapest, 2009b. P. 91–105.
10. Haszanov Zaur. Идентичные традиции, культы и психология скифов и тюрко-монгольских народов. (на венгерском яз.) // "Magyarország-Azerbajdzsán: a kultúrák párbeszéde". IV Nemzetközi tudományos konferencia. Budapest, 2010b. P. 207–224.
11. Haszanov Zaur. Методические ошибки иранской версии происхождения скифов (на венгерском яз.) // (In memoriam Harmatta János.) Eleink – magyar őstörténet, 1. (VIII. 17) Budapest, 2010c. P. 68–81.
12. Herodotus. Books III–IV, Translation and Commentary by A.D. Goodley. Loeb Classical Library, "Harvard University Press", 1921.
13. Inscriptiones Orae Septentrionalis Ponti Euxini, t. I, II, IV, Санкт-Петербург, 1884–1901. (См.: Хазанов А.М. Социальная история скифов. М.: Наука, 1975. С. 157.)
14. Lubotsky Alexander. Scythian elements in Old Iranian // Proceedings of the British Academy, 2002. S. 189–202.
15. Marcantonio Angela. Introduction. In: Angela Marcantonio (ed.). 2009a. 1/1–71. 7.
16. Marcantonio Angela. Evidence that most Indo-European Lexical Reconstructions are Artefacts of the Linguistic Method of Analysis. In: Angela Marcantonio (ed.). 2009b. 10/1–46.
17. Marcantonio Angela (ed.) The Indo-European Language Family: Questions about its Status. Journal of Indo-European Studies Monograph Series, No 55. Institute for the Study of Man. Washington, DC, 2009c.

18. *Matras Yaron*. Defining the Limits of Grammatical Borrowing. In: Marcantonio, Angela (ed.). 2009. S. 11, 1–25.
19. *Minns E.H.* Scythians and Greeks. New York, 1971.
20. *Poppe N.* Plural suffixes in the Altaic languages // *Ural-Altische Jahrbücher*, 24. 1952. S. 65–83.
21. *Rostovtzeff M.* Iranians and Greeks in South Russia. “Russell & Russell” New York, 1969.
22. *Scythian*. The New Encyclopedia Britannica. Vol. 10. 15-th Edition.
23. *Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A.* (with the assistance of I. Gruntov and V. Glumov). An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Handbook of Oriental Studies. Section 8: Uralik & Central Asian Studies. “Brill Academic Publishers”, 2003.
24. *Sulimirski T.* Scythian Antiquities in Western Asia // *Artibus Asia*. Vol. XVII. 1954. S. 282–318.
25. *Vogelsang W.J.* The rise and organisation of the Achaemenid empire: The Eastern Iranian evidence. Leiden, 1992.
26. *Абаев В.И.* Геродотовские Skytnai Georgoi // Абаев В.И. Избранные труды: Религия, фольклор, литература. Владикавказ: Ир, 1990а. С. 97–100.
27. *Абаев В.И.* Культ «семи богов» у скифов // Абаев В.И. Избранные труды: Религия, фольклор, литература. Владикавказ: Ир, 1990b. С. 89–96.
28. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М.–Л., 1949.
29. *Абаев В.И.* Скифо-европейские изоглоссы. М.: Наука, 1965.
30. *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
31. *Владимирцов Б.Я.* Об одном окончании множественного числа в монгольском языке // Доклады Академии наук СССР, 1926. Май-июнь. С. 61–62.
32. *Гасанов З.Г.* Киммерийцы и их место в истории Азербайджана: автореферат дис. ... канд. истор. наук. Баку: Национальная АН Азербайджана, Институт Истории им. А.А. Бакиханова, 2008. 48 с.
33. *Гасанов Заур.* Царские скифы: этноязыковая идентификация «царских скифов» и древних огузов. New York: Liberty Publishing House, 2002.
34. *Геродот.* История. Перевод Г.А. Стратановского. Л., 1972.
35. *Грантовский Э.А.* Индоиранские касты у скифов // XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960.
36. *Грантовский Э.А.* О восточно-иранских племенах кушанского ареала // Центральная Азия в кушанскую эпоху. М., 1975. Т. II.
37. *Дьяконов И.М.* История Мидии. М.–Л., 1956.
38. *Закиев М.З.* Происхождение тюрков и татар. М., 2003.
39. *Кулланд С.В.* Lingua Scythica ad usum historici // Древности скифской эпохи. Материалы и исследования по археологии России. М., 2006. № 7. С. 194–209.
40. *Лайпанов К.Т., Мизиев И.М.* О происхождении тюркских народов. Черкесск, 1993.
41. *Мизиев И.М.* История рядом. Нальчик, 1990.
42. *Миллер Вс.* Осетинские этюды: Часть 3. Исследования // Ученые записки Императорского московского университета, отдел историко-филологический. М., 1887. Вып. VIII.
43. *Мищенко Ф.Г.* К вопросу о царских скифах // Киевская старина. Май. 1884. С. 55–76.
44. *Хазанов А.М.* Социальная история скифов. М.: Наука, 1975.

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «СОВРЕМЕННАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – ЭТО МИР ФЛОРЫ» В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ТАТАРСКОЙ ПЕРИОДИКИ БАШКОРТОСТАНА

(на материале республиканских газет “Кызыл таң” и “Омет”)

З.А. Заманова

Министерство связи и массовых коммуникаций Республики Башкортостан, г. Уфа

Для того, чтобы сохранить доверие постоянных читателей и приобрести новых, отнять их у конкурирующих изданий, средства массовой информации заостряют внимание на творческом подходе в подаче материалов, выборе современных рубрик, неординарных заголовков. Ни для кого не секрет – «завоевать» читателя можно нетрадиционным подходом к поднимаемым проблемам, раскованностью, умением вести непринужденный разговор на страницах печати, современным дизайном. Важную роль играет и язык издания. Метафоры, используемые в газетных текстах, позволяют передавать информацию в яркой, краткой и доступной форме, обладают мощным прагматическим потенциалом [Вершинина: 2002, 12] и способствуют популяризации издания.

В данной статье рассматривается метафорическая модель «Современная действительность – это мир флоры» в общественно-политическом дискурсе татарской периодики Башкортостана. В методологическом плане модели метафор нами рассматриваются исходя из системного подхода к проблеме в рамках когнитивного осмысления как самого общества, так и окружающей жизни, природы, социальной среды человека.

В метафорической модели «Современная общественно-политическая жизнь – это мир флоры» нами выделены фреймы «Виды растительного мира» и «Строение, жизнь растительного мира». Фрейм «Виды растительного мира» делится на слоты: «Грибы», «Овощи», «Цветы», «Кустарники»,

21. *Март Н.Я.* Грамматика древнеармянского языка. Этимология. СПб, 1903. 338 с.
22. *Абеян М.Х.* История древнеармянской литературы. Ереван, 1975. 606 с.
23. *Март Н.Я.* О языке и истории абхазов. М.–Л., 1938. 52 с.
24. *Шопен И.* Кавказ и его обитатели. III № - Р 2798, 501 с. (Центр. науч. библ. АН Азербайджана).
25. *Гиоргадзе Г.А.* Хеттские списки женщин // Древняя Анатолия. М., 1985. С. 209–227.
26. *Солмаз Каушай.* Кадим Азербайджан тарихи михийазылы менбелерде. Баку, 2006. 148 с.
27. *Мещанинов И.И.* Географические названия верховьев Аракса по халдским надписям. Баку. III № ФП 3166. С. 43–69.
28. *Никольский Н.В.* Клинообразная надпись Русы 1 в Келаны (Алучалу) на берегу Гокчи в Эриванской губернии. Оттиск из Археолог. Изв. и Зам. 1893. № 2. С. 1–78.
29. *Патканов К.* О мнимом походе Тиклат Паласара к берегам Инда. СПб, 1879. 40 с.
30. *Бартольд В.В.* Книга моего Деда Коркута. Баку, 1999. 319 с.
31. *Кузеев Р.Г.* Очерки исторической этнографии Башкир. Т. 1. Уфа, 1957. 184 с.
32. *Саттаров Г.Ф.* Этнотопонимы Татарстана // Советская Тюркология. 1989. № 3. С. 28–37.
33. *Капанян Гр.* Хаяса – колыбель армян. Эриван, 1947. 290 с.
34. *Бакуви Ябдуррашид.* Абиделерин хуласеси ве гудретли хокмдарларын мочузелери. Баку, 1992. 176 с.
35. *Эвлия Челеби.* Книга путешествия. Вып. 3, М., 1983. 376 с.
36. *Фавстос Бузанд.* История Армении. Ереван, 1953.
37. *Пиотровский Б.Б.* История и культура Урарту. Ереван, 1944. 364 с.
38. *Заур Гасанов.* Чар скифлер. Баку, 2005. 408 с.
39. *Страбон.* География в 17 книгах. Л., 1964. 941 с.
40. Описание Бессарабской области. Записки Одесского Общества. VI. Одесса, 1867. С. 175–323.
41. *Пиотровский Б.Б.* Археология Закавказья. Л., 1949. 131 с.
42. *Мещанинов И.И.* Закавказские поясные бляхи. Махачкала, 1927. 38 с.
43. Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980. 672 с.
44. *Бартольд В.В.* Сочинение. Т. 2. Ч. 1, М., 1965. 1020 с.
45. *Мещанинов И.И.* Язык Ванских клинописных надписей. Л., 1932. 144 с.

СЁРПУ РАЙОНЁНЧИ ШАХАЛЬ ТЁРЕР ТАРАХЁНЧИ МИКРОТОПОНИМСЕМ

В.А. Егорова

Чурачакри пётёмешле пёлү паракан ватам школ, Чурачак ялë

Кашни ялан хайне сеш тивеш ячë, сан-сапачë, йали-йёрки. Хасан тата менле пулса кайна-ши Чаваш Республикин Сёрпу районёнчи Шахаль Төрер тата 2-меш Вәрманкас ялëсем? Сак ййту хуравне шыраса халәхра пуранакан төрлë географи объектёсен ячëсемпе сыханна халап-юмаха пухрам.

Ещён төллеве: Чаваш Республикин Сёрпу районне кёрекен Шахаль Төрер тарәхёнчи микротопонимсене пухасси, вёсен пулавёпе тытамне наука телешёнчен әнлантарасси; архивсенче төл пулакан пирен тарәхри вак географи объектёсен ячëсене халь упранса юлна ятсемпе танлаштарасси.

Төллеве пурнасламалли мелсем саксем пулчеш: микротопонимсене кашни ялан калашу уйрамләхне шула илсе пёр сёре пухасси; сак ялсемпе сыханна вак географи объектёсен ячëсене тупса паләртасси; топонимсене төпченё ёсөмпе паллашасси.

Микротопонимсене сыраса илни чөлхе наукишён те, историшён те пөлтерешлë, паянхи куншан актуаллә. Ялсем сүхалса пыни, микротопонимсен ячëсемпе пулавне әнлантарма пёлекенсен йышë чакни пире географи объектёсене сыраса илсе төпчеме хистерё.

Юлашки вәхәтра микротопонимсене сыраса илсе төпчекенсем, паллах, сахал мар. Вёсенчен уйрамах А.А. Сосаевпа А.С. Иванована асанмалла. Хамаран ёсре А.А. Сосаеван төпчев меслетне төпе хутамар. Ёсе пурнаслама Чаваш патшаләх гуманитари әсләләхёсен институтён наука архивенче пулма түр килчë. К.В. Элле архивенче Шахаль Төрер ялë сөнчен сырни пур, ана ёсёмёрте сүтатса патамар. 2-меш Вәрманкас ялëпе сыханна информации сук. Саван пекех ёсре халәхра упранса юлна халап-юмахсемпе, Төрер ялёнчи Павлов Яков Павлович (1914 ç. сурална, учитель пулса ёсленё) ял историне сыраса хаварнипе уса куртамар. Н.И. Ашмаринан, В.К. Магницкин, В.А. Нестереван ёсөсөмпе те усаллә пулчеш. Ватәсенчен сыраса илне пур хыпар та наукашан пөлтерешлë пуласса шанас килет. Пирен тарәхри географи объектёсене сыраса илсе наука шайёнче төпчекенсем пулман, анчах шулта вёренекенсемпе сак тарәхри микротопонимсене пухна, хамар шухәшланә пек әнлантарма та пәнә.

Сапла вара, ку яла хут сөнче Пёрремеш Төрер, халәхра Шахаль Төрер теçсë. Менле салтава пула яла Төрер тенё-ши? Ватәсем сапла калаçсë: «Ку вал ял пусланна вәхәталла пулна. Хеллехи вәрәм каçсенче ял сыннисем пёр-пёрин патне ал ёсë тумалла ларма сүренё, юнашар ялсенчен те улах хёрёсем килкеленё. Ялти пёр сарак хёр ача питё төрë төрлеме камәлланә, тантәшсөм пырсавах вал

В то же время булгары и чуваша бога, оберегающего путников, называли *Йес Турă* [6: 538].

Етем Турă считался у чувашей богом грома и молнии. Богом же посева и восхода был *Чичей суратаган Тура* [6: 538].

В средние века между реками Волга и Кама проживало тюркское племя *турали*. Их центральный город назывался *Чинги Тура*. Этот город в 1584 г. был разрушен Ермаком [7: 262].

В «Книге моего Деда Коркуда» есть эпоним *Ган Туралы*. Он является именем сына *Ганлы Годжи* [8: 85]. В.В. Радлов пишет, что *Туралы* является племенем тарских татар [9: 741]. По мнению Абульгази Бахадурхана, *Тура* является племянником Ёмута [10: 100].

Город Кузнецк, находящийся на западе Сибири, до русского нашествия назывался *Аба Тура*. Словом, *Тура* также называли приток реки *Тоболь* [9: 589, 710]. Л.М. Меликсетбеков пишет, что город Тирас, находящийся в Бессарабии, раньше именовался *Тура* [11: 7, 11]. Вышесказанное указывает на то, что входящий в урартский племенной союз род *Тура* был одним из тюркских этносов.

Этническое имя *Тура* связано с поклонением щиту. Тюркские беки присягали своему оружию и, как божий дар, носили его с честью. В «Дивани-люгат-ит тюрк» слово *Тура* означало «щит» [12: 573].

Б.Б. Пиотровский и И.И. Мещанинов, основываясь на археологических находках, пишут, что на востоке древней Передней Азии основным культом считался культ «ремня», на западе же – культ «щита» [41: 95–96; 42, 24–36].

Поклонение ремню (на котором висело оружие сражающегося) и щиту существовало и у других народов мира. Интересен тот факт, что два древних народа Передней Азии по-тюркски называли себя *кемер* «камар» и *галхан* «тура».

Между мертвыми языками Южного Кавказа и Передней Азии и булгаро-чувашскими языками существуют очень древние этнолингвистические узы. Эти узы являются результатом сложных этногенетических процессов.

И.И. Мещанинов пишет, что в клинописных надписях Передней Азии теонимы *шу* и *су* перешли в тюркские языки в той же форме *шу* и *су* [2: 36; 45: XII]. Однако никто не хочет признавать тот факт, что и из тюркских языков в египетский язык и в древние языки Передней Азии перешли тюркские слова. Источники, на которые мы ссылались, указывают на то, что подобных слов сотни. По нашему мнению, такие теонимы, как *су*, *ама*, *ана*, *ата*, *тура*, перешли в египетский язык и в мертвые языки Передней Азии из тюркских языков.

Эти слова до сих пор используются в тюркских языках. Если даже мы и встречаем в еврейском языке слова *има*, *эм* – «женская особь», «мать», в русском языке слова *атаман*, *отец* «предводитель», «отец», они в этих языках не столь употребительны, как в тюркских языках. В тюркских языках эти слова существуют и как этнонимы, и как теонимы.

Литература

1. Мещанинов И.И. Введение в яфетидологию. Л., 1929. 202 с.
2. Мещанинов И.И. Египет и Кавказ. Баку, 1927. 68 с.
3. МАРР Н.Я. Из Пиренейский Гурии // Известия Кавказского историко-археологического института. Т. V. Тифлис, 1927, 62 с.
4. Никольский Н.В. Краткий конспект по этнографии чуваш. Казань, 1910. 104 с.
5. Меликишвили Г.А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960. 504 с.
6. Мифы народов мира. Т. 2 М., 1988. 719 с.
7. Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. IV. СПб, III № 2874. 1000 с. (Центр. науч. библ. АН Азербайджана).
8. Китаби Деде Коркуд («Книга моего деда Коркуда»). Баку, 1988. 265 с.
9. Радлов В.В. Из Сибири. М., 1989. 747 с.
10. Абульгази Бахадур хан. Шечерейи-теракиме. Баку, 2002. 144 с.
11. Меликсетбеков Л.М. Армянская древность в Аккермане (Бессарабии). Тифлис, 1911. 42 с.
12. Махмуд Каишгари. Диваниу лугат ат-турк. Т. IV. Баку, 2006. 752 с.
13. Мещанинов И.И. Аннотированный словарь Урартского языка. Л., Наука, 1978, 338 с.
14. Чувашско-русский словарь. М., 1985, 712 с.
15. Мещанинов И.И. Циклопические сооружения Закавказья // Известия ГАИМК. Вып. 4–7. Т. XIII. Л., 1932. 105 с.
16. История Армении Моисея Хоренского. М., 1893. 323 с.
17. Шопен И. Исторический памятник Армянской области в эпоху ее соединения к Российской Империи. СПб, 1852. 1234 с.
18. Гиоргадзе Г.А. Очерки по социально-экономической истории Хеттского государства. Тбилиси, Мецниереба, 1973. 310 с.
19. Асохик (Степаннос Торонский). Всеобщая история. М., 1864. 335 с.
20. Джафарсойлу Илхамии. Хай не армяне. Азербайджан и азербайджанцы. № 1–4, Баку, 2008. С. 80–86.

«Деревья и их виды». Фрейм «Строение и жизнь растительного мира» делится на следующие слоты: «Строение растений», «Размножение растений», «Рост и развитие растений».

Слот «Грибы» представлен единичной метафорой **гөмбәләр (грибы)**, основной прагматический смысл которой – «отсутствие контроля над нуворишами»: *Шул ук вакытта шәһәрдә энә шул беркемгә дә буйсынмаучы яңа байлар һаман да яңгырдан соң чыккан гөмбәләр кебек үрчи тора.* (Ө., 27.04.99) – *В то же время в городе как грибы после дождя плодятся никому не подчиняющиеся новые богачи.* Фрейм источника – «Виды растительного мира», фрейм цели – «Обогатившиеся незаконным путем люди».

Метафора **чәчкә/чәчәк (цветок) (слот «Цветы»)** в основном имеет позитивный прагматический потенциал и используется в публицистических текстах, направленных на создание положительного имиджа республики, страны: *...Чәчкәбезне – дәүләтебезне кул жәылысы, галәм жәылысы белән саклыйк.* (К.Т., 18.09.97) – *...Наши цветок – государство – бережем теплом рук, теплом вселенной.* Фрейм источника – «Виды растительного мира», фрейм цели – «Россия».

Метафоры со значением кустарников и их видов немногочисленны. Метафора **куак (куст) (слот «Кустарники»)** передает значение укрытия для некоторых общественных деятелей: *Галимнар, әдиләр! Кайда соң сезнең үткен каләмеgez, фәһемле сүзләреgez? Нигә “куак”ка постыгыз Чечня халкына бала-каза килгәч?.. Империя сатрапларына каршы үз фикереgezне әйтергә вакыт житкәндер бит инде?! (К.Т., 25.11.99) – Ученые, литераторы! Где же ваше острое перо, сметливые слова? Почему спрятались “за кустом”, когда чеченский народ настигла беда?.. Наверное, настало уже время высказать свое мнение против сатрапов империи?!* Фрейм источника – «Виды растительного мира», фрейм цели – «Общественные деятели, выказывающие безразличие к судьбе чеченского народа».

Исследования показывают, что в СМИ часто употребляется базовая метафора **деревцо (агач) слота «Деревья и их виды»**: *Утырган агачка балта чапмыйлар (заг.)* (К.Т., 28.10.03) – *Дерево, на котором сидишь, топором не рубят.* Фрейм источника – «Виды растительного мира», фрейм цели – «Политическая платформа».

В качестве метафор также используются названия конкретных деревьев. Так, например, **имән (дуб)** символизирует устойчивость, основательность, непокорность: *Бу ике халык бер тамырдан үсеп чыккан, йөзәр еллык давылларны кичергән ике имән ул.* (К.Т., 04.09.02) – *Эти два народа – выросшие из одного корня, пережившие столетние бури два дуба.* Фрейм источника – «Виды растительного мира», фрейм цели – «Два родственных народа – татары и башкиры».

Метафорическое противопоставление **ялгыз агач (одинокое дерево) / урман (лес)** призвано усилить эмоциональную нагрузку политического текста: *...Калку урында үскән агачның тамырлары тирән була. Аны егуы да читен. Без исә ялгыз агач түгел, ә бер-беренә таянып, бер кояшка омтылып, бер Жир-анадан сут алып үскән урман.* (К.Т., 23.09.04) – *...У дерева, растущего на возвышенном месте, корни глубокие. Его трудно повалить. Мы же не одинокое дерево, а лес, растущий с опорой друг на друга, устремленный к одному солнцу, получающий влагу от одной матери-Земли.*

При рассмотрении метафор фрейма «Строение и жизнь растительного мира» нами установлено, что наибольшее количество метафор слота «Строение растений» составляет базовая метафора **тамыр (корень)**, основной прагматический смысл которой – наличие основы, подпитки, истоков для развития: *Бу ике халык бер тамырдан үсеп чыккан, йөзәр еллык давылларны кичергән ике имән ул ... Имәннәр тыныч. Аларның уртак тамырлары саламәт, кәүсаләре таза, көчле, яшел тажлары соклангыч күркәм, мәнәбәт, горур.* (К.Т., 04.09.02) – *Эти два народа – выросшие из одного корня, пережившие столетние бури два дуба... Дубы спокойны. Их общие корни здоровы, стволы крепки, сильны, зеленые короны удивительно изящны, величавы, горды.* Фрейм источника – «Строение растений», фрейм цели – «Родственные отношения между двумя народами».

Образ корня может иметь и негативный прагматический потенциал – устойчивыми стали обороты «корень зла», «корни коррупции» и т.д.: *Бүгенге властне тәнкыйтьләргә мөмкин һәм кирәк, чөнки үзгәрешләр барышында хаталар күп булды, әмма тирәнрәк уйлап караганда, безнең бүгенге бәләләребезнең тамырлары күптән түгелге совет чорына барып тоташа.* (К.Т. 21.01.97) – *Сегодняшнюю власть можно и нужно критиковать, потому что в ходе преобразований ошибок было много, но если глубже задуматься, корни наших сегодняшних бед уходят в недавнюю советскую эпоху.* Фрейм источника – «Строение и жизнь растительного мира», фрейм цели – «Советский режим, на основе которого строится новая политическая платформа страны».

1990-е гг. в стране отмечены бурным ростом криминала, авторы политических текстов смело отмечали, что корни преступности кроются в коридорах власти: *Жинатъчелек бу дәрәжәгә килеп житкәч, аның тамырларын урамнан түгел, башка урыннан эзләргә кирәктер.* (Ө. 30.12.97) – *Раз уж преступность дошла до этого уровня, корни ее нужно искать не на улице, а в другом месте.* Фрейм источника – «Строение и жизнь растительного мира», фрейм цели – «Состояние правопорядка в стране».

Базовая метафора **жәсимеш (плод)** также активно представлена в средствах массовой информации и актуализируется для метафорического представления итогов, результатов деятельности отдельных

политических сил, течений, конкретных личностей. Плоды 90-х гг. – особо горькие: *10 тиенлек аракы өчен 40 сум диярлек күләмдә хезмәт хакы исәбендәге акча биреп, кешеләр хөкүмәткә бушлай эшләүчеләрне бирәләр. Бу да коллык системасының бер күренеше, «хезмәт җимеше».* (К.Т., 29.04.00) – *Расплачиваясь за 10-копеечную водку 40 рублями зарплаты, народ предоставляет правительству бесплатно работающих людей. Это также одна из форм рабовладельческой системы, “плод труда”.* Фрейм источника – “Строение и жизнь растительного мира”, фрейм цели – “Результаты реформ начала девяностых годов”.

Метафора **яфрак чатыры (зонтичное соцветие)** является непродуктивной, однако наблюдаются отдельные случаи использования прагматического смысла “жизненно важная часть растительного организма”: *Мостафа агайның ижаты белән газит укучыларның яхшы таныш булуын исәпкә алып, урыс гуманистының әйткәннәрен генә искә төшерик: “Зур агачныкы кебек ук, Русиянең тамырлар системасы да зур һәм яфрак чатыры тармаклы, башка агач чатырлары белән үрелеп үскән”.* (К.Т., 09.03.06) – *Имея в виду, что с творчеством Мустафы-агая читатели хорошо знакомы, вспомним только сказанное русским гуманистом: “Как у большого дерева, корневая система России большая и листовое соцветие ветвистое, выросло, переплетаясь с ветвями других деревьев.* Фрейм источника – “Строение и жизнь растительного мира”, фрейм цели – “Представители многонационального народа республики”.

Метафоры слота “**Размножение растений**” имеют прагматический потенциал начала процесса: *Бер-беребезнең мәнфәгатьләрен аңлап яшигәндә ызгыш орлыклары асфальтка төшмәячәк.* (К.Т., 20.12.00) – *Если будем жить, понимая интересы друг друга, семена раздора не попадут на асфальт.*

Слот “**Рост и развитие растений**” является одним из самых структурированных. Авторы употребляют концепты данного слота для описания роста, увеличения степени влияния. Метафоры слота имеют прагматический потенциал продолжения, установления процесса: *Русия дәүләт системасында барган радикаль үзгәрешләр илне ныгытуга әле генә юналтса, ул Башкортостан жирлегендә күптән тамырланган инде.* (К.Т., 08.10.04) – *Если радикальные изменения, происходящие в российской государственной системе, только что направлены на укрепление страны, то на земле Башкортостана они давно укоренились.* Фрейм источника – “Строение и жизнь растительного мира”, фрейм цели – “Преобразовательные процессы в республике”.

Метафоры со значением цветения растений (слот “Цветение растений”) употребляются для характеристики как положительных, так и негативных явлений в политической, общественной и социальной среде: *...Инкыйлаблар чоры артта калды, әмма бүгенге сәяси тотрыктылык икътисадның чәчкә атуына әверелсен өчен озак еллар бик күп көч салырга туры киләчәк.* (К.Т., 05.04.01) – *...Пора революций осталась позади, но для того, чтобы политическая стабильность превратилась в расцвет экономики, придется в течение долгих лет прилагать много усилий.* Фрейм источника – “Строение и жизнь растительного мира”, фрейм цели – “Социально-экономическое развитие республики”.

Часто метафоры данного ряда употребляются с пейоративным значением, из этого достаточно заключить в кавычки: *Президент та, Хөкүмәт тә ел саен илнең “чәчкә атачагын” халыкка вәгъдә италәр.* (Ө., 05.03.97). – *И президент, и правительство каждый год обещают народу, что страна “расцветет”.*

Автор публицистического текста, как правило, применяет ту или иную метафору исходя из существующей в его сознании картины мира, языкового опыта, культурно-исторического опыта нации. Оборот **чәчәк атар (будет цвести)** часто употребляется в устном народном творчестве, в народных песнях. Авторы-публицисты употребляют его с целью сделать популярным текст, для привлечения внимания читателя: *Импичмент чәчәк атар майның унбишләрендә.* (Ө., 17.04.99) – *Импичмент зацветет в пятнадцатых числах мая.* Фрейм источника – “Строение и жизнь растительного мира”, фрейм цели – “Политическая жизнь страны”.

Метафоры слота “**Заключительный этап жизни растений**” применяются при описании процесса прекращения деятельности политических сил: *“Кедр”ны ...кистеләр.(заг.) Сайлаулар якылашкан саен ыгы-зыгы көчәя бара. (н/з). (К.Т., 16.12.99) – “Кедр” ... срубил. (заг.). Чем ближе выборы, тем сильнее переполох (н/з).* Фрейм источника – “Строение и жизнь растительного мира”, фрейм цели – “Политическая партия “Кедр””.

Таким образом, наши исследования показывают, что фитоморфная метафора активно используется в материалах современных печатных средств массовой информации и модель «Современная действительность – это мир флоры» регулярно пополняется новыми единицами. Тематика типовых фреймов в данных случаях выступают: Россия, Башкортостан; политическая жизнь; социально-экономическое развитие; общественные и политические деятели и их политическая платформа; отношения между представителями многонационального народа страны, республики; состояние правопорядка; преобразовательные процессы в республике и их результаты. Используя фитоморфную метафору в газетных текстах, журналисты стремятся к наиболее точному, эмоционально яркому описанию событий.

Литература

1. *Вершинина Т.С.* Метафорические модели с исходной биологической сферой в современном политическом дискурсе: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.

2. *Чудинов А.П.* Политическая лингвистика: учеб. пособие. 2-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2007. 256 с.

Эней является одним из древних тюркских этносов Южного Кавказа. Одна его ветвь ассимилировалась с греками западной части Анатолии, другая же ветвь вошла в родовые корни татарских и башкирских народов на территории рек Волга и Кама.

Помимо *Энея*, в мертвых языках Передней Азии встречается теоним *Ана*. Этническое слово *Ана* в ассирийских клинописных надписях имеет форму *Ана*, в хеттских языковых надписях – *Анаш*. В хеттских надписях слово *анаши* означает «бабушка» [33: 81].

В клинописи, найденной в Ванской скале, есть полисоним *уру Анаше* [5: 417]. И.И. Мещанинов считает, что *Анаше* в переводе означает «город богини Ана» [15: 14]. Но он не учитывал наличия слова *ана* в тюркских языках, поэтому не отмечал, что название этого города связано со словом *анаре* («рука») в абхазском языке [15: 66].

Позднее теоним *ана* встречается в форме *Анахит* в грабароязычных источниках. Как пишет Асохик, на юго-востоке Анатолии есть 3 храма *Анахита* [19: 265]. В храмах идолы богини изготавливались из чистого золота [17: 293].

В надписи ассирийского царя Саргона II говорится: «Я убил их на вершине горы Ана» [26: 40].

Абд ар-Рашид аль-Бакуви (XIV в.) пишет: «*Ана* является крепостью на берегу реки Евфрат, находящейся между *Хитом* и *Реггом*. Там очень много фруктовых деревьев и виноградников» [34: 60–61].

Путевые заметки Эвлии Челеби указывают на то, что крепость *Ана* существовала на этой территории вплоть до последних веков. Путешественник также пишет: «Река Евфрат течет рядом с крепостью *Ана*, которая находится поблизости Малатьи» [35: 39].

Атам Турй был одним из основных богов доисламских болгар и дохристианских чувашей [4: 13]. У дохристианских хайев был патриарх по имени *Атам*. Как отмечает Фавстос Бузанд, этот патриарх жил во время правления царя Тирана [36: 26].

В начале XX в. поблизости города Эриван (Ереван) зарегистрирована деревня Атамхан. Там была найдена клинопись, относящаяся к периоду Урарту [37: 36]. Это является доказательством того, что потомки патриарха *Атама* вплоть до последних веков не ассимилировались и существовали как субэтнос в районе озера *Севан*.

Подобно тюркским языкам, в урартских клинописных надписях встречается мужское имя *Ама* [5: 421].

В то же время, в VIII в. до н.э. вдоль верхнего Араза проживало племя под названием *ата*, которое не подчинялось Урарту. Их страна в клинописных памятниках называлась *Атауни* [27: 51]. Как отмечалось выше, *-уни* является окончанием, которое присоединялось к этническим именам [16: 244; 22: 23]. Подобно тому, как *Эней* является вариантом слова *ана*, в греческих источниках вариантом слова *ата* является *Атей*. По словам Геродота, на побережье реки Днестр существовало государство *Атей*, которое подчинялось скифам [38: 36].

В «Географии» Страбона имя рода *Ата* имело форму *Аташ*. Страбон писал, что *Аташ* – одно из сакских племен [39: 415]. Формой этнического имени *Ата* был *Атах*. Этнос атах отмечается в глиняных надписях хеттского периода, которые хранятся в музее «*Богаз Кей*» в Турции. Этот народ проживал в середине II тысячелетия до н.э. на северо-востоке Хеттского государства [33: 40].

Г. Капанцян полагает, что *Атах* был городом хайев [33: 40].

Как отмечалось выше, язык хайев был агглютинативным [20: 80–86; 21: XXIX–XXXI; 23: 154–155].

Академик М.Х. Абебян подтверждает агглютинативность языка хайев и их неарийскую принадлежность [22: 11–12].

В «Географии» Вардана (XIII в.) *Атах* является городом Туруберанской области. И. Шопен считает, что этот город, находящийся в восточной Анатолии, позднее был переименован в *Терджан* [17: 20–22]. Другой город *Атай* располагался на берегу реки Днестр, где исторически существовало государство *Атей*. Русские вплоть до 1867 г. не меняли названия города, который находился в Бессарабии [40: 281].

Н.В. Никольский пишет, что название страны *Атах*, находящейся в долине верхнего Араза, отмечалось в урартских клинописных надписях с силлабическим формантом *дингур (танры)* [28: II–III]. Это означает, что *атах* являлся отдельным человеческим обществом, т.е. этносом, у которого был свой бог и дух предков.

Ата и *Ана* были основными духами тюрков. Эти духи с тем же названием существовали и в господствующем роду дохристианских армян. М.Х. Абебян отмечает, что хайи присягали могилам отцов [22: 16].

Одним из племенных богов Урарту был *Тура*. Во время ритуала в жертву приносили быка [5: 147]. Тюрки, богом которых был *Тура*, проживали в бушской области Мидии, так как, по данным ассирийских наскальных надписей, в бушской области существовала река *Тура* [5: 221, 251, 438].

Древние болгары и дохристианские чуваша бога называли *Турй*. По древним поверьям чувашей, *Турй тала* был их основным богом [5: 13].

Когда-то чуваша, жившие в Анатолии и Азербайджане, принесли с собой в Верхнее Поволжье окончание *-ше* халдского происхождения. Мы придерживаемся той точки зрения, что округ Чуаш [16: 203], отмеченный в произведениях кавказских христианских историков, является исторической родиной чувашей, живущих между Волгой и Камой.

Округ Чуаш во время правления парфянского царя Вагаршака (II в. до н.э.) располагался близ реки Араз (Аракс). По предположениям, этот округ, отмеченный в «Истории» Моисея Хоренского, «находился в современном Карадагском районе» [16: 293; 17: 58].

В настоящее время рядом с историческим округом *Чуаш*, в Астаринском районе Азербайджанской Республики есть деревня *Чуаш*.

Ама – в поверье чувашей дохристианского периода есть теоним *аме*. *Сёр Ами* являлась женой хозяина земли *Сёр Аишĕ* [4: 90].

Небезынтересно отметить, что имя жены египетского фараона *Атона* (1419–1410 до н.э.) было *Аме* (в тексте *Амаунет*) [43: 70].

Известно, что имена *Ата* и *Ама* не были собственными именами египетских фараонов. Они дают себе имена богов, которым поклоняются [43: 70, 71, 122]. Эти боги изображались в виде быка и барана и заимствованы египетским пантеоном из Передней Азии.

В чувашском языке к матери, вообще к женскому полу обращаются посредством слова *ама* [14: 32].

В хеттских клинописных надписях вавилонского происхождения слово *ама* означает «женщина» [18: 17].

В ван-урартских клинописных памятниках слово *аме* тоже означает «женщину» [13: 55, 76].

Помимо этого, в хеттских клинописных памятниках серед. II тысячелетия до н.э. есть теоним *Дингир Ама*, который означает «мать богов» [18: 157].

Ама в то же время была богиней плодородия хайев дохристианского периода [19: 275].

Большинство исследователей придерживается той точки зрения, что *Аманор* является не именем этой богини, а ее эпитетом [43: 65]. Из этого следует, что *Аманор* – «порождающая», «возникающая».

Аманор отождествляется с греческой *Артемидой*. Артемиды тоже была богиней порождения, восхода [17: 293]. Мы, также как Н.Я. Марр, М.Х. Абебян, отмечаем, что древние армяне, обращающиеся к женщине – *ама*, матери – *ана*, не были предками современных армян. Язык княжеского рода дохристианских армян, т.е. хайев, принадлежал к агглютинативным языкам, а язык современных армян является флективным. Хайи считаются потомками яфетидов, а современные армяне относятся к роду Прототея [21: XXIX–XXXI; 22: 11–12; 23: 154–155]. Язык хайев был близок к тюркским языкам болгарской группы [20: 80–86].

Одно племя хайев называло себя *ам*. И. Шопен связывает этническое имя *ам*: 1) с турецким словом *ам*, которое в переводе означает «женщина»; 2) с татарским словом *эм*, которое в переводе означает «женскую особь»; 3) с еврейским словом *эм*, которое в переводе означает «мать». Он также считает, что хайи, называющие себя *ама*, поклонялись женскому началу [24: 120, 186]. У амского племени был город *Ам Кува*, который находился рядом с территорией хеттов [25: 230, 136]. Помимо этого, у них был храм *Амбок* (что в переводе означает «женский идол»), находящийся вблизи озера Ван. Крепость, где находился храм, называлась *Амиг* («женщина») и *Амкар* («каменная женщина») [24: 61, 62].

И в тюркских, и в переднеазиатских мертвых языках женщину называли *амуш* и *амыш*. Ассирийские и урартские войска нападали на страну *Амуша*, которая располагалась между территориями Нахичевани и Карадага [26, 122]. *Амуша* означает «род, поклоняющийся женщине». В урартских клинописях аффикс *-а* образует из теонимов этнонимы [15: 97; 27: 45].

В наскальной надписи ассирийского царя Тиглатпаласара II эта страна называлась *Амука*. Тиглатпаласар II напал на амуков, которые проживали в соседстве с сакарами [29: 23]. Эта страна в клинописи называется *Бит-Амукани*. «Бит» в ассирийских источниках – это «дом», «род» [29: 23].

Аффиксы *-ани*, *-уни* значили «множество», «компактность» [22: 23]. Никита Эмин полагает, что аффикс *-уни*, который остался со времен халдских письменных памятников передает значение «имеющий отношение» [16: 244]. Это значит, что *Бит-Амукани* должен переводиться как «родина людей из амукского рода».

В.В. Бартольд рассуждая об эпониме *Алп Амыш*, пишет, что слово *Амыш* означает женщину [30: 209, 212].

Известного героя из произведения римского поэта Вергилия зовут *Эней*. По данным христианских кавказских летописцев, эпоним *Эней* в латинском фольклоре имеет южно-кавказское происхождение. На щите Энея изображалась река Араз (Аракс) [17: 323]. Одно племя башкиров называлось *эней* [31: 57]. Г.Ф. Саттаров пишет, что энейские деревни Татарстана возникли из башкирского энейского рода [32: 62].

У всех современных тюркских народов имеются племена и роды под названием *канглы* или имеющие основу *канг*. То место, какое они занимают среди тюркских народов, заставляет искать этнические корни данного племени. *Канглы* принято соотносить с названием государственного образования Кангюй, существовавшего с II в. до н.э. до V в. н.э. на территории Приаралья и Сырдарьи. Предками кангюйцев считаются «саки, которые за Согдом» [Литвинский: 1968].

Древние кангюйцы как жители территории древнего Казахстана принадлежали к индоевропейскому этническому миру. Э. Пуллибланк производит слово *кангюй* от тохарского слова *канк* – «камень» и исходя из этой этимологии говорит о «кангюйской разновидности тохарского языка». Б.А. Литвинский племенное название кангюй пытается объяснить, учитывая хотано-сакское слово *канка* – «кожа», «шкура». Наименование *кангюй* истолковывается им как сакский этноним с примерным значением «люди в кожаных одеждах» [Литвинский: 1968, 20–21]. Но если тохары являлись потомками древнего индоевропейского населения Центральной Азии, то хотанские *саки*, возможно, являются потомками средневековых ираноязычных мигрантов. Название саки было прикреплено за ними исходя из концепции о ираноязычии древних саков – обитателей данной территории.

Более убедительной выглядит гипотеза о том, что в древности этноним *канглы* мог употребляться в значении «речные», «обитатели рек» [Кляшторный: 1964, 150–180; Кайдаров: 1984, 39–47]. Согласно гипотезе, слово *канг/кан* также является древнеиранским, а не тюркским. В «Авесте» впервые упоминается Канга (Кангха), столица легендарного Турана. Упоминание о Канге (Кангха) встречается и у Фирдоуси, который использовал архаическую топонимическую и этнонимическую номенклатуру «Авесты» и располагал Канг – столицу Турана – за Сырдарьей, на северо-востоке от реки.

Сравнив этот гидроним у Ибн Хордадбега как «название реки Кангар» с данными древнетюркских рунических надписей о столице кангарасов Кангу-Тарбане, а также приняв во внимание сведения китайских исторических летописей о государстве Кангюй, упоминания в «Авесте» и «Шахнаме», С.Г. Кляшторный пришел к выводу о существовании на Средней Сырдарье древней этнонимической традиции. Прослеживается определенная трансформация названий топонимов/этнонимов/оронимов с единой основой – Кангха-Канг-Кангюй-Кангу Тарбан-Кангар-Кенгерес [Кляшторный: 1964, 169, 166, 161–179].

Одним из самых ранних известий о Кангюе являются заметки китайского путешественника Чжан Цяня, посетившего это государство во II веке до н.э. Китайские авторы пишут о нем как о большом государстве, населенном кочевыми племенами, но имеющем и города [Боровкова: 2001, 293]. Обычай и одежда кангюйцев в те времена, по описаниям китайских источников, не отличались от сармат и алан [Бичурин: 1953, 229], т.е. не выделялись из круга родственных североиранских скотоводческих племен.

По мысли авторов гипотезы о тюркизации древних кангюйцев, с начала нашего тысячелетия Кангюй оказывается вовлеченным в события, связанные с крушением державы хунну. Известно, что кангюйский правитель поселил шаньюя и его народ на реке Или. С этого времени предполагается тюркизация кангюйцев. Центром владений кангюйцев, согласно древнетюркским эпитафиям, являлся город Кангу-Тарбан, а сами они становятся известными тюркам-тугю под именем кенгересов. Как показало исследование С.Г. Кляшторного, город Кангу-Тарбан упоминается персидскими и арабскими источниками под именами Тарбад-Тарбанд-Турарбанд-Отрар [Кляшторный: 1951, 55–59].

Имя главы посольства Кан-хэ-ли, отправленного в 618 году восточнотюркским Шиби-каганом в Китай, Ю.А. Зуев читает как «кангарлыг». В разделе «Тамги лошадей из вассальных княжеств» труда IX века «Танхуйяо» упоминается народ кан-хэ-ли, название которого также реконструируется как кангар [Зуев: 1960, 127]. Предполагается, что, являясь вассальным племенем восточных тюрков-тугю, они кочевали вблизи каганской ставки.

По мнению ряда исследователей, этноним *печенег* возводится к названию одного из сакских племен – *пасикам-пасианам*, упомянутым Страбонам в числе кочевников, сокрушивших около 130 г. до н.э. Греко-Бактрийское царство [Кляшторный: 1964, 177]. Неравноправная война против огузов, карлуков и кимаков приводит в IX в. к откочевке основной части печенежских племен на запад. Некоторая группа покоренных огузами печенежских племен, судя по всему именно кангарский род, сохранила и свое былое название – *хангакиши* [Кляшторный: 1964, 178]. В этом названии отразился их древний этноним *канг* в форме *кангакиши* – «люди Канга». С.Г. Кляшторный обнаружил свидетельства того, что у некоторых потомков кангаров еще в XI веке существовал так называемый «смешанный хорезмийско-печенежский» язык [Кляшторный: 1964, 173–175]. Самоназвание «кангар» сохранилось только у трех печенежских племен.

Связь кыпчакского племени канглы с кангарами/печенегами первым из числа советских ученых отметил С.П. Толстов. Он пришел к выводу о переименовании имени *кангар* в *канглы* в результате ассимиляции кыпчаками части огузо-печенежских племен [Толстов: 1947, 101]. По мнению С.Г. Кляшторного, принятие этого имени первоначально кыпчакской знатью выражало их стремление связать себя с территорией завоеванных земель [Кляшторный: 1951, 68; 1964, 178–179].

Это отразил и знаток тюркских языков Махмуд Кашгари, писавший, что «Канглы – один из великих людей из кыпчаков» [цит. по: Кадырбаев: 1990, 20]. Мусульманские авторы XII – нач. XIII вв. употребляют значения *кыпчаки* и *канглы* как синонимы. Позднее, в XII в., в числе племен кыпчакской конфедерации у ан-Нувеири, ибн-Халдуна и Рукн ад-Дина Бейбарса встречаются *кангароглы* (кангар-оглы – потомки кангаров) [Тизенгаузен: 1884, 539–541].

Тюркологи С.С. Аманжолов и Н.К. Антонов этноним *канглы* / *канлы* выводят от слова *канк* «телега» [Аманжолов: 1959]. Ещё в легенде об Огузе, приведенной у Абулгази, даётся народная этимология, согласно которой предок канглы получил свое имя вследствие того, что чинил телеги [Абульгази: 1984].

В легенде, приводимой Рашид-ад-Дином (XIII в.), говорится: «Канлы. В то же самое время, как Огуз воевал со своим отцом, дядьями, братьями и племянниками, делал набеги и грабил их страны, то из всего народа, все те из его родственников, которые присоединились к нему и стали с ним заодно, по соображению собственного ума сделали повозки и нагружали на них [все] награбленное, другие навьючивали добычу на животных. [Повозку по-тюркски называют «канлы»], по этой причине и они названы именем канлы. Все ветви канлы [происходят] от их потомства. Впрочем, Аллах знает лучше!» [Рашид-ад-Дин: 1952, Т. 1., кн. 1, 84].

Схожую легенду в китайской летописи «Юань ши» (XIV в.) обнаружил исследователь А.Ш. Кадырбаев: «Канглы (Канли) это есть то, что в эпоху Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) называлось Гаочэ-го – страна высоких повозок» [Кадырбаев: 1990, 21]. Данная легенда свидетельствует о том, что канглы можно отождествить с гаогюй-уйгурами.

Используя слово *канкали*, Э. Паркер имеет в виду народ, известный китайцам во времена хунну как динлин или тиклик, при Тоба как «высокие телеги», во времена тюрков как «уйгурь», а во времена монголов как *канкли* – тюркское слово, означающее «телега» [Паркер: 2008, 119].

И. Маркварт пришел к выводу о том, что название народа *канглы* не имеет ничего общего с названием западно-тюркского племени *кенгерес* и трех наиболее знатных печенежских орд *Кангар*, а также с именем древнего княжества *Канг-ку* (в окрестностях Ташкента), которое впоследствии распространилось на всю Согдиану (Канг). Отождествление канглы с кангарами представляется невозможным еще и потому, что эти последние уже в конце IX в. не остались под властью огузов, а ушли из области между Аральским морем и Яиком в причерноморские степи. Канглы с кангарами Константина Багрянородного, но также и с иранским племенем канг-ку китайского полководца Чан-Кьена (128 г. до н.э.) отождествил В. Шотт. Более того, он считал, что канкли могли стать в землях за Оксусом зажиточным и могущественным народом еще до установления власти сельджуков и принятия ислама. Согласно И.Я. Шмидту, название *кангар* или *хангар* и ныне еще употребляется тюрками и монголами во всей Средней Азии, однако употребляется оно в отношении османов.

Поэтому И. Маркварт считает, что встречающийся в уйгурской легенде об Огуз-хагане вывод наименования *канглы* от тюркского *канг* – «повозка» может быть вполне правильным. Исходя из этого он приводит китайское обозначение народа *теле*, то есть поздних уйгуров при династии Северное Вэй (386–556 гг.), – «динлины с высокими повозками».

И. Маркварт приходит к выводу, что имя само по себе не позволяет нам сделать заключение о происхождении канглы. По сведениям восточных авторов, йимаки были одной из орд канглы. Считая канглы новой конфедерацией племен, пришедших на смену кимакам он вполне удовлетворительно разъясняет указанное Рубруком близкое родство канглы с команам (кипчаками). Тем самым он считает справедливым замечание В.В. Бартольда о том, что «племенные наименования канглы и кипчак представляются нам почти тождественными» (Маркварт).

Ю.А. Зуев находит еще канглы-кангюйцев на территории Центральной Азии. В истории династии Тан, где рассказывается о падении Уйгурского каганата, упоминаются хэйчэзцы (чернотележники) шивеи, входившие в состав объединения Канцзюй или даже тождественные ему. По его утверждению область Канцзюй находилась еще в северной части Внутренней Монголии и на востоке Большого Хингана. Для нас совершенно новой и неожиданной является его гипотеза о связи этнонима *канглы-кангюй* с названием города *Канкати*, упоминаемого Рашид-ад-Дином в стране «пеголошадников». Еще более интересно утверждение его о наличии тележных кангов среди лыжных тюрков, делившихся на три племени: дубо (тува), милиге (меркит) и хэйчэжцы (канглы) [Зуев: 2002]. Следовательно, потомки гаогюйцев – канглы имелись среди тюрко-уйгурских племен Дубо.

3. Биологический энциклопедический словарь / М.С. Гиляров. М.: Сов. энциклопедия, 1989. 864 с.
4. Даниленко В.П. Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов // Исследования по русской терминологии. М.: Наука, 1971. С. 7–68.
5. Русско-татарский словарь биологических терминов. Казань, 1985. 198 с.
6. Русча-татарча авыл хужалыгы терминнары сүзлеге / А.К. Тимергалин, Г.Г. Ахметов, Ш.Г. Садыков. Казан: Татар. кит. нәшр., 1971. 303 б.
7. Русча-татарча авыл хужалыгы терминнары сүзлеге / Г. Ахметов, М. Гимадиев. Казан: Татгосиздат, 1950. 210 б.
8. *Суперанская А.В.* Общая терминология: Вопросы теории. М.: Наука, 1989. 243 с.
9. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Казан: Матбугат йорты, 2005. 848 б.
10. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: өч томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 1977–1981.

ЧУВАШСКИЕ ТЕОНИМЫ В МЕРТВЫХ ЯЗЫКАХ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ (Bulgarian-chuvas words in the dead languages of fore Asia)

И.Ю. Джафарсойлу
Институт языкознания НАН Азербайджана, г. Баку

The article deals with the ethnonyms, originating from the theonyms of Fore Asian cuneiforms, and presents their parallels from Egyptian legends.

On the basis of sources it is revealed that many ethnonyms, mentioned in the manuscripts of Hitit and Urartu, existed in pre-muslim Bulgaria and pre-christian Chuvash pantheons.

Among such theonyms there were Tura, Ama, Ashe, Ane, Atam Tura, Yetem Tura and others.

Статья первая – имена богов

В клинописных памятниках Передней Азии встречаются сотни параллелей булгаро-чувашских имен. К ним относятся теонимы, этнонимы и слова из различных областей этнографической лексики. Небезынтересно отметить, что эти слова существовали в албанском, иверском и хайаском языках.

Еще в 1929 г. И.И. Мещанинов писал: «В чувашском языке есть много шумерских и иверских имен. Это нельзя рассматривать как случайное совпадение. Посредством чувашского языка можно изучить исторические связи, существующие между тюркскими и яфетическими языками» [1: 63].

Булгаро-чувашские, хеттские и урартские этнолингвистические соответствия являются результатом очень древнего исторического взаимодействия. Из этого вытекает, что тюрки испокон веков объединяли две различные культуры – китайскую и египетскую. В результате этого в Евразии произошли выдающиеся открытия, эволюция, был обеспечен исторический прогресс человечества.

Английский археолог Флиндерс Петри (Флиндерс Питри, Flinders Petrie) после многолетних исследований в долине Верхнего Нила пришел к мнению, что корни сложной египетской культуры исходят с Кавказа и из восточной части Каспийского моря. И.И. Мещанинов, ссылаясь на Флиндерса Петри, отметил, что поток северо-восточных народов в долину Верхнего Нила и обратно начался до шумеров и продолжался после шумеров [2: 34–43].

По нашему мнению, имя бога солнца *Амон*, позже *Атон*, во время одиннадцатой династии (XX–XVIII вв. до н.э.) перешло в египетский язык из южного Кавказа. Поскольку, идол *Амона* изображался под головой рогатого барана [43: 70] И.И. Мещанинов отмечает, что люди принесли рогатых животных, считающихся символом солнца в долину Нила из Передней Азии [2: 34–35].

Столкновения иверов и сибиров (тиберов) с семитами в пределах Египта привели к возвращению первых на Кавказ и в Анатолию. Позднее, разделившись на две группы, они переехали во французскую Галлию и Испанию. Н.Я. Марр в 1927 году, услышав иверские слова в языке Пиренейских гуров, был сильно поражен. Он писал: «возможно верить в чудеса, происходящие в мире. Даже маленькие пастушечьи собаки Пиринейских и кавказских гуров очень похожи» [3, 14]. Он отмечал, что оба народа называют Ноев ковчег *Арга* [3; 5; 8; 9]. Интересен и тот факт, что в тюркских языках горные хребты называются *арга*, а горный козел называется *аргой* [44: 167]. Большинство тюркологов с сомнением относится к этногенетическим связям Сибирь – Египет – Передняя Азия. Но синологи выявили эти исторические связи еще сто лет тому назад [1: 63–64; 4: 5–14].

В урартских клинописных надписях в значении «мужчина» используется слово *аше* [13: 55, 76]. До христианства одного из чувашских богов звали *Сер Аше*, и он считался «хозяином земли» [4, 90]. В соответствии с этим в азербайджанском языке к мужскому полу обращаются с помощью слова *еши*.

До сих пор чувашки говорят о предках *ашиш-амйш* [14: 49]. В урартских клинописных надписях, сделанных на халдском языке, слово *ше* означает «род», «ребенок» [15: 14, 66]. Из этого следует, что в чувашском языке словосочетание *ашиш-амйш* означает «предки», т.е. ребенок *ашиш* (отца) и *амйш* (матери).

В толковых словарях зафиксированы также переносные значения зоонимов. Они характеризуют человека как существо биологическое, разумное и общественное. При этом самыми многочисленными являются зоонимы, обозначающие домашних животных и тех хищных животных, птиц и насекомых, которые обитают рядом с человеком, поскольку в языке каждого народа в первую очередь отражаются те реалии, которые окружают людей.

От полисемантических терминов следует отличать омонимичные, между семантемами которых отсутствует связь, свидетельствующая об отношении семантической мотивированности. Это дает возможность слову функционировать в разных подсистемах языка. Например, *лайка* 'порода охотничьих собак' (тематическая группа – далее ТГ – «названия животных»), *лайка* 'сорт мягкой кожи' (ТГ «названия видов кожи»); *лама* 'животное семейства верблюдов' (ТГ «названия животных»), *лама* 'буддийский монах' (ТГ «религия и мировоззрение»); *канна* 'крупное многолетнее травянистое растение семейства канновых' (ТГ «фитонимы») *канна* 'крупнейшая антилопа с длинными прямыми рогами' (ТГ «названия животных»); *катран* 'растение семейства крестоцветных' (ТГ «фитонимы»), *катран* 'рыба семейства катрановых (колючих) акул' (ТГ «ихтионимы») и др. Омнимичные в русском языке термины были заимствованы татарским языком.

К этой же группе мы относим исторически омонимичные термины *горчак* 'название рыбы семейства карповых', *горчак* 'название растения семейства сложноцветных'. Как омонимы они зафиксированы в «Русско-татарском словаре биологических терминов» [5]. Но в процессе развития и упорядочения терминосистем соответствующих отраслей науки в языке укрепились татарские названия. В «Биологическом русско-татарском толковом словаре» [2] употребляется термин *ачыкый* 'горчак (фитоним)', который вытеснил русский фитоним ихтиологической терминосистемы. Термин *горчак* функционирует в языке, но параллельно с *аче балык*, который зафиксирован в словаре «Азбука природы» [1].

Другую группу омонимов представляют термины, возникшие независимо друг от друга в результате перевода специальной литературы. Они в основном относятся к зоотерминологии, но входят в разные тематические группы. Некоторые из них имеют синонимичные пары. Например, *сарыкорсак* 'желтопузик' (ТГ «названия пресмыкающихся»); 2) 'желтобрюх' (ТГ «ихтионимы»); *кэрэжборын* 1) 'лопатонос' (ТГ «орнитонимы»); 2) 'лопатонос' (ТГ «ихтионимы»); *мыеклач* 1) 'усач, барбус' (ТГ «ихтионимы») – синоним – *каяз*; 2) 'усач, дровосек' (ТГ «инсектонимы») – синоним – *мыеклач коңсыз, кистман; еланбаи* 1) 'змееголов' (ТГ «ихтионимы»); 2) 'змееголовка' (ТГ «названия пресмыкающихся»); 3) 'змееголовник' (ТГ «фитонимы») – синоним – *умыл (уты); канатчан* 1) 'крылатка' (ТГ «ихтионимы»); 2) тюлень (ТГ «названия млекопитающих»); *бөкрэч* 1) 'горбатка' (ТГ «инсектонимы»); 2) 'горбуша' (ТГ «ихтионимы»); *юанбаи* 1) 'толстоголовка' (ТГ «инсектонимы»); 2) 'толстолоб' (ТГ «ихтионимы»).

Отдельную группу омонимов составляют термины, образованные от общелитературных слов и являющиеся омонимами по отношению к ним. К примеру, *зәңгелә* 1) 'цинга' «болезнь, вызываемая недостатком витаминов в организме и проявляющаяся в разрыхлении и кровоточивости десен»; 2) 'гольян' «озерная рыба семейства карповых»; *күркә* 1) 'индейка' «крупная домашняя птица семейства куриных»; 2) 'шишка' «соцветие и плод хвойных растений округлой или овальной формы, покрытый чешуйками»; *табан* 1) 'стопа' «часть ноги, состоящая из предплюсны, плюсны и пальцев»; 2) 'карась' «пресноводная рыба семейства карповых с красноватыми плавниками». Примеры омонимии терминов и общелитературных слов свидетельствуют о том, что между ними отсутствует семантическая общность. Близость значений обнаруживается лишь в некоторых случаях. Например, общелитературное слово *үрдэжборын* 'плоскогубцы' имеет значение «клещи с плоской внутренней поверхностью губ». Зоологический термин *үрдэжборын* 'утконос' имеет дефиницию «австралийское млекопитающее отряда клоачных с вытянутой вперед плоской головой наподобие утиного носа». Обе лексические единицы объединяет значение «плоская форма». Хотя здесь и обнаруживается некоторая семантическая близость, все же это не нарушает представления об омонимии в терминосистемах.

Таким образом, зоологическая терминология татарского языка характеризуется смысловой точностью составляющих ее единиц. Полисемичные термины обнаруживаются лишь в единичных случаях. Они характерны для периода развития языка науки и переводческой практики зоологической литературы. В связи с этим омонимия получила более широкое распространение, встречаются и заимствованные омонимичные пары, и возникшие в результате обогащения зоологической терминосистемы на базе татарского языка.

Литература

1. Азбука природы. Русско-татарский, татарско-русский словарь биологических терминов / Сост.: А.Б. Халидов, В.И. Гаранин. Казань: Магариф, 2001. 79 с.
2. Биологический русско-татарский толковый словарь / Под ред. Ф.Г. Ситдикова, Р.К. Закиева. Казань: Магариф, 1998. 655 с.

В то же время стоит отметить, что роды и племена с подобными названиями были и на Енисее. Так, в «Сокровенном сказании» упоминаются хабханасы и ханьханэ, в «Юаньши» – ханхасы. Эти племена имели мало домашнего скота, доили оленей, пользовались лыжами. Считается, что под этими «тележными хакасами» имеются в виду степные качинцы [Кызласов: 1984, 154]. Потомками их являются самодийский кангатский род и, возможно, камасинцы, самоназванием которых является слово «кангалас» [Вайнштейн: 1980, 86]. Однако этот этноним по происхождению считается нетюркским, а кетским [Алексеев: 1980, 123].

А.И. Гоголев кыпчакский компонент в составе саха связывает исключительно с кангаласами. Впервые отождествление этнонима *ханалас* с названием племени *канглы* было сделано Г.В. Ксенофоновым в неопубликованном II томе «Ураангхай-сахалар». Исходя из этого Г.В. Ксенофонов предполагал тождество канглы с гаогуйцами-уйгурами. *Гаогуй* в переводе с древнекитайского языка обозначает «высокие телеги» [Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 4, оп. 7, ед. хр. 32]. Он их считал предками кангаласов – третьей этнической волны в формировании саха.

Существует предположение, отождествляющее род хэнгелдур бурятского племени эхирит с кангаласами в составе саха. Данное сопоставление заслуживает внимания с филологической точки зрения: *хангал-ас* и *хэнгел-дур*. Некоторые эхиритские роды, по признанию Б. Цыдендамбаева, могли быть потомками родов саха [Цыдендамбаев: 1960, 44–45]. Но более интересной является связь названий *канглы-хангалас* с названием рода *хангин*, имеющегося среди западных бурятов и монголов. Они считаются хоринским родом, попавшим в состав западных бурятов. Интересно, что в Монголии их иногда обозначали как *ханглин*.

Согласно исследованию С.М. Ахинжанова, племя канглы обитало до монгольского нашествия в основном в Сыгнакском владении кыпчаков и кочевало летом на Иртыше, а зимой уходило в долины Сырдарьи, Чу и Таласа. Сообщения о кочевьях канглов в верховьях Иртыша по соседству с найманами встречаются и у Рашид-ад-Дина [Рашид-ад-Дин: 1952, т. 1, кн. 1, 136–137].

Известна тесная, а возможно и генетическая, связь канглов с кераитским улусом Тогрул-хана, занимавшего земли в районе реки Тола, в среднем течении Орхона и бассейне реки Онгин в Северной Монголии. Представители канглийской знати, например упоминаемый в «Юань-ши» некий Кайранбай, служили при дворе кераитских ханов, а китайское сочинение «Менуэр-шицзы» прямо пишет об их родстве: «Кераиты были предками канглы. Западные именовались канглы, восточные кераитами» [Кадырбаев: 1990, 35–36].

В 1286 г. по приказу Хубилай-хана в империи были сформированы подразделения гвардии из кыпчаков и канглы [Кадырбаев: 1990, 97]. В 1308 году кыпчакская гвардия была разделена на гвардии правого и левого крыла, а в 1310 г. реформирована и усилена дополнительным контингентом войск гвардии канглы. Интересно и то, что все воины из канглы, служившие в других войсках, были отобраны для службы в гвардии [Кадырбаев: 1990, 111].

Представители племени канглы остались кочевать и на своих прежних землях по Сырдарье и на Тянь-Шане. Впоследствии, после распада Могулистана, могулы-канглы вошли в состав казахов. Казахское племя канлы входит в Старший жуз и проживает в южной части Казахстана, на прежних землях своих предков – кангаров. Племя канглы вошло в состав кыргызов во времена до XV века, когда кыргызы и южные алтайцы входили в единую общность [Абдуманапов: 2002, 11–14].

Известно, что остатки печенегов вместе с кыпчаками образовали половецкий племенной союз. Канглы входили в Кыпчакское ханство как значительная этнополитическая сила. В XII веке в районе Приаралья и нижней Сырдарьи канглы образовали крупное объединение племен, номинально подчинявшееся кыпчакским ханам. В политических событиях, особенно в сношениях с Хорезмом (в XII – начале XIII в.) канглы действовали независимо от кыпчаков. Это дает К.Ш. Шаниязову основание полагать, что канглы и кыпчаки являются самостоятельными племенными объединениями (Шаниязов, 1974, с. 40). Китайские источники того периода определяют племенной союз канглы термином *го*, обозначающим государство. В тексте «Юань-ши» написано: «Ашанбуха, потомок ханского рода государства канглы – канго ванцзу» [Кадырбаев: 1985, 117].

В войсках хорезмшаха, на чьей стороне канглы выступили против монголов, их было до 90 тысяч. Как свидетельствует Абулгази, значительная часть этих канглов была разгромлена в районе Джуда и Таласа монгольскими завоевателями. Плано Карпини в XIII веке проезжал через земли канглы после его завоевания монголами. Вот что сообщает он о страшной участи, постигшей их: «В этой земле, а также в Комании мы нашли многочисленные головы и кости мертвых людей, лежащих на земле, подобно навозу... Эти люди были язычники, как и команы, так и кангиты, не обрабатывали земли, а питались только скотом, они не строили также домов, а помещались в шатрах. Их также истребили татары и живут на их земле, а те, кто остался, обращены ими в рабов» [Рубрук, Карпини: 1997, 74].

ПОЛИСЕМИЯ И ОМОНИМИЯ ЗООЛОГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ
(на материале татарского языка)

О.Н. Бятикова

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, г. Казань

При перечислении качеств, которые характеризуют термины, однозначность ставится на одно из первых мест. Как показал анализ терминологических словарей, этот принцип соблюдается в зоологической терминосистеме. Лишь в единичных случаях термин развивает новые оттенки. Значения многозначного термина даются под номерами в последовательности, зависящей от их активности и распространенности. К примеру, термин *куян* в словарях фиксируется с двумя семантемами: 1) *кыр куяны* ‘заяц’; 2) *йорт куяны* ‘кролик’. Отдельные значения *куян* взаимосвязаны и представляют собой различные градации специального ряда: первое – родового характера, во втором значении наблюдается специфичное видовое отличие. Родо-видовые взаимосвязи обнаруживаются и в семантемах *кубэлэк*: 1) ‘бабочка’; 2) *вак кубэлэк* ‘мотылек’.

Существенно отличается развитие значений термина *эт балык*. Как известно, с развитием языка науки термины могут приобретать новые характеристики. Так, в ихтиологической литературе в значении ‘вьюн (рыба отряда карпообразных)’ употребляются синонимичные термины *этлэч*, *эт балык*. В результате развития переводческой практики у термина *эт балык* ‘вьюн’ появилось еще одно значение – ‘рыба-собака (рыба семейства губановых)’. В этом значении термин встречается в переводной ихтиологической литературе начиная с 1974 года, но впервые зафиксирован в 1998 году в «Биологическом русско-татарском толковом словаре» [2].

Развитию полисемии способствует также изучение экзотической ихтиофауны и авторское употребление уже известных терминов в новом значении. Так, термин *еланбалык* до недавнего времени имел одну семантему ‘угорь (рыба семейства угревых)’. В прозе М. Юныса ихтионим употребляется также в значении ‘мурена (рыба семейства муреновых)’. Функционирование термина в новом значении находит отражение и в словарях нового поколения.

В рассмотренных случаях все термины-полисеманты относятся к одной тематической подгруппе.

Полисемические отношения могут развиваться не только у термина – названия вида, но и у термина как названия отряда или семейства. Это объясняется тем, что названия отрядов образуются на базе названий видов. Они были скалькированы из русского языка уже с двумя семантемами: *керфеккорсаклылар* ‘брюхохресничные’ 1) название отряда ресничных инфузорий; 2) название класса первичнополостных червей; *ишкэгаяклылар* ‘веслоногие’ 1) название подкласса ракообразных; 2) название отряда птиц.

Появлению полисемии способствует также развитие биологических наук и практика перевода зоологической литературы на татарский язык. Например, термин *чуллык* в терминологических словарях зафиксирован в значении ‘бекас’. В ихтиологическом дискурсе термин еще с 1974 года функционирует и в значении ‘рыба-бекас’. В терминологии *чуллык* употребляется чаще с компонентом *балык* ‘рыба’. С одной стороны, такое употребление терминов позволяет четко различить реалии, с другой – это характерное явление для ихтиотерминологии татарского языка (ср.: *кэрэкэ - кэрэкэ балыгы* ‘карась’, *алабуга - алабуга балыгы* ‘окунь’ и др.).

Многозначность в ихтиологической терминосистеме связана и с процессом формообразования. Интересным представляется образование терминов классификации животного мира. Терминологи отмечают единую стройную систему классификации в биологии, «при которой каждая предыдущая ступень исчерпывается последующим» [8, 153]. Здесь тип подразделяется на классы, класс на отряды, отряд на семейства, семейство на роды, род на виды, вид на подвиды. Названия типов, отрядов семейств и родов, как правило, образуются с помощью аффикса *-лар/-лэр* и «являются обобщенными названиями» [4, 60]. В результате образования терминов классификации от одной и той же основы развивается полисемия. Так, термин *этлэчлэр* известен как название семейства вьюновых (*Cobitidae*). Он употребляется и в значении ‘вьюны’ – названия одного из видов этого семейства (*Misgurnus*). Отметим, что это явление характерно чаще для тематической подгруппы «рыбы».

Интересный материал зафиксирован в толковых словарях татарского языка. Так, *алтынкуз* имеет две семантемы: 1) ‘златоглазка (бабочка)’; 2) ‘разновидность овода’. Полисемант *бака* в языке имеет семь значений, два из них называют представителей животного мира: 1) ‘лягушка’; 2) ‘моллюск’.

То положение, какое занимают канглы в составе тюркских народов, позволяет усомниться в их иранском, среднеазиатском происхождении. Более убедительной является версия, отождествляющая их с объединением Гаогюй, которая позволяет сделать вывод о преемственности тюркских народов на протяжении тысячелетий.

Литература

- Абдуманов Р.А. К вопросу происхождения кыргызского племени кангды // Известия Томского политехнического университета. Тематический выпуск «Сибирь в евразийском пространстве» / Под ред. Л.И. Шерстовой. Томск: Изд-во ТПУ, 2002. Вып. 7. С. 3–19.
- Абульгази. Родословное древо тюрков / Пер. Г.С. Саблукова. Казань, 1906. С. 42.
- Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племён и народностей // Живая старина, год IV. СПб., 1896. Вып. III-IV. С. 368.
- Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1989. 293 с.
- Аманжолов С.А. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959. 72с.
- Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.–Л., 1950. Ч. I. 380 с.
- Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.3. М., Л., 1953. 332 с.
- Боровкова Л.А. Царства “западного края” во II-I веках до н.э. (Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу»). – М.: Институт востоковедения РАН, 2001. – С. 293.
- Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926. – 523 с.
- Зуев Ю.А. Тамги лошадей из вассальных княжеств (Перевод из китайского сочинения VIII–X вв. Танхуйяо. Т. III. цзюань 72, С. 1305-1308): Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана // Труды ИИАЭ АН Каз.ССР. Т.8. Алма-Ата, 1960. 97 с.
- Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 338 с.
- Кадырбаев А.Ш. Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII-XIV вв. Алма-Ата: Гылым, 1990.
- Кадырбаев А.Ш. Канглы: племя или государство? // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М., 1986. Материалы XX годичной научной сессии ЛО ИВ АН СССР. Ч.1. 1985.
- Картины Плано Дж. Дель. История монголов. Г. де Рубрук. Путешествие в восточные страны. 4-е изд. М.: Мысль, 1997. 460 с.
- Каржаубай Сарткожаулы. Объединенный кагана тюрков в 745–760 годах. Астана «Фолиант», 2002. 220 с.
- Кайдаров А.Т. К историко-лингвистической характеристике канглы (кан)//Тюркская ономастика. Алма-Ата, 1984. С. 39–47.
- Кляиторный С.Г. Кангтойская этнопонимика в орхонских текстах // Советская этнография, 1951. N 3 С. 55–59.
- Кляиторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. М.: Наука, 1964. С. 150-180.
- Ксенофонов Г.В. Материалы к II Тому «Ураанхай-сахалар». Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 4, оп. 7, ед.хр. 32.
- Маркварт И. О происхождении народа куманов // Сайт «Великая степь» [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://steppe.hobi.ru/books/markvart1-00.shtml>. Дата обращения (22.06.08).
- Паркер Э. Татары. История возникновения великого народа. М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. 223 с.
- Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. I, кн. 1–2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 221 с.
- Литвинский Б.А. Кангуйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968. 199 с.
- Шаниязов К.Ш. К этнической истории узбекского народа. Ташкент, 1974. 344 с.
- Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование. Улан-Удэ: Бурят.кн.изд-во,1972. 662 с.
- Minorsky V. Hudud al – ‘Alam. London, 1937. [электронный ресурс] Режим доступа: <http://odnap1yazyk.narod.ru/>
- Форум Евразийского исторического сервера. История народов Евразии. Народы и племена с неясным происхождением. Керейты. Найманы. Канглы. Электр данные. <http://forum.eurasica.ru/topic32s0.html?start=0>

«ЧУВАШСКИЙ МЫС» В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАНОРАМЕ СИБИРИ

З.А. Тычинских

Тобольская государственная социально-педагогическая академия им. Д.И. Менделеева, г. Тобольск

По данным переписи 2002 г., на территории Тюменской области проживает более 30200 представителей чувашского этноса. Подавляющее большинство из них составляют поздние переселенцы. Следует отметить, что наибольший миграционный приток чувашей в Сибирь приходится на начало 20-х годов XX столетия. В то же время ряд исторических источников позволяет предположить, что появление чувашей в Сибири, а также этнические контакты чувашей и сибирских народов относятся и к гораздо более ранним периодам.

На территории современного города Тобольска есть место, которое является ключевым в истории создания евразийского в геополитическом значении Российского государства. Это Чувашский мыс. Именно исход сражения под Чувашским мысом 26 октября 1581 г., когда, по летописному выражению, произошло «взятие Сибири», определил ход дальнейшего присоединения огромных азиатских просторов к формирующемуся Российскому государству. «И ту приступиша крепче бяхуся с самим Кучюмом, хотяши взятии чувашский град на горе Чувашской и ту засясти на зиму, да пребудем в сидении сохранны, яко крепок бе чувашский град окопми», – сообщается об этих событиях в сибирских летописях.

романе концепт “труд” актуализируется через труд Ф. Энгельса: Ул, ульүзләнеп, Энгельстың мәкәлләр йыйынтыгын Камилә апайзың кулынан тартып тигәндәй алды ла “Маймылдан кешегә әйләнерү хезмәттең тоткан урыны” тигән язуга төртөп күрһәттә (С. 174). Унан Ф. Энгельстың “Маймылдан кешегә әүерелерү хезмәттең тоткан урыны” тигән әсәрен кулына алды (С. 188). “Кешене кеше иткән – хезмәт” Энгельс (С. 419). Кеше зүмеренәң ерзә яралып, ерзә бөтөп каласагын, кешене кеше иткән, башка хайуандардан айырган төп нәмә лә хезмәт кенә булыуын раҗлаган был бөйөк хәтикәткә инде а кылы менән төшөннә лә, йөрәге менән кабул итә алмай ыңаланды (С. 189).

Концепт “хезмәт” репрезентируется через лексему хезмәт итеү (армияла) – служить (в армии). Защищать Родину – долг каждого солдата: Был Закир хақында, үзенең Петроградта ла, Польша фронтында ла Хаммат менән йәнәши полкта һалдат булып хезмәт итеүе хақындагы хикәйт ине (С. 413).

В романе со словом хезмәт итеү (служить), объективирующего концепт “хезмәт”, хезмәт итеү – это деятельность, часто имеющая подневольный характер. Реализация концепта “труд” через лексему хезмәт итеү является ярким примером описания быта крестьянина того времени: Һәр икәһе өлгөрөп килгән яңы байга тогро хезмәт итә ине (С. 184). Иштүган да йәшлектең онотолмәс иштәлегә булып йөрәктә һакланган был көндәрзә хәтергә төшөргәс, әңер караңгыһы баһып килгән тонож офокка күз ташлап уйлана биреп барзә ла һүзән дауам итте:

– Бына шул Изрис картты әйтәм әле, без белгәндә, донъяла якшылык, гәҗеллек тигән нәмә йәшәүенә тамам өмөт өзгән, айнык сакта кейәүенә баш әйеп хезмәт иткән, әсеп альа, ситтән уга йөзрөк күрһәтеп, урамда балалайка дымбырлатып:

... Әх, мои родители,

Вы меня не любите... –

тип сабыйзәр такмагы әйтәп йөрөүзән башканы белмәгән бер кеше ине бит (С. 206). Иштүгандан үс алыу, халыкка уның йөгөнтоһон туктатыу хақында күптән баш ваткан Әхмәтша менән Шымбай карт был юлы муллага хезмәт итергә түгел, ә уның үзән файҙаланырға самалайзәр ине (С. 221).

В романе З. Бишевой “Емеш” для объективации концепта “труд” широко используется лексема эи, которая в целом имеет прикладное значение: Әйтәп тораһы юк, бер үзә әллә нисә хезмәтсенең эиен башкара ла куя икән, ти (С. 181). Шуга, ахыры, күп вақыт ул үзә лә, уның тирәһендәгә кешеләр зә, бигерәк тә эи талап иткәндә, уның бала икәнән бөтөнләй онота торгайһы (С. 188). “Аз вақыт өсөн кайтып йөрөгәнсе, китап укырмын” – тигән хат кына ебәрзә лә эи тә бөттө (С. 216).

Массив языковых единиц, репрезентирующих концепт “труд”, позволяет установить важнейшие способы концептуализации и категоризации входящих в него знаний. Эти способы связаны с кодами культуры, их пять: акциональный, фетишный, биоморфный, антропоморфный и анимический [4; 46]. В романе З. Бишевой “Емеш” используются акциональный, антропоморфный и частично фетишный коды. В основе акционального кода содержатся представления о действиях, имеющих для человека особую значимость. В рамках этого способа концептуализации и категоризации формируются такие базовые образы, как *путь*, *дорога* выполнения того или иного вида деятельности (вспашивание поля, уход за домашними животными, приготовление пищи и др.) [2; 90]: Атаһы волоста эиләгәс, Байрас күп вақыт Якуп ауылында булды. Комсомол эиен юлга һалабыз тип, Алеша менән бергә бөтә волосты аркыры-буй йөрөп сыкты. Эштәһ бушаган арала, атка атланып, Илсеһолга елеп килһә, Емеш кыр эиендә булып калды йәки өйзә буһа ла өлкәндәр алдында кыйыуһыз зына күзә-күз карашып алыузан уҙып ни һөйләшһәң?! (С. 251).

Таким образом, концепт “хезмәт” имеет сложную структуру, совмещает в себе черты общеязыковой и индивидуально авторской концептуализации. Для реализации содержания концепта участвуют языковые единицы различных уровней, но ведущая роль принадлежит лексическим средствам, которые являются культурно значимыми. Следовательно, их изучение позволяет получить представление о башкирской языковой картине мира и отраженном в ней менталитете народа.

Литература

1. Бишева З. Әсәрзәр. Биш томда. Өсөнсө том: Емеш. Роман. Өфө: Китап, 2003. 496 б.
2. Жуков К.А. Концепт «труд» как один из центральных фрагментов пословичной картины мира // Вестник Новгородского государственного университета. 2004. № 29. С. 90.
3. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997. С. 76.
4. Токарев Г.В. Теоретические проблемы вербализации концепта «труд» в русском языке: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2003. 46 с.
5. Чернова О.Е. Концепт “труд” как объект идеологизации: Дисс. канд. ... филол. наук. Екатеринбург, 2004. С. 50.

В «Описании Сибирского царства» Г.Ф. Миллер рассказывает об этом следующим образом: Кучум «...хан под мысом Чувашом приказал засечь дороги, и реку Иртыш... запереть...» [Миллер: 1998, 103]. Далее он сообщает, что казаки в связи с боязнью голодной зимы «желали, чтоб с ханом как наискорее возиметь главное сражение. Они нашли к тому случай, как октября 23 числа большая неприятельская сила, вверху на Чувашском мысу и внизу онаго при засеке появилась, и тогда казаки с лозунгом «с нами Бог» из городка Аттиска к нападению спешили. Царевич Маметкул, который татарами командовал внизу при реке, хотя и храбро защищался, а та партия, которая вверху на Чувашском мысу была под предводительством самого хана, также старалась беспрестанным из луков стрелянием нижним подать вспоможение: однако все сие недовольно было, чтоб против казаков устоять, и к отступу их принудить. Частие служило казакам очевидно: и они одержали над неприятелем... совершенную победу...» [Миллер: 1998, 103].

Еще раз «Краткая Сибирская летопись» упоминает о чувашском городке в связи с уходом хана Кучума: «Грады же Чювашский и Кашлык, Сузгун, Бицик, Абалак и протчие оставиша пусты» [Краткая Сибирская летопись: 1880, 16, 18].

Откуда же ведет свое происхождение название «Чувашский мыс»?

Далеко не все исследователи связывали название Чувашского мыса с чувашами.

В первой половине XIX в. историк П.А. Словцов высказывал недоумение по поводу того, откуда могли в Сибири взяться чувашаи, и считал, что название этого места имеет начальную форму «потчеваш», которая была заимствована из хантыйского языка и означает «прибрежное». Археолог В.И. Мошинская предполагала, что название «потчеваш» могло произойти от созвучия первого и последнего слова «пеш», «печ» (хант.) – «оленонок» и «вож» – «городок». Таким образом, вслед за М.С. Знаменским, который еще в XIX в. высказывал подобные соображения, она определяет это название как «Олений городок».

Между тем известный сибирский этнограф Н.А. Томилов считает, что в состав искеротобольской группы сибирских татар чувашаи вошли уже на раннем этапе формирования данной группы [Томилов: 1981, 69–70]. Он указывает на тот факт, что в местах проживания искеротобольских татар во времена Кучума осели отдельные небольшие группы казанских татар и чувашей. В связи с этим он приводит следующее сообщение из летописи: «Во второе лето (после захвата Кучумом власти. – З.Т.) ехав Кучум в Казань и дочь казанского царя Мурата взял в жену и с нею многих чуваш и абыз и русского полона людей и приехав на Сибирку, пребываше славно». Н.А. Томилов далее отмечает, что казанские татары были в основном священнослужителями, а чувашаи – служилыми военными людьми [Томилов: 1981, 69].

Чувашаи вместе с татарами, казахами, хантами и манси находились и в войске Маметкула, посланном Кучумом по Тоболу навстречу Ермаку: «Собранные же вои Чювашаи, Казачьи Орды, Вогуличи, Остяки и вси Татарове опустив Кучюм из города своего с сыном своим Маметкулом по Тоболу на встречу Ермаку; сам же учинив засеку под Чювашаи на Иртыше реке и гряды окопми укрепив и на усть Тоболу крепкую стражу поставив» [Сибирские летописи: 1907, 323].

Имеются сведения о чувашах-поселенцах в Сибирском ханстве и в более раннее время, что отложилось в исторических источниках. Так, Г.Б. Матвеев приводит сведения о том, что «с XIV в. (а возможно и ранее) имела место миграция болгарских жителей – бесермян (мусульман) и чувашей (приверженцев домусульманской веры) на запад и восток. Почти все мигрировавшие на восток были ассимилированы, однако оставили о себе следы в названии этнических групп, племен (башкирское племя сыуаш – чуваш), а также в топонимике... [Матвеев: 2007, 38]. Н.А. Томилов указывает на известия о чувашах-переселенцах в период правления тайгуинов. Так, о внуке Тайгуи Сибири было сказано, что он вернулся из казанского плена со всеми родственниками и «...последовавшими за ним чувашами» [Юшков: 1861, 276]. Что касается упоминания в летописи о прибытии с Кучумом в Искер «русского полону людей», то надо отметить, что в составе пленных были не только русские, но и представители других народов. Так, в летописи говорится: «...один же... чювашенин был у Кучума русского полону» [Сиб. летописи: 1907, 334].

Таким образом, в период правления хана Кучума служилые чувашаи составляли в Сибири значительное количество и входили (как воинское подразделение по типу казаков) в подчинение царевича Маметкула.

Сообщается, что городок царевича Маметкула находился на Чувашском мысу: «...на находившийся на помянутом мысу городок, в котором чаятельно жили тогда вывезенные Ханом прежде сего из Казани Чувашаи...» [Миллер: 1998, 103]. Скорее всего, городок Махмет-Кула был построен в период правления хана Кучума и просуществовал незначительное время. Вероятно, именно поэтому археологи, проводившие исследования на территории Чувашского мыса, практически не обнаружили культурный слой, относящийся к татарскому периоду.

В.К. Андреев полагает, что «из-за малочисленности чувашей» они достаточно быстро были ассимилированы местным тюркским населением [Андреев: 2007, 17].

Так, В.А. Могильников сообщает: «По преданию, на Чувашском мысу находился городок племянника Кучума Махмет-кула (Махмета). Неоднократные раскопки городища показали, что культурный слой содержит остатки в основном двух периодов – сузгунской культуры эпохи поздней бронзы X–VIII вв. до н.э. и потчевашской культуры VI–IX вв. раннего Средневековья, относимой исследователями к предкам южной группы хантов. Небольшой материал относится к IX–XI вв. усть-ишимской культуры. Слоя татарского времени на городище не обнаружено. Возможно, татарское укрепление, городок Маметкула, существовало здесь короткое время...» [Могильников: 2002, 79].

В начале XIX в. в «Сибирском вестнике» было помещено описание Чувашского мыса. «На Чувашском мысу видно поныне укрепление, отстоящее от окончательного предместья города Тобольска в 700 сажнях, и курганы, оставшиеся от Чувашей, выведенных ханом Кучумом из Казани. Вал, как полагать должно, составлял важнейшую оборону. Ширина оного 5 аршин, высота $\frac{3}{4}$ аршина, ров за ним 4,5 сажени шириной, глубиной 3 аршина. С западной стороны ров сей прикопан к ложине и от поверхности оной выведено наружное укрепление в параллель главному рву и валу, которое состоит ныне только из одного рва шириной в 2,5 сажени, глубиной в 1 аршин. По всему укреплению ничего нет, кроме кусков мелкого таволожника, а по курганам и вокруг оных низкого березняка» [Спаский: 1818, 26–27].

В 20-х годах XIX в. был снят первый план археологических памятников Чувашского мыса. На плане было нанесено городище, окруженное двумя рвами, на территории которого показаны две курганные насыпи, а также расположенные вдоль обрыва насыпи курганов Потчевашского могильника. Оригинал памятника хранился у М.С. Знаменского, до наших дней дошла только сделанная им копия в альбоме рисунков, посвященных городку «Махмет-Кула» [НА ТГИАМЗ, Кп 15675]. Сейчас можно только предполагать, кем же был снят этот план. А.А. Адамов предлагает видеть в авторе данного чертежа П.А. Словцова [Адамов: 2008, 6].

В 1878 г. по приказу тобольского вице-губернатора А.И. Дмитриева-Мамонова были начаты раскопки курганов, расположенных на Чувашском мысу. Исследования начались по случаю ожидания прибытия в г. Тобольск генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова, путешествовавшего к устью Оби. Всего было вскрыто два или три кургана. Курганы раскапывались перпендикулярными траншеями «2–3 аршина в ширину и сажень 1,5 и более в глубину, т.е. до самой почвы кургана» [Голодников: 1879, 22].

В конце 70-х годов XIX в. исследования археологических памятников начал тобольский краевед М.С. Знаменский. В Тобольском музее хранится дневник его раскопок на городке Чувашский мыс, где М.С. Знаменский отмечал дни работы и вещи, найденные при раскопках. Судя по дневнику, работы на городище начались еще в 1878 г., однако о них известно только то, что на следующий год с отвалов земли были подняты две небольшие металлические пластинки [НА ТГИАМЗ, № 36].

Большие раскопки были предприняты М.С. Знаменским в 1879 г. В ходе исследований было обнаружено 49 металлических предметов и 79 наконечников стрел. Культурный слой содержал значительное количество фрагментов от керамических сосудов, однако в связи с тем, что раскопки проводились археологом-любителем, они не собирались и не фиксировались.

Стоит заметить, что замечательные коллекции археологических предметов, найденные на Чувашском мысу, послужили впоследствии основой для создания музея Томского университета.

В 1891 г. вышла книга М.С. Знаменского «Чувашский мыс». Большая часть работы посвящена Кучуму, походу Ермака и решающему сражению у Чувашского мыса. В книге содержится план городища и прилегающей к ней местности. М.С. Знаменский считал, что городок возник во время похода Ермака. «На круто подымающемся над Иртышом Чувашском мысу начал Махмет-кул устраивать себе крепость: вырыли ров сажени в две глубиной и сажени четыре шириной, укрепили его валом и частоколом, затем, отступив сажень на 20 от первого укрепления, вырыли второй ров. С той же стороны, откуда ждали врага, не надо было ни ровов, ни валов; на 30-саженную стену не совсем удобно было взбираться, против стрел да запасенного камня. Внизу же, перед холмом, сделана засека» [Знаменский: 1891, 8]. Описание же самого городища XIX в., сделанное Знаменским, удивительно живо и образно и точно соответствует тому, что можно увидеть и теперь.

На наш взгляд, происхождение топонима все же следует связывать именно с чувашами, которые входили в военное подразделение царевича Маметкула и проживали в его военном укреплении, получившем название у тобольских татар «городок Махмет-кула», а территория, на котором городок находился, по этническому составу проживавших в нем дружинников – «Чувашский мыс».

Что же касается этимологии названия «Потчеваш», от которого пытаются вывести хантыйское название «Олений городок», то это более поздний топоним, бытующий и на сегодняшний день у населения г. Тобольска в варианте «Подчуваш», «Подчуваши» и обозначающий территорию под Чувашским мысом, т.е. под чувашами.

Таким образом, чуваша сыграла определенную роль в этногенезе сибирских татар, войдя в состав искеро-тобольской группы. И хотя они очень быстро растворились среди сибирских татар, почти так же

отражают специфические особенности многосторонней материальной и духовной культуры народа, его национальный менталитет.

А.С. Макаренко и В.А. Сухомлинский большое значение придавали роли трудового воспитания и обучения в процессе становления и социализации личности. Народы мира видят в труде основу всех благ и счастья: *Агасты япрак бизэй, кешене хезмэт бизэй – Дерево красно плодами, человек делами. Ат тешенэн, егет эшенэн билдәле (досл. лошадь видна по зубам, джигит – по работе) – Не по виду суди, а по делам гляди. Кем эшләмэй, шул ашамай – Кто не работает, тот не ест.* Афоризмы отражают особенности национального осмысления труда. Так, русские афоризмы освещают труд в свете нравственности, исполнены дидактизма, категоричны: «Ничто так не облагораживает человека. Без труда человек не может соблюсти свое человеческое достоинство» (Л.Н. Толстой); «Надо поставить жизнь в такие условия, чтобы труд был необходим. Без труда не может быть чистой и радостной жизни» (А.П. Чехов). «Учение и труд – рядом живут» (пословица). «Сейчас главное – учеба и труд во имя Родины» (премьер-министр России В.В. Путин). Они должны создать основу для воспитания молодежи. Трудовое воспитание является одним из важнейших направлений современного общества, которому необходимо восстановить культ труда в условиях непрерывного образования. Только трудолюбивый человек способен хорошо учиться, быть воспитанным, гуманным, духовно развитым, любить Родину, самореализоваться как полилингвальная толерантная языковая личность.

В данной статье рассматривается концепт «труд», нашедший яркое воплощение в романе З. Биешево «Емеш» и отражающий индивидуальное восприятие мира автора.

Концепт «хезмэт» (труд) является одним из ключевых концептов башкирской культуры, который входит в круг утилитарно-практических ценностей башкира.

Ядерной лексемой семантического поля концепта «хезмэт» является «хезмэт». Приядерную зону концепта «хезмэт» составляют концепты «эш» (работа), «хәл» (дело), «шөгөл» (занятие), «кәсеп» (промысел, ремесло). Периферия концепта «хезмэт» включает в себя концепты «тырышлык» (усилие), «көсөргәнеш» (напряжение), «намыс» (совесть), «яуаплылык» (ответственность), «көс» (сила, мощь, энергия).

Концепт «хезмэт», выявленный из романа З. Биешево «Емеш», можно описать с опорой на три его основных лексических выражения *труд – работа – дело*: – *Еңгә, был һезгә хезмэт көнөнә тейгән иген. Без уны кире алып китә алмайбыз, – тине Иштурган (С. 100). Нәп осороноң яңы байзарына юл куйырга яраткан гәмһез председател эшенән алынды (С. 457). “Собханалла... эштәр уң булырга окшай, – тип кинәнен кәзә һакалын һыпырып куйы мулла. – Әхмәтианы күндереп булла, кәрәген бирер ине ул хәсистер!...” (С. 221).*

В башкирском языке именем концепта «хезмэт» являются лексемы *хезмэт* (труд) и *эш* (работа). Слова *хезмэт* и *эш* синонимичны только в значении *деятельность вообще*. Однако в этом лексико-семантическом варианте (далее ЛСВ. – Л.С.) их семантика не лишена некоторых различий: труд – более творческая и этически значимая деятельность, чем работа; в труде на первом плане оказываются усилия, в работе – результат; для труда характерна положительная этическая оценка, для работы – положительная либо отрицательная утилитарная; в труде на первом плане выступают затрачиваемые усилия, в работе – результат; в труде масштаб задач больше, чем в работе; труд не способен разворачиваться во времени [5; 50]. Например: “*Касандыр, бынан мең-мең йылдар элек, ерҙә кешегә окшаған маймылдар йәшәгән. Башта әкрәнләп, турайып басырға өйрәнгән... Кулына таи, таяк тотоп, азык табырға белә башлаган – был уның маймылдан кешегә әйләнүгә тәүге азымы булған... Эйе, кулы менән эшләргә өйрәнә башлаган маймыл! Дөрөһөн генә әйткәндә, тап бына шул эш, хезмәт кешенең үзен барлыкка килтергән дә инде...” тигән кеүек тәрән философик фекерҙәрҙә үзенә ап-арыу аңлашылыуына кыуана-аптырай уҡыны (С. 188).*

Идеал трудолюбивого человека, отраженный в романе З. Биешево «Емеш», является важной составляющей языковой картины мира башкир. Через труд раскрывается нравственный облик человека. Концепт “труд” отождествляется с лексемой *егәрлек* (трудолюбие). Только трудолюбивый человек может реализовать поставленные перед собой цели, развивать свои способности. Труд – это основа всего: *Намыслы хезмәт менән йәшәй башларға өндәне (С. 179). “Нисек кенә ауыр булмаһын, хезмәт тигән оло максат менән ярһыган йәш йөрәктәрҙә сгендерер көс бармы ни?” (С. 267). Әйтерһең, уның йөрәге лә: “Хезмәт, хезмәт, хезмәт...” – тип сәгәт теле шикелле тик бер һүҙгә қабатлай ине (С. 419). Ысынлап та, уның ошо минутта қапыл үзәрәп, қырқыу, етди, хатта өлкәнерәк төһкә инеп киткән иһамлы йөһөндә тырыш хезмәт, ны қыш ижад дәрте, яуланаһы уңыштарҙың шифалы нурҙары бал қый һымақ ине (С. 457).*

В романе нередко упоминается о труде Ф. Энгельса, приводятся цитаты. Труд, по утверждениям К. Маркса и Ф. Энгельса, способствовал формированию человека. Из этого можно сделать вывод о том, что главная героиня романа Емеш стремится к «свету». Трилогия так и называется – «К свету». В

При сборе и анализе микропонимов следует учитывать возможность отражения в них особенностей миропонимания родоначальников деревни. По мнению автора, в микропонимах трансформировались фрагменты основного мифа, в частности близнечный миф. Поэтому только фиксация названия в отрыве от мифов, легенд, преданий и без топографического указания, при дальнейшем научном поиске, в лучшем случае, позволит сделать поверхностный языковой анализ. А комплексный сбор материала при этнолингвистическом анализе дает возможность реконструировать целый комплекс представлений, связанных с освоением новых земель, строительством и организацией жизни деревни, определить примерную хронологию ее возникновения, решить ряд вопросов по истории чувашского языка.

Литература

1. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.: Наука, 1979. Т. 3. С. 358.
2. *Алексеев В.П.* Становление человечества. М.: Политиздат, 1984. С. 462.
3. *Андреев И.А.* Сын ячёмем. Шупашкар, 1983. С. 64.
4. Архив автора. Записали: 1. Васильва О.Г. Канашский район, дер. Стар. Ахпердино, 2002. 2. Савельева О.З. Моргаушский район, дер. Ориново, 1999. 3. Иванова Т.М. Ядринский район, Бол. Чурашево, 2000. 4. Леонтьева Е.Н. Аликовский район, Русская Сорма, 2001. 5. Собран автором. Цивильский район, дер. Искеево-Яндуши.
5. *Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1984. С. 1328.
6. *Иванов К.В.* Сырнисен пуххи. Шупашкар, 1957. С. 460.
7. *Лебедева Е.А.* Некоторые индоиранские заимствования в чувашском языке в свете этнолингвистики Чувашская Республика на рубеже тысячелетий: история, экономика, культура. Чебоксары, 2000. С. 300–302.
8. Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х т., М.: Рос. энциклопедия, 1997. Т. 1. С. 671, т. 2. С. 719.
9. *Тимофеев Г.Т.* Тăхăръял. Чебоксары, 1972. С. 492.
10. *Федоров М.Ф.* Арсури. Шупашкар, 2000. С. 34.
11. Чăваш халăх пултарулăхĕ. Халăх эпосĕ. Шупашкар, 2004. С. 382.
12. Чăваш халăх пултарулăхĕ. Мифсем, легендăсем, халапсем. Шупашкар, 2004. С. 567.
13. *Этимологический словарь славянских языков.* М.: Наука, 2005. Т. 32. С. 261.

КОНЦЕПТ “ТРУД” И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ПРОЗЕ З. БИИШЕВОЙ (на материале романа “Емеш”)

Л.Х. Самситова

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа

Единственная настоящая ценность – это труд.
А. Франс

В лингвистическом мире все больше внимания уделяется изучению проблем лингвокультурологии. Основной единицей лингвокультурологии является концепт. Концепт – ментальная единица сознания, представляющая собой квант структурированного знания, репрезентирующий культурно-национальную ментальность его носителей.

Заслуживает внимания культурологический подход к концепту. Ю.С. Степанов понимает под концептом сгусток культуры в языковом сознании человека. «Концепты – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее. ...Концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [3; 76].

Анализ языковых способов выражения башкирского менталитета, зафиксированных в культурных концептах, способствует более глубокому изучению системы мышления, которой обладают носители башкирского языка. Именно в культурных концептах выражается картина мира башкир – система наиболее общих миропредставлений носителей данного языка. Язык в наибольшей степени выражает этнические особенности восприятия действительности. Исследование культурных концептов башкирской языковой картины мира способствует выявлению этнических особенностей стиля мышления башкир как образа культуры, являющегося одним из аспектов духовной культуры. Менталитет народа отражается именно через ключевые культурные концепты, благодаря которым можно составить представление носителей данной лингвокультуры об окружающем мире.

Взаимодействие языка и культуры особо ярко прослеживается через функционирование слова-концепта в пословицах и поговорках, фразеологических единицах, художественных текстах, которые

бесследно, как практически не оставивший культурного слоя городок царевича Махмет-кула – Чувашский городок, в котором они сосредоточивались, чуваша оставили свой след в исторической панораме Сибири и России в одном из наиболее значимых для российской истории топонимов.

Литература:

1. *Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г.* Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск, 2008.
2. *Андреев В.К.* Чувашские топонимы на территории Тюменской области: Чувашский мыс // Бичуринские чтения: доклады и материалы I региональной научно-практической конференции. Тюмень: «КоЛеСо», 2007. С. 16–18.
3. *Голодников К.М.* Заслуживают ли и в какой мере заслуживают научного исследования сибирские курганы вообще и тобольские в особенности? // Тобольские губернские ведомости. Тобольск, 1879.
4. *Знаменский М.С.* Чувашский мыс. Тобольск, 1891.
5. Краткая Сибирская летопись (Кунгурская). СПб, 1880.
6. *Матвеев Г.Б.* Заметки о расселении чувашей в Сибири. // Бичуринские чтения: доклады и материалы I региональной научно-практической конференции. Тюмень: «КоЛеСо», 2007. С. 38–39.
7. *Миллер Г.Ф.* Описание Сибирского царства. Кн. 1. М., 1998.
8. *Могильников В.А.* Археологические памятники сибирских татар XIV–XVI вв. в Тобольском Прииртышье // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2002.
9. НА ТГИАМЗ – Научный архив Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника.
10. Сибирские летописи. СПб, 1907.
11. *Спаский Г.* Картина Сибири // Сибирский вестник. Ч.1. СПб., 1818.
12. *Томшилов Н.А.* Тюркскоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. Томск: изд-во ТГУ, 1981.
13. *Юшков И.Н.* Сибирские татары // Тобольские губернские ведомости, 1861, № 40.

ХАРАКТЕРИСТИКА ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В КАЗАХСТАНЕ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ОБЛАСТИ РЕКЛАМЫ

М.М. Увансова

Международный Казахско-Турецкий университет им. К.А. Яссауи, г. Туркестан

Языковая ситуация – это контекст реального использования языка в обществе. Ее возникновение и дальнейшее формирование обусловлены различными обстоятельствами, в том числе взаимодействием языковых и неязыковых (социальных, политических, экономических, психологических, исторических, географических и иных) факторов. Сознательное вмешательство общества в языковую жизнь включает многомерное воздействие, начиная от отдельной личности до государства. В современном казахстанском обществе происходит упорядочивание и совершенствование социально-коммуникативной системы. Увеличились возможности выразить свое мнение в поддержку родного языка в качестве его потребителя. В современном обществе важна интерпретация языковых процессов политологами, социологами, правоведами и лингвистами. Выработка эффективной государственной языковой политики предполагает адекватную оценку реальной языковой ситуации.

Несмотря на принимаемые меры, не удастся пока в полной мере реализовать государственный статус казахского языка. Основная причина заключается в том, что этот статус до сих пор лишь декларирован, но не подкреплен механизмом, который обеспечил бы его повсеместное изучение и использование.

Проблемы казахского языка не исчерпываются необходимостью приобретения им реального государственного статуса. Во внимание, прежде всего со стороны ученых, специалистов, преподавателей, нуждаются само состояние современного казахского языка, проблемы его развития и обогащения. Речь идет как о расширении его возможностей в отображении новых социокультурных реалий путем взаимодействия с другими мировыми языками, так и о использовании в этом внутреннего потенциала языка.

До сегодняшнего времени отсутствие соответствующей правовой базы не создало единой основы для координирующей работы государственных органов, отвечающих за работу по поддержке и развитию языков. Сегодняшняя ситуация диктует необходимость объективного, научного изучения языковых процессов и разработки системы мер по созданию оптимальной языковой среды. Необходимо при этом учитывать фактическое распространение языка и его реальные возможности по расширению общественных функций.

В любом полиязыковом государстве языки различаются по функциональному назначению, степени распространенности, числу носителей и т.д. Создание оптимального языкового пространства государства требует четкого определения функционального соотношения языков, при котором государственный язык должен занять достойное место.

Государственный язык выполняет наиболее важные функции в государственной и общественной жизни. Это, прежде всего, язык, на котором принимаются все законодательные акты данного государства.

Это обязательный язык официальных мероприятий, служебной корреспонденции, делового общения. Государственный язык используется в работе всех государственных органов, организаций, в вооруженных силах. На нем ведется учетно-статистическая, финансовая и техническая документация. Государственный язык является основным языком судопроизводства в стране. На государственном языке обязательно излагаются все сделки физических и юридических лиц, совершаемые в письменной форме.

На государственном языке осуществляется деятельность дипломатических представительств страны, заключаются международные договоры, проводятся официальные приемы. В государственных средствах массовой информации и коммуникации употребление государственного языка является обязательным. С целью создания соответствующей языковой среды объем передач по государственным каналам на других языках не должен превышать по времени объем передач на государственном языке.

Казахский язык как государственный язык Республики Казахстан начинает охватывать все сферы общества. Несмотря на недавность появления реклам на государственном языке, отмечается тенденция формирования языка рекламы на казахском языке. В целях регулирования отношений, возникающих в процессе производства, распространения, размещения и использования рекламы на территории Республики Казахстан, 19 декабря 2003 года принят Закон Республики Казахстан «О рекламе». Законодательство Республики Казахстан о рекламе основывается на Конституции Республики Казахстан и на других нормативных правовых актах. Реклама, независимо от формы или используемого средства распространения, размещения, должна быть достоверной, распознаваемой без специальных знаний или применения специальных средств непосредственно в момент ее представления. Реклама на территории Республики Казахстан, включая рекламу на телевидении, радио и наружную (визуальную), распространяется на государственном и русском языках.

Основными задачами Закона являются обеспечение необходимых условий для производства, распространения, размещения и использования рекламы, защита от недобросовестной конкуренции в области рекламы, предотвращение и пресечение ненадлежащей рекламы. Закон распространяется на отношения, возникающие в процессе деятельности физических и юридических лиц, производящих, распространяющих, размещающих и использующих рекламу на территории Республики Казахстан. Закон не распространяется на объявления физических лиц, в том числе в средствах массовой информации, не связанные с осуществлением предпринимательской деятельности, а также на политическую агитацию и пропаганду, осуществляемые в соответствии с законодательными актами Республики Казахстан.

В законе используются такие понятия, как *реклама, ненадлежащая реклама, рекламодатель, рекламопроизводитель, рекламораспространитель, потребители рекламы, бегущая строка*. Реклама – распространяемая и размещаемая в любой форме, с помощью любых средств информация, предназначенная для неопределенного круга лиц и призванная формировать или поддерживать интерес к физическому или юридическому лицу, товарам, товарным знакам, работам, услугам и способствовать их реализации. *Ненадлежащая реклама* – недобросовестная, недостоверная, неэтичная, заведомо ложная и скрытая реклама, в которой допущены нарушения требований к ее содержанию, времени, месту и способу распространения, размещения, установленных законодательством Республики Казахстан.

Рекламодатель – физическое или юридическое лицо, являющееся источником рекламной информации для производства, распространения и размещения рекламы. *Рекламопроизводитель* – физическое или юридическое лицо, осуществляющее приведение рекламной информации к готовой для распространения и размещения форме. *Рекламораспространитель* – физическое или юридическое лицо, осуществляющее распространение и размещение рекламной информации путем предоставления и (или) использования имущества, в том числе технических средств радио- и (или) телевизионного вещания и иными способами. *Потребители рекламы* – неопределенный круг физических и (или) юридических лиц, для которых предназначена реклама. *Бегущая строка* – способ распространения рекламы, передающейся по телевидению, в кино- и видеослуживании, который характеризуется последовательным чередованием (передвижением) сочетаний букв, цифр, знаков, составляющих в совокупности определенную информацию, на экранах телевизоров, а также на автономных мониторах – объектах стационарного размещения.

По закону реклама может полностью или частично являться объектом авторского права и смежных прав. Авторское право и смежные права подлежат защите в соответствии с законодательством Республики Казахстан, а также международными договорами. Перевод содержания рекламы с одного языка на другой не должен искажать ее основной смысл. Закон запрещает рекламу не зарегистрированных в соответствии с законодательством Республики Казахстан религиозных организаций и духовных учебных заведений. Также реклама не должна использоваться для пропаганды или агитации насильственного изменения конституционного строя, нарушения целостности Республики Казахстан, подрыва безопасности государства, разжигания социальной, расовой, национальной, религиозной, сословной и родовой розни, культа жестокости и насилия. По закону реклама не должна использоваться для распространения сведений, составляющих

кавайт чёртсе вутта пәрахаççё. Чәваишем ёненнё тәрәх, çав апат-çимёç суннә вәхәтра тётём витёр вёсене шура тум тумланнә, кәвакарнә çүç-пуçла, пуçёне кәвак түпене перёнекен, урисемпе çёр синче тәракан Уләп курәнәтә [11, 117] «Чуваши во время жертвоприношения на кладбище остатки принесенной собой пищи бросают в разведенный огонь. По поверьям чувашей, во время горения этой еды, через дым им видится Улып в белой одежде, весь седой, касающийся головой неба, а ногами упирающийся на землю». Вместе хоронили, покончившую собой жену, беглых солдат или преступников, коня или быка, собаку [7, 300–301]. Об этом же говорят раскопки: *Чавнә хыççән çак япаласем тупрёç: икё этем шәмми (шәммисем йәлтах çёрсе кайнә, алпа тытмалла мар ванаççё) тата чүлмексем (чүлмеккисем те ванса, катәлса пётнө)* [11, 92] «После раскопки нашли следующие вещи: два человеческих скелета (кости полностью расложились, невозможно взять в руки – рассыпаются) еще горшки (и горшки разбитые, расколотые)». ...*кунта тәмран туса хатёрленё савәт-сапа, йытә еврёлё чёр чунсем тата сын шәммисене тупнә* [11, 109] «...тут нашли глиняную посуду, кости, возможно принадлежащие собаке, и человеческие кости».

Одного из братьев-родоначальников населенного пункта хоронили на стыке двух основных оврагов, возможно, как строительную жертву, и насыпали курганы. *Уләп вилсен ун çине вара Уләп тёмми купалаттарнә, темён пысәкёш тума тәрәшнә. Чәваишем авал әста-әста пурәннә, пур тёле те çапла уләп тёмисем купаласа хәварнә: әста патшисем çине, әста уләпёсем çине, әста тата уллучёсем çине те* [11, 115] «После смерти Улып на его могилу строили курган, старались насыпать очень большие курганы. Чуваши раньше, где жили, везде так насыпали курганы: где на царей, где на героев, а иногда и на других важных персон». Методы насыпи кургана не сохранились, видимо, этими знаниями владел ограниченный круг посвященных людей. Возраст этих курганов – не одно столетие, тем не менее они не сравнялись с землей, их разрушение для одного – двух поколений людей незаметно. У некоторых деревень встречается несколько курганов. Часть из них расположена в чистом поле, а часть – по одному из основных оврагов, но они все меньше первого кургана: *Çак уләп тәприсем пирён ял патёнчи Кёçён çырмаара та пур; Утнә-утнә та çәпати әшине тулнә тәпрана хывса силленё. Кайсан-кайсан пёчккён шакаса пынә. Вара пёчк тёмесексем пулса юлнә. Халь йна вәтәр тёмеске речё теççё* [11, 108] «Такие курганы есть в Малом овраге возле нашей деревни: долго шел и сняв лапти, землю, попавшую в нее, вытряхнул. По дороге выколачивал остатки земли. И получились маленькие курганы. Сейчас это место называется ряд тридцати курганов». Главный курган почитался особо как сакральное место. Его земля считалась священной: *Ланшу Çатпанё силлесе хәварнә тәпра асаттесемийн питё паха, хәватлә тәпра пулнә. Вёсем çав асамлә тәпрана кашини çёр прасникёнче пёрер ывәç илсе пахчасемпе анкартисене сапнә. Асатте вара калатчё: «Ку вәл мул тәпри», – тетчё* [11, 117]. «Земля, высыпанная Лапшу Степаном, для наших дедов была бесценной, священной. Они эту священную землю на каждом празднике земли брали по горсточке и рассыпали в садах и на огородах. Дед говорил: «Это земля добра». Родник, который находился недалеко от кургана, также имел целебную силу. Здесь проводился ежегодный общесельский летний праздник чүк, куда собирались, помимо жителей данного населенного пункта, из всех дочерних деревень. Овраги, соединяющиеся с основным оврагом с правой стороны, в своих названиях сохранили следы языка первопришельцев: *Йём пёçси вар, от Ёмтичи вар; Хёрлө Тәвайкки*, крутой склон недалеко от *Уләп тәпри* с восточной стороны, имеет значение «материнская земля» [11, 5].

Третий вид похорон, практиковавшийся у чувашей, связан преждевременной, непредвиденной смертью человека. Прежде всего, такой смертью считалось самоубийство, утопление, замерзание, также сюда причислялись убитые в драке и на больших дорогах, новорожденные, убитые и брошенные матерями. Этим покойников не хоронили на общем кладбище, а закапывали там, где их постигла смерть, в более позднее время - за пределами кладбища. «Неправильно» умершие и «неправильно» похороненные оказывались на границе двух миров; их гнали с белого света, а тот свет не принимал раньше времени. Чуваши их называли арçури: *Арçури сын виллинчен пулать тет, çёр айне пытарманнинчен; ...лайәх мар вилёмпе вилнө çынсенчен пулать тет; ...çапса пәрахнә е çаканса вилнө çынсенчен пулнә теççё; ...сарәмсәр çаканса е шыва сиксе вилнө çынтан пулнә. Вәл сын хай пурнәçне хай юратмасәр вилнө; ...хёр ача çуратса пәрахнәскертен пулать теççё* [12, 281]. «Арçури возникает от покойника, не похороненного в могилу. происходит от покойников, умерших нехорошей смертью: произошел от убитых и покончивших собой: произошел от покойника, который повесился или утопился; человек умер из-за нелюбви себя и своей жизни: происходит от новорожденных, убитых и брошенных незамужними девушками». Объекты микропонимов, связанных с арçури, указывают пределы земель деревни и чаще всего находятся на западной границе, а предания гласят о встречах человека с этим стражем недалеко от этих мест и связаны с наиболее архаичными мифами о сотворении мира.

хяю евёр касса-каса сыпрё тет, Суръм шывё хёррипе сав тери анлă çёр виçсе илчĕ тет [4, 4]. «Земельный участок между деревнями Уйкасы и Малое Чурашево называют Поповской землей. Поп попросил земли у старейшин деревни на ночлег быку. Заколов быка, шкуру расщепляет и захватывает огромный участок лучшей земли (при помощи этой шкуры)». Монах из чебоксарского монастыря забрел в эти места и попросил у чувашей земли на ночлег его семи быкам. Когда те дали согласие, вывел быков на чистое поле и зарезал, содранные шкуры нарезал ленточкой и соединил, по реке Сорме отмерил себе огромный участок земли».

Горизонтальное пространство, имеющее четкие границы, должно было охраняться с четырех сторон света. Точки, где возможны были контакты с неосвоенным внешним миром, охранялись особенно тщательно. У чувашей стражами были киремети, а до них эту функцию выполняли *Юман Паттър, Ту Паттър, Çил Паттър, Шыв Паттър* [11, 61]. Считалось, киремети Юга и Севера обитают на горе (ср. Ик айăкки тăвайкки «С двух сторон склоны гор», со значением «я защищен, меня это не пугает»). Киремети Востока и Запада находились в ложбинах и прибрежных лесах. На охраняемой территории в основном фиксируются микропонимы тюркского или собственно чувашского происхождения. Субстратные микропонимы калькировались на чувашский язык: *Çырма тăриши* «полоса по оврагу» за пределами границ земель, принадлежащих деревне, называется *Некнер*; ср. удм. *Нюк* «овраг; лощина; балка; лог» или коми *ньокыс* «седловина; впадина между двумя высотами в горном хребте» [4, 5]. При этом собственно чувашские названия, независимо от их возраста, сохранились: полоса осинового леса с северной стороны шириной около двух километров в далеком прошлом была, видимо, непрерывной и называлась *Апсат* – от индоиранского опис «осина», (ср. алт. апсак «тополь») [13, 93]. Со временем часть леса была вырублена под земледелие, а оставшаяся часть леса стала называться *Услăх* [4, 5] – родственное с *ăвăс* «осина».

Центр организованного пространства, населенный пункт деревня тоже имела строгие границы в виде оврагов, небольших речек, одна из которых текла с северо-востока, а другая – с юго-востока, остальные овраги на территории деревни, которых могло быть несколько, служили границами дворов. За границами основных оврагов не строились. Деревня, основанная двумя и более родственниками, изначально делилась на две противопоставленные друг другу части, которые назывались *мал* «передняя сторона», *хысал* «задняя сторона»; или *ку ен* «эта сторона», *леш ен* «та сторона»; или *çул* «верхняя сторона», *анат* «нижняя сторона»; или *ту ен* «верхняя сторона», *анат ен* «нижняя сторона», а название деревни совпадало с названием одного из главных оврагов – *Майн Çырма* (Урмарский район), *Шор Çырма* (Цивильский район), *Кётеснер* (Урмарский район), *Хора Çырма* (Красноармейский район) и т.д. Только во времена Казанского ханства татарская канцелярия ввела в оборот названия деревень, записывая их по именам ответственных за сбор податей, а сами деревни стали строиться улицами, в чувашский язык вошло слово *урам* «улица».

Вертикальная структура мира не имела границ, связь с ней происходила через ушедших предков. В зависимости от социального положения при жизни и вида смерти, похороны были разными. Проживших до старости и умерших среди своих близких родственников хоронили в землю для гниения на общем кладбище, которое находилось на юго-западе или западе деревни. О такой смерти мечтает Хведер, герой баллады М. Федорова «Арçури»: *Ыр вилĕмпе вилесчĕ, Йĕтичченех пурнасчĕ, Тĕшек çинче вилесчĕ. Ыр вилĕмпе вилессĕн, Кушак çури мар тесе, Хулен-хулен ерипе, Авалхи çынсен йăлипе Турпейлесе пытарĕç* [10, 20]. «Умереть бы своей смертью, Дожить бы до старческого маразма, Умереть бы на постели. Умершего своей смертью, Посчитав, что не котенок, не торопясь, соблюдая традиции предков, похоронят аккуратно».

Царь должен был погибнуть от рук преемника, а герой – на поле брани. Судя по балладе К.В. Иванова «Тăлăх арăм», героя хоронили на высокой горе вместе покончившей с собой женой: *Çулĕ ту çинче пурт ларать, Унта шăллăм çывăрат. Тимĕр кăвак лашиччĕ, Лаши тирĕ айĕнче, Йĕнерĕ пуçĕ айĕнче, Сăнни ури вĕçĕнче* [6, 132–134]. «На горе изба стоит, В той избе мой братец спит. Серый конь подстать был буре, Брат лежит на его шкуре, Под головушкой седло, А копьё у ног легло» (перевод П. Хузангая). Некоторые курганы, находящиеся возле чувашских деревень, по легендам также связывают с погибшими героями: *Пирчура вăл тăшманна çапăçса вилнĕ. Ана çуллĕ сăрт çине пытарнă. Сăртне халĕ Чура паттър сăрчĕ теççĕ* [12, 275] «Пирчура погиб в битве с врагами. Его похоронили на высокий холм. Этот холм сейчас называют холм героя Чуры». Перед погребением труп очищали от мышечной ткани и хоронили только кости. Приемы очищения могли быть разные (вскармливание диких птиц или животных; выбивание прутом или цепями), о чем мы можем судить по косвенным данным праздников *Вирĕм* и *Сĕрен*, а также по древним обычаям других народов. Среди прочих, видимо, использовали трупосожжение, которое позволяло душе покойного быстрее достичь небесного царства: *Чăвашсем çук тунă чух масар çине илсе пынă апат-çимĕç юлашкийĕсене*

государственные секреты Республики Казахстан и иные охраняемые законом тайны. Реклама не должна возбуждать панику в обществе, побуждать граждан к агрессии, а также к иному противоправному действию.

Литература

1. Конституция Республики Казахстан // Сборник документов. Алматы: Жеті жарғы, 2004. 141 с.
2. Концепция языковой политики Республики Казахстан // Терминологический сборник. Алматы: «Сөздік-Словарь», 2002. 472 с.
3. Закон Республики Казахстан «О языках в Республике Казахстан» // Терминологический сборник. Алматы: «Сөздік-Словарь», 2002. 472 с.
4. Закон Республики Казахстан «О рекламе» // Образцы русско-казахских рекламных текстов. Алматы: Кие, 2007. 266 с.
5. Государственная программа функционирования и развития языков // Терминологический сборник. Алматы: «Сөздік-Словарь», 2002. 472 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 684 с.
7. Философский словарь. М.: Изд-во политической литературы, 1987. 590 с.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА АЛТАЙСКИХ И ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

Б.Р. Каримов

Международный институт языка ортатюрк при Всемирной ассамблее тюркских народов, г. Туран

В современную эпоху глобализации и формирования мировой информационной цивилизации важно решение проблем формирования единого информационного пространства алтайских и тюркских народов. Языковой барьер, обусловленный как различием языков, так и различием их письменностей, является препятствием в развитии данного единого информационного пространства. В статье предлагается решить эти проблемы посредством использования ойкуменической теории нации, концепций этноцизма, этнолингвоанизма, создания усредненных языков, среднемирового языка и глобальной единой системы письменности.

Разработан математико-лингвистический метод определения количественной меры близости и удаленности родственных языков [Каримов, Муталов: 1985], и на этой основе может быть произведен расчет меры близости различных тюркских языков и их подгрупп. Это позволит найти оптимальные пути усреднения. На этой основе можно выяснить, какой из вариантов языкового развития лучше: 1) произвести усреднение по всей тюркской группе языков; 2) произвести усреднение по отдельным подгруппам тюркской группы языков; 3) не производить усреднения.

Тюркская группа языков входит в состав более крупного генетического объединения языков, названная алтайским. Возникает вариант языкового развития с созданием среднеалтайского языка. Мету целесообразности этих вариантов следует исследовать отдельно.

Для алтайской семьи в целом, включающей в себя тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, корейский и японский языки, проблему барьера между алтайскими языками предлагается решить посредством использования метода создания усредненных языков [Каримов, Муталов: 1992; Каримов, Муталов: 2008] для соответствующих групп родственных языков, то есть путем создания среднеалтайского языка на основе создания среднетюркского, среднемонгольского языков и усредненного тунгусо-маньчжурского языка. Для создания среднеалтайского языка целесообразно усреднить следующие пять языков: среднетюркский [Каримов, Муталов: 1992], среднемонгольский [Каримов: 1993], усредненный тунгусо-маньчжурский, японский и корейский языки. При этом предлагается использовать метод усреднения в меру его применимости, с учетом достижений современной алтаистики и борейской, ностратической теории. При таком построении среднеалтайский язык не будет достаточно целостным. Поэтому для дополнения недостающих компонентов целесообразно использовать теорию языковых универсалий, статистические методы переработки баз данных.

В регионе проживания большинства тюркских народов функционируют, помимо тюркских, также иранские и славянские языки. Для решения лингвистических проблем региона целесообразно:

1. Создание среднетюркского языка ортатюрк методом усреднения норм тюркских языков, признание его в качестве языка межтюркского межнационального общения, языка информации, имеющего общетюркское и мировое значение, и достижение признания его в качестве одного из языков ООН. Это обеспечивает равноправие всех тюркских языков между собой, каждый из тюркских народов имеет право использовать свой тюркский язык как государственный язык в своем национальном государстве и развивать его в меру своих возможностей. Механизм усреднения при создании норм языка ортатюрк дает близость к языку предков современных тюркских народов и внесение в язык ортатюрк основной части языкового наследия каждой из тюркских наций;

2. Создание системы усредненных языков для родственных языков (в частности, среднеиранского и среднеславянского);
3. Создание всемирного языка на основе всех языков мира посредством системы усредненных языков;
4. Поддержка концепции государственного статуса национальных языков;
5. Поддержка концепции «понятных» языков. Близкородственные языки могут официально быть признанными в качестве «понятных» языков на территориях своих национальных и других государств;
6. Создание координированной системы алфавитов национальных тюркских языков и языка ортатюрк;
7. Создание координированной системы терминов тюркских языков;
8. Поддержка концепции межязыковой толерантности;
9. Поддержка концепции культурного разнообразия и защиты национальных языков;
10. Содействие добровольному изучению каждой личностью в регионе и мире трех языков – родного, усредненного родственного и усредненного мирового. Это способствовало бы развитию языковой личности каждого человека и мирному сосуществованию, сотрудничеству и диалогу между представителями тюркской, иранской и славянской цивилизаций в рамках Центрально-Азиатской, Тюркской и Мировой цивилизаций.

Для сотрудничества различных локальных цивилизаций целесообразно создать глобальную единую всемирную систему письменности, охватывающую как системы письменности на основе алфавитов, так и иероглифические и силлабарийные системы письменности [Каримов, Каримова: 2006].

Для обеспечения единства человечества и сохранения его многообразия целесообразно создание системы усредненных языков для групп генеалогически родственных языков, а в дальнейшем создание среднемирового языка посредством усреднения в многообразии усредненных языков и изолированных языков на основе ностратической (борейской) концепции, концепции языковых универсалий и статистических методов усреднения языковых феноменов [Каримов, Муталов: 2008]. Создаваемый таким путем всемирный вспомогательный язык межкультурного, межнационального общения, накопления мировой информации и глобального обучения способствовал бы решению многих глобальных проблем мировой цивилизации и духовному взаимообогащению всех локальных цивилизаций и народов. Создание среднемирового языка могло бы выступить как путь языковой и культурной конвергенции Востока и Запада, восточных и западных цивилизаций в рамках системы единого человечества.

Суверенитет нации в своем национальном государстве предполагает ее ответственность перед человечеством за своих граждан всех национальностей. Это значит, что в отношении к каждой национальной группе это государство должно действовать специфическим образом, чтобы удовлетворить и национальные их потребности, т.е. надо по-иному понимать принцип равенства граждан, «независимо от национальности». Нужно отказаться от возникающей в случае формального равноправия, отвлекающей от национальной принадлежности ассимиляторской политики в отношении малочисленных инонациональных групп и перейти от абстрактного гуманизма, «независимого от национальности», к конкретному в этом аспекте гуманизму, учитывающему национальную принадлежность. Нужен переход к этноцизму, дополняющему абстрактный гуманизм до осознания общечеловеческой сущности и ценности этноса, нации, его культуры. Предстоит переход к атому этноцистскому гуманизму.

Концепции этноцизма и этнолингвопанализма (этнический лингвистический панизм – родовое название для видовых понятий «панславизм», «пангерманизм», «панроманизм», «пантюркизм», «паниранизм», «панфинно-угоризм», «паналтаизм», «панурализм» и др.) основываются на ойкуменической концепции нации [Каримов: 2004]. Согласно ойкуменической теории нации, атрибут нации – это место, субъектность и деятельность нации в системе межнациональных отношений в ее ойкумене, т.е. системе наций, с которыми она взаимодействует.

Реализация изложенных в данной статье проектов выступила бы как фактор инновационного модернизационного развития многих тюркских народов и мировой цивилизации. Развитие системы информации обеспечивается в большей мере при преодолении языковых и иероглифических барьеров и формировании единого информационного пространства алтайских и тюркских народов, использующего единую координированную и унифицированную систему алфавитов [Каримов: 2005]. Это способствовало бы сохранению и развитию каждого из тюркских народов, особенно тех тюркских народов, языки которых оказались миноритарными.

Литература

1. Каримов Б.Р., Муталов Ш.Ш. О количественной оценке синхронической близости родственных языков и диалектов // Тюркское языкознание. Ташкент: Фан, 1985. (Тезисы опубликованы в 1980 г.)
2. Каримов Б.Р., Муталов Ш.Ш. Уртатюрк тили. Тошкент, 1992.
3. Каримов Б.Р. Этнолингвопанализм и создание среднемонгольского языка как лингвистическая основа национального сближения наций монгольской языковой группы // Ўртатюрк тилини яратиш муаммолари. Проблемы создания среднетюркского языка ортатюрк. Тошкент, 1993. С.55-58.

тӳрӳх халӳ Кивӳ Ахпӳрт ларакан сӳре килсе тухать. Кунта пите хитре усланкӳ курать те сурт-йӳр лартса пурӳнма шутлатъ [4, 1]. «На этом месте раньше не было никаких населенных пунктов, шумел дремучий лес. Первый сюда забрел человек по имени Энеш. Он пришел сюда откуда-то с южной стороны, с Присурья. Когда ходил по Вота, встретил оленя и начал его преследовать, по реке Аниш доходит на место современного Старого Ахпердино. Здесь он видит прекрасную поляну и решает построить дом с надворными постройками и поселиться здесь». Некоторые деревни, по преданиям, возникли от нарушивших общепринятые законы девушек, при том девушки не обязательно чувашки. *Эпир халь пурӳнакан вырӳнта сӳм вӳрман пулӳ. Вӳрманта пурӳнакан халӳх пите сайра пулӳ. Халь Тутаркасси ялӳ вырнасӳна вырӳнта пӳр тутар сӳемйи пурӳнӳ. Сӳемйере икӳ хӳр, иккӳшӳ те Арине ятлӳ пулӳ. Сасартӳк тутар хӳрӳсем хырӳмлӳ пулӳне пӳлет. Пӳррехинче вӳл хӳрӳсене чӳнет те сӳлла калать: «Эсир качча каймасӳр хырӳмлӳ пулса ӳмӳртен килекен йӳла-йӳркесене пӳсрӳр. Куншӳн сире касару сук. Пирӳн кӳс-вӳс пӳрулас пек икӳ ӳне пур. Савсене савӳртӳр та килтен тухса хӳвелтухӳс еннелле кайӳр. Камӳн ӳни ӳста чарӳнса пӳрулама выртать, савӳнта вырнасса пурӳнӳр». Тутар икӳ хӳрӳн аллине те малтанхи вӳхӳтра пурӳнмалӳх кӳпе-тумтир, апат-симӳс чикнӳ хутассем тыттарнӳ та килтен ӳсатса кӳларса янӳ. Мӳскӳнсем малтан пӳрле кайнӳ, унтан вӳсен сӳлӳсем уйрӳлнӳ. Аслӳ Аринен ӳни халь эпир пурӳнакан Атапай вырӳнне килсе чарӳннӳ [4, 2].* «На месте, где мы сейчас проживаем, был дремучий лес. Людей, живущих в лесу, было крайне мало. На месте расположения современной деревни Тутаркасси жила одна татарская семья. В семье были две дочери, обе по имени Арине. Вдруг татарин узнает, что его дочери брюхатые. Однажды он призывает дочерей и говорит: «Вы, не выходя замуж, стали брюхатыми и нарушили вековые традиции. За это вам нет прощения. У нас есть две коровы, которые должны вот – вот отелиться. Возьмите их за веревку и, выйдя из дома, отправляйтесь на восток. Чья корова где остановится для отела, там и поселитесь». Татарин дал в руки дочерям сумки с одеждой и едой на первое время и выпроводил из дома. Бедняги сначала шли вместе, потом их дороги разошлись. Корова старшей Арине дошла и остановилась на месте нашего нынешнего проживания Адабай и отелилась. А корова младшей остановилась чуть дальше, в трех верстах отсюда, на месте деревни Оринино». Названия населенных пунктов наиболее ранних переселенцев совпадали с названием реки, протекающей рядом: *Мӳн Сӳрма* (Урмарский район) «Большой Овраг»; *Шур Сӳрма* (Цивильский район) «Белый Овраг». Следует отметить, что такая модель (название реки – названия деревни-города) для древних поселений универсальна, по крайней мере, для ностратического ареала. В этом же ареале встречаются названия населенных пунктов по имени героя-основателя, хронологически совпадающие с моделью название реки – название деревни. Старые топонимы, в отличии от более новых названий, сохранили связь с мифологическим архетипом, в частности, близнечный миф, когда от имени одного из братьев населенный пункт получил свое название (напр., Рем и Ромул – город Рим). Миф об освоении этих земель близнецами хорошо сохранился. В некоторых случаях название содержит сразу оба имени, т.е. в именах содержится общий корень, а более длинное имя стало названием деревни-города. Во времена Казанского ханства некоторые деревни переименовывались. Чаще всего новое название связано с именем лица, ответственного за сбор податей, или именем татарского наместника, который отвечал за налоги в данной местности и проживал со своей семьей и слугами в деревне, где находилась также канцелярия.

Выбранное место переселенцы маркировали. По нашим данным, методы маркировки у чувашей разнообразием не отличались. Для одной деревни полагалась территория, которую можно было объехать на коне с привалами за дневное время *...лаша сине утланса, йӳланутпа хӳвел тухнӳ сӳре килтен тухса, кун касиччен мӳн чухлӳ сӳр саврӳнма пулатъ, савӳн чухлӳ ситӳ [9, 53].* «Сев верхом на лошадь, с восходом солнца выехав из дома, и в течение дня сколько земли может объехать, столько хватит». По мнению Г.Т. Тимофеева, объезд проводился по солнцу таким образом, чтобы селение оставалось в центре. Пройденный путь отмечался шкурой домашнего животного *...Чӳнлӳ урлӳ каснӳ чух кунӳн лаши пурса вилет тет те, лашине пурса пӳрахса, лаши тирне тет-и, е лаши виллине хӳйнех тет-и, Чапӳрла ситиччен Чӳнлӳ тӳрӳх, Сӳве тӳрӳх шывпа сӳтӳрсе анать тет [9, 54].* «Когда переправлялся через Чынлы, его конь утонул, зарезав коня, то ли шкуру, то ли весь труп коня, протащил до Чапырыл по Чынлы, по Суре вниз по воде». Маркировка земель шкурой домашнего животного встречается при отчуждении исконных земель чувашей: *Уйкас ялӳпе Кӳсӳн Чураш ялӳ хушшинчи сӳре Пуп сӳрӳ те сӳсӳ. Пуп ял сӳннисенчен вӳкӳр выртмалӳх сӳр касма сӳр ыйтса илет. Вӳкрине пурса тирне чӳрпӳклет те лайӳх сӳре тем пысӳкӳш савӳрса илет [4, 3]. Шупашикар мӳнастирӳнчи пӳр хура тум сак сала пулас вырӳна килсе тухать те сичӳ вӳкӳр выртмалӳх чӳвашисенчен сӳр ыйтать. Лешсем килӳшсен, вӳкӳрсене уя илсе тухса пурсӳ тет те, тирӳсене сӳсе*

Жачева Е.Н. Чувашская вышивка. Чăваш тĕрри: Техника. Приемы: Книга-альбом. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. 238 с.

Матвеев Г.Б. Материальная культура // Культура чувашского края. Часть I: Учебное пособие / В.П. Иванов, Г.Б. Матвеев, Н.И. Егоров и др. / Сост. М.И. Скворцов. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1995. С. 40–108.

Некрасова М.А. Проблема ансамбля в декоративном искусстве // Искусство ансамбля. Художественный предмет. Интерьер. Архитектура. Среда / Сост. М.А. Некрасова. М., 1988.

Портал органов власти Чувашской Республики. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cap.ru/cap4/main.asp?id=19>

Рыбаков Б.А. Макрокосм в микрокосме народного искусства // Декоративное искусство СССР. 1975. № 1. С. 30.

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МИФОВ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

Е.А. Лебедева

Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары

Некоторые спорные и неясные вопросы истории чувашского языка можно и нужно решать с помощью этнолингвистических изысканий мифов. Духовные принципы мироздания, включающие время и пространство, представляют собой знания, накопленные многими поколениями, и были сакральными: с одной стороны, они должны были передаваться из поколения в поколение и не теряться, с другой – быть недоступными как чужим, так и своим, не прошедшим инициацию. Наиболее надежным способом сохранения и передачи тайных знаний для бесписьменных языков оказались фольклорные тексты, в том числе мифы, ономастика, особенно топонимика, ритуалы и обряды. При классической этимологизации отдельных лексических групп опора на данные этнолингвистики дает дополнительную достоверность. Приведем несколько примеров.

Антропоним *Нарспи*, на первый взгляд, этимологизируется как *нарĕс* «назв. месяца февраль» плюс компонент женских имен *пи* [3, 48]. В сюжете поэмы «Нарспи» сохранился фрагмент основного мифа – космическая свадьба, первородный грех и изгнание из рая. Этот миф мог появиться на стыке перехода человека от присваивающего хозяйства к хозяйству производящему. В хронологическом плане, как полагают ученые, произошел в неолите [2, 458]. Переход к земледелию и разведению домашнего скота заставлял охотников-собираателей осесть на определенных территориях со строгими охраняемыми границами. Правила освоения новых земель, социальная организация общества со структурой духовных понятий формируется в это время. Первоначально работы земледельца строго регламентировались по половому признаку, отголоски этих ограничений сохранились до сего дня. Например, пахали и сеяли мужчины, во время их работы женщины не могли выйти в поле. С обедом к пахарям и сеятелям ходили мальчики или девочки шести–восемь лет. Наглядным примером служит сказка «Мальчик с пальчик». Уборку зерновых производили только женщины. До XX века сохранился обряд первого снопа, где основная фигура – жница. Хлеб при уборке дергали, как лен или коноплю. В мифе это отразилось как отравление женой мужа. В ритуалах, по свидетельству Геродота, и других античных авторов, совершалось удушение наложницей вождя, а затем ее самоубийство [5, 482]. В средние V века у женщины, прерывающей жизнь, уже есть орудие труда – коса у европейцев и железная мялка у восточных народов. Смерть и рождение оказываются рядом в лице женщины, дающей жизнь и прерывающей жизнь. Одно из многочисленных описательных имен прародительницы было связано с водой (ср. в восточнославянской мифологии имя женского божества *Мокошь* от «мокрый», «мокнуть» [8, т. 2, 169]. *Нарспи* как имя праматери может быть связано с индоиранским **negos* со значением «нора», «ущелье», «источник». Корень антропонима *Нарспи* к предкам чувашей мог попасть вместе с мифом от предков осетин аланов. У осетин есть популярное сказание о красавице, сердце которой пленил герой, играющий на фандыре. Но ее возлюбленного убивают, и девушка пронзает себя булатными ножницами, чтобы быть похороненной вместе с возлюбленным. В.И. Абаев название местности, откуда родом эта героиня, – *Sáelxá*, – считает возможным заимствованием из ингушского *Шалхи* [1, 63]. Топоним Сильпи, который встречается только в поэме К.В. Иванова «Нарспи», по происхождению восходит к осетинской форме *Sáelxá*. Уже на чувашской почве прибавился компонент женского имени *пи*. Следует подчеркнуть, чувашский вариант мифа является более древним, так как сюжет более полный.

Возникновение своего населенного пункта чуваша объясняют в большинстве случаев при отсутствии исторических документов заселением в этих местах братьев, от беглых людей, которых сюда привел бык или олень. *Ку вырĕнта ёлĕк нимĕнле ял таврашĕ те пулман, хура вĕрман кашласа ларнĕ. Пирвай кунта Энĕш ятлĕ сын килсе тухать. Вĕл тастан, кĕнтĕр енчен, Сĕр тĕрĕхĕнчен килнĕ. Вĕта тĕрĕхĕнче сĕренĕ чухне пĕр пĕлана тĕл пулат те хĕвалама тытĕнать, Энĕш шывĕ*

4. *Karimov B.R., Mutalov Sh.Sh.* Averaged languages: an attempt to solve the world language problem. Tashkent: Fan, 1993 (Второе, доп. изд. в 2008 г.)

5. *Каримов Б.Р.* Ойкуменическая концепция нации и развитие языков. Якутск: ЯГУ, 2004.

6. *Каримов Б.Р.* Проблема создания единого унифицированного алфавита как глобальная проблема // Актуальные вопросы в области гуманитарных и социально-экономических наук. Вып.2. Ташкент, 2005. С. 22–23.

7. *Каримов Б.Р., Каримова У.Б.* Проблемы развития письменностей языков в процессе глобализации. Ташкент: IFEAC, 2006.

8. *Каримов Б.Р., Муталов Ш.Ш.* Усредненные языки: попытка решения мировой языковой проблемы. Ташкент: Фан, 2008.

Секция 3

ТЮРКСКИЙ МИР: КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

ТЕРМИНОЛОГИЯ ЧУВАШСКОГО БОЕВОГО ИСКУССТВА

Г.А. Дегтярёв

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары

А.Е. Романов

Чебоксарский электромеханический колледж, г. Чебоксары

Посвящается А.А. Судленкову

Инициатива создания чувашского искусства боя (*тытăсу ўнерĕ*) связана с поисками оптимального подхода к внедрению здорового образа жизни и формированию духовного мира молодежи, эффективных стимулов развития национального языка в современных условиях, критериев идентификации национального самосознания в глобальном мире. Новое боевое искусство основывается на традициях восточных единоборств, адаптированных к современным условиям, и философско-этических воззрениях чувашского народа. Оно не сводится к боевым тренировкам, а представляет собой комплексную систему психофизического и духовного развития личности. Последовательное освоение учебного комплекса, оригинального набора техники боевого искусства способствует раскрытию внутренних ресурсов человеческого организма, увеличению скорости реакции и выносливости, тренировке сознания, развитию крепости духа. Постепенно национальное боевое искусство может стать самоценным явлением культуры или самостоятельным культурным направлением со своими духовно-нравственными и жизненными концепциями.

Разработка базовых техник и принципов национального вида единоборства требует формирования системы обозначения понятий и номинации самой школы боевого искусства. В предлагаемом названии *вут-шу* заложены идеи единения и сплоченности народа – название боевого искусства состоит из двух компонентов: *вут* „огонь”, применяемого в низовом диалекте и литературном варианте чувашского языка, и *шу* „вода”, употребляемого носителями верхнего диалекта (вместо литературного *шыв*). Культурно-исторической составляющей, мотивирующей основой наименования *вут-шу* стал древний чувашский миф „Кремень” о борьбе двух стихий: огонь (*вут*) хотел сжечь воду, а вода (*шу*) – залить огонь.

Считается, что для боевых искусств наиболее приемлемыми являются традиционные японские или китайские термины (из-за несоблюдения единых норм транскрибирования многие из них в русском и других языках укоренились в нескольких вариантах). Как показывает анализ лексических единиц терминосистем в сравнительно-сопоставительном аспекте, соответствующие чувашские обозначения по краткости и точности ничуть не уступают иноязычным аналогам (и к тому же, как показывает опыт, позволяют повысить эффективность усвоения техники). В этом вы можете убедиться сами, ознакомившись с предлагаемым списком базовых терминов, номинирующих денотаты чувашского боевого искусства.

Названия приемов и элементов боя

хир	— совершать атакующие действия;
сир	— отразить нападение; перехватить право атаки;
тир	— нанести проникающий удар;
тыт	— захватить одной или двумя руками;
йĕт	— поднимать; тянуть вверх;
сул	— сделать движение-замах;
сул	— нанести боковой удар ногой;
суп	— нанести удар кистью руки;
сап	— нанести боковой удар кулаком;
тап	— нанести прямой удар ногой;

чыш	— нанести прямой удар кулаком;
кас	— ударить ребром ладони;
сёк	— ударить головой, букв. «боднуть»;
тёк	— толкнуть рукой; совершить толчок (в грудь);
пёк	— наклонить голову;
чак	— сделать шаг назад;
чик	— ударить кончиками пальцев;
тёнт	— обездвижить;
тёрт	— толкнуть плечом, локтем;
турт	— дёрнуть, тянуть на себя;
урт	— нанести удар снизу вверх;
тарт	— отвести голову (в сторону или назад) от удара;
шарт	— нанести шелкающий удар;
яр	— отпустить, выпустить;
чар	— остановить действие противника;
пёр	— выкручивать предплечье, запястной сустав;
вёр	— опрокинуть партнера путем выведения его из равновесия;
выр	— наносить удары сбоку;
сыр (сёр)	— блокировать удары;
куç	— сделать шаг вперед;
пус	— надавливать, нажимать;
тас	— тянуть (руку, ногу);
хёс	— зажимать, сдавливать; использовать прием ущемления;
чам	— зайти за спину противника, сделать нырок („юркнуть”);
пав	— применить мертвую хватку, использовать прием удушения;
ту	— выполнить движение или приём;
тў	— наносить удары сверху вниз.

Команды и указания

тёр	— встать!
лар	— сесть!
тай	— поклон!
хай	— продолжить! продолжайте!
кан	— перерыв; отдыхайте!
тепре	— (сделать) еще раз!
тепри	— следующий!
тимле	— внимание! приготовиться!
пуçла	— начинаем! начали!
пёрле	— совместно, согласованно!
ерипе	— медленно!
часрах	— быстрее!
чух	— нормально!
сых[лан]	— осторожно!
чим	— стой! подождите!
ситет	— закончить! стоп!

Обозначения уровней и направлений

сўл[ти]	— верхняя часть (тела); сўле – вверх, наверх;
вёт	— средняя часть (тела);
ай[ри]	— нижняя часть (тела); ая[ла] – вниз;
сулахай	— левый; сулахая – налево;
сылтём	— правый; сылтёма – направо;
мал[ти]	— передний; мала[лла] – вперед; малтан – спереди;
шал[ти]	— внутренний; шала – вовнутрь; шалтан – изнутри;
кай[ри]	— задний; каялла – обратно;
ум	— передняя часть; умран – (в) анфас;
хысал	— задняя часть; хыса[ла] – назад;
тўрё	— прямой, прямо;
айак	— бок; айакран – сбоку; айккине[лле] – вбок; айккән – боком;
кётесле	— по диагонали;
хирёсле	— противоположный, напротив;
майла	— параллельный, параллельно.

Общие понятия

вутшуар	— боец <i>вут-шу</i> ;
мнар	— старший ученик, опытный боец;
кавар	— движение, согласованное с движением партнера; „сговор”;

Рис. 3

Тут очевидна параллель с предыдущим текстом челобитной песни, только вместо птиц лошади, вместо яиц жеребята.

Лошадь символизирует достаток, благополучие. те, у кого была лошадь, могли пахать, сеять, возить сено, дрова и т.д. К тому же кобыла могла жеребиться, и от продажи жеребенка род мог получить дополнительный доход.

Чувашский костюм, его элементы, узоры являются читаемыми. Например: головные уборы *хушту* и *тухья*. При первом же взгляде на одетую в национальный костюм представительницу женского пола можно догадаться, кто перед нами – замужняя женщина или девушка, т.к. девушки носили *тухью*, а женщины – *хушту*.

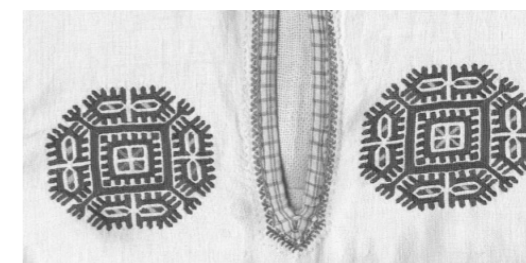

Рис. 4

Обратим внимание на нагрудные вышивки *кёскё* (рис. 4) – две симметрично расположенные по обеим сторонам грудного разреза вышивки в виде восьмиконечных звезд. Орнамент *кёскё* разнообразен, на них можно увидеть стилизованные изображения растений и животных. На одних рубашках *кёскё* вышивается с двух сторон нагрудного разреза, а на других – только с одной. У таких рубах на другой стороне была пришита наискось полоска красного кумача. Есть сведения, что такую рубашку носили вдовы. По другим данным девушки в старину носили рубашки без *кёскё*, но с богато вышитыми рукавами, а женщины с *кёскё* [<http://www.cap.ru/cap4/main.asp?id=19>].

Есть сведения утверждающие, что старину девичье платье имело только один орнамент, т.к. девушка еще не вышла замуж, одна, без пары – супруга, а на женском платье были вышиты два орнамента *кёскё*, по одной на двух сторонах груди: *кёскё* с тамгой рода женщины и с тамгой рода мужа.

Таким образом, эти и многие другие примеры нам отчетливо показывают, что существует тесная связь между произведениями устного народного творчества и вышивкой. Фольклорные тексты – челобитная песня, молитвы, мифы и легенды – имеют параллели в вышивке. Мы воочию можем убедиться в сказанном при обращении к произведениям народного искусства.

Л.Г. Васильева верно отмечает, что «творения народных мастеров несут в себе образ мира, в них закреплены представления о вечном порядке и гармонии мироздания, а отсюда – их космологический образный строй» [Васильева: 2006, 8].

Подобный детальный анализ нам позволяет лучше узнать о мировоззрении чувашей, отображенном в чувашской вышивке, в чувашском орнаменте.

В заключение хотелось бы привести слова известного мастера народного творчества, талантливой вышивальщицы и ткачихи В.А. Минеевой: «Чувашская вышивка – это орнамент, сияющий как факел, она бессмертна, ее знает вся страна: она рождена жить вечно, как пирамиды египетских мастеров».

Литература

- Вагнер Г.К.* Трудности истинные и мнимые // Декоративное искусство СССР. 1973. № 7. С. 38.
- Васильева Л.Г.* Чувашский орнамент в рисунках и аппликациях дошкольников. Формирование орнаментального образа в изобразительной деятельности детей 5–7 лет. Учебно-методическое пособие. Чебоксары: Новое время, 2006. 104 с.
- Егоров Н.И.* Чувашская мифология // Культура чувашского края. Часть I: Учебное пособие / В.П. Иванов, Г.Б. Матвеев, Н.И. Егоров и др. / Сост. М.И. Скворцов. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1995. С. 109–146.

середине круглого озера расположен круглый (в нашем случае, четырехугольный) остров. В центре острова находится мировая гора, на вершине мировой горы растет золотой дуб. Золотой дуб символизирует ось мира, соединяющую три мира: трехъярусный подземный мир, светлый мир, трехъярусный надземный мир. Корни дерева уходят в царство злых духов, усопших грешников, а также в мир, где обитают земноводные, гады и другие холоднокровные животные. Ствол дерева находится в светлом мире – мире, где живут люди, обитают теплокровные животные. Крона дерева уходит в верхний трехъярусный мир, где обитают Всевышний *Турь* со свитой, божества, души благочестивых предков, летают птицы.

Обратимся к началу челобитной песни, которую исполняли собравшиеся на жертвоприношение люди в честь главы семейства и его супруги – самых старых представителей рода по мужской линии:

<i>Тават кѣтеслѣ џут џанталѣк,</i>	<i>Вселенная о четырех углах,</i>
<i>Тават кѣтеслѣ џут џанталѣкра</i>	<i>В четырехугольной Вселенной</i>
<i>џитмѣл џухрѣм џесенхир,</i>	<i>Степь в семьдесят верст.</i>
<i>џесен хир варринче џавра кулѣ,</i>	<i>Посреди степи круглое озеро,</i>
<i>џавра кулѣ варринче џавра утрав,</i>	<i>Посреди круглого озера круглый остров,</i>
<i>џавра утрав џинче ылттѣн юман,</i>	<i>На круглом острове золотой дуб.</i>
<i>Ылтѣн юман тѣрринче ылттѣн йѣва,</i>	<i>На золотом дубе золотое гнездо,</i>
<i>Ылтѣн йѣвара ылттѣн џѣмарта,</i>	<i>В золотом гнезде золотые яйца,</i>
<i>Ылтѣн џѣмарта џинче мѣшѣр кайѣк –</i>	<i>На золотых яйцах пара птиц –</i>
<i>Услан кайѣкѣне ѣмѣрт кайѣк, –</i>	<i>Орел-птица с орлицей, –</i>
<i>Мѣнле Турѣ џырнѣ-ши нѣр џѣре?</i>	<i>Им Бог назначил быть вместе.</i>

[Егоров: 1995, 135–136].

Все, о чем поется в этой песне, нашло отражение в приведенном ниже рисунке (рис. 1), только в горизонтальном разрезе. Нам отчетливо видны: круглое озеро (вода озера в нашем случае – зеленые квадраты в нижней части, в середине рисунка), круглый остров (вышитые красным \rangle и \langle , по обе стороны нижней части вертикальной оси в центре), золотой дуб (мировое дерево, ось мира – центральный ветвистый узор с зелеными и желтыми прямоугольниками), золотое гнездо (расположенные на спинах птиц узоры \cup), золотые яйца (голубой и желтый ромбы на спинах птиц), орел-птица с орлицей (смотрящие друг на друга стилизованные изображения птиц).

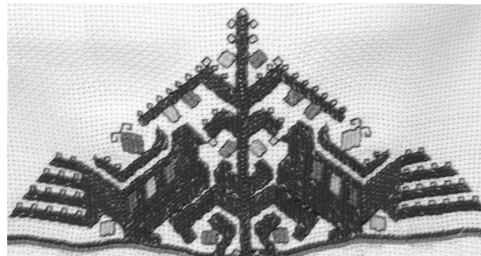

Рис. 1

На следующем узоре (рис. 2) мы видим четырехугольный мир, в центре которого квадратный остров с горой, вокруг нее раскинулось озеро, от центра в четыре стороны расходятся ветви мирового дерева, у мирового дерева – золотого дуба – пасутся лошади, они пасутся с жеребятами, продолжателями их рода.

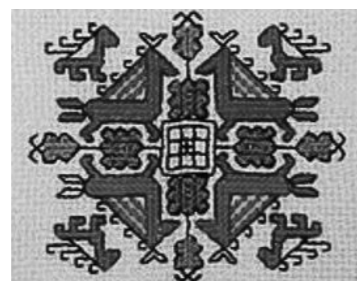

Рис. 2

Если посмотреть в разрезе (рис. 3), то увидим четырехугольный мир, в центре мира, вселенной изображены остров с горой, вокруг острова с горой раскинулось круглое озеро (зеленый многоугольник), мировое дерево растет на вершине мировой горы, от горы расходятся ветви мирового дерева, у мирового дерева – золотого дуба – пасутся лошади, лошади пасутся с жеребятами, продолжателями их рода, изображенными на их спинах.

тайъм	— символический поклон, совершаемый при входе и выходе из зала тренировок, а также в начале занятий;
чѣтѣм	— стойкость, выносливость;
юхѣм	— перетекание одного движения в другое; „поток”;
сывлѣм	— система дыхательных упражнений, букв. „роса”;
лекѣм	— состояние, когда удар достигает цели; „попадание”;
хавал	— медитация, настрой на тренировку;
чару	— контрприем, нарушающий замысел противника; „помеха”;
тимлѣх	— концентрация внимания во время исполнения приема и после его окончания; „внимательность”;
хушѣ	— нормальная дистанция, чувство дистанции;
тѣхтѣв	— отдых, пауза;
термен	— энергия духа;
шѣнѣр	— центральная ось тела; „стержень”;
тѣрев	— центр тяжести, „опора”;
юпа	— исходное положение, стойка;
тѣл	— место фокусировки взгляда во время исполнения приема; „цель”;
май	— прием(ы), способ(ы);
шай	— уровень подготовки, степень мастерства;
шат	— плотное касание;
тум	— форма бойца <i>вут-шу</i> .

Работа по поиску оптимальных – точных и системных – терминов национального боевого искусства продолжается, и представленные термины не являются окончательными. Ведется также разработка символики и атрибутики школы *вут-шу*.

Национальное боевое искусство как целостная система совершенствования личности, основанная на сочетании определенных философских, этических и психологических принципов с набором специфических боевых элементов и комплексов имеет социокультурную основу, связанную с далекой историей чувашского народа.

В свое время неотъемлемой частью чувашской культуры была унаследованная с гуннских времен система боевого искусства, воинской подготовки. Как свидетельствуют арабские источники (Ибн Фадлан, Ибн эль-Асир и др.) и русские летописи, военная тактика булгар, которая во многом оставалась кочевнической (эта тактика в то время являлась самой результативной), весьма успешно применялась не только при нападении, но и при обороне. Об этом, в частности, свидетельствует блестящая победа булгар около города Кернек в 1223 г. над монголо-татарским полчищем, незадолго до этого разгромившим на реке Калке объединенное русско-половецкое войско. В течение 13 лет после этого булгары успешно отражали натиски отрядов империи Чингисхана и задерживали монгольское нашествие на Европу. Рассказы о подобных событиях входят в программу занятий *вут-шу* и прививают чувство гордости за своих соотечественников – наших предков. Чувашское боевое искусство может способствовать тому, чтобы наши современники были достойны былой славы.

ŞUMER TANRI ADLARININ TÜRK DİLİNDƏ SEMANTİK AÇIMI (Семантика названий шумерских богов в тюркских языках)

И.Г. Садыгов

Азербайджанское государственное издательство, г. Баку

İndiyə qədər şumer xalqından danışan alimlərin çoxu bu fikirdə olmuşlar ki, şumerlər yer üzündəki xalqlardan heç biri ilə qohum deyillər. Onların dilləri də mövcud dillərə oxşamır. Əslində bu alimlər Şumer və türk dillərinin qohumluğunu, eyni etnogenetik kökə bağlılığını görmək istəməyiblər. Hazırda bu iki dilin genetik qohumluğunu təsdiqləyən çoxlu arqumentlər var. Onlardan biri də Şumer tanrı adlarının türk dilində asanlıqla mənalandırılmasıdır.

Şumer qaynaqlarından bəlli olur ki, tanrılar yerə gəlməzdən qabaq Nabur planetində yaşamışlar. Onların çoxlarının adları da Nabur planetində qoyulmuşdur. Sonra tanrılar yerə gəlmişlər. Burada evlənmiş, uşaqlar doğmuşlar. Yerdə doğulan uşaqlara da burda adlar verilib. Bütün bunlar insanların doğulduğu vaxtdan çox-çox əvvəlki dövrlərə aiddir. Deməli, Şumer tanrı adlarının tarixi insanın yaranmasından daha qədimdir. Ona görə də Şumer tanrı adlarının semantik təhlili böyük maraq doğurur və Şumer-türk dillərinin genetik qohumluğunu təsdiqləyən ən tutarlı arqumentlər kimi böyük elmi əhəmiyyətə malikdir.

Ab.

Şumerə qədərki tanrılardan birinin adıdır. Mənası səma, göy deməkdir. Xəzər dənizinin ilk adı Absu olub. Onun açımı Göy dənizi, Səma dənizi mənalarına uyğun gəlir. O zaman çay, göl və s. terminləri olmadığına görə yalnız «su» sözü işlənmişdir. Bunu Absu adında aydın görürük. «Ab(1)» və «Su» sözlərinin hər ikisi türk dilində bu gün də saxlanmışdır. Türk dilində «Ab» kökündən yaranmış çoxlu toponimlər və etnonimlər var. Ab sözü hazırda dilimizdə rəng bildirən abı şəklində mövcuddur. Abı göy, mavi rəngin bir çalarındır. Ata və baba demək olan Aba, Abba, Ada sözləri ab kökündən törəmişdir.

An.

Şumer panteonunda baş tanrıdır, bütün tanrıların atası, panteonun böyüyüdür. An göyü təmsil edir. Adın mənası da «göy», «səma» deməkdir. Türk dilində də bu söz eyni anlamda işlənmişdir. Göy əvvəlcə ana funksiyasını yerinə yetirmişdir. O zaman yer kişini təmsil etmişdir. Ana sözü An adından onun funksiyasına uyğun olaraq yaranmışdır. Dilimizdə bu gün də yaşayan «Günəş doğur», «Ay doğur», «ulduz doğur» ifadələri Göyün doğduğunu, ana başlanğıc olduğunu göstərən ən yaxşı dəlillərdir. Kişi sözü də Yerin-Kinin adından törənmişdir. Sonralar Yerlə Göyün funksiyaları dəyişmiş, birinci ana, ikinci ata olmuşdur.

Enki.

Anın böyük oğludur. Adının mənası yerin ağası, böyüyü deməkdir: En-ağa, yiyə böyük; Ki-yer! Yer, torpaq mənasında işlənən «kir», «kirli», «kirəc» kimi sözlər «ki»dən törənmişdir. «En» isə ağa, böyük, yiyə, himayəçi anlamlarında qədim türk dilində «enzi», «ezzi» şəkillərində işlənmişdir. «En» kimi yazılmasına baxmayaraq bu söz Şumer dilində də «ensi» olmuşdur. «Ensi», «enzi» eyni sözün fonetik variantlarıdır.

Ninki.

Enkinin arvadıdır. Onun da adındakı «ki»morfemi yer deməkdir. Ər-arvad hər ikisinin adı eyni mənanı daşıyır. “En” kişiyə, “Nin” qadına aiddir. Ninki də yerin qadını, yerin qadın ağası, yiyəsi deməkdir. Nin- ağa, yiyə; Ki-yer.

Enlil.

Anın kiçik oğludur. Əslində onun adı Enyel olmalıdır. Mənası havanın, yelin ağası, yiyəsi deməkdir. Özü də hava, yel tanrısıdır. S.N.Kramer Enlilin adındakı «lil» morfemi ilə camaşırılıqda işlənən lil maddəsini eyniləşdirib hər ikisinin hava rəngi mənasında işləndiyini söyləmişdir. Lil də, yel də türk sözləridir.

Ninlil.

Enlilin arvadıdır. Onun da adı Enlillə eyni mənalıdır. Fərqli bircə kişiyə və qadına aidlik bildirən «En» və «Nin» morfolərindədir. Ninlilin adı da havanın, yelin qadın ağası, qadın yiyəsi deməkdir.

Burda bir incə məqama da diqqət yetirməyə dəyər ki, qız-oğlan, ər-arvad adlarının Şumer tanrılarında olduğu kimi Enlil-Ninlil, Enki-Ninki şəklində bir-birinə yaraşdırılmasına hazırda Azərbaycanda geniş rast gəlinir: Rasim-Rasimə, Nazim-Nazimə, Mahir-Mahirə, Tahir-Tahirə və s.

Araz.

Şumerin tikinti tanrısıdır. «Ar ər» və «az» morfolərindən əmələ gəlmiş bu ad «az igid», «az ər» mənalına uyğundur. Azərbaycan adının «Azər» hissəsi Araz tanrı adı ilə bağlıdır.

İnanna.

Şumerin sevgi, məhəbbət, məhsuldarlıq tanrısıdır. Onun adına İrnini və s. şəkillərində də rast gəlinir. Bu adın mənası anaların yiyəsi, hamisi anlamına uyğun gəlir: İn (En)- yiyə, hamı, anna-ana. Onun sevgi, məhəbbət, uşaq doğumu tanrısı olması da bu fikrin doğruluğuna əsas verir.

İştar.

Bəzi alimlər İştar adını Şumer mənşəli sayırlar. Lakin onun türk sözü olduğunu da danmaq mümkün deyil. Adın əsli İştardır. İş kökü işıq deməkdir. l-nın i-yə çevrilməsi sonra baş vermişdir. Adın ikinci hecası olan «tar» «yaymaq», «dağıtmaq», «səpələmək» mənalarda şumer dilində işlənmişdir. Dilimizdəki tar-mar sözü də həmin mənanı saxlamışdır. Taran sözünün də eyni kökdən yaranıb havadan (an) dağıtmaq (tar) mənalı verdiyi şübhə doğurmur.

İşkur.

İşıq kökündən yaranmış ikinci tanrı adıdır. Adın ikinci morfemi «kur» Şumer dilində çoxmənalı söz olub, dağ, ölkə və yeraltı dünya deməkdir. İşkur şimşək, ildırım tanrısı olduğuna görə onun adı «dağ işığı» mənasına uyğun gəlir.

Baba/Bau.

Tanrı Anın Qatumduqdan olan qızıdır. Enlilin böyük oğlu Ninurta/ Ningirsunun arvadıdır. Söz türk dilindədir. Qadına Baba deyilməsi heç bir dolaşılıq yaratmamalıdır. Baba bu gün türklərdə kişi adıdır. Kökü də həmin tanrı adından gəlir. Həsənnənə, Həsənbaba dağ adlarındakı Həsən-nənə də kişi adına nənə sözü qoşulmaqla alınmışdır. Belə hallar türk dillərində olmuşdur.

Xıdır.

Enkinin böyük oğludur. Daha çox Marduk kimi tanınmışdır. Bəzi qaynaqlarda isə Asallahi adlandırılmışdır. Xıdır türk folklorunda mifoloji obraz kimi geniş yayılmışdır. Hazırda türklərdə Xıdır şəxs adları da var. Asallahi-Xıdırın başqa adıdır. Bu adın mənasını açmaq üçün Xıdırın həyatını yaxşı bilmək lazımdır. Şumer miflərindən bəlli olur ki, Xıdır (Marduk) uzun müddət panteonda tanınmamış, şöhrət qazanmamışdır. Sonralar bütün tanrılarla hətta atası Enkiyə də, panteonun rəhbəri Enlilə də əsi çıxaraq böyüklüyü zorla öz əlinə keçirmişdir. Bu adın mənası «ası allah» demək olub, Xıdırın həmin hərəkətinə uyğundur.

Utu.

Günəş tanrısıdır. Odu, işığı və istini təmsil edir. Adın yazılışı da, mənası da od deməkdir. Şumer dilində «o» hərfi olmadığına görə, ad «Utu» kimi oxunmuşdur. Türklərdə oda sitayişin kökü Günəşlə bağlıdır. Dörd həyat üsüründən birinin mənbəyi günəşdir. Ona görə Günəşin adının Utu (od) olması çox təbii.

Ayya.

Utunun arvadıdır. Sözü Ay kökündən yaranmış aydın görünür. Miflərdə Utu Ay tanrısı Nannarın oğludur. Türk mifik düşüncəsində Ayın həm kişi, həm də qadın kimi təsəvvür olunduğunu bilirik. Həmin ikiliyi burda da görmək mümkündür. Nannar - ay tanrısıdır. Enlilin oğludur. Adının mənası işıqlı, odlı, isti deməkdir. Onun «nar» morfemi indi də dilimizdə eyni mənada işlənir. Bu sözün fars

metаллические пластины, позднее эти резные, вылитые узоры начали вышивать. Чувашские мастерицы выработали два десятка видов швов, которые дают множество комбинаций. Г.Б. Матвеев правильно отмечает, что «вышивальщица, варьируя их (швы. – *Н.К.*) в зависимости от типа предмета, создавала замечательные произведения искусства, которые явились значительным вкладом в мировую культуру» [Матвеев: 1995, 68].

Л.Г. Васильева, обобщая высказывания Г.К. Вагнера, М.А. Некрасова, Б.А. Рыбакова, отмечает, что «образ в прикладном искусстве не имеет подобия в реальном мире, в нем выражается мифопоэтическая картина мира». «Древний Человек, создавая и окружая себя красивыми вещами-образами, воссоздавал рядом с собой как бы модель познанного им мира» [Васильева: 2006, 8], «в своем повседневном микрокосме отражал весь макрокосм» [Рыбаков: 1975, 30], «мир в целом» [Вагнер: 1973, 38].

По мнению М.А. Некрасовой, орнаментальные образы выражают суждение человека о Вселенной, в орнаментальном искусстве образ является одновременно и материальной функционально-целесообразной вещью, и моделью взаимоотношения человека с миром [Некрасова: 1988, 26].

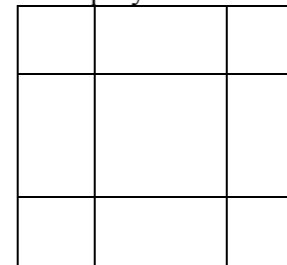
В чувашском фольклоре, мифологии *çĕр* (земля), *тĕнче* (мир) имеют четырехугольную форму. Этот факт упоминается в сотнях зафиксированных текстов начиная с конца восемнадцатого века. О четырехугольном мире говорится в молитвах, песнях, благословениях и т.д. Даже если в тексте речь идет о круглом озере или острове, все равно они вышиваются, изображаются четырехугольными, в данном случае *çавра* (круглый) означает принадлежность к священному, сакральному.

Этнолог Г.Б. Матвеев утверждает, что «искусство вышивки оставило яркие следы в устном народном творчестве – в свадебных песнях невесты, легендах и т.д.» [Матвеев: 1995, 6]. С данными словами трудно не согласиться.

В чувашском фольклоре широко распространены мифы о происхождении мира, о Солнце, Луне и т.д. В одном произведении устного народного творчества говорится о том, что раньше у чувашей было три солнца. На земле всегда было светло, тепло, у людей имелось все, они жили в достатке, благополучии. Некоторым людям показалось, что слишком жарко, и они начали говорить, будто на земле из-за жары дышать трудно. Люди решили оставить только одно солнце, а остальные убить. Аксакалы предостерегали, что нельзя убивать солнца: может нагрянуть большая беда. Но люди пригласили охотника и повелели убить одно солнце, охотник сопротивлялся, но страх смерти заставил его выстрелить. Гибель одного солнца не убавила жары, тогда люди убили второе солнце, а третье, испугавшись смерти, удалилось на безопасное расстояние. Наступили морозы, все растения вымерзли, дети начали умирать, поля занесло снегом. Люди испугались, обратились к старцам за советом. Те сказали, что убитые звезды уже нельзя воскресить, а оставшееся солнце людям не верит. Мудрецы предложили людям совершать такие дела, чтобы солнце снова поверило им. С тех пор и повелось, что чуваша на одежде, заборах, домах – всюду изображают три солнца. С древних времен до настоящего времени чуваша в надежде заслужить доверие оставшегося солнца изображают его, они верят, что солнце поймет и простит их, приблизится к земле и на земле снова станет тепло и светло. Изображение трех солнц мы видим и на государственном флаге Чувашской Республики.

Евгения Жачева, признанный народный мастер, пишет, что «старинный орнамент – это чаще всего геометризованные узоры в форме крестов, треугольников, зигзагов, полос. Они сочетались со стилизованными фигурами людей, птиц, животных, Древа жизни, которые имели бесконечно разнообразные формы и выполнялись на рубашках, свадебных платках, покрывалах невесты, жениховых платках и других изделиях» [Жачева: 2006, 27].

В науке известно, что в древности ломаной линией изображали воду, прямой – поверхность земли или небо, треугольниками – горы. Часто мы видим кусок четырехугольной ткани, на котором прямыми линиями поверхность разделена на девять четырехугольников.

Это упрощенная схема мира, Вселенной.

Традиционная чувашская вышивка в привычной для нее форме геометрического изображения мира представляет нам окружающий мир четырехугольным, с пупом земли в центре. В центре четырехугольного мира находится круглое озеро, которое также изображается четырехугольным. В

вёсен синонимёсемпе антонимёсем, омонимёсем пулни çинчен çeç каласа хаварать. Çапла курапнар ёнтё, ачасем урокра сáмахан тулаш формине çeç вёренеççё, сáмахан шалти тытáмё, унан таранрах пытаранна пёлтерёшё çинчен вёсем каласмаççё те. Çав вáхáтрах эфир пурсáмáр та сáмах чёлхен, халáх пурнаçён хайне евёр «палáкё» пулса тáни çинчен час-часах çирёплетсе хáварма тáрашатпа.

Сáмахан шалти пёлтерёшё тесе унан áшёнче халáх историйён пёр-пёр тапхáрё, унан культурин пёр пайё пытаннин каласçё. Сáмахан пётёмёшле семантики сáмахён пёлтерёшне йёркелет. Уроксенче пёр-пёр сáмах çинчен каласна май ачан куçё умне унан тáван халáхён авалхи пурнаçёнчи пёр-пёр пуламё сáнланмалла, ман аслашшесен тёнчекурáмё тёрремёнех палáрмалла. Тишкерекен сáмах ачара хáйён халáхё патне интерес суратма пултарта, унпа хавхаланса мухтанма пулаштар, хисеплес, хаклас туйáма аталантарма май патáр. Тáван чёлхе вёрентекенёсен хáйсен урокёсенче ёç çапла йёркеленсе пытар тесе тáрашмалла.

Малтан каланине çирёплетес тесе тёллех çинче чаранса тáрапа. Тёллехшён «тáвар» сáмахён чан, шалти пёлтёрёшне уса парáпа. Пёрремёшёнчен – вáл апат-çимёç шутне кёнине палáртáпа. Иккёмёшёнчен, тахсан ёлк-авал, сáл паллиллё сырулах пулман тапхáрта тáварпа сыруллах палли выранне уса курнине каламалла. Мёнле пёлтерёш пытарна-ха çак сáмахра вáл вáхáтри сыруллах формипе уса куракан çынсем. Çынсем тáвар урла хáйсен ыра, мирлё туйáмёсене палáртна. Мёншён тесен тáвар хáйён тёлпе те шурá пулна (шурá халё те таса, мирлех тёлё шуланать), халáх хушшинче те тáвар яланах пысáк чысра пулна. Вáл паянхи кунченех çак пёлтерёше сухатмасáр халáх хушшинче çурет. Аякран килекен çынсене, хакла хáнасене паян та эфир çáкар тáварпа кётсе илетпёр.

Çапла вара курапнар ёнтё, сáмахан шалти тупсáмне тупса парсан халáх историйёнчи нумай çёнё фактсене пёлме пулат. «Тáвар» сáмахпа туслáха та, мирлехе те, ыра кáмáла та палáртна. Ана халáх сáмахлáхёнче сурекен халап-юмахсенчи тёллехсем те çирёплетсе параççё. Çакна та асанса хáварас пулат, халъхи словарьсенче нихáшёнче те «тáвар» сáмахан çак пёлтерёшесене суратса паман.

Çавна кура эфир тáван чёлхене вёрентес ёсре уйáмах лингвокультурологи аспектне пáханса ёçлемелле тетпёр. Ку ёсе йёркелесе яма çáмáл мар. Çаванпа ёсе çáмáлатма, унан тухáслáхне ёстерме, пирён шутпа, малтан лингвокультурологи аспектне тёлпе хурса сáмахсен словарьне тáвас пулат.

Словарьте пётём сáмахсене ушкáнсене уйáрас пулат: мифологи тата тён-ёнёнлё лексикки, йáла-йёрке лексикки, кил-сурт лексикки, апат-çимёç ячёсем, чашáк-тирёк ячёсем, музыка инструменчёсем, тум-тир ячёсем, тёрлё вице лексикки, коннотативлá лексика (хушма пёлтерёшлё сáмахсем).

Сáмахсене алфавит тáрáх вырнаçтарсан аван. Кашни сáмахан пёлтерёшне лингвокультурологи аспектне таянса áнлантарса памалла. Ун хыççан илемлё литература хайлаёсенчен тёллехсем илсе хáвармалла.

Тáван чёлхене вёрентё ёсре диахрони принципё тёл принцип пулса тáмалла. Мёншён тесен чёлхен нумай пуламёсем халáхан историйёпе тачá сыханса тáраççё.

Çаванпа ёсе çáмáлатма, унан тухáслáхне ёстерме, пирён шутпа, малтан лингвокультурологи аспектне тёлпе хурса сáмахсен словарьне тáвас пулат.

Литература

Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка: в 17 т. Казань—Чебоксары, 1928–1950.

Карпова Н.С. Лексика чувашского языка в национально-культурном аспекте // Чувашский язык и литература: теория и методика: сб. науч. ст. Вып. VII. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2008. С. 17–25.

Кузнецов А.В. Чáвашсен авалтан килекен керёке нисепё: Вёрену пособийё. Шупашкар, 2003. 96 с.

МОТИВ ВЫШИВКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЧУВАШСКОГО УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

Н.М. Кузнецова

библиотекарь Центра семейного чтения им. М. Сеспеля МУК «ЦБС им. В. Маяковского»,
руководитель клуба чувашской вышивки «Тёрё тёнчи», г. Чебоксары

В чувашском народном творчестве материальное и духовное составляющие переплетаются, тесно связаны. Мироззрение, видение окружающей действительности нашли отражение и в текстах песен, молитв, мифов и преданий, и в узорах и орнаменте вышивки, ткачества, резьбы по дереву и т.д. Несомненно, увиденное своими глазами сначала люди выражали мимикой, жестами, разными телодвижениями, отдельными звуками. Затем научились переводить мысли, впечатления от увиденного в слова, предложения, тексты. Потом все это начали изображать на дереве, глине, камне, металле и т.д. По мнению исследователей, вышитые узоры, орнамент на одежде появились относительно поздно: сначала к одежде прикрепляли украшенные разными узорами, орнаментом

дилондэн түрк дилинэ кечдиш хаггинда фикирлэрин эсассизлигини Наннар танри ади айдын гóстэрйр. Демэли, нар шумер-түрк сөзү олуб, сонрадан фарс дилинэ кечмишдир.

Dumuzu / Tammuz.

Enkinin ođludur. Hэтта onunla Xидри (Marduk) eynilешdirenler de var. Dumuzu Inanna/ Istarin eridir. Məhsuldarlıq, bolluq tanrısıdır. Ləqəbi çobandır. Tofiq Hacıyev bu adı Tomirislə eynilешdirmiş, onların eyni kökdən yarandığını, hətta «Kitabi-Dədə Qorqu»daki Domrulun da onlarla bađlılıđını söyləmişdir. Pənah Xəlilov bu adı Dəmirüz olduđu fikrindədir.

Dumuzu bolluq, bərəkət tanrısı olduđuna görə, mənə elə gəlir ki, onun adı da vəzifəsinə, funksiyasına uyğun gəlməlidir. Bu hal Şumer tanrılarında əksəriyyətinin adında özünü göstərir. Onda Dumuzu adının Dumu - uzu kimi iki morfəmdən yarandığını, dumu toxum, nəsil, uzu (ruzu) artım, çoxalma, bolluq mənaları verdiyini söyləmək olar.

Uttu.

Enkinin öz nəvəsindən doğulmuş qızıdır. Toxuculuq tanrısıdır. Adın kökü odla bađlıdır. Çox güman ki, Uttu odlu deməkdir. «Lu» sözdüzəldici şəkilçisi «Ut» (od) kökünə qoşularkən «t» samitinin güclülüyü «l»-ni «t»-ya çevirmişdir. Bu hala Şumer dilində çox rast gəlinir. Həmin xüsusiyyət türk dilində de mövcuddur.

Yerdə doğulmuş tanrıların adlarında «yer» morfeminin durduđunu görürük. Məsələn, Erra, Ereşkiqal, Nerqal və s.

Nerqal.

Yeraltı dünyanın tanrısı, Ereşkiqalın eridir. Onun adı əslində Yerqal kimi oxunmalıdır. Lakin bəzi miflərdə bu ada İrkallı şəkilində rast gəlinir. Burdakı «lı» sözdüzəldici şəkilçisinin türk dilinə məxsusluğu şübhəsizdir. «lr» de «Yer» sözünün başqa tələffüz formasıdır. «Qal» sözü de burdan yaranmışdır. Qul sözünün şumer ideoqramlarında KAL şəklində yazılması da bunu təsdiqləyir. Onda Nerqal Yerqal yaxud İrkallı yer ođlu deməkdir.

Ereşkiqal.

İrkallının arvadıdır. Yeraltı dünyanın qadın tanrısı, İnannanın bacısıdır. Onun da adı funksiyasına və ərinin adına uyğun gəlir. Adın kökü «yer» sözüdür.

Erra.

Müharibə və taun xəstəliyi törədən tanrıdır. Erra sözünün mənası dađıdan, yerlə yeksan edən deməkdir.

Ninti/Ninmah/Ninqurşaq.

Eyni tanrının müxtəlif adlarıdır. Bu tanrı Nabur planetində Ninqurşaq adlanmışdır. Anın qızı, Enlillə Enkinin bacısıdır. Ninqurşaq adının mənası bizə qaranlıqdır. Enki ilk insanı yaradandan sonra Ninqurşaq Ninti adlanmışdır. Bu adı mənası «həyat verən» deməkdir. «Ti» Şumer dilində diri və qabırğa mənalığında işlənir. Daha doğrusu, «ti» dirilik sözünün köküdür. Şumerlər həyat deyəndə yalnız diri olmađı nəzərdə tutmuşlar. «Ti» sözünə yaşamaq, həyat mənallarında bu gün de türk dillərində rast gəlinir. Bu tanrının üçüncü adının mənası «böyük qadın» deməkdir. Mah/maq Şumer dilində «böyük» mənası bildirmişdir. Həmin söz türk dillərində həm böyük, həm de ay mənalığında işlənmişdir.

Nammu.

Anın arvadı, Enkinin anasıdır. Sözün mənası dəqiq bilinmir. Namus sözünün ondan yarandığı düşünülə bilər.

Şumer tanrı adları çoxdur. Onların hamısının adlarını açıqlamaq üçün geniş araşdırmalara ehtiyac var. Lakin Şumer və türk dillərinin genetik qohumluđu haqqında təsəvvür yaratmaq üçün deyilənlər de kifayətdir.

Bir məsələyə de toxunmaq lazımdır. Şumer dilində Ahəng qanununun əksər hallarda gözləndiyi müşahidə edilir. Tanrı adlarından da bunu izləmək mümkündür. Hətta bir çox tanrı adları eyni saitlərin iştirakı ilə yaranmışdır. Araz, Xıdır, Asallahı, Baba, Utu, Uttu, Ayya, Nannar, Dumuzu, Ninti, Ninlil, Ninki və s. belə adlardır. Tanrı adlarının bir qisminde müxtəlif saitlər olsa da Ahəng qanunu gözlənməmişdir. Antu, Enlil, Enki, Iştar, Işkur, Tammuz və s. Ahəng qanununun gözlənmədiyiyi tanrı adları da var. Ninqurşaq, Ereşkiqal, Nerqal, İrkallı, Erra və s. adlarda bu qanun pozulmuşdur.

Bir çox şumer tanrı adlarının interpretasiya zamanı təhrif olunduđu şübhəsizdir və bu da onların mənalərini açmaqda çətinlik yaradır. Şumer dilinin ən yaxşı biliciləri de bu fikri həmişə vurğulayırdılar ki, interpretasiya olunan mətnlərin orijinalla tamamilə üst-üstə düşdüynə heç bir zəmanət yoxdur və gələçəkdə bir çox mətnlərin dəyişməyəcəyini düşünmək yanlışdır. Mən de bu fikirdəyəm ki, Şumer mətnlərini daha dərindən öyrəndikçə bu gün bizə qaranlıq qalan səhifələrin üstünə işıq düşəcəkdir. Bu işıqda digər Şumer tanrı adlarının açıqlanması da asanlaşacaq.

Beləliklə, Şumer tanrı adları türk dilində asanlıqla açıqlanır. Mənim Şumer və türk dillərindən topladığım 1000-ə yaxın eyni yaxud çox oxşar sözlərin təhlili de Şumer və türk dillərinin genetik qohumluđunu təsdiqləyir.

единственного достойного существа на планете – Человека). В культуре традиционных обществ, напротив, все животные и растения одухотворены, наделены Душой.

Благодаря таким качествам, как динамичность, интенсивность и агрессивность, техногенная культура развивается, распространяется по всему миру, поглощая постепенно все традиционные культуры. Западная массовая культура создает видимость доступности более легкого существования в другой стране. Это приводит к убеждению в преимуществах европейского или американского образа жизни, его некритическому принятию и идеализации, порождает чувство неполноценности в отношении к собственной культуре, ксенофилии. Сегодня на земле не осталось практически ни одной традиционной культуры в чистом виде. Постоянно меняющийся мир ломает традиции, заставляя человека жить одновременно в разных культурах, приспосабливаться к ним. Эти обстоятельства хотя и объединяют индивидов в единое сообщество, но в то же время они изолируют, атомизируют их. Поэтому все больше и больше людей жалуется на одиночество и непонятость. В литературе последних лет отражаются хамство и лицемерие, отсутствие жизнелюбия, как пишет Г.И. Федоров [Федоров, 2003, 14]. Видимо, это – последствия техногенной революции. Все чаще персонажами сегодняшних произведений становятся антигерои или брошенные дети (Л. Сачкова «Чун», Д. Гордеев «Хуп хушшинчи ғылаһ», Н. Сидоров «Сулса тәкәнәт», А. Мышкина «Тимәрпе хуҗәлнә чечексем»), спившиеся (все чаще встречается образ спившихся женщин; Е. Лисина «Арсын Хветура», Н. Ильина «Хёр кәлетки», Б. Чиндыков «Асу»), одинокие (А. Тарасов «Шәрчәк», «Икә ватә», «Матви ташши», Н.Ильина «Шәранса та пәтми»), в погоне за богатством потерявшие человечность люди (Н. Ильина «Турәсәр туһнә телей») и люди, ищущие смысл жизни, тоскующие о потерянных генетических корнях (Б. Чиндыков «Сурсәр хуҗәһни апатлану», «Сәтан карта җинчи хура хәмла җырли», Н. Ильина «Даниил»). Особую актуальность приобретает проблема сохранения духовных ценностей. Но, к сожалению, понятия «духовность» и «гуманизм» актуальны лишь для малой части населения сегодняшней России, в основном для так называемых «гуманитариев». Глобализация открывает новые возможности взаимного обогащения культур, но в то же время этот процесс имеет свои издержки и отрицательные последствия, выражающиеся в углублении неравенства народов, государств, утрате ими своей культурной самобытности. Поиск новых мировоззренческих ценностных ориентаций – это поиск нового способа и образа жизни, нового отношения к людям, к природе, к обществу. Именно искусство и культура стремятся в настоящее время противостоять нивелированию ценностей в обществе. Вопрос о сохранении культурного многообразия мирового сообщества встает в один ряд с наиболее крупными глобальными проблемами, требующими разрешения в XXI веке.

Литература

- Айги Г. Слово о чувашах, моем добром народе // ЛИК Чувашии. 1995. № 3. С. 170–172.
Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998.
Лотман Ю.М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // Труды по знаковым системам. Тарту, 1973. Вып. 6.
Степин В.С. Перспективы цивилизации: от культа силы к диалогу и согласию // Этическая мысль. М.: ИФ РАН, 2002. 237 с.
Федоров Г.И. Нацы кун-сулән сәнарлә тәкәрә // Чăваш литературин антологийе: Пёрремеш том. Проза. Шупашкар: Чăв. кĕн. изд-ви, 2003. 551 с.

ЧАВАШ ЧĔЛХИ УРОКĔСЕНЧЕ ЛИНГВОКУЛЬТОРОЛОГИ АСПЕКТНЕ ШУТА ИЛСЕ ЁҖЛЕССИ

Г.Ф. Брусова, А.А. Исакова, А.Ю. Николаева

Чувашский государственный педагогический университет имё И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Этемлĕх аталанăвĕн кирек хăш тапхăрĕнче те тăван чĕлхене вĕрентес ыйту кирек мĕнле халăхшăн та тĕп ыйту пулса юлат.

Этем чĕлхи – кăткăс пулăм, вăл ҫыннăн шухăшлавĕпе те, кăмăл-туйăмĕпе те, общество аталанăвĕпе те тачăн ҫыхăннă. Вăл халăхăн пурнăҫне, культурине уҫса, ҫутатса парать. Ҫавăнпа та ҫак кăткăс пулăма кирлĕ пек уҫса парасси тата ăна ачасене курма, унпа усă курма вĕрентесси ҫамăл мар.

Ачасене тăван чĕлхене юратма, унпа пулсăр усă курма вĕрентес ёҫре чи малтан ачасене сăмахсен чăн пĕлтерĕшĕсене уҫса парас пулать, чĕлхене культурологи аспектен таянса вĕрентес пулать. Ёҫе ҫапла йĕркелемесен, ачасене сăмахан чăн, шалти пĕлтерĕшне уҫса памасан, сăмах ачасен ăс-тăнĕнчен часах ҫухалать, унăн тавракурăмне анлăлатас пĕлтерĕшĕ ытла та чакса ларать. Ҫавăнпа та сăмах пĕлтерĕшне уҫса

Şamanist inançta, hayattakilerle ölenler (atalar) arasında derin bir ilişki vardır. Bu ilişkiyi de, Şamanlığın rahibi olan ve Türk halkları tarafından kendisine “Kam” denilen Şaman sağlamaktadır. Şamanizm’de atalar, ruhlar ve onlarla insanlar arasındaki iletişimi sağlayan Kamlar genellikle bir hayvan ile özdeşleştirilmektedir. Bu nedenle de hayvan ana-ata kültü oluşmuştur ve kartal da böyle bir hayvan-ata olarak kabul görmüştür [14]. Şamanizm ve Mitolojilerde Türk hayvan üslûbu içerisinde «Kuş» motiflerinin sıklığı, ancak bağlı oldukları inanışlarla açıklanabilir. Şaman ya da kam-ozan şamanlaşmadan önce bir kuş görünüşünü olabildiğince andıran, tüylerden oluşmuş bir giysi giyer ve bu kılığa bürününce kendini bir kuş gibi hisseder. Böylece öte dünyaya doğru kanat açabileceklerdir [15].

Fotoğraf: 2 Hasankeyf ve Diyarbakır Artukluları'ndan Nâsirüddin Mahmut'un Hasankeyf'te kestirdiği 1213 tarihli çift başlı kartal motifli para [16].

Kartaldan biraz küçük fakat yine de büyük avcı kuşlardan accipter, hierofalco gyrfalco (doğan ile akbaba arası) ve falco (doğan) soylarını da içine alanlara VIII. yüzyıl Türkçesi'nde, bugünde olduğu üzere genellikle toğan (doğan) denildiği bilinmektedir [17]. Bilge Kağan'ın mezar kitabesinde, göksel haberci yirtici kuşun cennete ululanması ya da öldükten sonra göğe uçmasından bahsedilir [18]. Konya surlarının yontuları üzerindeki diğer hanedanlık arması figürlerle birlikte baykuş benzeri kartal ve griffonlar yer alır [19]. Kubadabad Saray çinilerinde de kartal figürüne sıkça rastlanır. Anadolu Selçuklu sanatında kartal figürü, Diyarbakır Kalesi burç nişinde tepesinde, Divriği Ulu Camii batı portalinde, Tercan Mama Hatun Türbesi'nde, Niğde Hüdavent Hatun Türbesi'nde, Niğde Sungur Bey Camii'nde, Sivas Gök Medrese, Kayseri Döner Kümbette ve Erzurum Çifte Minareli Medrese'de de görülür.

Fotoğraf: 3 Kubadabad Sarayı çinisi.

İslam'da Hz. Peygamber'in kaldığı mağaranın girişine bir güvercinin yuva yaptığı da bilinmektedir. Ayrıca Kur'an'da da kuşlardan bahseden ayetler vardır.

Bakara Suresi 260. Ayette, “Hani İbrahim, Rabbim bana ölülerini nasıl dirilttiğini göstermişti. (Allah ona) İnanmıyor musun? Deyince, hayır (inandım) ancak kalbimin tatmin olması için demmişti. Öyleyse dört kuş tut. Onları kendine alıştır. Sonra onları parçalayıp her bir parçasını bir dağın üzerine bırak. Sonra da onları çağır. Sana uçarak gelirler. Bil ki şüphesiz Allah mutlak güç sahibidir, hikmet ve hüküm sahibidir”. Al-i İmrân Suresi 49. Ayette ise “Allah onu İsrail oğullarına bir peygamber olarak gönderecek (ve o da onlara şöyle diyecek): Şüphesiz ben size Rabbinizden bir mucize getirdim. Ben çamurdan bir kuş şeklinde bir şey yapar, ona üflerim. O da Allah'ın izniyle hemen kuş olurur”... Mâide Suresi 31. Ayette ise “Nihayet Allah, ona kardeşinin ölmüş cesedini nasıl örtüp gizleyeceğini göstermek için yeri eşeleyeyen bir karga gönderdi”...

1. TÜRK DOKUMA SANATINDA KUŞ

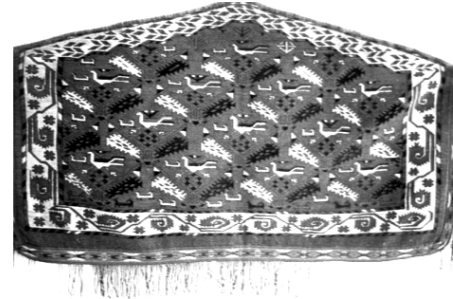
Hunların, halı ve keçelerinde ilk önceleri tabiatçı bir anlayışla meydana getirilen hayvan mücadele sahneleri, karşılıklı simetrik bir düzende yerleştirilen kuş ve hayvan figürleri, ya kareler, sekizgenler içerisine veya halının en geniş bordürüne yerleştirilirdi. Oğuz boylarının ve diğer Türk topluluklarının İslâmiyet'i kabul etmelerinden sonra genellikle figürlü motifler zamanla terk edilmiş ve bunların yerini geometrik motifler almıştı. Bazı Türk boyları ise, İslâmiyet'i kabul etmelerine rağmen, hayvan figürlü halıları dokumaktan vazgeçmemişler, hayvan şekillerini düz hatlarla ve geometrik çizgilerle ifade etmeye devam etmişlerdir [20]. İslâmiyet'in resme yasak getirdiği gibi bir anlayış, günümüzde bile üretimi, sembol dilini çok iyi kullanmaya sevk etmiş, dokuma sanatına fevkalade nitelikli stilize kompozisyonlar kazandırmıştır.

Türk dokumalarındaki yanlışların temelde, binlerce yıllık zaman, on binlerce kilometrelik coğrafya farklılıklarına, kültür çevrelerinin yabancılıklarına rağmen, sağlam ve düzenli bir “ayniyet”i koruyup, devam ettirmesi, son derece dikkat çeken bir özelliktir [21]. Türkmenlerde kullanılan bir deyimde bu zenginliğin ne denli bir ustalık ve hızla ortaya konulduğunu da belgelemektedir. Türkmen der ki: “Kızım sen nakışını vuruncaya kadar, Türkmen’in göçü dolandır”. *Acar kız dediğin göz açıp kapayıncaya kadar nakışı vermeli, Türkmen’in göçünü dolandırmamalıdır*” [22].

Günümüzde İtalyan ressam Lippo MEMMI tarafından yapılan tablo Berlin Staatliche Müzesi’nde muhafaza edilen tabloda yerde serili halının içerisinde kuş figürleri yine Berlin Müzesi’nde bulunan ve Florentine Okulu’nda yapılmış olan “Meryem ve Çocuk” isimli tabloda Meryem’in ayaklarının altında ki halıda altıgen formlar içerisinde yerleştirilmiş [23] çift başlı kartallar görülür.

Fotoğraf: 4 [24]. Fotoğraf:

5 Türkmen Teke asmalık [25].

Yine Caroline And H. McCoy Jones Koleksiyonu’nda Şamanizm izleri taşıyan bir Anadolu kiliminde mihrabın tepe noktasına yerleştirilmiş olan Şaman asası ve üzerinde kartal figürü vardır [26].

Orta Asya Türkmen ensilerinde, asmalıklarda ve tavuk muska gibi, boyun sembolü olan göllerindeki kuş motiflerinin biraz daha uzak akrabalarını Konya Etnoğrafya ve İstanbul Vakıflar halı kilim müzesinde görmek mümkündür. Selçuklu ve Osmanlı bayraklarında da sık rastlanan kartal, şahin atmaca gibi yırtıcı kuşlar gücü simgeler [27].

Fotoğraf: 6 Konya Etnoğrafya Müzesi Kuşlu Uşak halısı.

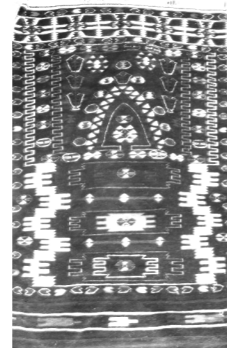

Fotoğraf: 7 Ereğli Bekdik kilimi [28].

Aynı eksenler üzerinde sıralanmış iri rozetlerden çıkan karşılıklı iki yaprak arasındaki zeminin dolgulanmış olmasından dolayı kuşlu halı olarak anılan Uşak halısında yaprakların bile kuşa benzetilmesi [29] Türk dokuma sanatında kuş figürünün ne denli önemsendiğini net olarak ortaya koyar.

Fotoğraf: 8 Çanakkale “turnalı” halı.

Fotoğraf: 9 Konya Ilgın Yukarıçığıl kilimi [30].

Anadolu’da günümüzde halı-kilim dokunan tüm bölgelerde kuş figürü yanlış olarak karşımıza çıkar.

Секция 11

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЭТНОЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

РЕФЛЕКСИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТНЫХ КРИТЕРИЕВ ЭТНОСА В ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Е.Р. Афанасьева

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары

Мир сегодня живет по программе территориальной и социальной глобализации. Сегодняшнее расплывчатое понятие «западная цивилизация» стало неким культурным эталоном, которому вольно или невольно следует чуть ли не все человечество. Сразу же оговоримся, что Запад «черпает резервы роста не за счет расширения культурных зон, а за счет перестройки самих оснований прежних способов жизнедеятельности и формирования принципиально новых возможностей» [Степин: 2002, 180]. Если заглянем вглубь истории, увидим, что западный тип цивилизации возник в европейском регионе вследствие ряда мутаций традиционных культур, а затем начал осуществлять свою экспансию на весь мир.

Какие же ценности выводит на передовую эта новая цивилизация? Прежде всего, это отрицание всех существовавших ранее приоритетов человечества. Ценностью считается сама инновация, оригинальность, вообще новое (например, «Книга рекордов Гиннеса» против семи чудес света). На одном из первых мест в иерархии ценностей оказывается автономия личности, что традиционному обществу совершенно несвойственно. Тогда как человек традиционной культуры старался жить общиной, коллективом, представитель современного индустриального общества разрывает все свои «старые» связи, прежде всего – родственные. Поэтому, для Запада характерно распространение нуклеарных семей, где отсутствуют представители старшего поколения, со всеми вытекающими отсюда последствиями. В свете этого особенную тревогу вызывает форсайт-проект «Детство-2030», представленный Россией на Всемирной универсальной выставке «ЭКСПО-2010» в Шанхае.

Для представителей традиционной культуры семья, племя, род являлись центральным стержнем и фундаментом существования. Приоритет отдавался «традициям, образцам и нормам, аккумулирующим опыт предков, канонизированным стилям мышления» [Степин: 2002, 185]. Неспроста поэмы «Аптраман тавраш» П. Хузангая, «Кёлпук мучи» Я. Ухсяя составляющие сокровищницу классической чувашской литературы, восхваляют семейные ценности: связь поколений, почитание старших как примера для подрастающего поколения, почитание Земли, Родины. «Первое, что бросается в глаза в поведении чуваша в любом обществе, среди любого народа, – исключительное (почти «религиозное») обязательно-почтительное отношение к самому старому человеку из присутствующих, – отмечает известный поэт и переводчик Г.Н. Айги. – В детстве, в тяжелые военные и послевоенные годы, я не раз наблюдал, как некоторых сильных, «состоятельных» (весьма условно – по меркам того времени и в сравнении с бедностью других), «зарывающихся» мужчин двумя-тремя словами мог урезонить, «поставить на место» человек слабый и бедный, но один из старейших в деревне» [Айги, 1995, 171].

Тысячелетиями представители традиционной аграрной культуры придерживались опыта предков, старались не осквернять Землю, всячески проявляли уважение к ней (традиционные календарные праздники в честь начала или окончания земледельческих работ), почитали Природу как Праматерь всего живого на земле (во всех старых традиционных верованиях Природа предстает как Бог). «Говоря о связях чувашей с природой, – пишет далее Айги, – отметим: эта связь такова, что во многих образцах чувашского фольклора трудно отделить человека, его чувства от растений, от дерева, от леса. Если чуваш увидит кого-либо, сдирающего кору с живого дерева, тотчас же сделает замечание: «Зачем сдираешь кору с дерева: ладно ли будет тебе, если с тебя самого будут драть кожу»... Примечательно, что у чувашей считалось грехом рубить старые деревья в деревнях: они должны были умирать естественной смертью, как старые люди» [Айги, 1995, 172]. Человеческая активность в традиционном обществе осмысливалась как ориентированная внутрь человека, на самосозерцание и самоконтроль, которые обеспечивают следование традиции [Лотман, 1973]. В культуре техногенной цивилизации на всех этапах ее истории доминантой была идея преобразования мира и подчинения человеком природы, поэтому природа рассматривалась как неиссякаемый источник ресурсов и материалов для поддержания жизнедеятельности человека (отсюда наша сегодняшняя техногенная катастрофа). Если только в общих чертах рассмотреть западное искусство, то оно предстает как непрекращающаяся борьба с единым «страшным» врагом – природой (в западных триллерах живые существа – деревья, насекомые – предстают некими страшными чудовищными тварями, которых во что бы то ни стало нужно уничтожить во имя торжества

традиционных свадьбах, праздниках, сопровождающихся циклом обычаев и обрядов, в процессе исполнения которых готовятся ритуальные блюда.

Традиционная кухня исследуемой территории, рецептура блюд, порядок их подачи и употребления определяются образом жизни и хозяйственным укладом населения. В пищевом режиме жителей оазиса, как и в общенациональной кухне, важное место занимают зерновые, молочные и мясные продукты. Оседлые земледельцы готовили пищу из зерновых культур. В питании скотоводов преобладали молочные продукты (в основном овечьё и козье молоко), мясо, гораздо меньше употреблялось овощей. В рационе земледельцев молочная продукция (чаще коровье молоко) также играла важную роль, потреблялось много овощей, бахчевых культур и фруктов.

Основные зерновые культуры – так называемые «белые злаки»*: пшеница, ячмень, овёс, сорго, кукуруза, просо, рис, а также бобовые культуры: нохат (нут), маш, фасоль. Зерно на муку и крупу мололи на водяных мельницах, при недостатке воды использовали мельницы, приводимые в движение лошадей или ослов, ручные мельницы.

Пшеница считалась символом урожайности, источником благосостояния и хлеба насущного («пусть размножится подобно этому зёрнышку»). В семье, где родился ребенок, после окончания чилля (сорокодневье) традиционно готовили *қовурмоч* (*құрмоч*) и раздавали соседям, детям. Из пшеницы готовили и *ёрма* (*жорма*, *жарма*, *ярма*). Скотоводы оазиса в *ёрма* добавляли молоко и *катык*, в районах развитого земледелия – тыкву, репу, а зимой – сушёный урюк. По мнению информаторов, *ёрма* из пшеничной сечки помогает при солнечном ударе. Таджики, проживающие в кишлаках Дугоба и Чаш Сарыасийского тумана, называют это блюдо *делида*: очистив голову и ноги (*калла-поча*) свежесрезанного барана, варят бульон, в который кладут очищенные (*оқланган***) пшеницу, нут, фасоль, маш, добавляют различные горные травы и приправы. Это блюдо считается очень калорийным и сытным, его приготовление требует много времени и усилий, поэтому до наших дней сохранилась традиция готовить его коллективно. В ряде земледельческих туманов Сурхандарья из пшеничной муки готовились жидкие блюда *умоч ош*, *кескан ош*, *узма ош* и более 10 видов *атала* (мучная похлёбка, болтушка) из пшеничной или ячменной муки с молоком, с яйцами, на льняном масле или бараньем сале. В большинстве кишлаков *атала* называлась *буламиқ* и считалась едой рожениц.

Растительные блюда отличались не только по способу приготовления, территориальному своеобразию, но и по названиям. Так, этнические группы джузов и тюрков *кескан ош* называли *шулла*, персоязычные таджики – *оши удро*, таджики Верхнего Зарафшана – *оши тўппа*, ферганцы – *ун оши* [Абдуллаев: 2005, 125], население Верхнего Туркменистана – *унаш* [Васильева: 1969, 242]. Различной у разных групп населения оазиса была мотивация магических свойств того или иного блюда: так, у жителей узбекских кишлаков оазиса *кескан ош* (нарезанное кушанье) приносили в дом, где кто-либо заболел («да прервется болезнь») или умер («чтоб вслед за ним никто не ушел»), а у таджиков оазиса это блюдо не готовилось («за умершим потянется хвост»), в Хорезме его подавали в день первого купанья младенца («пусть будет жизнь ребенка долгой») [Снесарев: 1969, 92]. Приготовление этих блюд было неразрывно связано и с религиозным мировоззрением жителей оазиса. Стремясь уберечь близких от болезни и смерти, предотвратить грядущие несчастья, люди готовили *узма ош* (*узма тўппа*), наделяя его магической силой. Если в семье случилось несколько смертей подряд, его готовили в качестве *охират оши* (букв. «пицца, принимаемая перед смертью»). Как видно, эти блюда готовились не для того, чтобы удовлетворить биологическую потребность. Укоренившись в общественной жизни населения, они стали составной частью традиционной обрядности.

Выпечка хлеба в оазисе с древнейших времён осуществлялась в тандыре, товатоше, казане, золе. Таджики оазиса соответственно этому называли хлеб: а) *нони оштонни*, б) *нони табагин*, в) *нони дегин*, г) *нони кўмма* [Кисляков: 1965, 21]. Выпечка хорошего хлеба зависела от правильного замешивания теста и качества опары. Кунграты оазиса закваску называли *хамиртуруши*, джузы и дурмены – *кўптурма*, катаганы, турки и шары – *келдирма*, а таджики – *нони расида*. Выпекались такие виды лепешек и патыров, как *кўпкан нон****, *ширмой нон*, *кунжутли нон*, *жиззали нон*, *қайирма нон*, *седанали нон*, *товатош нон*, *кўмач нон*, *пиёзли нон*, *кадили нон*, *патир*, *қатпатир*, *сутли патир*, *жиззали* (*жиззиқли*) *патир*, *қийма патир*, *қўк патир*, *қозон патир*, *қотирма*, *қатлама*, *зогора нон* – из кукурузной муки, *арпа нон* – из ячменной, *тариқ нон* – из просяной крупы, а в годы засухи даже *кепак нон* из отрубей. *Патир*

* У узбеков Сурханского оазиса колосовые культуры называются *оқ экин* («белые злаки»).

** До того, как засыпать пшеницу в котел, её моют, замачивают в течение получаса, затем толкут в деревянной ступе, чтобы очистить (*оқламоқ*) от шелухи. Местные жители этот процесс называют *буғдойни кувзаш*.

*** В оазисе лепешки, выпекаемые на дрожжах, называются *кўпкан нон*. В ряде туманов Бухарского и Самаркандского вилоятов эти лепешки также называют *оширма нон*.

В мифологических представлениях бурят образ орла раздваивается на два персонажа: хозяин острова Ольхон – Хан-Хото-баабай, или Ута-саган-нойон, и его сын орел. Отношения между этими персонажами довольно определенные и характеризуются как отношения иерархического доминирования, где Хан-Хото-баабай – отправитель, а орел – исполнитель. При рассмотрении бурятского материала была выявлена очень важная характеристика данного персонажа – амбивалентность, объясняющая деление мифов на три группы, в которых орел представлен как положительный, нейтральный и отрицательный персонаж.

Итак, на основе религиозных представлений племён и родов, населявших бассейн Средней Лены, разных по этническому происхождению, сформировались традиционные верования якутов, в которых начиная с XVII в. и уже в XVIII–XIX вв. окончательно возобладали черное шаманство. В традиционных религиозных представлениях якутов культ айыы, по всей видимости, распространился от потомков тюркоязычных кангаласцев, которые в основном были коневодами. Возможно, в более ранние времена у тюркоязычных предков якутов верховный глава богов Юрюнг Айыы Тойон воплощал в себе не только солнце, поскольку он являлся демиургом. В обрядах, посвящённых ему и другим богам айыы, предки современных якутов обращались к небесным светилам: солнцу и луне.

«После XVII в. в якутском оседлом хозяйстве возросла роль крупного рогатого скота. Слияние племён и родов на Средней Лене (в долине Гуймаады) в одну народность повлияло и на их религиозные представления» [Гоголев: 1983, 75]. Образ Юрюнг Айыы Тойона стал в большей степени ассоциироваться с солнцем.

Мифологический орел – представитель верхней зоны космоса – имеет солярное значение и ассоциируется с самим солнцем и даже считается его повелителем. Глава богов Юрюнг Айыы Тойон часто выступает в образе орла. Пернатый хищник связан с верхней частью, с вершиной мирового дерева. По своей архаичности мифологический орёл может соотноситься с аллегорическим образом оленя. Культ орла в традиционной культуре якутов чрезвычайно развит и уступает разве что культу коня, который появился позже.

Литература

Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск, 1987.

Гоголев А.И. Историческая этнография якутов. Якутск, 1983.

Ксенофонтов Г.В. Эллэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. М., 1977.

Мелетинский Е.М. Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Ворона. М., 1979.

Мифы народов мира. М., 1998.

Нимаев Д.Д. Проблемы этногенеза бурят. Новосибирск, 1988.

Сибирские сказания. М., 1991.

Штернберг Л.Я. Культ орла у сибирских народов // Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.

XALQININ YADDAŞ DAŞIYICISI (Носитель народной мудрости)

Пэрванэ Мэммэдли (Pərvanə Məmmədli)

Институт литературы Бакинского государственного университета, г. Баку

Статья посвящена собирателю произведений народной мудрости М. Фэрзанэ.

İranda məlum səbəblərə görə uzun bir müddət Azərbaycan türkləri ana dilində təhsildən, dövrü mətbuatdan, bədii ədəbiyyat oxumaqdan məhrum ediləblər. Doğma dilində yazıb oxuya bilməyən azərbaycanlıların el nəğmələri, atalar sözləri, bayatıları, nağılları, dastanları dildən-dilə, eldən-elə dolaşır. Folklor nümunələri xalqın ruhuına yaxın olduğu üçün onlar anlaşılıq və həmişəyaşar olub. Xalqın xəzinəsi sayılan folklor nümunələrini də qorumaq, yaşatmaq lazımdır. Güney Azərbaycanda folkloru toplayıb onu sistemə, nizanma salan, araşdıran alimlər az deyil. Onlardan biri də M. Fərzanədir. Məhəmmədli Fərzanə Güneydə Azərbaycan dilinin qrammatikasına və Azərbaycan ədəbiyyatı mənbələrinə dair kitabların müəllifi, bu dildə folklor nümunələrinin ardıcıl toplayıcısı və nəşiridir. M. Fərzanə S.C. Pişəvərinin başçılığı ilə Güney Azərbaycanda «21 Azər» milli demokratik hərəkatında iştirak etmiş, qələmini bu yolda xalqın xidmətinə yönəlmiş, əqidəsinə görə şah rejimində dəfələrlə həbsxanaya salınmışdır.

M. Fərzanə 1923-cü ildə Təbrizdə dünyaya gəlmişdir. Atası Məşrutə inqibabının iştirakçılarından olub. Anası savadsız bir qadm olsa da, gözəl el ədəbiyyatı bilicisi idi, adlı-sanlı aşığılar yetirən Qaradağ mahalından idi. 9 uşağın ilki olan Fərzanənin anasının ona və qardaşına söylədikləri düşüncə və hafizəsində dərin iz qoyur. Xalq ədəbiyyatı xəzinəsinə heyranlığı və sonsuz sevgisi onun bütün həyatını məhz bu sahədə yaradıcılığa yönəltdir.

O, 1942-ci ildə Təbrizdə Pədoqoji texnikumu bitirdikdən sonra əmək fəaliyyətinə başlayır və Təbriz kitabxana-smda işə girir. Bir gün kitabxanada təsadüfən üzərində «Ba-til kitablar» («məhv olunmağa

ближе к якутам, чем к забайкальским бурятам. Известно, что эхириты и булагаты в прошлом были тюркоязычными. Их монголизация произошла в период раннего Средневековья, но они сохранили некоторые диалектные особенности, которые сближают их с якутами и южносибирскими тюрками.

Считается, что предки якутов покинули Прибайкалье в IX–XI вв., в эпоху возвышения енисейских кыргызов. Однако в таком случае потомки переселенцев должны были бы помнить орхонских тюрков VI–VIII вв., с которыми курыканы, вероятнее всего, контактировали (даже входили в состав Первого и Второго тюркских каганатов) до кыргызской экспансии в Южной Сибири [Нимаев: 1988, 56].

О взаимодействии же якутских и бурятских племен в древности можно судить по материалам тотемической лексики. В частности, обратимся к культу орла, который бытует как у бурят, так и у якутов. Типологические параллели образа орла выражаются в следующих архетипах: амбивалентность персонажа, функционирование в мифах в виде первопредка, демиурга и культурного героя. Помимо этого у якутов орел выполняет функцию бога-громовержца.

В результате тесных контактов и взаимовлияний произошло перенесение мотива в мифологию монголоязычных бурят. Среди бурят первыми восприняли мифологический образ орла эхириты. В отношении булагатов следует заметить, что до формирования эхиритско-булагатской общности они всё эхиритское считали чужим, плохим. В связи с этим, следуя законам мифотворчества, где чужое – синоним отрицательного, булагаты относят орла к злым божествам.

Древние представления об орле достаточно полно сохранились в мифологии бурят, при этом почти отсутствуют мифы о вороне. У якутов же образ ворона имеет большое значение. В целом, следствием тесных связей бурят с тюркскими народами можно считать бытование своеобразных параллелей в бурятской и якутской мифологической традиции.

Важным аспектом творения является и «упорядочение», которое осуществляется путем регулирования [Мелетинский: 1979, 145]. Регулирование орла выражается в том, что орел способен изменять погоду с помощью предметного кода – камня сата. Камень сата появляется из самого орла. Поэтому этот мотив необходимо разобрать как структуру, ядром которой служат предикаты «порождения» или «испускания». Здесь агенс (субъект) и материал (источник) совпадают, так как орел творит – извлекает объект из самого себя.

В этом мотиве творения орел совершает несколько действий-предикатов для достижения одного результата – способности влиять на погоду. С помощью камня сата орел не только способен влиять на погоду, но также стать покровителем рода, семьи и человека [Ксенофонов: 1977, 104].

В связи с солярным культом следует отметить связь орла с огнем у якутов, так как в мифологическом сознании огонь представляется частью солнца, солнечной силы, солнечного света. В энциклопедии «Мифы народов мира» в сведениях о происхождении орла упоминается о том, что орел принес людям огонь [Мифы народов мира: 1998, 681]. Это говорит о том, что, во-первых, орел является культурным героем, приносящим культурные блага людям; во-вторых, орел связан с огнем, что подтверждает одну из выделенных Штернбергом Л.Я. ипостасей орла, а именно «орел – хозяин огня» [Штернберг: 1935, 113].

Согласно якутской традиции, при лечении кожных болезней, которые насылаются духом, хозяином огня, высекателем огня мог быть человек, предком которого считается орел или происходивший от орла. У якутов таковым считается род Хора, у бурят – Хори [Галданова: 1987, 37]. В другом источнике находим заклинание – молитву Хотой Хомпоруна якутского эпического героя-воина Эр Соготох, где дается подробное описание отца орлов. Здесь он назван краснокрылым, имеющим очаг из горячих ало-красных камней, подстилку из рыжей, жаром пышущей шкуры медведя [Сибирские сказания: 1991, 384].

Это свидетельствует о связи данного образа со стихией огня. Помимо этого, Эр Соготох просит у Хотой Хомпуруна повергнуть войска врагов своей молнией синей, своим громом синим. В данном случае персонажу подвластны природные стихии – гром и молния, что придает ему образ божества-творца. Мотив эволюционирования культурного героя к Богу-Творцу присущ представлениям, стоящим на более высокой ступени развития.

Борьба с врагами, которая приписывается Хотой Хомпуруну в заклинании, выражает борьбу со стихийными космическими природными силами, которые сливаются с образами иноплеменников. Это качество также присуще культурному герою. В примечании к заклинанию отмечается, что Хотой Хомпурун является грозным богом войны. Такое определение больше нигде не встречается, и, скорее всего, оно связано с более поздним временем создания якутского эпического сказания «Эр Соготох» [Сибирские сказания: 1991, 384].

Установление связи солнца и орла в якутской мифологии позволит выяснить, в каких отношениях находятся орел и Творец, т.к. Творец – это хозяин солнца, его воплощения на земле и т.д. Выясняется, что их отношения разнообразны, иногда орел выступает в роли творца и его называют хозяином и повелителем солнца. Это говорит о том, что орел связан с солнцем не только в качестве Творца, но и напрямую, являясь божеством солнца. Далее выделяются еще две способности орла, подтверждающие его взаимоотношения с солнцем. Орел – возродитель природы, который способен сотворить солнечное тепло. А также орел – хозяин огня, культурный герой, который принес огонь людям.

таджики северной части оазиса называли *фатир нон*, а жители узбекских кишлаков – *курук патир*, *тош патир*, *кўр патир*. Традиционно к жидким блюдам (*қайнатма шурва*) выпекали *қатпатир*, называемый в Денауском и Алтынсайском туманах *чирик патир*, а в Бухаре – *ғиж-ғиж патир*. До 1930 г. *товатош нон* выпекался кипчакскими, карлукскими и локайскими этническими группами [Шаниязов: 1981, 107] и до сих пор пекут в кишлаках Шураб, Чиланзар Байсунского тумана, кишлаке Хомкон Шерабадского тумана. Из позабытых ныне видов хлеба следует назвать *лочира* (*лочир*, *чапати*) (в Иране и Афганистане этот вид хлеба назывался *чурек*, а в тесто добавлялись масло и яйца) [Передняя: 1981, 16], *қозон патир* (карлуки *қозон патир* называли *қотирма*) [Шаниязов: 1964, 127], *қўмоч* (*қўмма*, *ғунди нон*).

Традиции, связанные с хлебом и хлебопродуктами, в духовной жизни населения оазиса прослеживаются в вере в их магическую силу, в экономном и бережном отношении. В узбекских семьях детей с малых лет воспитывали в духе почитания хлеба. Хлеб никогда не бросали под ноги: наступить на него считалось тягчайшим грехом. Лепешки преломлял (отламывал) глава семьи, нарезание их воспринималось как неуважение. Почти на все торжества и обряды гости приносили с собой четное число лепешек и возвращались домой тоже с хлебом. На траурные мероприятия приносили нечетное количество лепешек. Совершение обряда *нон синдириши* (преломление хлеба) традиционно считается символом договора, а не только свидетельствует о том, что хлеб почитается в качестве хлеба насущного. Пиетет к хлебу как к символу урожайности, а в более широком понимании благополучия, выражается в выпечке разных видов лепешек в дни Навруза и в ходе обрядов, связанных с посевными работами. Отдельным видам хлеба придавались целительные и магические свойства: чтобы заболевший человек излечился, пекли *болали патир*, *шифо кулча*, для молодоженов – *келин кулча* и *куёв кулча* («чтобы были обеспечены хлебом насущным и имели много детей»). Один из древнейших обычаев Сурханского оазиса заключался в том, что родившая женщина в течение всего периода *чилла* употребляла *қайирма нон*. Еще одним из распространенных хлебных изделий у всех народов Средней Азии считается *юпқа*, у узбеков группы тюрк – *чевати*, у курама – *юқма*, у таджиков – *хом тунук*, а в поминальные дни (*пайшанбалик*, *қирқ*, *ифторлик*) их готовилось до 100–200 штук.

Пища населения Сурханского оазиса продолжает сохранять свою традиционность и по сей день. Выявлено, что в процессе перехода к оседлому образу жизни в быту скотоводов увеличилось количество блюд из продуктов земледелия. Наряду с самобытностью в питании населения оазиса следует отметить распространение блюд таджикского, туркменского, казахского народов, что свидетельствует не только об общности природных, общественно-политических условий, но и о неразрывности этнокультурных традиций.

Литература

1. Абдуллаев У. Фаргона водийсида этнослараро жараёнлар. Тошкент: Янги аср авлоди, 2005. Б. 125.
2. Васильева Г.П. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М.: Наука, 1969. С. 242.
3. Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969. С. 92.
4. Кисляков Н.А. Сайробские таджики // Советская этнография. Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР. М., 1965. № 3. С. 21.
5. Шаниязов К.Ш., Исмаилов Х.И. Этнографические очерки материальной культуры узбеков конца XIX – начала XX в. Ташкент, 1981. С. 107; Борозна Н.Г. Материальная культура узбеков Бабатага и долины Кафирнигана // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966. С. 119.
6. Передняя Азия // Этнография питания народов стран зарубежной Азии. М.: Наука, 1981. С. 16.
7. Шаниязов К.Ш. Узбеки-карлуки. Ташкент: Фан, 1964. С. 127.

Секция 4

НАСЛЕДИЕ ТЮРКОЛОГИИ И ЕЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЛЕКСИКИ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА И ОРХОНО-ЕНИСЕЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

М.Ф. Акилова

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа

Каждая эпоха предъявляет свои требования к языку, определяя его специфику, особенности и уровень развития. Важнейшим показателем языка является письменность, которая выступает могучим средством распространения языка как на территории проживания его носителей, так и во времени, помогает передать мысли и желания ушедшего поколения их потомкам.

Одним из источников становления и развития исторического сознания башкирского народа были орхоно-енисейские памятники. В истории они известны также как рунические знаки. Их принято называть «древнетюркское письмо».

Памятники орхоно-енисейской письменности дали науке богатейший материал, послужив основой для изучения лингвистики тюркоязычных народов Южной Сибири и Средней Азии. Образцы «каменных» надписей привлекли пристальное внимание лингвистов-тюркологов.

«Древнетюркское письмо» было известно на Руси и в Европе еще со времен Петра I, но никто не знал секрет письма. «Древнетюркское письмо» было открыто в долине Енисея в 20-х годах XVII века немецким ученым, состоявшим на службе у Петра I, Д.Г. Мессершмидтом и сопровождавшим его пленным – шведским офицером Ф.И. фон Стралленбергом. Именно они ввели понятие «руническое письмо», так как оно похоже на скандинавские рунические тексты. Профессору Копенгагенского университета Вильгельму Томсену удалось расшифровать древнетюркское письмо (1893), а впервые прочитал его русский тюрколог В.В. Радлов (1894).

Орхоно-енисейские памятники являются историческим явлением для башкирского народа, который начинал свою письменную историю в VII веке именно с них.

Древние башкиры, как представители тюркского мира, пользовались до X в. руническим письмом. Эта письменность эпохи Тюркского каганата (VI–VIII вв.) дошла до наших дней в виде орхоно-енисейских памятников (название от рек Орхон и Енисей). Надписи сохранились в основном на надгробных камнях, поставленных на могилах правителей и известных военачальников каганата, на скалах, на отдельных предметах быта.

Башкирский язык постоянно совершенствуется. В процессе развития некоторые слова, которые использовались и в орхоно-енисейской письменности, и в башкирском языке, потеряли смысл, люди перестали их использовать, в речь вошли другие слова. Жизнь требовала новых слов и понятий. Несмотря на это, 90-95 % глагольной лексики памятников сохранилось в современном башкирском языке [Ахметов: 1978].

По мнению башкирских ученых, язык орхоно-енисейских памятников повлиял и на развитие башкирского языка. Одни слова из языка орхоно-енисейских памятников существуют в башкирском языке без изменения значения, другие употребляются в более широком, а некоторые, наоборот, в более узком. Часть слов потеряла смысл и не используется в башкирском языке, а некоторые из них сохранились только в составе фразеологических единиц.

Безусловно, в течение тысячи с лишним лет в лексике башкирского языка произошли структурно-семантические изменения. Они сводятся к следующему:

1. В башкирском языке сохранилось значительное количество лексических единиц с той же семантикой, что и в языке орхоно-енисейских памятников. Например:

Täŋri – тәңре

Täŋri täg täŋridä bulmiş türk bilga qağan bu ödkä olurtum

kün – кояш, көн

ilgärü kün toğsıq.

kün ortu yütürük tün ortu qanta

Küntüz olursıqım kälmedi.

Jaj – йәй

Jaj anta jajladim.

Küz – көз

Ol yil küzün

Ул йыл көзүн (МЧ20).

qış – кыш

Mağu Qurğan qışlap jazıña oğuzğaru sü taşıqdımız.

•jil – йыл

Ol jılqa türğiş tapa Altun toğa Artiş ügüzüg kăčä jorıtdımız.

2. Часть древнетюркской лексики в башкирском языке подверглась фонетическим изменениям:

tirig – тереклек

Öltäçi budunuñ tigrü igitim.

köl – күл

Qara költä sünüşdimiz.

tağ – тау

Sönükün tağça jadtı.

böri – буре

Täŋri küç birtük üçün qañım qağan süsi böri täg ärmiş.

квантификаторы (*much, many, few, чуть-чуть, много, мало, кайит, нумай, сахал*), лексемы с аксеологической семантикой (*good, bad, хорошо, плохо, аван, лайахрах*), соматизмы (*eyes, heads, ум, голова, пус*), зоонимы (*shallow, ласточка, чёкеç*), числительные (*1, 2, 7, 100*), мезуративы (*mile, пенсе, копейка, рубль, пус, тенкё*). В английских и русских пословицах встречаются также антонимы, в т.ч. контекстуальные (*Deeds, not words. Умному – намек, глупому – толчок*).

На основе соотношения денотативного значения и внутренней формы анализируемых пословиц можно выделить среди них две группы. В первую группу входят пословицы, в которых внутренняя форма равна значению пословицы, это пословицы-максимы: *Take care of the pence and the pounds will take of themselves. Копейка рубль бережет. Пёр пус çёр тенкёне сыхлать*.

Вторую группу составляют пословицы с частичной метафоризацией, когда один или несколько компонентов внутренней формы входят в значение пословицы. *Measure twice and cut once. Семь раз отмерь, один раз отрежь. Çичё хут виç те пёрре кас. Pennies from heaven. Не было гроша, да вдруг алтын. Çук çёртен ылтән*.

Представление о количестве отражается в пословицах, в них видна народная оценка количества вообще или количественная оценка какого-либо явления или факта окружающей человека действительности. Каждому народу присущи свои пословицы и поговорки, отражающие особенности быта, истории, менталитета, условия развития общественно-экономического уклада и другие экстралингвистические факторы. Русский и чувашский языки являются контактирующими, поэтому их компонентный состав и лексико-грамматическое наполнение обнаруживают сходство. Пословицы английского языка складывались в других исторических условиях, и соответственно их содержание наполнено несколько иными лексическими единицами.

Литература

1. Биловус Г. Особенности воспроизведения паремий в украинских переводах русскоязычных повестей Т. Шевченко // Слово. Фраза. Текст. Сб. науч. ст. к 60-летию проф. М.А. Алексеенко. М., 2002. С. 62–70.
2. Иванова Е.В. Мир в английских и русских пословицах: учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та; Филол. ф-т СПбГУ, 2006. 280 с.
3. Пословицы русского народа: сб. В. Даля: в 3 т. М.: Рус. кн., 1993.
4. Словарь употребительных английских пословиц / М. В. Буковская, [и др.]. М.: Рус. яз., 1985. 232 с.
5. Серль Дж. Р. Метафора // Теория метафоры / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 1990. С. 307–341.
6. Чăваш халăх сăмахлăхĕ. V том. Вак жанрсем / Сост. Е.С. Сидорова, В.А. Ендеров. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1984. 352 с.
7. Fontaine C.R. Proverb performance in the Hebrew Bible // Wise words. Essays on the proverb / Ed. by W. Mieder. N.Y., 1994. P. 393–413.
8. Grzybek P. Foundation of semiotic proverb study // Wise words. Essays on the proverb / Ed. by W. Mieder. N.Y., 1994. P. 351–392.
9. Lieber M.D. Analogic ambiguity. A paradox of proverbial usage // Wise words. Essays on the proverb / Ed. by W. Mieder. N.Y., 1994. P. 99–126.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ТОТЕМИЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Л.В. Шулунова

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

У народов Восточной Сибири сохранились обряды и поверья, которые основывались на вере людей в родство с некоторыми видами животных и птиц, возникшей в тот период развития человеческого общества, когда человек не отделял себя от природы и «рассматривал животных прежде всего как существ, равных ему не только в физическом, но и в духовном и социальном отношении. Окружающий мир населен для него родами, племенами этих живых тварей, с таким же социальным устройством и т.д.» [Штернберг: 1936, 429].

В этой связи изучение тотемической лексики позволяет получить ценные сведения о древнем периоде развития человеческого общества, особенностях его социального устройства, специфике духовной культуры и межэтнических контактах. Наиболее плодотворным в этом отношении представляется анализ мифологического наследия.

Закономерность типологических параллелей в тотемической мифологии народов Восточной Сибири находит объяснение, если обратиться, например, к некоторым моментам этнической истории якутов и бурят. Археологические находки свидетельствуют, что предки якутов до своего переселения в бассейн Средней Лены проживали в Прибайкалье. Материальная культура соотносится с курумчинской археологической культурой Верхней Лены и Прибайкалья.

В Прибайкалье действительно могли проживать тюркоязычные племена и роды, о чём свидетельствует топонимия края. Современные прибайкальские буряты (эхириты и булагаты) по антропологическому типу

В русской и чувашской культуре не деньги считаются основным источником счастья: *Не в деньгах счастье. Телей укçара мар.*

Особенностью паремиологического фонда русского языка является пословица, иронично характеризующая имущественное положение небогатого человека: *Хата брата всем богата: три полена, два ушата.* В английском и чувашском языке данной пословице нет аналога, но существуют похожие по семантике фразеологические единицы: *Not have a shirt to one's back. (As) poor as a church mouse (rat, charity).* *Çара çерçи* (ср.: гол как сокол).

Для сопоставляемых языков общим является представление о том, что «наличие большого количества настоящих друзей лучше, чем деньги»: *A friend in a court is better than a penny in a purse. Не имей сто рублей, а имей сто друзей. Укçана пуйиччен тусна пуй. Пин ылтӑн мар, пин тус эс туйн. Çёр сум пуличчен çёр тус пултӑр.*

В сопоставляемых языках в пословицах также выражается отношение людей к количеству друзей [Пословицы: 1996; Словарь: 1985; Чăваш: 1984]: *Old friends are best (better than new ones).* *Старый друг лучше новых двух. Друзей-то много, а друга нет. Ёлкхи юлташ икĕ çĕннинчен лайӑхрах. Юлташĕсем нумай, çавӑххи çук.*

В сопоставляемых языках не одобряется излишнее любопытство и болтливость, а приветствуются активные действия и поступки, ведущие к достижению цели: *Deeds, not words. Deeds rather than words. Few words, many deeds. Actions speak louder than words. Better to do well than to say well. Curiosity killed a cat. Too much knowledge makes the head bald.* *Больше слушай – меньше говори. Больше дела, меньше слов. Много будешь знать – скоро состаришься. Нумай итле, сахал калаç. Нумай калаçнин усси çук. Нумай пĕлсен час ватӑлат тет.*

В паремиях сопоставляемых языков можно выделить пословицы-антонимы, в которых речь идет о беде и удаче в жизни человека: *It never (seldom) rain but it pours. Misfortunes never come singly. One woe doth tread upon another's heels. An evil chance seldom comes alone. Nothing succeeds like success. Luck goes in cycles.* *Беда не приходит одна. Беда в одиночку не ходит. Пришла беда – отворяй ворота. Одна удача идет, другую ведет. Хуйхӑ пĕччен килмест. Пĕр телей тенĕр телей туртат.*

В основе пословиц о беде и удаче лежит представление о том, что наличие одного явления подразумевает наличие другого.

В сопоставляемых языках пословицы подчеркивают необходимость несколько раз обдумать действие и только потом его совершать. Русская и чувашская пословицы являются полными лексическими эквивалентами в отличие от английской пословицы: *Mesure twice and cut once. Семь раз отмерь, один раз отрежь. Çичĕ хут виç те пĕрре кас.*

В сопоставляемых лингвокультурах количественная оценка присутствует в паремиях, в которых сравниваются умный и глупый человек: *A word is enough to the wise. Умный понимает с полуслова. Умному – намек, глупому – толчок. Работающему достаточно одного слова, а ленивому надо сто слов. Ёçчен çынна пĕр сӑмах, кахал çынна çёр (пин) сӑмах.*

В русской и чувашской пословицах дается оценка умственных способностей человека: *Ума палата, глупости – саратовская степь. – Чӑхран та катӑк.* Русский вариант пословицы интересен тем, что в нем имеется сокращение паремии *Ума палата, глупости – саратовская степь* до фразеологической единицы *ума палата*, которая употребляется в разговорной речи чаще, чем сама пословица.

Из общего числа отобранных паремиологических единиц, передающих значение количества, выделяются пословицы русского языка, которым в английском и чувашском языках нет адекватов: *Худое охапками, хорошее щепотью. Здоровье выходит пудами, а входит золотниками. На грош амуниции, а на рубль амбиции.* Пословицы можно только перевести на чувашский и английский языки, передав только общее семантическое значение.

Специфичны для чувашского языкового сознания пословицы, в которых оценивается большое и малое количество с точки зрения его достаточности для человека: *Нумай пĕтĕ, сахал çитĕ. Сахал çитет, нумай çитмест. Пурри пурийӑн макӑрат, çукки çукийӑн макӑрат.* – И многое разойдется, и малого хватит. Когда мало – хватает, когда много – недостает. Тот, у кого есть, плачет из-за того, что есть; у кого нет – из-за того, что нет.

Русская пословица *Счастлив не тот, у кого много – счастлив тот, кому хватает* отражает особенности менталитета русского народа.

Но в английской и русской культурах «много хорошего» может рассматриваться и негативно: *It is too much of good thing plenty is no dainty. Too much water drowned the wilder. Too much of a good thing is good for nothing.* – Дюже хорошо – тоже плохо. Хорошего понемножку (понемногу).

Анализ языкового материала показывает, что конститuentами пословиц сопоставляемых языков чаще всего являются антонимы (*light – heavy; хорошо – плохо; ёçчен çынна – кахал çынна*),

sariġ - нары

Sariġ altun örün kümüşş qız quduz ägritâbi aġi buñ suz kälütri.

sämiz - нимез

Turuq buçalı **sämiz** buçalı arqada bilsär **sämiz** buça turuq buça tijin bilmäz ärmis tijin

3. Одни слова в процессе исторического развития расширили свое значение:

Bin «сидеться верхом» (ДТС) – мен- «подниматься»

qatun – ханым (ДТС) – катын – женщина

Umaï täg ögim **qatun** qutuña inim Kül tigin äg at bolti.

Käjik – дикая коза, **кейек** – дикие животные

Käjik jiju tabišğan jiju olurur ärtimiş.

En- – спускаться, ин- – “входить”

4. Другие слова, наоборот, сузили свои значения:

saġ – ‘бодрый, здоровый, благополучный, осторожный, чистый, хороший, hay – здоровый

kärü ‘назад, обратно, напротив, на запад’ кире – “назад, обратно”

ar- ‘обманывать, лгать, соблазнять; **arbaу** – заговорить, заколдовать

tir- ‘собирать’; **mup-** ‘собирать, нарвать’ (ягод);

Tun – одежда, Тун – шуба

Как мы видим, в лексике башкирского языка сохранились элементы языка орхоно-енисейской письменности.

Исходя из этого можно сделать вывод, что древние башкиры были не только знакомы с руническим письмом, но и пользовались им. Нужно добавить, что корневые элементы в башкирском языке в основном совпадают с лексическими элементами орхоно-енисейских памятников, различаясь только историческими фонетическими изменениями.

Литература

1. *Ахметов М.А.* Глагол в языке орхоно-енисейских памятников. Саратов, 1978.
2. *Аманжолов А.С.* История и теория древнетюркского письма. Алматы, 2002.
3. *Батманов И.А.* Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959.
4. *Древнетюркский словарь.* Л., 1969.
5. *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.–Л., 1951.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА В ИМЕННОЙ ГРУППЕ: «СИЛЬНЫЕ» И «СЛАБЫЕ» СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Г.Ф. Брусова

Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары

Прилагательные чувашского языка – одна из наименее изученных и сложных для исследования частей речи. Это связано с рядом обстоятельств, которые затрагивают как собственно семантику прилагательных, так и их употребление в тексте. Как известно, прилагательные не имеют своей области предметной отнесенности, иными словами, они не имеют ни денотации, ни тем более конкретной референции. Их сферой применения является весь круг денотатов, которые обладают соответствующим признаком.

Связи существительного с прилагательным, как и связи глагольные, можно разделить на «слабые» и «сильные», понимая это разделение как семантическое [Вольф: 1974, 71]. Сильные связи возникают при «сильных» семантических валентностях имени на определение, когда прилагательное в чувашском языке в данном контексте оказывается обязательным. Соответственно, «слабые» валентности подразумевают необязательность появления прилагательного, которое, если оно имеется в тексте, оказывается соединенным с именем слабой связью. Вне контекста все связи существительных с прилагательным можно считать «слабыми», так как в именной группе вне контекста прилагательные не могут быть обязательными. Этим связи в именных группах отличаются от глагольных, где различие «сильных» и «слабых» валентностей существуют и вне контекста. Сильные связи в именных группах с прилагательным, возникающие в контексте: определяется семантикой имен и синтаксисом высказывания. Сравним примеры именных групп со слабыми и сильными семантическими связями. **Слабые связи:** *Çулĕ валакран çутӑ сивĕ шыв иӑнкӑртатса юхат. Çамрӑк çын çавна курчĕ те ахӑлтатсах кулса ячĕ. Хĕрарӑма йывӑр иухӑшсемпе асапланма никам та чӑрмантармасть. Юлашкинчен вӑл та утиял вырӑнне çĕтĕк сӑхман пĕркенсе вытрĕ те тĕлĕрсе кайрĕ.* В приведенных примерах прилагательные в атрибутивных сочетаниях могут быть опущены без ущерба для основного смысла высказывания: *«валакран шыв иӑнкӑртатса*

юхатъ»; «сын çавна курчĕ те ахĕлтатсах кулса ячĕ»; «хĕрарĕма шухĕсемпе асапланма никам та çармантармасть»; «юлашкинчен вĕл та утиял вырĕнне сĕхман пĕркенсе вытрĕ те тĕлĕрсе кайрĕ».

Сильные связи: *Ку шура кĕмпа, чи тутлĕ кĕмпа. Темеçe сул каярах пирĕн пурнăçра пĕр пăçăк йĕрке турчĕ.* В приведенных примерах все связи сильные, хотя существительные сами по себе семантически полноценны, тем не менее ни одно прилагательное не может быть опущено. В первом примере высказывание без прилагательного оказывается недостаточно информативным, а во втором – меняется смысл. Очевидно, сильные связи зависят от семантики существительного как такового и от его места в высказывании. Необходимость в определителях свойственна многим подклассам существительных. Эти существительные, сами по себе полноточные, тем не менее в предложении недостаточно информативны, особенно в тех случаях, когда они входят в сообщаемое. Сравним следующие примеры: *Эсĕ – пултаруллĕ çын, хĕвна кирлине мансăрах тутĕн. Ёнене каçхи апат пама кун çутăрах-ха. Кунта çын сахал. Манĕн атте – патвар кĕлеткелĕ, сарлака хуллусçилĕ. Пирĕн пурт пĕчĕк мар, аван, чи-пуçăмĕр та таса, çиме-ĕçме те çителĕклĕ.* Как можно заметить, во всех приведенных примерах при устранении прилагательного высказывание становится неинформативным не потому, что в нем отсутствует указание на данное качество, а потому, что недостаточным по смыслу в данном высказывании оказывается существительное. Нехватка информации может быть восполнена как указанием на признак, так и указанием на актант, а также различными анафорическими и другими показателями. Иными словами, основным свойством именных групп в тексте является то, что достаточность или недостаточность в них смысла определяется не семантикой прилагательного, а семантикой существительного. Прилагательное необходимо, так как без него имя в данном высказывании неинформативно.

Очевидно, что достаточность смысла характеризует не отдельные лексемы, а высказывание в целом. Лексемы, в данном случае существительные, сами по себе полноточные, могут оказаться недостаточно информативными в высказывании по разным причинам. Например, если они сочетаются с определенным видом предикатов, требующим специальной информации, нуждающимся в указании на признак-причину. Полноточность высказывания связана и с синтаксической позицией имени, которая может обуславливать его смысловую полноту или неполноту. По этим и другим причинам многие имена в тексте оказываются неполноточными и нуждаются в определителях. Таким образом, проблема необходимости прилагательных в атрибутивных конструкциях – это в первую очередь проблема семантики и синтаксической позиции существительных, образующих атрибутивные именные группы.

Как известно, синтаксические валентности на определение, присущие существительному, могут замещаться словами, занимающими при имени самые различные семантические места. Если существительное является семантическим предикатом, то при нем могут стоять как актанты, так и различные оценочные показатели, если имя – предикатное, то определители указывают на подкласс или обозначают оценку, часть от целого и т.п. Синтаксическая валентность имени на определение часто замещается одним из нескольких возможных определителей.

При анализе вопроса о достаточности смысла в именных группах необходимо прежде всего обратить внимание на одну особенность этих групп, которая специфична для именных конструкций. Она заключается в том, что недостающий в именной группе элемент смысла может быть замещен разными определителями. Например: *Хĕрĕх пĕрремĕш сулхи июльпе август Смоленск таврашĕнче çапăçакан салтаксемийĕн чи йывăр та асаплă, вĕрĕм уйăхсем пулчĕç. В предложении «хĕрĕх пĕрремĕш сулхи июльпе август Смоленск таврашĕнче çапăçакан салтаксемийĕн уйăхсем пулчĕç» недостаточно по смыслу, так как наличие «уйăхсем» подразумевается из ситуации, это данность, и здесь необходима дополнительная информация. Эта информация может быть дана прилагательными «вĕрĕм», которое указывает на форму предмета (долготу, длину) или оценочными прилагательными «чи йывăр та асаплă», которые сообщают о тяжести и трудности. В любом случае фраза оказывается достаточной по смыслу, так как какая-то информация о месяце сообщена.*

В текстах прилагательные по функции часто соотносятся с другими видами определителей, в том числе и семантически с ними прямо не связанными. Для того чтобы фраза оказалась достаточно информативной, указание на качество может быть заменено показателем принадлежности, ограничительным придаточным, указывающим на определенные события – во всех этих случаях образуется достаточная по смыслу конструкция: *Вĕсем яланах Атĕл тĕрĕхĕнчи чи паха районсене киле-киле çаратнă;* здесь возможно «чи паха районсене киле-киле çаратнă» или «Атĕл тĕрĕхĕнчи районсене киле-киле çаратнă», но не «грабили районы – районсене çаратнă».

Следующий пример: *Унĕн пирĕн çĕр-шыв çинчен пĕтĕмĕшле лайăх мар ĕнлану пулнă;* возможно «унĕн лайăх мар ĕнлану пулнă» или «унĕн пирĕн çĕр-шыв çинчен ĕнлану пулнă», но не «у нее были представления – унĕн ĕнлану пулнă», в последнем варианте смысл недостаточен. В этих примерах качественный определитель может заменяться указанием на актант, но один из них должен

Кроме того, песни оказывают положительное влияние на здоровье человека и на развитие его трудолюбия. «В трудовом воспитании детей и молодежи песни входили в процесс работы как средство, согласующее трудовые движения и объединяющие трудовые усилия работающих. В этом отношении особая роль принадлежала трудовым песням, которых у чуваш много. Что же касается песен как средств, раскрывающих значение труда в жизни, то в этом велика роль и хороводных, рекрутских, посиделочных и даже – свадебных и пирушечных песен», – пишет Г.Н. Волков [Волков: 2004, 386].

Роль песен в воспитании огромна. Благодаря поэтическим словам и красивым мелодиям они оказывают на чувства и сознание детей сильное влияние и надолго сохраняются в их памяти.

Таким образом, устное народное творчество оказывает положительное воздействие на духовное развитие личности.

Литература

Волков Г.Н. Этнопедагогика. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1974. 376 с.

Волков Г.Н. Чувашская этнопедагогика. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 2004. 488 с.

Яковлев И.Я. Букварь для чуваш. Симбирск: Типография А.Т. Токарева, 1886. 156 с.

ВЫРАЖЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОЛИЧЕСТВА В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ (на материале английского, русского и чувашского языков)

А.В. Степанова

Московский гуманитарно-экономический институт, Чувашский филиал, г. Чебоксары

Пословицы представляют собой народные изречения, заключающие в себе афористичное сжатое выражение о каком-либо жизненном явлении. Пословицы также выступают как средство моделирования определенного фрагмента опыта и знаний [Иванова: 2006]. Паремия обладает познавательной ценностью, в ней присутствует поучительный смысл, так как она выражает жизненные закономерности [Билоус: 2002].

Одной из сложных проблем паремиологии считается проблема исследования и описания значения пословицы. Ряд паремиологов придерживается той точки зрения, что пословицы допускают различные интерпретации и поэтому описать их значение можно только при актуализации пословицы на основе контекста [Серль: 1990; Grzybek: 1994]. Мы также полагаем, что значение пословицы есть семантический потенциал, в то время как ее конкретное значение определяется контекстом и ситуацией, смыслом пословицы является «актуализированное в речи содержание» [Fontaine: 1994; Lieber: 1994]. «Пословичный фонд... представляет собой... хранилище стереотипных мыслей, применимых к множеству ситуаций» [Иванова: 2006, 91].

Анализируя пословицы сопоставляемых языков и выделяя тематические группы, мы допускаем, что в речи у анализируемых единиц возможно и другое значение.

В целом, при анализе семантического пространства паремиологических единиц английского, русского и чувашского языков, передающих представления человека о количестве, выделяется несколько тематических групп. Общим для сопоставляемых языков является представление о недостаточности малого количества: *A miss is as good as a mile. An inch in missing is as bad (good) as an ell. An inch of a miss is as good as a mile. One swallow does not make a summer. A single bamboo can't form a row. One man does not make a fan. Four eyes (can) see more than two. Two heads are better than one. One man, no man. Одна ласточка весны не делает. Ум хорошо, а два лучше. Один в поле не воин. Одна голова хорошо, а две лучше. Чуть-чуть не считается. Пĕр чĕкĕç суркунне тумаст. Пĕр ас аван, икĕ ас тата аванрах теççĕ. Пĕччен пуç пĕшкĕнет, ушкĕн йыш ут утланать. Вĕлле хурчĕ пĕччен нумайах пыл тăваймĕ, теççĕ. Пĕр алăпа тĕвĕ салтма та йывăр. Пĕр-пĕччен пĕкĕ те аваймĕн. Кăшт тени – ишланмасть.*

В сопоставляемых лингвокультурах большое количество воспринимается как результат экономии, бережливого отношения к имуществу и деньгам: *Take care of the pence and the pounds will take of themselves. Light gains make heavy purses. Every little helps. A penny saved is a penny gained. Копейка рубль бережет. По капле и море собирается. Грош к грошу – оно и капитал. Пушинка к пушинке – выйдет перинка. Запас карман не тянет. Пĕр пус çĕр тенкĕне сыхлат. Пĕчкрен пыçăк пулат. Хатĕрлесе хурсан, пуйнинчен те аван. Запас кутран тапмас(ть).*

В паремиологическом фонде сопоставляемых языков присутствуют разнообразные пословицы с темой «деньги» и «материальное благополучие». Во всех трех сопоставляемых языках существует пословица о возникновении денежных средств: *Money makes (begets, breeds, draws) money. Pennies from heaven. Деньги из денег. Не было гроша, да вдруг алтын. Уқса укça патне туртăнать. Çук çĕртен ылтăн.*

Однако в английском и русском языковом сознании бедность не воспринимается как негативный факт:

Poverty is not a shame (a crime, no sin). Бедность не порок.

вполне определенно осознавалось педагогическое значение многодетности: *Пёр ача ачаиш пулать*. – «Единственный ребенок бывает избалованный».

Как отмечает Г.Н. Волков, трудящиеся не только признавали объективную потребность в рождении и воспитании детей, но и сознавали общественное значение этой деятельности: подрастающее поколение – опора семьи, родителей, уходящих поколений вообще, ему передаются значения и умения, накопленные его предшественниками. Подрастающее поколение, его воспитание – условие общественного развития: *Ача-пăчасăр пурнăç малалла каймасть*. – «Без детей жизнь не может пойти вперед» [Волков: 2004, 100]. Для того чтобы дети росли воспитанными, взрослые использовали в своей практике устное народное творчество.

Устное народное творчество – это самое эффективное средство эстетического воздействия на детей. Одним из видов устного народного творчества, наиболее способствующих их гармоническому развитию, являются **сказки**, которые также содержат пословицы и поговорки, загадки и вопросы на смекалку. Огромное место в сказках занимают и песни. Они быстро запоминаются детьми и могут исполняться отдельно.

Сказка глубоко трогает ум и сердце детей, учит, как надо и как не надо поступать в жизни. А рассказчик, мудрый и смелый, сам становится сказочным героем в воображении слушателей.

Чувашская народная сказка помогает родителям и воспитателям формировать личность подрастающего человека. Она подчеркивает представления народа о совершенном человеке (трудолюбивый, умный, добрый, гуманный). Народные сказки, как известно, незатейливы по форме. Но любая из них, о чем бы она ни рассказывала, полна самобытной поэзии, отражает мировоззрение и быт народа, полна светлой веры в человека, в победу добра над злом. Для примера возьмем чувашскую сказку «Юман-Батыр». В ней говорится, что «Юман с Угой после свадьбы поднялись вести хозяйство, и так у них пошло все споро да ладно, что не только старики-родители, а все люди глядели на них и радовались». О трудолюбии и мастерстве сказочных народных героев можно рассказывать бесконечно. Так, в сказке «Альдюк» речь идет о том, что «утром девушка-гусыня поднялась ни свет, ни заря, корову подоила, ключевой воды принесла, в хате прибралась и печь затопила. Да так у нее все споро, хорошо вышло – любо-дорого посмотреть».

Сказочные сюжеты проникали в детские игры, их персонажи находили свое воплощение в игрушках. Слушая сказки, ребенок старается быть похожим на своих любимых героев, учится различать хорошее и плохое.

Особое место в чувашском народном творчестве занимают **загадки**, призванные развивать мышление детей, приучать анализировать предметы и явления из самых различных областей окружающей среды. Они легко запоминаются детьми, обогащают интеллектуальный потенциал, вырабатывают внимательность, находчивость, смекалку. Загадки в игровой форме уму ребенка доставляют необходимые знания о тех или иных вещах, явлениях: «Чунли тарать, чунсарри хавалать» – «Живой убегает, неживой догоняет» (лошадь и сани).

Много загадок о человеке в целом (*Ирпе тăватă уран, кăнтăрла икĕ уран, каçпа виçĕ уран*. – «Утром на четырех ногах, днем – на двух, вечером – на трех»), есть о загадки о ребенке (*Кăтум кăтаммайи, чун йăпатмайи*. – «Пищун писклявый, утешение для матери»), затем следуют загадки об отдельных органах человека (*Пёр çăкăр сăмси, икĕ икерчĕ, пёр хуран кукли, икĕ йăвача, икĕ кĕлентĕр*. – «Одна краюха хлеба, два блина, один пирожок, два колобка, два кренделя» – голова).

Следующим видом устного народного творчества, способствующим формированию нравственного облика подрастающего поколения, являются **пословицы и поговорки**. Ими главным образом пользовались старшие в целях выработки у детей нравственных привычек и поведения, например: *Ватă çынтан ан кул, ху та ватă пулăн*. – «Не смейся над старым, сам старым будешь», воспитания интереса к учению (*Хут вĕренме ан ўркен, ўлĕм хăвнах аван пулĕ*. – «Грамоте учиться всегда пригодиться») [Яковлев: 1886, 14]. Многие пословицы и поговорки воспевают ум и значение ума в жизни человека («Красна птица пером, а человек умом») [Яковлев: 1886, 118].

Пословицы и поговорки призывают также к трудолюбию (*Еç пурнăç тыткăчи*. – «Труд – правило жизни»), дают конкретные советы (*Çичĕ хут виç те пĕрре кас*. – «Семь раз отмерь, один раз отрежь»), в них содержится и забота и здоровье подрастающего поколения (*Алă-ура тĕрекленмесĕр утма ан тытăн*. – «Не пытайся ходить, пока не окрепли ноги»).

Чувашское народное поэтическое творчество богато разнообразными песнями. Недаром Чувашию считают краем ста тысяч песен, ста тысяч слов и ста тысяч вышивок.

Песни – это более сложная форма устного народного творчества. Их главное назначение – эстетическое воспитание. Но они являются также комбинированным средством воздействия на личность.

В песнях раскрывается внешняя и внутренняя красота человека, значение прекрасного в жизни, они представляют собой одно из лучших средств развития эстетических вкусов подрастающего поколения.

присутствовать обязательно. Сравним еще один пример, где указание на качество может быть заменено указанием на актанта и наоборот: «*Çак Машиа яланах ют шухăшран хăрать*». Осмысленным было бы и высказывание с качественным определителем: «*Çак Машиа яланах тĕрĕс шухăшран хăрать*».

Соотнесенность актантных и качественных определителей проявляется, к примеру, в том, что при одном и том же имени часто можно поставить и притяжательное местоимение (указание на актанта), и указательное (качественные характеристики ситуации). Ср.: «*Вĕсен (çак) шухăш(ĕ)сенчен хăраççĕ*». Необходимо при этом подчеркнуть, что указательные местоимения в чувашском языке не замещают полнозначных определений, в частности прилагательных. Они лишь указывают на ситуацию или контекст, где содержится соответствующие ограничители имени.

Необходимость в качественном определителе меняется в зависимости от контекста и позиции имени. При этом элементы именной группы не независимы друг от друга, заполнение именных валентностей подчиняется определенным закономерностям. В замещении семантической валентности имени участвуют определения-прилагательные, именные определители, указывающие как на актанта, так и на качества и кванторные слова, а также и указательные местоимения. Употребление любого из этих элементов при имени делает высказывание законченным. Так, в тех случаях, когда прилагательное обязательно, оно часто может быть заменено кванторными показателями «*тахăшĕ, темĕнле*». *Кирюшкин ефрейтор пĕтĕм халăха ыра хытар пĕлтерме васкарĕ*, здесь можно «*темле хытар*», при этом высказывание остается осмысленным. Следовательно, обязательность прилагательного в чувашском языке может зависеть от того, какие еще слова определяют данное имя.

Литература

1. Вольф Е.М. Грамматика и семантика местоимений. М., 1974.
2. Полищук Г.Г. Обязательные и факультативные определения в русском языке. Их коммуникативная и конструктивная роль: Док. дис. Саратов, 1972.
3. Чеснокова Л.Д. О факультативности и обязательности компонентов синтаксической структуры // Вопросы синтаксиса русского языка. Ростов-на-Дону, 1973.

Н.Ф. КАТАНОВ И РОССИЙСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Р.М. Валеев

Институт востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань

Профессор Н.Ф. Катанов – один из ярких и колоритных национальных учёных, представителей российской науки, образования и культуры XIX–XX вв. Его жизненный путь и деятельность отразили важные события и тенденции отечественной и мировой тюркологии.

Многообразная научная и педагогическая деятельность Н.Ф. Катанова – неоспоримое свидетельство крупных достижений отечественной тюркологической науки, развития национальных гуманитарных исследований и научных школ. Феномен его личности и наследия в истории отечественного востоковедения и культуре народов России, к сожалению, пока недостаточно изучен.

Жизненный путь и тюркологическая деятельность Н.Ф. Катанова не исследованы на фоне развития тюркологической науки и кардинальных общественных перемен в России. Еще в меньшей степени мы представляем формирование и развитие научной концепции тюрколога в 80 гг. XIX в. – первые два десятилетия XX в.

Академик В.А. Гордлевский в своей речи «Памяти Н.Ф.Катанова» от 11 июня 1922 г. на заседании Восточной комиссии Московского археологического общества говорил: «...историк востоковедения сумеет оценить труд долгий и бескорыстный, внесший обильный доброкачественный материал по языкам, до Катанова мало обследованным» [Гордлевский: 1922, 401].

В настоящей статье мы хотим затронуть тему историко-этнографического вклада Н.Ф. Катанова в российскую тюркологию и оценки его как одного из выдающихся основоположников, стоявших у истоков современных национальных тюркологических школ России, в том числе российской этнографии тюркских народов Евразии.

Тюркологические заслуги Катанова студенческих лет в Петербурге (1884–1888), периодов экспедиции в Южной Сибири и Восточном Туркестане (1889–1892) и преподавательской работы в Казани (1894–1922) будут связаны с комплексным исследованием языков, традиционных и новых форм экономической и социальной жизни, быта, фольклора и духовной жизни тюркских народов Саяно-Алтая, Синьцзяня, Поволжья и Приуралья. Он оказал огромное влияние на развитие отечественной тюркологической лингвистики, этнографии и фольклористики.

Эти основные жизненные этапы научно-исследовательской деятельности Катанова отражают традиционные направления и некоторые особенности его вклада в тюркскую лингвистику и историко-этнографическую мысль о тюрках Евразии в последней четверти XIX – начала XX вв.

В целостности его этнографические материалы представляются комплексным и энциклопедическим наследием о многих тюркских народах, проживающих в Российской и Цинской империях – хакасах, тувинцах, уйгурах, казахах, киргизах, тофаларах, татарах, башкирах и т.д. Эти ценные материалы формировались по итогам полевых этнографических экспедиций и поездок. Они особенно ярко демонстрируют трудолюбие, скрупулезность и высокий уровень исследовательской культуры Н.Ф. Катанова.

Современная оценка вклада одного из основоположников этнографии тюркских народов Евразии нач. XX в. имеет огромное значение для исследования истории отечественной тюркологии, ее школ и традиций.

Годы учебы в университете и научной экспедиции (1884–1892) стали исключительно значимыми для становления Катанова как этнографа-исследователя. Изучение тюркских языков народов Сибири и Восточного Туркестана, непосредственное знакомство с жизнью населения, сбор фольклорного материала – это основные направления его комплексных тюркологических исследований. После фундаментальной востоковедческой подготовки в университете он во время своего научного путешествия на высоком методическом уровне изучал живую разговорную тюркскую речь и собирал разнообразный этнографический материал.

Основные историко-этнографические материалы в ходе и по итогам научной экспедиции были опубликованы в известных и забытых работах Н.Ф. Катанова. В сентябре 1893 г. в своем предисловии к изданию В.В. Радлова, которому были адресованы письма кандидата Санкт-Петербургского университета Н.Ф. Катанова, отмечал, что в них «немало сведений, новых и интересных для этнографии и тюркологии». Основоположник комплексных историко-этнографических и лингвистических экспедиций среди тюркских народов Сибири второй половины XIX в. В.В. Радлов обращал внимание читателя на то, что письма его ученика представляют особый интерес потому, что составлялись на местах исследований и под свежим впечатлением» [Письма: 1893, 1]. Именно его ученику было суждено продолжить комплексные тюркологические лингвистические, фольклористические и этнографические исследования в Центральной Азии.

На протяжении 1889–1892 гг. Н.Ф. Катанов собирал и обобщал разнообразный этнографический материал о тюркских, самодийских и монгольских народах на огромных географических пространствах и в историко-этнографических областях Центральной Азии. В центре этнографического изучения были современные тюркоязычные народы Алтае-Саянского нагорья – хакасы, тувинцы, тофалары. Кроме того, были собраны этнографические материалы о тюрках Восточного Туркестана – уйгурах, казахах и киргизах.

Первые опубликованные сведения и материалы по истории и этнографии тюркских народов в 1889–1893 гг. группируются по следующим направлениям: географические, административные, экономико-хозяйственные, лингвистические, фольклорные, культурно-исторические и религиозно-этнографические. Практически не встречаются антропологические сведения. В этот период Катанов олицетворяет тип фольклориста-этнографа, занимающегося «полевой» собирательской работой. Особенно в этот период видами его этнографической работы стали личные наблюдения, опрос местного населения и комплексный сбор разнообразных фольклорных текстов.

Основные направления этнографического изучения позволили путешественнику сформулировать выводы о том, что тюркские и другие этносы вели активное историко-культурное взаимодействие и взаимовлияние на пространствах Центральной Азии.

На протяжении последующей научно-педагогической и общественной деятельности Катанов развивал научные основы и исследовательские направления этнографии тюркских народов России, сформировавшиеся в 1885–1893 гг.

Следующим важным этапом историко-этнографического изучения тюркских народов и этносов Н.Ф. Катановым стали 1894–1922 гг. Этот целостный период связан с его преподавательской и научной работой в Казанском университете.

В Казани Н.Ф. Катанов развил классическую университетскую традицию тюркологических и в особенности комплексных историко-этнографических и фольклористических исследований тюркских народов Евразии.

Тюркологические историко-этнографические материалы заняли важное место в наследии профессора Казанского университета и в истории отечественной тюркологии.

В целостности оригинальные статьи и материалы по различным видам этнографии тюрков позволяют выделить сформировавшуюся на рубеже XIX–XX вв. историко-культурную и этнографическую концепцию Н.Ф. Катанова. Концепция сформировалась под влиянием российской общественно-политической идеологии, уровня этнографических знаний и социальной среды конца XIX – начала XX вв.

У других сибирских народов вербальный способ символизации небожителей не встречается, их символизация производится с помощью рисунков. Например, тувинские шаманы во время лечения кратковременной болезни прибегают к полосатому вееру с изображением солнца и луны [Кенин-Лопсан: 1987, 74].

Обзор располагаемых нами материалов по народной медицине более широкого круга народов показывает, что в западной традиционной медицине с лечебной целью использовался словесный символ лишь одного светила – солнца. Так, житель Померании (ныне территория Польши и Германии), заболевший лихорадкой, просил у восходящего солнца: «Милое солнце, спустись поскорее и возьми от меня 77 лихорадок» [Тайлор: 1989, 417]. Более близок к башкирской формуле и по территориальному признаку, и по принципу семантического параллелизма русский заговор от ячменя: «Солнце на запад, день на исходе, сучок на глазу – на извод» [Русская старина: 1996, 66].

Таким образом, используемое знахарями словесное выражение с образами солнца и луны прослеживается, согласно публикациям, с конца XIX в. в компактном ареале, включающем территории расселения поволжских татар, сергачских мишарей, чувашей, башкир и сибирских татар. В настоящее время зоной активного бытования этой красивой ритуальной формулы остаются Республика Башкортостан и прилегающие к ней территории, населенные башкирами.

Литература

- Анохин А.В. Душа и ее свойства по представлению телеутов // Функ Д.А. Телеутское шаманство. М., 1997.
БНТ – Башкирское народное творчество. Обрядовый фольклор / Сост., авт. предисл. и комментариев А.М. Сулейманов и Р.А. Султангареева. Уфа: Китап, 1995 (на башк. яз.).
БХИ – Башкорт халык ижады. Т. I. Йола фольклоры. Өфе: Китап, 1995. 560 б.
Валеев Ф.Г. Сибирские татары. Культура и быт. Казань: Таткнигоиздат, 1992.
Кенин-Лопсан М.Б. Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Новосибирск, 1987.
Магницкий В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881.
Минибаяева З.И. Традиционная медицина // Курганские башкиры. Уфа: Гилем, 2002.
Мухамедова Р.Г. Татары-мишари. М.: Наука, 1972.
Нагаева Л.И. Танцы восточных башкир. М.: Наука, 1981.
ПМА 2001 – Полевые материалы автора. Зап. авт. в 2001 г. в дер. Сайтбаба Гафурийского района Республики Башкортостан (ГР РБ) от Динисламовой С., 1911 г.р.
ПМА 2000–2001 – Зап. авт. в 2000 г. в дер. Миндем ГР РБ от Гумеровой М., 1928 г.р., и в 2001 г. в дер. Юлык ГР РБ от Ишмурзиной М., 1932 г.р.
Русская старина. Обереги и заклинания русского народа. Сост. М.И. и А.М. Песковы. М.: Крон-Пресс, 1996.
Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М.: Изд-во политической литературы, 1989.
ТНТ – Татарское народное творчество. Обрядовые и игровые песни / Сост., авт. предисл. и комментариев И.Н. Надилов. Казань: Таткнигоиздат, 1980 (на тат. яз.).

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК ИСТОЧНИК ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

О.В. Скворцова, Т.Н. Томасова

Чувашский государственный педагогический университет имени И.Я. Яковлева, г. Чебоксары

С древнейших времен чуваша, как и другие народы мира, считали, что основная цель семьи – рождение и воспитание детей.

Во многих произведениях устного народного творчества отражена любовь к детям. Так, в чувашских сказках описывается, как бездетные все время мечтают о том, чтобы у них были дети. Обычно у таких бывает один единственный ребенок *чуста паттӑр* («богатырь из теста»), *пӳрнеке* («мальчик с наперсток») и т.п.

Люди живут мечтой о потомстве. Например, в чувашских песнях поется, что дети составляют украшение дома. В большинстве сказок и песен рассказывается о многодетных семьях. Так, в сказке «Ҫӗр ҫӑтни» вдова имеет трех сыновей, столько же дочерей, в сказке «Золотая сумка» у бедняка Ивана девять сыновей.

Любовь трудящихся к детям, желание и потребность иметь их можно увидеть также и во многих видах устного народного творчества. В них одобряется многодетность: «Кто водится с ребенком, с голоду не умрет, кто ходит за собакой, умрет с голоду». В пословице ясно проявляется осознание трудящимися того, что воспитание детей – в интересах самих же родителей. Дети – опора родителей: «Нет детей – нет глаз».

В пословицах, как и в других произведениях устного народного творчества, восхваляется многодетность: «Лучше не иметь ни одного ребенка, чем иметь только одного». Причем народом

*Ай за кайтты,
Көн дә кайтты,
Гин дә кайт!
Мында һинен мәкәбең түгел,
Үз мәкәбең кайт!*

Йәш агас башына

*Кил, котом!
кунган котом,*

*И луна возвратилась,
И солнце возвратилось,
И ты возвращайся!
Здесь не твое жилище,
В свое жилище уходи!*

На макушке молодого дерева

*сидящий мой кут,
Вернись, мой кут!*

Приведенный заговор используется при «установлении сердца на свое место», которое, по словам знахарей, «смещается» от испуга. Этот способ, называемый термином *һапылдатыу*, заключается в ритмичном похлопывании ладонями рук по спине и груди больного [Минибаева: 2002, 174–176].

По публикациям и полевым материалам автора, рассматриваемая формула интонируется мелодически, а в прошлом сопровождалась и плясовыми движениями [Нагаева: 1981, 68]. Являясь обязательной, она включается в тексты подавляющего большинства башкирских лечебных заговоров. Так, она может прозвучать в обряде литья души – кот койоу, [Нагаева: 1981, 70] или при лечении сердца вышеуказанным способом. Может быть введена в заговоры от сглаза – *куз тейеу* [ПМА 2001]; от ячменя – *арна* [БХИ: 1995, №№ 26 Е–Е], отита – *татран* [БХИ: 1995, № 30 В], от грудницы или мастита [ПМА 2000–2001], боли в пояснице – *биртек* [Нагаева: 1981, 71], от грыжи – *бүсер* [БХИ: 1995, № 36 А], тредущия – *өс йән* [БХИ: 1995, № 38 Г], рожи [Минибаева: 2002, 185], фурункула [Минибаева: 2002, 187; БХИ: 1995, № 39 А], увеличения лимфатических узлов [Минибаева: 2002, 187] и т.д. Перечисленные образцы зафиксированы в Аскинском, Дуванском, Салаватском, Гафурийском, Белорецком, Буздякском, Абзелиловском, Баймакском, Миякинском и других районах Башкортостана, а также в Челябинском и Курганском Зауралье и в Самарской области. Как видно из примеров, выражение с названиями небесных светил активно используется башкирскими знахарями и широко распространено почти на всех территориях, населяемых башкирами, что может свидетельствовать о его особой устойчивости.

По доступным нам источникам, эта формула вне Башкортостана и сопредельных областей отмечена у поволжских татар в заговоре от ячменя [ТНТ: 1980, 38]: *Ай кайтсын, көн кайтсын, (фәләндәге) арна иске көйгә кайтсын. Минән мидәт булсын, синнән сикәт булсын. Кибәк урнына киттерәм, тузан урнына тудырам, сары май күк эретәм!* («Луна пусть возвращается, солнце пусть возвращается, (имя) ячмень прежний вид пусть примет. От меня пусть здоровье будет, от тебя пусть польза будет. Как мякину иссушу, как пыль распылю, как топленое масло растоплю!»). Она была известна сергачским мишарям, находя применение в заговорах от грыжи и для умиловивления духа земли, разгневанного осквернением запретного места [Мухамедова: 1972, 187–191]. Приведем последний: *Ай кайта, көн кайта, Жир иясе – жирән сакал, су иясе – суган сакал, күк иясе – күгән сакал. Ай кайта, көн кайта, каян килдең, анда кит!* (Луна возвращается, солнце возвращается. Земли хозяин – земли борода, воды хозяин – водяная борода, неба хозяин – небесная борода. Луна возвращается, солнце возвращается, откуда пришел, туда иди!»). Подобная формула записана и среди сибирских татар, использующих её при лечении сердца массажем: *Эп, йорэк, кайт, йорэк! Ай кайтты, синтэ кайт, кон кайтты, синтэ кайт. Ат паиынтай алтын йорэк, куй паиынтай комеи йорэк, урнын тап, урнын тап!* («Сердце, вернись на свое место! Луна вернулась, и ты вернись, солнце вернись, и ты вернись. С лошадиную голову золотое сердце, с овечью голову серебряное сердце, найди свое место, найди свое место!») [Валеев: 1992, 168]. В приведенном заговоре обращает на себя внимание формула призываний души, отождествляемой с драгоценными металлами. Как показывают материалы, последняя типична для камланий телеутских шаманов [Анохин: 1997, 197]:

*Ат бажынча алтын кут,
Кои бажынча күмүш кут!*

*С лошадиную голову золотое сердце,
С овечью голову серебряное сердце.*

Учитывая, что принцип массажа сердца у сибирских татар близок башкирскому способу *һапылдатыу*, можно допустить, что заговор сибирских татар представляет собой контаминацию устойчивых словосочетаний из традиционной лечебной практики телеутов и башкир, которые, по наблюдениям исследователей, приняли активное участие в этногенезе сибирских татар [Валеев: 1992, 23–34].

И наконец, выделенная нами формула была обнаружена и у чувашей в заговорах от сглаза, змеиного укуса и от боли в животе. В отличие от вышеприведенных образцов здесь формула с образами небожителей дополнена новыми персонажами (царя и судьи), и почти весь образный, а также композиционный строй чувашских заговоров напоминает славянские, а именно русские, тексты. К примеру, фрагмент из чувашского заговора от боли в животе: *Патша ларать, түрә ларать, хвэль ларать, ойых ларать, кон тавырнат, Вопкын эс тэ сяззем бек таврынза сьурек каска ышине кирзе кай! Тьфу!* («Как царь восседает, как судья восседает, как солнце опускается, луна возвращается, солнце возвращается, так и ты, Вопкын, возвращайся и убирайся в гнилую колоду! Тьфу!») [Магницкий: 1881, 144–152].

В основе этой концепции – идея единства и своеобразия истории и культуры различных тюркских народов; целенаправленное и последовательное изучение традиционной культуры и мировоззрения тюрков; упорная борьба с общественным «мнением, что инородцы обречены на вымирание»; «влияние русского населения на татар, на их язык, быт, хозяйство» и др. Также катановская концепция включает систему понятий, принципов и методов формирующейся отечественной научной этнографии тюркских народов.

Катанов был приверженцем классического этнографического правила – знания языка изучаемого народа. Другим важным исследовательским принципом становится использование Катановым сравнительного этнографического материала тюркских, финно-угорских и славянских народов. Кроме того, историко-этнографические и фольклористические работы профессора Казанского университета основывались на оригинальном полевым, текстологическом и музейном материале автора и его предшественников. Фольклор, этнография и лингвистика органично были связаны в творческой биографии Н.Ф.Катанова.

Литература

Гордлевский В.А. Памяти Н.Ф.Катанова (1862–1922) // Избранные сочинения. Т. IV. М., 1968. С. 401.
Письма Н.Ф.Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. Читан в заседании историко-филологического отделения 9-го января 1890 года. СПб., 1893. С. 1.

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ВАСИЛИЯ АЛЕКСЕЕВИЧА АНДРЕЕВА

Э.Е. Лебедев

Школа иностранных языков «Язык для успеха», г. Чебоксары

В этом году исполнилось 50 лет со дня рождения выдающегося ученого-тюрколога, кандидата филологических наук, доцента Василия Алексеевича Андреева. Срок достаточный для того, чтобы осмыслить научное наследие этого неординарного исследователя чувашского и турецкого языков, чья научная деятельность оборвалась в самом расцвете жизненных и творческих сил.

Изучая библиографию Василия Алексеевича, удивляешься широте познаний этого ученого. В круг его научных интересов входили самые разнообразные насущные проблемы современной тюркологии, чувашского языкознания и в какой-то степени социолингвистики. В.А. Андреев активно занимался и переводческой деятельностью. Были изданы, в частности, его переводы на чувашский язык турецких пьес о Карагёзе, рассказа турецкого писателя-сатирика Азиза Несина, – известно, что он в совершенстве владел турецким языком, преподавал в Стамбульском университете чувашский язык. Те, кому посчастливилось быть знакомым с этим интересным и активным жизнедеятельным человеком, коллеги и друзья, никогда не забудут его доброжелательность, искренность и преданность любимому делу жизни – науке.

В настоящей статье мы хотели бы определить главные направления научной деятельности В.А. Андреева и проанализировать достигнутые результаты. К основным направлениям научных исследований Василия Алексеевича можно отнести следующие:

- 1) функциональная грамматика чувашского языка;
- 2) диалектология чувашского языка;
- 3) двуязычие в Чувашской Республике;
- 4) преподавание чувашского языка в высших и общеобразовательных учебных заведениях;
- 5) основы преподавания тюркологических наук;
- 6) преподавание турецкого языка;
- 7) этнолингвистическая и историко-демографическая характеристика чувашей;
- 8) исследователи чувашского языка;
- 9) ареальные связи языков Поволжья;
- 10) преподавание востоковедческих наук в вузе;
- 11) происхождение грамматических средств чувашского языка.

Несомненно, основным направлением научных изысканий В.А. Андреева является функциональная грамматика чувашского языка. Именно ей посвящен главный труд его жизни – монография «Очерки по функциональной грамматике чувашского языка» (Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 2000), отмеченная премией Чувашского государственного университета за 2002 год в области гуманитарных наук. Этот труд основан на материалах кандидатской диссертации Василия Алексеевича «Категория склонения в чувашском языке», которую он защитил в Москве, в Институте языкознания АН СССР в 1987 году. Работа является передовой в чувашском языкознании, так как в ней впервые (возможно, после Н.И. Ашмарина) грамматическая категория (в данном случае категория падежа) рассматривается в функционально-семантическом аспекте. Теоретической основой исследования стала концепция противоречивой двойственности значений падежных рядов в тюркских языках, которой придерживался патриарх отечественной тюркологии проф. С.Н. Иванов, в частности на материале турецкого и узбекского языков [Иванов: 1969; Иванов: 1975]. Стоит отметить, что С.Н. Иванов был учителем Василия Алексеевича, он много дал своему одаренному ученику и стал, если можно так выразиться, его крестным отцом, проводником в тюркологической науке. В.А. Андреев, в свою очередь, был достойным учеником

своего учителя, продолжателем его дела. Он сумел развить теорию Сергея Николаевича на почве чувашского языка. И не просто развить, но и дополнить ее своей оригинальной системой описания внутренних связей падежной категории, с учетом всех особенностей чувашского языка.

Другим учителем Василия Алексеевича, можно сказать его кумиром, оказавшим сильное влияние на все его научное творчество, по праву является основатель чувашского языкознания Н.И. Ашмарин. В.А. Андреев восхищался прозорливостью и трудолюбием Н.И. Ашмарина, активно использовал материалы его «Словаря чувашского языка» [Чебоксары, 1928–1950] и монографии «Опыт исследования чувашского синтаксиса» [Казань, 1903; Симбирск 1923]. Часто любил повторять, что указанная монография явилась первым шагом на пути функционально-семантического исследования грамматических категорий в чувашском языке, что понятие «синтаксис» в трактовке Ашмарина в данной работе подразумевает под собой не что иное, как «функционально-семантический аспект» на языке современной лингвистики.

Возвращаясь к монографии Василия Алексеевича отмечаем, что в данном труде автор описывает ряд своих важных наблюдений над падежной системой чувашского языка. Категория падежа в чувашском языке по В.А. Андрееву делится на две группы: 1) падежи, отражающие противопоставление конкретно-предметных и отвлеченно-предметных значений; 2) падежи, отражающие противопоставление обстоятельственных и объектных значений. При этом каждая падежная форма функционально-семантически входит в два ряда противопоставлений. Первый ряд – это противопоставление по отношению к падежам своей группы, второй ряд – противопоставление падежам другой группы. К первой группе падежей относятся: основной, родительный, дательно-винительный (объектный); ко второй группе – дательно-винительный (направительный), местный, исходный, творительный, лишительный, причинно-целевой падежи.

Из специфических, нетипичных для других тюркских языков случаев функционирования падежных форм в чувашском языке, которые анализирует в своей работе В.А. Андреев, можно отметить следующие:

- употребление родительного падежа не только в приименной, но и в прилагательной позиции;
- полное слияние в одной форме значений дательного и винительного падежей, но, при этом их функционально-семантическое различие (объект и направление);
- прямое дополнение может быть выражено именем существительным в дательно-винительном (объектном) падеже со значением места и времени;
- более разнообразное по сравнению с другими тюркскими языками употребление дательно-винительного (направительного) языка (например, в значениях предметной компенсации и причины);
- случаи употребления некоторых глаголов (как правило, обладающих семантикой статики) как с дательно-винительным, так и с местным падежами;
- значение объекта-посредника действия у исходного падежа;
- наличие творительного, лишительного и причинно-целевого падежей;
- полисемантность и полифункциональность творительного падежа;
- некоторые особые случаи употребления лишительного падежа (например, время, до наступления которого совершается или не совершается действие);
- употребление причинно-целевого падежа при глаголах, обозначающих различные эмоциональные состояния, душевные переживания.

Каждому падежу определено свое место в рядах двойственного противопоставления по отношению к другим падежам, на основании их функционально-семантических признаков. Именно в этой попытке систематизации категории падежа в чувашском языке и заключается новаторство исследования автора.

Частные вопросы изучения падежной системы в чувашском и других тюркских и финно-угорских языках рассмотрены Андреевым в следующих трудах: «О некоторых особенностях местоименной падежной парадигмы огузского типа склонения» (1984 г.), «Словообразовательные функции падежных аффиксов в чувашском языке» (1986 г.), «Творительный падеж в чувашском языке» (1986 г.), «Абессив в чувашском и финно-угорском языках» (1986 г.), «Основной падеж в системе категории склонения в чувашском языке» (1986 г.), «К грамматической характеристике тюркских падежей» (1986 г.), «Основной падеж в чувашском языке» (1987 г.), «Категория склонения в чувашском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук» (1987 г.).

Вопросы систематизации диалектной лексики в чувашском языке В.А. Андреев рассматривает в статье «О некоторых вопросах сбора и систематизации диалектной лексики чувашского языка» (в соавторстве с Т.Н. Кузьминой), опубликованной в сборнике «Межъязыковое взаимодействие в Волго-Камье» (Чебоксары, 1988). В ней он говорит о важности системного подхода к такому важному разделу изучения языка, как описание диалектной лексики, о необходимости проведения такого исследования на базе тематических и лексико-семантических групп с точным указанием мест фиксации лексических изоглоссов. В статье приводится список диалектных слов, собранных в Кармаскалинском районе Башкортостана. На основании этого материала можно сделать некоторые

AŞMARIN, N.İ., (2006), “Çuvaş Halk Kültürü Derslerine Giriş”, (Çev. BAYRAM, Bülent) *Türk Dünyası İncelemeleri Dergisi*, C. IV, S. 2, İzmir, s. 495–518.

BAYRAM, Bülent, “Çuvaş Halk Edebiyatı’nda Alp Hikâyeleri”, *II. Uluslararası Türk Tarihi ve Edebiyatı Kongresi*, 11-12-13 Kasım 2005 Manisa.

....., (2006a), “Çuvaş Halk Edebiyatında Alp Anlatmaları”, *Akademi Günlüğü Toplumsal Araştırmalar Dergisi*, S. 3, Güz, Ankara, s. 117–141.

....., (2006b), “Oğuz Epik Anlatmaları ve Çuvaş Alp Hikâyeleri’nde Kutsal Kurt ve Tepegöz”, *Türk Dünyası İncelemeleri Dergisi*, VI/1, Yaz 2006, İzmir, s. 19–27.

....., (2007), “Çuvaş Alp Anlatmalarında Kahraman Üzerine Bir Araştırma”, *I. Uluslararası Türk Dünyası Kültür Kurultayı 9-15 Nisan 2006 Çeşme-İzmir, Bildiri Kitabı-I*, Ankara 2007, s. 359–367.

....., (2009), “Halk Kültüründen Modernizme Çuvaş Türklerinde Yupa”, *Türk Dünyası Tarih Kültür Dergisi*, S. 270, Haziran, İstanbul, s. 45–50.

....., “İdeoloji, Tarih Ve Kimlik Bağlamında Çuvaş Edebiyatında Yapma Destan”, *II. Uluslararası Türk Dünyası Kültür Kongresi*, 19–25 Nisan 2010, Çeşme-İzmir (Yayımlanmamış Tebliğ)

....., (2010), *Çuvaş Türklerinin Kahramanlık Anlatmaları (Alpları)*, Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü Yay., Ankara 2010, 334 s.

BENZİNG, Johannes, (1946), “Biler Şehrinin Fethi (Çuvaş Halk Destanı)”, *Türk Dili Belleten*, Seri III, Nisan-Aralık, s. 126–135.

....., “Biler Şehrinin Fethi, Çuvaş Halk Destanı”, (Haz. : Emine Ceylan), *Türk Dilleri Araştırmaları*, C. 5, Simurg, Ankara 1995.

CEYLAN, Emine, (1996), *Çuvaş Atasözleri ve Deyimleri, Çuvaşça-Türkçe/Türkçe-Çuvaşça Sözlük*, Türk Dilleri Araştırmaları Dizisi 10, Ankara, s. 211–225.

ERSOY, Feyzi, (2000), “*Ulup Halapşem Metni Esasında Çuvaşçada İsim*, Ankara, Gazi Üniversitesi. (Yüksek Lisans Tezi)

....., (2003a), “Çuvaş Bilmeceleri”, *Türkiyat Araştırmaları Dergisi*, Prof. Dr. Ahmet Bican Ercilasun’a Armağan, Bahar, S: 13, s. 367–379.

....., (2003b), “Yumart, G.F.; Ulup Halapşem, Çıvaş Këneke İzdatel’s tvi, Şupaşkar, 1993, 286 s.”, *Millî Folklor Dergisi*, Bahar, s. 57, s. 158–160.

....., (2009), *Çuvaş Alp Hikâyeleri Ulup Halapşem*, TDKY, Ankara.

....., (2010), “Çuvaş Alp Hikâyelerinde Düşman Tipolojisi”, *Dede Korkut Ve Geçmişten Geleceğe Türk Destanları Uluslararası Sempozyumu*, 25-28.Ekim.2010, Lefkoşa-Kuzey Kıbrıs Türk Cumhuriyeti (Yayımlanmamış Tebliğ).

GÖZAYDIN, Nevzat, (1976), “Çuvaşlarda Yağmur Duası”, *Uluslararası Folklor ve Halk Edebiyatı Semineri Bildirileri*, Ankara 1976, s. 44–48.

....., (1991), “Çuvaşlarda Yağmur Duası”, *Folklor Dünyasından*, Yargı Yayınları Ankara, s. 91–97.

YILMAZ, Metin, (2001), “Çuvaş Türkleri”, *Türk Dünyası Edebiyat Metinleri Antolojisi*, C.1, AKM Yay., Ankara, s. 482–553.

....., (2004), “Çuvaş Türkleri”, *Türk Dünyası Edebiyat Metinleri Antolojisi*, C. VI, Atatürk Kültür Merkezi Başkanlığı Yay., Ankara, s. 452–511

....., (2006), “Çuvaş Türkleri”, *Türk Dünyası Edebiyat Metinleri Antolojisi*, C. VII, Atatürk Kültür Merkezi Başkanlığı Yay., Ankara, s. 684–703

....., (2007), “Çuvaş Türkleri”, *Türk Dünyası Edebiyat Metinleri Antolojisi*, C. VIII, Atatürk Kültür Merkezi Başkanlığı Yay., Ankara, s. 54–87, 224–248, 440–446, 639–641, 709–717, 894–943.

....., (2007), “Çuvaş Destanları, Oğuz Kağan ve Dede Korkut Hikâyeleri Üzerine Bir Araştırma”, *Türk Dünyası Tarih Kültür Dergisi*, Şubat, S. 242, İstanbul, s. 41–44.

YILMAZ, Metin, Yuhma MIŞŞI, (2003), *Türkiye Dışındaki Türk Edebiyatları Antolojisi Çuvaş Edebiyatı*, KB Yay. Ankara.

YÜCE, Nuri, (1994), “Coğrafya, Tarih, Halk Bilgisi, Dil ve Edebiyat Bakımından Çuvaşlar”, *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten*, s. 205–229.

ОБ ОДНОЙ ИЗ ФОРМУЛ ОТСЫЛКИ ДУХА БОЛЕЗНИ В БАШКИРСКИХ ЛЕЧЕБНЫХ ЗАГОВОРАХ

Л.К. Сальманова
Институт истории языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа

Башкирские лечебные заговоры состоят из обязательных формул различной функциональной направленности. Среди формул отсылки духа болезни, к которым относятся такие выражения, как «откуда пришел, туда возвращайся», «здесь не твое жилище, в свое жилище уходи» и т.д., особо выделяется словесная группа с лексемами «солнце» и «луна». В текстах заговоров, как правило, она дается в связке с другими формулами изгнания духа болезни, например:

Һан, һан!

Кайған килдең, шуған сыҡ!

Xan, xan!

Откуда пришел, оттуда выйду!

Bayram'ın, 2008 yılında savunduğu doktora tezi “Çuvaş Türklerinin Kahramanlık Anlatmaları (İnceleme-Metinler)” adlı çalışması 2010 yılında “Çuvaş Türklerinin Kahramanlık Anlatmaları (Alplar)” adı ile yayımlanmıştır. Bu çalışma Türkiye’de Çuvaş folkloru alanında yayımlanmış ilk monografik eser olarak da kabul edilebilir. Eserde o tarihe kadar Çuvaşistan’da yayınlanmış bütün alp anlatması metinleri (toplam 301 anlatma) Türkiye Türkçesine aktarılmıştır. Çuvaş halk edebiyatı içerisinde destan sorunu, Alp anlatmalarının Çuvaş halk edebiyatı içerisindeki yeri, tür sorunu ayrıntılı bir şekilde irdelenmiştir. Alp anlatmaları şekil ve muhteva açısından ele alınmış ve metinler kahraman, dinî unsurlar, tarihî unsurlar ve sosyal unsurlar bakımından incelenmiştir. Metinlerin künyeleri de verilecek araştırmacıların daha sağlam kaynaklara dayanarak tahliller yapabilmelerinin önü açılmıştır [Bayram: 2010].

Bayram'ın Çuvaş folkloru ile ilgili bir diğer bilimsel çalışması da “İdeoloji, Tarih ve Kimlik Bağlamında Çuvaş Edebiyatında Yapma Destan” tebliğidir. Tebliğde Çuvaşların bir millî destan yaratma süreçleri ve bunun etkisinde kaldığı ideolojik durum tahlil edilmeye çalışılmıştır. Bu sürecin ideolojik baskılarla yönlendirip yönlendirilmediği, bir millî destanda bulunması gerekenler, toplumu derinden sarsan olayların yapma destanlarda yer alıp almadığı ve bunların ideolojik baskılarla olan bağlantısı tarihî olayların da ışığı altında aydınlatılmaya çalışılmıştır.

Halil Açıkğöz tarafından doktora tezimizde verdiğimiz metinler temel alınarak iki tebliğ sunulmuştur. Açıkğöz, “İdil-Ural Havzasında Alp Batır Tipi Dönüşümü”nde ise alp tipinin İdil-Ural havzasında alp batır tipinin tarih ve hayat tecrübelerine paralel olarak geçirdiği dönüşümler ele alınmıştır [Açıkğöz: 2009a].

Açıkğöz diğer tebliği “İdil-Ural Bölgesinde Alp Anlatmaları ve Destan Bütünlüğü Konusunda ‘Dört Kök Eleman’ (Anâsır-ı Erba‘ı) Analiz Sistemi”nde alp anlatmalarını epik eser bütünlük kurgusu açısından değerlendirmiş ve bütünlüğü oluşturan kompozisyon ve tematik yapı “dört kök eleman” (anâsır-ı erba‘a) sistemi çerçevesi içinde incelenmiştir [Açıkğöz: 2009b, 35–39].

Yukarıda kısa değerlendirmeleriyle verdiğimiz eserlerden anlaşılacağı üzere Türkiye Türkolojisi Çuvaşlar üzerine dikkatini ancak 1990’lı yıllarda çevirmeye başlamıştır. Kaynak konusundaki sıkıntılar, Çuvaşların yaşadığı bölge ile uzun süreli bir iletişimsizlik ve belki de Türkolojinin sorunlarının çözümünde Çuvaşçanın ve Çuvaşların önemini yeterince anlaşılamaması gibi sebeplerle bu Türk boyu ile ilgili çalışmaların sayısı oldukça sınırlı kalmıştır. 1990’lı yıllarda başlayan çalışmalar ise diğer Türk boyları ile karşılaştırıldığında yine nicelik bakımından oldukça aşağı seviyededir. Mevcut çalışmaların ise büyük bir bölümü dil, dinler tarihi çalışmalarıdır. Yapılan yayınların büyük bir bölümü de farklı alanlardaki araştırmacıların kendi çalışma alanları ile bağlantılı konular ve metinler üzerinedir. Ayrıca yayınlar içerisinde dikkat çeken bir başka özellik de bunların içerisinde metin yayınlarının önemli bir yer tutmasıdır. Metin yayınları bakımından bir külliyyatın oluştuğunu söylemek mümkünse de yayımlanan metinlerin künyelerinin ve kaynaklarının çalışmaların büyük bir bölümünde verilmemiş olması bu metinler üzerinde yapılacak analizlerin doğru neticeler vermesi konusunda sıkıntılar ortaya çıkaracaktır. Çünkü özellikle ilk çalışmalarda kullanılmış olan metinlerin sağlam bir değerlendirme süzgecinden geçirilmesi gerekmektedir.

Çalışmalarda görülen bir önemli eksik de folklor araştırmalarında sağlam verilere ulaşmanın temel yollarından biri olan alan araştırması konusundaki eksikliklerdir. Çalışmaların neredeyse tamamına yakını metin merkezlidir. Günümüzde artık kaynak yetersizliğinden ve imkânsızlıktan bahsetmek mümkün değildir. Bölgenin araştırmacılar için artık daha rahat çalışma imkânları sunuyor olmasına rağmen birinci el sözlü kaynaklara dayanarak yapılan çalışmaların azlığı belki de folklor araştırmacılarının Türk kültürünün en arkaik unsurlarını bünyesinde barındırdığı iddia edilen Türk boyuna yeterli ilgiyi göstermemesinden kaynaklanmaktadır. Dikkat edilirse metin neşirlerinin büyük bir çoğunluğu dil araştırmacıları tarafından yapılmıştır.

Yukarıda bahsedilen sorunlar yanında son yıllarda Çuvaş Türklerinin dilleri ve kültürleri üzerinde çalışma yapanların ve buna paralel olarak çalışmaların giderek arttığı da dikkat çekmektedir. Çalışma ortamlarının her geçen gün daha da iyileşmesi, her geçen gün artan ve iyiye giden ilişkiler çalışmaların nitelik ve nicelik bakımından daha iyi bir duruma geleceğini göstermektedir.

Kaynaklar

AÇIKGÖZ, Halil, (2009a), “İdil-Ural Havzasında Alp Batır Tipi Dönüşümü”, *Problemi filologii narodov Povolj’ya Sbornik Statey Vipusk 3, Materiali Vserossiskoy Naučno-Praktičeskoj Konferentsii (19-21 Marta 2009 g)*”, Moskva–Yaroslav’ 2009, ss. 168–196.

.....(2009b), “İdil-Ural Bölgesinde Alp Anlatmaları Ve Destan Bütünlüğü Konusunda ‘Dört Kök Eleman’ (Anâsır-ı Erba‘a) Analiz Sistemi”, *Aktualnie Problemi Sovremennoj Fol’kloristiki Materiali Mejdunarodnoy Naučno-Praktičeskoj Konferentsii*, Kazan, 29 İyulya 2009 goda, Kazan, 2009, ss. 35–39.

ARIK, Durmuş, (2000), “Çuvaşlarda Din ve Din Anlayışı”, *Dinler Tarihi Araştırmaları-II, (Sempozium: 20–21 Kasım 1998, Konya)*, Ankara, s. 221–264.

....., (2005), *Hristiyanlaştırılan Türkler (Çuvaşlar)*, Aziz Andaç Yay., Ankara.

....., (2007), “Çuvaşların Dinî İnanışları Üzerine”, *International Journal of Central Asian Studies*, Volume 11-1, s. 18–36.

ARSLAN, Ahmet Ali, (1997), “Çuvaş Türkleri ve Göktaını İnanıcı” *Türk Dünyası Tarih Dergisi*, İstanbul.

выводы о семантических сдвигах в употреблении исконно чувашской лексики, наличии татарских и башкирских изоглоссов, семантических группах, где представлены русские заимствования (прежде всего, отвлеченные понятия, административная и церковно-религиозная терминология, обозначения предметов культурно-бытового обихода). Список состоит из 152 слов.

Статья «О двуязычии в чувашских деревнях» (на чувашском языке) посвящена актуальному в наше время вопросу функционирования чувашского языка в условиях чувашско-русского двуязычия. В ней автор определяет сам термин «двуязычие» и условия функционирования двуязычия в чувашских деревнях на основании двух социолингвистических экспедиций, проведенных с разницей в 20 лет – в 1966–1968 годах и в 1988 году. В последней экспедиции участвовал и сам Василий Алексеевич. Результаты обеих экспедиций, основанные на данных анкетирования населения, даются автором в сравнении. Проанализировав эти данные, В.А. Андреев делает вывод относительно 1988 года, что чувашский язык в деревнях более распространен, на нем предпочитает говорить и писать большее количество людей, чем на русском языке. Однако отмечается, что русский язык уже начинает постепенно вытеснять чувашский язык из сферы средств массовой информации, и этот процесс является результатом того, что чувашские дети, начиная с середины 1960-х годов, стали больше использовать русский язык в школах и детских садах. В этой связи В.А. Андреев не согласен с мнением профессора М.М. Михайлова в том, что «советская форма двуязычия ведет не к смене одного языка другим, а к небывалому расцвету... языков всех народов СССР» [Михайлов: 1969]. К сожалению, он вынужден принять вывод А.П. Хузангая: «Вместо того, чтобы изучать реальные процессы, развивать конкретную социолингвистику... мы довольствовались тем, что заранее отвели ему (чувашскому языку) место на периферии, в обиходно-бытовой сфере, для обслуживания сугубо «домашних» нужд» [Хузангай: 1988]. В заключительной части статьи автором представлены варианты выхода из создавшегося положения, пути развития чувашского языка, как на законодательном и образовательном уровнях, так и во всех сферах человеческой жизни.

Продолжением размышлений Василия Алексеевича о судьбах родного чувашского языка в современных условиях «однобокого» двуязычия можно считать статью «Каким будет чувашский язык в двадцать первом веке?» (на чувашском языке), напечатанную в газете «Хыпар» (13 февраля 1998). В ней автор с горечью отмечает, что чувашский язык, постепенно теряя многие области своего использования, беднеет и упрощается под напором русского языка. Дальнейшее развитие литературного чувашского языка он видит в использовании ресурсов народного языка и диалектов, а также в расширении сфер его использования. Примером этому может стать опыт турецкого языка, который значительно развил свои коммуникативные функции в период языковой реформы, которая была осуществлена в Турецкой Республике в 30–40 годы XX века.

О методике преподавания чувашского языка в высших и общеобразовательных учебных заведениях В.А. Андреев рассуждает в следующих своих сообщениях, которые были представлены им на научно-практических конференциях: «О вузовском курсе истории языка и некоторых вопросах преподавания чувашского языка в общеобразовательной школе в свете данных сравнительно-исторической грамматики» (Стерлитамак, 1999) и «Сравнительно-историческая грамматика чувашского языка и обучение родному языку в общеобразовательной средней школе» (на чувашском языке, совместно с Г.Л. Никифоровым) (Чебоксары, 1999). В этих выступлениях он предлагает ввести в курс чувашского языка для средней школы элементы сравнительно-исторического анализа, с тем чтобы ученики лучше понимали происхождение тех или иных слов или грамматических форм чувашского языка.

В отношении же преподавания общетюркологических дисциплин в вузе автор высказывается в сообщении «О новых задачах и целях обучения основам общетюркологических наук» (на чувашском языке) на научно-практической конференции, посвященной подготовке национальных кадров Институтом чувашской филологии и культуры (Чебоксары, 1996). В.А. Андреев справедливо указывает, что отсутствие в учебной программе таких дисциплин, как «Древнетюркский язык» и «Арабский язык», не позволяет дать полноценное высшее образование будущим специалистам, обучающимся в Институте, так как без знания и умения читать памятники древнетюркской письменности и созданные на основе арабской графики эпиграфики волжских болгар нельзя стать настоящим специалистом по чувашскому языку. Цитируя высказывание известного тюрколога профессора Э.А. Груниной, автор весьма убедительно обосновывает свою позицию, предлагая включить курсы по соответствующим дисциплинам в учебную программу Института.

Методике преподавания турецкого языка посвящено учебное пособие «Фонетика, графика и орфография турецкого языка» (Чебоксары, 1988, на чувашском языке). Примечательно, что данное учебное пособие до последнего времени являлось единственным в своем роде пособием по изучению турецкого языка на чувашском языке. Автор достаточно подробно рассматривает указанные в заглавии

разделы турецкого языка. В разделе «Турецкий алфавит», в частности, отмечается, что главным достоинством современного турецкого алфавита, основанного на латинской графике, является то, что в нем каждой фонеме соответствует отдельная буква, что значительно упрощает его использование. В данном пособии также подробно рассмотрены правила турецкой орфографии и, что особенно важно, некоторые не разрешенные до настоящего времени проблемы. Фонетика турецкого языка описана В.А. Андреевым на высоком теоретическом уровне. Даны таблицы гласных и согласных звуков, перечислены их основные структурные особенности, рассмотрены законы гармонии как гласных, так и согласных звуков, а также исключения из этих законов, случаи изменений звуков (выпадения, озвончения и т.д.). Пособие ценно тем, что в конце представлены упражнения и тексты для изучения турецкого языка.

«Турецкий» период жизни Василия Алексеевича стал особо плодотворным. Именно в этот год работы в Стамбульском университете он в сотрудничестве с профессором этого университета Халилем Ачыкгёз подготовил большую часть своих работ, посвященных лексическому составу чувашского и турецкого языков, им был составлен также учебник чувашского языка на турецком языке, рассчитанный на турецкоязычную аудиторию студентов университета. К сожалению, большинство из этих работ до сих пор имеется лишь в рукописном варианте и недоступно для широких масс желающих изучить чувашский язык.

Труды, которые были подготовлены Андреевым за время его работы в Турции: «Чуваши: этнолингвистическая и историко-демографическая характеристика» (в 3 частях), «Турецко-чувашский словарь» (в соавторстве с Х. Ачыкгёз), «Учебник чувашского языка» (в соавторстве с Х. Ачыкгёз), «Турецко-чувашско-русский словарь» (в соавторстве с Х. Ачыкгёз и В.Г. Гузевым).

Отдельным направлением научной деятельности В.А. Андреева было изучение научного наследия известных и наиболее крупных исследователей чувашского языка. Среди работ в этой области следует отметить статьи, посвященные жизни и творчеству профессора Н.П. Петрова, М.Ф. Чернова, И.Я. Яковлева, В.Г. Егорова, М.Р. Федотова, Н.И. Ашмарина, Н.А. Резюкова, Н.Ф. Катанова.

В год 150-летия со дня рождения великого чувашского просветителя И.Я. Яковлева выходит его статья «И.Я. Яковлев о чувашском языке и его исследователях». В ней Василий Алексеевич отмечает, что в середине XIX века чувашский язык являлся основным языком межнационального общения в районах компактного проживания чувашей, русских и представителей других национальностей и выполнял весьма различные общественные функции, обладал богатой терминологией, связанной с сельскохозяйственным производством, строительством, познанием окружающей среды и др., служил официальным языком собраний и сходов, то есть был понятным каждому члену общества. Автор также очень точно определяет роль создателя современного чувашского алфавита в развитии чувашского языка и образовании чуваш. Созданием алфавита, по мнению Андреева, И.Я. Яковлев «дал огромный толчок в поднятии общественных функций чувашского языка на более высокую ступень – языков национальностей и народностей».

В 1999 г. совместно с О.Н. Викторовым Василий Алексеевич подготовил статью о крупнейшем историке чувашского языка, профессоре Михаиле Романовиче Федотове. В ней отмечается, что М.Р. Федотов стоял у истоков университетского образования в Чувашии, многие подготовленные им учебные пособия по тюркологии до сих пор используются в учебном процессе при подготовке специалистов по чувашскому языку. Кроме этого, В.А. Андреев пишет об огромном значении для современного чувашеведения капитальных трудов Михаила Романовича, посвященных этно- и лингвогенезу чувашского народа, изучению взаимосвязей тюркских, алтайских, финно-угорских и индоевропейских языков, этимологии чувашского языка.

В статье, посвященной жизни и деятельности известного исследователя чувашского языка Н.А. Андреева-Урхи, представлен научный анализ работ: «Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. I. Морфология», в частности, разделов «Имя существительное», «Имя прилагательное», «Имя числительное», «Местоимение», подготовленных Наумом Андреевичем, и «Чăваш чĕлхин стилистики (Очерксем). II пайĕ. Морфологи». Подчеркивая огромное значение этих работ для развития чувашской грамматической науки, В.А. Андреев, тем не менее, указывает и на некоторые упущения «навеянные иноязычными грамматическими традициями». Например, не совсем четко и последовательно, по его мнению, в них употреблен термин «грамматическая категория», а также, несмотря на отсутствие в чувашском языке грамматического рода, для него выделен отдельный параграф. Но попытки раскрытия содержательной стороны грамматических форм числа, падежей и принадлежности достойны всяческих похвал и положительно оцениваются с позиций функционально-семантического подхода.

Несколько статей Василий Алексеевич посвятил своему любимому учителю, профессору С.Н. Иванову. В соавторстве с Г.А. Дегтярёвым вышла его статья в честь 80-летия со дня рождения Сергея Николаевича, где раскрывается весь спектр научной, переводческой и поэтической деятельности этого выдающегося ученого-тюрколога. В ней указывается, что большое влияние на научное

ve Dede Korkut Hikâyeleri ile karşılaştırılmıştır. Bu eserlerde özellikle doğum, çocukluk dönemi, yiğitlik, evlenme ve ölüm gibi konulardaki benzerlikler üzerinde durulmuştur [Yılmaz: 2007].

Folklor araştırmalarının özellikle geleneksel dinî inanışlar gibi dinler tarihî ile kesişen ortak konularında dinler tarihçisi Durmuş Arık'ın çalışmaları Çuvaş folklorunun Türkiye'de tanınmasında önemli rol oynamıştır.

Arık, Dinler Tarihi Araştırmaları-II Sempozyumu bildirileri arasında yayımlanan “Çuvaşlarda Din ve Din Anlayışı” makalesinde Çuvaşların geleneksel dinî inanışları, Tanrı inancı, yumsa, kurban, iyi ruhlar, kötü ruhlar, geçiş törenleri ve bu törenlere ait inançlar ve pratikler vd. konularda ayrıntılı bilgi verir. Yazıda Çuvaş arasındaki din ve din anlayışı genel bir çerçeve içinde sunulmuştur [Arık: 2000].

Çuvaşların dinî inanışları ile ilgili olarak hazırladığı doktora tezini “Hıristiyanlaştırılan Türkler (Çuvaşlar)” adı ile yayımlayan Arık bu eserde Çuvaşların geleneksel dinî inanışları ile ilgili olarak birinci el sözlü kaynaklara ve yazılı kaynaklara dayanarak kapsamlı bilgiler vermiştir. Çuvaşlar arasında geleneksel dinî inanışlar, İslam ve Hristiyanlık'ın ele alındığı eserin ilk bölümünde geleneksel Çuvaş dininde tanrı, iyi ruhlar, kötü ruhlar, geleneksel halk hekimi yumsa, kurban, geçiş törenleri, geleneksel Çuvaş dinî bayramları, halk inanışları ve bütün bunların geleneksel Türk dinî inanışları içerisindeki yeri hakkında ayrıntılı bilgiler verilmiştir. Konuların açıklanması ve tahlili esnasında da çok sayıda halk edebiyatı malzemesi de kullanılmıştır [Arık: 2005]. Bu eser Çuvaşların geleneksel dinî inanışları konusunda Türkiye'de yayımlanmış tek eserdir. Aynı zamanda çalışmanın alan araştırmasıyla desteklenmiş olması bakımından da oldukça önemlidir.

Durmuş Arık “Çuvaşların Dinî İnanışları Üzerine” adlı makalesinde de Çuvaşların geleneksel dinî inanışlarını ele alır ve neticede bu dinî inanışların Hristiyanlık ve İslam'ın tesirleri altında kaldığı üzerinde durur. Ona göre bölgede güçlü bir kültüre sahip olan Müslüman Tatarlarla olan münasebetler neticesinde bazı Çuvaşların geleneksel dinî inanışlarını kaybedip Müslümanlaşmaları neticesinde Tatarlaştıklarını; Rus hâkimiyeti döneminde de çeşitli misyonerlik faaliyetleri ve baskılar neticesinde Hristiyanlığı kabul ettiklerini ileri sürer. Ancak Çuvaş dinî inanışlarının her halükarda varlığını bir şekilde devam ettirdiğini söyler ve Hristiyanlık ve geleneksel dinî inanışlar arasında senkretik bir anlayışın ortaya çıktığına dikkat çeker [Arık: 2007].

Çuvaş folkloru ile ilgili bir folklor araştırmacısının doğrudan yaptığı çalışmalar ise Bülent Bayram tarafından yapılmıştır. 2002–2004 yılları arasında Çuvaşların da yaşadığı İdil-Ural bölgesinde yaptığı çalışmalar neticesinde elde ettiği malzemeler ışığında çok sayıda yayın yapmıştır. Araştırmacının bu alandaki ilk yayını bir tercümedir. N.İ. Aşmarin'in “Vvedeniye V Kurs Çuvaşskoy Narodnoy Slovesnosti” başlıklı ders notları “Çuvaş Halk Kültürü Derslerine Giriş” adıyla yayımlanmıştır [Aşmarin: 2006]. Aşmarin'in Çuvaş folklor araştırmaları için önemli bir belge niteliğinde olan ders notlarının yayımlanmasından sonra Bayram telif çalışmalarına yönelir.

Bayram, 11–13 Kasım 2005 tarihleri arasında Manisa'da düzenlenen II. Uluslararası Türk Tarihi ve Edebiyatı Kongresi'nde sunduğu “Çuvaş Halk Edebiyatı'nda Alp Hikâyeleri” adlı tebliğimiz 2006 yılında “Çuvaş Halk Edebiyatında Alp Anlatmaları” başlığıyla yayımlanmıştır. Çalışmada alp anlatmaları, bu anlatmaların araştırılmasının tarihi, şekil ve muhteva özellikleri örnek metinlerle ele alınmıştır. Bu zamana kadar Türkiye'de yayımlanmamış bazı metinlerin aktarmaları da burada yer almıştır. Tebliğ Çuvaş alp anlatmalarının genel bir tasvirinden ve değinilen konularla ilgili sınırlı sayıdaki metin aktarmasından ibarettir [Bayram: 2006a].

Bayram, 2006 yılında “Oğuz Epik Anlatmaları ve Çuvaş Alp Hikâyeleri'nde Kutsal Kurt ve Tepegöz” adlı makalesinde Oğuz destanında yer alan kurt motifi ile farklı alp anlatmalarında yer alan kurt motifini ele alır. Dil açısından Oğuz Türkçesi ile Çuvaşçanın gösterdiği paralelliklere birçok çalışmada değinilmişse de folklor ürünlerinin gösterdiği paralellikler araştırmacıların üzerinde çok durmadığı konulardır. Dede Korkut Hikâyeleri'nde yer alan Tepegöz anlatması da Çuvaş alp anlatmalarında müstakil bir anlatma olarak anlatılan Altırkuş ile karşılaştırılmıştır. Ayrıca Çuvaş alp anlatmalarında yer alan kurt soylu olma, kurdun kahramanı büyütmesi gibi motifler Oğuz destanında bozkurdun Oğuz Han'ı İdil boylarına getirmesi ve Türklerin kurttan türeyiş efsaneleriyle paralel olarak ele alınmıştır. Bunların benzerliğin özetinde üslup özellikleri dışında aynı oldukları belirtilmiştir [Bayram: 2006b].

Bayram, 2006 yılında 9-15 Nisan 2006'da düzenlenen I Uluslararası Türk Dünyası Kültür Kurultayı'nda sunduğu “Çuvaş Alp Anlatmalarında Kahraman Üzerine Bir Araştırma” adlı tebliğinde özellikle alp anlatmalarının başkahramanı “alp”ı doğumundan itibaren yaptığı işler ve fizikî özellikleri bağlamında ele alır, alpların genel özellikleri ve işlevleri ortaya koyulmaya çalışır. Tebliğde herhangi bir karşılaştırma yapılmaksızın sadece Çuvaş alplarının Türk destan kahramanlarının araştırılmasında dikkat çeken özellikleri tespit edilmiştir [Bayram: 2007a].

Bayram, 2009 yılında yayımlanan “Halk Kültüründen Modernizme Çuvaş Türklerinde Yupa” adlı yazısında Çuvaş halk inanışlarında ölümle ilgili inanç ve pratikler arasında çok önemli bir yeri olan “yupa” dikme geleneğini ele alır. Yazar, geleneksel inanışlar içerisinde önemli bir yeri olan “yupa”nın aynı zamanda günümüzde sadece ölümle ilgili bir unsur olmanın ötesinde adeta millî kimliğin ifadesi olarak yeniden doğuşuna dikkat çeker [Bayram: 2009].

Kurumu tarafından yayımlanmıştır. Bunun yanında Tez’de metinlerin halk bilimi bakımından dikkatimizi çeken özelliklerine yer veren bölümler varsa da yayın aşamasında bu kısımlar çıkarılmıştır ve yayında sadece metinlere yer verilmiştir [Ersoy: 2009]. Ersoy’un bu eseri konu ile ilgili Türkiye’deki ilk müstakil çalışmadır.

Ersoy, 2009 yılında yayımlanan kitabında kullanılan bazı metinler “Türk Dünyası Edebiyat Metinleri Antolojisi” ansiklopedisinin V. Cildinde de aynı şekilde yayımlar [Ersoy: 2004]. Yayın bir antoloji olduğu için sadece metinler bu eserde yer almaktadır.

Ersoy 2003 yılında Çuvaş bilmeceleri konusunda bir yayın daha yapar. “Çuvaş Bilmeceleri” başlıklı yazısında 109 bilmece metnini transkripsiyonları ve Türkiye Türkçesine aktarımlarıyla birlikte verir. Ersoy, Çuvaş bilmecelerini 9 başlık altında şu şekilde tasnif eder:

- Tabiat ve tabiat olayları ile ilgili bilmeceler*
- Gökyüzü ve gökyüzü cisimleri ile ilgili bilmeceler*
- Bitkiler ile ilgili bilmeceler*
- Hayvanlar ile ilgili bilmeceler*
- İnsan uzuvları ile ilgili bilmeceler*
- Giyeceler ile ilgili bilmeceler*
- Yiyecek ve içecekler ile ilgili bilmeceler*
- Ev ile ilgili bilmeceler*
- Diğer bilmece örnekleri*

Ersoy makalesinde Çuvaş bilmecelerinin bazı özelliklerine de dikkat çeker. Ona göre Çuvaş bilmecelerinin tamamı mensurdur. Fakat bunlarda iç kafiyeye bulunmaktadır. Bu özellikleri onların manzum şekillerden bozma olabileceğini göstermektedir. Konu bakımından ise Çuvaş bilmecelerinin çoğu insan ve insanı yakından ilgilendiren nesnelere ilgilidir. Ses taklitleri, benzetme ve mecazlar, “Bu nedir?”, “Kim bunu bilecek?” sorularının kullanımı araştırmacının dikkat çektiği diğer konulardır [Ersoy: 2003a].

Feyzi Ersoy 2003 yılında G.F. Yumart’ın 1993 yılında Çeboksarı’da yayımlanan “*Ulîp Halapësem*” adlı eserini tanıtımını yapar. Çalışmada, eserin bütün bölümleri kısaca tanıtılmıştır [Ersoy: 2003b].

Ersoy, 2010 yılında Kuzey Kıbrıs Türk Cumhuriyeti’nde düzenlenen “Çuvaş Alp Hikâyelerinde Düşman Tipolojisi” tebliğinde alplar ve alp anlatmaları hakkında kısa bir bilgi verdikten sonra Çuvaş alp anlatmalarında düşman tipolojisi üzerine tespitlerde bulunur. Ersoy, anlatmalarda Alp’ın karşısına düşman olarak çıkan bütün varlıkları sıraladıktan sonra onların farklılığına dikkat çeker. Düşmanların Sehmet, ejderha, ve altırkuş gibi mitolojik varlıklar yanında Terpet Han, Hanpan, Tur Padişahı ve Supetey gibi zalim hanlar da olabileceğini belirtir. Ersoy, Alp’ın düşmanlarının özelliklerini ve yeteneklerini ve bunun karşısında Alp’ın mücadele tarzını ve araçlarını da metinlerde tespit eder [Ersoy: 2010].

Metin Yılmaz, çeşitli çalışmalarında çok sayıda Çuvaş halk edebiyatı metni yayımlamıştır. Atatürk Kültür Merkezi Başkanlığı tarafından yayımlanan “Türk Dünyası Edebiyat Metinleri Antolojisi” serisinin I, VI, VII ve VIII ciltlerinde çok sayıda halk edebiyatı metni yayımlar. İlk cildinde çok sayıda mit ve efsane metni [Yılmaz: 2001, 482–553]; altıncı ciltte bazı kısa hikâyeler [Yılmaz: 2004]; yedinci ciltte 12 tane kısa hikâye [Yılmaz: 2006]; sekizinci ciltte ise çok sayıda dua, atasözü ve deyim, bilmece, tekerleme, türkü metni [Yılmaz: 2007] transkripsiyonları ve Türkiye Türkçesine aktarımlarıyla birlikte yayımlanmıştır. Konu ile ilgili teorik hiçbir bilginin yer almadığı bu bölümlerde verilen metinler için herhangi bir kaynak gösterilmemiştir. Her metnin öncelikle transkripsiyonu ardından da Türkiye Türkçesine aktarımı verilmiştir. Çeviri yazımın ardından her metin için verilen ve genel olarak sıkça kullanılmış olan (Metin YILMAZ Arşivi) açıklaması dikkat çekicidir. Hâlbuki bu metinlerin tamamı farklı tarihlerde Çuvaşistan’da birçok kaynaktan yayımlanmış metinlerdir. Oysaki bu metinlerin bilimsel ölçülerde doğru bir yayın için künyelerinin doğru ve açık bir şekilde verilmesi bu metinler üzerinde yapılacak bilimsel analizler için öncelikle dikkat edilmesi gereken hususlardan birisidir.

Metin Yılmaz ve Yuhma Mişşi’nin birlikte hazırladığı ve 2003 yılında Kültür Bakanlığı’nın yayımladığı “*Türkiye Dışındaki Türk Edebiyatları Antolojisi*”nin *Çuvaş Edebiyatı* cildinde Çuvaş halk edebiyatı ile ilgili kısa bir giriş ardından çok sayıda halk edebiyatı malzemesi transkripsiyonları ve Türkiye Türkçesine aktarımları ile birlikte yayımlanmıştır. Bu halk edebiyatı malzemeleri içerisinde ağıtlar, atasözü ve deyimler, bilmeceler, destanlar ve destansı anlatılar, dua metinleri, efsane ve mitler, fıkra, mani, masal, ninni, türkü metinleri yayımlanan halk edebiyatı malzemesini oluşturur. Her türe ait metinlere geçilmeden önce o türle ilgili kısa bir giriş yapılmıştır. Eserin bir antoloji niteliğinde olması sebebiyle Çuvaş halk edebiyatı ve yayımlanan türlerle ilgili ayrıntılı bir bilgi verilmemiştir. Diğer yandan yayımlanan metinlerin kaynakları ile ilgili künye bilgilerinin olduğu bir bölüm ya da açıklamalar kısmı da çalışmada yer almamıştır. Kaynaklardan anlaşıldığı kadarıyla metinler o döneme kadar Çuvaşistan’da yayımlanmış olan malzemelerden seçilmiş ve yayına hazırlanmıştır. Bununla birlikte halk Çuvaş halk edebiyatının farklı türlerine ait metinleri ilk defa bu kadar kapsamlı bir şekilde Türkiye’de yayımlanmıştır [Yılmaz: 2003, 26–232].

Metin Yılmaz 2007 yılında “*Çuvaş Destanları, Oğuz Kağan ve Dede Korkut Hikâyeleri Üzerine Bir Araştırma*” adlı makalesini yayımlar. Makalede Çuvaşların değişik epik eserleri ayrıntıya girilmeden Oğuz Kağan

мировоззрение С.Н. Иванова оказали такие столпы тюркологической науки, как В.М. Жирмунский, Н.К. Дмитриев, С.Е. Малов, А.Н. Поцелуевский, А.Н. Кононов и др. Им были предложены новые методы лингвистического анализа для изучения грамматического строя тюркских языков с учетом их типологических отличий от индоевропейских языков. Его теоретические разработки были использованы многими тюркологами России при составлении грамматических описаний различных тюркских языков. Отмечено также, что Сергеем Николаевичем особое внимание придавалось изучению арабского и персидского языков, без знания которых немислимо классическое тюркологическое образование, что вылилось в издании нескольких монографий, посвященных арабизмам и персизмам в тюркских языках. Ну и, конечно, нельзя было не упомянуть о поэтическом даре этого великого ученого, благодаря которому русский читатель познакомился с великолепными творениями Юнуса Эмре, Низами, Алишера Навои, Махтумкули, Габдуллы Тукая и других выдающихся поэтов тюркоязычного Востока.

Основателю сопоставительного изучения чувашского языка Н.А. Резюкову посвящена еще одна статья Василия Алексеевича, написанная в соавторстве с Е.В. Андреевой. Здесь, прежде всего, говорится о важности четкого понимания отличия методики сопоставительного исследования, значительно развившейся во второй половине XX века в результате появления множества работ сопоставительного-типологического характера, от сравнительно-исторических исследований. Если первая часть сопоставительного исследования Резюкова носит название «Очерки сравнительной грамматики русского и чувашского языков», то уже вторая часть, вышедшая в 1959 году, называется «Сопоставительная грамматика русского и чувашского языков», что указывает на то, что автор начал четко понимать различия методологии сравнительного исследования и методов сопоставительного изучения языков. По мнению В.А. Андреева, эту работу Николая Андреевича с полным правом можно считать первым систематическим курсом сопоставительной грамматики русского и чувашского языков. Но, к сожалению, до настоящего времени не вышли другие работы, посвященные этой тематике.

Во втором томе «Чувашской энциклопедии» вышла статья В.А. Андреева и Г.А. Дегтярева о выдающемся тюркологе, докторе филологических наук, первом хакасском ученом Николае Федоровиче Катанове, который долгое время являлся профессором Казанского государственного университета, много сил приложил для издания «Словаря чувашского языка», стоял у истоков научной грамматики чувашского языка. Авторы отмечают огромное количество трудов (около 400), оставленных в наследство этим неординарным исследователем, одним из зачинателей сравнительного изучения тюркских языков, подчеркивают важность таких его работ, как «Опыт исследования урянхайского языка» и «Чувашские слова в болгарских и татарских памятниках» для чувашского и всего тюркского языкознания.

16 мая 2002 г., к сожалению уже после смерти Василия Алексеевича, напечатан его труд «Обоснование введения нового востоковедческого направления в систему гуманитарного образования и научных исследований в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова». Как правильно заметил в предисловии профессор В.Г. Родионов, данное обоснование, по сути, является руководством к действию. В нем автор убедительно доказывает необходимость введения востоковедческого направления в систему образования гуманитарных факультетов университета. По мнению В.А. Андреева доказательства этой необходимости лежат в двух областях: 1) научно-образовательной и культурно-исторической; 2) геополитической и социально-экономической.

В статье «О некоторых общих вопросах происхождения грамматических средств чувашского языка в свете этно- и глоттогенеза» (совместно с Е.А. Андреевой), опубликованной в сборнике «Взаимодействие урало-алтайских языков. Язык и культура» (Чебоксары, 2003), В.А. Андреев затрагивает теоретические основы изучения происхождения и развития чувашского языка и ратует за более тщательное, системное исследование различных уровней чувашского языка «для постижения истинной картины глоттогенеза и этногенеза чувашского народа». Автор указывает, что общезаконмерные явления языка наиболее полно проявляют себя на лексическом и синтагматическом уровнях, а хронология происхождения грамматических средств и форм в чувашском языке соответствует той, что была предложена А.М. Щербаком, которая состоит из четырех основных пластов [Щербак, 1994]. В.А. Андреев сообщает, что в последующих работах он подробно остановится на каждом из этих пластов, чтобы исследовать происхождение грамматических форм в чувашском языке. Однако его преждевременная кончина, к сожалению, не позволила претворить эти планы в жизнь.

Подытоживая краткий обзор научных работ В.А. Андреева, хотелось бы отметить, что и в процессе подготовки настоящей статьи, и раньше во время личных встреч и бесед с Василием Алексеевичем у автора всегда было ощущение того, как много из задуманного ученым не воплотилось в жизнь, как много планов и идей, которые возникали в светлой голове этого замечательного ученого, так и остались не высказанными и не написанными. С кончиной Василия Алексеевича, к сожалению, оборвалось целое направление в чувашском языкознании, целая область научной отрасли до настоящего времени так и осталась не изученной.

Библиография работ В.А. Андреева

1. О некоторых особенностях местоименной падежной парадигмы огузского типа склонения // Третья Всесоюзная школа молодых востоковедов (Звенигород). Языкознание. М., 1984. Т. II. С. 122–124.
2. Словообразовательные функции падежных аффиксов в чувашском языке. Востоковедение, 12: Филологические исследования. Л., 1986. С. 20–27.
3. Творительный падеж в чувашском языке // Вестник ЛГУ. Серия 2. История, языкознание, литературоведение. Л., 1986. Вып. 2. С. 66–69.
4. Абессив в чувашском и финно-угорском языках // Тезисы докладов ХХІХ сессии Постоянной международной алтаистической конференции «Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности» (Ташкент, сентябрь, 1986 г.). Ч. II. Лингвистика. М., 1986. С. 11–12.
5. Основной падеж в системе категории склонения в чувашском языке // Совершенствование преподавания общетюркологических дисциплин в вузе: материалы конференции. Чебоксары, 1986. С. 97–103.
6. К грамматической характеристике тюркских падежей // Четвертая Всесоюзная школа молодых востоковедов (г. Иваново, февраль, 1987 г.). Тезисы. Т. III. Языкознание. М., 1986. С. 7–8.
7. Основной падеж в чувашском языке // Востоковедение, 13: Филологические исследования. Л., 1987. С. 3–8.
8. Категория склонения в чувашском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1987. 18 с.
9. О некоторых вопросах сбора и систематизации диалектной лексики чувашского языка // Межъязыковое взаимодействие в Волго-Камье. Чебоксары, 1988. С. 130–140 (в соавторстве с Т.Н. Кузьминой).
10. Турккă чĕлхин фонетики, графики тата орфографийĕ / Методика Кăтаргăвĕсем. Шупашкар, 1988. 32 с.
11. Абессив в чувашском и финно-угорских языках // Востоковедение, 15: Филологические исследования. Л., 1989. С. 28–34.
12. Аслă школ тата наци культуры // Тăван Атăл, 1989, 9 №. С. 57–59 (Г.А. Дегтярёва пĕрле).
13. Ред.: Программа для поступающих в ЧувГУ на специальность «Чувашский язык и литература» // Е.С. Сидорова, Ю.М. Виноградов. Чебоксары, 1989. 15 с.
14. Икчĕлхелĕх: Тăван сăмах, тăван культура // Коммунизм ялавĕ, 1989. 13 июль.
15. Желаем счастья, учитель. К 60-летию профессора Н.П. Петрова // Ульяновец, 1989. 3 февраля.
16. Ред.: Лебедева Е.А. Чăваш чĕлхин историйĕ: Практика ёĕн методика кăтаргăвĕсем. Шупашкар, 1990. 35 с.
17. Аслăлăх çулĕпе. М.Ф. Чернов профессор 60 çул тултарчĕ // Коммунизм ялавĕ, 1990. 28 апрель.
18. Чăваш ялĕсенчи икчĕлхелĕх пирки // Тăван чĕлхе икчĕлхелĕх тапхăрĕнче. Статьясен пуххи. Шупашкар, 1991. С. 18–33.
19. Хальхи турккă чĕлхи. Грамматика таблицисем. Вĕренÿ пособийĕ (ЧПУ). Шупашкар, 1992. 48 с.
20. Тĕрĕк тĕнчин элчи // Хыпар, 1992. 30 ака. (Г.А. Дегтярёва пĕрле).
21. Чуваши: этнолингвистическая и историко-демографическая характеристика // Исследования тюркского мира. Стамбул, 1993 (на турец. языке).
22. Турецко-чувашский словарь. Стамбул, 1994. 196 с. (на турец. языке, в рукописи, в соавт. с Х. Ачыкгёз).
23. Учебник чувашского языка. Стамбул, 1994. 152 с. (на турец. языке, в рукописи, в соавт. с Х. Ачыкгёз).
24. Чуваши: этнолингвистическая и историко-демографическая характеристика // Исследования тюркского мира. Стамбул, 1995 (на турец. языке).
25. Турецко-чувашско-русский словарь. Стамбул, 1996. 58 с. (на турец. языке, в рукописи, в соавт. с Х. Ачыкгёз и В.Г. Гузевым).
26. Хальхи турккă чĕлхи: Лекци конспекчĕсем (ЧПУ). Шупашкар, 1996. 16 с.
27. Пĕтĕмĕшле тюркологи аслăхĕн никĕсĕсене тĕпчесе вĕрентес ёĕн тĕллевĕсемпе çĕнĕ задачисем пирки // Чăваш филологийĕпе культура институтĕн наци кадрĕсем хатĕрлес ёĕри вырăнĕ тата пĕлтерĕшĕ. Шупашкар, 1996. С. 23–25.
28. Чуваши: этнолингвистическая и историко-демографическая характеристика // Исследования тюркского мира. Стамбул, 1997 (на турец. языке).
29. Ас-пурлăхăр пайталă пултăр // «Тантăш» кĕнеки, 1997. 15 (22) №.
30. Чăваш чĕлхи. Стамбул, 1997 (Х. Ачыкгёзпа пĕрле).
31. И.Я. Яковлев о чувашском языке и его исследователях // И.Я. Яковлев и духовный мир современного многонационального общества. Чебоксары, 1998. С. 168–171 (в соавторстве с Э. Кязымом).
32. И.Я. Яковлев о чувашском языке и его исследователях // Тăван Атăл, 1998. № 2. С. 27–28.
33. Эсир турккăлла калаçма вĕренесĕн-и? // Хыпар, 1998. 24 кăрлач.
34. Сирĕм пĕрремĕш ёмĕрте [чăваш чĕлхи] мĕнлерех пулĕ? // Хыпар, 1998. 13 нарăс.
35. Чăваш чĕлхине халалланă тĕпчев // Тăван Атăл, 1998. № 7–8. С. 70–71.
36. И.Я. Яковлев – хурăнташсен куçĕпе // Хыпар, 1998. 6 çу (турккăллалан куçарнă).
37. Чăваш чунлăхпа, çынлăхпа, турă панă хăватпа вайлă пулĕ: ЧПУ доцентĕ филологи аслăлăхĕсен кандидатĕпе калаçни (Л. Филиппова калаçнă) // Тантăш, 1998, № 23, çĕртме уйăхĕн 4-мĕшĕ. С. 4.
38. Константин хулине парăнтарни // Хыпар, 1998. 22 раштав (турккăллалан куçарнă).
39. Карагёз мыскарисем // Çилçунат, 1999. № 5–6. С. 24–25 (турккăллалан куçарнă).
40. О вузовском курсе истории языка и некоторых вопросах преподавания чувашского языка в общеобразовательной школе в свете данных сравнительно-исторической грамматики // Проблемы изучения и преподавания филологических наук. Сборник материалов. В 4-х ч. Стерлитамак, 1999. Ч. 4. С. 206–209.
41. Чăваш чĕлхин танлаштарура истории грамматики тата пĕтĕмĕшле пĕлÿ паракан вăтам школта тăван чĕлхене вĕрентеси // Историко-этимологическое изучение чувашского и алтайских языков. Чебоксары, 1999. С. 113–116 (Г.Л. Никифоровпа пĕрле).
42. Профессор глазами студентов // Историко-этимологическое изучение чувашского и алтайских языков. Чебоксары, 1999. С. 57–59 (в соавт. с О.Н. Викторовым).

edinimini kolaylaştırmış, birçok alan uzmanına sahaya inme imkânı tanımış, bu durum da Türkiye Türkologlarının da daha rahat bir çalışma ortamına kavuşmasını sağlamıştır.

Rusya dışında yapılan çalışmalarda olduğu gibi Türkiye’de de Çuvaşlar üzerine yapılan çalışmaların ağırlıklı olarak Çuvaşların dili üzerine olduğunu görmekteyiz. Bununla birlikte dil, edebiyat, dinler tarihi, halkbilimi gibi farklı alanlarda çalışan Türk bilim adamları özellikle 1990’lı yıllardan başlayarak Çuvaş folkloru konusunda eserler vermeye başlamıştır. Biz burada farklı farklı alanlarda çalışıyor olsalar da araştırmacıların Çuvaş folkloru konusunda doğrudan veya dolaylı olarak ortaya konulan bu çalışmaların kısa bir değerlendirmesini yapacak ve buradan yola çıkarak Türkiye Türkolojisinde Çuvaş folkloru araştırmalarının durumu hakkında tespitlerde bulunmaya çalışacağız.

1990’lı yıllara kadar Çuvaş folkloru konusunda yapılan çalışma yok denecek kadar azdır. Bu konuda ilk bilimsel yayının J. Benzing’in 1947 yılında metnini verip Türkiye Türkçesine aktarımını hazırladığı *“Biler Şehrinin Fethi”* adlı destan metnidir. Metinde, Biler şehri ve bu destanla ilgili kısa bir açıklamadan sonra anılan destanın çeviri yazımı ve Türkiye Türkçesine aktarımı verilmiştir. Konu ile ilgili ayrıntılı bir bilgi bulunmamaktadır [Benzing: 1946, 8–9].

Benzing’in bu yayının ardından ise Türkiyeli araştırmacıların Çuvaş folkloru konusunda uzun süre sessiz kaldığını görüyoruz. Uzun süreli bu sessizliğin ardından Çuvaş folkloru konusundaki ilk çalışmalardan biri Nevzat Gözaydın’ın Çuvaşların arasında yağmur duası ile ilgili bilgiler verdiği *“Çuvaşlarda Yağmur Duası”* adlı bildiridir. Bu çalışma 1976 yılında Ankara’da yayımlanmıştır. Makalede, Çuvaşlar hakkında verilen kısa ve genel bilgilerin ardından onlar arasında gerçekleştirilmiş olan bir yağmur duası töreni N.İ. Aşmarin’in sözlüğünden alınan malzemelerle aktarılmıştır [Gözaydın: 1976].

Çuvaşlar konusunda Türkiye’de özel bir ilgi gösteren ilk araştırmacının Nuri Yüce olduğunu söyleyebiliriz. Çuvaşlar hakkında genel bilgilerin yer aldığı *“Coğrafya, Tarih, Halk Bilgisi, Dil ve Edebiyat Bakımından Çuvaşlar”* adlı makalesinde ağırlıklı olarak Çuvaş Türkçesi üzerinde duran Yüce, ayrıca Çuvaşların halk bilgisine de kısaca değinmiştir. Çuvaşların türküleri, masallar, atasözleri ve bilmeceleriyle zengin bir halk edebiyatına sahip olduğuna değinen Yüce .A. Fuks (1840), V. Sbojev (1851), S.M. Mihaylov (1853), N.İ. Zolotnitskiy (1871) daha sonraları da N.İ. Aşmarin (1892; 1900), İ.N. Yarkin (1898), G. Timofeyev (1896; 1901) yayınlarının ve Finlandiyalı Paasonen (1900) ve Macar Gy. Mézáros (1906)’un derlemelerinin Çuvaş halk edebiyatı çalışmalarında önemli aşamalar olduğuna dikkat çekmiştir [Yüce: 1994, 205–229]. Ancak Çuvaşların kahramanlık destanları konusunda zengin olduğu yönündeki bilgiler alanda çekilen kaynak sıkıntısının da belki bir göstergesidir. Çünkü klasik anlamda bir destanın Çuvaş folklorun da en azından bugüne kadar kaydedilemediği birçok bilim adamı tarafından genel bir kabuldür [bk. Bayram: 2010, 83–89].

Nuri Yüce’nin konu ile ilgili bir başka çalışması Çuvaş atasözleri ile ilgilidir.

Türkiye’de Çuvaş Türkçesi üzerine yaptığı çalışmalarla tanınan Emine Ceylan (Yılmaz) sadece Çuvaş Türkçesi konusunda eser vermekle kalmamış Çuvaşlarla ilgili başka konularda da yayınlar yapmıştır. Çuvaş Türkçesi konusunda çok sayıda kitap, makale ve bildiri bulunan araştırmacının biz burada Çuvaş folkloruna yönelik çalışmalarını ele alacağız. Yılmaz’ın Çuvaş folkloru ile ilgili yayınları genellikle metin neşrinden ibarettir. Halk edebiyatı malzemeleri dil araştırmaları için bir malzeme olarak değerlendirilmiştir. Metinler üzerinde yapılan çalışmalar dil çalışmalarıdır.

Emine Ceylan (Yılmaz) 1995 yılında J. Benzing’in yayına hazırladığı *“Biler Şehrinin Fethi”* adlı destanı J. Benzing’in çeviri yazımı ve çevirisini gözden geçirip düzeltmeler yapmış ve bir sözlük ekleyerek tekrar yayımlamıştır [Benzing: 1995, 211–225].

Emine Ceylan (Yılmaz) 1996 yılında *“Çuvaş Atasözleri ve Deyimleri Çuvaşça-Türkçe / Türkçe Çuvaşça Sözlük”* adlı kitabını yayımlar. Bu eseri Çuvaş halk edebiyatı ile ilgili Türkiye’deki ilk müstakil kitaptır. Çuvaşlar ve Çuvaşistan hakkında kısa bilgilerin verildiği Giriş’te Çuvaş atasözleri ve deyimleri üzerine yapılan çalışmalar hakkında da bilgiler verilmiştir. Atasözü ve deyimleri orijinaleri, çeviri yazımları ve Türkiye Türkçesine aktarımlarıyla birlikte alt alta verilmiştir. Atasözü ve deyim metinlerindeki kelime kadrosuna dayanılarak Çuvaşça-Türkçe ve Türkçe-Çuvaşça sözlük de metinlerden sonra eserde yer almıştır [Ceylan: 1996]. Eser Çuvaş folkloru ile ilgili olarak Türkiye’deki ilk hacimli metin yayını olması bakımından oldukça önemlidir.

Feyzi Ersoy 2000 yılında alp anlatmaları metinlerine dayanarak Çuvaş Türkçesinde isim üzerine bir yüksek lisans tezi hazırlamıştır. 227 alp anlatması Türkiye Türkçesi aktarımlarıyla birlikte bu tezde yer almaktadır. Bu metinler üzerinde Çuvaş Türkçesinde isim konusunda bir dil çalışması yapılmıştır [Ersoy: 2000]. Tezde yer alan metinler, 1993 yılında Çeboksarı’da G.F. Yumart’ın yayımladığı alp anlatmaları metinleridir. Metinlerin alındığı bu kitapta alp anlatmaları metinlerinin künyeleri (kaynak kişi, derleme tarihi, derleme yeri, metinlerin bulunduğu arşiv-kütüphane vb.) ayrıntılı olarak verilmiş olmasına rağmen tezde yer alan metinlerde bu bilgiler yer almamıştır. Tezin metinleri Alp anlatmalarının Çuvaş edebiyatı içerisindeki yeri, şekil ve muhteva özelliklerinin ele alındığı kısa bir *“Giriş”*le birlikte 2009 yılında *“Çuvaş Alp Hikâyeleri Ulup Halapşem”* adıyla *“Türk Dünyası Destanlarının Tespiti, Türkiye Türkçesine Aktarılması ve Yayımlanması Projesi”* kapsamında Türk Dili

В эпическом повествовании естественны мифологизм и анимизм, позволяющие показать своеобразное мироотношение и мировосприятие народа. Анимистические воззрения нашли отражение в многочисленных мифологических персонажах, одухотворяющих мир природы, воссоздающих народное мирозерцание: это и хозяйка матери-природы Аан Алахчын Хотун, и жестокий бык зимы, и духи трав и деревьев, и бог коня – Джесегей. Сознательная архаизация языка, фольклорные реминисценции позволили писателю воссоздать духовную атмосферу времени, своеобразие колорита эпохи, национально-самобытный духовный мир героев.

Произведение Далана пронизано заботой о нравственном здоровье молодого поколения, по логике авторской мысли, для формирования личности важна сама атмосфера народных эпических сказаний, героические образы олонхо. Недаром юный Тойук мечтает быть похожим на Нюргуна Боотура – защитника народа.

В русле оптимистической концепции олонхо в полифонии сложной художественной системы эпического романа утверждается главное – народный идеал мирной жизни; касаясь извечной дилеммы «война и мир», писатель-гуманист призывал к приоритету мира, к поэзии человеческих отношений, основанных на любви и дружбе, к жизни в согласии с природой.

Произведение Далана – не стилизация фольклорного материала, а оригинальное художественное произведение, соединившее в себе национальные эпические традиции и богатые возможности современного социально-психологического повествования.

Таким образом, можно утверждать, что эпические произведения современных писателей свидетельствуют о плодотворном развитии традиций классики в творческом использовании народно-поэтического наследия, олонхо. Взаимодействие и взаимообогащение фольклорных и литературных традиций способствует обновлению эпических жанров.

Литература

Ойунский П. Улуу Куданса = Куданса Великий: Үһүйэн / Худож. В. Ноева; Пер. А. Борисовой. Дьокуускай: «Чуораанчык» оҕо сурунаалын таһаарыыта, 1995. 88 с.

Пухов И.В. От фольклора к литературе. Якутск, 1981. 128 с.

Уткин К.Д. Древнеякутские корни: типологические параллели. Сб. трудов. Кн. 4. Якутск: Бичик, 2006. С. 176.

TÜRKİYE TÜRKOLOJİSİ VE ÇUVAŞ FOLKLORU (Турецкая тюркология и чувашский фольклор)

Bülent Bayram
Kırklareli Üniversitesi, Kırklareli

Изучение чувашской культуры турецкими исследователями началось в 1990-х гг. Вопросы чувашского фольклора затрагивали в своих работах ученые, изучавшие религию, язык, историю. С чувашским фольклором работали также ученые из различных социальных областей науки, так как фольклор занимает одно из центральных мест во многих направлениях науки. Исследования, принадлежащие собственно чувашскому фольклору, относятся к более позднему времени. Количество работ по чувашскому фольклору увеличилось лишь во второй половине 2000-х гг.

Çuvaşlar üzerine Türkiye Türkolojisinde yapılan çalışmalar özellikle 1990'lı yıllarda başlamıştır. Çuvaş folkloru konusunda yapılan yayınların büyük bir bölümü dil, dinler tarihi gibi farklı alanlarda çalışan bilim adamlarının çalışmalarına dayanmaktadır. Birçok bilim dalının kesişme noktasında yer alması sebebiyle sosyal bilimlerin farklı alanlarında çalışan bilim adamları Çuvaş folkloruna temas etmişlerdir. Çuvaş folkloru konusunda yalnızca bu alana özgü müstakil çalışmalar ise daha yakın dönemlere aittir. Ancak, 2000'li yılların ikinci yarısından itibaren Çuvaş folkloru konusunda yazılmış müstakil çalışmalar çoğalmıştır.

Çuvaşların dil, tarih ve din gibi faktörler bakımından diğer Türk boylarından genel olarak birtakım farklı özellikler taşıyor oluşları onları Türkoloji araştırmalarında özel bir yere koymuştur. Türkoloji sahasında sadece Rusya'da değil Macaristan, Almanya, Finlandiya vd. Türkoloji araştırmalarında alanla ilgili araştırmaların önde gelen ekol ülkelerinde de Çuvaşlar özel bir ilgiye sahip olmuştur. Anılan yerlerdeki çalışmalarla karşılaştırıldığında ise Türkçenin anadil olarak konuşulduğu Türkiye Türkolojisinde Çuvaşlarla ilgili çalışmaların çok geç dönemlerde başladığını görmekteyiz. Türkiye'de konu ile ilgili çalışmaların büyük bir çoğunluğunun özellikle 1990'lı yıllardan sonra yapıldığını söylemek mümkündür. Çalışmaların özellikle 1990'lı yıllardan sonra başlaması bir tesadüf değildir. Bilindiği üzere Sovyetler Birliği'nin yıkılmasıyla birlikte ortaya çıkan devletler arası açılma ve yakınlaşma süreci alan çalışmalarına yönelik kaynakların

43. В.Г. Егоров тата чăваш чĕлхин грамматикин танлаштарупа историллĕ тĕпчевĕсем // Чăваш чĕлхи: аваллăхран малашлăха. Конференци материалĕсем. Шупашкар, 2000. С. 17–18.

44. Эпир пурте – Ашмарин йăхĕнчен... (М.Ф.Чернов профессор 70 сул тултарнă май) // Хыпар, 2000. 28 ака.

45. Азиз Несин. Чикĕри сурт (Калав) // Ялав, 2000. № 5. С. 60–63 (турккăлларан куçарнă).

46. Очерки по функциональной грамматике чувашского языка. Чебоксары, 2000. 166 с.

Рец.: 1) Мукина И., Печников О. Чăваш чĕлхи пĕлĕвĕнче – сĕнĕ утăм, сĕнĕ туртăм // Хыпар. 2002. 21 нарăс.

2) Корнилов Г., Чернов М. В.А. Андреев – зачинатель функциональной грамматики чувашского языка // Ульяновец. 2002. 21 ноября.

47. Ареальные связи языков Поволжья на морфологическом уровне // Языковые контакты Поволжья. Турку, 2001. С. 23–25.

48. Ученый-лингвист и поэт-переводчик (К 80-летию со дня рождения С.Н.Иванова) // Ульяновец, 2002. 16 мая (в соавторстве с Г.А. Дегтярэвым).

49. Обоснование введения нового востоковедческого направления в систему гуманитарного образования и научных исследований в Чувашском государственном университете им. И.Н.Ульянова // Ульяновец. 2002. 16 мая.

50. Вклад Н.А. Андреева-Урхи в изучение грамматического строя чувашского языка // Н.А. Андреев-Урхи: К 110-летию со дня рождения. Чебоксары, 2002. С. 25–28.

51. О комплексном функционально-семантическом изучении словоизменительных категорий чувашского языка // Чăваш филологийĕпе культуры тата журналистики (Чувашская филология, культура и журналистика). Чебоксары, 2002. С. 64 (в соавторстве с Н.А. Яковлевой).

52. О некоторых общих вопросах происхождения грамматических средств чувашского языка в свете этно- и глоттогенеза // Взаимодействие урало-алтайских языков. Язык и культура. Чебоксары, 2003. С. 25–30 (в соавт. с Е.В. Андреевой).

53. О нем: Фомин Э. Кĕмĕл пек сұтă пурнăç // Хыпар. 2003. 7 сурла.

54. О нем: Герасимова И. Андреев Василий Алексеевич // Чăваш чĕлхи. Энциклопеди словарĕ. Шупашкар, 2004. С. 10–11.

55. О нем: Андреев Василий Алексеевич // Чăваш тĕпчевĕсем: библиогр. указ. Шупашкар, 2006. С. 14–15.

56. О нем: Дегтярев Г. Василий Алексеевич Андреев // Чăваш чĕлхе пĕлĕвĕ. Статьясен пуххи. 2-мĕш кăларăм. Шупашкар, 2006. С. 290–297.

57. О нем: Дегтярĕв Г. Андреев Василий Алексеевич // Чувашская энциклопедия. 1 том. А–Е. Чебоксары, 2006. С. 103.

58. Н.А.Резюков – чăваш чĕлхин шайлаштаруллă тĕпчевĕсен никĕсне хываканĕ // Чăваш чĕлхи: аваллăхран малашлăха. Статьясен пуххи. Шупашкар, 2007. С. 35–38 (в соавт. с Е.В. Андреевой).

59. Катанов Николай Федорович // Чувашская энциклопедия. 2 том. Ж–Л. Чебоксары, 2008. С. 233–234 (в соавт. с Г.А. Дегтярэвым).

60. О нем: Андреев Василий Алексеевич. Сұлталак кёнеки. Чебоксары, 2009. С. 174–175.

УНИКАЛЬНЫЙ «СЛОВАРЬ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА» Э.К. ПЕКАРСКОГО

Е.И. Оконешников

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов севера СО РАН, г. Якутск

В этом году исполняется 90 лет тому, как был завершен фундаментальный труд – издание широко известного в отечественной и зарубежной тюркологии «Словаря якутского языка» Э.К. Пекарского (в 13 выпусках, 1899–1930).

Революционер-народник 70-х годов XIX в. Эдуард Карлович Пекарский (1858–1934), находясь в ссылке в Якутске, самоотверженно занимался в течение четверти века изучением этнографии, фольклора и языка якутского народа. Вся его плодотворная работа была подчинена главной цели жизни – созданию словаря, содержащего, по нашим подсчетам, около 38 тысяч заглавных единиц.

Заглавные слова сопровождаются грамматической характеристикой, указывающей, кроме частей речи, основу и словообразующий суффикс. В словаре подробно показаны фонетические, морфологические и лексические варианты слов. Варианты, вызывающие сомнения относительно их правильного орфографирования или определения значений, даются с ссылкой на источники. В составе словника встречаются распространенные топонимы и гидронимы, имена легендарных людей и богатырей героического эпоса олонхо, редкие словоформы и образования, употребляющиеся в обиходной речи. Ко многим общеупотребительным словам, обозначающим названия одушевленных и неодушевленных предметов фауны и флоры, подобраны их латинские наименования. «Исходя из того простого положения, – объяснял автор в «Предисловии» к первому выпуску «Словаря», – что «в языке народа всего полнее отражается его душа, я думал, что чем больше будет собрано мною якутских слов, чем точнее будет объяснено каждое из них, тем более ценный материал я буду в состоянии дать другим исследователям для понимания «души» якутского народа».

Э.К. Пекарский, будучи незаурядным этнографом, фольклористом и знатоком языка, эмпирически глубоко понял то, что семантический объем якутского слова не совпадает с таковым в русском языке. Он, как выдающийся лексикограф, обращал особое внимание на описание страноведческих компонентов реалий и явлений. Было бы недостаточно обоснованным считать «Словарь якутского языка» переводным на основании его двуязычности. В переводном словаре дается эквивалент или частичный эквивалент, пригодный для использования в контексте или речи. Для полноты семантической характеристики слов автор использовал прием развернутого толкования с вкраплениями энциклопедизма. По этим мотивам настоящий словарь невозможно однозначно отнести к типу толковых словарей. Применение энциклопедического объяснения части словника исходило из основных целей автора – наряду с определением значения слова давать как можно больше фактических данных по этнографии, мифологии и фольклору. Тем не менее Словарь Э.К. Пекарского не относится к энциклопедическому типу словарей. По предложению акад. В.В. Радлова и при непосредственном участии академиков К.Г. Залемана, В.В. Бартольда, Б.Я. Владимирцова, В.Л. Котвича, А.Н. Самойловича, членов-корреспондентов С.Е. Малова, Н.Н. Поппе, профессоров Н.Ф. Катанова и К.К. Юдахина проводились этимологические сравнения якутских корней со словами тюркских, монгольских, тюркско-монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Однако тип «Словаря якутского языка» не может быть определен и как сравнительно-этимологический.

Итак, перед нами не переводный, не толковый, не энциклопедический, не этимологический и не грамматический словарь, хотя ему присущи лексикографические приемы всех этих типов словарей. Словарь Э.К. Пекарского останется в истории науки неповторимым, уникальным созданием, где автор мог достаточно полно и точно отразить в синхронном срезе бесписьменное состояние живого народного языка в том виде, в каком он бытовал в устах его носителей конца XIX и начала XX столетий.

Какие трудности встречал автор в процессе работы над словарем – это тема специального рассуждения. Здесь коснемся лишь источников, представляющих в громадном большинстве своем весьма сырой материал, что потребовало от автора кропотливой дополнительной работы по уточнению правописания словарных форм и выяснению значения каждого слова в отдельности. Научные достоинства лексикографического труда Э.К. Пекарского предопределились участием в его создании крупнейших специалистов-востоковедов и местных знатоков языка и культуры. В известном смысле можно сказать, что «Словарь якутского языка» – это результат коллективного труда, яркий пример интеграции усилий ученых разных специальностей.

Научные заслуги Э.К. Пекарского общепризнаны. Он был избран членом-корреспондентом (1927) и почетным членом Академии наук СССР (1931), являлся членом свыше десяти отечественных и зарубежных научно-исследовательских и краеведческих обществ.

АГИОГРАФИЯ КАК СПОСОБ ИЗУЧЕНИЯ ЯКОВЛЕВОВЕДЕНИЯ

Л.Ю. Трофимов

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары

1. Предметом агιοграфии является личность человека как уникальная совокупность жизненного и мистического опыта. В центре агιοграфии находятся «представления об идеальной личности человека, характерные для конкретной исторической эпохи, географической, идеологической культурной среды» [Минеева: 2000, 21]. Агιοграфия занимает определенное место между историческим повествованием и повествованием художественным.

2. Анализ художественно-публицистических произведений о жизни и деятельности И.Я. Яковлева позволяет делать вывод о том, что их объединяют следующие моменты и элементы агιοграфии. Во-первых, все они подчинены биографическому принципу сюжетообразования. Во-вторых, почти все авторы (особенно представляющие чувашскую литературу новейшего времени) пользуются принципами идеализации и документализации биографии И.Я. Яковлева. К третьему моменту можно отнести попытку сакрализации изображаемого авторами героя, т.е. И.Я. Яковлева.

3. Художественно-публицистические произведения отражают жизнь и деятельность просветителя чувашского народа с момента рождения до достижения им вершины признания заслуг. При этом в некоторых произведениях заметны элементы евангелической модели жизнеописания. Так, например, рождение чувашского патриарха сопровождается мистическими ночными огоньками, яркой звездой на небе (Т. Педэрки «Мальчик из чувашского села») [Петров: 1983].

Чувашские писатели в своих произведениях достаточно полно раскрывают душевно-физические и морально-этические стороны личности И.Я. Яковлева. Необходимо отметить, что в литературе новейшего времени заметны некоторые тенденции к канонизации, плакатизации образа. Совершенно

мифологическая поэтика проявляются в литературном произведении многоуровнево: в сюжетно-композиционной структуре, в своеобразии стиля, в принципах изображения характера, в авторской позиции, в нравственно-философской концепции произведения в целом.

Еще в начальный период развития прозаических жанров, в 20–30 гг., фольклорные начала более всего проявились в творчестве П.А. Ойунского. Так, в поэме «Красный шаман», названной «олонхотойук», и в повести «Кудангса Великий» он органически претворил традиции олонхо, вобравшего в себя «мифологию народного шаманистического мировосприятия» (П. Ойунский).

Эпическое начало своеобразно проявляется во всех жанрах прозы, но более всего определяет особенности крупных жанров – повести и романа. Одно из наиболее сложных многозначных произведений П. Ойунского – философская повесть-предание «Кудангса Великий» (1929) построено как эпическое сказание, что и обусловило ментальную значимость ее поэтики. Своеобразие стиля повести обусловлено тем, что рассказ ведется как бы от лица народного певца-сказителя. Драматизм жизни северного народа обусловлен непосредственной зависимостью от стихий природы. Кудангса Великий, отличаясь нестигаемой волей, смысл своей жизни видит в служении народу. Во имя этой цели он готов поправить давние законы и никак не может согласиться с тем, что «уповая на Одун Хана, нельзя спасти умирающего... выручать гибнущего». Он утверждает право человека на бессмертие. «Ум и стремления двуногого... никогда не померкнут», – высказывается он в споре с шаманом Чачыгыр Таасом о предназначении человека.

Как писал И.В. Пухов, «в олонхо все дышит природой» [Пухов: 1981, 41], о чем свидетельствует и это произведение. Космизм мироощущения древнего народа в повести выражен в утверждении единства человека и природы. В произведении, полное трагизма, светлые ноты вносят пейзажные картины, олицетворяющие добрые начала жизни овеянные любовью к родной земле. Мать-Земля описана в традициях народного эпического повествования: «Опясанная восьмицветной, ясной радугой, освещенная ослепительно-сияющим солнцем... милая земля саха...» [Ойунский: 1995, 65].

В отличие от этого произведения, другая повесть писателя – «Николай Дорогунов» – более приближена к современности. Жанр произведения автор также обозначил как «повесть-предание». Важна установка на сказовость, что тоже основано на традициях народного эпоса олонхо. Повесть изобилует вставками таких жанров народной поэзии, как тойук, благословение-алгыс. Для стиля характерны красочный слог, повторы устойчивых оборотов, традиционных эпитетов. Проза вновь приобретает ритмический характер. Как стихотворение в прозе звучит описание ликующего цветения весенней природы, которое органично переходит в гимн во славу вечной любви, радости жизни. Это произведение о «философии любви» как высшего счастья человека.

Творческое и гражданское мужество П. Ойунского, проявленное в атмосфере 20–30-х годов XX в., выразилось в утверждении непреходящей ценности философского, нравственно-гуманистического содержания народного поэтического наследия, олонхо.

Традиции философской прозы П.А. Ойунского были продолжены в творческих исканиях писателей в разные периоды истории якутской литературы.

Если для начальной стадии возникновения жанров якутской прозы характерна активная роль фольклора, то в последующий период становления литературы наблюдается в силу ряда причин ослабление этой тенденции.

Литературный процесс 80–90-х годов XX в. знаменателен возрождением интереса к народно-поэтическому наследию, к олонхо, к эпическим преданиям и мифу, что во многом определяется ростом национального самосознания, усилением внимания к исторической памяти народа, к нравственным истокам. Указанные тенденции проявились в основных жанрах, но, на наш взгляд, наиболее значимы поиски в крупных жанрах прозы – в повести и романе. В якутской литературе последних десятилетий значительным событием стали повести и романы С.П. Данилова, В.С. Яковлева-Далана, И.М. Гоголева-Кындыла, Н.И. Петрова, Н.А. Лугинова, П.Д. Аввакумова и др.

Органическая связь с национальной эпической традицией характерна и для романа В.С. Яковлева-Далана «Тыгын Дархан» (1993). Роман написан на основе народных преданий, наполнен поэзией олонхо, и это определило своеобразие стиля повествования. Постоянные реминисценции из олонхо органичны в структуре романа, все объясняется художественной логикой, авторской позицией. Писатель творчески переосмыслил народные предания, пропустив их сквозь призму своего личностного восприятия, насытив повествование глубоко эмоциональным лирическим чувством патриота и гуманиста. Роль автора-повествователя в романе близка позиции эпического сказителя, что и определяет основной тон, своеобразие стиля, внутренний ритм. Как и в олонхо, роман открывается с эпического описания величественной природы долины Туймаады – колыбели народа саха.

Пёр такмакра икё çÿхÿ. – В одной сумке два çÿхÿ (чечевица). (Çÿхÿ – тонкие, круглые лепешки из кислого теста, выпекаемые на сковороде.)

Близкими к пословицам и загадкам по структуре и содержанию являются приметы, в которых отражается вся жизнь народа. Безэквивалентная лексика отражается и в этом фольклорном жанре, например: *Çăварнире* тумла тумласан, тырă тутă пулать. – Если в *çăварни* будет падать капель, то зерно будет полновесным, наливным. (Çăварни – старинный чувашский праздник, посвященный проводам зимы, после принятия христианства он совпал с русской масленицей.)

Национально-культурный компонент свойствен также коннотативной лексике. Для каждого языка, для каждой культуры характерно возникновение специфических созначений – коннотаций, хотя наблюдается и совпадение коннотативных значений во многих языках: заяц – трусливый, лиса – хитрая, петух – драчливый и др.

В чувашской мифологии каждой породе дерева соответствует определенный смысл. К примеру, *вяз* (хурама) соотносится с индивидом, наделенным признаками «мужчина», «старший», «чужой», и противопоставляется дубу. В плане семейных отношений это – отец супруги (*хуньам*), *Хурамаран* хуранташ пулас çук. – Вяз не может стать кровным родственником [Культура: 1994, 137]. *Хурама* пÿрни хай еннелле пÿрнет. – Вязовая кора в свою сторону и коробится.

Содержание культурной коннотации несет в себе образ хмеля. Хмель изображен и на гербе Чувашской Республики. Хмель – символ традиционного богатства чувашского народа. Еще в первом договоре киевского князя Владимира с Волжской Булгарией в 985 году было сказано: «Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель – тонуть»: *Хьмла йывăç тårне улăхтарса лартать*. – Лоза хмеля людей на верхушку дерева подсаживает.

Национальное своеобразие проявляется и в цветовой символике. К примеру, белый цвет издавна являлся символом чистоты помыслов, благородства, доброй памяти. Цветоним «белый» соотносится со счастливой жизнью, с хорошим настроением, добрыми чувствами, светлыми моментами жизни: *Шур çăмартан çёвви çук, йёп чикме те вырån çук*. – У белого яйца швов нет, даже иглу негде просунуть (посл.). *Уйăх шурă пулсан, ашăтать*. – Если луна белая, погода потеплеет (примета).

Во многих жанрах фольклора большое значение придают серебру, серебряному цвету. На национальной одежде девушек и женщин было очень много украшений из серебра. Считалось, что серебро охраняет от злых духов, болезней. Серебро также было символом достатка в доме: *Кёмёл кашăкпа йывăç кашăк юнашар выртмаççё*. – Серебряная ложка с деревянной ложкой не лежат рядом.

Таким образом, лексика с национально-культурным компонентом значения в малых жанрах фольклора представлена довольно широко. В пословицах и поговорках, загадках, приметах слова с национально-культурным компонентом значения более содержательно, глубоко отражают мировоззрение, философию, жизненный опыт чувашского народа.

Литература

- Верецагин Е.М., Костомаров В.Г.* Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.
Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 1990.
Воробьев В.В., Саяхова Л.Г. Русский язык в диалоге культур: Учебное пособие / Элективный курс для 10–11 классов школ гуманитарного профиля. М.: Ладомир, 2006. 286 с.
Культура чувашского края. Ч. I: Учеб. пособие / В.П. Иванов, Г.Б. Матвеев, Н.И. Егоров [и др.] / Сост. М.И. Скворцов. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1994. 351 с.
Михайлов А.П. Сборник чувашско-русских пословиц, поговорок и крылатых выражений. Чебоксары, 2006. 480 с.

РОЛЬ НАРОДНОГО ЭПОСА ОЛОНХО В РАЗВИТИИ ЖАНРОВ ЯКУТСКОЙ ПРОЗЫ

А.Н. Мыреева

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск

Общеизвестна определяющая роль традиций фольклора, героического эпоса олонхо в возникновении якутской литературы в творчестве ее основоположников – поэзии в А.Е. Кулаковского–Ексекуляха, А.И. Софронова–Алампа. По мнению современного философа К.Д. Уткина [Уткин: 2006, 176], в олонхо отразились глубинные истоки мировоззрения народа саха, его космогонические представления, мифологическое сознание, культ природы.

Как свидетельствуют ведущие исследователи проблемы И.В. Пухов и В.П. Петров, устно-поэтические традиции, традиции народных преданий и олонхо, оказали определяющее влияние на развитие жанров якутской прозы. Народно-поэтические традиции претерпели сложную эволюцию на протяжении всей истории якутской литературы. Особенности эпического повествования,

прав Барасов В.С., который пишет: «Образы выдающихся деятелей прошлого, прежде чем дойти до современников, претерпевают иногда серьезные изменения. Каждое поколение вносит свои штрихи в портрет известного человека, которые часто не приближают нас к правильному представлению о его личности, а отдалают от него. В результате многолетних наслоений реальный человек превращается в «условность», теряет свои жизненные контуры или нередко канонизируется, становится чересчур плакатным, бестелесным, похожим на икону» [Барасов: 1976].

4. Писатели тщательно разрабатывали доступные им географические, документальные материалы, касающиеся И.Я. Яковлева. Доступность, качество изучения и анализа историко-документальных материалов напрямую связаны с художественной ценностью произведений. Не могли не оставить следа в поэтике явовлевианы существовавшие в определенные периоды нашей истории моменты, когда те или иные факты не были доступны, т.е. они должны были замалчиваться по идеологическим или иным соображениям.

5. Подавляющее большинство авторов убеждено в том, что жизнь И.Я. Яковлева достойна подражания. Писатели вложили в образ Яковлева свои представления о том, каким должен был быть этот человек, поэтому реальное они отождествляли с вымышленным.

6. Приведенные примеры позволяют говорить о целостном явлении в чувашской литературе – яковлевской агиографии. Образ И. Яковлева бессмертен. Для каждого поколения литераторов он будет путеводной звездой.

Литература

1. *Минеева С.В.* Истоки и традиции русского агиографического жанра // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 2000. № 1. С. 21.
2. *Петров П.Т.* Мальчик из чувашского села: Повесть. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1983. 240 с.
3. *Барасов В.С.* Искусство литературного портрета. М.: Наука, 1976. 183 с.

Секция 5

ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ: ФОНОЛОГИЯ. ГРАММАТИКА (посвящается памяти Л.С. Левитской)

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ФИЛОСОФСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Л.Б. Абдуллина

Башкирский государственный университет, г.Уфа

Башкирский народ до XX в. не имел в своей среде профессионалов-философов, т.е. лиц, специально занимающихся философией. Тот факт, что философские идеи в башкирской культуре существовали с древнейших времен, не вызывает сомнений [Философская: 2001; Галимов, Багаутдинов, Ибрагимов: 2010]. Эпические памятники “Урал-батыр”, “Акбузат”, произведения поэтов-суфиев XVIII–XIX вв. Т. Ялыгулова, А. Каргалы, Х. Салихова, а также поэтов-просветителей рубеже XIX и XX вв. М. Уметбаева, Р. Фахретдина, М. Акмуллы и др. были оснащены философской тематикой и в последующем образовали фундамент башкирской философской терминологии.

Философская терминология в Башкортостане начала формироваться только в 30-е гг. XX в. Именно в этот период были предприняты первые попытки упорядочить башкирскую философскую терминологию. В 1931 г. под редакцией Б. Ишемгола, М. Баима и Г. Габбастара выходит в свет первый двуязычный переводный словарь по философии «Политико-экономическо-философские термины. Бюллетень №1». Словарь содержит около 3200 слов и словосочетаний. Из них всего лишь 3,1 % (около 100 слов и словосочетаний) составляют философские термины, остальные единицы – политические, экономические и общепотребительные слова и словосочетания исконно тюркского и башкирского происхождения. Только спустя 80 лет, в 2010 г., под руководством профессора Б.С. Галимова был разработан «Краткий толковый философский словарь». Данный словарь носит энциклопедический характер, в нем каждый термин не только переведен на башкирский язык, но и имеет его обширное толкование.

Развитие философской терминологии в башкирском языке шло следующими путями:

- а) путем использования исконно башкирских философских терминов: *сознание – аң, смерть – үлем, вера – ышаныс; ысынбарлык – действительность, бытие – йәшәйеш, бессмертие – үлемһезлек* и т.д.;
- б) путем заимствования терминов из арабского и персидского языков: *время* [араб.] – *вакыт, истина* [араб.] – *хәқиқәт, личность* [араб.] – *шахес, право* [араб.] – *хокук, религия* [араб.] – *дин, движение* [араб.] – *хәрәкәт, дух* [араб.] – *рух, душа* [перс.] – *йән, свобода* [перс.] – *азатлык, разум* [араб.] – *ақыл* и т.д.;

в) путем заимствования иноязычных терминов через русский язык: *абсолют* [рус. < лат.] – *абсолют*, *атеизм* [рус. < фр.] – *атеизм*, *гностицизм* [рус. < гр.] – *гностицизм*, *деизм* [рус. < лат.] – *деизм*, *детерминизм* [рус. < лат.] – *детерминизм*, *диалектика* [рус. < гр.] – *диалектика*, *идеализм* [рус. < фр.] – *идеализм*, *материя* [рус. < лат.] – *материя*, *рационализм* [рус. < лат.] – *рационализм*, *субстанция* [рус. < лат.] – *субстанция* и т.д.).

г) путем калькирования русских терминов: *бессознательное* – *ихтыярһыз*, *отчуждение* – *ситләшеу*, *познание* – *танһып белеу*, *закон единства и борьбы противоположностей* – *берҙәмлек һәм каршылыҡтар көрәше кануны*, *закон отрицания отрицания* – *кире кағыуҙы инкар итеу кануны*, *закон перехода количества в качество* – *һандың сифатка күсеу кануны*, *нравственные чувства теория* – *ахлаки тойғо теориялары* и т.д.

Из вышеуказанных примеров мы видим, что русский язык выступает в роли языка-посредника, пополнение словарного фонда башкирского языка новыми понятиями происходит под его влиянием. Среди иностранных заимствованных терминов большое место занимают грецизмы и латинизмы. Это объясняется тем, во-первых, что греческая и латинская философская терминология была хорошо развита, поэтому термины этих языков стали интернационализмами. Во-вторых, передать интернационализмы лексическими средствами национального языка трудно, а чаще всего невозможно.

Многие философские термины башкирского языка со временем вышли из употребления, вместо них появляются новые понятия, например: *теория познания* – *ағлау теүрежәһе* [Ишемгол, Баим, Габбастар: 1931, 67], *познание* – *ағлау* [Ишемгол, Баим, Габбастар: 1931, 57], *вероятность* – *асьа ытһимал* [Ишемгол, Баим, Габбастар: 1931, 42], *действительность* – *һыһыҡ* [Ишемгол, Баим, Габбастар: 1931, 44], *хаос* – *һыһыҡ* [Ишемгол, Баим, Габбастар: 1931, 70], *существо* – *торош* [Галимов, Багаутдинов, Ибрагимов: 2010, 66] и т.д.

Терминообразование является одной из общелингвистических проблем. Философская терминология башкирского языка в настоящее время находится в стадии активного формирования и развития своего лексического состава.

Однако в башкирском языкознании философская терминология до настоящего времени остается до конца не разработанной областью, что подтверждается и отсутствием философского терминологического словаря башкирского языка.

Необходимо отметить, что преподавание философии в средних и высших учебных заведениях Республики Башкортостан ведется на русском языке, а это не способствует развитию башкирской философской терминологии.

В заключение заметим, что в последнее десятилетие философия как наука в Республике Башкортостан получила динамичное и активное развитие, исследовались труды поэтов-суфиев, поэтов-просветителей, появились двуязычные словари по отдельным отраслям науки – лингвистической, экономической, общественно-политической, сельскохозяйственной, медицинской, технической и т.д., и теперь нет сомнений в появлении полного философского терминологического словаря на башкирском языке.

Литература

1. Краткий толковый философский словарь / Галимов Б.С., Багаутдинов А.М., Ибрагимов Г.Д. Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. 124 с.
2. Политико-экономическо-философские термины. Бюллетень № 1 / Сост. Б. Ишемгол, М. Баим и Г. Габбастар. Уфа: Башгиз, 1931. 73 с.
3. Философская мысль в Башкортостане. М., 2001. http://revolution.allbest.ru/philosophy/00000616_0.html

ÇUVAŞÇA SÖZCÜKLEŞME ÖRNEKLERİ I: ÇEKİMSİZ FİİL ŞEKİLLERİ VE ŞEKİL-ZAMAN KİPLERİ İLE GERÇEKLEŞEN KALİPLAŞMALAR*

(Модели лексикализации в чувашском языке I: лексикализация неличных форм глагола и наклонений временных форм)

Синан Гюзель**

Эгейский университет, г. Измир

0. Üzerine yapılan çalışmalarda ortak kabul ile İdil-Bulgar Türkçesinin bir devamı ve Ana Bulgarcanın günümüzdeki tek temsilcisi olarak görülen Çuvaşça, sahip olduğu kimi dil özellikleri ile yaşayan diğer Türk lehçelerinden ayrılmakta, bu durum da onu Türkoloji araştırmalarında ilgi çekici kılmaktadır. Türkçenin diğer

* Bu çalışma “Çuvaşça Sözcükleşme (leksikalleşme) Örnekleri” başlığıyla Çuvaşçanın söz varlığına yönelik belirlemelerimizi paylaşmayı düşündüğümüz bir dizi yazının ilk ürünüdür.

** Arş. Gör., Ege Üniversitesi, Edebiyat Fakültesi, Türk Dili ve Edebiyatı Bölümü, İZMİR, sinanserdarguzel@hotmail.com

«Культурное значение» слова привлекало внимание лингвистов начиная с XVII в., но особенно интенсивно разрабатывалось в XIX–XX вв. (Дж. Милль, Р. Ладо, Е. Найда и др.). Слова языка как социального явления несут на себе отпечаток жизни общества, его материальной и духовной культуры. Это «культурное значение» есть часть языка. Лингвострановедческая теория слова [Верещагин: 1980; Верещагин: 1990, 20–27; 43–45] ввела в обиход понятия: реалии, безэквивалентная лексика, лексический фон, фоновая и коннотативная лексика.

Национально-культурный компонент значения представлен в словах по-разному. Выделяются группы слов по степени их культурной окрашенности.

Реалии, или безэквивалентная лексика – слова и словосочетания, называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому. Отсутствие самой реалии, предмета в культуре народа, язык которого изучается, приводит к тому, что культурно-своеобразной становится вся семантическая структура слова, включая его основное значение и лексический фон. Реалии разных культур нашли отражение в словарях культурологической ориентации. К таким словарям можно отнести «Реалии русской культуры» (Муллағалиева, 2001), «Реалии башкирской культуры» (Самситова, 1999), «Реалии чувашской культуры» (Карпова, 2007) [Верещагин: 1990, 43].

Коннотативная лексика – это слова с добавочным символическим значением (от лат. *connotatio* – обозначение, то есть слова, имеющие сознание, добавочное значение). Эта группа слов отличается яркой национально-культурной спецификой, так как одно и то же слово в разных культурах может иметь разные коннотативные и символические значения.

Фоновая лексика – это слова, совпадающие по лексическому значению, но разные по лексическому фону, то есть имеющие дополнительное содержание значений о мире, стилистические и семантические оттенки, накладывающиеся на основное значение, известное говорящим на данном языке. Такие слова, как школа, книга, дом, совпадающие по лексическому значению и поэтому легко переводимые на другие языки, различаются своим лексическим фоном [Воробьев, Саяхова: 2006, 99].

Данная работа посвящена изучению лексики с национально-культурным компонентом значения на примере малых жанров чувашского фольклора, т.е. пословиц и поговорок, загадок, примет.

Пословицы – устойчивые изречения, ритмические и грамматически организованные, в которых зафиксированы практический опыт народа и его оценка определенных жизненных явлений. Поговорки – устойчивые изречения, образно определяющие какое-либо жизненное явление, прежде всего с точки зрения его эмоционально-экспрессивной оценки.

В пословицах и поговорках безэквивалентная лексика, или реалия, отражается очень часто: Пёр сурпана ик хёраһәм сырмаҫсё. – В один сурпан две женщины не наряжаются [Михайлов: 2006, 227]. (Сурпан – головная повязка замужних женщин в форме узкого полотенца с вышитыми концами.)

Ёмёрү сурпан пек вәрәм пултәр, хушпу кёмелё пек сүтә пултәр. – Пусть век будет долгим, как сурпан, светлым, как монета на хушпу (пожелание) [Михайлов: 2006, 94]. (Хушпу – женский головной убор, украшенный монетами и бусами.)

Аҫта сәра – унта сәрнай. – Где сәра, там и волынка [Михайлов: 2006, 56]. (Сәра – чувашский национальный напиток из ячменного солода и хмеля.)

Хуплава ҫинё чух, лашана чупна чух пёлессё. – Вкус хуплу познается во время еды, а качество коня – во время езды. (Хуплу – чувашское национальное блюдо, круглый пирог со сложной мясо-крупяной начинкой.)

Каләм каялла пәхать, мункун – малалла. – Каләм смотрит вспять, в прошлое, а мункун – вперед, в будущее. (Каләм – один из традиционных праздников весеннего обрядового цикла, посвященный ежегодному поминовению усопших предков. Мункун – праздник встречи весеннего нового года по древнечувашскому календарю.)

Ёслекен ёске ёлкөреймен, кахал кёреке кёрсе ларна. – Работящий не поспел на пирушку, а лодырь занял самое почетное место за столом – кёреке [Михайлов: 2006, 102]. (Кёреке – передний, красный угол избы; почетное место за столом.)

Çүпсе май хупалчи. – По сүпсе и крышка. (Соотв. в русск.яз. – По Сеньке и шапка) [Михайлов: 2006, 307]. (Çүпсе – выдолбленная из цельного дерева кадушка для пищевых продуктов или укладка для одежды.)

Айпалта айпә тимёрсе тивнё. – Погрешности айбылды достались кузнецу [Михайлов: 2006, 22]. (Айпалта – маленький топор, бывший в старину в употреблении у чуваш.)

Безэквивалентная лексика характерна и для чувашских загадок. К примеру:

Пусма вёсёнге пиҫмен хуплу ыргать. – У крыльца лежит невыпеченное хуплу (собака).

Кәмака ҫинче пуҫламан ийрттан ыргать. – На печке лежит непочатый шыртан (кошка). (Шарттан – домашняя колбаса круглой формы, начиненная мясом.)

Уйра шурә сурпан ыргать. – В поле лежит белый сурпан (тропка).

не основывается на объективных данных. Сведения о том, что Тимур в первый свой поход на Тохтамыш, проходя через кочевья казахов Каракума, заметил их, разгромил их улусы и повесил двух ханов – Амета и Самета, а затем отправил к ним для распространения ислама учителей, не говорят еще о том, что они (Амет, Самет) были сыновьями Алаша-хана. Скорее всего, предание, на котором основывается вывод Ч. Валиханова, возникло в связи с борьбой Урус-хана с Тимуром. Действительно, продвижение Тимура встретило яростное сопротивление со стороны Урус-хана и его сыновей, правителей Ак-Орды, известной еще и как улусы Алаша. Таким образом, вывод Ч. Валиханова о том, что Тамерлан, «который в своем походе на Тохтамыш [1392] убил детей первого киргизского (казахского. – Ж.А.) хана Алача», требует еще дополнительных аргументов.

А.П. Чулошников следуя во многом Ч. Валиханову, пишет «казахский народ сложился еще в половине XIV века, и первым ханом его называют Алача, прокаженного и гонимого сына туранского или туркестанского государя». Далее он отмечает следующее: «...эти казахи XIV в. ... были первой, не совсем удавшейся попыткой соединения всех недовольных и будировавших элементов степи». Мы не сомневаемся в том, что казачествующие общины в эпоху брожения складывались из беспокойных, воинственных элементов Великой степи и именно их образ жизни стал причиной появления этого названия. Но образование Казахского ханства происходило по другим причинам и предполагало участие в государствообразовательном процессе племен, входящих в этнополитический состав Ак-Орды. Именно эти коллективы называли свое сообщество по имени легендарного Алаша-хана, т.е. назывались «алаш мыны»: тьма из алаш, многочисленные алашы и т.д. Еще в эпоху правления Орыс-хана в последней четверти XIV века, эта группа племен стремилась к самостоятельности и стала именовать себя «алаш мыны».

Безусловно, еще в XIV веке, несмотря на сильные позиции чингизидов, память об Алаша-хане и о начале самостоятельного государства была достаточно жизнеспособной. Само возникновение Казахского ханства при Керее и Жанибеке в середине XV в. явление не столько связанное с распадом Золотой Орды и последующих федераций, сколько свидетельствующее о наличии определенной группы населения, заинтересованной в воссоздании своего национального государства. Несмотря на многие тысячелетия, преемственность государственной власти алашаханидов не ослабла. Степные племена всегда относили себя к народу алаш.

Именно поэтому исторические предания об Алаша-хане не только самые древние на территории Казахстана, но и самые известные. Ч. Валиханов назвал эти предания «общим народным сказанием, известным каждому киргизу (казаху. – Ж.А.), питающему хоть малую претензию на белобородство и старое ухо (*кәрі құлақ* – много слышавший)».

Мощная идеология государственности, зародившаяся еще в III–II тыс. до н.э. продолжала жить во времена гуннов, тюрков, огузов, карлуков, кыпчаков. На нее наслаивались кое-какие элементы, новые имена, но суть оставалась прежней. Зарождалась и генерировалась эта идея в степных просторах Сары-Арка.

В период образования Казахского ханства культ Алаша-хана оживляется снова и начинает служить новому национальному государству степных племен как национальная идея. Именно в этот период (XV–XVI вв.) в честь первого степного хана строится мавзолеев. Возможно, этот мавзолей построен там, где раньше находилась древняя святыня или жертвенник в честь Алаша-хана.

Литература

Геродот. История в девяти книгах / Перевод и примеч. Г.А. Стратановского, под общ. ред. С.Л. Утченко. Редактор перевода Н.А. Мещерский. Книга 9. Мельпомена. Л.: Наука, 1972.

ЛЕКСИКА С НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ ЗНАЧЕНИЯ В МАЛЫХ ЖАНРАХ ЧУВАШСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Н.С. Карпова

Стерлитамакская государственная педагогическая академия им. З. Биишевой, г. Стерлитамак

В последнее время одним из принципов обучения языкам является культурологическая направленность, то есть взаимосвязанное изучение языков и культур. Этому способствовало становление и развитие науки лингвокультурологии: основная цель которой – изучить взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в процессе его функционирования, а также интерпретацию этого взаимодействия как единую системную целостность. Лингвокультурология исследует национально-культурную семантику языковых единиц с целью понимания их во всей полноте содержания и оттенков, в степени, максимально приближенной к их восприятию носителями данного языка и данной культуры.

языки диллеринден şekil bilgisine (morfolojik) ve söz varlığına (leksikolojik) ilişkin unsurları ile farklı Çuvaşça, sözcükleşmenin türlü yollarının ileri örneklerinin görüldüğü bir Türk lehçesi oluşuyla da dikkat çekicidir.

Bu çalışmada sözcükleşmenin ek kalıplaşması olaylarına dayalı olarak ortaya çıkan çeşidi üzerinden, çekimsiz fiil şekilleri ve şekil-zaman eklerinin donuklaşması ile Çuvaşçada birer sözlük birimi haline gelen örneklerini ele almaya çalışacağız.

Bizim çalışmamızda üzerinde duracağımız *sözcükleşme* olgusu ise *biçim bilimsel* (morfolojik), *anlam bilimsel* (semantik) ve *söz dizimsel* (sentaktik) gelişimleri kapsayan kalıplaşma¹ olgusuna ait örnekleri içermektedir. Bir kök ya da gövde üzerinde bir biçim biriminin kendisinin ilk görevini zayıflatacak ve özel bir anlam ortaya çıkaracak biçimde kaynaşması yeni sözlük birimlerinin ortaya çıkmasına imkân tanımaktadır. Bu süreçte biçim biriminde gerçekleşen donuklaşma ve sözün anlam kayması sonucunda cümle içindeki değişik kullanımı, şekil bilgisi (morfoloji) ve anlam bilgisini (semantik) kaynaştıran bir dil olayının gerçekleşmesini de ortaya koymaktadır. (bk. Korkmaz 2000: 2). Daha Eski Türkçede *kirü* “batıda”, *yana* “tekrar”, *tüketi* “sonuna kadar”, *ğodi* “aşağı”, *yağru* “yakın”, *yiçe* “yeniden” (bk. Grønbech 2000: 34. §), *kop* “hep, tamam”, *top* “tamamen, hep” (ETG-2000: 126. §) gibi örneklerini izleyebildiğimiz, şekil bilgisine ve anlam bilgisine ait gelişimlerin iç içe girdiği, düzensiz işleyen bu türetme yolunun günümüz Türk yazı dillerinde de çok sayıda örneği bulunduğunu biliyoruz.

Yazımızın başlığında sınırları çizdiğimiz biçim birimleri ile gerçekleşen donuklaşmalar neticesinde Çuvaşçada yaşanan sözcükleşme olgusunu ve örneklerini şu başlıklar altında değerlendirebiliriz:

A. ÇEKİMSİZ FİİL ŞEKİLLERİ İLE GERÇEKLEŞEN KALIPLAŞMALAR

A.1. SIFAT-FİİL EKLERİNİN KALIPLAŞTIĞI ÖRNEKLER

Bilindiği gibi Türkçede sıfat-fiil ekleri, fiillerin sıfat ve isim olarak kullanılan biçimleri, kısacası fiillerin isim şekilleridir. Bunlar genel olarak geçici isimler yaparlar. Ancak kimi isimler donuklaşıp kalıcı isim haline geçerek birer fiilden isim yapma eki durumuna da girebilirler (bk. Ergin 1993: 333-334). Bu dil olayının gerçekleşmesinde kuşkusuz *eksiltimli* (eliptik) kullanımların etkisi büyüktür. Dilde türlü sebeplerle kimi zaman bir tamlama içindeki ikinci ögenin yani ismin çıkarılması söz konusudur. Bu tür durumlarda ilgili ismi herhangi bir özelliği ile nitelendirme görevi alan sıfat, o ismin bildirdiği kavramı kendi üzerine çeker ve bir kalıplaşmaya neden olur, böylelikle artık tümü birer kalıcı ad olan sözcükleşmiş birimler ortaya çıkarlar: *çıkış kapısı* > *çıkış* “çıkış kapısı” vb. (bk. Korkmaz 1992: 81; Korkmaz 2000: 41). Türkçenin genel yapısal bir özelliğini yansıtan *morfolojik* ve *semantik* gelişimleri kapsayan bu sıfat-fiil donuklaşmasının örneklerine Çuvaşçada da rastlamak mümkündür. Çuvaşçada, ölçünlü yazı dilinde yer alan sıfat-fiiller (bk. Andreyev 1961) arasında sözcükleşmeye uğrayarak kalıcı isimler oluşturan ek biçimlerini şu şekilde tespit edebildik: *-AkAn*, *-An*, *-As*, *-mas*, *-mAlih*, *-mAllA*, *-mAlli*, *-mAn*, *-mİş*, *-ni*.

A.1.1 -AkAn Şimdiki Zaman Sıfat-Fiil Eki: Bu ekin kalıplaştığı örnekler Çuvaşçada ad türünde sözler yaratmaktadır: **ıytkalakan** (ыйткалакан): “dilenci” (Ad); **kurakan** (куракан): “gören, şahit”-AŞM C. VI (Ad); **vıreneken** (вѣренекен): “öğrenci, çırak”-ÇRS (Ad) **vırenteken** (вѣрентекен): “öğretmen”-ÇRS (Ad) **vıştereken** (вѣстерекен): “tipi, boran”-ÇRS (Ad)

A.1.2. -An Geniş Zaman Sıfat-Fiil Eki: Çuvaşçada *-An* sıfat fiili ile sözcükleşen örneklerin çeşitli biçimleri bulunmaktadır. Söz konusu ek doğrudan tek bir fiilin üzerinde kalıplaşabildiği gibi, yapısında birden fazla unsurun bulunduğu söz birliklerinde donuklaşarak da bir sözlük birimleri oluşturabilir.

Fill + -An: **avtan** (автан) “horoz”-ÇRS (Ad); **çiken** (чикен) “dikiş, ilmik; sancı”-ÇRS (Ad); **pulan** (пулан) “her, rastgele”-ÇRS (Ad); **puyan** (пуян) “zengin”-ÇRS (Sıfat); **suran** (суран) “yara”-ÇRS (Ad); **şıran** (шыран): “kıyı, sahil”-ÇRS (Ad); **şimren** (çѣмрен) “ok”-ÇRS (Ad); **tıvan** (тăван) “akraba, hısım”-ÇRS (Ad); **tıren** (тѣрен): “saban demiri”-ÇRS (ad); **tusan** (тусан): “toz”-ÇRS (Ad).

Fill + -An + Fiil + -An: **irten-şüren** (иртен-çүрен): “gelip geçen, yolcu”-ÇRS (Ad); **kilen-kayan** (килен-каян): “ziyaretçi”-ÇRS (Ad); **kusan-şüren** (кусан-çүрен): “fauna, hayvanat”-ÇRS (Ad); **pıran-kilen** (пыран-килен) “gelen giden, yolcu”-ÇRS (Ad); **pulan-kilen** (пулан-килен) “rastlantı”-ÇRS (Ad); **pulan-pulman** (пулан-пулман): “herhangi bir, herkes”-ÇRS (Sıfat); **suran-yuhan** (суран-юхан): “kanamalı yara, hasta deri”-ÇRS (Ad); **şitan-yuhan** (шăтан-юхан): “çıban; cüzam”-ÇRS (Ad); **tuhan-kiren** (тухан-кѣрен): “ziyaretçi”-ÇRS; **üken-tıran** (үкен-тăран): “ıvır zıvır, eski püskü; hurda”-ÇRS (Ad; sıfat); **üsen-tıran** (үсен-тăран): “bitki örtüsü”-ÇRS (Ad); **vırtan-tıran** (выртан-тăран): “ıvır zıvır, eski püskü”-ÇRS (Sıfat); **yuhan-suran** (юхан-суран): “cüzam”-ÇRS (Ad); **yuhan-tıran** (юхан-тăран): “akar; akışkan”-ÇRS (Ad; sıfat).

Fiil+An +İsim: **yuhansıv** (юханшыв): “akarsu, çay”-ÇRS (Ad); **vışen kayık** (вѣсен кайăк): “kuş, kümes hayvanları”-ÇRS (Ad)

İsim + Fiil+ -An: **kısen-suran** (кѣсен-суран): “yara; uyuz hastalığı”-ÇRS (Ad); **mıyan-suran** (мăян-суран): “yabani ot”-ÇRS; **siyen-suran** (сиен-суран): “sıkıntı, bela”-ÇRS (Ad); **şıpan-şitan** (çăпан-шăтан): “çıban”-ÇRS (Ad).

İsim + Fiil+An: **şulşüren** (çулçүрен): “yolcu, göçebe”-ÇRS (Ad); **yunışen** (юнѣсен): “zalim”-ÇRS (Sıfat)

¹ Çalışmamızda *kalıplaşma* kavramını ifade etmek için *donuklaşma* sözünden de yararlanacağız.

A.1.3. -As; -mas Gelecek Zaman Sıfat-Fiil Eki: kanas (канас) “sakin, dingin, rahat; uslu”-ÇRS (Sıfat) **karas** (карас) “petek”-ÇRS (Ad); **pulas** (пулас) “gelecek, müstakbel; galiba, herhalde”-ÇRS (Ad; SGE); **şilles** (шиллес) “hırcın, öfkeli, kindar”-ÇRS (Sıfat); **pulmas** (пулмас): “hayal ürünü, uydurma, saçma; masal”-ÇRS (Ad); **utas** (утас) “adım”-ÇRS

A.1.4. -mAn¹: inman (әнман) “başarısız; talihsiz”-ÇRS (Sıfat); **kurayman** (курайман) “hakir”-AŞM C. VI (Sıfat); **kurman-iltmen** (курман-илтмен) “meçhul; benzersiz, şahane”-ÇRS (Sıfat).

A.1.5. -mAlla Gereklilik [Gelecek Zaman] Sıfat-Fiil Eki: huşmalla (хушмалла) “katlanır, açılır kapı”-ÇRS (Ad); **inenmelle** (ёненмелле) “inandırıcı”-ÇRS (Sıfat); **sisinmelle** (сисенмелле) “hissedilir derecede, çarpıcı; hayli”-ÇRS (Sıfat; Zarf); **tilinmelle** (тёлёнмелле) “şaşırtıcı, mükemmel, şahane”-ÇRS (Sıfat); **hivalamalla** (хаваламалла) “kovalamaca (oyun adı)” (ÇŞB 2009: 365) (Ad); **pitamalla** (пытанмалла) “saklambaç (oyun adı)” (ÇŞB 2009: 365) (Ad); **makirmalla** (макәрмалла): (<makir- “ağlamak” + -malla) “acıklı”-ÇRS (Sıfat) **palirmallah** (паләрмаллах) “çarpıcı; hayli”-ÇRS (Sıfat; Zarf) **pulmalla** (пулмалла) “muhtemelen, galiba, herhalde”- AŞM C. VIV (SGE)

A. 1.6. -mAlli² Gereklilik [Gelecek Zaman] Sıfat-Fiil Eki + -i [TK3Kİ]: hutmalli (хутмалли) “yakacak”-ÇŞB (Ad); **iymalli** (иймалли): (<*iy-³ “oymak” + -malli) “boncuktan yapılmış bir kadın süsü”- AŞM C. III (Ad); **işmelli** (ёשמелли) “içecek”-ÇRS (Ad); **kirmelli** (кёмелли) “giriş”-ÇŞB (Ad); **larmalli** (лармалли) “oturak, oturacak”-ÇRS (Ad); **sıpmalli** (сыпмалли) “içecek”-ÇRS (Ad); **şirtmelli** (şыртмалли) “çerez, meze”-ÇRS (Ad); **şimelli** (şимелли) “yiyecek, besin, gıda”-ÇRS (Ad); **turtmalli** (туртмалли) “tütün”-ÇRS (Ad); **vilyamalli** (вылямалли) “oyuncak”-ÇRS (Ad); **viñmelli** (витёнмелли) “yorgan, battaniye”-ÇRS (Ad).

Çuvaşçada +mAlli ekli biçimlerdeki sözcükleşme süreci kimi zaman da kendisini kelime grubu şeklinde göstermektedir (Durmuş 2009: 367):

aça şuratmalli şurt (ача şуратмалли şурт) “doğumhane”-ÇRS (Ad); **çupmalli şul** (чупмалли şул): “koşu yolu”-ÇRS (Ad); **hutmalli metr** (хутлатмалли метр): “katlanır metre”-ÇRS; **huşmalli şışi** (хушмалли şёşё): “katlanır bıçak”-ÇRS (Ad); **kanmalli kun** (канмалли кун) “tatil, hafta sonu”-ÇRS (Ad); **kipe şumalli maşina** (кёпе şумалли машина): “çamaşır makinesi”-ÇRS (Ad); **kurmali zal** (курмалли зал): “sinema salonu”-ÇRS (Ad); **larmalli talon** (лармалли талон): “biniş kartı”-ÇRS (Ad); **lartmalli yiviş** (лартмалли йывёş): “fidan”-ÇRS (Ad); **pil yuhtarmalli maşina** (пыл юхтармалли машина): “bal çekme makinesi”-ÇRS (Ad); **sıpmalli yiviş** (сыпмалли йывёş): “kamiş, kalemlik bitki”-ÇRS; **sutmalli yumah** (сутмалли юмах): “bilmece”-ÇRS; **şihmalli yip** (şыхмалли йёп) “örgü şiş”-ÇRS (Ad); **şivirmalli pülüm** (şывәрмалли пүлём): “yatak odası”-ÇRS (Ad); **şuntarmalli yapalases** (şунтармалли япаласес): “yakacak, yakıt; akaryakıt”-ÇRS (Ad); **şüş kasmalli maşina** (şüş касмалли машинка): “tıgaş makinesi”-ÇRS (Ad); **tupmalli yumah** (тупмалли юмах): “bilmece”-ÇRS (Ad); **tuptamalli molot** (туптамалли молот): “çekici, balyoz”-ÇRS (Ad); **uriltarmalli plim** (урьлтармалли пүлём): “ayıltma odası”-ÇRS (Ad); **virmalli maşina** (вырмалли машина): “biçerdöver”-ÇRS (Ad); **vulamalli kineke** (вуламалли кёнеке): “okuma kitabı”-ÇRS (Ad).

A.1.7. -mİş Geniş Zaman Sıfat-Fiil Eki

Arkaik bir sıfat-fiil eki olan bu biçimin Çuvaş yazı dilinde kalıplaştığı önemli sayıda örneği yer almaktadır (bk. Pavlov 1965: 282; Andreyev 1961: 249-250).

aptıratmış (аптәратмёш) “can sıkıcı, sımaşık”-ÇRS (Sıfat); **aptratmış** (аптратмёш): bk. **Aptıratmış**; **astarmış** (астармёш) “baştan çıkarıcı, sımaşık; ahlaksız”-ÇRS (Sıfat); **hıratmış** (хәратмёш) “bostan korkuluğu”-ÇRS (Ad); **hivitmış** (хёвётмёш) “ara bozucu”-ÇRS (Sıfat); **huplamış** (хупламёш) “uykucu”-ÇRS (Sıfat); **ilirtmiş** (илёртмёш) “çekici; baştan çıkarıcı (Sıfat); **kantarmış** (кантармёш) “can sıkıcı, sımaşık”-ÇRS (Sıfat); **kiptirmiş** (кәптәрмёш) “hantal; güçsüz; cimri”-ÇRS (Sıfat); **kukletmiş** (куклетмёш) “büyük”-ÇRS (Sıfat); **(kultarmış** (култармёш) “maskara, komik”-ÇRS (Sıfat); **kurmış** (курмёш) “kader, alınyazısı”-ÇRS (Ad); **lirkamış** (ләркамёш) “mızımız”-ÇRS (Sıfat); **mikirtatmış** (мәкәртатмёш) “mızımız”-ÇRS (Sıfat); **piçlamış** (пәçламёш) “katil, canı”-ÇRS (Ad); **piştermiş** (пиşтермёш) “alçak”-ÇRS (Sıfat); **pitirmiş** (пётёрмёш) “uykucu, mahvedici”-ÇRS (Sıfat); **pitirmiş** (пәтәрмёш) “karışık, dolaşık”-ÇRS (Sıfat); **pitmiş** (пётмёш) “son, bitim”-ÇRS (Sıfat); **pitratmış** (пәтратмёш) “haset, fesat”-ÇRS (Ad); **puşlamış** (пуşламёш) “baş, başlangıç, ilk”-ÇRS (Sıfat); **puşvatmış** (пуşватмёш) “bilmece”-ÇRS (Ad); **şirmiş** (şырмёш) “kader, alınyazısı” (Fedotov 1996a: 428) (Ad);

¹ Bu eki *karman* “istihkâm”, *kışmen-kışmen* “kürek” gibi sözlerde yer alan ve Eski Türkçe *-man/-mān* ile ilgili olduğu düşünülen (Fedotov 1996a: 337) Çuvaşça fiilden isim yapma eki *-mAn* ile karıştırmamak gerekir. Bizim örneklerini sunduğumuz *-mAn* biçimi ise *-nĭ*, *-AkAn* ve *-An* sıfat-fiillerinin olumsuz olarak kullanılan ve sınırlı sayıda örnekte sözcükleşen bir biçim birimidir.

² Bu ek gelecek zaman sıfat-fiili *-mAlla* biçiminin teklik 3. kişi iyelik eki *-i* ile birleşmesi ile oluşmuştur (Andreyev 1961:27)

³ *iymalli* sözünün kök kısmı olarak beliren *iy-* fiili Çuvaşçanın ölçünlü yazı diline ait sözlüklerinde (ÇRS, AŞM vb.) yer almamaktadır. Ayrıca Çuvaşçanın iki büyük kökenbilim sözlüğü Fedotov 1996b’de ve Yegorov 1964’de de bu biçime rastlayamadık. Ancak anılan fiilin *iyi* “oyma kalemi” biçimindeki isim şekli GT *oy-* “oymak”~ Çuv. **iy-* “oymak” paralellliğini ortaya koymaktadır. Çuvaşçanın *oy-* fiilini *iyi* “oyma kalemi” örneği üzerinden kurgulayarak **iy-* olarak belirleyen Yegorov (1964: 39) her ne kadar **iy-* biçimini anmamış olsa da eş anlamlı ortak isim şekilleri bakımından bunların aynı fiiller olduğu açıktır: GT *oy-* ~ Çuv. **iy-* ~ **iy-*.

privязки к той или иной эпохе, то обычному слушателю трудно разобраться в нарицательности образа главного персонажа. Благодаря легенде и господству культа предков образ Алаша-хан всегда актуален в политической жизни казахского общества. Поэтому казахское шежере имеет полное основание заявить о том, что казахи стали известны истории только со времен Алаша-хана, хотя само мифологическое содержание легенды говорит о древности этого начала.

Наиболее сложный вопрос – определение хронологических привязок эпохи Алаша-хана, первого легендарного казахского хана. Существующие легенды и исторические предания дают лишь косвенные ориентиры. Через них проскальзывает седая древность – порядок, слагающийся из хаоса, государственность, формирующаяся из разрозненных групп людей. Как явствует из легенд, самостоятельное государственное начало кочевников Евразии складывается еще на заре пастушества. В те времена тюрки и монголы еще не выделились из основного массива алтайских племен. В свою очередь, у алтайских, индоевропейских и других народов существуют различные параллели, свидетельствующие о существовании у них общего культа «Алаша-хана». На наш взгляд, этот культ был связан с формирующимся культом коня. Возможно, речь идет об эпохе энеолита, о временах господства в степях племен, родственных шумерам, хеттам или другим народам, являющихся предками ариев, туров, хьонитов (кияны, или кияты) и других этносов Великой степи.

Эпоха бронзы известна крупнейшими сдвигами в хозяйственно-культурном плане. Значительное место в комплексном хозяйстве племен эпохи бронзы занимала древняя металлургия. На огромнейшей территории Казахстана и в особенности в его северо-центральных районах добывались тысячами тонн цветные металлы, особенно медь. Речь идет о формировании в эту эпоху крупного центра металлургии, который обеспечивал драгоценным металлом всю Евразию. Итогом этого процесса, безусловно, являются два результата:

– во-первых, начал функционировать крупнейший путь торговли между Югом и Севером. Этот меридиональный путь соединил такие древние цивилизации, как Индия, Китай, Иран и Греция, со степной зоной Евразии. Этот медный путь позже стал именоваться Сарыуским трактом, поскольку основная часть маршрута проходила по берегам р. Сарысу, единственной водной артерии, связывающей юг и север Казахстана;

– во-вторых, подобное развитие социально-экономических процессов не могло не привести к складыванию сильной политической системы. К этому времени относится и формирование культа Алаша-хана, как олицетворения единства кочевых племен и сакральности складывающейся властной структуры. Основным строительным материалом этого культа служили легенды и предания пастушеских племен – коневодов эпохи энеолита. Таким образом, начало государственности на степной территории Казахстана восходит к III–II тыс. до н.э. По мере продвижения степных племен на юг культ Алаша хана, воспоминания о нем как о первопродке тюрков и монголов и устроителя первого государства попадают в западные и восточные исторические своды. В числе скифских народов, перечисленных Геродотом, встречается народ, именуемый «алазон», который живет «вдоль реки Гипаниса к западу от Борисфены» [Геродот: 1972, 293]. В другом месте своей «Истории» Геродот пишет об аргиппеях, где как мужчины, так и женщины плешивы от рождения» [Геродот: 1972, 294]. Не отголоски ли это древних сказаний центральноазиатских племен о народе алаш?! Производными от «алаш» является древнеславянские слова «лошадь», «лачуга», «алашить» и т.д. На индоевропейских языках существует калька от этого слова – «пеку» (пегий, т.е. пестрый, от древнетюркского и монгольского «ала» (алаг) в значении «богатство, движимое имущество, скот»). Ближе к этой основе латинское слово «пегас» – крылатая лошадь и т.д. Индоевропейское понятие «пегас» имеет параллель с казахскими древними легендами о воительнице по имени Бегазы. Старики, обитающие у живописных гор Бегазы, указывают место (у родника) где хранился долгие столетия череп ее крылатого коня (*тұлпар*). Крупнейшие памятники финального периода эпохи бронзы, в частности Бегазинские курганы, сооружались, безусловно, в честь правящей элиты. Есть полное основание говорить о них как о царских курганах. Следовательно, царские династии существовали на территории Центрального Казахстана в государственных образованиях поздней бронзы. Одна из отличительных черт этих царских курганов – наличие обходной галереи, которая в классическом виде в позднейших сооружениях встречается только в мавзолее Алаша-хана.

Если Рашид ад-Дин вводит в библейскую интерпретацию ранней истории человечества Алаша-хана [Алынша, Абулджа], то это не по незнанию. Видимо, древность этой великолепной мифической фигуры была настолько несомненной, что историк не мог просто так проигнорировать ее. Таким образом, Алаша-хан как родоначальник тюрков и монголов, как основатель первого государства древних кочевников Евразии находит свое место в восточной историографии.

Предположение позднейших авторов (Ч. Валиханов, А.П. Чулошников) о датах жизни Алаша-хана, определяемых ими как вторая половина XIV в., противоречит сведениям ранних источников и

Наиболее древнее упоминание, известное нам из письменных источников, принадлежит перу Рашид ад-Дина, величайшего историка Востока (сер. XIV века).

Генеалогический свод Абулгази Бахадур-хана существенно дополняет приведенные материалы. Хотя он так же, как и свой предшественник, свое изложение истории тюрков начинает с библейских сказаний, но вводит в нее значительное количество народных преданий. По Абулгази-хану Алаша-хан не современник Яфета, а его потомок в шестом колене: Яфет–Тюрк–Тутук–Ильча-хан, Диб–бакуй–Киюк-хан – Аланча-хан. Последняя интерпретация является более правдоподобной. Как бы то ни было, Алаша-хана от времени Великого потопа отделяет более или менее значительный отрезок времени.

В видении знатока шежире Курбангали Халида Алаша-хан – первый казахский хан, т.е. родоначальник вообще всех ханов и праотец монголов и татар. В подтверждение своих выводов К. Халид приводит материалы исторического фольклора казахов. Время Алаша-хана (Алынша) – доисторическая эпоха, когда народы алтайской языковой семьи были едины и не существовало тех различий, которые имеются между тюркоязычными (казак) и монголоязычными (калмак) народами и т.д.

Несколько интересных фрагментов легенды об Алаша-хане было записано Ч. Валихановым, который, как известно, высоко оценивал их достоверность. Предание, записанное Ч. Валихановым, отличается от предыдущих некоторыми элементами: “Давно, очень давно, был в Туране государь по имени Абдулла, а по другим Абдул Азис-хан. У этого государя был прокаженный сын, названный потому Алача – пестрый. Отец его, исполняя древний обычай изгонять всех одержимых этой прилипчивой язвой, изгнал и сына своего. В то же время многие подданные, недовольные жесткостью Абдуллы и побуждаемые голодом, отправлялись в степи, лежащие на север от р. Сыр, в пески Каракум и Бурсук и начали казачествовать. Храбрые и удалые батыры усилились до трех сотен и приобрели в скором времени известность, силу и богатство. Проходит несколько лет... среди трех сотен является мудрый старец Алач (иностранец, чуждый) и говорит им речь до того сильную и убедительную, что казаки провозглашают его своим родоначальником и судьей, а по его совету приглашают прокаженного сына Абдуллы Алача и ставят его ханом. Таким образом, степные бродяги-казаки, сделавшиеся уже благоустроенным обществом и в некотором смысле нацией (если слово это можно применить к народности кочевой), в ознаменование своей независимости, отдельности, в память именно своего Алача и отца – судьи Алача, назвались Алач, или по числу сотен – Уч-Алач (три сотня). Так народ Алач сделался народом Алача, а Алача его ханом”.

Мудрому старцу Алаш казахи приписывают большое количество своих народных традиций, связанных с правилами человеколюбия и благотворительности. К этому разряду относятся и обычай “конак асы”, который предполагает бесплатное угощение, приют и ночлег не только званому гостю, но всякому путнику-казаху. Этот обычай был настолько обязателен в традиционном обществе, что отказ в оном наказывался штрафом (айып) “ат-тон”.

Обычай, описанные в преданиях, относятся к разряду коренных, изначальных традиций кочевого общества казахов. Древность их может быть освидетельствована связью с родовыми устоями кочевников. Родственный принцип определяет основу всей общественной системы казахов, а помощь родичу – это обязательный долг. Человек, отказывающийся от благотворительности и конак-асы, восстанавливает против себя весь коллектив и общественное мнение. Все это грозит, в конечном счете, материальными расходами (штраф), а еще больше – нравственным наказанием, общественным презрением к нему соплеменников и чужеродцев, запретом на участие в общественных собраниях и праздничных мероприятиях. Самое страшное наказание в таких случаях – изгнание из рода – равносильно вообще смерти.

Казахские исторические предания изучал один из талантливых краеведов начала XX века, А.П. Чулошников. Доводы, приводимые исследователем, подтверждаются фольклористикой. Еще в середине XIX в. Ч.Ч. Валиханов одним из основных признаков древности и архаичности казахских исторических преданий называл простоту и бесхитрость языка и содержания.

Несколько вариантов легенд об Алаша-хане записал Г.Н. Потанин. Его вариант начинается с изложения того, что хан-отец жил около города Туркестан во времена, когда еще был жив Котан, родоначальник казахского народа. Родоначальника в разных сказаниях называют именами Алача, Котана и других старцев.

Шежире связывает начало казахского этноса с Алаша-ханом. Это утверждение – в традициях сильной персонализации истории и, безусловно, не противоречит истине. История казахского народа, да и всех кочевых народов Центральной Азии излагается через деятельность отдельных ханов и родоначальников. Таким образом, легенда об Алаша-хане и народе алаш в целом соответствует основным принципам историописания казахов, а образ Алаша-хана в самосознании казахского общества олицетворяет государственное начало. Поскольку в легендах отсутствуют хронологические

şilentermiş (шилентермеш) “öfkeye sebebiyet veren şey; öfke, kızgınlık”-ÇRS (Ad); **şimış** (шимеш) “yıkıcı, mahvedici”-ÇRS (Sıfat); **tarıhtarmış** (тарıхтармаш) “can sıkıcı; sırnaşık”-ÇRS (Sıfat); **tiketmiş** (төкетмеш) “utanmaz, edepsiz”-ÇRS (Sıfat); **tılintermiş** (төлентермеш) “şaşırtıcı, tuhaf”-ÇRS (Sıfat); **türmiş** (тәрмаш) “zenginlik, servet”-ÇRS (Ad); **tışmış** (тешмеш): (<tiş- “?” + -miş) “batıl inanç; önyargı”-ÇRS (Ad); **tuhatmış** (тухатмаш): “büyücü”-ÇRS (Ad) **tultarmış** (тулттармаш): “kolbasa, sucuk” (Andreyev 1961: 249) (Ad); **urmış** (урмаш) “kaçık, anormal”-ÇRS (Ad); **virtarmış** (вирттармаш) “sevindirici”-ÇRS (Sıfat); **yakatmış** (якатмаш) “müsrif, savurgan”-ÇRS (Sıfat); **yikiltemiş** (йөкөлтемеш) “alaycı”-ÇRS (Sıfat); **yilintarmış** (йәләнтармаш) “nazlı, inatçı; kaprisli”-ÇRS (Sıfat); **yipatmış** (йәпатмаш) “teselli edici”-ÇRS (Sıfat); **yirintermiş** (йөрөнтөрмеш) “alaycı”-ÇRS (Sıfat); **yirmiş** (йөрмеш) “karamsar, kötümser”-ÇRS (Sıfat); **yuntarmış** (юнттармаш) “nazlı, kaprisli”-ÇRS (Sıfat); **yüetmiş** (йүетмеш) “can sıkıcı”-ÇRS (Sıfat).

A.1.8. -ni¹ Geçmiş Zaman Sıfat-Fiil Eki + -i [TK3Kİ]

asirhatni (асәрхатни) “dipnot, not”- RÇS (Ad); **kaya yulni** (кая юлни) “rötar” (Ad); **savni** (савни) “sevgili, metres” (Ad);

A.1.9. -malih: Kalıplaştığı tek örneğe rastladığımız bu biçim birimini, *salmalih*, *şirmalih*, *huramalih*, *yilmelih* gibi +*li* eki almış -*ma* bitişli adlarla ilişkilendirmemek gerekmektedir.

asınmalih (асәнмаләх) “unutulmaz; hatıra”-ÇRS

A.2. ZARF-FİİL EKLERİNİN KALIPLAŞTIĞI ÖRNEKLER

Zengin bir zarf-fiil ek kadrosu olan Çuvaş yazı dilinde (bk. Pavlov 1953; Pavlov 1956) donuklaşarak sözcükleşen örneklerin sıfat-fiil eklerine göre çok daha az sayıda olduğu görülmektedir. Belirleyebildiğimiz örnekler üzerinden bu ekleri -*A*, -*Asla*, -*i*, -*mi*, -*se*, -*sen*, -*sessin*, -*iççen* ve -*maAsAr* olarak sıralayabiliriz.

A.2.1. -A: Bu ek ile yaşanan donuklaşmanın Çuvaşçada son çekim edatı olarak kullanılan sözler yarattığını görüyoruz: **kaşa** (каша) (SÇE); **kura** (кура) (SÇE); **pula** (пула) “sayesinde, yüzünden, nedeniyle” (SÇE); **şite** (сите) “kadar, dek, denli; tarzınca” (SÇE; Zarf); **tavra** (тавра) “çevre; kadar, dek, denli; tarzınca” (Ad; SÇE; Zarf).

A.2.2. -Asla; -maAsla: +*Asla* eki olumsuz biçimi ile birlikte Çuvaş yazı dilinde donuklaşarak kalıcı zarf sözler yapmaktadır: **asirhamasla** (асәрхамасла) “yanlışlıkla, kazara, tesadüfen”-ÇRS (Zarf); **manmasla** (манмасла) “unutulmaz; sağlamca, ebediyen, daima”-ÇRS (Zarf); **pirasla** (пырасла) “uygun, münasip; oldukça”-ÇRS (Sıfat; Zarf); **pulmasla** (пулмасла) “inanılmaz, imkânsız; son derece”-ÇRS (Sıfat; Zarf); **sismesle** (сисмесле) “gizlice, yavaşça”-ÇRS (Zarf); **şiyesle** (çиесле) “yıkıcı tarzda”-ÇRS (Zarf); **tavrinasla** (таврәнасла) “geri, dönüş yolu”-ÇRS (Ad); **tiranaymasla** (тәранаймасла) “hırsla, şevkle”-ÇRS (Zarf); **vilesle** (вилесле) “ölesiye; son derece”-ÇRS (Zarf); **vileresle** (вөлересле) “iyice, gayet, oldukça”-ÇRS (Zarf).

A.2.3. -i; -mi: şiti (çити) “kadar, dek, denli; tarzınca” (SÇE; Zarf); **hutlami** (хутлами) “pide, bazlama”-ÇRS (Ad); **irmi-kanmi** (ырми-канми) “yorulmaz; daimi”-ÇRS (Sıfat); **inlanaymi** (әнланайми) “anlaşılmaz”-ÇRS (Sıfat); **kurinmi** (курәнми) “görünmez, belirsiz”-ÇRS- AŞM C. VI (Sıfat); **manmi** (манми) “unutulmaz”-ÇRS (Sıfat); **sallanmi** (саланми) “yıkılmaz”-ÇRS (Sıfat); **tavirmi** (таврәми) “karşılıksız”-ÇRS (Sıfat); **uşilmi** (ушәлми) “gizli; anlaşılmaz”-ÇRS (Sıfat); **yurami** (юрәми) “işe yaramaz, bozuk, iskarta”-ÇRS.

A.2.4. -maAsAr: Çuvaş yazı dilinde çok sık bir kullanıma sahip olan bu zarf-fiil eki, durum zarfi olarak kullanılan sınırlı sayıda kalıcı isim yapmaktadır: **minkimillanmasir** (мәнкәмәлланмасәр) “sadece; serbestçe”-ÇRS (Zarf); **şavlamasir** (шавламәсәр) “sessizce; yavaşça”-ÇRS (Zarf); **şutlamasir** (шутламәсәр) “hariç; toptan, tümüyle”-ÇRS (Ad; Zarf); **imenmesir** (именмесәр) “korkusuzca”-ÇRS (Zarf).

A.2.5. -sA: -*sA* eki ile yaşanan kalıplaşmalar arasına *çinlasah* “gerçekten, sahiden”, *malanlasa* “ilkın, öncelikle” gibi örnekleri katmadık. Çünkü söz konusu örneklerde -*LA* + -*sA* > +*LAAs* şeklinde iki ayrı biçim birimi ile gerçekleşen bir donuklaşma söz konusudur. Bu da fiile doğrudan eklenen bir -*sA* biçiminden söz etmemizi imkânsız kılmaktadır. (bk. Güzel 2008). -*sA* ekinin bir sözlük birimi yarattığı tek örnek olarak belirlediğimiz *tese* ise Çuvaşçada son çekim edatı olarak kullanılmaktadır (Pavlov 1956: 270-271).

tese (теце) “diye; amacıyla, maksadıyla”-ÇRS (SÇE)

A.2.6. -sAn: pulsan (пулсан) “eğer, şayet; ise”-ÇRS (ŞK); **tesen** (тесен) “ise”-ÇRS (SGE).

-*sAn* eki ile donuklaşan kimi sözler Çuvaş yazı dilinde, *ma tesen* “çünkü, bu nedenle”, *mişin tesen* “çünkü, bu nedenle”, *urihla kalasan* “başka bir ifadeyle”, *apla pulsan* “öyleyse” gibi başka birtakım unsurlarla birlikte kullanılarak cümle başı edatı olarak görev alan biçimler de oluşturmaktadırlar.

A.2.7. -sessin: ma tesessin (тесессән) “çünkü, bu nedenle”-ÇRS (CBE)

A.2.8. -iççen: Hem fiil hem de isim biçimlerine gelebilen bu ekin bir eylem üzerinde donuklaşarak edat olarak kullanıldığı tek örnek yer almaktadır: **şitiççen** (çитиччен) “kadar, dek, denli”-ÇRS (SÇE)

¹ Geçmiş zaman sıfat-fiil eki -*ni/-ni*’nin teklik 3. kişi iyelik eki -*i* ile birleşmesi ile oluşan (Andreyev 1961:84) bu biçimi Çuvaşçada aynı yapısal birleşme ile ortaya çıkan mastar eki -*ni* ile karıştırmamak gerekir.

B. ŞEKİL VE ZAMAN EKLERİ İLE GERÇEKLEŞEN KALIPLAŞMALAR

Şekil ve zaman ekleri ile gerçekleşen sözcükleşme olgusu sıfat-fiil ve zarf-fiillerle olanlara kıyasla daha ileri bir donuklaşma sürecini ortaya koymaktadır. Bu başlık altında değerlendirdiğimiz örneklerde, *şekil bilimsel* (morfolojik) ve *anlam bilimsel* (semantik) gelişmelerin yanı sıra *söz dizimsel* (sentaktik) etkilerin de var olduğunu görüyoruz. Bu bakımdan, söz konusu biçimlerin, *sözcükleşmeden* önce birer çekimli fiil olduklarını, yani bunların birer cümle olduklarını unutmamak gerekir: *kurînat* “(o) görünüyor” > *kurînat* “anlaşılan, galiba, muhtemelen, ihtimal, sanki” vb. Fiil kök ya da gövdelerinde kalıplaşarak işlevsel özelliklerini yitiren bu biçimlerle ortaya çıkan sözcükleşmiş öğeleri daha açık ve anlaşılır kılmak için Çuvaş yazı dilinin edebî örneklerinden yararlanmaya çalıştık.

B.1. ŞİMDİKİ-GENİŞ ZAMAN EKİNİN KALIPLAŞTIĞI ÖRNEKLER

Şimdiki zaman ekinin *kur-* “görmek”, *kurîn-* “görünmek, görülür olmak, belirlemek”, *pır-* “görmek, varmak”, *pul-* “olmak; varlık kazanmak; gerçekleşmek” *pultar-* “-ebilmek, -mesini bilmek” fiillerinde kalıplaşarak sözcükleştiğini görmekteyiz.

Kur- + **Ş-GZ** + **KE**: **kuran** (курән): *kur-* “görmek” + *-at* [Ş-GZ] + *-(î)n* [TK2K] > *kurâtîn* > *kuran*¹ “galiba, anlaşılın, sanki”- ÇRS; AŞM C. VI (SGE).

Kurîn- + **Ş-GZ** + **KE**: **kurînat** (курәнәт): *kurîn-* “görünmek, görülür olmak, belirlemek” + *-at* [Ş-GZ] > *kurînat* “anlaşılan, galiba, muhtemelen, ihtimal, sanki”- ÇRS; AŞM C. VI (SGE)

Pır- + **Ş-GZ** + **KE**: **pırat** (пырат): *pır-* “görmek, varmak” + *-at* [Ş-GZ] > *pırat* “olur, tamam, kabul, peki; fena değil”- ÇRS; AŞM C. VIV (ÜE; Zarf)

Pul- + **Ş-GZ** + **KE**: **pulat** (пулат): *pul-* “olmak; varlık kazanmak; gerçekleşmek” + *-at* [Ş-GZ] > *pulat* “demek ki, o halde, demek oluyor ki, görülüyor ki, anlaşılıyor ki”- ÇRS; AŞM C. VIV (SGE); **pulma pultaraymast** (пулма пултараймасть): *pul-* “olmak; varlık kazanmak; gerçekleşmek” -*ma* [FİYE] + *-a* [VG] *pultar-* “-ebilmek, -mesini bilmek” + *-ay* [YF] -*mast* [Ş-GZO] > *pulma pultaraymast* “imkânsız” ÇRS (ÜE)

Pultar- + **Ş-GZ** + **KE**: **pultarat** (пултарат): *pultar-* “-ebilmek, -mesini bilmek” + *-at* [Ş-GZ] > *pultarat* “bravo, aferin” ÇRS (ÜE)

Te- + **Ş-GZ** + **KE**: **ten** (тен): *te-* “demek, söylemek” + *-et* [Ş-GZ] + *-(î)n* [TK2K] > *teîñ* > *ten*² “belki, belki de, ihtimal, muhtemelen”-ÇRS; AŞM C. XIII (CBE); **teşşi** (теççә): *te-* “demek, söylemek” + *-şşi* [Ş-GZ] > *teşşi*³ “sözüm ona, güya, sanki, -miş gibi”-ÇRS (SGE); **tet** (тет): *te-* “demek, söylemek” + *-et* [Ş-GZ] > *tet* “sözüm ona, güya, sanki, -miş gibi”-ÇRS (SGE); **teten**⁴ (тетән): *te-* “demek, söylemek” + *-et* [Ş-GZ] + *-(î)n* [TK2K] > *teten* “muhtemelen, belki”-AŞM C. XIII (CBE)

Yura- + **Ş-GZ** + **KE**: **yurat** (юрәт): *yura-* “işe yaramak” + *-at* [Ş-GZ] > *yurat*⁵ “tamam, olur, iyi” ÇRS; AŞM C. V (ÜE)

¹ Tatarca *küresêñ* “anlaşılan o ki, belki, galiba” (TRS; TG 2002: 338) sözü hem yapısal (FK+ Ş-GZ+TK2K) hem de anlamsal olarak tam da Çuvaşça *kuran* (<kur-at-îñ) “galiba, anlaşılın, sanki” ile paraleldir.

² *ten* sözünde de *kuranda* olduğu gibi bir kısalma söz konusudur. İki biçimde de artık yapısal olarak şimdiki-Geniş zaman ekleri birer biçim birimi olarak belirgin değildir. Çuvaşistan’ın kimi rayonlarında bu türdeki biçimlerin çok yüksek sıklıkta ve yaygınlıkta kullanıldığı bilinmektedir: *kayâtîn>kayan, kayâtîp>kayap, kaymastîp>kaymap, kayaşşi>kayaş, kaymaşşi>kaymaş, kîmeşşi>kîmeş* vb. (Kotleyev 1963: 46-47).

³ *teşşi* ve *te* sözleri, Çuvaşçada kendileri gibi birer gramerleşmiş şekil olan *ikken, imiş* ve *pulñ* sözleri ile belirsiz geçmiş zaman oluşturmaktadırlar. *te* gramerleşmiş bir biçim olarak ayrıca *ikken* ve *miş* sözleri ile bildirme ve tasarlama kiplerine getirilerek rivayet birleşik zaman da yapmaktadır. (ÇŞB 2009: 307). Burada örneklenerek açıklanmaya çalışılan *teşşi* ve *te* sözleri ise uğradıkları gramerleşmenin yanı sıra ifade ettikleri dolaylılık ile Çuvaşçada birer sözcükleşme örneği olarak düşünülebilirler. Rusçanın бұдто “sanki” sözü için *Virîsla-Çıvaşla Slovar*’da *teşşi* ve *te* karşılıklarının verilmesinin bu durumu daha iyi açıkladığını düşünüyoruz (bk. RÇS 2002). Fedotov bu iki örneği Tat. *diy, diyler* “güya, sanki” (TRS) ve Ttü. *diye* biçimleri ile karşılaştırarak açıklamaya çalışmıştır. (1963: 47). Fedotov’un andığı Tatarca sözler, ilişkilendirmeye çalıştığı Çuvaşça biçimler ile anlamsal ve yapısal olarak örtüşmesine rağmen, Ttü. *diye* (di-y-e) sözü için ne anlamsal ne de yapısal bir benzerlikten söz edemeyiz. *diye* sözü yalnızca ortak *de-* (Çuv. *te-*, Tat. *di-*) fiilinde yaşanan kalıplaşma bakımından anılabilir.

⁴ Aşmarin *teten* sözünü *te-i-ten* şeklinde çözümlenmiş, ancak yapısal unsurları üzerinde başka herhangi bir açıklama yapmamıştır (AŞM C. XIII). Sözü “muhtemelen, belki” biçiminde anlamlandırılması yine aynı anlamlarda kullanılan *ten* (<te-et-îñ) “belki, belki de, ihtimal, muhtemelen” sözünü akla getirmektedir. *teten* şeklini yapısal unsurları açıklanmamış *te-i-ten* ile ilgili değil, *ten* sözünün kısalma sürecindeki bir biçimi olarak görmenin de mümkün olacağını düşünüyoruz. Bilindiği gibi *ten, te-et-îñ*’den kısalma söz değildir, ancak *te-et-îñ* > *ten* olmadan önce bir ara aşama gereklidir, bu da *teten* olmalıdır: *teîñ>teten>*teen>ten*. Her ne kadar *ten* biçimi gibi ileri bir kısalma uğramış olsa da *kuran* (<kur-at-îñ) sözünün yapısında gerçekleşen kısalma ve vokal genişlemesinin açıklamamıza delil oluşturacağını düşünüyoruz, çünkü anılan bu dil olayları *teten*’in yapısal ve anlamsal gelişimi ile birebir örtüşmektedir.

⁵ Çuv. *yurat* ve Tat. *yariy, yarıy, yarar* “tamam, iyi, olur, güzel” (TTAS) örnekleri arasında anlam ve yapı bakımından tam bir eşlik söz konusudur. Tat. *yara-* ~ Çuv. *yura-* + S-GZ + T3K.

«Ләйлә белән Мәжнүн» дип аталган кулъязма текстларның иң күләмлесе – татар журналисты Борһан Шәрәф (1883–1943) китаплары арасынан Флора Әхмәтова тапкан вариант. Ул 32 битне тәшкит итә. Язылу вакыты, урыны, күчәрүче-авторы күрсәтелмәгән. Әсәр Бакый ага Урманче тарафыннан хәзерге язуга күчәреләп, «Татар халык ижаты» жыентыгында урын алган [Татар: 1984, 174–206]. Эчтәлегә белән дастан Низаминьң атаклы әсәрәнә якын тора, әмма аермалар да шактый. Мәсәлән, биредә Мәжнүн Нәүфәл кызына өйләнми, сюжет башкачарак юнәлеш ала, Мәжнүн, Нәүфәлгә хәтерә калып, сахрага китә, ахырда, Ләйләнәң вафатын ишетеп, Ләйләдән читтә түгел, Ләйлә кабере янында үлә һ.б.

Милли версиянең янә берничә варианты Мирасханәдә саклана [Мирасханә: 39]. Бер кулъязма текстолог Нәжип Исмагыйлев тарафыннан табылып, хәзерге язуга күчәреләп, басылып та чыкты [Исмагыйлев: 1991, 5–14]. Янә бер кулъязманы тарихчы Жәүдәт Миңнуллин тапкан һ.б. Әле XIX–XX йөз башына кадәр «Ләйлә – Мәжнүн» сюжетына әсәрләр ижат итү дәвам иткән, аның кулъязмалары бүгенгә көнгәчә табыла тора.

М. Әхмәтжанов әлегә сюжетка ижат ителгән кулъязмаларга махсус мәкалә багышлаган иде [Әхмәтжанов: 2000, 192–196]. Галим шулай ук «Ләйлә белән Мәжнүн» дастаны кулъязмаларын «дастанның янәрак дәвер татар тормышына яраклаштырылган версиясе» дип саный.

«Ләйлә белән Мәжнүн» сюжеты татар халкында чыннан да бик популяр булган. Әллә ничә вариантта Татарстан территориясендә табылган кулъязмалар шул хакта сөйли. Борынгы әдәбиятның гүзәл әдәби әсәрләре тәэсирендә үз жирлегәбездә туган китаби дастаннарыбызның һәркайсы аерым игътибарга лаек. Аларның күбесе гарәп язусы белән язылган кулъязма килеш сакланалар. «Ләйлә белән Мәжнүн» кулъязмаларының һәрберсен текстологик эшкәртеп, өйрәнәп, халыкка кире кайтарасы иде.

Әдәбият

Әхмәтжанов М. Татар кулъязма китабы. Казан: Татар. китап. нәшр., 2000. 270 б.

Исмагыйлев Н.Ф. «Ләйлә белән Мәжнүн» сюжетының татарча прозаик версиясе // Әдәби мирас: эзләнүләр, табышлар. Казан, 1991. 196 б.

Литературная энциклопедия. Т. VI. М.: Советская энциклопедия, 1932. 920 б.

Мирасханә: 39 колл, сакл. бер. № 5014, 5015 һ.б.

Татар халык ижаты. Дастаннар. Казан: Татар. китап. нәшр., 1984. 382 б.

АЛАША-ХАН И ЕГО ЭПОХА

Ж.О. Артыкбаев

Евразийский Национальный Университет им. Гумилева, г. Астана

Материалы по Алаша-хану, сохранившиеся как в казахской устной традиции, так и в записи средневековых историков Востока и Запада, являются квинтэссенцией предлагаемой в данной статье гипотезы этногенеза казахов. Вокруг этой легендарной фигуры в устной традиции казахов создана концептуальная версия истории Великой степи. Вместе с тем она же служит цементирующей идеологией традиционного казахского общества, как, вероятно, в этом качестве она служила для кочевых тюрко-монгольских народов на протяжении многих тысячелетий. Казахская пословица «Атамыз – Алаш, кереміз – ағаш», т.е. «Наш предок – Алаш, наше жилище – юрта», однозначно свидетельствует о древности и исконности этого символа кочевого мира. Если сравнивать различные фольклорно-исторические материалы из разряда устной традиции, то цикл рассказов об Алаша-хане является наиболее древним и в то же время центральным, Это отмечено неоднократно нашими предшественниками (А. Левшин, Ч. Валиханов, А. Чулошников и др.). Родословная Алаша-хана нам в подробностях неизвестна, полагаем, что ее в реальности и не было, поскольку речь идет о нарицательном образе, олицетворяющем древнейшую эпоху. Казахское шежире предполагает, что Алаша-хан – сын одного из известных правителей Средней Азии (Абдолла-хан, Кызыл Арыстан-хан, Абдул Азиз-хан).

Казахское шежире представляет раннюю биографию Алаша-хана, как царственного изгнанника, не признанного своим родным отцом и обреченного вести бродячий образ жизни. Тогда же определяется место его обитания – правобережье Сырдарьи, предгорья Алатау и Каратау. Первоначальная отличительная черта принца – его пегость: он весь родился в пятнах, как сорока (сауыскандай).

В одном из своих интересных этюдов по истории М.Ж. Копеев возвращается к этой теме. Алаша-хана он уже относит к числу великих мужей древности, происхождение которых неизвестно последующим поколениям.

Мы также полагаем, что присутствующее в шежире имя отца Алаша-хана, Кызыл Арыстан-хана, скорее было наложено к этой генеалогической легенде позже. Возможно, что оно было внесено в караханидскую эпоху. Истории известна династия Арслан-ханов правивших среди карлуков.

Татар – китаплы халык. Бездә басма китап турында XVIII йөз башыннан гына сүз алып барып булса, кулъязма китапның исә тамырлары шактый тирән. Татар кулъязма китабын өйрәнүче аз санлы галимнәребез аның бик борынгы, бай һәм зур тарихка ия булуын асызыклылар [Әхмәтжанов: 2000, 3–4].

Әле соңгы көннәргәчә әдәбиятчы һәм тарихчылар тарафыннан табылып торучы татар кулъязмалары бихисап. Әйе, фольклорчы белгеч информанттан кулъязма сорамый, нигездә телдән ижат ителгән әсәрләр белән эш итә, шулар турында мәгълүмат туплый. Ә кулъязма әсәрләр тарихчы яки әдәбиятчыларыбызның игътибар объекты булып кала. Юкса татарлар яшәгән төбәкләрдә әледән-әле табылып торган дини, әдәби, юридик, медицина һ.б. өлкәләргә караган исәпсез кулъязмалар арасында иң зур күпчелекне дастаннар тәшкил итә. Язма ижат булганга күрәме, моңа кадәр татар китаби дастаннарын халык ижаты буларак карау, китабиликка мөнәсәбәтә ягыннан аларны өйрәнү күлгәдә кала килде. Ә татарларның исә зур күпчелек дастаннары – кулъязмада. Болар – китаби дастан терминына лаек халык ижаты жанры.

Индивидуаль ижат һәм фольклор чигендә торган яки аларның синтезыннан гыйбарәт әсәрләр шактый күп. Шуларның берсе – Ләйлә белән Мәжнүн мәхәббәтенә багышланган үлемсез сюжетка корылган дастаннар.

Бу әсәрнең дөнья мәданияте өчен әһәмияте әйтеп бетергесез.

Ләйлә белән Мәжнүн – Көнчыгышта бәхетсез гашыйклар турындагы гаять популяр гарәп риваяте каһарманнары. Риваять буенча, чыгышлары белән гашыйклар бер-берсенә дошман ике кабиләдән булалар. Ләйләне башка берәүгә кияүгә биргәч, Кайс (егетнең исеме), үз кабиләсеннән китеп, чүлдә ялгыз яши башлый, мәгъшукасы турында жырлар ижат итә. Аңа Мәжнүн кушаматы тагалар, «мәжнүн» акылын жуйган, шашкан дигәнне аңлата. Нәтижәдә Ләйлә дә, Мәжнүн дә, бер-берсеннән читтә, сагынып-саргаешып үләрләр [Исмәгыйлев: 1991, 155].

Өлеге сюжет алга таба фарсы һәм төрек романтик дастаннарына, шулай ук суфи шагыйрьләр ижатына килеп керә. Шундый әсәрләр арасында иң мәшһүрә – фарсы шагыйре Низами Ганжәви поэмасы (1188 елда язылып беткән).

Низами Ләйлә белән Мәжнүн турындагы мәгълүм гарәп риваятенә әдәби бөтенлек, төгәллек өсти, каһарманнарның холык-фигыле билгеләнә, аларның гамәлләре психологик мотивлар белән ныгытыла. Поэманың гомуми трагик концепциясе – Кайс һәм Ләйләне яндыручы, бер-берсен сөйгән бу ике жанны рухи дәрәжәдә кушылуга этәрүче көчле илаһи мәхәббәт. Шушы мәхәббәтне тасвирлап бирү, драматик коллизияләр Низами әсәрнең бер бөтен поэма итә дә.

Тамыры VII–VIII гасырлардагы реаль вакыйгаларга, шәхесләргә барып тоташучы бу сюжет төрле халыкта хисапсыз күп әсәрләр барлыкка килүгә сәбәп була. Мәсәлән, гарәп, фарсы телләрендә, тажик, көрд һәм төрки телләрдә «Ләйлә – Мәжнүн» сюжетына зур-зур әсәрләр мәгълүм.

Археографик экспедицияләр вакытында табылган кулъязмалар арасында «Ләйлә белән Мәжнүн» дастанының татарча текстлары да булу игътибарга лаек. Аларның язылу вакыты XVIII–XIX гасырларга туры килә. Бу кулъязмалар татарларда «Ләйлә белән Мәжнүн» сюжетына дастанның башка халыклардан аермалы үз версиясе булуын дәлиллик.

Татар халкында урта гасыр ижат методы традициясендә әсәрләр язу бик киң таралган була. Бу метод мәгълүм сюжетка корылган мәшһүр бер әсәргә ияреп язу, аны тулысынча яки өлешләп тәржемә итү, шул сюжеттан илһам алып, үзбездән жирлектә өр-яңа әсәр ижат итү, ул әсәрнең халыкта популярлашып, әллә ничә вариантта таралуы аша туган ядкарьләрдә тормышка ашырылган. Һәрхәлдә татар халкында, аерым алганда Идел буе татарларында, әлеге методның нәкъ менә шушы юнәлештә өстенлек иткән.

Шушы гаять күпкырлы һәм масштаблы күренешнең бер чагылышы булып, татар халык ижатында китаби дастан жанры үсеш алган. Димәк, китаби дастан ул – билгеле сюжетка корылган халкыбыз дастаннарының безнең көннәргә кулъязмада килеп житкәннәре.

Китаби традицияләргә нигезләнгән дастаннарыбызның кайберләренең сөйләмә вариантлары булуны да инкар итеп булмый. Монысы – дастан жанрының Көнчыгыш һәм Урта Азия традицияләренә хас чичән-импровизатор ижаты белән тыгыз бәйләнештә үсүен күрсәтүче факт. Шулай да Идел буе татарларында дастанның чичән-импровизатор көйләп әйтүгә нигезләнгән сөйләмә формасына караганда шул ук чичән ижатының язмага теркәлеп таралуы уңышлырак нәтижеләр биргән.

«Ләйлә белән Мәжнүн» кулъязмаларына килсәк, текстлар Низами Ганжәви, Физули, Нәваи, Жами әсәрләренең турыдан-туры тәржемәләре түгел, ә берничә вариантта таралган татар халык версиясе булулары белән әһәмиятле. Алар нигездә чөчмә характердагы, чагыштырмача гади сюжетлы, әллә ни күләмле булмаган дастаннардан гыйбарәт.

Болар – татар халкының ижади ихтыяжы нәтижәсе буларак барлыкка килгән язма дастаннар, ягъни китаби дастаннар.

B.2. GELECEK ZAMAN KIPININ KALIPLAŞTIĞI ÖRNEKLER

Çuvaş yazı dilinde gelecek zaman kipi ile sözcükleştiğini belirlediğimiz örneklerin *kala-* “konuşmak, söylemek”, *kurîn-* “görünmek, görülür olmak, belirlemek”, *pır-* “gitmek, varmak”, *pul-* “olmak; varlık kazanmak; gerçekleşmek”, *te-* “demek, söylemek” ve *yura-* “yaramak, işe yaramak” fiillerinde kalıplaştığı görülmektedir. Çuvaşçada her ne kadar sıfat-fiil ekleri gelecek zaman çekimi yapsa da¹, üzerinde durduğumuz kalıplaşmada yer alan gelecek zaman ekinin Çuvaş yazı dilinde sıfat-fiil olarak kullanımı söz konusu değildir. Bu anlamda burada tam bir şekil eki söz konusudur. Bu durum, örneklerini sunacağımız kalıplaşmayı, Ttū. *gelecek*, Ttū. *yakacak* (TS), Çuv. *pulas* “gelecek, müstakbel”, Çuv. *kanas* “sakin, dingin, rahat, uslu”, Tat. *bulmas* “ümitsiz”, *kileçek* “müstakbel”, Tat. *bulaçak* “müstakbel, olası” (TRS) gibi *eksiltimli* (eliptik) donuklaşmış sözlerde yaşanan sıfat-fiil kaynaklı sözcükleşmeden farklı kilmaktadır.

Kala- + GZ + KE: *kalîn* (калән): *kala-* “konuşmak, söylemek” + *-i* [GZ] + *-n* [TK2K] > *kalîn*² “-miş gibi, güya; sanki”- ÇRS; AŞM C. VI (CBE); *kalîpîr* (калăпăр): *kala-* “konuşmak, söylemek” + *-i* [GZ] + *-pîr* [Ç3K] > *kalîpîr*³ “diyelim ki, söz gelimi, mesela, örneğin”. (CBE); *kurnî* (курнĕ): *kurîn-* “görünmek, görülür olmak, belirlemek” + *-i* [GZ] > *kurnî* “galiba, anlaşılan”- AŞM C. VI (SGE)

Pır- + GZ + KE: *pîrîp* (пырăп): *pır-* “gitmek, varmak” + *-i* [GZ] + *-p* [TK1K] “tamam, olur, iyi, güzel”- ÇRS (ÜE); *pîrî* (пырĕ): *pîr-* “gitmek, varmak” + *-i* [GZ]. > *pîrî* “olur, tamam, kabul”-ÇRS; AŞM C. VIV (ÜE)

Pul- + GZ + KE: *puî* (пулĕ): *pul-* “olmak; varlık kazanmak; gerçekleşmek” + *-î* [GZ]. > *puî*⁴ “muhtemelen, ihtimal, herhalde, belki, belki de; demek ki”-ÇRS; AŞM C. VIV (SGE)

Te- + GZ + KE: *teyén* (тейĕн): *te-* “demek, söylemek” + *y* [YK] + *-i* [GZ] + *-n* [TK2K] > *teyén* “sanki” (SGE); *teyîpîr* (тейĕпĕр): *te-* “demek, söylemek” + *y* [YK] + *-i* [GZ] + *-pîr* [Ç3K] > *teyîpîr*⁵ “varsayalım ki, faraza”ÇRS (SGE); *tiyî* (тийĕ): *te-* “demek, söylemek” + *y* [YK] + *-i* [GZ] > *tiyî* “söz gelimi, varsayalım ki” AŞM C. XIV (SGE)

Yura- + GZ + KE: *yurî* (юрĕ): *yura-* “işe yaramak” + *-î* [GZ] > *yurî* “tamam, olur, iyi, güzel”- ÇRS (ÜE).

B.3. GÖRÜLEN GEÇMİŞ ZAMAN KIPININ KALIPLAŞTIĞI ÖRNEKLER

Metin ve sözlük taramalarımızda, görülen geçmiş zaman eki ile kalıplaşan tek sözcükleşme örneği olarak *temerîn* sözünü belirleyebildik. Bu biçimde kalıplaşan örneklere Türk yazı dillerinde de çok nadir rastlanmaktadır. Sözcükleşme olgusunun, içine şahıs ekini de alarak gerçekleşmesi, *temerén* sözündeki ileri düzeyde bir donuklaşmanın varlığını da ortaya koymaktadır: **temerîn** (темерĕн): *te-* “demek, söylemek” + *-me* [FFYE] + *-rî* [GGZ] + *-n* [TK2K] > *temerîn* “boşuna, boş yere, tevekkeli”- ÇRS; AŞM C. XIII (Zarf),

B.4. BIRAKIM KIPININ KALIPLAŞTIĞI ÖRNEKLER (VOLUNTATIF)⁶

Çuvaş yazı dilinde çok nadir olarak kullanılan ve Genel Türkçe dengi mevcut olmayan yegâne istek biçimi oluşuyla da ilgi çeken bu kip ile kalıplaşan üç örneğe rastlayabildik: **kurîşîn** (курăçăн): *kur-* “görmek” + *-îşîn* [BK] > *kurîşîn* “bakarsın, bir de bakmışsın” ÇRS; AŞM C. VI (CBE); **pîhîşîn** (пăхăçăн): *pîh-* “bakmak” + *-îşîn* [BK] > *pîhîşîn*⁷ “sanki, görünüşe göre” (AŞM C. VIV; Fedotov 1963: 57) (CBE); **pîlîşîn** (пĕлĕçĕн): *pîl-* “bilmek” + *-îşîn* [BK] > *pîlîşîn* “aslında”- AŞM C. X (CBE)

¹ +As eki Çuvaşçada, *pır* ve *şuk* edatlarıyla birlikte istek veya gelecek-geniş zaman ifadeli yüklem oluşturur.

² Çuv. *kalîn* sözü ile Tat. *eytêrsén* “sanki, güya, adeta” (TTAS) sözlerinin paralellikleri dikkat çekicidir.

³ *kalîpîr* sözü *şimahrân*, *tîslîhren* gibi bir konuyu açıklamak amacıyla kullanılan cümle başı edatlarındandır. Bu biçim Çuvaş yazı dilinde diğer iki örneğe kıyasla daha seyrek yer almaktadır. Emir kip eki ile çekimlenmiş olan söz konusu biçimi Tat. *eytiyk* “mesela, diyelim ki, söz gelimi, farz edelim ki” (TTAS) sözü ile anlamca ve kullanım bakımından karşılaştırabiliriz.

⁴ Çuvaş yazı dilinde *puî*, *pulas*, *pulmalla* ve *-tîr/-tîr* biçimlerinden oluşan ihtimal edatlarının *puî* sözünün tam anlamıyla görev ortaklarını söyleyebiliriz. (bk. Fedotov 1963: 48-49). Ayrıca, Tat. *bulır* “muhtemelen, ihtimal, herhalde” (TRS) sözü her ne kadar Çuv. *pulat* ile biçimsel olarak ortaklaşsa da, anlamsal paralellikleri bakımından Çuv. *puî* ile de karşılaştırılabilir.

⁵ Bu sözün *tiyîpîr* “faraza” biçimindeki fonetik varyantının da Çuvaşçada kullanıldığını görüyoruz. (bk. AŞM C. XIV).

⁶ Bu terim Agop Dilaçar’ın *gî-* fiilinin türlü kiplerini gösterdiği tablo tasarısında yer almaktadır. (1989: 109) Bu terimi bizden önce Çuvaşça için, Dr. Oğuzhan Durmuş’un doktora tezinde (bk. Durmuş 2009) kullanmış olduğunu belirtmeliyiz.

⁷ İstek kipinin bu türü “konuşanın, birisinin yaptığı işle ya da herhangi bir işin gerçekleşmesi ile ters düşmediğini, işin sonucu ne olursa olsun onun (konuşan) için fark eden bir şey olmadığını, o işle ilgilenmediğini belirtmek” için kullanılmaktadır (Pavlov 1965: 259). Söz konusu çekimde yer alan bu anlamsal özellikler Çuvaş yazı dilinde cümle başı bağlacı olarak kullanılan *pîhîşîn* sözünün kalıplaşmadan sonraki anlamlarının biçimlenmesinde de şüphesiz katkı sağlamıştır. Çekimin ifade ettiği “umursamazlık” ve “belirlilikten uzaklık” donuklaşmanın ardından ortaya çıkan “sanki, görünüşe göre” gibi kesinlikten uzak anlamları var etmiştir.

B.5. EMİR KİPİNİN KALIPLAŞTIĞI ÖRNEKLER

Çuvaş yazı dilinde emir ekleri ile yaşanan kalıplaşmaya ikinci şahsa ait çekimlerde rastlayabildik. Örneklerini belirlediğimiz sözcükleşmenin olumsuzluk edatı *an*¹ ile kullanılan beş ayrı fiilde (*hıra-*, *kalaş-*, *kala-*, *pîh-*, *tiv-*) ve çokluk 2. şahıs emir eki ile kalıplaşan dört seslenme sözünde (*at'ya*, *ayta*, *çim*, *me*) yaşadığını görüyoruz. Aşağıda örneklerini sunduğumuz sözlerin tamamı Çuvaş yazı dilinde birer ünlem edatı olarak kullanılmaktadır. Sözlerin Türkiye Türkçesi karşılıkları ise bu ünlemlerin yarattığı duygu ifadelerini karşılamak üzere belirlenen anlamlandırmalardan ibarettir.

OE + Fill + EE

an hıra (ан хăра): *an* [OE] + *hıra-* “korkmak” > *an hıra* “olanaklı, herhalde, galiba, muhtemelen; belki, yoksa” (Fedotov 1963: 60-61) (ÜE); **an kalaş**² (ан калаç): *an* [OE] + *kalaş-* “konuşmak” > *an kalaş* “şüphe, hayret, kuşku, şaşkınlık ifade eden bu ünlemi *acaba*, *sahi mi* sözleri ile karşılayabiliriz”- Fedotov 1963: 60 (ÜE) **an kala** (ан кала): *an* [OE] + *kala-* “konuşmak” > *an kala* “şaşkınlık ifade eden bu ünlemi, Ttü. *a*, *öyle mi*, *sahi mi* sözleri ile karşılayabiliriz” (bk. AŞM C. I) (ÜE); **an ta kala** (ан та кала): *an* [OE] + *ta* (SGE) *kala-* “konuşmak” > *an ta kala* “an kala gibi şaşkınlık ifade eden bu ünlemi, yine Ttü. *a*, *öyle mi*, *sahi mi* sözleri ile karşılayabiliriz.” (ÜE) **an pîh** (ан пăх): *an* [OE] + *pîh-* “bakmak” > *an pîh* “bir yapının devasahlığı ve büyüklüğü karşısında ya da bir nesnenin görkem ve güzelliği karşısında hayret veya şaşkınlık ifade için kullanılan bu ünlemi *bak sen*, *bak hele*, *vay*, *vay be* sözleri ile karşılayabiliriz”-AŞM C. I (ÜE); **an tiv** (ан тив): *an* [OE] + *tiv-* “dokunmak, ilişmek” > *an tiv* “söylenen düşüncenin kabul edildiğini müşfik bir biçimde ifade eden bu ünlemi *hay hay*, *peki*, *tamam*, *pekâlâ* sözleri ile karşılayabiliriz” (Fedotov 1963: 60; AŞM C. I.) (ÜE)

Fill+EK + KE

Çuvaşçada ünlem olarak görev alan *atya* ve *ayta* sözlerinin köken bilimsel olarak fiilden gelişmeleri, emir eki ile kullanımlarına imkân tanısa da, ölçünlü yazı dilinde birer ünlem olan bu sözlerin emir ekli biçimlerinin sayısal çokluk ifade etmesi ve köken bilimsel olarak bir fiille ilişkilendirilemeyen *çim*, *me* gibi seslenme sözlerinin de bir fiil gibi çekime girmeleri oldukça dikkat çekicidir. Anılan dört sözün de emir kipi ile çekime girmesi, yaşanan donuklaşma sürecinde isim>fiil yönünde bir *tür değişiminin* gerçekleştiğini ortaya koymaktadır³. Ancak söz konusu örneklerin hiçbirisi Çuvaş yazı dilinde bu ara aşamada kalmamış, fiil>isim yönünde bir gelişim ile birer ünlem haline gelmişlerdir.

at'ir⁴ (ат'ăр): (<*atya* “haydi” + *-ir* [Ç2KEE] > *at'ir* “haydi, haydiniz” (bk. *atya* “haydi” ÇRS) (ÜE); **aytîr** (айтăр): (<*atya* “haydi” + *-ir* [Ç2KEE] > *at'ir* “haydi, haydiniz” (ÜE) (bk. *atya* “айда, идем, пошли” ÇRS); **çimîr** (чимăр): *çim* “birisini durdurmak için söylenen seslenme sözü” + *-ir* [Ç2KEE] > *çimîr* “birden çok kişiyi durdurmak amacıyla ya da nezaket ifadesi için söylenen seslenme sözü” (ÜE); **meyîr** (мейăр): *me*⁵ “birisinin bir şeyi alması için söylenen seslenme sözü” + *-ir* [Ç2KEE] > *meyîr* “birden çok kişinin bir şeyi alması amacıyla ya da nezaket ifadesi için söylenen seslenme sözü” (ÜE).

¹ Genel Türkçede olduğu gibi emir kipinde her şahsın ayrı bir şekil eki bulunan Çuvaşçada, olumsuz çekim için ise Genel Türkçeden farklı olarak fiil tabanı ile emir kip eki arasına olumsuzluk eki getirilmez. Çekimli biçimlerden önce ya da sonra olumsuzluk bildiren *mar* ve *an* edatlarının getirilmesiyle çekim gerçekleştirilir (bk. Sergejev vd. 1988: 27). Bu yönüyle Çuvaş yazı dilinde anılan edatlarla gerçekleşen bir *gramerleşme* de söz konusudur. Emir kipinin olumsuz çekiminde yaşanan bu *gramerleşme*, her ne kadar çekim fiille birleşmeyen bir edatla sağlanıyor olsa da, sözcükleşmeye engel olmamaktadır. Bu bakımdan emir çekiminin olumsuzunda gerçekleşen biçimsel kalıplaşmayı diğer şekil-zaman eklerine göre daha kompleks bir sözcükleşme olarak görebiliriz.

² *an kalaş* Çuvaşçada “(sen) konuşma” anlamına gelebildiği gibi kimi zaman da merak, kararsızlık, kuşku veya öfke ifade eden bir ünlem edatı olarak da kullanılabilir, artık bu durumda emir çekiminde bir fiil değil bir kalıp deyiş söz konusudur. *an kalaş* sözü ile aynı başlık altında toplanan diğer örneklerde de andığımız durumun yaşandığını görüyoruz.

³ Tür değiştirme olgusuna dayalı olarak *haydi*, *yavaş*, *çabuk* gibi kimi sözlerin Türkiye Türkçesi ağzlarında yüklem olarak cümlede görev aldığı durumlar da söz konusudur: *haydisene*, *haydisiñler*, *çabuksanıza*, *çabuñuyom*, *yavaşsanıza*, *yavaşuyom* vb. (bk. Günşen vd. 2007). Bizim üzerinde durduğumuz sözlerin ise Çuvaşçada, örneklerini alıntılıdığımız biçimdeki kullanımları bulunmamaktadır.

⁴ Çuv. *ayta*'nın metateze uğramış biçimi olan bu sözü, Yegerov, B. M. Yunusaliyev'den alıntılararak *ay de-* olarak bir ünlem edatı ile bir fiilin kalıplaşması şeklinde açıklamaktadır (1964: 22). Sözün *aytîr* ve *at'ir* gibi çekimli biçimlerinin varlığı bu açıklamaya delil oluşturduğu düşünülse de, bizce başka bir yapısal çözümün üzerinde durulmalıdır. Biz Türkçe *ayda-* “hareket etmek” fiilinin, Jean Denny'in Türk Dili Grameri'nde Ali Ulvi Elöve'nin düşüğü notta olduğu gibi *h* ptozezi ile genişleyerek kullanılan bir örnek olduğumu düşünürüz (bk. Denny 1941: 690). Sözün Tat. *eyde-* “dehlemek, acele ettirmek” (TTASÖ) ve buna bağlı gelişen Tat. *eyde* “haydi, derhal”, Tat. *eydegéz* “haydi, haydiniz” gibi çağdaş Türk yazı dillerinde yer alan biçimlerinin de bu durumu açık kıldığı kanısındayız. Söz konusu şekillerde dikkat çeken bir diğer durum ise, Türkiye Türkçesinde ünlem edatı olarak görev alan *haydi* sözü ile birlikte kullanılan *haydin*, *haydiniz* gibi 2. şahıs emir ekli şekillerin, Çuvaş yazı dilindeki *at'ir*, *aytîr* gibi aynı ortak fiilden türeyen biçimlerle olan paralelliğidir. Kalıplaşarak bir sözlük birimi yaratan emir ekleri, örneklerini andığımız Çuvaşça, Türkiye Türkçesi, Tatarca gibi Türk yazı dillerinde her zaman 2. şahıslara aittir.

⁵ Birer ünlem edatı olarak Anadolu ağzlarında yer alan *me-meh* “al, buyur” (TTASÖ) ve Kazak, Kırgız, Tatar, Başkurt, Uygur vb. Türk yazı dillerindeki *me* “al, buyur” sözlerindeki paralelliğin yanı sıra, Yegerov'un anılan biçimi açıklarken verdiği doğrudan emir çokluk ikinci şahıs eki ile kalıplaşan Kırg. *meniz* örneği, söz konusu şeklin Çuvaşanın Genel Türkçe ile ortaklaşan yönünü ortaya koymaktadır (1964: 131).

которое за несколько лет до этого отвергло книгу М. Юхмы о чувашской мифологии, речь шла не о богах, но о мифических народных героях, стратегии поведения которых вполне вписывались в классово и социально маркированный контекст официальной советской идеологии. Издание 1977 г. открывалось предисловием известного чувашского педагога Г.Н. Волкова. В небольшом введении дважды упоминался В.И. Ленин (например, в контексте прогрессивного влияния русских на чувашей: «одним из первых собирателей чувашского фольклора был Никифор Охотников, человек, имя которого неразрывно связано с семьей Ульяновых... Ленин, гимназист, занимался с ним, готовил в университет... чувашскому парню хотелось хоть чем-нибудь оплатить за добро. В перерывах между занятиями он рассказывал Ильичу старинные предания, пел песни...»), а особый акцент делался на «дружбе с русскими соседями» [Юхма: 1977, 5–6].

Чувашский национализм выполнял три принципиально важные для чувашских националистско-интеллектуалов функции. Национализм функционировал как дискурс. Комментируя эту особенность национализма, К. Калхун пишет, что «производство культурного понимания и риторики ведет к тому, что люди во всем мире мыслят и выражают свои устремления с точки зрения нации и национальной идентичности» [Калхун: 2006, 32]. Чувашский национализм существовал как проект. В американской политологии существует точка зрения, согласно которой посредством «социальных движений и государственной политики люди пытаются преследовать интересы общностей, которые они считают нациями» [Калхун: 2006, 33]. Чувашский национализм был способом оценки социальной и политической действительности. Под этим К. Калхун предлагает понимать «политические и культурные идеологии, которые утверждают превосходство отдельной нации» [Калхун: 2006, 33] не только над другими сообществами, но и над политическими режимами, легитимность в отношении которых проигрывает в конкуренции с легитимностью нации.

Литература

Barghoorn F. Soviet Russian Nationalism. NY., 1956.

Brudny Y. Reinventing Russia. Russian Nationalism and the Soviet State, 1953 – 1991. Cambridge, 1998.

Dunlop J. The Faces of Contemporary Russian Nationalism. Princeton, 1983.

Shlapentokh V. Soviet Intellectuals and Political Power: the Post-Stalin Era. Princeton, 1990.

Калхун К. Национализм. М., 2006.

Митрохин Н. Русская партия. Движение русских националистов в СССР 1953–1985 годы. М., 2003.

Налбантова Е., Налбантов Г. Интерпретация и / или контроль // <http://liternet.bg/publish2/enalbantova/interpretacia.htm>

Юхма М. Древние чувашские боги и герои. Легенды и мифы Древней Чувашии. Чебоксары, 1996.

Юхма М. Цветы Эльби. Рассказы, сказки, легенды. М., 1977.

ТАТАР ХАЛКЫНЫҢ ЛӘЙЛӘ БЕЛӘН МӘЖНҮНГӘ БАГЫШЛАНГАН ДАСТАНЫ: ФОЛЬКЛОРДА ИНДИВИДУАЛЬ ИЖАТ ЧАГЫЛЫШЫ (Дастан татарского народа о Лейле и Маджнуне: отражение индивидуального творчества в фольклоре)

Л.Х. Мөхәммәтжанова

Татарстан Фәннәр академиясенең Г. Ибраһимов исемендәге тел, әдәбият һәм сәнгать институты, Казан

В работе объектом исследования является сюжет книжного дастана о Лейле и Маджнуне. Рассматривая тексты рукописей этого дастана как образцы народного творчества поволжских татар, автор раскрывает их специфическую сущность.

Татар халык ижатының күпләгән жанрлары арасында дастаннар аерым бер урын били.

Үзенә күләме, эпиклыгы, камиллеге ягыннан дастаннар фольклорның саллы һәм затлы жанры исәпләнә. Халык ижатының мондый әсәрләре һәр халыкта бар дип әйтеп булмый, шуңа да дастанлы халыклар үзләренә мирасы белән хаклы рәвештә горураналар.

Дастан жанры борынгы төрки һәм фарсы әдәбиятындагы мәшһүр дастаннар белән тыгыз бәйләнгән. Башкача әйткәндә, бу – индивидуаль язма ижат, әдәбият белән үтә житди керешкән өлкә. Фольклорның башка жанрлары, әйтик миф, әкият, бәет, мөнәжәт, риваять, афористик һәм йола фольклоры янәшәсендә дастан жанрының төп хасияте дә нәкъ менә шунда.

Татар дастаннарының төрки эпос белән күп кенә уртаклыкка ия булуы берәүгә дә сер түгел. Ә гомумән эпос жанры тарихында исә төрки эпос традицияләрен туплаган татар дастаннары аерым бер үзенчәлекле этапны тәшкил итә.

Бу этапны, ягъни татар халык дастаннарын тулаем күзаллар өчен фольклор һәм язма әдәби башлангычлар берлегенә мөрәжәгать итми мөмкин түгел. Татар халык дастаннарын шушы берлектә анализлау гына объективлыкка, хакыйкәткә якынайта ала, чөнки татар дастаннарының йөзен нигездә китабилык билгели.

издательским планам. К тому времени в СССР в целом и в РСФСР в частности в значительной степени активизировалось движение русских националистов [Barghoorn: 1956; Brudny: 1998; Dunlop: 1983; Shlapentokh: 1990], которые отрицательно воспринимали практику публикации местных авторов союзными издателями. Комментируя особенности ситуации, исследователь русского национализма в РСФСР Н. Митрохин подчеркивает, что «большое недовольство членов “русской партии” вызывала имевшая политическую подоплеку практика государственного поощрения издания литературы, созданной представителями небольших этносов» [Митрохин: 2003, 391–392]. Вероятно, невозможно определить причины отказа в издании рукописи М. Юхмы в 1960-е гг., но нельзя исключать того, что чувашские идеологи из местного обкома КПСС уловили в тексте элементы «буржуазного национализма», а московские издательства не только руководствовались тематическими требованиями, но и пребывали под влиянием русских националистов, которые в значительной степени негативно относились к публикациям переводной литературы с языка народов СССР и РСФСР.

Текст Михаила Юхмы явно не вписывался в официальный советский идеологический канон, пребывая за пределами официального, точнее – официально допустимого, политического, культурного и интеллектуального дискурса. Лейтмотивом текста М. Юхмы были поиск великих предков, описание славного прошлого и древней чувашской истории. Книга написанная М. Юхмой в первой половине 1960-х годов, была близка к этноцентристским интерпретациям прошлого. Комментируя подобную функцию национализма, К. Калхун констатирует, что «особые националистические идентичности и проекты продолжают опираться на давние этнические идентичности, на местные родственные и общинные отношения и на заявленную связь с наследуемыми территориями» [Калхун: 2006, 73].

Среди героев книги, написанной М. Юхмой в начале 1960-х годов, дохристианские языческие чувашские боги. Сама книга открывается разделом, посвященным созданию Вселенной Верховным Богом Тангаром (Танкяр) [Юхма: 1996, 5], где возникновение мира представляется интегрированным в структуру традиционного чувашского самосознания. В книге М. Юхмы Вселенная предстает не как абстрактное космическое пространство, а как именно чувашское Сюттенче [Юхма: 1996, 9]. Герои книги – Ама (единое начало), Пурнась («сущность и жизнь»), Хевель (владыка Сюттенче), Пулехсе (Пулэхсэ, «златовласая богиня»), Киремет (призванный «делить счастье между людьми»), Хайпорень (Хайтүрен, «дарующая жизнь»), Килею (Килёю, «богиня мира и добрососедства»), Харбан (Хәрпан, «крылатый вестник»), Хунхаси (Хунхаси, «остроглазый великий бог»), Ламан («величайший герой древней Чувашии» [Юхма: 1996, 9, 11, 20, 22–23, 28, 33, 40, 139]) – явно не вписывались в ту систему идеологических координат, в соответствии с которыми развивалось советское общество 1960-х годов. Некоторые мифические страны также могли вызвать у читателей недвусмысленные ассоциации, связанные с недавним (для 1960-х гг.) прошлым, например Тамак – «страна, где царствует вечная печаль, страдание, бесплодные труды и горе... порождение великой злобы, великой ярости, плод необычайного желания мстить...» [Юхма: 1996, 25]. С другой стороны, в тексте присутствуют и вполне аттрактивные образы, связанные с древней чувашской историей, в частности город Болгар (Булгар), который, по мнению М. Юхмы, был «любим всеми чувашами» [Юхма: 1996, 135]. Кроме этого, текст М. Юхмы отличается явным чувашецентризмом: боги – именно чувашские боги, а мифические герои – именно чувашские герои, которые озабочены тем, как «сделать чувашей счастливыми» [Юхма: 1996, 136].

В тексте, подготовленном в первой половине 1960-х годов, так и неопубликованном, Михаил Юхма предпринял попытку предложить взгляд на мир с чувашских этноцентристских позиций, что ставило под сомнение приоритет идеологических ценностей и принципов пролетарского интернационализма и дружбы народов. В ситуации 1960-х годов, когда советская элита начала использовать принципы интернационализма как мягкой версии русификации и ассимиляции, текст, представлявший мифологизированную перцепцию национального прошлого, должен был стать альтернативой денационализированным и идеологизированным версиям истории Чувашии. Текст, написанный М. Юхмой, вероятно, представляет собой классический пример национального (националистического) воображения, сознательной попытки конструирования идентичности в ее примордиальном варианте, основанном не на современном политическом опыте, а на внеисторичности и, как следствие, вневременности чувашской нации. В условиях монополии историков, объединенных вокруг Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР и Чувашского государственного университета, при почти полном отсутствии популярной и научно-популярной литературы по чувашской истории, мифологизированная версия национального прошлого, своеобразная национальная праистория могла составить серьезную конкуренцию официальным интерпретациям прошлого.

Во второй половине 1970-х годов Юхма Мишши смог издать чувашские легенды, но в значительно переработанном виде. В публикации 1977 г., вышедшей в издательстве «Советская Россия» в Москве,

B.6. İSTEK VE GEREKLİLİK KIPLERİNİN KALIPLAŞTIĞI ÖRNEKLER

İstek ve gereklilik kiplerinin, Çuvaşçada *-Asşĭn*, *-As* ve *-mAllA* gibi partisiplerle sağlanıyor oluşları, sıfat-fiil olarak kullanılmayan bağımsız biçimbirimlerinin olmayışları nedeniyle, yazımızda sınırlarını çizdiğimiz sözcükleşme olgusunun dışında bırakılmışlardır. Çalışmamızda çekimsiz fiil şekilleri ile gerçekleşen kalıplaşmaları ayrıca ele aldığımız için söz konusu biçimlerle gerçekleşen donuklaşmaları da aydınlatmış olduğumuzu düşünüyoruz.

SONUÇ

Sözcükleşmenin çok çeşitli biçimlerde gerçekleşebilen bir dil olgusu olması ve tek bir çalışmada tüm yönleri ile değerlendirilmesi güçlüğü, çalışmamızı çekimsiz fiil şekilleri ile şekil ve zaman ekleri çerçevesinde sınırlamamızı gerektirdi.

Biçim birimleri ile gerçekleşen donuklaşmalar Çuvaşçada olduğu kadar Türkçenin diğer dil alanlarında da gerçekleşebilmekte, örneklerini sunduğumuz üzere hem yapısal hem de anlamsal olarak birbirinin benzeri hatta eşi sayılabilecek sözcükleşme örneklerini ayrı lehçelerde izleyebilmemize olanak sağlamaktadır. Çalışmamızda kimi zaman Tatarcanın söz varlığı ile karşılaştırarak incelemeye çalıştığımız Çuvaşça örneklerde bu durumun izlerini görmekteyiz. Tatarca ve Çuvaşça arasındaki Çuv. *kuran* ~ Tat. *küreséñ*, Çuv. *teşşĭ* ~ Tat. *diyler*, Çuv. *tet*~ Tat. *diy*, Çuv. *yurat* ~ Tat. *yariy*, *yaryy*, *yayar* gibi şaşırtıcı denkliklerin birer seçilmiş kopya (bk. Johanson 2007: 33-36) olup olmadıkları konusu ise incelenmeye muhtaçtır.

Türkçenin genel yapısal özelliklerinden birisini yansıtan sıfat-fiil ve zarf-fiil kaynaklı sözcükleşmelerin yanı sıra, azımsanamayacak sayıda örneğini belirlediğimiz şekil-zaman ekli donuklaşmaların Çuvaş yazı dilinde ilgi çekici leksikolojik bir tabaka oluşturduğunu görüyoruz. Ayrıca andığımız örnekler arasında yer alan *ten*, *kuran*, *teten* gibi kısaltılmış biçimler, üzerinde durduğumuz sözcükleşme olgusunun ileri boyutlarını ortaya koyan sözlük birimleri olarak Çuvaş yazı dilinde yer almaktadırlar. Bu durum, bizce anılan sözlere ait fiil biçimlerinin (*te* – “demek, söylemek, *kur* – “görmek”) Çuvaşçadaki kullanım sıklıklarının yüksek oluşları ve Çuvaşçanın *birleşme* ve *kısalma* olaylarının ileri örneklerinin görüldüğü bir Türk lehçesi olması ile ilgili görülmelidir.

Yazımızdaki sözcükleşme örnekleri arasında yer alan *kalĭn*, *kurĭnat*, *kurĭsĭn*, *kurnĭ*, *pĭhĭsĭn*, *pĭlĭsĭn*, *ten*, *teşşĭ*, *tet*, *teten*, *teyĭn* gibi sözlerin, Çuvaşçaya ait söz dizimi çalışmalarında *kürtĭm sĭmah*¹ (Andreyev 2005: 207-214) ve *vvodnĭy sĭmah* (Gorskiy 1970: 105-114) başlıkları altında, “cümledeki ilintisiz sözler” olarak değerlendirildiğini görüyoruz. Bu çalışmalarda ortak açıklamaya göre, andığımız bu biçimlerin cümledeki diğer sözlerle gramer bakımından ilişkileri bulunmamaktadır. Yalnızca cümledeki anlamsal yapısı ile sıkı ilişkileri söz konusudur. Ancak, *N. Yu. Şvedova* gibi söz dizimi uzmanları ise, bu yoğun anlamsal bağlantıları nedeniyle bu sözleri, cümle ile tam anlamıyla ilişki kurabilen birimler olarak görmüşlerdir (Andreyev 2005: 207-214). Biz de söz konusu biçimleri bu bakış açısı ile değerlendirmeyi uygun gördük. Böylece çalışmamızda yer alan diğer sözcükleşme örnekleri ile birlikte bu türdeki sözlerin de anlam ve görev bakımından kullanımlarını belirlemeye çalıştık.

Belirlemiş olduğumuz sözcükleşme örneklerinin kalıplaştıkları biçim birimlerine göre anlam ve görev dağılımları şöyledir: **a)** Sıfat-fiil ve zarf-fiil eklerinin kalıplaştığı örnekler: *-AkAn*: ad; *-An*: ad ve sıfat; *-As*: ad, sıfat, SGE; *-mAn*: sıfat; *-mAllA*: ad, sıfat ve zarf; *-mĭş*: ad ve sıfat; *-ni*: ad; *-mAlĭh*: ad; *-A*: SÇE, Zarf ve Ad; *-AsĭA*, *-mAsĭA*: Zarf, Sıfat; *-i*: SÇE, Zarf; *-mi*: ad, sıfat; *-mAsĀr*: zarf, ad; *-sA*: SÇE; *-sAn*: ŞK, SGE; *-sessĭn*: CBE, *-iççen*: SÇE. **b)** Şekil ve zaman eklerinin kalıplaştığı örnekler: *Ş-GZ*: SGE, ÜE, CBE, zarf; *GZ*: CBE, SGE, ÜE; *GGZ*: zarf; *BK*: CBE; *EK*: ÜE.

¹ Çuv. *kürtĭm sĭmah* ve *vvodnĭy sĭmah* terimlerini “ara sözcük” (SLT) biçiminde Türkiye Türkçesine aktarabiliriz. Çuvaşçada örneklerini belirlediğimiz bu türden sözlerin cümle başında yer alanları (*kurĭsĭn*, *pĭhĭsĭn*, *pĭlĭsĭn*, *ten* vb.) tam da *cümle başı edatı* gibi kullanılırken, cümle sonunda bulunanları ise yüklem ardından gelen bir virgül (,) ile kelime dizisinden ayrılmıştır: *Şumĭr şusa irtĭnĭ*, *teyĭn* vb. Cümle için anlamsal katkısı büyük olan bu türdeki sözler, dizimde yer alan öğelerle herhangi bir bağlantı kurmadıkları düşüncesiyle edatlar içinde değerlendirilmemişlerdir. Ancak edatlar yalnızca cümle içindeki unsurlar arasında bağlantı kurmaları ile tanımlanamazlar. Türkçede kimi edat biçimleri çekimli biçimlerden sonra gelerek “tahmin, şüphe, pekiştirme, açıklama, aşırılık” bildiren işlevlerle de kullanılabilirlerdir. Ttü. *ki* (<*erki*) edatı tam da bu türden bir edattır ve diğer edatlar gibi ad ve ad soylu sözlerden sonra değil belirlediğimiz Çuvaşça örneklerde olduğu gibi çekimli fiillerden sonra da gelebilmektedir: *bir insana bu yapılmaz ki* vb. Ancak bu durumda anılan biçim *Zeynep Korkmaz*’ın da belirttiği üzere cümledeki kendisinden sonraki parçası ile ilgili bulunduğu fiil arasında bir zarf ilişkisi kurduğu için işlevce öteki edatlardan farklıdır (2003: 1082). Bu nedenlerle cümledeki sonunda bulunan bu türdeki sözlerin farklı anlam bildirmeleri ile birer *sona gelen edat* olarak tanımlanabileceğini düşünüyoruz. İng. *parenthetical word*, Alm. *Schaltwort*, Rus. *вводное слова* sözleri ile yabancı dilbilim literatürlerinde yer alan “ara sözcük” teriminin Türk lehçeleri üzerinde yapılmış çalışmalarda varlığı Hint-Avrupa dilciliği ekolünün etkisine bağlanmalıdır. Bilindiği gibi bu türdeki sözler ya da söz birlikleri Rusça, İngilizce gibi dillerde ister cümle başında ister cümle sonunda yer alsınlar bir virgül (,) ile söz dizisinden ayrılmaktadır. Çuvaşçadaki bu benzer kullanımın Rusçanın söz diziminin bir etkisi olduğunu düşünüyoruz. Aynı şekilde bu türdeki yapıların Çuvaşçada dizim dışı olarak değerlendirilmesini de anılan etki ile ilişkilendirebiliriz. Son olarak, Türkiye Türkçesi üzerine kaleme alınan en önemli dil bilgisi çalışmalarından birinin yazarı olan Kononov’un *ara sözcük* (vodny slova) olarak değerlendirdiği *sanki*, *adeta*, *galiba*, *belki de*, *demek ki*, *yoksa* gibi örneklerin Türkiye Türkçesinde aslında birer edat biçimi oluşlarının konuya ilişkin belirlemelerimizi daha anlaşılır kılacağını düşünüyoruz (Kononov 2001: 488–499).

Kendi ilkeleri içinde gelişen canlı bir varlık olan dile sağlanacak katkılar onun kuralları dışına çıkmama koşulunu taşır. Bizim üzerinde durduğumuz sözcükleşme olgusu da bu canlı varlığın kurallı gelişiminin içinde yer almaktadır. Yazımızda değerlendirmeye çalıştığımız sözcükleşme örnekleri yalnızca çekimsiz fiil şekilleri ve şekil-zaman kipleri ile kalıplaşmış biçimlerin dökümünü içermektedir. Sözcükleşme olgusunun farklı yollarının da ele alınması ile ortaya çıkacak sözlük birimlerinin sayısı kuşkusuz artacaktır.

KAYNAKLAR

- Ahmet'yanov, R.G. (1978), *Sravnitel'noye İssledovaniye Tatarskogo i Çuvaşskogo Yazıkov (Fonetika i Leksika)*, İzdatel'stvo "Navka", Moskva.
- Andreyev, İ. A. (1961), *Priçastie v Çuvaşskom Yazıke*, Çeboksarı: Çuvaşskoe Gosudarstvennoe İzdatel'stvo.
- ----- (2005), *Halhi Çıvaş Çilhi-Sintaksis*, Çıvaş Kineke İzdatel'stvi, Şupaşkar.
- Aşmarin, N. İ. (1994-2000), *Slovar Çuvaşskogo yazıka – Çıvaş Sımahısen Kineki*, 17 Cilt, Çeboksarı: Russika, Tıpkıbasım (=AŞM).
- Bayram, Bülent (2007), *Çuvaş Türkçesi-Türkiye Türkçesi Sözlük*, Konya: Tablet Yay.
- Dietrich, Ayşe Pamir (2001), *Slovar' Lingvistiçeskih Terminov*, Multilingual, İstanbul. (=SLT)
- Dilâçar, A (1989) "Gramer: Tanımı, Adı, Kapsamı, Türleri, Yöntemi, Eğitimdeki Yeri ve Tarihiçesi", *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten 1971*, Ankara, 2. Bas..
- Durmuş, Oğuzhan (2009), *Çuvaşçanın Şekil Bilgisi*, Trakya Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü basılmamış doktora tezi, Edirne (=ÇŞB).
- Ergin, Muharrem (1993), *Türk Dil Bilgisi*, Bayrak yayınları, 21. Baskı, İstanbul.
- Fedotov, M.P. (1963), *Sredstva Virajeniya Modal'nosti v Çuvaşskom Yazıke*, Çuvaşknigoizdat, Çeboksarı.
- ----- (1996a), *Çuvaşskiy Yazık*, İzdatel'stvo Çuvaşskogo Universiteta, Çeboksarı.
- ----- (1996b), *Étimologičeskiy Slovar' Çuvaşskogo Yazıka, Tom I-II*, Çuvaşskiy Gosudarstvennyy Institut Gumanitarnih Nauk, Çeboksarı.
- Gabain, A Von (2000), *Eski Türkçenin Grameri* (çev. Mehmet Akalın), Türk Dil Kurumu Yayınları, Ankara (=ETG).
- Gorskiy, S. P. (1970): *Halhi Çıvaş Literatura Çilhi Sintaksisî*, Çıvaş ASSR Kineke İzdatel'stvi, Şupaşkar.
- Günşen, Ahmet, Erdem, Mehmet Dursun, "Türkiye Türkçesi Ağızlarında Tür Değişirme Örnekleri", *Turkish Studies Volume 2/1 Winter 2007*, 72-83.
- Güzel, Sinan (2008), "Türkçede -IA-p > +IAp Zarf Kalıplaşması: Tatarca ve Başkurtça Örneği", VI. Uluslar arası Türk Dili Kurultayı, 20-25 Ekim.
- Grønbech, K. (2000), *Türkçenin Yapısı* (Çev. Mehmet Akalın), Türk Dil Kurumu Yayınları, Ankara.
- Johanson, Lars (2007), *Türkçe Dil İlişkilerinde Yapısal Etkiler* (Çev. Prof. Dr. Nurettin Demir), Türk Dil Kurumu Yayınları, Ankara.
- Kononov, A.N. (2001), *Grammatika sovremennogo turetskogo literaturnogo yazıka*, Multilingual Yabancı Dil Yayınları, İstanbul.
- Korkmaz, Zeynep (1992), *Gramer Terimleri Sözlüğü*, Türk Dil Kurumu Yayınları, Ankara.
- ----- (2000), *Türkçede Eklerin Kullanılış Şekilleri ve Ek Kalıplaşması Olayları*, Türk Dil Kurumu Yayınları, Ankara.
- ----- (2030), *Türkiye Türkçesi Grameri (Şekil Bilgisi)*, Türk Dil Kurumu Yayınları, Ankara.
- Kotleyev V. İ. (1963), *Materialı Po Çuvaşskoy Dialektologii*, "Morfologičeskie Osobennosti Krasnoçetayskogo Govora", Çeboksarı.
- Pavlov, İ.P. (1953), *Deyepriçastıye v Çuvaşskom Yazıke i ih Sintaksisçeskiye Funksii*, (Avtoferat Dissertatsiya), Moskova.
- ----- (1956), "Deyepriçastıye", *Materialı Po Grammatike Sovremennogo Çuvaşskogo Yazıka I (Morfologiya)*, Çuvaşskoe Gosudarstvennoe izdatel'stvo, Çeboksarı.
- ----- (1965) *Hal'hi Çıvaş Literaturı Çilhi-Morfologi*, Şupaşkar: Çıvaş ASSR Kineke İzdatel'stvi.
- Sergejev, V. P.; Kotleyev, V. İ. (1988), *Çıvaş Çilhi (Puşlamış Şkul uçitelisene hatirleken fakultet studençisem valli 2121-miş Noli spetsia'nost')*, Çıvaş Kineke İzdatel'stvi, Şupaşkar.
- Skvortsov, M. İ. (Red.) (2002) *Ruskiy-Çuvaşsko Slovar'*, Çeboksarı: Çuvaşskoe Kinjioe İzdatel'stvo. (=RÇS).
- Skvortsov, M. İ.; Skvortsova, A. B. (2003) *Çıvaşla-Vırışla tata Vırışla-Çıvaşla Slovar' / Çuvaşsko-Ruskiy i Rusko-Çuvaşskiy*, ÇKİİ, Şupaşkar.
- Skvortsov, M. İ. (1985), *Çıvaşla-Vırışla Slovar' / Çuvaşsko-Ruskiy Slovar'*, Ruskiy Yazık, Moskva.
- *Tatar Grammatikası* (2002), M.F. Zekiev, F.E. Ganiev, D.G. Tumaşeva, K.Z. Zinnetullina, II Tom, İnsan, Meskev. (=TG).
- *Tatar Têlênêñ Añlatmah Sülzêgê*, İ.A. Abdullin, S.B. Vahitova, F.M. Gazizova, L.R. Gaynanova, F.E. Ganiyev, M.G. Möhemmediyev, Ş.S. Hanbikova, R.G. Ehmetyanov, G.H. Ahuncanov, R.R. Mingulova, I:1977, II:1979, III:1981, Kazan (=TTAS).
- *Tatarsko-Ruskiy Slovar'*, Abdrazakov K.S., Ahuncanov, G.H., Bayçura Ü.Ş., Emirov G.S., Esadullin A.Ş., Faseyev F.S., Fahretdinov G.G., Hemzin K.H., Hemidullin E.Ş., Hanbikova Ş.S., Gazizova F.M., Ganiyev F.A., İshakov G.İ., Möhemmediyev M.G., Osmanov M.M., Vahitova, S.B. (1966) Moskva. (=TRS).
- Türkiye Türkçesi Ağızları Sözlüğü, <http://tdkterim.gov.tr/bts/?kategori=verilst&kelime=meh&ayn=tam> (=TTASÖ).
- Yegorov, V. G. (1964), *Étimologičeskiy Slovar' Çuvaşskogo Yazıka*, Çuvaşskoe Knijnoe İzdatel'stvo, Çeboksarı.
- Yılmaz, Emine (2002), *Çuvaşça Çok Zamanlı Morfoloji*, Grafiker Yayınları, Ankara.

KISALTMALAR

Alm : Almanca.	KE : Kişi Ekleri.
bk : bakınız.	krş : karşılaştırınız.
Başk : Başkurtça.	OE : Olumsuzluk Edatı.
BK : Birakım Kipi.	Rus : Rusça.

(Räsänen: EWb., 146). Обсуждаемое слово скорее всего произошло от *алыб (>олып/улап)* «гигант, испалин, богатырь» +*басты* «придавил» [Федотов: 1996, 36].

По представлениям чувашей, Алпастă – злобное, враждебное людям существо, с длинными распущенными волосами и четырьмя грудями, свисающими почти до земли.

Алпастă наносит вред маленьким детям. Поджидает пока их оставят одних, дождавшись желаемого, накормит ребенка своей грудью и малыш умирает. Известно, что вредит она и беременным женщинам. В старину последним рекомендовали прикалывать к подолу платья иголку.

По представлениям многих народов Алпастă обитает около воды, обычно сидит на берегу и расчесывает волосы. Часто пристаёт к девушкам, принимая облик любимого, сильно избивает свою жертву. Диалог в демонологическом представлении играет незначительную роль, но посредством него может передаваться та или иная информация. Например, характерным для текстов, записанных о нем, является то, что Алпастă при встрече с человеком в диалоге с ним запрещает сообщать об этом никому – «Ан кала никама та!» или «Эп кайнă чух ман хыçма ан пăх» [ЧХП: 2004, 277].

По данным Словаря Ашмарина в фольклоре чувашей имеются и другие половинотелые персонажи, например, *Сурçан* (*сур* «половина»+*çан* «тело, туловище»), ср. парные *çан-сурăм* [Ашмарин: XV, 272].

Литература

- *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. В 17-ти т. Казань-Чебоксары, 1929-1950.
- *Ахметьянов Р.Г.* Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. М., 1978.
- *Виноградова Л.Н., Толстая С.М.* и др. Схема описания мифологических персонажей // Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы. М., 1989.
- *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991.
- *Емельянов А.И.* Д-р Дюла Месарош. Памятники старой чувашской веры. Будапешт, 1909 // ИОАИЭ. Т. 28. Вып. 6. Казань, 1913.
- *Ендеров В.А.* Образ лешего (арçури) в чувашском фольклоре // Исследования по чувашскому фольклору. Чебоксары, 1984.
- *Комиссаров Г.И.* Чуваша Казанского Заволжья / Г.И. Комиссаров // ИОАИЭ. Казань, 1911.
- *Никольский Н.В.* Народная медицина чуваш / Н.В. Никольский. Казань, 1929.
- *Померанцева Э.В.* Устные рассказы о мифических существах и их жанровые особенности // Русское народное поэтическое творчество. Хрестоматия по фольклористике: учеб. пособие для филол. спец. пед. ин-тов / Сост. Ю.Г. Круглов. М., 1986.
- ЧХП – Чăваш халăх пултарулахĕ. Мифсем, легендăсем, халапсем. Шупашкар, 2004.
- ЧХС – Чăваш халăх сăмахлахĕ. Т. 6: Мифсемпе халапсем. Шупашкар, 1987.
- Татар мифлары: иялер, ышанулар, ырымнар, фаллар, им-томнар, сынаммышлар, йолалар. Казань, 1996.
- *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка. Т. I. Чебоксары, 1996.
- НА ЧГИГН – Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук
- ФЛ ФЧФК – Фольклорная лаборатория факультета чувашской филологии и культуры ЧГУ им. И.Н. Ульянова

ИЗОБРЕТЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ФОЛЬКЛОРА И ЛИТЕРАТУРЫ В ЧУВАШСКОМ НАЦИОНАЛИЗМЕ (1960–1970-е годы)

М.В. Кирчанов

Воронежский государственный университет, г. Воронеж

В 1960–1970-е годы в истории чувашского национального движения наступил новый этап, связанный с тем, что чувашские писатели включились в процесс выработки национального канона. С другой стороны, среди чувашских писателей, как кодификаторов идентичности, наметились тенденции к формированию двух течений. Представители первого были лояльны, второго – пытались выражать национальные идеи. На протяжении длительного времени репутацию вполне благонадежного писателя имел и Михаил Юхма (Юхма Мишши). В 1962 г. Юхма Мишши, по его собственным словам, предпринял попытку опубликовать чувашские легенды и мифы, что встретило неприятие со стороны советской цензуры [Налбантова: <http://liternet.bg/publish2/enalbantova/interpretacia.htm>]. В 1996 г. М. Юхма вспоминал, как в 1962 г. он пытался предложить текст мифов различным советским издательствам, начиная от «Чувашского книжного издательства» и заканчивая издательствами в Москве: «...я решил показать эту рукопись в «Чувашском книжном издательстве», там сказали: "...Великая вещь, но нас не поймут, скажут, что мы националисты...". Тогда оставался единственный путь – в Чувашский обком КПСС... там сказали: "Вы воспеваете буржуазный национализм. Ваши герои – буржуазные герои, чуждые нам... им место – на свалке истории. Более нигде не заикайтесь об этой рукописи"» [Юхма: 1996, 3].

По воспоминаниям М. Юхмы 1996 г., в первой половине 1960-х гг. эту книгу не было возможным опубликовать и в московских издательствах, которые отказали ввиду несоответствия тематики

11. След:

а) «.җапати чалаш тәршшә» – «лапоть длиной в сажень» [НА ЧГИГН: III, 5, 361]; б) «..виҗә шит» – «в три пяди» [Ашмарин: IX, 210].

Представления чувашей о лесных духах – наиболее витальная и древняя часть верований. Нужно отметить, что для фольклора чувашей характерно смешение веры в «злокозненных» покойников (т.е. это умершие «до срока», преждевременной и насильственной смертью, самоубийцы, опойцы, погибшие в результате несчастного случая или на войне, мертворожденные или некрещенные младенцы «молодые люди, не успевшие вступить в брак, те, кто занимался колдовством, считался грешником и ряд др.) [Зеленин: 1991, 410] и веры в лесного духа. Лесные духи были исконно локальными, а «заложенные покойники» могли путешествовать по всему лесу. Ср. «Говорят еще, что он появляется и пугает людей в том самом виде, в каком погиб: те, которые замерзли зимой, ездят и летом в шубе и на санях; тот, кого задавило деревом, все время кричит; тот, кто, во время рубки, упал с дерева и разбился на смерть, рубит и ломает деревья» [Ашмарин: II, 311]. Со временем эти функции «заложенных покойников» перешли и к лесному духу. Этот перенос вызван серьезными изменениями функций лесного духа.

В деятельности духов как природного, так и усопшего имеются различия: лесной дух заводит человека в лес в качестве наказания. «Заложенный покойник» ищет «покой». В силу этого он носится по лесу и пугает людей. Например.: «говорят, что в тот день, в который его бросили, ар-сұри ходит и кричит» [Ашмарин: II, 310]; «Если на умершего не попадет земля, он обращается в ар-сұри» (Там же). Имеется много текстов, утверждающих то, что приняв крещение, Ар сұрри как бы очищается и становится нормальным человеком, и, в благодарность, помогает хозяину. Сравним сюжеты об оставленном родителями собственного ребенка на своем участке во время жатвы [НА ЧГИГН: III, 1270, 79–80].

Причиной изменения верований может быть изменение материальных условий. В этом смысле переломное значение, приводящее к преобразованию всего мировоззрения, имеет возникновение земледелия. Изменения отражаются, прежде всего, в погребальных обрядах. По данным Н.И. Ашмарина имеем: «Говорят, что в прежние времена был обычай уводить в лес и умерщвлять больных, старых и увечных; души их, бродившие с криком по лесу назывались ар-сұри» [АшмСл.: II, 309].

Учет народных верований необходим при анализе многих фольклорных образов и сюжетов, при изучении истоков ряда жанров, прежде всего при характеристике повествовательной прозы [Померанцева: 1986, 158]. Внутренняя форма разных фольклорных жанров определяет разницу трактовки одних тех же демонологических персонажей. Сравним Ар сұрри в сказке и в быличке. В сказке он выступает как сказочный герой. Вследствие этого черты демоничности утрачиваются. В сказочной прозе человек мудрее, ловчее и поэтому не так страшна встреча с демонологическими персонажами.

В произведениях сказочной прозы Ар сұрри описан более полно. К основным сюжетам можно отнести следующие: любит кататься на лошадях; любит полакомиться человеческими зубами; щекочет человека; отыскивает человека по голосу; боится рек, ключей и вообще воды; увлекает человека в лес; боится собаки; принимает разные формы и т.д.

Сравниваемые ЛП обладают разной жанровой закрепленностью. Так Вәрман ийи встречается в ритуальном обряде, направленном на изгнание этого духа при заболевании «собачьей старостью» [Никольский: 1929, 51]. Имя Ар сұрри, напротив, встречается во многих жанрах чувашского фольклора.

Обитателями лесного пространства у татар были Урман хужа (леший), Урман иясе, Шурале, Арсури, Урман перие, Урман сарыгы, Ярымтык, Урман анасы, Урман бабасы, Агач хужа (хозяин дерева). Тело Ярымтык, как утверждают очевидцы, иногда половина, иногда целое. У него один глаз, одна нога, одна рука. Пятки его ног спереди, а пальцы сзади. Во многом Ярымтык сходен с чувашским Ар сұри. Сходными являются сюжеты по избавлению от него. Спасаются переодеванием одежды на изнанку и одев обувь задом наперед (у чувашей с левой на правую ногу). Так же он любит кататься на лошадях. Ловят его обмазав спину лошади смолой [Татар мифлары: 1996, 167–169].

Ар сұрри и Ярымтык персонажи половинные по вертикали: одноногие, однорукие.

Есть в фольклоре чувашей ДП Алпастә, который половинен тоже по вертикали, но в отличие от Ар сұрри имеет только переднюю часть своего тела. Образ Алпастә восходит к глубокой древности и имеет аналогии в мифологиях многих народов. В мифологии тюркских народов Алпастә в особенности вредит роженицам и новорожденным. В демонологических представлениях чувашей Алпастә не имеет определенного места в ряде демонических персонажей: то контаминируется с Ар сұри, то имеет сходные функции с Вутяш. Алпастә встречается главным образом в текстах, записанных у низовых чувашей.

Слово «Алпастә» кыпчакского происхождения, в чувашский язык проникло через татарский язык. В отношении этимологии этого слова высказано несколько соображений, которые оценены Н.И. Ашмариним как ошибочные. Алпастә неправильно производят от эл «рука»+ басмак «давить» или алд (алт) впереди того же глагола. Ошибочна версия: ал «алый» (красный)+ басты «придавил»

CBE: Cümle Başı Edati
Ç2K: Çokluk 2. Kişi Eki.
Ç2KEE: Çokluk 2. Kişi Emir Eki.
Ç3K: Çokluk 3. Kişi Eki.
Çuv: Çuvaşça.
diyal: Diyalekt.
EE: Emir Eki.
Etü: Eski Türkçe.
FFYE: Fiilden Fiil Yapım Eki.
Fr: Fransızca
GGZ: Görülen Geçmiş Zaman Eki.
GT: Genel Türkçe.
GZ: Geniş Zaman Eki.
İng: İngilizce.
Kırg: Kırgızca.

SÇE: Son Çekim Edati
SGE: Sona Gelen Edat.
Ş-GZ: Şimdiki-Geniş Zaman Eki.
Ş-GZO: Şimdiki-Geniş Zaman Ekinin Olumsuzu.
ŞK: Şart Kipi.
Tat: Tatarca.
TK1K: Teklik 1. Kişi Eki.
TK2K: Teklik 2. Kişi Eki.
TK3Kİ: Teklik 3. Kişi İyelik Eki.
Ttü: Türkiye Türkçesi.
ÜE: Ünlem Edati
vb: ve benzerleri.
vd: ve diğerleri.
YK: Yardımcı Konsonant.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ (на материале казахского языка)

Л.С. Дуйсембекова
Казахский национальный аграрный университет, г. Алматы

На основе семантического анализа содержательной структуры форм повелительного наклонения строится семантическая классификация. Формы повелительного наклонения могут выразить множество семантических оттенков, объединяемых в одно понятие «побуждение». Это приказ, команда, распоряжение, указ, требование, запрещение, предостережение, призыв, разрешение, соглашение, одобрение, угроза, предложение, предупреждение, приглашение, просьба, мольба, проклинание, волевое намерение, выражение готовности к совместному действию, совет, задание, пропаганда. Далее те и другие семантические значения рассмотрим отдельно.

1. **Приказ (бұйрық)**. Приказ выражает основное значение повелительного наклонения и применяется очень часто. Например: «*Сабап-сабап айдап таста Дәркембайды деп көзіміе бұйрық берді (М. Әуезов)*

2. **Команда (команда)**. Ряд предложений применяется в бою и сражениях, с целью вдохновения, ободрения духа. В основном ими пользуются военнослужащие. Например: *Мұңайтпас:*

– *Бұйрығыңыз орындалады жолдас комиссар! – деді де, (өз бөліміне) – Айнал! (Бөлімін теріс қаратып қояды).* – *Қарамандар!.. Ендеше, смирно, жолдас командир! Шаго-ом ари! (Амангелді жүгіріп кетеді).* *Тура! Оң иығыңды алға, марш! Бір, екі, бір, екі! Сол аяқ! Сол аяғыңды алға, жүгір! Тура!.. Тоқта! Смирно! Команда деген осы болады, жолдас комиссар. Қиын дәнмесі де жоқ (F. Мүсірепов).*

3. **Требование (ғалап ету)**. Требование в более категоричной форме подчеркивает необходимость реализации действия. Оно обращено больше к сознанию, чем к воле. Требуемый убежден в том, что имеет право заставить побуждаемого (исполнителя) совершить то или иное действие, несмотря на то, хочет ли последний этого или нет. Например:

– *Аш қалмақ түгіл қырылып қал!.. Берсең!.. Бермей қарыстанып көрші осыдан. Күнде кешке келіп тексеріп тұрамын. Көзіңді ашып қара! Орындайсың, сол! – деп қадалып қарап, үндемей тұрып қалды (М. Әуезов).*

4. **Угроза (қорқыту)**. Угроза – прямое воздействие на волю и сознание побуждаемого. Например:

– *Әй, ит, тоқта деймін енді! Жаның барда тоқта! (С.Мұратбеков).*

5. **Принуждение (күштеу)**. Предложения, выражающие это значение, используются для того, чтобы слушающий выполнял те или иные действия помимо своей воли. Например:

– *Егер бермеді бар зой, қамшының астына алыңдар! Көк ала торғайдай қып тартып алыңдар! – деді (Ж. Аймауытов).*

6. **Просьба (өтіну)**. Просьба отражает зависимость побуждающего от воли побуждаемого, то есть в таких формах повелительного наклонения говорящий просит слушающего выполнить то или иное действие. Например, *Шайдан кейін сөз арасы ғып қонақтардың бірі:*

– *Ақсақал, айып болмаса қобыз тартып берсеңіз, – деп өтінді сытайы гана (С. Мұратбеков).*

7. **Мольба (жалыну)** Мольба – эмоционально-экспрессивный вид просьбы. Например:

– *Қанат, ағатай... күнім, ағатай, тоқташы, – деп жыларман боп жалынды (С. Мұратбеков).*

8. **Вымаливание (жалбарыну)**. Вымаливание характеризуется крайней необходимостью и страстным желанием говорящего исполнения действия. Например:

– *А, құдай, ең болмаса осы тілегімді бере гөр! – деп жалбарынған кемпір үнін қалың айқай басып кетті (Ж. Аймауытов).*

9. Предложение (ұсыныс). Предложение непосредственно не побуждает к действию, а указывает, предлагает выполнение того или иного действия. Назначение предложения заключается в реализации действия в интересах побуждаемого. Например:

– *Құрметті тораға, енді сессияның күн тәртібіндегі мәселеге көшсек («Халық кеңесі» газетінен).*

– *Өзіңе арзан да болса бір жаңа киім алсаң қайтеді (Т. Исаева).*

10. Благодарность (алғыс). Говорящий выражает благодарность слушающему за оказанную им услугу. Например:

– *Уа оркенің өссін, азамат! (С. Мұратбеков).*

11. Благословение (бата). Обычно благословение дают или получают перед выполнением очень важного дела или же после его завершения. Например:

Босағаңа жамандық жетпесін,

Төріңнен жақсылық кетпесін (Бата, тілектер).

12. Пожелание (тілек). Предложения, выражающие значение пожелания, используются для того, чтобы пожелать адресату благоприятный исход дела. Например:

– *Ақ сақалды, сары тісті бол, жағың түспей жамандық көрме! Жақсылығың алдыңнан шықсын.*

13. Замечание (ескерту). Замечание – это краткое суждение, высказанное с целью предупредить, предусмотреть реальные и возможные действия побуждаемого. Например:

– *Сен онымен абай бол, – деді ұлына қатты ескертіп (С. Мұратбеков).*

14. Распоряжение (өкім). Обычно распоряжение предполагает исполнение ряда действий. Оно может содержать элементы разъяснения. Например:

– *Тоңғандарың мына тұс-тұсыңдағы ауылдарға барып жылынып қайтыңдар. Бір-бір мезгіл ыстық иіңдер. Осы қорықта отырған ауылдың бәрі ағайын зойі. Құмайды. Жасқанбаңдар! – деді (М. Әуезов).*

Распоряжение в административном праве – это вид акта управления, издаваемого, как правило, единолично руководителем коллегиального органа в целях разрешения оперативных вопросов; чаще всего имеет ограниченный срок действия и касается узкого круга должностных лиц и граждан. Распоряжение в управленческой сфере – это действие, выражающееся в устном или письменном требовании от работника исполнить что-либо.

15. Указ (жарлық). Указ – вид нормативного акта (подзаконный акт), обычно издаваемого главой государства. Указы Президента обязательны для исполнения на всей территории государства. Посредством указов решаются вопросы о внесении изменений и дополнении в действующие законы. Указом также оформляются и индивидуально-правовые решения, в частности о награждении государственными наградами, лишении гражданства и т.д. Указы чаще всего имеют нормативный характер. Например:

Теңран қаласында Қазақстан Республикасының елшілігі ашылсын. Қазақстан Республикасының мимистрлер кабинеті Иран Ислам Республикасындағы Қазақстан Республикасы елшілігінің штат кестесі мен сметасын анықтасын («Егеменді Қазақстан» газеті).

16. Задание (тапсырма). Задание – вид побуждения, обязательного для исполнения. Исполнение действия отделяется от момента речи определенным отрезком времени. Например:

– *Қымбаттым, саған тапсырма мынау – май мерекесі қарсаңында маған ұзақ етіп хат жаз (Ф. Мүсірепов).*

17. Запрещение (тыйым салу). Запрещение – это требование не допустить реальных и возможных действий побуждаемого. Например, «*Ауылға келін болып түспей жатып ән шырқамасын, тәйтік болмасын» деп тыйып тастапты (М. Әуезов).*

18. Предостережение (сақтандыру). Говорящий предостерегает слушающего от опасных для жизни действий и вообще от опасности. Например:

– *Байқаңдар, Танашиқа суық тиіп қалмасын (С. Мұратбеков).*

– *Ақырын жаным, жығып кетпесін, деп әжесі қала берді (Ж. Аймауытов).*

19. Приглашение (шақыру). Некоторые побуждения выражаются в виде приглашения. Приглашение связано с соматикой слов, служащих проявлением гостеприимства. Например:

– *Келіп тұратын бол қарағым! (С. Мұратбеков).*

20. Призыв (үндеу). Говорящий при выражении призыва обращается к отдельным лицам или коллективам для участия в деле, в основном преследующем высокие цели. Например: *Экономиканы тұрақтандырып, халықты әлеуметтік жағынан қорғайық!* («Егеменді Қазақстан» газетінен).

21. Совместное действие (бірлескен іс-қимыл). Особенностью побуждений к совместному действию является то, что при исполнении совместных действий присутствуют не только слушающие, но и говорящие. Например:

– *Жүр, түсейік. Суы во!.. – деп Садық ауылдың жсогарғы жағындағы шұңқыр - тоспаны жер – көкке сыйғызбай мақтай жөнелді (С. Мұратбеков).*

– *Е батыр-ау, басыңды көтер кәні, әңгімелесейікші... (С. Мұратбеков).*

их письменной фиксации, и слабой изученностью народной демонологии современной гуманитарной наукой – с другой. В связи с такой реальной ситуацией, сложившейся в изучении народной демонологии, перед исследователями остро встает проблема идентификации народной терминологии с соответствующим каждому наименованию кругом демонологических представлений, т.е. проблема атрибуции демонологической номенклатуры и, в частности, дефиниции демононимов.

Арсури, Упәте, Опиқан, Вәрман, Вәрман амәш, Вәрмантти, Вәрман турри, Вәрман ийи, Шұреллә, Екәте, Маймәл по своей сумме характеристик данные МП с разными именами тождественны.

В традиционных чувашских быличках образ Ар сури выступает весьма рельефно и в этом отношении выделяется от всех демонологических персонажей. В демонологических быличках чаще всего можно встретить указания на рост, размеры, волосатость.

1. *Рост* лесного *Ар сури*, насколько можно судить по фольклорно-этнографическим материалам, весьма не определен, он может варьировать в пределах от максимально большого до миниатюрного:

а) [Ар сурри]... вәрманпа тан тет» – «вровень с лесом» [Ашмарин: I, 310]; б) «вәрмантан тем пысәкәш, вәрмантан та сүллә, пысәк упәте тухать» – «из леса выходит большой упәте, больше чем лес, и выше чем лес» [НА ЧГИГН: I, 386, 46]; в) «вута капанә пысәккәш» – «большой как стог сена» [ФЛ ФЧФК: Т № 549]; г) «..йывәсран сүллә» – «выше дерева» [Ендеров: 1984, 56]; д) «..пәвә ман икә пұ чухлә» – «в двое выше меня» [Ашмарин: I, 314]; е) «..пысәк кәлте пек» – «как большой сноп» [НА ЧГИГН: III, 45, 211]; ё) «..мәнттайскер» – «большущий» [ЧХС: 1987, 130]; ж) «..пысәках мар» – «не очень большой» [ФЛ ФЧФК: Т № 612]; з) «..вәл пәчәк этем пек» – «ростом с маленького человека»; и) «..пәчәк ача пек» – «как маленький ребенок» [НА ЧГИГН: III, 376, 26]; й) «..чавса сүлләш» – «с локать» [Ашмарин: IX, 210].

2. *Размеры головы:*

а) «..унән пусә пысәк теңсә» – «говорят, голова большая» [НА ЧГИГН: I, 8, 45]; б) «..сап-сүтә пуслә» – «седая» [ЧХС: 1987, 124]. В данном случае охватывается и возрастная характеристика, в основе которой лежит представление чувашей, что злые духи, как и человек, могут стареть.

3. *Размеры лица:*

а) «вәрәм тәрәхла питлә» – «продолговатое» [НА ЧГИГН: III, 376, 76]; б) «..сәнә тәм хура» – «черное-черное» [Ашмарин: I, 310].

4. *Глаза:*

а) «..икә пысәк симәс куслә» – «два больших зеленых глаза» [ФЛ ФЧФК, Т № 613]; б) «..кусә вир пәрчи пек кәна» – «с просяное зерно» [Ашмарин: I, 310]; в) «..кусә валта/малта» [НА ЧГИГН: I, 141, 199]; г) «..тәват куслә: кусәсем иккәшә малта, иккәшә хысалта, тет» – «четырёхглазый: два глаза впереди, два сзади» [НА ЧГИГН: I, 28, 224].

5. *Уши:*

а) «..вәл вәрәм хәлхаллә» – «длинноухий» [НА ЧГИГН: III, 356, 75].

6. *Рот:*

а) «..сәварә кайра, тет» – «рот сзади» [НА ЧГИГН: I, 141, 199];

б) «..сәварә ёнсе хысәнче, тет» – «рот сзади» [НА ЧГИГН: III, 356, 75].

7. *Волосы:*

а) «..сүсә вәрәм» – «волосы длинные» [НА ЧГИГН: III, 356, 75]; б) «сүсә пәр аршән пулат» – «длинною в один аршин» [НА ЧГИГН: I, 235, 113]; в) «сүсә ура тупанә таранччен» – «до пят» [Ашмарин: I, 316]; г) «..лаша хуринчен вәрәм» – «длиннее хвоста лошади» [НА ЧГИГН: III, 45, 211]; д) «..шап-шур сүслә» – «седой» [ЧХС: 1987, 124].

8. *Туловище:*

а) «Ар сурри представляется в образе голой женщины, с телом покрытым шерстью, только его genitalia обнажены» [Емельянов: 1913, 573]; б) «хуп-хура, яка, кёске сәмлә» – «шерсть черная-черная гладкая и короткая» [ФЛ ФЧФК: Т № 613]; в) «..тәклә тет» – «шершистый» [Ашмарин: I, 310]; г) «Ар сури упәте пек сәмламас пулнә пулас» – «по-видимому Ар сурри как и обезьяна был шершист» [НА ЧГИГН: III, 759, 44].

9. *Грудь:*

а) «..ёне силлинчен пысәк, тет» – «больше чем вымя коровы» [НА ЧГИГН: III, 45, 211]; б) «..Чәччисем пәтавка пек» – «груди как пудовка» [Ашмарин: I, 314]; в) «Ар сури чеччи мишук пек вәрәм» – «длинные как мешок» [Там же]; г) «чәччисем тем пысәккәш, сәлә миххи пек тулса тәрәсә» – «большие, наливаются как мешок с овсом» [НА ЧГИГН: I, 386, 46].

10. *Руки-ноги:*

а) «алли-урисем сәм анча, тет» – «руки-ноги шершистые» [ЧХС: 1987, 124]; б) «вәл висә аләллә, висә ураллә» – «у него три руки и три ноги» [НА ЧГИГН: III, 356, 75].

взаимовлияния, а также установить общие типологические закономерности. Так, например, только опираясь на научно установленные лексические заимствования из одного языка в другой, мы можем судить о направлениях «миграции» демонических персонажей из одной этнической культуры в другую, и даже установить относительные хронологические рамки этих явлений.

Широкое комплексное изучение традиционных демонологических представлений чувашей в тесной связи со смежными историко-культурологическими дисциплинами, в частности, с фольклористикой, этнологией, культурологией, историей, археологией и т.д., позволяет более глубоко понять реальную историю развития духовной жизни чувашей и их этнических предков. С учетом сказанного, предлагаемое вниманию читателей настоящее исследование основывается на нескольких аспектах лингвистического и экстралингвистического (прежде всего фольклористического, культурологического, исторического) анализа традиционных названий демонологических персонажей чувашского фольклора.

Демонологическая лексика чувашского языка весьма развита и широко представлена в произведениях целого ряда фольклорных жанров, которые традиционно определяются как поверья (*ёненӳ*), былички (*тӗшмӗш халапӗ*), загадки (*сутмалли юмах*, *тупмалли юмах*), песни (*юрӳ*), запреты (*чару*), заговоры (*ӳрӳм*) и т.п. Фольклорные тексты разнообразных жанровых групп, так или иначе содержат названия мифологических персонажей (далее МП. – Г.И.), в данном случае интересуют нас прежде всего в двух отношениях: 1) в сугубо лингвистическом (лексикологическом) – как контекст, в котором содержится то или иное наименование демонологических персонажей (далее ДП. – Г.И.) и 2) в культурологическом (фольклористическом) – как источник сведений для по возможности полного и всестороннего описания специфических особенностей исследуемого МП. Изучение специфики того или иного фольклорного жанра, в текстах которого содержатся сведения о том или ином ДП, в данном случае для нас не является самоцелью, поэтому на жанровые особенности анализируемых фольклорных текстов мы будем обращать внимание только в необходимых случаях. Основной целью данного исследования является поиск методических путей и приемов, способствующих наиболее полному описанию семантики анализируемых названий МП на примере изучения номенклатуры лесных ДП чувашского фольклора. В основу статьи положена схема описания МП, разработанная Л.Н. Виноградовой, А.В. Гурой, Г.И. Кабаковой, О.Я. Терновской, С.М. Толстой, В.В. Усачевой.

По сравнению с телом человеческим, тело ДП едва плотно. Однако, ДП достаточно материален, чтобы иметь вес и часто выдает себя наличием оставленного следа. Наличие тела обуславливает и наличие физиологических потребностей и отравлений. Ср. *Ар сурри* любит полакомиться сахаром. Тело ДП предполагается человекоподобным, – однако, не тождественно человеческим. К числу физических аномалий ДП можно отнести половинчатость. Но нужно иметь ввиду следующее: имея свой собственный индивидуальный образ ДП, сверх того, обладает способностью менять свою наружность, обращаться в другие образы, причем в этой своей способности он совершенно неограничен.

В отличие от бесплотных или имеющих неустойчивый облик призраков, которые – по-видимому, в силу своей нематериальной природы – не обнаруживают телесных потребностей и вообще не проявляют никаких желаний, кроме неизбежной вредоносности, направленной на попавшего в сферу их активности человека, существует класс демонов, представляющихся вполне «физическими» существами. К наиболее отчетливым образам такого рода относятся половинчатые персонажи в фольклорах чувашского, других тюркских, а также финно-угорских народов: тат. *ярымтык* «половина», удм. *палэсмурт* «пол-человека», мар. *иурлочо* «половино-калека» и др.

Само слово *Ар сурри* является исконным для чувашского языка и состоит из двух компонентов: *ар* «человек, мужчина» + *сурри* «половина» – «полумужчина», т.е. «половинник». Мир лесных персонажей в традиционных представлениях чувашей довольно богат и разнообразен, следовательно, достаточно подробно разработана и номенклатура лесных демонических духов. К разряду «лесных» можно относить такие демонимы чувашского языка, как: *Ар сурри* (*Арсури* и т.п. фонетические и орфографические варианты), *Вӳрман* (букв. «лес»), *Вӳрмантти* (букв. «лесной, находящийся в лесу, пребывающий в лесу», т.е. леший), *Вӳрман пуӳ* (букв. «глава леса», «лесной голова»), *Вӳрман торри* (букв. «лесное божество»), *Вӳрман ийи* (букв. «лесной хозяин», «лесной дух»), *Екӳте* (этимология данного демонима еще не установлена), *Онте* (диал., лит., *Упӳте*, букв. «обезьяна»), *Опиӳан* (диал., лит., *Упиӳан*, букв. «обезьяна»), *Шӳрелӳ* (тат. Шурале «леший») и др. Надо заметить, что эти демонимы чаще всего встречаются в текстах быличек (чув. *тӗшмӗш халапӗ*). Несмотря на всю фрагментарность сведений по семантике того или иного демонима в анализируемых текстах, выясняется определенная близость между названными МП, что можно говорить о специфической полионимичности некоего одного лесного персонажа (лешего). Надо отметить, что подобного рода определенная полионимичность наблюдается относительно практически почти каждого персонажа чувашского (и не только) пандемониума. Такая ситуация, видимо, объясняется, с одной стороны, состоянием самих народных представлений о низшей мифологии в период

22. Соглашение (келісім). Значение соглашения в повелительном наклонении выражается в принятии говорящим предложения второго лица. Например:

– *Жарайды, сениң-ақ айтқаның болсын, – дедім мен ерегістен түк шықпайтынын сезіп (С. Мұратбеков).*

23. Разрешение (рұхсат). Разрешение – положительная реакция на просьбу, намерение другого лица, выражение этой реакции словами. Например:

– *Е, алығыз, алығыз. Көтергеніңізіше алығыз (С. Мұратбеков).*

– *Бар, енді жүре бер – деді онан соң (С. Мұратбеков).*

24. Одобрение (мақұлдау). Одобрение – это выражение согласия на предложение уже начатого действия, одобрение действия, которое намерено совершить другое лицо. Например:

– *Онда сөйт, кейін асықпай отыратындай болып бір кел (С. Мұратбеков).*

25. Волево намерение (ұйғарым). В некоторых формах повелительного наклонения говорящий к действию побуждает самого себя. Например:

– *Қой, шаруама барайын. Әлгінде діірменге кезекке тұрып кетіп ем, – деп орнынан тұрды (С. Мұратбеков).*

26. Наставление (ақыл). Наставление вырастает на почве солидарности и сочувственного отношения к интересам других людей. В большинстве случаев с наставлением обращаются не к одному лицу, а к каждому человеку. В таких случаях оно обретает значимость. Например:

– *Бізді қайтесің Жанайжан, бізден үлгі алма. Осы кеткеніміз кеткен зой: біріміз боқтампаз, біріміз арызқой, біріміз қорқақ... Бойларыңа жұқтырып алмаңдар балалар, адам болуды ойласаңдаршы, – деді (С. Мұратбеков).*

27. Проклиание (қарғыс). Предложения, выражающие значение проклятия, употребляются лишь в том случае, когда человек сильно огорчен или когда он говорит с чувством ненависти, злости, желая другому плохое. Например:

– *Көзің аққыр, көзің ақсын! Ей Құнанбай, аруақ қаны. Қарғыс атқыр! – деп Бөжей айғай салып еді, осы кезде оны жығып салып, тоны мен шапанын түріп тастап, Қамысбай қамшыны қайта көтеріп алды (М. Әуезов).*

28. Пропаганда (үгіт-насихат). Форма повелительного наклонения иногда употребляется с целью пропаганды определенного действия. Например: *Ленин еңбектерін оқып-үйреніңіздер!* (*Қабырға газетінен*).

29. Совет (кеңес). Побудительные высказывания со значением совета находим в материалах разных изданий. Например: *Қосымша заттарды бір киімге емес, бірнеше киімге арнап алығыз. Алатын заттарыңызыдың түр-түсі басты назарда болсын, себебі киім бір-бірінен ашақ емес, керісінше бір-бірін толықтырып тұрсын, түр-түсі кірігіп жатқаны дұрыс* («Парасат» журналынан).

Приведенные разновидности на основе семантической общности объединяются в следующие группы:

I – группа повеления. Принадлежащие к этой группе оттенки – команда, приказ, задание, распоряжение и указ – по смысловым значениям требуют неукоснительного исполнения.

II – группа принуждения. К ней относятся слова с семантическими оттенками требования, угрозы, принуждения, которые используются для того, чтобы слушающий те или иные действия выполнил помимо своей воли.

III – группа просьбы. Сюда относятся выражения с оттенками просьбы, мольбы, предложения, вымаливания. Здесь говорящий не требует обязательного исполнения действия, а просит или предлагает.

IV – группа желаний. Относятся благословление, желание, благодарность, используемые с целью пожелания здоровья, добра и выражения симпатии, добрых намерений и т.п.

V – предупредительная группа. Относятся предупреждение, замечание, запрещение, используемые с целью дальнейшего прекращения действия.

VI – группа со значением приглашения. Относятся пропаганда (агитация), приглашение, призыв, совместное действие, используемые с целью совместного выполнения действий и призыва к чему-нибудь.

VII – согласительная группа. Относятся согласие, разрешение, одобрение, волево намерение, которые используются в виде положительной реакции говорящего, побуждая к началу и продолжению действия.

VIII – группа совета. Относятся советы и наставления, используемые с целью поддержки, поучения слушающего.

IX – группа проклинания. Относятся выражения, возникшие вследствие обиды, злости.

Таким образом, анализ фактического материала показал, что формы повелительного наклонения могут выразить огромное количество семантических оттенков, объединяемых нами в одно понятие «побуждение». Рассмотренные нами 29 семантических разновидностей на основе семантической общности в итоге объединяются в 9 групп.

Литература

1. Маманов Ы. Қазіргі қазақ тілі, лекциялардың тексттері. Алматы, 1973.
2. Оралбаева Н. Қазақ тіліндегі етістіктің категориялары. Алматы, 1980.
3. Дүйсембекова Л.С. Қазақ тіліндегі бұйрық райдың құрылысы мен мағынасы. Алматы, 1999.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *КИЭН* 'ШИРОКИЙ' В СОВРЕМЕННОМ ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

Ф.Н. Дьячковский

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск

Прилагательное *КИЭН* 'широкий' входит в якутском языке в число самых многозначных прилагательных со значением пространства. Оно является ядром лексико-семантической группы прилагательных, обозначающих протяженность в пространстве. Анализ фактического материала, исследование синтагматических отношений *киэ*, сопоставление полученных результатов с данными «Большого толкового словаря якутского языка» (БТСЯЯ) позволили выявить семантическую картину данного прилагательного, определить число его лексико-семантических вариантов и установить их иерархию. Термин «лексико-семантический вариант» (ЛСВ) понимается нами как одно из узуальных значений в семантической структуре слова, а множество ЛСВ образует семантическую структуру анализируемой лексики.

Система лексических значений прилагательного *КИЭН* представлена в словарях в среднем 6 единицами. Как правило, при каждом значении дается ряд его оттенков или ближайших производных. Наша картотека насчитывает 9 таких «совокупных» значений и 3 их ближайших производных или оттенков этих значений в определенных семантико-синтаксических контекстах. В статье они обозначаются индексом К – для прилагательного *КИЭН* и одной цифрой, например, К1, К2, а оттенки этих значений или их ближайшие производные обозначаются тем же цифровым символом, но разными буквенными символами с правой стороны цифры, например, К1а, К3б.

В семантической структуре *КИЭН* выделяются следующие взаимозависимые, взаимообусловленные ЛСВ:

К1. *Кэтит улахан иэннээх, ыраахха диэри тэнийэн, тайаан сыгар, нэлэмэн*. 'Обширный, широкий по объему, охватывающий большое пространство, большой' обладает высокой частотностью употребления, наиболее полно и обобщенно выражает понятие «широкий». Сочетаемый ряд этого ЛСВ крайне широк. Материал позволяет выделить несколько тематических групп слов, образующих с *КИЭН* сочетание и составляющих его семантический контекст: 1) компоненты ландшафта, местности: *КИЭН сир* 'широкая местность, земля, широкое владение', *КИЭН куйаар* 'широкий простор', *КИЭН тайга* 'широкая тайга', *киэ алаас* 'широкий алас', *КИЭН күөл* 'широкое озеро'; 2) населенные пункты, административные единицы: *КИЭН бөһүөлэк* 'широкий, большой поселок', *КИЭН куорат* 'большой город'. В данном случае речь идет не о поперечном размере, а о наибольшем размере объекта вообще.

К1а. *Иэнинэн улахан, кыарабаһа суох, кэтит* 'широкий по площади, величине, просторный (о небольших предметах, имеющих фасад)'. Сюда входят такие тематические группы, как: 1) строение (по внутреннему объему): *КИЭН дьиэ* 'просторный дом', *КИЭН хос* 'просторная комната', *балаган КИЭН* 'балаган просторный'; 2) мебель, домашняя обстановка (по объему, величине предметов небольшого размера): *КИЭН орон* 'широкая кровать', *КИЭН остуол* 'широкий стол'. Непроизводно-номинативный ЛСВ «обширный, широкий просторный» несет в себе основную смысловую нагрузку, является первичным, стилистически нейтральным, обладает высокой частотностью употребления, широкими возможностями комбинаторики, поэтому его можно считать основным ЛСВ в семантической структуре прилагательного *КИЭН*.

К2. *Туоратынан кэтит, кыарабаһа суох*. 'Широкий, узкий, большой по поперечнику'. Например, дорожное строение: *КИЭН суол* 'широкая дорога', *КИЭН уулусса* 'широкая улица'.

К3. *Ыга туппат, холку, улахан (таннар танас, атах таһаһын туһунан)* 'Свободный, просторный (об одежде, обуви)'. *Киэ* ырбаахы 'широкая рубашка', сонум *киэн* 'у меня пальто широкое'.

К4. *Элбэх дьону хабар, маассабай* 'Охватывающий многих, многочисленный, массовый'. *Нэһилиэнньэ киэн арангата* 'широкие слои населения', *КИЭН аабааччылаах хаһыат* 'газета, имеющая много читателей'. Сочетания с *КИЭН* в данном случае образуют количественную характеристику множества объектов. Появлению оттенка К4а в прилагательном *КИЭН* способствуют значения существительных *былаан* 'план', *бырагыраама* 'программа', которые имеют валентностную способность объекта. В данном значении *КИЭН* характеризует объект как значительную в количественном отношении гетерогенную множественность.

К5. *Кууруулээх, кэрининэн улахан, хотуулаах (хол., куоталаһы)* 'Широкий, с размахом, значительный (по степени, величине)'. *Биригээдэлэр икки ардыларыгар куоталаһы улам киэн далаһыны ылан истэ* (М. Дофтордурап). 'Соревнование между бригадами постепенно получило широкий размах'. В сочетании с абстрактным существительным *аймалбан* 'шум, суета' реализуется производное значение К5а «громкий, большой». К5б. *Сир айы тарбаммыт, кыайылаах-хотуулаах, улахан* 'Распространенный, проводимый повсеместно, с подъемом, большой'. *Нэһиликтэринэн арыгылааһыны утары киэн үлэ ытылынна*. 'Проведена большая повсеместная работа против пьянства

со всеми, а потому не принимает образ жизни своих сородичей. Ему не по душе их хищническое и грабительское отношение к другим племенам.

В главе, где речь идет о жизни в стане тонг биисов, мы знакомимся с нравами и бытом людей племени Маган Мэкчэ, который убил отца Даганчи.

Маган Мэкчэ изображен в романе как человек, не ведающий страха и сомнений. Главное содержание, смысл его жизни выражены в следующих словах, обращенных к сыну Ергечею: «Ничего и никого не жалея, должен ты сражаться за право своего народа жить в этом мире, где светит солнце». Но Ергечей, представитель другого поколения, видя, что отец его из-за сражений и битв ничего хорошего, доброго не нажил, относится к жизни иначе и верит во все светлое и чистое.

В сюжетной линии романа о стариках Хаттыаны и Мохсохо, познавших горе и несчастье на собственном опыте, писатель правдиво показал, что кровная месть, взаимная ненависть людям ничего хорошего не приносят. Старики стараются установить добрососедские отношения с другими родами. Эти сильные, смелые, мужественные люди, которые не раз одерживали победы над жестокими врагами и грозными силами природы, понимают что без взаимной поддержки и помощи им не выжить на свете. Такая светлая идея и в наше время звучит актуально и своевременно.

Таким образом, в романе Далана «Глухой Вилюй» дана широкая панорама жизни народов Якутии в век междоусобных и межплеменных распрей. В ней нашло отражение сочетание жизненной правды и фольклорных мотивов, благодаря которым автор романа обнажает весьма неустойчивые отношения народов Якутии до присоединения их к Российскому государству.

При написании своего романа «Глухой Вилюй» Далан широко опирался на сюжеты народных легенд и преданий. Поэтому в произведении превалирует фольклорно-этнографический стиль, что ведет к романтизации некоторых образов и их абстрактно-схематической трактовке. Однако в романе наблюдаем синтез различных начал: реалистическое изображение сложного исторического процесса, «притчеватость», философское осмысление истории и современности, что позволяет говорить о том, что произведение выходит на общечеловеческий уровень.

Одним из достоинств романа можно назвать мастерское описание автором картин природы, которые введены в роман. Каждый пейзаж как бы проходит через душу героя и служит контрастным фоном, на котором контуры характера персонажей выступают отчетливой и заметней.

В целом, роман народного писателя Якутии В.С. Яковлева-Далана «Глухой Вилюй» написан ярким, красочным и сочным языком. В нем умело использованы художественно-изобразительные средства устного творчества народов Севера, которые помогли автору правдиво и убедительно отразить реалии жизни народов Якутии в жестокий век межплеменных распрей.

Писатель В.С. Яковлев-Далан своим романом «Глухой Вилюй» заложил основу исторического романа в якутской литературе и тем самым поднял родную литературу на новую ступень развития. Главная мысль о том, что кровопролитие и разбой, убийство и кровавая месть ни одному народу не приносили расцвета, раскрыта Даланом очень убедительно и мастерски. В этом мы видим взаимопроникновение истории и современности, а главная идея романа – идея дружбы между народами и мира на земле.

ПОЛОВИННОТЕЛЕНЫЕ ПЕРСОНАЖИ В ЧУВАШСКОМ И ТЮРКСКОМ ФОЛЬКЛОРАХ

Г.Г. Ильина

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары

Научное изучение демонологических персонажей и принципов их номинации стало одним из интересных направлений в этнолингвокультурологических штудиях второй половины XX в. Разностороннее историко-культурологическое и этнолингвистическое изучение демонологических представлений, демонических духов и их названий представляет значительный интерес для познания традиционной духовной культуры народа и адекватного представления механизмов ее исторического развития на протяжении столетий.

Всестороннее изучение демонологических представлений чувашей возможно только при комплексном анализе достаточного объемного корпуса фольклорно-этнографических записей XVIII–XX вв., частично опубликованных, но большей частью ожидающих своего исследователя в богатейших архивных фондах. Вместе с тем в этом направлении важное историко-научное значение имеют и названия демонологических персонажей, ибо сравнительно-исторический и контрастивный анализ номенклатуры демонологических персонажей родственных, исторически контактировавших и других народов с привлечением также круга связанной с ними лексики и фразеологии может дать в руки исследователя новый материал, позволяющий проникнуть в более глубокие strata и выявить широкие кросскультурные и межэтнические исторические

Далан стремился реалистически отобразить конкретную историческую обстановку описываемой эпохи. Никаких письменных памятников о древней истории народов Якутии нет, поэтому изображение жизни многочисленных племен в соответствии с духом времени, как порождения определенной исторической эпохи, требовало от писателя долгого, кропотливого труда, обширных знаний и определенной смелости.

Роман «Глухой Виллюй» состоит из трех частей, каждая из которых разделяется на несколько глав. Он отличается сложностью сюжетных линий и обилием действующих лиц – представителей разных племен и народов. Но главное внимание автора обращено на взаимоотношения между племенами тонг-биисов, туматов и саха-уранхаев.

Свою художественную версию о древней истории народов Якутии в романе Далан начинает с описания места обитания главных героев повествования, как в олонхо якутов. Перед глазами читателя проплывают укрытая густым туманом местность – Долина Туматов, бескрайняя, безбрежная тундра – Великий Белый простор и непроходимая тайга, названная Богатая Черная тайга.

Действие романа начинается с повествования о жизни многочисленных туматов. Как это часто бывает в фольклорных произведениях, в основу сюжета в этой части положено убийство удальцом из племени тонг-биисов Маган Мэчэ прославленного туматского удальца – Хосууна Юрэна, из-за чего разгорается межплеменная распря.

Во второй части описываются бесконечные грабительские набеги тонг-биисов на соседние племена. И на этом фоне писатель убедительно показывает, что вражда с другими племенами и тонг-биисом приносит только горе и страдания. Писатель в образах молодых представителей тонг-биисов и туматов – Даганчи, Ерегечея и Ньырбачаан – всесторонне раскрыл пагубные последствия насилия и террора в судьбе каждого из народов Севера в век битв и резни.

В третьей части романа описаны судьбы саха-уранхаев на примере жизни бедных рыбаков – старухи Хаттыана и старика Мохсохо. Они, как и все люди, живущие в суровых условиях Севера, были сильными и отважными, умели постоять за себя и за свой род. Но они жили в весьма сложное, тревожное время, постоянными спутниками которого были кровопролитие и убийство, разбой и кровавая месть.

В этом произведении значительна роль фольклора в воссоздании жизненных реалий. Мы находим своеобразную стилевую структуру даже в показе жизни и быта, обычаев и обрядов народов Севера. Но писатель в целом придерживался реалистической манеры отражения действительности, в основе которой лежит принцип историзма. Однако при изображении поступков своих главных героев писатель часто прибегает к приемам героико-романтической прозы. Так, при раскрытии образа Ньырбачаан, главной героини романа, мы находим черты приключенческого, авантюрно-рыцарского романа.

Роман якутского писателя Далана во многом типологически близок к роману башкирского писателя К. Мэргэна «Крылья орла». В обоих произведениях нарисована тяжелая, полная лишений и горя жизнь народных масс, стонущих от бесконечных межплеменных, межродовых набегов и раздоров, под игом чужеземных завоевателей. В этих романах показано ужасающее положение народов Якутии и Башкирии до присоединения их к Русскому государству. Сказовый характер этих произведений, обрядово-бытовые этнографические подробности, которыми они насыщены, придают этим повествованиям особую эмоциональность и выразительность, накладывают свой отпечаток на стилевую природу и структуру романов.

Конечно, сюжетная ветвь, повествующая о приключениях и злоключениях главной героини романа Ньырбачаан, предопределяет типологические особенности романа «Глухой Виллюй» как приключенческого, но в целом в нем преобладает реалистический принцип изображения действительности. Это особенно заметно проявляется при показе событий, противоречий сложной эпохи межплеменных, межродовых распр. Столкновение представителей мужской половины разных племен определяет суть конфликта романа – завоевание того племени, кто проиграл, и присвоение его места обитания и имущества. Сюжет романа развивается в трех ответвлениях, отражающих основу локальных событий, но взаимосвязанных, отражающих приметы времени – жестокого века войн и резни.

Роман «Глухой Виллюй» Далана представляет собой синтез прошлого и современности. Писатель, отражая время межплеменных и междоусобных распр, проводит светлую мысль о том, что вражда и кровопролитие никогда не принесут людям счастье и процветание. Эту идею он мастерски раскрывает во множестве образов. Например, главный герой романа Даганча – сын хосууна туматов Юрэна, его единственный наследник, который должен продолжить отцовский род и отомстить за гибель отца. Показывая ум и сообразительность Даганчи, Далан не ограничивается усложнением сюжетных перипетий, а изображает крупным планом движение его души и мысли. Очувившись в Бердигестях Дэбэндэ, где живут туматы, Даганча вскоре становится лучшим воином-богатырем с тремя отметинами. Но он всю жизнь мечтал кормить себя только охотой на зверя и жить в согласии

среди населения? *Киэн*, вступая в сочетание с вышеуказанными существительными, используется для характеристики масштаба проводимой какой-либо деятельности и т.д.

К6. *Араас эгэлгэлээх; татыма, тутаба суох, мунура суох* ‘Разнообразный, неограниченный, обширный (о знаниях)’. При реализации данного ЛСВ чаще всего вступает в сочетания с существительными абстрактной семантики: 1) *билии* ‘знание, ум’; 2) *тиэмэ* ‘тема’, *туох эмэ ис хоһооно* ‘содержание чего-либо’. *Таабырын таайтарыытын да, таайыытын дабаны тиэмэтэ бэрт киэн* (Саха фольк.). ‘Тематика и загадки, и загадки весьма обширна’.

К7. *Утүө майгылаах, утүө санаалаах, дьэллэм* ‘Великодушный, щедрый’. Средством реализации ЛСВ К7 с оценочной характеристикой лица является сочетание *киэн* с существительными *дууһа* ‘душа’, *санаа* ‘мечта’. *[Мойот убайа] хайдахтаах киэн дууһалаах киһиний?!* (Т. Сметанин). ‘[Брат Мойота] какой он щедрой души человек?!’

К8. *Холку, намыын, ыгыма суох* ‘Спокойный, сдержанный, терпеливый’. В сочетании с существительным киги ‘человек’ прилагательное *киэн* имеет значение, которое характеризует положительную черту человека как уравновешенного, спокойного. *Салайар киһи киэн, холку буолуохтаах. Оттон эн ыгылыбыккын* (М. Добордуурап). ‘Руководящий человек должен быть спокойным, терпеливым. А ты разволновался’.

К9. *Намыын, дуорайан иһиллэр (куолас туһунан)*. ‘Сильный, громкий, раскатистый (о голосе)’. *[Дьийэрэн] Айматар-долгутар киэн куоластаах* (П. Ойуунускай). ‘[Дийэрэн] У него душевный, чересчур громкий голос’.

На основе различий в лексической сочетаемости у прилагательного *киэн* четко выделяются номинативно-непроизводные (основное, доминантное значение) и номинативно-производные, а также коннотативные значения. Они соотносятся с первичным денотатом следующим образом: прямое лексическое значение (денотативное первичное), производно-номинативные значения (денотативные вторичные), переносные денотативные вторичные значения, переносные коннотативные мотивированные лексические значения, переносные коннотативные немотивированные лексические значения.

На основе словарных дефиниций у прилагательного *киэн* отмечены следующие признаки-пропозиции первичного денотата: 1) «широкий»; 2) «большой, просторный»; 3) «многочисленный, массовый»; 4) «сильный»; 5) «спокойный».

Исследуемое прилагательное продуктивно в образовании различных устойчивых словосочетаний: составных именных сочетаний и фразеологических единиц. К примеру, *киэн көбүстээх* ‘терпеливый, великодушный, способный переносить страдания, боль, неприятности’; *Киэн көхсө кыараата* – 1) ‘Ему стало тяжело, трудно; он оторопел, не зная, что делать’; 2) ‘Терпение его лопнуло; вот-вот выйдет из себя’; *киэн аһаҕас дорбоон* ‘широкий гласный звук’ и т.д. [БТСЯЯ: 2007, 189].

В целом, произведенный анализ своеобразной системы лексических значений прилагательного *киэн* позволяет сделать вывод о том, что прилагательное *киэн* десемантизируется в результате расширения своих семантических границ. Для реализации того или иного ЛСВ прилагательного *киэн* не вызывает сомнения влияние семантики сочетающегося с ним существительного.

Литература

Большой толковый словарь якутского языка. Т.IV: Буква К / Под ред. П.А.Слепцова. Новосибирск: Наука, 2007. 672 с.

Добордуурап М. - Догордуров Михаил Федосеевич. Аныгы Лонкууда. Якутскай, 1952. 162 с.

Ойуунскай П. Слепцов Платон Алексеевич. Айымньылар. Часть I. Якутскай, 1958.

Саха фольк. - Саха фольклора. Якутскай, 1970. 298 с.

Сметанин Т. - Сметанин Тимофей Егорович. Талылыбыт айымньылар. Якутскай, 1969. 461 с.

МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЮЗНЫХ СЛОВ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

А.М. Иванова

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары

Союзные слова в тюркологии полностью не исследованы. Н.З. Гаджиева в их число включает некоторую часть вопросительных слов и называет соотносительными словами [Гаджиева: 1979]. М.З. Закиев проводит исследование всей системы относительных и соотносительных слов в татарском языке, называя их относительными словами и выделяя парные и одинарные их разновидности [Закиев: 1995].

Союзными словами в чувашском языке называют местоименные слова и наречия, в которых совмещены свойства знаменательной и служебной части речи: союзные слова имеют морфологическую форму; они, подобно союзам, выступают в качестве средств связи слов – в простых предложениях, предикативных частях – в сложных конструкциях. Связь, устанавливаемая при помощи союзных слов,

имеет характер подчинения; в роли связывающего средства вопросительные местоимения и наречия полностью или частично утрачивают вопросительное значение.

В качестве союзных слов в чувашском языке употребляются вопросительные слова *кам* «кто», *мён* «что», *хйшэ* «который», *а́ста* «где», *хйсан* «когда», *епле* «как», *мёнле* «как», *мён чухлэ* «сколько» и др. Союзные слова семантически могут соотноситься (коррелировать) с указательными словами *сав* «тот; то», *саванта* «там», *саван чух* «тогда», *сапла* «так», *саван чухлэ* «столько» и т.д. В силу этого они могут быть определены как соотносительные пары, или корреляты:

Сип а́ста сине саванта таталат «Нитка рвется на тонком месте»; *Кам тёрёслэхе юратать, сав яланах хисеплэ пулат* «Кто любит правду, тот всегда в почете». В данных предложениях соотносительными парами, или коррелятами являются *а́ста* «где» *саванта* «там», *кам* «кто» – *сав* «тот».

Наиболее интересную картину представляют союзные слова в сложноподчиненном предложении. Вопросительное (союзное) слово, находясь в придаточной части, является формальным показателем подчинительных отношений. Указательное слово в главной части, в отличие от союзов, является знаменательным словом и исполняет роль одного из членов предложения. Морфологическая форма и синтаксическая функция союзного слова не определяют вида придаточного предложения, это зависит от указательного слова, которое в функциональном отношении совпадает с придаточным предложением, т.е. придаточное предложение выполняет ту же функцию, что и указательное слово. Например, предложение *Мён акатан, савй шйтат* «Что посеешь, то и пожнешь» – сложноподчиненное, с придаточным подлежащим; коррелятами являются *мён* «что» (в функции дополнения) – *савй* «тот, то, та» (в функции подлежащего).

Вопросительные и указательные слова могут иметь как одинаковую, так и разную грамматическую форму. В примерах *Аишэ-амйшэ епле, ачи-пйчи те сапла* «Какковы родители, таковы и дети»; *Хёвел мён чухлэ аяларах, сичё тёслэ чёнтёрлэ кёпер те саван чухлэ сёллёрех* «Чем ниже солнышко, чем выше радуга» соотносительные пары – в одинаковой форме. В предложении *Каман тёрё камал, а́на ялан сямал* «Кто справедлив, ему всегда легко» корреляты имеют разные грамматические формы (союзное слово *каман* «досл. у кого; чей, чья, чье» – в родительном падеже, указательное слово *а́на* «ему» – в дательном падеже).

Части сложноподчиненных предложений с союзными словами четко выделяются интонацией. Именно употребление вопросительных и указательных слов активизирует смысловое выделение. Ср.: *Кам сук тет, ун чунё чйлах* «Кто говорит «нет», тот душой калека»; *Сук текеннин чунё чйлах* (перевод такой же: «Кто говорит «нет», тот душой калека»), ибо русский язык не имеет подобных конструкций). В данных предложениях высказывается одна и та же мысль, но в первом примере она выражена более ярко, утвердительно, подчеркивая.

Классификацию придаточных предложений, подчиненных главному при помощи союзных слов, можно проводить по форме, семантике или функции указательного слова. В данном случае предпочтение отдается их функции, в то же время обращается внимание на форму и значение. Рассмотрим на конкретных примерах основные виды придаточных предложений, соединяющихся с главным при помощи союзных слов.

1. Придаточные подлежащие предложения.

Если указательное слово выполняет функцию подлежащего главного предложения, то и придаточное предложение, дополняющее указательное слово конкретным содержанием, выступает в роли подлежащего. Закономерно, указательное слово позицию подлежащего занимает только в основном падеже. Подлежащим могут быть указательные слова *сав(а)* «тот», *савсем* «те», *вёл* «он; тот»: *Атте-анне килне камах тытё? Хйшэ а́раскаллэ, сав тытё* «Кто будет жить в доме родителей? Кто счастливый, тот и будет жить»; *Кам аишэ-амйшине хисеп тавать, вёл хйй ывёлэ-хёрёнчен те чыс курать* «Кто почитает родителей, тот сам будет уважаем дочерьми и сыновьями».

2. Придаточные сказуемые предложения.

Если указательное слово выполняет функцию сказуемого главного предложения, то и придаточное предложение, поясняющее содержание указательного слова, выступает в роли сказуемого. Сказуемым являются указательные слова *сапла* «так, таково», *савнашкал* «так, таково»: *Асти епле, ёсё сапла* «Каков мастер, такова и работа»; *Сини мёнле, ёслени савнашкал* «Кто как ест, так и работает».

3. Придаточные определительные предложения.

Если указательное слово занимает позицию атрибута главного предложения, то и придаточное предложение, раскрывающее содержание указательного слова, выступает атрибутом. В таких видах сложноподчиненных предложений соотносительные пары многочисленны: *мён* «что» – *сав* «то», *кам* «кто» – *сав* «тот», *мён чухлэ* «сколько» – *саван чухлэ* «столько», *кам* «кто» – *саван* «его», *кам* «кто» – *унан* «его»: *Асламйшэ мён ёслет, сав ёсе алла тытассё ачасем* «Дети занимаются тем, чем

образования – воспитание личности, наделенной исторически национальным самосознанием. Поэтому необходимо широко использовать народные формы и методы воспитания в учебном процессе. Приобщение детей и молодежи к родному фольклору подразумевает освоение песенных жанров, овладение национальным этикетом, обеспечение музыкально-поэтическим наполнением и сопровождением календарных праздников, обрядов, хороводов, состязаний частушечников, детских народных игр.

Литература

- Алексеев Г.А.* К истории просвещения в раннефеодальном государстве Волжской Булгарии. Чебоксары: Тип. № 1 Госкомиздата ЧССР, 1990. 48 с.
- Волков Г.Н.* Чувашская этнопедагогика. Чебоксары: Фонд И.Я. Яковлева, 2004. 488 с.
- Дмитриев В.Д.* История Чуваши XVIII века (до крестьянской войны 1773–1775 годов). Чебоксары: Чуваш. гос.-ное изд-во, 1959. 529 с.
- Кондратьев М.Г.* Музыкальная культура: традиции и инновации // Чуваши Приуралья: культурно-бытовые процессы. Чебоксары: ЧНИИ, 1989. 136 с.
- Кудаков Ю.Д.* Подготовка учителей музыки к формированию эстетической культуры школьников (на примере чувашского народного песенного творчества): Дис. ... канд. пед. наук. Чебоксары, 1998.
- Мошков В.А.* Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев Волжско-Камского края: Музыка чувашских песен. Т. XI. Вып. 1. Казань: Изд. ОАИЭ, 1893. 375 с.
- Никольский Н.В.* Конспект по истории народной музыки народностей Поволжья. Казань: Первая гос. тип., 1920. 72 с.
- Павлов Ф.П.* Речитативы в чувашской народной песне. Собр. соч. в 2-х т. Т. 2. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1971.
- Салитова Ф.Ш.* Развитие музыкально-педагогической культуры татарского народа (от истоков возникновения до формирования как устойчивого явления): Дис. ... докт. пед. наук. Казань, 2003.
- Сидорова Е.С.* О песенном фольклоре Сихтерминских чуваш // О чувашской литературе. Чебоксары: ЧНИИ, 1977. 160 с.
- Яковлев И.Я.* Моя жизнь. М., 1997. 403 с.

ФОЛЬКЛОР И СОВРЕМЕННОСТЬ (по роману В.С. Яковлева–Далана «Глухой Виллой»)

Д.Е. Васильева

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск

В настоящее время, в период обновления общественно-политической и культурной жизни общества, обращение писателей к исторической тематике вполне закономерно. В якутской литературе еще в 1970–1980 годы наблюдается некоторый отход от идеализированного изображения существующей действительности. Передовые писатели Якутии, так же как ведущие писатели многонациональной литературы бывшего СССР, стремились показать раннюю историю народов и связать ее с проблемами современной действительности.

Прошедший суровые годы сталинских репрессий, ставший известным среди читателей своими повестями «Дивная весна» и «Песнь великой тайги» В.С. Яковлев-Далан первым из якутских писателей обратился к ранней истории народов Якутии.

Историк по профессии, прежде чем написать свой роман «Глухой Виллой», В.С. Яковлев-Далан скрупулезно изучал исторические, этнографические и фольклорные материалы. Он особенно тщательно ознакомился с произведениями устного народного творчества, собранными известными фольклористами и этнографами Якутии С.И. Боло, А.А. Саввиным, А.С. Порядиным, И.Г. Березкиным, Н.Г. Степановым и другими.

Свое внимание В.С. Яковлев-Далан также уделял научным трудам известных ученых: А.Ф. Миддендорфа, В.И. Иохельсона, Г.В. Ксенофонтова, А.С. Токарева, А.П. Окладникова, Г.П. Башарина, В.Н. Иванова и др.

Роман «Глухой Виллой» повествует о далеком прошлом Якутии. Отображенная в нем жизнь многочисленных народов Якутии до вхождения ее в состав Российского государства чрезвычайно сложна, запутанна и недостаточно еще исследована учеными. Основное из ответвлений сюжета развивается на берегах реки Виллой, куда приходят первые якутские переселенцы. Параллельно рассказывается об исторических судьбах разных племен, населявших Якутию, – туматов, тонг-биисов, щитолицких джирикинеев, кочевых племен саамай, джурах, мандаадыр и др.

Главная сюжетная линия романа «Глухой Виллой» основывается на преданиях и устных рассказах народов Севера, повествующих о былых временах межплеменных и межродовых распри «кыргыз уйэтэ», происходивших в начале XVII в. в Якутии.

Некоторые песни, например хороводные, исполнялись при определенном действии: при ходьбе по кругу, при играх, при плясках. При ходьбе по кругу, взявшись за руки, пели медленные, протяжные песни. Быстрые песни пелись в темпе пляски, при которой поющие хлопали в ладоши и топали ногами, встав лицом к середине круга [Алексеев: 1990, 20].

Исследователи отмечают преобладание в чувашских народных песнях пентатоники, установившейся во времена пребывания предков чувашей в Азии. Напевность, большая мелодичность в чувашских народных песнях сочетается с яркой выразительностью. Для большинства песен чувашей характерен образный параллелизм – сопоставление мыслей и переживаний поющего с картинами природы. Старинные чувашские песни подразделяются на множество жанров: трудовые, хороводные, игровые, плясовые, посиделочные, пирушечные, культово-обрядовые, свадебные, рекрутские, исторические и др. [Дмитриев: 1959, 471]. Подробная классификация чувашских народных песен дается Ю.Д. Кудачковым [Кудачков: 1998, 17].

Молодежь весной и летом устраивала игры и хороводы (происходили даже игрища молодежи всей округи), а зимой собиралась на посиделки (улах). Как отмечает В.Д. Дмитриев, игровые, хороводные и посиделочные песни большей частью были лиричны, оптимистичны, среди них преобладала тема взаимоотношений молодежи. У язычников-чувашей культовые обряды, за исключением молений и жертвоприношений киреметям, сопровождались песнями и плясками. Культовые праздники сурхури (зимний детский и молодежный праздник в честь приплода скота и урожая хлеба), сёрен (калам), вирём (весенние праздники с обрядом изгнания зимы и духов усопших), акатуй, сёмёк (праздник весеннего цветения, общественные поминки покойников на кладбищах), уй чук (моление об урожае) и другие сопровождалось песнями и плясками [Дмитриев: 1959, 437].

Участвовали дети и молодежь также в обрядах старшего поколения. Фольклорист Е.С. Сидорова рассказывает о сохраненном до наших дней обряде «уяв» [Сидорова: 1977, 147]. С целью избавления от злых духов, нечисти, болезней проводился обряд «серень». Дети ходили весной из дома в дом, собирали яйца, распевая песню, затем за околицей, на специально отведенном месте, люди разжигали костер, варили кашу, яйца. Песни «серень» восхваляли родственников, в них слова уважения к родителям:

*Если в подполе лежат восемь яиц,
Все восемь – желтые яйца.
Бери, мама, не одно, бери все.
Нас всего трое-четверо родных,
Люби не одного, мама, всех люби.
Надень-ка, мама, белое платье,
Я посмотрю, как ты нарядна.
Благословите, мать и отец,
Я хочу услышать ваше благословение.*

Слова о почитании старших в песнях отражали патриархальный устой старинной чувашской семьи. «Вы старше, а мы молодые, не преклоняться перед вами – не будет нам чести» [Сидорова: 1977, 150].

По словам основоположника этнопедагогики Г.Н. Волкова, красивые мелодии в сочетании с прекрасной поэзией усиливают не только эстетическое воздействие песен на детей и молодежь. Во многих песнях житейский опыт выступает в тесной связи с другими сторонами формирования личности [Волков: 2004, 388]. М.Г. Кондратьев приводит пример «нартуган юрри» из записей И.В. Салтыкова, где «формулируется представление о жизненном предназначении младшего поколения, его будущем»:

*Силлём кáна силлём те, ай сил пуçе,
ырă учёсем пулчёс те сул пуçе;
Турáпалан пўлэхсем сырнă пулсан,
эль этёр те пулáпър сурт пуçе* [Кондратьев: 1989, 106].

Таким образом, краткий анализ песенной воспитательной традиции чувашского народа позволяет сделать следующие выводы:

1. В сфере музыкальной культуры язычество выступало гарантом особой устойчивости фольклорно-песенных традиций и хранителем уникальных памятников древнечувашских песенных жанров. Музыкальные обряды, ритуалы, обычаи, являясь отражением мирозерцания народа, своеобразной формой общественных отношений, были, в отличие от церковного искусства, формой самой жизни. Чувашские народные праздники, неизменным участником которых было подрастающее поколение, возрождали и обновляли эстетическое начало в его чувственно-непосредственном и религиозно-непредопределенном варианте.

2. В формировании национального самосознания велика созидательная роль фольклора, так как по интеллектуальным, эстетическим, этическим ценностям фольклор максимально удовлетворяет духовные запросы людей, формирует чувство национальной и человеческой полноты. Задача современного

занимается их бабушка»; *Върмана мён чухлэ шаларах кёретён, сун санталак вёрттáнлáхёсем сáвáн чухлэ ытларах тёлёнтереçсё* «Чем дальше заходишь в лес, тем больше удивляют тайны природы»; *Кам тáрáшуллá, унán ёçё те сырáсуллá* «Кто старателен, тот и аккуратен».

4. Придаточные дополнительные предложения.

Если указательное слово выражает значение объекта, то и придаточное предложение, раскрывающее содержание указательного слова, выполняет функцию дополнения. В таких примерах указательные слова обязательно будут иметь грамматическую форму одного из косвенных падежей: *Турри кампа сырнá, сáвáнпах ёмёр ирттерме тивет* «С кем бог благословил, с тем и жизнь прожить»; *Телей тени кам унáн тáрáшáть, áна шырать, сáвáнáн сёс иккен* «Счастье дается тому, кто ищет его и борется за него».

5. Придаточные обстоятельственные предложения.

Если указательное слово выполняет функцию обстоятельства главного предложения, то и придаточное предложение, дополняющее указательное слово конкретным содержанием, выступает в роли обстоятельства. Разнообразна семантика указательных слов: они выражают значение места (*унта* «там», *сáвáнта* «там», *унталла* «в ту сторону, туда», *сáвáнталла* «в ту сторону, туда»); времени (*сáвáн чух(не)* «тогда», *сáвáнтáнна* «с тех пор», *сáвáнтах* «тотчас»); образа действия (*сапла* «так», *сáвáн пекех* «также», *саплипех* «таким же образом»); меры и степени (*сáвáн чухлэ* «столько», *сáвна кура* «в соответствии с»): *Асталла чун туртáть, ура та сáвáнталлах утáть* «Иду туда, куда просится душа»; *Мён тери йышлáнрах, сáвáн чухлэ аванрах* «Чем нас больше, тем лучше».

Следует подчеркнуть, что порядок расположения частей в сложноподчиненных предложениях с союзными словами фиксированный: придаточная часть предшествует главному. Редко встречаются примеры, в которых придаточная часть находится в интерпозиции: *Ёçе тытáнсан, цемент мён чухлэ кирлэ, сáвáн чухлэ илме пултáратáн* «Взявшись за работу, цемента можешь брать столько, сколько нужно». Однако в разговорной речи часто встречаются предложения, в которых придаточная часть находится в постпозиции. Такой порядок слов не является нормой для чувашского литературного языка. Очевидно, что подобные конструкции формируются под влиянием русского языка: *Çав ачасем хитре ўкерёçсё, хáшёсен талант пур* (вместо *Хáш ачасен талант пур, сáвсем хитре ўкерёçсё*) «Рисуют красиво те дети, у которых есть талант» или *Çавсем сёс паспорт илеёçсё, хáшёсем вун тáваттá тултáрнá* (вместо *Хáшёсем вун тáваттá тултáрнá, сáвсем сёс паспорт илеёçсё*) «Лишь те могут получить паспорт, кому исполнилось четырнадцать лет».

По сравнению с другими типами, сложноподчиненные предложения с союзными словами в современном чувашском языке не активны. Они более употребительны в разговорной речи. Союзный способ подчинения не стал ведущим во всех тюркских языках [Убрятова: 1976]. Причина в том, что бессоюзные конструкции (предложения, части которых соединяются аффиксами, послелогами, порядком их расположения) были сильным конкурентом союзного способа подчинения. И почему все же в тюркских языках возникли союзы и союзные подчинения? Анализ семантических отношений между компонентами сложноподчиненного предложения дает возможность предполагать, что синтаксическим основанием для развития союзных предложений были противительные значения – условные, уступительные, следственные и др. Для выражения резкого противопоставления, контрастности выбирались по мере необходимости союзные предложения.

Н.И. Ашмарин указывает, что предложения с союзными словами в чувашском языке относятся к «новым» конструкциям и приводит примеры: *Эпё утá капанё айёнчен тухрám та, тётём áсталла, сáвáнталла таратáп* «Я вылез из-под стога сена и пустился бежать – куда дым, туда и я»; *Малашне ёнтё тилле шанмáп, áна áста курнá, унта пётёрёп* «С этого времени я уже не буду доверять лисице, где ее увижу, тут же и прикончу» [Ашмарин: 1903]. Н.И. Ашмарин полагал, что предложения с союзными словами являются новой формой, потому что они менее распространены. Но в то же время данные конструкции встречаются в пословицах и поговорках, в языке сказок и других жанров устного народного творчества. Исследователь татарского языка М.З. Закиев утверждает, что подобные примеры имеются даже в памятниках древнетюркской письменности [Закиев: 1995]. Судя по этим данным, можно сказать, что предложения с союзными словами являются древними образованиями, но в силу ряда причин в чувашском языке они недостаточно развиты.

Литература

1. *Андреев И.А.* Хальхи чáваш чёлхи : Синтаксис. Шупашкар: Чáваш кён. изд-ви, 2005. 334 с.
2. *Ашмарин Н.И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса. Казань: Типо-литогр. В.М. Ключникова, 1903. Ч. 1. 573 с.
3. *Гаджиева Н.З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Синтаксис. М.: Наука, 1979. 270 с.
4. *Закиев М.З.* Татарская грамматика. Синтаксис. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1995. Т. 3. 576 с.
5. *Убрятова Е.И.* Исследования по синтаксису якутского языка. Сложное предложение. Новосибирск: Наука, 1976. Ч. 2, кн. 2. 380 с.

ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ МОНГОЛЬСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

О.Г. Михайлов

Средняя общеобразовательная школа № 3 г. Ядрин Чувашской Республики, г. Ядрин

Историю тюрко-чувашско-монгольских языковых заимствований можно разделить на 5 периодов: 1) период праалтайского родства; 2) период огурско- (=прабулгарско-, проточувашско-)–монгольских языковых взаимосвязей; 3) период тюркско-монгольских языковых взаимосвязей; 4) период монгольских заимствований в чувашском, опосредованных золотоордынско-кыпчакским языком; 5) период монгольских заимствований в чувашском, опосредованных татарским языком.

Только после выявления всех разновременных пластов заимствований можно будет приступить к установлению языковых фактов, обусловленных генетическим родством алтайских языков и их строгой научной верификации. Пока в алтаистике эта процедура не проведена и исследователям приходится оперировать разнородным фактическим материалом.

Вслед за Ю. Неметом, Л. Лигети и А. Рона-Ташем монголо-чувашские лексические схождения с характерным «алтайским» ротаизмом и ламбдаизмом, а также присоединяемые к ним по другим фонетическим критериям лексические группы мы относим ко второму периоду и считаем их огурскими (=прабулгарскими или проточувашскими) заимствованиями в прамонгольском. Это позволяет более точно установить место чувашского языка среди алтайских языков. Пока его положение промежуточно между тюркскими (по лексике) и монгольскими (по фонетике) языками.

Третий период относится к эпохе возвышения монголов в XIII–XIV веках. В этот период происходит сильное смешение тюркских и монгольских языков; многие монгольские племена растворяются среди тюркских, главным образом кыпчакоязычных народов, принося мощный монгольский стратум в тюркские языки. В свою очередь в среднемонгольский начинают проникать многочисленные тюркизмы.

После окончательного завоевания монголами Волжской Булгарии в 1236 году начинается массовое проникновение монгольских элементов из золотоордынско-монгольского языка в среднебулгарский. Эти монголизмы чувашского языка относятся к четвертому периоду.

И наконец, после установления в середине XV века Казанского ханства монголизмы начинают проникать в чувашский из татарского языка. В принципе, последние три периода можно считать периодом монгольских проникновений в чувашский. Однако хронологический разрыв между ними обусловил определенные фонетические изменения, и они достаточно хорошо различаются.

Далее мы рассмотрим те тематические группы слов, которые имеют соответствия в современном чувашском языке и которые, как считаем, являются монгольскими заимствованиями.

В золотоордынский период через посредство кыпчакского языка в булгаро-чувашский язык проникали среднемонгольские слова

Флора и фауна:

чув. (а)лаша « лошадь, конь» ~ монг. laуса « мул», «лошак» ~ пратюрк. *la « мул», тюрк. аласа ~ алаша ~ лаша « мерин»; ср. удм. uloso; чув. <– кыпч. (<– монг. ?);

чув. лачан « сокол» ~ монг. nasin « сокол» ~ тюрк.: Уйг., Дж., Осм., lacin «id.»

чув. пайттал « яловая кобыла», «корова» ~ монг. bajitasun, bajtsan, bojdas (х.-монг. баetas) «молодая нежеребившаяся кобыла», «яловая жирная кобыла» ~ тюрк.: Уйг. baital, Кир. baital «трехлетняя кобыла»; чув. <– кыпч. <– монг.;

п.-монг. bodune, ср.-монг. bodene «перепелка» → кыпч. bodone (> каз. bodeno, тат. будене, башк. бузене) → чув. путене «перепелка»;

п.-монг. qarçayai, ср.-монг. qarçiya «ястреб» → кыпч. qarçiya (> тат. карсьфа) → чув. хурчка «ястреб»;

чув. ялман «суслик» ~ монг. jaraman «суслик»; чув. <– тат. <– кыпч. <– ср.-монг.

Родственные связи:

п.-монг. jaucsi «сват», «посредник» → кыпч. jawci (> каз. жаушы, к.-калп. жаушы «сват», «посредник», тат. яучы «сват» → чув. евче «сват», «сводник», «посредник (в каком-либо деле);

п.-монг. pokor «друг», «товарищ», «сподвижник», ср.-монг. poker --> кыпч. poker (> каз., к.-калп. нокер, к.-балк. poger, башк. негер) → чув. некер «дружка жениха», но чув. нукер <– тат.;

п.-монг. quad «сват», «родители супругов по отношению друг к другу» → кыпч. quda (> каз. куда, тат. кода, башк. коза «сват» → чув. хата «сват»;

чув. ача «ребенок», «дитя» ~ монг. *ati > asi «внук», «племянник» ~ тюрк. (Орх. ati «id.»; чув. <– тат. <– тюрк. <– монг.;

веселимся, бог, глядя на нас, тоже радуется, радуются поле, лес, звезды – все в природе. Даже зарницы, сверкая в небе, тоже радуются, как бы участвуют в нашем веселье» [Яковлев: 1997, 70].

Описывая музыкальный быт, фиксируя произведения народного творчества, этнографы имели цель дать характеристику культуры народа. Так, Н.В. Никольский утверждал, что «из всех отделов этнографии чуваш наиболее посчастливилось отделу о песенном и музыкальном творчестве» [Никольский: 1920, 7], имея в виду, что песенное и музыкальное творчество чувашей изучено достаточно полно и научно.

Существует одна интересная легенда о том, что чуваша научились музыкальному искусству от Киреметя. Злому богу Киреметю, чтобы прокормиться, не хватало жертв, приносимых ему людьми. Чтобы окончательно не умереть с голоду, он решил придумать какое-нибудь занятие и научился от Эсреля (духа смерти) музыке, сделав из нее выгодное для себя ремесло. Киреметь прельстил музыкой людей, от него люди научились предаваться приятному услаждению музыкой. По смыслу легенды, занятие музыкой – греховное дело. Это парадоксально, ведь, казалось бы, природная расположенность чувашей к музыке, песенному творчеству должна иметь более гармоничные примеры, однако такой взгляд чуваша-язычника на занятие искусством гармонирует с его аскетическим мировоззрением, сложившимся на почве лишений и превратностей его прошлой исторической судьбы.

Тем не менее этнографы, ученые и исследователи отмечают большую музыкальную одаренность чувашского народа. В.А. Мошков пишет: «Из числа всех упомянутых инородцев, чуваша, как мне кажется, самый музыкальный или наиболее любящий музыку народ. Из чуваш мне не доводилось еще встретить ни одного человека, который не пел бы своих родных песен» [Мошков: 1893, 34].

Отличительной особенностью чувашской народной песни, по мнению этнографов, являются следующие факторы:

- 1) красота языка в песенных текстах;
- 2) воспитание любви к языку матери;
- 3) живая энергия, безмерная сила.

Во всем этом мы видим огромный этнопедагогический потенциал:

1) воспитание чувствования и понимания органичности красоты и смысла текстов, сюжетов, единства слова и мелодии;

2) любовь к языку матери перерастает в любовь к родному народу, краю, в котором ребенок живет и растет;

3) энергетика чувашской песни оказывает духовно-нравственное воздействие на психику как взрослого, так и ребенка, развивая чувство гордости и понимания непреходящей ценности чувашской песенной традиции.

Песенное народное творчество – не просто своеобразный вид искусства, это особая форма общественного сознания и неотъемлемый компонент повседневного быта народа. С помощью песен проходило нравственное становление детей, эстетическое развитие, деятельное их отношение к действительности, преодоление психологического и социального инфантилизма – подготовка к отцовству, материнству, роли воспитателя детей.

Гениальный опыт воспитания ребенка с первых дней его жизни, накопленный, отточенный и проверенный на протяжении многих веков, дает нам народная педагогика, самобытнейшая культура чувашского народа. В творчестве народа мы встречаем великолепные песни и хороводы, сказки и загадки, пословицы и приметы, передаваемые по наследству.

Важным элементом музыкального просвещения являлась народная практика, основу которой составляли семейно-бытовой, культово-обрядовый фольклор. Ф.Ш. Салитова указывает, что формы языческой обрядности впоследствии трансформировались в детские игры или продолжали участвовать в трудовом воспитании, способствуя освоению навыков и эстетическому оформлению трудовых процессов [Салитова: 2003, 17].

Интересны в плане речевого научения детские игровые речитативы, представляющие значительный интерес, выявить содержание которых очень трудно, иногда невозможно. Ф.П. Павлов, обращая внимание на них, приводит следующие примеры:

I	II
<i>Иичик-пышчик,</i>	<i>Ичĕ-пичĕ</i>
<i>Пива-сава,</i>	<i>Пĕвви-сăвви.</i>
<i>Лёнки-лянки</i>	<i>Лĕнки-лянки</i>
<i>Лёпёчи!</i>	<i>Лĕпĕчи!</i>

По-чувашски смысл непонятен, на русский язык сочетание слов непереводимо. Это чисто чувашские слова по строению, по музыкальности. «В них есть то, что в силу чувства родного языка кажется близким, родным, но смысла невозможно понять. Для детей, когда они под эту музыку играют, слова имеют особый, своеобразный смысл, свое «таинственное значение». Это – детский символизм» [Павлов: 1971, 262].

Знающие обо всем этом люди в старину говаривали, что на **чёрную кошку** можно выменять у нечистой силы шапку-невидимку и неразменный червонец. Кошка нужна для того, чтобы добыть кость-невидимку – древнейшее колдовское средство.

Из поколения в поколение, из уст в уста передаются «рецепты» и способы наживы богатства разными способами. Жадность человека безгранична. «Мул тупас тесен, уйăх тăхăри тунă каç **хура кушак** тытса хура мунчара пёсерсе сîмелле. Сапла тусан сёс мул сёр айёнчен тухать, теçсё» [Кипек: 1983, 10]. И это убеждение настолько сильно, что до сих пор проявляет себя в тех или иных традициях каждого народа.

Герои выше названных романов Н. Гоголя, М. Булгакова, Н. Петровской, Г. Максимова – это обычные люди в обычной жизни. Однако на самом деле в них, наряду с обыденными вещами, живет загадочное, прячется непонятное, таится пугающее. Понять их читателю гораздо проще, и внезапное вмешательство потусторонних сил, как правило, делает историю более правдоподобной и захватывающей.

Предрассудки, связанные с **чёрными кошками**, глубоко укоренены в мировоззрении народа. Именно суеверия сложили стереотипное мышление средневекового человека, доставшееся в наследство нашим современникам. Существуют свои способы и методы, переданные из поколения в поколение, способствующие борьбе с «чарами» **чёрной кошки**: кто-то в панике плюет через левое плечо, кто-то скрещивает пальцы, кто-то эгоистично ждет, когда же пройдет через это место кто-то другой, ну а некоторые, не веря никаким способам спасения, просто обходят это место стороной, и это еще раз подтверждает, что **чёрных кошек** и по сей день окружает ореол таинственности.

Таким образом, следует сказать, что образ **чёрной кошки** в художественной литературе используется, в первую очередь, чтобы раскрыть человеческую сущность через мифологическое восприятие. Это стремление писателей вернуть героя – часто нашего современника – в лоно первобытности, то есть, отделить от него социальное и показать естественно-природное, духовное.

Литература

Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. 352 с.

Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки: Повести. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1980. 224 с.

Кипек Д.А. Кайăк тусё: Романпа калавсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1983. 512 с.

Максимов Г.А. Сёреллĕ хура кушак: Повесем, калавсем. Шупашкар: «ИПК «Чувашия» ПУП, 2009. 320 с.

Петровская Н. Хура Ангел. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1991. 318 с.

Чăваш халăх пултарулахĕ. Мифсем, легендăсем, халапсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2004. 567 с.

Секция 10

ТЮРКСКАЯ ФОЛЬКЛОРИСТИКА

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ЧУВАШСКОЙ НАРОДНОЙ ПЕСНИ

Г.В. Алжейкина

Чувашский государственный институт культуры и искусств, г. Чебоксары

Каждый народ, так же как и отдельная личность, имеет свою индивидуальность (особенность) как следствие историко-культурных, климатических и материальных условий, при которых сложилась его жизнь. Лучший памятник народной жизни, ее развития, самый животрепещущий элемент народности – это песня: в ней – примеры и образцы единения человека с природой и внутренней борьбы с природными инстинктами, след пережитого горя и счастливых надежд. Песни – осколок исторической и индивидуальной жизни народа с характеристикой всех его особенностей, всех воспринятых народом, даже минутных впечатлений. Песня – это летопись, она продукт постепенного роста народа, она живет в устах народа, сохраняя из века в век свою цельность, даже несмотря на вымирание поколений.

Велико воспитательное значение чувашской народной песни. До распространения школ воспитание основывалось на народных приемах и средствах, выработанных столетиями, среди которых одним из главных являлась песня. Без преувеличения отмечаем, что педагогическая мудрость народа отражена в народных мелодиях. Воспитательная практика народных чувашских песен выступает как многостороннее явление: содействие умственному развитию, наставление и выработка положительных привычек, передача опыта, накопленного поколениями.

И.Я. Яковлев отмечал духовно-нравственное, воспитательное, религиозное значение народной песни. «Чувашские песни, слышанные мною в детстве, носят в себе много оригинального, особенного. В основе их – всегда поэтическая картина... Мотивы их трогательны. Все они – чувашская поэтическая импровизация. В одной из песен говорится, что пока мы, чувашаи, радуемся,

Общественная жизнь:

чув. алман «подать, повинность» ~ монг. alban «служба; налог»; уст. «подать, дань, ясак»; ист. «повинность» ~ пратюрк. *alban «подать, повинность»; чув. ← тат. ← тюрк. ← монг.;

чув. элче уст. «посол» ~ монг. elci (х.-монг. elçi) «посол, гонец, нарочный, курьер»; чув. ← тат. ← монг.;

чув. ясак уст. «ясак, оброк» ~ монг. jасay «власть, политический строй; правительство»; ист. «правитель, князь»; чув. ← рус. ← тат. ← монг.;

чув. тамха уст. «тамга (знак собственности); клеймо, тавро (например, на скоте)» ~ монг. tamaya (х.-монг. тамга ~ тамаг) «печать, клеймо, тавро» ~ пратюрк. *tamға «печать», «тавро», «знак», «примета»; чув. ← кыпч.;

чув. турхан ист. «тархан (мелкий феодал)» ~ монг. darqan (х.-монг. дарха) «кузнец, свободный от повинностей»; чув. ← зол.-кыпч. ← монг.;

чув. йерке «порядок; положение; правило» ~ монг. jerge (~ бур. диал. jür-гэр) «звание, степень, чин, ранг, титул; уровень; ряд; степень; сорт; чув. ← тат. < тюрк. < монг.;

чув. урта «стан, ставка; дворец» ~ монг. ordu (х.-монг. ордо) «дворец», «ставка», «резиденция», «орда», «лагерь» ~ пратюрк. ordu «ставка», «резиденция хана», «дворец»; чув. ← кыпч. ← монг.;

Транспорт, сбруа, средства передвижения и их принадлежности:

п.-монг. поуто «недоуздук» → кыпч. *noqta (> каз. нокта, тат. нукта) → чув. нахта «недоуздук»;

Отвлеченные понятия:

п.-монг. elbek «обилие, изобилие» → кыпч. *elbek (> башк., тат. диал. илбек) → чув. илпек «изобилие», «богатство»;

п.-монг. bolsayan, bolsal «уговор о времени и месте», «условное время» (< bolsa-) «условиться», «договориться о сроке» → кыпч. *bolzal) w (> каз. болжал «предположение», «ориентировка» → чув. палчав, палчал «окончательный уговор о дне свадьбы»;

п.-монг. saji(n), ср.-монг. saji «хороший», «здоровый» → кыпч. saji → чув. сайă «хороший» (мар. сай, сайă «хороший»);

п.-монг. dem «поддержка», «помощь» → кыпч. *dem (> тат., башк. дим «уговаривание», «увещевание», «совет», «убеждение» → чув. тим «старание», «усердие»; «побуждение», «стремление»;

п.-монг. уојуqan, ср.-монг. уоіqan «красивый» → кыпч. *qoјqin → чув. хухем «красивый», «миловидный»;

п.-монг. sida- «мочь», «сносить», «вытерпеть» → кыпч. sida- «терпеть» (> каз. шыда-, тат. чыда-) → чув. чăт- «терпеть»;

чув. антра- «ошибаться, заблуждаться» ~ монг. andayura- (х.-монг. анзара-) «ошибаться, спутывать, быть в заблуждении; не узнавать кого-что-либо, обозначаться»; чув. ← тат. (< тюрк.) ← монг.;

чув. ерипе «тихо, медленно» ~ монг. аyaг «тихо, медленно, по-тихоньку» (х.-монг. аjar); чув. ← кыпч. ← монг.;

чув. укей «бедный, неимущий» ~ монг. ugei «не, нет, отсутствие; бедный, скудный»; чув. ← тат. ← монг.;

чув. элек «клевета; сплетня; напраслина» ~ монг. eleg ~ ileg (х.-монг. ellek) «насмешка, издевательство»; чув. ← тат. ← монг.;

чув. юлхав «лентяй, лодырь, ленивец» ~ монг. jalqayu «ленивый; нерадивый; «лень» ~ тюрк.: Бар. Лылак «лень; чув. ← тат. ← монг.;

чув. паттар «герой, богатырь» ~ монг. bayatur (х.-монг. баттар) «богатырь, герой» ~ тюрк.: Ком. vaуatir; чув. ← кыпч. ← монг.;

чув. сулхан «прохлада, холодок; холод; тень» ~ монг. salkin (х.-монг. calxi) «ветер; воздух» ~ тюрк.: Ком. salqin «сильный ветер», Осм. salqin «сырой, прохладный день»; чув. ← кыпч. ← монг.;

чув. сулахай «левый» ~ монг. soluyai (х.-монг. солqoe) «левый (о руке); левша»; «против течения реки» ~ пратюрк. *sol «левый», saldin «слева», «справа», «спереди», «сзади»; чув. ← кыпч. ← монг.

Среди используемых в алтаистических исследованиях лексических тюрко-монгольских сближений около 500 слов являются древнейшими тюркскими (очевидно, огурскими, или пробулгарскими, или проточувашскими) заимствованиями; около 250 слов – монгольскими заимствованиями в чувашском языке золотоордынской эпохи и чуть более 200 слов – монголизмами, проникшими в чувашский язык из татарского (включая мишарский) языка. Более точных данных пока назвать не имеет смысла, так как не проведена ревизия больших монгольских словарей, не говоря уже о диалектных. Каждый новый источник может дополнить ту или иную группу лексики не на один десяток. Далее, по нашим подсчетам, около двух десятков лексических единиц относятся к случайным совпадениям и около трех десятков – к автономным заимствованиям из иносистемных (главным образом из индоевропейских, китайского и арабского) языков.

ЧУВАШСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ XX ВЕКА

(предыстория, идеи и проблемы)*

А.П. Хузангай

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г.Чебоксары

История чувашского языкознания XX века еще не написана, хотя отдельные фрагменты ее публиковались в разное время и в разных жанрах научной литературы. В.Г. Егоров (1880–1974), корифей чувашской лингвистики, уже в 30-е гг. XX в. предпринял успешную попытку обобщенной характеристики чувашского языка в своем «Введении в изучение чувашского языка» (М., 1930. 200 с.). Как он писал, «книга содержит минимум пропедевтических сведений о чувашском языке». Она включала: 1) общие сведения о языке; 2) классификацию языков и место чувашского языка в ней; 3) краткую характеристику грамматического строя языков алтайской семьи; 4) характерные особенности чувашского языка сравнительно с другими алтайскими языками; 5) лексический состав чувашского языка; 6) краткий обзор наречий и говоров чувашского языка; 7) следы исторического влияния чувашского языка на языки соседних народов; 8) краткие сведения из истории чувашской письменности; 9) историю разработки чувашского языка. Это была обширная программа, частично реализованная самим же В.Г. Егоровым, по исследованию чувашского языка сравнительно-историческим методом с глубинной алтаистической перспективой, а также с постановкой наиболее важных проблем чувашского этно- и глоттогенеза. К этой работе органично примыкает составленный и аннотированный им же «Библиографический указатель литературы по чувашскому языку» (Ч., 1931. 76 с.), содержащий 500 названий, в том числе 213 иностранных на 13 языках.

Отдельные фрагменты в жанре *personalia* писались в разное время И.П. Павловым, И.А. Андреевым» Л.П. Сергеевым и др. М.Р. Федотов издал книжку «Исследователи чувашского языка» (1987. 2-е, дополн. изд. 2000), в которой «зарождение науки о чувашском языке» связывается с именем шведского ученого (офицера шведской армии Карла XII, попавшего в плен при битве под Полтавой. – А.Х.) Филиппа Йохана Табберта фон Страленберга (1676–1747) и появлением его труда «Das Nord und Östliche Theil von Europa und Asia...» (Stokholm, 1730). Если брать публикацию 29 чувашских слов в *Tabula Polyglotta* и точно определить места чувашского языка среди других урало-алтайских языков в труде Ф.Й. Табберт фон Страленберга за точку отсчета, то история чувашского языкознания насчитывает уже свыше 280 лет.

Были опубликованы также обобщающие статьи В.Г. Егорова «Чувашский язык и чувашское языкознание» (Ученые записки НИИЯЛИ при Совете Министров Чувашской АССР. Ч., 1950. Вып. V. С. 65–89), В.Г. Егорова, И.А. Андреева «Чувашское языкознание в советский период» (Ученые записки НИИ при Совете Министров Чувашской АССР. Вып. XXXIV. Филология. Ч., 1967. С. 3–30), а также М.Ф. Чернова «Чувашское языкознание за годы советской власти» (Развитие общественных наук в Чувашии за годы советской власти. Труды НИИЯЛИЭ. Вып. 100. Ч., 1980. С. 87–98), в которых подводились некоторые предварительные итоги достижений чувашской лингвистики в XX в.

В последние годы был опубликован ряд сборников, приуроченных, как правило, к юбилеям видных чувашских лингвистов. Хотя они издавались в разных научных учреждениях (ЧГИГН, ЧГУ, ЧГПУ, ЧРИО), они, естественно, объединяются в неформальную серию «Чăваш чĕлхесем / Чувашские языковеды». В них содержатся описание жизненного и творческого пути ученого, статьи, отклики, рецензии на его работы и (что важно!) библиография его научных трудов [1].

Из трудов общего характера нового времени отметим и справочно-энциклопедические издания: «Чăваш чĕлхи. Энциклопеди словарь» (пухса хатĕрленĕ тата йĕрлĕх редакторĕ филологи докторĕ Л.П. Сергеев профессор. Ш., 2004. 224 с.), Л.П. Сергеев, Н.Н. Трофимова «Чăваш чĕлхи йĕрлĕх: вĕренĕ пособийĕ» (Ш.: ЧПУ, 2006. 52 с.), «Чăваш чĕлхи йĕрлĕхĕн утăмĕсем (1730–1930): вĕренĕ пособийĕ» (1-мĕш кĕнеке. Ш.; ЧПУ, 2010. 54 с.). Все упомянутые работы содержат нужную и полезную информацию, в том числе и относительно истории изучения чувашского языка в целом.

В бытность мою студентом Восточного факультета Ленинградского госуниверситета я старательно постигал премудрости арабской филологии и арабского языка, тем не менее своего рода откровением (евангелием) стала для меня книга Ю.Д. Апресяна «Идеи и методы современной структурной лингвистики» (М., 1966). Применительно к чувашской лингвистике мы не можем

* Исходя из особенностей статьи (обзорно-аналитическая) для облегчения чтения считаем целесообразным применение данной формы ссылок. – *Ред.*

ответы на стоящие перед современным тюркским миром вопросы в мифическом прошлом. «Небесный Тенгри» – это произведение о современных проблемах тюрко-язычных наций, отраженных в неомифологическом художественном пространстве.

Подытоживая, хотелось бы отметить, что тюркская мифология является одним из наиболее значимых источников, к которому обращается азербайджанская романистика. Степень и формы влияния тюркской (древней и средневековой) культурной традиции на азербайджанскую романистику различна в зависимости от исторической и политической обстановки. Особенностью же этого влияния на современном этапе является «преломление» через призму неомифологии.

Литература

Ядрышкова Л.Г. Фольклор и постфольклор в культурных практиках повседневности. Автореф. дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2008.

Çatmazlı Y.V. Əsərləri. III cildə. II cild. Bakı: Elm, 1976.

Ləvənd Sirri Ağah. Türk ədəbiyyatı. İstanbul, 1951.

Təhmətib M.H. Dədə Qorqud boyarı haqqında // Azərbaycan şifahi xalq ədəbiyyatına dair tədqiqatlar. Bakı, 1961.

Xəlilov Q. Azərbaycan romanının inkişaf tarixindən. Bakı: Elm, 1973.

ОБРАЗ ЧЁРНОЙ КОШКИ В МИСТИКО-ФИЛОСОФСКОЙ ПРОЗЕ

О.Н. Яковлева

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары

Столетиями люди приписывали кошкам магические способности и связывали с богами, ведьмами и колдовством. У всех народов существуют легенды о кошках и их волшебных способностях. Кошка чёрной масти была спутницей колдунов. Народное суеверие приписывает ей видящим в темноте глазам необычайную силу, почерпнутую из мира таинственного. Такое же мировоззрение и отражается в прозе разных писателей. Все эти суеверия, связанные с образом **чёрной кошки**, своими корнями уходят в далекое прошлое. К примеру, в старину существовало твердое убеждение, что ведьмы умеют превращаться в кошек, поэтому иногда даже случались суды над ведьмами, находящимися в облике кошек. Считалось, что ведьмы способны девять раз превращаться в кошку, вероятно потому считается, что у кошки девять жизней.

Подобное отношение к черным кошкам очень наглядно сохранилось в мифологии. Так, например, украинские мифы рассказывают о том, как **чёрным кошкам** отрубали лапу с «железными когтями», а потом обнаруживались люди с отрубленной рукой [Гоголь: 1980, 10]. Более того, обработанные версии подобных историй часто обнаруживаются и в произведениях Н.В. Гоголя. Существует много легенд о том, как украинские ведьмы принимали облик **чёрной кошки**, чтобы попасть к соседу и навредить ему. Именно в таком образе они соблазнили молодых парней, завлекли и изводили девушек. Украинские мифы пересказывают множество случаев, когда храбрый казак среди ночи хватал «со стены старую свою саблю и рубанул наотмашь» и лишил задней лапы **чёрную кошку**, а утром обнаружилось, что «чуть живая, с отрубленной ногой» вернулась мать. Такие жуткие рассказы привели к тому, что чёрных кошек уничтожали как пособников нечистой силы, видя в них либо воскресших мертвецов, либо ведьм, либо чьё-то: «... третьим в этой компании оказался неизвестно откуда взявшийся **кот**, громадный, как боров, **чёрный**, как сажа или грач, и с отчаянными кавалерийскими усами» [Булгаков: 1989, 43]. В данном произведении М. Булгакова носитель колдовства не кошка, а кот, хотя это скорее исключение, чем правило.

В разных источниках чувашского народного творчества часто можно встретить упоминание о нечистой силе или колдовстве. В произведении чувашского писателя Н. Петровской «Чёрный Ангел» есть описание случая превращения темной силы (вĕри сĕлен) в **чёрную кошку**, ударившись оземь: «... Чăлан алăкĕнчен хура кушак тухрĕ те тўрех усă сенеĕ алăкĕ патне тапса сикрĕ. Кушак, йытă пысăкăш... Ман сине пăхнă чухне ун куçсенчен вут сирпĕнчĕ» [Петровская: 1991, 84]. Стоит, правда, заметить, что в чувашском фольклоре в **связях с ведьмами подозревали многих животных – кошек, собак, свиней, гусей, даже коров** [Чăваш: 2004, 424].

Согласно поверьям, у каждого колдуна, ведьмы и цыганки-гадалки непременно должна быть чёрная кошка. В повести Г. Максимова «Сĕрлĕх хура кушак» спутница женщины-колдуньи, как и полагается, большая **чёрная кошка**. Но самое распространенное поверье – это перевоплощение колдуньи именно в чёрную кошку: «Сас хура тăрăх, сур сĕр ситсен Суккăр Наçтаç хура кушакăн куçать...» [Максимов: 2009, 19].

Эля^{*}. Столь значительное влияние «Книги моего деда Коркуда» на азербайджанскую прозу, в том числе и романистику, обусловлено не только содержательным богатством этого дастана, но и жанровыми особенностями, в том числе и схожестью с европейскими прозаическими жанрами. Турецкий литературовед Агах Сирри Левенд отмечает: «...эпос ‘Книга моего деда Коркуда’ – это художественное произведение, являющееся нечто средним между дастаном и повестью...» [Левент Сирри Агах: 1951, 59]. В азербайджанском литературоведении за дастанами закрепилось понятие «народный роман»: «Именуемые «народные романы» и «фольклорные романы» дастаны содержат в себе особенности, присущие как в целом прозе, так и в частности жанру романа: живой и образный язык, монументальные характеры, многоплановость, сильный сюжет, вымысел, преувеличения, широкое и глубокое отображение жизни» [Халилов: 1973, 28].

Ограничивать влияние тюркских эпосов на современную азербайджанскую прозу и романистику одной только «Книгой моего деда Коркуда» было бы неоправданным. Влияние оказали и такие дастаны-эпосы, как «Огузнаме», «Шах Исмаил», «Короглу», «Гачаг Наби», «Гачаг Керем» и другие. В ряде случаев сюжет, темы и образы дастанов играли не последнюю роль при обращении писателей к прозаическим жанрам, в том числе и к жанру романа. «Ашик Кериб» М.Ю. Лермонтова (пример из русской литературы), «Бахадур и Сона» Н. Нариманова созданы на базе таких дастанов, как «Ашук Гариб» и «Асли и Керем». Дастаны «Шах Исмаил», «Короглу», «Гачаг Наби», «Гачаг Керем», «Саттархан» послужили в качестве основы для многих романов. Влияние дастанов можно зафиксировать в большинстве романов конца XIX – начала XX вв.

В контексте влияния тюркского культурного наследия на азербайджанскую литературу в социалистическую эпоху можно условно разделить на два периода:

- период ярого отрицания тюркского наследия;
- «хрущевская оттепель» и последовавшее за ней переосмысление значения древнетюркских и фольклорных литературных традиций.

Если в первый период доминирует негативная оценка тюркского культурного наследия, то в ходе «хрущевской оттепели» азербайджанским литературоведам «разрешили» исследовать художественные произведения на предмет определения в них тюркских «мотивов». Поэтому на этот период приходится повышение интереса азербайджанских литературоведов и авторов к народному творчеству, дореволюционной литературе и литературе периода Азербайджанской Демократической Республики. К этому времени относится и научное обоснование преемственности азербайджанской литературы.

90-ые гг. прошлого столетия – это период краха социалистического мировоззрения, а вместе с тем краха соцреализма как направления в культуре. Вторая половина XX – начало XXI в. характеризуется также усилением фольклорных мотивов. Эта тенденция относится не только к азербайджанской литературе, а характеризует всемирный литературный процесс в целом. Спецификой же этой тенденции является феномен «постфольклора». Термином «постфольклор» характеризуется чаще всего лишь часть городской культуры, имеющей фольклорную природу [Ядрышкова: 2008, 3]. «Постфольклор» в литературе приводит к процессам неомифологизации. Именно неомифология становится мощным фактором литературного процесса XX и XXI вв. Наиболее значимые проявления мировой литературной неомифологии – «Властелин колец» Дж.Р.Р. Толкина, «Улисс» Дж. Джойса, «Иосиф и его братья» Т. Манна, «Сто лет одиночества» Г. Гарсиа Маркеса.

В неомифологических произведениях авторы «смешивают» мир архаики (эпохи мифа) и мир современности (эпохи индустриального и постиндустриального развития), что создает особый тип хронотопа. В рассматриваемых литературных произведениях неомифология выступает в качестве способа упорядочивания сложного и противоречивого мира, перед лицом которого оказывается современный человек. При этом объектом мифологизирования выступает как социальная составная фабулы, так и внутренний мир героев, в частности изображенный в процессе самопознания и самоопределения на фоне этических и гуманистических проблем духовной культуры прошлого. Архетипические сюжетные мотивы и типы героев подвергаются трансформации, мифологическая аллюзивность переплетается с литературной реминисценцией.

В качестве примера из современной азербайджанской литературы можно привести роман Сабира Рустамханлы «Небесный Тенгри» («Göy Tanrı»). Сюжет этого романа уносит нас в период правления тюркских каганов, в период расцвета тенгрианства как религии единобожия. Вместе с тем это произведение не является классическим историческим романом. С. Рустамханлы, используя древнетюркскую мифологию и письменные источники (в том числе и орхон-енисейские стелы), ищет

^{*} Эль – многогранное понятие, использовавшееся как в отношении тюркского племенного союза (türk qaḡa qaṡaṡ bodun), так и в отношении ареала распространения тюркских племен, то есть как синоним понятия «родина» – «Вечный Эль» (Мэнге Эль).

говорить об особых методах, но о некоей сумме идей и проблемах, которые формулировали и решали в своих исследованиях чувашские языковеды, говорить можно и должно.

Если обратиться к предыстории, к процессу становления чувашского языкознания до XX в., то нельзя не назвать в отечественной тюркологии, в чувашеведении в первую очередь имена двух ключевых фигур – Н.И. Золотницкого (1829–1880) и Н.И. Ашмарина (1870–1933), хотя в этот период вряд ли чувашское языкознание существовало как особая наука, как отдельная филологическая дисциплина.

Н.И. Золотницкий установил ряд фонетических закономерностей чувашского языка в синтагматике (речевом потоке), выявил некоторые противопоставления фонем, пытался проанализировать ключевые грамматические категории имени: падеж, принадлежность, употребление неличных форм глагола. Разрабатывая свой вариант чувашского алфавита, стараясь сблизить народно-разговорный и книжный языки [2], в попытках нормализовать чувашский письменный язык в переводных изданиях, Н.И. Золотницкий проложил путь к новочувашской письменности и чувашскому литературному языку, которые уже создавались в кругу И.Я. Яковлева (1848–1930) [3].

Н.И. Золотницкий помимо других своих работ издал фундаментальный этнолингвокультурологический труд – «Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен» (Казань, 1875. VIII + 279 с.), в котором заложил основы историко-этимологического подхода к чувашской лексике и одновременно изучения чувашского языка в рамках Урало-Поволжского региона (то есть, по сути, положил начало ареальному методу в чувашской лингвистике). Это направление в дальнейшем было успешно продолжено В.Г. Егоровым, М.Р. Федотовым, Г.Е. Корниловым и др. Кстати, известный советский лингвист Е.Д. Поливанов высоко оценивал труды Н.И. Золотницкого: «...и “обиженный индоевропейцами” чувашский язык тоже, оказывается, находит свое место в компаративном языкознании, только, разумеется, не в лоне индоевропейстики, которой с ним буквально нечего делать. Старые, но талантливые работы миссионера Золотницкого, с одной стороны, материал компаративных штудий по турецким языкам (тюркским. – А.Х.) вообще, с другой стороны, создают, в общем, уже нечто целое, что мы имеем право назвать компаративным исследованием чувашского языка» [4].

Из дореволюционных трудов Н.И. Ашмарина следует выделить «Материалы для исследования чувашского языка. Часть 1. Учение о звуках (фонетика). Ч. 2. Учение о формах (морфология)» (Казань, 1898. 392+VIII с.) Этот тотальный компендиум стал фундаментом для последующих исследований в области описательной фонетики и морфологии, отчасти диалектологии (ученый предпринял попытку дать монографическое описание малокарачклинского говора чувашского языка среди других говоров Козьмодемьянского уезда; к слову сказать, мы до сих пор не имеем подобного рода описаний в плане синхронии и диахронии отдельных говоров или диалектов в полном объеме, обычно фиксируются отдельные диалектные признаки). К этому фундаментальному труду органично примыкает «Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. I» (1903); часть II была издана в Симбирске в 1923 г. Тем самым Н.И. Ашмарин обозначил основные принципы в изучении грамматической системы чувашского языка. Л.С. Левитская в свое время так оценивала этот труд: «“Материалы” Н.И. Ашмарина фактически совмещают в себе три исследования: описательную грамматику чувашского языка, сравнительно-историческую грамматику чувашского языка и обзор важнейших особенностей чувашских говоров... “Энциклопедичность” “Материалов” сыграла огромную положительную роль в истории чувашского языкознания, так как содержание книги и все три аспекта изложения явились основой для целой серии более поздних исследований» [5]. Свои грамматические воззрения он уточнял и дополнял в лекционных курсах для студентов отделения чувашского языка и литературы Казанского восточного педагогического института в 1928–1930 гг. (см.: Заметки по сравнительной грамматике тюркских языков (по лекциям проф. Н.И. Ашмарина). Казань, 1928. 104 с. (стеклограф. изд.); Заметки по грамматике чувашского языка // Чувашский язык. Труды НИИ. Ч., 1976. Вып. 66. С. 3–86.

В своем докладе на I Всесоюзном тюркологическом съезде ученый, выходя за рамки собственно чувашской лингвистики, представил обширную программу научных изысканий в области тюркологии на новом этапе ее развития. В известной мере она была реализована в советское время, но многие мысли сохраняют свою актуальность до сих пор, например, о неразрывной связи изучения тюркских (resp. чувашских) языковых древностей с текущими задачами языкового строительства. Причем Н.И. Ашмарин, говоря о перспективах тюркологии, выражался скорее как поэт, нежели сухой академический педант: «Исследование и изучение корней тюркских слов и тюркская

семасиология представляют для нас никем не тронутое поле, которое может принести исследователю обильную жатву. Каждое слово языка в его первоначальном значении – это отражение первобытной мысли, воспоминание о старом обычае, обломок старого быта, отзвук забытой мелодии, памятник старого мировоззрения, отпечаток древнего понимания природы. Открытие первоначального значения слов, дойти до которого здесь можно скорее, чем где-либо, благодаря своеобразному прозрачному строению тюркских наречий, ввело бы нас в мир представлений древнего языка, и новая тюркская речь, освещенная светом минувшего, звучала бы для нас как чудесная симфония, в которой к звукам настоящего присоединились бы многочисленные голоса, доходящие до нас из глубины веков» [6]. Другим его важным трудом является синтетико-аналитическое обозрение точек зрения на родство чувашского языка с болгарским (или с одним из языков болгарского типа), что впервые было высказано Х. Фейзхановым, а впоследствии поддержано академиком А. Куником, Н.И. Ильминским и др. Этот труд под названием «Болгары и чуваша» был издан в XVIII томе «Известий общества археологии, истории и этнографии» при Казанском университете, а также отдельным оттиском в 1902 г. Опираясь на достигнутые результаты, Н.И. Ашмарин убедительно и доказательно провел самостоятельное исследование и тем самым заложил краеугольный камень в теорию болгаро-чувашской этноязыковой преемственности, ставшей общепринятой в мировой тюркологии (см. труды и статьи Й. Бенцинга, О. Прицака, К.Х. Менгеса, Н.А. Баскакова, Б.А. Серебренникова, А. Рона-Таша и Ш. Фодора, Талат Текина и др.).

И Н.И. Золотницкий, и Н.И. Ашмарин соответственно традициям XIX в. были учеными-универсалами, и, хотя в центре их внимания был прежде всего чувашский язык, они интересовались также историей, фольклором, этнографией, культурой чувашского этноса в целом (ср. дефиницию Р. Якобсона: «Язык является составной частью культуры, но в рамках культуры в целом он функционирует как ее подструктура, фундамент и универсальное средство») [7]. Многообразие языка в его территориальном (диалекты) и социальном аспектах, ареальные контакты, «радиус языковой коммуникации» в разных сферах (бытовой, ритуальной, индивидуальной и др.) также нашли отражение в их исследованиях. В XX в. такого рода универсализм стал невозможен и наука чувашология, по выражению В.К. Магницкого, пошла по пути специализации. Исчезло даже единство филологии. Внутри самого чувашского языкознания исследователи стали выбирать для себя узкоспециальные объекты, темы, проблематику.

Спецификой развития чувашского языкознания можно считать то, что уже с XIX в. (или даже с XVIII в.) оно приобрело интернациональный характер, так как проблемы истории чувашского языка, его обособленный статус среди тюркских языков, интенсивные контакты на протяжении всего языкового сосуществования с монгольскими, восточноиранскими, соседними финно-угорскими (марийскими, мордовским-эрзя), а также пермскими и венгерским языками в более раннее время привлекали внимание видных представителей венгерской школы компаративистики (А. Вамбери, А. Регули, Й. Буденц, З. Гомбоц, Л. Лигети, Д. Немет, Маргит К. Палло, А. Рона-Таш, К. Адягаши) и финской школы ориенталистики (А. Альквист, Х. Паасонен, Ю. Вихманн, М. Рясänen), немецких ученых (В. Шотт, Й. Бенцинг, К.Х. Менгес, Б. Шернер). Особость чувашского языка в фонетическом отношении (ротацизм/ламбдаизм) была серьезным аргументом в пользу обоснования классической алтайской теории в трудах ее основоположников (Г.И. Рамstedт, Н.Н. Поппе) [8]. При этом для языковедов-чувашей, ступивших на стезю науки в основном уже после Октябрьской революции 1917 г., в 20-е гг. XX в., труды иностранных ученых были недоступны (за исключением Василия Георгиевича Егорова).

С некоторой долей условности в истории чувашского языкознания можно выделить такие периоды:

- (1) доашмаринский (XVIII в. – конец XIX в.);
- (2) ашмаринский : 2а (конец XIX в. – 1917 г.); 2б (1917 г. – 30-е гг. XX в.); посташмаринский (30-е гг. XX в. – 1950 г.);
- (4) с 1950 г. по начало 90-х гг. XX в.;
- (5) начало 90-х гг. по наши дни.

Иную периодизацию предлагает К. Адягаши во вводной статье "August Ahlquists Stellung in der Geschichte de Forschung des Tschuwaschischen" (August Ahlquist Tschuwaschiska. Tschuwaschischer Nachlass von August Ahlquist. Band. I. Debrecen, 2008. S. XV–XVIII – Studies in Linguistics of the Volga Region. Volume IV).

Рассмотрим в самом общем виде, каковы были достижения и результаты, полученные во временных рамках выделенных периодов. Как известно, язык представляет собой триаду – единство звуковой (фонетика и фонология), лексико-фразеологической (лексикология, лексикография,

идеологических установках. Контрастирующий с ним красный цвет предупреждает о последствиях реакционных теорий. В стихотворении «Опаздывают поезда», написанном в 1976 г., чёрного и красного цветов в зрительном плане нет, но художественный потенциал текста позволяет видеть эти контрасты и связывать с ними мысль о естественной цикличности двух философских понятий – жизни и смерти. Таким образом, в цветовом «словаре» Сулейменова красный цвет – цвет, символизирующий исходное начало в природе и жизни человека, чёрный – цвет неизбежного и мрачного его конца.

Литература

- Бельская Л.Л. Песенное слово: Поэтическое мастерство С. Есенина: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1990. 144 с.
- Лихачёв Д. «Слово о полку Игореве» – героический пролог русской литературы. Л.: Изд-во «Художественная литература», Ленингр. отд-е, 1967.
- Русская литература XX века: Школы, направления, методы творческой работы. Учебник для студентов высших учебных заведений / В.Н. Альфонсов, В.Е. Васильев, А.А. Кобринский [и др.]; Под ред. С.И. Тиминой. СПб.: Изд-во «Logos»; М.: Высшая школа, 2002. 586 с.
- Сулейменов Олжас. Определение берега. Избранные стихи и поэмы. Алма-Ата: Жазушы, 1979. 456 с.
- Сулейменов Олжас. Преодоление: Стихи и поэмы. Алма-Ата: Жазушы, 1987. 416с.

ВЛИЯНИЕ ТЮРКСКОЙ МИФОЛОГИИ НА АЗЕРБАЙДЖАНСКУЮ РОМАНИСТИКУ

С.Ш. Шарифова

Институт литературы Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку
Институт мировой литературы РАН, г. Москва

Древнетюркская мифология является одним из источников азербайджанской литературы. Степень влияния древнетюркской мифологии на литературу азербайджанского народа менялась в зависимости от исторической обстановки. Если до исламизации тюркского этноса мифологические и религиозные воззрения древних тюрков оказывали определяющее влияние на литературный процесс, то в исламский период это влияние было сведено к минимуму. В литературе тюркоязычных народов художественные произведения долгое время создавались на арабском. При этом обращение к мотивам и сюжетам древнетюркских мифов не допускалось ввиду того, что они считались пережитками времен джахилии (невежества).

Привнесение элементов капитализма на территорию проживания тюркских народов закономерно спровоцировало формирование национального мировоззрения. Не случайно, что первоначально в царской России тюрко-язычные народы именовались как единая этническая группа, проживающая в различных регионах: крымские татары, поволжские татары, кавказские татары и т.д. К концу XIX в. тюрко-язычное население начинает идентифицировать себя как самостоятельные национальности. В результате к первой четверти XX века в османской Турции и на национальных окраинах России складываются тюркоязычные нации: турки, татары, башкиры, азербайджанцы и т.д.

Литературный процесс у тюркоязычных наций носит «индивидуальный» характер, вместе с тем можно наблюдать и некоторые общие черты. Во-первых, это секуляризация литературы. В некоторых произведениях прямо, в других косвенно ставится вопрос о тюркской самоидентификации. Если ранее в художественных произведениях мы встречались с восприятием тюркоязычных как части исламского мира, то в литературе XIX в. уже сильны мотивы тюркской самоидентификации. В качестве примера хотела бы привести отрывок из романа азербайджанского писателя Юсифа Везира «Студенты» («Грех»), написанного в начале XX в. В ходе дискуссии о национальном возрождении и путях развития национального самосознания Джалал высказывает другу Гасану следующую мысль: «Брат, из нас вряд ли что-то получится! Мы до сих пор не осознали, кто мы. Говоря «мусульмане», мы растворяемся в трехсотмиллионной толпе... Да, ты только-только стал называть себя тюрком (не следует путать с определением «турок». – С.Ш.). Наш народ осознает, что они тюрки? Мы не знаем, кто мы, поэтому и другие не будут знать, кто мы» [Чемеземинли: 1976, 70]. Во-вторых, создание произведений в европейских жанровых формах. В-третьих, обращение к тюркскому наследию как содержательному компоненту новой национальной литературы. В азербайджанской литературе это влияние наиболее ярко выразилось в обращении к древним и средневековым дастанам-эпосам. Наиболее сильное влияние оказал древнетюркский дастан «Книга моего деда Коркуда» [Тахмасиб: 1961, 11–12]. Проблематика, сцены, герои из этого дастана не раз воспроизводились в современных азербайджанских прозаических произведениях [Халилов: 1973]. Например, романы «Кочевье» Мовлуда Сулейманлы, «Белый овен, черный овен» Анара, «Неполная рукопись» Камала Абдуллы, сборник рассказов М. Рзагулузаде «Сила

* Джахилия – в исламской теологии период доисламского существования.

Мчит гонец под чёрным флагом на копье, который «жалеет его», прося не спешить, словно бы оттягивая неминуемое наказание за трагическую весть. Но мчит гонец «без дорог, без сапог, огибая кишлак». «Пот съедает глаза», в них, наверное, горе и ужас. Хрипит под гонцом конь. Душу гонца разрывает зов к родным: «Умри, моя мать!..», «Дед... влетай в своё небо стрелой», «Жёны, бросайте детей со стены! Пейте яд!» Торопясь возвестить о трагическом конце, он неумолимо приближает и свой собственный конец.

Красный и чёрный цвета выступают в тексте стихотворения словами-символами. Красный цвет – цвет свободы, победы, радостных ожиданий. Чёрный цвет – цвет горя, поражения и неминуемой гибели. Особым фоном происходящих событий служит пейзаж, окрашенный в различные цвета. В первой части стихотворения красный цвет гармонирует с цветами природы: зелёным (*перелески, в полях*), белым (*в хлопковых полях*), коричневым (*холмы*), жёлтым (*пески*). Это цвета, передающие истинную – мирную – суть природы, торжество и величие свободного духа человека. Во второй части стихотворения предметы и события окрашены в чёрный цвет: *чёрный флаг, чёрный гонец, стотысячным топом, кипящей смолой*. Это цвет траура, неизбежного трагического конца.

Сложную идеологическую нагрузку приобретают эти два цвета в стихотворении «Чёрное и красное» [Сулейменов: 1979, 286–287]. С чёрным цветом связана система воззрений отдельных исторических личностей или партии людей, провозглашающих крайний национализм и расизм. Существовавшая в истории Древнего Рима теория вседозволенности («Fas est») породила в 1922 г. такое явление, как фашизм. В его основе лежит идея господства «высшей расы» над «низшей», «неполноценной»; антигуманизм; культ силы и личной власти; пропаганда войны как естественного состояния человечества. «Чернорубашечники» – это итальянские фашисты, выступающие за социальное неравенство и эксплуатацию людей с учётом их биологических и расовых признаков.

Сулейменов создаёт портрет фашиста, используя зловещий чёрный цвет:

*Да, первый философ в чёрной рубашке
был – лингвист.
В наследство от предков ему достался
варварский мир
(он был историк),
он – в чёрной рубашке,
он – против чёрных
(он был истерик).*

Несостоятельность реакционной теории расизма и фашистских объединений Сулейменов пытается передать в гротесковой форме. Двуплановость гротеска передана чёрным и красным цветами, ими же подчеркнута намеренная карикатурность в портрете фашиста: *историк – истерик, в чёрной рубашке – против чёрных*. Очевидна авторская ирония и над гастрономическими и физическими предпочтениями фашиста, и его закономерной участью:

*А это значит – тело бренное,
ешь напоследок
жирное и пряное,
пей коньяки,
не обращай – что больно,
ты обречён,
и значит, -
всё дозволено!
Жизнь коротка,
пока живёшь – Fas est,
пока не ляжешь,
на груди скрестив
худые кисти,
облачайся в чёрное,
гуляй, фашист!*

Всё, против чего направлена идеология фашизма, в этом стихотворении можно было выразить красным цветом. Прежде всего – это жизнь, утверждающая свободу народа, нации, личности. Здесь уместно вспомнить и лозунг русских художников-передвижников начала XX века, провозглашавших изобразительный приём «красное – есть прекрасное». Но красный цвет – это и цвет террора, которому подвергся XX в. Это и упоминаемые в стихотворении кровавые военные события под Брестом, похоронившие в окопах множество жизней.

Говоря о роли цветовой символики, можно утверждать, что чёрный и красный цвета у Сулейменова в плане идейной нагрузки претерпевают своеобразную эволюцию. Если в стихотворении «Красный гонец и чёрный гонец» (1961–1962) два цвета сигнализируют о взаимоисключающих жизненных понятиях, то в стихотворении «Чёрное и красное» (1970–1973) чёрный цвет сигнализирует о порочащих человечество

семантика) и собственно формальной (грамматика) систем. В этих трех измерениях мы и попробуем проследить эволюцию идей и проблем чувашской лингвистики.

I

Изучение чувашской фонетики и фонологии проходило в диахроническом и синхронном аспектах. Уже В. Шотт (1807–1899) в “De lingua tschuwachorum” (Berolini, 1840) определил чувашско-тюркские соответствия как в области согласных (р ~ з, л ~ ш, ç ~ j, ч ~ т, д, м ~ н, наличие в- и й- протезы), так и гласных (o(y) ~ а, ы ~ а, е, о, у, а ~ е, и, ү). В. Шотт может считаться пионером сравнительной (исторической) фонетики чувашского языка.

Исследование В. Шотта было продолжено его учеником академиком В.В. Радловым (1837–1918) в “Phonetic der nördlichen Türk Sprachen” (Leipzig, 1882), в которой он выдвинул гипотезу, что чувашский язык является тюркизированным финно-угорским языком. Она не имеет сторонников ныне, тем не менее ряд исследователей склоняется к мысли, что особенность (обособленность) чувашского языка в фонетическом плане, с одной стороны, объясняется конвергенцией, в частности, с огузскими языками, с другой стороны, интенсивными контактами с финно-угорскими языками (проблема субстрата). Эту точку зрения отстаивает Е. Ховдхауген (Even Hovdhaugen) в своей, к сожалению, неопубликованной диссертации “Studies in Chuvash Historical Phonology” (Oslo, 1972. 184 p.).

Проблема «ротацизма / ламбдаизма» чувашского языка, начиная с вышеупомянутых трудов Г.И. Рамстедта и Н.Н. Поппе 1920-х гг., на основании сравнения чувашского материала, а также данных волжско-булгарского языка с монгольскими языками послужила основанием «классической» алтайской теории и была предметом активной полемики в компаративистике вплоть до последнего времени. Эта тематика выходит за пределы частного чувашского языковедения, и мы не будем в нее углубляться. Анализируя место волжско-булгарского языка среди тюркских языков (алтайских), эту проблему с разных точек зрения обсуждает М. Эрдал (см. его монографию: “Die Sprache der wolgalbolgarischen Inschriften”. Wiesbaden: Harrasowitz, 1993. S. 158–162).

Отдельные вопросы исторической фонетики чувашского языка рассматривали видные отечественные тюркологи-лингвисты Е.Д. Поливанов, Н.К. Дмитриев, Б.А. Серебренников, Н.А. Баскаков, А.М. Щербак и др. Л.С. Левитской в 1965 г. была защищена кандидатская диссертация «Историческая фонетика чувашского языка», содержащая богатый фонетический материал. К сожалению, были опубликованы лишь фрагменты данного труда в виде статей.

Диахрония чувашского звукового строя, некоторые общетюркско-чувашские звуковые соответствия привлекали и многих зарубежных исследователей: Г. Дёрфера, А. Рона-Таша, Маргит К. Палло, Т. Текина, Э. Джейлан, М. Адамовича, Л. Кларка, Э. Карахна, А. Наута, К.Т. Хансена, И.Р. Мейер и др.

На основе анализа исторических соответствий чувашских и тюркских гласных алтаист, ностратик О.А. Мудрак утверждает, что именно обособленность чувашского языка среди других тюркских языков способствует разрешению проблемы реконструкции тюркского праязыка [9].

Зачинателем описательной синхронной чувашской фонетики может считаться Н.И. Золотницкий, который в ряде своих трудов рассмотрел почти все основные вопросы данного уровня языка: качество гласных и согласных, их системность (противопоставление гласных по «мягкости / твердости» – рядность, согласных – по «звонкости / глухости», выделение звонких (сонорных), не имеющих оппозиции, различные виды изменения звуков в потоке речи. Он же впервые определил наличие сингармонизма в чувашском языке. Эти наблюдения были подтверждены в «Материалах по изучению чувашского языка» (1893) Н.Е. Ефимова с выделением некоторых дополнительных особенностей и определением различия в характере ударения в верховом и низовом диалектах чувашского языка.

Велика также заслуга просветителя И.Я. Яковлева (1848–1930) и его соавтора по созданию чувашского алфавита В.А. Белилина (1852–1932) в том, что они положили в основу системы новочувашской письменности стихийный фонологический принцип: во-первых, выделили два новых гласных – редуцированные ä, ё, которые прежде не замечались, во-вторых, определили оппозицию согласных по «мягкости / твердости» (а противопоставление звонких и глухих согласных отнесли к одному типу звука, говоря современным языком, считал их вариантами одной и той же фонемы), в-третьих, точно описали место и порядок ударения в зависимости от характера гласных в слове (наличие редуцированных).

Наиболее полное и непротиворечивое представление чувашская фонетика получила все же в трудах Н.И. Ашмарина («Материалы для исследования чувашского языка». 1898) и «Заметки по сравнительной грамматике тюркских языков». Казань, 1928). Здесь он разрешил противоречия своих предшественников и дал цельное видение предмета исследования: характеристика гласных и

согласных, фонетические законы и изменение звуков, впервые – понятие слогового сингармонизма, рассмотрение соответствий между чувашским и другими тюркскими языками. Ашмаринские идеи получили свое развитие и были дополнены физиологической (артикуляционной) характеристикой в грамматиках Т.М. Матвеева (1919) и Ф.Т. Тимофеева (Тимухха Хёветёрё) (1924, 1928).

Основоположником же чувашской фонологии считается В.Г. Егоров, который в своей докторской диссертации «Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении» (1951) ввел само понятие «фонема» и разработал исчерпывающий курс описательной фонетики. До этого он подробно, детально описал важнейшую закономерность чувашской фонетики – сингармонизм, устанавливая и случаи нарушения этого закона, и попутно открыл явление лабиального сингармонизма в некоторых говорах. Считается, что именно в трудах В.Г. Егорова чувашская фонетика обрела подлинно научный статус.

В 1950–1960-е гг. появилось несколько работ по экспериментальной фонетике (авторы Е.Н. Степанова, У.Ш. Байчура, причем первый автор провел сопоставление звукового состава чувашского с немецким, а второй – с татарским и другими тюркскими языками). Такого рода сопоставительные исследования по фонетике (русского с чувашским, английского с чувашским) появлялись и позже. К сожалению, экспериментальная методика, которая позволяет объективно оценивать многие фонетические явления, не получила развития в последующие годы.

Звуковую систему чувашского языка на основе твердых принципов Ленинградской фонологической школы в ряде работ анализировал В.И. Котлеев [10]. В 1990-е годы анализ фонологической структуры уже несколько с иных позиций продолжил П.Я. Яковлев [11].

Полезными, хотя и не совсем корректными с точки зрения компаративистики нам представляются работы М.Р. Федотова (Чăваш чĕлхин историйĕ. Сасăсем. Ш., 1971; 2-мĕш кăларăм. Ш., 1979) и Р.Г. Ахметьянова (Сравнительное исследование татарского и чувашского языков (фонетика и лексика). М., 1978). Скорее, их можно назвать, если так можно выразиться, сопоставительно-историческими.

II

В доашмаринский период всего было подготовлено семь грамматик чувашского языка: 1) «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка» («СПб., 1769) – первая грамматика для одного из тюркских языков России; 2) В.П. Вишневецкий «Начертание правил чувашского языка и словарь, составленные для духовных училищ Казанской епархии» (Казань, 1836) – долгое время данная грамматика была учебным пособием в духовных семинариях и училищах и вместе с первой грамматикой представляла чувашский язык ученому миру Европы; 3) W. Schott “De Lingua Tschuwaschorum” (Berolini, 1840) – первый опыт исторической фонетики и грамматики чувашского языка; 4) А.Е. Ahlquist “Tschuwaschisk Grammatik” (1856–1857?) – составлена финским филологом на шведском языке на основе материалов, собранных им в Козьмодемьянском и Чебоксарском уездах Казанской губернии и Буинском уезде Симбирской губернии [12]; 5) J. Budenz “Czuvas közlesek es tánulmányok” (Сообщения и исследования по чувашскому языку) – подготовлена на основе материалов А. Регули (1819–1858), собранных в Козьмодемьянском уезде, а также первой и второй грамматик; является научной описательной и исторической грамматикой с этимологиями глагольных и других морфем. Опубликовано в журнале “Nyèlvtudomànyi Közlemenyek” в трех частях (I–III), 1862–1863 гг. [13]; 6) Н.Е. Ефимов «Материалы к изучению чувашского языка» (рукопись. 1893) – первое систематическое изложение фонетического и морфологического строя с элементами синтаксиса; впервые исследовал процессы словообразования, выделив 60 аффиксов; 7) Пособие к изучению чувашского языка. По материалам Н.И. Золотницкого издал Н.А. Лебедев (Казань, 1894) – в основу положен диалект анатри и фактический материал подан яковлевским новым алфавитом. В.Г. Егоров считал «Пособие...» «третьей грамматикой чувашского языка», очевидно не принимая во внимание зарубежные грамматики.

Все грамматические исследования доашмаринского периода с точки зрения их соответствия или, наоборот, несоответствия современным представлениям проанализировал Л.П. Сергеев [14].

Новый этап в изучении чувашской грамматики, безусловно, начинается с издания ашмаринского компендиума «Материалы для исследования чувашского языка» в 1898 г. (кстати, под редакцией известного тюрколога, профессора Казанского университета Н.Ф. Катанова).

После 1917 г., в первые годы советской власти, когда чувашский язык обрел статус официального и обязательного языка на территории ЧАО, а затем ЧАССР, когда в стране широко развернулась программа национально-государственного, культурного и языкового строительства, перед чувашскими лингвистами встали новые задачи и проблемы. Они были продиктованы изменившимися социальными условиями и требованиями общественно-языковой практики. Чувашское языкознание

[Сулейменов: 1987, 115] столкнулись время и пространство как основные формы существования материального и духовного. Для создания образа предметного мира, для передачи срока его пребывания автор использует все необходимые цветовые гаммы. В начальных строках слово *зелёный* – слово-сигнал, предопределяющий смену действий:

Опаздывают поезда:

Опасен семафор зелёный.

«Семафор зелёный» – дорожный знак, тормозящий движение, служащий преградой непрерывному течению событий. Таким «дорожным знаком», сигнализирующим об опасности, для самолёта служит упавшая «серая звезда». Обычно в литературе образ звезды выражает веру и надежду. У Сулейменова же *серая звезда* – знак, предупреждающий о возможной потере курса воздушным транспортом, о вынужденном прерывании движения из-за отсутствия света. Развёрнутая метафора «*прищурил бровью карий свет*» содержит в себе указание ещё на один источник света – человеческие глаза. Карий цвет глаз «мыслителя доброго столетия» предполагает его возрастные особенности. Процесс человеческого развития тоже приостановлен – неминуемой старостью. У старости может быть один цвет – чёрный, цвет забвения, цвет временной тьмы или небытия. Но на смену смерти приходит жизнь, сопровождаемая надеждой, верой. Вера у Сулейменова окрашена в предполагаемый белый цвет, поскольку слово у него должно быть «возвышенно и чисто».

Образным строем стиха, портретными деталями, всем ритмом произведения Сулейменов создаёт представление о быстротечности жизни. Даже при всей своей многокрасочности и многоцветье жизнь коротка, говорит автор. Но утешает поэта мысль о том, что искусство – вечно. Эта мысль позволяет измерить и творческую зрелость поэта. Рассуждения о движении во времени и пространстве вызывают у поэта, скорее всего, оптимистические чувства, поскольку памятниками, скрепляющими время и пространство, могут служить творения человеческих рук: *изобразительное искусство* («Тень будущего на портрет навалится, ломая краски ...»), *музыка* («По клавишам и – закричат! на выручку быстрее Листа...»), *художественная литература* («из эпоса джигиты мчат...»).

Цветовая гамма стихотворения способствует и передаче тончайших нюансов человеческой души:

А мне б на помощь им успеть,

а мне бы слово прореветь

одно

возвышенно и чисто.

Олжасу Сулейменову присуще обостренное чувство цвета, типичное для эпохи подъёма древнерусской живописи. Как и автор «Слова о полку Игореве», отдельные сцены из жизни кочевых людей Сулейменов видит в красках. В стихотворении «Красный гонец и чёрный гонец» [Сулейменов: 1979, 129–130] противопоставлены два момента из жизни одного народа – момент провозглашения победы над врагом и момент сокрушительного поражения. Глашатаем этих событий выступает гонец. Участь «красного гонца» – нести «знак победы – багровое знамя», участь «чёрного гонца» – «головой отвечать за бесславный конец».

Антитеза в структуре стихотворения вычерчивает имевшие место в истории кочевого народа трагические события – феодальные отношения, приносившие бедствие прежде всего простому люду. Вслед за Д.С. Лихачёвым, исследовавшим «Слово о полку Игореве», в стихотворении О. Сулейменова читатель наблюдает «пересечение тем, масштабов, эпического и лирического начала, природы и человеческих судеб, широкое историческое видение и психологическое проникновение, соединение различных настроений, оплакивания с прославлением» [Лихачёв: 1967, 18–19]. Сулейменову удаётся создать портрет средневекового воина в различные моменты жизни. Вот портрет «красного гонца», который находится в предвкушении положенных ему почестей:

Мчит весёлый гонец,

пот солёной корою застыл на лице...

Со скуластым лицом, полуголый, в его руке «только знамя», «багровое знамя», которое дало ему трижды по «семь коней», «поило айраном его», «на привалах валило под ноги баранов». Благодаря знамени «беки жарко дарили ему... лучших девушек». Но упрям гонец, он «на привалах не спал», упал, лишь выполнив миссию:

Славься, город, прославленный арыками!..

Поздравляю с победой!..

Красный гонец одержим мыслями о славе, а слава его – это «ваша радость, народ». А слава гонца «громче славы бойца». Верен гонец и своей семье. Дарили ему рабынь, а он обнимал «свою рябю и детей босоногих, чумазых своих».

С портретом «красного гонца» контрастирует портрет «чёрного гонца»:

Мчит угрюмый гонец,

он ушёл от погонь...

сәбәп булып дип куркалар» [Исхакий: 1933, 31]. Эмма Гаяз Исхакий халык күнелен, халык хәтерен мондый тоюлар, көчләп сызып ташлаулар белән генә жиңеп булмавын тәкрар итә:

“Тукай бар иде, Тукай бар.

Һәр үткән көн, һәр мәдәни атлаган адым Тукайны зур итәчәк, үстерәчәк кенәдер.

Тукайның исемнә ябыштырылган һәр мәгънәсез хәрәкәт Тукайны халыкның кадерлесеннән-кадерле урынына гына утырчактыр.

Тукайның әдәби, мәдәни хезмәтебездә тоткан урынын ычбер төрле какишатмаячактыр.

Тукай яши, Тукай яшәячәк. Татар милләте яшәгәннә кадәрә Тукай яшәячәк” [Исхакий: 1933, 34].

Гаяз Исхакийның “Габдулла Тукайның егерме еллыгы” исемле икенче мәкаләсе 1932 елда басылган “Тукай истәлегә” дигән мәкаләнен хисапнамәсе буларак язылган. Публицист язмасында татар дөньясында, гомумән төрки дөньяда юбилей уңае белән ниләр эшләнгән, киләчәктә ниләр эшләнәргә тиешлеге хакында сүз алып бара. Ул мөһажәрәттә мәсәлә, Ерак Шәрәыкта Тукайның мәжмугасы бастырылып ятуын, Якын Шәрәыкта Тукай кичәләре үткәрүне һәм башка шундый рухтагы изге эшләргә санап үтә. “Боларның барысы да Тукайның милли хәзинәбезгә калдырган олугь мирасына нисбәтән бик кечкенә булса да, чын күңелдән эшләнәнгә, мөһажәрәтебезнең милли иманы куәтле икәнлегенә күрсәтә торган вакыйгалар” [Исхакий: 1933, 27], – ди һәм фикерен дәвам итеп Тукай белән киң жәмәгәтчелекне таныштыруны дәвам итәргә, аның шигырыларын укып, бер матәм кичәсе оештырырга чакыра.

“Яңа милли юл” мәжмугасы битләрендә Тукайга багышлап язылган мәкаләләргә нәтижә ясап шуны әйтәргә кирәк: шагыйрь үзенең бөтен тормышы, эшчәнлеге белән ижади яшәшенең, инсанга, милләткә фидакарлырчә хезмәт итүнең гүзәл бер үрнәген бирде, барлык төрки халыкларның рухи һәм матди житешлеге, бергәлеге нигезендә генә милләтебезнең хөрлеккә һәм сәгадәткә ирешүен тирәнтен аңлап ижат итте. Шуна күрә дә, аның исеме, әсәрләре һәр буын өчен үз һәм якын.

Әдәбият

Ил йолдызы: Татар мөһажирләре матбугатында Габдулла Тукай / Төз.: З.Г.Мөхәммәтшин. Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. 190 б.

Искә алганда. Габдулла Тукайның үлүенә 20 ел тулу уңае берлә // Яңа милли юл. 1933. № 4. Б. 35.

Исхакий Г. Габдулла Тукайның егерме еллыгы // Яңа милли юл. 1933. № 4 (апрель). Б. 24–27.

Исхакий Г. Петербург, 29 март // Яңа милли юл. 1933. № 4 (апрель). Б. 31–34.

Исхакий Г. Тукай истәлегә (Тукайның үлүенә 20 ел тулу уңае берлә) // Яңа милли юл. 1932. № 11 (ноябрь). Б. 1–4.

Миңнегулов Х. Азатлык көрәшенең мөнбәре // Гаяз Исхакийның мөһажирлектәге ижаты. Казан: Татар. кит. нәшр., 2004. 138–147 б.

Нуруллин И. Тукай һәм Гаяз Исхакий // Татарстан яшьләре. 1990. 12 май.

СЕМАНТИКА ЦВЕТА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА

Г.К. Шабарова

Актюбинский гуманитарный колледж, г. Астана

В стихах Олжаса Сулейменова – казахского поэта, пишущего на русском языке, наблюдается проникновение в область «живописи словом». О. Сулейменов строит поэтические структуры, аналогичные жанрам изобразительного искусства – портрету, пейзажу. Подобно представителям кубофутуризма [Альфонсов и др.: 2002, 105], казахский поэт создаёт художественно-убедительные образы, исполненные жизненного – социального, психологического, эмоционального – содержания, а приёмы градации и антитезы придают стихам композиционную стройность и логическую завершенность. К произведениям Сулейменова, содержащим элементы портрета и пейзажа, можно отнести стихотворения «Опаздывают поезда», «Чёрное и красное», «Красный гонец и чёрный гонец».

У представителей русского кубофутуризма взаимоотношения поэзии и живописи объяснялись авторским желанием утвердить приоритет живописи в выражении современности. Анализ стихотворений Сулейменова позволяет говорить о его мастерстве в использовании подобных приёмов изобразительного искусства. Но неизменными для поэта остаются законы метафоризации – в его поэтическом мире предметы, явления и понятия сближаются по сходству. Сулейменов проявляет интерес и к символизму как условному обозначению понятий и явлений, особенно к цветовым символам. По утверждению Л. Бельской, устойчивая символика цветов – особенность символистской поэтики. Так, у К. Бальмонта в голубой цвет окрашивались сны и мечты («душа – оазис голубой»); у А. Белого серый цвет – символ омертвения, а белый – мистических чаяний; у А. Блока лиловые и фиолетовые тона означают нечто враждебное, гибельное [Бельская: 1990, 50].

Устойчива ли символика у Сулейменова? Во всех трёх анализируемых произведениях цветовые эпитеты имеют значение символов. В глубоко философском стихотворении «Опаздывают поезда»

1920–1930-х гг. в силу вышеуказанных причин имело прикладной характер и было направлено на решение наиболее актуальных задач языкового строительства: нормализация письменного литературного языка, который, в принципе, уже был сформирован в оригинальных и переводных изданиях, увидевших свет под эгидой И.Я. Яковлева и при активном участии его питомцев; упорядочение графики, орфографии и пунктуации; разработка и упорядочение общественно-политической и научной терминологии; создание общих и терминологических двуязычных словарей; составление учебников и учебных пособий для всех типов учебных заведений начальной, средней и высшей школы; подготовка лингвистических кадров.

Но чувашский язык должен был быть приспособлен к новой ситуации и стать общенациональным литературным языком со всей полнотой реализуемых социальных функций (общеобразовательное образование на родном языке, внедрение чувашского языка в государственные и иные учреждения, судебное делопроизводство), стать языком прессы, театра, художественной литературы, публичных мероприятий.

Но так как именно грамматика с ее двумя осями – парадигматикой и синтагматикой – является становым хребтом структуры языка и определяет отношения между лексическими единицами, то создание новых грамматик было задачей приоритетной даже при необходимости исполнять иные требования социального заказа. Эту миссию взяли на себя ведущие языковеды 1920–1930-х гг. Т.М. Матвеев (1884–1939) и Ф.Т. Тимофеев (Тимухха Хёветёрё) – 1887–1941 [15]. В эти годы ими были созданы грамматики двух типов: 1) собственно научные и 2) учебные.

К первым можно отнести издание «Грамматика чувашского языка. Чавашла грамматикӓ. Морфология (учение о формах)» (Симбирск, 1919. VII + 124 + V) Т.М. Матвеева и два издания грамматики Ф.Т. Тимофеева: «Чаваш чёлхийён крамматикӓ. Фонетик. Морфолоки» (Ш., 1924. 144 с.); «Чаваш чёлхийён крамматикӓ (Фонеттёк, морфолоки, синтӓкшиҫ)» (2-мёш кӓларӓм. Ш., 1928. VII + 203 + V).

Оба автора являются также создателями учебных грамматик для общеобразовательных школ: для 1–4 классов – Ф.Т. Тимофеев, для 5–7 классов написаны совместно. Как в учебных, так и в научных грамматиках было введено много чувашских лингвистических терминов. К сожалению, позднее многие из них были преданы забвению: кӓлетке «форма», вёҫлевлӓх «падеж», ылмаш «местоимение», ёҫ-хӓл «глагол», чёвӓ «междометие», пайташ «причастие», тайӓм «наклонение» и др. Эта терминология с некоторыми дополнениями и уточнениями была принята и Н.И. Ашмариным (его свод грамматических терминов см.: «Заметки по грамматике чувашского языка». С. 72–77).

До середины 1950-х гг. каких-либо новых тенденций, существенных трудов в области изучения чувашской грамматики, по сути, не было. В 1953–1955 гг. происходит дискуссия по спорным вопросам чувашской грамматики, в которой участвовали видные советские тюркологи Н.К. Дмитриев, Б.А. Серебрянников, Е.И. Убрятова. Были пересмотрены и устранены противоречия в трактовке системы падежей, классификации частей речи, некоторых грамматических категорий. Итогом изучения грамматики (> морфологии) стала коллективная монография Н.А. Андреева (Урхи), В.Г. Егорова, И.П. Павлова «Материалы по грамматике современного чувашского языка». Ч. I. Морфология» (1957).

Можно сказать, что именно с начала 1950-х гг. чувашское языкознание уже не имеет сугубо прикладного характера, а начинает разрабатывать теоретические аспекты проблем языка. Хотя справедливости ради следует отметить, что нужды школьного и вузовского образования (подготовка учебников, программ, различного рода учебных пособий) всегда удовлетворялись вплоть до наших дней именно лингвистами.

После изучения неличных глагольных форм деепричастия и причастия (И.П. Павлов, И.А. Андреев), формы и образуемые синтаксические конструкции которых весьма разнообразны, взоры чувашских лингвистов обращаются к синтаксису. И.А. Андреев в 1970 г. защищает докторскую диссертацию «Структура простого предложения современного чувашского языка», публикует монографию из двух частей «Чаваш синтаксисӓн ыйтӓвӓсем» (Ш., 1973, 1975), в которых апробирует новые подходы к узловым проблемам этого уровня, отталкиваясь от теории актуального членения предложения, исследует предложение как базовую единицу коммуникации. Более традиционный подход к синтаксису можно видеть у С.П. Горского (Хальхи чаваш литература чёлхин синтаксисӓ. Ш., 1970). Синтаксическая проблематика и в какой-то мере связанная с ней пунктуация остаются излюбленными предметами изучения И.А. Андреева и в последующие годы. Можно сказать, что И.А. Андреев воспитал и сформировал своего рода школу чувашских синтаксистов. Это Ю.М. Виноградов, Р.А. Мышкина, А.П. Долгова, А.В. Емельянова, Н.В. Доброва.

Морфология обогатилась ценным трудом И.П. Павлова «Хальхи чăваш литература чълхи. Морфологи» (Ш., 1965). К сожалению, И.П. Павлов не успел обобщить все свои многочисленные изыскания по морфемике, словообразованию, морфологии (здесь он был первооткрывателем), грамматическим категориям, словоизменению частей речи в виде фундаментального тома академической грамматики чувашского языка. А между тем он был истинным знатоком глубинных различий в языке, и его работы изобиловали всегда массой тонких наблюдений над грамматическими значениями и планом их выражения.

С начала 1990-х гг. ряд учебных пособий и исследований по морфологии, категориальным и некатегориальным формам опубликовал В.И. Сергеев.

В.А. Андреев в это же время начал исследовать именные категории с позиции функциональной грамматики, которая в последние годы была успешно применена к материалу разных тюркских языков.

Сравнительно-историческая грамматика чувашского языка после «Материалов...» Н.И. Ашмарина исследовалась не очень интенсивно, тем не менее здесь есть заделы, на основе которых можно было бы наконец-то воссоздать историю чувашского языка. Во-первых, это строго классическая «Историческая морфология чувашского языка» Л.С. Левитской (М., 1976. 206 с.); во-вторых, это труды М.Р. Федотова как в рамках собственно тюркологии («Тёрёк чълхисен танлаштару грамматики. Морфологи лекцийёсем. Ш.: ЧПУ, 1975. 220 с.), так и в духе достаточно вольно трактуемых аксиом алтайской теории («Чувашский язык в семье алтайских языков. Ч. I–III, Ч., 1980–1983–1986); в-третьих, это работы Г.Е. Корнилова по имитативике (радикологии), которые представляют собой оригинальное и даже, можно сказать, радикальное продолжение пионерского учения Н.И. Ашмарина о мимемах 1918, 1925, 1928 гг. Радикализм Г.Е. Корнилова состоит в том, что он чуть ли не как новый Марр полемизирует и даже отрицает результаты, полученные компаративистикой, алтаистикой и даже ностратикой. Тем не менее в этой «новой» глоттогонии есть рациональные зерна, и они могут быть использованы при глубинной этимологии морфем, которые изначально, очевидно, не просто являлись грамматическими элементами, а были лексически значимы.

III

Чувашская лексикография в XVIII–XIX вв. находилась в зачаточном состоянии. В XVIII–XIX вв. в основном происходило накопление чувашского языкового материала в ходе различных экспедиций (Г.Ф. Миллер, Й.Э. Фишер, П.С. Паллас; анонимные авторы). Словники частично были опубликованы, частично остались в рукописи. Они были составлены на разных территориях чувашской языковой общности, содержат ряд фонетических вариантов и архаизмов и потому являются ценным источником исторического чувашского языкознания. Наиболее крупному лексикографическому предприятию этого времени был «Словарь языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих, именно: россиян, татар, чувашей, мордвы и черемис...» (1785), который содержал около 11 тысяч чувашских слов. Небольшие чувашско-русские словарики содержали также чувашские грамматики – 1-я (около 1400 слов) и 2-я (около 3000 слов).

Нельзя не упомянуть о рукописных русско-чувашском и чувашско-шведском словарях (Rysk-Tschuwaschisk och Tschuwaschisk-Svensk Ord'förteckning) А.Э. Альквиста, содержащих около 2300 слов и около 800 слов соответственно и составленных, вероятно, с использованием чувашского лексикона священника В.П. Громова. Они были опубликованы факсимиле и с передачей типографским шрифтом в August Ahlquist «Tschuwaschiska...» (S. 2–116).

Можно сказать, что в первом десятилетии XX в. ситуация в чувашской лексикографии изменилась. Мы не можем не отметить заслуги Н.В. Никольского (1878–1961), чувашского ученого-гуманитария воистину энциклопедических познаний. В 1909 г. он издает «Русско-чувашский словарь» (640 с.), в 1919 г. «Краткий чувашско-русский словарь» (около 5 тыс. слов), который способствовал нормализации лексики чувашского языка, в 1903–1914 гг. готовит 7-томный «Чувашско-русский словарь», к сожалению оставшийся в рукописи. Позднее, в 1926 г., он также составил трехязычный «Русско-латинско-чувашский словарь медицинских терминов», также неопубликованный. Помимо этого Н.В. Никольский может считаться зачинателем чувашской паремиологии (см. его трехязычное собрание пословиц (чувашско-русско-французское), рукопись, 1936–1937 гг., 526 л.) [16].

В 1900 г. публикуется ашмаринская «Программа для составления чувашского словаря». При содействии Н.Ф. Катанова в 1910, 1911 гг. были изданы два выпуска «Словаря чувашского языка» Н.И. Ашмарина (были переизданы в 1928–1929 гг., а последний – семнадцатый – вышел в Чебоксарах лишь в 1950 г.) Эта энциклопедия материальной и духовной культуры чувашей полностью

Инкыйлабтан соң чит илләрдә чыккан татарча газет-журналлар арасында “Яңа милли юл” мөхтәрәм урын алып тора. Ул халкыбызның энциклопедиясе, көрәш елъязмасы кебек [Миңнегулов: 2004, 138]. Мәжмугадагы материалларның идея-тематикасы халкыбызның барыр юлы, бүгенгесе һәм үткәне, милли бәйсезлек өчен көрәше белән бәйле. Әмма журналда сәяси мәсәләләрдән тыш төрки-татар халкының күренекле уллары хакында да жентекле, кызыклы, фактик яктан бай материаллар биреп барыла. Анда Исмагыйль Гаспралы, Шихабетдин Мәржани, Каюм Насыри, Йосыф Акчура һәм татарның башка олуг затлары турында мәгълүматлар шактый. Шушы язмалар арасында Габдулла Тукай шәхесенә, ижатына караганнары аеруча игътибарга лаек.

“Милләтнең ачы язмышына эверелгән Тукай, кайда гына, нинди генә шартларда яшәүгә карамастан, бервакытта да читтә булмады, һәрвакыт үзәк фигуралардан саналды. Бигрәк тә мөһажәрәттә аның шәхесенә, ижат мирасына, башкалар белән чагыштырганда, өстенрәк урын бирелә”, – дип яза Зөфәр Мөхәммәтшин “Ил йолдызы” исемле хезмәтенең һәм үзенең бу фикеренә аңлатма биреп “беренчедән, мөһажәрәттә милләттәшләре Тукай язмышында үз язмышларын күрәләр, Тукай исеме астында берләшүгә, чит халык, чит мәдәният тәсире астында югалып калмаска чакырсалар, икенчедән, Тукай ижатына гомер дөвәмымында ихтирамын югалтмаган Идел-Урал төрек-татарының милли горурлыгы, лидеры Г. Исхакийның да роле зур” булуын күрсәтеп үтә [Мөхәммәтшин: 2006, 9].

Чыннан да, Гаяз Исхакий Тукайны шагыйрь итеп кенә түгел, шәхес итеп тә яраткан. Аларга гомер юлларында очрашырга туры килмәсә дә, бер-берсенә ижатына хөрмәтләре зур була. Тукайның Гаяз Исхакийга мөнәсәбәте аның ижатына багышлап язылган “Кем ул?”, “Мөхәриргә” шигырьләреннән [Нуруллин: 1990, 3], Гаяз Исхакийның Тукайга мөнәсәбәте исә шагыйрь ижатына берничә мәкалә багышланган һәм әдәби эсәрләрендә аның исеме еш телгә алынган ачык күренә. Алар икесе дә татар милләте язмышы өчен борчылганнар, шәхси язмышларының халык язмышына аваздаш икәннәрен аңлаганнар. Халык милләт мәнфәгатьләрен кайгыртып яшәү – алар өчен бар нәрсәдән югары максат булган.

Гаяз Исхакийның “Тукай истәлегә (Тукайның үлүменә 20 ел тулу уңае берлә)” исемле мәкаләсе “Яңа милли юл” журналының 1932 елгы 11 санында басыла. Гаяз Исхакий фикеренчә, Тукайны искә алу “тугрыдан-тугры” халкының бурычы, чөнки “Тукай безнең Идел бие төрек-татары шагыйре”, “ул безнең халкыбызның моңын жырлаучы, безнең дәртебезне күпләүче”. Әмма публицист бу бәйрәмне Идел буенда үткөрү мөмкин түгеллеген яза. Сәбәбе итеп “илнең “кызыл руслар” кулында булуын күрсәтә. Ә “кызыл руслар” карашыннан Тукай мулла баласы, динче, милләтче, коммунизм карашыннан – контрреволюционер, кызыл Мәскәү карашыннан шовинист милләтче итеп билгеләнә. Һәм шуңа күрә әлегә бурычны “халкыбызның дөнъяның иркенлегендә яшәгән өләше үтәргә тиеш” [Исхакий: 1932, 2]. Әдип-публицист моңын өчен беренче чиратта мөһажәрәттә юбилейны оештыручы махсус комиссия тәзергә, ә ул комиссиягә Тукайның кайбер эсәрләрен аерым-аерым бастыруны һәм аңа багышлап бер китап, бер мәкалә жыентыгы чыгаруны, аларны киң катлам укучыларга житкерүне максат итеп куярга кирәклеген ассызыклай. Мәкалә соңында юбилей датасына кадәр вакытның аз калуын искәртеп “бөтен әһле каләм һәм әдәптән булган шәхесләргә” Тукай хакындагы мәкаләләрен жибәрүләрен һәм спонсорларның ярдәм итүләрен үтенә.

Әйтергә кирәк, бу юлда кайбер уңышларга да ирешелә. “Яңа милли юл” журналының 1933 елгы апрель санының бер өләше Исмагыйль Гаспралы, икенчесе – Г. Тукай ижатына багышлап чыгарыла. Монда Гаяз Исхакийның ике мәкаләсе, Гали Биктимернең, Шакир Йосыфның, Хөсәен Габдушның язмалары һәм Сания Гыйффәт белән Габдулла Тукайның үз шигырьләре урын алган. Аларның һәр берсе Тукай шәхесенә, ижатының бөеклеген күрсәтүне максат итеп язылган. Мәсәлән, Шакир Йосыф Тукай турында “халкыбызның һәм шуның белән бергә бөтен төрки милләтнең күнелен һәм теләген ачкан, шуны аңларга тырышкан безнең жырчыбыз. Үлп егерме ел кара, салкын туфрак астында ятса да, ул безнең татар халкы ниләр сизгәнне өзәлп-өзәлп әйтә бирә. Ул безнең бөтен халкыбызның сансыз корбаннары өчен, аның туктаусыз аккан күз яше өчен илдәшләренә, милләттәшләренә тойгыда, сүздә, эштә берләшүләрен көтә” [Искә алганда: 1933, 35], – дисә, Хөсәен Габдуш исә, “Тукай шигырьләрендә беренче мәртәбә “Туган телебез”нең матур музыкасы яңгырады. Ул халкыбызның жыры, мәкаль һәм табышмаклары кебек, бер ишетү берлә хәтердән чыкмый торган сүзләр – шигырьләр белән телебезнең матурлыгын һәм байлыгын күрсәтте һәм иң мөһиме өч йөз ел буенча ничек изелүбезне әйтә бирде” [Искә алганда: 1933, 36], – дип яза.

Гаяз Исхакийга килгәндә, аның “Петербург, 29 март” исемле мәкаләсе инде бер тапкыр “Ил” газетасының 1914 елгы 29 март санында “Гаяз” имзасы белән басылган була. Ул 1913 елда Петербуртта Тукай кичәсен үткәргә рөхсәт бирмәгән хөкүмәт органнарына протест йөзеннән языла. Әлегә мәкалә үзенең актуальлеген 1933 елда да югалтмый. Чөнки “әлекеге падшалар дәверендәге кара руслар Тукайны милли революционер дип атап, аның шигырьләре милли фикернең үсүенә сәбәп була дип сагынмалыгын эшләүдән тойса, илебзгә хужа булган кызыл руслар Тукайның бәйрәмен ясау милли хиссиятнең ярусына

научно-теоретической конференции в 1959 г., посвященной основным проблемам казахской литературы, ученый отметил: «В своем докладе я сказал, что историю казахской литературы надо начинать со второй половины XVIII в. Б. Кенжебаев в своем выступлении предложил историю казахской литературы начинать издали, чуть ли не с VIII в. Конечно, каждый имеет право на убеждение, но это исторически неверно...» [Жумалиев: 1961, 7]. Образец периодизации, предложенный К. Жумалиевым, в нашем литературоведении долгие годы оставался ведущим и основополагающим. В силу этого учащиеся школ и вузов того времени познавали литературу, начиная с творчества Бухаржырау. В те годы еще не были исследованы тексты о Культегине, равно как и «Құтты білік» («Благодатные знания») Юсуфа Баласагуни, «Хусрау и Ширин» и др.

Бейсенбаев Кенжебаевым была разработана более достоверная периодизация, которой пользуются с конца 1960-х гг. по настоящее время. Опубликованная в 1941 г. и вошедшая в более поздние книги данная периодизация была значительно полнее предыдущих, главное – объективной, гораздо совершеннее периодизации К. Жумалиева. Огромное историческое значение имели идеи, отодвигающие границы истоков нашей литературы глубоко во времени - от XVIII в. к периоду древнетюркской литературы. Тем не менее периодизацию Б. Кенжебаева нельзя считать полной и окончательной. Требуют пересмотра названия периодов, их временная хронология.

С обретением независимости, с получением доступа к архивам запрещенной литературы наблюдается заметное «старение» данной периодизации. Приведем лишь несколько примеров, доказывающих необходимость внесения изменений в периодизацию Б. Кенжебаева.

Во-первых, древнюю литературу до поэзии жырау можно разделить на три этапа: 1) древнетюркская литература; 2) литература исламского периода; 3) литература Золотой Орды. Во-вторых, литературу поэзии жырау следует начинать не с XV в., а с XIV столетия. В-третьих, литературу XIX в. следует рассматривать, ограничив 1870 г. и обозначив ее как устную авторскую литературу. В этом аспекте достойны внимания труды академика Р. Сыздыковой, исследующей историю литературного языка. В-четвертых, необходимо пересмотреть границы периода литературы начала XX в. – 1900–1917 гг. В последние годы открылось много нового относительно этого этапа. Сочинения Ш. Кудайбердиулы, А. Байтурсынова, М. Дулатова, Ж. Аймауытова, Г. Караша, К. Кеменгерулы и десятков других писателей расширили наши представления о литературном процессе первой четверти XX в. Этот литературный период нельзя ограничивать календарным событием 1917 г. В период литературы Алаш Орды, зарождавшейся еще в начале XX в. и развивавшейся примерно до 1930 г., полностью сложился казахский письменный литературный язык, была создана жанровая система, сложилась письменная литература, литературная критика, история и теория литературы. Поэтому в новом варианте периодизации истории литературы период Алаш Орды должен занять свое достойное место.

Проблема периодизации истории литературы является актуальной для современного казахского литературоведения. Учитывая предыдущие научные опыты, мы должны в скором будущем обосновать новую, более правдивую периодизацию истории литературы. И эта периодизация должна повлиять на написание более точных с точки зрения науки трудов по истории казахской литературы.

Литература

Ауезов М. Полное собр. соч. в 50 томах. Т. 2. Алматы: Наука, 1998 (на казахском языке).

Байтурсынов А. Сочинения. Алматы: Жазушы, 1989 (на казахском языке).

Жумалиев К. Проблемы исследования казахской литературы конца XVIII и первой половины XIX века // Сборник материалов научно-практической конференции «Литературное наследие и его изучение». Алматы, 1961 (на казахском языке).

Марсеков Р. О литературе // Газета «Казах». Сборник. Алматы: Казахская энциклопедия, 1998 (на казахском языке).

МӨҖАЖИРЛӘР МАТБУГАТЫНДА ТУКАЙ ОБРАЗЫ (Образ Тукая в эмигрантской периодической печати)

Г.А. Хөсетдинова

Татарстан Фәннәр академиясенә Г. Ибраһимов исем. тел. әдәбият һәм сәнгать институты, Казан

В статье анализируются ряд статей Гаяза Исхаки, опубликованных на страницах журнала «Милли юл» («Яна милли юл»), который в 1928–1939 годах выходил в Берлине. В них речь идет о жизни и творчестве классика татарской поэзии Габдуллы Тукая (1886–1913). Статьи написаны в связи с двадцатилетием со дня смерти поэта. Автор критически оценивает состояние изучения и пропаганды творчества Г. Тукая в советской печати Татарстана.

соответствует своему латинскому названию Thesaurus Linguae Tschuvaschorum и является крупнейшим достижением чувашской лексикографии, и даже «мировой лексикографической практики». По многим своим параметрам Thesaurus, несмотря на полиграфическую бедность и цензурные сокращения, остается явлением уникальным. Он же является базой как для создания словарей общего типа, так и специальных: антропонимов, топонимов, мифологического, этнокультурного и т.д. Языковая картина чувашского мира предстает перед нами прежде всего через словарь Ашмарина.

З. Гомбоц в 1906 г. опубликовал небольшой список (около 800 словарных единиц), сопроводив многие чувашские лексемы тюркскими и монгольскими параллелями, а также этимологиями (NyK, XXXI, 1–23; 141–164). Это был малый чувашско-русско-мадьярский словарь.

С научной точки зрения, наиболее удачным лексикографическим опытом до 1917 г. был «Чувашско-мадьярско-немецкий словарь» (Csuvas szójegyzék / Tschuwaschisches Wörterverzeichnis) Х. Паасонена (NyK, XXXVII–XXXVIII – 1908). По своему объему (около 8000 лексем) и лексикографической подаче материала (точная фонетическая транскрипция, диалектные варианты, раскрытие значений, подбор иллюстративных примеров из фольклора и разговорной речи, этимологии некоторых слов, разграничение омонимов, подбор синонимов) данное издание для своего времени является образцовым. Недаром в 1950 г. этот словарь был опубликован на турецком языке (Н. Паасонен «Çuvaş Sözlüğü». Istanbul, 1950. 218 S.), а в 1974 г. в Сегедской серии Studia Uralo-Altaica IV вышел reprint – 244 с. (под редакцией и с предисловием А. Рона-Таша).

Вряд ли будет разумным в столь кратком очерке представлять в полном объеме конкретику лексикографической работы на протяжении всего XX века, перечислять словари, давать их описание, отмечать достоинства и недостатки. Тем более что большей частью такая работа уже выполнена [17]. Мы ограничимся выделением периодов «взлетов» и «затишья», если так можно выразиться, лексикографической практики.

Период первого «взлета» – это 1920–1930-е гг., когда активно проводилась политика языкового строительства, о чем было сказано выше. Несколькими изданиями вышли словари А.Т. Быкова (Краткий словарь общепотребительных русских и чувашских слов, 1-е изд. 1924) и Н.И. Ванеркке (Ют чёлхесенчен хутшәннә сәмахсен пёчөк словарё, 1-мёш кәларәм. 1924), которые вводили новые социальные реалии и понятия, способствовали их усвоению как самим языком, так и его носителями. Так как в это время подготавливалась и довольно широко издавалась переводная литература по различным отраслям знания (в 1920 г. была создана Центральная переводческая комиссия, возглавляемая Ф.Т. Тимофеевым, а в 1927 г. специальная терминологическая комиссия, фактически руководимая им же), необходимо было разрабатывать термины (каждая переводная книга сопровождалась индексом терминов), переводы предварительно обсуждались, а комиссия выносила свой вердикт относительно их пригодности. В итоге этой работы к середине 30-х гг. более или менее сложился корпус общественно-политических и сельскохозяйственных терминов, а также терминов на уровне школьных учебников (Терминологи словарё / Терминологический словарь. Ч., 1940. 158 с.). Подытоживают этот период два словаря общего профиля: «Русско-чувашский словарь» (под ред. Т.М. Матвеева. Ч., 1931; более 6 тыс. слов) и «Чувашско-русский словарь» (Ч., 1935) В.Г. Егорова. Наиболее полное отражение лексики чувашского языка (около 25 тыс. слов) нашла именно в этом словаре. В нем были зафиксированы многие неологизмы, а также изменения в семантике слов, причиной которых были социальные сдвиги эпохи.

Период второго «взлета» – это 1950–1980-е гг. Ряд словарей для самого широкого круга пользователей увидел свет в этот период. Наиболее полный по охвату лексики «Русско-чувашский словарь» (под ред. чл.-корр. АН СССР Н.К. Дмитриева. М., 1951), «Чувашско-русский словарь» (под ред. чл.-корр. АПН СССР М.Я. Сироткина. М., 1961), наиболее полно представлявший нормы чувашского литературного языка советского периода. Это были своего рода два «столпа» чувашской лексикографии того времени. К ним примыкали два словаря В.Г. Егорова: «Чувашско-русский словарь» (2-е изд., Ч., 1954) и «Русско-чувашский словарь» (под ред. И.А. Андреева; Ч., 1960). Но подлинно новым типом словаря не только в чувашской, но и в практике национальной лексикографии вообще стал «Чувашско-русский словарь» (более 40 тыс. слов) под ред. М.И. Скворцова (М., 1982, 1985).

С начала 1990-х гг. наступает затишье. Подготовка и издание национальных словарей не интересуют центральные издательства («Советская энциклопедия», «Русский язык» и др.), финансирование лексикографических проектов минимизируется – словарное дело отдается на места, что сказывается не лучшим образом на качестве и количестве конечного продукта.

Вопросы лексикологии в диахроническом плане были уже поставлены В.Г. Егоровым во «Введении в изучение чувашского языка» (1930), и к ним он постоянно возвращался позднее, анализируя лексический состав как историк языка и в то же время прозревая за словами историческое развитие самого чувашского этноса. Многолетние изыскания он обобщил в своем «Этимологическом словаре чувашского языка» (Ч., 1964), ставшем вообще первым этимологическим словарем для тюркских языков народов СССР и открывшем новые горизонты для чувашской исторической лексикологии. В словаре показаны соотношения в лексике обще- и межтюркских страт, а также разновременных заимствований, происхождение конкретных лексем.

По общей синхронной лексикологии имеются «Чăваш чĕлхин лексикологийĕ» (Ш., 1961) Н.А. Андреева (Урхи), сборник «Хальхи чăваш чĕлхин лексикологийĕ» (1978), раздел «Лексикология» (автор М.Ф. Чернов) в книге «Современный чувашский литературный язык. Т. I» (1990), учебные пособия В.И. Сергеева «Хальхи чăваш литература чĕлхи: Лексика. Лексикологи. Семантика. Семасиологи. (Ш.; ЧПУ, 2000) и «Чăваш чĕлхи: лексика, фразеологии, пуплев культуры» (Ш.; ЧПУ, 1997), а также «Чăваш чĕлхи лексикин аталанăвĕ (совет тапхăрĕ)» (Ш., 1960) А.Е. Горшкова. К ним же можно присовокупить «Чăваш чĕлхин стилистики» в 3-х частях (Ш., 1958, 1964, 1966) того же Н.А. Андреева. По особенностям жанра и учебным целям все эти работы не претендуют на оригинальность, что и понятно, а тиражируют некие общепринятые представления.

Более интересны исследования по отдельным лексико-семантическим группам и заимствованиям в чувашском языке: метеорологическая лексика (Л.В. Данилова, 1972), глаголы движения (Т.Н. Васильева, 1980), названия рыб (Е.А. Лебедева, 1983), лексика земледелия (Г.А. Дегтярев, 1988), орнитонимы (Л.П. Петров, 1996), названия растений (Ю. Дмитриева, 2001), названия еды (И.Г. Яковлева, 2003), чувашские гидронимы (А.С. Иванова, 2005); арабо-персидские (М.Р. Федотов, 1963), старорусские (И.Т. Сергеев), русские (А.Е. Горшков, 1963), марийские (Г.В. Лукоянов, 1974) заимствования.

Мы видим, что описаны отдельные фрагменты лексической системы чувашского языка, между тем у нас нет ее целостной картины. В свете исследований по лингвистической семантике последних лет (А. Вежбицка, Е.В. Падучева, Ю.Д. Апресян, Ю.С. Степанов и др.), языковой категоризации мира и лингвистической прагматике мы обязаны подходить к лексике как к сложноорганизованному целому; ее пронизывает сеть семантических отношений, лексемы входят в лексико-семантические поля, концентрируются вокруг этноконцептов и т.д. Некоторые подходы к теме пытался найти В.И. Сергеев (см.: «Развитие лексической семантики чувашского языка: основные тенденции. Ч., 1991).

По-прежнему перспективным представляется изучение перекрестных заимствований, выявление субстрата, адстрата и суперстрата в языках Урало-Поволжья, как в аппеллятивной лексике (особенно в ее фольклорной обрядовой части), так и в онимии (теонимы, мифонимы, топонимы, антропонимы). Отталкиваясь от трудов Н.И. Золотницкого, финских ученых Ю. Вихманна (Y. Wichmann, 1903), М. Рясанена (Räsänen, 1920), Х. Паасонена (H. Paasonen, 1897), продолженных М.Р. Федотовым (1965, 1968, 1990) и Р.Г. Ахметьяновым (Общая лексика духовной культуры народов Поволжья. М., 1981. 144 с.; Общая лексика материальной культуры народов Поволжья. М., 1984. 199 с.), применяя как типологический, так и историко-этимологический анализ (типология и этимология здесь должны быть вместе), можно выйти на уровень реализации региональных проектов типа «Словарь сакральной лексики народов Урало-Поволжья», «Урало-Поволжский антропонимический словарь», «Булгарское наследие в языках и культуре народов Урало-Поволжья» и др.

* * *

Об истории чувашского языка так или иначе говорилось в разных местах этого очерка, но хотелось бы остановиться на двух моментах.

Первый – это сюжет *Bulgaro-Tshuwaschica*. В развитии этого сюжета было много перипетий и зигзагов – от отрицания теории болгарского происхождения чувашей и объявления их автохтонами, долгой и бесплодной полемики с татарскими коллегами («кто наследует булгарам?») до признания той истины, что вопрос об этно- и глоттогенезе не стоит во главе угла, а надо на основе свидетельств разных источников и фактов исследовать процессы, которые имели место после появления булгар в Урало-Поволжском регионе, выстроить периодизацию истории языка: древнебулгарский (400–1235), среднебулгарский (1235–1551) и новобулгарский (с 16 в.) периоды и следовать ей [18].

Специальная научная сессия по чувашскому этногенезу 1957 г. восстанавливает в правах болгарскую теорию. К сожалению, собственно чувашские языковеды мало поработали по болгарской проблематике. Зато *Bulgaro-Tschuwaschica* активно развивалась за рубежом. Это этимологии

Первая попытка периодизации была сформулирована в статье Райымжана Марсекова «Қазақ әдебиеті жайынан» («О казахской литературе»), увидевшей свет в 1915 г. в газете «Қазақ». В ней автор пишет: «Нашу казахскую литературу до настоящего времени можно было разделить на три периода: первый период – древний бесписьменный период, второй период связан с приходом письменности, ислама, распространением восточной литературы, третий период казахской литературы начинается с покойного Абая» [Марсеков: 1998, 156].

Безусловно, в периодизации литературы статья Р. Марсекова представляет собой первый опыт литературно-научного осмысления и изучения данной проблемы. Следует отдать должное автору – в свое время он поднял эту проблему как принципиально важную для национальной литературы.

Следующий вариант периодизации истории казахской литературы отмечен в фундаментальной работе Ахмета Байтурсынова «Әдебиет танытқыш» («Познание литературы»). В главе «Письменная литература» начальный период письменной литературы ученый связывает с вероисповеданием: «Письменность к казахам пришла с верой. Среди казахов ее обучением среди детей занимались муллы-ногаи, и первыми сочинителями в письменной форме были они. Живя подолгу среди казахов, они хорошо знали казахский язык и характер казахов. Зная любовь казахов к песням, к слову, муллы обучали вере через песни. Условия, требование шариата, они рассказывали в виде песенных рассказов и доносили до слуха и сердца, сочиняли о вере мусульман на других языках. Переложения сказочных песен, казахских сказок, переводы духовных наставлений на казахский язык сделаны с целью познания веры через песни» [Байтурсынов: 1989, 143]. Вторым периодом назван ученым критическим.

Периодизация казахской литературы для А. Байтурсынова не являлась главной целью исследования. Ученый не дает в работе подробного изложения вопросов зарождения, формирования, развития того или иного периода литературы, для него было важно рассмотреть литературные жанры, зарождавшиеся на лоне этих периодов. Признавая решающую роль исламской веры в развитии национальной литературы конца XIX – первого десятилетия XX в., А. Байтурсынов одним из главных критериев определения литературы считает создание сочинений в письменной форме.

Художественные произведения духовного содержания были преобладающими в письменной литературе до выхода в свет в 1909 г. книг великих казахских авторов. В книгах Абая, Ахмета, Мыржакыпа мы обнаруживаем арабскую, персидскую лексику, пришедшую в казахскую степь вместе с исламом. Поэтому при рассмотрении истоков казахской литературы необходимо тщательно исследовать влияние исламской веры на развитие литературы. Думаем, что термин «религиозный период», предложенный А. Байтурсыновым, следует всесторонне развивать и смелее вводить в научный оборот. Байтурсыновская периодизация была воспринята литературоведами как новаторская, что позволило им продолжить исследования в этом направлении.

Исключительное место в разработке вопросов теории казахской литературы принадлежит исследованиям Мухтара Ауэзова. Вопросы периодизации казахской литературы М. Ауэзов рассматривает уже в своих первых работах – «Зар заман ақындары» («Поэты скорбного времени»), «Қазақ әдебиетінің қазіргі дәуірі» («Современный период казахской литературы») и в учебнике «Казахская литература периода XIX – начала XX века».

В работах ученого наблюдается специфическое разделение литературы на три периода: 1) литература колониального периода; 2) литература периода падения феодализма и начала развития промышленного капитализма; 3) современный период казахской литературы. М. Ауэзов связывает отдельные признаки литературы колониального периода с историко-социальными обстоятельствами и подробно останавливается на литературе, рожденной в связи с восстаниями Кенесары и Исатая-Махамбета. В литературе следующего периода автор всесторонне проанализировал внедрение капитализма на Казахскую землю и проиллюстрировал это примерами из духовно-просветительских трудов Ыбырай Алтынсарина, Абая, Абубакира Кердери, Шангеря, Машхур-Жусупа Копеева.

Описывая художественное своеобразие послеабаевского периода, он отмечает: «Это новый, только начинающийся период романтизма. Со времен устной литературы, даже ближе – со времени Абая мотивы реализма, в большинстве своем сухие мысли, общие слова в эти дни превращаются в глубокие внутренние чувства, утонченные характеры... Этот период казахской литературы будет литературой окрепшей, входящей в общие ряды, демонстрирующей период романтизма» [Ауэзов: 1998, 222]. Называя новый период романтизмом, М. Ауэзов имел в виду сочинения Ш. Бокеева, Н. Орманбетулы, М. Дулатова, М. Жумабаева, Б. Кулеева.

Следующий вариант периодизации казахской литературы мы находим в трудах Кажыма Жумалиева. Отсчет истории казахской литературы академик К. Жумалиев ведет с XVIII в., с творчества Бухар жырау. Об этом он пишет в монографии «Проблемы казахского эпоса и казахской литературы», в учебнике «История казахской литературы XVIII–XIX вв». В заключительном слове на

6) библейские персонажи: *агнец, ангел, архангел, антихрист, Богоприимец, господство, власть, начало, престол, сатана, серафим, сила, херувим;*

7) термины внутренней и внешней церковной жизни: *гностик, демон, епитимия, еретик, жид, ипостас «ипостась», капелла, католик, лютеран «лютеранин», магометан «магометанин», мйссальман «мусульманин», миссия, миёт «мечеть», Магомет, мученик, Пасха, прасник «праздник», протестант, Синадрион, Синод, сура, таинство, саддукей, фарисей;*

8) термины, обозначающие названия частей Библии и церковных служебных книг, а также термины песнопений: *Библия, блаженна, зачало, сапповет «заповедь», канон, канонник, кафизма, Левит, паремия, прокимен, панихида, требник* и т.д.

Своеобразие богослужебного стиля заключается в том, что он предполагает подробное изложение с частым повторением информационно важных лексем. Ими нередко являются новозаимствования, употребляемые в богослужебной речи. Результат – возрастание частоты иноязычной лексики в чувашском тексте.

Собственно русизмы составляют около 10 процентов из общего числа новозаимствований. Полный перечень таких единиц включает в себя следующие лексемы: *батюшка, блаженна, Богоприимец, богородичен, больница, Высокопреосвященнейший, господство, власть, держава, единорог, жалование, заповедь, кадило, лекёр «лекарь», набедренник ответ, отпуст, отставка, перо, покровец, поминание, поручи, послушник, прасник «праздник», престол, преподобный, притвор, пророк, прошении «прошение», расход, ремесла «ремесло», росписка «расписка», самогласен, свидетель, сут «суд», таинство, турак «торги», урядник, ухата «охота», ухатник «охотник»; учительник «школа», хвалитны «хвалить», цит, а также названия месяцев и некоторые другие.*

Активность заимствований обнаруживает зависимость от тематики и жанра произведения. Более всего иноязычных слов наблюдается в канонических текстах и в кратких переложениях Священного Писания («Священная история Ветхого и Нового Завета» (1876; 1882; 1883; 1885; 1894 и др.). Также достаточно много их в литургических текстах – служебниках, часословах, минеях, октоихе, триоди, канонниках, требнике – и в гомилетической литературе («Объяснение православного богослужения» – 1911); «О церкви и церковном богослужении» – 1894, 1897; «О святых ангелах и злых духах по учению православной церкви» – 1893, 1897 и т.д.).

Заметно снижается количество заимствований в таких группах жанров, как проповедническая, агиографическая и дидактическая литература.

Почти все заимствования принадлежат к группе имен существительных. Зафиксировано лишь несколько русских глаголов в инфинитивной форме, предполагающих включение в чувашскую речь с помощью вспомогательного глагола *ту* «делать»: *говеть ту* «говеть», *страховать ту* «страховать».

Соотношение слов, означающих отвлеченные и конкретные понятия, почти равное. При этом заметна едва уловимая тенденция к заимствованию слов, обладающих конкретностью содержания.

На первом месте по количеству заимствований располагаются литургические тексты: *аминь, аллилуйя, закон, икос, ирмос, кондак* (более 200 употреблений каждое слово), *апостол, богородичен, тропарь* (более 100) и т.д., затем – канонические и другие переводы: *прасник* «праздник», *заповедь, священник* (более 100), *пророк, престол, монах, ектения, панихида, фимиам* (около 50 употреблений), названия чинов, должностей, этикетных обращений (10) и т. д. Само слово *Библия* встретилось менее десяти раз.

Таким образом, иноязычные заимствования в богослужебной литературе служат для обеспечения содержательной точности первичного и переводного текстов, а также создания функционально-стилистической приметы текстов богослужебного характера.

Литература

Чувашская книга до 1917 года = 1917 сӱлчченхи чӱваш кӱнеки: ретроспект. библиогр. указ. лит. 2-е изд., испр., доп. / Гос. комитет Чувашской Республики по делам архивов; Гос. архив печати Чувашской Республики. Чебоксары, 2001. 199 с.

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Е.Е. Тлешов

Центр «Руханият», г. Астана

В науке накоплен почти вековой опыт исследований периодизации истории казахской литературы. В настоящее время этот опыт требует нового и глубокого осмысления, благодаря тому что мы имеем в распоряжении почти весь арсенал художественных произведений выдающихся авторов, оказавших существенное влияние на развитие национальной литературы.

сохранившихся болгарских лексем, в том числе и онимов, в многочисленных статьях Й. Бенцинга, О. Прицака, К.Г. Менгеса и затем исследование волжско-болгарских эпитафий. По мнению М.Р. Федотова, «болгарская эпиграфика XII–XIV вв. для науки о языке является как бы «первотекстом» со своим составом фонем и граммем. При всех хронологических и прочих различиях болгарский язык памятников и современный чувашский в целом сохраняют свое тождество» [19]. Да, действительно, язык болгарских эпитафий является непосредственным, прямым свидетельством о западно-тюркском языке болгаро-чувашского типа, и это мнение [20] мы находим в работах: О. Pritsak. Die Bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Proto Bulgaren. Wiesbaden. 1955. 1025; A. Róna-Tas, S. Fodor. Epigraphica Bulgarica. A Volgai Bolgár-Török felirátok. Szeged, 1973. 190 p. (Studia Uralo-Altaica. I); Т. Tekin. Volga Bulgar kitabeleri ve Volga bulgarçasi. Ankara, 1988. 212 s.; М. Erdal. Die Sprache der wolgabulgarischen Inschriften. Wiesbaden, 1993. 172 s. (Turcologica, Band 13).

Но параллельно развивалось также направление по исследованию волжскоболгарских эпиграфических памятников в ключе Bulgaro-Tatarica, естественно, представленное работами татарских ученых (Г.В. Юсупов, А.Б. Булатов, Ф.С. Хакимзянов, Д.Г. Мухаметшин и др.).

Равновесие между этими точками зрения может быть найдено, если мы обратимся к изучению типологии и динамики языковой ситуации в Волжской Булгарии VIII–XIV–XV вв. Кажется, что к этому склоняются и татарские, и чувашские языковеды [21].

Другим источником реконструкции волжскоболгарского языка являются, как известно, заимствования в венгерском, поволжских и пермских финно-угорских языках, а также в древнерусском и других славянских языках. Исследования в этой области известны и требуют своего логического завершения.

Второй момент вытекает из первого. Но в данном случае речь идет о нереализованной возможности. В 1970–1980-е гг. оживилось изучение чувашской лексики в сравнительно-историческом разрезе и получили новый импульс этимологические штудии. В 1978 г. в Чебоксарах была проведена Международная конференция «Проблемы исторической лексикологии чувашского языка», в ходе которой возникла идея международного проекта по созданию «Историко-этимологического словаря чувашского языка», было начато формирование картотеки, составлены инструкции и пробные статьи. Словарь должен был стать одной из главных частей сравнительно-исторической грамматики чувашского языка (=истории чувашского языка). Такого рода большая тема требовала объединения усилий многих исследователей, создания научного коллектива из чувашских историков языка, ученых тюркологов из Москвы, Венгрии. Чувашская сторона опубликовала практически ежегодно, начиная с 1980 по 1988 г., сборники по исторической лексикологии и этимологии. Была проведена еще одна конференция – «Проблемы составления этимологического словаря отдельного языка» (1983) – с участием видных тюркологов из Москвы, Казани, Алма-Аты, Кызыла и др. В 1990 г. была проведена конференция «Чувашский язык и алтаистика», также с широким ученым представительством.

Венгерская сторона опубликовала «Studies in Chuvash Etymology I» (Szeged, 1982. 240 s.) и «Chuvash Studies» (Wiesbaden, 1982. 306 p.) – два солидных издания, где в последнем помещена, в частности, важная в теоретико-методическом отношении статья А. Рона-Таша, которая выставляет ориентиры для широкого и глубинного изучения исторического развития чувашской лексики (см. сноску 18) [22].

Этот международный проект не был реализован по разным причинам. Может быть, одной из них было то, что начавший издаваться в 1974 г. «Этимологический словарь тюркских языков» не был завершен, его издание продолжалось, и московские коллеги были с головой погружены в эту работу. Правда, М.Р. Федотов опубликовал «Материалы к этимологическому словарю чувашского языка» (1992) и двухтомный «Этимологический словарь чувашского языка» (1996). Тем не менее вопрос остается открытым.

* * *

Данный очерк, конечно же, не претендует на полное освещение проблематики чувашского языкознания XX в., и многие темы лишь затронуты или не раскрыты вовсе.

Так, нами ничего не сказано об упорядочении графики, орфографии и пунктуации [23], о формировании чувашской терминологии, об антропонимике и топонимике, диалектологии, о процессе становления и нормализации литературного языка и о внедрении чувашского языка в новые информационные технологии (компьютеризация чувашского языка) [24].

Во всех этих сферах были и остаются свои проблемы и высказывались определенные идеи. Они, безусловно, заслуживают особого внимания и специального рассмотрения.

История чувашского языкознания XX в. почти симметрично делится на две половины. В первой половине мы насчитаем едва ли десяток имен, хотя среди них и корифей В.Г. Егоров, классики Т.М. Матвеев, Ф.Т. Тимофеев, жизнь которых оборвалась в результате незаконных репрессий, С.П. Горский, Н.А. Резюков, Н.А. Андреев (Урхи), А.И. Иванов и др. И, конечно, великий Н.И. Ашмарин. Понятно, что на эту половину века пришлось много трагических событий: три революции, Гражданская война, репрессии 1937–1938 гг., Великая Отечественная война (1941–1945 гг.). Тем не менее опыт языкового строительства тех лет (1920–1930-е гг.) весьма поучителен и может быть полезен в нынешних условиях.

Во второй половине века круг решаемых проблем стал гораздо шире, в 50–60–70-х гг. прошлого века пришло пополнение лингвистов со свежими идеями, которое занялось новыми объектами исследования на более основательной теоретической базе. Ведущими грамматиками становятся И.П. Павлов и И.А. Андреев. М.Р. Федотов исследует ареальные и диахронические связи чувашского языка с поволжскими и пермскими финно-угорскими языками, создает полный цикл вузовских учебных пособий по тюркологии, разрабатывает проблемы алтаистики. Чувашская фонология встает на твердую почву после трудов В.И. Котлеева и П.Я. Яковлева. М.И. Скворцов внес значительный вклад в теорию и практику чувашской лексикографии. Н.П. Петров основательно изучает становление новочувашской письменности и литературного языка, терминологию, язык памятников старочувашской письменности. Г.Е. Корнилов с опорой на данные болгаро-чувашской онимии и диалектологии рассматривает историю чувашского языка в широком евразийском контексте. А.Е. Горшков рассматривает взаимодействие чувашского и русского языков на лексическом уровне, вопросы стилистики, культуры речи и орфоэпии. Методику преподавания русского языка в средней и высшей школе национального (чувашского) профиля разрабатывает Г.А. Анисимов. С учетом опыта сопоставительной грамматики Н.А. Резюкова это был своеобразный вклад в изучение двуязычия. Более обстоятельно с позиций социалингвистики процессы двуязычия и коммуникативных качеств русской речи у чувашей в ряде работ анализировал М.М. Михайлов. М.Ф. Чернов, начав с проблем синтаксиса, исследовал структуру и семантику чувашских фразеологизмов, издал несколько фразеологических словарей. Лексические синонимы и омонимы, отдельные группы омонимов были предметом исследования Е.Ф. Васильевой. Труды языковедов этого поколения утвердили статус чувашского языкознания как самостоятельной научной дисциплины. С 90-х гг. XX в. тематика исследований в области чувашской лингвистики стала более разнообразной, охватывающей почти все уровни языка и более специализированной.

И мы наблюдаем такую картину, что каждый видный чувашский лингвист возделывал свой участок и за редкими исключениями выходил за его пределы. Время универсалов-филологов, универсалов-гуманитариев калибра Н.И. Золотницкого, Н.И. Ашмарина, Н.В. Никольского прошло. Сугубо узких специалистов мы видим и среди самых молодых языковедов. С одной стороны, казалось бы, сейчас должны развиваться междисциплинарные связи, возникать темы на стыке наук. Хотя верно и высказывание Р. Якобсона, который, приветствуя междисциплинарные направления, тем не менее поддерживает и специализацию: «Ведущиеся в настоящее время исследования в рамках таких пересекающихся направлений, как социалингвистика, этнолингвистика или лингвистика фольклора, представляют собой зримый протест против всё еще существующих пережитков сосюрговской тенденции ограничения задач и целей лингвистики. Тем не менее такое ограничение задач и целей, налагаемое отдельным лингвистом или лингвистическим направлением на предмет своего исследования, нельзя считать «пагубным»; всякое пристальное исследование ограниченной области внутри лингвистики, любое самоограничение и узкая специализация заслуживают право на существование» [25].

Трудно оспорить столь диалектическое суждение великого филолога-лингвиста XX в., хотя его собственное творчество как раз свидетельствует о широте его интересов, постановке самых кардинальных вопросов филологии, лингвистики, семиотики.

Завершая настоящий очерк, хочется поразмышлять и о будущем, ибо мы уже вступили в XXI век. Хотелось бы продолжения этнолингвокультурологических и ареальных в рамках Урало-Поволжья штудий, начало которым положил Н.И. Золотницкий. Нужно и чисто структурно-типологическое исследование чувашского языка. Темы «Язык и социум», «Язык и культура» также очень актуальны, ибо без социокультурных мотиваций чувашское языковое существование будет всегда находиться под угрозой. Значит, надо изучать социолекты, живые (пусть смешанные с русским просторечием) формы бытования чувашского языка в городе, среди диаспоры, на селе. Также необходимо изучать поэтические идиолекты К. Иванова, М. Сеспеля, П. Хузангая, В. Митты, современных поэтов, считая поэтический язык высшей формой манифестации национального языка. Надо знать новейшие

*Виçкĕтеслĕхре В треугольнике
чуну сан. Ирĕклĕхе... Твоя душа. На свободу...
Тан виçкĕтеслĕх. Равносторонний треугольник.*

Представлена геометрическая фигура – треугольник, стороны и углы которого – это граница, преграда. В стихотворении выражены стремление выйти на свободу, освободиться и невозможность это сделать. Образ «равностороннего треугольника» служит для утверждения безвыходности. У треугольника, по сравнению с другими фигурами, площадь сужена, нет пространства, чтобы развернуться, как в прямоугольнике или круге. Автор использует эту фигуру, чтобы лучше передать остроту переживаний.

В лирике А. Сосаевой затронуты и философские проблемы. Ее лирическая героиня задумывается о смысле жизни, своем месте на земле. Она занята наблюдением за происходящим, подведением итогов. Нет осуждения или противостояния Всевышнему, что характерно для учения буддизма.

*Тайлак шăпа-и? Или судьба обиженная?
Сынран тайлак мар. Вроде не хуже других,
Тетĕп хам пирки. Думаю о себе.*

Лирическая героиня А. Сосаевой стремится увидеть, запечатлеть истину в обыденности, повседневности. Это проявляется в изображении светлых, добрых, вкусных предметов в окружении мрака, грязи:

*Кайăп тенĕчĕ Думала пойти
вĕрманне. Майĕр тешиши в лес. Семечко орешника
Илĕртрĕ теиĕн. Слово заманило.*

Лес, орехи – фольклорные, сакральные образы. По своей семантике они противоположны: лес ассоциируется с чем-то большим, темным, негативным; орех – с маленьким, светлым, добрым. В данном случае передается мысль об обретении надежды в трудное время.

Особенностью хокку у А. Сосаевой также является использование знаков препинания для выражения определенного смысла. Многоточие служит для прерывания речевого потока, организации паузы. Оно указывает на значимость впереди сказанного. Тире указывает на противоположность смыслов. В скобках приводится дополнение, уточнение, пояснение к сказанному.

Таким образом, стихотворения А. Сосаевой воспроизводят многие особенности японского хокку в плане лексики, образов, формы, ритмики, содержания. Эти качества она удачно сочетает с традициями народного поэтического творчества.

Литература

Кабанов А.М. Человек и природа в поэзии Годзан Бунгаку // Человек и мир в японской культуре. М., 1985.
Сосаева А.А. Чун пуянлăхĕн терчĕ... // Тăван Атăл. 2005. № 5. С. 23–24.

ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАИМСТВОВАНИЙ В ЧУВАШСКОЙ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

О.Р. Студенцов

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары

Наши исследования, основанные на фронтальном анализе известной к настоящему моменту чувашской конфессиональной литературы [Чувашская: 2001], показали присутствие в ней значительного количества лексем иноязычного происхождения – более шестисот единиц.

Православные новозаимствования классифицируются в несколько лексико-семантических групп:

- 1) храм и его архитектурные части: *алтарь, амвон, башия, карнис* «карниз», *купол, клирос, ризница, ротонда, паперть, престол, притвор, свод, скиния, собор, солея, трапезная, трон, храм, чиркү* «церковь»;
- 2) одеяние священников: *епитрахил, камилавк(а), мантия, митра, набедренник, ораp, омофор, палица, плащ, подир, подризник, поручи, саккос, стихарь, скуфья, фелонь, хламида*;
- 3) церковная утварь и служебные принадлежности: *анафора, антиминс, алой, венец, воздух, губка, дикирий, дискос, жертвенник, икона, иконостас, имянник, кадило, кассия, кивот, кукум, кушилкка* «кошѐлка», *копие, коврик, ладан, лампада, лжица, миро, поднос, покровец, поминание, потир, панагия, посох, скипетр, смирна, тарелка, трикирий, тетрапед, фиам, хоругвь, халвани, шантал* «подсвечник»;
- 4) пища, употребляемая на церковных службах и для соблюдения церковных уставов: *агнец, артос, коливо, кутья, опреснок, причак* «причастие», *просфора, пасха*;
- 5) чины, должности и этикетные обращения к служителям церкви: *апостол, архидиакон, архимандрит, архиерей, архиепископ, батюшка, высокопреосвященнейший, диакон, дячек, епископ, ектлесарх, иеромонах, иподиакон, игумен, ключарь, кандилап, левит, монах, монашка, митрополит, параектлесарх, послушник, праведный* «праведный», *патриарх, первосвященник, преосвященнейший, преподобный* «преподобный», *псаломщик, пресвитер, протодиакон, святитель, священник, священномонах*;

лирического героя через образ природы в японской литературе. Внимание поэта акцентировано на выражении личных переживаний. В то же время, согласно традициям жанра хокку, переживания обретают обобщенный смысл. Описание отношений между лирической героиней и обществом имеет свои особенности. Так, общество в стихотворениях А. Сосаевой представлено через местоимение «эсё / ты» или же через образ возлюбленного. Взаимоотношения с возлюбленным чаще всего причиняют боль лирической героине, лишь изредка в их отношениях присутствует гармония:

*Сана ниҳсан та Тебе никогда
усал туманчĕ элĕ. Не желала зла.
Силлĕ астан-ши? Откуда обида?*

Стихотворение изображает момент нанесения обиды лирической героине. В этой ситуации она чувствует себя слабым, маленьким человеком. Но она не дает растоптать себя, находит силы посмеяться над своим положением, над унижающими ее людьми. В стихотворениях проявляется традиционный для хокку мотив – единство противоположностей. Это счастливые и грустные минуты жизни лирического героя, представление о жизни как комедии и трагедии. Бинарные явления не противопоставлены друг другу, они не находятся в контрасте. Их единство воспринимается как данность. Как течение жизни, смена дня и ночи: грубое обращение с нежными предметами (сердце, душа); создание красоты из разрезанных кусочков чувств; топтание сердца сапогами; единство лирической героини и ее возлюбленного; горе одного и радость другого... Лирическая героиня не показывает свои переживания, достойно преодолевает испытания жизни. Она не только сама насмехается над своим трудным положением, но дает другим посмеяться над собой, радоваться ее несчастью.

«Эпĕ / я» в устах автора воспринимается одновременно как объект и субъект. Поэтесса предоставляет слово самой себе, вводя прямую речь. В некоторых случаях «эпĕ» заменено словом «чун / душа»:

*Талĕрса ситет сана Душа, хватит тебе
чунĕм. Васка... Замыкаться. Спешу...
Читлĕхре эп. Я в заточении.*

Наблюдается слияние авторского «я» с окружающим миром, героиня видит себя через него. В японской лирике же поэты изображают себя частью природы – «уподобляют себя поэтическим птицам и облакам, вместе с ней следуют ритму смены времен года...» [Кабанов: 1985, 75].

Лирические произведения А. Сосаевой о любви нельзя расценивать только как любовную лирику. Проявление черт любовной, гражданской, интимной и пейзажной лирики в одном стихотворении продиктовано особенностями классического хокку. Каждый читатель отличает одно из этих качеств в зависимости от своего настроения, жизненного опыта. Возлюбленный в них воспринимается и как простой, обычный человек. В стихотворениях вечное сочетается с временным и сиюминутным. Для лирической героини незначительное становится существенным, важным, дорогим. Она наслаждается моментами, секундами счастья. Для неё понятия вчера и завтра не существует. В тишине, уединении она занята поисками себя, она хочет понять свои чувства и чувства своего возлюбленного:

*Кĕвайт сунать-и Костер ли горит
Сан чуну? Е шĕплĕхра Твоя душа? Или в тишине
Эсĕ? Кĕ – вайт – лĕх. Ты? Множество кост – ров.*

Огонь костра символизирует любовь, тишина же – ее отсутствие. В душе лирической героини – переживания, связанные с наличием и отсутствием ответного чувства. Разделение слова «кĕ-вайт-лĕх» по слогам можно оценить как разделение большого, значительного на мелкие части, стремление в обычном, незначительном найти значимое для души.

Для хокку А. Сосаевой характерна реминисценция народных поэтических традиций. Через мифологические, поэтические образы и детали она передает душевное состояние лирической героини. Более того, они говорят о нераздельности и неразлучности вечного и временного:

*Савра кĕлĕре В круглом озере,
Шевле пурĕнать тейĕн. Скажешь, зарница живет.
Сан-сарĕ кулĕ. С желтыми глазами.*

Круглое озеро, зарница – образы из чувашской мифологии. Желтое – цвет Всевышнего, чистоты, добра, красоты. Через эти образы автор изображает модель чувашского мира, передает спокойствие душевного состояния.

Для японских авторов характерно сочетание поэзии с другими видами искусства. Нередко их стихотворения рождаются после просматривания какого-нибудь пейзажа или рисунок рождается после прочтения хокку. Сочетание видов искусств характерно и для поэзии А. Сосаевой. В личной беседе она сообщила, что художники Н. Теветкель и Е. Енька были вдохновлены ее стихотворениями. Единство нескольких видов искусств проявляется в стихотворениях через использование слов, обозначающих цвета, их оттенки, гармонию определенных звуков:

лингвистические теории (к сожалению, чувашское языкознание XX в. не освоило даже структурный анализ, не говоря уже о новейших трендах). С учетом положений современной семантики о том, что язык антропоцентричен и в то же время национально специфичен, давно следует задуматься над ключевым вопросом: как складывается чувашская языковая картина мира («семантическая вселенная» – А. Вежица)? Подобно Т.М. Матвееву и Ф.Т. Тимофееву (Тимухха Хĕветĕрĕ), современный лингвист должен активно участвовать в общественно-языковой практике, политике реализации чувашского языка.

Исходя из всего этого я адресую неизвестному субъекту – молодому чувашскому лингвисту XXI в., который должен «быть с веком наравне», следующие слова Евгения Дмитриевича Поливанова (1891–1938): «Лингвист, таким образом, слагается: 1) из реального строителя (и эксперта в строительстве) современных языковых (и графических) культур, для чего требуется изучение языковой современной действительности, самодовлеющий интерес к ней и – скажу более – любовь к ней; 2) из языкового политика, владеющего (хоть и в ограниченных пусть размерах) прогнозом языкового будущего опять-таки в интересах утилитарного языкового строительства (одной из разновидностей «социальной инженерии» будущего); 3) из «общего лингвиста» и, в частности, лингвистического историолога (здесь, в «общей лингвистике», и лежит философское значение нашей науки); 4) из историка культуры и конкретных этнических культур» [26].

Литература и примечания

1. Из уже увидевших свет назовем следующие: Чĕлхе тĕпчевси Иван Павлов. Ш.: ЧПГАИ. 1988. 40 с.; Корифей чувашской тюркологии М.Р. Федотов. Ч.: ЧГУ, 1999. 112 с.; Чĕлхе тĕпчевси Леонид Павлов. Ш.: ЧПУ, ЧППУ, 1999. 100 с.; Мефодий Федорович Чернов профессор, академик. 70 сул тултарнĕ тĕле. Ш.: ЧПУ, 2000. 92 с.; Николай Петрович Петров профессор, академик. Ш.: ЧПУ, 1999. 72 с.; Академик НАНИ ЧР. профессор Иван Андреев. Ч.: ЧГИГН, 2000. 92 с.; Наум Андреевич Андреев – Урхи Наумĕ. К 110-летию со дня рождения. Ч.: ЧГИГН, 2002. 88 с.; Профессор М.И. Скворцов. К 70-летию со дня рождения. Ч.: ЧРИО, 2003. 56 с.; Николай Петрович Петров (суралнĕранпа 80 сул ситнĕ тĕле): биобиблиографи справочникĕ. Ш.: ЧППУ, 2009. 130 с.; Тĕпчевсĕ, вĕрентĕсĕ, меслетсĕ (Л.П. Сергеев профессор 80 сул тултарнĕ май). Ш.: ЧППУ, 2009. 232 с.; Василий Андреев чĕлхесĕ. Статьясен пуххи. Ш.: ЧПГАИ, 2010. 56 с. В кратком энциклопедическом изложении personalia чувашских языковедов была представлена также в издании «Чăваш чĕлхи тĕпчевсисем: Биобиблиографи указателĕ». Ш.: Чăваш наци библиотеки. 2006. 288 с.
2. См. его издания «Чуваш кнеге» (1867, 1870) и «Сӧлдалык кнеге» (1867, 1874).
3. О значении Н.И. Золотницкого в исследовании чувашского языка подробнее см.: И.П. Павлов. Н.И. Золотницкий пурнăçĕпе ёçĕсем. Ш., 1958.
4. Е.Д. Поливанов. Историческое языкознание и языковая политика. Цит. по: В.А. Звягинцев. «История языкознания XIX – XX веков. В очерках и извлечениях». Ч. II., 1965. С. 327–328.
5. Л.С. Левитская. Н.И. Ашмарин и тюркское языкознание // Н.И. Ашмарин – основоположник чувашского языкознания. Ч., 1971. С. 22–23
6. Н.И. Ашмарин. Кое-что о прошлом тюркологии и ее настоящем состоянии // Первый Всесоюзный тюркологический съезд (стенографический отчет). Баку, 1926. С. 145–146.
7. Лингвистика в ее отношении к другим наукам // Р. Якобсон. Избранные работы. М., 1988. С. 379.
8. См., например, принципиально важные статьи: G.J. Ramstedt. Zur Frage der Stellung des Tshuwassishen // JSFOU, XXXVIII, P. 1–34. Helsinki, 1922–1923; Н.Н. Поппе. Чувашский язык и его отношение к монгольским и тюркским языкам // Известия АН. Т. 18 (1924–1925). С. 289–314; Т. 19 (1925). С. 23–42, 405–426; Nicolaus Poppe. Zur Stellung des Tshuwaschischen // Central Asiatic Journal. 18 (2), 1974. SS. 135–147.
9. См. автореферат его докторской диссертации «Обособленный язык и проблема реконструкции праязыка (историческая фонетика, морфология и интерпретация)». М., 1994.
10. См его обобщающие труды: Фонетика // Хальхи чăваш чĕлхин фонетики, графика тата орфографийĕ. Ш., 1978. С. 3–115; Чăваш чĕлхин сасă тытăмĕ. Ш., 1981. 96 с.; Фонетика // Современный чувашский литературный язык. Т. I. Ч.: НИИЯЛИЭ, 1990. С. 13–86.
11. П.Я. Яковлев. Чăваш фонетики: Вĕренÿ кĕнеки. 2-мĕш кăларăм. Ш.: ЧПУ, 2001. 142 с.
12. Впервые опубликована в August Ahlquist. Tschuwasschiska. Tschuwasschischer Nachlass von August Ahlquist. SS. 117–178.
13. Подробное описание грамматики Й. Буденца см. в обзорных статьях Ю. Дмитриевой. Чувашская грамматика Й. Буденца (статья 1-я) // Исследования по лексике и грамматике современного чувашского языка. Ч., 1986. С. 44 –58; Ее же (статья 2-я) // Вопросы фонетики, грамматики и ономастики чувашского языка. Ч., 1987. С. 28 –42.
14. Чăваш чĕлхин пирвайхи грамматикисем. Ш.: ЧППУ, 2003. 100 с.; Чăваш чĕлхи. Фонетика. Сăмах пулăвĕ. Морфологи. Н.И. Ашмаринченчи тапхăр. Хронологи. Ш.: ЧППУ, 2003. 32 с.
15. Оба прошли обучение в аспирантуре Яфетического института (позднее Института языка и мышления) АН СССР в 1925–1928 гг. под руководством академика Н.Я. Марра (1864–1934). К слову сказать, Марр проявлял особый интерес к чувашскому языку и к финно-угорским языкам Урало-Поволжья (удмуртскому,

марийскому), в которых он отыскивает «свежие» факты для обоснования своей яфетической теории («нового учения о языке»). Он бывал в Чебоксарах в 1925, 1926, 1928 гг. и выступал с зажигательными докладами перед общественностью («Чуваши – яфетиды на Волге», «Из переживаний доисторического населения Европы, племенных или классовых, в русской речи и топонимике (Вперед к чувашам и на Волгу!), «Русская речь – могучий рычаг культурного подъема»), которые тут же публиковались, и был даже избран членом ЦИК Чувашской АССР. Его выступления имели определенный резонанс среди чувашской творческой интеллигенции, но «марризм» нисколько не повлиял на содержание научных исследований по чувашскому языку, разве что «заморозил» изучение чувашского языка на основе подлинного сравнительно-исторического метода (как и повсеместно). Правда, Ф.Т. Тимофеев (Тимухха Хёветёрё) сделал *hommage* учителю в виде статьи (Ияхветит теорийёпе чаваш чёлхи. Н.Я. Марр. // Сунтал. 1925. № 1 (7). С. 19–24.

Известно, что последователь Марра акад. И.И. Мещанинов (1883–1967) после смерти учителя начинает активно заниматься типологией языков различного строя (отчасти это вытекало из подхода Марра к языковому материалу, он его трактовал не генетически, а «стадиально» (> типологически). Первые две кандидатские диссертации чувашских языковедов были именно типологическими: С.П. Горский. Аналитические и синтетические тенденции в чувашском языке (1940), В.Г. Егоров. Основные типы образования сложных слов в разных системах языков (1942). К сожалению, эти пионерные работы не получили продолжения в чувашском языкознании (за исключением отдельных статей Б.А. Серебренникова), несмотря на то, что в 1960–1970-е гг. в советском языкознании языковая типология развивалась весьма успешно и плодотворно. Типологический подход, так же как и компаративистика, дает возможность поставить отдельный язык в контекст общего глоттогонического процесса.

16. Оценку деятельности Н.В. Никольского как лексикографа см. в статье Г.А. Дегтярёва «Сăмах кенекисен асти // Хыпар. 2003. С. 14.

17. См.: М.И. Скворцов. Чаваш лексикографийё: вёрену пособийё. Ш., ЧПУ, 1985. 76 с.; М.Ф. Чернов. Чувашские словари: Учебное пособие. Ч.: ЧПИ, 1992. 64 с.

18. См.: A. Róna-Tas. The Periodization and Sources of Chuvash Linguistic History // Chuvash Studies. Wiesbaden, 1982. P. 113–169.

19. М.Р. Федотов. Чувашский язык: Истоки и отношение к алтаистике и финно-угорским языкам. Историческая грамматика. Ч.: ЧГУ, 1996. С. 16.

20. Или чувашский язык восходит к одному из болгарских языков (диалектов), который близок, но, может быть, не абсолютно тождествен известному нам волжско-болгарскому.

21. См., в частности: Фарид Хакимзянов, Искандер Измаилов. Языки населения Волжской Булгарии и проблема «болгарского» языка // История татар с древнейших времен. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань, 2006. С. 621–628.

22. На нее опирается, в частности, Н.И. Егоров. См. его очерк «Историческое развитие чувашской лексики» // Современный чувашский литературный язык. Т. I. Ч, 1990. С. 128–150, а также доклад по опубликованным работам, представленный на соискание ученой степени доктора филологических наук, – «Проблемы генетической и хронотопологической стратификации лексики чувашского языка и теория болгаро-чувашской этноязыковой преемственности». Алма-Ата, 1992.

23. Казалось бы, это чисто технические средства, но они имеют непосредственное отношение к обеспечению нормальной письменной коммуникации. Ср. до сих пор продолжающиеся споры по поводу новой орфографии.

24. Пока в этом направлении сделаны лишь первые шаги группой энтузиастов.

25. Лингвистика в ее отношении к другим наукам // Р. Якобсон. Избранные работы, М., 1985. С. 382.

26. Поливанов Е.Д. Историческое языкознание и языковая политика. Цит. по: Звягинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М., 1965. С. 329.

Секция 6 МИНОРИТАРНЫЕ ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ

ОЦЕНКА ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В ЧУВАШИИ

Э. Алос и Фонт

Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары

Закон «О языках в Чувашской Республике», принятый в 1990 г., определяет чувашский язык как «важнейший национальный признак и основу всей духовной культуры» [ЧР: 1998]. Эти парадные слова далеки от фактических действий республиканского правительства в рамках стратегии ресоциализации чувашского языка. Сегодня можно сказать, что в Чувашии нет организованной языковой политики, реально направленной на формирование двуязычия у населения и обеспечение равенства между двумя официальными языками, хотя республиканское законодательство и провозглашает эти принципы. А они – основа для будущего чувашского языка. Недавнее исследование показывает, что только 23% столичных школьников

ОТОБРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИЙ ЯПОНСКОГО ХОККУ В ЧУВАШСКОЙ ЛИРИКЕ*

И.В. Софронова

Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары

Анализ творчества многих видных художников слова, таких, как П. Эйзин, Г. Айги, Г. Юмарт, С. Сатур, М. Карягина, Н. Мордяков, позволяет нам говорить об утверждении в чувашской поэзии жанра японской лирики – хокку. Поэты не слепо копируют традиции восточного жанра, а синтезируют его с национальными особенностями словесного творчества. Их стихотворения отличаются краткостью формы, созданием словесного рисунка, графичностью расположения стихотворения на странице, изображением единства противоположностей, использованием именных слов, представлением общности природы и человека, общества и человека. Стихотворения чувашских поэтов, соответствующие жанру хокку и танка, существуют и как отдельные произведения, и как объединенные в одно (стихотворение, поэму, цикл). В этих краткостишних можно наблюдать синтез словесного искусства с графикой, с умением создавать пейзажи, использовать цвета и их тональность, а своеобразное чередование ударений, количества слогов в строке рождает союз с музыкой. Распространению традиций японской лирики в чувашской литературе способствовали такие факторы, как наличие общих черт в мировидении двух народов, существование в фольклоре возможности передачи и сохранения глубокого смысла через небольшое количество слов, стремление к поэтическим традициям, близким душевному состоянию поэта, и многое другое. К уже перечисленным можно добавить и характерное для нашего времени стремление к краткости, желание коротко, без лишних слов изложить основной смысл.

Стремление к выражению глубокого, философского смысла через небольшое количество слов в силу определенных причин становится характерным для многих авторов современной литературы. К нему обращаются марийцы А. Бик, В. Регеж-Горохов, удмурт М. Федотов, чуваш П. Эйзин, С. Сатур, М. Карягина, Н. Мордяков, татарин Р. Файзуллин. Для некоторых авторов типичен переход от произведений большого плана к краткости. В их распространении немаловажное значение имеет и возрастной фактор авторов. Кроме того, есть случаи, когда краткостишие становится новой формой выражения мысли для людей научного труда. Удмуртский этнограф В. Владыкин начал разрабатывать форму стихотворения-миниатюры, стихотворения-метафоры, овладевать формой рифмованного и белого, свободного стиха. Чувашский филолог А.А. Сосаева пробует себя в трехстишиях. Отражение традиций японского хокку проявляется как в форме, так и в содержании ее стихотворений:

Чё - ре су - рӓл- сах 5 Что сделать

Тух - тӓр те - сен мён тӓ- вӓн? 7 чтобы сердце разорвалось?

А - тӓ - на тап - та. 5 Расстончи сапогами.

(Подстрочный перевод здесь и далее наш. – И.С.)

В японском хокку изображение жизни природы и человека в их слитном и нерасторжимом единстве на фоне круговорота времен года является основной темой. Лирическая героиня А. Сосаевой также выражает себя через образы природы. Содержание подобных стихотворений соответствует пейзажной зарисовке, изображаются маленькие части и незначительные детали. Через картинки природы проглядываются душевное состояние лирической героини, ее переживания. Для создания пейзажного рисунка автор использует традиционные для японского хокку образы – это насекомые, капля, роса, почка и т.д. Перечисление деталей наводит на размышление о большем. Изображаемые предметы и явления не только малы по размеру, но имеют короткий срок существования, они как мгновения. В японской литературе роса – обычная метафора бренности жизни, так же как и вспышка молнии, пена на воде или быстро опадающие цветы вишни.

Шур хурӓн хӓлха Бела береза повесила

сакки сакнӓ. (Илемсӓ – сережки. (Создатель красоты –

Илёртӓсӓ ... Вӓл.) соблазнительница ... Она.)

Образ белой березы с распустившимися сережками представляется идеалом красоты. Время, изображенное здесь, соответствует началу лета. Дерево готовится к цветению, к приготовлению семян, к будущему. Девушки надевают сережки, чтобы выглядеть красивее, привлекательнее. Изображен период, когда зарождаются мечты, надежды. Душа лирической героини наполнена вдохновением.

В своих стихотворениях А. Сосаева чаще передает взаимоотношения человека с человеческим миром. У нее людской коллектив соотносится с миром природы. Изображение взаимосвязи с обществом, самого внутреннего мира лирической героини соответствует традициям выражения

* Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 10-04-22407а/В.

Лирический герой мужественен, светел, уверен в себе, он воплощает романтику действительности. Образ тропинки, освещенной солнечными лучами, показывает торжество света, полноту бытия. Контур солнца не обозначен, он разлился по всему миру, им освещено все пространство. Конца пути также не видно, это, в свою очередь, символизирует о вечности жизни. Такое лирическое раздумье Теветкеля свидетельствует об углублении художника в мир сознания, эмоций, психологии человека, о поиске новых форм раскрытия сферы его разума и чувств, диалектики душевной жизни. В структуре художественного пространства поэта пласт (термин Ю.Б. Борева) «я – я» – внутреннее взаимодействие лирического героя с самим собой, является одним из центральных. Он представлен через призму его ценности для человека. Главный принцип героя – жить с полной отдачей – переходит из стихотворения в стихотворение («Хёрү вучах пек ялкăш, самрăк чун!» / Гори, молодая душа, как пламенный огонь!). Выбор поэтом образа огня также не случаен, он выступает символом очищения. Лирический герой стремится к светлому идеалу, хочет нести людям добро, свет, правду, не жалеет сил ради блага людей. Н. Теветкель показывает народный характер ищущего, думающего, порой ошибающегося в своих поисках, но честного, неразрывно связанного со своей землей и преданного ей героя. В художественном творчестве поэта нередки призывы, полемические утверждения, обращения. Приведенные примеры утверждают в сознании читателя опозитивированный образ труда души, который необходим для становления каждого человека. Человек лишь тогда будет счастлив, когда полностью сможет реализовать себя в деле, нужном человеческому обществу.

В лирике Ю. Айдаша оживает многоликая современность. Для того, чтобы раскрыть ее сущность, поэт обращается к своеобразному приему: он ведет вдумчивый разговор со своим сердцем. В таких стихах четко проявляется стремление глубже проникнуть в различные сферы жизни, в сложные перипетии человеческих переживаний. Стремление по-настоящему понять и отразить время и человека, передать все надежды и тревоги второй половины XX в., обостренное внимание к социально-нравственным проблемам усиливают аналитические тенденции и в лирике Ю. Айдаша. И поэтому столь важны в его стихах проблемы истины, добра, красоты, долга, совести.

В. Эндип также тяготеет к интеллектуальности, что объясняет обилие опосредованных, условных образов в его творчестве. Поэт экспрессивный, страстный, со склонностью к философствованию, он очень темпераментен, любит неожиданные контрастные приемы, смелые метафорические ходы. Его лирический герой – человек общественно активный, личность сильная, в то же время умеющая сопереживать чужой боли, заботящаяся о сохранении старых чувашских традиций. Его отличает также высокая интеллектуальность, постоянная работа ищущей мысли, свободный полет фантазии. В стихотворениях «Илемлен виркӗсленӗ суламра», «Тӓпра тыткӑнӗнчен хӑтарнӑскер» и некоторых других отчетливо звучит «научное начало» («титановая ракета», «психологическое изменение человека, побывавшего в космосе»). И главное здесь – движение, энергия философско-поэтической мысли. Поэт «врываясь» в духовный мир своих героев крепкими ритмами, контрастными красками, колоритными ситуациями, острыми жизненными коллизиями. Это позволяет ему быть более внимательным к внешнему миру, а также приблизиться к заботам, тревогам, чувствам личности.

Своеобразие лирики В. Эндипа – в слиянии интеллектуально-романтического и аналитического, научно-философского и гражданско-публицистического начал. Порою в ней ощутимы черты рационализма, но в лучших стихах берет верх живое волнение художника, в поэтической манере которого осязаемая вещность и конкретность неотделимы от пафоса напряженной мысли. Бессмертный разум человечества вдохновляет поэта, составляет тему многих его произведений. Интеллектуальное начало ощутимо в поэтике стиха. Поэт стремится учесть все сложнейшие «невидимые координаты» чувств и разума современного человека, обогащенного опытом истории, науки, искусства. В его произведениях оживают вечные образы мирового искусства – «Прометей» и другие титаны. При их помощи автор раскрывает сущность человеческой души. Он хочет видеть человека сильным и крепкого духом, мыслящего себя частицей народа и человечества, создателем материальной и духовной культуры, творцом истории, преобразователем Вселенной.

Таким образом, анализ особенностей развития чувашской лирики второй половины XX в. показал, что данный период представляет собой новый своеобразный этап в истории чувашской поэзии. Масштабность и историзм поэтического мышления, подлинная гражданственность и лирическая проникновенность чувств, прочная опора на классические традиции и неустанный поиск их обновления – в том числе и особенно в жанровом аспекте – делают опыт Н. Теветкеля, Ю. Айдаша, В. Эндипа необычайно важным для поэтического развития.

Литература

Теветкел Н. Хӗвел кӗлти [Сноп солнца]. Шупашкар: Чӑваш кӗн. изд-ви, 1987. 216 с.

говорят с родителями по-чувашски, хотя в 69% семей, по крайней мере, один из родителей знает язык; более того – только 1% детей разговаривает с родителями только на чувашском языке [Игнатъева и др., 2009].

Проблемы в области языковой политики вызваны, на наш взгляд, рядом факторов:

(1) Нет специального заинтересованного высокоуровневого органа, регулирующего языковую политику в Чувашии. Органом, ответственным за исполнение закона о языках и государственной программы по его реализации, является Министерство образования и молодежной политики Чувашской Республики. Данный факт подтверждает, что реализация языковой политики не предполагает совместные действия правительства на всех его уровнях, а практически опирается лишь на образовательные программы. Это показывает слабую работу правительства в этой области, что видно при сопоставлении с успешной языковой политикой европейских стран.

(2) Анализируя содержание программы по реализации закона «О языках в Чувашской Республике» [ЧР: 2008a], можно прийти к заключению, что она выглядит недостаточно продуманной и далёкой от международных стандартов. Если сравнить ее с подобным документом другой страны, можно увидеть, например, 11 страниц текста чувашской государственной программы и 324 страницы плана развития галисийского языка [Xunta de Galicia: 2004]. Чувашская программа представляет собой список намерений, но почти нигде не определено, как можно эти намерения реализовать; отсутствуют целевые индикаторы и показатели их исполнения. Кроме этого, становится очевидной серьёзная ошибка программы в анализе и выборе приоритетов: безусловно, сохранение языка на уровне семьи, прежде всего в городах – одна из главных проблем, хотя и не единственная. Данная проблема до настоящего времени не обозначена, и не предпринимается каких-либо специальных мер для её решения.

(3) В программе по реализации закона о языках есть только три критерия для мониторинга «эффективности» её исполнения [ЧР: 2008b], и ни один из этих критериев не позволяет измерить такой процесс, как, например, «обеспечение функционального развития чувашского языка как одного из государственных языков Чувашской Республики» [ЧР: 2008a, 2]. Индикаторы должны бы, во-первых, определять действительное использование языка в обществе (потому что это и есть конечная цель) и, во-вторых, определять эффективность плана конкретных мероприятий, предпринимаемых для достижения этой конечной цели. Поставленные же критерии направлены исключительно на определение академической ценности чувашского языка, которая, в конце концов, совершенно не зависит от того, идёт ли речь о широко используемом или исчезающем языке.

(4) Вопреки тому, что одна из целей государственной программы – «обеспечение реализации <...> материальными и финансовыми средствами», её финансирование состоит из общей суммы в размере 93,8 миллиона рублей, выделяемой очень неравномерно в течение 10 лет [ЧР: 2008a, 9–10]. Выделяемые суммы очень малы: в 2009 г. это – 0,006% республиканского бюджета, а в 2010 г. – 0,007%. Для сравнения: в Каталонии бюджет, «предназначенный для расширения сферы применения каталонского языка», составлял на 2008 г. 153 миллиона евро [SPL: 2009, 3], то есть 0,44% бюджета Каталонской автономной области этого года (что в 60–70 раз больше, чем доля бюджета в Чувашии), причем без учета средств (почти в 3 раза превышающих), направляемых на работу четырёх высококачественных телевизионных каналов, вещающих исключительно на каталонском языке [GenCat: 2007, 30]. Кстати, один из них вновь стал самым популярным в 2009 г., хотя каталонский в настоящее время является родным языком лишь 35% жителей Каталонской автономной области.

Но для того, чтобы посмотреть на факты в более широкой перспективе, с учетом накопленного международного опыта по языковой политике, рассмотрим их, опираясь на четыре понятия, предложенные П.Х. Нелде для оценки языковых политик. Вот как он их определяет:

«(1) понятие *обратной* или *позитивной дискриминации*, то есть поддержка преодоления более высоких затрат и усилий для производства, коммерциализации, а также тренировки персонала на языке, с целью, чтобы у говорящих на миноритарном языке были такие же языковые права, как у говорящих на мажоритарном языке;

«(2) понятие *децентрализации*, то есть поддержка местного самоуправления, а также способствование взаимодействию населения с местными властями, что даёт возможность пользоваться языком и формировать языковую политику;

«(3) очень близкое понятие *наличия*, то есть стремление к тому, чтобы граждане могли использовать свой язык в как можно большем количестве сфер (независимо существует ли или нет закон, определяющий языковые права), так чтобы граждане могли находить решения своих проблем и самостоятельно решать их, вместо того, чтобы зависеть от властей;

«(4) всеобщая цель — способствовать *многоязычию*, где изучение не поддерживается за счёт дискриминации одного против другого.

О.В. Скворцова

Чувашский государственный педагогический университет имени И.Я. Яковлева, г. Чебоксары

Эти проекты, прежде всего, касались бы социально-экономической сферы, государственных органов и какой-либо сферы деятельности, где использование языка усилило бы его престиж» [Nelde: 1997, 289].

Если проанализировать все четыре аспекта в политике чувашского языка, существующей в Чувашской Республике, можно в целом сделать следующие выводы:

(1) Позитивная дискриминация в пользу чувашского языка отсутствует. Напротив, республиканское законодательство и деятельность правительства создают только формальное равенство в отдельных публичных плакатах и документах. Действия в пользу чувашского языка, такие как создание национального радио на нём, автоматически компенсируются передачей половины программ на русском языке (тогда как русский язык является единственным языком сайта данного радио, вопреки заявлениям о двуязычности самого радио). Итак, правительство не осуществляет политику, в которой чувашский язык и люди, владеющие чувашским языком имели бы какие-либо преимущества перед одноязычным населением, хотя это только способствовало бы распространению языка, а значит, содействовало бы и многоязычию.

(2) Конечно, Российская Федерация не входит в число самых децентрализованных государств Европы. Однако Чувашская Республика не реализует те возможности, которые используются в других республиках, таких, например, как Татарстан и Тува, в преподавании чувашского языка в школах в том числе.

(3) Контрастируя с республиканском законом о языках, использование чувашского языка в госорганах является очень недостаточным, а часто просто несуществующим. Республиканский закон об образовании гласит, что «Чувашская Республика обеспечивает создание условий для дошкольного, начального общего, основного общего образования на русском и чувашском языках» (ст. 6.2), но нет возможности учиться на чувашском языке в двух самых больших городах республики. Закон не предусматривает обучение на чувашском в высшей школе (что возможно, например, на баскском языке – число говорящих на нем равно половине владеющих чувашским языком). С другой стороны, право использования чувашского языка в коммерции гарантируется республиканским законом о языках (ст. 4 и 17), но, очевидно, оно не осуществлено; даже больше того – нет магазинов, где информация о товарах была бы и на чувашском языке.

(4) Двуязычие обеспечивается только посредством изучения чувашского языка как школьного предмета, что оказывается вовсе не эффективным как в Чувашии, так и в других странах (например, баскский опыт [ISEI-IVEI: 2007, Alòs i Font: 2009b]). Желанное многоязычие оказывается только односторонним: в действительности заметна забота о двуязычии для владеющих чувашским как родным, но не для русскоговорящего населения.

В целом, есть много регионов в мире, приблизительно с 55 миллионами людей только в Европейском союзе, чей опыт не только можно, но и нужно использовать в Чувашии. К сожалению, эта информация неизвестна правительству Чувашской Республики. Необходимо наконец признать языковую политику важным, серьёзным делом, требующим профессионального подхода.

Литература

1. Говорят ли дети по-чувашски? Игнатъева А.П., Виноградов Ю.М., Игнатъева В.И. [и др.]. 2009. [Электронный ресурс]. URL: http://gov.cap.ru/home/121/raznoe/chuvash_yazyk/laboratorija.
2. ЧР (2008a). «Постановление Кабинета Министров ЧР от 6 декабря 2002 г. № 314 «О Республиканской программе по реализации Закона ЧР «О языках в Чувашской Республике» на 2003-2007 годы и на период до 2012 года» (с изменениями от 28.03.2003 г., 20.12.2007 г., 28.07.2008 г.)». 2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://gov.cap.ru/hierarchy.asp?page=/16/29003/408264/417390/422876>.
3. ЧР (2008b). «Методика расчёта эффективности реализации Республиканской программы по реализации Закона ЧР «О языках в Чувашской Республике» на 2003-2007 годы и на период до 2012 года». 2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://gov.cap.ru/hierarchy.asp?page=/16/29003/408264/417390/422876>.
4. ЧР 1990. Закон Чувашской Республики от 27 октября 1990 г. "О языках в Чувашской Республике" (с изменениями от 5 декабря 1994 г., 13 июня 1997 г., 21 июня 2001 г.). 1990. [Электронный ресурс]. URL: <http://gov.cap.ru/hierarchy.asp?page=/4/11041/42285/42287>.
5. Alòs i Font, H. (2009a). «Kie staras la normigado de la çuvaša lingvo?» 2009. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cv-haval.org/sites/default/files/attachs/festival2009_alos_eo.pdf. [Перевод на чувашский язык: «Чăваш чĕлхин социалă нормализацийĕ хăш мелпе пулат?» 2009. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cv-haval.org/sites/default/files/attachs/festival2009_alos_cv.pdf].
6. Alòs i Font, H. (2009b). «L'immersion linguistique: Résultats de l'expérience du Pays Basque» // Кормилина Н.В., Шугаева Н.Ю. Обучение иностранным языкам в условиях модернизации содержания обучения. Чебоксары: ЧГПУ, 2009. С. 95–102.
7. GenCat (2007). *Pressupostos de la Generalitat de Catalunya 2008. Resum dels estats dels ingressos i les despeses. Volum I*. Generalitat de Catalunya, Departament d'Economia i Finances. 2007. [Электронный ресурс]. URL: http://www15.gencat.cat/ecofin_wpres08/pdf/VOL_L_RES.pdf.

В 70-е годы XX в. чувашская лирика менялась исподволь, незаметно: обновлялись ее поэтика, стилистический строй. Динамика жизни, научно-техническая революция, само время наложили отчетливый и ясный отпечаток на творчество художников слова. Литературный процесс этого периода с самого начала выявил свою нетрадиционность, непохожесть на предшествующие этапы развития художественного слова. В чувашской поэзии обнаружилось такое целостное явление, как интеллектуализм. Это проявилось в решительном обновлении содержания и формы лирических произведений. В частности, большой интерес представляет столкновение технократического и гуманистического сознаний. Стало очевидным смещение литературы в сторону гуманистического сознания. В центре поэтических сборников оказывались проблемы нравственные и философские, иллюстративное начало уступало место аналитическому. Лирика, как и вся художественная литература, возвращала себе исследовательский пафос.

Разумеется, интеллектуализм в той или степени был присущ лучшим произведениям и в предыдущие периоды, но на современном этапе ее развития это течение приобретает принципиальное значение.

В чувашской поэзии о данном явлении впервые заговорили сами поэты. Одним из первых, выдвинувших такую идею на всеобщее рассмотрение, был П. Хузангай, пришедший к ней через анализ лирических произведений молодых авторов. Исследователь чувашской поэзии, сын П. Хузангая А.П. Хузангай, разделяя точку зрения отца, рассматривает ее более основательно с опорой на поэтические тексты Ю. Айдаша, В. Эндипа, Н. Теветкеля, М. Сениэля и др. Мысль об активизации в конце 60-х – начале 70-х годов индивидуального, специфически образного мышления как одной из форм эмоционального отражения подъема общественного настроения, ставшего своеобразным выражением мироощущения современника научно-технической революции, высказал и литературовед В.Г. Родионов. О признаках интеллектуализма в чувашской поэзии говорится также в трудах Г.Я. Хлебникова. Все они сходятся во мнении, что представители интеллектуальной лирики выдвинули более острую общественную проблематику, создали современный и напряженный образ лирического сознания. У них заметнее заострение личности лирического героя, выявление индивидуальных оттенков философского мироощущения. Этот ударный, философски насыщенный образ возникает в данной поэтической линии как стилевая кульминация традиционной стихотворной композиции.

Автор работы солидарен с точкой зрения ученых-литературоведов и тоже считает, что наиболее ярко признаки интеллектуализма в чувашской лирике второй половины XX в. проявляются в творчестве Н. Теветкеля, Ю. Айдаша, В. Эндипа.

Сдвиг от поэтики обобщенно-поэтизирующей к философско-аналитической наглядно проявился в поэзии Н. Теветкеля. Поэтический мир художника слова, обращенного к вечным, общечеловеческим нравственным ценностям: любви, верности, доброте и состраданию, благородству, согласию и созиданию, воплощает в себе целостную нравственную концепцию современного мира, в основе которой лежит любовь к Родине, к своей земле и своему народу, понимание национально-исторических корней, стремление и возможности к их продолжению и развитию. Его стихи отличает особая широта пространственно-временного диапазона в художественном воплощении образа Родины, истории предков, движущейся современности. В своих лирических произведениях поэт знакомит читателей со сложностями пути, которыми идет современный человек к правде, свободе, счастью («Чунри вут» / «Огонь души», «Эп – таран сьрмара» / «Я – в глубоком овраге», «Пĕлĕтсем» / «Облака», «Этем» / «Человек», «Кăмăл» / «Настроение»). Герои его стихов – «искатели дорог», творцы песен. Их мысли и тревоги носит в душе лирический герой – человек, свободный от всяких наслоений, от «позолоты». Из его разносторонних переживаний, мыслей, эмоций складывается представление о целостном характере лирического героя. В лучших произведениях поэзия Теветкеля несет в себе глубоко оптимистическое содержание, выдвигает на первый план подвиг человеческого духа:

*Иңсе-иңсе ўкет сукмак йĕрри,
Йĕри-тавра вылят хĕвел тĕрри,
Кун-сўлăм та хĕвел вăййилĕ, сўтă.
Утатăп çавăнна хавхаланса,
Вăй-халăм сунатне туллин шанса, –
Чĕрем апа чыс тутăр, юрă хутăр.*

[Теветкел: 187, 174]

След тропинки тянется далеко-далеко,
Везде блещут солнечные узоры,
И жизнь моя тоже солнечная, светлая,
Потому и шагаю так восторженно,
Полностью доверяя своим силам.
Пусть во имя этого сердце сложит песню.

[Подстрочный перевод здесь и далее наш. – О.С.]

литературой мало изучен. Однако данный вопрос затронут в работах И.В. Пухова, В.Т. Петрова, Н.В. Емельянова, Н.Н. Тобурокова. В сравнительно-типологическом аспекте исследовал надписи тюрколог Н.К. Антонов. Также существует опыт перевода памятников на якутский язык, сделанный Г.Г. Левиным.

Генетическая связь якутского фольклора и литературы с общетюркскими корнями исторически обусловлена и подтверждается общностью художественно-эстетических принципов, выраженных в способах отражения действительности, принципах организации текста, в традиционной поэтической лексике и т.д. В этом отношении древние памятники письменности интересны не только как материальная, но и духовная сущность, несущая в себе, кроме исторической информации, еще и представление о духовном мире древнего человека – его отношении к действительности и суждении о художественно-эстетической ценности Слова.

Для якутского фольклора и литературы, как культуры, не затронутой исламом, из всего корпуса пратюркской письменной культуры наиболее близки орхоно-енисейские рунические надписи. Связь якутского фольклора и литературы с более поздними памятниками IX–X вв. имеет лишь общие, универсальные, типичные для всех тюркоязычных культур черты.

Расширение генетического поля якутской литературы путем включения в ее родословную древнетюркской письменности позволяет, во-первых, объяснить природу происхождения якутских литературных традиций; во-вторых, провести линию преемственности в развитии художественного сознания народа саха с более раннего периода, чем с периода бытования живого фольклора; и, наконец, в-третьих, найти аналогии в истории зарождения и становления якутской литературы с родственными тюркоязычными литературами России. В этом плане именно орхоно-енисейские рунические надписи становятся тем самым связующим звеном, которое объединяет тюркоязычную словесную культуру в единое генетическое поле, объясняющее происхождение базовых фольклорно-литературных традиций.

Несомненно, родственная близость якутской словесности наиболее ощутима в сравнении с художественными традициями устной поэзии и литературы восточносибирской ветви тюркских народов – Алтая, Тывы, Хакасии, но композиционное, стилевое, стиховое (метрическое, звуковое) сходство очевидно и с тюркоязычной культурой Чувашии, Татарстана, Башкортостана и др.

Якутский и чувашский языки еще тюркологом С.Е. Маловым признаны древнейшими тюркскими языками. Исторический путь этих народов, их культура имеют закономерные сходные этапы в своем развитии. Так, традиции древнетюркской художественной словесности, зафиксированные в орхоно-енисейских рунических надписях, находят отражение и развитие в устной и письменной литературе чувашей и народа саха.

Свидетельством тому могут быть следующие признаки, активно задействованные в чувашском и якутском фольклоре более позднего периода:

- сохранение композиционной целостности, реализовывающей три обязательные функции повествования (зачин, развертывание событий, концовка), например, в чувашских пейёт (пеитах) и якутских олонхо;
- обязательное присутствие в инициальном начале (зачине) литературного этикета (обращение к небу или этикет миропорядка, божественного сотворения земли);
- пространственно-временное (хронотоп) отношение к миру (четыре стороны света, трехмерность мира и т.д.);
- особое пристрастие к числовым вариациям (7, 17, 70, 8, 9) в эпических текстах и народных песнях;
- наличие постоянных эпитетов, сохранившихся в неизменном виде в современном в **якутском языке**: *kök tängri* (голубое небо – күөх халлаан), *örüñ kümtüš* (светлое серебро – үрүҥ көмүс (белое золото–серебро), *kuzyl qan* (красная кровь – кыһыл хаан), *qara kis* (черный соболь – хара киис), *qara tär* (черный пот – хара көлөһүн), *bangü taš* (вечный камень – мэнэ таас (священный камень), *silik (qyz oŷly)* (чистые (красивые дочери) – айгыр силик (чистый, красивый, разнообразный, цветистый по отношению к природе), *udiq jir sub* (священная земля-вода – ытык сир (священная земля), *jablaq qisi* (дурной человек – дьаабы кийи), *aq at (маған (манган) ат)* и т.д.; в **чувашском языке**: *kara jār, kara mār, kuzyl kan* и т.д.;
- формульность стиля, выполняющей композиционную, ритмико-организующую функции.

Современный исторический подход к зарождению литературной традиции в младописьменных литературах предполагает обращение ко всем формам архаичной и постархаичной художественной словесности с целью объяснения интенсивности, ускоренности литературного развития в период социально-культурных реформ XX века. Отсюда насущная потребность у историков литературы в поиске максимально древних истоков собственной национальной литературной традиции и на основе этого нахождения общих черт, сближающих с родственными культурами.

8. ISEI-IVEI (2007). *Nivel B1 de euskara en educación primaria. Informe general. Febrero 2007*. Gobierno Vasco, Gasteiz. 2007. [Электронный ресурс]. URL: http://www.isei-ivei.net/cast/pub/b1_castellano.pdf.

9. *Nelde, P.H.* (1997). "On the Evaluation of Language Policy" // *Congrés Europeu sobre Planificació Lingüística. Actes del congrés europeu sobre planificació lingüística – European conference on language planning*. Generalitat de Catalunya, Departament de Cultura, Barcelona. С. 285–292.

10. SPL (2009). *Informe de política lingüística. IV. El pressupost de la Generalitat per a la política lingüística*. Generalitat de Catalunya, Secretaria de Política Lingüística. 2009. [Электронный ресурс]. URL: http://www20.gencat.cat/docs/Llengcat/Documents/Informe%20de%20politica%20linguistica/Arxius/08_IV_pressupost.pdf.

11. Xunta de Galicia (2004). *Plan xeral de normalización da lingua galega*. Xunta de Galicia, Secretaría Xeral de Política Lingüística. 2004. [Электронный ресурс]. URL: http://www.xunta.es/linguagalega/arquivos/PNL22x24_textointegro%29.pdf.

ФОРМЫ ОБРАЩЕНИЯ И ТЕРМИНЫ РОДСТВА В ГОВОРАХ КРЕЩЕННЫХ ТАТАР

Ф.С. Баязитова

Институт языка, литературы и искусства им.Г.Ибрагимова АН РТ, г. Казань

Формы обращения, термины родства представляют собой древнейший пласт словарного состава языка и имеют большое значение не только как лингвистический материал, но и историко-этнографический источник.

В говорах крещеных татар особый интерес представляют термины родства и свойства, употребляемые в сочетании со словом **ак** 'белый'.

Ак эби – этисенең өлкән кыз туганына баланың эндәшү сүзе 'форма вежливого, ласкового обращения к старшей родственнице отца; **ак бабай** – этисенең өлкән ир туганына баланың эндәшү сүзе 'форма вежливого обращения к старшему брату отца; **ак бийем** – иренең апасына эндәшү сүзе 'форма вежливого, ласкового обращения к старшей сестре мужа'; **ак дәдәй** – эти яки әнинен иң өлкән ир туганына эндәшү сүзе 'форма вежливого обращения к старшему брату отца или матери; **ак кыз** – иренең сәңлесенә эндәшү сүзе 'форма обращения к младшей сестре мужа; **ак печкә** – иренең кече сәңлесе һәм аңа иркәләп эндәшү сүзе 'форма ласкового обращения к младшей сестре мужа; **ак тәтә, ак түти** – иренең апасына олылап эндәшү сүзе 'форма почтительного обращения к старшей сестре мужа'.

Форма вежливого, почтительного и ласкового обращения к родственникам при помощи слова **ак** 'белый' наблюдается и в других говорах татарского языка. Например: **ак тай** (сокращенное от **ак тутай**) в пермском говоре – этисенең апасы 'старшая сестра отца'; **ак бабыкай** – в мензелинском говоре – этисенең абыйсы 'старший брат отца'; **ак йегет** – в сергачском говоре – иренең кече энесенә эндәшү сүзе 'форма обращения к младшему брату отца'.

Такие же интересные параллели к этому случаю зафиксированы в монографии Ф. Баязитовой из говора астраханских татар [2002, 123–125]: **ак бала** – иренең энесе һәм аңа эндәшү сүзе 'младший брат мужа и форма обращения к нему'; **ак бикәм** – этисенең сәңлесенә эндәшү сүзе 'слово вежливого, ласкового обращения к сестре матери'; **ак мулла** – кияүнен энесенә эндәшү сүзе 'форма обращения к брату мужа'; **ак тутам** – этисенең апасы һәм аңа эндәшү сүзе 'форма обращения к старшей сестре матери' и др.

Слова для вежливого, почтительного обращения **ак бабай, ак эби** (досл. 'белый дедушка', 'белая бабушка' (**ак** в значении «хороший, прекрасный»)) первоначально могли состоять из двух терминов родства: **ага**, обозначающего старшего родственника и вежливое, почтительное обращение к нему, и **бабай, эби**, называющих старших родственников отца или матери. В тюркских языках термины **ага, апа** и **аба** обозначают старших родственников по мужской и женской линии. Например, чув. диал. **агай, аги** 'старшая родная сестра и тетя' [Егоров: 1964, 9], **ага** 'тетя, младшая сестра отца' [Сергеев 1969: 9]. В турецких диалектах бытуют подобные же словосочетания; **агабаба** 'дед, тесть, свекровь', **аганене** 'бабушка' [Северьян: 1974, 116–117]. Интересно по этому случаю привести для сравнения русское слово **баба-яга**. Кто такая баба-яга? Лесная старушка-волшебница. А у древних тюрков – кипчаков – этот мифологический персонаж был мужчиной и назывался «бабай-ага», он летал в ступе и приносил людям счастье [Аджи Мурад: 2004, 100].

Однако и компонент **ак** 'белый, чистый' в составе словосочетаний **ак бабай, ак эби** не исключается как термин, ибо слово **ак** активно участвует в образовании названий титулов и антропонимов [Северьян: 1974, 54–57].

Интересны термины «**духовного родства**» в говорах крещеных татар.

Немалую роль играют у крещеных татар отношения, связывающие неродных людей через обряд крещения ребенка, т.е. приобщения младенца к православной церкви.

Кечтинә < рус. крестины – обряд крещения ребенка, *чукындыру* 'крестить' – Кечтинә диләр, чукындырык диләр. – 'Говорят, что крестины, давайте крестить'. Ырита белән Ычтипан жангэай

киттелэр аш-су алып кайтырга. Кечтинэ йасадык, чукиндырдык. – 'Рита и дядя Степан поехали за продуктами. Крестины провели, крестили'.

Участники крещения, мужчина и женщина, в русском языке назывались крестными родителями – крестным отцом и крестной матерью, сам младенец становился их крестником – крестным сыном или крестной дочерью. У крещеных татар мужчина и женщина, которые исполняют обряд крещения ребенка, называются: **урсанай** < рус. + **анай** 'мать', **урсэни** < рус. + **эни** 'мама', **урсай** < рус. + **ай** – сокращенно от **анай** 'мать' – т.е. русская мама; **урсэти** < рус. + **эти** 'отец', т.е. русский отец. В таком же значении у бакалинских кряшен употребляются слова: **йэш эни** букв. 'молодая мама', **йэш эти** 'молодой папа'; в группе кряшен нагайбаков: **жэшей** // **жэш эней** 'молодая мама', **жэш этей** 'молодой папа', в речи кряшен Балтасинского района Заказанья: **ызур эней** 'большая мама', **ызур этей** 'большой папа'; в д. Кр. Пакшин Мамадышского района: **этей агай** букв. 'отец дядя', **эней түтей** букв. 'мама-тетя'; в говоре кряшен нагорной стороны: **крусанну** 'крестная мама', **круссатту** 'крестный папа'. Ср. также в удмуртском языке: **кирос дядя** 'крестный отец', **киросэнэ** 'крестная мама'.

В быту в русском языке настоящие родители называют крестных кумовьями: **кумом** и **кумой**, в говоре крещеных татар так же: **кум**, **кума**, **кумакайым** (ласковое обращение): **Кумакайым** сиңа нилэр бирийем. Әллә бүләгемне бүлимме? Бүләгемне бүлсәм, миннәр бүләрмен, жаным жарып бирсәм – үләрмен.

Таким образом, через русский язык и христианскую религию проникли в говоры крещеных татар вышеуказанные слова, объясняемые как духовное родство (Даль).

Помимо крестных родителей, у крещеных татар есть еще и посаженные отец и мать, которые называются **кыйаматлык** / **кыйаматлык** (< араб. **кыямат** 'воскресенье, конец света' + афф. **-лык**). Они присутствовали во время венчания в церкви. Обычно в качестве посаженных родителей приглашались ради престижа люди солидные, именитые или же давние друзья хозяев. **Кыйаматлык эни** посаженная мать исполняла в отношении невесты ряд обязанностей и несла моральную ответственность за покой и мир в этой семье. К посаженным родителям своей матери дети обращаются с почтением, называя: **эңки әбей** букв. 'мама-бабушка' и **этеки бабай** 'папа дедушка', а родственники невесты к посаженной матери обращаются: **чибәр түтэй** или **чибәр жингей** букв. 'красивая тетя'. Родственники посаженных родителей и родственники жениха и невесты обращаются друг к другу словом **уртагым** < **уртак** 'общий' + афф. **-ым**. В таком же значении слово **вурдахлым** // **вәртах** отмечено в чувашском языке [Золотницкий: 1875, 141]. У луговых марийцев употреблялось слово **вуртак**, которое обозначало родовую группу, состоящую из близких кровных родственников. Члены **вуртак** совместно проводили поминки. К концу XIX в. **вуртак** превратился в соседскую группу, члены которой не обязательно являлись родственниками. Слово «вуртак» упоминается и в марийских языческих молитвах [Петров: 1981, 137]. Наличие слов **уртак** // **уртагым** и **вәртах** // **вурдахлым**, **вуртак** в обрядовой сфере татар, чувашей и марийцев говорит с древних связей и общественных традициях этих народов.

Литература

- Аджи Мурад*. Европа, тюрки, Великая Степь. Самара: Самарский дом печати, 2004. 476 с.
Баязитова Ф.С. Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении. М.: Наука, 1986. 248 с.
Баязитова Ф.С. Эстерхан татарлары. Рухи мирас: гаилә-көнкуреш, йола терминологиясе һәм фольклор. Казан: Фикер, 2002. 320 б.
Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1979. Т. II. 460 с.
Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чувашкнигоиздат., 1964. 355 с.
Золотницкий Н.И. Корневой чувашско-русский словарь. Казань: Мин-во нар. просвещ., 1875. 279 с.
Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтюркские основы на гласные. М., 1974. 767 с.
Сергеев Л.П. Диалектологический словарь чувашского языка. Чебоксары. 1969. 346 с.

ЛОКАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ ЗАСЕЛЕНИЯ ПРИУРАЛЬСКИХ ЧУВАШЕЙ И ФОРМИРОВАНИЕ ИХ ДИАЛЕКТНОЙ СИСТЕМЫ

Л.В. Власова

Стерлитамакская государственная педагогическая академия им. З. Биишевой, г. Стерлитамак

Исследование диалектов, говоров различных территориях, занятых чувашами, дает бесценный материал для истории чувашского языка, народа, для исторической этнографии, археологии, фольклористики. Изучением особенностей чувашских диалектов занимались такие известные ученые, как Н.И. Ашмарин, Л.П. Сергеев, Н.И. Егоров, но еще нет цельной монографической работы обо всех особенностях говоров и диалектов чувашского языка. Результаты лингвогеографического

нормы претерпевают незначительные изменения, что проявляется в сюжетно-композиционной структуре, в комических приемах, в конфликте персонажей и речи героев. Поэтому интерес к комедии не снижается, а наоборот, усиливается. Сохранив форму и содержание, внутренний потенциал комедии во все времена демонстрирует развитие литературного процесса и отвечает идейно-художественным и эстетическим запросам любителей национальной словесности.

ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА ЯКУТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ ЛИТЕРАТУР РОССИИ

Л.Н. Романова

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск

Исследование любой национальной литературы должно учитывать весь исторический опыт развития художественного сознания народа и во всех его проявлениях.

Единственным генетическим истоком якутской литературы до недавних времен считался устный фольклор. На современном этапе в условиях глобализации назрела необходимость в расширении границ истории национального художественного сознания народа саха, включающих его в общий контекст развития тюркоязычных литератур России.

Вопрос о генетической «родословной» якутской литературы как явления, возникшего на основе высокоразвитой устной традиции, является научно доказанным положением якутского литературоведения XX в. Однако при этом под основной базой якутской литературы подразумевался лишь живой фольклор, бытовавший и функционировавший в период зарождения литературы в начале XX в. Лишь в конце XX в. начали предприниматься попытки раздвижения границ истории художественной словесности, сначала за счет введения в нее первых письменных памятников религиозного и светско-литературного содержания, изданных в сибирских и центральных издательствах в XIX в., затем обращения к наиболее древним пратюркским источникам. Данный материал позволяет нам выделить с точки зрения стадийного подхода к истории якутской художественной словесности этап *долитературного развития* путем включения в нее *древнетюркской письменной литературы*, а именно орхоно-енисейских памятников VI–VIII вв., как раннего архаичного тюркоязычного источника и наиболее близкого по художественно-эстетическим характеристикам к якутской словесной культуре.

Зарождение национальной литературной традиции на основе существующего художественно-эстетического опыта народа – проблема обширная и не терпящая локализации материала в пределах генофонда одного этноса. Поэтому в установлении корней региональной национальной литературы необходим сравнительно-типологический подход, выявляющий общие пути развития художественного сознания и словесного творчества народов, находящихся в генетическом родстве. В исследовании тюркоязычных литератур, как западного, так и восточного крыла, единими общими генетическими прототипами фольклора и литературы признаны древнетюркские письменные памятники VI–XI вв.: орхоно-енисейские надписи, «Гадательная книга», «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни, «Диван лугат ат-тюрк» Махмуда аль Кашгари. На уровне развитых, так называемых старописьменных литератур связь с указанными общетюркскими источниками носит непосредственный, репрезентативный характер, глубоко проникающий в художественный метод и стиль литературы нового и новейшего времени.

В случае с литературами, которые утратили письменную традицию в ходе своего исторического развития и приобрели новую письменность лишь в конце XIX – в начале XX вв., наблюдается *имплицитная* связь, которая требует доказательной базы, основанной на малейших признаках генной памяти, как в принципах художественного отражения действительности, так и в самой структуре художественного текста. Наглядным примером может служить якутская литература, по своим основным признакам – языковым, ментальным, мифотворческим – восходящая к пратюркской изустной и письменной культуре, о чем свидетельствует стиливое сходство устной и письменной поэзии народа саха с орхоно-енисейскими памятниками.

Орхоно-енисейские рунические надписи достаточно подробно изучены с исторической, литературоведческой, тюркологической, лингвистической точек зрения. Методологической базой литературоведческих исследований древнетюркских памятников стали труды С.Е. Малова, П.М. Мелиоранского, Ф.Е. Корша, А.Н. Бернштама, В.М. Жирмунского, Е.М. Мелетинского, А.М. Щербака, И.В. Стеблевой, С.С. Суразакова, М.А. Унгвицкой, Н.М. Киндиковой, Л.Р. Кызласова, У.А. Донгак, Х.У. Усманова, Ю.М. Артемьева, В.Г. Родионова, А.А. Трофимова, Е.П. Чекушкиной и др.

В якутской фольклористике и литературоведении орхоно-енисейские надписи, при всем признании их как общетюркских памятников, вопрос генетико-типологических связей с якутским фольклором и

авторское отношение к своим симпатизирующим героям. Он дружелюбно и доброжелательно смеется над их мышлением и поступками, т.к. они преднамеренно или ситуативно становятся объектами всеобщего внимания. Действия героев, соответствующие изображаемым поступкам и их речи, отличаются добрыми начинаниями, чувства романтически возвышенные, по характеру – добрые, доверчивые, но и чуть-чуть наивные, что вызывает сочувствие и сопереживания у зрителя.

Если в 1950–1960-х гг. в лирических комедиях Н. Айзмана, И.С. Максимова-Кошкинского, Л. Родионова любовные интриги совмещались с «производственными» вопросами (соревнование молодежи в повышении урожая, удоев молока, активное включение и участие в культурно-массовых и спортивных мероприятиях), то в 70–80-х гг. XX в. комедиографы пытаются ставить в эту схему проблемы нравственности, чести и долга. Комедии этого направления по типу героев близки и к бытовым комедиям, присутствуют в них элементы музыкальности, но все-таки в комедиях доминируют конкретные, эмоционально насыщенные лирические чувства, «поэтичность стиля» и многозначность юмора.

Чувашская комедиография имеет достаточно широкую жанровую палитру. В ней есть более популярные, как лирические, музыкальные, бытовые комедии, драмокомедия, и менее популярные, как политическая комедия, социально-бытовая комедия, но есть и такой вид жанра, который чаще всего в подзаголовках пьес отделяется терминами «водевиль», «камит» или же «мыскара», в редких случаях – «тамаша».

Сюжетно-композиционное строение комедии всегда подчинено неуставленной технологии жанра, т.к. оно основывается на следующих принципах: во-первых, комические ситуации и действия взаимоподчинены и находятся в неразрывных причинно-следственных связях, т.е. внешнее действие отражает внутренний смысл содержания, и, во-вторых, эти переплетения внешних и внутренних связей организационно констатируют отдельные картины и отдельные сцены комедии, что, соответственно, интенсифицирует главную идейно-эстетическую значимость комедии. Таким образом, создается взаимоподчиненность, которая представляет свою системно-структурную организацию. Неуловимый замкнутый круг комедии выстраивает универсальную образную систему, взаимоотношения между персонажами и определенную схему их поведения. Чаще всего комедийные действия строятся на принципах «неожиданности», «контраста», «несоответствия», «динамического монтажа». Основным приемом современной комедии становится эпистемический сюжет, т.е. мотив ошибки или обмана. Именно этот прием является внешней, ведущей силой комического действия и она пронизывает всю сложную систему отношений на протяжении всей пьесы, включая как идейно-эстетическую ориентацию, так и языковое оформление. Сюжетно-композиционное единство, строящееся на двойственной игре одного из главных героев, с одной стороны, требует от автора пьесы умелого розыгрыша, создания для него особых комических трюков. И, с другой стороны, для других персонажей – не узнавания этой «естественной ошибки». Игра одного из основных героев в ходе развертывания событий позволяет не только демонстрировать его поведение и характер, но кроме того дает возможность выявить и оценить внутреннюю сущность и других персонажей, с кем он соприкасался, а также в целом характерные явления действительности.

Проанализированные комедийные модификации показывают, что современная чувашская комедиография, преодолевая этапы «теории бесконфликтности», так называемого «застойного периода», в своем поступательном развитии проявила себя как одна из активных форм литературы в области комизма. Комедийные жанры рождались, возобновлялись и развивались в духе своего времени и проявляли острое социальное звучание, выделялись художественно-эстетическими поисками и усилением психологической характеристики героев. В 1950–1960-х гг. намного расширилась жанровая палитра комедиографии и в ней отчетливо проявились такие направления, как сатирическое, юмористическое и его разновидности: музыкальные, лирические, бытовые, драмокомедия, мыскара. Драматурги же, создавая произведения, совершенствовали мастерство комедиографа и обогатили золотой фонд драматургии значительными комическими произведениями. В 1970–1980-х гг. комедийная драматургия, как и в других литературах Поволжья и Урала, тяготеет к философскому осмыслению действительности и одновременно расширяет границы комизма за счет народной смеховой культуры. Следует заметить, что чувашская комедиография основное внимание уделяет проблемам нравственности, которые отражаются на семейно-бытовом уровне. Несмотря на отдельные «толчки» и «вспышки», особенно последние десятилетия, в чувашской комедии наблюдается некоторое однообразие комических приемов и снижение художественного уровня. Комедийные интриги в основном состоят из демонстрации мелких случайностей, ошибок и путаницы. В связи с этим появилась жанровая неопределенность многих пьес с элементами музыки, танца, фарса и т.п. Исчезли комедии сатирической направленностью, социальные комедии с привычной для чувашского народа иронией. Роль серьезных комедий переняла драмокомедия, которая, сохраняя свой драматизм, достаточно активно использует элементы народной смеховой культуры, которая проявляется в виде остроумия, иронии и шутки. Поэтика современных комедий свидетельствует о том, что традиционные

анализа приуральских говоров публиковались нами в виде отдельных статей, также были изданы «Учебно-справочные материалы по чувашской диалектологии и диалектологический словарь приуральских говоров чувашского языка» (сост. Власова Л.В., Егоров Н.И., 2004), монография «Фонетическая и лексическая системы приуральских говоров чувашского языка. Опыт сравнительно-исторического анализа» (сост. Власова Л.В., 2009). В указанных работах впервые в чувашской диалектологии представлен значительный материал по локальным говорам чувашей Башкортостана, который дает объективную картину исторических межъязыковых контактов разноязычных этносов на этой территории начиная, по крайней мере, с XVIII в.

В географическом районе Приуралья сформировалась сложная система говоров чувашского языка. Данные наших лингвогеографических исследований позволяют выделить на этой территории четыре основных ареала:

Первый ареал – юго-западная часть Приуралья. В юго-западную локально-территориальную группу (далее – ЛТГ) входят Альшеевский, Белебеевский, Бижбулякский, Ермакеевский, Миякинский, Стерлибашевский, Федоровский районы. Говоры названного ареала характеризуются целым комплексом фонетических, мофологических и лексических особенностей. К ним относятся:

1. Отсутствие оканья.
2. Соответствие гласного *ä* лит. у, а, ё: *çämär* в м. *çumär* «дождь», *täta* в м. *tata* «еще».
3. Сохранение звуков *к, в*: *kästa* в м. *ästa* «где», *tavläk* в м. *taläk* «сутки».
4. Перенос ударения в изолированном произношении слов на гласный последнего слога: *xävayta* «польза», *näkä* «очень».
5. Употребление местоимения 3-го лица *у, ул* в м. лит. *väl* «он»; *усем, äсем, ёсем* в м. лит. *vëсем* «они».
6. Активное употребление имени действия на *-у / -ү*: *уту* «хождение», *чулу* «беготня», *çүрү* «поездка, странствие».
7. Употребление усилительной частицы *-ин* в м. лит. *чи*: *ин пысăкки* «самый большой».
8. Лексические изоглоссы: *päsрак* «грязный», *käm* «накипь», *kämkan* «чайник», *капак* «тыква», *юркан* «ватное одеяло».

Второй ареал – центральная часть Приуралья. В центральную ЛТГ входят Архангельский, Аургазинский, Гафурийский, Давлекановский, Иглинский, Ишимбайский, Стерлитамакский, Уфимский районы. Наиболее яркими особенностями говора на данном ареале являются:

1. Интервокальные геминаты: *пеххёт* «счастье» (хх – х); *çеккёл* «крюк» (кк – к).
2. Соответствие звуку *ç* звуку *ч*: *инче* в м. *инçe* «далеко», *çулчă* в м. *çулçă* «лист».
3. Соответствие звуку *х* звуку *к*: *эрек* в м. *эрек* «водка», *такăшĕ* в м. *тахăшĕ* «кто-то».
4. Ряд лексических изоглосс отделяют центральную ЛТГ от говоров юго-западного ареала: *këлентёр* «крендель», *мерекке* «интересно», *капшăл* «внезапно», *чаттан* «хромой».

Гафурийский и стерлитамакский подговоры объединяют следующие явления:

- а) оканье;
- б) употребление вопросительной частицы *-ке* «ли, же, это»;
- г) лексические изоглоссы: *маçаккай* «дедушка со стороны отца», *мамаккай* «бабушка со стороны отца», *майăх* «мешок», поскил «сосед».

Аургазинский, давлекановский, кармаскалинский, уфимский подговоры объединяются изоглоссами следующих явлений:

- а) аффиксы мн. ч. имен существительных *-сам / -сем* подчиняются закону гармонии гласных: *хуласам* «городские», *килĕнтешсем* «снохи»;
- б) группа слов, таких, как *ёсте* «добавлять», *рисăк* «доля».

Третий ареал – западная часть Приуралья. В западную ЛТГ входят Бакалинский, Туймазинский, Шаранский, Чебоксарский районы. Характерными чертами этой группы являются:

1. Интервокальные геминаты: *йăввача* «галушки» (вв – в), *кăккăр* «грудь» (кк – к), *күссек* «рычаг» (сс – с).
2. Соответствие *э–а*: *эрми* в м. *армия*.
3. Сильное эканье: *пэри* «наш», *çулнэ* «дорогу».
4. Аффиксы мн. ч. имен существительных: *-сам / -сем*: *tărăшпăсам* «половики», *пĕлĕтсем* «облака».
5. Наличие группы изоглосс, характерных для этого говора: *айпакăр* «подсолнечник», *мессĕк* «занимательный», *эжкмет* «ряженые», *пакка* «лягушка», *левче* «лужа», *кармак* «удочка», *кăмак* «крыса», *ука* «читать», *чишпăра* «небольшие круглые колобки», *кăрăкмăш* «жеребенок-стригун».

Четвертый ареал – южная часть Приуралья. В южную ЛТГ входят Зианчуринский, Зилаирский, Кугарчинский, Куюргазинский, Мелеузовский, Хайбуллинский районы. Южную ЛТГ можно разделить на два типа.

Наиболее яркие особенности первого типа:

1. Интервокальные геминаты: *аккăш* «лебеда» (*кк – к*), *вигтёр* «сквозь» (*тт – т*).
2. Аффиксы мн. ч. имен существительных *-сам/ -сем* подчиняются закону гармонии гласных.
3. В изолированном произношении ударение всегда падает на гласный последнего слога: *кăпăк-лă* «пенистый», *шĕкĕнтĕр* «морковь».

Второй тип особенностей составляют языковые явления, распространенные на ограниченной территории. Обобщение изоглосс таких явлений позволяет выделить в составе данной группы следующие два подговора: куюргазинский и зилаирский.

Куюргазинский подговор отличают:

- а) соответствие *у – и*: *нуме* в.м. *нуме* «коллективная помощь»;
 - б) соответствие *м – в*: *мăкăр* в.м. *вăкăр* «бык»;
 - г) употребление деепричастия на *-са /-се* в роли простого сказуемого: *эс вуласа* «ты читал» (особенность верхнего диалекта чувашского языка);
 - д) лексические изоглоссы: *ати* «мать», *черкуай* «чайное блюдечко».
- Зилаирский подговор отличается:
- а) наличием различных соответствий: *и – ä*: *пурсин* в.м. *пурсăн* «шелк», *т – к*: *хăнтăла* в.м. *хăнкăла* «клоп»;
 - б) употреблением послелога *пек* в двух вариантах: *ум пак* или *ум пек* «как он»;
 - в) частица *-ске* иногда соответствует редко употребляемой частице *-ла (-ле)*: *каларăм-ла* «говорила же», *килтĕм-ле* «пришла же»;
 - г) лексические изоглоссы: *мăйла* *чĕлмек* «кувшин», *сĕркĕ* «вчера вечером», *шăнăр* «резина».

Анализ языкового и имеющегося историко-этнографического материала показывает, что говоры чувашей Приуралья прошли сложный путь развития, а его носители – не менее сложный процесс этнического формирования. Указанные факторы привели к возникновению внутри говора приуральских чувашей ряда подговоров, которые различаются между собой наличием или отсутствием особенностей, характерных для всего говора, или же своеобразным сочетанием их на данной территории. Кроме того, нужно отметить, что при заселении районов преобладали выходцы разных областей и республик. К факторам, определившим своеобразие данного говора, могут быть отнесены:

- а) территориальная оторванность от основной массы чувашей и развитие в иноязычном окружении, что привело как к сохранению древних черт, так и к самостоятельному развитию отдельных языковых явлений;
- б) соприкосновение носителей всех трех диалектов чувашского языка на изучаемой территории, при котором решающее значение имел средний диалект;
- в) соседство с татарским и башкирским языками, продолжающими оказывать влияние на чувашский язык и в настоящее время.

ЭКОНОМИЯ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В СИНТАКСИСЕ СОВРЕМЕННОЙ КАЗАХСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

А.К. Калыбай

Казахский национальный аграрный университет, г. Алматы

В современных лингвистических исследованиях большое внимание уделяется раскрытию внутренних законов развития языка. Важнейшей особенностью языка, связанной с его основной функцией, является служить средством коммуникации в человеческом обществе. Лингвистов интересуют изменения, которым данный язык подвергается в процессе своего функционирования и развития. Среди такого рода изменений можно выделить целый ряд явлений, отражающих наблюдаемую во многих языках общую тенденцию к экономии языковых средств. Отдельные аспекты данной проблемы, в частности причины возникновения тенденции экономии, затрагивались в небольшом числе работ. Например, в работах Н.В. Крушевского (Очерк науки о языке. Казань, 1883), И.А. Бодуэн де Куртене (Избранные труды по общему языкознанию. Том I. М., 1963), Г.Х. Суярова (Эволюция языка и принцип экономии. Самарканд, 1973), А. Мартине (Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960), Г.Г. Инфантова (Экономия языковых средств в синтаксисе современной русской разговорной речи. Ростов-на-Дону, 1973) и т.д. Однако до

Литература

- Ахунжанов Г.Х. Татар теленең идиомалары. Казан: Татар. кит. нәшр., 1972. 119 б.
Әхәтов Г.Х. Татар теленең фразеологик әйтмәләр сүзлеге. Казан: Татар. кит. нәшр., 1982. 177 б.
Исәнбәт Н. Татар теленең фразеологик сүзлеге. Ике томда. I том. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. 495 б.
Сафиуллина Ф.С., Зәкиев М.З. Хәзерге татар әдәби теле: Югары һәм урта уку йортлары өчен д – лек. – Тулыл. 2 нче басма. Казан: Мәгариф, 2002. 407 б.
Ханбикова Ш.С., Сафиуллина Ф.С. Синонимнар сүзлеге. Казан: Хәтер, 1999. 256 б.
Ханбикова Ш.С. Татар телендә синонимия һәм сүзлекләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 1980. 208 б.
Хәснәи Ф. Адәм балалары. Казан: Татар. кит. нәшр., 1999. 287 б.
Хәснәи Ф. Жәяүле кеше сукмагы. Казан: Татар. кит. нәшр., 1967. 482 б.

ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА КОМЕДИИ В ЧУВАШСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

П.Н. Метин

Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары

Исходя из типа художественного содержания в современной чувашской комедиографии выделяются два основных модуса комедии – сатирический и юмористический.

Среди юмористических комедий музыкальные, лирические и бытовые комедии занимают особое место. Для становления и развития музыкальной комедии были как определенные внутренние традиции, так и преемственные внешние текстологические факторы, т.к. они воспроизводили реальность не только в комедийных характерах или в комических положениях, но главным образом на светлых лирических тонах, на музыкально – песенной стихии и жизнерадостном юморе. Музыкальные пьесы «Хёвёллэ кунсем» (Солнечные дни) Н. Айзмана, «Сёмёрт сёски суралсан» (Когда цветет черемуха), «Шупашкарта» (В Чебоксарах) И. Максимова-Кошкинского, «Шуршăл евчи» (Сваха из Шоршел) П. Осипова, «Сăкалăх шăпчăкĕсем» (Липовские соловьи) Г. Терентьева, «Туй кустарми» (Свадебное колесо) Хв. Агивера – вот далеко не полный перечень комедий, в которых соревновательно-ударный труд, преданная дружба и ревностная любовь, романтическая молодость – являются компонентами музыкальных пьес. В этой области особенное усердие проявил И. Максимов-Кошкинский. Его пьесы «Когда цветет черемуха», «В Чебоксарах» поднимают проблемы нравственных ценностей молодежи конца 40-х годов XX в. В них автор в первую очередь воспеваает красоту мирной жизни, трудолюбие своих героев, но в них есть один изъян – они зачастую слишком застенчивы и наивны.

На пути музыкальной комедии, безусловно, были удачные и неудачные опыты. Во многом это зависело и от поэтов, на чьи стихотворения слагались песни для данного спектакля, и от композиторов, чье творчество совпадало с позицией драматурга. В некоторых спектаклях музыка и песня занимали незначительную роль, т.е. они присутствовали как элемент усиления эмоции, проявления национальных особенностей.

В конце 40-х – начале 50-х гг. прошлого века чувашская комедиография стала активно видоизменяться. В нее все активнее стали проникать элементы лирики, сатиры и иронии. Безусловно, пьесы, включающие в себя эти элементы, позволили драматургам полнее раскрыть сущность главных героев, их интересы и заботы, одним словом, показать типичные черты действующих лиц, расширить рамки отображения. В свою очередь в зависимости от тематики и структуры произведения, от субъективного отношения драматурга юмор комедии постепенно начинает модифицироваться. В зависимости от пафоса драматургического произведения как разновидность юмористической комедии здесь наиболее ярко выделяется лирическая комедия, которая продолжает радовать и веселить зрителей и по сей день. Своеобразие лирической комедии, ее непреходящий успех состоит в том, что она вызывает радужное настроение у людей. По своим истокам лирическая комедия исходит из небытовой «теории бесконфликтности». Комедиографы воспроизводили празднично-веселый дух сельской жизни, придумывали незатейливые комические ситуации сочетанием драмы и лирики, иронии и музыки, при этом большое внимание уделялось эксцентричному сюжету и речевому юмору или комизму положений. Лирическое начало, основанное на незначительной комедийной ситуации, типа недоразумения между любимыми, ревнивое предположение и возникающие отсюда ссоры, ошибки и т.п., а в последующем весь этот любовный хаос заканчивается либо примирением, либо свадьбой. Подобная сюжетная канва во многом определила схему и своеобразие лирических комедий, ибо любовный мотив, любовные переживания в совмещении с общественными и производственными отношениями предполагали выявление социально активных личностей, ибо комизм положения и речевой юмор выступают как арбитры в определении коллизий и судеб героев комедии, выражают субъективную, авторскую позицию, а также характер и тональность отражаемого смеха. В лирических пьесах зримо бросается в глаза

В некоторых случаях семантические синонимы могут находиться в одном ряду, акцентируя внимание на смысл, который автор хочет донести до читателя. Например, *Андый чакта Һәрвакыт шулай булган кебек, монда да белгәне-белмәгәне үзенчә киңәш бирергә, акыл сатарга тотына* [Хусни: 1999, 266]. / *В такой ситуации, как и всегда, всяк знающий и незнающий начинает по-своему давать совет, читать мораль.*

В этом предложении семантические синонимы следуют друг за другом и имеют общий смысл **поучать**. На наш взгляд, вторая единица **акыл сату** своей экспрессивной окраской добавляет больше образности первому фразеологизму, тем самым делая это предложение более эмоциональным.

Следующий тип фразеологических синонимов, широко используемых Ф. Хусни, – это стилистические синонимы. В данном случае синонимический ряд образуется вследствие того, что фразеологические единицы относятся к разным стилям. Использование стилистических синонимов в основном связано с ситуациями и образами, которые даются в произведениях.

Ул арада ханым берәз хәл жыеп, үзен тәртипкә китереп өлгергән, йөзәнә төс кергән, таралган калын чәчләрен сыгып, төрөп азаплана иде [Хусни: 1999, 267]. / *В это время ханым, уже немного набравшись сил, успела привести себя в порядок, лицо ее обрело здоровый цвет, и она пыталась собрать свои густые волосы в пучок.*

На примере данного предложения наблюдаем, что фразеологизмы **хәл жыю** и **йөзәнә төс керү** становятся стилистическими синонимами благодаря контексту. Если первый фразеологизм относится к общеупотребительной лексике, вторая единица является примером художественного стиля. Мы предполагаем, что использование фразеологизмов разных стилей в рамках одного предложения создает контраст, усиливая воздействие на читателя.

Фразеологизмы, которые отличаются составом компонентов, семантическими и стилистическими оттенками значения, но имеют схожий смысл, относятся к третьему типу – **семантико-стилистическим** синонимам. Основываясь на анализе текстов, мы сделали вывод, что такие синонимы используются автором мало и в основном являются синонимичными в условиях данного контекста.

– Батам! Батам! Коткарыгыз! – дип кычкырган тавыш ишетелә һәм пляж дәррәү аякка баса [Хусни: 1999, 266]. / *Доносится: “Тону! Тону! Спасите!” – и весь пляж хором встает.*

Ә шул арада ярда кызынып ятучылардан берәү, һичбер тавыш-гауга күтәрмичә, суга сикереп төшиә дә, башы белән суны сөзгәндәй, кызу-кызу шул якка таба йөзеп тә китә... [Хусни: 1999, 266] / *А в это время один из загорающих на берегу, не поднимая шума, прыгает в воду и, будто распирая воду головой, быстро начинает плыть в ту сторону.*

В этих предложениях фразеологизмы **дәррәү аякка басу** и **тавыш-гауга күтәрү** на первый взгляд не являются синонимами, но слово **“дәррәү”** добавляет тот смысловый оттенок, который присущ к контексту второго предложения. Тем самым образуется синонимия, но если использовать эти фразеологизмы вне контекста, они будут иметь совершенно разные значения.

Абсолютные синонимы ничем друг от друга не отличаются, их идеографические и эмоциональные значения абсолютно одинаковые, стилистические оттенки схожи. С такими фразеологизмами можно привести следующие примеры: **колак салу** [Хусни: 1999, 264] – **сүз тыңлау** [Хусни: 1999, 262] / **прислушиваться**, **кәеф күтәрү** [Хусни: 1999, 259] – **күңелен күрү** [Хусни: 1999, 270] / **поднимать настроение**, **шаккатып калу** [Хусни: 1999, 110] – **ис китү** [Хусни: 1999, 180] / **удивляться** и др.

Проанализировав фразеологическую синонимию в языке произведений Ф. Хусни, были сделаны следующие выводы:

1. В произведениях Ф. Хусни встречаются все четыре типа фразеологической синонимии (семантическая, стилистическая, семантико-стилистическая, абсолютная). По нашему мнению, чаще всего используются семантические синонимы, а семантико-стилистических синонимов очень мало.

2. Используя единицы с разными значениями в определенных контекстах, автор создает синонимические ряды, например: **хәл жыю/ набраться сил – йөзәнә төс керү / приобрести здоровую окраску; аякка тышау салу / – көймәләре комга утыру / лодка села на мель** и др.

3. Есть основания полагать, что фразеологизмы придают особую окраску и образность повествованию. Синонимы не допускают неоправданных повторений и однообразия.

В рассказах и повестях 60–80-х годов XX в. в основном изображены жизнь и быт простого народа. Именно поэтому повседневная лексика в данных произведениях Ф. Хусни выходит на передний план. Анализ фразеологизмов из текстов данного периода дает возможность не только раскрыть особенности той эпохи, но и проследить этапы развития языкового мастерства автора, сопоставить лексику того времени и сегодняшнего дня, сравнить изобразительно-выразительные средства, использованные в разных художественных произведениях.

настоящего времени всестороннее системное изучение указанной тенденции в рамках структуры казахского языка не предпринималось. Данная статья посвящена анализу этого важного фактора языкового развития. В разговорной речи используется очень большое количество более экономных синтаксических построений. При изучении синтаксиса разговорной речи обойти проблему экономии не представляется возможным. Рассмотрим, как проявляются способы реализации принципа экономии в синтаксисе, которые обеспечивают экономию сегментных средств, если к ним подходить с точки зрения синтагматического ряда и с точки зрения ряда парадигматического, ассоциативного.

Явления экономии, которые осуществляются с помощью средств синтагматического ряда, носят общеязыковой характер и весьма известны. Экономия в плане синтагматики проявляется, во-первых, в замещении более громоздкого выражения в последующем тексте выражением менее громоздким, а во-вторых, в опущении отдельных слов, словосочетаний или целых предложений, т.е. в упрощении конструкций. Существуют и другие средства замещения более громоздких компонентов текста менее громоздкими. Некоторые из них носят общеязыковой характер, а некоторые типичны лишь для разговорной речи. Безусловно, этот вопрос заслуживает специального исследования. В этой статье мы приведем лишь отдельные примеры реализации этого явления. Функцию своеобразных заместителей могут выполнять, например, слова «жок» (нет) и «иә» (да).

- *Пленумға ма?*

- *Иә...*

- *Япырай, сіз бе? Бірдеме болып қалды ма, неге келдіңіз? – деді ол таңырқай. Сізді күткен жоқ едім жай келдіңіз бе?*

- *Жоқ... – деп келе жатты да, кілт тоқтай қалды.*

В лингвистической литературе можно найти замечания о том, что слова «жок» (нет) и «иә» (да) – это анафорические, пустые слова, которые заполняются отрицательным или положительным содержанием согласно содержанию вопроса, на который они отвечают. Функции слов «жок» (нет) и «иә» (да) и их использование в контексте весьма многообразны. Например:

- *Жаз, сен білесің зой?*

- *Жоқ.*

Полная форма: *Мен білмеймін.* Здесь слово «жок» (нет) расшифровывается, уточняется как *Мен білмеймін.* Так что «жок» (нет) используется по существу лишь для усиления отрицательного характера ответа.

- *Мыңжасар ағасының жолын қуып, сотқар атанғысы келді ме?*

- *Жоқ.*

Полная, несокращенная форма: *Жоқ, сотқар атанғым келмейді.*

В связи с развитием от конкретного к абстрактному происходит сокращение аффиксов категории падежа, принадлежности и сказуемости. Структурно-типологическая характеристика казахского языка связана с его принадлежностью к агглютинативным языкам. Для описания языков агглютинативного типа применяется набор признаков, учитывающих не только морфологические, но и синтаксические, и фонетические особенности. Сокращение избыточных элементов, возникающих в процессе речи, становится грамматической нормой. Например, в казахском языке **ілік септік** (родительный падеж) используется для обозначения принадлежности. Окончания родительного падежа могут прибавляться непосредственно к основе, к окончаниям множественного числа и к окончаниям принадлежности. **Ілік септік** (родительный падеж) всегда употребляется в сочетании с формой принадлежности III лица. При отсутствии необходимости конкретизации принадлежности и в однородных определениях окончания **ілік септік** могут сокращаться.

Сокращенная форма	Полная форма
<i>Мәдениет сарайы</i>	<i>Мәдениеттің сарайы</i>
<i>Кентау жұмысшылары</i>	<i>Кентаудың жұмысшылары</i>
<i>ата өсиеті</i>	<i>атаның өсиеті</i>
<i>қала жастары</i>	<i>қаланың жастары</i>
<i>ана құшағы</i>	<i>ананың құшағы</i>
<i>құрылыс материалдары</i>	<i>құрылыстың материалдары</i>
<i>мұғалім сөзі</i>	<i>мұғалімнің сөзі</i>
<i>қала күндері</i>	<i>қаланың күндері</i>
<i>бөлім басшысы</i>	<i>бөлімнің басшысы</i>
<i>құжат иесі</i>	<i>құжаттың иесі</i>
<i>ұжым басшысы</i>	<i>ұжымның басшысы</i>
<i>сөз соңында</i>	<i>сөздің соңында</i>
<i>шаруа баласы</i>	<i>шаруаның баласы</i>

Например, *Тегінде Кентау(дың) жұмысшыларының арасында қарттар, тіпті орта буындар өте сирек екен, ал жастар жағы өте көп екен.* (Ж. Жұмаханов). *Сөз (дің) соңында мыналарды айта кеткен жөн шығар* («Заман Қазақстан» газеті). Превращение указанных форм в грамматическую норму обусловлено общим характером их употребления в речи.

В русском языке значение принадлежности одного предмета другому передается при помощи притяжательного местоимения. Например, *мой город, его книги* и т.д. В казахском языке притяжательные местоимения отсутствуют. Значение принадлежности передается путем присоединения к основам личных местоимений суффиксов родительного падежа *-дың, -дің, -тың, -тің, -ның, -нің*.

В казахском языке **тәуелдік жалғау** (окончание принадлежности) указывает на принадлежность предмета и явления первому, второму и третьему лицу и предмету. В этих сочетаниях выражаются одновременно и предмет обладания, и лицо обладателя. При присоединении аффиксов принадлежности к основе существительных соблюдается гармония гласных звуков. Например, *менің суретім – моя фотография; сенің үйің – твой дом; оның баласы – его/ее ребенок*.

В отличие от русского языка, где притяжательное местоимение (его, ее, их) не согласуется с именем существительным, в казахском языке личные местоимения обязательно согласуются с предметом принадлежности, т.е. к основе имени существительного прибавляются специальные притяжательные окончания. Личные местоимения могут опускаться, если на них падает логическое ударение. Например, *(менің) қала-м – мой город, (сенің) дәптер-ің – твоя тетрадь*.

О сокращении аффиксов принадлежности единственного числа свидетельствуют синтаксические отношения между словами. Например, *Іс басымнан асып – Іс(ім) басымнан асып*. В том случае, когда второй компонент посессивного словосочетания обозначает конкретный предмет, аффикс принадлежности служит для выражения конкретности. Если компоненты посессивного словосочетания характеризуются общностью значения, аффикс принадлежности множественного числа может быть сокращен. В сочетаниях *біздің еліміз – наша страна, біздің үйіміз – наш дом, біздің Отанымыз – наша Родина, біздің көршіміз – наш сосед, біздің өміріміз – наша жизнь* сокращение может быть произведено.

Сокращенная форма	Полная форма
<i>біздің ел</i>	<i>біздің еліміз</i>
<i>біздің үй</i>	<i>біздің үйіміз</i>
<i>біздің Отан</i>	<i>біздің Отанымыз</i>
<i>біздің көрші</i>	<i>біздің көршіміз</i>
<i>біздің өмір</i>	<i>біздің өміріміз</i>

Нормализация сокращения аффиксов принадлежности зависит главным образом от конкретности или обобщенности значений слов. Сокращения личных аффиксов становятся орфоэпической нормой.

В связи с речевой деятельностью в языке постоянно возникает избыточность, которую язык сам же устраняет. Устранение избыточности становится языковой нормой. Устранение избыточности, происходящее вначале в устной речи, становится орфоэпической, а затем и грамматической нормой.

Литература

1. *Крушевский Н.В.* Очерк науки о языке. Казань, 1883.
2. *Бодуэн де Куртене И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963.
3. *Суярова Г.Х.* Эволюция языка и принцип экономии. Самарканд, 1973.
4. *Мартине А.* Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960.
5. *Инфантова Г.Г.* Экономия языковых средств в синтаксисе современной русской разговорной речи. Ростов-на-Дону, 1973.
6. *Казахский язык (грамматический справочник).* Алматы, 2010.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ МАЛОКАРАЧКИНСКОГО ГОВОРА ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

А.В. Кузнецов

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары

Языки народов мира нередко имеют диалекты. Встречаются моменты, когда ученые не могут с точностью определить, диалектом известного языка или отдельным языком является тот или иной вариант языка определенной группы людей. Авторы «Лингвистического энциклопедического словаря» отмечают: «Общее число от 2500 до 5000 (точную цифру установить невозможно, потому что различие между разными языками и диалектами одного языка условно)» [1]. Таким образом, наличие на Земле диалектов разных языков ни у кого не вызывает сомнений. Тут возникает трудность другого плана: отдельно взятый язык является диалектом уже известного языка или языком большой группы людей, отдельного народа.

*Усытэм ості атай юртам пыри,
Шуньт мумькоре каллен йотски,
Оброс азын кирос кари,
Ортчем пичи дырам кадь берытски.*
(«Кӧня ползэ мон бертӧсько...»)

Через открытую дверь вошел в отцовский дом,
Притронулся к теплой матице,
Перекрестился перед божницей,
Словно вернулся в свое детство.

(«В который раз я возвращаюсь»)

Итак, образ «своего» пространства в удмуртской лирике второй половины XX века, претерпевшая определенную эволюцию, выражает национальное мировидение этноса и является важной категорией в художественном сознании поэтов.

Литература

Кофман А.Ф. Латиноамериканский художественный образ мира. М.: Наследие, 1997. 320 с.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ ЯЗЫКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ф. ХУСНИ

Э.Г. Миргаязова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

Хуснутдинов Фатих Хуснутдинович (1908–1996) народный писатель Республики Татарстан (1993), обладатель Государственной премии им. Г. Тукая (1972), автор многих рассказов, повестей, новелл, нескольких романов, пьес – также имеет труды, касающиеся вопросов авторского мастерства. Произведения писателя стали популярными среди широкого круга читателей, темы, которые ставит автор, актуальны по сей день. С 1997 г. учреждена литературная премия им. Ф. Хусни.

Стиль и язык произведений Фатиха Хусни имеет свои индивидуальные черты. Произведения названного автора имеют жизненную основу, описываемые события реальны, а герои-персонажи прототипные. Писатель использует такие изобразительные средства, как эпитеты, сравнения, метафоры, омонимы, антонимы, синонимы, фразеологизмы и др., благодаря которым язык произведений становится насыщенным и еще более привлекательным для читателей.

Для нас интересны фразеологизмы, так как они очень часто используются в языке произведений Ф. Хусни и имеют сильную эмоционально-экспрессивную окраску. Часто встречаются такие единицы, общий смысл которых в двух или более единицах может быть одинаковым или схожим. Вследствие этого образуется синонимический ряд фразеологизмов.

Изучение фразеологической синонимии языка Ф. Хусни еще раз подтверждает индивидуальность стиля автора и лексическое богатство языка, поэтому интерес к фразеоматериалу в контексте изучаемых текстов вызван необходимостью освещения не только мастерства писателя, но и некоторых общетеоретических аспектов татарской фразеологии.

В связи с этим мы обратились к произведениям Ф. Хусни, написанным в 60–80-х годах XX века.

Опираясь на классификацию, предложенную в труде М.З. Закиева и Ф.С. Сафиуллиной “Хэзерге татар әдәби теле” (Современный татарский литературный язык), мы в анализируемых текстах синонимию фразеологизмов поделили на группы **семантических, стилистических, семантико-стилистических и абсолютных синонимов**.

Понятие **семантический синоним** обычно тождественно понятию **идеографический синоним**. К идеографическим синонимам относятся идиомы, которые имеют одинаковый или схожий логический смысл, но отличаются оттенком значения и внутренней формой, т.е. компонентным составом. Подобная синонимия очень часто используется в языке произведений Ф. Хусни. Например:

Мәгәр Жүләнең ишегалды малайларына жене чыгуы – факт [Хусни: 1999, 260]. / *Но факт, что Джуля выходила из себя на дворовых мальчиков* (дословный перевод здесь и далее наш. – Э.М.).

Доресен әйткәндә, Гөлчирәнең үзен болай үтә кырыс тотуы Әсфанның ачуын да кабарта башлаган иде инде [Хусни: 1999, 269]. / *Честно говоря, такое суровое поведение Гульчире уже начало раздражать Асфана*.

В этих примерах фразеологизмы **жәң чыгу** и **ачу кабару** имеют общий смысл **злиться**. Но из контекста видно, что **жәң чыгу** означает окончанный процесс, а **ачу кабару** имеет значение продолжения действия.

Во фразеологическом словаре татарского языка к единице **ачу кабару** приводятся такие синонимы, как “*эчтә ачу хисе кузгалу*” (*зарождалось чувство злости*), “*кызу*” (*вспылить*), “*гасабилану*” (*гневаться*), а фразеологизм “*жәңе чыгу*” имеет только один синоним “*жәңе котыру*” (*беситься*).

сакральным центром, координатой пространства у удмуртов является *дом*. В структуре их художественного образа мира его важнейшая функция – связь с прошлым, ушедшим, культурная «реинкарнация» и самоидентификация. К примеру, в творчестве современного удмуртского поэта Ёшапи Ондй дом как сакральный центр реализуется следующим образом:

*Ёша выжы юртэ,
Пичи дырысь вѳтэ,
Тон таркамын но пазямын,
Кѳзоноед эгырѳемын.
<...>
Удмурт гурзэ ышитѳз ук выжые,
Муртлэсь крезьзэ шудэ ни та вие.
Нош мон вѳтме весь утчасько,
Пеньзѳм юртмес тупатъясъко.
(«Кураськись Ёша выжы»)*

Дом рода Ёша,
Мой сон из детства,
Ты разрушен и разбросан,
Половая перекладина обуглилась.
<...>
Мой род утерл удмуртский напев,
Он играет теперь на чужом инструменте.
А я свой сон всё ищу,
Испепелившийся дом чиню.
(«Мой род Ёша, просящий милостыню»)

Дом здесь становится символом «удмуртскости», воплощением этнических традиций, миропонимания и т.д., но всё это ушло в прошлое, потому что обитатели дома потеряли родной язык, культуру и образ жизни. Итак, на данном частном примере подтверждаются слова А.Ф. Кофмана о том, что «сакральный центр <...> мыслится как наикратчайшее связующее звено между настоящим и прошлым; это та точка в пространстве, где происходит максимальная актуализация прошлого» [Кофман: 1997, 57].

Дом в художественной картине удмуртов изучаемого периода воплощает в себе отношение человека с окружающим миром. Он становится антиподом хаотичного, алогичного пространства, он есть осмысленное, окультуренное пространство. Образ дома выражает идею оседлости как противостояния хаосу и воплощения космоса. Также он приобретает смысл стремления лирического героя пустить корни, найти точку опоры в окружающем мире, вместе с тем преодолеть трагическую дисгармонию со средой. Построив дом, герой обретает свое место в пространстве и самоидентификацию. Данная функция дома наиболее полно реализуется в лирике удмуртского и бесермянского поэта М. Федотова.

Через дом происходит общение с прошлым семьи и рода. Для лирического героя, ушедшего из дома в целях познания мира, характерно ностальгическое стремление вернуться в его пространство на встречу с ушедшим детством, прошлым. Данный мировой сюжет довольно широко представлен в лирике пермских народов второй половины XX века. В поэтическом контексте удмуртского автора С. Матвеева он реализуется следующим образом:

*Гур азын сылэ на-а ѳужон? –
Исьнерлэсь, шуизы, лэсьтэмын.
<...>
Со вылэ мон одно пуксьысал –
Пичи дыр выжыкыл ѳужонам...
Из квартира, монэ кутыса,
Мыжыказ пачкатэ но шона.
(«Гур азын сылэ на-а ѳужон?..»)*

Стоит ли еще перед печкой метла? –
Из прутьев, сказали, она сделана.
<...>
На него бы я обязательно сел –
На сказочную метлу из моего детства...
Каменная квартира, схватив меня,
Давит в своем кулаке и размахивает ею.
(«Стоит ли еще перед печкой метла?»)

Встреча с прошлым, детством представляет собой своего рода священнодействие, ритуал, благодаря которым восстанавливаются утраченные ценности, происходит излечение больной души, прилив новых сил. Данная функция дома обнаруживается, например, в поэтическом слове Ёшапи Ондй:

В отношении чувашского языка подобных трудностей не возникает, но имеются свои сложности. Более двух веков ведутся разговоры о специфических чертах речи чувашей, проживающих в разной местности. Еще в 1768 г. Шлецер А.Л. (Schlözer A.L.) написал о том, что в «чувашском языке различается два различных диалекта» [2]. В середине XIX в. С.М. Михайлов опубликовал передающиеся из поколения в поколение предания чувашей [3]; разговор между верховым и низовым чувашами [4]. С конца XIX – начала XX вв. (работы Н.И. Ашмарина [5], Г.И. Комиссарова [6] и т. д.) ведется научное исследование диалектов чувашского языка.

Чувашское языкознание располагает значительным количеством работ по данной проблематике. Имеются труды Г.И. Комиссарова, Н.И. Ашмарина, Т.М. Матвеева, В.Г. Егорова, Л.П. Сергеева, Р.И. Цаплиной, А.С. Канюковой, Г.Е. Корнилова, Г.В. Лукоянова, Н.И. Егорова и др. Упомянутые и другие исследователи разным проблемам диалектологии (говорам и наречиям, разграничению диалектов и говоров, принципам классификации диалектов, основным особенностям диалектов и говоров, ударения в диалектах, особенностям гласных и согласных и т.д.) посвятили десятки книг и сотни статей. Но языковедческая наука не стоит на месте, и перед диалектологами возникают другие цели и задачи. Несмотря на то, что до сих пор остается немало спорных моментов, касающихся проблемы разграничения диалектов, исследователи пришли к согласию и в настоящее время выделяют три основных диалекта чувашского языка: **верховой**, **средненизовой** и **низовой**. Наличие трех основных диалектов чувашского языка мало у кого вызывает сомнение, но продолжают споры об их названиях. Верховый диалект известен как **тури** или **вирьял**, низовой – **анатри** или **хирти**, средний, средненизовой – **анат енчи** (букв. «нижнесторонний»), **вѳта** «средний, срединный», **хутѳш** «смешанный», или даже **хутѳш каласу** (**талккѳшѳ**) «зона смешанных говоров».

Нас интересует один из говоров верхового диалекта чувашского языка. Во время социолингвистической экспедиции 2009 г. были опрошены носители малокарачкинского говора, образцы их речи были записаны на цифровые носители. Расшифровка собранного в перечисленных населенных пунктах материала показала следующее: несмотря на то, что еще в 50–60-х гг. XX в. диалектологи утверждали, что происходит нивелировка диалектов, отличительные черты всех основных диалектов все еще сохраняются, хотя наблюдается влияние литературного языка.

Как известно, по признакам вокализма чувашский язык на основной его территории можно разделить на три полосы. Первую, интересующую нас полосу, составляет группа говоров, отличительным признаком которых является оканье, под которым понимается присутствие *o* на месте тюркского *a* и *o*. Эта группа диалектов может быть названа окающей группой, а по географическому положению относительно Волги – верховым диалектом. Граница этой группы проходит на территории Чувашской Республики через следующие пункты: г. Шумерля, верховье р. Выла, с. Аликово, р. Сорма от с. Русская Сорма до ее впадения в р. Большой Цивиль, р. Большой Цивиль, с. Большие Челлы, дер. Шорга, отсюда граница по р. Цивиль (на окающей стороне остаются г. Цивильск и д. Байгеево) идет на д. Большое Шигаево и д. Малое Собачкино и выходит на Волгу.

На территории окающей группы, по мнению Л.П. Сергеева, можно выделить пять говоров:

1) сундырский; 2) моргаушко-ядринский; 3) красночетайский; 4) калининско-аликовский; 5) чебоксарский [7].

Интересующий нас говор с. Малое Карачкино входит в состав сундырского говора. По классификации Т.М. Матвеева [8], данный говор является частью козьмодемьянского говора. Граница которого проходит через следующие пункты (от Волги к Суру): с Хыркасы, дд. Ядринкасы, Анаткасы-Киняры, д. Сыбайкасы, д. Корлуй, затем по р. Моргаушке, дд. Ишелькасы, Лебедкино, Вурманкасы, Асламас, Чебаково, р. Сура.

К особенностям верхового диалекта относится следующее:

Фонетические признаки

Оканье, под которым понимается появление *o* в односложных словах и в первом слоге многосложных слов на месте общетюркского *a*. Например: чув. верх. *ора* «нога», тюрк. *айак, азах, адак, атах* «нога»; чув. верх. *хоран*, тюрк. *казан* «котел»; чув. верх. *торт*, тюрк. *тарт* «тянуть». В окающих говорах оканье наблюдается и в уменьшительно-ласкательных аффиксах: *Марок, Ман'ок* «Мария» и т.д.

Оканье в другом случае, именно сохранение тюркского *o* без изменения. Примеры: чув. верх. *хол* «плечевая часть руки, рука», тюрк. *гол* «рука»; чув. верх. *хор*, тюрк. *гой* «положить»; чув. верх. *сол*, тюрк. *йол* «дорога».

Сохранение \check{a}^0 , \check{e}^0 (< тюрк. *y*, *y*). Напр.: чув. верх. *пѳр*, тат. *боз*, тюрк. *буз* «лед». Эта особенность в вокализме является общей для верхового и среднего диалектов.

Чув. верх. *y*, *y* || низ. и сред. *ыв, ѳв, ив, ѳв*. Напр.: верх. *шу*, низ. *шыв* (*шѳв* в слове *шѳвар* «поить»), *шѳв* в слове *шѳвек* «жидкость»), тюрк. *су* «вода»; чув. верх. *йуѳ*, низ. *йывѳ, йѳвѳ*, тюрк. *агач* «дерево».

Переход сочетаний *йр, йл, йн, йт* в *р', л', н', т'*; верх. *мар'а*, низ. *майра* «русская женщина, женщина другой народности»; верх. *мыр'а, мур'а*, низ. *майяр* «орех»; верх. *сар'а*, низ. *сайра* «редко» и т.д. Из этих явлений йотации некоторые случаи встречаются и в низовых говорах.

М на месте тюрк. *н*: верх. *ылт'ам*, низ. *ылт'ан* «золото», тюрк. *алтын*; верх. *солх'ам*, низ. *сулх'ан*, тюрк. *салкын* «прохладно».

Морфологические признаки

Форма дательного пад. от слов с исходным *а, е* образуется на *-йа*, низ. *-на(-не)*; верх. *лаша-йа* «лошадь», *ёне-йа* «корову», низ. *лаша-на, ёне-не*.

Подчинение сингармонизму в осн. пад. показателя множественности: *лаша-сам* «лошади»; *ёне-сем* «коровы», но слова с исходным *й* имеют всегда в осн. пад. широкозвучное окончание: *телей-сам* «счастье», *ёскей-сам* «деверья».

Окончание положительной глагольной формы 3-го лица ед. числа наст. времени верх. *-ат**, эмфатич. *-атё*, отрицат. *-мас / -маст'*.

Вопросительной частицей во всех случаях служит *-и*, а в низ. после 2-го лица *-а(-е)*, после 3-го лица *-и* и т.д.

Малокарачкинский говор характеризуют следующие особенности:

Сильное оканье. Если взять всю окружающую территорию чувашского языка, то наиболее сильно это явление сказывается в этом районе. Здесь наблюдается не только наибольшее количество слов с *о* в соответствии с общетюркскими *а, о*, но даже встречаются слова с *о*, чего в других местах окружающих говоров совершенно нет. Слов с *о* больше всего встречается в малокарачкинском говоре. В остальных группах этот звук в соответствии с тюркским *о* сузился, изменился в *у*.

Эканье. В этом говоре имеется значительный слой слов со звуками *ä* и *э* (очень узкий звук), в соответствии с общечувашским *и*. Примеры: *пär* «мы», *пärён* «наш, у нас», *сär* «вы», *сärён* «ваш, у вас» вместо общечув. *э-пир, э-пёр* «мы», *пир-ён* «наш, у нас»; *э-сир, э-сёр* «вы», *сир-ён* «ваш, у вас», *хärёс* вм. общечув. *хирёс* «против» [9].

Наличие слоя слов с гласным *у* вместо общечув. *ы*. Например: общечув. *пыр*, тюрк. *бар*, козъм. *пур* «идти; горло»; общечув. *выль'ах*, малокарач. *вуль'ах* «скотина»; общечув. *выр*, малокарач. *вур* «жать»; общечув. *выр'ас*, малокарач. *вур'ас* «русский»; общечув. *пыл*, малокарач. *пул* «мед».

Наиболее выдержанный сингармонизм в отличие от всех остальных диалектов. Можно предположить, что это явление развилось под влиянием горномарийского языка. По крайней мере, в отношении говора с. Малого Карачкино Н.И. Ашмарин вопрос этот объясняет таким влиянием [10]. Примеры: *попля* «говорить», в других местах *попле* или *пупле*; *калях* «опять», в других местах *калех*; в глагольных формах: *калат* «он говорит», *каламас* «он не говорит», вм. *калат'*, *калат*, *каламат*, *каламатё*, *каламас* в других местах этой группы.

Сохранение плавного *р* в глагольных формах прошедших времен (прошедшее действия и состояния), в 3-м лице единств. и множ. числа повелительного наклонения и во всех формах утвердительных и отрицательных, в которых *р* состоит перед *т* [11]. Примеры: *йар* «послать, посылать, пустить, пускать», прош. действ. *йар-т'ам*, прошедшее состояния *йарн'а*, 3-го лица множ. числа повелительного наклонения *йарч'ар* «пусть посылают», *йарма* «послать» (форма супина).

Образование форм имен на *у, ү* с аффиксом принадлежности 3-го лица *-ё* без растяжения *у, ү* в *ав, ёв*. Пример: *шу-й-ё* вместо *шыв-ё* «его вода».

7) Положительная форма 3-го лица единств. числа глагола в настоящем времени оканчивается на *-ат(-ет)*: *калат* «говорит», *парат* «даёт», *килет* «идёт», *перет* «ударяет» вм. книжн. *калать / килет'*. Формы *калат, каламас* известны в средней группе чув. диалектов ближе к татарской границе и являются обычными вообще в низовых говорах, но в последних в узкозвучных словах сингармонизм выдерживается. Получается произношение, приблизительно сходное с русским в словах *нет, кот*. По-видимому, здесь мы имеем дело просто с частным случаем общего явления, заключающегося в тенденции к отвердению после узкозвучных гласных вообще и других согласных. По крайней мере этому закону, насколько удалось установить, подчиняется еще *н*. Например, слово *пин* «тысяча» здесь произносится *пинь*, а не *пин'*.

Материалы экспедиции 2009 г. отчетливо показывают, что приведенные особенности сохранились. Московский исследователь О.А. Мудрак, участвовавший в работе экспедиции, обратил внимание на наличие в данном говоре такой согласной, как *β*. Нами был опрошен ряд носителей диалекта и удалось зафиксировать губно-губной звук *β* (соответствует губно-зубному *в* других диалектов и литературного языка) в слове *пёβэр* «почка». До этого никто из исследователей не обращал внимание на это явление

ОБРАЗ «СВОЕГО» ПРОСТРАНСТВА В УДМУРТСКОЙ ЛИРИКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА: К ПРОБЛЕМЕ ЭВОЛЮЦИИ

А.А. Клементьев

Институт повышения квалификации и переподготовки работников образования
Удмуртской Республики, г. Ижевск

Художественное пространство и время являются важнейшими координатами национального мира в литературе. В данной статье мы делаем попытку изучить своеобразие «своего» пространства в удмуртской лирике второй половины XX в.

Исследователь латиноамериканского художественного мира А.Ф. Кофман утверждает, что «художественный образ «своего» пространства, каким он складывается в искусстве и литературе тех или иных народов, является важнейшей частью национальных или региональных литератур» [Кофман: 1997, 25]. Образ «своего» пространства находит своеобразное воплощение и в удмуртской лирике. В поэтической системе удмуртских авторов второй половины XX века он реализуется через категорию родины, имеющей богатую и сложную семантику. Но лишь в 1980–1990-е гг. поэты посредством художественного слова стремятся в первую очередь презентовать, транслировать человечеству свою этническую среду, особенности национального мировидения через традиционные пространственные мифологемы дома, дороги, леса и т.д.

Значимость пространственных категорий в художественном сознании удмуртского народа, на наш взгляд, отчасти объясняется природно-климатическими особенностями среды его обитания, освоением лесных территорий в Предуралье, ставших «своим», окультуренным пространством, постоянным возвращением лирического героя к началу начал – семейно-родовому очагу как к наивысшей сакральной ценности. «Своим», окультуренным пространством в удмуртской лирике изучаемого времени, прежде всего, являются родной край, родная земля, родной дом. Приведем пример из лирики удмуртского и бесермянского поэта М. Федотова:

<i>Кинлы кытчы,</i>	Кому куда,
<i>Нош мон – аслам гуртам.</i>	А мне – в родную деревню.
<i>Отын – дунне,</i>	Там – целый мир,
<i>Отын – адымлык. <...></i>	Там – человечность. <...>
(«Кинлы кытчы...»)	(«Кому куда»)

Родная деревня в поэтическом мире М. Федотова воплощает одну из наивысших ценностей мира – человечность, гуманность.

Одну из координат удмуртского пространства можно обозначить термином «сакральный центр». В этом центре проходит Ось Мира. Именно вокруг него происходит самоорганизация удмуртского мира. Он несет смысл идентичности этноса. Такими сакральными центрами в удмуртском образе мира являются, например, *Мудор Кыз* (мать леса), *дом, очаг*. Заметим, *Мудор Кыз* в удмуртском этнокультурном контексте есть воплощение образа Мирового древа. Этнограф и поэт В.Е. Владыкин о Мудор Кыз, являющим собой своеобразный символ удмуртской идентичности, говорит следующим образом:

Нюлэскын кукэ но улэм, будэм пересь мудрон кыз.
Нимало сое вылэм Мудор Кыз.
Со, пе, Нюлэслэн мумиз вылэм, оло, быдэс Музьемлэн со мумиз вал.
Мудор Кыз ныке вылэм Инбамез, медаз со музьем вылэм усь шуыса.
Шунды шутэтскылэм солэн вылэй улвайёсаз.
Со Мудор Кыз выжсы улысь вордске вылэм жильыр-жилыыр пичи ошмес,
Кудйиз быдзым Тодьы Камез кылдытэ вылэм.
Кыдэжысь-кыдэжысь вулйиллям калыкжэс Мудор Кызлы йыбырттыны.
(«Быдзым Крезьлэн гурез»)

В лесу когда-то жила, росла старая мудрая ель.
Звали ее Мудор Кыз.
Говорят, она была матерью леса, может, матерью всей Земли.
Мудор Кыз подпирала Небо, чтобы оно не упало на Землю.
Солнце отдыхало на ее верхних ветвях.
Из-под корней Мудор Кыз родился звонкий маленький родник,
Который превращался в великую Белую Каму.
Издали приходили люди поклониться Мудор Кыз.

(«Напев Быдзым Крезь»)*

С течением времени семантика сакрального центра изменялась и усложнялась. В частности, она приобрела значение счастливого локуса, места, где открываются высшие цели и смыслы. Таким

* Здесь неполное смягчение *т*.

* Подстрочный перевод здесь и далее наш. – А.К.

Национальная самобытность является основой сохранения исторического этноса. Осознание своей идентичности посредством изучения явлений прошлого позволяет лучше понять процессы, происходящие в современном обществе. Во многом это связано с попыткой народа по-новому осмыслить свое духовное наследие, а также свою роль и место в мире.

Писателям в решении проблем национальной самобытности часто приходится обращаться к фольклорно-мифологическим истокам. В трагедии «Серебряное войско» М. Карягиной серебряное войско, Ама (богиня-мать) выступают как образное воплощение национальной идентичности. Внимание автора сосредоточено на анализе скрытого мира изначальных качеств чувашской души и чувашского бытия. Стремление воссоздать прошлое народа через устное творчество мы видим и в драме татарского драматурга Р. Хамида «Ханская дочь», где Сююмбике – возвышенно-трагический образ, придающий философскую направленность в определении судьбы татар: она и чувствительная мать, страстно любящая своего ребёнка, и мать татарской нации, всем сердцем любящая свою страну, всей душой переживающая за будущее своего народа. Каждый писатель в своих творениях передает мышление, мировосприятие своего народа.

В настоящее время мы ищем новые подходы в исследовании взаимодействий отдельных национальных литератур, и компаративистский анализ помогает выявить идентичность, своеобразие, самобытность каждой литературы.

Процесс осознания национальной идентичности является реальностью и межлитературного диалога, одним из факторов, направляющих его развитие. Так, перевод на русский язык стал для многих произведений чувашской литературы каналом для более широкого международного распространения – ведь из-за сравнительно малой известности чувашского языка как передача информации о чувашской литературе, так и переводы ее произведений на другие языки нередко осуществлялись через посредство русского языка.

Существенным фактором стало изучение чувашской литературы региональным литературоведением и критикой. Из региональных литературоведов можно отметить Р.А. Кудрявцеву, Т.Г. Пантелееву, Т.И. Зайцеву и др., которые рассматривают чувашскую литературу в контексте литератур народов Урало-Поволжья. Если Р.А. Кудрявцева и Т.Г. Пантелеева уделяли в своих исследованиях особое внимание новаторским качествам чувашского рассказа, то Т.И. Зайцева – обобщенно-философскому контексту исканий литературы второй половины XX в.

Применительно к литературам «малых» народов чаще всего преобладают два разных подхода — либо с позиции данного народа и генезиса его национальной культуры, либо с точки зрения окружающих этот этнос «больших культурных народов, исторически проникавших в регион его обитания, где сферы их культурных влияний перекрещивались» [Бассель: 2002, 45]. В первом случае из-за боязни ущемления своей национально-культурной идентичности, недооценивается более широкий межлитературный контекст. Во втором – прослеживается устаревший подход к «малым» народам, входившим в сферу охвата своих более сильных и многочисленных соседей, а в их литературах при этом преувеличивается роль влияний, идущих от «больших культурных народов». Чувашская литература нередко оказывалась на линии пересечения разнообразных влияний – как культурно-языковых и религиозных (монголо-татарское иго и ислам, русская культура и православие наряду со своими богатыми традициями и языковым миропониманием), так и собственно литературно-эстетических.

И тут же предлагается третий подход – «компаративистский, рассматривающий литературу данного этноса как национально-своеобразную, но в то же время составную часть региональных культурных (или межлитературных) общностей, в ее разнообразных контактных связях и типологических схождениях с литературами других народов» [Бассель: 2002, 45].

Данный подход весьма объективен: чтобы стать полноправным объектом компаративистики, в ней прежде всего должна выражаться национальная специфичность. А потом уже уровень эстетического развития, наличие классических произведений и, конечно же, качественных переводов.

В настоящее время идут поиски новых подходов в исследовании взаимодействий отдельных национальных литератур. И компаративистский анализ помогает выявить идентичность, своеобразие, самобытность каждой литературы.

Литература

- Бассель Н. Проблемы межлитературных отношений: вчера и сегодня // Вопросы литературы. 2002. № 6. С. 1–46.
 Зайцева Т. И. Удмуртская проза второй половины XX – начала XXI века: национальный мир и человек: монография. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2009. 374 с.
 Кудрявцева Р.А. Марийский рассказ XX века (история и поэтика жанра): монография. Йошкар-Ола, 2008. 208 с.
 Пантелеева Т.Г. Поэтика удмуртского рассказа. Монография. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2008. 190 с.

фонетики. К сожалению, других примеров употребления звука *β* нам зафиксировать не удалось. Пока этот пример выглядит исключением, необходимы новые исследования в этом плане.

Как известно, в тюркских языках гласные образуют пары по твердости-мягкости, в чувашском языке имеются следующие пары: *a – э (ä), ä – ё, o – ö, y – ъ, ы – и*.

Во многих работах, посвященных верховому диалекту, мы видим в основном одно слово *пöрт* «дом», в малокарачкнском говоре этот звук содержат лексемы *пöкё* «дуга; дужка», *кöленчёк* «лужа», *кöпчэмэ* «белый гриб», *шöрбэ* «суп», *кöэнтэ* «коромысло», *тöрэчэ* «окно» и т.д. (Следует отметить, что подобный звук, вопреки существующему мнению, встречается и в других говорах средненизового диалекта. Так, запись и электронная обработка показала, что в турмышском говоре в слове *пүрт* «дом» встречается звук, очень близкий к малокарачкнскому *ö*, который можно обозначить как дифтонг *ö̥, ү̥* или *ö̥̆, ү̥̆*, что обнаружил О.А. Мудрак).

К лексическим особенностям малокарачкнского говора мы можем отнести:

термины родства и свойства:

паппи «бабушка», *тётти* «дедушка», *апи* «анне», *эки* «старшая сестра», *йэнки* «жена старшего брата», *шайкъл* «младший брат»,

еда, питье, фрукты и овощи:

лэшкэ «суп», *паранк* «картофель», *энис* «укроп», *орэн* «пахта»

животные и птицы:

чёнё сүри «цыпленок», *варани* «воробей»,

предметы одежды:

ом арки «фартук»,

утварь, предметы быта, строения:

пилэ «пила» (вместо *пйчкй*), *янтар* «бутылка», *миска* «кастрюля», *столь* «стол», *молча* «баня», *сайкак* «сарай; хлев»

имена прилагательные:

патлорт «большой, тучный (о человеке)», *прамой* «хороший, порядочный», *шотлй* «исправный, хороший, красивый», *сәнё сөк* «бесцветный, выцветший»

глаголы:

пётислен «состарившись согнуться», *сйккйрё* «ужалила (змея)», *сöрлэ пыр* «распутываться (о нитках)» вместо *сүтёлсе пыр*, *этрём* «спросил» вместо *ыйтрём*, *шу көрт* «занеси воду (в дом)» вместо *шыв йсса кёр* или *шыв илсе кёр*, *ёслемесси ара?* «не работает что ли?» вместо *ёслемест-и вара?* и т.д.

Ряд числительных также имеет свои особенности. Здесь мы видим как стандартное соответствие звуков *y* и *o*, так и локальные особенности, выраженные в соответствии лит. *йва* и малокарач. *a*, лит. *и* и малокарач. *э (ä)*, лит. *н'* и малокарач. *н*. Сравните:

малокарач.	лит.
<i>пёрре</i>	<i>пёрре</i>
<i>иккё</i>	<i>иккё</i>
<i>виççё</i>	<i>виççё</i>
<i>таттй</i>	<i>тйваттй</i>
<i>пиллёк</i>	<i>пиллёк</i>
<i>олттй</i>	<i>улттй</i>
<i>çиччё</i>	<i>çиччё</i>
<i>саккйр</i>	<i>саккйр</i>
<i>тйххйр</i>	<i>тйххйр</i>
<i>воннй</i>	<i>воннй</i>
<i>сэрём</i>	<i>сйрём</i>
<i>вйтар</i>	<i>вйтар</i>
<i>хёрёк</i>	<i>хёрёк</i>
<i>аллй</i>	<i>аллй</i>
<i>отмйл</i>	<i>утмйл</i>
<i>çитмёл</i>	<i>çитмёл</i>
<i>сакйрвоннй</i>	<i>сакйрвоннй</i>
<i>тйхйрвоннй</i>	<i>тйхйрвоннй</i>
<i>çёр</i>	<i>çёр</i>
<i>татçёр</i>	<i>тйватçёр</i>
<i>олтçёр</i>	<i>ултçёр</i>
<i>пинь</i>	<i>пин</i>

Местоимения также имеют свою специфику. Эту особенность исследователи отмечали и век назад, они сохраняются и в настоящее время:

малокарач.	лит.
эп	эп(ё) «я»
эс	эс(ё) «ты»
вӑл	вӑл «он, она, оно»
пӑр / пӑр	эпир «мы»
сӑр / сӑр	эсир «вы»
вӑсам	вӑсем «они»

К морфологическим особенностям можем отнести следующее:

- вместо аффикса *-ч(ч)ё* малокарачкинцы используют *-шӑ* (*лартсаишӑ* «давно посадил было» вместо *лартнӑччӑ*),

- вместо усилительной частицы *-ах (-ех)* употребляется *-ак (-ек)* (*ёссек йӑр* «выпить все»),

- вместо частицы *-ске* здесь распространено *-сӑ* (*калап-сӑ* «говорю же» вместо *калатӑп-ске*),

К русским заимствованиям относятся:

алӑ пили «ножовка», *пилӑ* «пила» (вместо *пӑчкӑ*), *янтар* «бутылка», *миска* «кастрюля», *стӑль* «стол», *вос* «воз»,

К марийским заимствованиям можем отнести: *петелӑш* «цветок», *йӑлӑ* «червяк»

Служебные части речи также содержат свои особенности. Среди них особо выделяются:

кап «подобно» вместо *пек* (лит. *ун пек*, малокарач. *он кап*),

салак «все равно» вместо *савак*;

Распространены морфосинтаксические особенности выраженные в явлении внешнего сандхи:

ёссӑр «выпей» (*ёссе + йӑр*), вм. лит. *ёссе яр*;

иӑнкартсӑртӑм «ударил в нос» (*иӑнкартса + йӑртӑм*), вм. лит. *иӑнкартса ятӑм* и др.

Т.М. Матвеев писал: «Следует особо подчеркнуть обилие марийских лексических проникновений». Этот тезис давно укоренился в чувашском языкознании. При анализе диалектов, при исследовании чувашско-марийских, тюркско-финно-угорских контактов ученые практически всегда подчеркивают этот факт. Но анализ так называемых марийских заимствований в чувашском языке с использованием электронных тюркских, финно-угорских, монгольских, иранских и т.д. словарей показал, что некоторые лексемы в других финно-угорских языках не встречаются, а локализовались только в нескольких населенных пунктах, соседствующих с селом Малое Карачкино. Фонетический облик не позволяет пока точно установить их происхождение, т.к. подобные лексемы не встречаются не только в финно-угорских, но и в тюркских, иранских, монгольских, славянских языках.

Участники экспедиции не нашли подтверждения утвердившегося в чувашском языкознании мнения о том, что данный говор основан на марийском языке и основную часть лексики составляют марийские слова. В процентном соотношении марийские заимствования в данном говоре составляют примерно столько же, сколько и в литературном чувашском языке, и относятся к разделу лексики, выражающей принадлежность объектов к лесу, насекомым, влажным, мокрым и слизистым вещам, животным.

Небезынтересным представляется сравнение содержащих дифтонги, с чувашскими заимствованиями в марийском языке. Например: *кӑвакар* ~ *коакар* «синеть, багроветь», *кӑвакарчӑн* ~ *коакарчӑн* «голубь» > мар. *Кӑгӑрчен* вытесняются из употребления в говоре верховых чувашей.

Говоры ВД характеризуются следующим комплексом важнейших различительных признаков

Лингвогеографическое изучение сундырского говора позволило выделить в нем два подговора – сундырский и малокарачкинский. Последний подговор, обстоятельно изученный в свое время Н.И. Ашмариним, представляет собой своеобразный уголок чувашской языковой общности, в котором сохранились многие архаические черты. Малокарачкинский подговор выделяется от сундырского и других говоров ВД:

а) наличием губного переднего ряда, соответствующего ь других говоров: *пӑрт* «дом, изба», *сӑре* «ходить», *йӑнӑ* «дешевый»;

б) звуковые комплексы *ӑва* и *ёве* в этом подговоре через ступень *оа*, *ое* превратились в долгий гласный: *чааш* (*чоаш* < *чӑваш* «чуваш», *хӑел* (< *хоел*, < *хӑвел*) «солнце»;

в) очерчивается изоглоссами лексических явлений: *пӑппи* «бабушка со стороны отца», *тӑттӑ* «дедушка со стороны отца», *вилӑ карти* «кладбище», *кӑлчӑк* «подушка» и др.

Очень характерным является употребление *с* вместо *с* других говоров и литературного языка: *ста* «где», *ниста* «нигде», *пасӑр* «давеча».

Несмотря на определенные параллели с особенностями поэтики «Грозы» русского классика, пьесы «Любовь» и «Гина жизни» представляют собой совершенно неповторимое, индивидуальное творение А.И.Софронова, в которых отчетливо проявляется огромный талант драматурга создавать остроконфликтные ситуации и характеры, строить целостное, единое психологическое действие, в котором каждое слово, каждая ремарка способствуют раскрытию центральной идеи произведения. Национальное своеобразие в пьесах выражено не только в создании национального характера в национальной действительности, но и в особенностях авторского мироощущения, восходящего к народной философии.

ПОНЯТИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ КОМПАРАТИВИСТИКЕ

И.Ю. Кириллова

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары

Сама по себе национальная теория должна обладать свойством распознаваемости. В отношении развития отдельных литератур она должна быть оригинальна и одновременно понятна для других. Иными словами, национальная литература, проходя индивидуальное становление, развиваясь в межлитературном диалоге, должна восприниматься другими, не теряя своей специфичности. Изучение этой специфичности в рамках компаративистских исследований облегчило бы понимание самого литературного процесса. Повышенный интерес к компаративистике в литературоведении объясняется не только причастностью к решению собственно теоретических проблем отдельных литератур и практической значимостью полученных результатов, но и непосредственной связью с изучением литературы в контексте создавшей ее культуры.

Обычными для современного литературоведения понятиями стали «специфичность», «самобытность», «своеобразие литературы», являющиеся в некотором роде синонимами. Но они, как выяснилось, не могут передавать саму уникальность литературы, а выражаются только как «частное некоего общего». Идентичность – это все-таки понятие свободное от эмоций, означает самоидентичность, «возвращение в себя, выходящее из себя», собственное. Мы рассматриваем идентичность как теоретическую категорию, которая хорошо рассматривается применительно к компаративистике.

Компаративистика исследует отдельные литературы, литературные общности в сравнительном и сопоставительном аспекте. Сопоставление отличается от сравнения. М.М. Бахтин отмечает, что каждая культура уникальна сама по себе, культуры не сливаются, не смешиваются, а лишь взаимообогащаются при контакте. То общее и интересно для сопоставления. Именно при сопоставлении предполагается сохранение уникальности, фиксация идентичности литератур. Каждая литература осознает свою идентичность на фоне других литератур, в отношениях с ними.

Национальная самобытность проявляет себя в различных сферах жизни нации в самых многообразных формах. Проблема национальной идентичности литературы становится одной из ключевых в современной эстетике. Это очень показательно для нашего времени, когда широкомасштабные процессы экономической и политической интеграции размывают этнокультурные границы, создавая возможность как новых культурных синтезов, так и разрушительных тенденций. Именно сейчас, когда мир переживает период глобальных социальных и культурных изменений и возникает потребность в своеобразном осознании себя в мировой культуре, определении в ней своего места, в том числе и путем осмысления своего исторического прошлого.

Проблема национальной идентичности литератур становится весьма актуальной при компаративистском подходе к историко-литературному процессу. Рассматривая отдельные национальные литературы в тесном взаимодействии друг с другом, соотнося их с общими тенденциями развития и закономерностями мирового литературного процесса, мы не можем оставить без внимания идентичность каждой из них. Национальное своеобразие литературы в первую очередь выявляется при исследовании ее в аспекте проблем историзма и национальной самобытности.

Для чувашской общественности проблема национальной идентичности всегда была актуальной, а ее постановка почти всегда осуществлялась в драматической форме. Проблема возникла еще в начале XX века, когда пробуждение национального самосознания в Чувашии проходило на фоне тревожных революционных событий. Чувашская интеллигенция 20–30-х годов стремилась к национальной самобытности, но вопрос о соотношении европейской начала с началом исконно чувашским решался по-разному отдельными группами лиц, различными по своей социальной природе.

В чувашской литературе проблема самобытности чувашского народа нашла художественное воплощение в произведениях М. Федорова, И. Юркина, И. Тхти, Ю. Скворцова, А. Тарасова, М. Карягиной и др.

Решающее влияние на формирование концепции театра в Якутии оказали программные выступления «отца русской драмы» А.Н. Островского о театре и драматургии. Понимание театра как просветительского учреждения ложится в основу программы строительства национального театра, предпринятого А. Софроновым. В Якутии начала XX в. с менее развитой формой общественной жизни значение театрального элемента в культуре оказалось неоценимым.

По инициативе и при активном участии А.И. Софронова в Якутии в начале прошлого века зародилось театральное искусство. В 1909–1914 гг. в г. Якутске состоялись спектакли по пьесам Н.В. Гоголя «Женитьба», Л.Н. Толстого «От нее все качества», А.П. Чехова «Предложение». А.И. Софронов в этих спектаклях выступил одновременно в качестве переводчика, режиссера и актера. Именно в этот период, в процессе активной работы над переводами произведений великих русских писателей, сценическими постановками бессмертной классики, происходит формирование начинающего писателя как драматурга, развитие его драматургического таланта, театрального мышления, которыми он был наделен от природы. Вдохновленный успехом постановок, А. Софронов начинает создавать собственные драматические произведения.

В плане выявления межлитературных контактов якутской литературы интерес представляют пьесы А.И. Софронова «Любовь» (1915) и «Тина жизни» (1918), созданные в традициях драмы Островского. Пьесы А. Софронова, как на это указывали исследователи, не просто являются творческим переосмыслением сюжетной основы драмы А. Островского. Речь идет о глубоких творческих контактах, связанных с вопросами поэтики драматургии двух писателей. В драмах якутского писателя проявилась существенная модификация сюжетной ситуации «Грозы». А.И. Софроновым пьеса А.Н. Островского как бы разделяется на два самостоятельных произведения. Сюжетную основу пьесы «Тина жизни» составляет конфликтная ситуация «невеста – свекровь», а в пьесе «Любовь» из «Грозы» берется мотив любви.

В указанных пьесах А. Софронова конфликт носит социально-бытовой характер, он возникает на почве семейных отношений, но имеет глубокую историческую основу. Персонажи в пьесах Софронова Кэтириис и Маайыс, подобно героиням Островского, олицетворяют трагизм женской судьбы и экзистенциальное сознание личности, ставшей жертвой социальной действительности. Драматический конфликт в них возникает как результат неприятия героями «законов» общества. Изображенный в пьесах отдельный случай из жизни одной семьи выходит за ее пределы, приобретая социальное, даже философское звучание. Как и в драмах русского классика, у А. Софронова конфликт строится на столкновении двух полярных сил, выражаясь в противостоянии жертвы и власти, воли и неволи. У Островского, как правило, бытовой конфликт в конечном счете модифицируется в социальный, когда позиция «герой/герой» переходит в «герой/среда». Эту особенность трактовки конфликта мы обнаруживаем и в драмах якутского писателя.

В своих пьесах А.Н. Островский демонстрирует динамику настроения, психологическое состояние героя в различных жизненных ситуациях, что позволяет говорить о процессе психологизации драмы, начатом А.Н. Островским уже в период второй половины XIX века и активно продолженным А.П. Чеховым в конце XIX – начале XX века.

А. Софронов как драматург тонко чувствовал природу и технику драматического жанра, что позволило ему чутко уловить эту жанровую специфику и продуктивно развивать ее в своих произведениях. В рассматриваемых драмах акцент делается на исследовании движений души героя, динамики и эволюции его характера.

В пьесе «Тина жизни» мы сталкиваемся с не менее важным свойством драматургии А. Островского – поликонфликтной структурой драмы, когда сюжетная ситуация разворачивается вокруг нескольких персонажей. Важно заметить, что по сравнению с «Тиной жизни», написанной в 1918 г., пьесе «Любовь», созданной в начальный период творчества, в 1915 г., в большей степени присущи самобытность и самостоятельность авторского стиля. Это говорит в пользу утверждения о том, что процесс наследования традиций идет не линейно, а скачками. А.И. Софронов обращается к особенностям поэтики А.Н. Островского, к его художественному опыту не только в начальный, но и в зрелый период своего творчества.

Типологические связи между двумя писателями обнаруживаются в интерпретации проблемно-тематического поля. Проблемой осмысления трагической судьбы женщины в условиях патриархально-феодалного строя определяется наличие в пьесах А.Н. Островского и А.И. Софронова жанровых составляющих трагедии, проявляющихся в особенностях конфликта и способе его реализации, в трактовке героя. Драматизм социально-исторической эпохи, жестокость среды и быта, приводящие к безысходности и отчаянию, в одинаковой степени воспринимаются писателями-классиками в трагическом ключе. Этим и объясняется жанровая неоднородность пьес А.Н. Островского и А.И. Софронова, сочетание в одном произведении жанровых составляющих драмы и трагедии.

Имеется ряд лексических изоглосс, конфигурация которых имеет картину, сходную с границей двух говоров: *чым* «кувшин», *пошут* «всадник», *чён сур* «цыпленок», *паранк* «картофель», *ййльн* «уствовать», *пичи* «деверь, старший брат мужа».

Данное утверждение является для других исследователей диалектов чувашского языка сигналом к всестороннему исследованию группы населенных пунктов, в которых распространены особенности малокарачклинского типа, на предмет выявления финно-угорских, славянских и др. заимствований, а также древних собственно чувашских форм всех строевых уровней языка, часто принимаемых за марийские.

Материалы экспедиции 2009 г. отчетливо показывают, что изоглоссы не совпадают с границами административно-территориальных единиц, и даже при близком расположении населенных пунктов наблюдаются различия как фонетического, так и лексического плана.

Таким образом, в результате исследования удалось прийти к следующим выводам:

1. На границе Ядринского, Моргаушского районов Чувашской Республики и граничащих населенных пунктов Республики Марий Эл образовалась зона, сохранившая, очень вероятно, архаичные черты древне-чувашского языка.

2. Простое анкетирование и опрос относительно отдельных фонетических и морфологических особенностей лексем не всегда дает адекватные сведения. Нередко лишь запись на аудио- или видеокассету позволяет определить те или иные черты.

3. Нередко диалектологи утверждают, что малокарачклинский говор сложился в результате наложения чувашского языка на марийский, поэтому основную часть лексики составляют марийские слова. Данное утверждение не соответствует действительности. В малокарачклинском говоре марийские заимствования составляют примерно такой же процент, сколько и в литературном языке.

4. В данном говоре обнаружен согласный губно-губной звук β , пока не зафиксированный в других говорах и диалектах.

5. Несмотря на то, что еще в 50–60-х гг. XX в. диалектологи утверждали, что происходит нивелировка диалектов, отличительные черты диалекта, говора в обследованном населенном пункте Ядринского района все еще сохраняются.

Литература

1. Языки мира / Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 609.
2. *Schlözer A.L.* Probe Russischer Annalen. Bremen und Göttingen. 1768. S. 105-106. Цит. по: *Сергеев Л.П.* Чăваш диалектологийĕ. II. Хрестомати. Шупашкар: И.Я. Яковлев ячĕллĕ Чăваш патшалăх педагогика университетĕ, 2002. С. 5.
3. Предания чуваш // Казанские губернские ведомости. 1852. № 24, 25, 28 (часть неофициальная).
4. Разговор анатры, то есть низового чувашина, с виреялем, то есть верховым чувашиним // Михайлов С.М. Чувашские разговоры и сказки. Казань, 1853. С. 3–9.
5. *Ашмарин Н.И.* Материалы для исследования чувашского языка. Казань, 1898. С. II–V.
6. *Комиссаров Г.И.* Чувашаи Казанского Заволжья // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Том XXVII. Вып. V. Казань, 1911. С. 429–432.
7. *Сергеев Л.П.* Диалектная система чувашского языка: Монография. Чебоксары: Чувашгоспедуниверситет им. И.Я. Яковлева, 2007. С. 352–359.
8. *Матвеев Т.М.* Краткий обзор чувашских диалектов (Опыт районирования) // Материалы по чувашской диалектологии. Вып. 1. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1960. С. 8–79.
9. *Ашмарин Н.И.* Материалы..., стр. 350, ,
10. *Ашмарин Н.И.* Материалы..., стр. 349.
11. *Ашмарин Н.И.* Материалы..., стр. 306.

TUVAN – MINORITY TURKIC LANGUAGE OF SIBERIA

I.A. Smetanina
Chuvash State University, Cheboksary

Тувинский язык относится к миноритарным тюркским языкам. В статье рассматриваются особенности его фонетики, грамматики и лексики. Заключительная часть посвящена тувинской письменности.

Tuvan is spoken by 150-200,000 people in the Republic of Tuva in south central Siberia. It is linguistically classified as a Northeastern or Siberian Turkic language, closely related to several other Siberian Turkic languages including Yakas and Altai languages.

Tuvan, as spoken in Tuva, is principally divided into four dialect groups: Western, Central, Northeastern and Southeastern.

The Central dialect forms the basis of the literary language and includes the Ovyur and the Bii-Khem sub-dialects. The Western dialect is spoken near the upper course of the Khemchik River. Northeastern, also known as the Todzhi dialect, is spread near the upper course of the Bii-Khem River and contains a large vocabulary related to hunting and reindeer breeding not found in the other dialects. And finally, Southeastern demonstrates the most influence from the Mongolian language.

Other dialects include those spoken by the Dzungar, the Tsengel and the Dukha bands of Tuvans, but currently these dialects are not comprehensively documented.

Tuvan stands out among the Turkic languages in several ways.

It has three sets of phonemic vowels: plain, long, and creaky voice. Word-initially obstruents exhibit a contrast between unaspirated/aspirated or voiced/voiceless, depending on the speaker. There is also a phonemically marginal series of long nasalized vowels.

Tuvan has only one inflectional series for verbs, preferring enclitic pronominals in most forms (in main clauses).

The lexicon of Tuvan is characterized by a larger number of Mongolian loans than in other Turkic languages of southern Siberia. Mongolian derivational affixes often appear with Turkic roots. Modern Tuvan has also borrowed extensively from the Russian language. Russian loans are numerous, and in the speech of certain younger residents of the capital city, contact-induced restructuring can be observed.

There are also a number of loans in Tuvan from Chinese, Tibetan, and even Sanskrit, though usually through a Mongolian intermediary; these words are predominantly in the religious or political spheres, or refer to cultural items diffused from those areas. Finally, there are a small number of words in Tuvan from other, now extinct (and in part assimilated to Tuvan linguistically), languages belonging to the Yeniseian and Samoyed families. Thus, the lexicon of Tuvan reflects the diverse and complex history of socio-cultural contacts of the Tuvan people.

In the past, Tuvan was written with the Mongolian script. The Latin-based alphabet was devised in 1930 by a Tuvan Buddhist monk, Mongush Lopsang-Chinmit. Several books, including primers intended to teach adults to read, were printed using this writing system:

ABCDEF GHIJKLMNOPRSTUVXYZZЬ

а б в г д е ж з и й к л м н њ о о р р с с т т у у в х х y z z ь

By September 1943, this Latin-based alphabet was replaced by a Cyrillic-based one. The current Tuvan alphabet is a modified version of the Russian one, with three additional letters: Ң ң (Latin «ng» or International Phonetic Alphabet [ŋ]), Ө ө (Latin «ö» or [ø]), Ү ү (Latin «ü» or [y]). The sequence of the alphabet follows the Russian ABC exactly, with Ң located after Н, ө after О, and Ү after У:

АБВГДЕЁЖЗИЙКЛМНЊОӨПРСТУҮФХЦЧШЩЬЫЬЭЮЯ

а б в г д е ё ж з и й к л м н њ о ө п р с т у у ф х ц ч ш щ ь ы ь э ю я

In the post-Soviet era, Tuvan and other scholars have taken a renewed interest in the history of Tuvan letters.

ВАРИАТИВНОСТЬ ЛЕКСЕМ В АСПЕКТЕ НОРМАЛИЗАЦИИ ЦЕРКОВНО-БОГОСЛУЖЕБНОГО СТИЛЯ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

О.Р. Студенцов

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары

В чувашской филологии 1871–1917 годы известны как яковлевский период, который выделяется значительными показателями в области чувашского книгоиздания. В это время было издано более тысячи книг, которые в широком смысле можно назвать чувашскими, из них более семисот названий собственно на чувашском языке. Число переводов и оригинальных текстов религиозного содержания, по нашим подсчётам, приближается к 500. До сих пор они остаются мало исследованными. В данной статье предпринята попытка классифицировать случаи вариативности лексем и определить их значение в нормализации церковно-богослужебного стиля чувашского языка.

Под вариантами в нашей работе понимаются разные проявления одной и той же сущности, напр., видоизменения одной и той же единицы, которая при всех изменениях остается сама собой [ЛЭС: 1990, 80]. Вариативность – способ существования и функционирования всех единиц языка и системы языковой в целом.

В результате фронтального просмотра религиозных текстов нами обнаружено около 800 вариативных лексических единиц. В данной статье будет кратко рассмотрена часть из них. Их можно условно разделить на четыре группы по способу их подачи в чувашских переводных текстах (здесь приводятся в основном лексические варианты без указания их паспорта ввиду значительного его объема):

национальных его особенностей. В целом, эволюция его свободного стиха шла в сторону постепенной прозаизации: удлинение слогового объема, изменение членения стихов, переход к грамматическому верлибру и, как итог, чистая прозиметрия, переложение прозаических текстов в версейную форму. Об этом свидетельствует более чем 30-летняя практика его употребления в поэзии А. Старостина.

Также нами дана типологическая характеристика жанра драматической поэзии в современной поэзии как прозиметрума, где в качестве исходного материала взяты новаторские поэмы Р. Багатайского. Как показал анализ, релевантными для драматических поэм Р. Багатайского в качестве прозиметрумов являются следующие признаки:

1) закреплённость родовой нагрузки: стихотворные части выражают в основном личностное отношение автора, а прозаические берут на себя роль философско-повествовательного контекста; 2) тенденция к увеличению объема прозаического материала; 3) закреплённость и равномерность места включения прозаических фрагментов; 4) использование разнообразия форм стиха и прозы; 5) резкая смена стиха и прозы по контрастному принципу, отличающаяся и шрифтовым исполнением; 6) разграничение авторства частей прозиметрума: так, стихи написаны самим автором, а проза представляет собой сочетание в рамках одного текста фрагментов, принадлежащих не только разным авторам (ученым, политическим деятелям, журналистам, писателям и др.), но и разным национальным литературам и эпохам. Иногда встречаются случаи включения стихового материала других авторов; 7) переход от одного типа речи к другому со сменой субъекта повествования как в диалоговой, так и монтажной форме; 8) наличие авторских предисловий и отдельных комментариев, берущих на себя определенную смысловую нагрузку, которая позволяет автору выразить свое отношение к героям произведений, событий. Таковы пока начальные наблюдения над особенностями современной драматической поэмы как прозиметрума, поскольку он изучен еще недостаточно, что затрудняет вывод более широкого спектра обобщений.

Как показал анализ, тенденция к прозаизации стиха обнаруживает себя на протяжении всей творческой эволюции Р. Багатайского и находит свое законченное выражение в жанре драматической поэмы как прозиметрума, объединившем в себе такие характерные для современного стиха явления прозаизации, как монтаж стиха и прозы, циклизация.

Дихотомия стиха и прозы носит относительный характер, но она затронула в современной поэзии и такие фундаментальные категории, как жанр – стиль – метод на уровне размывания границ между лирикой, драмой и эпикой, создания сверхстиховых единств: циклизации и книг стихов. Разрушение негласно установленных границ «родов» и «видов», стилей и методов в целом происходит в творчестве поэтов, включенных в парадигму художественности, которая находится в оппозиции к традиционному искусству.

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ДРАМ А.И. СОФРОНОВА В СВЕТЕ ТРАДИЦИЙ А.Н. ОСТРОВСКОГО

М.А. Кириллина

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск

В современном литературоведении, в ситуации интенсивного критического пересмотра историко-литературного прошлого с целью более объективного и полного его осмысления, особую актуальность и значимость получает проблема генезиса, зарождения и формирования национальной литературы, творческого становления писателей-основоположников. В рамках сравнительно-типологического исследования якутской литературы XX в. актуализируется проблема функционирования традиций русской литературы в творчестве основоположника якутской драматургии и театра, поэта, прозаика Анемподиста Ивановича Софронова-Алампа (1886–1935). Несмотря на определенную степень изученности данной проблемы в якутском литературоведении, требуют специального исследования вопросы жанрового своеобразия драматургии А.И. Софронова в контексте традиций А.Н. Островского. Недостаточно исследована проблема традиций А.П. Чехова в драматургии А.И. Софронова, что не дает полного и объективного понимания преемственности творчества писателя по отношению к наследию классической литературы. В данной статье мы ограничимся проблемой функционирования литературных традиций А.Н.Островского в драматургии якутского писателя.

Важно указать, что с именами писателей-основоположников тесно связана одна из острых и глобальных проблем якутской литературоведческой мысли – отношение к наследию классиков литературы, которое изменялось с конца 20-х до начала 60-х годов XX в. от частичного признания значения их творчества до полной дискредитации их имен в истории национальной литературы. Сегодня, когда современная наука о литературе критически пересматривает свой опыт, изучение классической литературы с новых методологических позиций весьма актуально.

частности, такие явления прозаизации стиха, как монтаж стиха и прозы, свободный стих, циклизация и создание книг стихов, стали одной из ведущих тенденций размывания границ между стихом и прозой не только в русской поэзии, но и в якутской, что свидетельствует о типологии общего процесса развития современной поэзии. Но в то же время характер этого процесса в национальной поэзии и в творчестве отдельных поэтов обладает рядом специфических черт, что вызвано особенностями жанрово-стилевых поисков в отдельно взятой поэзии и индивидуально-авторского стиля и метода поэтов.

Наиболее яркое и системное отражение маргинальные явления нашли в творчестве И. Гоголева, А. Старостина и Р. Багатайского. Анализ их поэтических произведений с точки зрения эволюции прозиметрических тенденций позволил сделать ряд обобщающих выводов о типологии и закономерностях маргинальных, или пограничных, форм не только относительно индивидуально-авторского стиля поэтов, но и якутской поэзии в целом.

Явления прозаизации в поэзии И. Гоголева обусловлены, с одной стороны, сопричастностью поэта актуальным тенденциям развития современного поэтического искусства и имеют типологический характер при обращении к жанровым образованиям, которые являются стихотворным эквивалентом большого эпического произведения, переходной формой между стихом и прозой, как роман в стихах, циклическая композиция. В частности, циклизация свидетельствует об усложнении характера взаимодействия стиха и прозы в поэзии И. Гоголева, где прозаизация захватила практически все уровни формальной и содержательной структуры стиха, что находит отражение в следующих моментах: 1) усложнение композиционной структуры циклических произведений, включающих в себя разнородные по семантике тексты с особой циклической членимостью, и их субъектной организации; 2) стремление организовать цикл как единство вызывает к жизни повышенную активность рамочных компонентов текста, позволяющих скрепить его: введение единообразной нумерации, авторских стихотворных эпиграфов в каждой части, имеющих на всем протяжении произведения двустрочный вид девятисложного стиха, идейно и тематически вплетающихся в текст, подчеркивая его целостность; 3) другим важнейшим средством создания целого является принципиальная полиметричность цикла, где каждая часть имеет свою ритмическую характеристику.

Как показывает обзор стиховой организации, поэт стремился создать такую форму своих произведений, которая, с одной стороны, органически соответствовала бы их лирическому содержанию, но, с другой стороны, выходила бы за рамки, границы чисто лирического (поэтического) произведения и вводила бы необходимую эпическую (прозаическую) струю.

Таким образом, перед нами предстает уже не просто циклическая поэма, а уже особое сверхтекстовое единство, которое следует расценивать не только как момент новаторских исканий поэта в области содержания и формы, но и отдать ему приоритет как создателю интереснейшего факта в истории якутской литературы – истинно «переходного» между стихом и прозой произведения со сложной поэтикой и архитектурной. Немалую роль сыграло в этом и обращение поэта к мифологизированным структурам.

Способы же прозаизации стиха И. Гоголева в отдельных произведениях, в том числе и обращение к свободной форме стиха как крайнему показателю прозаизации, характеризуются нами как проявление своеобразия индивидуально-авторского стиля и метода поэта, его новаторских жанрово-стилевых исканий, но при этом стих и проза остаются у него полярными видами.

На основе текстуального анализа пяти книг стихов А. Старостина определено, что его новаторство выразилось в стремлении создавать не отдельные стихотворения, а целостные стихотворные книги. Их отличают четко продуманная композиция, создающая определенный сюжет порядком следования разделов и циклов, продолжения циклов в других книгах; наличие сквозной идейно-тематической, образной ориентации всех книг; актуализация связей между отдельными стихами, циклами, книгами на различных уровнях их структуры: жанровой, ритмической, звуковой и т.д. Они состоят из разделов и циклов, имеющих особую членимость: это и нумерация стихотворений и циклов, включение циклов в циклы, система посвящений и эпиграфов, стихотворения-вступления и заключения, особый типографский набор текстов, свободная форма стиха. Таким образом, все пять книг поэта можно рассматривать как сверхстиховое единство, целостность которого подтверждает ряд общих признаков. Также нами выявлена типология свободного стиха в поэзии А. Старостина и его эволюция на протяжении творческого пути. Так, свободный стих выступает как ведущая форма стиха, объединяющая в одно семантическое поле тексты всех пяти книг. В данном случае он, с одной стороны, является типологически закономерным явлением, «агентом» сверхстихового единства в современной поэзии. С другой стороны, выступает как отличительный признак авторского стиля А. Старостина и обладает в его поэзии рядом специфических признаков в аспекте функциональных возможностей, тематических и жанровых пристрастий, архитектуры стиха, предпочтительности использования тех или иных типов верлибра,

1. Доминантой является чувашская лексема или словосочетание, вариант в скобках – русский или заимствованный через русский эквивалент (иногда просто синонимичное слово,) доминанты: чиркүри аслă ёç (таинство), пеллĕт сиччи аслă сáмах (закон), сёр улпучĕ (помещик), кайăк (ахута) «охота», сёре тара илсе тáракан сын (арендатор), вырăн (крavatь), вёрентекен (учитель), таса (святой) шыв, тутар (Магомет) тёнĕ, сурта вырăнĕ (подсвечник), шур тáм (извѣс), хура тум сурчĕ (монастырь), хура тумсем (монахсем), суя тёнлĕ сын (язычник), Турă сиччен суя вёрентекен (еретик), турăш вырăнĕ (часовня), ўкерчĕк (икона), таса сáн (икона), кёске кёлĕ (молебен), таса парнесене упрамалли савáтсем (дарохранительница, дароносица) и т. д. Очень редко можно заметить внутритекстовый комментарий без скобок: эвроклидон тийекен тáвállă сил «ветер, называемый эвроклидоном», а также вариативность через тире: ёмёрхи ыра пуранăç – рай, сáн – образ. Количество таких примеров не превышает десяти. Число примеров, где вариант в скобках находится в препозиции, тоже невелико – около 10 единиц: (сухăр) сáмала, (крещение) шыва кёни, (брак) венчет туни.

2. Самой многочисленной является группа, где и доминанта, и ее вариант – чувашские: сылăх сёткенĕ (вáрлăхĕ), сылăх сётĕккенĕ (вáрлăхĕ), хуйхăр (пáшăрхан), сыхла (упра), ваттисем (вилнисем), ватá (сурт-пуçсынни), илемлĕ (хитре), таса (Турă ўчĕпе юнĕ), чиркү кĕтүци (пуп), пилсёр (пархатарсáр), пáсáк (сылăх), тивлет хáвачĕ (ыралăх хáвачĕ), хáват (тивлет), ыралăх (тивлет), йáван (ўк), суа (ака), ситĕн (ўс), хисеп (шут), сýру (хут), анне (апи), йёпе (аш-мён), венчет сёлĕкĕ (пуç илемĕ), сивĕчĕ (вĕчкĕн), сивĕч (вĕчкĕн), имсам (эмел), имсам (амал) и т.д.

3. Доминанта – заимствование, вариант – чувашская лексема: атал (япала йáтакан сын), бурдюк (тиртен тунá михĕ), икона (турăш), корона (патша тáхáнан сёлĕк), покров (виткĕч), пращик (уяв), сура (пүлĕм), пумилке (йупа), закон (йáла), орлец (ámáрт-кайăк кёлетки), курçан (супне, лáпá), собор (аслă чиркү), св.[святое] миро (ыра шáршáлá су), чиркү уставĕ (йёрки), ремесла (тёрлĕ áста) ёçĕ, таинство (пёлме сук ёç), свидетель (кёнтеле), купис (хуça), октябрь (йупа), ноябр (чўк), пáрахут (вутлá кимĕ), и т.д. Варианты подачи через тире встречаются всего несколько раз: покровица – ситĕ, Средиземное море – сёр варринчи тинĕс.

4. Незначительно количество вариативных пар, а также и частота их употребления (по 1–2 раза), где доминантой и вариантом служат заимствования. Причем в скобках в основном даны лексические дубликаты: кавас (салтак), фелонь (риза), риза (фелонь), ёричак (рычаг), испáс (извест), палас (ковер), и т.д. В некоторых случаях переводчик мог вполне избежать комментария (так как доминирующее слово лексической лакуной не является) и заменить, например, кавас на общеупотребительное чувашское слово сáр сынни «воин». Видимо, в данном случае экзотизм кавас призван подчеркнуть колорит описаний и стилистическую обособленность.

Итак, наблюдения в диахронии позволяют говорить о следующих особенностях. Во-первых, в использовании вариантов на первоначальном этапе нет строгой, постоянной системности. Она проявляется лишь в переводах отдельного автора и иногда в однотипных (по содержанию и по жанровой принадлежности) текстах. Во-вторых, многие варианты, данные в скобках, являются по сути уточнениями и объяснениями их доминант, которые в чувашских текстах используются без вариантов. В-третьих, в чувашском литературном языке в основном утвердились именно те варианты, которые в переводных текстах являлись доминантами и варианты, имевшие наибольшую частотность употребления.

Среди причин возникновения перечисленных выше явлений, присущих становлению многих литературных языков, можно назвать следующие:

1. При переводе практически любой профессиональной литературы встречается масса слов-реалий, т. е. слов, обозначающих предметы, явления, и понятия, существующих в практическом опыте носителей исходного языка, но отсутствующих в практическом опыте носителей переводящего языка и поэтому не имеющих в нем эквивалентов [Нелюбин 2003: 199]. Их толкования, разъяснения смысла, значения передавались в основном одним способом – чувашскими синонимами, эквивалентами или дублетами в скобке непосредственно за объясняемым словом: блаженный (сáваплá), таинство (пёлме сук ёç), свидетель (кёнтеле), покров (виткĕч), ангел (пирĕшти), еретик (тён сиччен йáнáш вёрентекенскер), скиния (кёл чатáрĕ), коливо (пылла тутлáлантарса пёсернĕ тулá), параеклисиарх (суртасем сутакал) и т.д.

2. Бесспорно, что переводчики яковлевской школы являлись носителями низового, верхового, или многочисленных промежуточных говоров. Вполне естественно, что в текстах переводов, особенно ранних, присутствовало достаточно диалектизм, родных для конкретного переводчика. В более поздних заметна явная тенденция к унификации их употребления. Известно, что язык переводов обсуждался не только в Переводческой комиссии при Братстве святителя Гурия г. Казани, но и самими читателями с точки зрения понятности всем чувашам, проживающим на разных территориях. В результате такой языковой политики начался процесс выработки норм чувашского литературного языка.

Что же касается вариативности заимствований, то они переводчиками в основном подавались в неизменном виде – в соответствии с русской орфографией. Тем не менее, некоторая доля вариантов

заимствований все же подвергалась адаптации к чувашскому произношению. Следует отметить, что строгих принципов переводчики не придерживались. В итоге образовывались фонетические варианты одних и тех же единиц, где в большинстве случаев наблюдается отчетливая тенденция русскоязычного орфографирования заимствований в диахронии: пашне (1873–1882 гг.) – башня (1888 г. и позже), тиаккан (1873 г.) – диакон (1891, 1894, 1896, 1910... гг.), сапповет (1873 г.) – заповедь (1876...1906 гг.), свитеттёл (1873 г.) – свититтёл (1876 г.) – свидетель (1905 г. и позже), кёнеç (1882 г.) – княç (1888 г.) – княз (1899 г.), праçник (1873–1885 гг.) – праздник (1885 г. и позже) и т.д. Примеры, подтверждающие обратный процесс, практически отсутствуют. Зарегистрирована лишь одна единица: бархат (1891 г.) – пархат (1897 г.).

Таким образом, можно заключить, что вариативность лексики, в том числе и в форме дублетности и синонимической представленности, сыграла позитивную роль в обогащении и становлении лексического состава чувашского литературного языка яковлевского периода, а также в сближении и слиянии двух диалектов.

Литература

- Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Совет. энцикл., 1990. 685 с.
Розенталь Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: ООО «Изд-во Астрель»; ООО «Изд-во АСТ», 2001. 624 с.
Толковый переводоведческий словарь / Л.Л. Нелюбин. 3-е изд., перераб. М.: Флинта; Наука, 2003. 320 с.

О СЕМАНТИКЕ ИМПЕРАТИВНОСТИ В НОМИНАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА

Л.И.Чебодаева

Хакасский государственный университет имени Н.Ф. Катанова, г. Абакан

Значение императивности в хакасском языке, как и в других языках, выражается не только посредством специализированных форм императивных показателей, но и с помощью других, неспециализированных маркеров. Например, в составе номинативных высказываний нет морфологических показателей побудительности. Это приводит к тому, что номинативные высказывания не способны к эксплицитному выражению семантики императива, они не конкретизируют действия, предписываемого исполнителю. Вместе с тем номинативные высказывания могут рассматриваться как некатегориальный имплицитный тип выражения побудительных отношений.

Способность выражать побуждение опирается на связь номинативного высказывания с внеязыковой ситуацией, содержащей императивную предпосылку. Это можно показать на примере соотносительных употреблений, имеющих или не имеющих побудительный смысл в зависимости от контекста и речевой ситуации. Так, высказывание *Анда аарлар* «Там пчелы» может иметь: а) чисто информативный смысл: *Амды, тизеу, Аниса аалхылариа ибін кјзіт парча. Мында ертен. А мында, тизеу, чайшы иб...* *Анда аарлар* (А. Сул.) 'А теперь Аниса гостям показывает свое жилище. Здесь гумно. А здесь летняя кухня... Там пчелы'; б) а может содержать предостережение о том, что при неосторожности они могут укусить: *Маринек, оолахтыу еехіксер ойлап паришанын кјріп, теен: «Анда аарлар»* (А. Хал.) 'Маринек, видя, что мальчик бежит в огород, сказала: «Там пчелы!». В случае (б) говорящий призывает собеседника быть осторожным, дабы не случилось укуса.

Сравним еще два высказывания: (1) *Пу пічк маиаа кјп нимее харах ас тирер. Анда піреелерінеуер хайдаи-да хабар полар. Сым-сым* (АТ) «Это письмо мне на многое откроет глаза. Там будет о некоторых какая-то информация. Тихо-тихо», (2) *Кеелес, хатхы-келкі. Сым-сым. Піс туразар кіргебіс* (С. Кар.) «Шум, смех. Тихо-тихо. Мы входили в дом». В первом примере слово *сым-сым* передает авторское побуждение, обращенное к самому себе, обозначает желательное положение дел, то есть говорящий сам себя призывает быть спокойным, так как в письме может быть разная информация, несмотря на это, надо всю информацию принять со смирением. Во втором примере то же слово характеризует реальное, чувственно воспринимаемое наличие определенной ситуации в конкретном месте, в конкретный момент времени. Оба номинативных высказывания передают семантику существования, но в первом случае существование не реализовано, а лишь желательно, во втором – конкретно, реализовано и воспринято. Таким образом, о семантике побудительности в номинативных высказываниях можно говорить только в том случае, когда такое употребление подготовлено внеязыковой ситуацией и направлено на то, чтобы вызвать невербальную реакцию со стороны адресата.

Рассмотрим, за счет каких семантических и структурных особенностей номинативные высказывания хакасского языка способны употребляться в императивной функции. Употребляя в качестве главного члена форму именительного падежа существительного, они обозначают статичное в течение некоторого

Исторические факты и события были обогащены благодаря художественному воображению М.С. Ордубади. Философии единовластия двух покорителей, опирающихся только на силу и страх, драматург противопоставил самостоятельную, независимую, романтическую линию любви и гуманистических принципов, воспетую татарской принцессой Зарифбану и сыном Баязида Молниеносного Мусой, осуждающих войну. Произведение заканчивается призывом: «Долой завоевателей! Да здравствует любовь!» [Гаджиев: 1983, 44].

Произведение М.С. Ордубади по количеству действующих лиц, являющихся плодом фантазии автора, схоже с пьесой английского писателя Кристофера Марло «Тамерлан великий». И в этой пьесе главный герой пьесы Тамерлан влюблен в Зирайду, но потеря возлюбленной очень сильно отражается на его характере: после ее смерти он становится кровожадным тираном.

Писатель Иса Гусейнов в своем историческом романе «Махшар» (Апокалипсис) (1973–1975), посвященном жизни и деятельности пропагандиста сектантского движения хуруфизм Насими, также упоминает о Тамерлане. Тамерлан завоевывает земли благодаря силе оружия и устрашений, а Насими прививает людям идею свободы и вдохновляет их на борьбу с колонизаторами. И это – борьба добра со злом, борьба прогрессивных идей с деспотизмом – является лейтмотивом произведения.

Вторым произведением в азербайджанской литературе, осуждающим захватнический характер походов Тимура, является роман Махмуда Исмаилова «Меж двух огней». В романе повествуется о всенародной борьбе за независимость государства Ширваншахов в конце XIV века. Роман назван так, чтобы показать, как государство Ширваншахов оказалось между молотом и наковальней: с одной стороны подвергалось нападением правителя Золотой Орды Тохтамыша, а с другой – правителя Самарканда – Тамерлана.

И наконец, необходимо отметить, что писателем, создавшим действительно реальный образ Тимура, был Гусейн Джавид. Он не мог оставаться безразличным к кровавым событиям, происходившим в мире в начале XX столетия, к Первой мировой войне и, стремясь осудить захватническую политику, тиранию, несправедливость, написал историческую драму «Гопал Теймур» (Хромой Тимур) (1927), в которой призывал к общечеловеческой любви и гуманизму. Лейтмотив романа – стремление показать причину раздробленности тюркского мира и тяжелые последствия этой раздробленности. Сделав главной сюжетной линией драмы реальные события, драматург раскрыл величественную историю Востока, достоверно и масштабно описал исторические факты и события, философски обобщил их с позиций современности. Основная идея драмы также состоит в том, чтобы показать, как тщеславные полководцы в своем стремлении властвовать над миром становятся причиной бед и несчастий тысяч людей, наносят огромный вред государству, добиваются относительного мира и спокойствия благодаря силе угроз [Гусейн Джавид].

Драматург разоблачает в лице Тамерлана тип правителей и завоевателей, считающих логичным тот факт, что изменить течение жизни, социально-экономическую ситуацию, материально-моральные отношения может война. В качестве поучительного урока истории Г. Джавиду удалось продемонстрировать кровавую борьбу двух правителей, нанесших огромный урон тюркскому миру, в своем желании стать единовластными правителями мира.

Литература

- Ахмед Джевдет Паша.* «Гисас-и Энбия и Таварих-и Хулефа» 12 джуз. «Анкарское сражение». История тюркской литературы. Инкилап ве Ака. Стамбул, 1982. 627 с.
Банарлы Нихад Сами. История тюркской литературы: в 2 т. I том. Стамбул: Милли Эгитим Басымеви, 2001. 634 с.
Гаджиев Давуд. Историческая драма в азербайджанской литературе. Баку, 1983. 159 с.
Гусейн Джавид. Сочинения в 5 томах. 3 том. Баку: Лидер, 2005. 304 с.
Исмаилов Махмуд. Меж двух огней. Баку: Гянджлик, 1987. 312 с.
[Электронный ресурс] <http://www.n-f-k.com>. Дата обращения – 02.09.2010 г.

ТИПОЛОГИЯ И СПЕЦИФИКА ПРОЦЕССА ПРОЗАИЗАЦИИ СТИХА В СОВРЕМЕННОЙ ЯКУТСКОЙ ПОЭЗИИ

М.Н. Дьячковская

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск

Общее в характере развития современного поэтического искусства, а именно: его философизация, эпизация и неомифологизация лирического мышления, возрождение архаических типов словесных образов и семантизация поэтического языка и др. – привели к полисистемности в поэзии и актуализировали процесс взаимодействия и взаимопроникновения стиха и прозы как двух целостных художественных типов речи, что вызвало к жизни целый ряд форм маргинального характера. В

страны, религии, представителем которых является автор. Одним из образов в мировой литературе, вызывающих интерес как захватчик и покоритель, является Тимур*.

Пимечателен тот факт, что даже известные своей объективностью историки расходятся в оценке роли и личности Тимура. Фома Мецопский, Ибн Арабшах описывают его коварным, деспотичным человеком, когда как такие путешественники, историки и исследователи, как Шарафеддин Езды, Низамеддин Шами, Гиясаддин Али, Гонзалес де Клавихо, Жан Поль Ру, В.В. Бартольд представляют Тимура могущественным государем-завоевателем и творческой личностью.

Одним из первых отобразил личность Эмира Тимура в тюркской литературе Ахмеди Кирмани, известный по некоторым источникам как Гармиянлы Ахмеди. Он один из великих поэтов XIV века, писавших на анатолийском диалекте турецкого языка.

Ахмеди, являющийся поэтом и собеседником Баязида Молниеносного, был назначен им в Гармиян наместником. Баязид почитал и уважал его. После поражения Баязида Молниеносного в Анкарской битве 1402 г. Тимуру, Ахмеди волей-неволей остался при завоевателе.

«Ахмеди был оценен Тимурленгом по достоинству; кроме того, благодаря своим стихам, научным и интересным беседам, был принят окружением Тимурленга. Но Ахмеди не выражал симпатии победоносному, но жестокому сопернику Илдырыма, воспользовавшись его отступлением, снова вернулся во дворец Османских правителей» [Банарлы: 2001, 387].

Несмотря на оказываемое ему Тимуром внимание и почет, Ахмеди не демонстрировал своего расположения к нему, и в своем произведении «Джемшид и Хуршид», повествующем о смерти Тимура, написал так:

Злой рок, похоронив Тимура,

Пригласил в гости змею и скорпиона [Банарлы: 2001, 387].

Художественный образ Тимура в турецкой литературе также встречается в 12-ой части произведения Ахмеда Джеввад Паши «Гисас-и анбийи и Тарахив-и Хуляфа» (1874–1888) «Анкарская битва», в его рассказе «Разговор султанов», напечатанном в 1906–1907 гг. в газете «Тарджуман». Финал «Анкарской битвы» Ахмеда Джеввад Паши идентичен с произведениями азербайджанских авторов, пишущих о Тимуре. И несмотря на то, что Тимур был врагом Османской империи, здесь он описан великодушным, не чуждым гуманности правителем, умеющим достойно оценивать своих врагов. Взяв за руку попавшего в плен в Анкарской битве (1402 г.) Баязида Молниеносного, Тимур усадил его рядом с собой и сказал: «Пожалуйста, великий Султан! Раб божий Тимур всегда будет выражать Вам уважение и почтение». Или: «Не волнуйтесь. Не отчаивайтесь из-за нескольких неприятных дней» [Ахмед Джевдет Паша: 1982, 359].

Яркий представитель турецкой литературы периода Танзимата Абдул Гамид Тархан (1892–1937) создал образ Тимура в произведении «Парад тейфов», написанном в 1917 г. Так же как и Алибек Гусейнзаде в своем «Сиясат-и фурусат», художественное пространство он создал в виде парада душ исторических личностей.

Позже Джахид Гусейн написал драму «Хромой Тимур» и стал первым в турецкой литературе, кто дал Тимуру прозвище «хромой».

В 1967 г. Наджиб Фазиль Гысакюрек представил читателям пьесу «Кровавая повязка», в которой охарактеризовал деятельность известных исторических личностей, полководцев. В своей пьесе автор сопоставил исторический символ Старца с профессором истории, названным им «Человек во фраке», продемонстрировав так же, как в «Параде тейфов», парад всеобщей турецкой истории и выдающихся исторических личностей. Таким образом Н.Ф. Гысакюрек хотел подчеркнуть незлонамеренно-субъективное отношение историков к истории, а используя настоящие реалии, довести свои мысли до будущих поколений [<http://www.n-f-k.com>].

Первым, кто написал об Эмире Тимуре в Азербайджане, был поэт, писатель и публицист Али бей Гусейнзаде (1864–1940). В своем произведении «Сиясат-и фурусат»** (1908–1910) он отобразил большой этап национально-освободительного движения, призвал вставшие на путь освободительной борьбы за независимость тюркские народы объединиться вокруг единой идеи. С этой целью в главе «Тимурнаме» он представил Тимурленга талантливым полководцем, сумевшим собрать под единым флагом государства Тимуридов глав многих разрозненных племен.

М.С. Ордубади (1872–1950) написал пьесу из двух актов – «Тимурленг и Баязид Молниеносный», посвященную теме борьбы за передел мира между Тимуром и вождем Османской империи Баязидом Молниеносным.

* В истории известен под именами *Тамерлан*, *Тимурленг*, *Тимур Турган*, *Тамербек* (1336–1405) – среднеазиатский полководец-завоеватель. Эмир.

** Сиясат-и фурусат – символическое название, в переводе означает «Политика управления конями».

воспринимаемого периода «положение дел». Если императивная ситуация предполагает переход от реального положения дел к некоторому желательному, то номинативное высказывание способно отразить не момент перехода, а одно из статичных положений – или начальное, реальное, или конечное, желательное. Таким образом, в номинативных высказываниях реализуется повелительная функция в двух разновидностях. Они могут обозначать: а) предпосылку меняющейся ситуации, например: *Мишка, кјзексер пахлабызып, анау табырыынха айлан килп, чарым табыснау тапсаан: «Хасхылар!...». Прайзы аар-пеер хайбаыниан* (В. Коб.) «Заглянув в окно, потом быстро повернувшись, Мишка вполголоса крикнул: «Бандиты!» Все оборачивались туда-сюда». В данном случае высказыванием *Хасхылар!* «Бандиты!» окружающие предупреждаются об изменившейся ситуации, и соответственно они должны принять какое-то решение и действовать в связи с принятым решением; б) а могут называть конечную цель побуждения: *Наа чуртас! Наа чуртас! – аннау-мыннау табыстар истлген* (М. Кок.) «Новая жизнь! Новая жизнь! – слышались голоса отовсюду».

Номинативное высказывание характеризуется тем, что его главный член недискретно может передавать семантику субъекта, предиката и даже объекта восприятия (Мещанинов, 1978,10). Для передачи побудительной семантики используются преимущественно субъектная и объектная разновидности номинативных высказываний. При этом отмечается взаимодействие элементов функционально-семантического поля бытийности и повелительности. Особенность этого взаимодействия состоит в гетерогенности его участников: поле бытийности основано на лексико-синтаксических средствах передачи семантики существования, а поле побудительности выделяется на основе грамматической актуализационной категории. Рассмотрим возможные побудительные функции для различных семантических типов номинативных высказываний.

Наиболее часто встречающаяся разновидность бытийной ситуации в номинативных высказываниях связана с непосредственным восприятием конкретного объекта действительности. Высказывания этого типа характеризуются конкретной референцией, временной и пространственной локализованностью, а также совпадением времени наблюдения объекта и ситуации речи, например: *Чайшы иб истинде толдыра идис-хамысты илјр хыринда айранныи сабан, алтында портаалар. Чайшы ибниу ортызында кимеге, тјрде кјзеуелиг, частыхтыи тјзек. Сирелери улуу паза чабыс столлар, обрастар паза даа пасхалары* (М. Кок.) «В летней кухне около шкафа, полное посуды, бочка с айраном. Посредине юрты печь для винокурения, в передней постель с бельем, со шторами. Столы с большими и низкими полками, иконы и многое другое». Эта ситуация реализуется в двух разновидностях: она может отражать неподвижное взаимное расположение объекта наблюдения и наблюдателя, как в приведенном примере, а может передавать их передвижение относительно друг друга или временное изменение. Изменения во времени и в пространстве получают при этом сходную языковую интерпретацию: *Пола-пола килгенде, алныбыста мындаи ниме турыбысхан. Чоллар, аймах чоллар паза узы-пазы чох чазылар. Чоллар оу саринзар, сол саринзар...Хайди полариа, хайдар ...* (С. Чар.) «Через какое-то время перед нами встало следующее. Дороги, разные дороги и бесконечные степи. Дороги направо, дороги налево...» – в данном примере изменившаяся ситуация требует у участников принятия какого-то определенного решения: это может быть движение по пути, где они ехали, либо поворот направо или налево.

Непосредственно воспринимаемый в момент речи предмет может быть назван в побудительных целях только как предпосылка последующих изменений. Обычно это происходит при изменении реальной ситуации, если появившийся в поле зрения говорящего предмет требует какого-то изменения в поведении участников речевого акта: *Минометтар сым пол парианнар, ер ниместеу ырахта келлес истиле тескен. Кем-де хысхыриан: –Киш!* (И. Кост.) «Минометы смолкли, через какое-то время издали послышался гул. Кто-то крикнул: «Воздух!». Здесь номинативное высказывание называет, идентифицирует явление, имеющее угрожающий характер. Возникает предпосылка для побуждения-предостережения.

Особенность побудительной функции в этом случае состоит в том, что говорящий не уточняет, какая реакция со стороны адресата необходима. Оба участника речевой ситуации обладают определенным опытом предвидения последствий появления того или иного предмета. Для каждой внеязыковой ситуации может существовать набор социально сформулированных представлений об опасности и способах ее уменьшения. Не случайно многие номинативные высказывания являются уставными командами: *Газтар! Пастаыи тимненіс!* (ХЧ) «Газы! Готовность номер один!». В обычной ситуации говорящий может расшифровать содержание побуждения при помощи обычного императива, например: – *Јрт, јрт!* – *хысхырысханнар тасхар.* – *Кізілер! Табырах чегеріуер! Кјнектер алыуар!* (И. Топ.) «Пожар, пожар! – кричали на улице. – Люди! Бегите быстрее! Берите ведра!», а при употреблении слов-команд реакция зафиксирована и отработана заранее. Изменение ситуации не обязательно должно иметь угрожающие последствия. Во многих случаях говорящий просто

стремится вызвать реакцию на изменившиеся обстоятельства: – *Адай ерче, оолиыхаам! Кабрис, кізі!* (Н. Тин.) «Собака лает, сыночек! Кабрис, человек!». В данном предложении говорящий ожидает, что мальчик выйдет и посмотрит, кто там, и, если надо, встретит гостя.

Определенная невербальная реакция предусмотрена и в случае употребления некоторых номинативных формул, обозначающих изменение ситуации, например, формулы представления: – *Ананий, мініу оолиым, – тіхеу ол жінінде кізілерге, піс хада чірзе* (АТ) «– Ананий, мой сын, – обычно он говорил людям, когда мы вместе ездили». Лишившись актуальности, такое высказывание лишается и побудительного оттенка.

Иная разновидность передачи побудительной семантики может быть в высказываниях, называющих объект, требуемый говорящим. Эти случаи также могут быть проиллюстрированы при помощи команд: – *Кјні атыс! – хысхыриан Хароол* (АТ) «– Прямой выстрел! – кричал Хароол». Если в первом случае слушатель рассматривается как объект возможного воздействия, то во втором он призывается к роли производителя действия. Говорящий таким образом может показать не только желательные, но и нежелательные действия: *Пір сіс тее, нанхы, пір сіс тее! Сјстер кирек чошыл* (И. Топ.) «Ни слова, друг мой, ни слова! Слова не нужны».

Различение индикативного и императивного употребления отрицательных номинативных высказываний может производиться по семантике различных второстепенных членов. В этой роли часто выступают обстоятельства времени, показывающие, идет ли речь о реальном событии, относящемся к прошлому или настоящему времени, или о событии, прогнозируемом в будущем: *Сурынчам Сісерні, арыстарым, неен газетаа пір сіс тее* (С. Кар.) «Прошу Вас, друзья мои, сегодня в газету ни слова» – об императивном употреблении говорит наличие распространителя *неен*. Косвенно указывает на императивное употребление дательного падежа обстоятельства места *газета*. При индикативном употреблении он меняется на местный падеж, ср.: *Газетада пір сіс тее* «В газете ни слова». Местный падеж, обозначающий направление, является приметой нереализованной ситуации.

Отрицательные номинативные высказывания обозначают, таким образом, нереальное, желательное в будущем положение дел. Это второй из статичных отрезков действительности, обозначаемых в рамках повелительной ситуации. Он существует не только в отрицательной, но и в утвердительной форме. Утвердительная форма номинативных высказываний с подобной семантикой образуется при помощи субстантивированных обозначений действий и качеств, которые говорящим обозначаются как желательные: *Тыстаныс, туумахах, тыстаныс, оудай табарбыс* (А. Хал.) «Терпение, сестренка, терпение, найдем выход».

Номинативные высказывания могут употребляться в побудительной функции в том случае, когда обозначаемая ими ситуация способна воздействовать на одного из собеседников или зависит от его действий и поведения. Явления, не подчиняющиеся воле человека и не затрагивающие его, обычно обозначаются индикативно употребленными номинативными высказываниями. Невозможность императивного употребления отличает, например, те разновидности, которые связаны с обозначением временных и пространственных условий протекания последующих событий типа: *Пабамныу туразы. Тасхар часхы* (АТ) «Дом отца. На улице весна». Для каждого из таких высказываний можно придумать уникальный контекст, благоприятствующий побудительной разновидности, однако общих, типичных условий такого их прочтения в хакасском языке выявить не удалось. Таким образом, возможность императивного употребления является способом оперативной проверки, позволяющим более точно разграничить разновидности номинативных бытийных высказываний.

Таким образом, область пересечения функционально-семантического поля бытийности и побудительности представляет собой особую зону, в которой действуют определенные контекстуальные и прагматические условия. Побудительная семантика реализуется в номинативных высказываниях на уровне употребления, нерегулярно, в зависимости от внеязыкового окружения речевой ситуации. Лишь в некоторых случаях можно определить приметы такого употребления, но и тогда это будут лишь косвенные свидетельства, а не категориально закрепленные значения. Необходимо отметить, что такое употребление характерно и для многих двусоставных конструкций, связанных с определенными прагматическими условиями. Речь идет о высказываниях, требующих реакции собеседника типа: – *Амды айран ізібізерхик! – теен апсаиас* (С. Кар.) «– Теперь бы айрану испить! – сказал дед». Высказывания с таким побудительным зарядом принадлежат также к далекой периферии повелительности.

Литература

1. Алисова Т.Б., Баутман Н.В. Прагматическая природа побудительных высказываний // Императив в структурных языках. Л., 1988. С. 9–10.
2. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. М.–Л., 1978.
3. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. Л., 1986.

Көнерген аталымдардың аталған лексика-семантикалық топтарының құрамында жоғарыда атап өткендей төрт тілден енген кірме сөздер де бар. Дей тұрғанмен, олар сол кезеңде жалпы халық тілінде қолданыста болып, өз мағынасында активті түрде жұмсалып, кейін мағынасы күңгірттеніп, пассив қабатқа өткен соң, біз оларды көнерген аталым ретінде көрсетіп отырмыз.

Е. Көлдейбекұлы мен Н. Кенжеғұлұлы тіліндегі көнерген аталымдар ұлттық сөздік қорымыздың сүбелі қабатын құрайтын тілдік бірліктердің мағыналы жүйесі болып табылады. Себебі, олар қазақ тілінің лексикалық қорын диахрондық және синхрондық тұрғыдан зерделеуге мүмкіндік береді.

ПАЙДАЛАНЫЛҒАН ӘДЕБИЕТТЕР ТІЗІМІ

- Болғанбаев Ә. Қазақ тілінің лексикалогиясы. Алматы: Мектеп. 1988. 87–88 б.
 Дала уәләятының газеті. 1894. 27 б.
 Мұсабаев Ғ. Қазақ тіл білімінің мәселелері. Алматы: Арыс, 2008. 185–191 б.
 Әбілқасымов Б. XIX ғасырдың екінші жартысындағы қазақ әдеби тілі. Алматы: Ғылым, 1982. 169 б.

БЕЛГІЛЕР МЕН ҚЫСҚАРТУЛАР

- Н.К. Іт. – Кенжеғұлұлы Н. Кәнеки, тілім, сөйлеші... I том. Алматы: Ғылым, 1992. 224 б.
 Н.К. Іт. – Кенжеғұлұлы Н. Кәнеки, тілім, сөйлеші... II, III том. Алматы: Ғылым, 1994. 444 б.
 Е.К. – Қарасақал Ерімбет. Ұлағат сөзім ұрпаққа. Алматы: Маржан, 1995. 313 б.

Секция 9

ТЮРКСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ ТИМУРА В ТЮРКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

М.Р. Бабайева

Азербайджанский государственный педагогический университет, г. Баку

It is possible to come across the image of great rulers, conquerors, well-known personalities in the world literature anytime. The same historical personalities before being reflected in art works are analyzed by the author in accordance with the interest of his people, country and religion.

One of the images revived in the world literature as an aggressor or a conqueror, always rousing interest with his discrepant personality, is Amir Teymur. The article deals with Amir Teymur's images created in the Turkish literature and gives examples from the works of Ahmadi, Jevdet Pasha, A. Hamit, A. Huseynzada, M. S. Ordubadi, I. Huseynov, M. Ismayilov and etc.

In the end Huseyn Javid's, one of the founders of Azerbaijani romanticism, "Topal Teymur" drama was chosen as the final of the main idea of the article. The dramatist with Teymur's image exposed the conquerors and rules who considered logic to change the tenor of life, social and economic condition, material and moral relations with wars. H. Javid managed to characterize how the bloody struggles born from the "autocrat" passion of the two great rulers of the East delivered a blow to the whole Turkic world as an instructive lesson of the history.

В мировой литературе достаточно часто встречаются образы великих повелителей, завоевателей, выдающихся личностей. Эти исторические личности, прежде чем найти свое отражение в художественных произведениях, проходят через творческий фильтр, соответствующий интересам народа,

айқын айғағы сияқты. Екінші жағынан, бірсыпыра дінмен, оқу-жазумен байланысты сөздердің кейінде яғни XVIII–XIX ғасырларда реакциялық бағыттағы панисламизм қозғалысы дәуірлеп тұрған кезеңде кіргені байқалады» [Әбілқасымов: 1982, 169]. Аталған ақындар шығармаларының құрамындағы кірме сөздердің мол қабатын араб пен парсы тілдерінің сөздері құрайды.

Ақындар шығармаларында кірме көнерген аталымдардың қабатын монғол тілінен енген сөздер құрайды. Монғол тілдерінен қазақ тіліне сөздердің енуінің өзіндік себебі бар. Бұған ең алдымен екі халықтың ғасырлар бойы көршілес тұрып, бір-бірімен тікелей қарым-қатынас жасауы себеп болған. Сонымен бірге XIII ғасырда монғолдардың Қазақстан және Орта Азия жерін жаулап алып, ол жерлерде Шыңғыс әулеті билеген ұлыстар мен ордалардың үстемдік етуінің әсері тиген. Тіпті қазақ хандығы құрылған XV–XVIII ғасырларда да монғолдармен тегі бір Жоңғар қалмақтары (олар тарихи деректерде ойрат тайпаларынан тұратын батыс монғолдар деп аталады) қазақ жеріне үнемі шапқыншылық жорықтар жасап отырғаны тарихтан белгілі.

Нұртуған мен Ерімбет шығармаларында монғол тілінен кірген қазіргі лексикамызда көне сөз болып табылатын сөздер негізінен әкімшілік, ел билеуге байланысты: ұлыс, нөкер, жасақ, жарлық, көбе, баһадүр, ұғыл, жасауыл, жарлық, садақ т.б.

Нұртуған мен Ерімбет лексикасында руссизмдердің қолданылуы – қазақ жазба әдеби тілінің даму жолындағы «азаматтық паспорт» алған тенденциялардың бірі. Бұл тенденция аталған ақындардан бұрын жалпы халықтық тілдің өзінде басталған болатын. Оны бұл ақындарға дейінгі қалам иелері де жатсынбай қабылдап, шығармаларында орыс элементтеріне орын бергені көрінеді. XIX ғасырда, көбінесе II жартысында хатқа түскен ауыз әдебиеті үлгілерінде де орыс сөздерінің едәуір кездесуі осыны танытады. Нұртуған мен Ерімбет шығармаларында осы кезеңдегі әлеуметтік жағдайдан елес беретін кірме сөздердің көне түрінің көптеп кездесетінін, оның ішінде орыстан кірген, қазіргі тілімізде көнерген аталымдар қатарындағы болыс (волость), князь, ояз (уезд, үйез начальтігі), шен (чин), губернатор, ауылай (аульный) сияқты көнерген аталымдар кеңінен қолданылған.

Шын мәнінде аталған ақындар шығармаларына келсек, бұл – XIX ғасырдың II жартысында, дәлірек айтсақ, соңғы ширегінде туған көркем әдебиет жанры, оның ішінде поэзия дүниесіне қол артқан үлгілер. Олардың шығармаларының ерекшеленген негізгі белгілері: біріншіден, сюжетті, оқиғалы, көлемді шығарма болулары; екіншіден, тақырыбы мен сюжеті араб, парсы, түркі тілдерінде жарияланған үлгілерден алынғандықтары; үшіншіден, тілдерінде, әсіресе грамматикалық тұлғатәсілдерінде шағатайлық, ескі қазақтың жазба дәстүр элементтерінің қатысуы болып табылады.

Өртүрлі тарихи құбылыстарға орай, қолданысқа енген кірме сөздер бірте-бірте тілдік дәстүрге ауысқан да ұлттық мұра ретінде жалғасын тапқан.

Көнерген аталымдар ескіру көрсеткіші арқылы ғана қазақ тілінің лексикасынан оқшауланып, көнерген аталымдардың лексикасын құрай алады. Тілдегі көнерген аталымдар негізінде мынадай екі топқа бөлінеді: 1) тарихи аталымдар (историзм); 2) көнерген аталымдар (архаизм). Бұл екі лексикалық топтың арасындағы айырмашылық сөздердің әрі тұрақты, әрі белгілі бір қағидаға негізделген қасиеті болып табылады.

Ғ. Мұсабаев көнерген аталымдарды архаизмдер және историзмдер деп бөліп алады да, «архаизмдер күнделікті тұрмыста, дін ұғымында, ескі әдет-ғұрыптарда қолданылады» дей отырып, историзмдерді лексика-семантикалық мағыналарына қарай материалдық мәдениетке байланысты, әкімшілік басқаруға байланысты, қазақ қоғамының қоғамдық өміріне байланысты, Октябрь дәуірінен кейін туған сөздер», [Мұсабаев: 2008, 185–191] деп жіктейді.

Сонымен қатар Ә. Болғанбаевтың «Қазақ тілінің лексикологиясы» еңбегінде көнерген аталымдардың лексика-семантикалық топтарын, яғни архаизм мен историзмді өз алдына жеке дара топтайды: архаизмдерді – мата-кездеме атауларына байланысты архаизмдер; салт-сана, әдет-ғұрыпқа қатысты архаизмдер; киім-кешек, ыдыс-аяқ атауларына қатысты архаизмдер; діни ұғымдарға қатысты архаизмдер деп бөледі де, историзмдерді мынадай үш топқа топтайды: әкімшілік басқарумен байланысты туған историзмдер; әскери атақ пен қару-жараққа қатысты историзмдер; Совет тұсында пайда болған историзмдер [Болғанбаев: 1988, 86–88].

Аталған ғалымдардың жіктемелерін негізге ала отырып және Нұртуған мен Ерімбет шығармаларындағы көнерген аталымдарды саралай келіп, оларды мынадай лексика-семантикалық топтарға жіктедік:

ЧӒВАШЛӒХ ХУТЛӒХӒНЧЕ СЫРАНСА ЮЛНӒ КУНСЕМ (ПушкӒрт Республикинчи диалектологи экспедицийӒнче кӒскен сырса пыннисенчен)

Л.П. Петров

ЧӒваш патшалӒх гуманитарнӒ аслаӒхӒсен институтчӒ, Шупашкар хули

Эпир, наука тӒпчев институтчӒн ӒсченӒсем, 1984 ҫ. ПушкӒрт республикинчи тата Оренбург обласӒнчи чӒвашсем патӒнче пулса курма тӒллев тытрӒмӒр. Шупашкар–СӒрпӒ–Хусан–Чистай–Альметьевск–Октябрьски–Туймазы–Шаран маршрутпа килсе ПушкӒрт Республикинчи Шаран салине ситрӒмӒр. Кунта ытларах тутарсем пурӒнасӒӒ. Шаран районне кӒрекен Три Ключа ятлӒ чӒваш ялне килсе ситсен пире, чӒлхесӒсене, ырӒнти каласу уйрӒмлӒхӒсем ытларах кӒсӒклантарчӒӒ. Чи малтанах ял ячӒсем сӒнчен ыйтса пӒлтӒмӒр. Три Ключа тесе ырӒссем те, чӒвашсем те пӒр евӒрлех каласӒӒ иккен. Марина Николаевна Сотникова (1917 ҫ. суралнӒ) каланӒ тӒрӒх, ку ырӒнта тахсан артель пулнӒ. Ял 1922 сурлта пусланнӒ, тӒрсрех каласан, сав сурл кунта чӒвашсем килсе ырӒнаснӒ. Унччен «раскулачить» тунӒ кулаксем пурӒннӒ. СӒк ялпа юнашар чӒваш ялӒсем татах та пур, анчах вӒсенчен хӒшӒ-пӒрин ырӒасла ячӒсем сӒс. СывӒхри ялсем сӒксем:

1. Рождественка – чӒв. Ерекмен – 2 км.
2. Петровка – чӒв. ТӒпканчӒ пус.
3. Борисовка – 3 км, 1964 сурлта пусарнӒ.
4. Михайловка.
5. Новотроивка – чӒв. Менти ялӒ.
6. Покровка тата Тихоновка – 5-6 км.
7. Юмаш – чӒв. Пахилт, Чекмагуш районне кӒрет.
8. Семеновка – чӒв. ТӒпканчӒ.
9. Макаровка – чӒв. Сукран.

Три Ключа ялӒнче пурӒнакан информаторсем каланӒ тӒрӒх, кунти чӒвашсене шур чӒваш, ыттисене вара палхит чӒваш теӒсӒ. Ку ялта лексика уйрӒмлӒхӒсем пурри тӒрех курӒанат: ялӒн пӒр вӒсӒнче яшка антармалли хатӒре сӒпала ‘ковш’, тепӒр вӒсӒнче вӒчев тесе каласӒӒ. Кунашкар тӒслӒхсем татах пур. КалӒпӒр, шана тата пакка ‘лягушка’, чӒпӒн тата ӒнӒм ‘комар’.

Три Ключа ялӒнче пурӒнакан Клавдия Ефимовна Афонина (1917 ҫ. суралнӒ) каласӒӒнче тӒл пулакан сӒмахсем тата сӒмах саврӒнӒшӒсем питӒ кӒсӒк: кӒрантас ‘тарантас’, фурман ‘утӒ-улама ура патне турттармалли хатӒр’, кӒмӒшчӒк ‘ювелир’ – вӒл сулӒсем тата сӒрӒсем тунӒ, сунӒ – ‘хӒлле вутӒ, утӒ-улама турттармалли хатӒр’, кашовка – сын турттармалли хатӒр (малта кучер ларать, ун хысӒнче тата икӒ сын пассажир ларать); варатоз – пыл хуртне сӒекен хурт (вӒл хурт қасанӒ сӒне ларать, хурт сунаттисем шӒтӒклӒ-шӒтӒклӒ пуласӒӒ, колорадо нӒрри пекех, ниепле те пӒтерме сук); марта ‘улей’, марта тӒрри, дымарь, магазин, чӒрес (пыл валли); чират ‘черет’, яшка тутри, турӒм кӒтессе, кӒрчанкӒ, чупӒр-чупӒр, хунав ‘тӒпреп Ӓсекен йывӒс’, саврӒнкӒс ‘круг’, хупкаси ‘пробка бутылки’, шӒта ‘шиты’, тикенек ‘назв. растения’, пусма ‘лестница’, каласӒс, пӒлмеп теӒсӒ. Кунта ялӒпех у-па каласӒсӒӒ.

ЧӒваш чӒлхин ырӒнти каласӒӒсен уйрӒмлӒхӒсене пухмалли программӒн пӒр пайӒпе ЭрӒкмен «Рождественка» ялӒнче Ӓслемелле пулчӒ.

Ку ял «Мичуринский» совхоза кӒрет, унӒн пӒр уйрӒмӒ пулса тӒрать. Ял пысӒках мар, пӒр 30–32 кил кӒна. ВӒл революци хысӒӒн, Евдокия Даниловна Макарова (1915 ҫ. суралнӒ) каланӒ тӒрӒх, 1918 ҫ. пусланса кайнӒ. Кунта тӒрлӒ сӒртен килнӒ чӒвашсем пурӒнасӒӒ. Макарова Е.Д. хӒй 1934 ҫ. кусса килнӒ, ун чухне ялта 8–9 кил сӒс шутланнӒ. ВӒл вӒхӒтрисем сӒр мунчасенче суккӒр лампӒсемпе усӒ курса пурӒннӒ. ХӒрсем пустарӒна-пустарӒна ал Ӓс туса ларнӒ, вӒрӒм чулхасем сыхнӒ. КаччӒсем вара пӒртри улахра кӒна пулнӒ.

– Саксух сӒнчен мӒн илтнӒ эсир?

– Липу каснӒ чухне амӒшӒ ачине йӒтӒрне сӒпнӒ. СавӒн чухне вӒл саксух пулса вӒссе тухса кайнӒ.

– Саксух юррине пӒлетӒр-и?

– Эпир Ӓна пӒлмеппӒр, сӒмрӒксем юрлаканччӒ.

ЭрӒкмен ялӒнче тӒл пулакан уйрӒм сӒмахсем тата сӒмах саврӒнӒшӒсем: чокӒр ‘лупашка’, нӒкран ‘ялан’, нӒк сурман кӒнеке ‘лайӒх сурман кӒнеке’, пӒр сурлӒ хут ‘пӒр листа хут’, тӒрӒс ярап ‘тӒрӒс калап’, алатит, тватӒ класс юнлӒ пулчӒ ‘тӒватӒ класс нуштала пулчӒ’; касканат ‘хур сунаттин пӒр тӒкӒ, унран шулта вӒреннӒ чухне пусне каштах касса перо тунӒ’; мӒскӒнтай ‘мӒскӒн, начар’, цркӒн ‘юлхав’, пӒник ‘мята’, чӒпле-чӒпле, хасӒр, шаттай ‘лайӒх’, итеклӒ кӒпе ‘кунта пурӒнакан хӒрарӒм кӒпин пӒр тӒсӒ’, таптасан та парӒт мар ‘йывӒса таптасан та хӒрмасть’, Ӓрекет ‘Ӓреххет’, айӒнчак, уйлат ‘шухӒшлать’, Ӓнлап ‘тӒнлап’, айшат ‘хисепле; юрат’, мӒсӒк ‘кӒсӒк’, якташ, хӒванӒс ‘савӒнӒс’, нӒкрах ‘вӒйлӒрах, лайӒхрах’, папаккай ‘маленький’, шемшер шывӒ (неол.) ‘сӒмакун’, эхемет (елкӒра эхемет пек тӒхӒннӒ), тапчак ‘йӒтем’.

Чѐлхери сѐмахсене пухмалли ятарлѐ ытѐвѐмѐн хѐш-пѐр пѐйсѐмпѐ Эрѐкментѐ суралса ѳснѐ Надежда Мефодьевна Соколова (1965 с. суралнѐ) сырса илнѐччѐ. Акѐ тѐслѐхсѐм:

– тум-тир ячѐсем: *тѐхѐнѐм* ‘одежда’, *пѐйма* ‘валенки’, *тутѐр* ‘платок’, *чусинки* ‘колошпа тѐхѐннѐ’, *шапка* ‘шапка’, *чѐрситти* ‘фартук’, *пиѐиххи* ‘пояс’, *лентѐ* ‘лента’, *чѐлха* ‘чулки’, *шѐтѐкла* ‘кружева’, *тѐме* ‘пуговица’, *сип* ‘нити фабричныѐ’.

– сын кѐлеткин пѐйсѐм: *шѐм-шак* ‘тело, корпус’, *касан* ‘спина’, *сивѐт* ‘коса’, *янах* ‘подбородок, челюсть’, *мѐйѐх* ‘усы’, *куѐ карши* ‘ресницы’, *хултѐсѐи* ‘плечо’, *карланкѐ* ‘дыхательное горло’.

– чир-чѐр: *чирлѐ* ‘больной’, *тытамак* ‘эпилепсия’, *сарра кайни* ‘желтуха’, *паралич* ‘паралич’, *кѐсѐ* ‘чесотка’, *шѐвѐн* ‘бородавка’, *тару* ‘лекарство’.

– сын тѐрѐмѐпѐ, паллисѐмпѐ сѐхѐннѐ сѐмахсѐм: *сирѐп* ‘крепкий, здоровый’, *чипер*, *матур* ‘крепкий’, *сулахѐй* ‘левша’, *пѐлатнай* ‘толстый, полный’, *чухѐн* ‘бедный’, *чѐе*, *усал* ‘хитрый’, *силѐллѐ* ‘сердитый’, *пѐкрѐ* ‘горбатый’, *юлхав* ‘лентяй, ленивый’, *калти куѐ* ‘косоглазый’, *кутѐн* ‘упрямый’, *уксак* ‘хромой’, *чирлѐ* ‘слабый, болезненный’, *саккав* ‘картавый’, *косноязычный*, *ѳшен*, *мѐшиѐлтѐк* ‘медлительный’, *мухтанчѐк* ‘хвастун’, *суккѐр* ‘слепой’, *хѐйне кура мар* ‘гордый’, *йѐвѐрлѐ* ‘беременная’, *папакланнѐ* ‘ача суратнѐ’.

– сѐр ѐс хатѐрѐсем, тыр-пул: *тирѐс* ‘навоз’, *ака пуѐ*, *суха пуѐ* ‘старинная соха’, *пурѐк* ‘лукошко’, *хусѐк* ‘деревянная лопата для выкапывания картофеля’, *тѐпас*, *кепкеѐ* ‘цеп’, *шѐпѐр* ‘метла’, *сѐмел*, *капан* ‘зарод, копна снопов четырехугольной кладки’, *вир* ‘просо’, *пѐри* ‘полба’, *марталѐх*, *вѐллѐлѐх* ‘пасека’.

– сѐмрѐксен вѐйитсѐм: *туп* ‘мяч’, *лапта* ‘тѐж’, *тупѐлла* ‘игра в мяч’, *коньки* ‘коньки’. Бѐтти вѐйѐ ячѐсем: *чикѐшлѐ*, *сѐпатсал*, *калла*, *бангал* (ал туйпѐпѐ вѐлыѐсѐѐ), *кусналла*, *пытанмалла* т. ыт. те.

Три Ключа ялѐнчен 2–2,5 сѐхрѐмра вѐрнаснѐ Тѐпканчѐ пуѐ (вѐрѐсла Петровка) ялѐнчен пѐр 30 яхѐн хусѐлѐх. Тѐпканчѐ пуѐ юнашарти Тѐпканчѐ (вѐрѐсла Семенкино) ялѐнчен куѐсса килекенсенчен пулса кайнѐ. Ку таврара чѐваш ялѐсем татах та пур: Юмаш – чѐв. Пахильт, Макаровка – чѐв. Сукран. Сукранта пѐтѐмпѐ 70 яхѐн хусѐлѐх. Вѐсенчен инсѐх те мар тутар ялѐсем. Сѐвѐнпа та каласура тутар чѐлхи вѐтѐм кѐни пѐтѐ лайѐх сѐсѐнет. Ялѐн хѐвел тухѐс енче, икѐ сѐрма пѐрлешнѐ вѐрѐнта, масар пур. Масарта пытарасси тата хѐресене лартасси Три Ключа ялѐнче те, Тѐпканчѐ пуѐ ялѐнче те пѐр пекех. Тѐпканчѐ пуѐсѐнчи пѐр хѐрарѐма, упѐшки пуртѐпа касса вѐлернѐскере, масар картину кѐртмен, масарпа юнашар пытарнѐ терѐс. Тѐпканчѐ пуѐ ялѐнчи каласу, тѐпрен илсен, уйрѐлсах каймасть. Анчах та урѐхларах сѐмахсѐм пур. Анна Николаевна Акимовѐпа (1931 с. суралнѐ) каласнѐ хушѐра сѐк сѐмахсене сырса илме май килчѐ:

– *Три Ключара пурѐнанкан чѐваисене шур (не сурт?) чѐваш тѐсѐѐ, мѐнишѐн ѐна сѐпла каласѐѐ?*

– *Шур чѐваш – тѐп чѐваш, сѐвѐнпа каланѐ. Топкѐнчѐра волаканнисем те 7–8 ача, шкул кивѐ.*

Ку тѐрѐхра, эфир асѐрханѐ тѐрѐх, нумайлѐ хисѐпѐ -сен, сайра хутра -сем аффиксѐмпѐ палѐртасѐѐ. Тѐслѐхрен:

– *Халѐ ялта ватѐсен кѐна, сѐмрѐксен сѐк.*

– *Сирѐн яла мѐнишѐн Тѐпканчѐ пуѐ тѐсе каланѐ?*

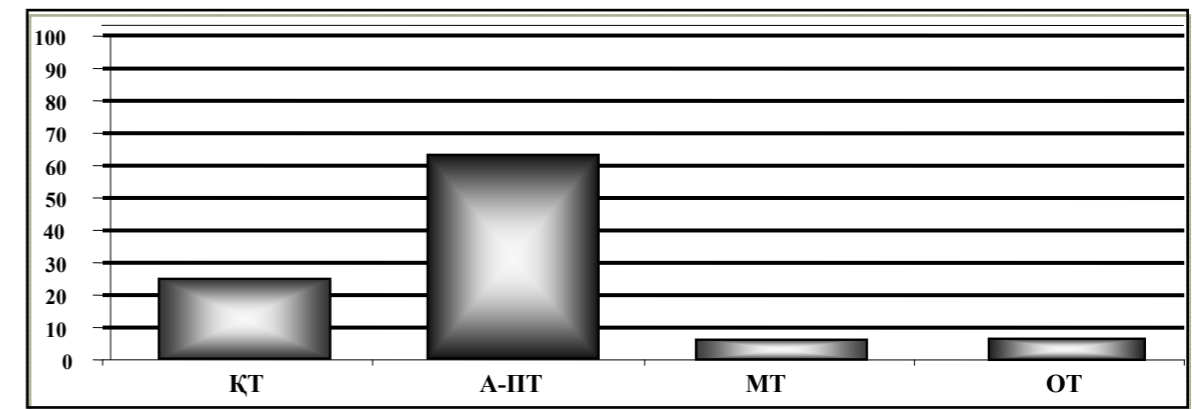
– *Кунти чѐваисем Тѐпканчѐран куѐсса килнѐ. Сѐвѐнпа Тѐпканчѐ пуѐ тенѐ. Тѐпканчѐ тѐсе вѐрѐн тупаччен ларса тѐнѐран каланѐ. Вѐл тутар сѐмахѐнчен пулнѐ. Пирѐн шкулта учитель волатать. Вѐл чѐваш, Юѐида ятлѐ. Сѐнѐ шкул тума пуѐларѐс, фундамента корчѐс, малалла никам та хускатмас. Кирпѐчѐсене те салатрѐс.*

– *Малалла мѐнишѐн ѐслѐмѐсѐѐ?*

– *Сѐльсовет пуѐша ѐслѐттерчѐ терѐс.*

Анна Николаевна Акимова (1931 с. суралнѐ) каласѐвѐнче тѐл пулакан сѐмахсѐм: *тѐсѐсе ларас* ‘пѐхса ларасѐѐ’; *тѐрлѐча юрѐ* ‘тѐрлѐрен юрѐ’; *тутар еккипе юрлаѐ* ‘тутарсем пек юрлаѐсѐѐ’; *малай* ‘парень, молодой человек’; *ултѐ виѐмеклѐ* ‘ултѐ кѐтеслѐ сурт’; *агронома волат* ‘агронома вѐренет’; *тем ѐшамасть тет* ‘ѐша хурсах вѐренмест’; *касѐк* ‘йѐвѐр’; *шаян* ‘уѐѐ кѐмѐлпа сѐмахлакана сѐпла каласѐѐ’; *уттѐкѐна ларат* ‘канма ларать’; *ѐхер* ‘утвердительная частица’; *чѐваисене ѐнлатмалла юрлаттарас килет* ‘чѐвашсене эфир ѐнланмалла юрлаттарас килет’; *япалан фѐйти сѐк* ‘япалан усси сѐк’; *ѐнлатса юрлаттарчѐ* ‘ѐнланса юрлаттарчѐ’; *чѐкѐс* ‘молоток’; *калай тунѐ чухне йѐвѐс чѐкѐсѐпѐ сѐпасѐѐ* ‘пѐрт тѐрри валли хѐс-тимѐр тунѐ чухне йѐвѐс мѐлатукпа сѐпасѐѐ’; *сунак шѐри* ‘суннѐ япала шѐрши’; *чѐпрек шѐри* ‘кивелнѐ япала шѐрши’, *амалана тухсан чѐпрек пулатъ*; *лайѐх хѐваласассѐн хут парасѐѐ* ‘лайѐх вѐренсе пырсассѐн тата малалла вѐренме хут парасѐѐ’ (кѐна вѐл хѐйѐн ял хусѐлѐх техникумѐнче вѐренекен хѐрѐ пирки каларѐ. – Л.П.). Каласса ларнѐ хушѐра Анна Николаевнѐна иртсе пыракан пѐр хѐрарѐм чѐй ѐсѐме чѐнчѐ. Вѐл вара сѐпла хуравларѐ: *Рѐхмет. Калани чѐннинчен ытла.*

Анна Николаевнѐран ут-хатѐр тавраш пирки ятарласа ыйтса пѐлтѐмѐр. Унран сырнѐ сѐмахсѐм: *тѐсѐ* ‘тевѐш’, ‘тяж’; *йѐрчѐк* ‘йѐнерчѐк’; *хырѐмсалѐх* ‘подбрюшник’; *йѐвен* ‘подпруга’; *пѐкѐ* ‘дуга’; *чѐлтѐрѐк* ‘чѐлѐк’ (ураса сѐхмалла сѐсѐмене); *тилхѐпѐ* ‘вожжи’; *техѐрмѐч* ‘урапа’ (колесо телеги); ‘урапа тукунѐ’; *чѐкѐшкѐ* ‘урапа пѐти’; *кѐнтѐк* ‘шертешник’; *пѐлекей* ‘пѐчѐк’, *анлѐ* ‘сарлака’; *лѐшинккѐ*, *ѳрече*, *шинленѐ суна*; *хурама* ‘суна шѐлне тытгармалли’. Лаша ячѐсем: *Сархи*, *Аскасал*.

Е. Кѐлдейбекѐлы мен Н. Кѐнжегѐлѐлы шығармаларындагы бес тѐлдік кѐнерген аталымдардың пайыздык (%) кѐрсѐткішѐ

Н. Кѐнжегѐлѐлы мен Е. Кѐлдейбекѐлы шығармаларының лексикасын байытып тұрған кѐнерген аталымдар. Екѐ ақынның да шығармашылығында қазақтың жалпы халықтық тѐлін негѐз етти деген қағиданы айтуға себеп болатын негѐзгѐ фактѐнің бѐрѐ – олардың сѐздік құрамының ішінде **қазақтың байырғы тѐл сѐздерінің** қолданылуы. Мысалы, *қорамсақ*, *жарғақ*, *сауыт*, *тѐрме*, *кѐйме*, *жауырынышы*, *жаушы* т.б. сѐздердѐ атауға болады.

Тағы бѐр ескеретін жайт, сѐздік құрамы «таза» сақталған тѐлді ешбѐр жер шарынан іздеп табуға болмайды. Өрбѐр тѐлде шетел тѐлдерінен кірген сѐздер болады. Қазақ тѐлінің тарихына кѐз жѐберсек, сырттан кірген сѐздердѐ байқау қиынға түспейдѐ. Мұндай сѐздердѐ қайсыбѐрѐ халық тѐлінің фонетикалық әуеніне сай қалыптасқандықтан **«кірме сѐз»** екендігін тану да оңайға соқпайды, ал кейбѐр кірме сѐздер оқшауланып, өзіндік ерекшеліктерімен игерілген.

Қазақтың ауызекі сѐйлеу тѐлінде де, ауызша әдеби тѐлінде де **араб** және **парсы тѐлінен** ауысқан сѐздер қай кезең болса да едәуір орын алып келедѐ. Оған Орта Азия мен Қазақстан жерін мекендеген халықтың ислам дѐніне енуі, там-тұмдап болса да мұсылманша оқу-ағартудың орын алуы, ортағасырлық түркі әдебиетінің қазақ қауымына да таныс болуы сияқты факторлар себеп болды.

Сонымен **араб-парсы тѐлдерінен** енген сѐздер қазақ тѐлінің сѐздік құрамын сан жағынан ғана байытып қоймаған, оның лексикасын түр-түрпатын, мән-мағына жағынан да кеңейтѐп кемелдендірген.

Араб-парсы тѐлдерінен ауысқан кірме сѐздердѐ кѐнерген түрѐ қазіргі қазақтың тѐл сѐздерімен синонимдік қарым-қатынаста жұмсала жүрѐп, олардың стильдік мәнѐ жағынан саралануына ықпал жасайды. Әдеби тѐлде қайсысы үстем қолданылу керек деген мәселеде тѐл (тума) сѐз бен кірме сѐздердѐ арасында ана тѐліміздің өз сѐздерѐ көп жағдайда үстем болып отырды. Нұртуған мен Ерѐмбет шығармаларында кездесетін қазіргі қазақ лексикасында кѐне сѐздер қабатына енген **араб-парсы** сѐздерінің тѐл сѐзімізбен салыстырғанда анық байқауға болады. Мәселен, *ақын* мен *шайыр*, *ақша* мен *пұл*, *қолбасы* мен *сардар*, *оқымысты* мен *ғұлама*, *тѐреші* мен *қазы*, *үлгі* мен *гибрат*, *маңдай* мен *пешене* сияқты сѐздердѐ кейінгі сыңарлары пассив сѐзге айналды. Сѐйтѐп, олар стильдік синонимдердѐ санатына барып қосылды. Сонымен қатар қабат тѐлде керѐ үдерістер де болды. Аталған ақындар шығармаларында кездесетін қазақтың *қатын* деген кѐнерген аталымын арабтың *әйел* (*гәйял*) деген сѐзі әдеби тѐлден ығыстырып шығарды. Ақындар туындыларында кездесетін қазақтың байырғы *тәңір* деген сѐзінің орнына парсының *құдай* (*ходай*) деген дѐні сѐзі жиі айтылатын болды.

Ақындар тѐлі лексикалық қабатын байытып тұрған – **араб** және **парсы** сѐздерѐ. Бұрыннан қазақтың жалпы халықтың тѐлінде қалыптасқан шығыс сѐздерін Нұртуған мен Ерѐмбет жатсынбай, еркін қолданады. Олар дѐнге, оқу-ағартуға, өнер-бѐлімге, әкімшілікке, сауда-саттыққа қатысты болып келедѐ. Араб-парсы сѐздерінің басым көпшілігін, жалпы халықтық тѐлдегі сияқты, ақындарда да дерексіз ұғым атаулары құрайды (*кәр*, *ағзам*, *әзел*, *әмір*, *ғапыл*, *ғамкін*, *ғиззат*, *гибрат*, *гинаят*, *ғұзыр*, *дат*). Екѐ ақынның да лексикасының бѐр ерекшелігі – мұнда қазақ тѐліне енбеген араб-парсы сѐздерінің де қолданылатындығы.

«Араб-парсы тѐлдерінен ауысқан сѐздердѐ шамамен болса да дәуірлеу қиын», – [Дала: 1894, 27.] дейдѐ «Дала уәләятының» газетінде. Бѐрқатар тѐл тарихын зерттеушілер бұл тѐлдерден сѐз ауысуды орта ғасырлардан басталады деп айтады. «Шындығында да, қазақ тѐліндегі көптеген араб-парсы сѐздерінің қазақ тѐлінің фонетикалық заңдылығына әбден бағынып, қазақтың байырғы сѐз, қосымшаларымен жымдаса кірігіп, басқа тѐлдік қасиетін жойып кетуі – олардың талай ғасырды басынан кешіргендігінің

Турецкое слово **devletli** интересно тем, что две семы – «счастливыи» и «состоятельный» – в нем «спаяны» воедино и практически не меняются и не вычлениются в зависимости от контекста, кроме отдельных случаев: *devletliye dokun geç, fukaradan sakın geç* досл. ‘проходя мимо счастливого (богатого), прикоснись, проходя мимо бедного, остерегись’.

В образных составляющих концепта «счастье» в этих языках также наблюдается сходство. Так, в выражениях *бахет канкасы ачылу* (букв. ‘раскрываются ворота счастья’) и *kismet kapısı* (букв. ‘ворота судьбы’) налицо полное соответствие образа. Образ птицы – символа счастья также присутствует в обоих лингвокультурах, хотя и выражен при участии различных лексем с данной коннотацией: тат. *бахет кошы*; тур. *talih kuşu, devlet kuşu*. У татар упоминается также мифическая птица *койгырыш*, также считающаяся птицей счастья, соответствия которой мы пока не обнаружили.

Цветовая составляющая образного компонента концепта одного языка также созвучна с другим языком: тат. *ак бахет* (букв. ‘белое счастье’) ‘пожелание светлого, чистого счастья’; *кара бахет* (букв. ‘черное счастье’) ‘злой рок’; тур. *ak günler* ‘счастливые дни’; *bahı kara* (букв. ‘судьба его черная’) ‘несчастный, преследуемый злым роком’; *talihı kara* (букв. ‘судьба его черная’) ‘невезучий, несчастный’ и др. В образном ряде есть некоторые различия, которые, однако, могут объясняться субъективными причинами, в частности недостатком материала по турецкой части. Например, у татар есть поверье, что если принести в дом растение *бахет чәчәге* ‘золотая розга, золотарник’ и если оно расцветет, это принесет счастье в дом.

В рассматриваемых нами татарской и турецкой лингвокультурах концепт обладает постоянно развивающимся в процессе расширения ассоциативного восприятия человека и сферы контекстуальных связей полем сем. Концепт «счастье» передает специфику национально-культурного мировидения татарского и турецкого народов, отражает их национальные характерологические черты как сложившихся этнических сообществ.

Литература

Гуревич Т.М. Концепт «человек» в японской языковой картине мира // Международный конгресс востоковедов: Труды. М.: Институт востоковедения РАН, 2007. Том 1. 475 с.

Евразийская лингвокультурная парадигма и процессы глобализации: история и современность: Материалы I Международной научной конференции. 11–13 ноября 2009 г. Пятигорск: Изд-во Пятигорского государственного лингвистического университета, 2009. 312 с.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.

Татар теленең анлатмалы сүзлеге: Өч томда / Редкол.: Л.Т. Мөхмүтова, М.Г. Мөхәммәдиев, К.С. Сабиров, Ш.С. Ханбикова; СССР ФА КФ Г.Ибраһимов ис. ТӘТИ. Казан: Татар. кит. нәшр., 1977–1981.

Türkçe Sözlük. 10 baskı. Ankara: TDK, 2005. 2244 s.

Türkçe Sözlük. Yeni baskı. 2 cilt. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1988. 1679 s.

Seyfettin Altaylı. Azərbaycan Türkçesi Deyimler Sözlüğü. Ankara: Rrestij matbağası, 2005. 588 s.

Ömer Asım Aksoy. Atasözleri ve Deyimler Sözlüğü. 2 cilt. İstanbul: İnkılap, 1993. 1205 s.

СЫР БОЙЫ АҚЫНДАРЫ ТІЛІНДЕГІ КӨНЕРГЕН АТАЛЫМДАРДЫҢ ҚҰРАМЫ ЖӘНЕ ЛЕКСИКА-СЕМАНТИКАЛЫҚ ТОПТАРҒА ЖІКТЕЛУІ (Ерімбет пен Нұртуған шығармалары бойынша)

(Особенности лексико-семантических групп устаревших названий в языке Еримбета и Нуртуғана)

Г.Ж. Утемисова

Казахская академия транспорта и коммуникаций им. М. Тынышпаева г. Алматы

Внедря архайзмы и историзмы в современный языковой оборот, мы обогащаем словарный фонд родного языка. Устаревшие названия (архайзмы и историзмы) в языке Еримбета и Нуртуғана были объединены в лексико-семантические группы.

Introducing out-of-date names in a modern language, we enrich dictionary fund of a native language.

Тілдегі көнерген аталымдардың көнеруі не біржола жоғалуы – күрделі құбылыс, ол өте ұзақ уақытты қажет етеді. Белгілі бір ұғымның көнеруіне байланысты сол ұғымды аңғартатын аталымның да қолданысы сирей бастайды. Тіл-тілде дамудың әртүрлі кезеңдері тудырған тіл өрнектері толып жатыр. Ондай тіл фактілері өткен дәуірдегі болған оқиғаларды тарихи жағдайға байланысты суреттеуде жұмсалады, әрі шығарманың көркемдік дәрежесін арттырып отырады.

Н. Кенжеғұлұлы мен Е. Көлдейбекұлы шығармаларының аясы өте кең, сан алуан. Аталмыш ақындар өздері өмір сүрген дәуір тынысын сезініп, біліп, танып, шығармалары арқылы үн қосып отырған. Ақындар көркем шығармаларында сол тұста мол қолданылған, бірақ қазір көнерген болып есептелетін аталымдарды қолдана отырып, шығарманың лексико-семантикалық қабаттарын байыта, ажарлай түскен.

Зерттеу жұмысында ақындар шығармаларында кездескен көнерген аталымдарды сұрыптап келе, бес тілдік қолданыс анықталды. Олар: **қазақ, араб-парсы, моңғол, орыс тілдері.**

Тәпқанчә пүсәнче урам варринче шыв әсмалли тараса пур. Унән пайёсем: 1 – *сиктёрме*; 2 – *урлашка*; 3 – *тукмак*; 4 – *витре*.

Тикёслёхе фәмәлләх пама тукмак факнә. Фәл патне пырса лаша ёстерефсё. Урлашкине платна пүсёпе (пысәк пүсёпе. – Л.П.) аялалла хурафсё.

– *Эсир хәвәрән упәшкәра мёнле калатәр?*

– *Мәшәр, сөми теппәр ёнтё.*

Хурамал ялё (вырәсла Новоюмашево) күршәллё Чекмагуш районёнчи Юмаш ялёнчен кусса килсе ларнә. Хурамалта суралса ёснё Агафия Степановна Павловәпа (?1911 ф. суралнә) курса каласрәмәр:

– *Сирён кунта сәра мёнле тәвафсё?* – *тесе ыйтрәм.*

– *Малтанах шыв вёретеп, каярах чёкөнтёр ярса вёретеп, хәмла ярап, сахәр ярса йүсётеп. Симёк валли шәп пулать. Кәрчама пулчё.*

Каярах платниксемпе курса каласрәмәр, вёсен каласфәвёнчи хәш-пёр сәмахсене сырса илтёмёр: *ыра* ‘пёрене финчи мāk хума каскаласа тунә шәтāk, вәл пёрене тәршипех пулать’; *сәра* ‘пёренене кётеслесе пуранә чухне ятарласа тәваткал паз хәварафсё. Ана вара сәра тефсё, вырәсла «замок» пулать’; *әста* ‘платник, пүрт-сүрт тәвакан’ (сүртсене ку тәрәхра нимелле те тәвафсё, әстасене тытса та купалаттарасфё); *пүрт хәтлама* ‘сөнё пүрт ёски’ (кил хуфисем сөнё пүрте кёрсен, пёлёш-тәванёсене, күрши-аршисене пүрт хәтлама чёнефсё); *шәмартма*- ‘строгать’, чәв. ‘савалама’; *түпе хәми* ‘потолок’; *сәсса хур*- ‘начертить линию’ (ыра валли), ‘чёрсе хумалла тенине пёлтерет’; *урата* ‘урайне сарма урай каштине уратасем фине лартафсё, у.к. вәл урай каштин юпи пулать’; *никёсе чулла хёстереф* ‘никёс вырәнне чул хурса тултарине пёлтерет’; *аллинчен килет иккен* ‘әста аләллә фын’; *калушиша* ‘галощи’, *пәйма* ‘валенки’; *бурка* ‘бурка’; *отә* ‘сапоги’ (сүркунне тәхәнафсё); *сәмәр* ‘дождь’; *суккәр сәмәр* ‘мелкий дождь’; *вәйлә сәмәр* ‘ливень’; *пелеккөй* ‘маленький’; *пусәк* ‘большой’; *тен* ‘тело’; *кукасей* ‘дедушка со стороны матери’; *тетте* ‘игрушка’; *лапта* ‘мяч’; *шәхәрни* ‘дудочка’; *хутлә ёллен* ‘назв. детской игры’; *пикене* ‘куклы’; *хултәрча* ‘сучило’ (тат. *калтырча*, мар. *олдырчо*); *сёрё* ‘цевка’ (тат. *шуре*); *кармак* ‘удочка’; *кәмтавәши* ‘семечки’; *кёрё* ‘нитченки’ т. ыт. те.

Хурамалти урам ячөсем: *Сүлти урам, Аялти урам, Варринчи урам.*

Хурамалти пёве ячөсем: *Шаранкә, Жижа, Тимёр нуи, Мотор нуи* (шәвармалли установкаем ларнәран каланә).

Хурамалти сәрт ячөсем: *Чуллә сәрт, Кёнес сәрчө, Хурәнләх.*

Чёлхен пуялнәхё лексикән төрлө ушкәнёсенчен тарать. Вёсен шутне пулфәвё тёлёшёнчен питё интереслө, пёр-пёрне тәрәхла са та мәшкәлләса калакан хушма е витлесе калакан ятсем («кличка», «прозвище») кёрефсё. Хурамалти шул ачисенчен ыйтса сәвсене ятарласа сырса илтёмёр. Ку шула вифё халәх ачи сүрет: чәваш, сармас, тутар. Вёсем вара пёр класрах вёренефсё, эпир сәнанә тәрәх, пёр-пёринпе вырәсла кәна каласфәсё.

Хушма ятсем (прозвища): *Мамун, Клоун* – Халилов Ильнур (тутар); *Калуш* – Султанов Алексей; *Борман* – Максимов Вова; *Моряк, Батя, Санки, Танкис, Барон, Узбек, Украина-Женя* (ку хушма ятсем пурте пёр ачан – Женьән). Хушма ятсене эпир 10–11 сүлхи шул ачисенчен (Степанов Михаил Гурьевич, Яковлев Геннадий Аркадьевич, Султанов Алексей Анатольевич) ыйтса сырса илтёмёр. Хәйсем вёсем чәваш пулин те, чәвашсен, сармассен, тутарсен хушма ячөсене пёлсех тәрәсё. Пёр-пёрне сәв ятсемпе чёнефсё.

Эпир Хурамалтан 2–2,5 сүхрәмра вырнафнә сармас ялне те ситсе килтёмёр. Хәш-пёр каласфәвёсене, юриссене магнитофон фине сырса илтёмёр. Кунта тёне кёмен сармассем пурәнафсё. Ялө пысәках мар, 30–32 хушәләх. Каласма пёр-пёринпе сармасла та, тутарла та каласса илесфё. Тутар чёлхи вара сармаспа чәваша пёр-пёрне әнланма пуләшәт. Эпир ситес умён пёр кун маларах сармассем симёк туса ирттернө. Йәлине, хәйсем каланә тәрәх, чәвашсемпе пёр пекрех ирттерефсё: масар фине пухәнса каяфсё, ёсөсё-сөсөсё, юрласфё-ташласфё. Ял ячө – Еленчик-Башево, чәвашла кусарсан «Сёлен пүсё» пулать, сёлен пурәнәкан вырән, туллә вырән. Сёлен пирки халап та пур.

Сёлен хальхи вәхәтра юлман кунта. Сёлен тарнә. А (текстра сәпла. – Л.П.) сёленё кайнә мён тет. Малтан питё нумай сёлен пулнә. Ял халәхө тухәт те сёлен пусләхне тупать, атаманне. Малтан урлә-тирлө сёлен сүренё, утма та пулман. Вара тарәхса ситнипе тытәннә шырама сёлен пусләхне. Сёлен пусләхне тытнә та, каснә та айна, илсе кайнә айна аста-тәр. Сәвән хысфән вара кунта сёлен юлман.

Кунти сармассем тутарсене сүеф тефсё. Масар ялән сүрфёр-хёвел тухәс енче вырнафнә. Кунта хёресем сук, юпасем сөс лартнә. Юпи фине пөчөк хәма татәкө сәпса лартнә. Пытарма әратне тәрәх пытарнә. Сәв юписем финчи хәмасене хәшне-пёрне хёвел тухәснелле, теприсене хёвел анәснелле сәвәрсә лартнә. Елөкрех япала купаласа хунә. Вёсен тәпри финче вара юпа сук. Патак чиксе лартнә, патакө фине тутәр пек япала сыхса хунә. Вил тәприне сәпла каштасем хурса купаласа хунә. Хәш-пёр вил тәпри финче икө кашта. Пирён шутпа, пёри арсынна пёлтерме пултарать. Вил тәприсем финче сәкән пек антропонимика конструкторисене сырса илтёмёр:

Асмендияров Салимгарей Гадьяльевич
1953–1983 гг.

Асмандиярова Бабука Митрофановна
1910–1982 гг.

Имаева Минлибика Давлетбаевна

Тепёр вил тапри сине сәлтәрлә пәләк лартна. Ун сине сәрни сәпла:

Асмандияров Асманшиан Асмандиярович
1909–1975 гг.

Кивё Юмаш (Старые Юмаши) Три Ключа ялтан пёр 10–12 сүхрәмра вырнашнә. Ку ял урәх района кәрет, унан пёр урамәнче сармәссем пурәнашсә. Вәсен хәйсен масарә. Еленчик-Башево ялпе танлаштарсан, кунти сармәссен масарә кәштах уйрәлса тәрәт: Юмаш масарә сине лери пек купаласа пура пекки тумасәсә. Пыгарма вара кунта та әратне тәрәх пытарасәсә. Ячәсем те савнашкәллисемех:

– хушаматсем: *Арсланов, Садыков, Сатыев, Аднагузин, Латыпов, Узьянбаев, Капаев.*

– арсын ячәсем: *Ислам, Селем, Тимәргерей, Тимәрян* т. ыт. те.

– хәрарәм ячәсем: *Сулике, Минлисса, Минсулу, Минлепа, Сәскебике, Алма, Марсем, Гульзина* т. ыт. те.

Халё чавашсем пекех тупәк туса пытарасәсә. Ёләк унашкал пулман, йывәс хуппипе пытарна. Йывәс хуппи сине хунә та аһа шура материалпа чәркесе пытарна. Масар сине ятарласа тәватә патакран тунә насылкапа йәтса кайна. Пёр вил тапри сине вәл насылкки те выртатчә.

Юмашра 1898 сүлта сурална Григорий Андреевич Андреев пёр сәсәнче сәпла каланә:

«Родиной юмашевских чувашей была деревня Юмашево, она так называлась до 1917 года. В 1917 г. переименовали название деревни Юмашево в Буинск. Буинск входит в состав Ковалькинского сельского совета Урмарского р-на Чувашской АССР. Н. Семенкино (соседняя деревня, по-чув. Талпанчә. — Л.П.) и Юмашево поселились на этой земле по праву приобретения в 1812 г. у башкирцев деревни Тучкак-Куяново по договору на вечное владение. В то время эта деревня входила в Кыр-Иланскую волость, состоящую в 1811 году, по 8-й ревизии, из 13 деревень, в т.ч. Пучкак-Куяново, Байкиево, Митряево, Уйбулатово, Кутуево, Байгильдино и т.д.».

Юмашра сирә илнә уйрәм сәмахсемпе паллашар: *сәрак* ‘пылчәк, йәпе-сапа’; *мелке* ‘катемпи’; *пуркән* ‘пурән’; *эрекет* ‘лайәх’; *йәкәсәсә* ‘мәшкәлләсәсә’; *тәпексем* ‘тәвансем’; *эти* ‘старуха-повитуха’.

– *Сирән патәрта сәмәке мәнле ирттересәсә?*

– *Кәнтәрла чират пусланса каять, мунча кәрсә, лайәх тумланса лайәхланса каясәсә. Чиратне пәтермесәсә. Масар сине каясәсә. Унта купәсна каясәсә. Масар сийәнче юрласа ташласәсә. Пурте пәрле, ачи-пәчи. Виллисене савантарасәсә. Пирән кунта сәмәк валли икерчә (блины) пәсәресәсә.*

– *Йәва пәсәресәсә-и?*

– *Йәвача сәнә сүлта тәвасәсә. Пүрт лартсан – никәс пәтти сәесәсә. Унта ташламасәсә. Пүрт сәкәлесәсә ташласәсә.*

– *Сирән ялта каччәсем нумай-и?*

– *Каччәсем – майран (у.к. – нумай).*

– *Самрәксем мәнле вайәсем вялясәсә?*

– *Ёләк вяляччәсә: тиләк хәрах. Ташласа вялясәсә. Сәрә яни пур. Кәспала самрәксем пыркаласә.*

Кайран Тәлпанчә «Н. Семенкино» ялне пырса кәтәмәр. Ку ялпа юнашарах тутар ялсәсем. Кунти чавашсем пурте тенә пекех тутарла пәлесәсә, каласура та тутар витәмә пурри лайәх сисәнәт.

Секция 7

ВНЕШНИЕ СВЯЗИ ТЮРКОВ ПО ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИМ ДАННЫМ

ЗАИМСТВОВАНИЯ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

А.М. Гарифуллина

Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Казань

Словарный состав любого языка постоянно меняется, так как языку свойственно отражать все изменения в жизни человека. За последние 80 лет в турецкий язык вошло большое количество новых слов из других языков, так называемых заимствований. Вопросы заимствований в турецком языке до сих пор являются актуальными как для турецких, так и отечественных лингвистов. Основной лексический пласт турецкого языка содержит общетюркские слова. Однако в нем имеется огромное количество слов, заимствованных из восточных и западноевропейских языков. Если первая группа представлена такими

отвернулась’; *бәхетең бар икән* ‘везет же тебе, ну и везучий же ты’; *бәхет басу* (букв. ‘счастье затопило’) ‘случайно повезти, счастье привалило, повезло так повезло’ и т.д.

Если для примера рассмотрим то же арабское заимствование в турецком языке, то, в отличие от татарского, сема «счастье» не является первой и основной для слова *bahıt*. В значении и в контекстуальных связях слова преобладает сема судьбы, везения и семейного счастья: *bahıt* 1) ‘судьба, доля’; 2) ‘счастье’; *bahıtlı* ‘человек счастливой судьбы’; *bahıt işi* (букв. ‘дело судьбы’) ‘дело случая, как повезет, как фортуна повернется’; *bahıt açık* (букв. ‘судьба открытая’) ‘человек счастливой судьбы’; *bahıt bağı olmak* (букв. ‘судьба привязанная’) 1) ‘несчастливая судьба’; 2) ‘не находить жениха’; *işini kış tut da yaz çıkarsa bahıtına* букв. ‘сделай свое дело зимой, и если дотянет до весны – на твоё счастье’. Однако в устойчивых выражениях и в производных четко представлена и коннотация «счастье»: *bahıtlıyar* ‘счастливый, радостный, довольный’; *bahıtlıyarluk* ‘счастье’; *bahıtsız* ‘несчастливый, невезучий’; *bahıtsızlık* ‘отсутствие счастья’.

Наиболее близкими, если не идентичными, как в плане отдельных коннотаций, так и по частоте употребления и обилию дериватов являются тат. *кот* и тур. *kut*. тат. *кот* ‘счастье, удача’; *котлау* ‘поздравления, благопожелания’; *котлык* ‘счастье, удача’. *kutulamak* осчастливить; *kutululuk* счастье. Обилие дериватов слова *кот* (По Толковому словарю татарского языка – 13 явных дериватов, при этимологизации – еще 12) не только свидетельствует о раннем происхождении, но и указывает на его роль в образовании ядра концепта в обоих языках. Причем мы исключаем из поля зрения другие значения этого слова типа ‘душа’, ‘дух’, ‘жизнь’ и др. Некоторые различия заложены в лексемах уже на стадии мотивирующего признака номинации. Например, тат. *котсыз* означает ‘неприглядный, некрасивый, неприятный’, а тур. *kutsuz* ‘с несчастливой судьбой, несчастный, обездоленный’. Это означает, что лексема образована одним способом, от одной основы, но от разных ее значений.

Слово *ураз* является одним из наиболее близких к ядру. Можно утверждать, что в определенный период до активизации заимствования слова *бәхет* оно было ядерным элементом данного концепта. В современных словарях лексема зарегистрирована в фонетическом варианте *ырыс* и *ырыскал* в значении ‘счастливый’ с пометами «устаревшее» и «диалектное». Кроме того, она сохранилась в паремиях. Например, *яхшы адам – илнең ырысы, яхшы сүз – күңел тынычы* букв. ‘хороший человек – счастье для людей, хорошее слово – спокойствие души’; *агасы барның ырысы бар* букв. ‘у кого есть брат, у того есть счастье’. Слово также довольно широко представлено в ономастиконе: *Уразбакты, Уразгилде, Уразхан* и т.п.

Лексема *сәгадат* также является практически полным синонимом слова *бәхет*, хотя имеет несколько пафосную окраску, в связи с чем употребляется чаще в поэтической речи.

Для разговорной речи часто характерно опосредованное выражение значения счастья, без употребления слов, несущих данную сему. Одним из таких средств является фразеология: *күкнең эсиденче катында булу* ‘быть на седьмом небе от счастья’; *очып йөрү* ‘летать, от счастья ног под собой не чуют’ и др.

Тат. *уңу* также относится больше к устной речи и используется для выражения практически всех понятийных компонентов концепта: удачи, везения, семейного счастья и др. Например, *ирдән уңу* – ‘удачно выйти замуж, посчастливиться с мужем’, *сыердан уңу* – ‘повезти с коровой’, *жирдән уңу* – ‘повезти с землей (угодить на плодородный участок)’ и т.д.

Лексема *рәхәт* ‘счастье, удовольствие; счастливый’ в современном языке не так активна, как предыдущие: *рәхәт чигү* ‘наслаждаться, быть счастливым’; *рәхәттә йөзү* ‘блаженствовать’. Однако в таких жанрах татарского фольклора, как короткие песни, отчетливо выражена сема счастья:

Ай, сай жиргә су жыелган,

В лужице неглубокой соловей купается,

Шунда былбыл коена...

Ой, душа моя,

Әллә рәхәт көнем юкка,

То ли от того, что нет у меня счастья,

Гомрем озын тоела.

Жизнь долгой кажется.

Татарское *насып* практически полностью соотносится с турецким *kismet* ‘предначертанное будущее, судьба; доля; удобный случай, совпадение’. Например, *misafir on kismetle gelir, birini yer dokuzunu bırakır* досл. ‘гость приходит с десятью долями, одну съедает, девять оставляет’; *bahı parmağı uzun olan yememiş, kismetі olan yemiş* досл. ‘мед съел не тот, у кого длиннее пальцы, а тот, кому было суждено (кому повезло)’; *kismet ise gelir Hind'den, Yemen'den, kismet değilse ne gelir elden?* досл. ‘если суждено – придет из Индии и Йемена, если не суждено – что может поделаться рука (человек)’ и др. Особенно близки эти слова в части коннотации ‘семейное счастье’: тат. *насыпбы чыгу, насыпбы табылу* соответствует тур. *kismetі çıkımak* ‘найти (дождаться) своего суженого’ и др.

Слово *өлеш* (букв. ‘часть’) ‘доля, то, что тебе суждено’ также близко к турецкому *kismet*: *кайда өлешең, шунда көмешең* ‘где то, что тебе суждено, там и серебро’; *өлешеңә тигән көмешең* ‘то серебро что тебе суждено’. Интересно, что данное слово имеет только один дериват, связанный с этим значением: *өлешсезлек* ‘бедность, нищета’. Как видим, оно находится на диаметрально противоположном конце семантического поля. По коннотации и по мотиву образования близко к русским прилагательным *обездоленный* в том же значении.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СЧАСТЬЕ» В НЕБЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ (на материале татарского и турецкого языков)

Ф.И. Тагирова

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, г. Казань

Любое явление и любой предмет в рамках разных культур воспринимаются по-разному, и понятия о них концептуализируются также по-разному. Именно поэтому сравнение и сопоставление особенностей репрезентации тех или иных лингвокультурных концептов средствами разных языков являются одним из важнейших способов реконструкции фрагментов картины мира. Концепт «счастье», по нашему мнению, представляет собой один из самых важных компонентов концептосферы, наиболее ярко отражающих специфику этнического менталитета и этико-эстетических пристрастий определенного сообщества.

За последние несколько лет, кроме исследований общетеоретического плана, увидел свет ряд работ, посвященных непосредственно рассмотрению данного концепта или его компонентов в разных аспектах и в разных языках, например, работы С.Г. Воркачева, И.С. Гавриловой, Д.Д. Лагаевой, О.М. Михайленко и др.

В данной статье мы акцентируем внимание на вербальной стороне выражения концепта. С этой целью нами предпринят сравнительный анализ зафиксированных в словарях синонимов этого слова, паремий, фразеологизмов, устойчивых сочетаний, раскрывающих содержание концепта «счастье» в татарском и турецком языках.

Как справедливо отмечает Ю.С. Степанов, метафизические концепты (душа, истина, свобода, счастье, любовь и пр.) – ментальные сущности высокой либо предельной степени абстрактности, они отправляют к «невидимому миру» духовных ценностей, смысл которых может быть явлен лишь через символ – знак, предполагающий использование своего образного предметного содержания для выражения содержания абстрактного. Вот, очевидно, почему концепты последнего типа относительно легко «синонимизируются», образуя «концептуализированную область» [Степанов: 1997, 69], где устанавливаются семантические ассоциации между метафизическими смыслами и явлениями предметного мира, отраженными в слове, где сопрягаются духовная и материальная культуры.

Лингвокультурный концепт «счастье» представляет собой сложное ментальное образование, в составе которого выделяются следующие компоненты: понятийные – благоденствие, благополучие, здоровье, удовольствие, спокойствие, судьба, семья, везение, удача, успех, богатство и др.; образные составляющие – создаются в результате метафоризации определенных значений (символы, цветовая составляющая); аксиологические – связаны с положительной оценкой счастья как цели человеческой жизни, желаемого идеального состояния, осознание которого происходит на фоне противоположного чувства – несчастья, страданий.

В силу ряда объективных причин, основной из которых является общечеловеческая значимость данного понятия, в результате сравнения обнаруживается большое сходство в ментальной репрезентации данных концептов в структурно-концептуальном плане. Ввиду того, что в формировании мировоззрения обоих народов, значит, и в становлении их языковой картины мира немаловажную роль сыграл ислам, это тоже является сближающим фактором. В то же время прослеживаются несовпадения в языках исследуемых культур в выборе предметных символов для выражения коннотативных значений.

Концепт «счастье» принадлежит к числу базовых единиц концептосферы татарского и турецкого языков и имеет сложную структуру, в которой выделяются ядро и периферия. В татарском языке ядерный (составляющий ядро) элемент «счастье» задается основным значением номинативной лексемы «бәхет» и является основой для всего концептуального содержания. В турецком языке ядерный элемент также определяется основным значением номинанта концепта – лексемой «mutluluk». Базовость данных номинантов определяется: 1) включенностью их в состав ядерной лексики данных языков, 2) большим объемом лексико-семантического поля данных единиц, 3) их обширными сочетаемостными возможностями. К периферийным элементам в татарском языке относятся *кот, ураз / ырыс, сәгадәт, рәхәт, шатлык, насып, олеи, язмыш* и др.; в турецком: *kut, şans, baht, devlet, kismet, talih, uğur, iyilik* и др. Естественно, ни в том, ни в другом языке средства вербального выражения смысла этими лексемами не ограничиваются, да и деление на ядро и периферию весьма условное.

Рассмотрим для примера ядерный элемент – слово *бәхет*. Оно чрезвычайно активно задействовано для передачи смысла как самостоятельно, так и в составе производных: в устойчивых выражениях, паремиях. Основной семой для данного слова является именно «счастье»: *бәхет йөзлегә белән туу* (букв. ‘родиться с маской счастья’) ‘родиться под счастливой звездой, родиться в рубашке’; *бәхет ишеге (капкасы) ачылу* (букв. ‘открылась дверь (ворота) счастья’) ‘наконец начался счастливый период, белая полоса, фортуна повернулась лицом’; *бәхетә барның иптәше үзәнә тиң була* (букв. ‘у счастливого пара бывает ему ровня’) ‘счастливому везет с парой’ и т.п. Второй по значимости и по частоте является коннотация “везение”: *бәхеткә каршы* ‘к счастью’; *суқыр бәхет* (букв. ‘слепое счастье’) ‘слепая фортуна, случайное везение’; *бәхет кирегә китте* (букв. ‘счастье повернуло назад’) ‘все пошло кувырком, счастье изменило, фортуна

языками, как арабский и персидский, то во вторую группу входят преимущественно французский, итальянский, английский и немецкий языки. Проникновению данных языков служили различные причины исторического, социального, экономического, культурного, политического характера.

Во времена правления сельджуков арабский язык считался языком религии, науки, школы и администрации. Персидский язык был языком поэзии и придворного общения. Арабская культура оставила большой след в турецком языке. Многие термины религиозного, административного и правового обихода прочно вошли в турецкий литературный и разговорный язык.

Ситуация изменилась после образования Республики Турция в 1923 году. Распространение литературного турецкого языка стало необходимостью после запрета преподавания арабского и персидского языков. Сторонники Кемалистской революции, проводящие реформы, во-первых, стремились очистить турецкий язык от арабских и персидских заимствований, заключавших в себе влияние ислама, которое считалось в то время причиной низкого уровня развития страны. Во-вторых, предполагалась модернизация турецкого языка для удовлетворения коммуникативных нужд развивающейся нации. Турецкий язык, не отличавшийся в то время стандартизацией и кодификацией, впоследствии развивался путём языкового планирования, что включало в себя замену арабского алфавита на латиницу для превращения турецкого языка в жизнеспособный язык коммуникации.

Иностранному языку стали меньше уделять внимание в связи с новой политикой государства. Однако французский и немецкий языки в то время были приоритетными языками благодаря социально-политическому развитию этих стран. К тому же в течение XVIII века французский язык успел стать языком торговли и дипломатии [Issawi: 1981, 384].

После образования республики модернизационные и вестернизационные движения привели к прочным связям с Европой и особенно с французским языком, что усилило его позиции.

К 1950-м годам литературный турецкий язык был широко распространён среди населения Турции. Именно в это время Турция начинает отходить от европейского влияния к влиянию США и английского языка. Английский язык конкурирует с французским, которому ранее отдавали предпочтение не только в дипломатии, но и в образовании, искусстве, литературе. Необходимость изучения английского языка была продиктована желанием улучшить торговые отношения с Западом и достичь прогресса в области технологий. Основной причиной растущего влияния английского языка на турецкий на современном этапе его развития является процесс глобализации нашей жизни, то что в настоящее время английский язык является языком науки, экономики, рекламы и электронных коммуникаций. В самом английском языке в настоящее время развитие словарного состава происходит бурными темпами. Следовательно, процент английских заимствований в современном турецком языке также высок. Главные сферы употребления английского языка – это образование и частный сектор, в т.ч. международный бизнес и туризм. Наглядно уровень проникновения заимствований в турецкий язык можно представить в следующей таблице [Demircan: 1988, 191]:

№	до 1773г.	1773-1923	1923-1950	1950-1980	после 1980
1	арабский	арабский	французский	английский	английский
2	персидский	персидский	английский	французский	немецкий
3	турецкий	французский	немецкий	немецкий	французский
4		английский	арабский	арабский	арабский
5		немецкий		персидский	персидский

Процесс проникновения заимствований в турецкий язык сопровождался лексико-семантической и графико-фонетической адаптацией. При этом процесс ассимиляции протекал и протекает не всегда гладко.

Для того чтобы какое-то иностранное слово могло применяться в современном турецком языке без возникновения каких-либо неясностей или семантических дериваций, это слово должно подчиняться основному закону сингармонизма гласных в турецком языке.

Применительно к англицизмам в турецком языке Wardhaugh предлагает их классификацию на «плановые» и «неплановые». «Плановые» заимствования относятся к первой фазе исторического развития и связаны с процессом модернизации. Их наличие обуславливается потребностью в наименовании нового предмета или явления. Например, *futbol, gol, kokteyl*. Так называемые «неплановые» распространялись вопреки политике турецкого правительства, так как использование английского языка в качестве канала доступа к научной информации приводит к тому, что местное население Турции переносит его влияние на родной язык и образ жизни, тем самым нарушая самобытность родной культуры.

Значение заимствований в языке-реципиенте обычно идентично их значению в языке-оригинале. Проследим это на примере галлицизмов, т.е. заимствований из французского языка, так как они составляют наибольшую часть западных заимствований. Например, *cravate fr. – kravат tr. – галстук*

русс.; *Pere Noel* fr. – *Noel Baba* tr. – *Дед Мороз* русс.; *ascenseur* fr. – *asansör* tr. – *лифт* русс.; *château* fr. – *şato* tr. – *замок* русс.; *chevalier* fr. – *şövalye* tr. – *рыцарь* русс. и т.д. Как видно из примеров, турецкий язык заимствует основное и единственное значение галлицизмов.

Значение слов в процессе их перехода в турецкий язык может сужаться по сравнению с языком-оригиналом. При этом язык-реципиент заимствует чаще основное значение. Например, французское слово *qualité* имеет следующие значения: 1) качество, свойство; 2) достоинство; 3) титул, звание, положение, должность, статус; 4) право, полномочие и т.д., тогда как турецкое слово *kalite* имеет только одно значение – «качество». У французского слова *vapeur* имеются значения: 1) пар, испарение; 2) туман, дымка; 3) недомогание, жар и т.д. Турецкое же слово *vapur* переняло модифицированное значение «пароход». Таким образом, в последнем примере наблюдается обратный процесс, т.е. расширение значения заимствованного слова в языке-реципиенте. Известны также случаи заимствования языком-реципиентом второстепенного значения слова в языке-оригинале в качестве основного. Например, во французском языке *garçon* имеет несколько значений: 1) мальчик; 2) разг. парень; 3) холостяк; 3) официант. В турецком языке *garson* имеет значение «официант». *Confection* во французском языке имеет значения: 1) изготовление, производство, выработка; 2) массовое производство готового платья; 3) конфек-ция, готовое платье. *Konfeksiyon* в турецком языке имеет значение «одежда».

Графико-фонетическая адаптация также имеет свои особенности. Как мы уже упоминали выше, одним из основных правил фонетики турецкого языка является закон сингармонизма гласных (*Büyük Önlü Uyumu*). Некоторая часть заимствованных слов, используемых в современном турецком языке, подверглась прогрессивной или регрессивной ассимиляции на основе закона сингармонизма гласных: *sayfa* от арабского *sahife*, *mümkün* от арабского *mümkün*, хотя и сохраняется функционирование варианта *sahife* в некоторых узконаправленных текстах, например исторических. Большая часть заимствованных слов не подчинилась закону сингармонизма. В заимствованных словах этот закон может нарушаться. Как правило, нарушение закона в том или ином слове свидетельствует о нетюркском происхождении слова в турецком языке. Например, *saatir*, *sadakattir*, *hafif*, *cevap*, *goller* v.s. Нарушение гармонии гласных в галлицизмах вызвано тем, что слово заимствуется с французским произношением. Например, *coiffeur* – *kuaför* – парикмахер, *musique* – *müzik* – музыка, *confection* – *konfeksiyon* – готовое платье, *soutien* – *südyen* – бюстгалтер, *police* – *polis* – полиция, *politique* – *politik* – политический и т.д. во французском, турецком и русском языках соответственно. В целом, французская транскрипция соответствует написанию и произношению слова в турецком языке. Однако здесь имеются некоторые трудности. Так, например, особенности открытого и закрытого звука «е» во французском языке передаются графически *é* (закрытый звук) *è* (открытый звук) *problème*, *concentré*. В турецком языке данные фонетические тонкости не учитываются.

Что касается заимствований из арабского и персидского языков, то здесь возникают свои сложности в произношении. В связи с особенностями арабского алфавита все фонетические единицы не находят полного отражения в турецком языке. Окончательно не были установлены правила правописания арабских, персидских заимствований. Одно из назначений апострофа в турецком языке – раздельное прочтение звуков. Например, *kur'a*, *san'at*, *mes'ul* v.s. Несмотря на то, что в современном турецком языке апостроф в данных словах не пишется, более правильным будет прочтение их так, если стоял бы в них апостроф. Носители языка с хорошей языковой компетенцией произносят эти звуки в словах с небольшой остановкой. То же самое касается и знака [^], некогда существовавшего в турецком языке. Несмотря на отсутствие знака в правописании турецких слов, он сохраняет своё значение – удлинение гласных *â, î, û: âdet, hükûmet, askerî, edebî, siyasi, kanunî* или смягчение гласной *â* после согласных *k, l kâtip, bekâr, k âmil, lâzım, lâyük, felâket, kâr* v.s. Отсутствие данных знаков ведёт к неправильному произношению ряда слов молодым поколением Турции, не говоря уже об иностранцах, изучающих турецкий язык в качестве иностранного языка. Например, вместо правильного произношения слова *rakip* появляется *râkip*, вместо *hakem* – *hâkem*, вместо *istifa* – *istîfa* и т.д. В современном написании эти знаки отсутствуют либо заменяются на более привычные: вместо *siyasi, kanunî* – *siyasi, kanuni*. Безусловно, это не добавляет ясности в произношении этих слов, из-за чего многие писатели и издания, являющиеся противниками таких нововведений в турецком языке, до сих пор продолжают по старым орфографическим традициям использовать данные знаки в печати.

В процессе заимствования слов в турецкий язык возникают ещё более сложные языковые казусы на лексическом уровне. Так, из английского языка перенимается не только значение, но и сама структура слова или словосочетания, не свойственная турецкому языку и противоречащая логике языка. Например, *Banyo, duş, kahvaltı, içki aldım*. Принял ванну, душ, позавтракал, выпил – неверные варианты. *Banyo, duş, kahvaltı yaptım. İçki içtim.* – верные варианты. Это то же самое, как если бы англичанин сказал *I drank a cigarette*, что вызвало бы у нас смех. В последнее время всё чаще в турецком языке можно наблюдать следующее произношение слова *restorant*, что является ошибочным с точки зрения фонетики

БАШКИРСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ
ай I ой. ай II 1. 1) луна; 2) месяц. 2. в функции прил. лунный и имеет 1 УСК [1958, 25].
ТАТАРСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ
ай 1) луна, месяц // лунный; 2) месяц (часть года) [1966, 27]
УЙГУРСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ
ай 1. луна, месяц. 2. месяц и составляет 1 фразеологическую единицу (ФЕ) [1961, 13].
ЭВЕНСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ
ай 1. хороший, добрый, красивый, славный, полезный, удобный. 2. добро, доброта, достоинство, красота, польза, выгода, толк, удобство. 3. хорошо, красиво, славно, полезно, выгодно, удобно, ладно. 4. надо, следует, можно [1957, 16].
ЭВЕНКИЙСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ
ай мартовский холодный ветер см. хай 1. северный весенний ветер [1958, 19].
НАНАЙСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ
ай [ai] наречие степени [1980, 30].

Материал вышеприведенного, далеко не полного списка словарей иллюстрирует наличие омонимов **ай** во многих тюркских и отсутствие их в словарях тунгусо-маньчжурских языков. В словаре татарского, уйгурского языков они отражают почти одинаковые значения и не составляют омонимы. Словари тунгусо-маньчжурских слов показывают совсем иную семантику данной лексемы, не имеющей омонимов.

По таблице можно определить, что омонимы **ай I** и **ай III** современного языка саха по семантике не имеют параллелей в рассмотренных нами тюркских языках. Значение омонима **ай II** совпадает с третьим значением хакасского **ай III** (см. таблицу) и близко к бурятскому **ай I**, выражающему и удивление, восторг. Выявилось, что в некоторых языках междометие **ай** употребляется в противоположном значении и выражает возглас неодобрения, неудовольствия (см. *хак.*, *кирг.* **ай III**). Интересно, что значение якутского **ай III** семантически как бы соприкасается с третьим значением омонима **ай VIII** в словаре В.В. Радлова (см. таблицу), но в противоположном значении. Омонимы **ай I** и **ай III** чувашско-русского словаря не имеют параллелей в семантическом плане. Значение якутского омонима **ай II** близко к первому значению **ай I** из словаря Радлова, где отмечается их совпадение в казахском, киргизском, алтайском, телеутском языках, и к **ай III**. Кроме этого, чувашское **ай II** имеет сходные значения с третьим, пятым и седьмым значениями бурятского **ай I**.

Как выяснилось, омонимы **ай** якутского и чувашского языков не имеют совпадений, кроме якутского **ай II**, семантика которого сходна с третьим значением чувашского **ай II**.

Условные сокращения

алт. – алтайский язык
бот. – термин ботаники
каз. – казахский
кирг. – киргизский
койб. – койбальский
напр. – например
перен. – переносное значение
прил. – прилагательное
разг. – разговорное
см. – смотри

тел. – телеутский
ТСЯЯ – Толковый словарь якутского языка
тув. – тувинский
УСК – устойчивый словесный комплекс
устар. – устарелое
хак. – хакасский
чагат. – чагатайский
чув. – чувашский
якут. – якутский

Литература

- Башкирско-русский словарь. М., 1958.
Бурятско-русский словарь. М., 1973.
Казахско-русский словарь. Алма-Ата, 1987.
Киргизско-русский словарь. М., 1965.
Нанайско-русский словарь. М., 1980.
Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. В 3 т. М.: Изд-во АН СССР, 1958–1959.
Попов Г.В. Этимологический словарь якутского языка. Ч. 1. Новосибирск: Наука, 2003.
Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Вып. 1. С.-Петербург, 1888.
Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974.
Слепцов П.А. Саха тылын историята. Дьокуускай, 2007.
Татарско-русский словарь. М., 1966.
Толковый словарь якутского языка. Т. I. Новосибирск, 2004.
Тувинско-русский словарь. М., 1955.
Уйгурско-русский словарь. Алма-Ата, 1961.
Хакасско-русский словарь. Новосибирск, 2006.
Чувашско-русский словарь. М., 1961.
Эвенкийско-русский словарь. М., 1958.
Эвенско-русский словарь. Л., 1957.

производительной способности) [Пекарский: 1959, I, 32–33]. В фундаментальной монографии О.Н. Бетлингга «О языке якутов» (1990), в «Якутско-русском словаре» под редакцией П.А. Слепцова (1972), в «Кратком толковом словаре якутского языка» (1994), в «Этимологическом словаре якутского языка» Г.В. Попова (2003) слово **ай** включено отдельной вокабулой и не составляет омонима. Г.В. Попов, ссылаясь на точку зрения Н.К. Антонова – известного якутского тюрколога, пишет, что «якутское **ай** сопоставимо с *чагат., алт., тел. йай творить, создавать; хак., тув. чайаан, чув. дьырахан творец, бог и казах. жасау творить, создавать*. Также автор находит производные от основы **ай**: **айыы творение; айымны произведение; айылҕа природа** [Попов: 2003, 61].

В «Чувашско-русском словаре» **ай** также отражает омоформу:

ай I 1. низ, нижняя часть, нижняя сторона; // нижний. 2. в роли служебного имени и составляет 11 устойчивых словесных комплексов (УСК).

ай II *междометие* 1. выражает испуг, боль **ай, ой, ах**. 2. выражает упрек, порицание, а также иронию и пренебрежение **ой, ай, ну**. 3. выражает удивление, восхищение **ах, ох, эх, ну**. 4. (*гласная произносится протяжно*) выражает сожаление, сочувствие **ах, ох, эх**.

ай III *частица* разве, неужели, или [Чувашско-русский словарь: 1961, 23].

Как видно, при рассмотрении омонимов по материалам словарей выявляется семантическая близость якутского **ай II** и чувашского **ай II** в 3 значениях, остальные омонимы не совпадают.

Приведем таблицу отражения слова **ай** в других словарях по тюркским, тунгусо-маньчжурским и монгольскому, в частности, бурятскому языкам:

ОПЫТ СЛОВАРЯ ТЮРКСКИХ НАРЕЧИЙ
ай I 1. восклицание удивления. 2. крик, когда гонят скот. 3. восклицание при воспоминании прошлого хорошего. ай II луковица, которая употребляется в пищу. ай III боязнь. ай IV верное понятие, понимание, правило, изъяснение. ай V 1. луна. 2. имеющий форму луны, лунообразный. 3. месяц. ай VI 1. говорить, высказывать. 2. называть. 3. говорить о чем, хвалить. ай VII полинять. ай VIII 1. подниматься, вращаться, медлить, носиться на воздухе (<i>как птица</i>). 2. проснуться, отрезвляться. 3. в сочетании: айһыр аҗыцы ашыцы ат-тыр жеребец – лошадь, которая насакивает на кобылу (<i>которую случают с кобылоу</i>) [Радлов: 1888, 1–10].
КАЗАХСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ
ай I 1. луна. 2. месяц (<i>30 дней</i>). ай II окрик. ай III : ай дала необитаемое, пустынное место (<i>степь</i>) [1987, 19].
ТУВИНСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ
ай I 1. 1) луна; 2) месяц (<i>календарный</i>). 2. месячный и имеет один УСК. ай II <i>бот.</i> саранка, сарана. ай III <i>междометие</i> ай. ай IV : маргышпас мен ай ладно, не буду спорить. ай V : ай дээр а) гнать, отгонять, прогонять; б) призывать к порядку [1955, 49].
КИРГИЗСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ
ай I 1. луна, месяц. 2. месяц (<i>единица времени</i>). 3. употребляется как символ женской красоты. 4. изображение в виде полумесяца. 5. при образном названии животного указывает, что данное животное предназначено в жертву. Кроме этого составляет 16 УСК. ай II <i>только в исходном падеже</i> из-за, по причине. ай III 1. окрик на табун лошадей. 2. возглас предостережения, увещевания, неодобрения. 3. (<i>или ай-ий или айний или эмфатически ай-и-и-й</i>) возглас удивления или сожаления. 4. употребляется при обращении: ай, ай! эй, эй! ай IV : ай-аалам весь мир, вселенная [1965, 28].
ХАКАССКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ
ай I 1) луна/лунный; 2) месяц/месячный; 3) участвует в образовании народных названий месяцев ай II <i>койб.</i> полевой лук ай III <i>междометие</i> 1) ай (<i>выражает неудовольствие, сожаление</i>); 2) эй (<i>выражает обращение</i>); 3) ай да, вот (<i>выражает одобрение</i>); 4) ай, ай-ай (<i>окрик, подгоняющий скот</i>) [2006, 38]
БУРЯТСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ
ай I <i>междометие, выражающее: 1) жалость, сожаление; 2) огорчение, горе; 3) досаду, упрек, укоризну; 4) чувство облегчения; 5) удивление, восторг; 6) в сочетании со словами, превратившимися в данном контексте в междометия, выражает или нежелание, досаду или неожиданность, удивление, испуг; 7) в сочетании с другими междометиями, отличающимися от него по своим значениям, лишь примыкает к ним, теряя свою самостоятельность; междометие, выражающее чувство боли; междометие, выражающее усталость, угнетенность.</i> ай II 1. труха, порошок, пыль. 2. <i>перен.</i> бесчисленный. ай III <i>см. ай-суй</i> вот-вот, еще немного [1973, 36].

французского языка. Данное слово перешло в английский язык из французского, и согласно правилам произношения в английском языке последний согласный *t* произносится. Во французском слове *restaurant* произносится как *restoran*. Соответственно в турецком языке заимствованное из французского языка *restaurant* следует произносить как *restoran* или использовать турецкий аналог *lokanta*.

Количество арабских и персидских заимствований в современном турецком языке, по сравнению с османо-турецким, значительно сократилось. Эти слова отчасти стали архаичными или вошли в разряд историзмов. Однако значительная часть заимствований до сих пор продолжает употребляться наряду с турецкими словами-синонимами. Некоторые же из них претерпели семантические изменения. С этой точки зрения изучение лексики турецкого языка до образования Турецкого лингвистического общества (Türk Dil Kurumu) приобретает очевидную значимость [Рахимова: 2005, 130].

На современном этапе развития турецкого языка наблюдается тенденция к очищению турецкого языка от заимствований. Появляются неологизмы. Арабо-персидские слова употребляются наряду с неологизмами, словами-синонимами. На наш взгляд, это обогащает турецкий язык. Согласно мнению председателя Турецкого лингвистического общества (Türk Dil Kurumu) Шюкрю Халюка Акалына, процессу защиты турецкого языка от чрезмерного проникновения заимствований можно способствовать тремя путями: 1) посредством слов из местных диалектов турецкого языка на территории Турции; 2) изучением лексики других языков из тюркской языковой группы; 3) посредством исторических источников и памятников.

С.Н. Иванов указывал на два пути появления неологизмов: расширение словообразовательных возможностей турецкого языка и искусственное изобретение на базе общетюркских морфологических средств [Иванов: 1973, 4]. Ярким примером служит турецкое сложное слово *bilgisayar* – *компьютер*, когда весь мир использует английский вариант. *Akbi* также является неологизмом, возникшим путём сложения первых слогов словосочетания *akıllı билет* – *умный билет*.

Кроме английских, французских и других слов, в турецкий язык проникли слова из греческого, голландского, немецкого, венгерского и других языков. Однако их количество значительно меньше. Проанализировав заимствования из арабского, персидского, французского и английского языков мы пришли к выводу, что процесс заимствования в турецком языке был неизбежен в силу различных факторов. В этой связи важно адекватно оценивать преобразования на фонетическом, лексическом и семантическом уровнях языка.

Литература

- Иванов С.Н. Арабизмы в турецком языке. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. 61 с.
Рахимова А.Р. Семантические особенности арабских и персидских заимствований в турецком и татарском языках. // Востоковедение: Сборник статей и докладов. Выпуск II, II. Казань: КГУ, 2005. С. 124–136.
Demircan Ö. Dünden Bugüne Türkiye’de yabancı dil. İstanbul: Kitabevi, 1988.
Doğançay-Aktuna S. The spread of English in Turkey and its current sociolinguistic profile // Journal of multilingual and multicultural development. 1998. № 1. Vol. 19. P. 24–39.
Issawi C. (1981) The struggle for linguistic hegemony // The American scholar. № 50. P. 382–387.

К ВОПРОСУ О СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ИСТОКАХ ЧУВАШСКИХ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ (по свидетельству языка)

Н.И. Захарова

Чувашский национальный музей, г. Чебоксары

В XVIII–XIX вв. в материальной культуре любого народа головные уборы считались главными отличительными половозрастными атрибутами, и в то же время через них выражалось имущественное положение владельца.

Исследователи давно отмечали, что чувашские женские головные уборы, как и весь костюмный комплекс и его терминология, хранят в себе пласты разных культур, рудименты которых ведут в Среднюю Азию к тюркоязычным казахам, каракалпакам, киргизам, туркменам, узбекам, а также ираноязычным таджикам и другим народам, населяющим эту территорию [Золотницкий: 1875, 236–239; Гаген-Торн: 1960, 156–157, 172; Денисов: 1969, 42–43, 116; Трофимов: 1993, 184–204; Солдатенкова: 2000, 65–77; ЧК: 22–36]. Однако отдельной статьи, посвященной данной теме, не было. Этим и объясняется актуальность вопроса.

В костюме замужней женщины чувашская девушка облачалась в определенный период свадебной церемонии, и это сопровождалось традиционным обрядом *сурпан сырни* (досл. «обматывание *сурпана*») или *пуç сырни* (досл. «обматывание головы»).

После этого молодая официально переходила в другой возрастной класс, и она постоянно обязана была носить *сурпан*, совмещая с другими твердыми уборами и матерчатыми повязками (*хушту* – в молодые годы, до 45–50 лет, и в праздники; *масмак* – в будни; *пуç тутри* (*сурпан тутри*), *чалма* – в пожилом возрасте).

Средненизовые и низовые чувашские женщины в многослойных головных уборах, полностью закрывающих волосы и выделяющих только овал лица, весьма были похожи на женщин Средней Азии.

При знакомстве с историей костюма Среднеазиатско-Казахстанского региона удалось обнаружить интересные параллели. По сообщениям некоторых авторов, в Самарканде также совершался обряд смены девичьей тубетейки на женский головной убор. Однако он приурочивался к рождению первого ребенка. Обряд назывался *саллабандон* «повязывание чалмы» [Люшкевич: 1989, 132, 134; Сухарева: 1982, 83, 91].

У арабов Кашкадарьинской области Узбекистана церемония наматывания чалмы (*лаки*) поверх белой *гиззи* именовалась *касабандон* [Исмаилов: 1979, 236], а у таджиков Нураты – *касаба мондон* «возлагание касабы (старинного ювелирного украшения новобрачной)» [Писарчик: 1979, 120].

Под наименованиями обрядов *саллабандон*, *касавабандон*, *касаба мондон*, как и *сурпан сырни* (*пуç сырни*), подразумевалось надевание твердого убора и обматывание вокруг головы длинных повязок.

Так, на свадьбу туркменская невеста надевала *тахью* с *купбой* (≈ чув. *тухья*) и поверх накидывала халат-накидку *туренджек* [Морозова: 1989, 80] (≈ чув. *пёркенчэк*). С *тахьей* она расставалась «во время проведения обряда «башсалма» [Байриева: 2006]. По некоторым источникам, свадебным головным убором туркменской девушки (у северных и западных иомутов) была *хасаба* / *хасава*, состоящая из высокого (30 см и выше), расширяющегося сверху каркаса. Остов его имел вид слегка сплющенного цилиндра, сделанного из нескольких слоев ткани, густо склеенных тестом [Морозова: 1989, 72]. Туркменская *хасава*, как и чувашское *хушту*, украшалась налобными и околушными подвесками. Разница заключалась в том, что в некоторых районах Туркмении в этом головном уборе невеста выходила замуж, и «только после *кайтармы* – первого посещения уже замужней дочерью родительского дома – свадебная хасаба сменялась женским головным убором [Малахова].

Касаба бытовала у узбеков, каракалпачек и казашек. Об этом упоминается в одной из статей К.Л. Задыхиной [Задыхина: 1952, 378]. В специальной литературе указывается, что казахские и каракалпакские невесты выходили замуж в твердом головном уборе (казашки в *сэукеле*, каракалпачки в *шокуло*) [Захарова, Ходжаева: 1964, 114], идентичном по форме чувашскому *хушту*. Наиболее близким по форме к чувашскому женскому головному убору является каракалпакское *сэукеле* □ с налобником, наушниками и длинной лопастью сзади.

Чувашские женщины носили *хушту* поверх длинной полотенецобразной холщовой повязки с украшенными вышивкой (ткаными полосами) концами и красными краями – *сурпана*. Им плотно обматывали голову, низовые чувашки концы спускали по спине – один над другим; средненизовые укладывали один конец наискосок.

Общие корни происхождения обвивающих женскую голову повязок и уборов прослеживаются и в способах ношения. Среднеазиатские женщины, как и чувашские «чаще всего платок набрасывали на голову, один конец его оставляли распущенным, другим обвивали голову, иногда прикрывая и нижнюю часть лица, забрасывали на макушку головы или подтыкали куда-нибудь в складки» [Лобачева: 2001, 84]. После надевания этих уборов открытым оставался только овал лица, снизу, под подбородком, слегка свисала белая основа одного из платков.

Параллели наблюдаются также и в названии символа замужества – *сурпана*. Например, «шелковый шарф» узбеки называли *сарандоз* [Задыхина: 1952, 388], в местах компактного проживания узбеков и таджиков «большой верхний платок» был известен под термином *сарбанд* [Люшкевич: 1989, 134]. Оба синонимичных названия в узбекском языке считаются заимствованными из таджикского языка, где в лексиконе присутствует слово *sarbandak* – со значением «небольшой головной платок; от *sar* «голова», *bandak* «веревочка, завязка; подвеска, прикрепляемая к косам» [Розенфельд: 1982, 176, 177].

В чувашском языке слово *сурпан* считается заимствованным из персидского языка [Егоров: 1964, 197; Федотов: 1963, 119].

В будние дни, особенно в пожилом возрасте, средненизовые и низовые чувашские женщины носили *сурпан* с налобной повязкой *масмак*. Вплоть до XX в. *масмак* сохранился у верховых (в виде узкой вышитой ленты) и средненизовых (полоса холста с орнаментом в виде трапеции) чувашей. Если у северо-западных чувашек он служил просто для поддержания *сурпана*, то женщины центральных районов Чувашии им закрывали передние волосы.

Аналогичные налобные повязки существовали у узбеков, назывались они *дурра(ча)* «небольшой головной платок, косынка» [УзбРСл.: 1959, 135]; *пешанабог* «повязка, одеваемая женщинами на лоб» [там же, 325]. Этот платок «при ношении по диагонали складывали несколько раз и повязывали поверх кисейного платка» [Бижанова: 1979, 145] таким образом, что на лобной части оказывалась вышитая часть.

Убрятова Е. К. Этимологии слова айгыр (жеребец) // Вопросы тюркологии. Ташкент: Наука, 1965. С. 11–16.

Федотов М.Р. Этацизм и итацизм в свете тюркских названий реки Волги // СТ. 1978. № 4.

Щербак А.М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. АН СССР. Ин-т языкознания. М., 1961. С. 82–172.

Щербак А.М. О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков // Вопросы языкознания. 1966. № 3.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТЮРКСКОГО ЯЗЫКА

И.Н. Новгородов

Якутский государственный инженерно-технический институт, г. Якутск

1. В настоящее время в тюркоязычных республиках проводятся исследования по созданию сравнительно-исторических грамматик и этимологических словарей отдельных тюркских языков.

2. Важным в этом направлении является выбор классификации тюркских языков и модели пратюркского языка.

3. При выборе классификации необходимо учитывать роль субстрата в формировании конкретного тюркского языка.

4. В изучении субстрата большое значение имеет учет данных междисциплинарных исследований, в частности генетики. Так, известно, что антропологические признаки и признаки, связанные с культурой конкретного народа, являются изменчивыми, в то время как генетические признаки устойчивы и не изменяются.

5. В качестве примера междисциплинарного исследования с учетом данных генетики и сравнительно-исторического языкознания приводится изучение якутского языка.

6. В тюркологии распространена гипотеза Е.И. Убрятовой об эвенкийском субстрате в формировании якутского языка. Результаты междисциплинарного исследования показали отсутствие указанного субстрата.

7. Считаем целесообразным дальнейшее применение междисциплинарных исследований для изучения конкретных субстратов в формировании современных тюркских языков.

СЛОВО «АЙ» КАК ОМОНИМ В ЯКУТСКОМ И ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

(сравнительно-семантический аспект)

Е.В. Семенова

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск

Переход пратюркского *а<у, *а<ы – явление общеизвестное в тюркских языках. Э.В. Севортыян считает, что «особый интерес в вопросе об а-ы представляют факты чувашского языка» [Севортыян: 1974, 26]. Исследователи якутского языка О.Н. Бетлингк, Э.К. Пекарский, Е.И. Убрятова, А.М. Щербак, Н.Н. Широкова, Н.К. Антонов, Н.Д. Дьячковский также отмечают переход пратюркского *а<у, *а<ы, к примеру, *абай старший брат, дядя, отец – якут. убай старший брат; *ай луна – якут. ый (в том же значении) и другие. Подробно об этом пишет профессор П.А. Слепцов в монографии «История якутского языка». Автор отмечает наличие перехода *а < ы «и в других тюркских языках (напр., тувинском, тофаларском, чувашском, казахском)» [Слепцов: 2007, 114]. В данной статье дается сравнительный аспект семантики якутских и чувашских омонимов ай.

В современном якутском языке слово ай представляет омоформию – морфологический тип омонимов: ай I глагол 1. Творить, создавать. 2. Предопределять, предназначать, давать жизнь, предназначать свыше (по поверью якутов – о сверхъестественных силах, божественном начале). 3. Произвести на свет; родить, воспитать, выпестовать (ребенка).

ай II междометие, разг. Выражает радостное одобрение (обычно употребляется с частицей да).

ай III глагол, устар. Потерять способность производить, давать что-либо (от старости, болезни, напр., приплод, молоко – о корове) [ТСЯЯ: I, 2004, 298–299]. Первое значение омонима ай I в современном якутском языке широко употребляется. Второе значение больше всего встречается в фольклоре, в произведениях народного творчества, а третье значение употребляется преимущественно в разговорной речи. В качестве междометия ай II широко употребляется в разговорной речи: ай-да, биһиги кибит кыайда! (ай-да, победил наш представитель!). Омоним ай III современные якуты редко употребляют, так как значение его понимают в основном старожилы.

В «Словаре якутского языка» Э.К. Пекарского зафиксированы три омонима: ай I восклицание удивления; ай II творить что, создавать, сотворять; ай III отходить, миновать, кончаться, прекращаться (о

времени П.М. Мелиоранского считается заимствованием из персидского языка: *axta* ‘холощенный, мерин’. К этой этимологии склоняется Г. Рамстедт, хотя и колеблется [ЭСТЯ: 1974, 197–198].

Аналогичного мнения придерживается Р.Г. Ахметьянов: общ. тюрк. *am* ‘лошадь, мерин’ произошло от др. тюрк. *axta* ‘холощенное животное, мерин’ (фонет. разв. *axta / aɣta > aɣt > aɣm > am*) [Ахметьянов: 2001, 21].

В ЭСТЯ приводится и возражение Г. Дерфера против этимологии П.М. Мелиоранского. В одной из своих последних работ Г. Дерфер возводит *at r hat < pat (a)* [ЭСТЯ: 1974, 197–198].

Г. Дерфер, принимая точку зрения о персидском происхождении монгольского *agta* ‘мерин’, вместе с тем считал, что тюркское *at* генетически связано с этим словом, т.е. персидское *ahta*, по его мнению, дало монгольское *agta*, а также древнетюркское **āgta*, из которого позднее образовалось **agt*, а затем *at* [Новикова: 1975, 54–55].

В «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» (2001) учёные отметили семантический нюанс: тюркское *am* – всегда «верховая лошадь, конь для верховой езды», это подтверждается и семантикой производного глагола *атлан-* «садится верхом на коня» [СИГТЯ: 2001, 441].

В современном гагаузском языке слово *am* употребляется редко. Оно встречается чаще всего в народных песнях и в других жанрах народного творчества. Однако производное от него *атлы* ‘верховой наездник’ широко употребительно и в настоящее время. Термин *am* применяется в гагаузском языке в тех случаях, когда речь идёт о древнейшем назначении лошади, т.е. о её назначении в кочевом скотоводческом хозяйстве. Когда кочевые предки гагаузов перешли к земледелию, то они заимствовали из турецкого языка слово *beygir* для названия лошади обслуживающей земледельческое хозяйство [Губогло, 1971, 221–222].

Таким образом, рассмотренные выше гипонимы составляют самый древний пласт лексики коневодства в татарском языке и употребляются во многих тюркских, финно-угорских, тунгусо-маньчжурских и монгольских языках. Структурные элементы данных наименований вследствие исторических изменений утратили свои первичные значения, происхождение которых с точностью невозможно определить даже с помощью сравнительно-исторического и этимологического анализа.

Список источников

- Ахметьянов Р.Г. Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. Казан: Тат.кит.нәшр., 2001. 272 б.
Ахметьянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге. Бирск: Бирск. гос. пед. ин-т, 2005. 233 с.
ДТС – Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.
Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964. 278 с.
МК - Махмут Кашгари Туркий сузлар девони (Девону луготит турк) / С. Муталлибов таржимаси: в 3 т. Тошкент: Фан, 1960. 499 с.; 1961. 427 с.; 1963. 466 с.
Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий: Т. I–IV. СПб: Тип. Акад. Наук, 1893–1911.
ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков. М.: Наука, 1974. 804 с.

Литература

- Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Новосибирск, 2000. 236 с.
Владимирцов Б.Я. Следы грамматического рода в монгольском языке. ДАН-В, 1925. С. 31–34.
Губогло М. Гагаузская терминология по скотоводству // Тюркская лексикология и лексикография. М.: Наука, 1971. С. 217–227.
Изысканный дар тюркскому народу. Ташкент: Фан, 1978. 450 с.
Ишбердин Э.Ф. Некоторые названия животных и птиц в башкирском и монгольском языках // Проблема общности алтайских языков. Л.: Изд-во «Наука», 1969. 404 с.
Кадирова Э.Х. Поэмы Мухаммадьяра «Тухва-и Мардан» и «Нур-и Содур»: Лексика. Казань: РИЦ «Дом печати», 2001. 232 с.
Котвич В. Исследование по алтайским языкам. М.: Наука, 1962. 110 с.
Курьшжанов А.К. Исследования по лексике «Тюрко-арабского словаря». Алма-Ата: Наука, 1970. 232 с.
Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.–Л., 1951
Махмутова Л.Т. Татарский язык в его отношении к древнеписьменному памятнику Codex Cumanicus по данным лексики (краткий анализ и приложение) // Исследования по исторической диалектологии татарского языка: сб. ст./ Отв.ред. Д.Б.Рамазанова. Казань, 1982. С. 68–153.
Мелиоранский П.М. Заимствованные восточные слова в русской письменности до монгольского времени. ИОРЯС, X, кн. 4, СПб, 1905. С. 112–113.
Мусаев К.М. Основные проблемы изучения лексики тюркских языков // Совет. тюркология. М., 1978, № 3. С. 33–41
Наджиб Э.Н. Тюркоязычный памятник XIV века «Гулистан» Сейфа Сарай и его язык: В 2 ч. Алма-Ата: Наука, 1975. Ч. 1. 208 с.
Новикова К.А. К истории и этимологии названий лошади в алтайских языках // Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 2. Серия лингвистики. М., 1975. С. 36–58.
Потте Н.Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-адаб. Ч. I–II. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1938–1939 (в одном томе). 451 с.
Садькова З.Р. Зоонимическая лексика татарского языка. Казань: Татар. кн. изд-во, 1994. 128 с.
СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 1997. 799 с.

Налобные «вышитые повязки невесты» *peşoband(ak)* [Розенфельд; 1982, 150] носили таджички. Они их делали из маленького шелкового платка, сложенного углом и свернутого в полосу шириной 10–12 см. «Для твердости внутрь вкладывали плотную бумагу. Иногда *пешонабанд* украшали перламутровыми пуговицами, бисером, бусами, а в прошлом – когтями хищных птиц» [Русайкина: 1959, 196]. В таджикском языке слово *пешона* обозначает ‘лоб’, а *банд* – ‘повязка’ [ТаджРСЛ.: 1954, 305]. Однако этимологию чувашского слова *масмак* филологи выводят из других языков, а именно из чагатайского *башибаг*, где *баиш* ‘голова’, *баг* ‘завязка, тесьма’ [Золотницкий: 1875, 239], арабского *م ز ذ قة (мознак)* [Скворцов: 1969, 145].

Вполне возможно, что чувашский *масмак*, как и *пешонабанд*, в момент его зарождения имел квадратную форму с вышивкой по углам. По этой же причине в традиции оформления средненизовых налобных повязок их принято орнаментировать трапециевидной формы. Со временем их форма упростилась, и остался кусок холста с небольшим орнаментом.

На старости лет чувашская женщина переходила на более простые головные платки, повязываемые также поверх *сурпана*. Один из них – *пуç тутри* – средненизовые и низовые чувашки складывали в три раза, и им обматывали голову так, что ее белая середина оставалась на затылке, а вышитые концы перекрещивались на лбу и затыкались в складки. По обе стороны головы они свисали как рога. Интересно то, что продолговатые верхние платки примерно таким же образом носили женщины многих народов Средней Азии. Особенно отличались тюрбаны казашек, киргизок и таджичек, длинной полотнищ которых можно было накручивать разные формы.

Общие корни происхождения наблюдаются и в терминологии чувашских и среднеазиатских мужских головных уборов. Например:

- чув. *калтак* «шапка; колпак» ≈ каз. и кир. *қалтақ* «остроконечная шапка из войлока, надеваемая поверх тюбетейки» [Рассудова: 1970, 25]; каракалпак. *қалтақ* «войлочная конусообразная шапка» [Жданко: 1962, 478]; узб. *қалтақ* «войлочный головной убор в виде колпака; шапка; колпак; тюбетейка» [УзбРСЛ.: 1959, 602]; тадж. *калтак* «тюбетейка» [Рассудова: 1970, 26];
– чув. *кепёс* / *кёлетпуç* «тюбетейка» ≈ туркм. *келепош* «тюбетейка» [Винников: 1969, 210]; тадж. *калландуш* «головной убор, тюбетейка» [ТаджРСЛ.: 1946, I, 222];
– чув. *мулаххай* «меховой зимний головной убор с высокой тульей и четырьмя лопастями» ≈ каз. *құлақшыын* «ушанка (теплая шапка)» [КазРСЛ.: 1954, 471]; каракалп. *малахай* «малахай, меховая шапка» [Баскаков: 1951, 35]; кирг. *malaqaj* «мужской головной убор» [КиргРСЛ.: 1940, 293]; узб. *қулоқчин* «ушанка, шапка с наушниками; малахай» [УзбРСЛ.: 1959, 630];
– чув. *түнеттей* «тюбетейка» ≈ каз. *тебетей* «тюбетейка» [КазРСЛ.: 1954, 340]; каракалп., кирг. *tebetaj* «шапка» [КиргРСЛ.: 1940, 492]; туркм. *тахя* «тюбетейка» [ТуркмРСЛ.: 1956, 784], *топбы* «тюбетейка» (Винников: 1969, 210); узб. *дўнни* «стеганные на вате колпаки» [Жданко: 1958, 754].

Таким образом, рассмотрев названия чувашских женских и мужских головных уборов в сравнении со среднеазиатскими, выяснили, что термины некоторых уборов в фонетически видоизмененном виде встречаются в этнокультуре многих упомянутых народов. Названия мужских головных уборов *кепёс* / *кёлетпуç*, *мулаххай*, *түнеттей* в чувашский язык проникли из татарского языка.

Названия женских головных уборов и повязок – *масмак*, *сурпан*, *тухья*, *хушту*, *чалма* – этимологи относят к пласту лексики золотоордынского периода (XIII–XIV вв.), заимствованному из персидского и арабского языков через посредство других тюркских языков [Федотов: 1963, 89–124; Егоров: 1964; Скворцов: 1969, 139–155; он же: 1980, 117–126; Егоров: 1990, 137–142]. Эти этнолингвистические единицы, встречающиеся в чувашском языке, наравне с головными уборами, хранящимися в музейных коллекциях, служат доказательством того, что в формировании чувашского народного костюма XVIII–XIX вв. решающую роль сыграли интенсивные экономические, культурные и другие связи волжских булгар со Средней Азией.

Литература

- Байриева А. Возвращение тахьи [электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.turkmenistan.ru/>. Год размещения – 2006.
Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. Материалы по диалектологии (тексты и словарь). М., 1951. Ч. I. 452 с.
Бижанова М.А. Одежда узбечек Ташкента XIX – начала XX в. // Костюм народов Средней Азии (ИЭО). М., 1979. С. 133–151.
Винников Я.Р. Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР. Академия наук ССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1969. 312 с.
Газен-Торн Н.И. Женская одежда народов Поволжья (материалы по этногенезу). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1960. 228 с.
Денисов П.В. Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. Чебоксары: Чув. кн. изд-во. 1969. 176 с.
Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1964. 355 с.

Егоров Н.И. Историческое развитие чувашской лексики // Современный чувашский литературный язык. Т.1. Чебоксары, 1990. С. 128–150.

Жданко Т.А. Быт колхозников-переселенцев на вновь освоенных землях древнего орошения Кара-Калпакии // Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1949–1953 гг. / Под ред. С.П. Толстого и Т.А. Жданко. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 705–761.

Жданко Т.А. Одежда каракалпаков // Народы Средней Азии и Казахстана. Этнографические очерки / Под общ. ред. С.П. Толстого. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 1. С. 474–485.

Задыхина К.Л. Узбеки дельты Аму-Дарьи // Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции за 1945–1948 гг. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. С. 319–427.

Захарова И.В., Ходжаева Р.Д. Казахская национальная одежда XIX – начала XX в. Алма-Ата, 1964. 178 с.

Золотницкий Н.И. Корневой чувашско-русский словарь. Казань, 1875. 279 с.

Исмаилов Х.И. Традиционная одежда арабов Кашкадарьинской обл. Узбекской ССР // Костюм народов Средней Азии (ИЭО). М.: Наука, 1979. С. 228–239.

Казахско-русский словарь / Х. Махмудов, Г. Мусабаев. Алма-Ата: Изд-во АН Казах. ССР, 1954. 576 с.

Киргизско-русский словарь / Сост. К. К. Юдахин. М.: ГИС. 1940. 576 с.

Лобачева Н.П. Особенности костюма народов Среднеазиатско-Казахстанского региона // Среднеазиатский этнографический сборник / Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука. 2001. С. 69–97.

Люшкевич Ф.Д. Одежда этнических групп населения Бухарского оазиса и прилегающих к нему районов. Первая половина XX в. (опыт сравнительной характеристики) // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1989. С. 107–139.

Малахова М. Туркменский костюм [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://luiza-m.narod.ru/smi/ethnic/turkmen.htm>

Морозова А.С. Традиционная народная одежда туркмен // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1989. С. 39–90.

Писарчик А.К. Материалы к истории одежды таджиков Нурата. Старинные женские платья и головные уборы // Костюм народов средней Азии (ИЭО). М., 1979. С. 113–123.

Рассудова Р.Я. Материалы по одежде таджиков верховьев Зеравшана (по коллекциям и записям П.Л. Троицкой и Г.Г. Гульбина, 1962–1927 гг.) // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Сб. музея антропологии и этнографии. Л., 1970. Т. XXVI. С. 16–52.

Розенфельд А.З. Таджикско-русский диалектный словарь (Юго-Восточный Таджикистан). Л.: ЛГУ им. А.А. Жданова, 1982. 240 с.

Русьякина С.П. Народная одежда таджиков Гармской области Таджикской ССР // Среднеазиатский этнографический сборник. Тр. инст-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Академии наук СССР, 1959. В.П. С. 132–215.

Скворцов М.И. Еще раз об арабско-персидском вкладе в чувашскую лексику // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары, 1969. Вып. 39. С. 139–155.

Скворцов М.И. К проблеме изучения иранского фонда чувашской лексики // Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. Чебоксары, 1980. Вып. 97. С. 117–126.

Солдатенкова Д.В. Рудиментарные элементы туркменского костюма в костюме чувашей XVIII – начала XX века // Вопросы археологии и этнографии Чувашии. Материалы чтений, посвященных памяти В.Ф. Каховского. Чебоксары, 2000. С. 65–78.

Сухарева О.А. История среднеазиатского костюма: Самарканд (вторая половина XIX – первая четверть XX века). М., 1982. 144 с.

Таджикско-русский словарь / Под ред. М.В. Рахими и Л.В. Успенской; гл. ред. Е.Э. Бертельс. М.: Гл. ред. иностр. и нац. словарей, 1954. 516 с.

Трофимов А.А. Одежда и украшения // Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. С. 184–204.

Узбекско-русский словарь / Гл. ред. А.К. Боровков. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959. 840 с.

Федотов М.Р. Об арабских и персидских заимствованиях в чувашском языке (лексико-семантический обзор и словарь) // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1963. Вып. 26. С. 89–124.

Чувашский костюм от древности до современности. Научно-художественное издание. На рус., чув. и англ. яз. / В.В. Николаев, Г.Н. Иванов-Орков, В.П. Иванов. Москва–Чебоксары–Оренбург, 2002. 400 с.

Широкова З.А. Традиционные женские головные уборы таджиков (юг и север Таджикистана) // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1989. С. 182–204.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НЕКОТОРЫХ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИ ИДЕНТИЧНЫХ БУЛГАРСКИХ И ТАТАРСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

В.К. Кельмаков

Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Серьезные исследования в области пермско-тюркских языковых контактов начались еще в конце XIX в., и к настоящему времени традиционные пермистика и тюркология выделяют в лексике удмуртского языка 4 различных в хронологическом отношении и по количеству единиц пласта тюркских

Ат 'лошадь'. В течение столетий в повседневной жизни татар лошади играли огромную роль. Не случайно образы коней представлены во всех жанрах татарского народного творчества: в песнях, сказках, легендах, пословицах, поговорках и т.д. Например: *Дурт аяклы ат та абына* 'конь о четырех ногах и то спотыкается' [пословица]; *Ат аунаган жирдә төк кала* 'на том месте, где повалится лошадь, остаётся шерсть' [пословица]; *Атта да, тартәдә дә бар* 'виновата и лошадь, и оглобля' (в знач. виноваты обе стороны) [пословица]; *Жик Мәргән атына атланды, янә урманга юнәлдә* [М. Хабибуллин] 'Жик Мерген сел на лошадь, снова направился в лес'. *Ат яхишы алга чыгар, алга чыккан данга чыгар* 'Хорошая лошадь выйдет вперед и приобретет славу' [пословица].

Название домашнего животного *ат* в татарском языке и во всех тюркских языках существует в значении 'лошадь, конь': тат., каз., кирг., к.-калп., башк., уйг., кум., кбалк., ног., гаг., тур., азерб., хак. В некоторых тюркских языках *ат* функционирует ещё в значении 'мерин'. Данное слово в тюркских языках за исключением узб., где наблюдается огубление гласного, и чув., где огубление сопровождается и сужением, не имеет фонетических вариантов: чув. *ут* также имеет значение 'лошадь, конь, мерин' [Мусаев: 1978, 108]. Это слово зафиксировано в словаре Махмуда Кашгари (XIII в.): *ат* [МК: I, 107]; в древних рунических памятниках, например в памятнике Кюль-Тегину и Тоньюкуку [Малов: 1951, 31, 62], в словаре «Codex Sumanicus» – *ат* в значении 'лошадь' [Махмутова: 1982, 83]. Встречается оно в том же значении во многих старотюркских памятниках, например, в грамматическом трактате XIV века «Ат-Тухва...» – *ат* [Пример из кн.: Изысканный: 1978, 159, 269]; в старотуркменском памятнике XIII века – *ат* [Курышжанов: 1970, 87]; в тюркоязычном памятнике Саифа Сарай (XIV в.) – *ат* [Наджип: 1975, 15]. Слово *ат* в том же значении встречается в поэмах Мухаммеда (XVI в.) «Тухфа-и мардан» и «Нур-и содур» [Кадирова: 2001, 134].

Данное слово также встречается в татарско-русских и русско-татарских словарях XVIII–XIX вв. с небольшими фонетическими изменениями. Так, например, в словаре И. Гиганова (1801) лексема *ат* 'лошадь' даётся в фонетических вариантах *атъ*, *атъ* в значении 'лошадь, конь'. В словаре И. Гиганова 1804 г. данное понятие выражается через слово *ылгы* 'лошадь'. В словарях К. Насыри (1892), А. Троянского (1833), С. Кукляшева (1859) приводится также вариант *атъ* 'лошадь'. В словаре А. Троянского (1833) слово *ат* даётся в значении 'лошадь, без ограничения пола'; И.П. Березгин (1914) и А. Воскресенский (1894) в своих словарях это слово дают в форме *ат* 'лошадь', у М. Юнусова (1900) *атъ* 'лошадь'.

Ат в татарских говорах в сочетании с определёнными словами образует термины, дифференцирующие лошадей по назначению, аллюру, нраву, состоянию, виду запряжки и т.д.: *йөг аты* / *жәг аты* (букв. 'лошадь для веза') / *жигу аты* (букв. 'лошадь для запряжки') / *эи аты* (букв. 'лошадь для работы'); заказ., нукр., менз., перм., злт. / *эиче аты* ('рабочая лошадь'; кмшл.) выражает значение 'лошадь' и т.д.

В значении 'скакун', 'скаковая лошадь' большинству говоров свойственно лит. *чабыши аты*, *чабышыкы ат*. Понятие 'скаковая лошадь' передаётся названиями: *йөгереи аты* (злт., кмшл.) / *йөгерек ат* (заказ., лш., мел., дрож.) и т.д. [Садыкова: 1994, 11–12].

Имеется параллель в монгольском языке: *агт*, *адуу(н)* 'лошадь, мерин'. В монгольском языке в значении 'лошадь' наиболее распространены слова *морь*, *морин*, *агт*, *адуу(н)* в основном означают 'конь', 'скакун' (ср. также монг. *атнай* 'наилучший конь') [Ишбердин: 1969, 109].

Этимология слова *ат* до сих пор окончательно не выяснена. В алтаистической литературе высказано предположение о том, что в древнеалтайских языках имеются слова, генетически родственные к тюркскому *ат* 'лошадь', 'конь'. Так, В. Котвич сопоставляя тюркское *ат* с монг. *адагун* ~ *адугун* 'лошадь, лошади, кони, табун, косяк лошадей', указывает при этом, что *адагун* производное слово, осложнённое архаичным имяобразующим суффиксом *-гун*, который он называет морфологическим элементом неясного происхождения [Котвич: 1962, 41]. Гласный второго слога в монгольской корневой морфеме *ада-* является редуцированным гласным, т.к. недолгие гласные не первых слогов в монгольском языке являются гласными неполного образования с ослабленной артикуляцией и произносятся бегло [Владимирцов: 55]. При самостоятельном употреблении основы *ада-* конечный гласный мог отпасть. Следует отметить, что тюркский *t* и монгольский *d* в данной позиции близки в звучании, т.к. конечный *t* предрасположен к озвончению [Шербак: 1970, 101].

Сравнение тюркского *ат* с монгольским *адагун* мы также находим в этимологическом словаре чувашского языка В.Г. Егорова [Егоров: 1964, 278].

Н. Поппе возводит тюркское *ат* к проформе **akt* < **akta* и сближает его с монгольским *agta* < **akta* 'мерин' [Поппе: 1960, 89], что нам представляется спорным, т.к. *agta* считается персидским словом, вошедшим в XIII в. в эпоху монгольских завоеваний и в тюркский, и в монгольский, а из монгольского и якутского в тунгусо-маньчжурские языки [Мелиоранский: 1905, 112–113].

Распространена этимология, связывающая *ат* с *agta* 'мерин'. Одни исследователи считают, слово *ат* произошло от монг. *ayta*. Другими исследователями слово *ayta*, известное в тюркских языках, со

Название данного домашнего животного встречается во многих тюркских и в некоторых монгольских языках с небольшими фонетическими изменениями: тат. *айгыр* 'жеребец', диал. в значении 'нехолощенный' азерб., алт., башк., казах. *айгыр*, ккалп. *айгыр ат*, узб., уйг. *айгыр*, тур. диал. *айкыр*, кирг., ног., туркм. *айгыр*, кум. *айгыр*; чув. *айыр*; гагауз. *хайгыр*; тув. *аскыр*; хак. *асхыр*; якут. *атыыр*; монг. *азрага*, *ажирга*, *ажирга*; бурят. *азарга*, эвенк. *адирга* 'жеребец'. Подобные формы в значении 'жеребец' зафиксированы также в памятниках древнетюркской письменности, например, в словаре Махмуда Кашгари (XIII в.) и в "Древнетюркском словаре" – *adyir* [адгыр], *adyir* [адгыр] [ДТС: 10, 28; МК: IV, 96]; в древнеписьменном памятнике «Codex Cumanicus» – *aygir* [айгыр] [Махмутова: 1982, 74]; в памятнике Куль-Тегину – *адгыр* [Малов: 1951, 32].

В словарях XIX–XX веков: например, в словаре И. Гиганова (1804) данная лексема приводится в двух фонетических вариантах *айгыр*, *айгурь* 'жеребец', также дана форма *айгыруакъ* в значении 'жеребчик'. У А. Троянского (1833), С. Кукляшева (1859) и Н.П. Остроумова (1892) слово имеет точное соответствие с литературным вариантом, т.е. *айгыр*. А. Воскресенский (1894) слово *айгыр* даёт в значениях 'жеребец, жеребчик'. В словаре у М. Юнусова (1900) встречается в фонетическом варианте *айгръ* 'жеребец', у К. Насыри (1911) *ايغیر айгыр* 'жеребец', у Н.Ф. Катанова (1912) присутствует два варианта слова *айгыр*, *айгыр*, в «Русско-татарском словаре сельскохозяйственных терминов» (1931) даётся в варианте *ajqyr* [айгр] 'жеребец'.

По поводу источника указанного гипонима нет ясного мнения. Например, по данным «Этимологического словаря тюркских языков» Э.В. Севортяна, по вопросу о взаимоотношениях тюрк. *adyir*, *ayuir* и монг. *азрага* был высказано мнение об их происхождении из общеалтайской праязыковой формы *adgirga*. В том же направлении пытается найти решение Г. Дёрфер, предполагая до тюрко-монгольский архетип *adiryа* от глагола *ad-~ ai-* 'отделять'. Однако Э.В. Севортян считает, что последующая фонетическая эволюция (*adiryа > adiry > метатеза – adyir*) у автора столь же гипотетична, как и сам архетип, или же приведённая выше форма *adgirga*.

Касаясь этимологии слова *айгыр*, исследователи выделяют два компонента: *ай-* и *-гыр*. В «Этимологическом словаре тюркских языков» Э.В. Севортяна, *айгыр ~ азгыр ~ адгыр...* возводиться к корню *ай-* ~ *аз-* ~ *ад-* 'возбуждаться (похоть)', 'покрывать (о животных)' + *-гыр*, *-кыр* (суффикс носителя процесса). Там же приводится точка зрения Г.Вамбери, который сопоставлял *at*, *aj*, лежащие в основе слов *atkir*, *ajgir*, с *ot*, *ot* 'бык' *uj* 'корова', не приводя обоснования и допуская фактические неточности [ЭСТЯ: 1974, 108].

В.В. Радлов др. тюрк. *adgir* 'айгыр' сравнивает со словом *at* 'лошадь' [Радлов: 1911, I, 15].

Е.И. Убрятова рассматривает происхождение слова *айгыр* от др. тюрк. *ай-* 'осуществлять; руководить, давать указания' и словообразующего суффикса *-гыр*. Значение суффикса *-гыр* вполне подходит к слову *айгыр*, хотя последнее и является во всех тюркских языках именем существительным, т.е. произошла субстантивация прилагательных [Вопр. тюркологии: 1965, 11–16].

Э.Ф. Ишбердин, основываясь на мнении Е.И. Убрятовой (считающей, что слово *айгыр* состоит из двух компонентов: *ай/am* и *-гыр*, *ай-* ~ *am-* в якутском языке означает 'творить, созидать', *-гыр* – суффикс имени существительного со значением действующего лица), утверждает, что наименование *айгыр* первоначально означал 'творящий, созидющий'. О том, что *айгыр* первоначально означал самца-производителя любого животного подтверждается фактами ряда тюркских языков: якут. *атыыр ат* 'жеребец', *атыыр эт* 'кобыль', *атыыр огус* 'бык', ккалп. *айгыр ат* 'жеребец', *айгыр эшек* 'самец осла' [Ишбердин, 1969, 109]. В слове *айгыр* А.М. Щербак также выделяет два компонента: *ай-* ~ *am-* и *-гыр*. Автор возводит *айгыр* к древнему причастию от глагола *ai-* < *ad* [Щербак: 1961, 87–89].

Исследователь Р.Г. Ахметьянов семантику *айгыр* возводит к древнему слову **azyiryag*, *azyiyad* в значении 'развращающий, возбуждающий (похоть)' (отсюда монг. *agirga* и т.д.) [Ахметьянов: 2005, 48]. Напр., кирг. *азгыр* 'развращать', тув. *аскым* 'азгын; чыгымчы', *аскыр* 'айгырак', *аскырак* 'айгыр колын'. Многочисленные варианты слова по законным переходам восходят к слову **азгыргакка* [Щербак: 1961, 88–89; Федотов: 1978, I, 81–82]. Данная лексема *айгыр*, *айгур* заимствована соседними языками из тюркских языков, например, мордов. *айгыр*, грузин. *ажилга* < *ажыргга*, *айгыр*; украин. *огер*, польск. *ogier* 'айгыр' и т.д. В рус. яз. *айгыр*, *аскыр* со значением 'мерин' [Акинин: 2000, 78].

Существует и вариант *бейгыр* 'лошадь, мерин', который встречается в гагаузском и турецком языках [Радлов: 1911, IV, 1569].

По мнению М. Губогло, для обозначения взрослой лошади в турецком и гагаузском языках употребляется термин *beugir*. В тех случаях, когда речь идёт о хозяйственном применении этого животного: *араба бейгири* 'ломовая лошадь', *халемал бейгири* 'вьючная лошадь', *дермен бейгири* 'мельничная лошадь', *улак бейгири гйби йалмак* 'быстро бегать, как курьерская лошадь' и т.д. [Губогло, 1971, 221].

заимствований: 1) древнетюркский (В.И. Лыткин, В.И. Алатырев, И.В. Тараканов и др.); 2) болгарский (Б. Мункачи, Ю. Вихманн, М.Р. Федотов, И.В. Тараканов и др.); 3) татарский (Б. Мункачи, Х. Паасонен, И.В. Тараканов, Ш. Чуч и др.); 4) башкирский.

Состав древнетюркских заимствований удмуртского языка в 15-20 единиц, представленный И. В. Таракановым в своих публикациях, вызывает у современных исследователей (В. В. Напольских, В. К. Кельмаков, С. К. Белых) вполне оправданные возражения хронологического, фонетического, ареального и пр. характера. Башкирских заимствований весьма незначительно, чтобы они могли образовать отдельный пласт, и ведущий исследователь тюркизов в удмуртском языке И. В. Тараканов даже не поставил цели отделить их от татарских. Следовательно, наиболее заметными и посему представляющими серьезный интерес остаются болгарский и татарский пласты.

Ряд этимологически родственных лексем, заимствованных удмуртским языком как из болгарского языка, так и из татарского в разное время и в различном фонетическом оформлении, употребляются параллельно, отличаясь друг от друга в ареальном, функциональном и стилистическом отношении, напр.: *курок* (< булг.) 'разбойник' - *карак* (< тат.) 'вор, мелкий воришка', *куйкы* (< булг.) - *кайгу* (< тат.) 'скорбь, горе, печаль', *сяська* (< булг.) 'цветок' - *чачак* (< тат.) 'украшение в виде бабочки на девичьем головном уборе', *сюлворыны* - *д'алба-рнь* 'просить, умолять', *ымыр* (< булг.) - *гумыр* (< тат.) 'человеческая жизнь от рождения до смерти', и др.

Курок - карак. Из этой пары на болгарское происхождение слова *курок* впервые указал, пожалуй, Б. Мункачи [Munkacsı: 1884, 106; 1896, 227], далее подтвердили Ю. Вихманн, М.Р. Федотов, И.В. Тараканов и др. Финский ученый, возводя удм. *курок* к чувашскому источнику, приводит следующие соответствия: чув. *хорак* 'грабеж, разбой' [ср.: тат. *karak* 'разбой, грабеж'; уйг., чаг. *karak* (уйг.) 'разбойник, грабитель', (чаг.) 'грабеж, вред, убыток, повреждение'] и др. [Wichmann: 1903, 84].

Сохранившееся лишь в отдельных южных диалектах слово *курок* некогда имело, по-видимому, общеподмуртское распространение: оно встречается в первопечатных книгах не только на «сарapulьском наречии» (южн.), но и «глазовском» (сев.) – правда, в сочетании с *адячи*, *мурт* 'человек', ср.: сар. *Со берё юя-зы басьтыса Исусэзь нуизы Голгофа гурёзь-илэ, отынъ-бонъ кирдсь кеяятъ пу вылэ оишзы, кыкъ курдкъ адямилэнь-шоразы* (Азб. Сар. 1847, 111) ~ глаз. *Исусэзь нуизы Голгофа гурёзь-вылэ, золтызы-но отынъ крьось-вылынъ, кыкъ курдкъ мурт Гось-куспынъ*. 'Исуса отвели на гору Голгофу, и тамъ распяли на крестъ, между двумя разбойниками' (Азб. Гл. 1847, 103) и др.

В соответствии с квалификацией современных нормативных словарей удмуртского языка рассматриваемое слово употребляется в настоящее время преимущественно в фольклорных текстах и в авторских произведениях на историческую тему, напр.: *Соку сюрес выльёсын курокъёс йыртэмалозы выльэм* (ВК, 97). 'В те времена на дорогах разбойники шалили'. *Нош купец котку но тыршылыз курокъёсын огъя кыл шедьтылыны<...>* (Леон., 17). 'А купец всегда старался находить общий язык с разбойниками'. Его татарская параллель *карак* 'вор, (мелкий) воришка' (< тат. *карак* 'вор, жулик; разбойник; громила', имеет узкодialeктный характер и впервые была зафиксирована лишь в кукморском говоре: *karak* 'вор'; *vorlis karak luskam* погов. 'у вора украл (другой) вор'; *karag eskal* 'воришка (букв, вороватая корова)' [Кельмаков: 1969 [Приложение], 118, 171]; И.В. Тараканов [1993, 76] отмечает его и в буйско-таньпском (закамском) говоре. В печатных литературных источниках его обнаружить не удалось.

Куйкы - кайгу. Б. Мункачи, указывая на тюркское происхождение удмуртского *kujki* (*kujkl*), не уточняет конкретный источник заимствования [Munkacsı: 1884, 104; 1896, 192]; их дифференциация была впервые произведена Ю. Вихманном, возведшим удм. *kuiki* (*kuikf*) к «чувашскому» (т.е. болгарскому) источнику, а удм. *kaigu* (*kaige*, *kaiye*) – к татарскому [Wichman: 1903, 78-79].

Слово *куйкы* встречается в более ранних текстах (Евангелиях от Матфея) как северного происхождения (на «глазовском наречии»), так и южного (на «казанском диалекте»), правда, на «сарapulьском наречии» (южн.) фигурирует его татарское соответствие – *кайгу*. глаз. *Соку бень лудзь бадзймъ куйкй, кэчэ эй-валь дуньё лесътэмъ-тырысь та чджъ узъ-но лу* (Еванг. Гл. 1877, 190) ~ *Соку дыръя туж ышан куйкы луоз, донне луэм тырид ычэ куйкы луэмэз бвл, со бере но уз луы* (Еванг. Каз. 1877, 65) – но: сар. *Соку бонъ луозъ бадзймъ кай-гу, кэчэ эй-валь дуньё лескъэмъ-тырысь та-чджъ углд-но* (Еванг. Сар. 1847, 190) '<...>тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне, и не будет' (Библия 1988, 1044). В народной песне (южн.): *Ум дулмадкылэ ум бдр-дылэ, Куйшез бадтид Инмар вац*. 'Не будемъ горевать и плакать: Богъ уничтожаетъ горе' (Гавр., 11,81).

Татарское же *кайгу* имеет высокую степень включенности в лексическую систему современного удмуртского языка, о чем свидетельствуют:

1) лексема *кайгу* обладает большой частотностью и совместно его производным *кайгырон* (с тем же значением) может употребляться в удмуртском тексте разного жанра и различного содержания (иногда в пределах одного абзаца или предложения) параллельно с его удмуртским синонимом

куректон 'горе, скорбь, печаль' для усиления выражаемого им значения, напр.: *Кайгу юатэк-вератэк лыктэ, шуо. Совхозысь ыж утисьлэн Семён Иванович Чернышовлэн корказ бад'зым куректон вуиз. Л'ьдмпу сяськаян вакытэ кышноез кул'ыз. Котыр ваньмыз сяськаяське, шумпотэ, кырза, ворекъя, нош ыж возьмасьлэн корказ кайгу. Туж бад'зым кайгырон. Бадзым* (Сам, 107). **Торе**, говорят, приходит без предупреждения. В дом совхозного овчара Семена Ивановича Чернышова пришло большое **горе**. В период цветения черемухи умерла его жена. Кругом все цветет, радуется, поет, переливается, а в доме овчара **скорбь**. Огромное **горе**. Большое'. И др.;

2) слово *кайгу* с производным *кайгырон*, существенно обогащает состав удмуртского синонимического ряда композитами сочинительного типа, образованными сочетанием с семантически близкими к нему словами удмуртского происхождения, ср.: *кайгу-куректон*, *куректон-кайгу*, *куректон-кайгырон*, *кайгырон-куректон* (*куректон* 'горе, печаль, скорбь'), *кайгу-сюлэмшугьяськон* (*сюлэмшугьяськон* 'забота, беспокойство'), *кдткайгу* (*кот* 'живот'), *вдсь-кайгу* (*вдсь* 'боль'), *курадзон-кайгу* (*курадзон* 'мука, мучение'), *кайгырон-жоэж* (*жоэж* 'обида') и др. Все формы подтверждаются примерами.

В докладе рассмотрена еще одна пара - *ымыр* (< булг.) - *гумыр* (< тат.).

Условные сокращения языков и диалектов

булг. – болгарский; *глаз.* – глазовский диалект удмуртского языка (по: 1); *каз.* – казанский диалект удмуртского языка (по: 7; 17); *сар.* – сарапульский диалект удмуртского языка (по: 2); *сев.* – северное наречие удмуртского языка; *тат.* – татарский; *удм.* – удмуртский; *уйг.* – уйгурский; *чаг.* – чагатайский (староузбекский); *чув.* – чувашский; *южн.* – южное наречие удмуртского языка.

Источники

Азб. Гл. 1847 - Азбука составленная изъ Российскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обучешя Вотскихъ Дѣтей чтешо на ихъ нарѣчш. (По Глазовскому). Казань, 1847. 174 с.

Азб. Сар. 1847 - Азбука составленная изъ Российскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обучешя Вотскихъ Дѣтей чтешо на ихъ нарѣчш. (По Сарапульскому). Казань, 1847. 192 с.

Библия 1988 - Библия: Книги священного писания Ветхого и Нового Завета/ Изд. Московской Патриархии. М., 1988. 1371 + 5 с.

ВК - Ватка но Калмез: Удмурт калык легендаос но преданное. Ижевск: Удмуртия, 1971. 164 б.

Гаер. - Гавриловъ Б. Произведешя народной словесности, обряды и поверья вотяковъ Казанской и Вятской губерниш. Казань, 1880. 190 с.

Еванг. Гл. 1847 - Господа нашего Иисуса Христа Евангелія отъ св. Евангелистовъ Матвея и Марка на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Глазовскаго нарѣчя. Казань, 1847. 138 с.

Еванг. Каз. 1877 - Господа нашего Иисуса Христа святое Евангеліе отъ Матвея: Издаше Православнаго Миссионерскаго Общества. Казань, 1877. 82 с.

Еванг. Сар. 1847 - Господа нашего Иисуса Христа евангеліе отъ св. Евангелиста Матвея на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Сарапульскаго нарѣчя. Казань, 1847. 234 с.

Леон. - Леонтьев А. К. Сюрес усьт'ське мыньсьлы: Исторической повесть-легенда. Ижевск: Удмуртия, 1995. 192 б.

Сам. - Самсонов Е. Зор бере: Веросьёс. Ижевск: Удмуртия, 1967. 165 б.

Литература

Кельмаков В.К. Кукморский диалект удмуртского языка: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1969. XXX + 475 + [Приложение] + 175 с.

Тараканов И.В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи (Теория и словарь). Ижевск: изд-во Удм. ун-та, 1993. 170 с.

Munkacsi B. Votjak nyelvtanulmányok // NyK. 1884. XVIII szam. 35–155, 428–447 old.

Munkacsi B. A votjak nyelv szotara. Budapest, 1896. XVI + 758 l.

Wichmann Y. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. Helsingfors, 1903. XXVIII + 171 S.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ИМЕН ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В ЧУВАШСКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

В.В. Павлов

Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары

Около 200 лет языковеды решают вопрос о происхождении тюркских числительных. Трудность или почти невозможность их этимологизации на тюркской основе заставляет языковедов строить всевозможные догадки и предположения, обращаться к названиям числительных в тех языках, носители которых издревле находились в постоянных контактах с древними тюркоязычными племенами. Один из лучших знатоков алтайских языков Г.И. Рамstedt не без оснований полагал, что «алтайские языки обнаруживают в числительных крайне незначительное количество общих черт», что народы в своих торговых операциях

adını eşit, üzünü görmə?. Карлуq rрупу түрк дилләриндә ишләнән сүмлә тiplи фразеолоји vahidlәр Azərbaycan dili ilə paralellik təşkil edir. Məs.: **Жоэцини күзлүккә санайду** – *Cücəni payızda sayarlar*

Bundan başqa, karluq rрупу түрк дилләриндә сүмлә тiplи фразеолоји vahidlәрin yarımçıq сүмлә növü дә ишләнir. Məs.: *Төгә көрдүңму* – **Йок** (lal-kar olmaq, susmaq). Semantik cəhətdən tam olub, lakin quruluş cəhətdən yarımçıq olan bu сүмләләр elliptik фразеолоји vahidlәrdir. Məsələn, **Билиги чоң бирни йеңәр, билими чоң – миңни (йеңәр)**. Bu сүмләнin baş üzvü - xəbər düşmüşdür, lakin сүмләнin mənası başa düşülür.

Mürəkkəb сүмлә тiplи фразеолоји vahidlәр. Karluq rрупу түрк дилләриндә struktur-qrammatik cəhətdən mürəkkəb сүмлә şəklində olan фразеолоји vahidlәр дә istənilən qədər mövcuddur. Mürəkkəb сүмлә тiplи фразеолоји vahidlәri, əsasən, atalar sözləri və məsəllər təşkil edir. Onların içərisində mürəkkəb сүмләнin həm tabesiz, həm tabeli növləri müşahidə olunur. Məs.: özb. **Тиг яраси тузалар, тил яраси тузалмас**; uyğ. **Қара сайда таиш тепилмас, ахтармида даңгал**.

Qeyd edək ki, karluq rрупу түрк дилләриндә daha çox qarşılaşdırma əlaqəli tabesiz mürəkkəb сүмлә tipində olan фразеолоји vahidlәр özünü göstərir. Məs.: özb. **Уқиган ўқдан ошар, ўқимаган турткидан шошар**; uyğ. **Киши көрки үз, үз көрки көздур, Әқил баштин чиқиду, алтун таиштин чиқиду**.

Karluq rрупunda tabesiz mürəkkəb сүмлә тiplи фразеолоји vahidlәrlə yanaşı tabeli mürəkkəb сүмлә тiplи фразеолоји vahidlәр дә mövcuddur. Apardığımız araşdırma nəticəsində aydın olur ki, karluq rрупу түрк дилләриндә onların daha çox şərt budaq сүмлә növləri geniş şəkildə yayılmışdır. Məs.: **Бош омон бўлса, дүпни топилар; Төгә силкинса, он еишәккә жүк чикар**.

Tablei mürəkkəb сүмлә тiplи фразеолоји vahidlәрin zaman, qarşılaşdırma budaq сүмлә növlərinə дә rast gəlik: **Bəl eqilməy, kötək yerilmas, Aла карга алман болсиму, қарчигинин орнини басалмас**.

Karluq rрупу түрк дилләриндә tabeli mürəkkəb сүмлә тiplи фразеолоји vahidlәrdә сүмләләр arasında əlaqə yaradan əlamətlər özünü göstərmir. Bu tip сүмләләрin əsasən səbəb budaq сүмлә növünə təsadüf edilir: **Ит хурар – карвон ўтар (Ишт һавишар-карван жүрәр), Сән теч-хошинаң теч, Өзәңдә йоқ-аләмдә йоқ**.

Nəticə etibarilə deyə bilərik ki, karluq rрупу zəngin фразеолоји фонда malikdir və bu fondun böyük bir hissəsini дә сүмлә тiplи фразеолоји vahidlәр olan atalar sözləri və məsəllər təşkil edir. Onların araşdırılması nəinki түрк дилләri üçün ortaқ dil faktlarının, həmçinin türklәrin dünyagörüşünün, adət-ənənələrinin, düşüncə tərzinin, əşya və hadisələrə münasibətinin дә ortaқ olduğunu üzə çıxarır.

Литература

Kazımov Q.Ş. Müasir Azərbaycan dili. Sintaksis. Bakı: Təhsil, 2007, 496 s.

Türk dillərinin frazeologiyası. I cild. Bakı: Nurlan, 2009, 220 səh.

Raxmatullayev Ш.У. О преобразовании грамматического строения у именных фразеологических единиц // Научные труды. Языкознание. Филологические науки. Кн. 24. Новая серия. Вып. 211. Ташкент, 1963. С. 225–230.

УзРС – Узбекско-русский словарь / Под ред. С.Ф.Акабирова, З.М.Магруфова, А.Т.Ходжаханова. М., 1959. 839 с.

УРС – Уйгурско-русский словарь / Сост. Э.Н. Наджип. М.: Изд-во «Советская Энциклопедия», 1968. 828 с.

ОБЩЕАЛТАЙСКИЙ ПЛАСТ ГИПОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Г.А. Исхакова

Казанская государственная академия ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана, г. Казань

Наиболее близкими ветвями алтайской языковой семьи являются монгольские и тюркские языки. В коневодческой лексике немало наименований, общих для тюркских и монгольских языков (тюрко-монгольских параллелей). Этот наиболее древний лексический слой языков тюркской группы восходит к той исторической эпохе, когда тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские и другие народы ещё не составляли отдельных групп с различными структурами языков. Общее родство и взаимные контакты между носителями этих языков породили общие особенности в их лексическом фонде.

Исследованию названий домашних и диких животных в тюркских языках с привлечением параллелей из монгольских и тунгусо-маньчжурских языков посвящены две статьи А.М. Щербак, который приходит к выводу о заимствовании общих для этих языков наименований, хотя признаёт, что «тюрко-монгольские и тюрко-монголо-тунгусские параллели наименований животных должны быть рассмотрены специально» [Щербак: 1966, 161].

Так, в составе татарского языка имеются большое количество лексем имеющих соответствия в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, относящихся к устойчивым разрядам лексики. Ниже рассмотрим некоторые тюрко-монгольские параллели (возможны и заимствования, так как трудно установить истинную принадлежность общего пласта лексики конкретно к какому языку) лексики коневодства.

Айгыр ‘жеребец’. **Айгырны урлаткач кына абзарны бикләмиләр** ‘после кражи жеребца хлев не запирают’ [пословица]. **Жигә белгән айгыр жигәр** ‘тот, кто понимает толк в коне, запретит жеребца’ [пословица].

frazеолоји vahidləri *бутун бағр, тош мөхр* şəklində işlənmiş. Ş.Рахматуллایев qeyd edir ki, “bu məhdudiyət frazeoloji vahidlərin struktur mahiyyətindən doğan bir hal deyildir” [Рахматуллаев: 1963, 227].

Cümlə tipli frazeoloji vahidlər sintaktik bütövlüyə malik olub kommunikatив funksiya daşması ilə səciyyələndirilir. Bəzən çoxkomponentlilik cümlə tipli frazeoloji vahidlərin mövcudluğunu şərtləndirən əsas amillərdən biri kimi qeyd olunur. Lakin qeyd edək ki, türk dillərində ikikomponentli sintaktik sabitliyə malik cümlə tipli frazeoloji vahidlər də mövcuddur. Bəzi hallarda isə frazeoloji vahidlər cümlə daxilində sintaktik tərkiblər yaradır və cümlə üzvü vəzifəsində, həm cümlənin baş üzvü, həm də ikinci dərəcəli üzvü vəzifəsində çıxış edir.

Karluq qrupu türk dillərində də iki və daha çox komponentli cümlə tipli frazeoloji vahidlər mövcuddur ki, onların, demək olar ki, əksəriyyətini atalar sözləri, məsəllər, alqış və qarğışlar təşkil edir. Qeyd edək ki, bu hal digər türk dilləri üçün də xarakterikdir.

Apardığıımız araşdırma zamanı karluq qrupu türk dillərində nəqli, əmr, sual, nida formasında olan, həmçinin sadə, tabeli və tabesiz mürəkkəb cümlə tipli frazeoloji vahidlərə də rast gəlirik ki, onları cümlənin növbə və quruluşuna görə ayırmaq olar.

Nəqli cümlə formasında olanlar: özb. *Сиз кўзимга иссиқ кўринаётурсиз* [УзРС, 227], *Кўрарга кўзи, отарга ўқи ўйқ* [УзРС, 228]; уйғ. *Униң бешига апәт чүшти* [УРС, 14], *У елини тайақтин ажриталмайду* [УРС, 19].

Əmr cümləsi formasında olanlar: özb. *Йўқ ол, кўзимга кўринма!* [УзРС, 231], *Бу ҳақда ҳеч кимга оғиз очманг!* [УзРС, 313]; уйғ. *Униң көзини ач* [УРС, 21], *Бурниңни тартма!* [УРС, 269], *Өз тилицдин көр* [УРС, 354].

Sual cümləsi formasında olanlar: özb. *Тилнинг суяги борми?* [УзРС, 430], *Сенга бошим қоронги эдимми?* [УзРС, 85]; уйғ. *Саңа нимә апәт тәғди?* [УРС, 14], *Нимә анрийин/анкийин калдин – нйүә ағзиди ақи қалди?* [УРС, 44].

Nida cümləsi formasında olanlar: özb. *Елкамнинг чуқури кўрсин!* [УзРС, 137]; уйғ. *Ахирини бәрсун!*, [УРС, 23], *Ахирини хәйр қилсун!* [УРС, 40].

Sadə cümlə tipli frazeoloji vahidlər. Qeyd etdiyimiz kimi, karluq qrupu türk dillərində cümlə tipli frazeoloji vahidlərin struktur-qrammatik cəhətdən sadə və mürəkkəb tiplərinə də rast gəlirik. Sadə cümlə tipli: özb. *Ғанига илон нүст таилайди* [УзРС, 335], *Пичоқ бориб суякка тақалди* [УзРС, 390]; уйғ. *Ахмақ баши айаққа течлик бәрмәйду* [УРС, 23], *Ай уңиң оңидин чиқти – бәхти гәтириб* [УРС, 57].

Karluq qrupu türk dillərində cümlə tipli frazeoloji vahidlərin sintaktik xüsusiyyətlərini təhlil edərkən aydın olur ki, bu qrupda onların cümlətipli və təktərkibli sadə cümlə növləri də mövcuddur. Cümlətipli sadə cümlələr mübtədə və xəbərin əsasında formalaşdığı və ikinci dərəcəli üzvlərin hesabına genişləndiyi üçün cümlə tipli frazeoloji vahidlərin tərkibini cümlənin baş və ikinci dərəcəli üzvlərini də ayırmaq olur.

Karluq qrupu türk dillərində mübtədəsi çox vaxt substantivləşmiş, məsdər tərkibləri, üçüncü növ təyini söz birləşməsi ilə ifadə olunan sadə cümlə tipli frazeoloji vahidlərə də rast gəlirik. Məs.: *Икки кўчқонинг боши бир қозонда қайнамас, Арининг захрини чекмаган-болнинг қадрини билмас; Адамниң һөрмити өз қолида, Йоқни “кәрәк” татиду, Жан дегән қаш-қирпик арасида.*

Sadə cümlə tipli frazeoloji vahidlərin xəbəri də müxtəlif ifadə vasitələrinə malikdir. Məs.: *Попадан айрилгани бұри ер. Уй сирі – әпиқлик қозон; Пиядә киши атлиққа йолдаш эмәс, Бала-қазда дәрәк бешида эмәс, адам қешида, Әгериниң сайисиму әгри, Соқуиқақ гораз семиз болмайду.*

Sadə cümlə tipli frazeoloji vahidlər arasında xəbəri yox və var sözləri ilə ifadə edilmiş cümlələrə də rast gəlirik. Məs.: *Чиройли қизнинг нози бор, Қари бор уйнинг зары бор; Йаман ейтмай йахши йоқ.*

Karluq qrupu türk dillərində müxtəlif nitq hissələri, tərkiblərlə ifadə olunmuş ikinci dərəcəli cümlə üzvləri ilə genişlənən sadə cümlə tipli frazeoloji vahidlərə də çoxluq təşkil edir. Məs.: *Узүмнинг яхшисини ит ейди; Айрилганни ейиқ йәр, бөлүнгәнни бәрә йәр – tamamlıq; Тогра сөз төмүрни тешәр, юмшақ сөз қилчичи кесәр – təyin; Оттүз йешида әр аталған, қириқ йешида шир атилар, Мән силәрниңкигә төгиниң күйүргә йәткәндә баримән – zərflik.*

Sadə cümlə tipli frazeoloji vahidlər içərisində təktərkibli cümlə quruluşunda olan cümlələr də çoxluq təşkil edir. Təktərkibli cümlənin daha çox ümumi şəxslərinə geniş yayılmışdır. Qeyd edək ki, “atalar sözləri və məsəllərin böyük bir qismi bu formada təşəkkül tapmışdır” [Kazimov: 2007, 184]. Cümlə tipli frazeoloji vahidləri təhlil edərkən məlum olur ki, Azərbaycan dili üçün deyilmiş bu fikir karluq qrupu türk dilləri üçün də keçərlidir. Məs.: *Бұрини бұрилиги учун эмәс, қўйни еганлиги учун үлдирадидлар* (III şəxsin cəmi indiki-gələcək zaman), *Кўрққанга кўи кўринар* (gələcək zaman), *Ойлимай сөзлисән, ағримай өлисән* (II şəxsin tək indiki zaman), *Ятниң яндин өтиду, туққанниң жәндин өтиду* (III şəxsin cəmi indiki zaman), *Жоқини күзлүккә санайду* (III şəxsin cəmi gələcək zaman), *Ятқан иланниң бешини дәссима* (II şəxsin tək əmr forması).

Göründüyü kimi, karluq qrupu türk dillərində də bu tip cümlələrin xəbəri adətən II şəxsin tək, III şəxsin cəmində indiki, gələcək və ya indiki-gələcək zamanda (daha çox ümumi zaman məzmunu bildirir), bəzən də əmr formasında ola bilər. Azərbaycan dili ilə müqayisə edək: *Malını yetəyәnin malını yeyәrlәр, Yaxşı игидин*

«пользовались выражениями и условными знаками, имевшими тайный смысл», «а те имена числительные, которые вообще поддаются этимологизации, кажется, в большинстве случаев ведут свое происхождение от счета по пальцам» [Рамстедт: 1957, 64].

И для турецкого, и для чувашского языков характерны одинаковые имена числительные – количественные, порядковые, разделительные, дробные, собирательные.

В обоих языках слово «один» занимает немаловажное место в указанной части речи. Его значение огромное. В турецком языке количественное числительное *bir* «один» выступает в трех значениях: 1) числительное количественное «один»; 2) неопределенный член; 3) особый лексико-синтаксический показатель. *Bir*, как и любое другое количественное числительное, выступает также в качестве прилагательного определения, то есть используется в обстоятельственном значении. Слово сочетание с *bir* в интерпозиции для выражения подчеркнутой экспрессивности может сочетаться со словом *bir* в препозиции: *bir güzel bir kız* «одна красивая-прекрасная девушка».

В чувашском языке исследователи указывают на многозначность и полифункциональность числительного *пёр* (*пёрре*) «один»: оно выступает в качестве неопределенного артикля: *пёр сын* «некий человек»; он выражает неопределенный отрезок времени: *пёрре* «однажды»; в выражении *килнэ пёр* «раз пришел» *пёр* считается частицей; в выражении *пёр кёрет те пёр тухать* «то заходит, то выходит» *пёр* якобы выполняет функцию союза [Резюков: 1959; Сергеев: 1994; Федотов: 1996].

Разряд дробных числительных в современном виде, связанных с арифметическими действиями, внедрился и развился в чувашском языке благодаря русской школе. Поэтому они ничем не отличаются от русских образцов: *пёрре иккёмёи* $1/2$ «одна вторая», *виççё таваттамёи* $3/4$ «три четвертых», *иккё тулли те тиллёк саккәрмёи* $2\ 5/8$ «два целых пять восьмых» и т.д.

В турецком языке же дробные числительные образуются по-другому: сначала называется знаменатель в местном падеже, а потом числитель: *dörtte üç* $3/4$, *onda dört* $4/10$.

Знак процента % по-турецки ставится перед дробным числительным: % 10 = *yüzde on* = 10 % – *vunā процент*.

В тюркских языках вплоть до нашего времени употребительны в той или иной ситуации, связанной с подсчетом, некоторые слова, а именно: чув. *çур/çурă, çурма* (<çур ~ др.-тюрк. *jar-* «рассекать, расщеплять» > *jarım*) «половина», тур. *yari/yarım*, тат., башк. *ярәм*, к.-калп. *жарым*, хак. *чарым*): *пёрре çурă* $1\ 1/2$ «полтора», *çурма çул* «полпути»; чув. *чёрёк*, тат. *чирек*, узб. *чорак* «четверть, четвертинка»; чув. *асмухха/уçмахха/уçмушка* (<русс. *осьмушка*), тат. *әчмүха*, тофал. *мусьмушка* «восьмая часть».

Имя числительное выделяется из общей категории имен (и отличается от имени существительного и имени прилагательного) в разрядах числительных количественных и неопределенно-количественных своей специфической семантикой (обозначение числа предметов), в разрядах порядковых, разделительных и дробных – семантикой и специфически ему присущим морфологическим оформлением.

Имя числительное, являясь опредмеченным именем числительным количественным или неопределенно-количественным, в речи употребляется без существительного и служит для обозначения совокупности лиц: *iki* «два», *ikisi* «двое», *çok* «много», *çoğu* «большинство из них».

Имена числительные – порядковые, разделительные и неопределенно-количественные – используются в качестве приименных и прилагательных определений: *Bin ölçüp bir biçmeli* (поговорка) «Тысячу [раз] нужно отмерить, один [раз] отрезать».

Bunu ilk görüyorum «это я вижу впервые»; *ilk çocuk* «первый ребенок»; *ikiser elma* «по два яблока»; *ikiser giriniz* «входите по двое»; *çok adam* «много людей»; *çok söylüyor* «много говорит».

Дробные числительные синтаксически функционируют как приименные определения. Именно собирательные числительные, являясь субстантивированными числительными, синтаксически используются во всех функциях, свойственных имени существительному.

Раньше в речи старых людей можно было слышать дробные числительные тюркской конструкции, когда первым называется знаменатель в генитиве, потом числитель со словом *pai* «доля, часть, порция, пай» с аффиксом принадлежности 3 лица: *tāvattān viçē paiē* $3/4$ «три части четырех», *vunnān pēr paiē* $1/10$ «одна часть десяти» и т.д. Такие же числительные есть в тувинском, шорском, хакасском: *алдынын беи* $5/6$ «пять частей шести», шор. *оннын пир пөлүги* $1/10$ «одна часть десяти» [Дмитриев П; 191].

В остальных тюркских языках дробные числительные образуются по-другому: сначала называется знаменатель в локативе (преимущественно огузские языки) или аблативе (кыпчакские языки), затем количественные числительные в номинативе: тур. *orda dört* $4/10$, аз. *алтыда дөрт* $4/6$, туркм. *учде икки* $2/3$; к.-калп. *оннан* (<ондан) *бир* $1/10$, узб. *учдан икки* $2/3$ и т.д.

Понятие «половина» (а не $1/2$, что передается дробным числительным *ikide bir*), «пол-» выражается тремя словами: *buçuk, yarım, yarı*.

buçuk (<*biç* «резать») (Для иллюстрации изменчивости огласовки этого глагола (как и ряда других) даже в пределах одного (в данном случае, турецкого языка) можно привлечь еще слово *biçak* «нож»; ср. еще: *biçki* «пила», но: *biçki* «кройка», *biçtek* «резать», «кроить») «половина» используется только в сочетании с количественными числительными: *bir buçuk* «полтора»; *üç buçuk* «три с половиной»; *on beş buçuk* «пятнадцать с половиной»;

yarım (<*yar* «разделять», «рассекать») «пол-», «полу-», «половина» используется:

а) в определительной (дробно-числительной) функции: *yarım saat bekledim* «я ждал полчаса»; *yarım kilometrelik yol* «полукилометровый путь»; *yarım kilo üzüm* «полкилограмма винограда»; *yarım asir* «полвека»;

б) в определительной (словообразовательной) функции: *yarımada* «полуостров»; *yarımküre* «полушарие»; *yarım müstemleke*, *yarım sömürge* (неолог.) «полуколония»; *yarım daire* «полукруг»; *yarım tedbir* «полумера»;

Ср. еще: *yarımsağ!* «пол-оборота направо!» (команда); *yarımsol!* «пол-оборота налево!» (команда).

yarı (<*yar-* «разделять», «рассекать») «пол-», «полу-», «половина» используется как **определение** и как **определяемое**.

yarı как **определение** употребляется в качестве:

а) **приименного** определения, в сочетании с которым образуется новое слово: *yarı gece* «полночь»; *yarı çiplak* «полуголый»; *yarı resmî* «полуофициальный»; *yarı proleter* «полупролетарий»; *yarı vahşî* «полудиккий»; *yarı kapalı gözleri bir noktaya dalmış* «его полужакрытые глаза были устремлены в одну точку»; *henüz yarı koruk olan bu üzümler* «этот еще полужелтый виноград»;

б) **приглагольного** определения, т.е. в обстоятельственной функции: *gözlerini yarı açtı* «полуоткрыл свои глаза»; *yarı oturur bir vaziyette yatıyordu* «он лежал в полусидячем положении».

Литература

Рамstedт Г.И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957. 254 с.

Исследование по сравнительной грамматике тюркских языков / Под ред. Н.К. Дмитриева. М., 1955–1962. Т. 1–4.

Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956. 569 с.

Резюков И.А. Сопоставительная грамматика русского и чувашского языков / Чебоксары: Чувашгосиздат, 1959. 328 с.

Федотов М.Р. Чувашский язык. Чебоксары: Изд-во Чув. ун-та, 1996. 460 с.

Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (имя). Л.: Наука, 1977. 191 с.

Сергеев В.И. Именные части речи: учеб. пособие. Чебоксары: Изд-во Чув. ун-та, 1994. 154 с.

ТИПОЛОГИЯ ИМЕН ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ (на материале удмуртского и тюркских языков)

О.Б. Стрелкова

Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Рассматривая имена числительные удмуртского языка в свете данных тюркских языков, можно обнаружить весьма интересные типологические параллели. Это касается как функциональных, так и морфологических особенностей имен числительных. В данной работе нами также рассматриваются различные количественные отношения и отнумеральные конструкции, которые оказываются схожими в неродственных языках.

Так в тюркских языках среди количественных определительных сочетаний особую группу «занимают сочетания, в которых определение выражено числительным *bir* 'один'. Кроме обычной семантики этого определения единичности предмета или явления определение *bir* 'один' носит оттенок неопределенности. Таким образом, содержание, например, такого сочетания, как *каракалп. bir kişi*, заключается в том, что здесь подчеркивается не только единичность предмета 'один человек', но и его неопределенность 'один какой-то человек', 'некто'. В данном случае исследователями также подчеркивается выполнение числительным 'один' функции артикля.

В современном удмуртском языке форма *одйг* 'один' также может быть одинаково использована для выражения как числа предметов мысли в количестве одного, так и для указания на неопределенный предмет, явление, субъект действия. Например, рассмотрим ряд примеров: *Одйг тусытысысь сисъкыны* 'есть из одной миски', *одйг липет улын улышы* 'жить под одной крышей'. В этих примерах *одйг* выражает конкретное количество – один, это количество может быть противопоставлено двум, трем, множеству себе подобных предметов, таким образом, в данных случаях идет указание именно на единичность, и эта **количественная характеристика** оказывается **важной** в рассматриваемом контексте.

«рожать»). Значение медведя определяется, прежде всего, внешним подобием человеку, которое толковалось мифопоэтическим сознанием как свидетельство их общего происхождения или происхождения друг от друга. Медвежья обрядность осмысливается на уровне мифологических образов и соответствующих сюжетов – о сожительстве женщины, заблудившейся в лесу, с медведем или о связи медведицы с охотником. Сведения о «людях-медведях» имеются в хеттских текстах. Особенно живучими оказались представления о медведе как о духе растительности: срав. представления о Ржаном медведе, Соломенном медведе, Овсяном медведе. В Саксонии считали, что хлебная макушка рождает сына-медведя, который сидит в последнем снопе. Срав. в связи с этим нем. *Bär* «медведь», но др.-англ. *bere* «вид ячменя», алб. *bar* «трава, сено» [Маковский: 2004, 46–47].

Таким образом, анализируемые лексемы-зоонимы составляют алтайский и индоевропейский лексические фонды.

Литература

ДТС – Древнетюркский словарь / Под ред. В.М. Надлеева, Д.М. Насилова и др. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1969. 676 с.

Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 355 с.

Маковский М.М. Историко-этимологический словарь современного английского языка. Слово в зеркале человеческой культуры. М.: Издательский дом «Диалог», 2000. 418 с.

Маковский М.М. Этимологический словарь современного немецкого языка. Слово в зеркале человеческой культуры. М.: Изд-во «Азбуковник», 2004. 630 с.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюрк. и межтюрк. основы на букву «Б». М.: Наука, 1978. 351 с.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюрк. и межтюрк. основы на буквы «В», «Г», «Д». М.: Наука, 1980. 395 с.

Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. Казан: Тат. кит. нәшр., 2001. 272б.

ОЭСАЯ – The Oxford Dictionary of English Etymology edited by C.T. Onions. New York: Oxford University Press Inc., 1996. 1025 p.

CÜMLƏ TIPLİ FRAZEOLÖJİ VAHİDLƏRİN STRUKTUR-SEMANTİK XÜSUSİYYƏTLƏRİ (KARLUQ QRUPU TÜRK DİLLƏRİNDƏ) (Структурно-семантические особенности фразеологических единиц по типу предложения в карлугской группе тюркских языков)

Г.Р. Исаева

Бакинский славянский университет, г. Баку

В статье исследуются синтаксические особенности фразеологических единиц по типу предложения в карлугской группе тюркских языков, и выявляются их специфические признаки. Фразеологические единицы по типу предложения являются синтаксическими целыми и выполняют коммуникативную функцию. Большинство фразеологических единиц такого типа в тюркских языках составляют пословицы и поговорки.

Frazeologiyaya dair ənənəvi tədqiqatlarda, istər rus dilçiliyində, istərsə də türkologiyada cümlə tipli frazeoloji vahidlər mübahisə doğuran məsələlərdən biri idi. Müasir dövrdə isə frazeoloji tədqiqatların, demək olar ki, əksəriyyətində cümlə tipli frazeoloji vahidlər artıq mübahisə doğurmadan frazeologiyanın tərkibində onun tədqiqat obyektini kimi öyrənilir.

Frazeoloji vahidlərdə bəzən komponentlərin yerdəyişməsi cümlənin yaranması hallarına da gətirib çıxarır. Karluq qrupu türk dillərində ismi frazeoloji vahidlərdə (feli frazeoloji vahidlərdə də ola bilər) bu hal, yəni, komponentlərin yerdəyişməsi halları tez-tez müşahidə edilir. Məsələn, *сүрүн чирай* – Униң *чирайи сүрүн*; *қора юрағ – юрағи қора* və s. Bu tip frazeoloji vahidlər qrammatik quruluşuna görə “təyin+təyin edilən” söz birləşməsi tipinə bərabərdir. Komponentlərin yerdəyişməsi zamanı frazeoloji vahidin semantik və qrammatik struktur bütövlüyü pozulmur, yalnız onun qrammatik quruluşu dəyişir. M.M.Mirzəliyeva frazeoloji vahidlərin bu dəyişikliyinə konversiyaya daha uyğun olduğunu qeyd edərək yazır: “Dildə sözün belə bir inkişaf prosesinin əks etdirilməsi onun sərbəst birləşmədən uzaqlaşdığını, frazeoloji vahid kimi formalaşdığını, mürəkkəb söz dairəsinə hələ düşə bilmədiyini göstərir” [Mirzəliyeva: 2009, 162].

Azərbaycan dilindən fərqli olaraq, karluq qrupu türk dillərində bu tip frazeoloji vahidlər mürəkkəb sözlə çevrilməmişdir. Lakin bir faktı qeyd edək ki, uyğur dilində “təmiz qəlb, açıq ürək insan” mənasını ifadə edən *ақ жүрәк//ақ көңүл//ақ диллиқ* frazeoloji vahidlərinin *ақдил* [5, 41] variantı da mövcuddur.

Karluq qrupu türk dillərində bəzi birləşmə tipli frazeoloji vahidlər də vardır ki, onlarda komponentlərin sərbəst yerdəyişməsi, cümləyə keçməsi və ya əks dəyişiklik baş vermir. Məsələn, *бағри бутун, мөхри тош*

материалу, форма с открытым гласным (*тейиң, тейин*) старше формы с закрытым гласным *-и* (*тийин*), который мог развиться из *-е* под влиянием *-й*- [Севортян: 1980, 180].

Белка – англ. *squirrel*. М.М. Маковский предполагает, что перед нами сложное слово, если учитывать, что в др.-англ. «белка» - *acweorna, acwern*. Первая часть этого слова соотносится с индоевроп. *aig* – «быстро двигаться», а вторая с индоевроп. **uer* – «двигаться»: срав. др.-англ. *worian* – «двигаться». Согласно ОЭСАЯ, *squirrel* **белка** (срав. др.-франц. *esquireul; esquereul*; прованс. *esqurol, esquinol*; исп. *esqurol*) соотносится с общегерм. *scūriōlus*, уменьшительное **scūrius*; лат. *sciūrus*, греч. *skiouros*, вероятно, от *skiā+ourā* [ОЭСАЯ: 1996, 860].

Лексема волк (бүре, wolf).

Э.В. Севортян считает, что в этнографической и исторической литературе неоднократно высказывался взгляд о тотемистической роли волка (*бүрй / бүрй* тат., баш., «волк») на ранних ступенях социальной жизни тюркских племен. Культ волка как легендарного родоначальника ряда тюркских племен устанавливал запрет на его называние и требовал иносказательного обозначения волка-зверя. Определенным рефлексом этого состояния являются значения *börü* «червь», «насекомое», «скорпион», «паук». Они не случайны, так как повторяются в других обозначениях волка: туркм. *ку:рм*, тур. *kurt* «червь», «волк» [Севортян: 1978, 220]. По мнению Р.Г. Ахметьянова, тат. *бүре* «волк», вероятнее всего, является заимствованием из древнеиранских языков, в общетюрк. – *böřö, böřu*, а в др.-тюрк. от слова *börüg* «волк» [Ахметьянов: 2001, 56].

Согласно ОЭСАЯ, англ. *wolf* «волк» (срав. др.-англ. *wulf*, др.-фризс. *wolf*, др.-сакс. *wulf*, др.-сканд. *ulfr*, гот. *wolfs*) соотносится с общегерм. **wulfaz*, что, в свою очередь, соотносится с индоевроп. **wlq̥wos* (срав. также лат. *lupus*, греч. *lúkōs*, др.-слав. *rlūku*, литовск. *vilkas*) [ОЭСАЯ: 1996, 1011]. Однако М.М. Маковский полагает, что тот факт, что волк (англ. *wolf*) может видеть в темноте, явился причиной символической интерпретации образа волка как солнечного света, как воина-героя, как прародителя людей (особенно в мифологии скандинавских народов и греков). В этой связи важно сопоставить, с одной стороны, индоевроп. **vrk* – «волк» и др.-инд. *svargah* «небо, свет», а с другой стороны, ирл. *brech* «волк», но англ. диал. *greck*. Волк часто выступал как оберег (срав. индоевроп. **vrk* – «волк», но ирл. *folchaim*). Образ волка воспринимался как образ врага: именно волк стоит на пути мусульман, отправляющихся в Мекку, волк – злой дух, в частности дух, поселяющийся в последнем снопе несобранного урожая: срав. валийск. *blaidd* «волк», но др.-англ. *bled*. «Getreide, spelt». Волчий дух поселяется и в птице, особенно в хищной птице: срав. др.-англ. *glida* «weih» [Маковский: 2000, 398–400].

Лексема лисица (төлке, fox).

Как считает Р.Г. Ахметьянов, тат. *төлке* «лиса, лисица» соотносится с общетюрк. *тулки, тилку, тулку* «лиса». По мнению автора, этимология данного слова является спорной и объясняется по-разному; заслуживает внимания толкование о том, что рассматриваемое нами слово произошло от общетюрк. *тулку*, которое означало «лиса, волосатый». В сказках Восточной Азии часто встречается образ лисы, которая превращается в человека, дракона и т.д. [Ахметьянов: 2001, 207]. Касаясь этимологии чув. *тилэ* «лиса», «лисица», В.Г. Егоров приводит др.-тюрк. *тилкү*, уйг. *түлкә*, узб. *тулки*, кирг., аз. *тулку*, каз., к.-калп. *түлки*, ног. *тульки*, башк. *төлкө*, хак. *түлгү*, тув. *дилги* «лисица». Он склоняется к этимологии тюркологов Банга, А.М. Щербака, А.Н. Кононова и считает, что рассматриваемое слово произошло от *түкли* «пушистый» [Егоров: 1964, 251]. В «Древнетюркском словаре» дается следующее наименование лисицы – *tülki* [ДТС: 1969, 596].

Согласно ОЭСАЯ, англ. *fox* «лисица» (срав. др.-англ. *fox*, др.-сакс. *vuhs*, нем. *fuchs*) произошло от зап.-герм. **fuhs*, что в свою очередь соотносится с общегерм. **fuhs* от **puk-*; типологически срав. санскр. *púcchas* «хвост», русск. *пух*, польск. *pukh* «густые волосы». Вероятно изначально имеет значение «хвостатый» [ОЭСАЯ: 1996, 374].

Лексема медведь (аю, bear).

Р.Г. Ахметьянов считает, что тат. *аю* «медведь» произошло от общетюркского слова *айыг, адыг*, что означало «медведь». Автор отмечает, что это слово имеет различные фонетические варианты: срав. алт., каз., к.-калп. *айу, адыг, адык, азыг*, тув. *адыг*, др.-тюрк. *адыг* «медведь» [Ахметьянов: 2001, 24]. В «Древнетюркском словаре» дается следующее название медведя – *adyu* [ДТС: 1969, 14].

Согласно ОЭСАЯ, англ. *bear* «медведь» (срав. др.-англ. *bera*, ср.-голл. *bere* (голл. *beer*), др.-в.-нем. *bero* (нем. *bär*) произошло от зап.-герм. **bero*, который соотносится с др.-сканд. *bjorn* от **bernuz*. Вероятно первоисточником является индоевроп. **bheros* «коричневый» (срав. также литовск. *béras*, латышск. *bērs*) [ОЭСАЯ 1996: 83]. По мнению М.М. Маковского, исконный индоевропейский корень со значением «медведь» (англ. *bear*) представлен в греч. *αρμιος*, лат. *ursus*, др.-инд. *ṛksa-*, алб. *ari*. Согласно древним представлениям, медведь считался зачинателем (срав. швед. *börja* «начинать») человеческого рода (срав. алб. *burrë* «человек», а также литовск. *berti* «сеять», англ. *to bear*

Проанализируем следующий ряд примеров, имеющих данную форму: *Одиг адымиез пумитай* 'одного человека встретил', *одиг воргорон пыраз* 'один мужчина заходил'. В этих случаях важно не количество предметов, явлений, действующих лиц, а именно то, что речь идет о неопределенной единице из множества подобных, в частности, весьма свободно можно осуществить замену на слова со значением 'некий', 'какой-то'. Хотя можно отметить небольшую разницу в семантике: неопределенные местоимения *кыче ке* 'какой-то', *кудйз ке* 'некоторый' выражают совершенно незнакомый предмет, явление, тогда как *одиг* может быть использовано в таких случаях, когда говорящий знает, но намеренно не сообщает о них. Исходя из этого, на наш взгляд, можно и в удмуртском языке в аналогичных случаях квалифицировать форму *одиг* 'один, некий, какой-то' как неопределенное местоимение, таким образом, наблюдается переход: имя числительное - местоимение.

Рассматривая поле количественности, исследователи выделяют среди всего прочего нулевую множественность, которая обозначает полное отсутствие чего-либо.

Как именно выражение полного отсутствия реализуется в современном удмуртском языке? Прежде всего, необходимо отметить, что чаще всего отсутствие чего-либо, кого-либо, какого-либо признака в удмуртском языке выражается посредством отрицательных местоимений *нокин* (*но*) 'никто', *номыр* (*но*) 'ничто', *нокыче* (*но*) 'никакой', глагол-сказуемое в составе таких предложений выступает в отрицательной форме.

Наряду с ними широкое распространение получили конструкции, содержащие числительное *одиг* 'один' + частица *но*, глагол-сказуемое в таких предложениях также приобретает отрицательную форму: *одиг но уг сиськы* 'совсем не ест', *огез ноугужа* 'ни один не работает'.

Выражение нулевого множества, отсутствия какого-либо предмета, признака с использованием числительного 'один' - весьма распространенное явление в различных языках, в том числе и в тюркских: тат. *Энкэсенец шавапларлы анны бер дэ канэгатълэндерми*. 'Ответы матери ее несколько (ничуть, совсем) не удовлетворяют' [СТЛЯ: 1969, 179].

Характерной чертой числительных удмуртского языка является то, что в сложных по своей структуре образованиях изменениям подвергаются только последний компонент, т. е. падежные форманты, суффиксы порядковых числительных, притяжательности присоединяется только к последней корневой морфеме: *кык сю куамын ньыль* 'двести тридцать четыре', *кык сю куамын ньылед* 'твои двести тридцать четыре', *кык сю куамын ньыльысь* 'из двухсот тридцати четырех' и т. п.

В тюркских языках в подобных конструкциях исследователями также подчеркивается та черта, что при склонении данных числительных, образовании от них новых форм изменениям подвергается только последняя часть, например, в башкирском языке: *бер мең тугыз йөз кырк биш* 'тысяча девятьсот сорок пять', *бер мең тугыз йөз кырк биштең* 'тысяча девятьсот сорока пяти', *бер мең тугыз йөз кырк биш* 'тысяча девятьсот сорока пяти' и т.д. [Дмитриев: 1948, 92]. На этом основании такие числительные рассматриваются как сложные.

Данная черта характерна не всем финно-угорским языкам, так, к примеру, числительные в финском языке имеют обыкновенное полностью изменяться, согласовываясь с определяемым существительным – при этом каждая часть сложного слова (каждый компонент) принимает все необходимые формообразующие (и словообразующие) суффиксы: *kolmetuhatta kabisataaviisikymmentanelja* 'три тысячи двести пятьдесят четыре', *kolmentuhannen kahdensadanviidenkymmenenneljan* 'трех тысяч двухсот пятидесяти четырех'. Таким же типом склонения обладают и числительные русского языка, где в составных количественных числительных при склонении изменяется каждое слово: *двумстам сорока восьми, четырехсот двадцати семи* и т. п. В удмуртском же языке, как уже отмечалось, лишь последнее слово приобретает падежные, притяжательные суффиксы, при образовании порядковых числительных, дробных числительных, наречий наблюдается такая же картина.

Большое количество типологических сходств можно обнаружить в моделях образования числительных приблизительного значения в удмуртском, финно-угорских и тюркских языках. Такие параллели можно отметить, когда аппроксимативность в удмуртском языке представляют следующие способы:

1. Сочетание двух числительных, первое из которых обозначает меньшую величину, второе – большую, например: *вить-куать вамыш* 'пять-шесть шагов', *дас вить-дас куать арес* 'пятнадцать-шестнадцать лет'.

Этот способ широко распространен и в других языках, в том числе и в тюркских: в башкирском *ике-тҫг* 'два-три', *фу-дурт* 'три-четыре' [ГСБЛЯ: 1981, 166].

2. Сочетание слова *ог* со значением 'примерно, около, приблизительно', и сокращенной формы от числительного *одиг* 'один', с соответствующим числительным, например: *ог витьтон корка* 'около пятидесяти домов'; в татарском языке с помощью *бер* 'один': *Мин бер щегерме эк;ыл эшлдем тракторда*. 'Я примерно лет двадцать работал на тракторе' [ТГ2: 1993, 277].

3. Значение приблизительности может выражаться исключительно морфологически – числительным, имеющим суффикс -о (-ё), например: *дасо чур* 'около десяти строк'. Данная черта характерна также и многим тюркским языкам: кирг. *беише* 'около пяти'; узб. *онтача* 'около десяти'; хак. *чусче* 'около ста'; азерб. *онларча* 'десятками' [Серебренников, Гаджиева: 1986, 127].

4. Приблизительная семантика высказывания приобретается с помощью послелогов *мында, ёрос, пала, котыр, эсеп*, выступающих со значением 'примерно, приблизительно', при этом рассматриваемые послелогов в подобных конструкциях обычно размещаются после сочетания числительного с существительным: *кык час ёрос* 'около двух часов' (казах. *жъ/ърма шацты* 'около двадцати' [Серебренников, Гаджиева: 1986, 127]; азерб. *7с mine jaxun* 'около трех тысяч'; узб. *ottus camali* 'около тридцати' [СИГТЯ: 1988, 197]).

5. Довольно широко в разговорной речи распространен способ выражения приблизительного значения путём постановки имени числительного во множественное число, при этом существительное лишь подразумевается, ибо оно в большинстве случаев известно из контекста: *Мон кык книга басътий, куиньёс басътысал на*. 'Купила две книги, ещё купила бы около трех (книг)'.

Приблизительность аффиксом множественного числа *-lar / -lar* выражается также в диалектах татарского языка: *7слаг* 'около трех', *онлар* 'около десяти' [СИГТЯ: 1988, 196]; возможно использование в башкирском языке: *скэкт Ише11кр1к* 'часов в восемь', *айзыц ун 1стрендк* 'числа тринадцатого' [Дмитриев: 1948, 94].

Следующая типологически схожая модель отнумеральных слов – это формы числительных, имеющих притяжательный суффикс и выражающих значение совокупности, группы лиц, связанных определенными отношениями. Такие формы в современном удмуртском языке рассматриваются как счетно-личностные местоимения, ибо их морфологические и функциональные особенности характерны местоимениям: *кыкнамы* 'мы двое', *витъназы* 'они пятеро', *кунънады* 'вы трое'. Использование притяжательного суффикса для выражения собирательной множественности не является исключительно финно-угорской языковой чертой, так, к примеру, аналогичные словоформы представлены и в тюркских языках: азерб. *алтымыз* 'мы шестером', *икимиз* 'мы вдвоем'; тат. *тibi3* 'мы двое' и т. д. [Серебренников, Гаджиева: 1986, 131]; чув. *вицсёмёр* 'мы трое', *вицсёр* 'вы трое', *вицсёиё* 'они трое' [Андреев: 1997, 485].

Таким образом, рассматривая данные удмуртского языка в свете данных тюркских языков, можно отметить ряд случаев, когда наблюдается типологическое сходство имен числительных и различных количественных конструкций как в морфологии, так и в их функциональных характеристиках.

Литература

1. Андреев И.А. Чувашский язык // Языки мира: Тюркские языки. М.: Индрик, 1997. С. 480–491.
2. ГСБЛЯ - Грамматика современного башкирского литературного языка. М.: Наука, 1981. 496 с.
3. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. 276 с.
4. Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Наука, 1986. 306 с.
5. СИГТЯ - Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / Э.Р. Тенишев, В.Д. Аракин, Г.Ф. Благова и др. М.: Наука, 1988. 560 с.
6. СТЛЯ - Современный татарский литературный язык: Лексикология, фонетика, морфология / Ред. коллегия: Х.Р. Курбатов, Л.Т. Махмутова, Л.П. Смолякова, Э.Р. Тенишев. М.: Наука, 1969. 384 с.
7. ТГ2 – Татарская грамматика. Т. 2. Казань: Татар. кн. изд-во, 1993. 397 с.

ТЮРКИ – ПОТОМКИ СКИФОВ

П.Я. Мульдьяров

Московское общество чувашской культуры, г. Москва

Скифы, сарматы и аланы (по языку – восточные иранцы) в I тысячелетии до н.э. и в первые века н.э. занимали обширные пространства Евразии. Аланы или асы признаны прямыми предками осетин. При морфологическом анализе экзоэтнонимов скифов, а именно: греческого *скиф*, аккадского *ашкуза / шикуза*, персидского *сак*, индийского *шак*, китайского *сек / се* и японского *соку*, показано, что общей для них всех основой является **as / aš** [Мульдьяров: 2008]. Структурный анализ скифских имен с учетом требований более архаичного дигорского диалекта осетинского языка показал, что чистая форма этого этнонима, т.е. без суффиксов и не в составе сложных имен, - **ъсь / ъсь**¹.

Элемент **-к** в упомянутых экзоэтнонимах и в самоназвании скифов **сколот** отождествим с многофункциональным осетинским суффиксом *-ag/-ъg*, который при присоединении к названию народа,

¹ В статье буквой **ъ** обозначена осетинская фонема **æ**.

баи 'колос пшеницы', *тара бажы, аштын бажы* 'колос' и др.; 4) особое внимание привлекает к себе чередование **б / м** в пределах одного языка: кирг. *баи / машак*, каз., к.-калп., ног. *бас / масак*, алт., тув. *баи / мажак*. Это указывает на то, что термины были образованы от разных основ: *баи* и *маи-* (*-ак*), и дает возможность утверждать, что данные слова-основы были сформированы не из одного источника.

Семантическое поле терминов можно определить следующим образом:

1) Во всех изученных нами языках термин *баи* означает колос – соцветие растущего на поле хлеба; узб. *бошок*, хак. *пазах* имеют то же значение; в тат., баш., уйг., кар. языках используемые параллельно *баи* и *башак* и чув. *пуç / пуçах* являются полными синонимами и передают значение колоса в любом его состоянии.

2) аз. *баи / башаг*, кирг. *баи / машак*, каз., к.-калп., ног. *бас / масак*, узб. *бошок / машок*, алт., тув. *баи / мажак* не являются полными синонимами. В турецком *başak* имеет несколько значений. Слово *машак* в упомянутых языках означает 'колос, рассыпавшийся на поле после жатвы' или 'колос, оставшийся несжатым', а слово *баи* имеет значение 'колос растущего на поле хлеба'.

Фонетические и семантические отклонения между терминами *баи* и *башак* подтверждают, что они появились в языке как самостоятельные единицы языка, непосредственно имеющие каждая своё значение. И в период образования этих терминов тюркские языки уже были довольно обособлены.

Если обратить внимание на глагольные словосочетания, связанные с процессом роста, то можно увидеть, что в тат. *баи кысу*, баш. *баи косоу*, кум. *башкъусмак*, к.-балк. *баи къусарга*, аз. *баи ачмаг*, кирг. *баи алу, баи салу*, тат. *баи чыгару, баи жибэрү, баи яру*, к.-калп. *бас игару, бас корсетү, баслау*, каз. *бас тарту*, тув. *баи тыртар* 'колоситься, заколоситься', тат. *баи ташлау* 'валиться, повалиться, перезреть' превратились в устойчивые словосочетания и, как видно, в этих словосочетаниях сохраняется много общего для тюркских языков.

Факты, вытекающие из анализа, а именно: 1) фонетическая разнородность в словах-основах *баи* и *башак* в пределах одного языка (чередование **б/м**); 2) семантическое колебание – разница в значении слов *баи* и *башак*; 3) общность устойчивых словосочетаний в тюркских языках, образованных главным образом из слова *баи* – позволяют сделать следующие выводы:

- слово *баи* в значении 'колос', скорее всего, образовано лексико-семантическим способом из соматизма;
- слово *башак* в значении 'несжатый колос, оставшийся на стебле', который ассоциировался с копьем или стрелой, на основе метафорической схожести могло дать готовое слово *башак* – 'наконечник стрелы';
- то, что в тюркских языках при образовании устойчивых словосочетаний, как правило, из имеющихся двух отдается предпочтение компоненту *баи* (в том числе татарском, где термины *баи* и *башак* являются полными синонимами) доказывает, что слово *баи* намного древнее, чем слово *башак*;
- таким образом, термины *баи* и *башак* в тюркских языках были образованы в разные эпохи и независимо друг от друга.

Литература

- Дегтярев Г.А. Чувашская народная агроботаническая терминология. Чебоксары: ЧГИГН, 2002. 140 с.
Жәләй Л. Татар диалектологиясе / Жәләй Л. Казан: Татгосиздат, 1947. 134 б.
Махмут Кашгары Туркий сузлар девони (Девону луготит турк) / С. Муталлибов таржимаси: в 3 т. Тошкент: Фан, 1960. 499 с.; 1961. 427 с.; 1963. 466 с.
Мусаев К.М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М.: Наука, 1975. 359 с.

К ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ НАЗВАНИЙ ДИКИХ ЖИВОТНЫХ В ТАТАРСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

А.А. Гимадеева

Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Казань

Уже первые этимологические опыты античных грамматиков стимулировались идеей реконструкции «истинного» представления о слове, стремлением за каждым словом увидеть «первородный» образ предмета или явления. Нельзя не отметить значительные успехи этимологии и в нашем столетии. Ученые успешно решали задачи усовершенствования, определенным образом регламентирования методики этимологического исследования.

Данная статья посвящена этимологической характеристике следующих названий диких животных в татарском и английском языках: **белка** (тиен, squirrel), **волк** (бүре, wolf), **лисица** (төлке, fox), **медведь** (аю, bear).

Лексема *белка* (тиен, squirrel).

По мнению Р.Г. Ахметьянова, **тиен** «белка» произошло от др.-тюрк. языка: *тейин, тэйиң* [Ахметьянов: 2001, 199]. Э.В. Севортян считает, что (тат. *тийиң* – «белка») «как можно судить по

прежде всего привязанностью к оседлому образу жизни. «В эпоху перехода к земледелию связи между народами становятся менее тесными, сельскохозяйственные термины возникают самостоятельно на разных территориях», – пишет К.М. Мусаев [Мусаев: 1975, 215].

В татарском языке Л. Заляем определено четырнадцать, а то и семнадцать, а в некоторых наречиях до двадцати–двадцати пяти названий, обозначающих периоды роста злаковых, с момента сева до созревания: 1) *борнау* ‘дать росток, прорасти’ (первое состояние семян; досл. ‘образовать нос’); 2) *тишелу* ‘выклюнуться, взойти’ (досл. ‘продырявиться’); 3) *икенче яфракка киту* ‘дать второй листок’ (о побеге); 4) *өченче яфракка киту* ‘дать третий листок’; 5) *көпишләнү* ‘трубковаться, пойти в стебель, остепелиться’; 6) *буынга сикеру* ‘образовать узлы на стебле’ (досл. ‘прыгнуть в сустав’); 7) *баи кысу* ‘выпирать, выпереть (колос)’ (досл. ‘сжать голову’); 8) *баи чыгару* ‘заколоситься’ (досл. ‘выпустить голову’); 9) *серкәгә утыру* ‘зацвести’ (досл. ‘сесть в пыльцу’); 10) *серкә очыру* ‘опыление’ (досл. ‘развеять пыльцу’); 11) *инә башлау* ‘завязывать, завязать семена’ (досл. ‘начать иглы’); 12) *орлык ката башлау* ‘наливаться’ (досл. ‘начинать скручивать зерно’); 13) *сары керу* ‘желтеть, принять желтый цвет’; 14) *өлгеру* ‘вызревать, вызреть’ [Жәләй: 1947, 5]. В разных наречиях, как отмечает Л. Заляй, имеются некоторые различия в названиях. Например, *тупсага утыру* (досл. садиться в узел) то же что *буынга сикеру* [Жәләй: 1947, 28].

В татарском языке тонко определены и обозначены отдельными названиями стадии изменения в созревании самого зерна: *сөтләнү* ‘достичь молочной спелости’; *катыклану* ‘густеть, загустеть, стать сметанообразным’; *балавызлану* ‘достичь восковой спелости’; *бурлану* ‘багроветь’; *кан тамырлану* (досл. появление кровеносных сосудов) – это период, когда в стебле проявляются красноватые жилки [Жәләй: 1947, 59]. Такими же стадиями обозначен период с момента сева до появления первых всходов: *борын төртү* (досл. ‘вытолкнуть нос’) / *борын күрсәтү* (досл. ‘показать нос’) ‘выклеиваться, всходить, взойти’, *борынлау* (досл. ‘образовать нос’) ‘дать росток, прорасти’, *чөңгәру* ‘укоренение, период, когда семена начинают пускать корни’, *баи калкыту* (досл. ‘приподнять голову’) ‘начинать расти’, *колак чыгару* (досл. ‘выпустить ушки’) ‘пустить побеги, дать первые листки’ и др. По тонкости и детальности этих названий можно судить о том, насколько были важны для хлебороба оба этих процесса: появление всходов и созревание зерна.

Обилие названий отражает каждое мельчайшее изменение в росте хлебов. Такое терминотворчество требует от хлебороба большого опыта, знания и наблюдательности. Как видим, особенность терминов, связанных с морфологией зерновых культур и процессами их роста, состоит в том, что в большинстве своем они образованы на основе соматизмов. Перенос соматической лексики в названия морфологических частей, этапов роста и процессов онтогенеза сельскохозяйственных культур подробно и детально изучен Г.А. Дегтяревым в чувашском языке [Дегтярев: 2002, 102–114]. Причиной такого перехода является то, что древний земледелец выращиваемое им зерновое растение прежде всего сравнивал с живым существом, а именно с самим собой. Эта причина составляет логическую основу переноса соматических терминов в термины морфологии зерновых культур и процессов их роста, передающих схожесть растения с обликом, состоянием и поведением человека. Возникновение данных терминов связано непосредственно с антропоцентристскими представлениями.

В данный момент подробнее остановимся на терминах *баи* и *баишак* ‘колос’, образованных от слова ‘голова’, на основе метафорического переноса по сходству расположения в верхней части тела человека. Этот термин в сравнительном освещении во всех тюркских языках со всеми ареальными вариантами обозначения проанализирован К.М. Мусаевым [1975: 242–246].

Из рассмотренных нами древнетюркских письменных источников данное слово зафиксировано в словаре М. Кашгари только в одном варианте в форме *baš* ‘колос, султан, метелка’ (растений). В словаре приводится пословица *qonaq baši säzräki jig* ‘хорошо, когда метелки проса разрезаны’ [так зерно в них крупнее] [МК I: 365] и фиксируется его дериват *bašlan-* ‘колоситься’ в примере *tariḡ bašlandi* ‘хлеба заколосились’ [МК II: 277].

Распространенность терминов в тюркских языках следующая: тат., башк., уйг., к.-тат. *баи* / *баишак*; аз. *баи* / *баишак*; кар. *баи* / *баишак* / *басак*; турц. *başak*; узб. *бошок* / *машок*; к.-балк. *баи*; кырг. *баи* / *маишак*; каз., к.-калп., ног. *бас* / *масак*; кум. *баи*; алт., тув. *баи* / *мажак*, чув. *пуç* / *пуçах* / *пучах*; хак. *пазах*.

Чередование звуков *б/м/п* в начале слова и *с/ж/ш* в середине в данных терминах – характерное, закономерное явление для тюркских языков. Что же касается моментов, обращающих на себя внимание, то они состоят в следующем: 1) в к.-балк. наряду со словом *баи* ‘колос’ в качестве его полных синонимов используются *кылькы* и *кыльчык*; 2) в кум. в значении ‘зерновые’ употребляется слово *кыльчыкыльлар* (более распространенное название *баишаклылар*); 3) в кум., тув., алт. слово *баи* в значении ‘колос’ самостоятельно не употребляется, а образует аналитические термины: *арпа баи* ‘колос ячменя’, *будай*

племени, рода, в общем, любой людской общности образует слово, означающее «представитель данной людской общности». Следовательно, это – суффикс единичности, равнозначный русским -ин, -ец, -ак; напр., осетин, мариец, поляк. В скифской ономастике суффикс -k имеет и другие фонетические варианты: -g/-ğ/-h/-x. Присоединив его, этноним *as/ʁs/ʁš* превращается в *ask/ʁsk/ʁšk*, представленный в экзоэтнонимах и условно «переводимый» на русский как *асин/*асец/*ашин/*ашец. От этого скифского корня, кстати, названия чувашских селений Işaki / Ишаки и Asxva/Асхва.

Универсальным формантом мн.ч. в осетинском языке служит суффикс -tæ/-tъ; в скифских этнонимах он представлен элементом -t, который присоединяется к основе на -a непосредственно, а к основе на согласный через соединительный гласный ъ – самый распространенный гласный в осетинском [Миллер: 1882, 4, 120] и, очевидно, в скифском. В осетинском еще сохранился, больше в дигорском диалекте, архаичный составной суффикс – *ʁltъ* [Грамматика: 1963, 83], который в иронском диалекте образует мн.ч. от терминов родства. Плюральная форма от этнонима *ʁsk* – *ʁskʁl(ʁ)ʁt/Skolot* – как раз и зафиксирована греками как самоназвание скифов.

Реку Днестр скифы называли *Tyras*. Это этноним, сложенный из двух – *tyr* и *as*. Последовательно присоединив к основе *tyr* суффиксы единичности и мн.ч., получаем слово *tyr/ag/et* – название скифского племени, в древности населявшего нижнее Приднестровье. Оно известно нам и в вариантах *tyreget* / *tyragget* / *tyrasget* [Миллер: 1886, 281; Vasmer: 1923, 61]. Типично скифскую конструкцию имеют и северокавказский гидроним *Terek*, в бассейне которого сначала пребывали скифы и затем сарматы, а также этнонимы *toret*, *torekkadoi* и топоним *Torokka* (Pt., III, 11 и 13). В основе их этноним *tör/tür*, который с суффиксом единичности приобретает форму *törk/türk*. Очевидно, скифские «тюрки», как и авестийские *тураны*, были ираноязычными.

Для восточноиранских языков, как и арийских, был характерен арийский ротацизм. Ротацизм свойствен и для чувашского языка – весомый аргумент в пользу раннего участия иранского элемента в этногенезе чуваш. Следы ротацизма выявляются и в языке древнетюркских эпиграфических памятников VIII в. при явном ротацизме языка в целом [Насилов: 1960, 21, 40, 42].

Обилие иранско-чувашских этнокультурных и языковых параллелей свидетельствует о теснейших связях предков чувашей с ираноязычными народами [Андреев (Урхи): 1975, 91–113] или о присутствии среди них достаточно большого количества ираноязычного элемента.

Название скифов *sak* / *ʁsʁk* / *ʁsʁx* в виде *saxa* сохранилось как самоназвание тюркского народа – якутов. У якутов был род *asakei/asyukai* [Ксенофонов: 1937, 226] – название, производное от формы этнонима *ʁsʁk*. Более того, у одного из разделов якутского народа – долган – самоназвание *duulgan saxatu* оформлено с помощью скифского суффикса мн.ч. -tъ. Название предков якутов/сахы – *kurykan* построено как типично скифское. «Курыкан» – это несколько искаженный *кыг/кыk/an*. В нем *кыг* – фонетический вариант этнонима *кыг* ‘арий’ с анлаутной протезой *k-*, -*к* – суффикс единичности, -*an* – один из скифских формантов мн.ч. Звукосочетание *кыг* соответствует авестийскому *har* в слове *haraiva* ‘Арея’.

Кыг присутствует и в другом скифском этнониме – *кыргыз* < *кыг/г/yz*. По Геродоту (История, IV, 57), в Скифии была река *Υργις/Hyrgis*; гидроним, очевидно, искаженно передает скифское *Ныргыс/Гыргыс*, означающее ‘Божественный арий’. Именно этот термин употреблялся царскими скифами в отношении себя. Без прилагательного *as/ʁs*, то есть в виде *кыг(г)g/гыг(г)g*, термин становится созвучным *georg(o)* Геродота, который обычно переводится как «скифы-земледельцы», хотя у автора нет никаких указаний относительно их занятий.

Таким образом, выяснилось, что термину *арий* в скифском соответствовал *гыг(г)g*. Производным от него, помимо *гыргыс*, являются название «местности» *Gorgasa*, антропоним *Gorgosas* [Vasmer: 1923, 37], древнегреческое название Анапы *Gorgippia*.

Нам удалось показать, что все этнонимы болгар, как волжских, так и дунайских, по структуре типично скифские и легко этимологизируются с помощью диалектов осетинского языка [Мульдьяров: 2010a, 133–137].

Тюркизированные восточные скифы в отношении себя употребляли термин *гыргыс* в варианте *кыргыз*. В Хакасии в качестве названия рода сохранилась и форма *кыг(г)гыг* / *карга/харга* [Бутанаев: 1993, 258]. Кыргызами называла себя аристократия древнехакасского государства. Князья кыргызских улусов в XVII в. оказали упорное сопротивление русским в их продвижении на восток. Енисейские кыргызы сохранили для истории самоназвание царских скифов – как причерноморских, так и восточных. Последние оставили такие археологические памятники, как Аржан и Пазырык. В этих названиях скрыты этнонимы *ar* и *az*.

Название *хакас* является производным от термина *хягас* – китайской огласовки термина *кыргыз* / *хыргыз*. Кыргызы, прямые потомки царских скифов, и их кыштымы (подвластные племена) сыграли

консолидирующую роль в этногенезе хакасов. Раздел хакасского народа – качинцы, по-хакасски **хаас** (ср. с **аас** у де Рубрука), качинские сеоки **хасха** < ***хьсхь**, **соххы** < ***ьсхь** и другой раздел хакасов **сагайцы** (ср. с **sak**) < ***ьсгы** [Бутанаев: 1993, 256] уже своими названиями заявляют о своем скифском происхождении. В названии третьего раздела **кызыл/хызыл** различимы три компонента: **к-** – анлаутная протеза, **ьз** – это ас/аз, **ы** – апеллятив со значением ‘река’ / ‘страна’. Вообще, родоплеменной состав хакасов – живой источник для исследователя скифских этнонимов. В нем сохранились названия древнейших скифских родов.

Из орхоно-енисейских текстов известны три народности: азы, ачи и чики. Названия **ач** [Киселев: 1951, 602 и 630] и **аз** – фонетические варианты этнонима **ьс**. Различия в произношении этих названий могут отражать как диалектные особенности, так и разноязычие. Этноним же **чики** – это ***ьс** + **-к** = ***ьск**. Вполне уместно сопоставление этнонима **чики** с названием хакасского сеока **ёчеге** [Бутанаев: 1993, 247]. Короче говоря, все три этнонима предстают перед нами как названия разделов восточных скифов. С культовым апеллятивом **as/aš** этноним **ьс(ь)** превращается в **ьсььсь** (с интервокальной протезой **b/w**); на разных почвах этот термин стал названием народа **сььсь/ч’аваш** и киргизского рода **зоош/джоош**. В Чувашской Республике есть топонимы Ачак, Ачка, Ачаки, Ачакасы, в Республике Татарстан – Ачи, Учи, Уча, Ачасыр, Учили, Учалле, несколько селений под названием Чаллы, в основе которых – этноним **ьс** / **ач**. Наша этимология термина чуваш как ‘речной ас/аш’ [Мульдьяров: 2007, 152] ошибочна; правильно: **ьс** / **w** / **ьс** > **сььсь** ‘божии/божественные ачи’. В пользу такой этимологизации говорят не только южносибирские гидронимы **Чаваш** и **Джабаш**, ороним **Джебаш** [Мульдьяров: 2010, 121], но и название рода **чабаш** у северных алтайцев (нижних кумандинцев) и топонима **Tschybasch** (совр. Чувашка) в Шории [Радлов: 1989, 49, 93].

Народы азы и чики дважды восставали против ига Восточного тюркского каганата, но потерпели тяжелое поражение; об азах известно, что остаток их племени ушли на запад и соединились с народом тюркеш < **tyr/g/ьс**. Достоин героической поэмы аз, которого тюрки вынудили стать проводником через хребет Кёгмен в долину р. Аны; перевал сплошь был завален снегом, аз завел врагов в непроходимые места, за что был изрублен тюркскими мечами.

Азы и ачи/чики в начале VIII в. могли быть уже тюркоязычными. Скорее всего, их язык также отличался наличием пережитков арийского ротацизма.

Начиная с гуннской эпохи почти все ираноязычные племена и народности степей Евразии постепенно перешли на тюркские языки. К тюркским народам, названия которых содержат иранский этноним и культовый термин **as** или его фонетические варианты, относятся башкиры, гагаузы, казахи, карагасы, киргизы, узбеки, урусбийцы, хакасы, чувашаи. Среди родоплеменных названий большинства тюркоязычных народов прошлого и современности встречаются также этнонимы **ьг** и **ьрг** в разных вариантах [Бутанаев: 1993, 256–259; Васильева: 1954, 98–99; Викторин: 1983, 147–162; Кумекон: 1990, 118–127; Потапов: 1969, 21–24; Радлов: 1989, 87–121; Савинов: 1985, 30–39 и др.], свидетельствуя об участии ираноязычных родов и племен в этногенезе тюркских народов. Особенно весом вклад восточноиранских племен в формирование азербайджанцев, узбеков и туркмен [Якубовский: 1947, 54].

От ираноязычных предков, очевидно, унаследовали тюркские народы сказания о героях-великанах – Улып у чуваш [Сказания: 1993], Алпамысе у казахов, Алпамыше у киргизов и узбеков, Алпамше у казанских татар [Урманчеев: 1980, 30–38], Алып Хане и его внуке Албынжы у хакасов [Майнагашева: 1956]. В основе названий города Ольбия (Скифия), рек Арпа (притоки Нарына и Аракса), реки Арбатуль (Хакасия), Арабатских залива и стрелки, топонимов Албас (Республика Алтай), Арбаш (Кировская обл.) и др., а также чувашского социального термина **улпут** ‘барин’, ‘помещик’ лежит то же слово, что и в именах вышеназванных героев-великанов.

В легенде о происхождении правящей элиты древних тюрков, рода Ашина, говорится о том, что она берет начало от рода Со, все представители которого, кроме четырех внуков волчицы, погибли из-за собственной глупости. Первый превратился в лебедя, второй поселился между реками Абу и Гянь под именем Цигу, а третий и четвертый – на реке Чуси. Аристов первого внука сопоставил с племенем ку-кижи, второго – с кыргызами на Абакане и Енисее. В Цигу мы видим народ чики; в Чуси Аристов видел реку Чу(я), но точнее будет разложить китайское **Čusi** как **ьс** + **ьс** > **сьсь**. Ку-кижи сопоставимы с хакасским сеоком **ьгь/ыгы**. В общем, в легенде говорится о народе **ьс** и разных его разделах, то есть о восточных скифах. Но если **ьс** были ираноязычными **bögi** «волками», то внучата волчицы олицетворяют уже тюркоязычные народности. Очевидно, имя **Ашина** – не от монгольского **šono** ‘волк’. Гораздо проще: это мн.ч. от **ьс** с суффиксом мн.ч. **-п(ь)**. В итоге должен следовать вывод: отпрыски правящей элиты скифов стали элитой и у древних тюрков. Подтверждение этому мы находим в том, что представители военной касты скифов – **брььки**, у тюрков – **буюруки** (ср. с хакасским **пююр** ‘волк’). Род тюркских каганов называл себя **bögi** – радиция, передавшаяся им от восточных скифов. Показано, что термин **böri** имеет восточноиранское происхождение, как, впрочем, и значительная часть тюркской военной

началыкь, в монгольском **улс**, **гүрен** или **засаг**, в бурятском **гүрэн**, в балкарском **кьрал**, в калмыцком **орн-нутг**, в алтайском и эвенкийском языках это понятие выражается через слово **государство**. Исконным для алтайских языков является **гүрэн** (бурятское, монгольское), **улс** (монгольское), **засаг** (монгольское), **кьрал** (балкарское), **орн-нутг** (калмыцкое).

Как видим, слово **государство** в алтайских языках в большинстве случаев является заимствованием: **мәмләкәт**, **дәүләт** (из арабского), **патишалах** (из персидского), **государство** (из русского).

В татарском языке слово **мәмләкәт** в том же значении, что **дәүләт**, часто встречается в художественных произведениях исторического жанра. Например, **Мөселман мәмләкәтенең көлле тарафыннан жыелган җитмеш биш старшина аңа батыр намен бирә** [Имамов: 1994, 60].

Слово **мәмләкәт** употребляется в языке-источнике в значении ‘империя, государство, царство’ [Баранов: 1962, 767], со значением ‘страна, царство’ зафиксировано в труде Рабгузый и в «Гулистан»: **Зулм ыльса малик райиятия пәжарам мамлакат хараб болур** ‘Если правитель будет тиранить своих подданных, волей-неволей страна развалится’, а также в «Нахжел-фарadis»: **Иә рабби бизларга мал ва мамлакат бәрдиң** ‘О господь, ты дал нам богатство и царство’. В поэмах Мухамедьяра (XVI в.) слово **мәмләкәт** употребляется в значении ‘страна, царство’ [Кадирова: 2001, 174]. В старотатарском языке это заимствование функционирует в значении ‘государство, царство’.

Таким образом, общественно-политическая лексика начала формироваться с древнейших времен, в настоящее время составляет значительную часть общего пласта лексики. Многие слова из данной области являются производными, а некоторые из них имеют основой заимствованные слова.

Литература

- Арабско-русский словарь / Сост. Х.К. Баранов. Изд. 3-е, стереот. М.: Гос-ное изд-во иностранных и национальных словарей, 1962. 1188 с.
- Ахметьянов Р.Г. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука, 1989. 200 с.
- Әхмәтҗанов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге. Бирск: Бирск. гос. пед. ин-т, 2005. 233.
- Будагов Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий: В 2-х т. СПб: Тип. Имп. Акад. наук, 1869–1871.
- Гумилев Л.М. Древние турки. М, 1964.
- Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.
- Имамов В. Сеит-Батыр. Татары Пугачевского восстания. Набережные Челны: Камаз, 1994. 496 с.
- Кадирова Э.Х. Поэмы Мухаммадьяра «Тухва-и Мардан» и «Нур-и Содур»: Лексика. Казань: РИЦ «Дом печати», 2001. 232 с.
- Курьшижанов А.К. Исследование по лексике “Тюрко-арабского словаря”. Алма-Ата: Наука, 1970. 232 с.
- Махмут Каишари Туркий сузлар девони (Девону луготит турк) / С. Муталибов таржимаси: в 3 т. Тошкент: Фан, 1960. 499 с.; 1961. 427 с.; 1963. 466 с.
- Махмутова Л.Т. Татарский язык в его отношении к древнеписьменному памятнику Codex Cumanicus по данным лексики (краткий анализ и приложение) // Исследования по исторической диалектологии татарского языка: Сб. ст./ Отв. ред. Д.Б. Рамазанова. Казань, 1982. С. 68–153.
- Мухаммедова З.Б. Исследование по истории туркменского языка XI–XIV веков. Ашхабад, 1973.
- Поппе Н.Н. Монгольский словарь Муккадимат ал-адаб. Ч. I–II. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1985. 451 с.
- Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий: Т. I–IV. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1893–1911.
- Саттаров Г.Ф. Исеме матур, кемнәр куйган? / Г.Ф. Саттаров. Казан: Тат. кит. нәшр., 1989. 255.
- Татарско-русский словарь / Под. ред. Ф.А. Ганиева. Казань: Татар. кит. нәшр., 2002. 488 с.
- Татар дөньясы, 2007, № 11

Список сокращений

- ВТ – «Ватаным Татарстан» («Родной Татарстан»)
ДТС – Древнетюркский словарь
МЖ – Мусса Жәлил
МК – Махмут Кашгари
ТРС – Татарско-русский словарь

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕРМИНОВ **БАШ** И **БАШАК**

Ф.Ф. Гаффарова

Институт языка, литературы и искусств АН Республики Татарстан, г. Казань

Обозначения морфологических частей сельскохозяйственных культур, а также термины, связанные с процессами их роста, были даны древним земледельцем в более поздние этапы, когда был накоплен определенный опыт хлебороба. И поэтому идентичность этих терминов в основном наблюдается только на уровне тюркских языков или даже его отдельных ареалов. Это объясняется

В древнетюркских памятниках, как можно судить по «Древнетюркскому словарю», данное слово имеет значение 'племенной союз, народ, государство' [ДТС: 1969, 168–169]. Современное значение этого слова совпадает с древнетюркским, однако в фонетическом отношении произошел сдвиг в шкале гласных татарского языка.

В татарском и башкирском языках слово *ил* является довольно продуктивной основой, но некоторые дериваты образованы нерегулярным путем. Если образование слова *илче* (башкирское *илсе*) < общетюркское *элчи* 'посланник, посол' совершенно ясно, этого нельзя сказать относительно татарского, башкирского *иләү, илү* 'община', *иләмән* 'руководитель страны, общины'. Например, *агай илдә иләмән, юлда юламан, кырда Сөләйман* 'крестьянин в общине – руководитель, на дороге – проводник, на поле – пророк Соломон. Данные слова в других тюркских языках встречаются нечасто [Ахметьянов: 2005, 67].

Общекыпчакскими образованиями (композиатами) являются татарское, башкирское *илгизәр < элгезәр* 'путешественник', *илбаши ~ элбаши* 'вождь, руководитель страны', *илбасар ~ элбасар* 'захватчик' и пр.

В ранних старотюркских памятниках это слово нередко представлено в значении 'государство, народ, страна' [МК: I, 83]. Государство Караханидов, Тимуридов опиралось на систему удельного управления. Удел, округ или область как и страна, государство назывались *эл/ил* [Кб: 48, 16]. Часто данное слово употребляется в значении 'народ всего государства' [Поппе: 1985, 119]. Изредка оно обозначает 'власть' [МК: II, 32], зафиксировано в "Тэфсире" [9, I: 98]. Значение 'мир, согласие', имеющееся в слове *эл/ил* отмечается у Ю. Баласагунского. Встречается и в поэмах Мухамедьяра (XVI в.) *il* 'страна, государство, местность' [Кадирова: 2001, 155]. В современном татарском языке слово *ил* имеет значение 'страна', которое совпадает с древнетюркским.

Оно также встречается в памятнике XIII века в начертании *ил* (لى, لى) в значениях: 1) мир (*против войны*); 2) страна, область, территория, край, населенное место. В этих же значениях: в словаре Махмуда Кашгари *эл, элг*; словаре кыпчакских языков «Codex Cumanicus» (1303) *ел, ил < el* [al] 'народ, страна' [Махмутова: 1982, 94]; в приложениях к грамматике Л.М. Лазарева [Лазарев: 1864, 65] *эл, эйел* 'страна'; татарское, башкирское *ил*, ногайское *эл*, кумыкское, *эл. элик*; казахское *ел; елдік* [Курышжанов: 1970, 116].

В словарях И. Гиганова (1801) и Н.П. Остроумова (1876) слово *иль* означает 'селение, населенный пункт'. В татарском литературном языке оно означает 'государство, отечество, родина'. Это слово в значении 'деревня, селение' употреблялось и в татарских письменных памятниках и сохранилось в топонимии: *Муллиле, Казиле, Кариле, Чурилe*. Отсюда следует вывод, что лексема *ил* в значениях 'селение', 'село' существовала в языке волжских болгар и народов Казанского ханства. Значит, данное слово не только диалектное, оно относится и к разряду устаревших слов [Саттаров: 1989, 160].

Данное слово встречается в диалектах и фольклоре в значении 'деревня, село' [ДС : III, 59–60], 'мир, мирно, дружно' в словарях [Будагов: I, 203–204; Радлов: I, 803, 805; ЭСТЯ: I, 339–343], также в трудах ученых [Мухаммедова: 1973, 94; Гумилев: 1964, 100–102; Ахметьянов: 1989, 107].

Слово *ил* (в собственно татарском звучании) известно в языке живших до нашей эры среднеазиатских гуннов. Оно в те времена еще означало 'государство, мирный путь'. Встречающееся в татарских говорах слово *ил* в значении 'мир, благополучие, безопасность' (когда спрашивают о событиях в мире "илме – яумы?" «мир или война?») зафиксировано оно еще в орхонских письменах: *ил такы (тагы) ил болды*. В татарском языке сохранились возникшие еще в древнетюркском языке и относящиеся к политической лексике следующие выражения: *ил-көн* 'население', *ил-куз* 'рабочая сила страны (налогоплательщики)', *ил-су* 'цивилизованное население государства и его армия' и т.д.

При помощи персидского суффикса *-дар* в татарском языке образовано имя собственное *Илдар* букв. 'человек, который имеет свою страну, гражданин страны'.

В "Татарско-русском словаре" к лексеме *ил* дано 6 значений: 1) страна; 2) родина; 3) край; 4) диал. деревня, село; 5) народ, мир, общество; 6) прил. мирской [ТРС: 2002, 109].

Дәүләт (دولت) 'государство' – это политическая организация общества во главе с правительством и его органами, предназначенная для охраны правопорядка и системы, а также страна с такой политической организацией. Например, *мөстәкыйль дәүләт* 'самостоятельное государство', *дәүләт хакимияте аппараты* 'аппарат государственной власти'. *1931 елда Сталин дәүләтебез алга киткән Көнбатыш илләрненнән 80–100 елга калыша, дип бәяли һәм шушы артталыкны 10 ел эчендә үтәргә максат куя* [ВТ: 2005, 21 октябрь]. *Гаять зур Алтын Урда дәүләтендә купсанлы төрки кабиләләр яшәгән* [Татар дөнъясы, 2007, № 11]

Слово **дәүләт** 'государство' также часто встречается в текстах памятника XIII в. "Codex Cumanicus": *divlat* (daʋlat) 'государство'. В словарях Л.З. Будагова и В.В. Радлова это слово бытует с пометой «арабское заимствование» [Будагов: I, 574; Радлов: II–2, 315]. В современных татарском и башкирском языках оно существует в форме **дәүләт**, в азербайджанском **дөвләт**, и в киргизском **мамлекет**, в казахском **мамлекет**, каракалпакском **мамлекет**, чувашском **патшалӑх**, в кумыкском

номенклатуры – **ябгу**, **шад**, **таркан** и пр. [Кляшторный: 1964, 111]. Тюркская военная аристократия предпочитала ее потому, что досталась она ей от своих скифских предков.

Есть несколько языковых фактов, указывающих на то, что у предков царских скифов был доиранский язык, но этот вопрос нуждается в тщательном изучении.

Литература

- Андреев (Урхи) Н.А. Иранско-чувашские этнокультурные и языковые параллели // Труды НИИ при СМ ЧАССР. Вып. 59. Чебоксары, 1975.
- Бутанаев В.Я. Происхождение и расселение хакасских сеоков // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1993.
- Васильева Г.П. Туркмены-нохурли // Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. I. М., 1954.
- Викторин В. К этнической истории карагашей // Поволжский край: Межвузовский научный сборник. Вып. 3. Саратов, 1983.
- Грамматика осетинского языка. Орджоникидзе. 1963
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. Москва. 1951.
- Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
- Ксенофонов Г.В. Ураанхай сахалар. Т. I. Иркутск, 1937.
- Кумеков Б.Е. Об этническом составе кипчаков XI – начала XIII в. по арабским источникам // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. II. М., 1990.
- Майнагашева В.Е. О народности основы героического сказания «Албынжы» // Записки Хакас. НИИЯЛИ, вып IV. Абакан, 1956.
- Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Часть II. М., 1882.
- Миллер В.Ф. Эпиграфические следы иранства на юге России // Журнал министерства народного просвещения, № 10. М., 1886.
- Мульдьяров П.Я. Чувашский язык и происхождение чуваш // ЛИК. 2007. № 2. Чебоксары.
- Мульдьяров П.Я. Скифо-сарматский пласт в топонимике Рязанского края // V Яхонтовские чтения. Рязань, 2008.
- Мульдьяров П.Я. Енисейские племена на Средней Волге // КИЛ. 2010. №1. Чебоксары.
- Мульдьяров П.Я. Очерк болгарской этнонимии // Ономастика Поволжья. Материалы XII Международной конференции. Казань, 2010 а.
- Насилов В.М. Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960.
- Потанов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев // Ленинград, 1969.
- Радлов В.В. Из Сибири. М., 1989.
- Савинов Д.Г. Основные этапы этнической истории алатов // Историческая этнография. Вып. III. Л., 1985.
- Сказания об Ульпах (на чув. яз.). Чебоксары, 1993.
- Урманчиев Ф. Легенды о болгарских богатырях и сказание об Алпамше // Советская тюркология. 1980. № 2.
- Якубовский А.Ю. Вопросы этногенеза туркмен в VIII–X вв. // Советская этнография. 1947. № 3.
- Vasmer M. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. Teil I: Die Iranier in Südrubland. Leipzig, 1923.

Секция 8

ТЮРКСКАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА И ЭТИМОЛОГИЯ (посвящается 140-летию со дня рождения Н.И. Ашмарина)

ПРОБЛЕМА ИНИЦИАЛЬНОГО *J*- В ДРЕВНЕТЮРКСКОМ И ЕГО РЕМИНИСЦЕНЦИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

А.А. Чеченов

Институт языкознания РАН, г. Москва

Перед сравнительно-исторической тюркологией, шире – алтаистикой, и еще шире – туранистикой [Туймебаев, Егоров, Чеченов: 2009] стоит целый ряд нерешенных и даже еще не поставленных по-настоящему, недостаточно выясненных и, более того, окончательно запутанных проблем. Очевидно, что существующая трактовка многих сложных явлений тюркской исторической фонетики требует фундаментальной проверки и поисков новых путей исследования.

Одной из главных заслуг сравнительно-исторического языкознания является его способность вскрывать застарелые предубеждения, никогда не доказанные и как будто не требующие доказательств.

Нет слов, ортодоксальная алтаистика в духе её основателей – Г.Й. Рамстедта, Н.Н. Поппе и их последователей – сделала очень много в области изучения истории тюркских языков и внесла огромный вклад в развитие тюркской компаративистики. Думаю, не будет преувеличением, если сказать, что тюркская компаративистика, или компаративная тюркология – кому как нравится – родилась и выросла в алтаистической рубашке.

Вместе с тем нельзя не отметить и тот непреложный факт, что именно алтаистические предубеждения оставили в наследство современному тюркскому сравнительно-историческому языкознанию массу предвзятых мнений, переходящих ошибок, сомнительной и заведомо ложной информации и т.д., принятых, что называется, на веру в качестве как будто не требующих доказательств истин.

Когда во второй половине XX века тюркская компаративистика поднялась на новую ступень в своем развитии, выяснилось, что многие постулаты, которые были положены в основу ортодоксальной алтайской гипотезы, на проверку оказываются ошибочными. Так под обломками алтайской гипотезы были погребены глубоко внедрившиеся в сознание нескольких поколений алтаистов, тюркологов и монголистов заведомо ложные предубеждения о первичности *r* и *z* в тюркском, об утрате инициального глухого **p*- в тюркских, монгольских и некоторых тунгусо-маньчжурских языках (т.н. закон Пеллио-Рамстедта), о совпадении в пратюркском инициальном плавном сонанте *j*- праалтайских **n*-, **ǰ*-, **d*-, **j*- и т.д.

Однако к концу XX в. ортодоксальная алтаистика постепенно сдала свои позиции и постоянная Международная алтаистическая конференция (ИАС) на своем юбилейном 50-м собрании, состоявшемся 1–6 июля 2007 г. в Казани, была вынуждена констатировать, что «теперь даже появление в 2003 г. на английском языке фундаментального этимологического словаря С.А. Старостина, А.В. Дыбо и О.А. Мудрака (EDAL, 2003) не поколебало мнения об отсутствии алтайского родства. Это, кстати, показывает и редкое присутствие данной тематики на конференциях ИАС и малое упоминание на ней идей школы С.А. Старостина. В мировой компаративистике больше нигде, вероятно, нет столь большого расхождения во мнениях при столь значительном собранном материале» [Алпатов: 2007, 13].

Сегодня на этом высоком собрании алтаистов и тюркологов-компаративистов я не могу не отметить тот огромный вклад, который внесло казахстанское языкознание в мировую тюркологическую и алтаистическую кладовую. Нет никакой возможности хотя бы вкратце перечислить даже те фундаментальные труды казахских и казахстанских коллег, которые составляют лицо современной тюркологии не только в масштабах Республики Казахстан, но и всего Тюркского Мира. Но я не могу обойти молчанием тот величайший прорыв, который был совершен казахстанской компаративистикой уже в начале XXI века. Я имею в виду прежде всего труды, серию трудов, выдающегося компаративиста-тюрколога, алтаиста и, шире, ориенталиста современности – Ж.К. Туймебаева, которые дают новый импульс для дальнейшего развития интегрированного компаративно-контрастивно-контактологического изучения не только тюркских, но и многих других языков и языковых семей Евразии.

Как сторонний наблюдатель, я с полной ответственностью заявляю с этой высокой трибуны, что компаративистические штудии Ж.К. Туймебаева не только подняли на новую, более высокую ступень казахстанское языкознание, но и вырвали тюркскую компаративистику в целом из цепких пут ортодоксальной алтаистики и открыли перед ней новые евразийские перспективы.

Имея счастье быть одним из официальных оппонентов по диссертации Ж.К. Туймебаева «Теоретические принципы и критерии историко-генетического разграничения тюркско-монгольских лексических параллелей», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук, я самым внимательным образом ознакомился со всеми его трудами. Тогда мне запала в душу монография Ж.К. Туймебаева «Проблема анлаутных губных согласных в алтайских языках (ревизия фонетического закона Рамстедта–Пеллио)» [М., 2004], в которой автор на основе скрупулезного анализа огромного корпуса репрезентативного эмпирического материала показал ошибочность предвзятого мнения Г.И. Рамстедта о праалтайском **p*-, якобы утраченном в тюркских, монгольских и некоторых тунгусо-маньчжурских языках. Ж.К. Туймебаев убедительно доказал, что дело обстоит как раз наоборот: в данном случае можно говорить только о появлении придыхания или протетического **h*-, в тюркском, которое в письменном монгольском отражается как **h*-, в периферийных монгольских, а также в ряде тунгусо-маньчжурских языков это придыхание усиливается и через ступень *f*- трансформируется в *p*-. Причем эти протетические звуки проявляются в одних и тех же словах, которые мигрируют с запада на восток: из тюркских в монгольские и из монгольских в тунгусо-маньчжурские. Таким образом, выяснилось, что пресловутый закон Рамстедта–Пеллио следует переставить, образно говоря, с головы на ноги.

Этот блистательный опыт коллеги и друга побудил меня взглянуть на многие застарелые спорные проблемы тюркской исторической фонологии в другом, прямо противоположном традиционному аспекте. Делать это мне было проще хотя бы потому, что я никогда не был одержим алтаистическими идеями. Кстати, необходимость пересмотра многих кардинальных, я бы сказал даже концептуальных, проблем тюркологии назрела давно, но актуальность ревизии многих застарелых проблем наиболее рельефно выразилась в ходе подготовки и издания многотомной «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» [СИГТЯ: 1984–2006].

Одной из таких остродискуссионных проблем сравнительно-исторической фонологии тюркских языков, кстати, имеющей выход на общеалтайский уровень, мне представляется проблема природы

Мудрак О.А. Классификация тюркских языков и диалектов с помощью методов глоттохронологии на основе вопросов по морфологии и исторической фонетике. М.: РГГУ, 2009. 187 с.

Мудрак О.А. Обособленный язык и проблема реконструкции праязыка: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1984.

Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков / Пер. с нем. А.А. Юлдашева. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1955. 220 с.

Серебрянников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М.: Наука, 1974. 352 с.

Серебрянников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку: Маариф, 1979. 304 с.

Серебрянников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков / Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1986. 302 с.

СИГТЯ, 1984–2006. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. М.: Наука, 1984. Фонетика. 484 с.; 1986: Синтаксис. 284 с.; 1988: Морфология. 560 с.; 1997: Лексика. 800 с.; 2002: Региональные реконструкции. 767 с.; 2006: Пратюркский язык- основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. 908 с.

Тенишев Э.Р. Соответствие *j ~ ǰ ~ ǰ* // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: фонетика. М.: Наука, 1984. С. 256–279.

Тенишев Э.Р. Соответствие *j ~ j ~ n ~ ñ* // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Фонетика. М.: Наука, 1984. С. 299–306.

Туймебаев Ж.К. Казахско-монгольские лексические параллели: Материалы к этимологическому словарю казахского языка. М.: Русский раритет, 2005. – 560 с.

Туймебаев Ж.К. Проблема анлаутных губных согласных в алтайских языках (ревизия фонетического закона Рамстедта–Пеллио). М., 2004. 182 с.

Туймебаев Ж.К. Теоретические принципы и критерии историко-генетического разграничения тюркско-монгольских лексических параллелей. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Астана, 2008. 56 с.

Туймебаев Ж.К., Егоров Н.И., Чеченов А.А. Актуальные проблемы исследования языков Центральной Азии: Туранский языковой союз. Астана; Кокшетау: Изд. КГУ, 2009. 108 с.

Чеченов А.А. Историческая фонетика карачаево-балкарского языка. М.: Ин-т яз-знания РАН, 1996. 391 с.

Чеченов А.А. Историческая фонетика карачаево-балкарского языка. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1997. 68 с.

Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1970. 204 с.

EDAL, 2003. – Etymological Dictionary of the Altaic languages / S. Starostin, A. Dybo, O. Mudrak. Leiden; Boston: BriU, 2003. Part one [A–K]. 858 p.; Part two [L–Z]. 859–1556 p.; Part three [Indices]. 1557–2096 p.

Radloff W.W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen // Записки АН. VIII серия, № 7. SPb., 1908. 86 S.

Radloff W.W. Phonetik der nördlichen Türksprachen. Leipzig, 1883.

Radloff W.W. Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen: Phonetik. Leipzig, 1882.

Ramstedt G.J. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft / Bearb. und herausg. – von. P.Aalto. Helsinki, 1957. Bd.1: Laullehre. 192 s. (MSFOu. 57:3).

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОВ «ИЛ» И «ДӘУЛӘТ»

Г.У. Алеева

Казанский государственный технический университет им. А.Н. Туполева, г. Казань

Каждый язык имеет свою историю и особенности развития. В истории взаимоотношений любого народа с другими есть свои этапы. Так и общественно-политическая лексика татарского языка находится в процессе изменения и в своем развитии прошла несколько этапов. Этот путь, как известно, называется историческим.

Путем сравнительного исследования историко-генетических пластов общественно-политической лексики татарского языка нами сделана попытка проследить исконность и заимствованный характер названий. Однако полученные из этимологических и других словарей сведения не всегда являются исчерпывающими, порой они даже противоречивы.

Ил имеет значения: 1) местность, территория, выделяемая по географическому положению и природным условиям; 2) государство, страна, имеющая определенное управление. *Илдә урнаштырылган бүгенге “суверен демократия” шартларында нәтиҗәләр башкача була да алмый* (МЖ, 2007, 7 декабря). *Рәсми даирәләр күпмилләтле һәм күпконфессияле илдә җәмәгатьчелекне толерантлыкка да чакыра* (МЖ, 2008, 6 июня).

В современном татарском языке слово **ил** используется в таком же значении, этот же вариант слова присутствует и в башкирском языке, а в казахском и каракалпакском языках слово **ил** имеет форму *ел*, *ногайском эл*, *узбекском эл*, *уйгурском эл*.

По нашим материалам, слово **ил** встречается из изученных нами 18 тюркских языков в 7 языках, имея одинаковую основу с небольшими фонетическими изменениями.

Общетюркское слово *эл, ил* 'страна, народ; мир' встречается в текстах орхоно-енисейских памятников: *Бәнгү ил тута олур тачы сән*. 'Ты вечно можешь править страной' (Большая надпись, 2004, 18).

языке (в отличие от других канглыско-кыпчакских языков развивавшимся намного западнее сферы влияния джунгар) и, наконец, в башкирском, имеющем генетические и контактные связи с кимакско-кыпчакским, канглыско-кыпчакским и, на поздних этапах формирования, с казанско-татарским языками. Полное отсутствие следов жоканья в башкирском языке, имеющем много общего с казахским, очевидно, объясняется весьма слабым влиянием джунгарского компонента.

Аффрикатизация среднеязычного плавного соната *j*- в отдельных кыпчакских языках происходила относительно поздно под влиянием различных местных субстратных и адстратно-суперстратных этноязыковых компонентов в ходе окончательного формирования облика современных языков.

Так, например, развитие джоканья в казанско-татарском языке (при его отсутствии в западном и восточном диалектах) хорошо объясняется воздействием болгаро-чувашского субстрата (с середины XV в.); в карачаево-балкарском языке, относящемся в основном к йокающей куманской подгруппе кыпчакских языков, джоканье (басхан. *ǰ*, холамо-безенг. *ǰ* / *z*-, малк. *z*-, чегем. *ǰ*-) развилось под влиянием аланского (осетинско) субстрата [Абаев: 1949, 274; Акбаев: 1963, 68–88; 1971, 98–101; Чеченов: 1996, 298–306].

В казахском и каракалпакском языках, относящихся к канглыско-кыпчакским языкам, а также примыкающем к ним киргизском языке жоканье и джоканье появились несомненно в результате монгольских включений адстратно-суперстратного характера главным образом джужгарской эпохи; более ранние монгольские интерференции XIII–XIV вв. фонетической структуры языков Дешт-и Кыпчака не заделали [Туймебаев: 2005; 2008].

Следы джоканья в отдельных диалектах и говорах карлукских (узбекского и уйгурского) и огузских языков хорошо объясняются как отражение вошедшего в состав формирующихся узбекского, новоуйгурского, туркменского и др. этноязыковых континуумов канглыско-кыпчакского (преимущественно казахского и каракалпакского) компонента.

И, наконец, в связи с происхождением канглыско-кыпчакского жоканья следует сказать несколько слов о природе инициального *ǰ* и его коррелятов в монгольских языках. В отличие от тюркских языков, среднемонгольский и его исторический предок имели специфическую фонологическую систему с противопоставлением звонких и глухих согласных в анлауте. Поэтому в ранних тюркских (огурских) лексических заимствованиях инициальный глухой **ǰ*- на монгольской почве обычно подвергался озвончению и отражался как *ǰ*, *d*- или, реже, даже как *ǰ*-.

Причины такого достаточно широкого разброса рефлексов пратюркского (огурского) **ǰ*- в монгольском требуют специального изучения [см. Туймебаев: 2005], но уже сейчас можно сказать, что колебание *ǰ* ~ *d*- в анлауте монгольских слов огузского происхождения скорее всего отражает междиалектное варьирование как в источнике заимствований, так и в самом среднемонгольском языке.

Таким образом выясняется, что в определенной степени были правы и сторонники гипотезы первичности глухого межзубного спиранта **θ*-относительно пратюркского (до V в. н.э.) состояния, и сторонники гипотезы первичности палатального плавного сонанта **j*- относительно древнетюркского предка южной (огузо-карлуко-кыпчакской) группы современных тюркских языков.

Исследование проблемы происхождения инициального *j*- в древнетюркском и его закономерных реминисценций в современных тюркских языках и диалектах ещё раз продемонстрировало актуальность принципа полноты охвата репрезентативного эмпирического материала (включая и данные исторически контактировавших иносистемных языков и типологические параллели) и учета внешних воздействий контактного – субстратно-адстратно-суперстратного характера.

Литература

Абдуллаев Ф.А. Фонетика хорезмских говоров: Опыт монографического описания огузского и кыпчакского наречий узбекского языка. Ташкент: Фан: 1967.

Акбаев Ш.Х. Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка: (Опыт сравнительного и сравнительно-исторического изучения). Черкесск: Карач.-Черк. кн. изд-во, 1963. 166 с.

Алпатов В.М. О современном состоянии алтайской гипотезы //Казань и алтайская цивилизация: 50-я ежегодная международная научная алтаистическая конференция (г. Казань, 1–6 июля 2007 г.): Труды и материалы. Казань: Идель-Пресс, 2007. С. 13–14.

Богородицкий В.А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань: Татариздат, 1953. 220 с.

Гаджиева Н.З. Проблемы тюркской ареальной лингвистики. М.: Наука, 1975. 302 с.

Гаджиева Н.З. О трех этапах изменений анлаутных согласных в истории тюркских языков // Тюркологический сборник – 1974. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1978. С. 65–71.

Егоров Н.И. Три ареала формирования древнетюркских языков: проблемы взаимоотношения прабулгарского (огурского), южного (турфанского) и северного (саяно-алтайского) этноязыковых континуумов. (Измил. В печати. 2010).

Мудрак О.А. Исторические соответствия чувашских и тюркских гласных: Опыт реконструкции и интерпретации. М., 1993. 183 с.

инициального палатального сонанта *j*- в древнетюркском и его регулярных рефлексов в современных тюркских языках. Тюркологи и алтаисты достаточно потратили пороха на полемику в ходе выяснения причин появления плавного палатального сонанта *j*- в абсолютном начале слова в древнетюркском языке: одни исследователи возводили тюркский инициальный *j*- к праалтайскому состоянию, другие реконструировали для праалтайского состояния архетипы **ǰ*-, **d*-, **ǰ* и т.д., третьи констатировали, что в абсолютном начале слова в пратюркском звонкие согласные были вообще запрещены. Проблема древнетюркского инициального *j*- меня волнует с давних пор. Обстоятельно этот вопрос был рассмотрен в моей докторской диссертации «Историческая фонетика карачаево-балкарского языка» [Чеченов: 1997; см. также: Чеченов: 1996, 284–307], поэтому в данном случае ограничусь тезисным изложением основных полярных точек зрения на данную проблему.

В современных тюркских языках наблюдается межъязыковое чередование анлаутных *j*- ~ *ǰ* ~ *ǰ* ~ *z*- ~ *ǰ* ~ *d*~ ~ *ǰ* ~ *ǰ* ~ *ǰ* ~ *ǰ* ~ *ǰ* ~ *ǰ*... Число звеньев межъязыковых рефлексов ауслатного древнетюркского *j*- у разных исследователей колеблется, но это не суть важно. Проблема заключается в том, какой из этого ряда соответствий звук считать первичным для прототюркского состояния или, иными словами, рефлексом какого пратюркского архетипа является весь этот ряд межтюркских соответствий.

Вся сложность сравнительно-исторической интерпретации интересующего нас инициального звука заключается в том, что на тюркской почве в нем усматривается конвергенция по меньшей мере пяти «праалтайских» согласных **j*-, **n*-, **ǰ*-, **d*-, **ǰ*-, причем в различных тюркских языках он может реализоваться в виде целого ряда коррелятов: зубно-альвеолярных – а) дорсальных *t*-, *d*-, *c*-, *ǰ*-, *s*-, *z*-, *ǰ*-, *n*-; б) апикальных *č*-, *ǰ*-, *θ*-, *t*-, *l*-; небо-альвеолярных – в) какуминальных *č*-, *ǰ*-, *r*-; г) палатальных *t*'-, *d*'-, *c*'-, *č*-, *ǰ*'-, *ǰ*'-, *z*'-, *ǰ*'-, и д) среднеязычных *j*-, *j*-, *η*-. Поэтому алтаисты-компаративисты не в состоянии однозначно установить, в каких случаях в тюркских языках реминисценции инициального древнетюркского **j*- восходят соответственно к алтайским **j*-, **ǰ*-, **d*-, **n*-, **n*'- и т.п.

В тюркской компаративистике со времен В.В. Радлова муссируется никогда не доказанное мнение о первичности в этом ряду планового сонанта *j*- (Radloff, 1908, 16; Богородицкий, 1953, 106; Ramstedt, 1957, 65–66; Ряснен: 1955, 261–271; Серебренников, 19 4, 30–31; Щербак, 1970, 79–80; Серебренников, Гаджиева, 1979, 53–57; 1986, 51–55 и т.д.). Работа А.М. Щербака (1970) содержит значительный фактический материал и критический анализ почти всех гипотез, выдвинутых в тюркской компаративистике, обобщает её теоретические достижения и опирается на современные методы и приемы. Наиболее полный и аргументированный критический обзор всех существующих в настоящее время основных точек зрения на рассматриваемую проблему и обоснование первичности *j*- в пратюркском на широком репрезентативном эмпирическом материале тюркских и других языков находим в сводной работе Э.Р. Тенишева (СИГТЯ, 1984, 256–279; см. также Чеченов, 1996, 284–306).

В настоящее время вполне очевидно, что реконструируемый для пратюркского состояния архетипический **j*- имеет явно вторичный характер и, вероятнее всего, восходит к нескольким прототипам. С наибольшей вероятностью для пратюркского состояния реконструируются, по крайней мере, 3 разных архетипа: ср.:

1) пратюрк. **ǰ*- (по О.А. Мудраку), **ǰ*- (по Ш.Х. Акбаеву и Ф.А. Абдуллаеву) или **θ* (по А.М. Щербаку) > др.-тюрк. **j*-;

2) пратюрк. **n*-, **n*'- (по Г.И. Рамстедту, М. Ряснену, Н.Н. Поппе и др. алтаистам) > др.-тюрк. **j*-;

3) пратюрк. **d*- или **δ*- (по Й. Маркварту и К.Г. Менгесу) > др.-тюрк. **j*- и т.п.

Не предлагая в принципе ничего нового, по данному вопросу я примыкаю к точке зрения своего соплеменника и «экстраординарного» учителя Ш.Х. Акбаева, который одним из первых в тюркской компаративистике предложил оригинальное разрешение застарелой проблемы появления в абсолютном начале тюркского слова нетривиального звонкого сонанта *j*-. Внимательно изучив соответствия начальных согласных в связи с рефлексам традиционного реконструируемого для пратюркского состояния инициального *j*- в малкарском диалекте карачаево-балкарского языка в виде переднеязычного щелевого звонкого *z*-, он пришел к заключению, что число начальных глухих «для более отдаленного времени» можно пополнить еще одним звуком – глухим *č*-, который дал в конечном счете современные начальные соответствия *j*-, *ǰ*-, *ǰ*- и т.д., и, таким образом, самым древним из рассмотренных согласных, скорее всего следует признать **ǰ*- [Акбаев: 1963, 88].

Аналогичную мысль высказал несколько позднее Ф.А. Абдуллаев. Анализируя фонетические особенности хорезмийских говоров узбекского языка, он пришел к выводу, что «в древнейший период развития тюркских языков для большей группы слов в начальной позиции была характерна глухая аффриката *č* (чёканье)» (Абдуллаев, 1967, 201). Данное заключение основано на

предположении, что тувинский, тофаларский, шорский, хакасский языки и примыкающие к ним северные диалекты алтайского языка являются «самыми древними, сохранившими до наших дней наряду с другими особенностями основные фонетические признаки, характерные для тюркских языков ещё задолго до появления письменности» [Абдуллаев: 1967, 201].

А.М. Щербак подвел логическую черту под это направление в тюркской компаративистике. Его позиция основана на системном подходе к тюркскому консонантизму в целом: «Система согласных фонем и их распределение в большинстве современных тюркских языков таковы, что они исключают возможность исконного употребления *j* в начале слова. В начальной позиции *j* восходит к **θ*, глухому межзубному, спиранту, который в наибольшей мере свое первоначальное качество сохранил в чувашском (*ç*) и якутском (*с*) языках, т.е. в языках, обнаруживающих, по общему мнению, некоторое количество очень древних черт» [Щербак: 1970, 79–80]. Звук *j*- в анлаутной позиции, по мнению А.М. Щербака, самое отдаленное от праформы отражение, и естественно, что последовательно он представлен главным образом в огузских языках, которые обычно рассматриваются как «относительно новые тюркские языки» и в которых сильные согласные в анлауте подверглись ослаблению раньше, чем в других языках, и в наибольших размерах» [Щербак: 1970, 80].

Близкую точку зрения на природу древнетюркского **j*- имеет О.А. Мудрак: «В анлаутной позиции традиционный тюркский **j*- (но у А.М. Щербака **θ*-) соответствует пратюркскому **ç*-. На то, что первоначально все же был шумный согласный, указывает, во-первых, «запрещение» сонантного начала в абсолютном большинстве тюркских основ, во-вторых, рефлекс старейшей аффрикаты в большинстве тюркских языков. Ср. чув. *ś* (< пратюрк. **ç*'-, **c*-), тув., тоф. *č*- (< пратюрк. **ç*-), тоф. *-ž* (< пратюрк. **ç*-), хак. *č*- (< пратюрк. **ç*'-, **c*'-), *-z/-ž* (< пратюрк. **-č*-), алт. *č*, кыпч. *č*, уйг. *č*- перед *i*, *u*, *y/ j*-. Только в некоторых кыпчакских языках и в языках центральноазиатских памятников произошел переход пратюрк. **ç*- в *j*-, что типологически целесообразней интерпретировать как ареальную инновацию, тем более в наиболее удаленных ветвях – чувашской, якутской, тувинской, хакасской – представлен аффрикатный рефлекс» [Мудрак: 1993; 1994, 209].

Все существующие точки зрения время от времени остро дискутируются (см. Серебrenников: 1964, 30–31; Гаджиева: 1975, 261–271; Тенишев: 1984, 256–274, 299–303; Чеченов: 1996, 284–306 и др.). На наш взгляд, решение этой затянувшейся дискуссионной проблемы следует искать не только и не столько на фонетическом и фонологическом уровнях, оно, вероятней всего, лежит на хронологической плоскости. При внимательном анализе аргументаций каждой из существующих точек зрения бросается в глаза практически полное отсутствие точно установленных хронологических ориентиров или хотя бы относительных, не говоря уже об абсолютных датах. Отсутствие какой-либо общепринятой хронологической привязки каждого из звеньев диахронического ряда реконструкций приводит к недопониманию между исследователями и вызывает бесполезную полемику там, где для этого практически нет фактологической базы. Именно поэтому в тюркской компаративистике почти каждый вопрос перерастает в «проблему курицы и яйца».

В настоящее время завершаю монографическое исследование, посвященное проблеме «йоканья» и «жоканья» в тюркских языках. Детальный анализ репрезентативного эмпирического материала по всем тюркским языкам и диалектам, включая и письменно зафиксированные вымершие, вынудил меня к пересмотру ряда устоявшихся в сравнительно-исторической тюркологии концептуальных положений. Далее приведу в тезисном изложении основные выводы названного исследования.

Под давлением фактов я был вынужден пристать к когорте исследователей, отстаивающих приоритет исключительно глухого анлаута в пратюркском, ибо эта точка зрения аргументирована более других и как нельзя лучше соответствует показаниям большинства известных тюркских языков и диалектов. Вся доступная обзору история тюркских языков показывает заложенную ещё в древнетюркскую эпоху (в середине I тыс. н.э.) общую тенденцию к озвончению анлаутных согласных.

Процесс озвончения инициальных согласных в первую очередь коснулся двух согласных – глухого межзубного спиранта **θ*- и глухого билабиального смычного **p*- и в первое время проявлял себя в условиях внешнего сандхи, т.е. в интервокальной позиции между двумя словами. В наиболее ранних из известных письменных памятников тюркских языков мы уже застаем в инициальной позиции среднеязычный плавный сонант *j*- и звонкий билабиальный смычный *b*-.

В этой связи уместно вспомнить, что ещё В.А. Богородицкий отмечал определенную связь в историческом развитии анлаутных *j*- и *b*- в тюркских языках. Он полагал, что в восточных тюркских языках анлаутный *č* является приглушением *č* из *j*- и «представляет собой явление, родственное с приглушением фонемы *b*-, захватывающим подряд сибирские диалекты. <...> Но нужно при этом допустить, что приглушение *b*- происходило в Сибири позже процесса *j*-> *č*...» [Богородицкий: 1953, 106].

Новейшие исследования в области истории консонантизма тюркских языков свидетельствуют, что развитие тюркского анлаута шло в прямо противоположном предложенному В.А. Богородицким направлению, но тем не менее поражает прозорливость великого тюрколога, усмотревшего параллельное развитие двух анлаутных согласных *b*- и *j*-. Однако напоминаю, что для пратюркского анлаута следует реконструировать глухие **p*- и **ç*- соответственно.

Итак, суть внесенной в заголовок данной публикации проблемы заключается в том, 1) когда, 2) где и 3) почему началось озвончение инициальных **b*- и **ç*- в истории тюркских языков?

1. Верхняя хронологическая граница озвончения тюркского анлаута датируется показанием наиболее ранних рунических памятников древнетюркским временем. Определить нижнюю границу куда сложнее. Мы можем однозначно констатировать, что в эпоху филиации предков чувашского и якутского языков в пратюркском ещё был глухой анлаут. По самым последним данным, полученным О.А. Мудраком с помощью метода глоттохронологического анализа, «отделение якутского от тувинской ветви (около 680 г.) совпадает со становлением Второго тюркского каганата, которому после походов подчиняется территория Саян. Распад сибирских тюркских языков происходит около 420 г.» [Мудрак: 2009, 178].

Не вдаваясь в проблему достоверности полученных методом глоттохронологии абсолютных данных, можно констатировать, что процесс озвончения тюркского анлаута развивался в период с середины V по середину VII в. н.э., т.е. в эпоху Первого тюркского каганата.

2. Теперь попытаюсь ответить на вопрос «где»? В тюркологии хорошо известно деление тюркских языков по географическому признаку на восточные («огузские», или т.н. стандартные) и западные («огурские» или протобулгарские). Это деление, так сказать, по вертикали. Но с таким же успехом можно внести в научный оборот и географическое подразделение тюркских языков по горизонтали – на северные и южные, объединяя в северную группу «чокающие» (сибирские, северо-западные), а в южную – все остальные, т.е. «йокающие» языки. Граница между северной и южной группами в древнетюркское время проходила примерно через южные отроги Алтая, где и формировался в результате смешения переселенных из Восточного Туркестана тюркютов рода Ашина с местными телескими племенами тот древнетюркский язык, который известен нам по ранним руническим памятниками VII–VIII вв.

3. Прежде чем ответить на вопрос «почему?» я должен особо оговориться, что, вопреки устоявшемуся в тюркологии ходячему заблуждению, тюркюты рода Ашина не были собственно тюрками, а были, как это недавно установлено и оглашено Н.И. Егоровым, согдийцами и говорили на согдийском языке восточно-иранской группы [Егоров: 2010]. Следовательно, озвончение пратюркских инлаутных глухих согласных происходило не спонтанно, а под влиянием согдийского языка.

Отсюда напрашивается первый вывод, что пратюркские реконструкции следует проводить, опираясь не на «огузские» (огузско-карлукско-кыпчакские) формы, как это практикуется до сих пор, а на устанавливаемые для «северной» (сибирской) группы праформы, при восстановлении которых следует учитывать и показания чувашского языка (разумеется, за исключением болгаро-чувашского ротацизма). Отсюда напрашивается второй вывод, что праязыковое состояние тюркской фонологической системы относительно адекватно представляется «северными» языками – урянхайскими (тувинским, тофаларским, якутским и долганским), хонгорайскими (хакасским, шорским, чулымским, сарыг-югурским), теленгитскими (телеутским, алтайским, лебединским, кумандинским, чалканским, туба и древнекыргызским) и, с известными оговорками, чувашским. Современный киргизский язык репрезентирует в основном канглийско-кыпчакские черты. Должен оговориться, что использованные здесь классификационные термины «урянхайский», «хонгорайский», «теленгитский» в принципе не моё изобретение, они введены в научный оборот Ж.К. Туймебаевым и Н.И. Егоровым.

В домонгольское время вся «южная» группа, охватывающая огузские, карлукские и кыпчакские языки, говорила на йокающих диалектах среднетюркского языка. Во всяком случае, в языках средневековых письменных памятников представлены исключительно йокающие формы, джеканы встречается только в анлауте иноязычных (преимущественно персидских и арабских) лексических интерференций. Восходящее к древнетюркскому (эпохи Второго тюркского каганата) состоянию йоканье сохранилось в огузской (туркменском, турецком, азербайджанском, гагаузском, афшарском, санкорском, урумском, боджнурди, саларском) и карлукской (уйгурском, узбекском) группах, а в ряде языков кыпчакской группы произошли относительно поздние фонетические передвижки, обусловленные иноязычными факторами субстратно-адстратно-суперстратного характера. Однако пракыпчакское йоканье сохранилось в куманской и кимацкой (под кимацкой подгруппой кыпчакской языков я объединяю языки сибирских татар, совершенно необоснованно квалифицируемых как «говоры восточного диалекта татарского языка») подгруппах, мишарском (западном) диалекте татарского языка (кстати, имеющем куманско-кыпчакские истоки), ногайском